

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как минимум о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отправляйте автоматические запросы.
Не отправляйте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

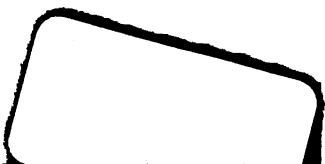
About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

3 3433 05929347 6

Ullman

1947.

* 21

БИБЛИОТЕКА
ДЛЯ ЧТЕНІЯ.

LXVII.

БИБЛИОТЕКА ДЛЯ ЧТЕНІЯ,

ЖУРНАЛЪ

СЛОВЕСНОСТИ, НАУКЪ, ХУДОЖЕСТВЪ, ПРОМЫШЛЕ-
НОСТИ, НОВОСТЕЙ И МОДЪ.

---

*Ἐμοὶ δὲ τί ἀλοχρῆν, τοδὲ ἑτέροις μὴ δένανθαι περὶ
ἑμὸν τὰ δίκαια μῆτι γινώσκει μῆτι ποιῆσαι; Ὅρι
δ' ἔγωγε καὶ τὴν δόξαν τῶν προγεγονότων ἀνδρῶν
ἐν τοδὲ ἐπιγυρομένοισι οὐχ ἄνωγαν καταλιπομένην τῶν
τε ἀδικουμένων καὶ τῶν ἀδικηθέντων.*

Secret. apud Xenophont. IV, 8, 9.

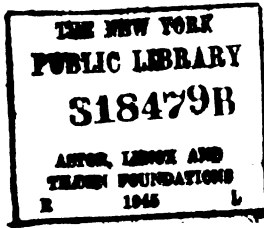
ТОМЪ ШЕСТЬДЕСЯТЬ-СЕДЬМЫЙ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ К. ЖЕРНАКОВА.

=
1844.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы во отчетаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ упомянутое
число экземпляровъ. Санктпетербургъ, 1844 года, октября 31 дня.

Ценсоръ А. Никитенко.
Ценсоръ И. Ивановскій.

БИБЛИОТЕКА ДЛЯ ЧТЕНІЯ.

I.

РУССКАЯ СЛОВЕСНОСТЬ. = ИМПРОВИЗАТОРЪ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА.

АЛЬБЕРТЪ, герцога баварскій и тироль- скій курьерствъ Римской Имперіи.	БАРОНЪ ШПИРИЦРУНГЪ.
ГЕРМАНИЙ, импровизаторъ.	БАРОНЪ БЕРЕРЕ.
МАРГЕРИТА, жена его.	БАРОНЪ ДЕРЕРЕ.
МАТІЛЬДА, дочь ихъ.	ПИЛЬПАДОРЪ, шутъ барона Рудольфа Огау.
БАРОНЪ РУДОЛЬФЪ ОГАУ.	КАСТЕЛЯНЪ РУДОЛЬФА.
КУНИГУНДА, племянница Альберта и невеста Рудольфа.	БАРОНЪ ФРИДЕРИКЪ ЭМЕРСЬ. ФРПЦЪ, егеръ барона Шпирицрунга.

Бароны, егеря, крестьяне, музыканты, гости.

АКТЪ ПЕРВЫЙ.

*Внутренность сельскаго дому, опрятно убраннаго; въ ок-
нахъ цвѣтныя стекла; цвѣты, мебель рѣзная и прочая.*

ВЫХОДЪ ПЕРВЫЙ.

МАТІЛЬДА у окна, МАРГЕРИТА у другаго.

19

МАРГЕРИТА.

Нечего смотреть! Горный вѣтеръ умѣетъ проры-
ваться и въ эти дубовыя рѣзные рамы; дождемъ буд-

то съзвѣю Божій міръ накрыло; да, благо, теперь крыша здоровая; спасибо барону: лучшая солома на домъ вашъ положена, лучшіе мастера изъ Инспрука крыли; а то, бывало, въ своей комнатѣ утонуть боишься. И куда ни глянь, все перемѣнилось; бывало, дымъ отъ лучины глаза выѣдалъ, а теперь чистый жиръ горитъ подъ свѣтильной; въ пеньковой рубашкѣ стыдно было съ горы сойти, а теперь дорогій лень на плечахъ; серебряную монету будто стариннаго знакома встрѣчали съ крикомъ радости, а провожали дорогаго гостя со слезами, надолго, надолго.... Теперь золото въ ларцѣ не переводится; душа вползла въ тѣло; чувствуешь, что живешь.... Эхъ, Матильда! Ты счастлива! Не будь ты мнѣ дочерью, я позавидовала бы тебѣ..... Правда, мой Германнъ былъ по-лучше твоего барона: когда въ село прійдетъ, дѣвушки всѣ у оконъ сидятъ; когда пѣсню запоетъ, города плачутъ; стихи такіе изъ устъ вырываются, что по всей имперской землѣ ни у одного минезингера не слыхивали.... Такъ и жжетъ словами. Отъ этого полымя и у меня занялось сердце.... Отецъ и мать не хотѣли меня выдавать за пѣвца бездомнаго.... Чтѣ у него, говорили: бандура, да шалашъ на горѣ.... Не послушалась я ни отца, ни матери, ушла изъ дому; патеръ чужаго прихода обвинчалъ насъ—и сладость любви была слишкомъ сладка только одинъ мѣсяцъ; нищета отравила все; изгорькло мое счастье.... Еще вдвоемъ легче бремя нести: а то прійдетъ весна; Германнъ за бандуру и пошелъ на заработки; поздно осенью воротится; только на хлѣбъ хватить, а ужъ объ лакомствѣ какомъ мнѣ и во снѣ не снилось... Гдѣ-то онъ теперь, горемычный! Видно, мы ему опротивѣли.... Третій годъ исходитъ, какъ онъ ушелъ....

МАТИЛЬДА.

Матушка! Онъ скоро воротится, онъ порадуется моему счастью.... Объ чемъ ты задумалась?

МАРГЕРИТА.

Ничего, дитя мое! Такъ! Про людскую душу задумалась! Вотъ ужъ второй годъ пошелъ, какъ молодой баронъ сюда прѣхалъ; вотъ уже сколько мѣсяцевъ прошло.... Ничего, мой ангелъ, ничего! У матери свои начальники.... Не бойся..... Я такъ, сонъ вспомнила.... Дай только Богъ, чтобы свадьба раньше Германна пришла....

МАТИЛЬДА.

Какая свадьба?

МАРГЕРИТА.

Овечка ты нагорная! Любовь—иной разъ грѣхъ; что тамъ?.... голоса?....

МАТИЛЬДА, бѣжнть къ окну.

Это вѣрно—Рудольфъ, мой милый Рудольфъ; я знала, что онъ будетъ сегодня; мнѣ говорило сердце, сны, предчувствія.... Боже мой! Чужие! Стучатся! Матушка, не пускай ихъ; я такъ боюсь чужихъ людей...

МАРГЕРИТА.

Какой вздоръ! Ты ступай въ свою горенку, спрячься; а въ такое несчастъе не впустить прохожихъ обсохнуть и обогрѣться.... какъ это можно! Громъ за это прійдетъ на гору нашу, грѣхъ....

(Уходитъ.)

ВЫХОДЪ ВТОРОЙ.

МАТИЛЬДА, одна.

И въ самомъ дѣлѣ? За что я не люблю никого, кромѣ Рудольфа? Неужели на всемъ свѣтѣ только онъ одинъ такъ прекрасенъ, такъ добръ? Вѣдь отецъ мой, Германнъ, тоже добръ... Можетъ-быть, пришли также добрые люди..... А всё-таки я ихъ боюсь. Отчего бы это?.... А?... Идутъ!....

(Уходитъ.)

ВЫХОДЪ ТРЕТІЙ.

БАРОНЪ ШПИРЦПРУНГЪ И МАТИЛЬДА, вслѣдъ за ними БАРОНЪ БЕРЕРЕ, БАРОНЪ ДЕРЕРЕ, ФРИЦЪ И ДЖЕРЯ.

ШПИРЦПРУНГЪ.

Что ты это, лѣнивая кошка, заставляешь благородныхъ бароновъ мокнуть на дождь и стучать чуть не лбомъ въ твои дурацкія ворота! Выдра этакая! Тѣло измокло, желудокъ высохъ; съ-голоду я хотѣлъ уже съѣсть сырую куропатку съ перьями! Ну, поворачивайся! Что у тебя въ печкѣ? Есть какая-нибудь дрянь? Подавай на столъ.... Гей! Фрицъ, вина!

ФРИЦЪ.

Какого прикажете?

ШПИРЦПРУНГЪ.

Всякаго. Корчемнаго.....

ФРИЦЪ.

Корчемнаго нѣтъ!

ШПИРЦПРУНГЪ.

Ну, такъ аптекарскаго.....

ФРИЦЪ.

И аптекарскаго нѣтъ.....

ШПИРЦПРУНГЪ, въ ужасѣ.

Нѣтъ?

ФРИЦЪ.

Ни капли.

ШПИРЦПРУНГЪ.

Нѣтъ!

ФРИЦЪ.

Ни пол-капли.

ШПИРЦПРУНГЪ.

Гдѣ же оно?....

ФРИЦЪ.

Господинъ баронъ изволилъ выкушать....

ШПИРЦПРУНГЪ.

Какой баронъ?

ФРИЦЪ.

Баронъ Шпирцпрунгъ....

ШПИРЦПРУНГЪ.

Я?....

ФРИЦЪ.

Вы.

ШПИРЦПРУНГЪ.

Два ведра?....

ФРИЦЪ.

Аптекарскаго винограднаго вина, да еще бутылъ
хлѣбнаго....

ШПИРЦПРУНГЪ.

Помилуй! Да эта масса больше меня ростомъ....

ФРИЦЪ.

Видно у васъ, господинъ баронъ, такая укладистая
натура....

ШПИРЦПРУНГЪ.

И ты еще смѣешь шутить, оседей, наканунѣ моей
смерти! Я умру, я непременно умру; я погибну ужас-
ною смертью, отъ жажды!!.... О проклятая охота!
Проклять и тотъ, кто ее выдумалъ..... Въ два дни
убилъ что-то въ родѣ мухи, которой мало двухлѣтне-
му ребенку на закуску; усталъ какъ лошадь, измокъ
какъ мышь—и умру какъ песъ въ пустынь.... Въ та-
кой глуши, я думаю, кромѣ воды, ничего нѣтъ, а
вода, доказано, есть медленный ядъ; она съѣдаетъ да-
же камни.... Фрицъ! И ты смѣешь смотрѣть на меня
такъ покойно? Какъ-будто не ты выпилъ бѣдную
часть моего бѣднаго запаса?

МАРГЕРИТА.

Не извольте беспокоиться, господинъ баронъ!

ШПИРЦПРУНГЪ.

Не безпокоитесь, когда нѣтъ ни капли вина....

МАРГЕРИТА.

Есть.....

ШПИРЦПРУНГЪ.

Гдѣ?

МАРГЕРИТА.

У меня.... только не много....

ШПИРЦПРУНГЪ.

Тсъ! тсъ! Боже сохрани, услышать.... (*Шопотомъ.*)
Сколько? Какое?.....

МАРГЕРИТА.

Какое, не знаю, взято въ лучшей инспрукской аптекъ; а сколько, этого я тоже не знаю; привезли боченокъ, да уже цѣдили.....

ШПИРЦПРУНГЪ.

Сколько разъ?....

МАРГЕРИТА.

Раза три, по большой кружкѣ....

ШПИРЦПРУНГЪ.

Маловато..... Только съѣдай дружбу.... Ахъ, какая ты красавица, я и не замѣтилъ!.... Право, прехорошенькая.... а ручки, ручки, ухъ какія ручки! Ты, душа моя, сама стряпаешь?....

МАРГЕРИТА.

Сама.....

ШПИРЦПРУНГЪ.

Вотъ должно быть вкусное кушанье! Не томи, красавица! Позволь убѣдиться въ пріятной догадкѣ. А гдѣ у тебя кухня?

МАРГЕРИТА.

Тутъ, подь-бокомъ....

ШПИРЦПРУНГЪ.

А боченокъ?

МАРГЕРИТА.

Подъ ногами....

ШПИРЦПРУНГЪ.

Господа бароны! знаете ли что! Я полагаю, что тутъ очень тѣсно. Не лучше ли намъ покушать на откры- томъ воздухѣ? Фрицъ! Ставь столъ въ саду....

БЕРЕРЕ.

Любезный сосѣдъ! У васъ всегда странныя выдумки; дождь льетъ какъ изъ бочки....

ШПИРЦПРУНГЪ.

Пусть его льетъ! Вода! Жалѣть печего.

ДЕРЕРЕ.

У всякаго барона своя фантазія. Жаль, что мы ли- шаемся пріятнаго собесѣдника, но я промокъ до ко- стей и очень радъ, что попалъ въ теплую комнату. Я объдаю здѣсь, а вы, баронъ Берере?

БЕРЕРЕ.

Тамъ гдѣ и вы, баронъ Дерере....

ДЕРЕРЕ.

Ну, такъ за дѣло, баронъ Берере....

БЕРЕРЕ.

Радъ вамъ служить, баронъ Дерере....

ШПИРЦПРУНГЪ.

Берере, Дерере!... Пойдите, пойдите! Фрицъ, ставь столъ вотъ сюда; стулья для господъ бароновъ вотъ сюда; а я сбоку; я буду хозяйничать; мое единствен- ное наслажденіе—услужить ближнему.... Послушайте, господа бароны, я долженъ обратить ваше вниманіе на прелести здѣшней хозяйки.... (Про себя!) Это по ихъ части! (Вслухъ.) Надо вамъ сказать, что съ пер- вой минуты я ей понравился.

БЕРЕРЕ.

Вы, баронъ Шпирцпругъ?

ШПИРЦПРУНГЪ.

Я, собственно моею персоной! Вамъ смѣшно, вамъ забавно! Полноте, полноте! Ужъ этой красотки вамъ у меня не отбить, если бы и захотѣли....

БЕРЕРЕ, самодовольно.

Въ самомъ дѣлѣ?

ШПИРЦПРУНГЪ.

Безъ всякаго сомнѣнiя. Надо вамъ сказать, что когда она меня увидала, сдѣлала вотъ такую сладкую рожу. Я посмотрѣлъ: хороша, больно хороша; я ей сейчасъ вынулъ и отпустилъ десятокъ самыхъ приятныхъ, ласковыхъ словъ; она такъ и растаяла; тогда я спокойно оглянулся на васъ, господу бароны, и съ гордостью въ душѣ сказалъ: не боюсь соперниковъ.

БЕРЕРЕ.

Посмотримъ!

ШПИРЦПРУНГЪ.

Посмотримъ! Вотъ она! И съ кушаньемъ!—Вдвойнѣ прекрасна! Душа ты моя! Тебѣ ли служить! Ты должна быть царицей! Садись съ нами! Предсѣдательствуй на сонмищѣ знаменитыхъ имперскихъ бароновъ; мы въ честь твою разыграемъ турниръ; съѣдимъ все дотла; жаль, что пить нечего....

МАРГЕРИТА.

Позвольте, господинъ баронъ!...

ШПИРЦПРУНГЪ.

Нѣтъ, ужъ я этого не позволю. Я принялъ на себя твою должность....

МАРГЕРИТА.

Но вы не знаете....

ШПИРЦПРУНГЪ.

Все знаю, и то что подъ бокомъ, и то что подъ ногами...

БЕРЕРЕ.

Въ самомъ дѣлѣ не дурна, баронъ Дерере!

ДЕРЕРЕ.

Не дурна, баронъ Берере.

БЕРЕРЕ.

Отъ скуки можно приволокнуться, баронъ Дерере.

ДЕРЕРЕ.

Я то же думаю, баронъ Берере.

БЕРЕРЕ.

Ну, такъ ужъ я займусь этимъ, баронъ Дерере.

ДЕРЕРЕ.

Отчего же не я, баронъ Берере....

(Оба подходятъ къ столу.)

БЕРЕРЕ.

Насъ очень удивляетъ....

ДЕРЕРЕ.

Меня ни мало не удивляетъ....

БЕРЕРЕ.

Что въ такой глуши....

ДЕРЕРЕ.

Что на такой большой дорогѣ....

БЕРЕРЕ.

Цвѣтеть такая прекрасная....

ДЕРЕРЕ.

Цвѣтеть такая роскошная....

БЕРЕРЕ.

Роза....

ДЕРЕРЕ.

Пивонія....

ШПИРЦРУНГЪ.

Ха, ха, ха! Напрасно! Напрасно.... Садись, моя душенька! Докажи, что ты умѣешь говорить съ имперскими баронами....

МАРГЕРИТА.

А вы думаете, что мы простые люди, такъ ужъ бароновъ и не видывали....

ШПИРЦПРУНГЪ, кушая.

Кто въ этомъ сомнѣвается!

ДЕРЖЕ.

Бароновъ! Да теперъ въ священной римской имперіи бароновъ больше чѣмъ перепелокъ; кто не ѣзжалъ по дальнимъ дорогамъ, тотъ не можетъ вообразить сколько у насъ бароновъ. Ёдешь:—плотина и мельница, да на дорогъ застава. Кто тутъ сидитъ? Имперскій баронъ. Ёдешь:—оврагъ, надъ оврагомъ огородъ, плетнемъ обнесенъ; у плетня конурка; на дорогъ застава. Кто сидитъ? Баронъ. Чтѣ дѣлаетъ? На большой дорогъ разбойничаетъ. Ёдетъ нашъ братъ рыцарь, баронъ въ лѣсъ бѣжить. Рыцарь! Видѣлъ я дворъ Фридриха австрійскаго, бывалъ и у Альберта баварскаго, и у Матеея венгерскаго. Столъ для пиру накроютъ человекъ на сто; всѣ бароны, а рыцарей—и трехъ не начтешъ! Право, доброму рыцарю стыдно въ такомъ обществѣ оставаться. Служить некому.

ШПИРЦПРУНГЪ, утираясь.

Какъ некому? Я къ вашимъ услугамъ, господинъ баронъ!

ДЕРЖЕ.

Не о томъ рѣчь. А за столомъ какая бесѣда? Тотъ баронъ съ тѣмъ барономъ намѣренъ поссориться. За чтѣ? Тотъ баронъ у другаго барона кормленаго кабака укралъ.... Будетъ война! Обѣ стороны собираютъ союзниковъ, готовятся открыто къ непріятельскимъ дѣйствіямъ. Походъ. Сильнѣйшій разрушаетъ заставу и плетень, зажигаетъ конурку, бьетъ всю живность, жаритъ, кушаетъ и войнѣ конецъ....

ШПИРЦПРУНГЪ.

Въ самомъ дѣлѣ глупая война! Кончатся тѣмъ,

чѣмъ начинать слѣдуетъ. У меня тоже задорливые сосѣди; я ихъ тотчасъ вызываю на бой въ мою столовую; начинается сраженіе, враги одинъ за другимъ валются со скамьёкъ; наступаетъ мертвая тишина, я торжествую побѣду, и чтобы не обидѣть враговъ, также падаю, но послѣдній.... Прочный миръ продолжается съ недѣлю. Тамъ опять война. Тамъ опять миръ. — Пѣвцы поютъ, что всегда такъ бывало....

(Продолжаетъ кушать; а Берере во все время шепчетъ что-то Маргеритѣ; та улыбается.)

ДЕРЕВЕ.

Семнадцать тысячъ демоновъ! Никогда такъ не было! Конецъ миру приходитъ! Содомъ! Прежде рыцарь до всего дослуживался; прежде женщина была святою цѣлью чистыхъ желаній. Цвѣтокъ изъ рукъ красавицы засыхалъ на груди рыцаря и ложился съ нимъ въ могилу; шарфомъ или платкомъ любимой женщины покрывали глаза покойнику. Дерзкое слово обнажало сто острыхъ мечей.... Въ пѣсняхъ восхваляли добродѣтель....

ШПИРЦПРУНГЪ.

И вино. Впрочемъ, вино и добродѣтель — одно и то же.

ДЕРЕВЕ.

Вино пили, да не пьянствовали! Семнадцать тысячъ демоновъ! А теперь и пѣсни срамныя и пѣвцы — подлые; мужичьи изъ Тироля и Лотарингіи; по городамъ цѣхи завели, будто и пѣсни ремесло.... Нищія! Стихами деньгу у честныхъ людей выманиваютъ, и поютъ только грѣхи баронскіе. Возьми любую пѣсню: что въ ней? Ужъ непременно есть баронъ-соблазнитель — и поселянка-жертва. И не виновато грубое мужичье. Что видятъ, то и поютъ. Безбородые бароны вырвутся изъ-подъ опеки, засядутъ въ замкъ.... Что имъ дѣлать отъ скуки? Охотятся на дичь и женщинъ....

ШПИРЦПРУНГЪ.

Что правда, то правда. Вотъ и теперъ на лицо три барона. Одинъ, то есть, я, усердно занялся дичью, другой—еще усерднѣе ухаживаетъ за женщиной....

БЕРЕРЕ.

А третій читаетъ сказку о старомъ времени, которой никто уже не вѣрить....

ДЕРЕРЕ.

Сказку, семнадцать тысячъ....

БЕРЕРЕ.

Разумѣется, сказку....

ШПИРЦПРУНГЪ, встаетъ и идетъ къ люку.

Самую неправдоподобную, которой я и слушать не хочу. (*Спускается въ люкъ.*)

БЕРЕРЕ.

О нѣтъ, въ этой сказкѣ много правды.

ДЕРЕРЕ.

То-то же.

БЕРЕРЕ.

Безбородые нынче въ чести. Давно ли, и двухъ лѣтъ не прошло, помните, при дворѣ Альберта баварскаго, былъ молодой пажъ, что служилъ принцессѣ Кунигундѣ, племянницѣ герцога.

ШПИРЦПРУНГЪ, изъ люка, громко.

Помню, помню! (*Про себя.*) Надо участвовать въ общемъ разговорѣ. Него догадаются, какая добродѣтель обитаетъ у нихъ подъ ногами.

БЕРЕРЕ.

Помните ли, какъ мы всѣ, именитые, владѣтельные бароны....

ШПИРЦПРУНГЪ, изъ люка,

Помню, помню!

БЕРЕРЕ.

Ухаживали за этой смазливой дѣвчонкой.....

ШПИРЦПРУНГЪ, громко.

Какъ же не помнить! (*Всторону.*) Я никогда и не видывалъ Кунигунды.

БЕРЕРЕ, съ чувствомъ:

Этотъ мальчишка, этотъ пажъ—женится на Кунигундѣ.

ШПИРЦПРУНГЪ.

Съ-горя ничего болѣе не остается, какъ выпить за здравіе новобрачныхъ.

ДЕРЕРЕ.

На моей невѣстѣ! баронъ Берере....

БЕРЕРЕ.

На моей, баронъ Дерере!

ШПИРЦПРУНГЪ.

И на моей! Только я не такъ глупъ, чтобы огорчаться пустяками. Благоразумный въ горь ищетъ дѣйствительнаго утѣшенія.....

ДЕРЕРЕ.

Мнѣ обѣщаль ея двоюродный братъ.....

БЕРЕРЕ.

А мнѣ—родной.... И Германнъ, минезингеръ, знаменитый пѣвецъ, котораго такъ любитъ герцогъ, и дворъ и Кунигунда, и я, и всѣ.

МАРГЕРИТА.

Мой мужъ!

БЕРЕРЕ.

Вашъ мужъ! (*Всторону.*) Вотъ тебѣ разъ; если онъ узнаетъ, что я говорилъ его женѣ...

МАРГЕРИТА.

О, ради самаго неба, скажите, гдѣ онъ?... что съ нимъ дѣлается?....

Т. LXVII. — Отд. I.

2

БЕРЕРЕ.

Что съ нимъ дѣлается?... Ничего..... такъ-себя.... потерялъ голосъ... не поеть... но зато у него открылся дивный даръ.... Иной разъ онъ говорить стихами часа два, три, и герцогъ страстнолюбить его слушать... Десять разъ онъ порывался въ Тироль, домой; герцогъ не пускаетъ.... Но, кажется, скоро отпустить.

МАРГЕРИТА.

Когда же это?

БЕРЕРЕ.

Послѣ свадьбы принцессы Кунигунды съ барономъ Огау.

МАРГЕРИТА, и Матильда закулисами.

Барономъ Огау!...

БЕРЕРЕ.

Съ вашимъ сосѣдомъ, барономъ Рудольфомъ Огау, безбородымъ мальчишкой, который отбилъ у меня невесту и двухъ любовницъ!.... Что съ вами?

МАРГЕРИТА.

Боже великій! Мнѣ дурно! О, ради самаго Бога, благородный баронъ, скажите, что вы пошутили....

БЕРЕРЕ.

О, мнѣ не до шутокъ! Я догадываюсь.... Онъ посѣщаетъ и вашу уединенную гору; онъ находитъ много радости и въ вашей бесѣдѣ.... Что же тутъ худого?... И на принцессѣ Кунигундѣ онъ женится по расчету....

МАРГЕРИТА.

Перестаньте! Я не хочу знать....

БЕРЕРЕ.

Вы должны знать.... Кунигунда его не любить.... Онъ любить Кунигунду, какъ любить низкій сластолюбецъ каждую хорошенькую женщину. Онъ не любитъ, онъ не любитъ никого.

МАРГЕРИТА..

Умоляю васъ, перестаньте!

БЕРЕГЕ.

Вашъ мужъ, добрый Германнъ, говорилъ объ этомъ при дворѣ прекрасную притчу стихами; герцогъ не хотѣлъ понять ея смыслу и подарилъ пѣвцу дорогое кольцо—за стихи, не за правду.... Съиграютъ свадьбу, пройдетъ годъ, не больше, герцогъ пожалѣетъ о судьбѣ своей племянницы.... Весь электоратъ знаетъ, что Рудольфъ—записной волокита; но признаюсь, я ни какъ не могъ думать, что въ такія молодые лѣта у него такъ мало разборчивости, особенно при его богатствѣ! Воображаю, что на все на это скажетъ честный Германнъ. Какъ вы думаете, баронъ Дерере?...

ДЕРЕРЕ.

Скажетъ стихи, баронъ Берере....

ШПИРЦПРУНГЪ, выходитъ изъ люка.

И запѣетъ виномъ. Жаль только, что ничего не осталось. Я не люблю заниматься пустыми вещами, и потому запираю этотъ пустой погребокъ, въ которомъ таинственно хранится пустой боченокъ. Ну, господа бароны, довольно вамъ волочиться за моей красавицей; теперь моя очередь....

БЕРЕГЕ.

Уступаемъ безъ сожалѣнія! Не забудьте, баронъ, что у васъ будутъ два сильные соперника, Германнъ—Тирольскій Соловей, и баронъ Огау, мужъ племянницы герцога баварскаго и тирольскаго....

ШПИРЦПРУНГЪ, придерживаясь за стулъ, на которомъ Маргерита сидитъ въ совершенномъ забытїи.

Такъ что жъ! Между двухъ великихъ силъ я стану для равновѣсія.... Мнѣ оно самому теперь очень нужно.... О чемъ ты задумалась, моя красавица?...

МАРГЕРИТА, вскочивъ.

Боже мой, Боже, что съ нами будетъ!....

(Уходитъ.)

ВЫХОДЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

ТЪ ЖЕ, КРОМЪ МАРГЕРИТЫ.

ШПИРЦПРУНГЪ, садясь на ея мѣсто.

Что съ нами будетъ? А? Какъ вы думаете, господа бароны, что съ нами будетъ?.... Мнѣ не хочется самому объ этомъ думать.... Мысль моя въ инспрукскихъ бочарняхъ. Какъ это они умѣютъ дѣлать такіе объемистые боченки съ такою тѣсною внутренностью! Кружекъ десять, не больше, а до меня только три раза цѣдили.... Сколько же тамъ было вина?... Что вы это, господа бароны, ничего не кушаете, ничего не пьете? Одно волокитство не накормить; напротивъ, возбуждаетъ аппетитъ героическій.... Да чего вы оба надулись, какъ индѣйскіе пѣтухи? Велика бѣда, что красавица уже не свободна; повѣрьте, что женщинъ больше, чѣмъ бочекъ. А я и тутъ не унываю.... И вино и женщины каждый годъ рождаются. Съ насъ станетъ.... Но благоразуміе совѣтуетъ помнить, что во всемъ должно быть умѣреннымъ и что, такъ сказать, боченокъ не есть еще бочка; что боченокъ не что иное какъ сынъ бочки, малолѣтній; можетъ вырасти; что тучность въ женщинѣ—есть недостатокъ; въ бочкѣ—достоинство; что (звѣаетъ) послѣ трудовъ дневныхъ—спать хочется..... что.... боченокъ....

ВЫХОДЪ ПЯТЫЙ.

ТЪ ЖЕ И ПИЛЬПАДОРЪ.

ПИЛЬПАДОРЪ, вбѣгаетъ.

Братецъ Рудольфъ! Братецъ Рудольфъ! Вдуть, вдуть! Вотъ тебѣ разъ! Баронъ Берере! Баронъ Дерере! Баронъ Шпирцпругъ!

ШПИРЦПРУНГЪ.

Не мѣшай! Я сплю и вижу пріятный сонъ!

БЕРЕРЕ.

А, Пильпадоръ! Ты, вѣрно, пріѣхалъ утѣшать несчастную....

ПИЛЬПАДОРЪ.

А вы уже все знаете! У васъ, баронъ—собачій носъ. И вообще вся ваша натура крѣпко смахиваетъ на домашняго звѣря, который умѣетъ безъ-устали преслѣдовать добычу....

БЕРЕРЕ.

Дуракъ, какъ ты смѣешь?...

ПИЛЬПАДОРЪ.

Потому-то и смѣю, что дуракъ. Только умныхъ людей бьютъ за правду.... Умныхъ бьютъ—а дураковъ не любятъ, такъ и правды на свѣтъ нѣтъ. Да, впрочемъ, мнѣ до васъ дѣла нѣтъ. Вы не за мои зазубки гоняетесь; вамъ и просторно.... Если бы вы зацѣпили мою Гретхенъ, я устроилъ бы вокругъ ея огорода волчьи ямы; какой звѣрь, такая и западня. А что любо: за одною добычею гоняются, а друзья!.... Чай вы сегодня и у моего братца на пиру будете?...

ШПИРЦПРУНГЪ, вскочивъ.

Буду, непременно буду! Гдѣ пиръ?

ПИЛЬПАДОРЪ.

Въ замкъ Огау.

ШПИРЦПРУНГЪ.

Скажи барону, что я съ удовольствіемъ принимаю его приглашеніе. Спасибо, что ты отыскалъ меня въ этомъ захоlustыи. А по какому случаю пиръ?...

ПИЛЬПАДОРЪ.

Да по самому важному случаю въ человѣческой жизни. Хотя правду сказать, свадьба—ворота; иной разъ

счастливо на дворъ взѣдешь; а иной разъ хватисья лбомъ о перекладину....

ШПИРЦПРУНГЪ.

Ничего, ничего! Пройдетъ... Ну, такъ въ замкъ Ога сегодня свадьба?.....

ПИЛЬПАДОРЪ.

Не свадьба, а этакая штука, что передъ свадьбой-то бываетъ. Знаете, ни то, ни сѣ. Съѣдутся, усядутся, передъ гостями попляшутъ дѣвушки, потомъ стихоплеты пропоютъ, потомъ сядутъ за столъ....

ШПИРЦПРУНГЪ.

И пошелъ пиръ, на цѣлый мѣръ! Знаю, знаю. Трубы ревуть, золотыя и серебряныя чары будто живыя по столу ходять. Вино журчить, въ горль такъ и сохнетъ; едва успѣваешь промачивать; а на столъ цѣлый звѣринецъ. То богемскому фазану скажешь здравствуй, тамъ съ венгерской серной поцѣлуешься; тутъ ножомъ въ сердцехватишь нѣжнаго барашка, или изъ огромной, глубокой серебряной мисы вытащишь форель съ блестками. Во рту ни дать ни взять франкфуртскій натуральный музей! Отойдетъ мясное; пойдеть пирожное; и въ рукахъ съ пирогомъ или съ арбузомъ—уснешь за столомъ покойно; пуховика не надо. Однако жъ мы заболтались. Не пора ли, Фрицъ, лошадей сѣдлатъ?....

ПИЛЬПАДОРЪ.

Пора-то, пора! Только гдѣ же я брата Рудольфа отыщу?... Стоялъ я сторожемъ у гильдауерской заставы; три мили будетъ; стою и сплю, а баронъ Гильдауеръ дуется; съ огаускихъ людей дорожной подати брать не указано. Не посмотрѣлъ бы онъ на запретъ; да, видно, про гостей пронюхалъ; согналъ всѣхъ поселанъ съ околотка: сидятъ, бѣдняги.... Хорошо, что

не долго ждать пришлось. Слышимъ: трубы трубятъ, такъ и есть; я на коня; гляжу: герцогъ.

БАРОНЪ БЕРЕРЕ,

Герцогъ! Самъ герцогъ! Слышите, баронъ Дерере!

БАРОНЪ ДЕРЕРЕ.

Слышу, баронъ Берере!...

ПИЛЬЦАДОРЪ,

Герцогиня!... Принцесса Кунигунда, другіе принцы, принцессы, бароны, войско.... Я ужъ болѣе не смотрѣлъ, во верю смачъ въ замокъ; нѣтъ братца; сюда; нѣтъ братца; прощайте! Я опять въ замокъ!

ШПИРЦПРУНГЪ.

И мы съ тобой! Я думаю, такого пиру въ замкѣ Огау отъ сотворенія міра не бывало! А вы, господа бароны?...

БЕРЕРЕ.

Дорога въ Огау идетъ черезъ наши земли! Всѣ всторону! Какъ честные и вѣрные вассалы мы встрѣтимъ герцога у своихъ границъ....

ДЕРЕРЕ.

И поздравимъ съ приѣздомъ....

БЕРЕРЕ.

И съ хорошимъ выборомъ жениха для принцессы Кунигунды....

ДЕРЕРЕ.

И проводимъ герцога.....

БЕРЕРЕ.

Пожалуй, хоть до этой горы, до этого порогу....

ШПИРЦПРУНГЪ.

Такъ чего же медлите, господа бароны? Этакъ герцогъ безъ васъ проѣдетъ, а между-тѣмъ въ замкѣ Огау не успѣютъ хорошенько изготавиться къ пиру; не-дожарятъ; не-допекутъ..... Такое великое дѣло испортить, къ стыду всей нашей области.... Позвжайте ско-

рѣе на большую дорогу; а я прямо на кухню въ замокъ Огау; я докажу и покажу, что значить добрый съездъ.... Барана, который долженъ стоять передъ герцогомъ, я зажарю самъ!... Прощайте! Боюсь опоздать! Добрый пиръ стоитъ победы! Въ походъ!!

ВЫХОДЪ ШЕСТОЙ.

БАРОНЪ БЕРЕРЕ И ДЕРЕРЕ.

БЕРЕРЕ.

Покоримся необходимости, баронъ Дерере.

ДЕРЕРЕ.

Покоримся необходимости, баронъ Берере.

БЕРЕРЕ.

Поѣдемъ, баронъ Дерере.

ДЕРЕРЕ.

Поѣдемъ, баронъ Берере.

(Уходить.)

ВЫХОДЪ СЕДЬМОЙ.

МАТИЛЬДА, тащитъ за руку Маргериту.

Сюда! Сюда! Пусть судятъ люди! Я любила.... Я утопала въ счастьи, въ блаженствѣ. Цѣлый міръ былъ въ однихъ глазахъ Рудольфа. Вся жизнь моя была сладкій сонъ.... Приходилъ Рудольфъ, я просыпалась, мой сладкій сонъ сбывался; онъ былъ со мною; Рудольфъ уходилъ, и мнѣ не было скучно. Тотъ же сонъ, съ тѣми же надеждами; я вышивала шелками милое имя; я пѣла,—и въ душевной пѣснѣ я пересчитывала всѣ нѣжныя имена и будто цвѣтами убирала ими Рудольфово имя.... (Рыдая.) А онъ не любилъ меня!....

МАРГЕРИТА.

Матильда!

МАТИЛЬДА.

А ты.... О! ты знала, что онъ не любилъ меня!...

Помнишь ли, когда я встрѣтилась съ нимъ у часовни въ долину, помнишь, я перепугалась, прибѣжала дождю не своя.... Мой страхъ, мой трепетъ.... то была Божия защита, небо меня охраняло.... А ты.... Ты обрадовалась нашей встрѣчѣ.... Съ какою лестью ты приняла его на этомъ порогѣ, — благословляла его за горсть золота!....

МАРГЕРИТА.

Вспомни и ты, Матильда, за чѣмъ ты сидѣла у часовни...

МАТИЛЬДА.

Просила милостыни....

МАРГЕРИТА.

То-то же.

МАТИЛЬДА.

Но мой промыселъ былъ чистъ передъ Богомъ, отцомъ, передъ людьми. Я смотрѣла покойно въ глаза разбойнику, а теперь мнѣ совѣстно даже передъ тобою....

МАРГЕРИТА.

Вспомни, безумная, что я тебѣ мать....

МАТИЛЬДА.

Ты — мнѣ мать! Никогда! Никогда! Ты знала, что онъ не любилъ меня.... Больше! Ты знала, что въ любви этой грѣхъ, проклетіе земли и неба! Все знала ты — и чуть сомнѣніе легкимъ облачкомъ набѣгало на мою совѣсть, кто разгонялъ святой вопросъ невинной души?... Ты! Ты! И ты мнѣ мать!... Ярмо нищеты стало тебѣ въ тягость; ты продала меня за ничтожное довольство въ этой ничтожной жизни.... Маргерита!.... *(Возвысивъ голосъ.)* Ты ошиблась! Невинность моя при мнѣ! Преступленіе совершилось — но не я преступница. Я любила и вѣрила! Я любила — а ты приказывала мнѣ вѣрить..... Я лю-

была въ первый разъ.... а ты одобряла мою любовь.... О! Боже мой! И какъ я любила! Теперь только чувствую, когда перестала любить.... Да мнѣ и нечего любить. У меня вырвали сердце! Но, Маргерита, у меня еще осталось много; я могу ненавидѣть; мстить, проклинать.... И проклятіе мое уже дрожитъ въ душѣ.... губы его слагаютъ... А я не смѣю....

МАРГЕРИТА.

Опомнись, дочь моя; несчастіе доводитъ тебя до безумія. Можетъ-быть, всѣ эти рассказы клевета; мы не могли съ тобой не вѣрить....

МАТИЛЬДА, смѣется.

Мы съ тобой!... Что ты потеряла, Маргерита? Только дочь! А вспомни, какъ эту дочь любилъ отецъ, какъ хвалили сосѣди, какъ ее звали «Голубкой Вороньей Горы»... Изба наша, какъ лохмотья на нищемъ, висѣла на скалѣ; мы просили милостыни—и были веселы; мы любили добраго Германна.... а теперь.... ты ненавидишь мужа, я отца! Великій Боже! Я боюсь отца какъ грому небеснаго. Никогда, никогда грѣшныя уста мои не коснутся отцовскихъ устъ; при жизни родителей — я сирота.

МАРГЕРИТА.

Матильда, милая дочь....

МАТИЛЬДА.

Подумай, кто я, и отвернись съ презрѣніемъ.... Нѣтъ, нѣтъ! Гляди на меня и кайся! Гляди на меня и молись! Я твоя совѣсть!

МАРГЕРИТА, на колѣняхъ.

Умилосердись, дочь моя!

МАТИЛЬДА.

Въ душѣ моей буря... Тамъ нѣтъ любви... Одинъ громъ раздастся... Громъ прокля.....

ВЫХОДЪ ОСЬМОЙ.

ТЪ ЖЕ И БАРОНЪ ОГАУ.

МАРГЕРИТА.

О, помогите, помогите, благородный баронъ!

БАРОНЪ ОГАУ.

Что съ тобою, милая Матильда?

МАРГЕРИТА.

Вы одни только, благородный баронъ, можете....

МАТИЛЬДА, зажимая ей ротъ.

Тсъ! У меня у самой языкъ есть.... Довольно ты говорила за меня.... Позволь и мнѣ поговорить съ милымъ Рудольфомъ.... Другъ мой! Подойди ко мнѣ! Мнѣ надо сказать тебѣ одно слово; ближе, ближе.... Рудольфъ! Я не люблю тебя....

РУДОЛЬФЪ.

Матильда, что это значитъ!....

МАТИЛЬДА.

Я никогда не думала, что эту ужасную, тяжкую тайну я выскажу когда-нибудь; но мысль моя созрѣла, чувство ненависти переполнилось — и я съ гордостью могу сказать: Рудольфъ; я ненавижу тебя!

РУДОЛЬФЪ.

Но, Матильда, неужели слишкомъ годъ такой нежной, пламенной любви....

МАТИЛЬДА.

Любви? Притворства, благородный баронъ, мучительнаго, невыносимаго, адскаго притворства.... Мы гнили въ нищеть, вы блистали золотомъ; мы умирали съ голоду—вы протянули руку помощи, подали намъ кусокъ горькаго хлѣба, но потребовали страшной платы.... О, для меня нищета была сладкимъ бременемъ, но я не могла снести чужихъ страданій. Я исполнила мой долгъ; долже притворяться я не въ силахъ.... Я утоляла тайную ненависть слезами; нкъ не стало — я

изнемогла.... и только теперь стала дышать покойнѣе, когда уста мои проговорили вождельнное признаніе....
О! Какъ я теперь счастлива!...

РУДОЛЬФЪ.

И какъ я несчастливъ, Матильда!

МАТИЛЬДА.

Право?...

РУДОЛЬФЪ.

Будто острый ножъ пробѣжалъ сквозь сердце....

МАТИЛЬДА.

Бѣдный!

РУДОЛЬФЪ.

Я любилъ, я люблю тебя, Матильда, и если слова твои не коварная шутка, я не перенесу такой утраты; умру съ горести.

МАТИЛЬДА.

Не умирайте, благородный баронъ! Нето вамъ придется умирать нѣсколько разъ.... Не знаю, гдѣ живутъ мои нищія соперницы, но знаю, что въ вашемъ замкѣ васъ ждетъ богатое, блистательное утѣшеніе; оно вознаградитъ васъ за всѣ утраты.... Спѣшите, баронъ, въ замокъ Огау.... Принцесса Кунигунда уже тамъ....

РУДОЛЬФЪ.

Великій Боже!

МАТИЛЬДА.

Я объявила вамъ эту новость, баронъ, только для того, чтобы скорѣе отвязаться отъ вашей ненавистной бесѣды.... Одного боюсь.... Вы подумаете, что ревность извлекла мою глубокую тайну. Нѣтъ, баронъ! Въсть объ вашей женитьбѣ—показалась мнѣ радостною вѣстью съ небесъ. Все существо мое возопило съ восторгомъ: Матильда! твой подвигъ совершился, ты — свободна; снимай личину, теперь ты можешь открыто внавидѣть Рудольфа.

РУДОЛЬФЪ.

Выслушай, Матильда!....

МАТИЛЬДА.

Сказку? Расскажите вашу сказку Маргеритъ; она мнѣ завтра перескажетъ....

(Хочетъ идти.)

РУДОЛЬФЪ.

Ненавидь меня, Матильда, проклинай, но выслушай! Я не такъ виноватъ, какъ тебѣ кажется....

МАТИЛЬДА.

То же говоритъ про себя и Маргерита; то же и я; во всѣхъ дѣлахъ нашихъ виноватъ третій.... Прощайте, баронъ! Надѣюсь, мы больше не увидимся!...

РУДОЛЬФЪ.

Изъ состраданія, Матильда!...

МАТИЛЬДА.

Изъ состраданія? Извольте, но я требую, чтобы это была ваша послѣдняя просьба.... Рассказывайте, я слушаю....

(Садится.)

РУДОЛЬФЪ.

Боже мой, Боже мой! Она ли это?—Тихая голубка—стала львицей.... Что я скажу ей!... Матильда! Нѣтъ! Напрасно я просилъ, чтобы ты меня выслушала! Никто, ничто не оправдываетъ меня! О, баронъ Огау, Моррицъ, отецъ мой! Страшенъ, гибеленъ твой завѣтъ.... Онъ завѣщалъ мнѣ свои богатства и невѣсту.... Если я не женюсь на Кунигундѣ, замокъ, богатство, самое имя Огау перейдетъ къ другому.... Что я долженъ былъ дѣлать, Матильда?...

МАТИЛЬДА.

Любить Кунигунду....

РУДОЛЬФЪ.

Я былъ слишкомъ молодъ; я не любилъ никого....

первая моя любовь была Матильда и этой любви никогда не изменить сердце....

МАТИЛЬДА.

Стыдитесь! Матильда могла любить, хоть и притворно, Рудольфа, свободного юношу; но мужа Кунигунды, владѣтеля замковъ и богатствъ, она и ненавидѣть не будетъ. Я отыскала для васъ другое, приличное чувство....

РУДОЛЬФЪ.

Дружбу, Матильда....

МАТИЛЬДА.

Презрѣніе!... Боже мой! Огни! Васъ ищутъ! Несчастливая! Я должна еще разъ унизиться передъ этимъ благороднымъ барономъ.... Пусть горе мое останется втайнѣ! Бѣгите! Застанутъ васъ здѣсь.... Молю.... Я онемѣю отъ ужасу!

РУДОЛЬФЪ, убѣгая.

До свиданія, Матильда!

МАТИЛЬДА, упавая въ кресла.

Рудольфъ, Рудольфъ! Прости на вѣки!...

МАРГЕРИТА.

Она безъ чувствъ! Боже, за что казнишь несчастныхъ! Матильда! Матильда! Проснись, моя Матильда! Она не дышетъ.... Глаза закрылись.... Рука какъ ледъ.... Боже, кого я призову на помощь?....

ВЫХОДЪ ДЕВЯТЫЙ.

ТЪ ЖЕ И ГЕРМАННЪ.

ГЕРМАННЪ.

Маргерита! Матильда!

МАРГЕРИТА.

Германнъ!

(Въ совершенномъ оцѣпенѣніи остается нѣсколько времени неподвижною. Германнъ съ жаромъ обнимаетъ ее.)

ГЕРМАННЪ, сжимая руки жены, радостно смѣется.

Бывало слова, будто утки плывутъ,
Я въ звукахъ купаюсь, что въ морѣ;

Языкъ и душа и сердце поють
 И въ звучномъ и сладостномъ хорѣ;
 Я радость чужую умѣлъ рассказать,
 Я плакалъ чужими слезами....
 Зачѣмъ же живая стиховъ благодать
 Не движетъ моими устами?....
 Зачѣмъ же такъ бьется сердце мое,
 Нѣтъ ли пріятное слово?....
 Нѣтъ, горе свое и блаженство свое
 Полнѣе и глубже чужаго.

МАТИЛЬДА, приходя въ себя, шопотомъ.

Боже! Это онъ! Ночь, скрой меня, поглоти меня!

(Садится въ изнеможеніи.)

ГЕРМАННЪ, съ умилениемъ глядитъ на Маргериту.

О! Я счастливъ, блаженъ, веселъ, я позабылъ труды мои и лишения; время лѣтъ свалилось съ плечъ моихъ. Я тотъ же юноша, какимъ впервые ты увидала меня на улицѣ передъ твоимъ завѣтнымъ окномъ... Помнишь, Маргерита, помнишь?...

МАРГЕРИТА.

Какъ же не помнить!....

ГЕРМАННЪ.

Люди говорили: не на долго эта любовь.... И вотъ сколько лѣтъ уже прошло, а мы будто вчера полюбили другъ друга.... Поцѣлуй меня, Маргерита! Жарче, жарче, душа моя! О! Теперь уже я съ тобою не разстанусь; небо благословило бѣднаго странника. Пѣснями я купилъ себѣ золото, довольство, свободу.... Теперь я уже не слуга чужаго веселія; теперь я господинъ моихъ чувствъ и мыслей. Радуйся, жена. Ты, кажется, не вѣришь моимъ словамъ?...

МАРГЕРИТА.

Вѣрю, Германнъ, вѣрю, но скажи, гдѣ Богъ послалъ тебѣ?...

ГЕРМАННЪ.

Славу?

За пѣсней могучей летаетъ она,
Шумитъ золотыми крылами,
Какъ радугой свѣтомъ вѣнчается пѣвца
И стелетъ ковры подъ ногами;
И зависть, какъ моль, истлѣваетъ предъ ней,
И будто желѣзомъ окованъ
Пѣвецъ, невредимый, смущенныхъ людей
Чаруетъ, чѣмъ самъ очарованъ....

Маргерита, Маргерита, но теперь эти пѣсни будутъ чисты какъ небо надъ Тиродемъ.... Свѣтъ не будетъ клеймить моихъ мыслей, налагать подати на мое душевное богатство.... Много пѣсень хотѣлъ бы я отпѣть назадъ, много ложныхъ чувствъ воротить въ эту грудь и тамъ изжечь ихъ въ чистомъ, священномъ пламени.

Иная пѣснь съ клеймомъ нужды,
Бродягой, милостыни просить;
Ея постыдные слѣды
Пескомъ забвенія заносить;
Она безъ тѣни мѣръ пройдетъ,
Воспоминаній не оставитъ
Какъ прокаженная умретъ.....
Ее презрѣнiе отравитъ.....

Иная пѣснь съ другимъ клеймомъ,
Съ ошейникомъ позорной лести;
Ту пѣснь казнятъ другимъ стыдомъ —
Огнемъ неумолимой мести;
Отъ смрадныхъ ранъ пѣвецъ умретъ
Но ихъ забвенье не залечитъ.....

Ту пѣснь потомство проклянетъ
Презрѣніе увѣковѣчитъ....

(Шопотомъ.) Маргерита! Много тѣхъ постыдныхъ пѣсень изъ этихъ устъ извлекла нужда... Но (торжественно) лезть—ни одной! Бѣдность мою забыли люди; я самъ позабылъ мою нищету. Теперь я человекъ; ахъ, какъ сладостны эти минуты свиданія! Не упрекай меня, Маргерита! Полно! полно! Я уже опомнился! Я снова семьянинъ, но веселый, довольный.... Знаешь, Маргерита! Мнѣ совѣстно даже оглянуться, страшно увидѣть развалины той темницы, куда мой жребій заперъ васъ на три года.... Но я все исправлю, клянусь, я постараюсь вознаградить васъ за всѣ лишенія.... Гдѣ твоя сострадалица, гдѣ Матильда?....

МАТИЛЬДА.

Здѣсь!....

МАРГЕРИТА.

Великій Боже! Она больна, Германнъ....

ГЕРМАННЪ.

Больна? Маргерита! Не поздно ли пришелъ врачъ?... Нищета довела ее до смертельнаго педуга.... Юность, юность! Мало силъ у тебя для страданій....

Утро одно — роза цвѣтетъ;

Утро пришло — солнце не встало;

Буря гремитъ, вѣтеръ реветъ.....

Утро прошло — розы не стало.....

Маргерита! Она не знала ни одного счастливаго дня; ей ненадолго было и улыбнуться; нищую — ее не допускали сверстницы къ играмъ; нищую, — ей не давали лакомства; кусокъ хлѣба.... на, только не умри — и уходи; видомъ своимъ не возмущай людскаго веселія... Маргерита, а плакала она много?.... Стало у нея слезъ....

МАРГЕРИТА.

Бѣдный Германнъ!...

Т. LXVII. — Отд. I.

ГЕРМАННЪ.

Понимаю, понимаю! Маргерита! Еще одинъ вопрось.... Не разслушала ты въ тайномъ ропотѣ, въ стонахъ страданія—моего имени?... Не проклинала.... она.... отца?....

МАРГЕРИТА.

О, нѣтъ! никогда! Съ молитвой за тебя она встрѣчала и провожала солнце....

ГЕРМАННЪ, бѣжить къ ней.

Матильда, дочь моя....

(Матильда падаетъ на колѣни. Германнъ въ ужасѣ останавливается.)

ГЕРМАННЪ.

Боже, да умереть ропотъ на грѣшныхъ устахъ..... Нѣтъ! Ты благъ; Ты милосердъ; я спасу тебя, Матильда, я изжену недугъ твой....

МАТИЛЬДА, упавъ безъ чувствъ.

Не можешь!....

ГЕРМАННЪ.

Огню, огню!.... Тамъ прежде всегда передъ ликомъ святымъ теплилась....

(Убѣгаетъ.)

МАРГЕРИТА, припадъ къ Матильдѣ.

Дочь моя, спаси несчастную!... Скрой нашу тайну; Богъ все устроитъ.... Матильда!....

МАТИЛЬДА, подымаясь.

Маргерита! Пусть только Богъ проститъ насъ!

ГЕРМАННЪ, вбѣгаетъ съ свѣтильникомъ.

Что? Очнулась? Ей лучше?....

(Оглядывается и въ ужасѣ останавливается.)

Гал!... Что?... Гдѣ я? Я не ослѣпъ, не сплю?...

(Подымая свѣтильникъ вверхъ.)

Небесныхъ звѣздъ сквозь кровлю ужъ не видно;
Въ цвѣтныя стекла смотрится луна;

Вездѣ цвѣты, ужъ нѣтъ сырой соломы;
Какъ вонны, торчатъ рѣзныя стулья...,
Остатки миру на столѣ!...

(Медленно приближается къ Маргеритѣ.)

Жена!

На милостыню этого не купишь.....

(Освѣщаетъ ее съ возрастающимъ ужасомъ.)

Одѣта, будто гостя городская!

(Съ трепетомъ прикасаясь къ ея одеждѣ.)

На плечахъ ленъ, на платки шелкъ шумить;
Жжетъ, больно жжетъ!... А въ праздничномъ нарядѣ
Сама мертва, какъ грѣшница предъ казнью.....

Преступные глаза замкнула совѣсть.....

Страхъ мести оковалъ твои уста.....

(Схвативъ ее за руку.)

Напрасно, Маргерита! Признавайся!....

Я тайну изъ души съ душою вырву!....

Чело горитъ стыдомъ, какъ-будто въ язвахъ.....

Все существо мое, что въ пылкѣ, стонетъ

Вся кровь, что море подъ бичомъ грозы.....

Въ разбитомъ сердцѣ — какъ въ пустой пещерѣ,

Единый голосъ слышу: Мести! Мести!....

МАРГЕРИТА.

Умилосердись, Германнъ.....

ГЕРМАНИНЪ.

Признавайся!

МАРГЕРИТА.

Но ты какъ волкъ! Я словъ моихъ боюсь!

Пустое слово разрѣшить грозу,

Что на меня въ душѣ твоей собралась....

ГЕРМАНИНЪ.

Молчу..... Молчу.....

МАРГЕРИТА.

Ты, Германнъ, бросилъ насъ!....

(Германнъ вздрогнулъ.)

Ты нашу жизнь сдалъ случаю въ опеку.....
 Слухъ о тебѣ не доходилъ до насъ.....
 Мы жили..... Нѣтъ, не жили..... прозябали;
 Насъ дождь понлъ, насъ грѣлъ морозъ; нашъ сонъ
 Ласкала буря и громовъ раскаты,
 Осенній листь служилъ намъ вмѣсто шубы.....
 Мы умирали ежедневной смертью;
 Мы за тебя молились, а уста
 Отъ стужи злой съ молитвой цѣпенѣли.....

(Германнъ одной рукой зкрывъ глаза, подаетъ знакъ,
чтобы Маргерита перестала.)

Былъ теплый день! Какъ тѣнь, моя Матильда,
 Полу-пагая поплелась къ часовнѣ.....
 Я умираю съ-голоду.....

ГЕРМАННЪ.

Довольно!

Преступникъ—я! Нужды тяжелый гнѣтъ
 Я наложилъ на нѣжное созданье.....
 Ты не снесла, ты не могла снести!....
 Твой грѣхъ на мнѣ: пусть будетъ казнь на мнѣ!

Я черные кудри посыплю золой,
 Пойду въ власяницѣ, босыми ногами,
 Ни слова не выможю, будто нѣмой
 Кормиться я буду моими слезами,
 Подушкой мнѣ будетъ колючій упрекъ,
 А сномъ—лихорадка страданья.....
 Быть-можетъ, помируетъ грѣшника Богъ
 Подъ тяжкимъ крестомъ покаянья!....

Прощайте! Маргерита, ты вдова!
 Ты обо мнѣ ужъ больше не услышишь!
 На! Золото, добычу сладкихъ пѣсень...
 Последнихъ пѣсень..... Пѣсни, пѣсни, пѣсни!!

(Рыдаетъ.)

Какъ-будто на сердцѣ живой водопадъ!
 Немолчно отрадныя пѣсни гремятъ.....
 И день или ночь на святыхъ небесахъ,
 А дума не дремлетъ..... Въ блестящихъ стихахъ,
 Что въ пѣнѣ жемчужной, съ надзвѣздныхъ высотъ
 Высокая мысль или чувство падетъ.....
 Не сносить богатства убогій пѣвецъ
 И дѣлить сокровища на сто сердець.....
 Но онъ не изсякнетъ, живой водопадъ;
 Отрадныя пѣсни немолчно гремятъ.....
 Вы, ласточки сердца, вы, духа орлы,
 Цвѣтущей любви золотые цвѣты,
 Вы, Божія ласка, вы, милость Творца....
 Изъ пѣсень тѣхъ звучныхъ душа у пѣвца.....

Простите! На вѣки! Ужъ васъ, не пѣвецъ,
 Устами лдяными цѣлуетъ мертвецъ!....

МАРГЕРИТА.

Опомнись, Германнъ!

ГЕРМАННЪ.

Не хочу! Мнѣ горько,
 Но въ этой горечи есть медъ небесный.....
 Уйдите! Дайте мнѣ васъ не увидѣть,
 Не вспомнить, что жена мнѣ измѣнила,
 Что я имѣлъ, что я любилъ жену.....

МАТИЛЬДА.

Родитель!

ГЕРМАННЪ.

Боже! Это кто! Чей это голосъ?....

МАТИЛЬДА.

Достойна я забвенья твоего,
 Достойна я отцовскаго проклятья.

ГЕРМАННЪ.

Проклятья?!

Русская Словесность.

МАТИЛЬДА.

Да, не Маргерита, я.....

ГЕРМАННЪ.

Что, ты?

МАТИЛЬДА.

Довѣрчивость—моя вина.....

МАРГЕРИТА.

Онъ обѣщаль жениться на Матильдѣ,....

МАТИЛЬДА.

День свадьбы назначаль.....

МАРГЕРИТА.

Своей супругой.

Передъ людьми онъ называль Матильду.....

ГЕРМАННЪ.

Кто онъ?

МАТИЛЬДА.

Рудольфъ.

МАРГЕРИТА.

Баронъ Огау.....

ГЕРМАННЪ.

Огау!

Скорѣй, скорѣй!

Сосчитай!

Пре-

У-

ай къ разсчету;

онъ,

стланку

прокій ножъ

Вслѣдъ за стихомъ, какъ молнія блестятъ.....
Я какъ животное тебя зарѣжу.....

(Схвативъ за руку Матильду и Маргериту.)

Пойдемъ!

МАТИЛЬДА.

Родитель!

ГЕРМАННЪ.

Мести, мести, мести!

Въ небесный громъ я слово облеку,
Могучими, горящими стихами,
Честь растерзаю, совѣсть обожгу,
И этими безкровными руками
Грудь разорву, гдѣ спрятанъ стыдъ отца,
Гдѣ милой дочери безчестіе таится.....
И теплый трупъ презрѣннаго врага
Германіи проклятемъ задымится!
И смерть твою далече разнесутъ
О подвигъ моемъ некупленные вѣсти;
Скорѣй, скорѣй, часы летятъ; зовутъ —
На паръ отградный.....

(Схвативъ и унося на рукахъ Матильду.)

Мести! Мести! Мести!

=

АКТЪ ВТОРОЙ.

Глава ..... оз ..... икъ Огау. Приготовлены мѣста для
сері ..... кой фамилии.—Вечеръ.

ВЫХОДЪ ПЕРВЫЙ.

ПАДОРЪ И КАСТЕЛЯНЪ.

КАСТЕЛЯНЪ.

На охоту одинъ не пойдетъ! Гулять по
тутъ такихъ нѣтъ...

МАТИЛЬДА.

Да, не Маргерита, я.....

ГЕРМАННЪ.

Что, ты?

МАТИЛЬДА.

Довѣрчивость—моя вина.....

МАРГЕРИТА.

Онъ обѣщалъ жениться на Матильдѣ.....

МАТИЛЬДА.

День свадьбы назначалъ.....

МАРГЕРИТА.

Своей супругой.

Передъ людьми онъ называлъ Матильду.....

ГЕРМАННЪ.

Кто онъ?

МАТИЛЬДА.

Рудольфъ.

МАРГЕРИТА.

Баронъ Огау.....

ГЕРМАННЪ.

Огау!

Скорѣй, скорѣй рассказывайте повѣсть,

Сосчитаны часы его свободы;

Предъ Богомъ сочetaють ихъ, а люди

Не разрѣшать священнаго союза.....

Скорѣй, скорѣй..... Коварный соблазнитель,

Онъ вашу нищету благословлялъ,

Онъ бѣдностью несчастныхъ любовался,

На нищихъ счетъ отраднo пировалъ.....

Но, конченъ пиръ! Рудольфъ, ступай къ расчету;

Цѣна извѣстна..... Честь твою, баронъ,

Сорву и растопчу въ куски какъ стлянку

Не шѣсни, нѣтъ, Рудольфъ, широкій ножъ

Вслѣдъ за стихомъ, какъ молнія блеснетъ.....
Я какъ животное тебя зарѣжу.....

(Схвативъ за руку Матильду и Маргериту.)

Пойдемъ!

МАТИЛЬДА.

Родитель!

ГЕРМАННЪ.

Мести, мести, мести!

Въ небесный громъ я слово облеку,
Могучими, горящими стихами,
Честь растерзаю, совѣсть обожгу,
И этими безкровными руками
Грудь разорву, гдѣ спрятанъ стыдъ отца,
Гдѣ милой дочери безчестіе таятъ.....
И теплый трупъ презрѣннаго врага
Германія проклятьемъ задымится!
И смерть твою далече разнесутъ
О подвигъ моему некупленнымъ вѣсти;
Скорѣй, скорѣй, часы летятъ; зовутъ —
На пиръ отраднѣй.....

(Схвативъ и унося на рукахъ Матильду.)

Мести! Мести! Мести!

=

АКТЪ ВТОРОЙ.

Главная зала въ замкѣ Огау. Приготовлены мѣста для герцогской фамиліи.—Вечеръ.

ВЫХОДЪ ПЕРВЫЙ.

ПИЛЬПАДОРЪ И КАСТЕЛЯНЪ.

КАСТЕЛЯНЪ.

Нѣтъ нигдѣ! На охоту одинъ не пойдетъ! Гулять не время! Сосѣдей тутъ такихъ нѣтъ...

ПИЛЬПАДОРЪ.

Да есть сосѣдки....

КАСТЕЛЯНЪ.

Что ты глупости врешь!—Сосѣдки у всякаго барона есть. Нельзя безъ сосѣдокъ. Женится по баронству, и какъ тамъ по уму-разуму приходится; ну, и жена—баронесса; а любить по-сердцу. А у большихъ людей и сердце большое....

ПИЛЬПАДОРЪ.

Видно, и я большой человекъ... Страхъ люблю хорошенькихъ, всѣхъ, всѣхъ, сколько ихъ ни есть на свѣтѣ; на всѣхъ бы женился....

ВЫХОДЪ ВТОРОЙ.

ТЪ ЖЕ И ШПИРЦПРУНГЪ.

ШПИРЦПРУНГЪ.

Безпорядокъ! Ужасный безпорядокъ! Ни на одной бочкѣ не написано котораго году! Погребъ безъ хронологіи! Не слыхано, не видано! Я долженъ былъ отвѣдывать всѣ бочки! Языкомъ опредѣлять возрастъ вина; а есть превосходныя! Какой аромать! будто цвѣтникъ въ бочкѣ.... Рай, просто рай! Если бы въ перспективѣ не было пиру,—я остался бы тамъ.... Но, кастелянъ, еще безпорядокъ! На кухню, я нашелъ только оленшпу; я приказалъ убить быка, десять барашковъ, сотню кормленныхъ куръ, но вѣдь все это такъ ordinarily! Бога вы не боитесь! Никакой дичи! Что герцогъ подумаетъ о нашей области!

КАСТЕЛЯНЪ.

Но, господинъ баронъ!....

БАРОНЪ.

Полно, не оправдывайся! Я принялъ уже мѣры! Дичь будетъ! Черезъ часъ вся моя кухня будетъ здѣсь къ услугамъ моего благороднаго сосѣда... Но гдѣ скороходы, гдѣ факелопосцы, трубачи?.... Подумайте, что вы встрѣчаете не какого-нибудь пилъгрима, а держав-

наго герцога Баваріи и Тироля, вашего государя..... Безпорядокъ, безпорядокъ, ужасный безпорядокъ!.... Пстойте, кастелянъ! Я уже распорядился! Но пошлите на башни людей, прикажите зажечь маяки; надъ воротами поставьте смоляныя бочки; на главномъ дворѣ площадки.... Ну, скорѣе, скорѣе.... Я только сбѣгаю на кухню!....

ВЫХОДЪ ТРЕТІЙ.

ПИЛЬПАДОРЪ, одинъ.

Можно подумать, что не баронъ Огау, а баронъ Шпирцпругъ женится на Кунигундъ.... Вотъ, поди! Какихъ людей на свѣтъ нѣтъ! Ему до всѣхъ дѣло, кроме себя... А бѣдный мой братецъ, если не ошибаюсь, ушелъ, спрятався отъ своего счастья! Тоже странно и съ этой стороны посмотрѣть на человека. Женится по завѣщанію, не по своей волѣ; подай ему красавицу что краше всѣхъ красавицъ вмѣстѣ... Не нравится..... Право, глупо, что у меня не было такого умнаго отца! Мой старикъ не оставилъ ни какого завѣщанія; умеръ прескверно, въ конюшнѣ; когда его хоронили, я горько плакалъ, потому что онъ не оставилъ ровно ничего, даже завѣщанія. Конюхъ Антонъ сказалъ: полно плакать, не поможешь, лучше смѣйся. Я и давай смѣяться... Спасибо Антону! Куда ни повернусь, смѣшно. Вотъ напримѣръ....

ВЫХОДЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

ПИЛЬПАДОРЪ и РУДОЛЬФЪ, въ задучивости.

ПИЛЬПАДОРЪ.

Братецъ Рудольфъ! Братецъ Рудольфъ! Куда ты запропалъ! Бдутъ, бдутъ! Я ихъ видѣлъ! Часу не пройдетъ....

РУДОЛЬФЪ.

Часу не пройдетъ, и судьба моя совершится! Нѣтъ, Матильда..... Ты меня не поняла! Безъ тебя, я умру

въ блескъ славы и могущества! Да! Для тебя я пожертвую честью принадлежать къ высокому владѣтельному дому Альберта! Онъ справедливъ, великій столбъ Германіи! Онъ уничтожитъ безумный завѣтъ своего друга! Онъ не захочетъ.....

ВЫХОДЪ ПЯТЫЙ.

ТЪ ЖЕ И БАРОНЪ ШПИЦПРУНГЪ, ведетъ музыкантовъ на возвышеніе.

ШПИЦПРУНГЪ.

Сюда, сюда! Глядите, не ошибитесь, не примите какого-нибудь расшитаго въ золото шута за герцога. Онъ одѣтъ какъ я; онъ будетъ вести за руку красавицу, будущую вашу баронессу.....

РУДОЛЬФЪ.

Никогда, никогда.

ШПИЦПРУНГЪ.

А, вы ужь здѣсь! Сдѣлайте милость, не мѣшайтесь не въ свое дѣло! Вы не знаете чего мнѣ стоило привести весь этотъ хаосъ въ гармонию! Пильпадоръ, что жь ты стоишь! Подай барону цѣпь, мечъ и парадную шляпу. Ухъ, усталъ. Изъ силъ выбился! Пойдите! Пойдите! У васъ маншеты поизмялись.... Вотъ такъ!... Ну, теперь цѣпь!... Хорошо! Теперь мечъ... Прекрасно!—Надѣвайте шляпу!... Слава Богу, все въ порядкѣ... Только въ такой огромной залѣ пусто.... Герцогъ можетъ обидѣться... Будущая баронесса оскорбится... Пойдите! Пойдите!

(Уходить.)

ВЫХОДЪ ШЕСТОЙ.

РУДОЛЬФЪ И ПИЛЬПАДОРЪ.

РУДОЛЬФЪ.

Будущая баронесса! Нѣтъ! Я брошусь въ ноги Альберту; я разскажу ему душу свою, какъ исповѣданнику....

Пильцадоръ.

При всѣхъ! Послушайся, братецъ, моего дурацкаго разсужденія! То что наединѣ принимаютъ за ласковое слово, при другихъ считаютъ грубостью. Что же ты, баронишка, закричить герцогу: изволишь брезгать моею племянницей! Вотъ я тебя! А эти большіе господа умѣютъ такъ брови насушить, что со страху на двухъ племянницахъ женишься.

Рудольфъ.

Но если сердце мое....

Пильцадоръ.

Станетъ онъ спрашиваться твоего сердца; пошелъ, женись; а не хочешь, такъ вонъ изъ замковъ и помѣстствъ; у меня жениховъ много; вонъ баронъ Людовикъ Эмерсъ, такъ за Кунигундой и ухаживаетъ; и та на него кошкой поглядываетъ; на, тебѣ, Людовикъ, Кунигунду; на, тебѣ и замки и помѣстья Огау! Такъ было угодно старому моему другу.... А этого долой со двора, а за безчестье послѣ взыщу.... И взыщеть!

Рудольфъ.

Такъ! И нищій я уже не буду въ силахъ устроить ея счастья!

ВЫХОДЪ СЕДЬМОЙ.

Тѣ же и шпирцпругъ, съ толпой сельскихъ дѣвушекъ.

Шпирцпругъ.

Вотъ сюда! За рѣшетку!... Только стоять смирно! Не горланить; руками не размахивать; помнить, что вы не вѣтряныя мельницы, а гости въ замкъ Огау. Которыя почище одѣты, впередъ; хорошенькія тоже впередъ... О-го! Всѣ впередъ лѣзутъ; а у иной рожа—прости Господи! Пойдите, пойдите, на ковры не ступайте! Нынче грязное время!... Какъ—только герцогъ на порогъ, вы всѣ вотъ такъ и присядьте (*присѣдаютъ*) и кричите: да здравствуетъ Альбертъ Великій!...

ДЕВУШКИ.

Да здравствуетъ Альбертъ Великій!

ШПИРЦПРУНГЪ.

Молчите! Молчите! Ну, а потомъ: Да здравствуетъ
Кунигунда, мать и надежда наша!

ВЫХОДЪ ОСЬМОЙ.

ТЪ ЖЕ И КАСТЕЛЯНЪ.

КАСТЕЛЯНЪ.

Блудть!

В СЪ.

Блудть!

ШПИРЦПРУНГЪ.

Постойте! Постойте! Факелы впередъ!.. Скореходы...
Ну, баронъ, теперъ вы! Теперъ я! Ты, дуракъ, отстань
на пол-мили.... Маршъ!

ГУДОЛЬФЪ.

Нѣтъ! Я не могу! Душа моя смущена, сердце бьет-
ся.... Матильда! Матильда!

ШПИРЦПРУНГЪ.

Вы ошибаетесь, баронъ: не Матильда, а Кунигунда!
Боже васъ сохрани, такъ ошибиться передъ герцо-
гомъ.... Впередъ!...*(На дворъ.)*

Да здравствуетъ Альбертъ Великій!

ШПИРЦПРУНГЪ.

Браво! Это мои повара и конюхи! Молодцы! Ну, те-
перь наша очередь! Кастелянъ! отворяй двери! *(На пути*
Рудольфу.) Больше важности, баронъ! Голову вверхъ...
Эй, вы, трубачи! Дѣвушки!.. Глядите, не прозѣвайте!....
(Проходя мимо публики торжественно.) А? что?
Каково?....

ВЫХОДЪ ДЕВЯТЫЙ.

(Изъ другихъ дверей Германнъ ташить за руку Маргериту и
Матильду.)

ГЕРМАННЪ.

Ушли! Сюда! Спрячьтесь за этихъ поселянокъ! А я,
какъ левъ, лягу на аренъ....

Безчестье—проказа на честномъ челѣ;
 Но кровью проказу смываютъ,
 И кто отомстить, то на бѣдной землѣ
 Того ужъ честнымъ величаютъ;
 А горе, а слезы, а подвигъ грѣха!
 Ихъ черная кровь не воротить!
 Толпа рукоплещеть, но та же толпа
 Отмищенной презрѣнемъ заплатитъ.
 И смерть соблазнителя сказкой пройдетъ
 А дѣву замучитъ злословье....
 Умрешь, но насмѣшка съ тобой не умретъ,
 А ляжетъ въ гробу въ изголовье....
 И злобѣ въ потѣху ночью порой
 Твой трупъ изъ могилы подыметъ,
 Натѣшится злоба и дерзкой рукой
 Въ позорную яму закинетъ....

(Побѣди́въ.)

Я слышалъ: когда-то Римлянинъ былъ
 И дочь у него соблазнитель взялъ силой....
 Чтò жъ!

(Оглядывается.)

Римлянинъ прежде....

(Шопотомъ.)

Дѣву.... убилъ....

(Трепеща и закрывая лицо руками.)

Спаси меня, Богъ, и помилуй!

ВЫХОДЪ ДЕСЯТЫЙ.

ТЬ ЖЕ, ФАКЕЛОНОСЦЫ, СКОРОХОДЫ, ПАЖИ, БАРОНЫ, БАРО-
 НЕССЫ, БАРОНЪ ШПИРЦПРУНГЪ, БАРОНЪ ОГАУ, ПАЖИ И
 АЛЬБЕРТЪ, ведутъ за руку Кунигунду; ПАЖИ, ВОЙСКО.

ШПИРЦПРУНГЪ, показывая руками тру-
 бачамъ.

Ну, разомъ!

(Трубы.—Подбѣгая къ поселянамъ.)

Ну-ка, ну-ка, тоже вмѣстѣ, складно и ладно! Разъ,
 два, три!

ПОСЛАНИЕ.

Да здравствуетъ Альбертъ Великій!...

ШПИРЦПРУНГЪ, хватая за руки Рудольфа и Германна.

Ну, теперь на колѣна, какъ прилично честнымъ и знатымъ вассаламъ....

(Всѣ бароны становятся на колѣна, баронессы преклоняются.)

АЛЬБЕРТЪ.

Миръ дому благороднаго друга моего! Баронъ Морицъ! Тѣнь твоя между нами! Ты слышишь, ты видишь, какъ свято исполняю обѣтъ мой. Да возрадуются благородныя кости твои. Встаньте, благородныя бароны Тироля!

(Всѣ встаютъ.)

Недавно воля священнаго Имперскаго Сейма поручила мнѣ судьбу вашей страны! Я желалъ и желаю одного—мира! Подъ бурей и крѣпкій дубъ расти не можетъ; но въ тиши достигаетъ небесъ и широкими вѣтвями бросаетъ благотворную тѣнь на цѣлую область. Пріятно сердцу моему, что въ наше печальное время, на всемъ пространствѣ моего электората, пламени войны погасъ, кровь не льется; миръ цвѣтетъ и общаетъ богатые плоды....

Баронъ Рудольфъ! Передъ твоими сосѣдями и баронами Тироля объявляю, что я избралъ тебя супругомъ племянницы моей, Кунигундъ, баронессъ Трентской! Отецъ твой спасъ жизнь мнѣ, когда мы съ нимъ сражались противъ Оттомановъ въ Венгрии.... Тогда еще и тебя и Кунигунду носили въ пеленкахъ; мы дали другъ другу слово устроить ваше счастье! Замокъ моего друга, гдѣ совершился обѣтъ, я избралъ мѣстомъ исполненія воли нашей! Я здѣсь съ Кунигундой, со всемъ дворомъ моимъ!... Почтимъ прахъ Морица на-

гробнымъ пѣніемъ и приступимъ къ свадьбѣ.... А пока
познакомъ меня съ моими благородными вассалами....

ШПИРЦПРУНГЪ.

Ваша свѣтлость, высокомогущій герцогъ баварскіи,
электоръ римской имперіи, господинъ Тироля и мно-
гихъ другихъ странъ верховный властитель! Простите
замѣшательству моего друга! Я никогда не теряю при-
сутствія духа, но если бы на меня ниспало такое сча-
стіе, не ручаюсь, я смутился бы, оцѣмъ бы отъ радо-
сти,—что случилось и съ моимъ другомъ; поручилъ бы
другому исполнить долгъ хозяина,—что мой другъ и
сдѣлалъ. Въ силу и слѣдствіе того имѣю счастье начать
съ себя и представить въ особъ моей барона Кристофа,
Герменегильда, Марію, Каэтана Шпирцпрунга, по-
томка многихъ знаменитыхъ и славныхъ предковъ....

АЛЬБЕРТЪ, съ улыбкой.

Радъ вашему знакомству.... Въ какихъ походахъ
бывали?...

ШПИРЦПРУНГЪ.

Въ разныхъ, ваша свѣтлость, но по миролюбивому
характеру оставилъ военное поприще; стараюсь обод-
рять мирныя и полезныя занятія; въ-особенности по-
кровительствую винодѣлію; и могу увѣрить вашу свѣт-
лость, что нѣкоторые сорта уже соперничаютъ съ
винами рейнскаго электората....

АЛЬБЕРТЪ.

Примите мою признательность, баронъ....

ШПИРЦПРУНГЪ.

Я совершенно счастливъ вниманіемъ вашей свѣтло-
сти.... Теперь позвольте представить барона.... (*Взявъ
за руку Германа.*) Какъ васъ зовутъ? Подсказывайте
проворше....

ГЕРМАНЪ.

Германномъ....

ШПИРЦПРУНГЪ.

Барона Германна....

АЛЬБЕРТЪ, ласково.

Ну, этого барона я знаю. Здравствуй, Германнъ!
 Чтò, видѣлъ своихъ?...

ГЕРМАННЪ.

Видѣлъ!...

АЛЬБЕРТЪ.

Обрадовались?...

ГЕРМАННЪ.

Чуть не до-смерти....

АЛЬБЕРТЪ.

Однако же хотя съ трудомъ отпустили. Я не надѣялся
 тебя здѣсь видѣть.... Мы разстались, кажется, на
 всегда. Признаюсь, Германнъ, я скучалъ безъ тебя;
 Минезингеры мои не по моему вкусу.... Любовь, да
 любовь! Соблазнитель, да измѣнникъ....

ГЕРМАННЪ.

Да! Ихъ много, великій государь! Они ходятъ тол-
 пами по вашимъ коврамъ, посягаютъ на родство съ
 вами, и скрываютъ свои подвиги подъ золотыми по-
 кровами....

АЛЬБЕРТЪ.

Германнъ! Чтò съ тобой!

ШПИРЦПРУНГЪ.

Чтò съ вами, баронъ!!!...

ГЕРМАННЪ.

Арфу! Арфу! Арфу!...

ШПИРЦПРУНГЪ.

Подайте арфу благородному барону!... Неудобно ли
 вашей свѣтлости занять мѣсто?... Сидя лучше слу-
 шать....

АЛЬВЕРТЬ, подводя Кунигунду.

Рудольфъ, теперь уже ты долженъ быть опорой Кунигундъ... Мой долгъ—конченъ....

РУДОЛЬФЪ, въ замѣшательствѣ.

О! Я счастливъ.... Полнота моего счастья....

(Садится.)

ГЕРМАННЪ, про себя.

Достигла края!... Я опрокину чашу твоего блаженства....

ШПИРЦПРУНГЪ.

Вотъ вамъ почетный табуретъ, вотъ сладкозвучная арфа.... По-настоящему, надобно бы добрую чару вина пропустить предварительно, для очистки голоса.... А? какъ вы думаете, баронъ?...

(Германнъ не слушая его, начинаетъ наигрывать на арфѣ и какъ-будто что-то припоминаеть.)

ШПИРЦПРУНГЪ.

Онъ не о томъ думаетъ.... Чудакъ! Будто безъ вина можно выдумать что-нибудь порядочное.... Увидите, понесетъ гиль....

(Германнъ играетъ сильнѣе и сильнѣе, но послѣ рѣзкаго аккорда, останавливается; оставивъ арфу, восторженный, медленно выходитъ впередъ.)

БАЛЛАДА.

Ударилъ въ колоколъ; въ церковь зовутъ;

Печалью одѣлась столица;

Властителя Чеховъ въ могилу несутъ....

Но гдѣ жъ королева-вдовица?

Но гдѣ же младенецъ, богемскій король?...

Ихъ ночью изъ замка украли

И будто злодѣевъ въ далекій Тироль

Подъ стражей тайкомъ отослали.

Заплакали Чехи.... и стали искать

Собѣ короля межъ чужими....

Т. LXVIII. — Отд. I.

1/4

Достоинному мужу рѣшили отдать
 Корону съ дарами святыми.
 Ихъ выборъ одобрилъ имперскій соборъ;
 Весь свѣтъ освятилъ ихъ рѣшенье....
 Съ короной послы привезли приговоръ
 И чешской земли приношенья....

Онъ принялъ дары, приговоръ цѣловалъ
 И къ сердцу прижалъ онъ корону.
 «Не мнѣ и не вамъ!» онъ Богемцамъ сказалъ:
 «Вънецъ отдадимъ по закону.
 «И въ ссылкѣ—у васъ есть законный король;
 «Мнѣ въ тягость чужая держава....»
 И занялъ онъ войскомъ гористый Тироль,
 Изъ плѣну исторгъ Владислава.

Спокойно младенца возвелъ онъ на тронъ;
 И подвигу свѣтъ изумился....
 И снова надъ міромъ священный законъ
 Альберта рукой вопарился....

всѣ.

Да здравствуетъ Альбертъ Великій!

ГЕРМАННЪ.

Да здравствуетъ вѣки, кто право другихъ,
 Какъ право свое уважаетъ;
 Кто слабыхъ и добрыхъ отъ сильныхъ и злыхъ
 Сѣкирой суда защищаетъ!
 Кто чтитъ справедливость, какъ благо земли!
 Кто подданнымъ дѣлитъ равно свой судъ царскій!
 Пошли ему, Господи, долгіе дни!
 Да здравствуетъ Альбертъ Баварскій!

всѣ.

Да здравствуетъ! Да здравствуетъ!

АЛЬБЕРТЪ, встѣвая.

Друзья мои и дѣти! Первый разъ слышу отъ Германна льстивые стихи, но, признаюсь, желалъ бы ихъ обратить въ истину.... Справедливость принадлежитъ только Богу....

ГЕРМАННЪ.

И королямъ!

Справедливый Альбертъ,
Вызываю тебя
На праведный судъ,
На тяжбу святую....

АЛЬБЕРТЪ.

Что это значить, Германнъ?...

БАРОНЫ.

Не мѣсто! Не мѣсто!....

ГЕРМАННЪ.

Чужія страсти и страданья
Я вамъ рассказывалъ въ стихахъ.
И жадно, въ трепетномъ молчаньи
Вы мнѣ внимали на пирахъ.
За что жъ теперь своей печали
Не смѣете высказать пѣвецъ!...
Нѣтъ, пѣснь, что честь и мечь слагали
Поетъ обиженный отецъ.

И пламя въ глазахъ

И жаръ на устахъ

И дыбомъ подымется волосъ,

И стыдъ на душѣ

И сердце въ огнѣ,

И рвется какъ питка мой голосъ.

О, какъ разсказать
 Въ словахъ передать
 Всѣхъ чувствъ нескондную пытку!...

Изъ молній, изъ аду,
 Изъ пламени аду
 Я пѣсню послѣднюю вытку....

(Въ сильной внутренней борьбѣ.)

Ахъ!

Скорѣе, скорѣе, желѣзо въ ножнахъ
 Какъ-будто живое зардѣлось
 И руки зудятъ, а въ горящихъ устахъ
 Смерть крови чужой захотѣлось....

(Взглянувъ на Рудольфа, быстро подходитъ къ нему и взявъ
 за руку, выводитъ его на передъ-сцену... Всѣ встаютъ и окру-
 жаютъ ихъ.)

АЛЬБЕРТЪ.

Опомнись, Германнъ!

РУДОЛЬФЪ.

Чего ты отъ меня хочешь, неистовый!

ГЕРМАННЪ.

Я тигръ—ты змѣя! Ты готовься, баронъ!
 Бой будетъ свирѣпъ, но не равенъ....
 Смиранный пѣвецъ, я стыдомъ опаленъ,
 Барономъ Огау обезславленъ!...

РУДОЛЬФЪ.

Что съ тобой! Я тебя вижу первый разъ въ жизни!

АЛЬБЕРТЪ.

Успокойся, Германнъ! Объясни!

ГЕРМАННЪ.

Онъ мой!! Никому я змѣи не отдамъ;
 Ножомъ у цѣмѣнника сердце добуду,

И дочери бѣдной то сердце продамъ....

И дочь и змѣю позабуду....

МАТИЛЬДА, вырывается изъ рукъ матери, бѣжитъ и схвативъ отца за руку, падаетъ на колѣни.

Германнъ, Германнъ, не убивай его! Я ему прощаю!

РУДОЛЬФЪ, закрывъ руками глаза.

Боже Великій! Отецъ Матильды....

(Германнъ указываетъ на Матильду; общее изумленіе и молчаніе.)

ГЕРМАННЪ.

Узналъ! И не бьетъ лихорадка стыда

Къ злодѣйству привыкшую совѣсть!...

Отбрось же притворство; гляди ей въ глаза;

Дослушай кровавую повѣсть....

Я слышалъ, когда-то Римлянинъ былъ

И дочь у него соблазнитель взялъ силой,

Что жъ?... Римлянинъ прежде Матильду убилъ....

(Вынимаетъ ножъ.)

Всѣ, въ ужасѣ.

Спаси насъ Господь и помилуй!...

РУДОЛЬФЪ, схвативъ его за руку.

Германнъ! Пощади! Она невинна!

ГЕРМАННЪ.

Знаю!

РУДОЛЬФЪ.

Я не могъ исполнить безумнаго, неосторожнаго обѣта. Я, я одинъ преступникъ... О, и я знаю, что ей на долю остается....

ГЕРМАННЪ.

Смерть!

РУДОЛЬФЪ.

Мою, мою жизнь возьми, Германнъ!

АЛЬБЕРТЪ.

Умолкните, вассалы! Я вашъ государь и судья! Баронъ Рудольфъ, судьба поставила тебя между сыновнимъ послушаніемъ и любовью, между страхомъ или потерять мою милость и богатства—или любимую женщину.... Баронъ Огау! Мы дали съ Морицомъ другъ другу слову устроить ваше счастье.... Кунигунда не будетъ препятствовать твоему... и возвращаетъ данное тебѣ слово....

ШПИРЦПРУНГЪ.

Какъ? Что? А?... А свадебный пирь?... А вина, уставленные въ порядкѣ лѣтъ и достоинства, будто на лѣстницѣ.... Ваша свѣтлость... А ~~завѣщаніе?~~

АЛЬБЕРТЪ.

Я за все и за всѣхъ отвѣчу Морицу! Мое дѣло устроить дѣйствительное и прочное счастье его сына! Бароны и вассалы, поздравьте (*беретъ за руку Матильду*) здѣшнюю баронессу и властительницу трубными звуками и радостными восклицаніями....

ШПИРЦПРУНГЪ.

Трубы! Трубы! Пирь будетъ! Громче! Громче!

РУДОЛЬФЪ.

Государь и отецъ! Я не достоинъ ни такой милости, ни Матильды....

ГЕРМАННЪ, оторопѣлый, начинаетъ тихо.

Вы слышали..... Буря неслась въ небесахъ;
Перуны грудь міра огнемъ раздирали;
И рушились дубы; въ кровавыхъ волнахъ
Несчастныя жертвы уже утопали....

Но онъ захватилъ насъ державной рукой
И на берегъ твердый воставлялъ,
И правду святую предъ цѣлой землей
Онъ подвигомъ новымъ прославлялъ....

АЛЬБЕРТЬ.

Честный Германнъ! Мы оба только исполнили долгъ
нашъ... Благослови дѣтей!...

ГЕРМАННЪ.

Дѣти! У меня опять есть дѣти! Я опять женатъ. Мар-
герита, Матильда, Рудольфъ, сюда, сюда!

(Обнимаются.)

АЛЬБЕРТЬ.

-Кунигунда! Счаствіе Рудольфа упрочено! Надо поза-
ботиться и о твоёмъ! Мнѣ известна склонность твоя къ
Людovicу. Баронъ Эммерсъ! Ты также сынъ моего до-
браго вассала и друга. Твоему прекрасному сердцу по-
ручаю судьбу любимой племянницы.

(Баронъ Эммерсъ и Кунигунда изъявляютъ радость и призна-
тельность.)

ШПИРЦПРУНГЪ.

Ваша свѣтлость! И я счастливъ, я вполне счастливъ:
два пира вдругъ! Это весьма полезно для успѣховъ ви-
нодѣлія.... Но я не знаю, какъ это будетъ. Мы гото-
вились только къ одной свадьбѣ... Пойдите, посто-
йте!... Я сбѣгаю....

ВЫХОДЪ ПОСЛѢДНІЙ.

ТѢ ЖЕ, КРОМѢ ШПИРЦПРУНГА.

АЛЬБЕРТЬ.

Германнъ, у насъ съ тобою сегодня двойная радость!
За добрымъ пиромъ ты почтишь ее доброй пѣсней!

ГЕРМАННЪ.

Единую пѣснь я въ душѣ заключилъ;

Клянуся, другой тамъ не будетъ;
Ту пѣснь ты дѣлами своими сложилъ
И время тѣхъ дѣлъ не забудеть;
Стихи вѣковые въ вѣкахъ не умрутъ—
Ихъ поздній потомокъ услышитъ....
    Ту пѣсню народы Альберта поютъ
А дѣтисы золотомъ пишутъ....

Н. КУКОЛЬНИКЪ.

=

БЫЛЪ НЕ БЫЛЪ И НЕ СКАЗКА.

=

I.

Н А Ч А Л О.

— Бросьте ее въ болото, вашу Анну Ивановну, съ ея дѣломъ совсѣмъ, любезнѣйшій Федоръ Ивановичъ!

— Дѣльцо-то интересное, Павелъ Марковичъ.....

— Повѣрите ли, что оно мнѣ и вотъ тутъ сидитъ и вотъ тутъ стало и вотъ этакая голова!....

При этомъ Павелъ Марковичъ сначала показавъ рукою на свою грудь, послѣ на горло и, наконецъ, поднялъ обѣ руки надъ головою, будто несъ что-то очень тяжелое на головѣ.

— Ваша правда, замѣтилъ Федоръ Ивановичъ: а всё-таки надобно же что-нибудь говорить, знаете, такъ, для провожденія времени.....

— Это правда, а знаете ли что я думаю?...

— Не знаю, Павелъ Марковичъ.

— Пойдемъ-ка слушать соловья.

— Пожалуй пойдемъ. У васъ, говорятъ, отличный соловей.

— Восхитительный!.... А вы слышали о моемъ соловьѣ?.... Развѣ говорить о немъ?

— Какъ же! Сегодня мы съ часикъ убили времени, въ почтовой конторѣ, говоря о разныхъ птицахъ..... Почтмейстеръ не нахвалится вашимъ соловьемъ. Это, говорить, просто второй Паганини.... Знаете, изъ газетъ вычиталь.

— Тò-то онъ, каждый вечеръ, такъ попозднѣе ходитъ мимо моего саду съ тросточкою; а я уже подумывалъ и то и другое: человекъ, думаю, молодой, овдовѣлъ недавно, а у меня дворня порядочная, при женѣ дѣвушка такъ и въ гребенкахъ ходять и въ фартучкахъ....

— Э! нѣтъ, почтмейстеръ человекъ благочестивый....

— Благочестивый, грѣхъ сказать. Ну, пойдите, Федоръ Ивановичъ.

— Пойдемте, Павелъ Марковичъ.

Это было весною, часу въ девятомъ, а можетъ-быть и въ десятомъ вечера. И было далеко отъ Петербурга въ губернскомъ городѣ.... Вотъ и раздумье беретъ: какую ни поставь букву, добрые люди приберутъ къ буквѣ губернской городъ, скажутъ что это личность—городъ обидится. А надобно назвать городъ, и въ сказкахъ называютъ города по имени, а у меня не сказка, хоть и не былъ.— Въ этомъ городѣ послѣ дождика мостовая бываетъ какого-то коричневаго цвѣту, у архитектора коричневаго дрожки, одна важная дама ѣздитъ въ коричневомъ бурнусѣ и въ коричневомъ капотѣ, многіе чиновники носятъ коричневые фраки и курятъ коричневаго цвѣту табакъ, который даже немного пахнетъ дорнцемъ, красныя крыши на домахъ отъ времени сдѣлались коричневыми и въ городѣ очень много гнѣдыхъ лошадей, которыя, какъ извѣстно всякому, имѣютъ большую претензію на коричневый цвѣтъ.— По этимъ причинамъ, кажется, не грѣша противъ совѣсти, можно назвать *онимъ* губернскій городъ—Коричневый.

И такъ два пріятеля, чиновники губернскаго правленія Коричневаго города вышли въ садъ слушать соловья. Не думайте, чтобы соловей былъ собственность Павла Марковича и вселѣ въ саду въ клеткѣ, нѣтъ, онъ принадлежалъ столько же Павлу Марковичу, какъ и Федору Ивановичу, а только цѣлъ въ саду у перваго; но Павелъ Мар-

ковичъ рѣшительно считалъ его своимъ и готовъ былъ разсориться съ пѣлымъ свѣтомъ, если бѣ свѣту нечего было дѣлать и онъ сталъ увѣрять, что соловей поетъ такъ же какъ и всѣ другіе.

Погода была тихая, прекрасная, садъ пѣлъ, въ Коричневомъ утихала ѣзда, соловей громко пѣлъ въ густой черемухѣ.

— Слышите, слышите, Федоръ Ивановичъ?

— Слышу, Павелъ Марковичъ.

— Да не кричите такъ, вы, съ позволенія сказать, орёте такъ на солсвья, какъ на вашего пріятеля въ казначействѣ; птица испугается..... слышите, слышите? экъ дробить! словно пальчиками кто перебираетъ у него въ горлѣ.

— Слышу.

— Удивительная птица!....

— Удивительная.

— Восхитительная!

— Восхитительная.

— Однако.... постойте, постойте, Федоръ Ивановичъ.... слышите.... онъ, чортъ его знаетъ, какъ выкричался.... замѣчаете, какъ баситъ.... право, баситъ!...

— Чтѣ же тутъ удивительнаго? Вѣрно, изъ мужскаго пола.

— Постойте.

Соловей вдругъ умолкъ; но въ саду раздавалась трель, довольно грубая для соловья, будто кто выдѣлывалъ ее на скрипичномъ баскѣ. Трель постепенно затихала, новые звуки смѣняли ее сильнѣе и сильнѣе: далеко въ концѣ сада кто-то игралъ на скрипкѣ извѣстный во *время-она* бе-мольный вальсъ господина Рачинскаго.

— У васъ кто-то играетъ на скрипкѣ, замѣтилъ Федоръ Ивановичъ.

— Нѣтъ, не у меня, а въ саду его превосходительства; онъ изволилъ нанять себѣ домъ купца Подметкина.

— Вотъ счастливое сосѣдство!.... одинъ заборъ раздѣляетъ васъ отъ начальника.... нѣтъ, Павелъ Марковичъ, признайтесь, вамъ везетъ!

— Что жъ тутъ такого? Я служу честно.... жалобъ на меня нѣтъ.... люблю благочестіе.... Разумѣется, почетное сосѣдство.... да и то надо вспомнить: близъ чести близъ смерти!...

— И то правда!... Такъ это его превосходительство такъ нарѣзываетъ?

— Богъ знаетъ что вамъ въ голову плыветъ!.... гдѣ бы такому лицу заниматься скрыпкою? Человѣкъ важный, въ Петербургѣ происходилъ чинами весь свой вѣкъ, было ли ему время для скрыпки!... А всё-таки любопытно знать, кто это такой смѣльчакъ? играетъ бойко. Подойдемте къ забору.

— Подойдемте, это любопытно.

Пріятели тихо подошли къ досчатому забору и начала осторожно смотрѣть въ щелку: въ саду его превосходительства было довольно темно; въ концѣ аллеи между зеленою бѣлѣмъ домъ, въ окнахъ не было свѣту; скрышка играла по-прежнему, только не вальсъ, а варіаціи того же Рачинскаго на пѣсню: *Чѣмъ тебя я огорчила.*

— Пойдемте домой, Павелъ Марковичъ, какого нечистаго мы здѣсь увидимъ? перекусимъ чего-нибудь, да я и домой, шепталъ Федоръ Ивановичъ.

— Тсъ!.... Павелъ Марковичъ дернулъ за полу своего пріятеля и по-тихонько кашлянулъ.

— Гмъ! отозвалось за заборомъ.

Павелъ Марковичъ толкнулъ Федора Ивановича, высунулъ на сторону языкъ и поднялъ кверху указательный палецъ. Федоръ Ивановичъ кивнулъ головою.

— Это вы.... началъ говорить тоненькій голосокъ за заборомъ.

— Я, я, Прасковья.... отвѣчалъ Павелъ Марковичъ.

— Ахъ! я думала.....

— Что ты думала?

— Ничего, я думала: это, вѣрно, сосѣдъ, Павелъ Марковичъ слушаетъ музыку.....

— Да, да, это мы съ Федоромъ Ивановичемъ гуляли по саду, да остановились немножко отдохнуть.... А что тамъ у васъ какъ?... все благополучно?

— Все слава Богу. Я вотъ это собираю хозяйну зорю для настоекки.

— Хорошая настойка изъ зори, если прибавить немного маты.... А что тамъ у васъ, новый жилецъ, что ли?...

— Да, переѣхали третьяго дня....

— Гмъ! и ничего этакъ?

— Ничего, такой добрый....

— Разумѣется!.... онъ, кажется, человекъ не женатый?

— Вы лучше меня знаете — а для меня всё-равно, что нѣ въ немъ? Только-что хорошо играетъ на скрипкѣ....

— Такъ это онъ играетъ?

— А кто жъ? извѣстно онъ.

— Вотъ штука!....

— Куда ему, Павелъ Марковичъ, заниматься скрипкой! насмѣшливо замѣтилъ Федоръ Ивановичъ.

— Вотъ вы, пожалуй, еще изъ этого и исторію выведете, Федоръ Ивановичъ! Тѣмъ болѣе чести, что такой важный человекъ занимается для отдыха такимъ пріятнымъ искусствомъ. Я даже своего Васю хочу учить играть на скрипкѣ. Это самый благородный инструментъ... Ну, послушай, милая Прасковья, такъ онъ того?...

— Прасковья! раздался въ саду визгливый голосъ жены Подметкина, Прасковья, гдѣ ты?! а? а Прасковья?...

— Здѣсь, матушка! закричала Прасковья, отбѣгая отъ забора.

— Проклятая самоварница! ворчалъ Павелъ Марковичъ, идя домой: раскричалась будто барыня какая, будто съ нея кожу дерутъ; не дала ни о чемъ разспросить толкомъ.

— Да, можно бы узнать кое-что насчетъ и платья, и гардеробу, и привычекъ, и прочее.

— Разумѣется!... Славно играетъ его превосходительство!... Отличная игра!

— А вы еще и вѣрить не хотѣли.

— Я? полноте, Федоръ Ивановичъ, я только изумлялся, любезный другъ, способностямъ человѣческимъ.

Съ этого дня для десятилѣтняго Васи, сына Павла Марковича, ко многимъ мученіямъ, то есть: грамматикѣ, арифметикѣ, географіи и исторіи Кайданова, прибавилось по-

вое: игра на скрипкѣ. Чуть, бывало, отецъ увидитъ Васю, сейчасъ и кричитъ: А ты уже тутъ, осель? а гдѣ твои скрипка? пошелъ играть! Этакая дурацкая порода, не приведи Господи!

И Вася сквозь слезы начиналъ немилосердно пилить смычкомъ по струнамъ разбитой скрипки. Отъ этой операціи домашніе затыкали уши хлопчатой бумагою, собаки выли на дворѣ и на улицѣ, всѣ воробьи слетѣли съ двора Павла Марковича, даже моль пропала въ комнатахъ. Одинъ только Павелъ Марковичъ твердо переносилъ сыновнюю игру и подмигивая на Васю лѣвымъ глазомъ, говаривалъ пріятелямъ: *съ талантомъ, бестія!*

II.

Нѣсколько словъ о его превосходительствѣ.

Давно, очень давно жилъ-былъ на Васильевскомъ Острове старикъ Нѣмецъ, не знаю ни его чина, ни имени, а фамилія ему была Гутентагъ. Онъ былъ вдовъ, старъ, сѣдъ, курчалъ постоянно канастеръ и хвалился прилежаніемъ и аккуратностью своего сына, маленькаго Гутентага. Маленькій Гутентагъ былъ лѣтъ осемнадцати; но былъ маленькаго росту, какимъ остался и до старости. Въ школѣ всѣ его любили и ставили въ примѣръ. У Гутентага руки были постоянно вымыты, ногти обрѣзаны, тетрадки облепаны, на платьѣ ни пушинки.

— Вотъ вамъ, господа, примѣръ, часто говаривалъ школьникамъ высокій, тощій учитель: смотрите на Гутентага, вотъ человекъ, всегда занятъ; у него есть и иголочки и иглочки, всегда убѣгаетъ лѣности и прилѣпляется къ труду и даже въ часы досуга, когда вы предаетесь матери пороковъ—праздности, онъ возьметъ скрипочку и разгрызываетъ чтѣ-нибудь пріятное и полезное. Идите ко мнѣ, Гутентагъ, я васъ поцѣлю: вы подаете большія надежды...

Старикъ Гутентагъ умеръ, а молодой Гутентагъ, окончивъ школу, поступилъ на службу въ департаментъ. Въ

департаментѣ очень полюбили маленькаго Гутентага, да вальза было и не любить его: тихъ, скромнъ, впрядеть на службу, поклонится, сядеть и пишеть; кто возится съ Пчелою, кто съ новостями прошедшаго танцкласса, кто съ чѣмъ, а Гутентагъ всё надъ казенными бумагами; всё разопьясь, и онъ идетъ домой; во прежде сложить бумаги, оботреть перья, завреть ящикъ и положить ключъ въ карманъ.

Но нѣтъ на свѣтѣ совершенства. И у Гутентага была своя слабость: неодолимое влеченіе къ прекрасному лозу. При взглядѣ на женщину, отъ десяти до пятидесяти лѣтъ включительно, Гутентагъ чувствовалъ себя какъ-то не ловко, его морозило и некло, и тянуло Бегъ знаетъ на какія прелесть. Прошу послѣ этого вѣрить скромникамъ! Къ нему очень пристали стихи Ломоносова:

Весьма необычайно дѣло,
 Чтобъ всѣмъ кто дарами цвѣлъ:
 Тотъ крѣпкое имѣеть тѣло;
 Но духъ въ немъ слабъ и утъ не зрѣлъ.
 Въ немъ блистаетъ утъ небесный,
 Но донь себѣ имѣеть тѣсный...

Влюбчивости, которая заключалась въ маленькомъ тѣлѣ Гутентага было бы достаточно для пяти рослыхъ гренадеровъ.

У знакомаго фортепіаннаго мастера былъ на вечерѣ Гутентагъ, танцовалъ очень много и послѣ вальса съ Минною Карловною, хозяйскою дочерью, какъ-то невзначай поцѣловалъ ея въ бѣленькую шейку — не выдержалъ. Здѣсь были братъ, свать, зять, дядя и шуринъ Мины Карловны, они тоже не выдержали и приступили къ Гутентагу съ разными, довольно грозными, вопросами; въ другой комнатѣ тѣтка, невѣстка, двѣ золовки и двѣ двоюродныя сестрицы, поздравляли Мину Карловну съ побѣдою.

Вслѣдствіе этого вечера Гутентагъ женился на Минѣ Карловнѣ.

Женатый Гутентагъ служилъ такъ же хорошо, какъ и холостой; его повышали, давали чины и награды, начальники

крестили у него дѣтей и его жизнь протекла мирно, спокой-но, двадцать пять лѣтъ, раздѣляемая между департаментомъ и Васильевскимъ Островомъ, кромѣ изгнанія Миною Кар-ловною двухъ трехъ горничныхъ, по неизвѣстнымъ причи-намъ, о чемъ Гутентагъ, какъ человекъ добраго сердца, всегда отъ души соболѣзновалъ. Два сына Гутентага слу-жили, третій оканчивалъ курсъ, а самъ онъ почти не перемѣнился, только посѣдѣлъ немного, а всё по-прежнему былъ малъ, любилъ женщинъ, служилъ аккуратно и игралъ на скрипкѣ. Въ это время Мина Карловна простудилась, слегла въ постель и умерла черезъ недѣлю. Гутентагъ хотъ и женился единственно по вспышкѣ своего темпера-мента, однако его благословенная натура скоро свыклась съ женою, какъ съ должностью и онъ успокоился, потому не удивительно, что Гутентага крѣпко опечалила утрата Мины Карловны. Онъ два дня послѣ похоронъ не былъ въ департаментѣ, на третій пошелъ и немного утѣшился, узнавъ что его произвели въ статскіе совѣтники.

Между-тѣмъ третій его сынъ вышелъ изъ училища опредѣлился на службу, а въ департаментѣ возникъ до-вольно трудный вопросъ: куда дѣвать Гутентага?... Чинъ у него большой и самъ онъ человекъ хорошій, а всё ему нѣтъ мѣста въ департаментѣ. Куда его дѣвать?... Къ-сча-стію, открылась въ Коричневомъ городѣ вакансія важнаго мѣста; по чину Гутентагъ могъ занять его — и послали Гу-тентага на важное мѣсто въ Коричневый городъ.

Гутентагъ обнялъ сыновей, заказалъ имъ служить акку-ратно, не слишкомъ много умничать, а еще менѣ гово-рить, и уѣхалъ.

Съ недѣлю передъ извѣстнымъ разговоромъ нашихъ знакомыхъ, Павла Марковича и Федора Ивановича, всѣ чиновники Коричневаго города встрѣчали важнаго человекъ, Гутентага. Гутентагъ на ихъ глаза показался малень-кимъ, сѣдымъ старичкомъ, съ коротко выстриженными волосами, зачесанными кверху, съ немного кривыми нож-ками, съ четверугольнымъ лицомъ, изрѣзаннымъ глубо-кими морщинами, съ крестомъ на шеѣ и золотою цѣпоч-кою у часовъ... Всѣ коричневые чиновники, не знаю по-

чену, называли его: ваше превосходительство. Онъ жилъ для четырёхъ въ гостинницѣ и нанявъ у купца Подметкина домъ, переѣхалъ къ нему на квартиру. — Теперь вы знаете Гутентага?

III.

ГУТЕНТАГУ ХОРОШО.

Многіе, очень многіе жестоко ошибаются, воображая нашихъ провинціаловъ какими-то медвѣдями; люди, не въѣзжавшіе изъ столицы судятъ о провинціи по комедіи Фонъ-Визина «Недоросль» и глубоко убѣждены, что за Павловскомъ и Гатчиною вся православная земля наша населена Простаковыми, Скотинными и Митрофанушками. А между-тѣмъ посмотрѣли бы вы провинціальныхъ собранія, балы, особливо въ губернскихъ городахъ: вы бы изумились, увидя что тамъ

Все такъ же пригнуто и тальи такъ же узки!...

Тамъ вы услышите и вальсы Ланнера и Лабickaго и кадрили Лядова, тамъ вы найдете паркетные полы, карселевскія лампы, эластическіе диваны, тамъ мужчины отлично играютъ въ преферансъ, дамы безъ-умолку лепечутъ по-французски (что, благодаря просвѣщенію, теперь выводится по-немного въ Петербургѣ), словомъ, провинція — дагеротипный снимокъ со столицы.

Подобный балъ былъ у самаго важнѣйшаго человѣка въ Коричневой губерніи, по случаю пріѣзда важнаго человѣка, Гутентага.

Домъ былъ освѣщенъ великолѣпно, даже у подъѣзду горѣли плошки и разноцвѣтные китайскіе фонарики; лѣстница благоухала цвѣтами; музыка гремѣла, въ залѣ по свѣтло выложенному паркету скользили коричневые франты, офицеры и коричневые дамы, въ другихъ комнатахъ пожилые коричневцы сидѣли за картами; лакеи въ башмакахъ и бѣлыхъ перчаткахъ разносили оржадъ и моро-

женое. Гутентагъ игралъ за однимъ столомъ съ важнѣйшимъ человѣкомъ коричневой губерніи.

Танцовали шестую фигуру французской кадрили. Вдругъ тактъ музыки сдѣлался живѣе, звуки рѣзвѣе, шаловливѣе, веселѣе—кадриль окончилась, скрещивалась, разбѣгалась по залѣ.

— Осемь въ червахъ, сказалъ Гутентагъ, глядя внимательно въ свои карты.

— Пасъ! почти вѣдожнувши сказалъ совѣтникъ губернскаго правленія.

— А я.... началъ важнѣйшій человѣкъ....

— Извините, ваше превосходительство, закричалъ уличскій ремонтёръ, врываясь съ дамами въ угорную комнату и прогалопировалъ мимо стола: за нимъ вромотѣли еще нѣсколько паръ....

— Экой пострѣлъ, замѣтилъ важнѣйшій человѣкъ: а я повнстую.

— Что же вы не играете? спросилъ Гутентага важнѣйшій человѣкъ.

Но Гутентагу было не до преферанса: галопадная кавалькада, пробѣжавъ всѣ возможныя комнаты, опять возвращалась прежнимъ путемъ въ залъ. Въ головѣ летучаго отряда несся ремонтёръ; стройно вытанувъ носокъ лакированнаго сапога, онъ какъ-то гармонически склонялъ къ нему плечо, сверкающее эпалетомъ, а между тѣмъ лунно изкосилъ глаза вправо и глядѣлъ съ наслажденіемъ на бѣлый, нѣжный бюстъ своей дамы, которая, простодушно склонясь къ нему головкою, какъ тѣнь свалилась съ нимъ по паркету. Она была высока, стройна, темно-каштановые, почти черныя волосы еще бѣлѣе отбѣлили нѣжную бѣлизну ея лица и шеи; она была одѣта въ бѣлое полу-воздушное платье, пышный пучокъ легкихъ курчавыхъ адыхъ ленточекъ прихотливимъ каскадомъ падалъ съ ея головнаго убора на матовыя плечи.

Вотъ пара всё ближе и ближе. Гутентагъ вынылся глазами въ бѣлую даму; полу-лежа на рукѣ своего кавалера, она, невнятно улыбалась, какъ ребенокъ, который видитъ во снѣ пріятныя грезы, и вдругъ у самаго стола под-

наде свои длинныя рѣсницы, взглянула на Гутентага и скрылась.

Кровь бросилась въ голову Гутентага; юношескія лѣта, казалось, воскресли со всѣми своими чарами и обаяніемъ; въ глазахъ потемнѣло. — Кто эта дама? спросилъ онъ страннымъ, дрожащимъ голосомъ.

— Это наша помѣщица, Анна Ивановна, отвѣчалъ важнѣйшій человекъ, да ходите же, пожалуйста.

— Сію минуту, ваше превосходительство.

Гутентагъ проигралъ осемь въ червяхъ.

Былъ пукъ. Гутентагъ проигралъ пульку, отговорился отъ претеранса головною болью—и пошелъ въ залъ.

Выступилъ бѣлая лейковая перчатка, Гутентагъ съ чувствомъ своего достоинства гордо прошелъ по комнатѣ и съ улыбкою, невыносимо-отвратительною старыхъ волежитъ, остановился передъ Анной Ивановною, которая разговаривала съ ремонтѣромъ, очень невинно свивая и развивая алую ленточку своего головнаго убору, между-тѣмъ, какъ уланъ подымалъ плечи, шевелилъ усами, сверкалъ глазами, словомъ, игралъ роль человекъ, одушевленнаго сильными страстями, могучею душою.

До-сихъ-поръ еще есть люди, которые воображаютъ что сильныя страсти выражаются многословно, красно-рѣчиво, кудряво, размахисто!...

— Вы очень хорошо галопируете, сказалъ Гутентагъ, обращаясь къ Ациѣ Ивановнѣ.

Анна Ивановна привѣтливо улыбнулась.

— Я вамъ говорю, ваше превосходительство, началъ ремонтѣръ, что скоро дамы перещеголяютъ насъ въ наѣздничествѣ.

— Вы здѣшняя помѣщица? продолжалъ Гутентагъ, будто не дослышавъ рѣчей кавалериста.

— Да, отвѣчала Анна Ивановна.

Уланъ отошелъ всторону съ видомъ человекъ, жестоко оскорбленнаго.

— И я нахожу, говорилъ Гутентагъ, что вы оживляете собою коричневое общество.

— Вы думаете? спросила Анна Ивановна, простодушно взглянувъ на Гутентага.

— Не только думаю, но даже буду спорить, съ кѣмъ вамъ угодно, что вы составляете украшеніе общества.

— Это похоже на лесть, ваше превосходительство.

— Всякая лесть въ-отношеніи къ вамъ дѣлается непременно истинною. Позвольте имѣть счастье танцевать съ вами слѣдующую кадрили?

Въ кадрили Гутентагъ былъ невыразимо-любезенъ; его маленькіе глазки сверкали недобрымъ огнемъ; самые приторныя комплименты, самые изысканныя нѣжности добраго осмнадцатаго вѣка сыпались на Анну Ивановну. Анна Ивановна съ невыразимымъ удовольствіемъ слушала всю эту дичь, улыбалась, опускала глазки, краснѣла, точь-въ-точь институтка, танцующая въ первый разъ съ мужчиною.

Кадриль окончилась. Гутентагъ просилъ Анну Ивановну на мазурку.

— Очень рада, отвѣчала Анна Ивановна, но.... у меня такая дурная память, кажется я дала слово.... позвольте.... *Ecoutez, monsieur Trombon!* я съ вами танцую мазурку?... И Анна Ивановна выразительно посмотрѣла на ремонтѣра.

— Точно такъ-съ, отвѣчалъ уланъ, и ловко поклонился, прихлопнувъ шиорами.

— Такъ вы меня извините, сказала Анна Ивановна обращаясь къ Гутентагу.

— Сударыня! законы бала, какъ и другіе законы, имѣютъ....

— Впрочемъ, вы будете танцевать мазурку?

— Если вы прикажете.

— Кчему это! я васъ прошу; мнѣ будетъ очень жаль, если мазурка лишится прекраснаго танцора.

Гутентагъ поклонился и ангажировалъ какую-то старушку въ лентахъ и розахъ.

— Вы, кажется, любите розы? спросила Гутентага Анна Ивановна.

— Иногда.

— Какъ, иногда?

— Если нѣтъ другаго цвѣтка.

— Значить, вы предпочитаете....

— Всѣмъ цвѣтамъ стройную бѣлую лилю, сказалъ Гутентагъ, страстно сверкнувъ глазами по стройному стану Анны Ивановны.

Мазурка была самая веселая: коричневые жители плясали отъ души. Гутентагъ рѣшительно потерялъ голову; онъ скакалъ, прыгалъ на коротенькихъ ножкахъ, вертѣлся какъ сѣренькій попугайчикъ. Впрочемъ, нельзя его и осуждать за это, ему дулъ самый попутный вѣтеръ: подводитъ къ нему мужчина двухъ дамъ: одна лилія, другая незабудка. Гутентагъ выбралъ лилію и это была Анна Ивановна!... Одна дама выбрала его и ремонтѣра и просила назначить качества.

— Я буду — основательность, сказалъ Гутентагъ.

— А я — фіалка, сказалъ ременѣтръ.

Дама подвела ихъ къ Аннѣ Ивановнѣ. Анна Ивановна выбрала основательность и такъ посмотрѣла на Гутентага, что онъ сдѣлалъ антрша и заскакалъ по залѣ, какъ волчокъ пущенный рукою школьника.

Поздно окончился балъ. Гости разъѣхались. Гутентагъ посадилъ въ карету Анну Ивановну, поклонился ей, и самъ уѣхалъ домой, взволнованный, очарованный, влюбленный до безумія. Бываютъ же этакія натуры!...

IV.

Нѣсколько словъ объ Аннѣ Ивановнѣ.

Я люблю скромную, душистую фіалку, когда она цвѣтетъ на родимомъ лугу или въ родной рошѣ. Какъ пріятенъ ея цвѣтъ и запахъ между дикими травами въ сосѣдствѣ простенькихъ анемоновъ и ранункуловъ! Но мнѣ жалко, когда прихотливая рука человѣка унесетъ ее изъ родимой рошчи, посадить въ роскошную фарфоровую вазу и поставить на богато драпированное шелкомъ и золотомъ окно.

Невыносимо грустно видѣть въ блестящихъ аристократическихъ покояхъ, такъ называемыхъ воспитанницъ. Я всегда смотрю на бѣдную дѣвочку какъ на жертву людской прихоти: взятая отъ бѣдныхъ родителей, почти изъ нищеты, бѣдняжка свыкается съ роскошью; ея ноги привыкаютъ къ мягкимъ коврамъ и скользкому паркету, ея физическія чувства свыкаются со всѣмъ изящнымъ, такъ уповательно ласкающимъ жизнь человѣка; она окружена всѣми удобствами, всѣми утонченностями роскоши и богатства; она въ италіанской оперѣ съ ея сіятельствомъ, она слушаетъ Листа и Бласа, она говоритъ съ людьми вышедшими изъ ряду, съ людьми отиѣченными необыкновенными мыслями или чувствомъ, и гордится, что понимаетъ ихъ; на шумномъ гуляньи мчитъ ее орловская четверка въ блестящей вѣнской коляскѣ между рядами скромныхъ пѣшеходовъ, изъ которыхъ передъ многими ея отецъ почтительно снялъ бы шляпу..... Ея жизнь, какъ чудное сновидѣніе; но какъ горько пробудиться послѣ такого сна!... Лучше бы никогда не просыпаться.

Живеть человѣкъ слѣпой отъ рожденія. Не видѣлъ онъ никогда ни Божьяго солнца, ни свѣтлой зелени полей, ни голубаго неба; и счастливъ человѣкъ въ своемъ невѣдѣніи, и веселъ человѣкъ. Но пришелъ докторъ-благотворитель и захотѣлъ сдѣлать добро своему ближнему; онъ снялъ толстую кору съ глазъ слѣпаго; онъ показалъ ему новый міръ. И тихо, въ молчаніи, преклонилъ колѣни прозрѣвшій; въ душѣ его развился восторгъ радости, его грудь наполнило святое чувство, доступное поэтамъ въ минуты вдохновенія, онъ вкусилъ небесной радости; слишкомъ сильно было это чувство для прозрѣвшаго, слезы полились изъ глазъ его, снова ослѣпъ онъ. И, Боже мой! Какъ стала горька жизнь этого человѣка, пропала прежняя добрая, беззаботная улыбка, онъ позналъ благо и утратилъ его; — грустныя думы осѣнили чело ослѣпшаго, онъ стучалъ, тосковалъ по далекой недоступной лазури, которая такъ привѣтно наклонилась надъ нимъ, обняла его и исчезла невозвратно....

Ваше сіятельство! если вы увидите далеко въ прошломъ

красиваго ребенка-дѣвочку, не берите ее къ себѣ для воспитанія, не вводите ее въ ваши золоченыя палаты, не заставляйте ее дышать вашимъ столичнымъ воздухомъ! Вы живете въ другомъ свѣтѣ, въ блестящемъ, сверкающемъ, радужномъ! Горе, если бѣдный ребенокъ привыкнетъ къ нему!...

Анна Иваповна была (по выраженію Панаева) дочь бѣдныхъ, но благородныхъ родителей, отецъ ея служилъ чуть-ли не помощникомъ архиваріуса въ коричневомъ губернскомъ правленіи, а послѣ управлялъ небольшимъ помѣстьемъ одной очень богатой графини. Графиня была очень добрая женщина, взяла къ себѣ маленькую Анюточку и увезла ее въ Петербургъ. Черезъ десять лѣтъ Анюточка выросла, похорошѣла, сдѣлалась Анною Ивановною; часто съ удивленіемъ франты лорнировали ея стройный станъ, когда она съ графинею гуляла по Невскому; не одна театральная трубка, вмѣсто сцены обращалась на ложу бельэтажа, гдѣ сидѣла Анна Ивановна; многіе корнеты и прапорщики вздыхали по ней, покручивая свои крохотные усски, многіе штабъ-офицеры освѣдомлялись объ ея приданомъ, даже одинъ стихотворецъ сочинилъ и гдѣ-то напечаталъ очень обязательное посланіе «Къ ней», гдѣ сравнивалъ ее съ солнцемъ, а себя съ подсолнечникомъ, а знакомый ему чиповникъ, прочитавъ посланіе, такъ былъ тронутъ, что вырѣзалъ у себя на печаткѣ въ серединѣ цвѣточекъ съ подписью *ton soleil*, а въ уголку маленькое солнышко.

Анна Ивановна пѣла, рѣзвилась, ни о чемъ не думала— и вдругъ сильно задумалась: ея благодѣтельница-графиня умерла, нечаянно, неожиданно, съ-разу, отъ апоплексическаго удара. Было о чемъ подумать Аннѣ Ивановнѣ!— Она осталась одна, рѣшительно одна въ шумномъ городѣ. Безъ денегъ, безъ покровительства.— Къ-счастію, отецъ ея, собравъ послѣднія деньги пріѣхалъ въ Петербургъ и увезъ дочку въ Коричневый городъ. Коричневые франты воспалились при видѣ петербургской *барышни*; многіе изъ нихъ, добрые люди, предлагали ей свои сердца и руки, вмѣстѣ съ маленькими своими недостатками. Для скромнаго помощ-

ника-архивариуса подобные люди казались даромъ неба, а дочка ему отвѣчала: помиуйте, папаша! Что это за люди? Двухъ словъ сказать не умѣютъ, а какъ я буду жить съ ними, да что я стану дѣлать въ деревнѣ? да развѣ и затѣмъ воспитана!...

— Дѣлай, какъ знаешь, вздыхая отвѣчалъ отецъ, — и отказывалъ женихамъ.

Не мое дѣло мѣшаться въ чужія дѣла, а можетъ-быть была и права Анна Ивановна.

Въ коричневой губерніи жилъ одинъ старій холостякъ, мучимый шестидесятью годами не слишкомъ воздержной жизни и подагрой.— Не знаю почему, ему вздумалось под старость жениться—и несмотря на его тысячу душъ всѣ, такъ-называемыя, столбовыя, невѣсты рѣшительно ему отказывали. Онъ какъ-то въ церкви увидѣлъ Анну Ивановну и узнавъ, что она бѣдная дѣвушка, рѣшился отомстить коричневымъ знаменитостямъ и предложилъ Аннѣ Ивановнѣ свою руку. Къ великому изумленію всѣхъ, знавшихъ разборчивую Анну Ивановну и даже самого отца ея, она согласилась. Вышла замужъ за стараго подагрика, управляла имъ какъ ребенкомъ и спустя полгода послѣ свадьбы схоронила его, горько оплакивая свою потерю.

Старикъ записалъ Аннѣ Ивановнѣ все имѣніе. — Анна Ивановна стала богатою вдовой. Дальніе родственники покойнаго завели съ нею процессъ, хотѣли отнять у нея все. Въ ожиданіи пока все отнимутъ, Анна Ивановна пользовалась настоящимъ, имѣла блестящій экипажъ, петербургскіе наряды и на балахъ кружила головы коричневымъ жителямъ, а между ними и пріѣзжему важному человеку, Гутентагу.

V.

ГУТЕНТАГУ ОЧЕНЬ ХОРОШО.

И вотъ зашевелились, заболтали, зазвонили коричневые языки; новость свѣжая, животрепещущая, современная

над, переходила въ усть въ уста, какъ беттель въ индѣй-
ской бесѣдѣ:

— Вы слышали, Павелъ Марковичъ?...

— Охъ, слышалъ, Федоръ Ивановичъ: лучше бы я не слышать; я вамъ говорилъ всегда, что Анна Ивановна, хоть ее знаетъ, имѣть у себя какое-то приворотное зелье что ли, совершенно опутала важнаго человѣка!.... Я только удивляюсь его превосходительству, чему онъ обрадовался?... Я думаю, человѣку въ такихъ чинахъ и отличіяхъ тамъ, въ Петербургѣ, ни почему не этакія невѣсты, анъ нѣтъ, здѣсь грѣхъ попуталъ!...

— А дѣло-то Анны Ивановны?...

— Это-то и бѣситъ! вы не повѣрите, какъ его превосходительство все повернулъ по-своему! Какъ-будто простой чиновникъ читаетъ всѣ бумаги отъ первой строки до послѣдней, и—говорить, наврано, издѣсь подскоблено, и тутъ запутано. Бѣдные наследники!.... страшно сказать: дѣло ихъ почти правое, хожденіе по дѣлу было съ ихъ стороны самое исправное, внимательное, и, вѣрите ли? проиграютъ!... противъ воды не поплывешь!...

— Плохо, плохо, я понимаю, тутъ есть интересъ и собственно его превосходительства.

— Въ томъ-то и дѣло!

— Признаюсь, пріятно получить во владѣніе и жену этакую, такъ сказать, маргариточку, и тысячу душъ.

— По-моему будь она хоть ромашка, а привошенія-то чувствительнѣе....

— Да, да, да!... Павелъ Марковичъ!

— Да, Федоръ Ивановичъ: знатное было въ рукахъ дѣло, а ускользнуло какъ живой угорь.

— Да, матушка, Елена Филипповна, умѣть пріѣзжая, петербургская-то, обдѣлывать свои дѣла; подумаешь, дрянная такая была дѣвчонка, давно ли?... а пріѣхала изъ столицы и узнавать никого не хочетъ, башмаки съ заплатками, а горда!.. Нашелся же одинъ старый дуракъ, хоть и юнкеръ въ отставкѣ, и сдѣлалъ ее богатою, а теперь знать беретъ!...

— Да, Фекла Кузминична: а теперь станетъ генеральшею... у моего мужа, у Лѣшеньки, все, бывало, стоять ей отецъ въ передней....

— И карету, говорятъ, заказалъ Гутентагъ къ вѣнчанью....

— И бѣлье мадамъ Набель шьетъ, всё голландское, тонкое; я заѣзжала нарочно смотрѣть съ дочкою Варютою; уже помѣчено красными вензелями А. и Г., а кругомъ вѣшочки и стрѣлы. Варюта покраснѣла даже, какъ увидѣла.

— Важнаго человѣка опутала!...

— Да и онъ-то что? только-что важный человѣкъ, а самъ пугало гороховое: моя Варя не богата, а я бы ее не выдала за него; в старъ и малъ и кривоножка....

— Да и она-то что? только-что высока, велика Федора, да дура!... Куда, ваша Варюта король противъ нем!

— Э, родная! Гутентагъ себѣ на умѣ, не бойсь не сунулся къ намъ, знаетъ, что отъѣхалъ бы съ носомъ, онъ и подбился къ этакой шарлатанкѣ, прости Господи....

— Такъ, такъ. А на свадьбѣ вы будете?

— Катись, хоть и не хочется, вѣдь это такъ говорится по-пріятельски, а мы еще дружны съ Анною Ивановою.

— Вѣстимо, служба службой, а дружба дружбой.

— Разомъ два удара!... Любовь моя презрѣна, честь оскорблена, а во-вторыхъ: кто заплатитъ долги мои по ремонту? Дѣло шло очень хорошо, и эта старая архивная крыса... все испортила!... О, женщины!... Коварный полкъ!...

Ремонтёръ взялъ какой-то чувствительный романъ и бросаясь на диванъ, началъ читать громко: «Сударыня, говорилъ ротмистръ Лидинъ Гремишой: любовь измѣнчива, какъ майскій вѣтерокъ, вѣтерокъ играль на озерѣ, очерчивая легкіе силуэты на жидкомъ хрусталѣ непостоянной влаги и летитъ далѣе, далѣе на шумное море, широкое какъ вѣчность, безиредѣльное какъ отчаяніе, холодное какъ ласки дѣвы измѣнницы! У! какимъ ураганомъ шу-

нить онъ, вздымаетъ косматяя волны, чешетъ съдые гребни пѣны и брызжетъ въ небо горькою водою — слезами отчаянія!.. Это душа моя, моя! Escoutez, madame! Гигантскія усилія пустяки для характеровъ могучихъ, я могучь!.... Невыносимые удары молота, громаднаго молота, не разрушаютъ твердаго булата, но куютъ изъ него благородное оружіе—сильныя потери, лишенія, облагороживаютъ духъ человѣка! человѣкъ претерпѣвшій намѣну, долженъ быть благороденъ!....

— Великая истина! сказалъ ремонтёръ, потягиваясь на диванѣ.... Ванька!—

— Что прикажете, ваше благородіе?

— Экъ ревулъ! какъ изъ бочки.... пошелъ вонъ, дуракъ.

— Слушаюсъ.

Деньщикъ вышелъ....

— Ванька!

— Что....

— Молчать!... подай трубку.

Ванька подавъ трубку.

— Зачѣмъ стоишь болванъ?!.. Экая образина!

Ванька вышелъ.

— Ванька!...

Ванька вернулся.

— Ну, что ты молчишь?... двухъ словъ сказать не умѣешь!...

— Да я, ваше....

— Молчать!... наказаніе со скотомъ! И гдѣ родилась такая образина?!..

— Въ Костромской губерніи, ваше благородіе.

— О люди! я это человѣкъ?!.. какая разница между образованнымъ человѣкомъ, понимающимъ свое достоинство и подобнымъ!... Слушай: поди сейчасъ туда. ..и принеси.... да, принеси.... Ну, что стоишь?

Ванька побѣжалъ совсѣхъ ногъ.

— Ванька! Ванька! куда ты?... куда ты бѣжишь?...

— Не могу знать, ваше благородіе.

— Куда ты бѣжалъ?

— Куда послали.

— Куда жъ тебя послали?

— Виновать, ваше благородіе, въ-теропяхъ, позабылъ-съ.

— Пошелъ, дуракъ, принеси мои pistols.

— Слушаю-съ.

— Да, я покажу ей, что значитъ сильная любовь чело-
вѣка образованнаго, пускай взглянетъ на мой трупъ — и
терзается, неблагодарная!...

Дешыпкъ принесъ pistols. Ремонтёръ осмотрѣлъ
ихъ, продулъ, насыпалъ на полку пороху и задумался....
Потомъ прошепталъ:—А можетъ-быть Федя поможетъ мнѣ
въ этомъ дѣлѣ: онъ чело-вѣкъ богатый, займетъ денегъ,
а тамъ.... авось сойдетъ!... Потомъ положилъ pistols
на столъ, говоря:—Именно такъ, я живой буду ея лучшимъ
укоромъ, пусть глядитъ на меня живаго и мучится!...
Ванька!...

— Что прикажете?

— Дуракъ! какіе ты мнѣ принесъ pistols? какъ они
вычищены? вотъ я тебя! Возьми ихъ, вычисти.

Ванька вышелъ, но скоро опять возвратился.

— Кто тебя звалъ? пошелъ....

— Письмо вамъ....

— А ты не можешь сказать что письмо? подай его сю-
да.

Ремонтёръ прочелъ письмо, улыбнулся, еще разъ про-
челъ и захотавъ проговорилъ:—Ай-да барыня!... ай-да
молодецъ!... сущій чортъ въ хорошенькомъ переплетѣ!...
Ванька!...

— Что прикажете?

— Давно принесли это письмо?

— Сейчасъ, ваше благородіе....

— А ты его не могъ принести сію минуту? Болванъ!
Убирайся.

Въ очаровательномъ полусвѣтѣ будоара, на мягкомъ ди-
ванѣ почти лежала Анна Ивановна. Гутентагъ сидѣлъ под-
лѣ дивана на низенькомъ табуретѣ.

— Такъ завтра рѣшительно? спросила Анна Ивановна.

— Завтра въ полдень вамъ объявятъ рѣшеніе и вы остаетесь полною владѣтельницею всего вашего имуществва, какъ вы всегда обладательницею всѣхъ сердець....

— Я не знаю чѣмъ благодарить васъ....

— Вы очень знаете, прелестное существо!... неужели вы забыли мои просьбы, мои рыданія?!..

— Помню, помню. Быть по-вашему; я цѣню ваше постоанство....

— Договаривайте!!!.

— Завтра въ шесть часовъ мы вѣнчаемся.

Гутентагъ, упавъ на колѣни, сладко цѣловалъ бѣлыя ручки Анны Ивановны. Анна Ивановна немного покрасѣла.

VI.

конецъ.

Въ мундирѣ, въ бѣломъ галстухѣ, торжественно вывелъ изъ церкви маленькій Гутентагъ свою стройную супругу, красавицу Анну Ивановну. Лакей въ богатой ливреѣ отворилъ дверцы щегольской кареты—Анна Ивановна порхнула въ нее. Ужъ Гутентагъ занесъ на подножку и свою маленькую ногу, вдругъ лакей довольно невѣжливо оттолкнулъ его, захлопнулъ дверцы и карета умчалась. Когда карета стала передъ домомъ Анны Ивановны, ремонтёръ не допустилъ лакея отворить дверцы и самъ повелъ блистательную хозяйку подъ ручку по лѣстницѣ. Это видѣли многіе коричневцы.

Когда карета скрылась, Гутентагъ стоялъ будто пораженный громомъ, потомъ сѣлъ на первыя дрожки и поѣхалъ къ дому своей супруги.

— Нельзя, сказалъ довольно грубо небритый лакей Гутентагу, когда онъ хотѣлъ отворить дверь.

— Почему?

— Не смѣю принимать; баринъ не здоровъ.

— Да я вашъ баринъ.

— Гитъ! сказалъ лакей, насмѣшливо посмотрѣвъ на Гутентага, спрятался въ переднюю и защелкнулъ изнутри замокъ.

Напрасно Гутентагъ кричалъ, стучался, дергалъ дверь— отвѣту не было.

Черезъ четверть часа выбѣжала изъ-подъ воротъ какая-то босоногая дѣвчонка и подала Гутентагу письмо. Я не знаю содержанія письма, но оно должно быть очень неприятное, потому что Гутентагъ, прочитавъ его, страшно улыбнулся и пошелъ домой, повѣсивъ голову.

На-завтра всѣ коричневцы узнали, что статская совѣтница Анна Ивановна Гутентагъ уѣхала ночью въ Петербургъ.

Статскій совѣтникъ Гутентагъ остался въ Коричневомъ городѣ, приказалъ обить свои комнаты чернымъ сукномъ, завѣсилъ окна черными шторами, одѣлся весь въ черное, сидѣлъ въ темнотѣ и даже ничего не ѣлъ, кромѣ чернаго хлѣба, черныхъ бобовъ и черной рѣдьки; въ его домѣ была гробовая тишина.—Такъ прошло съ недѣлю. Никто не видалъ Гутентага, никто не слышалъ про Гутентага— будто умеръ Гутентагъ!...

Но въ одинъ вечеръ вдругъ распахнулись окна въ комнату Гутентага, и неслись изъ него печальные звуки скрипки. Идущая по улицѣ простая баба остановилась у окна и заплакала.

— О чемъ ты плачешь, матушка? спросила ее молодая дѣвушка.

— Послушай, милая, такъ я береть за сердце, словно хорону своего покойнаго сынка, слышно какъ плачеть, прощается.

— Послушай, матушка, это словно мой женихъ, Ваня, шелъ въ рекруты, да прощался со мною.... ей Богу такъ выговаривалъ. И дѣвушка залилась слезами.

И не было другихъ слушателей игры Гутентага, кромѣ этихъ двухъ бабъ, а Гутентагъ игралъ удивительно! Онъ игралъ не композиціи извѣстныхъ мастеровъ, не гениальныя созданія гениевъ музыки, которыя часто искажаютъ люди, не понимая ихъ глубокаго смысла, нѣтъ, онъ игралъ

самъ не зная что такое: его душа переполненная горести выливалась въ чудныхъ звукахъ; игралъ на скрипкѣ, не статскій совѣтникъ Гутентагъ, не маленькій человѣкъ Гутентагъ съ кривыми ножками, это игралъ внутренній невидимый человѣкъ, душа играла, часть божества, заключенная въ человѣкѣ, тосковала о своей земной неволѣ, вопила, стонала невѣдомыми звуками, которыми говорятъ не здѣсь, и которые мы понимаемъ инстинктивно.... Звукъ дѣлался всё тише и тише, и громкія рыданія смѣнили ихъ.

— Странное что-то дѣлается съ этимъ баринномъ, сказали бабы, перекрестились и пошли своею дорожкой.

На другой день къ удивленію всѣхъ коричневцовъ вышелъ Гутентагъ, блѣдный, тощій, пошелъ прямо къ важнѣйшему человѣку и подалъ въ отставку.

— Умно дѣлаетъ, говорили коричневые чиновники: какъ ему здѣсь жить, послѣ такого аффронта!

И вотъ опять Гутентагъ въ Петербургѣ, живетъ на родномъ Васильевскомъ Острову, съ дѣтьми своими, въ самой скромной квартирѣ, въ 15-й линіи, часто гуляетъ по Большому Проспекту и до-сихъ-поръ любитъ акомпанировать на скрипкѣ молоденькимъ дамамъ, причемъ всегда однимъ глазомъ смотритъ въ ноты, слѣдитъ за кудрявыми бемолями и диезами, а другимъ изъ-подъ круглыхъ черепяховыхъ очковъ очень лукаво поглядываетъ на бѣленькія ручки, летающія по клавишамъ или тамъ, на что придется.

Такая натура у человѣка!

Вы часто можете встрѣтить Гутентага здѣсь въ Петербургѣ: онъ ходитъ всегда пѣшкомъ въ коричневомъ поношенномъ сюртукѣ, въ неприглаженной шляпѣ, съ умилительною фізіономіей.

Въ одной изъ самыхъ многояюдныхъ улицъ Петербурга есть большой каменный домъ, съ чугуннымъ балкономъ, съ зеркальными окнами, съ торцовой мостовою у подъезда, гдѣ часто останавливается красивая коляска и карета. Въ бель-этажѣ живетъ хозяйка. Тамъ стоятъ въ окнахъ индѣйскіе цвѣты, стѣны увѣшаны дорогими кар-

тинами; по вечерамъ великолѣпное освѣщеніе отъ оконъ ложится по улицѣ длинными яркими полосами и привлекаетъ праздное вниманіе не одного зѣваки. На воротахъ прибита досчечка съ надписью: «Домъ статской собитницы Гутентагъ. Свободенъ отъ постоя».

Е. ГРЕБЕНКА.

ОСЕННИЕ ЦВѢТЫ.

=

Боръ желтѣеть надъ поляной
Вьются по-вѣтру листы.....
Для чего жъ вѣнокъ румяный
На головкѣ носишь ты?

Видишь: ива, да березы
Грустно дремлютъ у пруда;
Лепестками вялой розы
Вся усыпана гряда.

Съ жаромъ лѣта помертвѣла
Яркихъ вѣнчиковъ семья;
Лишь нарцисъ остался бѣлый
На могилѣ бытія.

И. КРЕШЕВЪ.

==

ВОСПОМИНАНІЕ.

Въ тѣ дни, когда мнѣ были новы
Всѣ впечатлѣнья бытія....

Пушкинъ.

=

Люблю порой въ уединеньи
На берегу морскомъ лежать.
Отраднѣе мнѣ въ самозабвеньи
Былое тамъ припоминать.....

Т. LXVII. — Отд. I.

1/3

Оно рисуется такъ живо
 Подъ говоръ волнъ, въ умъ моемъ;
 И вижу я — лѣса и нивы, —
 Тѣнистый садъ, старинный домъ;

А вотъ за рощею густою
 Угрюмый, сельскій храмъ стоитъ;
 Крестъ золотой на немъ звѣздою
 При свѣтѣ мѣсяца горитъ.

Близъ храма кладбище большое
 Съ рѣшеткой черною кругомъ.....
 Бывало позднею порою
 Брожу я на кладбищѣ томъ.....

Брожу, о будущемъ мечтаю,
 А ужъ тоска меня гнететъ, —
 И мертвецовъ я воскрешаю.
 Чтò за могилою насъ ждетъ?

Но все молчитъ..... Лишь надъ мною
 Березы листьями шумятъ.....
 И звѣзды съ тихою тоскою
 На землю спящую глядятъ.....

Да! я люблю уединенье
 На берегу морскомъ вкушать,
 Подъ говоръ волнъ, въ самозабвеньи
 Былое тамъ припоминать.....

ОБМАНЪ СЕРДЦА.

(Къ А. П. Н — ой.)

Съ мертвящимъ холодомъ презрѣнья
 Гляжу на жизнь и на людей,

И каждый мигъ безъ сожалѣнья
Готовъ покинуть мѣръ страстей.
Я съ первыхъ лѣтъ судьбы гнетущей
Лихую волю испыталъ,
И къ жизни въ юности цвѣтущей
Угрюмъ и холоденъ я сталъ.
И съ-этихъ-поръ чредой печальной
Уныло потянулись дни,
И скучно мнѣ въ дорогѣ дальней,
Какъ въ знойной путнику степи.
Суровъ и дикъ мой жребій бѣдный,
Страданьямъ жизнь обречена,
И лучъ ея померкнетъ блѣдный
Безъ слезъ участья навсегда.
Къ чему жъ тебя капризомъ рока
Мнѣ встрѣтить было суждено?
Мой бѣдный другъ, судьбой жестокой
Любви страдальцу не дано.
А какъ довѣрчиво, какъ мило
Мой ангелъ, мнѣ ты предалась,
Ты сердце вѣрой освѣтила,
Звѣздою счастья мнѣ зажглась.
И я, глупецъ, душою хладный,
Я въ счастье вѣрить захотѣлъ,
Забывъ, что лучъ его отрадный
Не мой страдальческій удѣлъ.
Но вотъ прошелъ обманъ жестокий,
Въ душѣ по-прежнему темно,
И снова жизни одинокой
Нести мнѣ бремя суждено.
Мой кроткій другъ, жилища рая,
Прости! Страдальца позабуди!
Лишь дни блаженства вспоминая
Вздохни о немъ когда-нибудь.

В. В.—ЖЕВЪ.

ЭЛЕГИЯ.

=

Еще блестить лазурь твоихъ прекрасныхъ глазъ,
 Но взоръ ихъ — моря холоднѣе;
 Цвѣтъ розы на щекахъ мгновенно не погасъ,
 Но съ каждымъ днемъ онѣ блѣднѣе.
 Такъ вянетъ лилія на сломанномъ стеблѣ;
 Ее не грѣетъ лучъ разсвѣта,
 И вѣничикъ, полный слезъ, наклонится къ землѣ,
 Лишенный запаха и цвѣта.

Мнѣ жаль тебя, дитя! Напрасно хочешь ты
 Прикрыть улыбкою страданья:
 Тоска мрачить и взоръ и блѣдныя черты.
 Такъ надъ развалинами зданья,
 Виситъ на башнѣ плющъ, и цѣпью вѣковой
 Каймитъ разсѣлины, снаружи —
 Кудрявый, молодой, и свѣжій, и живой,
 Внутри — поблекнувшій отъ стужи.

И. КРЕШЕВЪ.

ФАНАРИУТЬ.

=

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПОВѢСТЬ.

(АВТОРА «Странствователя по суши и морямъ».)

=

Венеція спала,—или предавалась той сладкой дремотѣ, которую навѣваетъ прохлада италянскон ночи, слѣдующей за томительнымъ, разслабляющимъ тѣло и разжигающимъ чувства жаромъ. Убаюкиваемая волнами Адриатики, прикрытая прозрачнымъ пологомъ звѣздометнаго неба, она, казалось, вкушала и нѣгу усладительныхъ сновидѣній и роскошь существенности. Венеція, дочь Востока и Запада, подобно юной креолкѣ, качаемой въ койкѣ, упивалась счастьемъ безопасно, безотчетно, подобно ей полная нѣги, страсти и упоительныхъ мечтаній, которыхъ не въ силахъ удовлетворить всѣ волшебства «Тысячи Одной Ночи» если бы они и осуществились въ своей фантастической послѣдовательности. Палаццы и церкви выходили изъ юмъ ярчныя, и только вверху проявлялись, озаряемые латовымъ блескомъ луны. Одинъ изъ палаццовъ былъ однако жъ облитъ свѣтомъ съ верху до низу и блестящая гладь Canal Grande, съ рабскимъ подобострастьемъ, не шелохнувшись, сберегала отражавшуюся въ ней роскошную картину, какъ-будто и она была слугою гордыхъ патрициевъ. Этотъ палаццо принадлежалъ гордѣйшему и знатѣйшему изъ нихъ, графу Барбариго.

Т. LXVII. — Отд. I.

8

Въ передней части палатки, обращенной къ каналу, балъ кипѣлъ разгаромъ полуночи; во внутреннихъ покояхъ была дѣятельность другаго роду: толпа слугъ суетилась около дорожныхъ сундуковъ и чемодановъ; все приготовлялось къ путешествію, и, судя по отрывистымъ возгласамъ, по затаеннымъ вздохамъ, по легкому шопоту кое-гдѣ въ уголку и горькимъ рыданіямъ домочадцевъ, видно было, что готовились въ путь дальній и опасный.

— Не плачь, Цеццалъ, говорилъ женѣ своей Джузеппе, старый и вѣрный слуга дома Барбариго, одѣвшись въ дорожное платье и закладывая пистолеты за поясъ: не плачь, жена; въ Константинополѣ, говорятъ, со свѣчей не увидишь женскаго лица, такъ не измѣню тебѣ. Старикъ шутилъ, а горе больно щемило его сердце.

— Ты не любишь меня, говорила всхлипывая жена: старый баринъ отдалъ тебѣ на выборъ, ѣхать съ нимъ или остаться со мною, а ты все-таки ѣдешь; гдѣ тебѣ вынести такой путь!

— Жена! ты говоришь какъ дура! сказалъ сурово Джузеппе: развѣ можетъ душа жить разво съ тѣломъ, пока оба на этомъ свѣтѣ? умереть человекъ — другое дѣло! Развѣ можетъ слуга оставить своего господина пока живъ? умереть — другое дѣло! И собака не покидаетъ своего хозяина, а я человекъ.

На балконѣ, далеко выдавшемся впередъ и какъ-бы висѣвшемъ между небомъ и водою, стояли, облокотившись на перила, двое юношей, изъ которыхъ одинъ едва вышелъ изъ дѣтскаго возраста, что легко было замѣтить по его одеждѣ и чертамъ лица, еще не опухловатого; они молча любовались предстоящей картиной, смѣло и безотчетно предаваясь каждый потоку своихъ мечтаній, столь разнообразному и искромещущему въ возрастѣ дѣтства; по мѣрѣ старости, онъ превращается часто въ тинную лужу, въ которой грязнутъ страсти, нечистыя, какъ самая лужа. Одинъ изъ юношей былъ прекрасенъ, но не этой тѣлой, кроткой красотой, съ которою изображаютъ ангеловъ и не этою мощной, гордой, поражающей, приводящей въ ужасъ и въ соблазнъ красотой, которую новыя художники стараются придать дьяволу; нѣтъ! этого юношу можно было

взбратъ за образецъ една развивающагося чловѣка, тако-го, каковъ онъ вынче, съ его пороками, съ его насущны-ми добродѣтелями. Въ чертахъ лица его какъ-то чудно отражалась и мечтательность меланхои и безпечность юности. Темно-русые волосы вились буклями по округлен-нымъ плечамъ, а голубые глаза, подернутые влагою, столь общою жителямъ Юга, уже прелвляли возраждающіеся желанія и, порою, съвозъ свою влажную пелену, металъ сильные и гордые взгляды, выказывавшіе его настоя-щія мысли; маленькія руки, возвышенное чело и але-бастровая бѣлизна яено доказывали его аристократи-ческое происхожденіе. Другой былъ лѣтъ двадцати: ни-кая челюсть его, нѣсколько выдававшаяся впередъ, прида-ла ему что-то коварное; впрочемъ, несмотря на юность возраста, физиономія его была приучена къ той игрѣ, которая нерѣдко обманываетъ самыхъ опытныхъ людей, и съ перваго взгляду казалась довольно пріятною; черные, тонкіе волосы его были гладко зачесаны за уши, какъ у дѣвочки, черные глаза были опущены долу, какъ-бы при-ученные къ покорности; всѣ движенія его были размере-ны и казались чрезвычайно кроткими.

— Ахъ, если бы я былъ дожемъ! воскликнулъ младшій изъ двухъ, увлеченный потокомъ своихъ мыслей и вспле-снувъ руками; въ своемъ восторженномъ состояніи онъ поднялъ голову къ небу, какъ-бы взывая о милости и всерь его невольно остановился на яркой звѣздѣ, сія-вшей надъ горизонтомъ, но звѣзда пошатнулась, закри-лась и покатылась въ воды, протянувъ мимолетную черту по небу; юноша вздрогнулъ; испуганный небеснымъ зна-меніемъ, онъ опустилъ глаза, отуманенные грустью, и тщетно силясь подавить суевѣрный страхъ, обратился къ своему товарищу.

— А ты, Чихавесь, желалъ ли бы ты быть дожемъ?

— Нѣтъ!

— Почему?

— Дежъ—слуга республики, слуга тѣхъ, надъ которыми властвуетъ; я хотѣлъ бы властвовать иначе.

Глаза юноши засверкали.

— Иначе, повторилъ онъ съ горькой улыбкой. А развѣ

можно жить безъ воздуха, — властвовать, не признавая надъ собою власти своего отечества, для котораго только и жизнь дана, которое окрываетъ тебя орлиными крыльями славы, которое напутствуетъ благословеніемъ матери, лобзаніемъ сестры, отъ которыхъ почерпнешь ты надежду, воздухъ, жизнь..... Чиханесь, — ты не поймешь меня, потому что ты не родился патриціемъ.

По восторженному состоянію говорившаго, видно было, что онъ взлелѣялъ свои вѣрованія сердцемъ и что холодный умъ еще не питалъ ихъ.

— Я знаю власть лучше этой, власть безусловную и безграничную, которой позволены всѣ средства, доступны всѣ ощущенія, всѣ радости, всѣ наслажденія міра, которая не сокрушается ни отъ какихъ бѣдствій людскихъ и смѣется надъ коленнопреклонною толпою, возглашающей по заказу о славѣ или безславіи.

— И кто же ты, осмѣливающійся издѣваться надъ святынею человѣческаго сердца, ты, плѣнникъ графа Барбариго, мечтающій о власти безусловной?

— Кто я?... я — потомокъ господарей Молдавіи и Валахіи, секретарь графа Барбариго, отвѣчалъ тотъ, поднявъ голову; но, какъ-бы испуганный самъ смѣлостью своего движенія, опустилъ ее опять, мысленно расклаваясь, что позволилъ мыслямъ высказаться.

Неожиданность отвѣта поразила юношу, сына Барбариго, гордаго своимъ именемъ и властью, уже проявлявшагося надъ другими, привыкшаго къ покорности и угодливости своего молодого товарища, которую, надобно къ чести его сказать, онъ никогда впрочемъ не употреблялъ во зло, но теперь, видя это гордое противъ себя возстаніе, онъ былъ уязвленъ за-живое. И кто былъ дѣйствительно его товарищемъ? Плѣнникъ отца его, графа Барбариго, котораго жизнь тотъ пощадилъ ради горькихъ слезъ бѣднаго мальчика, и, безкровному, далъ ему приютъ и хлѣбъ въ своемъ домѣ, о которомъ даже никто не навѣдывался во время его продолжительнаго плѣна. Богъ знаетъ, какой отвѣтъ далъ бы ему юный Барбариго въ пылу обиженнаго тщеславія; но въ это время музыка умолкла и на балконѣ эспорхнула молоденькая и прекрасная дѣвушка, еще тре-

ищущая упоеніемъ танцевъ; вся огонь и страсть, она казалось искала или утушить этотъ пламень прохладой ночи, или залить его, затопляющій всю душу, въ открытую грудь другаго; уста жаждали передать поцѣлуй, горѣвшій на нихъ и напряженная грудь вздымалась высоко, какъ-бы силась разорваться и дать исходъ истомленной любви.

— Это ты, Лоренцино! пролепетала она, обращаясь къ Барбариго, и въ языкѣ ея примѣтно было чужеземное произношеніе: это ты!

— Синьора!

— Синьора! Фи, какъ это холодно, какъ грубо, говори: сага шіа! ну, говори же, Лоренцино,—и она присѣла на колѣно чтобъ быть къ нему лицомъ къ лицу, и отбросивъ своими маленькими рученками пряди густыхъ кудрей его назадъ, глядѣла на него нѣжно, увлекательно.... Такъ! хорошо....

— Но....

— Чтѣ, но? какъ робко, какъ мило, — дитя, дитя! — и она прижала юношу къ груди своей такъ пламенно, что врожденный инстинктъ стыда брызнулъ румянцемъ на щекахъ его и разлился ярко; между-тѣмъ какъ возродившаяся страсть искала устами передать сочувствіе свое, и ихъ уста слились: ея горящія пламенемъ страсти, его робкія и трепетныя. Онъ не понималъ еще своего тревожнаго состоянія, своей безусловной радости; онъ не умѣлъ еще хорошо различить этого огненнаго поцѣлуя, отъ нѣжнаго поцѣлуя сестры.

Протекли минуты безсознательнаго блаженства для обоихъ. Какъ-бы облечивъ нѣсколько грудь свою, она, въ упоеніи, въ истомѣ, опустила руки и вздохнула легче прежняго. Въ это время она оглянулась и увидала товарища Барбариго, глядящаго на нее съ лукавою улыбкою чело-вѣка, уже постигающаго умомъ, если не сердцемъ, ея страстный восторгъ.

— Вы позволите мнѣ поцѣловать вашу ручку на прощаньи, прекрасная синьора: я Грекъ и вашъ соотечественникъ.

— Ты Грекъ! воскликнула она съ презрѣніемъ, обиженная и дерзкимъ требованіемъ Чиханеса, и тѣмъ, что онъ

подсмотрѣлъ ей ласки, хотя къ четырнадцатилѣтнему мальчику, но излитыя съ такимъ выраженіемъ страсти,— ты не Грекъ, а Фанариотъ—Фанариотъ! и она съ громкимъ смѣхомъ убѣжала въ залъ.

— Перотка! прѣзнесъ тетъ стиснувъ зубы, головами, въ которомъ отразилась вся душа его, взрытая гнѣвомъ.

— Фанариотъ! Фанариотъ! воскликнулъ юный Барбаригго, указывая на него пальцомъ и очень довольный тѣмъ, что нашелъ случай унижить своего товарища.

На балконѣ показалось новое лицо; это высокій, худощавый старикъ съ мостушкою гордомъ и повелительной. «Сынъ мой, сказалъ онъ, обращаясь съ упрекомъ къ младшему изъ юношей, тщетно стараюсь придать суровость своему голосу, ты нарушаешь права гостепріимства, обижая Чихавеса; ктому же, кто бы ни былъ по рожденію,—онъ служить республикѣ, онъ мой секретарь и обидя, которую ты сдѣлалъ теперь, какъ ребенокъ, черезъ нѣсколько минутъ была бы уже предосудительна, и ты долженъ бы былъ отдать въ ней отчетъ, потому что я пришелъ объявить тебя, съ согласія республики, главою дому Барбаригго и единственнымъ наслѣдникомъ своихъ вѣнній. Богъ знаетъ, возвращусь ли я! продолжалъ старикъ, стараясь подавить порывы горести. Ты понимаешь, какъ трудно порученіе, возлагаемое на меня республикой: окончить дѣла ея въ Константинополѣ,—при нынѣшнемъ положеніи Венеціи. это не легко и опасно, а я старъ. Не плачь, дитя мое! Я радъ, что могу проститься съ тобою здѣсь, наединѣ, и никто не увидитъ слабости отца; старость не въ силахъ преодолѣть горя разлуки и можетъ быть слеза противъ воли выступитъ на глаза,—никто не увидитъ ея.—Сынъ мой, помни, что ты принадлежишь дому Барбаригго! первый долгъ твой—республикѣ, второй—твоей фамиліи! стой грудью за ту и за другую; помни, что отецъ твой, посѣдѣвшій въ темницахъ Венеціи, теперь несетъ сложить остатокъ дней своихъ за Венецію!... Будь лучше Нерономъ, если судьба дастъ тебѣ власть, но не будь Коріоланомъ. Умѣй отмщать обиду, нанесенную тебѣ врагу твоему, въ головѣ котораго ты поставленъ, но не мсти лицу, а не отечеству. Покровительствуй младшимъ: это

дождь и градина; покровисьствууй Чиканесу, если меня не стынетъ.

Доренцо, забывъ упрекъ отца, причиною котораго былъ его товарищъ, отъ души вроснулъ ему руку, какъ залогъ признанія; Чиканесъ поцѣловалъ ее по обычную странья.

— Теперь прощай, мой сынъ, продолжалъ старикъ, и слезы его лились на восклицательное чело юноши, и горько рыдалъ этотъ бѣдный юноша, обвивая шею своего отца. — Прощай! помни свою покойную мать, вѣжно тебя любившую: пусть будетъ она ангеломъ-хранителемъ чистоты твоего сердца. Не забывай вѣнцъ изъ-за могилы буду радѣть за тебя. Прощай, Доренцо, прощай мое дитя, мой сердечный другъ....

И тяжело, тяжело было ему вывустить юношу изъ своихъ объятій, и долго, долго старался онъ осушить слезы свои, прийти въ себя, собраться съ силами и вѣсти своего сына въ залу, гдѣ поручилъ его покрову дожа и республики, которой важнѣйшіе представители были на лицо.

—

Время шло. Первый годъ прошелъ въ горѣ для одинокаго юноши; второй возвѣстилъ ему о смерти отца, и повергъ его въ отчаяніе. Въвѣсть съ вѣстью о смерти стараго Барбариго, полученъ въ Венеціи и заключенный имъ съ Портоу трактатъ, трактатъ не только невыгодный, но постыдный для республики, возбудившій справедливое негодованіе дожа и патриціевъ противъ памяти человѣка, предавшаго отечество свое, по слабости характера, а можетъ-быть и болѣе преступнымъ причинамъ. Говорили впрочемъ, что онъ не могъ пережить своего позора и принялъ ядъ; носились также слухи, что онъ былъ отравленъ въ Константинополь подкупленною рукою; — пронеслись и исчезли. На землѣ ничто не вѣчно: аксіома извѣстная со дня перваго братоубійства человѣка; юный Барбариго погоревалъ и угнѣнился. Нѣсколько времени пробылъ онъ въ нерѣшительности, сомнѣніи, колебался между увлекательнымъ соблазнамъ жизни свѣтской и суровымъ долгомъ гражданина, и ни кѣмъ неруководимый, кромѣ собственнаго сердца, ринулся наконецъ въ этотъ водоворотъ, роскошный и лучезарный; но всеокружающій и бездонный, изъ котораго

такъ труденъ исходъ и который называютъ свѣтомъ. Вдругъ, въ пору самаго разгара жизни, когда ему стукнуло только двадцать пять лѣтъ, когда онъ пировалъ день рожденія своего въ кругу шумной молодежи, предсталъ передъ нимъ человекъ, блѣдный, какъ привидѣнiе, истомленный, покрытый язвами, въ рубищахъ. Видно было, что ему извѣстны всѣ входы и выходы во дворцѣ, потому что онъ пробрался въ самую залу пиршества на кѣмъ не прижѣченный и не прогнанный, какъ нищій или сумасшедшій, осмѣлившійся нарушить торжество праздника. Появленiе его было такъ внезапно, такъ таинственно, что навело невольную тишину, если не страхъ, на все общество.

— Кто ты? воскликнулъ сурово Барбариго.

— Джузеппе! вѣрный слуга вашего дому....—И всѣ воспоминанiя дѣтства возстали въ душѣ гордаго патриція и тѣнь его отца, казалось, мелькнула въ темнотѣ раствореннаго балкона и послѣднiя слова его отдались укорительнымъ упрекомъ. Барбариго обнялъ своего слугу. Онъ не заботился о томъ, что въ это время насмѣшливые взгляды поражали его.

— Откуда ты, бѣдный мой Джузеппе? спрашивалъ онъ его.

— Изъ темницы константинопольской! Боялся, что не дойду; доѣхалъ, слава Богу!

— Слава Богу! теперь ты найдешь здѣсь приютъ и покой, оправнись отъ своихъ страданiй и помолодѣешь въ своей семьѣ.

— Поздно! Только бы успѣть исполнить свой долгъ. Графъ Лоренцо Барбариго, продолжалъ онъ торжественно: отецъ вашъ отравленъ наемщикомъ; трактатъ, присланный въ Венецію, подложный! Умирая, господинъ мой завѣщалъ вамъ, завѣщалъ республикѣ, раскрыть дѣло и — мщенiе отравителямъ и виновникамъ его безславiя.

— Мщенiе! воскликнулъ Барбариго, весь пламенѣя гнѣвомъ. Въ одну эту минуту совершилось съ нимъ чудное преобразованiе, и стыдился самого себя, стыдился общества, въ которомъ пировалъ онъ столько времени, между тѣмъ какъ не отомщенныя, обезславленныя кости отца его не ждали покоя и въ гробу, онъ поклялся найти виновниковъ

смерти своего отца, смѣть пятно со своего роду. Тутъ же, въ присутствіи благородныхъ друзей своихъ, онъ отобралъ отъ Джузеппе допросъ и нѣкоторые факты, собранные его вѣрнымъ слугою, относительно отравленія стараго Барбаріо и на другой день вручилъ ихъ представителю республики; но Венеціи было не дотогу; она не хотѣла заводить ссору съ Константинополемъ изъ-за костей давно истлѣвшихъ; у ней и такъ много было нерѣшенныхъ съ нимъ дѣлъ; притомъ же сила заключеннаго Барбаріономъ трактата была уничтожена послѣдующими обстоятельствами, а о томъ, что онъ оставилъ пятно въ исторіи Венеціи, въ то время уже не думали. Она уже низведена была съ пьедестала своей славы и величія пассаровичскимъ миромъ, хотя еще помнила недавніе подвиги Франциска Морозини, смирившаго гордость Турковъ; знала по именамъ героевъ Каудійской Войны и вѣровала во славу самага Барбаріо, давшего-было другое направленіе послѣдней войнѣ съ Турками и остановившаго свои дѣйствія потому только, что союзники. Австрійцы успѣли заключить отдѣльный съ непріателемъ миръ. Не отказывая впрочемъ рѣшительно въ содѣйствіи молодому патрицію, сенатъ объявилъ, что доказательства его недостаточны, неточны.

— Графъ Барбаріо, конечно, былъ очень занятъ приведеніемъ въ порядокъ дѣлъ отца своего, прибавилъ на смѣшливо дождь, обращаясь къ Лоренцу, и потому не имѣлъ времени подумать по-сю-пору о томъ, что говорили въ городѣ по случаю смерти отца его, и тѣмъ лишилъ насъ возможности дѣйствовать въ этомъ дѣлѣ по горячимъ слѣдамъ. Съ-тѣхъ-поръ прошло около десяти лѣтъ. Графъ такъ благоразуменъ, что боясь увлечься пылкостью своего возраста, возлагаетъ и нынче дѣло возмездія за кровь и честь отца своего на республику. Съ его стороны все сдѣлано и свѣтъ не можетъ упрекнуть его въ холодности, въ равнодушіи; напротивъ, приметъ его опять въ свои распростертые объятія: свѣтъ любитъ такіе подвиги мужества, которымъ и подражать легко и тщеславиться незавидно; намъ трудно будетъ сравниться въ рве-

нинъ по этому дѣлу съ графомъ Барбариго, но ни несперся.

Эти слова были странной пыткой для Барбариго; но онъ молчалъ: онъ постигалъ всю справедливость укора. Слова дожа казались ему произнесенными устами отца его; всю жизнь готовъ онъ былъ искупить свою прошлую безпечность и мысленно клялся сосредоточить все свое существованіе въ одномъ чувствѣ, въ одномъ желаніи, превратить его въ воздухъ, которыйкъ онъ дышитъ, въ пищу, которую принимаетъ, въ кровь, которая разливается въ его жилахъ и это чувство было—виденіе!

Старый дожъ понялъ внутреннюю борьбу молодого человека и ему жаль стало его.

— Прощайте, сказалъ онъ ласково: и да напутствуетъ вамъ святое Провидѣніе.

На другой день Лоренца уже не было въ Венеціи.

Фанариотъ! Изобразить Фанариота вполне—невозможно; сказать, что онъ похожъ на того или на другого, несправедливо. Фанариотъ похожъ только на самого себя. Я уже пытался представить характеръ Фанариота, но онъ ускользнулъ изъ-подъ моего пера, какъ ногой негръ, вымазанный масломъ, ускользаетъ внутри Африки—изъ рукъ своихъ преслѣдователей. Фанариотъ, это—человѣкъ, въ которомъ нѣтъ крови, но зато очень много желчи; въ которомъ нѣтъ сердца: вмѣсто сердца у него губка, насыщенная всѣми искусственными желаніями, которыя отдѣляются изъ нея въ случаѣ нужды; въ которомъ нѣтъ страстей, или, лучше сказать, множество страстей, но ни ихъ не замѣтите; Богъ знаетъ гдѣ и какъ онъ ихъ хронитъ и въ какое время ими пользуется. Фанариотъ—тѣло безъ костей: такъ гибко оно, такъ удобопрочно повсюду. Фанариоты—совсѣмъ особенная порода людей: по происхожденію они Греки, но живутъ въ Константинополь, въ особенномъ кварталѣ, называемомъ Фанари, отъ котораго и получили свое названіе; говорятъ по-гречески, исповѣдуютъ православный законъ, но думаютъ по-жидовски; чувствуютъ по-турецки. Вы, конечно, часто встрѣчали Фанариота, и, вѣрно, при всякой встрѣчѣ

книжкамъ объ немъ свое понятіе, и, вѣрно, всякой равнѣ ошибались въ своемъ заключеніи; это потому, что истинный характеръ его, какъ я уже сказалъ, неуловимъ. Интрига — душа фанариотскаго общества; деньги — идолъ его. Если бы на всемъ свѣтѣ остались только Фанариоты да кошка, я увѣренъ, что они только бы и дѣлали что хитрили другъ противъ друга, но все-таки Фанариотъ перешитрилъ бы кошку.

Фанариоты умѣли ужиться въ самомъ Константинополѣ, среди Турковъ; правда, во время разныхъ революцій въ городѣ, они не-разъ терпѣли, но вскорѣ оправдывались отъ нанесеннаго удара, вступали въ свои прежнія права, которыя умѣли добыть, и еще въ недавнее время, они пользовались нѣкоторою степенью уваженія. Многія важныя должности, особенно драгомановъ, были поручаемы Фанариотамъ; сверхъ-того они, такъ сказать, усвоили-было себѣ право на княжества Молдавіи и Валахіи и это была нитка, къ которой стремились общія желанія въ Фаварѣ; это былъ предметъ постоянной интриги, подкупа, отравленія; рѣдкому господарю удалось княжить два года сразу; обыкновенно годъ, пол-года, нерѣдко два мѣсяца. Въ то время, когда онъ отправлялся изъ Константинополя, уже противъ него составлялся заговоръ и обыкновенно въ лонѣ каву-кахъясы, или повѣреннаго въ дѣлахъ господарей при константинопольскомъ дворѣ, и оттуда уже доходило въ видѣ доноса до свѣтлыхъ ушей верховнаго визиря, который въ то же время условливался съ слѣдующими кандидатами въ госпдари. Фамиліи Кантакузины, Маврокорлаты, Гьки, Раковицы, Суцо, Караджи и три или четыре другихъ, считали своимъ особеннымъ преимуществомъ вставать господарей Валахіи и Молдавіи и вели постоянную борьбу между собою. Фамилія Раковицы, какъ видно по окончанію, не совсѣмъ греческая; она вела свой родъ во женской линіи отъ одного изъ воеводъ болгарскихъ, происходившаго отъ Радула Четвертаго, великаго воеводы, и хотя совершенно усвоилась въ Фаварѣ, но нерѣдко напоминала свое происхоженіе при изложеніи госпдарей. — Въ описываемую нами эпоху она приобрѣла новаго члена своей фамиліи, извѣстнаго доселѣ подъ имо-

немъ Чиханеса; долго не признавала она этого пришлеца, Богъ знаетъ откуда, но дружба молодого человѣка съ Константиномъ Маврокордато, связь его съ капу-кахьясой и милостивое расположеніе къ нему верховнаго визиря, который зналъ его, когда тотъ еще былъ секретаремъ при графѣ Барбариго, принудили Раковицъ принять его въ свою фамилію, отъ которой онъ производилъ свое происхожденіе; тѣмъ не менѣе однако, желая его отличить отъ себя, оставилъ ему прозваніе Чиханъ или Чиханесъ, подъ которыми онъ и былъ больше извѣстенъ въ исторіи княжествъ.

Константинъ Раковица-Чиханесъ былъ человѣкъ, навидъ робкій, но вкрадчивый, искавшій болѣе покровительства другихъ чѣмъ своего личнаго вліянія; ктому же слишкомъ молодой, по понятію Турковъ, измѣряющихъ мудрость длиною бороды, для того чтобы занимать какое-нибудь мѣсто въ управленіи. Слѣдовательно, онъ не могъ быть никому опаснымъ. Правда, онъ всегда прибавлялъ себѣ лѣтъ семь, восемь, поддѣлывалъ сѣдину, гримасничалъ, чтобы выказать морщины на лицѣ, никто однако не хотѣлъ вѣрить, чтобы ему было болѣе тридцати лѣтъ. Константинъ Чиханесъ, содѣйствуемый деньгами и связями Константина Маврокордато, который уже пять разъ былъ господаремъ Валахіи, употреблялъ всѣ ухищренія у капу-кахьясы и визиря, чтобы свергнуть съ княженія или, если нужно, удавить властвовавшего въ то время въ Валахіи господаря Матеея I Гика Четвертаго. Казалось, онъ дѣйствовалъ совершенно въ пользу Маврокордато, который далъ слово сдѣлать его постельникомъ, когда водворится опять въ Валахіи, и дѣйствовалъ на этотъ разъ съ удивительною энегрією: иные приписывали ее молодости и отчасти неосторожности, но самъ Чиханесъ прикрывалъ ее дружбою къ Маврокордато. Дружбѣ, конечно, не вѣрили, но привыкли считать Чиханеса пришлецомъ, человѣкомъ неопаснымъ и потому равнодушно глядѣли на него, въ ожиданіи, пока онъ сломитъ себѣ шею. Однако Матеей Гика былъ сброшенъ со скаунъ, — какъ называютъ Валахи престолъ господарскій, — княживъ всего нѣсколько мѣсяцовъ. Константинъ Маврокордато, который велъ всю интригу

на свой счетъ и заранѣе условился о цѣнѣ за господарство, спокойно ожидалъ своего назначенія и благодарилъ друга за дѣятельное содѣйствіе, какъ-вдругъ весь Фанаръ узналъ, что въ полночь верховный взиръ потребовалъ къ себѣ Чиханеса: эта уловка слишкомъ извѣстна, но всѣ были далеки отъ мысли, чтобы Чиханесъ могъ быть назначенъ господаремъ: и гдѣ ему было взять денегъ, заплатить за назначеніе: онъ всегда казался такимъ бѣднякомъ! Хотя въ такомъ случаѣ кредитъ вдругъ открывается, все же надобно его заслужить отчасти, потому что нерѣдко имовъ назначенный господарь, не доѣхавъ до Букареста, бывалъ смѣненъ. Чиханесъ даже и не прибѣгалъ ни къ чьему кредиту. Ктому жъ у него не ниѣлось ни дѣтей, ни близкихъ родныхъ, которыхъ бы можно было оставить заложниками своей вѣрности въ Константинополь. Скорѣе думали, что онъ попалъ въ немилость и, съ нетерпѣніемъ ожидали его выхода. Онъ вышелъ.... торжествующимъ, расправивъ свой сгорбленный станъ и высоко поднявъ лобъ.—Пришедши домой, онъ немедленно послалъ своихъ *каймакамовъ*, «намѣстниковъ», въ Букарестъ. Чиханесъ былъ господаремъ Валахіи.

Въ Фанарѣ не замѣтно было ни малѣйшаго движенія. Теперь, казалось все это въ порядкѣ вещей; всѣ страсти были затаены или шевелились гдѣ-нибудь въ затишьѣ, во тьмѣ, никѣмъ неподмѣченныя. Никто однако не могъ понять, откуда Чиханесъ взялъ денегъ, чтобы перебить назначеніе у Маврокордато. Но объ этомъ не долго и думали: главное дѣло было кончено. Константинъ Маврокордато пришелъ первый поздравить счастливецъ съ такою великою милостью *зункяря*, «кроводѣла», царя царей, повелителя правовѣрныхъ, и даже предложилъ ему представить аманатомъ одного изъ сыновей своихъ, котораго онъ впрочемъ не любилъ и очень радъ былъ принести въ жертву для прикрытія своей ненависти къ новому господарю. Несмотря, что она вспыхнула съ всеокрушающею силою изъ глубины души, старый Фанаріотъ умѣлъ помянуть ее до-времени.

Черезъ два мѣсяца Константинъ Четвертый Раковица-Чиханесъ уже княжилъ въ Букарестѣ.

Это было въ 175..... году. На дворѣ горѣлъ июльскій полдень; жаркій воздухъ огрухалъ огнемъ и проникалъ до крови, волнуя и кипяча ее страстями. На широкомъ дворѣ господарскаго дому, который стоялъ недалеко отъ высѣвшей церкви Курте-века и занималъ собою дѣльный кварталъ, въ тѣни тяжелаго фронтона полу-лежали или сидѣли, поджавши подъ себя ноги, десятка два арнаутовъ съ блестящимъ оружіемъ за поясомъ и частымъ смѣхомъ и громкими рѣчами показывали, что они одни не почувствуютъ близость присутствія господаря; зато подобострастное положеніе поселятъ, стоявшихъ съ обнаженными телами у воротъ и нѣсколько дней дожидавшихъ выхода господаря, самое положеніе бояръ, толпившихся на крыльцѣ и въ передней комнатѣ дворца, показывали, что особа господаря была такъ же неприступна въ этомъ мѣстѣ, какъ особа пашы въ его пашалыкѣ и что Фанариотъ, обитавшій здѣсь, далеко не походилъ на того же Фанариота, который два мѣсяца тому назадъ терся въ переднихъ великаго виллара и кану-кахьясы. Идя далѣе, вы еще болѣе убѣждаетесь въ этомъ заключеніи. Въ широкой залѣ, лишенной всякой мебели, стояли неподвижно у двухъ противоположныхъ дверей, два Арапа, которые безъ предварительнаго званія своего повелителя не пропускали во внутренніе покои никого посторонняго, невѣстнаго имъ коротко, и скорѣе легли бы мертвыми, чѣмъ нарушили этотъ зарѣкъ. Дверь направо вела въ маленькой кабинетъ; на широкомъ диванѣ, сидѣлъ мужчина среднихъ лѣтъ, въ собольей шубѣ, въ бѣлыхъ шальварахъ и въ желтыхъ туфляхъ изъ которыхъ одна выглядывала изъ-подъ колѣна поджатой ноги; высокая мѣховая шапка съ бѣлой бархатной верхушкой, лежала вовлѣ и только маленькая скуфейка прикрывала его голову. Большой, черный съ искрами, яктаръ, туземнаго произведенія, давно остылъ у устъ его, глаза были полу-закрыты и несмотря на молодость его, нельзя было не подивиться неподвижности всей физиономіи и какой-то нѣгѣ, тѣлесной истомѣ, разлитой во всѣхъ чертахъ лица; онъ не замѣчалъ проходившихъ порою мимо бояръ, которые съ подобострастіемъ лобызали полу его платья и коснувшись потомъ руками своего чела

глазъ уходили несмысленными шагами. Но вдругъ глаза раскрылись и огонь ихъ показалъ ясно, что душа господаря—это былъ онъ—не дремала, хотя тѣло его и обваруживало бездѣйственность безусловную.

— Пустяки, Анастасій, сказалъ господарь, по-гречески, стоявшему возлѣ него постельнику, высокому и художавому Греку, который читалъ что-то по-валахски.—Надобно замѣтить, что въ ту пору славянской языкъ, бывшій долгое время языкомъ церковнымъ и дипломатическимъ, уже выходилъ изъ употребленія: въ церкви и въ диванѣ употребляли языкъ валахскій, а при дворѣ и въ обществахъ говорили чаще по-гречески, въ угоду господарямъ-Фанариотамъ и иногда по-италиански.— Пустяки, Анастасій! что мнѣ до вашихъ судныхъ дѣлъ, когда пользы ихъ не связаны съ монни, а въ диванѣ, передъ этимъ ослоуж диванъ-эфенди, надобно кзаться чистымъ, какъ голубица; и такъ оставимъ дѣла дивана, которыя наводятъ дремоту; и безъ того душно. Подумаемъ-ка лучше о томъ, что вотъ уже два мѣсяца какъ я господаремъ, а все-еще не успѣлъ выручить заплаченныхъ за господарство денегъ.

— Я говорилъ по вашему приказанію съ вестіаромъ*: онъ надѣется, что, пошлины наложенныя на вино и на трансильванскихъ пастуховъ, перегоняющихъ свои стада сюда на зимовку, могутъ пополнить совершенно эту сумму.

— Нѣтъ, Анастасій, эта мѣра слишкомъ медленная, и надобно думать о чемъ-нибудь по-замысловатѣе и порѣшительнѣе; нето я опять смѣню все первые чины княжества, начиная отъ дворника до питаря и продамъ мѣста ихъ другимъ.

— Инсильтато Аффенде, я осмѣливаюсь замѣтить, что ропотъ бояръ становится и безъ того съ каждымъ днемъ сильнѣе; непомѣрные поборы для вестіарія лишаютъ ихъ всякихъ средствъ грабежа, со своей стороны, или, какъ они называютъ, вознагражденія за свои мѣста.

— Ропотъ бояръ, произнесъ съ презрѣніемъ господарь: жужжаніе мухи около медоваго сота!

— Такъ, если бы въ головѣ этихъ бояръ не стояли люди важные и опасные.

* Вестіаръ—государственный казначей; вестіарія—казначейство.

— А кто эти опасные люди, по твоему мнѣнію? спросилъ господарь, смотря пристально на постельника и желая болѣе подсмотреть, чѣмъ услышать его отвѣтъ.

— Вамъ они извѣстнѣе чѣмъ мнѣ, потому что они самые близкіе люди къ управленію и первые въ княжествѣ: это дворникъ и бань.

— А чѣмъ они опасны, Анастасій?

— Ихъ вліаніе на дѣла, на народъ....

— Вліаніе воды на мельничное колесо: она приводитъ въ дѣйствіе колесо, покуда мельникъ не опуститъ заслонъ.

— Но ихъ народность.....

— Глупъ ты, Анастасій, когда мечтаешь о народности здѣсь; видно, что ты выросъ на островахъ, а не въ Фанарѣ.

— Я вѣрую въ мудрость вашу, какъ въ слова Евангелія; но неужели вамъ не кажется опасною связь этихъ двухъ чловѣкъ съ диванъ-эфендіемъ?

— Нѣтъ! потому что диванъ-эфенди, какъ я сказалъ тебѣ: оселъ въ квадратъ; онъ тщеславится своимъ безкорыстіемъ, а того не знаетъ, что безкорыстіе лишаетъ его всякой возможности дѣйствовать у высокаго порогу нашей могущественной Порты, черезъ который безъ лѣстницы не перейдешь.— Собака лаетъ, а караванъ всё идетъ своею дорогою, говоритъ турецкая пословица. Гораздо болѣе пугаютъ меня, и то не пугаютъ, а тревожатъ, по нѣкоторымъ причинамъ, вѣсти полученныя отъ капукхьясы. Ты хорошо спряталъ Турка, который привезъ эти вѣсти?

— Онъ не выходилъ изъ дворца и отправится въ Русчукъ, не побывавъ у своихъ, на Подо-блико; въ этомъ положитесь на меня.

На дворѣ послышался шумъ, и особенная суета возвѣщала о прибытіи гостя не совсѣмъ обыкновеннаго въ этомъ мѣстѣ; вслѣдъ затѣмъ вбѣжалъ арнаутъ и возвѣстивъ: диванъ-эфенди! Господарь проникательнымъ и продолжительнымъ взглядомъ хотѣлъ, казалось, вызвать изъ глубины души на лицо своего постельника сокрытую въ ней тайну, но худое, блѣдное, безжизненное, оно выра-

жало совершенное спокойствіе и безусловную покорность: душа хранила глубоко сокрытую въ ней тайну или вовсе ея не имѣла. Господарь пошелъ на встрѣчу гостю, котораго бояре уже вели подъ руки на крыльцо.

Диванъ-эфенди, несмотря на свою наружную подчиненность господарю, былъ лицо очень важное въ Валахіи, такъ же какъ и въ Молдавіи, гдѣ образъ правленія былъ совершенно одинаковъ. Турція имѣла въ то время въ столицахъ и провинціяхъ княжествъ всего человѣкъ по сту бешлиевъ съ ихъ башъ-бешлиемъ, и этого было достаточно для обереганія страны отъ внутреннихъ возмущеній. Правда, въ случаѣ нужды, диванъ-эфенди могъ призвать изъ сосѣднихъ турецкихъ крѣпостей, находившихся по сю сторону Дуная, войско довольно сильное, но къ этой шѣрѣ рѣдко прибѣгали; аристократическое правленіе было по сердцу боярамъ, уже привыкшимъ къ своему униженію и чужеземной власти, а бѣдный народъ, совершенно подавленный, несъ терпѣливо свое тяжелое ярмо. Диванъ-эфенди былъ въ родѣ дипломатическаго агента, наблюдавшаго за поведеніемъ господаря, за взносомъ податей Портѣ, и если дань, платимая народомъ турецкому правительству, не была такъ тягостна, какъ дань, которую онъ платилъ господарю и боярамъ, то это должно было приписать или личному поведенію диванъ-эфенди, или болѣе справедливому требованію Порты, сколько-нибудь сообразовавшемуся съ несчастнымъ положеніемъ края, между-тѣмъ какъ алчность господарей не знала состраданія.

— Да будетъ благословенъ часъ прихода вашего, Челиби-эфенди, говорилъ господарь, усаживая своего гостя въ уголь широкаго дивана: душа вашего друга просвѣтляла отъ вашего прихода.

— Слуга вашъ, сказалъ холодно диванъ-эфенди: рѣшается вамъ напомнить очень извѣстную вамъ турецкую поговорку: сколько хочешь повторий медь, медь, а сладость отъ этого все не приходитъ на уста.

— На этотъ разъ, отвѣчалъ шуточно господарь, какъ-бы не понимая словъ гостя, и указывая на подносимыя разнаго роду сласти, столь извѣстныя въ Валахіи подъ об-

шимъ именовъ «дульчасы»:—на этотъ разъ медъ перещъ нами и по нашему желанію усладить уста.

— Тогда можно будетъ сказать: во рту медъ, а на сердцѣ желчь, потому, прибавилъ онъ: что какъ говоритъ одинъ ученый гежимъ-бани, желчь необходима для птанія сердца.

— Ученость высокороднаго диванъ-эфенди известна всему свѣту.

Селимъ-эфенди былъ дѣйствительно ученый человекъ, сколько Турокъ можетъ быть ученымъ; онъ долго жилъ въ Венеціи и употреблялся Портою по различнымъ дипломатическимъ дѣламъ въ сношеніяхъ ея съ другими державами. Селимъ-эфенди не устоялъ противъ соблава европейскіхъ столицъ тогдашняго времени и воспримчивый характеръ его принялъ не одну хорошую сторону нѣ; но онъ сохранилъ свое врожденное благородство, которое не могли поколебать всѣ дипломатическіе дѣйстватели. Турецкому правительству онъ не приходился по рукъ: его упрекали въ приверженности къ европейскимъ обычаямъ, въ безнравственности, даже въ безвѣрїи, хотя Селимъ постоянно хранилъ нелюбовь къ Европейцамъ, неразлучную спутницу всякаго Турка, которая могла только усилиться на томъ поприщѣ, на которое его поставила судьба и если отчасти отступалъ отъ правилъ корана, то не отъ сознанія его недостатковъ, а по слабости характера. Мѣсто, которое онъ занималъ, было отчасти его политическою селкою. Его враги были увѣрены, что хитрый государь съ которымъ онъ никакъ не могъ сойтись, сломить ему шею; но верховный визирь, знавшій лично его благородство и безкорыстіе и помнившій оказанныя ему услуги, поддерживалъ его иногда въ ущербъ власти государя.

Кофе и трубка смѣнили дульчасу. Выкупавшись въ облакахъ дыму и насладившись облегчительнымъ безмолвіемъ мысли и тѣла, хозяинъ и гость приступили къ дѣламъ. Несмотря на то, что оба знали по-гречески и по-турецки, они вели разговоръ черезъ драгомановъ. Диванъ-эфенди объяснилъ государю, что по случаю частыхъ войнъ, и падежа на скотъ, Румелія оскудѣла; а потому требовалъ, чтобы Валахія поставила какъ-можно скорѣе

въ сосѣднія крѣпости 100,000 барановъ, что на это есть воля верховнаго взира, и что онъ совершенно полагается въ этомъ случаѣ на усердіе государя къ пользамъ правительства. Селимъ хорошо зналъ, что всѣ поставки подобнаго рода были по душѣ государямъ, потому что они давали имъ возможность грабить народъ именемъ Порты въ свою пользу и ожидалъ обычныхъ возраженій въ защиту народа, которыя обыкновенно князь дѣлалъ, для прикрытія своихъ видовъ, въ совершенной увѣренности, что это ни къ чему не послужитъ; но на этотъ разъ даже не было возраженій и эфенди, привыкшій искать въ каждомъ словѣ, въ каждомъ движеніи государя скрытую мысль, смотрѣлъ на него въ недоумѣніи.

— Преданность моя верховному правителю, говорилъ князь, безпредѣльна; я дѣйствую только его волею, не хочу имѣть ни слова, ни даже движенія не направленнаго его мудростію; онъ создалъ мою власть, онъ можетъ ее и разрушить; я только пыль стою его. Все отъ него и все ему. Это мои чувства; они вамъ извѣстны, высокородный эфенди и я выразилъ ихъ теперь только потому, что не могу удержать ихъ сердечнаго потока.

Эфенди молчалъ.

— Чтобы убѣдить васъ въ готовности немедленно, сію же минуту исполнить давнее мнѣ повелѣніе, я при васъ отдамъ приказъ человѣку, обонимъ намъ извѣстному, не смотря на всю необходимость его для дѣлъ здѣсь при мнѣ: для меня нѣтъ дѣлъ важнѣйшихъ, какъ исполненіе воли моего государя. — И потомъ обращаюсь къ постельнику, который оставался тутъ во все время переговоровъ, прибавилъ: — Исполните волю диванъ-эфенди со всею святостью вашего долга; если нужно для этого объясниться съ кѣмъ-нибудь изъ пашей, отправляйтесь къ нему немедленно, сейчасъ я прикажу выдать деньги и нужныя бумаги. Вамъ принадлежитъ честь точнаго исполненія этого дѣла, но на васъ лежитъ и отвѣтственность за него.

Диванъ-эфенди былъ радъ душевно, что дѣло поручалось постельнику, во-первыхъ, потому что онъ, какъ мы увидимъ, находилъ свои причины покровительствовать ему, а это дѣло представлялось ему съ весьма выгодной сторо-

ны; во-вторыхъ, удаленіе его изъ Букареста было очень нужно для плановъ турецкаго дипломата и онъ видѣлъ въ поступкѣ господара, который не только зналъ, но даже содѣйствовалъ замысламъ его, только одно желаніе угодить ему. Но не съ той точки смотрѣлъ на это дѣло постельникъ. Онъ очень хорошо зналъ, что наложенная чрезмѣрная пошлина на трансильванскихъ пастуховъ, заставила ихъ угнать изъ Валахіи весь скотъ и поставка ста тысячъ барановъ въ ту пору, когда народъ гибнулъ отъ голоду и въ такое короткое время, была почти невозможна и влекла его въ тяжкую отвѣтственность передъ турецкимъ дворомъ; отказаться же отъ нея, значило не только быть отмѣчену въ ряду недовольныхъ бояръ, которыхъ число съ каждымъ днемъ возрастало и между которыми иные указывали даже на него; но явно возмутиться противъ верховной власти и паклякать на себя неминуемую бѣду. Анастасіи предоставилъ времени и обстоятельствамъ выручить его изъ этого дѣла; въ знакъ своей благодарности, онъ хотѣлъ поцѣловать полу платья господара, но тотъ, желая показать ему свое особенное благоволеніе, не допустилъ его до этого и далъ поцѣловать руку.

Анастасіи сталъ въ прежнемъ положеніи у порога комнаты, безмолвный, подобострастный. Его борода, клиномъ выдававшаяся впередъ, блѣдныя, тонкія губы, на которыхъ порою проявлялась улыбка, но такая улыбка, отъ которой плакать хочется, его носъ, похожіи на птичій клевъ и плоскій лобъ, составляли странное соединеніе прямыхъ линий. Съ перваго взгляду лицо его казалось простымъ, безъ выраженія и даже не лишеннымъ нѣкоторой доброты, но всмотрѣвшись въ него вамъ становится больно и вы поскорѣе отвернете отъ него глаза свои и душу.

— Не требуетъ ли падишахъ еще какой службы отъ вѣрнаго слуги?

Этотъ вопросъ обратилъ диванъ-эфенди къ тѣмъ мыслямъ, съ которыми онъ пришелъ и негодование вновь зашевелилось въ груди.

— Вамъ это извѣстнѣе чѣмъ мнѣ: капукахьясы не жалѣютъ денегъ за вѣсти и не жалѣютъ гонцовъ, которые разносятъ вѣсти.

Господарь улыбнулся, какъ человѣкъ непонявшій или недослышавшій рѣчи гостя и не желающій беспокоить его своимъ вопросомъ.

— Но вѣстники также глубоко хранятся на днѣ какой-нибудь тюремной ямы, какъ вѣсти на днѣ души.

— Вѣсти достояніе свѣта, а вѣстникъ достояніе могилы, — говоритъ арабская пословица.

Турокъ ужаснулся. Онъ испытующимъ взоромъ глядѣлъ на господаря; но тотъ такъ наивно перебиралъ четки зеревъ, съ такимъ простосердечіемъ глядѣлъ вокругъ, что диванъ-эфенди стало совѣстно своихъ мыслей. — И я могъ на минуту повѣрить его словамъ! Если этотъ человѣкъ сознается въ ужаснѣйшемъ преступленіи, то я не повѣрю ему, только потому, что онъ самъ высказалъ его, думалъ Селимъ.

— Но гдѣ же этотъ гонецъ, воскликнулъ онъ, выйдя изъ терпѣнія: гдѣ дѣлся гонецъ?... котораго встрѣтилъ посланный ко мнѣ отъ паши силестрійскаго, прибавилъ онъ нѣсколько смѣшавшись: и который не вѣзжалъ въ городъ, не выѣзжалъ изъ него?

— Такъ вотъ причина его гнѣву! думалъ Фанаріотъ. Не много же нужно, чтобы заставить его высказать что у него на умѣ. — Такъ значитъ вернулся назадъ или можетъ-быть, испарился и унесся прямо на небо: подождемъ, можетъ-быть вѣсти его испадутъ на насъ благодатною росой и тогда мы соберемъ плоды ея, сказалъ шуточно и смѣясь господарь. — Но вотъ, продолжалъ онъ, взглянуть въ окно: голубица съ зеленою вѣтвью примиренія и надежды, вѣстникъ радостный, котораго улыбка, глаза, слово, все возвѣщаетъ благодать и счастье тому, къ кому обращаются! Это прекрасная супруга ваша, Анастасій; идите къ пей на встрѣчу и просите ее прямо сюда, — если диванъ-эфенди считаетъ конченными наши дѣла и допуститъ ея присутствіе.

Чело Турка прояснилось. Взошла женщина, полная красоты, вполне развившейся подъ жаркимъ дыханіемъ, если не любви, то упорныхъ восторговъ. — Ея полу-закрытыя уста, ея горящіе глаза и выпуклыя формы, дышавшія всеувлекающимъ соблазномъ, казалось, требовали наслаж-

деній безграничныхъ и сулили восторгъ или гибель тому кому предавались.

— Челибы-эфенди, сказалъ господарь: я прикажу вамъ дать «шитренджи», пашки, въ которыхъ такъ искусна кукона Евфросинья, а самъ пока займусь отпращиваніемъ Анастасія.—И между-тѣмъ какъ эта чета углубилась во-видимому въ игру, а въ сущности предавалась потоку своихъ мыслей и дѣлала въ разсѣянности самыя отчаянныя ходы, господарь отвелъ въ сторону Анастасія.

— Такъ онъ видѣлъ гонца?

— Нѣтъ!

— А почему жъ онъ знаетъ о его прибытіи? Селма солгалъ, сказавши, что его встрѣтили на дорогѣ; это было ясно изъ словъ его.

— Солгалъ: это я ему сказалъ.

— А за чѣмъ, смѣю спросить?

— Такъ нужно было.

— Тебѣ?

— Вамъ, ипсилотате эфенди!

— Благодарю.—Такъ онъ знаетъ и о причинѣ его пріѣзда?

— Знаетъ такъ, какъ намъ нужно.

— А какъ это?

— Я ему сказалъ, что вы просили у верховаго визиря на всякій случай фирманъ, чтобы сослать куда-нибудь въ турецкую крѣпость двухъ братьевъ Вукареши, обѣщавъ впрочемъ употребить его въ дѣло только въ крайнемъ случаѣ, и что визирь обѣщавъ исполнить вашу просьбу.

— И диванъ-эфенди повѣрилъ?

— Повѣрилъ.

— И ты все это дѣйствительно сказалъ?

— Дѣйствительно сказалъ.

— Ты хорошо придумалъ.

Никакой фizioномистъ не угадалъ бы по лицамъ разговаривающихъ, искренно ли они говорили или обманывали другъ друга и какую степень вѣроятія давали словамъ одинъ другому. Что же связывало этихъ людей по-видимому всегда стоявшихъ въ оборонительномъ положе-

ни? Во-первыхъ, можетъ-быть они не вполне знали одинъ другаго, можетъ-быть иной изъ нихъ вдался въ обманъ, стараясь обмануть другаго; во-вторыхъ, есть связь сильнѣе связи дружбы, любви,—это необходимость, цѣль, которую связаны два каторжника между собою и которой не въ силахъ они расторгнуть.

Поканунъ этого дня, два путника приближались къ Бухаресту, по дорогѣ изъ Журжи, проѣхавъ монастырь Вустрещи, гдѣ обыкновенно останавливались для отдыха и въ ожиданіи торжественной встрѣчи, вновь поставленные господари-Фанариоты. Добрые, но истомленные кони ихъ свидѣтельствовали явно о длинномъ пути, совершенномъ ими и о нетерпѣши всадниковъ достигнуть цѣли.—Всадникъ, ѣхавшій впереди, былъ молодъ, но загорѣлое лицо его, раннія морщины на лбу, частыя сѣдины на головѣ, чрезвычайная простота черной одежды, придавали чертамъ его суровость и недовольствіе жизнью; другой былъ очень старъ, но ѣхалъ бодро.

— Конченъ путь! сказалъ младшій изъ всадниковъ, глубоко вздохнувъ.

— И да совершится воля Божія!

Путники ѣхали молча.

— Прочь съ дороги, собака-глуръ или, *Ини'-аллахъ*, буде угодно Аллаху, я размозжу тебѣ голову, раздалось надъ ушами передоваго.

Юный всадникъ оглянулся и увидѣлъ занесенную надъ собою нагайку. Судорожно сжалъ онъ рукоять кинжала, но вскорѣ опомнился и смиренно отсторонился, хотя сверкающій взоръ его голубыхъ глазъ показывалъ ясно, что ему нелегко было уступать. Турокъ, какъ видно было по его нетвердой посадкѣ на конѣ, черезъ-чуръ хлебнулъ запрещеннаго напитка, радуясь тому, что его никто не подѣтитъ и не станетъ преслѣдовать въ преступленіи на христіанской землѣ, гдѣ ктому жъ онъ—господинъ. Онъ громко захохоталъ.

— Брось кинжалъ къ чорту, теперь онъ тебѣ столько же полезенъ, сколько булава ребенку; и ты и я, мы совершили свой путь, только я еще можетъ-быть ворочусь

назадъ, а тебѣ и здѣсь будетъ хорошо, такъ хорошо, что не выгдешь....

И онъ быстро помчался въ городъ.

— Не даромъ собака-Турокъ слѣдилъ насъ всю дорогу!.... мнѣ нѣсколько разъ приходила охота остановить его пулей, да боялся шуму, сказалъ старшій путникъ.

— Не проникнуты ли наши дѣйствія въ Константинополь?

— Мудренаго нѣтъ, потому что все окружающее визиря покушается словно магалиби на рынокъ, а капу-кахьясы не дремлетъ, и если графъ Барбариго....

Старикъ говорилъ съ почтеніемъ, снявши шапку.

— Ты неисправимъ, Джузеппе. Неужели ты не замѣчаешь, что названіе, которымъ такъ любишь меня величать, самая горькая насмѣшка. Хорошъ я графъ въ своемъ настоящемъ положеніи!

Старикъ глубоко вздохнулъ.

— Знаю, что равенство между нами тебѣ не по сердцу; но подумай, что это крайняя необходимость, и если мы будемъ открыты прежде времени....

— О, не договаривайте! Богъ не допуститъ до этого. Онъ видитъ, что мы сдѣлали все для своего очищенія. Молитвою, постомъ, тяжкими трудами, добровольнымъ лишеніемъ всѣхъ радостей земныхъ, пожертвованіемъ большей части своихъ имѣній, вы искупили первородный грѣхъ чловѣка, и Богъ не попуститъ, чтобы такой вѣрный своему долгу сынъ умеръ не искупивъ чести, не отомстивъ за смерть своего отца.

— А ты, вѣрный Джузеппе, ты о себѣ ничего не говоришь.

— Мое дѣло другое. Чтò я сдѣлалъ необыкновеннаго? Я слуга вашего дому и дѣлаю по волѣ своего господина, вотъ и все. Старикъ произнесъ эти слова съ выраженіемъ безусловной покорности и преданности къ памяти покойнаго господина, подобно вѣрной собакѣ, которая и послѣ смерти своего владѣльца не покидаетъ его могилы и ластится къ ней и изъясляетъ скорбь, забывая о собственной безопасности.—А вы, вы графъ Барбариго.....

— Опять!.... Ты напрасно думаешь, что я хоть на минуту забуду, чья кровь течетъ въ моихъ жилахъ.

— Вы переносите оскорбленіе отъ собаки-Турка, въ собственныхъ моихъ глазахъ, и я долженъ равнодушно глядѣть, какъ-будто это въ порядкѣ вещей.

— А почему же и нѣтъ? Если слуга готовъ перенести все на свѣтъ дняго только, чтобы очистить честь своего господина, то неужели сынъ Барбариго сдѣлаетъ меньше для своего отца?

— О, простите, простите меня, я къ вамъ и не почтительнъ, и не внимателенъ; не умѣю заботиться о васъ съ попеченіемъ вѣрнаго слуги вашего дому; но видите ли: отецъ вашъ на смертномъ одрѣ передалъ мнѣ свою волю и съ-тѣхъ-поръ у меня не было другой мысли, другаго чувства, другой любви, какъ только къ этой волѣ, которая мнѣ замѣнила всѣ. Для нея только я умѣю думать и жить; безъ нея мнѣ, старику, давно бы умереть; зато какъ легко будетъ душѣ, когда она исполнитъ эту заповѣдь. Если бы вы видѣли отца своего на смертномъ одрѣ.....

— Довольно, Джузеппе! Ты слишкомъ часто представлялъ мнѣ эту картину и она живо напечатлѣлась въ мое сердце. Не думай, чтобы я сердился на тебя за то, что ты постоянно подстрекалъ и мой раздраженный, справедливый гнѣвъ на мѣсть кровавую и мою пылкую молодость на трудъ и дѣятельность неусыпную, [какъ ловкій всадникъ шпоритъ своего коня; — нѣтъ, я думалъ, что если слуга графа Барбариго такъ страстенъ къ] своему долгу, то можетъ ли сынъ хоть на минуту забыть его, — и твой рассказъ былъ полезенъ въ свое время; но теперь, когда сердце мое готово выпрыгнуть изъ груди отъ нетерпѣнія, а разумъ твердитъ благоразуміе и хладнокровіе, теперь, ради страданій Христа, молчи, Джузеппе, молчи! Иначе въ горячкѣ мы промахнемся, а намъ нужна вся вѣрность руки и головы, потому что намъ дозволенъ одинъ ударъ.

Джузеппе молчалъ.—Онъ только хотѣлъ посопндировать сердце своего молодого господина, который въ послѣднее

время сдѣлался еще молчаливѣе обыкновеннаго; рана его не только не закрылась, но воспламенялась еще болѣе въ эту критическую минуту, когда цѣль, къ которой устремлена была вся жизнь двухъ путниковъ, уже представлялась глазамъ ихъ. Джузеппе даже не вспомнилъ о томъ, какъ страшно страдать отъ этой раны его господинъ.

Трудно было узнать въ молодомъ всадникѣ графа Барбаригго, этого тщеславнаго, гордаго своимъ именемъ и богатствомъ, окруженнаго уповательною атмосферою блаженства, которымъ свѣтъ окружаетъ своихъ избранниковъ. Суровый опытъ жизни положилъ на лицо его тѣ рѣзкія черты, отъ которыхъ отступаетъ время, не властное ни изгладить, ни даже смягчить ихъ. — Такъ разщепленный гровою дубъ иногда, подъ благодатнымъ вліяніемъ времени, пускаетъ молодые побѣги, но то лишь вѣтви его, а мощный дубъ сокрушенъ.

— Какъ знать! можетъ: насъ и въ самомъ дѣлѣ поджидаютъ въ городѣ, сказалъ Джузеппе: не лучше ли нашъ оглядѣться здѣсь, и, если можетъ, пробраться окольными дорогами въ Букарестъ, а то пожалуй попадемся прямо въ западню, изъ которой не вывернешься. Грекъ не такъ ослепленъ какъ Турокъ.

— Ты правъ, своротимъ съ дороги и станемъ пасти своихъ лошадей, чтобъ не обратить на себя вниманія, а между-тѣмъ набредемъ на кого-нибудь и поразвѣдаемъ.

Послѣдствія, какъ мы видѣли, показали, что ихъ опасенія были слишкомъ основательны. Они шли нѣсколько времени, ведя въ поводу лошадей, которыя пощипывали травку. Букарестъ стался передъ ними на взрытой и холмистой почвѣ и со своими магалами (форштатами) казался безконечнымъ. — Только митрополія въ одномъ концѣ, да какое-то разрушенное зданіе тамъ, гдѣ нынче Курте-д'Арсь, да нѣсколько церковныхъ куполовъ возвышалось изъ этой безпорядочной полу-азіятской массы; окрестъ тянулись лачуги, и нищета выказывалась повсюду. — Графъ Барбаригго вспомнилъ о своей Венеціи съ ея мраморными дворцами, съ ея святымъ Маркомъ, съ ея фантастической роскошью, объ Венеціи, окруженной небомъ и водою и какъ-бы чуждающейся грязной земли и мысленно пере-

несся въ прошедшее и глубоко вздохнулъ. — Джузеппе мель за нимъ и по лицу своего господина старался под-
житить, угадать потокъ его мыслей и только искалъ слу-
чал наравить ихъ къ своей единственной цѣли, какъ не-
утомимый охотникъ подстрекаетъ собакъ на слѣдъ звѣря;
всякая посторонняя мысль казалась ему уже преступле-
ніемъ.

Въ сторонѣ послышался тихій, жалобный плачь: путе-
никъ направился туда, откуда онъ несся. На травѣ сидѣла
дѣвочка, нагая, смуглая, выказывавшая ясно свое цыган-
ское происхожденіе: головка ея съ черными взбитыми
комками кудрями и черными же отуманенными потокомъ
слезъ глазами, была прекрасна; дѣвочка глядѣла на свои
маленькія рученки и какъ ни силилась унять свой плачь,
какъ ни задушала его въ безсильной груди своей, но не
могла: печаль происходила отъ сердца, а не отъ воли. —
Барбариго больно стало за нея и онъ остановился, чтобы
утѣшить страдальцу. Дѣвочка было испугалась, но ласко-
вый голосъ ободрилъ ее: съ ней до-сихъ-поръ никто не
говорилъ ласково. — Итальянцу можно нѣсколько пони-
мать валахскій языкъ. Ктому же, путники наши, пу-
скаясь въ этотъ край, научились говорить на языкѣ,
представлявшемъ такъ мало для нихъ труда по сходству
двухъ нарѣчій между собою.

— У тебя, вѣрно, болятъ руки, что ты такъ горько надъ
нами плачешь?

— Нѣтъ, не болятъ.

— Такъ что жъ съ тобою?

— Мума * хочетъ отрѣзать мнѣ руку.

— Мать..... отрѣзать руку..... о, она вѣрно только пу-
гала тебя, — утѣшься!

— Нѣтъ не пугала, мума никогда не пугаетъ меня: она
просила меня, просила, плача горько, какъ я теперь пла-
чу. — Я согласилась. — Мнѣ хочется ѣсть, я три дня не ѣла,
а мать говоритъ, что если у меня не будетъ руки, то лю-
ди скалятся надо мною и будутъ давать хлѣба; люди та-
кіе недобрые: ничего даромъ не даютъ, имъ надо мою ру-
ку за хлѣбъ; Богъ съ ними, пускай возьмутъ!

* Мума — мать.

Барбариго понялъ горькую истину: Цыганка, чтобы возбудить состраданіе людей, чтобы вымолить кусокъ хлѣба, въ которомъ отказывали ей какъ отверженной парив, рѣшилась изуродовать свое дитя, дитя, по-видимому, любимое ею. По внушенному ему съ дѣтства чувству, Барбариго презиралъ Цыганъ, но не имѣлъ къ нимъ той суевѣрной такъ сказать ненависти, которою заражены многіе въ Европѣ, и въ томъ числѣ Молдаване и Валахи; онъ вынулъ изъ своей походной сумки кусокъ хлѣба и холоднаго мяса и далъ ребенку. Дѣвочка поглядѣла на него сначала недоувѣрчиво, но потомъ схватила съ радостью подачку.

— А, воскликнула она, теперь я надолго утолю свой голодъ и руки мнѣ останутся, останутся, и она смѣялась, бѣдная, утирая слезы кулакомъ и прыгала отъ радости, не думая, что нужда только отступила отъ нея на нѣскольکو шаговъ, но вскорѣ явится, страшная и неумолимая, и опять потребуетъ своей жертвы.

— А мума!..., воскликнула она вдругъ, съ заботливымъ видомъ, и лицо ея измѣнялось быстро, какъ летучее облако, выражая то дѣтскую радость, то сокрушительное горе, то заботу дочери. — О, тутъ станетъ и для матери; половину, нѣтъ большую половину хлѣба и мяса я оставлю ей; а какъ обрадуется, какъ обрадуется она!

— Гдѣ же твоя мать?

— Тамъ, около домовъ, ищеть осколка стекла или бутылки.

— Зачѣмъ?

— А руку мнѣ рѣзать, — забылъ! говорила она съ совершенною безпечностью, лакомясь необыкновенною для нея пищею, которую трех-дневный голодъ дѣлалъ еще вкуснѣе: ножа вѣдь никто не дастъ Цыганкѣ. — А, вотъ она! вотъ она, и дѣвочка побѣжала на встрѣчу идущей старухи, поднявши вверхъ ручки съ хлѣбомъ и мясомъ.

Вскорѣ она возвратилась, ведя за руку высокую, худую, полу-нагую, покрытую коростою, изборожденную шрамами и рубцами старуху; черные съ просѣдью, но всё-еще густые волосы, то виспадали прядями, то комками торчали на головѣ; лицо было цвѣту невыдѣланной кожи. — Это моя мума, говорила дитя, нѣжно прижимаюсь къ старухѣ,

и старуха повалилась къ ногамъ двухъ путниковъ и лобызала ихъ: состраданіе къ ней, къ Цыганкѣ.... это чувство было ей вовсе неизвѣстно, — она даже не умѣла выразить благодарность словами и поднявшись глядѣла на путниковъ безсмысленными глазами.

— Ты можешь оказать намъ услугу, сказалъ графъ Барбариго, обращаясь къ старухѣ: проведи насъ въ городъ, прямо, не черезъ заставу, а такъ, тропинками и пріюти насъ у себя или у своихъ; видишь, мы хотимъ обрадовать друзей и показаться къ нимъ, какъ снѣгъ на голову. Сдѣлаешь это—безъ благодарности не будемъ.

— Только не оставьте умереть съ-голоду ее, мою Марицку, и я отдамъ вамъ свою душу и тѣло.—Но у меня нѣтъ жилища ни здѣсь, ни въ городѣ, нѣтъ своихъ.

— Такъ найди для себя лачугу, а тамъ и насъ примешь къ себѣ.

Цыганка со вниманіемъ прислушивалась и къ смыслу рѣчей и къ иностранному выговору Барбариго и, всматриваясь въ лицо его, какъ-будто что-то соображала; вдругъ какъ-будто недоумившись, она схватила его руку своими костлявыми руками и повлекла его за собою. Джузеппе послѣдовалъ за нимъ.

— Пойдемъ, пойдемъ скорѣе, говорила Цыганка: васъ ожидаетъ здѣсь неминуемая гибель..... Вы тѣ два иностранца, что изъ Журжи; а ѣдете изъ Константинополя, привезли фирманъ и отправили его къ силистрійскому пашѣ.... да?... Васъ слѣдилъ Турокъ.... онъ былъ здѣсь, въ корчмѣ и пировалъ съ двумя бешліями.... я пошла къ прилавку просить милостыни, — Турки милосерднѣе къ вамъ, чѣмъ Христіане,—да они меня не замѣчали, говорили жарко между собою и много,—всѣ объ васъ; а когда слышали топотъ лошадей, оглянулись къ окну и пріѣзжій Турокъ указалъ на васъ, потомъ прибавилъ: вы дожидаетесь, пока пришлютъ къ вамъ подмогу, а я отправлюсь съ донесеніемъ. Тутъ замѣтилъ меня хозяинъ и отогналъ отъ прилавка, какъ собаку; я и не знаю что дальше было. Только ужъ кого укажутъ бешліямъ, тотъ пропащій человекъ. — Пойдемъ скорѣе, тутъ есть добрая вора для

насъ и для лошадей, и мы до ночи укроемся, а тамъ что Богъ дастъ.

— Мы открыты, сказалъ Джузеппе, трясаясь какъ въ лихорадкѣ, — не отъ страху, но отъ вѣтеривнѣи: не надо бояться времени; теперь нечего надѣяться на фирманъ, надо бояться на свой ножъ; идемъ прямо къ нему, а потомъ къ ней.

— Джузеппе, ты забываешь, что намъ нужна не жертва, и можетъ-быть невинная, если мы послѣдуемъ только влеченію своего сердца; намъ прежде всего надо торжественное оправданіе памяти графа Барбариго передъ Вещіей, передъ цѣлымъ свѣтомъ.

Между-тѣмъ путники спустились въ лощину; тутъ Цыганка указала на черное пятно, видѣвшееся какъ раздутая пастъ звѣря въ густой тѣни терновника; Цыганка раздвинула вѣтви и пролѣзла въ нору; за нею послѣдовали ея спутники: Марицика нырнула, какъ рыбка, въ давно знакомое ей убѣжище.

Это былъ одинъ изъ тѣхъ подземныхъ ходовъ, которые находятся во многихъ мѣстахъ въ Молдавіи и Валахіи, особенно въ долинахъ, и устраивались, вѣроятно, отъ набѣговъ Татаръ, а потомъ Турковъ. Далѣе подземелье мало-по-малу расширилось, но путники остановились у самаго входа, не выпуская изъ виду своихъ лошадей, скрытыхъ въ кустарникѣ.

— Здѣсь надо ждать сумерекъ, сказала старуха, прислѣпившись въ изнеможеніи къ стѣнѣ. — Марицика собрала нѣсколько сухихъ листьевъ и найдя мѣсто, куда пробивалась струя солнечнаго свѣту, хотя очень скуднаго, устроила постель, усадила старуху мать свою, съ заботливостію прикрыла ее тряпьемъ какое было и, присѣвъ къ ней бережно, положила на свои маленькія колѣнки ея голову. Обвивъ рученками шею, какъ-бы стараясь сколько-нибудь предохранить ее отъ сырости мѣста, она тихо нагѣвала въ сенку, убаюкивая свою сердечную. Вскорѣ страшное хрипѣніе старухи заставило невольно обмѣняться взглядомъ двухъ путниковъ, но спокойствіе Марицики показывало, что это былъ обычный сонъ ея матери. — Отвратительно было лицо Цыганки, изрытое язвами и поведенное судоро-

гани сновидѣнія страшнаго, какъ видно было изъ вырывавшихся сквозь сонъ словъ ея и болѣзненныхъ движеній. Марицка была неподвижна, хотя положеніе, въ которомъ она поддерживала голову спящей, было очень тяжело; только порою подымала она отброшенную всторону обнажившуюся руку спящей и осторожно клала къ груди, прерывая скуднымъ лохмотьемъ.

Лоренцо съ жадностью глядѣлъ на прекрасную головку Марицки, наклонившуюся надъ распаленнымъ лицомъ матери и казавшуюся еще прекраснѣй отъ такого сближенія.—У этой нищей Цыганки, думалъ онъ, есть существо, которое ее любитъ съ заботливостью дочери, съ нѣжностью ребенка; у меня никого нѣтъ; мой крестъ несу я ревностно и нѣтъ одобрительныхъ взоровъ, которые бы привѣтствовали, нѣтъ состраданія, которое бы встрѣтило меня: мой крестъ,—мой долгъ!—Всѣ помыслы и всѣ дѣйствія мои, сосредоточены въ немъ и мой слуга ревниво подстергаетъ, чтобы никакая другая мысль не коснулась меня. Онъ невольно взглянулъ на Джузеппе; тотъ уже спалъ, изнеможенный дальнимъ путемъ и рука его судорожно сжимала рукоятъ кинжала и лицо выражало страданіе.—И только одно страданіе окружаетъ меня, думалъ Лоренцо.—Не тяжесть долга мучила его, но это безотрадное одиночество, одиночество безусловное вездѣ, во всемъ, даже въ самой мысли, которая не имѣла другаго, близкаго сердцу, но не столь суроваго предмета, на которомъ бы могло остановиться и просвѣтлѣть лучомъ отраднымъ.

Лоренцо, не безъ сопротивленія бѣдной дѣвочки, освободилъ ее отъ тяжкаго положенія, подложивъ сѣдло подъ голову старой Цыганки; Марицка едва могла приподняться; члены ея отекали и окоченѣли; Лоренцо опустилъ ее къ себѣ на колѣни и прикрылъ плащомъ.

—Ты станешь и меня любить, Марицка! не правда ли?... И Лоренцу было бы больно услышать отрицательный отвѣтъ.

—Тебя! я бы очень любила, да васъ, бояръ, я больше и страшно любить.

—Отъ чего же ты думаешь, что я знатный?

—Нѣтъ, ты не бояръ: ты очень добръ, и я буду тебя

любить.—Бѣдное дитя обвилось рученками вокругъ шеи и впилося губками въ открытое, высокое чело гордаго патриція, и по-сердцу былъ тому этотъ поцѣлуй, эта ласка; ему стало какъ-то легче на душѣ и просіяло лицо его.— Чуденъ былъ союзъ этихъ двухъ существъ, столь отдаленныхъ другъ отъ друга нравственно.

— Теперь скажи, отъ чего ты боишься любить бояръ?

— Мума любить одну знатную кукону, да эта любовь ей хуже еще чѣмъ голодъ: вотъ теперь покушала и нѣтъ голоду, а всё-сердечная, думаетъ о своей возлюбленной Евфросиньи, видишь, и во снѣ вздыхаетъ всё о ней, я знаю.

— Почему жъ ей худо отъ этой Евфросиньи?

— Кто ее знаетъ: только кукона зла видно на муму за то, что та ее любитъ, а мума говоритъ, что не можетъ не любить ее: такъ, видно, надо тому быть!

И кто была эта Евфросинья и что была за любовь къ ней Цыганки? Лоренцо не могъ узнать потому, что Марицка и сама тутъ ничего не смыслила, да и Лоренцу мало было нужды до того. Онъ прижалъ къ себѣ бѣдное дитя, какъ-бы боясь, чтобъ у него не взяли и поцѣлуя его утѣшенія и истомленный заснулъ держа его въ объятіяхъ, и первый разъ по выѣздѣ его изъ Венеціи отрадный сонъ и лучезарное сновидѣніе осѣнили его благовѣющими крылами своими.

Юношей надмѣннымъ, празднолюбивымъ, оставилъ онъ Венецію, труженикомъ посѣдлымъ, окунувшимся въ холдномъ опытѣ жизни, принужденнымъ работать духомъ и тѣломъ, то униженно ласкаясь къ приближеннымъ взирая, то путешествуя денно и ночью верхомъ, среди всѣхъ лишеній,—явился Лоренцо въ Букарестъ, и не на благо! Былъ конченъ путь, но цѣль едва мерцала въ дали.

— Такъ ты ее точно знаешь? спрашивалъ Барбариго нетерпѣніемъ старую Цыганку.

— Знаю, какъ себя, отвѣчала Цыганка.

— И проведешь меня къ ней?

— Прямо въ ея комнату. Только помни условіе—не дѣлать ей никакого зла.

Какихъ условій не заключилъ бы онъ въ эту пору, ка-

кихъ обѣщаній не далъ бы! У него была только одна цѣль и въ этой цѣли сосредоточивалось все его существованіе; онъ трепеталъ отъ радости, видя какъ-бы участіе самого неба въ дѣлѣ, совершенномъ имъ съ такимъ безусловнымъ самоотверженіемъ.

— Теперь, сказалъ онъ обращаясь къ Джузеппе: теперь повтори мнѣ всѣ подробности смерти моего отца: я выслушаю ихъ хотя съ прежнею скорбью, однако не съ прежнею мучительною безнадежностью на возмездіе, которое свинцомъ лежало на моей совѣсти.

Джузеппе улыбался: этого еще не случалось съ нимъ ни разу послѣ смерти стараго графа, но горька была улыбка; мѣрною рѣчью, не пропустивъ ни одного обстоятельства, сталъ онъ рассказывать всѣ подробности смерти Барбариго, воспламеняясь болѣе и болѣе, потому что въ первый еще разъ видѣлъ передъ собою слушателя внимательнаго къ каждому его слову, которое онъ подбиралъ на сердце, словно жадный ростовщикъ дорогія зерна жемчугу на нитку.

— Утромъ, въ самый день своей смерти, графъ.... да успокоитъ Пресвятая Дѣва его душу!.... былъ веселъ, веселъ потому, что успѣлъ наконецъ склонить верховнаго визиря на заключеніе трактата, какъ видно было, выгоднаго для республики, славнаго для имени Барбариго, столько разъ украшеннаго славными дѣлами. Мы всѣ радовались, видя приближеніе своего отъѣзда домой; всякому скучна была чужая земля, да еще оскверненная мусульманствомъ; страннымъ только казалось, что и молодой нашъ секретарь обнаруживалъ радость, хотя мнѣ извѣстно было, что онъ нѣсколько разъ намѣкалъ старому моему господину о томъ, что невозможно далѣе настаивать на утвержденіе предложенныхъ имъ Портѣ условій, что они не совсѣмъ справедливы, и неминуемо вовлекутъ Венецію въ войну; говорилъ, будто онъ, введенный тайными путями къ приближеннымъ визиря, слышалъ о страшныхъ морскихъ приготовленіяхъ противъ Венеціи, что не сегодня такъ завтра, онъ, графъ Барбариго, будетъ заключенъ въ Сенибашенный Замокъ; эта угроза была повторена и отъ самаго визиря, но графъ былъ непреклоненъ и даже стро-

го запретилъ своему секретарю говорить съ нимъ въ такомъ тонѣ. Можетъ-быть, онъ и надсаривалъ, что-нибудь не хорошее въ слишкомъ жаркомъ противодѣйствіи своихъ планамъ; можетъ-быть, ему не нравилась связь своего секретаря съ Фанариотами, изъ которыхъ многіе были драгоманами Порты, только графъ примѣтно охладѣлъ къ нему, и тѣмъ страннѣе казалась намъ радость Чичинеса. Правда, онъ говорилъ, что возставалъ противъ трактата, предложеннаго графомъ, только потому, что никакъ не надѣялся на согласіе взирая и страшился за безопытность Барбаригго, но что теперь, когда дѣло увѣчалось такимъ блестящимъ успѣхомъ, онъ первый удивляется силѣ характера, терпѣнію, опытности и той дипломатической тонкости, съ которою посолъ былъ приведенъ къ желанной цѣли; не знаю, вѣрили ли ему другіе, а мнѣ что-то не вѣрилось и тогда его словамъ, а теперь, когда подумаю съ какимъ тономъ они были произносимы и въ чьемъ присутствіи, когда соображу эти насмѣшливые взгляды, которые онъ порою изъ-подтишка бросалъ на моего господина, разсыпанъ между прочимъ въ похвалахъ, то сомнѣніе мое переходитъ въ убѣжденіе.

— Всѣ въ домѣ говорили, что трактатъ былъ заключенъ, но только очень немногіе знали въ какой силѣ секретарь строго запретилъ о томъ разглашать, говоря, что это важная политическая тайна и что на другой день ее в безъ того всѣ узнаютъ.

Какъ теперь помню, — это было утромъ перваго мая, — я, по обыкновенію, принесъ кофе графу: онъ поглядѣлъ на меня улыбаясь. Что, Джузеппе, говорилъ я тебѣ, что увидя свою старуху; вотъ мы и порѣшили-таки дѣло и опять будемъ въ Венеціи. Готовься въ путь, да молись Богу, Джузеппе: Богъ справедливъ и не попуститъ погибнуть мнѣ въ темницѣ республики, чтобы и на мою долю досталась часть славы. Ты вѣдъ самъ говорилъ, что ни одинъ Барбаригго не умреть, не ознаменовавъ себя какимъ-либо подвигомъ, политическимъ или военнымъ: вотъ и мы со служили службу республикѣ. Никто въ Венеціи, вѣроятно, не ждетъ такого трактата.

— Благодарю Бога! благодарю Бога! повторилъ я съ увлеченіемъ.

— Ну, а старуху хочется видѣть?

— Хочется, мой добрый. господи́нь: но подержалъ бы только Господь васъ на свѣтъ, такъ все будетъ хорошо.

— Спасибо, Джузеппе, спасибо! Приготовь-ка мнѣ парадное платье къ вечеру: сегодня большая церемонія на Прѣсныхъ-Водахъ: будутъ султанскихъ лошадей выпускать на луга, такъ, видишь ли, я приглашенъ на этотъ праздникъ.

— Да говорятъ, тутъ только присутствуютъ самые приближенные султана и еще ни одинъ посланникъ не удостоивался такой чести.

— Говорятъ такъ, Джузеппе, сказалъ весело мой баринъ: а всё-таки я приглашенъ на этотъ праздникъ. И я, казаться, выросъ на два вершка отъ гордости.

Тутъ пришелъ секретарь и драгоманъ Анастасій со своею змѣею—женою.... мнѣ только бы ее увидѣть! Мой судъ будетъ для нея страшнѣе страшнаго суда. Я бы отплатилъ ей за своего господина, да, отплатилъ бы такъ, чтобы и на тотъ свѣтъ унесла и страхъ наказанія и память своего преступленія!—прости, Господи, мой грѣхъ!... Мой господи́нь,—нето, чтобы я его порочилъ,—не допусти Боже!—мой господи́нь вмѣлъ къ ней какую-то слабость, любилъ ее, можетъ-быть, какъ свое дитя.... И старикъ видимо старался оправдать страсть болѣе непозволительную своего господина.—Да и какъ было не полюбить ее!... Вы сами, можетъ-быть, помните ее..... въ Венеціи, въ домѣ графа Франчески, гдѣ росла она, какъ ясный день!—Потомъ она переѣхала на житье въ Константинополь, откуда была родомъ, говорили къ тѣткѣ, а какая ужъ тамъ тѣтка! Нашъ секретарь очень любилъ ее; но она и слушать не хотѣла, чтобы выйти за него, и графъ Барбаригго, уже Богъ знаетъ зачѣмъ, выдалъ ее за драгомана Анастасія, родомъ Грека, бывшего въ большой чести при султѣ, и тогда носились разные слухи въ городѣ, не хороша такіе для моего господина.... но молва вѣдь тотъ же слухоторъ:—куда клонится вѣтеръ, туда и онъ! Впрочемъ; какого бы роду ни была любовь графа къ Гречанкѣ, извѣ-

стно только то, что она платила за нея невѣрностью и коварствомъ.

Вскорѣ Анастасій вышелъ изъ комнаты, а за нимъ и секретарь; проходя мимо меня, онъ сказалъ: Джузепе, вотъ письма къ министрамъ французскому и англійскому: отдай имъ лично въ руки, а я отвезу это самъ къ австрійскому министру — очень важныя письма! — Я навѣрное полагаю, что это были копии съ трактатовъ или что-нибудь такое и отправился исполнять приказъ. — Ничего тутъ не было необыкновеннаго: всѣ знали, что я былъ у графа нето что какой другой слуга! — Жена Анастасія еще оставалась въ комнатѣ господина, одна, но къ этому привыкли въ домѣ. Я воротился часа черезъ два.... Лучше бы мнѣ никогда не возвращаться!.... О, мой добрый, мой благородный господинъ, думалъ ли я пережить тебѣ! Какъ теперь гляжу: онъ лежалъ въ креслѣ съ закатившимися глазами, съ опустившеюся на грудь головою; храпѣнне его было тяжело, стоны прерывисты, болѣзненны. Въ комнатѣ никого не было. Я кинулся-было за докторомъ; графъ замѣтилъ меня и остановилъ: поздно, прощепталъ онъ; возьми бумагу... подъ подушкой!.... Я вынулъ бумагу и показалъ графу... Онъ окинулъ ее своимъ померкшимъ взоромъ и болѣзненное лицо страшно измѣнилось. — Боже мой, не та!... Они подмѣнили ее, воскликнулъ онъ такимъ голосомъ, отъ котораго разорвалось его сердце — и онъ скатился съ кресла.... Джузепе.... сынъ мой!... сынъ мой! произнесъ онъ едва внятно.... отрава!.... Отомстите..... Боже!.... И померь!....

Вскорѣ явился Чиханесъ съ турецкими властями и вырвалъ у меня изъ рукъ трактатъ: я еще хорошенько не понималъ въ чемъ дѣло, но когда пришелъ въ себя, когда поразмыслилъ, — сталъ догадываться о страшномъ преступленіи и обратился къ друзьямъ графа, передавъ имъ все, что зналъ. Стали хлопотать, но все было напрасно; отданныя мною поутру посланникамъ письма содержали копию съ того постыднаго трактата, который попалъ у меня въ рукахъ и который заранѣе былъ положенъ, все было придумано злодѣями и не было никакихъ доказательствъ моимъ словамъ..... Я возвысилъ голосъ и во-

казалъ металлическій осадокъ, найденный мною въ стаканѣ, что былъ съ водою — покойный графъ обыкновенно запивалъ кофе водою;—меня бросили въ тюрьму, изъ которой я освободился только черезъ осемь лѣтъ, успѣвъ скопить постоянными лишеніями, трудомъ и мпльстинею столько денегъ, чтобы подкупить тюремщика.

— Довольно, Джузеппе! возразилъ Лоренцо, прерывая своего вѣрнаго слугу, который выискивалъ въ своей памяти малѣйшія подробности роковаго событія, какъ-бы онъ стоялъ передъ грознымъ судьей, готовящемъ особую кару за каждую изъ нихъ: — довольно, часъ насталъ; ты видишь, Провидѣніе само помогаетъ намъ, — и Лоренцо едва переводилъ дыханіе. — Скорѣе, старуха, скорѣе въ путь: Марицика покуда побудеть съ Джузеппе. Да смотри же, Джузеппе, чтобы лошади были готовы; можетъ-быть вамъ врі́дется ѣхать сегодня же въ ночь къ папѣ добывать фирманъ.

— Хорошо, хорошо, все будетъ готово, мой добрый господинъ. Вотъ этотъ кнжаль по-острѣе, онъ натертъ ядомъ, возьмите его: не промахнитесь, мой милостивый господинъ; да не взять ли бы вамъ меня съ собою.... у васъ можетъ родиться состраданіе, вы молоды, милосерды, я неумолимъ.

— Не время, Джузеппе, не время! Нужно, чтобы мечь была совершена передъ цѣлымъ свѣтомъ, а не передъ одними нами; нужно, чтобы имя графа Барбариго явилось свѣтлымъ и славнымъ въ исторіи, а не только въ нашихъ глазахъ; нужно, чтобы дожъ, чтобы Венеція, чтобы свѣтъ узналъ, что у Лоренцо Барбариго достало силы вырвать убійць отца изъ рукъ турецкаго правительства и предать ихъ правосудію! Потерпи, мой добрый Джузеппе, потерпи!

— Да напутствуетъ вамъ Святая Богородица!

Было темно. Городъ спалъ. Въ улицѣ Подомогушой, въ то время уже обставленной мѣстами каменными, въ беспорядкѣ стоящими домами, въ самомъ большемъ изъ нихъ, въ комнатѣ, выдавшейся на дворъ, былъ свѣтъ, едва мерцавшій, словно томный взоръ женщины, полу-закрытый отяжелѣвшими отъ наслажденія вѣками; роскошь,

въ то время такъ мало обыкловенная въ Букарестѣ, слѣдѣтельствовала, что властительница этой комнаты, — а по всему было видно, что это была властительница, а не властитель, — занесла ее изъ-чужи, и въ этой роскоши болѣе замѣтно было вліяніе Азіи, ея нѣги, пестроты, безвольной массы золотыхъ украшеній, чѣмъ изящества Запада. Мягкіе пушистые ковры Брюссельскіе устилали всю комнату и представляли все удобство ходить по нимъ безъ обуви, что такъ любо женщинамъ Турціи, которыхъ ножка тоскуетъ въ кожаномъ затворѣ и облекается въ туфлю только переступая порогъ своей комнаты и чему тогда слѣдовали изнѣженныя женщины Валахіи и Молдавіи; весь плафонъ былъ расписанъ и темными яркими арабскими и украшенъ золотыми рельефными изображеніями, а стѣны почти закрыты зеркалами. Низенькіе диваны и сидѣнья болѣею частью состояли изъ разнообразныхъ подушекъ. Тяжелыя атласныя шторы были украшены золотыми кистями и золотою бахромой; тонкое благовоніе было разлито въ комнату и распаяло нервы, непривычныя къ нему, а блеклый свѣтъ лампы и яркая пестрота стекло въ Венеціи наводили фантастическую красоту на все дѣйствительно прекрасное и сглаживали рѣзкія, грубыя черты несообразности частей дѣлаго созданія. Въ этой комнатѣ, въ присутствіи ея очаровательной жилицы, подъ ея жаркимъ дыханіемъ, можно было возродиться и опять задохнуться отъ восторгу.

Евфросинья, изнеможенная полдневнымъ жаромъ, измученная тоскою души, едва прикрытая легкой батистовой кофтой, перевязанной у пояса широкою ярко-пестрою шалью, какъ это и нынче въ обыкновеніи у нѣкоторыхъ константинопольскихъ Гречанокъ, принявшихъ это кокетливое обыкновеіе у турецкихъ одалыкъ, Евфросинья полу-лежала на диванѣ, поджавши подъ себя одну ножку, и пряди волосъ, густыхъ и шелковистыхъ, спустившись съ головы, разстилались по бѣлымъ плечамъ и роскошнымъ грудямъ, и блестя и переливались; въ нихъ былъ и ярый черный цвѣтъ воронья крыла и мать вороненой стали; въ ея лицѣ, въ ея положеніи, были разлиты вся нѣга Юга и вся неудовлетворенность страсти

гареиной затворницѣ, хотя эта женщина играла и свободой и любовью, какъ играютъ этимъ чувствомъ только подъ раскаленнымъ небомъ Италіи или подъ вліяніемъ свободныхъ нравовъ Валахіи и Молдавіи, въ то время растлѣнныхъ тираниею турецкаго правительства и всепробладающей интригой князей Фамаріотовъ. Опрокинутая головка ея, казалось, выпрашивала у самаго неба поцѣлуя на раскрытыя роскошныя уста, и полу-закрывшіеся глаза были подобны закатывающемуся солнцу, свидѣтельствувавшему о зноѣ истекшаго дня и общавшему зной южной ночи, — она чуть виднѣлась изъ-за густыхъ рѣсницъ и безъ огня горѣла. Не сонъ овладѣлъ ею, она кокетливо приманивала къ себѣ самыя причудливыя грезы, и тѣ, играя, вились вокругъ ея, касаясь то пламенной груди, то темныхъ густыхъ рѣсницъ и отлетали, чтобы опять любоваться ею въ отдаленіи, какъ знатокъ любитъ дивнымъ созданіемъ Корреджіо. Столько было счастья во всей этой фигурѣ, съ чудно округленными, обнаженными и художнически отметнутыми всторону руками, съ ножкой какъ-бы нечаянно выставленной изъ-подъ колѣнъка, общавшему чудо сгиба и выступа, столько было упоенія въ ея позѣ, что, какъ я замѣтилъ, человѣку не вынести бы этого счастья, которымъ казалось, играла она по произволу, если бы въ нихъ не было сколько-нибудь отравы.

И это она, думалъ Лоренцо, то очаровательное дитя, которое мелькнуло какъ сладкій сонъ въ моемъ дѣтствѣ, оставивъ одно отрадное отъ него воспоминаніе! Молодой Венеціанецъ, неподвижный, глядѣлъ на нес, стоя въ углубленіи, скрытый тяжелою занавѣской, куда привела его потаеннымъ корридормъ Цыганка, знавшая, казалось, всѣ входы этого дому. Душа его кипѣла, умъ кружился въ вихрѣ упонительныхъ мечтаній; Лоренцо едва держался на ногахъ; но на этотъ разъ онъ умѣлъ покорить себя съ твердостью характера, показывавшею, что ему удавалось вынести не одну душевную борьбу. — Онъ вышелъ изъ своего тайнаго убѣжища, словно геній мститель и предсталъ суровый и неумолимый передъ тою, надъ которою долженъ совершить судъ неба. Изумленіе, ужасъ вырази-

лись во всѣхъ чертахъ Евфросиньи при видѣ посѣтителя въ такую пору, вооруженнаго; духъ замеръ и она осталась безъ словъ, безъ движенія.

— Напрасно будешь призывать кого на помощь: все вокругъ спитъ своимъ крѣпкимъ, подготовленнымъ усыпительнымъ наиткомъ и крикъ твой будетъ стоить тебѣ жизни.

— Возьми все что здѣсь есть, но удались, удались скорѣе: я не могу вынести твоего взгляду, твоего виду.

— Не за тѣмъ я пришелъ.—Евфросинья, отвѣчай на мои слова, какъ отвѣчала бы ты на страшномъ судилищѣ, и помни, что ты не будешь имѣть времени, покаяться въ ложной исповѣди; такъ говори же истину непреложную.

Въ недоумѣннн глядѣла она на страшнаго вопросителя и что-то знакомое казалось ей въ этихъ грозныхъ чертахъ, и суетвѣрный страхъ смѣнилъ ожиданіе близкой опасности.

— Помнишь, десять лѣтъ тому, перваго мая, въ одиннадцатомъ часу утра, въ Константинополѣ, въ Перѣ,—помнишь домъ венеціанскаго посланника графа Барбариго? Ты пришла къ нему въ этотъ день, въ этотъ часъ, наряженѣе обыкновеннаго, вся въ бѣломъ.... такъ? а черная мысль уже была въ сердцѣ, а ядъ уже хранился въ запасѣ,—такъ? У графа Барбариго въ то время былъ его секретарь, Чиханесъ и драгоманъ Порты, твой мужъ:—они ушли,—мужчины не хотѣли быть свидѣтелями страшнаго дѣла, которое совершила женщина. —Ты подмѣшала ядъ въ стаканъ воды, ласкалъ между-тѣмъ старика и закрывая глаза его поцѣлуями; ты подала ему воду своею маленькой ручкой и жадно глядѣла, не осталось ли капли яду въ стаканѣ и боялась только того, чтобы она не оставила старику лишней часъ жизни, а въ этотъ часъ опъ могъ открыть твое преступленіе..... такъ?

— О, не я! не я! Клянусь небомъ, не я дала ему этотъ ядъ, не я принесла его.

— Не ты? А кто жъ?

Трепещущая, едва живая, увѣренная, что отвѣчаетъ самому старому Барбариго, пришедшему изъ другаго міра или чудомъ вырвавшемуся изъ рукъ смерти, она хотѣла

приводятся, но въ изнеможеніи опять опустилась и закрыла рукою глаза, чтобы избавиться отъ огненныхъ взоровъ, поражавшихъ ее. — И дѣйствительно, страшень былъ въ эту минуту юный Барбариго, стоявшій лицомъ къ лицу передъ убійцей своего отца; въ его чертахъ, искаженныхъ гнѣвомъ, въ блѣдномъ, впаломъ лицѣ было столько сходства со старымъ Барбариго, что не мудрено, если Евфросинья, пораженная страхомъ, была введена въ обманъ. — Она открыла глаза; въ эту минуту ей были равно страшны темнота ночи и свѣтъ обличавшій предстоящую сущность: она хотѣла говорить и немогла.

— Такъ значитъ ты! грозно возразилъ Барбариго. Помнишь тотъ свертокъ бумагъ, который былъ подъ подушкой графа, трактатъ его съ Портою, — ты подмѣнила его другимъ въ минуту предсмертныхъ мукъ старика, или въ минуту наслажденій любви, которыми ты старалась усыпить его.

— Клянусь небомъ и землею, клянусь Создателемъ, клянусь всѣмъ что есть святаго, не я!

— Не ты, такъ кто жъ?

— Я была невѣрна тебѣ, продолжала Евфросинья, всё еще убѣжденная, что говоритъ со старымъ графомъ: я играла твоей любовью, продавала завѣтныя тайны твоего сердца, я была преступной противъ тебя во всемъ, кромѣ убійства, въ которомъ упрекаешь меня, кромѣ подлога, которому я непричастна.

— А, я вижу, ты въ заблужденіи: ты думаешь, что передъ тобою тѣнь покойнаго Барбариго; нѣтъ! Ты видишь во мнѣ существо, одѣтое плотью, существо страшнѣе выходца могильнаго; ты видишь во мнѣ сына, мстящаго за смерть своего отца, за свое собственное безславіе. — Ты видишь во мнѣ исполнителя казни, которой не выдумаетъ и адъ.

Разсудокъ быстро возвратился къ суевѣрной Гречанкѣ.

— Мой Лоренцо! воскликнула она, простирая къ нему свои обнаженные руки, и все лицо ея, доселѣ обезображенное ужасомъ, преобразилось и выражало радость встрѣчи, притворную или искреннюю.... Кто можетъ чхать въ сердца женщины!

Лоренцо отступилъ и какъ-бы боясь за свою твердость, взялся за низкалъ:—Теперь или никогда, думалъ юноша, котораго страсти разжигались, а тѣнь отца взывала о мщеніи.

— О, Лоренцо! только пожертвуй минутой и тогда убей меня! я не такъ преступна какъ ты думаешь; ты одна виною всему, мой Лоренцо! Тебя любила я, любила когда была ребенкомъ и любовь моя расла съ лѣтами и съ лѣтами ты становился мнѣ краше; невидимый, ты представлялся мнѣ мощнымъ гениемъ, заступникомъ и хрипителемъ; гениемъ являлся мнѣ и теперь, но гениемъ разрушителемъ; и я не сокрушаюсь; дай мнѣ только умереть счастливой; осуществи мою мечту, которую носила я и лѣляла столько лѣтъ у груди своей, умереть я готова: съ небомъ я примирилась долгими годами страданія; съ землею мои счеты давно окончены: мнѣ отъ нея нечего ожидать и надѣяться, а она отъ меня ждетъ только моего праху, но съ тобою я должна примириться своимъ оправданіемъ.—Лоренцо! эту ночь отдай мнѣ и пускай твой ножъ заплатитъ за невѣрность мою отцу тогда, когда твоя любовь расплатится со мною за долгіе годы страданія и вѣрности сыну: видишь, какою дорогою цѣною я покупаю эту ночь!

Голова Барбариго была въ огнѣ, глаза сверкали, сердце готово было выскочить изъ груди; онъ разслышалъ только одно слово изъ всего что она говорила: это имя отца и помутившійся его разеудокъ на время сосредоточился:—Прочь, произнесъ онъ, прочь, убійца моего отца!

— Не убійца, клянусь тебѣ! О, я все, все расскажу тебѣ.... только прости меня ради моей безпредѣльной къ тебѣ любви, пощади на время и потомъ порази безъ гнѣву; я открою все, я вручу тебѣ орудіе мести; я низойду до униженія... И она обнимала его колѣна, простирала къ нему свои вѣры, увлажненные слезами и любовью.... Она молилась ему, какъ своему божеству, молилась, не за жизнь, за любовь, которая, можетъ-быть, была для нея дороже жизни и какъ прекрасна въ своемъ смиреніи, какъ чиста, какъ ангелособравна казалась она..... Но тѣнь отца промелькнула передъ возмущеннымъ умомъ Барбариго; эти руки, простертыя къ

нему, казалось, еще дымились ядомъ, еще обрызганы предсмертною пѣною отца его, эти уста запечатлѣны нечестными лобзаними предательницы; онъ съ силою оттолкнулъ ее отъ себя ногою и та простерлась передъ нимъ, трепещущая, едва живая. Милости къ ней не было въ сердцѣ Лоренцо, но кровь горѣла болѣе и болѣе при видѣ этихъ излюбленныхъ, роскошныхъ формъ, — однако онъ силою желѣзной воли подавилъ возмущающее его чувство и съ холодною судью, съ жестокостью палача, пытающаго свою жертву, приступилъ къ допросу о томъ, что знаетъ она о смерти отца, и требовалъ, чтобы она предала ему сообщниковъ своего преступленія; но эта женщина, слабая, суетная, любящая свѣтъ и жизнь, только для свѣта и жизни, была непоколебима передъ угрозой какъ передъ исполненіемъ ея: въ ея сердцѣ была любовь, упрямая, несокрушаемая.

— Лоренцо, пора кончить! произнесла она ослабѣвшимъ отъ страданія голосомъ. Ты слабое дитя, трепещущее передъ жертвою, которой я отъ тебя требую, или палачъ, наслаждающійся моими муками, — ты видишь, что они безсильны надо мною: такъ кончай скорѣй; тайна сойдетъ со мной въ могилу.

— О, мой отецъ, спаси и вразуми меня!

И Лоренцо, изнеможенный безплодными усиліями, внутреннею борьбой, повергся въ отчаяніи на стоявшій возлѣ него диванъ.

— Не тревожь тѣней усоншихъ.... грѣхъ! Проси совѣта у своего сердца, и оно подастъ тебѣ совѣтъ спасительный.

Евфросинья подѣла къ нему, она взяла его опущенную, изнеможенную голову и тихо, тихо склонила къ плечу своему и нѣжно, нѣжно обвила его шею своими гибкими, дугообразными руками. Кто сокрушить, не сокрушенный прежде самъ, такія узы! Эта закругленная нѣгою, дышущая блаженствомъ грудь, эти чудно созданныя плечи не блестяли лоскомъ невинности; кожа ихъ не сквозила, не отражала голубыхъ жилокъ, еще несмятыхъ чуждымъ прикосновеніемъ, не сокрушенныхъ жаркимъ дыханіемъ, но матовая бѣлизна ея дышала нѣгой и роскошью и обѣ-

щала блаженство, блаженство любви безусловной. Щеки Лоренцо покоились на этой горячей, брызжущей изо всѣхъ поровъ своихъ соблазномъ кожѣ, и учащенные удары сердца его показывали ясно его лихорадочное, его безсознательное состояніе. Барбариго не въ силахъ былъ болѣе владѣть собою.—Онъ вступилъ въ міръ блаженства, гдѣ разумъ немощенъ, потому что разумъ жплець грязной земли, а тамъ міръ неба! И сердце Евфросиньи, изсохшее отъ наслажденій, нераздѣленныхъ или купленныхъ, пробудилось и развилось подъ дыханіемъ любви, исходящей прямо отъ сердца, и прекраснѣй и упоительнѣе казалась эта женщина; она впервые была счастлива своею жизнью.

Утромъ, Лоренцо стоялъ у окна, печальный и томимый раскаяніемъ, не отвѣчая на жаркія ласки Гречанки, едва замѣчая ихъ. Наканунѣ пламенные губы его, были блѣдны, холодны, огненный взоръ померкъ; но для Евфросиньи всё-еще онъ былъ прекрасенъ, и она забыла, что это — послѣдняя для нея ночь, или, можетъ-быть, не вѣрила этому, вѣря только силѣ своей любви.

— Лоренцо, сегодня въ ночь я отдамъ тебѣ обличительныя бумаги противъ убійцы твоего отца; я дамъ тебѣ подлинное условіе, заключенное убійцами въ платѣ за кровь его: ты увидишь съ кѣмъ оно заключено и кому выдана эта плата, и не будешь меня судить такъ строго; болѣе,—подлинный трактатъ былъ сохраненъ на случай, если бы визирь не исполнилъ своихъ условій съ тѣмъ кто подмѣнилъ его, и вѣрно цѣль еще и теперь, — я достану тебѣ этотъ трактатъ. Сегодня, сегодня, Лоренцо.... Но смотри, чтобы тебя никто не видѣлъ втеченіи дня, говорила она, боясь за его жизнь: будь остороженъ, какъ-можно остороженъ. Прощай, мой сердечный, прощай мой Лоренцо! И она проводила его въ ту же потаенную дверь, въ которую Барбариго взошелъ, но вдругъ остановилась на порогѣ ея.—Кто ввелъ тебя сюда? спросила она, смотря подозрительно ему въ лицо, и сомнѣніе волновало ее, сомнѣніе—не подосланъ ли онъ господаремъ, которому одному, какъ ей казалось, извѣстенъ былъ входъ въ ея комнату.

— Мой добрый геній, отвѣчалъ Барбаріго, пламенно цѣлуя ее.

— И я могла сомнѣваться, сказала Евфросинья, и долго глядѣла вслѣдъ за ушедшимъ Лоренцо.

Лоренцу послышался шумъ на-скоро удалявшихся шаговъ, когда онъ выходилъ изъ дому, но занятый своими мыслями, онъ не обратилъ на это вниманія, хотя ранняя пора и тайна, которою, казалось невидимый свидѣтель хотѣлъ прикрыть свое отступленіе, могла бы встревожить человѣка въ спокойномъ состояніи духа, особенно въ этомъ краѣ, гдѣ интрига и тайная полиція могла состязаться съ венеціанскою.

Лоренцу было какъ-то неловко, совѣстно самого себя; онъ нарочно замедлялъ шаги, приближаясь къ нищенской избѣ въ отдаленной магалѣ *, куда помѣстила ихъ Цыганка, боясь пуще всего огласки ихъ пріѣзда.—Тоскливо переступилъ онъ порогъ и очутился лицомъ къ лицу съ Джузеппе, который почтительно всталъ при входѣ его. Съ перваго взгляда видно было, что старикъ провелъ ночь не только безсонную, но и слишкомъ тревожную. Упрекъ отражался въ потупленныхъ долу глазахъ, которымъ тщетно старался онъ придать одно выраженіе рабской покорности.

— Ты боленъ, мой добрый Джузеппе, сказалъ заботливо Лоренцо; взоры ихъ невольно встрѣтились и краска выступила на лицѣ молодаго человѣка и блѣдность усилилась на лицѣ старика и безъ того блѣдномъ. Послѣдній понялъ то, что еще не вполне зналъ.

— Нѣтъ, здоровъ, отвѣчалъ Джузеппе отрывисто.

— Такъ значить, не спалъ ночь, ожидая меня; всё я виноватъ. Что дѣлать! не могъ воротиться ранѣе; но зачѣмъ же ты ждалъ меня? Успокойся теперь: дѣла поправятся!

Ироническое, хотя легкое, движеніе губъ Джузеппе, показывало ясно въ какой силѣ онъ вѣрилъ словамъ его, и горько было на душѣ Джузеппе. Онъ молчалъ.

Лоренцо понялъ этотъ безмолвный упрекъ; врожденная

* Магала, кварталъ, часть города.

гордость патриціа, которую не могло совершенно подавить никакое униженіе, была сильно ущемлена суровостью слуги и онъ не сталъ продолжать съ нимъ разговора.— Они оставались съ глазу на глазъ въ тѣсной комнатѣ; Цыганки не было: она по обыкновенію гдѣ-то шаялась или запакала привасы для скуднаго обѣда двухъ путниковъ; Марицка была съ нею. Время шло тяжело для Лоренцо и Джузеппе, первый чувствовалъ свою вину и униженіе, которое простекало изъ нея, второй видѣлъ, что единственная цѣль послѣднихъ десяти лѣтъ его жизни, которая для него замѣняла все на землѣ, была подорвана, и когда же? когда взоръ уже достигалъ ее, когда нетерпѣливое сердце стремилось на встрѣчу ей, готовое разбить преграды и доглотить разстояніе, раздѣляющее ихъ, когда руки вотъ-вотъ касались ее, и кто жъ грозился разрушить ее?—Но нѣтъ, нѣтъ, это быть не можетъ, онъ ошибся въ своемъ предположеніи; лучъ надежды еще мелькалъ въ душѣ Джузеппе.... Однако онъ убѣдился лично, что Лоренцо точно провелъ ночь у Евфросиньи; Джузеппе какъ тѣнь слѣдилъ за нимъ, какъ наемный сборъ сторожилъ его у дверей дому и видѣлъ своими глазами, какъ тотъ выходилъ рано утромъ изъ ея комнаты, какъ она проводила его; слышалъ, какъ сказала «прощай, мой Лоренцино», и отчаяніемъ вскипѣло сердце вѣрнаго слуги. Укорительною, олицетворенною совѣстью стоялъ онъ передъ преступнымъ сыномъ и ему даже любо было видѣть его мученія, и Лоренцо долженъ былъ терпѣть, не обнаруживая боли, оставаться подъ вліяніемъ укоризненныхъ взоровъ, а выйти изъ дому было бы неблагоразумно: ихъ могли открыть; и они мучились присутствіемъ другъ друга и это добровольное мученіе было такъ тяжело, какъ пытки венеціанскихъ «ploti» и «rozzi». Пришла наконецъ Цыганка, и какъ-будто легче стало Лоренцу.

— Странныя вѣсти ходятъ по городу, сказала она. Кто говоритъ, будутъ Турки въ Букарестъ; кто говоритъ, будетъ пожаръ; кто говоритъ, господарь отрекается отъ своей вѣры и принимаетъ турецкую или жидовскую; а кто говоритъ, бояре отрекаются отъ господаря и берутъ себѣ нето нѣмца, нето иного турецкаго нехреста.— Куницы за-

перед лавки и бояре по ночамъ сходки дѣлають.... Ну, а что ты, мой сердечный, продолжала старуха, стараясь придать улыбку своему лицу и лукаво качая головою, гдѣ провелъ ночь?... Поразскажи какъ, голубчикъ, небойсь, лю-бо было!

И гордый Венеціанецъ долженъ былъ потупить взоръ свой передъ наглымъ взглядомъ Цыганки.

— Джузеппе, сказалъ онъ, стараясь придать своему голосу сколько возможно болѣе твердости и лицу холо-дства: я тебѣ сказалъ, что дѣла идутъ хорошо. — Винов-ные не сегодня-завтра будутъ открыты и пока я стану слѣдить ихъ, тебѣ надобно ѣхать за фирманомъ въ Си-стрию.... Возмездіе должно быть громкое, такое громкое, чтобъ прахъ моего отца забился отъ радости.

Джузеппе думалъ свое: онъ хочетъ меня удавить, чтобъ свободнѣе было наслаждаться своею страстію, а душа отца его мучится на томъ свѣтѣ. Хорошо! И онъ молчалъ и хранилъ прежнюю суровость и почтительную неподви-жность.

— Понимаю! сказалъ Лоренцо, но ты скоро узнаешь, что слова мои правдивы: я достану тебѣ подлинный тра-ктатъ моего отца, только потерни немного.

Джузеппе стало страшно при словѣ—потерни. Онъ ви-дѣлъ, что его врагъ, его демонъ, Евфросинья, хочетъ толь-ко выиграть время, хочетъ околдовать Лоренца и между-тѣмъ роетъ яму, что они, господинъ и слуга, погибнуть оба ея жертвами и тѣнь графа Барбариго останется не отом-щенною и напрасно будетъ взывать она о мщеніи.... не къ кому! и будетъ мучиться страшно и вѣчно. Это застави-ло его говорить, это заставило его даже просить: Джузеп-пе не постыдился бы ползать у ногъ злѣйшаго врага, не побоялся бы ни грѣха, ни наказанія на землѣ и пролилъ бы кровь врага и не врага, только бы на палецъ приблизить-ся къ своей цѣли.

— Не вѣрьте ей, ради Христа, не вѣрьте! Она обманывала вашего отца, обманываетъ васъ, хочетъ обмануть Бога Вез-дѣющаго: такъ велика въ ней сила соблазна и увлеченія; она погубитъ васъ, она погубитъ душу вашу и отошлетъ ее въ адъ кромѣшный. — Умоляю васъ, раздавите скорѣе

эту змѣю, нето она обовѣется вокругъ васъ такъ тѣсно, что уже не будетъ вамъ спасенья.

— Джузеппе, сказалъ строго Лоренцо: ты слѣдилъ за мною эту ночь, ты подсматривалъ поступки своего господина....

— И не я одинъ! Душа вашего отца смотрѣла на васъ съ того свѣта....

Лоренцо смирился; ему стало стыдно своего несправедливаго гнѣва. Какъ-бы стараясь укрыться отъ упрёка собственной совѣсти, онъ легъ на лавку и плотно закуталъ голову полою своего плаща. Джузеппе остался на жертву собственныхъ своихъ мучительныхъ мыслей и предположеній.

Стало вечерѣть.

— Джузеппе, сегодня же я покончу свои дѣла и мы поѣдемъ имѣстѣ къ пашѣ за фирманомъ.

— Я такъ и зналъ, что вы захотите сами окончить дѣло, на которое пожертвовали всѣмъ на свѣтѣ. Ужъ нечего и спрашивать надъ кѣмъ должно разразиться ваше мнѣніе.— По-мѣму даже можно было бы теперь....

— Потерпи, Джузеппе, потерпи!

— Конечно, вамъ лучше извѣстно, что и какъ дѣлать! Я человекъ темный, говорилъ Джузеппе, утѣшенный тѣмъ, что Барбариго рѣшился, по его мнѣнію, пожертвовать вошникшею страстью, которой онъ больше всего страшился, суевѣрно рассчитывая на чародѣйственную силу Перотки.

— Евфросинья, ты что-то скрываешь отъ меня, говорилъ господарь пристально глядя ей въ глаза.

— А что? спросила она нисколько не смущаясь.

— У тебя сегодня ночью назначено собраніе всѣхъ довольныхъ бояръ.

— А кто же тебѣ сказалъ, что я это скрываю? Я не скрываю, говорили бояре, чтобы ты не зналъ, что мы имѣемъ дѣла, которыя прятать отъ людей свои добрыя дѣла, чтобы получить возмездіе въ другомъ мірѣ; ожидаю отъ тебя награды въ здѣшнемъ.

— Не за то ли, что ты ведешь съ боярами противъ меня заговоръ: вчера тоже видѣнъ былъ въ твоей комнатѣ огонь далеко за полночь.

— Вчера то же.

— И всё съ тою же цѣлью?

— Да! съ тою цѣлью, чтобы вѣрнѣе погубить братьевъ Вукареши, которые столько же желаютъ твоей гибели, сколько ты ихъ. Они стремятся къ своей цѣли, какъ сумасшедшіе, безъ оглядки; еще одинъ шагъ и они попадутся въ разставленныя противъ нихъ сѣти и я предамъ тебѣ въ руки ясныя улики ихъ измѣны, съ которыми тебѣ легко будетъ дѣйствовать противъ нихъ у Порты; а ты знаешь: съ ихъ участіемъ связана тѣсно участь диванъ-эфенди, и ты однимъ ударомъ можешь избавиться отъ всѣхъ трехъ.

Чиханесь молчалъ: въ задумчивости перебиралъ онъ роскошными волосами Евфросиньи, которой мысли также бродили далеко отъ мѣста, гдѣ она была.

— Ты сегодня что-то особенно печальна.

— Какъ слѣдуетъ быть вѣрной женѣ въ отсутствіи своего мужа.

— Вѣрной своей къ нему ненависти. Въ этомъ ты по-крайней-мѣрѣ постоянна.

— И только въ этомъ! Константинъ, ты потерялъ память или умъ, или ты сегодня очень озлобленъ; все видишь только въ черномъ цвѣтѣ и позабылъ, что моя любовь такъ же постоянна, какъ и ненависть.

— А диванъ-эфенди, Сулейманъ....

— Турокъ!

И Евфросинья громко засмѣялась. — Не потому ли я такъ дѣятельно и тружусь, чтобы вовлечь его въ общій заговоръ?

— Хорошо; но надобно, чтобы это все кончилось, надобно чтобы ты принадлежала мнѣ одному, безусловно и законно. Не хочу, чтобы ты прикрывалась отъ меня другими именами, другими связями и наконецъ своимъ двусмысленнымъ положеніемъ въ свѣтѣ; я хочу обладать тобою нераздѣльно.

— Чего же другаго я хочу!

И она страстно привлекла его къ себѣ на распаленную пылою грудью.

— Такъ проси о разводѣ!

Т. LXVII. — Отд. I.

— Я именно этого и желаю и приѣхала посоветоваться съ тобою, какъ это сдѣлать?

— Завтра же я пришлю къ тебѣ надежнаго адвоката; надобно воспользоваться отсутствіемъ твоего мужа.

— Чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше.

Она ласкалась къ нему такъ непритворно, что онъ на минуту забылся близъ нее. Но восторгъ любви прошелъ скоро. Глава Чиханеса отъ злобной радости засверкала какъ у кошки, которая видитъ, что можетъ уже достать лапой добычу.

«А, надмѣнная Перотка! думалъ онъ: горько раскаешься ты въ своемъ презрѣніи къ Фанариоту! дорого заплатишь за него!... Прежде всего я разоблачу тебя отъ твоего званія, отниму у тебя мужа, имя, послѣдній остатокъ чести, сопряженный съ нимъ; потомъ обнаружу твое происхожденіе.... Да! ты стала бы благословлять имя Фанариотки, если бы хоть его имѣла право носить! Я втопчу тебя въ грязь, и тогда припомню тебѣ всѣ униженія, которыя терпѣлъ отъ тебя, гордой любовницы графа Барбариго.... Кайся въ томъ, что ты иногда щадила меня, что порою была сострадательна.... я буду безъ состраданья и безъ пощады. Какъ же ты могла подумать, что послѣ всѣхъ пожертвованій,—послѣ страданій, которыхъ была виною, я потребую отъ тебя только любви въ возмездіе! Мальчишкомъ же безъ сердца и головы считала ты меня!»

Евфросинья глядѣла неподвижно на перстень, блиставшій своими огромными алмазами на рукѣ господаря, которую она держала въ своихъ прелестныхъ ручкахъ и оба нѣсколько времени опять молчали. Этотъ прерывистый разговоръ неизбѣженъ между людьми находящимися въ ихъ положеніи.

— Скажи, к чему ты носишь этотъ перстень, подарокъ Барбариго?..

— Онъ красивъ, драгоцѣненъ, а что за нужда до того, кто подарилъ его! Онъ, кажется, павелъ на тебя грустныя мысли. Дитя!

— Да, я припоминаю себѣ нѣкоторые обстоятельства

того дня, когда.... умеръ.... графъ Барбариго: они иныи кажутся совершенно непонятными.

— А было очень ясно, даже и для людей, менѣ тебя посвященныхъ въ тайны этого дѣла.

— Не то! Помнишь, на моего мужа возложено было найти яду,—но я знаю, что онъ не нашелъ или побоялся найти его и сказалъ тебѣ объ этомъ уже въ самый день кончины Барбариго. Какъ же ты уладилъ дѣло?

— Твой мужъ струсилъ, когда пришлось къ исполненію; но меня выручила Цыганка,—знаешь?—я по пути къ графу зашелъ къ ней, и нашелъ приготовленный для какого-то случая ядъ. Вѣдь ты помнишь Цыганку Сафту? повторилъ опять господарь не сводя съ нее глазъ.

— Нѣтъ, не знаю или не помню, если знала.

— Она жива и теперь.

— Пускай живетъ.

— И, странно!... очутилась здѣсь, въ Букарестѣ.

— Богъ съ нею!

Господарь, старавшійся вывѣдать не знаетъ ли чего объ этой Цыганкѣ Евфросинѣ, убѣдился, что она въ совершенномъ невѣдѣніи, не только объ ней, но и о тѣхъ отхошеніяхъ, которыя связаны съ нею.

— Такъ значитъ и въ подмѣнѣ трактата Анастасій не причастенъ, хоть и раздѣлилъ выгоду отъ этого? спросила какъ-будто очень равнодушно Евфросинья.

— Гдѣ ему! у него едва достаетъ смѣлости на выдумку, а ужъ въ исполненіи никакъ нельзя положиться на Анастасіа.

— А что случилось съ другимъ трактатомъ?

— Съ какимъ?.

— Съ подлиннымъ, который ты взялъ изъ-подъ подушки?

— Я хранилъ его на всякій случай, чтобы страшать имъ верховнаго визиря и рейсъ-эфенди, участвовавшихъ въ этомъ дѣлѣ, но теперь, когда ихъ уже не стало на свѣтъ....

— Ты уничтожилъ трактатъ, произнесла она съ невольнымъ трепетомъ нетерпѣнія и боязни....

Чиханесъ не обратилъ вниманія на это движеніе....

Она наблюдала долго и постоянно надъ Евфросиньей и видѣла въ ней только существо тщеславное, вѣтривое, преданное суетной жизни и любовнымъ наслажденіямъ, но чуждое политическихъ интригъ, и потому не боялся ее въ этомъ случаѣ и оставлялъ для мщенія полного, совершеннаго, какъ оставляетъ иногда кошка пойманную мышь, играя ею, въ увѣренности, что жертва уже не исторгнется изъ ея когтей.

— Я бросилъ его въ число поконченныхъ, ненужныхъ болѣе дѣлъ, въ тотъ шкафъ, изъ котораго ты черпаешь съ такою расточительностью бумагу для своихъ прекрасныхъ локоновъ, и если у тебя когда-либо завлились неудачно волосы, такъ значитъ, что ты окутывала ихъ политическимъ трактатомъ Турціи и Венеціи, который даже и на это небылъ пригоденъ.

Евфросинья старалась улыбнуться, а духъ захватывало у нея отъ надежды и страху....—Но мнѣ пора, сказала она: меня ждуть. Поздно въ ночь явлюсь къ тебѣ съ отчетомъ объ успѣхѣ заговора.

— Бѣдная! тебѣ надобно будетъ успокоиться ночью....
Завтра.

— Нѣтъ, нѣтъ! сегодня! отвѣчала Евфросинья. :

Она страшилась за одинъ мигъ, въ который могутъ исторгнуть у нея драгоценный документъ. «А можетъ онъ уже и уничтоженъ! Но нѣтъ, не можетъ быть!» Евфросинья, замышлявшая уже давно гибель ненавистнаго господаря, пересматривала всякую попадавшуюся ей бумажку, во трактата не находила. На прощанье, она страстно обняла своего Костаки : такъ продолжала она называть единъ господаря.—Это было одно изъ тѣхъ лобзаній, которыя происходятъ по прямой линіи отъ лобзанія Іуды, какъ смерть отъ перваго братоубійства.

Возвратившись въ свою комнату, она, машинально, еще подъ вліяніемъ глубоко занимавшихъ ее мыслей, подошла къ окну. Голова ея горѣла; она прислонилась лбомъ къ стеклу, тщетно ища прохлады; долго стояла она неподвижно; лицо выражало мысль не добрую и какъ ни прекратило

² Костаки, уменьшительное имени Константина.

было оно, но въ эту минуту никто бы не заглядѣлся на него, развѣ злой искуситель, отъискивающій падшую душу, если бы только нынче ему приходилось долго искать ее.

«Этотъ человѣкъ затѣваетъ противъ меня что-то ужасное, думала она: но проникнуть его замыслы я не въ силахъ; онъ Фанариотъ, я только женщина; человѣческой мудрости не достанетъ устоять противъ сбѣтъ, которыми онъ умѣетъ опутать cadaго; одна могила можетъ избавить меня отъ его предательской любви.... или ненависти.... Богъ знаетъ!»

И страшно стало ей отъ этой мысли, которую она силалась оставить, но взоръ ея всё-еще былъ суровъ и неподвижно опущенъ внизъ, на улицу, хотъ тамъ ровно никого не было; наконецъ этотъ взоръ какъ-бы магической силой вызвалъ существо, согласовавшееся съ мыслями Евфросиньи. На опустѣвшей улицѣ показалась Цыганка Сафта. Евфросинья ее не терпѣла и гнала съ какимъ-то особеннымъ ожесточеніемъ; но на этотъ разъ она обрадовалась ея появленію; она хотѣла послать за ней, но въ то время одинъ изъ исполнителей тайныхъ порученій господара поспѣшно подошелъ къ Цыганкѣ и съ видимымъ омерзевіемъ, взявшись за полу ея оборваннаго платья, повелъ за собою во дворецъ. Мысли Чиханесса и Евфросиньи сошлись на одномъ предметѣ: злая мысль часто сходится на свѣтъ, можетъ-быть потому что ихъ больше чѣмъ добрыхъ; такъ черныя тучи, привлекаемыя незримою силой, сталкиваются другъ съ другомъ и раздражаются губительною грозой или градомъ.

Въ то время, къ которому относится дѣйствіе, время, не отдѣленное еще и столѣтіемъ отъ насъ, православный городъ Букарестъ представлялъ собою странное зрѣлище: нравы его совершенно выбились изъ границъ и, ничѣмъ не удерживаемые, волновались и кипѣли, испаряясь въ своемъ безславіи. Букарестъ какъ-будто силлся подражать Венеціи и представлялъ собою только пародію ея. Венеція умирала отъ дряхлости, въ самозабвеніи чувственныхъ наслажденій, подобно древнему сибариту; Букарестъ искалъ въ нихъ только отрады, изнемогая отъ тиранин князей-Фанариотовъ, какъ человѣкъ, гонимый судьбою ищетъ само-

забвенія въ вѣкъ. Женщины, какъ-бы желая показать, что онѣ совершенно свободны, хотъ ихъ родина издыхала подъ властью Турціи, не только не кутались во фереджѣ и лшмакъ, подобно своимъ патронессамъ, но и подъ-часъ забывали, что онѣ женщины. Бухарестъ, сравниваемый съ Венеціей, имѣлъ, правда, нѣсколько точекъ сопрякосновенія съ нею, особенно относительно къ домашней жизни бояръ и патриціевъ. Въ Венеціи въ то время браки очень часто основывались просто на гражданскихъ условіяхъ и, даже, на извѣстное время. Въ Бухарестѣ они совершались церковью, но не составляли болѣе таинства вѣчнаго и неизмѣннаго, и расторгались такъ же легко, какъ и заключались, даже Церковью. Въ Венеціи мать продавала дочь свою почти публично; въ Бухарестѣ она торговала ея честью во всесознаніе. Но у патриціевъ были свои преданія, вредки, слава, которою они гордились и къ которой, въ минуты пробужденія, снхались возвыситься. Патриція берегли свое имя и заботились о томъ, чтобы содержать его не запятаннымъ, хотъ сообразно со своимъ понятіями; были слова, отъ которыхъ они пробуждались въ минуту совершенной апатіи, какъ тигръ пробуждается среди своего спокойствія, когда ему покажутъ кровавый кусокъ мяса. Венеція была всесвѣтною столицей радостей и чувственныхъ наслажденій, и богатый патрицій испивалъ ихъ до дна; но у Венеціи водился также и народъ, и гордые патриціи почитали себя за славу покровительствовать ему и, въ случаѣ нужды, подавали ему хлѣбъ и деньги, хотъ иногда кидая, чтобы не замараться отъ прикосновенія къ плебеймъ. Этотъ народъ не былъ неблагодаренъ: правда, онъ чувствовалъ все свое униженіе, однако не переставалъ чтить древность роду и старыя заслуги патриціевъ. Бояре, въ Бухарестѣ, также гордились своимъ происхожденіемъ, но эта суетная гордость очень рѣдко заставляла ихъ выходить изъ апатическаго состоянія и то ради низкихъ побужденій. Въ Валакіи также былъ народъ, но — самое жалкое сословіе, втоптанное въ грязь соединенною тираніею господарей и бояръ. Рѣдко, очень рѣдко, пробуждался этотъ народъ, и то развѣ для новыхъ страданій. Всѣ государственныя перевороты совершались въ

стѣнахъ одного Букареста и въ нихъ участвовали только Греки-Фанариоты, да бояре первыхъ двухъ степеней.

Но въ описываемую нами эпоху народъ еще принималъ нѣкоторое участіе въ общемъ движеніи, грозно возставшемъ въ Букарестѣ и распространившемся на весь край. Въ головѣ этого движенія былъ старшій епископъ, управлявшій митрополіей по случаю смерти митрополита, который, по вліянію своему не только на дѣла духовныя, но и на гражданскія, стоялъ почти въ-уровень съ господаремъ; онъ имѣлъ еще то преимущество, что, избираемый боярами и старшимъ духовенствомъ, былъ чтимъ самымъ турецкимъ правительствомъ, которое только однажды во все время своего продолжительнаго, желѣзнаго управленія Валахіей, наложило на него руку. Но хитрый епископъ, ведая ловко заговоръ, всегда оставлялъ въ немъ прорѣху, въ которую могъ бы проскользнуть въ случаѣ неудачи, и на сценѣ оставались два брата Вукарести, по имени которыхъ и извѣстенъ этотъ заговоръ въ исторіи. Причинны къ возстанію были такъ важны, что ни одинъ классъ народа не оставался къ нему равнодушнымъ. Обвиненія противъ господара были такъ сильны, что диванъ-эфенди, если бы и не питалъ глубокой ненависти къ Чиханесу, долженъ былъ принять сторону бояръ и народа и какъ-бы невольно сдѣлаться причастнымъ къ общему дѣлу. Чиханесь, терзаемый ненасытной страстью корысти, коснулся самой чувствительной струны народнаго благочестія, которой не смѣли трогать отважнѣйшіе господа. Видя непомирное обогащеніе духовенства, которое владѣло почти половиною земель Валахіи, онъ рѣшился обложить его налогомъ. Этого мало: по смерти митрополита, главы духовенства, уже истекло много времени, но, несмотря на соединенное настояніе бояръ, духовенства и народа, онъ не допускалъ къ выбору новаго, присвоивъ себѣ огромные доходы архипастыря и какъ-бы облекся его властью. Народъ уже стоналъ подъ бременемъ налоговъ и притѣвленія бешліевъ. Чиханесь не коснулся только привилегій бояръ; но зато не проходило недѣли, чтобы онъ не сослалъ двухъ трехъ изъ числа самыхъ недовольныхъ,

которые были подъ силу его негодованію, въ отдаленныя турецкія крѣпости или въ монастыри, и не роздалъ нѣскольکو боярѣй своимъ клевретамъ-Фанаріотамъ, нерѣдко самаго низкаго происхожденія. Говорили, будто онъ хотѣлъ истребить всѣхъ бояръ древнихъ родовъ и замѣнить ихъ Греками. Бояре, въ свою очередь, рѣшились въ случаѣ удачи заговора возобновить ужасную память 1669 года и истребить всѣхъ Грековъ изъ Фанаря; но, пока, довольствовались только тѣмъ, что всякій разъ когда изъ числа ихъ исчезала какая-нибудь жертва ненависти господаря, подкупная рука Цыгана или ядъ уничтожалъ одного изъ членовъ греческихъ фамилій. Самое страшное въ этой драмѣ было то, что, хотя въ ней играли на смерть и жизнь, въ обществѣ однако жъ почти не было примѣтно этой вражды; обѣ стороны, валахская и греческая, сходились, ласкали другъ друга, льстили и еще болѣе обыкновеннаго, чтобы усыпить себя взаимно. Самъ господарь былъ, по-наружности, такъ ласковъ, такъ кротокъ въ Диванѣ и въ собраніяхъ съ боярами, что посторонній зритель могъ бы назвать существовавшей заговоръ шуткой. Празднества не прекращались. Одни братья Вукарещи считались отъявленными врагами господаря, но и тѣ, особенно старшій изъ нихъ, Банъ, старались прикрывать свои дѣйствія личиною общихъ примирителей. Господарь, обыкновенно, когда бояре жаловались на безпрерывныя ссылки и гоненія, печально пожималъ плечами, вздыхалъ, скорбѣлъ вмѣстѣ съ ними, плакалъ если было нужно, и клялся, что все это дѣлается турецкимъ правительствомъ, безъ вѣдома его, единственно по вліянію диванъ-эфендіа. Когда Грекъ осмѣливался явно указывать на кого-нибудь изъ бояръ, какъ на участника убійства его брата или сына, бояре гордо требовали правосудія и публичнаго очищенія себя въ такомъ гнусномъ обвиненіи, и дѣло оставалось безъ преслѣдованія: довольствовались казнью болѣе или менѣе подозрѣваемаго Цыгана, а между-тѣмъ господарь говорилъ обо всемъ этомъ съ ужасомъ диванъ-эфендію и писалъ въ Константинополь, требуя наконецъ грозной кары виновникамъ всѣхъ этихъ убійствъ и неповиновенія. Были однако люди, хотя весьма немногіе, между Валахами и

между Греками, которые по-видимому не принимали никакого участія въ общей распрѣ, или по-крайней-мѣрѣ поведеніе ихъ казалось такимъ, что рѣшительно не знали къ какой сторонѣ они принадлежатъ: въ числѣ ихъ особенно отличался постельникъ господаря, Анастасій, съ которымъ мы уже знакомы. Ему было тѣмъ легче скрывать свои истинныя чувства и намѣренія, что онъ былъ по происхожденію Грекъ, а силою связей и родствомъ съ валахскими боярами, посредствомъ которыхъ добылъ себѣ жѣстное гражданство и боярство, постояннымъ угодствомъ и уклончивостью передъ своими, приобрѣлъ довѣріе важнѣйшихъ туземцевъ, которыхъ притомъ умѣлъ онъ сохранить уваженіе. Болѣе двусмысленнымъ, хотъ гораздо болѣе рѣшительнымъ, казалось непосвященнымъ въ тайны заговора поведеніе жены его.

Но обратимся къ ней. Евфросинья всё-еще стояла у окна, погруженная въ свои мысли, когда вошелъ въ комнату такъ же таинственно и съ прежними предосторожностями графъ Барбаригго. Въ немъ уже не было того гордаго самознанія своего достоинства, съ которымъ онъ явился накануне въ этой же самой комнатѣ, какъ судія и мститель: онъ чувствовалъ свою нравственную слабость; но всё-еще надѣялся возвыситься до того подвига, которому посвятилъ жизнь свою. Евфросинья успокоила его на счетъ подлиннаго трактата, увѣренная, что найдетъ его непремѣнно.

— Болѣе, прибавила она. Я открыла грознаго свидѣтеля преступленія Чиханеса, нашла ту самую женщину, которая дала Чиханесу ядъ для отравленія твоего отца: она покажетъ это подъ присягой, а если и этого мало для его обвиненія, если недостаточно свидѣтельства твоего Джузеппе,—я присягну сама, я готова на все, и глаза ея сверкали какъ у вдохновенной. Трудно было узнать, какое чувство вызвало этотъ огонь изъ души,—желаніе ли мщенія своему врагу или любовь къ молодому патрицію. Барбаригго трепеталъ отъ радости.

— Но постой, сказала она, остановивъ потокъ его благодарности и глядя на него проникательнымъ взоромъ: когда ты получишь всѣ эти обвинительные акты, ты ос-

тавшия меня и оставиши навсегда! Что́ станется со мною!

— Евфросинья, я пришелъ требовать исполненія твоихъ условій, а не связывать себя новыми.

— Правда!

На лицѣ ея пробѣжали слѣды мысли неуловимой.

— Но пора приступить къ дѣлу.

Тутъ она повѣрила Барбаригу всю тайну заговора, представила ему несомнѣнность успѣха, сказала, что уже нѣсколько бояръ давно отправились въ Константинополь съ жалобой на господаря и оба Вукарещи отправляются въ ночь въ Силистрію просить заступничества паши или ѣхать дальше въ Константинополь; она наконецъ убѣждала его соединить свое дѣло съ общимъ народнымъ дѣломъ, какъ важный обличительный актъ противъ господаря и поручить его братьямъ Вукарещи. Барбаригу нѣсколько времени колебался, но можетъ-быть надежда на большій успѣхъ, желаніе всячески быть пагубнымъ Чиханесу, можетъ-быть тщеславное побужденіе участвовать въ освобожденіи края отъ тиранніи Фавариота; наконецъ можетъ-быть и то, что онъ считалъ свое присутствіе необходимымъ въ Букарестѣ, чтобы не выпустить изъ виду своихъ враговъ, и никому не могъ лучше поручить ходатайство у пашы какъ заклятымъ врагамъ господаря, тѣмъ болѣе, что у нихъ водились необходимыя во всякомъ сношеніи съ турецкими властями средства, деньги, а его кошелекъ совершенно истощился: онъ пожертвовалъ всѣмъ на полученіе фирмана и на путешествіе свое въ Букарестъ, сопряженное съ такими расходами; отъ всего достоянія у него оставался только дорежь Барбариге, какъ свидѣтель величія и славы бывшихъ своихъ властителей.... Какъ бы то ни было, онъ согласился на предложеніе Евфросиньи и былъ введенъ въ залу, гдѣ собралось нѣсколько человекъ самыхъ преданныхъ дѣлу освобожденія отечества и уже предваренныхъ о его явленіи.

Когда затихъ первый восторгъ приѣма новаго и столь важнаго члена заговора, потому что Барбариге немалое вступилъ въ него, когда умоляли громкія восклицанія, обыкновенныя въ такихъ случаяхъ и таинственное а-ра-ра-размѣстилось по угламъ, Барбариге на-время оставил

одинъ и осматривалъ небольшое общество мужчинъ и женщинъ, блиставшихъ своими полу-греческими нарядами и своими черными глазами, которые помрачали блескъ агата и красоту наряда. Блуждающіе взоры его невольно встрѣтились со взорами, казалось, неподвижно остановившимися на немъ, дѣвушки, одиноко сидѣвшей въ противоположномъ углу: тѣ и другіе невольно опустились долу и краска выступила на блѣдномъ лицѣ послѣдней. Молодой человѣкъ смѣшался, но скорѣй оправился и не желая показаться смѣшнымъ въ глазахъ молодой дѣвушки, онъ съ находчивостью человѣка привыкшаго къ обществу женщинъ, подошелъ къ ней и завязалъ разговоръ по-валахски; она отвѣчала ему на его родномъ языкѣ, съ чистотою римскаго произношенія, которая удивила молодого Венеціанца. Впрочемъ, она такъ рѣзко отличалась отъ бывшихъ здѣсь женщинъ и своимъ нарядомъ и чертами лица, что не могла не обратить на себя вниманія каждаго неваго лица. Русая головка ея была прелестна: она, какъ-бы изнемогая отъ тяжелой мысли, была нѣсколько поникнута къ плечамъ, которыхъ бѣлизна отдѣлялась рѣзко чернымъ платьемъ. Взоръ ея былъ исполненъ задумчивости тихой, кроткой; гибкая талія принимала легкія, граціозныя позы, во временахъ однако она расправлялась и кроткая до того дѣвушка казалась гордою и внушала къ себѣ невольное уваженіе въ молодыхъ боярахъ, не привыкшихъ чтить святую женскую красоту; ея лицо, созданное для выраженія души страстной, вдругъ принимало улыбку презрѣнія и горькой ироніи и пробивало краской лица самыхъ дерзкихъ. Все ей было чуждо и дико въ этомъ обществѣ; она изнывала, какъ нѣжное растеніе, перенесенное на чуждую почву, съ которой не могло усвоиться. Тождество языка на чужбинѣ сближаетъ людей еще скорѣе чѣмъ тождество мысли. Барбарико старался выразить благодарность молодой незнакомкѣ, что она доставила ему возможность слышать родные звуки и напомнила ему милую Венецію въ странѣ, гдѣ ему все чуждо.

— А если вамъ все чуждо, зачѣмъ же вы остались здѣсь, возразила быстро молодая дѣвушка?

— Есть святость долга....

— Тотъ долгъ болѣе не святъ, когда мы раздѣляемъ его съ другими; онъ даже становится для насъ не долгомъ, а просто капризомъ раздраженнаго сердца.

Барбариго былъ какъ громомъ пораженъ этимъ замѣчаніемъ: онъ теперь только ясно увидѣлъ положеніе, въ которомъ находился.

— Видитъ Богъ, сказалъ онъ: что я не потому передалъ часть исполненія его, что таготился имъ. Я несъ свой крестъ и тогда съ покорностью, когда такъ мало было надежды достигнуть цѣли.

— Можетъ-быть потому, что еще не изнemoгли отъ тяжести; а можетъ-быть и потому, что не было искушеній.

— О! кто бы вы ни были, не терзайте меня;—вспомните, что вы одной утѣшительной, ни одной одобряющей звѣзды не мелькнуло на пустынномъ пути моемъ съ-тѣхъ-поръ, какъ я оставилъ родину.

— Бѣгите отсюда, если чувствуете у себя довольно воли.

— И довольно мужества, сказалъ онъ съ гордостью, чтобы остаться здѣсь, хотя бы то стоило мнѣ жизни. Если не достигну своей цѣли тѣмъ славнымъ путемъ, который мнѣ предстоялъ, то тѣмъ вѣрнѣе достигну ее теперь.

— Съ-тѣхъ-поръ какъ вы появились въ этомъ обществѣ, пребываніе ваше здѣсь и участіе въ заговорѣ сдѣлались или скоро сдѣлаются извѣстными господарю, который, конечно, не побойтса употребить для погубленія васъ тѣ средства, которыя бы онъ, можетъ-быть, поколебался употребить противъ кого-нибудь изъ значительныхъ бояръ: вы знаете—у него всегда на-готовѣ и подкупленная рука и ядъ.

— И такъ я окруженъ измѣной.

— Они сами измѣняютъ другъ другу, вовсе не думая о томъ. Вы замѣтили здѣсь маленькаго толстенькаго чело-вѣчка, разсыпавшагося въ лести передъ хозяйкою дома: это извѣстный поэтъ Юница; онъ уже исчезъ, никѣмъ непримѣченный; это недобрый знакъ,—уходите скорѣе!

— Какъ! чтобы здѣсь, въ кругу главнѣйшихъ бояръ Валахи, кто-нибудь осмѣлился наложить на меня руку?

— Здѣсь, нѣтъ. Но—при выходѣ, въ самомъ жилищѣ ва-

шемъ, которое откроютъ. Спасайтесь, я васъ прошу, прибавила она робко.... именемъ долга, исполненіе котораго вы на себя наложили.

— И только именемъ долга..... и неужели никакого участія ко мнѣ.... ни отъ кого! Постигаете ли всю тяжесть этого одиночества, безотраднaго какъ могила?

— О, вполне постигаю, произвела незнакомка невольно, какъ-бы увлекаясь внутреннимъ чувствомъ.

— И такъ вы отпускаете меня съ надеждою сладкою, утѣшительною, что есть въ мірѣ существо, которому не чужды мои страданія, мой успѣхъ, которое услышитъ о гибели моей не безъ горя.

— Ступайте, ступайте скорѣе, нето будетъ поздно, говорила она съ внутреннимъ волненіемъ,—и видя что онъ всё-еще остается недвижимъ, какъ-бы ожидая отвѣта, прибавила:—Да.... да.... вы имѣете здѣсь друга, который бодрствуетъ надъ вами... хотя только одною молитвой.

Барбариго поблагодарилъ ее тѣмъ взглядомъ, который, исполненный чувства и страсти, высказываетъ болѣе всѣхъ словъ и непримѣченный сталъ пробираться къ двери. Гости были слишкомъ заняты своимъ дѣломъ, кто интригой, кто сплетнями, кто картами, благодаря догадливости хозяйкѣ, которая болѣе всего хлопотала о томъ, чтобы каждому было хорошо въ ея домѣ, не разбирая ни средствъ, ни послѣдствій отъ такой свободы воли и дѣйствій.

— Кто эта дѣвушка? спросилъ Барбариго перваго встрѣтившагося ему.

— Это такъ.... сирота.—Не трудитесь около нея:—напрасныя хлопоты! Изберите себѣ другую, хозяйку напирмѣрь: тутъ другое дѣло.

Барбариго обратился съ тѣмъ же вопросомъ къ Евфросиньѣ.

— Эта?.... (она проникательно поглядѣла на Лоренцо, но лицо его было холодно и неподвижно,—Евфросинья успокоилась)..... это — Ольга Кантемира, сирота, внучатная племянница Кантемира, бывшаго нѣкогда господаремъ Молдавіи. Она состоитъ подъ покровительствомъ

всподаря, то есть онъ объявилъ себя ея опекуномъ и разорять ея небольшое состояніе, за полученіемъ котораго сюда пріѣхала вмѣстѣ съ матерью; мать умерла и Ольга живетъ въ домѣ у насъ: она намъ съ-родни. Сердце бѣдной дѣвушки служить ей источникомъ новыхъ бѣдъ: это неприступная крѣпость, одѣтая сталью и бойницами, а сердце женщины должно быть роскошнымъ палацомъ для своего избранника. Не такъ ли, Лоренцо? прибавила она главу на него нѣжно, уповательно.

Въ это время взошелъ новый посѣтитель и общество видимо взволновалось, но вскорѣ опять пришло въ прежнее положеніе, какъ-будто прибывшій гость былъ здѣсь обычный посѣтитель; въ сущности было совсѣмъ не такъ. Это былъ ага, пачальникъ города, лицо очень важное. Хотя по происхоженію онъ былъ одинъ изъ первыхъ бояръ валахскихъ, однако видимо держался стороны господаря, отъ котораго получилъ доходнѣйшее мѣсто въ княжествѣ и былъ связанъ съ нимъ личными выгодами.

— Чтò новаго? спросила старуха хозяйка, нѣжно взявши его обѣими руками за голову и цѣлуя въ лобъ.

— Плохія новости, произнесъ печально ага, не переставая осматривать комнату, какъ-бы кого ища, или боясь, чтобы его не подслушали: — господарь послалъ къ славейскому пашѣ, а вы знаете—это недобрый знакъ, не награнуло бы сюда войско.

Ага посмотрѣлъ на старуху; но та только тяжело вздохнула, перебирая четки.

— Ну, а мы что станемъ дѣлать? Вы больше нашего видѣли и мудрѣ нашего судите, чтò вы думаете?

— Будемъ, мой дружокъ, молиться Богу и ожидать отъ Него помощи, воскликнула старуха, поднявши вверхъ главу и сложивши на груди руки.

— Богъ знаетъ, когда и чѣмъ все это кончится, сказалъ съ горестью ага, всё-еще надѣясь чтò-нибудь вывѣдать.

Какъ-будто въ отвѣтъ на эти слова отдались слѣдующіе стихи изъ валахской пѣсни того времени.

• Нека весь плевель и бурьянъ
 • Не скосятъ съ нашихъ странъ,
 • Трава безъ зелени и цвѣта
 • Погибнетъ смятая до лѣта.»

Ага и старуха оглянулись въ ту сторону, откуда слышались стихи.

— Bravo! воскликнулъ ага, ударивъ по плечу поэта, съ добродушіемъ человѣка, котораго и въ горѣ веселятъ острое слово и добрая шутка.

Поэтъ былъ тотъ самый толстый приземистый человѣкъ, который за нѣсколько времени такъ таинственно исчезъ изъ комнаты и еще таинственнѣй показался. Никто изъ присутствовавшихъ, казалось, не замѣтилъ патріотической выходки Юницы. Только хозяйка, у которой почти подъ ухомъ были произнесены стихи, не могла отдѣлаться тѣмъ, что не замѣтила ихъ и была вынуждена что-нибудь сказать.

— Поэтъ, что дитя, произнесла она: вретъ, что на умъ избредеть.

— А иногда и правдой обмолвится, возразилъ ага, и поцѣловавши нѣсколько разъ руки ея, ушелъ.

— Ты обманулъ меня, произнесъ онъ сурово проходя мимо поэта.

— Ей-Богу, нѣтъ! отвѣчалъ тотъ, наклонившись, какъ будто поднимая оброченный платокъ.

Сцена эта мелькнула никѣмъ не замѣченная.

— Послушай, сказалъ дворникъ Вукареско, когда ушелъ ага, грозно обращаясь къ поэту: какимъ образомъ ты очутился здѣсь?

— А гдѣ же мнѣ быть иначе! Чьи дѣла могутъ вдохновить меня, какъ не освободителей моей родины?

Юница хотѣлъ поцѣловать руку дворника, но тотъ отвернулся, ница взоромъ Евфросинью.

— Этотъ зачѣмъ здѣсь? спросилъ онъ сурово.

— Я, воскликнула она, приняла подъ нашу кровь бѣднаго Ницу*. Послѣ его патріотической пѣсни, которую написалъ

* Ница — сокращенное Юница, Іоанница, Іоаннъ.

онъ, его преслѣдуютъ повсюду. Прїѣздъ аги, вѣрно, относился къ нему. Ты знаешь, это дурной знакъ: а тутъ еще Ница вздумалъ прочитать ему стихи!

— Не утерпѣлъ! ей-ей, не утерпѣлъ!

— Послушай, племянница, сказалъ Вукареско, отводи ее нѣсколько всторону; хозяйка этого дома — Вукареско! Предательство, измѣна, совершенное въ ея домѣ, такъ сказать въ глазахъ всѣхъ, падаетъ особенно на насъ съ братомъ, какъ старшихъ въ родѣ изъ мужчинъ, и мы не попустимъ этого. — Ага не взялъ бы на себя труда прїѣхать въ домъ, гдѣ Вукарески, для этой гадины, которую онъ могъ бы раздавить среди дороги. — Гдѣ нашъ гость, гдѣ чужестранецъ, котораго безопасность, по-крайней-мѣрѣ здѣсь, въ этомъ домѣ, должна лежать на нашей отвѣтственности!

Евфросинья всплеснула руками, духъ ея замеръ.

— Не беспокойтесь, не беспокойтесь, сказалъ тихо подошедшій къ нимъ поэтъ, который своимъ чуткимъ ухомъ слышалъ весь разговоръ. — Онъ спасенъ!

— Кто? воскликнули вдругъ Вукареско и Евфросинья.

— Графъ Барбариго.

— Ты почему знаешь?

— Я самъ увелъ его отсюда окольными путями, сказалъ онъ нисколько не запинаясь.

— Видишь ли, братъ, ты напрасно обвинялъ бѣднаго поэта, сказала Евфросинья и глубокой вздохъ ея облегчалъ дотолѣ стѣсненную тоскою ожиданія грудь. Вукареско отошелъ, не удостоивъ взглядомъ пресмыкавшагося передъ нимъ Ницу.

—
Ольга Кантемиръ сидѣла одна въ своей комнатѣ; безотчетно предаваясь потоку своихъ мыслей, она глядѣла какъ солнце западало, обливая яркимъ свѣтомъ край земли и край неба, какъ-бы обручая ихъ золотымъ кольцомъ, но для нея, для бѣдной Ольги, земля была черна, а небо свѣтло и привѣтно, какъ бываетъ оно всегда для несчастныхъ: небо — ихъ отчизна, куда стремятся самыя пламенные надежды, если несчастные еще недовольно несчастны и въ сердцахъ ихъ остается мѣсто для надежды. Ольга

родилась въ Россіи, воспитывалась въ Россіи, росла и питывалась правилами строгой нравственности и религіи подъ заботливимъ кровомъ матери которая была Русская. Рано лишилась она отца, рано сдружилась съ уединеніемъ, въ которое поставили ее и вдовство матери, и ея небольшое состояніе, растраченное отчасти на ея воспитаніе, для котораго ничего не щадила мать, готовившая ее для русскаго Двора, гдѣ она должна была занять почетное мѣсто по своему рожденію и заслугамъ дяди и отца, но отъ котораго оттерли ее измѣнившіяся обстоятельства того времени. Мать любила ее страстно; весь міръ ея сосредоточивался у сердца дочери. Вечеромъ, когда засыпала Ольга, взоръ матери ея напутствовалъ этотъ сонъ; ночью, утромъ, когда только глаза Ольги раскрывались отъ сна, они встрѣчали этотъ взоръ, исполненный нѣжности и радости. Мать позавидовала бы солнечному лучу, если бы онъ предупредилъ своимъ привѣтомъ пробужденіе дочери. Такъ любить не умѣеть ни другъ, ни братъ, ни любовникъ, — умѣеть любить только мать.

Старушка Кантемиръ ужаснулась при видѣ тогдашняго букарестскаго общества, которое мы уже описали: она судорожно прижала къ груди свое сокровище, свою дочь, подобно голубицѣ, укрывающей своего птенца отъ налета ястреба, страшась, чтобы ее не отторгли, не растерзали въ этомъ ураганѣ нравовъ или правилнѣе, безнравственности. Заботливо указывала она Ольгѣ на это страшное, отстраняя отъ него не совѣтами, не увѣщаніями, которые то же для нравственной стороны челоуѣка. что лоза для физической; нѣтъ, ей достаточно было для достиженія своей цѣли одного взгляда, одного пожатія руки, которое вполне понимала Ольга. Да и что ей было въ людяхъ! Она была полна святой любви къ матери и не было въ пей мѣста для чувства посторонняго. — Но мать умерла. Сердце ея не могло вынести долго этого тревожнаго состоянія, безпрестаннаго перехода отъ страху къ надеждѣ, отъ радости къ опасеніямъ; она жила за двоихъ и слабая натура ея изнемогла отъ напряженнаго состоянія души и тѣла; она отошла отъ земли съ мыслью бодрствовать за дочерью съ неба и дочь ея

сочувствовала это небесное участіе въ своемъ юдольномъ существованіи, съ тѣхъ поръ безотраднѣе и пустынно. Нѣжное и гибкое существо ея согнулось, но не раздробилось отъ незапнаго удара. Она вынесла его. Господарь, обязаннѣй заботиться объ ней по тому участію, которое принималъ въ судьбѣ Кантемира русскій Дворъ, помѣстилъ ее въ домъ матери Анастасія, которая приходилась отчасти роднею Кантемиру, а домъ ея былъ почетнѣйшимъ въ Букарестѣ. Ольга была чужая въ немъ; горестью своею она не хотѣла дѣлиться, да и кто бы понялъ ея тутъ; другихъ чувствъ она не имѣла. — Но скоро душа оснадцати-лѣтней дѣвушки вполне постигла свое одиночество и тяжело было ей въ этой пустотѣ; если не любовь, хоть соучастіе въ жизни, даже въ горестяхъ жизни необходимы для женщины, какъ ни строптиво подымаетъ она голову противъ этого раздѣла своихъ чувствъ. Ей невыносимо одиночество совершенное. Самое ея тщеславіе оскорбляется такимъ отчужденіемъ, такимъ совершеннымъ сиротствомъ въ свѣтѣ, съ которымъ мужчина еще можетъ совладать по врожденному чувству эгоизма. По своему положенію въ Букарестѣ, — Ольга пользовалась возможными почестями и хотя притворнымъ, но явнымъ участіемъ въ семьѣ, гдѣ она жила, и приличіе требовало, чтобы она хотя по временамъ являлась въ семейномъ кругу, осыпаншемъ ее заботливостью и нѣжностью. Въ этомъ тѣсномъ кругу она не могла не обратить вниманія на человѣка, котораго встрѣчала и прежде въ обществѣ, но котораго едва замѣтила по его прекрасному, открытому лицу, между-тѣмъ какъ теперь видѣла его каждый день, слышала его искреннѣйшій восторженный разговоръ, полный чувства, святаго чувства къ отечеству, которое такъ сильно шевелитъ сердце женщины; она любовалась вблизи игрою его глазъ черныхъ, большихъ, отражавшихъ зарево его пылкой души. — Этотъ человѣкъ былъ дворникъ Вукареско, едва-ли не единственный Валахъ, который дѣйствовалъ въ тогдашнихъ обстоятельствахъ безъ своекорыстнаго разчета, увлекаясь одною надеждою спасти свое отечество, стоявшее отъ гнета князей-Фанаріотовъ, больше чѣмъ отъ турецкаго владычества. Сердце Ольги мало-по-мало воскресало;

не сознавая причины своего выздоровленія, она чувствовала что ему было легче, и только. Бѣдная дѣвушка не смѣла сама себя спросить почему ей легче, какъ-бы боясь своимъ отвѣтомъ разрушить это возникающее счастье; какъ-вдругъ неожиданный и, по-видимому, ничтожный случай опрокинулъ блестящій храмъ, который начиналъ сооружать искуснѣйшій въ мірѣ водчій для постройки идеальнаго храма счастья—сердце осьмнадцатилѣтней дѣвушки.

Разъ, вечеромъ, въ обширной, едва освѣщенной залѣ, человекъ десять мужчинъ и женщинъ, разбросанныхъ по угламъ, шептались въ уединеніи и въ полу-свѣтѣ, какъ это и нынче водится въ обществѣ Валахіи, нелюбящемъ разговора общаго и свѣта яркаго; только по временамъ громкія восклицанія раздавались въ комнатѣ. Въ отдаленномъ углу сидѣлъ Вукареско, рядомъ съ Ольгой: онъ говорилъ съ жаромъ, она слушала со вниманіемъ; лицо его, всегда блѣдное, оживилось; черныя кудри въ беспорядкѣ падавшія на высокое, открытое чело и черная борода придавали еще болѣе матовой бѣлизны лицу, которое было вылито въ форму античныхъ бюстовъ; во взорѣ Ольги было сосредоточено все вниманіе, вся душа, вся жизнь ея и былъ яркъ и свѣтелъ этотъ взоръ! Евфросинья подошла къ разговаривающимъ: дружески ударила она своего родственника по простертой рукѣ едва распустившеюся фюзю, которою играла, и посмотрѣвши на него лукаво, покачала головою; ироническая улыбка, мелькнувшая на устахъ, ясно высказывала мысль ея; какъ-будто не довольствуясь этимъ, Евфросинья смѣла въ рукѣ розу и бросила ее. Едва замѣтное движеніе головы и губъ Вукареско, подтвердило мысль Евфросиньи и выказывало торжество его. Ольга подмѣтила это движеніе и врожденнымъ инстинктомъ женщины поняла его; гордо встала, окинула презрительнымъ взоромъ Евфросинью и Вукареско и ушла. Пришедши въ свою комнату, Ольга залилась горькими слезами и въ первый разъ не обрѣла молитвы въ душѣ своей. Міръ предсталъ ей во всемъ ужасѣ безграничной пустыни, безъ пріюта и безъ надежды, со своими бурями и непогодами. Съ-тѣхъ-поръ она являлась въ обществѣ только

тогда, когда требовало того приличіе; всегда печальная, ко всему равнодушная, ко всѣмъ холодная, между-тѣмъ какъ сердце по-прежнему просило любви.

Въ это время въ домѣ Вукареско заговорили о графѣ Барбариго; его подвигъ сыновняго самопожертвованія воспламенялъ самыя эгоистическія души, хотя иные изъ-подъ-тишка примѣшивали тутъ любовь его къ Евфросиньѣ. Ольга переработала его поступокъ сердцемъ, а не умомъ, и облекла въ самыя радужныя цвѣта: сердцу дѣвушки необходима дѣятельность. Нужно было только, чтобы наружность Барбариго соотвѣтствовала сколько-нибудь созданному идеалу, говорю сколько-нибудь, потому что воображеніе дополнить остальное. Явился Барбариго и передъ Ольгой предсталъ вполне ея идеалъ. Бѣдная дѣвушка только угадывала свѣтъ, а не знала его.

Но оставимъ Ольгу, мечтающую въ своей уединенной комнатѣ, тѣмъ болѣе, что мы застанемъ ее на томъ же самомъ мѣстѣ, какъ-бы поздно ни возвратились. Луна всходила и встрѣчала ее тутъ же, своей любимой привѣтницей, заходила и оставляла ее все на томъ мѣстѣ—грустною разлучницей.

Въ домахъ Вукареста и нынче еще не знаютъ удобства распредѣленія комнатъ и помѣщенія, и прямо съ крыльца вы входите въ залу, а изъ залы перѣдко въ спальню хозяйки, а въ то время и по-давню. Рядомъ съ комнатою Ольги была комната Евфросиньи. Тутъ страсти билъ ключомъ, а не скрывались подъ дѣвичьей косынкой; подушка горѣла, а не обливалась слезами, какъ было за дверью, въ комнатѣ Ольги. Тутъ и въ эту пору, когда мы перешагнули порогъ послѣдней, разыгрывалась другая драма сердца.

— Теперь ты доволенъ мною; ты видишь, я сдержала свое слово, говорила Евфросинья.

— О, доволенъ, доволенъ! Если бы я могъ разбить свою душу, и разсыпать ее передъ тобою въ благодарности, — я сдѣлалъ бы это... И Барбариго обнималъ колѣна своей возлюбленной; цѣлуя то ея руки, то драгоценную бумагу, которую прижималъ къ сердцу; это былъ подлинный актъ договора, заключеннаго его отцомъ съ константинополь-

скимъ Дворомъ, это была цѣна его искупленія. Уже онъ представлялъ себя, мученика сыновней преданности, рыцаря половины осмнадцатаго вѣка, когда рыцаремъ было такъ трудно сдѣлаться, — себя, явившагося во дворцѣ дожа, торжествующаго и честимаго больше самого дожа! О, какъ далеко отъ этой постели, у которой онъ стоялъ когѣнопреклоненнымъ, носилась въ то время его мысль.

— Завтра, въ присутствіи австрійскаго агента, единственнаго иностраннаго представителя, какой здѣсь теперь находится, я, рядомъ съ Цыганкой Сафтой подпишу другой актъ, свидѣтельствующій объ отравленіи твоего отца; ты видишь, чему я подвергаю свое имя и не довольно ли этого для очищенія моей души передъ тобою, передъ тѣнью твоего отца?

— Завтра? Зачѣмъ не сегодня? Завтра былъ бы я уже далеко.

— Лоренцо! Это жестоко!

— О, прости, прости!

Евфросинья старалась казаться разсудительною.

— Въ полночь нельзя провести сюда агента. Положимъ наконецъ, что мы успѣли бы въ этомъ. Не долженъ ли ты остаться здѣсь и дожидаться пріѣзда турецкаго капыдажи-баша, который, я знаю изъ вѣрныхъ источниковъ, будетъ не сегодня такъ завтра. Вукарески уѣхали, и конечно, не дремлютъ. Лоренцо, надобно чтобы твое мщеніе было полно. Можетъ-быть въ немъ есть и моя часть.

Лоренцо, жаждавшій своего освобожденія и видя уже отраднѣйшій свѣтъ своего исхода, невольно опечалился при такомъ требованіи.

— День, много два! Подумай, велика ли эта жертва послѣ того, что я сдѣлала, и на что рѣшилась! — И она перешла отъ упрека опять къ просьбѣ, опять сдѣлалась нѣжной, увлекающей.

Въ это время раздался легкій стукъ въ двери. Евфросинья вскочила, вытянула шею и остановилась, превратившись вся въ слухъ, въ ожиданіе; въ эту минуту она боялась не за себя.

— Идутъ, идутъ, воскликнула она съ ужасомъ, и кинулась къ окну, какъ-бы желая измѣрить взоромъ высоту

его и найти средства къ спасенію; но громкій смѣхъ и дерзкія слова арнаутовъ, стоявшихъ внизу, встрѣтили ея появленіе у окна. Между-тѣмъ за дверью раздался голосъ аги:

— Отворите скорѣе, нето я велю выломить дверь: изъ за пустяковъ не дѣлайте много шума.

— Боже мой, воскликнула она ломая руки: неужели нѣтъ никакого спасенія?

— Понимаю, произнесъ Барбаригго, и схвативъ лежавшій тутъ столовый ножъ, рѣшился умереть защищаясь до послѣдней крайности.

Есть чувство горькое, унижающее человѣка до животнаго, когда онъ подставляетъ свое горло подъ ножъ убійцы, беззащитный какъ баранъ, и потому рѣдкій трусъ не защищается, видя неизбѣжность опасности, хотя и увѣренъ въ бесполезности своей защиты.

— Никто не смѣетъ войти въ спальню женщины, когда она одна, воскликнула твердымъ голосомъ Евфросинья.

— Никто бы и не вошелъ, если бы вы были дѣйствительно однѣ, но въ вашей комнатѣ, вѣроятно, безъ вашего позволенія, скрывается преступникъ, и вы, вѣрно, не станете препятствовать правительству схватить его.—И въ этихъ словахъ было что-то ѣдкое, торжествующее.

— А! вы пользуетесь отсутствіемъ моего мужа, отсутствіемъ моихъ братьевъ, чтобы подвергнуть меня, одинокую и беззащитную, въ моемъ домѣ, въ самой моей спальнѣ, которой тайну чтутъ во всѣхъ земляхъ, поруганію громкому, отъ котораго завтра встрепенется весь Букарестъ?... Такъ ломайте же двери: пускай на стукъ желѣза и дерева сбѣжится весь городъ и узнаетъ, что господарь или его клеветы вломились съ толпою арнаутовъ въ домъ, въ которомъ жильцовъ всего три женщины...

И она, обезсиленная отчаяніемъ, послѣднею энергіей, съ которой произнесла эти слова, склонилась на стулъ, едва переводя дыханіе. Въ это время раздался визгъ желѣза, которымъ силились отпереть замокъ. Опасность приближалась. Евфросинья вскочила, дрожа какъ въ лихорадкѣ.

— Есть средство, воскликнула она. Рядомъ комната

Ольги Кантемиръ; можно пройти отсюда. Туда никто не посмѣетъ за тобою слѣдовать, боясь грознаго имени ея покровительницы, а тамъ....

— Никогда, отвѣчалъ онъ рѣшительно: если бы тысячи смертей одна другой мучительнѣй ожидали меня, не переступлю я порога ея спальни и не подвергну нареканію ея имя.

— О, я это знала! воскликнула она въ отчаяніи.

Между-тѣмъ ага, видя, что замокъ не подавался, приступилъ къ самой двери, стараясь впрочемъ какъ-можно менѣе дѣлать шуму, чтобъ не привлечь къ себѣ народъ. Дверь трещала и шаталась. Евфросинья, какъ-бы вдохновенная, кинулась къ противоположной сторонѣ, гдѣ подъ обоями была скрыта ей одной извѣстная дверь въ комнату Ольги и черезъ мгновеніе, полу-одѣтая, съ выраженіемъ страху и отчаянія, явилась въ ея комнату; Ольга всё-еще сидѣла у окна и только теперь услышала шумъ, происшедшій за дверью и съ испугомъ увидѣла передъ собою Евфросинью, словно возставшую изъ-подъ земли.

— Слышишь, слышишь, говорила Евфросинья, не обращая вниманія на испугъ дѣвушки и прислушиваясь къ ударамъ молотка: разъ, два.... за двѣнадцатымъ ударомъ дверь сорвется съ петель и оми ворвутся въ мою комнату и задушатъ его, тамъ же, на моей постели, въ виду нашемъ.

— Кого? произнесла Ольга съ ужасомъ.

— Его, графа Барбариго.... Ступай, спасай скорѣе...

Дѣвушка вздрогнула.—Но что я могу сдѣлать? воскликнула она съ видимымъ участіемъ.

— А! ты его любишь, ты раздѣляешь мой страхъ и мое безпокойство.... — О, прости, прости меня, я обезумѣла отъ приближающейся опасности....

И Евфросинья обвиняла ея ноги, цѣловала ихъ.

— Скажите, что я должна дѣлать, и я сдѣлаю, сказала Ольга съ твердостью, не обращая вниманія ни на ея просьбы, ни на ея угрозы.

— Уведи его сильно въ свою комнату, — самъ онъ нейдетъ; отсюда дверь черезъ корридоръ, въ садъ.... тамъ бревно черезъ Дымбовицу.... пускай бѣжитъ на Подо-Ка-

лича ... къ Дявиль-Бегію.... пускай только скажетъ, что отъ меня и отдасть это кольцо.

Ольга поняла все. Она вошла въ комнату Евфросиньи и взявши за руку графа Барбариго, несмотря на его сопротивленіе, безмолвно, съ самоотверженіемъ безусловнымъ, ввела его въ свою комнату. — Дверь быстро закрылась за ними. Еще шевелились обои этой двери, а другая, ведущая въ комнату Евфросиньи уже сорвалась съ петель, съ шумомъ упала на опрокинутые стулья и ага съ нѣсколькими человѣками изошелъ въ комнату. — Евфросинья, въ одной кофть, по-видимому покойная, сидѣла на краю кровати.

— Благоволите указать скрывающагося у васъ человѣка и избавьте насъ отъ труда обыскивать комнату и домъ, а себя отъ излишняго безпокойства, сказалъ вошедшій ага, не находя кого ему пужно было въ комнатѣ.

Евфросинья молчала. — По ея неподвижному стану, блуждающимъ взорамъ, искривленнымъ чертамъ лица, въ беспорядкѣ висѣвшимъ волосамъ и опущеннымъ, вытянутымъ, какъ-бы окоченѣвшимъ рукамъ, можно было принять ее за сумасшедшую. Она наводила суевѣрный страхъ на вошедшихъ, но ни малѣйшаго состраданія. Всѣ углы были обысканы, постель избита, но никого не открыли. Ага замѣтилъ присутствіе двери, ведущей въ комнату Ольги и сталъ шептаться съ своими сообщниками: было мгновеніе, когда Евфросинья показалось, что онъ хотѣлъ войти въ комнату, и страхъ стѣснилъ ея дыханіе, но вскорѣ она убѣдилась, что никто не посмѣетъ нарушить святости дѣвической комнаты, зная какой отвѣтственности подвергнется, особенно, если поиски, какъ и должно было полагать, окажутся тщетными.

Ага велѣлъ навѣсить выломанныя двери и всѣ въ безмолвіи удалились. Тогда только это неподвижное существо, сидѣвшее на кровати, ожило. — Первымъ движеніемъ Евфросиньи было запереть опять двери, потомъ кинулась она въ комнату Ольги и одного ея взгляду было достаточно, чтобы убѣдиться, что съ ней ужъ не было Барбариго. — Она хотѣла броситься къ ногамъ Ольги, спросить ее, благодарить, но увидѣла ее колѣнопреклоненную, погружен-

вую въ жаркую молитву и стала позади ея на колѣни. Уста ея шептали молитву, но душа не повторяла ея. Глаза всё-еще чего-то искали, всё-еще чего-то боялись....

— Онъ спасенъ? спросила она наконецъ, когда Ольга подыалась и глаза послѣдней, увлажненные слезами, встрѣтились съ сухими, отражавшими жаръ горячки глазами Евфросиньи.

— Спасенъ, отвѣчала та холодно... И Евфросинья цѣловала ея колѣна....

Эти двѣ женщины, столь различныя по своимъ свойствамъ, скоро разошлись. Присутствіе одной было тягостно для другой и поцѣлуи Евфросиньи жгли руки и колѣни Ольги. Разочарованіе оснадцатилѣтней дѣвушки было совершенно.— Она, для которой достаточно было одного слова благороднаго патриція, чтобы вѣровать въ его любовь, какъ въ слова Евангелія, — которая могла простить ему его слабость, она видѣла его своими глазами въ спальнѣ своей соперницы и когда же?... Когда святому долгу его, наложенному тѣнью отца, угрожала неминуемая опасность: ея идеаль, ея кумиръ разлетѣлся въ дребезги въ ея собственныхъ глазахъ. И такъ ли бы любила Ольга! И такъ ли бы исполнила долгъ дочери, если бы судьба наложила его на нея, какъ бы тяжелъ этотъ долгъ ни былъ! Она бы съ радостью промѣнила терновый вѣнецъ мученицы на тяжелый крестъ, который была обречена нести.— Правда, она подала руку спасенія графу Барбаригу, но подала ее съ великодушнѣмъ христіанки, какъ подала бы ее прокаженному, если бы знала, что это спасетъ его.

Утро встало свѣтлое и радостное. Было воскресенье. Болѣе стекались на поклонъ во дворецъ и толпились въ пріемной. Тутъ были всё чины Валахіи. Византія, времянь упадка, времянь роскоши, разврата и народнаго срама, воспроизвела подобіе своего римскаго двора въ миниатюрѣ при государяхъ-фанариотахъ, а мусульманскій Стамбуль еще придалъ ему темный колоритъ фатализма и таинственности, подъ которыми часто скрывались почетный свурокъ Султана или кинжалъ венеціанскихъ и генуэзскихъ фамилій, переселившихся изъ Константинополя пос-

лѣ покоренія его Турками. Въ молчаніи стояли по порядку бояре первыхъ степеней и чиновъ Балахін. Великаго бана и великаго дворника де-Цара-де-сусъ не было и потому, за епископомъ аржискимъ, который одинъ изъ всѣхъ присутствовавшихъ сидѣлъ, непосредственно слѣдовали дворники де-Цара-де-жость и логоветы дворниковъ; за ними уже спатарь. Спатарь, спаарь, или спаарій, собственно «мечникъ», былъ прежде начальникомъ войска и почитался важнѣйшимъ лицомъ въ княжествѣ, но когда государей принудили уничтожить свою рать и во власти спатаря оставались только нѣсколько человекъ *служиторовъ*, лебеджівъ, сейменовъ и сокотельниковъ, тогда званіе это совершенно утратило свое значеніе и великій воевода даже не имѣлъ права постоянно засѣдать въ Диванѣ, а только призывался въ случаѣ надобности и стоялъ возлѣ логовета обычаевъ. За спатаремъ слѣдовалъ великій *вистіаръ*, *Vestiarius* византійскихъ императоровъ, смотритель за гардеробомъ и государственный казначей, должность чрезвычайно важная, потому что въ его вѣдѣніи состояли назначеніе и сборъ податей и почти всѣхъ повинностей; далѣе постельникъ, котораго занятія соотвѣтствовали занятіямъ министра иностранныхъ дѣлъ; въ завѣдываніи его находились курьеры, отправляемые къ пашамъ и въ Константинополь; этимъ курьерамъ иногда поручалось передавать изустно нѣкоторыя свѣдѣнія, а потому званіе ихъ было довольно почетно. Потомъ шли второклассные бояре: ключарь, каминарь, собственно печникъ, но на-дѣлъ инспекторъ таможенъ, пахарникъ, который разносилъ вино гостямъ, во время праздниковъ даваемыхъ государемъ; столъникъ, распорядившійся кухней князя: онъ отвѣдывалъ всѣ кушанья прежде чѣмъ ихъ поставятъ на столъ и принималъ всѣ предосторожности противъ отравы господарской особы; кампръ, наблюдавшій за лошадьми господаря. Наконецъ—бояре третьей и четвертой степени: сердарь, медельничарь, слуджарь, питарь, армашъ, шартарь, и много другихъ, которыхъ не считаю нужнымъ перечислять, а тѣмъ менѣе описывать по занятіямъ.

Въ кабинетѣ, въ углу широкаго дивана, сидѣлъ поджавши подъ себя ноги господарь. Какая-то мысль мучила его.

Онъ не замѣчалъ стоявшихъ съ подобострастіемъ у дверей нѣсколькихъ приближенныхъ чиновниковъ, въ числѣ которыхъ былъ ага; Чиханесь привыкъ считать ихъ за подвижныя куклы, которыми игралъ по произволу, которыя кидалъ по прихоти; теперь ему было не до нихъ. Его мучило то, что онъ, въ рукахъ котораго были всѣ средства, не могъ добыть себѣ бездѣяцы—счастья. Пол-жизни онъ страдалъ, таялся отъ людей, отъ себя, отъ всѣхъ забавъ, отъ всякой радости, чтобы цѣною пожертвованій достигнуть этихъ средствъ и вотъ онѣ въ его рукахъ; онъ былъ господаремъ и, наконецъ, могъ не стѣснять, не мучить себя притворствомъ и явиться тѣмъ, чѣмъ создала его природа. Чиханесь кинулся къ жизни, какъ кидается томимый зноемъ путникъ къ ручью свѣжей воды и сталъ черпать изъ нея съ обоихъ концовъ; и жизнь утомила его, онъ былъ несчастнѣе прежняго, потому что уже не видалъ средствъ сдѣлаться счастливымъ, не могъ болѣе дать разгулу своей надеждѣ, своимъ вѣрованіямъ. Правда, онъ еще любилъ жизнь,—но уже не какъ средство быть счастливымъ, а собственно ее самую, любилъ безотчетно, безсознательно, какъ любитъ скупецъ деньги, больше по старымъ вѣрованіямъ, которыя наконецъ дѣлаются постоянною идеею; это сумасшествіе своего роду. Чиханесь перепробовалъ всѣ струны своего сердца, которыя настроила ему природа или первоначальное образованіе, но всѣ онѣ стали издавать звуки печальныя, которые болѣе терзали чѣмъ вѣжили его. Онъ хотѣлъ любви, и думалъ купить ее, но разочарованіе послѣдовало скоро; онъ жаждалъ мести и это чувство еще тѣшило его потому, что оно порою ускользало отъ него, подобно опытной кокеткѣ; ждалъ онъ денегъ и деньги стекались къ нему.... Власть безусловная—что въ ней! когда онъ зналъ, что въ этихъ изгибающихся передъ нимъ куклахъ таятся своя воля, которую онъ не въ силахъ покорить и которая готова проявиться при первомъ случаѣ на зло и пагубу ему.—Все это было не то, что создало ему пылкое воображеніе, воспламененное солнцемъ юга, что сулили ему изнѣженные, сладострастные чувства воспитанника константинопольскаго Фаваря и Венеціи. И сколько мукъ терзало его въ это

время!—Онъ не вытерпѣлъ болѣе своего тревожнаго состоянія; далеко отбросилъ длинный, давно остывшій въ рукахъ его чубукъ и вскочилъ съ дивана: присутствовавшіе робко прижались къ стѣнѣ.

— Послушай, ага, ты будешь отвѣчать мнѣ за этого константинопольскаго выходца. И кто онъ и зачѣмъ онъ здѣсь, не шпионъ ли поставленный надо мною отъ визиря и укрываемый Анастасіемъ.... не предшествуетъ ли онъ кашыджи-башѣ.... воскликнулъ онъ, и лицо его было блѣдно какъ у мертвеца, изображало глубокой ужасъ, какой обыкновенно внушало это имя господарямъ вообще и Чиханесу особенно.

— Нѣтъ, отвѣчалъ робко ага: Турокъ не отважился бы жить въ домѣ христіанина; въ турецкомъ конакѣ также его нѣтъ, за это ручается самъ башъ-бейліи.

— И ты не могъ узнать гдѣ онъ? в ты ага! Тебѣ сторожить стадо барановъ, а не городъ.

— Есть мѣста, куда я не имѣю доступа; но если вы разрѣшите....

— Я позволилъ тебѣ войти въ спальню Евфросиньи среди ночи и со служителями: куда же тебѣ еще нужно — въ келлію епископа аржискаго? ступай, только найди мнѣ этого константинопольскаго лазутчика. — нето ты не будешь агой!

— Епископъ очень хитеръ, чтобы держать у себя въ домѣ такого запретнаго чловѣка,—разрѣшите, Маріэтовѣда, сегодня въ ночь войти въ спальню Ольги Кантемиръ.

Господарь остановился. Недовѣріе, недоумѣніе, насмѣшка смѣнялись на лицѣ его. — Ты пьянъ, ага, сказалъ онъ наконецъ, а я толкую съ тобою о дѣлѣ.

— Я такъ счастливъ, что могу исполнить требованіе ваше, что можетъ-быть на-время обезумѣлъ, но теперь въ вашемъ свѣтломъ присутствіи я опомнился. Я утверждаю рѣшительно, что нашъ неизвѣстный гость скрывается въ спальнѣ Ольги; мы сторожили комнату Евфросиньи, такъ что муха не могла вылетѣть изъ нея не замѣченною, обыскали ее до послѣдней пылинки и ничего не нашли, хоть видѣли ясно, что онъ взошелъ въ потаенную дверь,

откуда, какъ вамъ извѣстно, только и ходу что въ спальню Евфросиньи, а потомъ Ольги. Это непремѣнно старая любовь. Только Мускаль можетъ такъ долго скрываться отъ нашихъ преслѣдованій и обманывать нашу усердную бдительность.

Лицо господаря пылало, голосъ его былъ не твердъ, походка не вѣрна. Ты лжешь! воскликнулъ онъ.... Нѣтъ, ты говоришь правду! глупъ я былъ довѣряя женской добродѣтели, и мнѣ ли было вѣрить въ нее, когда долгій опытъ могъ убѣдить меня, что бѣльшая или мѣньшая степени добродѣтели состоятъ въ бѣльшей или мѣньшей цѣнѣ, платимой за нее, въ расчетѣ денегъ или чувствъ, по все подчиняется однимъ неизмѣннымъ математическимъ законамъ. — Чиханесь былъ уязвленъ въ самую пѣжную часть своего сердца; ему было стыдно, что онъ могъ хотъ на-минуту повѣрить въ какое-либо прекрасное чувство.

— А если ты солжешь! воскликнулъ онъ, обращаясь къ агѣ. Зачѣмъ бы Мускаль явился изъ Константинополя?

— Этого я и самъ не понимаю, но пусть я не буду агой, если это не такъ!

— Да совершится!.... Пстой! а что скажетъ русскій Дворъ?

Господарь хорошо понималъ незапное вшествіе Мишиха въ Яссы: отвѣдь его на рѣчь митрополита вошла въ пословицу въ обоихъ княжествахъ. Митрополитъ съ духовенствомъ и боярами встрѣтили русскаго полководца. Пастыръ началъ: «Блажь приходъ твой, воинъ Христа! да будетъ такъ же блажь и выходъ твой». Фельдмаршалъ не далъ ему кончить и отвѣчалъ: «Приходъ мой блажь, по выходомъ торопиться я не стану». А съ-тѣхъ-поръ какъ выросла, какъ возмужала Россія! Господари знали что ей стоить шагнуть, и она—въ Яссахъ или въ Букарестѣ. Поэтому они давно, но тайно, клонились къ политикѣ русскаго Двора.

— Притомъ же, надобно убѣжденіе совершенное. Ты и то надѣлалъ бесполезно много шуму, вломившись въ спальню Евфросиньи: тутъ нужно пустить прежде гончую собаку для развѣдки. Юница, позволю тебѣ носить бороду

и надѣлю сорока сокотельниками, если откроешь убѣжище пезваного гостя; не откроешь, велю обрубить уши, чтобы и впрямь походилъ на гончую; вползи какъ хочешь въ комнату Кантемировой и подай оттуда вѣсть въ случаѣ если заслышишь звѣря.—А, сѣверная цѣломудреница, я не зналъ, что такъ скоро подѣйствуетъ на васъ воздухъ Букареста и совѣты Фроссы*; посмотримъ что вы намъ станете отвѣчать, когда улыка будетъ на лицо!—Да, Ница, прибавлю еще двадцать сокотельниковъ, если успѣешь. Ага, прощу тебя, что впустилъ въ городъ этого привѣжаго, если онъ дастъ мнѣ случай уличить Мускальку. А! вы хотѣли упрямиться, вы не давали доступу къ себѣ никому при другихъ! Но наединѣ доступъ возможенъ: значить слухи были справедливы объ вашихъ отношеніяхъ съ дворникомъ! Одинъ я не вѣрилъ этому: да, этой глупости я себѣ не прошу! Быть робкимъ какъ школьнику!.... Виновата твоя жена, ага! она мнѣ твердила про цѣломудріе Ольги, она меня отстраняла отъ нея; всѣ вы заодно; гдѣ дѣйствуетъ ревность, гдѣ подкупъ, нигдѣ нѣтъ преданности.—Господарь впрочемъ былъ довольно опытенъ, чтобы не вѣрить въ преданность окружающихъ его; подобные ему правители имѣютъ слугъ, но никогда не имѣютъ друзей.

Ага и поэтъ, поцѣловавшіе полу платья господара при его обѣщаніяхъ, слушали со страхомъ угрозы; они знали, что князь умѣетъ не только угрожать, но и дѣйствовать; власть его надъ подданными во многихъ случаяхъ безгранична и очень походила на власть паши въ его пашалыкѣ. Но господарь все-еще мучился въ душѣ своей, что не могъ дѣйствовать безусловно, что долженъ былъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ прикрывать себя личиной не только въ сношеніяхъ съ Портой, у которой онъ былъ неинное что какъ глауръ и рабъ, но даже въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ къ своему народу; онъ опять сѣлъ и молчалъ, кусая свои ногти, что выражало у него обыкновенно высшую степень гнѣва и душевнаго волненія. Молчаніе продолжалось нѣсколько времени.—Ага рѣшился прервать его, чтобы сказать своему господарю нѣчто пріятное, по его мѣнью.

* Фросса—сокращенное Евросинья.

— Завтра день Моши, всѣ приготовленія кончены къ принатію Маріета-вѣды; еще ни одинъ господарь не пропускалъ этого народнаго праздника Валахіи; удостоятъ ли вы этой чести, милости, счастья вашего вѣрнаго слугу?—Отвѣта не было. — Жена постарается устроить, чтобы Ольга очутилась наединѣ съ Маріета.—Господарь быстро поднялъ голову. — Такъ завтра праздникъ! воскликнулъ онъ. Хорошо! Я также завтра задамъ вамъ нѣскольکو зрѣлищъ. Позвать башь-булокъ-баши.

Вошелъ низенькій, худенькой, гадкій человекъ,—это былъ башь-булокъ-баши, то есть, главный смотритель тюрьмы, находившейся подъ самымъ дворцомъ господарскимъ.

— Схватили цыганку Саѣту?

— Схватили.

— Завтра выѣстъ съ другими преступниками вывести ее на площадь, и привязать къ позорному столбу.

— А преступленіе?

— Выставъ какое кочешъ.

— А дочь?

— Дочь! Пусти на волю; скажи въ утѣшеніе матери, что завтра у нея будетъ двѣ дочери.—Постой! Не кормите старуху ни сегодня ни завтра, пусть будетъ еще отвратительнѣе, если можно.

— Это едва-ли можно, такъ гадка она! однако постараться.

— Яко, много у тебя будетъ завтра гостей?

— Какъ водится, весь городъ; я не смѣю отступить отъ обычая, который ведется съ незапамятныхъ временъ.

— Не о тѣхъ гостахъ я тебя спрашиваю: то свои, а не гости. Много ли будетъ на площади, у позорныхъ столбовъ, годичныхъ преступниковъ.

— Приговоренныхъ къ краснымъ столбамъ, къ смерти, семь, и къ чернымъ, то есть, къ отвѣченію разныхъ членовъ, двадцать семь.

— Ты, вѣрно, не считаешь въ числѣ послѣднихъ моей Цыганки?

— Нѣтъ.

— Притчи! да поставь еще осьмой красный столбъ для новаго преступника.

— Какое преступленіе на немъ написать?

— Имѣну противъ княжества, предательскія сношенія съ иностранцами и покушеніе на жизнь господаря.

— А имя преступника?

— Игуменъ монастыря Тисманы, отецъ Прокопій.

Ага съ изумленіемъ глядѣлъ на присутствовавшихъ, какъ бы спрашивая такъ ли онъ слышалъ. Грамматикъ, домашній секретарь князя, утвердительно кивнулъ головою; прочіе съ ужасомъ услышали доселѣ неслыханныя вещи.

— Что же вы стоите, словно слова моя варомъ обдлаиваетъ. Развѣ я не имѣю права жизни и смерти въ княжествѣ.

— Конечно такъ, рѣшился промолвить ага, страшившійся за самого себя послѣдствій такого ужаснаго поступка: но.... доселѣ не случалось этого.

— Такъ завтра случится!

— Игуменъ.... лицо духовное.... поставленное такъ высоко и саномъ и привязанностью къ нему народа... Отца Прокопія давно бы выбрали епископомъ, если бъ только допустили выборы.

— А онъ ради того ведетъ интриги; не станетъ его, и народъ перестанетъ думать о выборахъ епископа и митрополита, потому что на ихъ мѣсто во всей Валахїи не найдется достойнаго, пользующагося незапятнанной репутаціей.

— Ужъ не лучше ли дать имъ митрополита?... Этою уступкою можно надолго помириться съ боярами, прибавилъ ага, который сдѣлался нѣсколько смѣлѣе въ своихъ настояніяхъ, потому что низверженіе господаря влекло его къ неминуемой гибели.

— Ужъ не готовишь ли ты и себя кандидатомъ въ митрополиты? Говорятъ же что спатарь предложилъ боярамъ себя на это мѣсто. Но пока твоя очередь придетъ, скажи съ язвительною насмѣшкою господарь: приготовь мѣсто для отца игумена. — Ага очень замѣтилъ; что Чиханесъ намекалъ ему столько же на очередь на мѣсто митрополита, сколько на красный столбъ, который ве-

лѣтъ готовить для игумена и не рѣшился больше возражать.—Тюремщикъ, ты съ осмью служителями будешь находиться при игуменѣ для почетнаго караула, прибавилъ Чиханесь злобно улыбаясь: ага столько объ немъ заботится, а пожалуй и стражи не дасть,—обидно будетъ святому отцу.

Господарь не вполне довѣрялъ даже агѣ, своей кreature, который если не по влеченію чувствъ, такъ по расчету былъ преданъ ему безусловно.

—Надобно однако пощадить и ноги и терпѣніе ващихъ бояръ, для завтрашняго праздника, сказалъ Фанариотъ. Хе, хе! какой мы имъ зададимъ праздникъ! Такого еще и не видали въ Букарестѣ. Смотри, ага, ничего не жалѣй; если праздникъ удастся, передамъ тебѣ городовые гѣсы въ распоряженіе.

Господарь одѣвался, прислуживаемый боярами. Онъ видимо повеселѣлъ, увлекшись мыслью о завтрашнемъ торжествѣ.

—А что? сказалъ онъ, обращаясь къ грамматикъ: что наши доблестные защитники правъ отечества? Какъ-будто княжества могутъ быть чьимъ-нибудь отечествомъ! Просто, вотчина турецкая. А бояре будто могутъ имѣть гдѣ-нибудь отечество! Что нашъ сѣдоволосый банъ и рыцарь-дворникъ.

—Уже, думаю, на половинѣ дороги къ Силистріи.

—Обвиненія хороши, спасибо Ницѣ, что досталъ съ нихъ копію: да ужъ не онъ ли ихъ и писалъ? Что-то слышкомъ отдается поэзіей.

—У меня неостанетъ силы вывести въ обвинительномъ листѣ одну букву, находящуюся въ вашемъ имени, возразилъ Іонница.

—Захочешь, обойдешься и безъ нея.

—Ни смыслу, написать одинъ періодъ.

—Да и въ обвиненіи бояръ мало логическаго смыслу, потому что нѣтъ сильныхъ, звонкихъ доводовъ, безъ которыхъ наша не приметъ жалобы. Наше звончей, прибавилъ онъ обращаясь къ грамматикъ.

—И придетъ прежде; а кто первый жалуется тотъ всегда болѣе имѣетъ права.

— Истинно.

Съ этими словами государь вышелъ въ залъ, гдѣ такъ долго дожидались его два епископа и бояре. На лицѣ его не было уже и слѣдовъ прежняго негодованія. На тонкихъ губахъ бродила сладенькая улыбка; онъ былъ веселъ: легковѣрный Грекъ, онъ въ умѣ своемъ уже наслаждался отрадной чашей полнаго мщенія, которая такъ долго его манила. Какъ ни силился онъ придать своей походкѣ, движеніямъ, важность и величіе, но не могъ; во-первыхъ, онъ не родился для власти, во-вторыхъ, внутреннее нетерпѣніе не давало ему покою. — Завтра, завтра думалъ онъ.... но скоро ль будетъ это завтра? — Онъ сѣлъ на тронъ и допустилъ важнѣйшихъ бояръ къ цѣлованію руки, а другимъ позволилъ прикоснуться челомъ къ полѣ своей одежды. Потомъ ласково переговорилъ съ епископомъ и нѣкоторыми боярами, будто не замѣтилъ отсутствія бана и дворника, и вышелъ, уводя съ собою во внутренніе покои епископа аржискаго.

— Чтò-то онъ черезъ-чуръ ласковъ и благосклоненъ къ аржискому, шепнулъ спатарь своему сосѣду: быть худу.

— Говорятъ, Анастасій-то накупилъ барановъ и отогналъ въ Силистрію къ пашѣ, а тамъ и переговорилъ съ нимъ.

— Да въ чью пользу?

— А чортъ ихъ разберетъ. Отцу родному нельзя теперь вѣрить, а Анастасій Грекъ.

— Будетъ Грекамъ, какъ было въ 1669 году, шепнулъ кто-то сзади разговаривающихъ и скрылся въ толпѣ выходящихъ изъ пріемной залы, прежде чѣмъ они замѣтили его.

— Уйдемъ скорѣе, произнесъ спатарь со страхомъ: не увидишь какъ попадешь въ бѣду.

— Да тебѣ-то еще какой бѣды бояться, носишь титулъ спатаря, а сталъ хуже чокдѣ у воды; еще первостатейный бояръ! произнесъ другой проходящій.

— Господи, какія страсти говорятъ въ самомъ дворцѣ! И спатарь поспѣшилъ удалиться.

Между-тѣмъ государь усадилъ возлѣ себя епископа.

— Устроивши дѣла государственныхъ и церковныхъ, по-

ра намъ заняться собственнымъ дѣломъ, сказалъ господарь. Начнемъ съ моихъ и перейдемъ къ вашимъ.

— Вы знаете, что я точный исполнитель воли вашей и исполнѣ, вмѣстѣ съ Церковью, скорблю о козняхъ бояръ: на васъ, на вашу мудрость упованіе наше.

— Вѣрю отъ души и вскорѣ докажу, что умѣю быть благодарнымъ. Теперь же пособите вы намъ. Я ходатайствую за своего друга и за себя вмѣстѣ. Прочтите это письмо моего постельника Анастасія: вы его любите стелько же сколько и я, и отъ васъ у меня нѣтъ секретовъ.

Епископъ сталъ читать письмо. Анастасій уполномочивалъ господаря просить о разводѣ своемъ съ Евфросиньей, но только въ такомъ случаѣ, если онъ захочетъ отдать за него находящуюся въ опеку господаря Ольгу Кантемиръ. Отвѣтъ свой онъ просилъ передать Аржисскому, правящему митрополіей, который долженъ засвидѣтельствовать его въ церкви, какъ обѣтъ непреложный.

— Достаточно ли этого письма для совершенія развода?

— Для другаго—нѣтъ, но если на это ваша воля.....

— Знаю, знаю, и сейчасъ же докажу вамъ, что я для васъ умѣю дѣлать то, чего для другихъ не дѣлаю: представляю вамъ назначеніе архимандритовъ, не только въ своей, но и въ рымникской епархіи.

Епископъ забылъ на время свою вражду къ Чиханесу; притомъ же, постоянно держась своей политики, онъ тѣмъ угодливѣе былъ лично къ господарю, чѣмъ сильнѣе дѣйствовалъ противъ него втайнѣ.

— И если вы обѣщаете выдать за него свою воспитанницу, то я запишу обѣщаніе въ протоколъ и съ этой стороны все сдѣлано, но съ другой.....

— О, тутъ кажется и вы не сомнѣваетесь, сказалъ со смѣхомъ господарь.

— Однако, для формы, надобно спросить Евфросинью.

— Вотъ вамъ свѣжая ея записка, гдѣ она такъ пламенно изъявляетъ и свою любовь къ другому..... и нетерпѣніе свое развестись съ человѣкомъ, ей не милымъ.

— Объ этомъ уже не заботьтесь, формы—наше дѣло и мы представимъ вамъ только одни желаемые результаты.

— О, я не сомнѣваюсь. Но я слѣшу устроить свои се-

мейныя дѣла, чтобы предаться совершенно выборамъ митрополита. Сами знаете, сколько времени Церковь сиротствуетъ безъ пастыря; а я, грѣшникъ, слишкомъ предаюсь своей житейской любви, и не могу думать объ этомъ важномъ дѣлѣ.— Впрочемъ, выборъ мною уже сдѣланъ.... и я не буду придерживаться такъ строго формъ. Главное нужно внутреннее убѣжденіе въ дѣлѣ. Надобно торопиться жить. Къ чему послужить вамъ митрополѣя кафедре, когда своею дряхлою ногою вы не въ силахъ будете взойти на первую ступень ея! Къ чему мнѣ брачное ложе, если время и обстоятельства испарятъ любовь мою! Приступимъ же скорѣе къ дѣлу. Мнѣ нуженъ разводъ сегодня же.

— Сегодня? спросилъ съ удивленіемъ епископъ.

— Да! непременно! вскричалъ господарь, котораго противорѣчія выводили изъ терпѣнія. Сегодня вы видѣли, что я умѣю награждать; завтра можете узнать, что я умѣю и наказывать безъ различія званія.

Съ этими словами онъ удалился, предоставивъ другимъ объясненіе этихъ словъ, которое повергло епископа въ недоумѣніе и въ ужасъ.

Насталъ день Моши, послѣдній въ поминальной недѣлѣ. Это—для *Ромыновъ* * торжественнѣйшій день въ году и сопровождается такими обрядами, которые невольно напоминаютъ время язычества и относятся къ глубокой древности. На площади, принадлежащей и теперь фамиліи Гика, за городомъ, со стороны Тырго-да-фаре, народъ кишѣлъ еще съ пол-ночи. Ряды возовъ съ донницами, горшками, плодками и разными принадлежностями номинальной трапезы загромождали всю обширную площадь. Между ними бродили, или составляли живописныя группы, жители долины, въ бѣлыхъ свиткахъ, малорослые, съ черными, бойкими глазами, и пришлецы съ Карпатъ, съ длинными волосами, въ овчинныхъ шкурахъ шерстью вверхъ черезъ плечо, люди, подобные тѣмъ, какихъ мы видимъ въ горахъ, изображенныхъ на триумфальной колоннѣ Траяна.

* Валахи называютъ сами себя *Ромынами* или *Руманами*, *Ринданами*, а языкъ свой—*лимба руманеска*, lingua gotana, римскимъ *диаконъ*.

Римъ. Робость, истома, нужда, отражались въ наружности и во всѣхъ движеніяхъ толпившагося народа; одни только жители Малой Валахїи отличались свободными приемами и вольной поступью, да арнауты надмѣнно рассказывали на площади, толкая прохожихъ и посматривая слишкомъ вольно на горныхъ женщинъ, одѣтыхъ въ овечьи шкуры почти такъ же какъ и мужчины. Но и жители долины и горцы и краіовяне, самые арнауты, разступались и припадали къ землѣ при встрѣчѣ какого-нибудь бешля, который произвольно забиралъ что ему надо и билъ кого хотѣлось. Благочестивые люди покупали принадлежности поминовенія усопшихъ и раздавали ихъ, ради Христа, бѣднымъ; не было нищаго, который бы не совершилъ поминокъ по роднымъ усопшимъ; не было ни одной могилки, на которой бы, подъ затишьемъ нѣсколькихъ кирпичей, не теплилось масло въ какомъ-нибудь черепкѣ вмѣсто лампы, и какъ кладбища были возлѣ церквей, въ городѣ, то Букарестъ ночью представлялъ самый странный, фантастическій видъ, столь соотвѣтствовавшій тогдашнему состоянію умовъ. Уже въ одномъ концѣ площади возвышались позорные столбы; къ нимъ прикрѣпляли на показъ народу жертвы, обреченныя казни или къ отрубленію членовъ; возлѣ палачъ устраивалъ свои подмости; на другомъ концѣ площади красовался великолѣпный павильонъ для принятія господаря и всего города. Калураши, публичные танцовщики и лаутари, цыганы музыканты, бродили съ одного конца площади на другой, приманивая къ себѣ народъ и добровольныхъ дателей, но на этотъ разъ народъ веселился неохотно, какъ-будто чего-то ожидая или чего-то боясь.

Въ одной изъ многочисленныхъ лавочекъ, гдѣ, подъ навѣсомъ изъ вѣтвей или соломы продавалось вино, сливяная водка и кебабъ, жареная маленькими ломтиками говядина, — сидѣло человекъ семь осемь: два ватафа, сельскихъ старшинъ, прочіе поселяне; прислуживавшая имъ *жуло-маса*¹, рослая и недурная собою женщина, не скупилась подливать водки своимъ гостямъ, но не могла развлечь ихъ мрачнаго состоянія духа.

¹ *Жуло-маса* — купчиха, иногда торговка.

— Помяните усопшихъ, сказалъ проходящій мимо ихъ монахъ, и положилъ къ нимъ на столъ туго набитый кошелекъ.

— Благословите, отецъ Григорій.

Монахъ благословилъ. Тутъ будетъ за что вамъ откупиться отъ биру (подати).

— Развѣ семьямъ нашимъ! А ужъ насъ не забудьте помянуть хоть на общей панаендѣ:

— Церковь не забываетъ своихъ добрыхъ сыновъ.

И монахъ поспѣшно отошелъ къ другой группѣ, боясь остановить на себѣ чье-либо досужее вниманіе.

— Ни Церковь, ни отечество, прибавилъ проходившій мимо одинъ изъ тѣхъ, которыхъ и нынче называютъ презрительно чокоями и которые не что иное какъ прислужники, прихлебатели, наперсники бояръ первыхъ степеней, и сунулъ въ руку ватафа другой кошелекъ денегъ: это— только задатокъ, а въ случаѣ успѣха боярія всѣмъ нашимъ.

— Боярія! произнесъ ватафъ, и улыбка мелькнула на лицѣ его, дикомъ, загорѣломъ.

Поселяне оставались безчувственными ко всему происшедшему; по отвислымъ зобамъ, по тупоумію, отражавшемуся въ ихъ взорѣ, во всѣхъ движеніяхъ, ясно было, что это жители горъ, кретины, или очень близкіе къ кретинизму, который въ такой ужасной степени распространенъ въ Карпатахъ.

Чокой подошелъ къ другой группѣ.

— Каково идетъ? спросилъ онъ.

— Хорошо! отвѣчалъ одинъ изъ пирующихъ утвердительно, и чокой пошелъ дальше.

— Мимо! сказалъ бояръ, шедшій съ двумя другими, когда они поравнялись съ тою группой, въ которой былъ ватафъ съ своими горцами.

— А что?

— Да вѣдь это Вукореціане; видишь, изъ Кимполунга.

— Такъ что жъ? развѣ мы служимъ не Вукарескамъ?

— Вукарескамъ, да не всѣмъ. Развѣ ты еще не знаешь, что Евфорсиця выходитъ за господаря, такъ ся партія прочь отъ Вукаресковъ.

— Чортъ меня возьми, если я знаю кому теперь мы служимъ!

— Ужъ конечно не господарю.

— А почему же и не господарю, когда Евфросинья выходитъ за него замужъ?

— Ну, это еще неизвѣстно. — Мы пока только знаемъ, что она разошлась съ Анастасіемъ, и что его мать и всѣ Букарески выгнали ее изъ дому, а господарь-то еще не принялъ ее къ себѣ.

— Кто говоритъ, что ее выгнали изъ дому Букаресковъ, тотъ на нея гнусно клевететь: она сама выѣхала оттуда. Кто говоритъ, что мы служимъ господарю или боярамъ, тотъ лжетъ: мы служимъ спасенію своего отечества или своей дамѣ! воскликнулъ третій молодой человѣкъ, который до того времени хранилъ молчаніе.

— Чужеземная мудрость, которая у насъ называется неосторожною и, даже, глупостію. Ты недавно возвратился на родину и уже позабылъ, что здѣсь не Венеція, а Букарестъ, не дождь, а вода; дождь, боится шпионовъ и палачей, вода служитъ шпионы и палачи и кто не умѣетъ думать и дѣйствовать про себя, если его мысли и дѣйствія не по сердцу вода, тотъ держись по-крѣпче за голову: сметить такъ что и перекреститься не успѣешь.

Молодой человѣкъ глубоко вздохнулъ.

— Такъ Богъ съ вами, сказалъ онъ: идите себѣ своею дорогою, я пойду своей.

— Жаль тебя, Янко! Дай Богъ встрѣтиться хоть на перепутьѣ.

— Едва-ли!

И молодой человѣкъ быстро оборотился, чтобы поскорѣе удалиться отъ этихъ чокдевъ, такъ что почти столкнулся съ человѣкомъ, который за нимъ слѣдовалъ и прислушивался ко всѣмъ словамъ его. Первая мысль Янка была, что это—шпионъ, кто-нибудь изъ служителей господаря или аги; но одинъ быстрый взглядъ на это новое лицо заставилъ его убѣдиться въ противномъ. Незнакомецъ былъ старикъ и лицо его, хотя суровое, выражало такъ ясно печаль искреннюю, глубокую, что невольно возбуждало соболѣзнованіе въ юношѣ.

— Увы, и это не онъ! воскликнулъ печально старикъ, который изъ подслушанныхъ имъ словъ, начиналъ надѣяться, что отыскалъ своего господина, своего графа Барбариго,—говорю своего, потому что незнакомецъ былъ Джузеппе.

— Я вижу, вы иностранецъ, вы кого-то ищете; можетъ быть я могу вамъ быть полезнымъ, сказалъ молодой человекъ, котораго радовали звуки италiйскаго языка, какъ будто они были ему родные.

— Я ищу того, кто любитъ Евфросинью столько же сколько вы, который думаетъ и говоритъ такъ же какъ и вы; вотъ почему ваши слова ввели меня въ заблужденiе.

— О, въ такомъ случаѣ стоить остаться здѣсь и вы найдете его, потому что теперь всѣ друзья Евфросиньи должны быть здѣсь и готовы къ защитѣ ея: кто знаетъ, что ожидаетъ ее сегодня на Мопи!

— А что можетъ ожидать ее? произнесъ съ трепетомъ Джузеппе. Сердце его сильно билось, глаза горѣли и выраженiе лица странно измѣнилось.

— Что-нибудь страшное, хотя она и не вѣритъ предостереженiямъ своихъ друзей. Вниманiе князя сосредоточено на ней, а это всегда приноситъ несчастiе тому, кто подвергается этому вниманiю; это взоръ тигра; отъ него не скроется добыча, если онъ остановилъ на ней свои глаза.

— Хорошо, хорошо, станемъ стеречь ея приѣздъ, станемъ глядѣть во всѣ глаза, чтобы не пропустить ее. О, положитесь на меня, я не упушу ее изъ виду...

И онъ говорилъ это такимъ тономъ, что молодой человекъ невольно поглядѣлъ на него испытующимъ взоромъ.

— Не бойтесь меня, сказалъ старикъ, который научился притворствовать и мигомъ сообразилъ свое положенiе: я не Ромынь и не измѣню: но какъ же я узнаю ее?

— Легко узнать! колясокъ не много въ Букарестѣ, и только экипажъ одной Евфросиньи запряженъ четверней; гайдукки одѣты въ бѣломъ.

— Да, будетъ ли она? спрашивалъ съ нетерпѣнiемъ Джузеппе.

— Непремѣнно будетъ.—Она хочетъ восторжествовать надъ своими врагами; а этого легко ей достигнуть, толь-

ко бы князь и здѣсь былъ къ ней такъ же внимателенъ, такъ же нѣженъ, какъ вчера, въ ея домѣ.

— Хорошо! а съ кѣмъ она будетъ сидѣть въ коляскѣ?

— Вѣроятно, одна, потому что и мужъ и его мать и всѣ родные оставили ее, послѣ развода, за который, какъ говорить, пострадалъ и отецъ игуменъ.

— Коляска открыта?

— Да! Евфросинья рассчитываетъ на свою красоту и хорошо знаетъ, что этимъ однимъ привлечетъ къ себѣ болѣе приверженцевъ, чѣмъ другіе силою убѣжденій и денегъ. О, какъ хороша она!

— Этотъ человѣкъ можетъ помѣшать мнѣ, подумалъ Джузеппе.

Подожли калураши и толпа образовалась около разговаривающихъ. Мистическій танецъ калурашей производятъ по прямой линіи—отъ обряда, установленнаго Римлянами послѣ похищенія Сабинянокъ.—Здѣсь не мѣсто входить въ разысканія этого вопроса; нельзя однако не замѣтить, что таинственные знаки, которые они подають одинъ другому, эта безусловная покорность танцующихъ своему начальнику, вооруженному жезломъ и понуждающему ихъ какими-то непонятными гиками, метаніе палокъ, которыми они вооружены, нѣчто въ родѣ борьбы, происходящей между двумя партіями и послѣдующія затѣмъ обниманія,—имѣють свое символическое значеніе и, конечно, учрежденіе ихъ относится къ глубокой древности.

Молодой человѣкъ, говорившій съ Джузеппе, вскорѣ потерялъ его изъ виду;—толпа оттерла Джузеппе или самъ онъ скрылся въ толпѣ. Онъ отыскалъ двухъ служиторовъ аги, что-то имъ шепнулъ и подкрѣпилъ свои слова кошелькомъ, въ себѣ заключавшимъ послѣднія его деньги. «Мнѣ скоро ничего не будетъ нужно», подумалъ онъ. Служиторы подошли къ молодому человѣку и взяли его подъ стражу.

Между-тѣмъ площадь заливалась болѣе и болѣе народомъ. Былъ полдень и ряды вершниковъ уже тянулись къ павильону, гдѣ ага и его жена принимали посѣтителей при оглушительномъ звукѣ музыки лаутарей и громѣ двухъ пушекъ, единственныхъ, какія турецкое правитель-ство оставило въ распоряженіе господарей. Палачъ также

принялся за дѣло; вопль жертвъ его сливался съ кликами пирующихъ и народъ кидался отъ одного зрѣлища къ другому или, пользуясь покровительствомъ своихъ патронновъ, тѣснился у подвижныхъ лавочекъ и пилъ напролаю; потому что пилъ даромъ. Полиція и не силилась возстановить порядокъ: это для нея было рѣшительно невозможно; только дорога, по которой долженъ былъ проѣзжать господарь, дорога, устланная цвѣтами и обставленная зелеными ёлками, съ нѣсколькими арками изъ цвѣтовъ, на пути была очищена отъ народу. На этой дорогѣ показалась толпа всадниковъ со знаменами арнаутскимъ, городовымъ и княжескимъ, и вслѣдъ за ними тихимъ, ровнымъ шагомъ на бѣломъ конѣ ѣхалъ господарь въ широкой греческой одеждѣ пурпурнаго цвѣту, застегивавшейся большимъ брилліантомъ у шеи и опоясанный дорогюю шалью, за которою блестяли два пистолета и дорогая рукоятъ кинжала. Многочисленная свита слѣдовала за нимъ. Народъ подалъ ницъ при появленіи князя и подымался тогда только, когда послѣдній, слѣдовавшій за нимъ гайдукъ уже проходилъ мимо; но на этотъ разъ народъ не толпился, а, казалось, убѣгалъ отъ пути, по которому шествовалъ господарь; зато онъ въ трепетномъ ожиданіи, въ ужасѣ тѣснился на противоположномъ концѣ площади и указывая въ даль, шептался и крестился; тамъ, запряженные однимъ воломъ, медленно тащились черныя дроги; когда они мало-по-мало стали приближаться къ толпѣ, на нихъ ясно отразилась высокая, худая фигура съ длинною бородою, въ монашеской рясѣ, въ цѣпяхъ по рукамъ и по ногамъ; возлѣ нея сидѣлъ палачъ. За нею слѣдовало нѣсколько полицейскихъ мезеджіевъ. Толпа, пораженная ужасомъ, замерла: бездыханно стояла она при этомъ зрѣлищѣ; только одинъ нящій продолжалъ пѣть начатую прежде балладу, подыгрывая на своей кобзѣ. Онъ пѣлъ, какъ, нѣкогда, какой-то богоотступникъ-господарь хотѣлъ въ угоду Туркамъ истребить православное духовенство и поставить другое, поганое; какъ небо сжалилось надъ православіемъ и послало ангела съ трубой громогласной, которой звукъ былъ слышенъ отъ края до края земли той; какъ прогремѣлъ тотъ ангелъ звучно, ясно: «Ты онѣмѣлъ,

народъ!.... спасай своихъ пастырей! бей Грековъ!»—и народъ дрогнулъ.

— За мной, православные! раздалось въ толгѣ и все кинулось къ дрогамъ, на которыхъ безмолвный, равнодушный къ смерти, сидѣлъ архимандритъ, благословляя въ душѣ самыхъ палачей и молясь за свою несчастную родину.

Первымъ натискомъ народъ смялъ арнаутовъ, окружавшихъ дроги.

Влики и вопли доходили глухо до господаря. Не вдалекѣ происходила другая сцена съ тою же быстротою, но въ совершенномъ уединеніи.

Когда площадь опустѣла отъ народа, отхлынувшего, какъ мы уже замѣтили, всторону и только красные и черные столбы возвышались на ней, да раздавались стоны обреченныхъ на казнь или мученія, преступниковъ, а далѣе, гораздо далѣе, у боярскаго павильона пиروвали гости и хозяева, до которыхъ еще не дошла вѣсть о случившемся съ архимандритомъ Прокопиемъ, на площади между плахами и ямами изрытыми для принятія жертвъ палача, коляска, запряженная четырьмя лошадьми, отгиснутая изъ рядовъ вершниковъ и экипажей, очутилась въ этой юдоли смерти и плача, одна одинохонька, потому что провождавшіе ее гайдуки кинулись на общій зовъ, котораго ожидали и который уже слышали въ народѣ.— Испуганныя лошади путались въ упряжѣ, фыркали и горячились. Бѣдная женщина, сидѣвшая въ коляскѣ, трепещущая, силилась отпереть высокія дверцы прежнихъ вѣнскихъ колясокъ, чтобы выскочить, и не могла; въ отчаяніи кидалась она изъ угла въ уголъ и тщетно призывала на помощь.— Въ это время, за однимъ изъ позорныхъ столбовъ, у котораго не было его жертвы и который, вѣроятно, былъ приготовленъ для игумена, стоялъ человекъ, съ наслажденіемъ глядѣвшій на эту сцену. Глаза его горѣли, сердце трепетало отъ радости:

«А, прошепталъ онъ, самъ Богъ посылаетъ тебя сюда. Богъ правосуденъ, онъ не допустилъ, чтобы твое злодѣйство осталось не отмщеннымъ, чтобы самопожертвованіе всей нашей жизни не искупило желаннымъ успѣхомъ», — и Джузеппе вышелъ изъ засады, держась за рукоять сво-

его кинжала. Несчастная, увидѣвъ челоуѣка, простона къ нему руки, съ выраженіемъ призыву на помощь, и опустила ихъ, какъ-бы постигнувъ 'по инстинкту, что ей угрожаетъ еще большая опасность, или можетъ-быть, видъ этого челоуѣка напомнилъ ей что-то прошедшее, ужасное, и вопль безнадежнаго отчаяніа раздался безотвѣтный, подобно воплямъ этихъ мучениковъ, среди которыхъ она находилась. Джузеппе, несмотря на старость свою, однимъ прыжкомъ очутился на подножкѣ коляски.

— А! убійца графа Барбариго! ты думала, что погубиши сына его, истребила послѣдняго мстителя въ родѣ.— Нѣтъ, есть еще одинъ, который принадлежитъ его дому такъ же нераздѣльно, какъ звѣно къ своей цѣпи.

— Я спасла Лоренцо Барбариго.

— Тебѣ спасти кого-нибудь!... да еще Барбариго! Съ ложью въ сердцѣ родилась ты, съ ложью на устахъ урешь. Но не меня обмануть или соблазнить тебѣ. Твоя часъ пробилъ...—И онъ жилистою своею рукою выхватилъ ее изъ коляски и потрясая на воздухѣ едва переводя дыханіе отъ гнѣву говорилъ:—А, коварная Перотка: насталъ расчетъ и за ядъ и за смерть и за страданія, которыя высылала ты другимъ.

— Дай совершить покаяніе, прошептала она, замирая въ рукѣ, душившей ее.

— Нѣтъ, умри безъ покаянія, чтобы и въ будущей жизни тебѣ страдать и мучиться, и всё-таки возмездіе не велико, прибавилъ онъ: всё-таки я не могу заставить ее во капль выстрадать всю жизнь; но что дѣлать, надо снѣшить, чтобы не подоспѣли на помощь и чтобы она не успѣла совершить молитву и избавиться отъ мѹки вѣчной... И онъ всё-еще держа ее на воздухѣ трепетною отъ наслажденія мести рукою поразилъ ее кинжаломъ въ грудь, повернулъ кинжалъ, вынулъ изъ раны и отбросилъ окровавленный трупъ. Теперь, прибавилъ онъ, примѣтивъ приближающихся всадниковъ, мнѣ нечего здѣсь болѣе мѣшкать, обтеръ кинжалъ, какъ-бы боясь, чтобы кровь его ненавистной жертвы не прикоснулась къ нему, и поспѣшно удалился.

Въ это время государь, окруженный дворомъ и армией

тани подѣзжалъ къ мѣсту, гдѣ лежалъ окровавленный трупъ Евфросиньи; но, слишкомъ занятый разговоромъ съ агою, не замѣчалъ его.

— Ну, какъ это было? спрашивалъ въ другой разъ Чиханесъ и лицо его сіяло радостью и внутреннимъ довольствомъ. «Юница лежалъ до полуночи подѣ кроватью Ольги, наконецъ вида, что она рѣшилась остаться одна, вышелъ изъ своей засады и кинулся къ ногамъ испуганной дѣвушки: какъ-бы мучимый раскаиѣмъ, онъ признался, что принималъ на себя постыдную роль шпіона, чокдѣ Анастасія, увѣрялъ, что Анастасій угрозами заставилъ его подсматривать за ея поведеніемъ, наконецъ ловко оправдывалъ самого Анастасія, прикрывая его поступокъ слѣпою страстью къ Ольгѣ, на которой онъ женится, какъ говорить весь городъ.

— Чтѣ же она?

— Она была въ отчаяніи и клялась, что прибѣгнетъ къ защитѣ монастыря отъ всѣхъ преслѣдованій.

— Пустяки! Она прибѣгнетъ къ моей защитѣ. Я вдвойнѣ имѣю на нея права, какъ опекунъ и господарь. Ну, а этотъ Мускаль, или чортъ или Турокъ?

— Сегодня будетъ схваченъ.

Въ это самое время конь господаря шарахнулся назадъ, почувавъ свѣжую кровь.

— Чтѣ тамъ такое? спросилъ Чиханесъ.

— Видно, трупъ казненнаго преступника.

— Нѣтъ, сказалъ кто-то изъ окружавшихъ, это трупъ жены Анастасія; вотъ ея экипажъ... И кинулся-было къ ней.

— Оставь ее, сказалъ равнодушно господарь: она болѣе не жена постельника, а только дочь старой колдуньи Цыганки Сафты; сегодня долженъ былъ совершиться надъ ними судъ, надъ дочерью за присвоеніе чужаго имени, надъ матерью за то, что до-сихъ-поръ не объявила о подлогѣ; но, видно, судъ Божій предупредилъ судъ человѣческой.

Этотъ человѣкъ равнодушно говорилъ о судѣ Божіемъ, какъ-будто этотъ судъ не ожидалъ его.

— Но въ ней еще есть жизнь..... слышите ли стоны? И дѣйствительно, болѣзненный, глухой стонъ вырвался изъ груди несчастной; терзаемая жаждой, она просила пить.

— Тѣмъ хуже для нея! Кто же осквернитъ себя прикосновѣніемъ къ Цыганкѣ..... И вся толпа поѣхала дальше.

Между-тѣмъ возставшій народъ освободилъ игумена. Истребивъ сопровождавшій его отрядъ, онъ не остановился на первомъ своемъ торжествѣ; успѣхъ только подстрекалъ его на новыя дѣйствія и ненависть къ Грекамъ Фанариотамъ пуше чѣмъ къ самимъ Туркамъ разжигалась болѣе и болѣе отъ пролитой уже крови. Ругательства и угрозы доходили до павильона, къ которому подѣзжалъ государь, какъ-вдругъ одинъ общій крикъ, покрывшій собою смѣшанный шумъ толпы и звукъ оружія, крикъ громкій и ясный, подобный трубному звуку въ день страшнаго суда, потрясъ всю площадь.

— Капуджи-баши!

И площадь опустѣла въ мгновеніе ока: кто уѣхалъ, кто убѣжалъ; всякой старался скрыться какъ-можно далѣе и непримѣтнѣе. Такъ орелъ, ринувшійся изъ поднебесья въ стадо голубей разметываетъ его по частямъ и разбиваетъ въ прахъ. Вскорѣ опустѣлъ весь городъ; словно вымеръ; дома и лавки заперлись. Кое-гдѣ мелькнетъ чалма бешлія и за нею гдѣ-то раздастся стонъ или вопль и опять все стихнетъ.

Капуджи-баши—голова привратниковъ султана, уполномоченный посланецъ Оттоманской Порты. Появленіе его въ Букарестѣ или Яссахъ было страшнѣе появленія чумы, потому что онъ имѣлъ полное право разить и пользовался этимъ правомъ безгранично, а въ случаѣ малѣйшаго сопротивленія призывалъ къ себѣ гарнизонъ изъ Силистріи, Браилова и другихъ сосѣднихъ крѣпостей, или просилъ помощи отъ сераскира бабадахскаго: но до этого почти никогда и не доходило; одно его имя стояло отрядъ лычаровъ. Это имя, страшное для народа, было еще страшнѣе для государя, потому что капуджи-баши посылались, какъ справедливо выразился одинъ изъ верховныхъ визирей, когда жертва достаточно утучилась и была готова къ закланію, то есть, когда государь успѣлъ порядочно обогатиться и казна его соблазняла Порту: это случалось черезъ годъ, а иногда и ранѣе, по опредѣленіи его на мѣсто. Тутъ была двойная польза: состояніе убитаго или

низвергнутаго господаря поступало въ казну Султана или, скорѣе, визиря, и слѣдовала плата отъ вновь опредѣленнаго на это мѣсто.

Ужась, наведенный прибытіемъ капуджи-баши былъ такъ великъ, что самые преступники, выставленные у позорныхъ столбовъ для казни, затаили въ груди своей вопли, какъ-будто они могли ожидать для себя еще чего-нибудь ужаснѣйшаго, и площадь, гдѣ еще недавно раздавались пѣсни, крики веселія и вопли отчаянія, стихла, какъ кладбище.

Между-тѣмъ какъ происходила кровавая сцена, которую мы сейчасъ описали, недалеко отъ нея, привязанная у чернаго столба рвалась и мучилась женщина, свидѣтельница этой сцены, тщетно снлясь вырваться изъ опутывавшихъ ее веревокъ и подоспѣть на помощь Евфросиньи; эта женщина готова была оставить куски своего тѣла въ узлахъ веревокъ, лишь бы исторгнуться изъ нихъ, и наконецъ въ совершенномъ изнеможеніи окровавленное тѣло ее повисло у столба.

«Марицка, произнесла она едва внятно, палачъ и служиторы убѣжали, скрылись, грызи веревки: успѣешь хоть ослабить ихъ, а я докончу остальное» и жемчужный рялъ зубовъ впился въ веревки. Прошло нѣсколько минутъ, мать и дочь не обращали вниманія ни на что происходившее вокругъ нихъ; онѣ не видѣли проѣхавшаго мимо господаря съ его свитою, не слышали словъ ихъ, не примѣтили внезапнаго опустѣнія площади; первая не сводила своихъ сверкающихъ, налившихся отъ усилія кровью глазъ съ Евфросиньи, которой опрокинутое вверхъ лицо, сіяло предсмертною красотою на солнцѣ, ярко осыпавшемъ его своими полдневными лучами; Марицка была слишкомъ занята своимъ дѣломъ и острые зубки ея скрипѣли и крошились отъ тяжелой работы, но работа была не даромъ; старуха Цыганка собрала послѣднія силы, рванулась еще разъ и до половины перегрызенныя веревки подались, расторглись. Цыганка кинулась къ Евфросиньѣ.

Соживившись надъ распростертымъ неподвижно тѣломъ ея, затанувъ дыханіе, устремила она свои черные глаза прямо въ лицо несчастной, лицо прозрачное, блѣдное, какъ-

будто стараясь проникнуть подъ закрытыя вѣки и вновь зажечь потухшій взоръ или по-крайней-мѣрѣ угадать есть ли еще жизнь въ этомъ тѣлѣ! Одною рукою, шаршавою, мозолистой, зажимала она кровь, струившуюся изъ раны Евфросиньи, другою прикрывала ее лицо отъ жгучихъ лучей солнца, и страшно было видѣть эту тощую, покрытую шрамами, рубцами, коростой, старуху о-бокъ съ роскошнымъ, прекраснымъ, полуобнаженнымъ тѣломъ Евфросиньи; но въ первой волновалась и кипѣла жизнь, вторая была бездыханна. Однако, отъ магическаго ли влѣнія искрометныхъ взоровъ Цыганки, или отъ боли, причиняемой нажатіемъ раны, только все тѣло Евфросиньи подернуло судорогой, легкой, едва замѣтной, которую Сафта скорѣе угадала по инстинкту, чѣмъ увидѣла.

— Она жива! она жива! воскликнула старуха. Слышишь ли, Марицика? Она жива!

И лицо Цыганки преобразилось радостью. Она почерпнула силы извнѣ и, схвативъ на плечи тѣло Евфросиньи, повлекла его за собою. Марицика поддерживала ее на пути, взнемогая отъ тяжести и голоду.

Домъ, занимаемый капуджи-башьями во время посѣщенія Букареста, стоялъ напротивъ того мѣста, гдѣ возмѣщается нынче боярскій домъ Балачана, по другую сторону отъ Подобелико, гдѣ, какъ мы уже замѣтили, находились турецкіе бешлин; тутъ же, недалеко, жилъ и диванъ-эфенди, который впрочемъ не имѣлъ своего дому и занималъ боярскій. Домъ капуджи-баши, обнесенный высокимъ заборомъ, имѣлъ видъ небольшой крѣпостцы. Въ немъ съ утра до вечера толпились бояре и интриги плелись и развивались со всѣми фанариотскими ухищреніями. Капуджи-баши сначала видимо принялъ сторону бояръ; но люди проицательные видѣли, что въ головѣ бояръ не было никого, кто бы могъ руководить эту разнородную массу своимъ именемъ, или силою ума и богатства. Братья Вукареши, на которыхъ сосредоточивались всѣ надежды Валахіи, были задержаны, по настоянію господара, пашею силистрійскимъ. Постельникъ Анастасій, который къ большому отчаянію господара не только умѣлъ выпол-

нить возложенное на него трудное порученіе, но даже на-
шегъ въ немъ новое средство сойтись съ капуджи-башой,
Анастасій не слишкомъ полагался на опору бояръ, дѣй-
ствовалъ отдѣльно отъ нихъ, только для собственныхъ
выгодъ; въ сущности онъ вовсе не заботился кто будетъ
господаремъ и рассчитывалъ только на то, чтобы при по-
мощи капиджи возвыситься или по-крайней-мѣрѣ удер-
жаться самому. Между-тѣмъ посланецъ Порты еще не
предпринималъ ничего рѣшительнаго; онъ казалось высма-
тривалъ обѣ стороны или съ безпечною Турка преда-
вался всей роскоши лѣни, которую представляла ему власть
безусловная и жизнь безотчетная. Только порою являлся
къ кому-нибудь посланецъ смерти отъ имени капуджи-
баши, да въ чьемъ-нибудь семействѣ пропадала жена или
дочь; но это было мелочное препровожденіе времени; рѣ-
шительные удары онъ еще сохранялъ, какъ опытный
актеръ сохраняетъ ихъ для конца пьесы. Такъ же двусмы-
сленно было поведеніе его въ-отношеніи къ диванъ-эфенди
и башъ-бешлюю.

Въ противоположность шумному двору капиджи-баши,
курте-векій стоялъ пустой и безмолвный; даже арнауты,
предвидя гибель господаря всегда связанную съ пріѣздомъ
капуджи-баши, разбрелись и только шесть семь изъ нихъ
рѣшились умереть, защищая добровольно избраннаго ими
господина; замѣчательно, что всякой разъ при смѣнѣ или
казни господаря, нѣсколько арнаутовъ, болъшею частію
изъ Сербовъ, запечатлѣвали смертью вѣрность своему долгу
въ этой странѣ, гдѣ не вѣровали ни въ какія добродѣтели.

Господарь въ ужасѣ ждалъ послѣдняго часу своего, не
зная впрочемъ откуда и какъ спадетъ на него смертный
ударъ, въ видѣ ли яда, примѣшаннаго въ пищу или питье,
въ видѣ ли струны, которая вопьется въ его бороду, ме-
жду-тѣмъ какъ турецкій ятаганъ отдѣлитъ его голову,
или, наконецъ, въ видѣ почетнаго сурка; а потому онъ
не принималъ никого, кромѣ двухъ трехъ изъ своихъ
преданныхъ слугъ и на всѣ требованія капуджи-баши
отвѣчалъ, что онъ не можетъ явиться къ нему, потому
что отчаянно боленъ, лежитъ и молится за него, капуджи-
баши, которому да ниспошлетъ Аллахъ всякой благодати,

а между-тѣмъ онъ прилагалъ частичку и своей, состоящей въ чистомъ золотѣ. Когда прошли часы перваго личнаго страха, государь думалъ бѣжать, но вынуждавшіеся порою у оконъ чалмы убѣждали его, что это очень трудно и опыты доказывалъ, что изъ длиннаго ряду низверженныхъ государей, едва-ли двое успѣли спастись бѣгствомъ, остальные были или зарѣзаны или задушены. Чиханесь рѣшился дѣйствовать. Онъ мысленно пересчиталъ всѣхъ окружающихъ себя, и не могъ остановиться ни на комъ, которому бы могъ поручить судьбу свою; подобные люди имѣютъ сообщниковъ, но никогда не имѣютъ людей преданныхъ себѣ. Чиханесь однако вспомнилъ о башь-бешліѣ, который оставался всегда доволенъ имъ, и который не видѣлъ никакой пользы въ смѣнѣ государя, весьма снисходительнаго ко всѣмъ его своевольствамъ. Онъ послалъ ему почти всѣ свои деньги, обѣщая на будущее время все для бешліевъ, и умоляя дѣйствовать съюзу этихъ денегъ у капуджи-баши.

Послѣдствія такихъ мѣръ превзошли самыя ожиданія государя, который получилъ приказаніе капуджи-баши нарядить своихъ депутатовъ для отсылки двухъ братьевъ Вукареши, находившихся въ ту пору въ Силистріѣ, къ одну изъ турецкихъ крѣпостей внутрь имперіи, потому что эти Вукареши признаны виновными, не только въ ухищреніяхъ противъ своего отечества, но даже въ преступныхъ предпріятіяхъ противъ Высокой Порты. Государь воскресъ. Ясно было, что его сторона торжествовала. Но вслѣдъ за тѣмъ однако онъ приглашался въ Диванъ, въ присутствіе капуджи-баши и бояръ. Чиханесь нѣсколько времени колебался. Какъ согласить эти противорѣчащія дѣйствія! Но приглашеніе послѣдца Порты было такъ милостиво, дѣйствія его противъ бояръ такъ убѣдительно, наконецъ свѣдѣнія доставленныя башь-бешліемъ такъ успокоительны, что онъ рѣшился предстать въ Диванъ, гдѣ всего вѣроятнѣе рѣчь должна была идти о какомъ-нибудь новомъ покушеніи со стороны Порты на свободу края, если только онъ еще поддѣвался какою-нибудь свободою.

Трудно себѣ вообразить, какимъ униженіямъ государь,

лица, вѣнчанныя на свое княженіе, подвергался отъ посланцевъ Порты; мы постараемся сколько возможно сократить эти возмущающія душу сцены. Константинъ Чиханесь дожидаль капуджи-баши на тронѣ, но когда тотъ поднялъ съ благоговѣніемъ фирманъ, господарь поспѣшилъ сойти со ступеней трона, потому что въ этомъ случаѣ обыкновенно низводитъ его рука диванъ-беги. Чиханесь съ благоговѣніемъ приложилъ ко лбу фирманъ и трепещущимъ голосомъ произнесъ: «Да будетъ по волѣ моего всемилостивѣйшаго властителя: я—рабъ его, я пылъ гулей его!» Прочтали фирманъ; но фирманъ заключалъ въ себѣ только одно уполномочіе посланнаго Порты. Потому капуджи-баши, обращаясь къ господарю, произнесъ торжественно: «Противъ тебя есть обвиненіе..... такое странное обвиненіе, что умъ рабовъ Высокаго Порога отказывается вѣрить.... Ободрись, прибавилъ онъ, видя его смущеніе: мыло очищаетъ самую замаранную чалму; обличительная истина очищаетъ душу, какъ бы очернена пи была клеветою, если только есть клевета».

Такое предисловіе, конечно, не слишкомъ было утѣшительно для обвинителя, однако онъ слишкомъ былъ увѣренъ въ силу своихъ доводовъ и въ обличеніи преступленія.

Тутъ драгоманъ прочелъ изложеніе обвиненія: это былъ учительный доносъ объ отравленіи посланника Венеціи, графа Барбаригго, въ Константинополь, съ изложеніемъ малѣйшихъ подробностей дѣла, о сношеніяхъ Чиханеса съ низверженнымъ визиремъ, которыхъ достаточно было однимъ для обвиненія перваго, о подлогѣ политическаго трактата и о послѣдующихъ интригахъ.

Господарь, въ началѣ чтенія пораженный неожиданностью такого обвиненія, мало-по-мало успѣлъ собраться съ мыслями и, когда чтеніе кончилось, произнесъ хладно-громко:

— Обвиненіе, дѣйствительно, ужасное, но гдѣ жъ обвинитель, гдѣ свидѣтели этого неслыханнаго событія? можетъ ли путникъ убѣдить налетѣвшій на вѣсть откуда вихорь пролетѣть мимо его, потому что онъ, путникъ, не причастенъ ни какому грѣху; могу ли отстранить и я этотъ ударъ не зная откуда направленъ онъ!

— Гдѣ же обвинитель? спросилъ капуджи-баши, обращаясь къ диванъ-бегу.

— Здѣсь! отвѣчалъ кто-то въ толпѣ, окружавшей капуджи, и вслѣдъ за тѣмъ молодой человекъ, уже хорошо извѣстный читателямъ, предсталъ лицомъ къ лицу передъ господаря.

— Твой обвинитель—я, графъ Лоренцо Барбариго!

Если бы громъ небесный разразился у ногъ Чиханеса, онъ не поразилъ бы его такимъ ужасомъ, какъ эти не многія слова. По какому-то неодолимому, странному чувству, онъ не могъ оторвать взоровъ своихъ отъ этого человека, представшаго ему какъ геній-мститель послѣ десятилѣтней разлуки, когда онъ думалъ, что и самый слѣдъ его преступленія уже занесенъ вѣтромъ забвенія... И страшно пробудилось прошедшее въ душѣ преступника; онъ вспомнилъ, какъ нѣкогда пресмыкался передъ Лоренцо, когда еще тотъ былъ ребенкомъ; какъ боялся его гордаго, повелительнаго взгляда, какъ мучился потомъ когда старикъ Барбариго, въ глазахъ его цѣловалъ и нѣжилъ ту, за любовь которой онъ отдалъ бы прежде жизнь свою; онъ вспомнилъ, можетъ-быть, послѣднія мученія отравленнаго старика и страхъ, и злость, и месть безсильная кипѣла въ душѣ его.

— Да, взглядишь въ меня пристальнѣй, это — я, графъ Барбариго, достигшій сюда черезъ непреодолимыя преграды, чтобы скинуть съ тебя личину, которой прикрывался ты передъ свѣтомъ и своею совѣстью, чтобы назвать тебя во всеуслышаніе твоимъ настоящимъ именемъ, тебя, ничтожный плѣнникъ, рабъ графа Барбариго, который облагодѣтельствовалъ тебя и возвелъ въ степень секартаря, тебя, который безстыдно втерся въ чужую фамилію, подобно хищной птицѣ, пріютившейся въ чужомъ гнѣздѣ, тебя, убійцу своего благодѣтеля.

— Графъ Лоренцо Барбариго!... какъ вы называете себя... произнесъ онъ насмѣшливо, вскорѣ оправившись отъ смущенія: мое происхожденіе и родство съ фамиліей Раковицы-Чиханесъ признано всею фамиліей, утверждено правительственными лицами.— Ваше происхожденіе....

— Свидѣтельство республики и Порты, которыя я представилъ....

— Свидѣтельства, выданныя графу Лоренцу Барбариго... но вамъ ли?...

Барбариго съ презрѣніемъ поглядѣлъ на него. Достопочтенный диванъ-эфенди зналъ въ Венеціи моего отца и меня, — довольно ли вамъ этого свидѣтельства, если вы сами могли забыть тѣхъ, въ домѣ которыхъ выросли, вскормлены съ ихъ прочими слугами.

— О, конечно. Тѣмъ не менѣе однако, я, поступившій съ острововъ къ графу Барбариго, котораго память не перестану чтить, не имѣлъ чести васъ знать.

— Меня ты не знаешь?...

— Графъ Барбариго, вспомните, что вы въ присутствіи представителя Высокой Порты и господара Валахіи.

— Первое хорошо знаю, втораго не могу признать по причинамъ, мною изъясненнымъ. Прошу высокопочтеннаго капуджи-башу приступить къ изслѣдованію истины.

— Предлагаю вамъ отвѣчать на обвиненія, произнесъ наконецъ капуджи-баша, начинавшій скучать возникающимъ споромъ и обращаясь къ господарю.

— Но что можно отвѣчать на обвиненія совершенно несправедливыя, ни на чемъ не основанныя, кромѣ-того, что они въ высшей степени несправедливы; гдѣ доказательства, гдѣ факты, гдѣ свидѣтели всей этой нелѣпой исторіи, которая введена на меня такъ же точно, какъ могла бы быть возведена на каждаго изъ присутствующихъ?

— Да, гдѣ доказательства? гдѣ свидѣтели? — повторилъ капуджи-баша.

Лоренцо назвалъ трехъ свидѣтелей, — Джузеппе, — не зная объ участи, которая его постигла, — жену постельника, Евросинью — онъ не зналъ также о томъ, что ее формально уже развели съ мужемъ, — и Цыганку, приготовившую ядъ. Лоренцо равно общалъ представить обвинительные документы. Несмотря, что свидѣтельство Джузеппе и Цыганки было не совсѣмъ въ законной формѣ, а вызовъ Евросиньи поразилъ удивленіемъ всѣхъ присутствующихъ, господарь охотно принималъ ихъ въ свидѣтели. Турецкое правосудіе и подавно не противилось этому.

Ага и башъ-бешлій, со своими служителями, отправились искать свидѣтелей. Капуджи-паша приказалъ ихъ при-

вести; гдѣ они и въ какомъ-бы положеніи ни были, живыхъ или мертвыхъ. Лоренцо указалъ мѣсто жилища Цыганки и Джузеппе; между-тѣмъ господарь успѣлъ шепнуть слова два агѣ, которыхъ едва-ли кто и подмѣтилъ, не только подслушалъ. Былъ часъ молитвы и омовенія для Турковъ и они удалились въ другую комнату; а мы отправимся въ лачугу Цыганки Сафты и предупредимъ нѣсколько приходъ туда аги и бешлиевъ.

На сырѣмъ полу, едва прикрытомъ всякимъ тряпьемъ, которое сняла съ себя Цыганка, лежала распростертая Евфросинья: она мучилась невыразимо; мучилась отъ боли, которую причиняли ей раны, мучилась еще болѣе при видѣ всего окружающаго ее. Если собственное чувство ничего не подсказывало Евфросиньѣ, то по разнымъ намѣткамъ, по той докучливой привязанности, которую всегда показывала ей Сафта, она имѣла темное понятіе о своемъ происхожденіи, о какой-то связи, существующей между нею и Цыганкою, хотя всячески отгоняла отъ себя эту мысль и самый видъ Цыганки наводилъ на нея ужасъ. Теперь же эта нѣжность, эта заботливость, это самоотверженіе, съ которыми служила ей Цыганка, эти задушевные имена, которыми ласкала ее, убѣждали ее еще болѣе въ своей догадкѣ. Она начинала понимать отъ чего господарь такъ хлопоталъ о ея разводѣ, сообразила то общее презрѣніе, которое оказывали ей въ день Моши и дальнѣйшее поведеніе господаря, и ужасъ сжалъ душу ее, и месть, месть безсильная противъ человѣка, дѣйствовавшаго съ такими адскими ухищреніями, кипѣла въ груди разбитой, немощной; наконецъ неизвѣстность объ участи Лоренца терзала ее невыносимо.

— Бѣги! произнесла прерывистымъ отъ страданія голосомъ Евфросинья: скажи Ольгѣ Кантемиръ, что я умираю!... что я покинута всѣми!... что я молю ее, ради Христа, пріѣхать ко мнѣ. Она сострадательна, она сжалится надо мною.

Марицка стрѣлой пустилась на Подомогушой, къ дому Вукарещи, а старуха не отходила отъ больной, забыла о пищѣ, о снѣ, о томъ что существуетъ она, потому что она въ эту пору жила не своею жизнью, а жизнью дочери и

страдала пуще ея, страдала вдвойнѣ, за себя и за нее.

Евфросинья не ошиблась. Ольга прѣѣхала со своею няней и съ Марциной. Большая схватила ее руку и прижала къ своимъ губамъ, пьмающимъ какъ въ горячкѣ. Она не спрашивала Ольгу объ Лоренцѣ, не напоминала ей о любви къ нему, она равно страшилась возбудить ея страсть, какъ и негодование; Евфросинья отдала ей бумаги и сказала, что отъ этого зависитъ счастье, жизнь человѣка, закликала ее отдать бумаги по принадлежности, — а принадлежали онѣ графу Лоренцу Барбариго. Въ это время у дверей послышался шумъ и обѣ женщины съ ужасомъ увидѣли въ окно толпу бешлѣевъ.

— Бѣги скорѣе! вскричала Евфросинья, сунувъ въ руку Ольгѣ бумага и эта, не понимая какое порученіе беретъ на себя и страшась за свою собственную безопасность въ такую минуту, выбѣжала изъ лачуги.

Бешлѣи хотѣли преградить дорогу, но ага удержалъ ихъ и самъ помогъ Ольгѣ сѣсть въ экипажъ, полагая, что эта женщина прѣѣзжала къ Цыганкѣ Сафтѣ — ворожеѣ, къ которой очень часто ѣздили *куконы*, чтобы узнать о судьбѣ своей.

Съ агою былъ докторъ: это показывало ясно, что онъ знаетъ куда идетъ и кого найдетъ въ лачугѣ. Докторъ осмотрѣлъ рану Евфросиньи, приложилъ очень осторожно какую-то примочку, и сказалъ сладенькимъ голосомъ..... «Ваша рана не опасна; вамъ надобно думать о жизни, а не о смерти». Онъ обмѣнялся значительнымъ взглядомъ съ агою и вышелъ, оставивъ его съ глазу-на-глазъ съ Евфросиньей и Сафтой.

— Отъ васъ зависитъ, сказалъ ага, обращаясь къ больной, чтобы эта жизнь сдѣлалась еще прекраснѣе чѣмъ была до-сихъ-поръ, до несчастнаго происшествія, равно поразишаго всѣхъ насъ, или осталась на вѣки погребенной въ этой лачугѣ.

И онъ сталъ ей говорить на-ухо такъ тихо, что, казалось, боялся, чтобы не услышали стѣны, окружавшія ихъ. Только по временамъ отрывистые, болѣзненные стоны и судорожное движеніе лица Евфросиньи показывало какимъ ужасомъ поразили ее слова аги.

Вскорѣ всѣ требовавшіяся лица, «живыя или мертвыя», какъ выразился капуджи-баши, были собраны въ особенной комнатѣ, находившейся возлѣ залы дивана. Молитва Турковъ окончилась и допросъ начался. Ожиданіе, страхъ, надежда, волновали присутствующиѣхъ и особенно дѣйствителей этой страшной драмы.

Капуджи потребовалъ Джузеппе перваго къ допросу, и на носилкахъ внесли трупъ Джузеппе. Эта картина поразила всѣхъ ужасомъ. Лоренцо кинулся къ безжизненному тѣлу своего вѣрнаго слуги; нѣсколько глубокихъ ранъ покрывали трупъ, еще не остывшій и полу-раскрытые глаза смотрѣли какъ-бы укоризненно, грозно, на все окружающее. Скорбь Лоренца была глубока и поразила самыхъ Турковъ, особенно добраго диванъ-беги, принимавшаго живое участіе въ судьбѣ молодаго патриція, котораго онъ любилъ лично и по связямъ своимъ съ домою Барбариго, гдѣ онъ былъ принятъ и обласканъ въ бытность свою въ Венеціи. Но Лоренцо вскорѣ успѣлъ подавить свою горестъ и обратился къ господарю; онъ указывалъ на трупъ своего слуги не въ силахъ будучи произнести слова.

— Прискорбно, сказалъ господарь, какъ-бы отвѣчая на энергическій жестъ его: прискорбно, что эти проществія такъ часто повторяются, о чемъ я уже имѣлъ честь объяснять диванъ-эфенди и доносить въ Константинополь; но я не въ силахъ прекратить ихъ особенно если *естъ* и *ездѣ* представляютъ однѣ преграды моей ревности.

— Ну, сказалъ капуджи-баши, это другой вопросъ, который мы, конечно, современемъ рассмотримъ, а теперь, станемъ продолжать начатое. — Съ этимъ намъ теперь дѣлать нечего, продолжалъ онъ указывая на трупъ: не задерживайте его здѣсь; онъ, долженъ явиться къ допросу Аллаха многомилостиваго. Гдѣ другіе свидѣтели?

На постели, довольно роскошной, свидѣтельствовавшей о своемъ быстромъ преобразованіи, внесли Евфросинью; за нею вели Цыганку, Сафту; Марицика, какъ вѣрная своему господину собаченка, не отставала ни на шагъ отъ матери, шныряя и прокрадываясь въ толпѣ.

Капуджи-баши, какъ истинный правовѣрный, съ презрѣнiемъ отвернулся отъ блѣднаго, но всё-еще прекраснаго лица Евфросиньи. Но диванъ-беги глядѣлъ съ грустью и любовью на эти предсмертные останки женщины, которой бы онъ удѣлилъ часть собственной жизни. Драгоманъ изложилъ опять все дѣло и предложилъ Евфросиньѣ вопросъ: что знаетъ она и что можетъ сказать объ отравленiи графа Барбариго? Евфросинья нѣсколько времени молчала; казалось, она колебалась и силилась подавить внутреннюю борьбу; блуждавшiй взоръ ея невольно встрѣтилъ одобрителный взоръ господаря и она нѣсколько приподнявшись отвѣчала довольно внятно:

— Ничего!

Въ это время она примѣтила графа Лоренцо Барбариго. Глубокiй, отчаянный вопль вырвался изъ груди ея... и съ этимъ воплемъ исторглась жизнь несчастной. Холодный трупъ ея свинцомъ упалъ на постель.

— Нашъ докторъ, ловокъ! сказалъ ага, тихо проходя мимо господаря, на губахъ котораго мелькнула сатанинская улыбка. Но и мои убѣжденiя, какъ видите, имѣли успѣхъ!

— Я это зналъ напередъ. Суетная, она и на краю гроба не могла устоять противъ соблазна жизни.

Во все это время Сафта стояла какъ полумертвая; оттиснутая служителями отъ постели своей дочери, она еще не знала о смерти ея, но все заставляло Цыганку ожидать чего-то необыкновеннаго: она даже боялась, что Евфросинью винятъ въ отравленiи Барбариго; ктому жъ несчастная уже два дня ничего не ѣла и сильно страдала. Ей предложили тотъ же самый вопросъ, что и Евфросиньѣ, и Сафта отвѣчала рѣшительно:

— Знаю.

— Въ такомъ случаѣ говори, кто отравитель графа Барбариго?

Несмотря на предшествовавшую страшную катастрофу, общая тишина возобновилась и вниманiе всѣхъ было обращено на Цыганку; холодная дрожь пробѣжала по жилкамъ Чуханеса и потъ крупными каплями выступилъ на лбу его. Это была для него минута страшной пытки.

— Кто же этотъ отравитель графа Барбариго? повторишь драгоманъ.

Глаза Цыганки сверкали; лицо поводило судорогой; кулаки сжимались; вся физиономія приняла какое-то напряженное состояніе.

— Я! отвѣчала она рѣшительно.

— Ты?

— Я, повторила она.

— Я это предвидѣлъ, сказалъ капуджи-баша.

— Опытный пловецъ узнаеть по виду тучи, какого роду непогодой она разразится. Мудрость высокопочтеннаго капуджи-баша не погрѣшительна, сказалъ господарь, смиренно сложивъ на груди руки, какъ-бы желая вынуть изъ нея свое сердце и представить его, открытое и благородное, передъ лицомъ представителя Порты; камень отлегло у него отъ сердца. Послѣ такого торжественнаго оправданія, капуджи-баша приказалъ опять взвести господаря на «скауны», княжескій тронъ, и объявилъ его совершенно оправданнымъ, а съ Цыганкою Сафтой, виновной въ отравленіи графа Барбариго повелѣлъ поступить «какъ слѣдуетъ». — Власть Аллаха нынче и во вѣки, заключилъ онъ, правовѣрные да возблагодарятъ за правосудіе Его.

Диванъ-эфенди, взявшій подъ свое покровительство Лоренцо, которому господарь грозился новымъ процессомъ за оскорбленіе его особы, отправился вмѣстѣ съ нимъ прямо къ себѣ. Несчастный Барбариго находился въ какомъ-то отуманеніи мысли и чувства, и самъ не понималъ, что съ нимъ дѣлають. На порогѣ дома, встрѣтила ихъ старушка, спросила кто изъ нихъ венеціанскій графъ Лоренцо Барбариго и вручила ему свертокъ бумагъ. Лоренцо машинально раскрылъ ихъ, но вскорѣ взоры его, безотчетно бродившіе по бумагѣ, впались въ нее и, казалось, поглощали каждую букву, которая представлялась сокровищицей для Лоренцо.

— Боже правды! воскликнулъ онъ наконецъ, сжимая руку своего друга, диванъ-эфенди: это — подлинный трактатъ, заключенный графомъ Барбариго!... это — условіе между Чиханесомъ и секретаремъ визиря въ платѣ за

кровь Барбариго!... Скорѣе въ Диванъ, и да ниспадетъ громомъ правосудіе на виновниковъ столькихъ преступленій!

— И ты еще готовъ вѣрить правосудію капуджи-баши, готовъ вручить въ руки своихъ враговъ документы, столь драгоценные для тебя, для славы твоей фамиліи, для твоего отечества? Схорони эти акты у своего сердца и увѣжай какъ-можно скорѣе: Фанаріотъ—тотъ же раздраженный тигръ; онъ не спитъ, хотя и смежаетъ глаза, чтобы обмануть свою жертву. Что же касается до него самого, до господаря, то предоставь его судьбу правосудію Аллаха; онъ уже наложилъ на него руку, пославъ ему въ руководители Анастасія, который уже наименованъ баномъ и башъ-бояромъ княжества и не замедлитъ разразить надъ нимъ свой гнѣвъ.

Пророчество диванъ-эфенди сбылось: еще не успѣлъ Лоренцо выѣхать изъ Константинополя, какъ узнали о томъ, что Чиханесъ низверженъ съ княженія и привезенъ въ Семибашенный Замокъ, откуда исходъ почти невозможенъ.

Подлинный трактатъ, заключенный Портой съ графомъ Барбариго, находится въ третьей книгѣ актовъ республики, касающихся до Турецкой Имперіи; за нимъ слѣдуетъ переписка о признаніи этого трактата Портою, переписка, по-видимому состоявшаяся безъ дальнѣйшихъ послѣдствій. На полѣ самаго трактата находится замѣчательная переписка: «Имя графа Барбариго, бывшаго посланникомъ при Оттоманской Портѣ, внести опять въ книгу патриціевъ, на прежнее мѣсто и возстановить во всей его славу.»

Скажемъ нѣсколько словъ объ окончательной судьбѣ героевъ нашего разсказа, за которыми мы такъ долго и съ такою историческою точностью слѣдили.

Графъ Лоренцо Барбариго, лишившійся, какъ мы видѣли, почти всего своего состоянія, вступилъ въ службу республики и имя его въ эту жалкую эпоху Венеціи, мелькнуло свѣтлымъ метеоромъ и напомнило ей о герояхъ ея бывшей славы.

— Что случилось съ Ольгой Кантемиръ?

На пути въ Быстрицу изъ монастыря Унтру-Лемнъ, съ которымъ соединена такая трогательная легенда, направо.

къ горамъ, въ прелестномъ мѣстоположеніи, лежатъ развалины монастыря, заглухшія, поросшія кустарникомъ и мелкими погонами буку; возлѣ нихъ возвышается еще удѣлѣвшая, но едва держащаяся церковь. Единственный стражъ этой церкви, іеромонахъ Іосифъ, старикъ лѣтъ 80, отперъ мнѣ дверь. Обыкновенно въ притворахъ церквей въ Валахіи и Молдавіи всѣ стѣны украшены портретами строителей монастыря и ихъ семействъ, до послѣдняго потомка; но тутъ меня поразило то, что только одинъ портретъ красовался на стѣнѣ, одинъ во всемъ притворѣ. Портретъ былъ—женскій во весь ростъ, лучшей греческой живописи. Дѣвушка лѣтъ двадцати, въ монашеской одеждѣ, со сложенными на груди руками, представлена, по-видимому молящеюся. Изъ-подъ густыхъ, опущенныхъ рѣсницъ видѣлись очаровательные голубые глаза. Русые волосы выбивались изъ-подъ чернаго крепу. Художникъ умѣлъ съ примѣчательнымъ искусствомъ разлить во всѣхъ чертахъ лица какое-то смиреніе, небесную надежду, передъ которою благоговѣть человѣкъ, и вмѣстѣ отънѣтъ это прелестное лицо страданіемъ, неизмѣннымъ даромъ юдольной жизни. Долго глядѣлъ я на этомъ портретѣ. Монахъ, живой памятникъ прошедшаго, сохранявшій въ памяти, подобно прочей братіи, всѣ преданія монастырскія, говорилъ, что этотъ монастырь былъ женскій; что некогда былъ онъ богатъ; что впоследствии наследники отобрали всѣ имѣнія и онъ разрушенъ временемъ, упраздненъ митрополіей; что самая церковь грозитъ паденіемъ: а сколько заботъ прилагала ея благочестивая строительница объ украшеніи монастыря и благолѣпнѣе церкви!

— А кто была строительница этого монастыря?

— Какъ, кто? сказалъ монахъ такимъ тономъ, какъ будто всѣ должны знать это, и указывая на портретъ: она! Двадцати лѣтъ постриглась она въ инокини, принявъ имя Параскевы, основала этотъ монастырь и была въ немъ первой настоятельницей.

— Какъ же звали ее до постриженія?

— Ольгою Кантемиръ.

Е. КОВАЛЕВСКІЙ.

==

II.

ИНОСТРАННАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

=

ЛОНДОНСКІЯ ТАЙНЫ.

=

РОМАНЪ СЪРА ФРЕНСИСА ТРОЛЛОПА.

=

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Въ ноябрьскій воскресный вечеръ добрый капитанъ Педди О'Кренъ сидѣлъ за гигантскимъ стаканомъ гроггу въ чистой комнатѣ таверны подѣ вывѣскою «Короны».

Капитанъ Педди былъ Ирландецъ, ростомъ въ шесть футовъ, а толщиною въ шесть дюймовъ; въ синемъ фракѣ съ черными пуговицами, въ лосинныхъ панталонахъ, въ полу-шелковыхъ чулкахъ и въ широкихъ, нечищенныхъ башмакахъ.

Въ другомъ концѣ комнаты сидѣлъ мужчина лѣтъ сорока, съ честной и спокойной физиономіей; но глаза его были неподвижны и безсмысленно устремлены впередъ. Этотъ человекъ иногда приходилъ въ таверну, гдѣ былъ заведенъ подѣ вывѣскою «Слѣпаго Тирреля».

Хозяйка, мистриссъ Бёрнетъ, по временамъ отходила отъ буфета, чтобы поговорить съ капитаномъ Педди, который, по-видимому, былъ обычнымъ посѣтителемъ таверны.

Т. LXVII. — Отд. II.

1

Въ отворенныхъ дверяхъ стояла служанка, которая, вѣрно, была бы очень богата, если бѣ жила въ то время, когда художники дорого платили натурщицамъ. Она была изумительно хороша. На лицѣ ея, профиль котораго напоминалъ идеальный контуръ античнаго рисунка, лежала печать твердаго и спокойнаго величія. Длинные, черные какъ смоль, волосы, вырываясь изъ-подъ тюлеваго чепца, падали густыми локонами на полу-обнаженные плечи. Величественный станъ ея, несмотря на полноту свою, былъ очень строенъ и граціозенъ; въ чертахъ ея преобладалъ еврейскій типъ. Черные, большіе глаза были мутны и безъ блеску, какъ глаза лунатика. Въ мускулатурѣ лица не замѣтно было ни малѣйшаго движенія.

На нея былъ устремленъ неподвижный взоръ слѣпца, который медленно и съ наслажденіемъ шлѣзъ въявь съ сахаромъ.

Въ общей комнатѣ собралось человекъ двадцать, которыхъ грязный костюмъ сходствовалъ съ костюмомъ лодочниковъ; не садясь и громко разговаривая, они пили джинъ.

— Сузанна! сказалъ капитанъ Педди: разведи мнѣ, моя милая, на двѣнадцать пенни джину съ холодной водой, безъ сахару.... да подбавь немножко лимону!

Красавица-служанка, къ которой обращались эти слова, не тронулась съ мѣста.

— Будь я проклятъ, если она меня услышитъ! проворчалъ капитанъ: я долженъ буду позвать мистриссъ Бёрнетъ.... мистриссъ Бёрнетъ!

Хозяйка явилась. Она была низенькаго росту, краснолицая; задняя часть чепца ея высилась фута на два надъ головою.

— Будь я проклятъ, мистриссъ, началъ опять капитанъ: если не звалъ Сузанну.... но чортъ возьми, хоть изъ пушки грянуть у нея подъ-ухомъ, такъ она не тронется.

— Сузи! закричала рѣзкимъ голосомъ хозяйка.

Незамѣтная дрожь пробѣжала по вѣкамъ слѣпцаго. Служанка не трогалась.

— Ну, что я говорилъ? спросилъ капитанъ: я готовъ биться объ закладъ со всѣми чертями, что она не удостоитъ отвѣту даже самого лорда-мера.

Между-тѣмъ мистриссъ Бѳрнетъ бросилась къ Сузаннѣ и грубо дернула ее за руку.

— Что это ты, лѣннивица! закричала она съ сердцемъ.

Красавица отступила на одинъ шагъ.... лицо ея покрылось яркой краской. Королева позавидовала бы невольному движенію, которымъ она отвѣтила на грубое нападеніе хозяйки, которая, уничтоженная, стояла разинувъ ротъ, не будучи въ состояніи произнести ни одного слова.

Въ то же время слѣпой улыбнулся и сталъ потирать руки, какъ-будто бы радостная мысль блеснула въ умъ его.

Но Сузанна вскорѣ опять приняла прежнее положеніе мрачнаго равнодушія. Блескъ прекрасныхъ черныхъ глазъ ея угасъ. Это возвратило хозяйкѣ мужество.

— Вотъ что значитъ накормить, принять въ домъ нищю!... Она отлучить отъ моего заведенія всѣхъ посѣтителей... потому что не слушается ихъ. Вотъ благодарность!...

— Мистриссъ Бѳрнетъ, прервалъ капитанъ: оставьте эту бѣдную дѣвчонку.... чортъ съ нею! Дайте-ка мнѣ лучше.... гроггу....

Хозяйка повиновалась, но обиженная грубымъ заступничествомъ капитана, со злостью подвѣсла кулакъ подыность Сузаннѣ. Красавица презрительно улыбнулась. Слепой однимъ глоткомъ выпилъ оставшееся у него въ стаканѣ вино.

Пробило пять часовъ, Люди, пившіе въ общей комнатѣ, зашевелились, стали перешоптываться и одинъ изъ нихъ, огромный дѣтина съ геркулесовскими формами, просунулъ голову въ створенную дверь чистой комнаты.

Капитанъ поспѣшно всталъ.

— Ладно, Тѳрибуль! ладно! вскричалъ онъ, поспѣшно застегивая узкій фракъ свой. Сузанна!... Не слышитъ.... мистриссъ Бѳрнетъ! Я еще ворочусь нынче вечеромъ! Прикажите, пожалуйста, приготовить гроггъ мой....знаете?

Капитанъ взялъ трость и вышелъ изъ таверны. На улицѣ его ждали лодочники. Они пошли по направленію къ Темзѣ. Матросы шли отдѣльными группами, притворяясь пьяными и распѣвая во все горло. Педди слѣдовалъ за ними шагахъ въ двадцати. Подошедъ къ берегу, они остановились. Капитанъ бросилъ вокругъ себя пронизательный

взглядъ и не замѣтивъ ничего подозрительнаго, подалъ знакъ; матросы безъ шума стали спускаться къ водѣ, по старой, полу-развалившейся каменной лѣстницѣ.

— Чья очередь сегодня? спросилъ Педди.

Два человекъ отдѣлились отъ толпы.

— Соня и Патрикъ? продолжалъ капитанъ: смотрите же, не зѣвать.... а вы, по лодкамъ!

Соня и Патрикъ остались на набережной, развернули сторожевые плащи, бывшіе у нихъ подъ-мышкой, закутались въ нихъ и молча растянулись на землѣ. Матросы и капитанъ Педди О'Крентъ размѣстились по-ровну въ трехъ лодкахъ, длинныхъ, черныхъ и съ краями, едва-едва возвышавшимися надъ водою.

— За весла! ровнѣе! сказалъ тихимъ голосомъ Педди, командовавшій главной лодкой:—гребни!

Лодки въ тиши отчалили и стали лавировать между множествомъ судовъ, которыми покрыта была Темза.... трудно было грести, часто весла запутывались въ сѣти канатовъ и веревокъ, но никто не говорилъ ни слова, не слышно было ни малѣйшаго шума....

Густой туманъ смѣшанный съ тяжелыми парами отъ каменнаго угля, покрывалъ рѣку какъ огромный савапъ. Только изрѣдка, подобно искрамъ, свѣтились въ туманѣ прибрежные огни.... на судахъ не видно было ни души.

Мы уже сказали, что это былъ воскресный вечеръ. Всѣ дѣла были прерваны. Только изъ-дали, изъ болѣе населенной части города, слышались урывками тяжелыя и печальныя пѣсни пьяной лондонской черни.

Три лодки капитана Педди выбрались наконецъ на середину рѣки и пошли вверхъ противъ теченія.

— Славная погодка, Томмъ голубчикъ, славная погодка, чортъ возми! сказалъ капитанъ, подѣзжая подъ арку новаго лондонскаго моста.

— Славная погодка, капитанъ! отвѣчалъ дюжій Томмъ Тёрбуллъ: только скоро вода перестанетъ прибывать....

— А на убыли подыметъ вѣтерокъ, разгонитъ туманъ надо поторопиться: прибавилъ другой лодочникъ, такой толстякъ, что занималъ всю ширину лодки.

— Поторопимся, толстый Чёрли, сказалъ небольшой

мальчикъ, по имени Свэлъ; его честь давно не видалъ насъ; карманы наши пусты, а жить въ Лондонѣ чертовски дорого, какъ говоритъ Бобъ-Лантернъ.....

— Молчать, воровское отродье; не шуми, сыночекъ мой милый, сказалъ ласково капитанъ. Чѣмъ меньше будешь говорить о его чести, тѣмъ лучше для тебя..... Но что случилось съ этимъ подлымъ висельникомъ, съ добрымъ нашимъ Бобъ-Лантерномъ?

— Женился, отвѣчалъ Чёрли: на бабѣ ростомъ въ шесть футовъ..... Съ-тѣхъ-поръ его и не видно.

— А! вскричалъ Свэлъ, мистеръ Бобъ хитрѣе насъ. Овъ трудится для себя.... по воскресеньямъ онъ ходитъ вечеромъ въ церковь.... Тамъ славно....

— Смирно, чертёнокъ! Тише, мой милый! прервалъ опять капитанъ: на этомъ мосту водятся полицейскіе.... Чёрли, ударись объ стѣну, тетеревъ!.... правымъ ве-
сломъ, правымъ!

Чёрли повиновался. Лодка вышла изъ густаго мраку, царствовавшаго подъ мостомъ.

— О-о! вскричалъ Томмъ: три огонёка! Добыча хороша.... довольно ли будетъ трехъ лодокъ?

Огни, о которыхъ говорилъ Томмъ, ясно видны были сквозь туманъ съ трехъ разныхъ сторонъ, и бросали яркій зеленоватый свѣтъ.

— Намъ надо раздѣлиться, сказалъ капитанъ, и тихимъ голосомъ отдалъ приказанія матросамъ, сидѣвшимъ въ другихъ двухъ лодкахъ, назначивъ каждой, въ которую сторону плыть. Лодка капитана осталась на срединѣ рѣки.

— Сегодня не видно желтаго фонаря, сказалъ Томмъ: это странно; въ теперешнее время иностранцевъ съ материка пріѣзжаетъ множество.

— Тѣмъ лучше, возразилъ Педди: не люблю желтаго фонаря.... мнѣ всё кажется, что я слышу послѣдній крикъ бѣдняка, котораго рѣжутъ.... Да, это слабость.... но когда я вижу желтый фонарь, я пью больше джину, чтобы вридать себѣ смѣлости.... Ты смѣешься, Томмъ, бездушный плутъ....

— Однимъ болѣе, однимъ менѣе, сказалъ Тёрнбуллъ равнодушно: во множествѣ оно и не замѣтно.

— Притомъ же, прибавилъ толстый Чёрли: надо же чѣмъ-нибудь жить. Если бѣ хозяева трохъ нашихъ гостиницъ не занимались иногда ремесломъ рѣзакъ, что бы стало съ добрыми братьями нашими, Бишопомъ и компаніей?

— Меня желтый фонарь радусть! заключилъ маленькій Свиль.

— Въ эти лѣта! проворчалъ Педа; этотъ милый мальчикъ самое ядовитое животное.... Осторожнѣй, Чёрли!

Лодка повернула къ берегу и опять вступила въ лабиринтъ кораблей, пароходовъ, барокъ и другихъ судовъ, стоявшихъ возлѣ берега. Чёрли искусно дѣйствовалъ веслами, Тёрбуль правилъ рулемъ и лодка вскорѣ пристала къ берегу около Темль-Гардена, въ небольшой гавани, образованной выступами высокаго дому, построеннаго частию на сваяхъ, частию на твердой землѣ. У этого дому стоялъ фонарь, пзливавшій зеленоватый свѣтъ.

Педа сталъ ощупью искать чего-то на одномъ изъ столбовъ, поддерживавшихъ сводъ; рука его встрѣтила проволоку, съ кольцомъ на концѣ: онъ позвонилъ.

Нѣсколько минутъ спустя послышался надъ самой лодкой скръшь, какъ-бы отъ заржавленныхъ дверныхъ петель.

— Кто тамъ? осторожно спросилъ чей-то голосъ.

— Товарищи, почтенный и достойный Груфъ, отвѣчалъ капитанъ: будь я проклятъ, если не радъ пожелать вамъ добраго вечера! А какъ поживаетъ супруга ваша?... Педа былъ прерванъ толчкомъ тюка, спускавшагося на веревкѣ со свода.... Экой мошенникъ, Груфъ! проворчалъ онъ съ досадою: чтобъ тебѣ самому провалиться въ люкъ!... и капитанъ поспѣшно уклонился.

Матросы сняли тюкъ и бросили его на дно лодки. Веревка была немедленно втянута кверху.

— Это пахнетъ мускусомъ, сказалъ Томъ: видно, чемоданъ джентльмена.... Чёрли, не заваливай клапана....

— Не бойсь, Томъ, онъ на виду; только мнѣ очень не хотѣлось бы выкупаться сегодня, отвѣчалъ толстякъ.

Пять тюковъ были спущены одинъ за другимъ и уложены на дно лодки.

— Добрай ночи! прошепсѣвъ напонецъ грубый голосъ сверху.

Вертуна метала; лодка была закрыта.

— Греби, Чёрли, толстый лебедь мой! сказалъ капитанъ. Камисъ, вѣтеромъ хочеть разогнать туманъ.... Добрай ночи, Грусы, старай! земниръ, проклятый рѣзакъ. Добрай ночи!.. но вотъ, кажись, одна изъ лодокъ нашихъ... Оѵ!

— Шесть тюковъ, капитанъ.

— Ладно!... гребите, ребята! Вотъ и лодка отвратительнаго злодѣя, Мичеля, нашего добраго товарища... Оѵ!

— Два маленькіе пакета, капитанъ.

— Два маленькіе пакета! повторилъ Педди съ недовольнымъ видомъ и пожалъ плечами.

Три лодки шли теперь по теченію; онѣ неслись быстро, однако жъ вѣтеръ, поднявшійся вмѣстѣ съ отливомъ, разгонялъ туманъ; можно было уже различать лѣса мачтъ и сѣть канатовъ; въ струяхъ рѣки начинало искривляться отраженіе газоваго освѣщенія.

— Дѣло портится, сказалъ Тёрбуллъ. Свѣтъ съ мосту прямо падаетъ на насъ.... увидать....

— Греби, Чёрли, толстая акула! проговорилъ капитанъ. Еще одинъ ударъ веслами и мы скроемся за кораблями, а тамъ Богъ дастъ.... Педди вздохнулъ и прибавилъ: — А вода должна быть холодна сегодня; не хотѣлось бы выкупаться!

Вскорѣ лодки приблизились къ тому мѣсту, отъ котораго отъправились. По знаку капитана всѣ остановились.

— Мяучь, Снэль, котёнокъ, мяучь! сказалъ тихимъ голосомъ Педди.

Въ то же мгновеніе въ одной изъ лодокъ раздаюеть протяжное и весьма натуральное мяуканье. Нѣсколько секундъ спустя съ берегу послышался глухой лай.

— Проклятіе! проворчалъ Педди; намъ преградили дорогу!... Впрочемъ, чортъ знаетъ этого Сони, онъ такъ хорошо лаеетъ, что право, не знаешь, онъ ли или какая-нибудь паршивая собака.... Мяучь еще, Снэль.

Мяуканье повторилось. Лай послышался снова.

— Ну, ужъ теперь это дѣйствительно Сони! проворчалъ.

Тёрнбуль... Плохо, видно таможенная лодка между нами и пристанью.

— Разбойники, эти таможенные! прибавилъ Педди: будто нашъ братъ станетъ контрабандой заниматься!... Чтò дѣлать, ребята! подымайся выше, пристанемъ за мостомъ.... По счастью вѣтеръ падаетъ, туманъ густѣетъ.... Гребни вселѣе!

Три лодки тронулись разомъ, но въ то самое время когда лодка Педди миновала корабль, въ тѣни котораго находилась, появилась съ другой стороны черная масса.

— Стой! закричалъ повелительный голосъ.

— Лавируй, Томмъ!... гребни, Чёрли! шопотомъ проговорилъ капитанъ.

Лодка съ быстротою птицы направилась къ берегу, но тяжелый крюкъ вцѣпился въ борть и остановилъ ходъ ея.

— Живѣе руби веревку! сказалъ капитанъ.

Томмъ съ-размаху ударилъ топоромъ.

— Цѣпь! проворчалъ онъ съ бѣшенствомъ.

— Оѵ! Стой! Ктò на лодкѣ? спросилъ опять повелительный голосъ.

Отвѣту не было.

Цѣпь, къ которой былъ придѣланъ крюкъ, натянулась и съ силой повлекла лодку къ черной массѣ, которая была не чтò иное, какъ таможенный катеръ.

Капитанъ надвинулъ шляпу на глаза и прицѣпилъ трость къ петлѣ фрака.

— Чортъ ихъ возьми! проговорилъ онъ хладнокровно. Не хотѣлось мнѣ сегодня выкупаться.... Чёрли, прочь съ клапана.... спасайся кто можетъ!

Дно лодки открылось какъ по волшебству: люди и тюки исчезли въ водѣ.... таможенный крюкъ привлекъ къ катеру пустую, бездонную лодку....

Другія двѣ лодки, воспользовавшись минутной суматохой, успѣли пристать къ берегу, на который въ то же время вышли капитанъ и его товарищи.

— Холодна вода сегодня, сказалъ Педди, выходя на пристань: больно холодна, чортъ ее побери!....

Онъ не потерялъ ни трости, ни шляпы. Снѣлъ отряхнулся, какъ мокрый пудель, мяукнулъ и спрятался подъ

пiazza Сони, который весело залагалъ. Матросы взвалили на плеча тюки и отправились по мрачнымъ закоулкамъ, стараясь какъ-можно болѣе удалиться отъ таможни. Капитанъ Педди пошелъ домой, надѣлъ другой синій фракъ, другія лосинныя панталоны и преспокойно явился опять въ тавернѣ «Короны».

Когда онъ входилъ въ чистую комнату, мистриссъ Борнетъ опять ссорилась съ Сузанной, которая слушала громкую брань хозяйки съ спокойствіемъ, походившимъ на презрѣніе или апатію. Мистриссъ Борнетъ никогда не славилась терпѣливостью, а теперь совершенно вышла изъ себя и съ-размаху опустила толстую руку свою на блѣдную щеку Сузанны.

— Чортъ возьми! подумалъ Педди: теперь я не скоро дождусь гроггу!

Слѣпой сидѣлъ всё на томъ же мѣстѣ, за вторымъ стаканомъ вина съ сахаромъ. При звукѣ пощечины онъ вскочилъ.... шея его вытянулась; на лицѣ, обыкновенно незначительномъ, выразилось живѣйшее любопытство.

Дѣйствіе пощечины на Сузанну было ужасно. Судорожная дрожь пробѣжала по всѣмъ ея членамъ. Мрачный огонь блеснулъ въ черныхъ глазахъ ея... можно было подумать, судя по движенію всего тѣла, что она, какъ разъяренная тигрица бросится на обидчицу....

— Хе, хе! проворчалъ капитанъ: бьюсь объ закладъ, что это не пройдетъ даромъ хозяйшкѣ.

Мистриссъ Борнетъ подумала, вѣроятно, то же; краска сошла съ лица ея.... она задрожала.... но красавица, подавивъ гнѣвъ, съ видомъ презрѣнія скрестила руки на груди. Слѣпой вздохнулъ, какъ-бы успокоившись.

Сузанна, не говоря ни слова, пошла къ дверямъ и вышла изъ таверны. Тиррель бросилъ монету на столъ и не требуя сдачи, послѣдовалъ ощупью за служанкой, которая твердымъ, мѣрнымъ шагомъ шла по мостовой. Она не торопилась. Тусклый свѣтъ фонарей придавалъ прекраснымъ формамъ ея что-то фантастическое. Тиррель, какъ-бы ведомый таинственнымъ инстинктомъ, слѣдовалъ за нею, но уже не ощупью.

Сузанна направилла шаги къ рѣкѣ. Тиррель скоро догналъ ее.

— Куда ты идешь, красавица? спросилъ онъ забегаво.

— Къ Темзѣ! отвѣчала Сузанна не останавливаясь и не ускоряя шаговъ.

— Къ Темзѣ! повторилъ Тиррель. Неужели вы хотите умереть?

— Да, отвѣчала Сузанна.

— Зачѣмъ?

— Я не имѣю ни надежды въ будущемъ, ни пристанища въ настоящемъ.

— Я вамъ дамъ пристанище и надежду, Сузанна.

Сузанна не останавливалась.

— Многие уже говорили мнѣ это же самое, сказала она: они хотѣли купить меня.... вы, вѣрно, тоже.... Я не продаюсь.

— Сохрани Боже, Сузанна!

— Я люблю одного человѣка, продолжала она: оттого и не хочу продать себя.

Тиррель отступилъ съ изумленіемъ.

— Только оттого? спросилъ онъ.

— Да, отвѣчала красавица небрежно.

Оставалось нѣсколько шаговъ до Темзы. Тиррель схватилъ руку служанки и произнесъ съ какимъ-то страннымъ выраженіемъ любопытства:

— А стыдъ?

— Стыда я не знаю.

— Чему же васъ научила мать? вскричалъ пораженный Тиррель.

— Ничему.... я дочь женщины, которая покинула меня въ колыбели и Жюда, повѣшеннаго въ Тибурнѣ за воровство, произнесла Сузанна спокойнымъ голосомъ.

— Слѣдовательно, вы ничему не учились?

— Отецъ мой былъ нѣкогда богатъ!... отвѣчала она съ живостью: я умѣла наряжаться, пѣть, танцовать.... я знала нѣсколько европейскихъ языковъ....

— Возможно ли? Правду ли ты говоришь, Сузанна? перервалъ ее слѣпой.

— Я хочу умереть, холодно отвѣчала дѣвушка.

Свѣтъ изъ окна, мимо котораго они проходили, освѣтилъ лица дѣвушки и слѣпца; на лицѣ первой выражалось пражнее иррачное равнодушіе; глаза Тирреля блестѣли страшнымъ огнемъ.

— А если тебѣ возврататъ прежнюю жизнь твою, дитя? спросилъ онъ.

— Прежнюю жизнь мою! прошептала красавица: о!...

— Я возвращу ее, говорятъ тебѣ.

Она колебалась, быстро взглянула на своего спутника, и столь же быстро бросилась къ рѣкѣ, проговоривъ:

— Не вы первые!... Нѣтъ.... сердце и тѣло мое, все принадлежатъ ему!

— Мнѣ не нужно ни сердца, ни тѣла твоего, вскричалъ Тиррель: я слѣпой!

Слова эти достигли слуха Сузанны, когда она готовилась уже броситься въ воду.... она остановилось внезапно.

— Ни сердца, ни тѣла моего! повторила она: слѣпой?... Что же вамъ надо?

— Мнѣ нужна твоя воля.

Сузанна опустила прекрасную голову свою на грудь.

— Однажды, проговорила она: умирая отъ голоду и усталости, я упала у порога этой женщины, которая сейчасъ ударила меня.... Взамѣнъ свободы моею, она дала мнѣ хлѣба, только хлѣба!... Я могу еще быть служанкой....

— Вы согласны? спросилъ Тиррель.

— Что мнѣ надо дѣлать?...

Тиррель вынулъ изъ кармана туго набитый кошелекъ и положилъ его въ руку Сузанны.

— Ждать... сказалъ онъ; слушайте: я покупаю васъ не для себя, слабого слѣпца, но для сильнаго, страшнаго общества.... Я хорошо знаю васъ и знаю, какъ вы можете быть полезны.... Ни слова о нашей встрѣчѣ!... вѣрность и безусловное повиновеніе, вотъ обязанности ваши.... Найдите себѣ на эту ночь гдѣ-нибудь пристанище.... Завтра въ полдень, явитесь въ домъ, означенный на этомъ адресѣ (онъ вручилъ ей карточку); двери передъ вами отворятся, вы войдете и малѣйшее приказаніе ваше исполнится,

потому что домъ этотъ будетъ вашъ... Прощайте, Сузана! Мы еще увидимся.

Въ это же воскресенье и въ тотъ же вечеръ, когда происходило рассказанное нами, Стѣфенъ Макъ-Набъ, родомъ Шотландецъ, званіемъ докторъ, около двадцати-четырёхъ лѣтъ отъ-роду, шелъ съ двумя кузинами своими въ темпльскую церковь. Старшую звали Кларой, младшую Анной. Отецъ ихъ былъ судья думфрійскаго графства—его звали Энджусомъ Макъ-Фарлэнномъ.

Клара и Анна были прелестныя дѣвушки—только лицо первой было серіознѣе, взглядъ задумчивѣе; Анна, вѣсть робкая и веселая, сохранила дѣтское выраженіе лица; въ будущемъ ей представлялись только радость и счастье; ни одна печальная мысль не омрачала еще беззаботнаго ея личика; большіе, веселые, черные глаза ея были доселѣ знакомы только съ тѣми слезами, которыя текутъ безъ горечи и высыхаютъ на щекѣ, не оставляя слѣда на душѣ.

Обѣимъ были внушены восторженныя идеи шотландскаго благочестія. Молиться было главнымъ ихъ занятіемъ, и обряды религіи наполняли всю жизнь ихъ. Мать Стѣфена Макъ-Наба, тѣтка ихъ, у которой онѣ жили, была благочестива и проводила все время съ добрыми, но мало занимательными мистриссами и пасторомъ Джономъ Бутлеромъ, который полюбилъ молодыхъ дѣвушекъ отеческою любовью.

Стѣфенъ былъ добрый малый; кончивъ курсъ медицины, онъ занимался практикою въ Лондонѣ въ ожиданіи пока королевская академія приметъ его въ число ученыхъ членовъ своихъ. Онъ воображалъ, что прекрасно знаетъ свѣтъ и людей; порядочно игралъ въ вистъ и одѣвался щеголевато. Онъ очень любилъ своихъ кузинъ: къ Кларѣ онъ питалъ любовь, а къ Аннѣ искреннюю дружбу—но эти два чувства были такъ неопредѣленны въ душѣ его, что онъ не могъ еще дать себѣ яснаго въ нихъ отчета.

Мать Стѣфена была нездорова, а потому не могла проводить племянницъ въ церковь и поручила эту обязан-

ность сыну. Молодыя дѣвушки, войдя въ церковь, преклонили колѣна, помолились, потомъ встали и пошли впередъ, къ тому мѣсту, гдѣ сидѣли женщины. Анна сѣла и привѣтствовала милой улыбкой нѣкоторыхъ изъ подругъ; Клара этого не сдѣлала: она обратила разсѣянный взоръ къ колоннамъ, у которыхъ остановился Стѣфенъ. Вдругъ молодая дѣвушка вздрогнула, опустила голову и поблѣднѣла. Казалось, таинственная сила окувала всѣ ея члены и огненный взоръ не сходилъ съ колонны.

— Страшно! подумалъ Стѣфенъ: на кого это она смотреть, и поспѣшно обойдя колонну, онъ встрѣтился лицомъ къ лицу съ человѣкомъ, который стоялъ прислонившись къ столбу.

Стѣфенъ вздрогнулъ и поблѣднѣлъ; бросилъ быстрый взглядъ на Клару, но она уже отвернулась и сѣла. Глубокая, тягостная боязнь вкралась въ сердце молодого доктора.... любовь, въ которой онъ доселѣ не могъ еще отдать себѣ отчету, вдругъ обнаружилась.... Клара сдѣлалась цѣлью его жизни, необходимою для его счастья. Объ Аннѣ онъ и не вспомнилъ. Лицо его горѣло; сердце сильно билось въ груди, онъ готовъ былъ плакать.... Отчего жъ эта любовь, до-тѣхъ-поръ незамѣтная, едва зародившаяся, вдругъ вспыхнула?

Цѣль, до которой мы легко можемъ достать рукою, не прельщаетъ насъ; чтобы понять всю цѣну сокровища, надо бояться потерять его.... и Стѣфенъ произнесъ съ глубокимъ вздохомъ:

— Она смотрѣла не на меня!

Тщетно старался онъ подавить непріятное чувство, которое имъ овладѣло.... Взоръ его, исполненный ненависти, устремился на человѣка, котораго онъ считалъ своимъ соперникомъ, и какъ-бы вызывалъ его на смертельный бой.

Незнакомецъ ни чего не замѣчалъ. Глаза его были закрыты; улыбка не сходила съ лица. Ему казалось лѣтъ подъ-тридцать; онъ былъ высокъ ростомъ, строенъ и отличался аристократическимъ изяществомъ; одѣтъ по модѣ, но просто и съ отличнымъ вкусомъ. Лицо его представляло замѣчательный типъ мужественной, выразительной красоты;

высокій лобъ, гладкій, безъ морщинъ, но перерѣзанный сверху виной легкимъ слѣдомъ отъ раны, почти незамѣтнымъ когда лицо его имѣло спокойное выраженіе, было обрамлено прекрасными, черными волосами. Глазъ его не было видно, водъ опущенными вѣками. Ротъ, полу-открытый улыбкой и надъ которымъ проходили черные усы, выказывалъ рядъ бѣлыхъ, маленькихъ зубовъ, которымъ могла бы позавидовать женщина. Черныя, рѣзко очерченныя брови придавали видъ твердости и гордости этому слишкомъ нѣжному лицу. Небрежно прислонясь къ столбу, онъ, казалось, спалъ и слѣдилъ за радостнымъ сновидѣніемъ; на лицѣ его отражались быстрыя, но пріятныя ощущенія.

Стѣфенъ долго, съ досадой смотрѣлъ на него. Молодой докторъ зналъ, что онъ самъ не дуренъ собою, но ему и въ умъ не приходило сравниться съ незнакомцемъ-красавцемъ. Ревность заставляла его смотрѣть на незнакомца, какъ на одного изъ тѣхъ людей съ магнитическимъ взглядомъ, которые, въ романахъ, побуждаютъ добродѣтельнѣйшихъ женщинъ; ему казалось, что этотъ человекъ настоящій донъ Хуанъ. Не зная, къ кому бы прицѣпиться, Стѣфенъ обратилъ все свое вниманіе на закрытые глаза незнакомца; онъ представлялъ ихъ себѣ красными, болѣзненными; потомъ, исполненный сладостной надежды, онъ сталъ потирать руки и подумалъ:

— Онъ, вѣроятно, кось!

Эта благодѣтельная мысль значительно успокоила его и такъ какъ проповѣдь подходила къ концу, то онъ отошелъ отъ прекраснаго мечтателя, чтобы лучше присматривать за Кларой. Едва онъ занялъ новое мѣсто, какъ всѣ въ церкви встали; вся душа Стѣфена перешла въ глаза.

Вставая, Клара опять бросила взглядъ къ злополучному для Стѣфена столбу. И въ этотъ разъ взглядъ ея былъ пронизателенъ, исполненъ огня. Стѣфенъ отдалъ бы пол-года своей жизни за одинъ подобный взглядъ. Онъ хотѣлъ посмотрѣть, какъ отвѣчалъ на него незнакомецъ.

Страшное дѣло! незнакомецъ продолжалъ мечтать.

— Онъ даже не смотритъ на нея! подумалъ Стѣфенъ съ негодованіемъ: любить она, а не онъ!...

Въ это время священникъ началъ пѣть псаломъ и хоръ

срѣжнихъ и частыхъ голосовъ вскорѣ заглушилъ дрожащій голосъ его.

Мечтатель граціозно приподнялъ голову; улыбка еще болѣе развилась на лицѣ его, выражавшемъ неясный восторгъ. Стѣфенъ смотрѣлъ на него съ изумленіемъ. Пожръ-того, какъ всаломъ приближался къ омончанію, лицо и положеніе незнакомца принимали выраженіе болѣе вѣрнаго, чувственнаго наслажденія.

— Для больныхъ нашихъ! сказалъ въ это время нѣжный голосокъ за Стѣфеномъ.

Онъ оглянулся и увидѣлъ Анну, которая собирала подавнїя на бѣдныхъ. Стѣфенъ, порывшись въ карманахъ, и увлеченный порывомъ необъяснимой щедрости, бросилъ въ кошелекъ двѣ кроны. Анна поблагодарила его граціозной улыбкой.

— Въ этомъ, по-крайней-мѣрѣ, я превзойду тебя, ненавистный незнакомецъ! подумалъ Стѣфенъ, бросивъ на него торжествующій взглядъ.

— Для нашихъ больныхъ! повторила Анна, остановившись передъ мечтателемъ.

Онъ вздрогнулъ и въ-половину раскрылъ глаза. При видѣ Анны, они совершенно раскрылись и взоръ его, такъ сказать, впился въ нее. Анна, покраснѣвъ и стыдливо опустивъ глаза, хотѣла удалиться, но онъ остановилъ ее жестомъ, исполненнымъ граціи и вынулъ изъ кармана бумажникъ, опустилъ въ кошелекъ ассигнацію въ десять фунтовъ стерлинговъ, низко поклонившись молодой дѣвушкѣ.

Стѣфенъ судорожно сжалъ кулаки и до-крови укусылъ нижнюю губу.

— Десять фунтовъ!.... а я хвѣсталъ своими десятью шеллингами! проворчалъ онъ.

Незнакомецъ нѣсколько времени слѣдилъ взоромъ за Аввой. Когда она исчезла въ толпѣ, онъ выпрямился и бросилъ вокругъ себя равнодушный и разсѣянный взглядъ.

— Онъ не кривой! подумалъ Стефенъ съ горестью. Потомъ, какъ-бы пораженный внезапной мыслью, прибавилъ: — Я гдѣ-то его видѣлъ!....

Тщетно старался онъ припомнить гдѣ и когда, и, наконецъ, заключилъ, что его обманывало одно слабое сходство.

Незнакомецъ не только не былъ косымъ, но прекрасные, большіе темно-голубые глаза увеличивали еще прелесть его фizioноміи. Взглядъ его былъ величественъ и исполненъ глубокой мысли; вмѣстѣ съ тѣмъ, эмалевый видъ зрачковъ придавалъ глазамъ ту сухость, которая, по мнѣнію Лафатера, означаетъ обдуманную и неограниченную чувственность.

Между-тѣмъ на дворѣ стало уже совершенно темно. Часть церкви, въ которой происходила служба, была ярко освѣщена, тогда какъ прочія части были погружены въ глубокий мракъ.

Незнакомецъ, развлеченный въ мечтаніяхъ своихъ, отошелъ отъ столба и медленно направилъ шаги къ выходу. Въ одно время съ нимъ, тронулся съ мѣста человекъ, дурно одѣтый и подозрительной наружности, бросившій жадный взглядъ на бумажникъ незнакомца. Человекъ этотъ не послѣдовалъ за мечтателемъ, но пошелъ по другой сторонѣ, такъ что оба должны были встрѣтиться въ самой отдаленной и мрачной части сводовъ.

Стѣфенъ замѣтилъ это и внезапная мысль сверкнула въ головѣ его. Онъ былъ уже довольно давно въ Лондонѣ, чтобы знать, что тамъ самый умѣренный злодѣй смѣется надъ святотатствомъ. Ему казалось, что намѣренія человека подозрительной наружности не чисты. Стѣфенъ былъ не романтическій герой, однако жъ человекъ образованный и благородный. Отвергнувъ всякое эгонистическое чувство, онъ смѣло послѣдовалъ, въ нѣкоторомъ отдаленіи, за незнакомцемъ, рѣшившись, въ случаѣ нужды, подать ему помощь.

Мечтатель шелъ медленно. Онъ по временамъ останавливался, возвращался и опять удалялся, какъ-бы отыскивая то мѣсто, откуда лучше всего могло быть слышно неясное и отдаленное пѣніе псалмовъ. Иногда онъ подымалъ голову и восхищался лѣсомъ готическихъ столбовъ, освѣщенныхъ только съ одной стороны и походившихъ такимъ образомъ на узкую полосу свѣту, выходящую изъ-подъ полу и касавшуюся стропилъ. На каждомъ шагу

ему представлялись новыя, фантастическія картины, разнообразившіяся до безконечности.....

Стѣфенъ долго слѣдовалъ за мечтателемъ, но въ церковной галереи было такъ темно, что на десять шаговъ нельзя было различать предметовъ. Молодой докторъ потерялъ изъ виду мечтателя и несмотря на всѣ поиски, не могъ найти его. Тогда Стѣфенъ бросился къ противоположной сторонѣ, чтобы остановить человѣка, намѣренія котораго казались ему преступными, но и тамъ не нашелъ никого.

Стѣфенъ находился въ затруднительномъ положеніи; нельзя же ему было, по одному подозрѣнію, которое могло показаться безразсуднымъ, нарушить благочестивую тишину молившихся; съ другой стороны жизнь человѣка могла находиться въ опасности.... Онъ былъ въ какомъ-то лихорадочномъ состояніи..... по временамъ слышался ему глухой, хриплый стонъ умирающаго.... А въ отдаленіи всё раздавалось гармоническое и священное пѣніе псалмовъ.....

Между мелодическими звуками церкви и тишиною галереи, между освѣщеніемъ одной и мракомъ другой, былъ контрастъ, наводившій ужасъ на бѣднаго Стѣфена.....

Между-тѣмъ мечтатель, и не подозрѣвая опасности, быть-можетъ, мнимой, въ которой находился, вступилъ въ часть галереи, гдѣ полъ былъ закрытъ коврами, сплетенными изъ тонкаго камышу. Эти-то ковры, заглушивъ шумъ шаговъ незнакомца, и заставили Стѣфена потерять слѣдъ его. Туда достигало церковное пѣніе уже слабо, но исполненное меланхолической гармоніи. Мечтатель былъ въ поэтическомъ расположеніи духа и все вокругъ него дышало поэзіей..... онъ опустился на скамью; въ ту же минуту за нимъ послышался легкій шумъ, онъ оглянулся—никого не было; но мало-по-мало воспріимчивое воображеніе его наполнилось другими картинами. Высокая галерея, уединенная и мрачная, представилась вдругъ передъ нимъ въ ужасающемъ видѣ. Послѣдніе звуки религіозной музыки могли, по мнѣнію его, заглушить стонъ умирающаго. Въ тѣни могли скрываться злоумышленники и, можетъ-быть, въ то самое время, когда тамъ, при свѣ-

тѣ люстры и свѣчей, молился Богу, здѣсь, въ тишинѣ и мракѣ нечистая сила направляла шаги убійцы!....

Мысли эти толпились въ головѣ его, когда другой шумъ, болѣе явственный, вторично поразилъ слухъ его.... Казалось, что-то ползло по камышевымъ коврамъ..... Незнакомецъ былъ неподвиженъ; но мечты улетали и умъ его, внезапно возвратившись къ дѣйствительности, хладнокровно сталъ обдумывать опасность своего положенія. Тикаетъ, едва замѣтнымъ движеніемъ, онъ поворотилъ голову и увидѣлъ черную массу, ползкомъ приближающуюся къ нему..

— Этотъ негодяй угадалъ мысль мою, подумалъ незнакомецъ: онъ хочетъ убить меня.

Онъ не трогался и ждалъ спокойно; нѣсколько секундъ спустя человекъ подозрительной наружности, однимъ скачкомъ, подобно тигру, бросился впередъ.... Ножъ его, искусно направленный, ударился о спинку скамьи.... незнакомецъ уклонился съ быстротою молніи. Когда убійца опомнился, рука его была сжата, какъ въ желѣзныхъ тискахъ.

— Уфъ! простоналъ онъ отъ боли: я полагалъ, что на свѣтѣ только у одного человека такая ручка!

Онъ вперилъ взоръ въ незнакомца. Глаза обоихъ были, по-видимому, привычны къ мраку; они узнали другъ друга.

— Бобъ-Лантернъ! проговорилъ мечтатель.

— Сжальтесь! Ваша честь! простоналъ убійца, упавъ на колѣни. Я не узналъ васъ.

«Его честь» отпустилъ руку Бобъ-Лантерна, который умоляющимъ голосомъ заговорилъ:

— Добрый господинъ мой, добрый сэръ Эдуардъ, въ этомъ платѣ у васъ талья какъ у молоденькой дѣвушки.... Я не узналъ васъ.

— Молчать! сказалъ повелительно сэръ Эдуардъ. Что дѣлаютъ твои товарищи?

— Ничего хорошаго.... въ Лондонѣ жить дорого.....

— Приходите завтра, вамъ заплатятъ; но смотри, стеръ Бобъ, впередъ не пускайся на такія дѣла!

Сэръ Эдуардъ спокойно пошелъ впередъ. Бобъ несъ

доваль за нимъ, опустивъ руки въ карманы и съ видомъ собаки, наказанной хозяиномъ.

Стѣфенъ рѣшился наконецъ воротиться въ церковь, гдѣ благочестивые модельщики готовы были ужерасходиться. Онъ крайне изумился, увидѣвъ опять незнакомца, который спокойно возвращался въ сопровожденіи дурно одѣтаго человѣка. Увидавъ, что не было никакой опасности, Стѣфенъ опять возненавидѣлъ мечтателя и почти раскаялся въ томъ, что безвокоился о немъ.

Сара Эдуарда нельзя было теперь назвать мечтателемъ. Онъ шелъ, гордо наднявъ голову и бросивъ перчатки, которыми прикоснулся къ Бобъ-Лантерну, надѣвалъ другія.

Бобъ поднималъ брошенные перчатки и спряталъ ихъ въ карманъ. Добыча эта была очень бѣдна, но есть люди, которые подымутъ булавку, а Бобъ-Лантернъ былъ изъ такихъ, которые скорѣе согласятся взять хоть что-нибудь изъ чужаго кармана, нежели ничего не брать.

Надѣвая перчатки, Эдуардъ замѣтилъ хорошенькую дѣвушку, прервавшую мечтанія его, но не обратилъ вниманія на Клару, которая не спускала съ него глазъ. Стѣфенъ смотрѣлъ только на Клару и ревность волновала кровь его. Эдуардъ приставилъ лорнетъ къ глазу.

— Она, рѣшительно, очаровательна, прошепталъ онъ, сдѣлавъ знакъ Бобу, чтобы тотъ приблизился. — Видишь ли ты эту хорошенькую дѣвушку, подлѣ каеэдры? шепнулъ онъ ему на-ухо.

— Тамъ ихъ нѣсколько.

— Самую хорошенькую.

— Это дѣло вкуса.

— Ту, которая закрываетъ молитвенникъ.

— А-га! Вижу.

— Ступай за нею и завтра прійди сказать мнѣ, гдѣ она живетъ и кто она.

Бобъ-Лантернъ сдѣлалъ утвердительный знакъ и Эдуардъ, натянувъ перчатки, удалился. Онъ прошелъ мимо Стѣфена, но не обратилъ вниманія на взглядъ, полный ненависти, который бросилъ на него молодой докторъ. Клара долго слѣдила за нимъ взоромъ. Какъ-скоро онъ ушелъ, Стѣфенъ подошелъ къ Бобъ-Лантерну.

— Какъ зовутъ этого человѣка? спросилъ онъ.

— Какого человѣка? спросилъ Бобъ вмѣсто отвѣту.

— Съ которымъ ты говорилъ.

— Это не человѣкъ, важно возразилъ Бобъ, а джентльменъ.

— Какъ его зовутъ?

— Не знаю.

Стефенъ опустилъ руку въ карманъ, вынулъ два шеллинга, и всунулъ ихъ въ руку Бобъ-Лантерна.

— Вотъ это другое дѣло, сказалъ послѣдній, спрятавъ деньги въ карманъ: вы хотите знать, какъ его зовутъ?

— Да; скорѣй!

— Не знаю.

Потомъ насмѣшливо и вмѣстѣ униженно поклонившись, онъ прибавилъ:

— Дай Богъ вамъ здоровья, добрый господинъ! — и исчезъ.

Въ этотъ же самый вечеръ въ Треворъ-Гоузъ былъ балъ. Лордъ Джемсъ Треворъ, вельможа по происхожденію и по богатству, занималъ нѣсколько лѣтъ назадъ важную политическую должность. Со времени усиленія министерства виговъ, онъ удалился отъ дѣлъ и въ домъ его сходились только важнѣйшія лица партіи тори. Онъ былъ вдовецъ; воспитаніемъ единственной дочери его, миссъ Мери Треворъ, занималась сестра его, леди Кемпблъ.

Леди Кемпблъ слывла красавицей въ 1820 году. Въ 183—году, времени, въ которомъ происходило разсказываемое нами, она уже лишилась значительной части своихъ прелестей, но сохранила еще желаніе нравиться. Это желаніе не выражалось у нея тѣми смѣшными и неблагопристойными манерами, которыя романтики наши, тонкіе наблюдатели, приписываютъ кокеткамъ большаго свѣта. Она не играла опохаломъ болѣе, сколько нужно было, чтобы освѣжиться; не бросала томныхъ взглядовъ; не вальсировала съ молодыми людьми. Кокетство ея было искуснѣе. Какъ женщина умная, она отбросила всѣ внѣшнія притязанія на молодость и красоту. Леди Кемпблъ была, въ своемъ кругу, женщина-исключеніе, о лѣтахъ ко-

торой никто не заботился; она господствовала въ избранномъ кругу, котораго была царицей и оракуломъ. Кавалерами ея во всѣхъ обстоятельствахъ были самые модные молодые люди. Всѣ любили ее, но — никто не уважалъ. Этого-то она и добивалась. Когда женщину перестаютъ любить и начинаютъ уважать, это значитъ, что она состарѣлась. Впрочемъ, возлѣ нея былъ магнитъ, могуществу котораго она была многимъ обязана.

Миссъ Мери Треворъ было осмнадцать лѣтъ; она обладала нѣжною, но блѣдною и слабою красотою — типомъ англійской аристократин. Прозрачная, перламутровая бѣлизна лица ея окрашивалась иногда легкимъ розовымъ оттѣнкомъ, но никогда не принимала румянца свѣжести. Прозрачность тѣла ея была особенно замѣтна вокругъ глазъ, гдѣ оно имѣло свѣтло-лазоревый цвѣтъ, посреди лба и на вискахъ, гдѣ сквозь тонкую кожу просвѣчивались тоненькія, голубыя жилки. Свѣтло-русые волосы ея, удивительно нѣжные, ниспадали легкими локонами по обѣимъ сторонамъ лица. Глаза, нѣжно-голубаго цвѣту, часто вполнну закрывались и имѣли тогда выраженіе томной нѣги. Она улыбалась какъ дитя, но когда лицо ея дѣлалось серьезнымъ, дрожація, едва замѣтныя морщинки, обрисовывавшіяся по сторонамъ рта, придавали ей выраженіе презрѣнія.

Въ нравственномъ отношеніи миссъ Мери была созданіе леди Кемпбл. Слабая умомъ, какъ и тѣломъ, она, какъ мягкій воскъ, принимала всѣ образы, какіе хитрой тѣтушкѣ ея угодно было придать ей. Леди Кемпбл гордилась своимъ созданіемъ и деспотическою властью, которую имѣла надъ племянницей.

Миссъ Мери была единственная дочь лорда Тревора. У отца ея было тридцать тысячъ фунтовъ стерлинговъ ежегоднаго дохода. Не удивительно, что множество молодыхъ людей домогались руки ея; но выборъ Мери, или лучше сказать, выборъ тѣтки ея палъ на молодаго человѣка, отличавшагося не богатствомъ, но знатностью происхожденія; этотъ молодой человѣкъ былъ младшій сынъ графа Фейфа, называвшійся Франкомъ Персевалемъ. Счастіе его казалось уже рѣшеннымъ, когда вдругъ явился новыи

поклонникъ, и побѣда стала клониться на его сторону. И не удивительно, потому что поклонникъ этотъ былъ никто иной, какъ самъ Рио-Санто!

Въ 183—году прибылъ въ Лондонъ маркизъ Рио-Санто. Три дня послѣ пріѣзду его, весь Лондонъ говорилъ только о красотѣ и богатствѣ маркиза, хотя никто еще не видалъ его, потому что цѣлую недѣлю послѣ пріѣзду своего, Рио-Санто нигдѣ не показывался. Откуда же произошла эта извѣстность? Не знаемъ. Мало ли что бываетъ на свѣтѣ необъяснимаго.

Каждый представлялъ себѣ этого таинственнаго человѣка по обыкновеннымъ понятіямъ своимъ. Мужья, испуганные репутаціей его, представляли его себѣ въ красномъ плащѣ Фра-Діаволо или, по-крайней-мѣрѣ, донъ-Хуаномъ. Женщины надѣляли лицо его тѣмъ непреодолимымъ выраженіемъ, фатализмомъ, на который онѣ очень рады сваливать вину свою. Молодымъ дѣвушкамъ онъ снялся съ томными взглядами, орлинымъ носомъ и адской, но пріятельной улыбкой. Старыя служанки, наконецъ, воображали, что у него на каждомъ пальцѣ брилліантовый перстень, трость изъ кости носорога и часы съ печатками, цѣною въ три тысячи фунтовъ стерлинговъ.

Можно представить себѣ до какой степени эта таинственность возбуждала всеобщее любопытство; тѣмъ болѣе, что вскорѣ въ дѣло вмѣшалась и политика. Въ клубахъ стали поговаривать, будто бы Рио-Санто тайный посолъ значительной державы. Данное ему порученіе, какъ увѣрили, имѣло высокую политическую важность. Никто не зналъ источника этихъ вѣстей, но всѣ дружно распространяли ихъ.

И виги и торы зашевелились. Кому маркизъ отдастъ предпочтеніе? Какой партіи сдѣлаетъ онъ первый визитъ?

Въ одинъ вечеръ Рио-Санто явился въ гостинной леди Оселии Бернвудъ, прелестной, богатой, двадцатилѣтней вдовѣ графа Дэрби.

Рио-Санто вошелъ. Легкая дроздъ пробѣжала по тѣлу женщинъ; всѣ взоры съ невыразимымъ любопытствомъ были устремлены на него.... всѣ единодушно рѣшили, что онъ красавецъ. Вскорѣ всѣ увѣрились, что онъ обладалъ

рѣдкимъ умомъ, гибкимъ и сильнымъ, способнымъ все обнимать быстро. Краснорѣчіе его было неистощимо, и вмѣстѣ съ тѣмъ онъ имѣлъ рѣдкую, высокую способность—умолчать.

Черезъ нѣсколько недѣль Рио-Санто былъ царемъ моды, душею всѣхъ аристократическихъ обществъ Лондона.

Въ одно время съ нимъ появились въ гостиныхъ большаго свѣта, нѣсколько людей знатнаго происхожденія или богатыхъ. Мы назовемъ изъ нихъ замѣчательнѣйшихъ: маіора Боруэма, сэра Джемса Ватерфильда, доктора Мюллера и кавалера Анджело Бембе. Всѣ эти люди были, болѣе или менѣе, знакомы съ маркизомъ, но ни одинъ не былъ съ нимъ въ короткихъ отношеніяхъ.

Первой возлюбленной маркиза въ Лондонѣ, была, какъ говорили, графиня Дѣрби; до-тѣхъ-поръ репутація леди Оселин была чиста какъ зеркало. Мужчины любили и боялись ея; женщины ей завидовали и ненавидѣли. Явился Рио-Санто.... и всѣ поступки графини покрылись таинственностью, которою воспользовались злые языки. Графиня могла заставить ихъ умолкнуть, по-прежнему принимая каждый день, но она не хотѣла; она любила Рио-Санто, любила его пламенно, безумно....

Рио-Санто любилъ сильно, но не долго. Страсть его была слишкомъ горяча, и потому не могла быть продолжительною. Онъ повергъ къ ногамъ леди Оселин сердце, жизнь, будущность свою.... онъ поклялся ей въ вѣчной любви, но увы!... если Рио-Санто и не обманывалъ, такъ онъ самъ часто обманывался.

Весь фешенебельный Лондонъ въ продолженіи цѣлой недѣли говорилъ о скоромъ бракѣ маркиза Рио-Санто съ леди Оселин Бернвудъ, графиней Дѣрби. Несмотря на то бракъ не состоялся. Рио-Санто самъ вездѣ рассказывалъ, что получилъ отказъ. Никто повѣрилъ ему, другіе напротивъ, говорили, что ему не отказали даже въ томъ, въ чемъ бы слѣдовало отказать.

Между-тѣмъ Рио-Санто оврадалъ мнѣніе, которое составили себѣ объ немъ Лондонцы. Онъ велъ жизнь роскошную, былъ щедръ, великодушенъ и мужественъ.

Послѣ графини Дѣрби онъ любилъ еще многихъ дру-

гихъ женщинъ, и случайно встрѣтился съ миссъ Мери Треворъ; съ перваго взгляду это блѣдное дитя показалось ему весьма незначительной дѣвочкой. Мери была смущена присутствіемъ чловѣка, странная извѣстность котораго не согласовалась съ ея робостью и слабостью. Они встрѣтились въ другой разъ. Миссъ Мери стала пѣть. Нѣжный и слабый голосъ ея почти не достигалъ до слуха маркиза. Онъ заговорилъ съ нею. Звучный и полный голосъ его неприятнымъ образомъ поразилъ слухъ молодой дѣвушки. Отчего? Мери сама не могла дать себѣ въ томъ отчету.

Наконецъ, въ третій разъ они встрѣтились въ гостини леди Офелии, на концертѣ. Въ тотъ вечеръ Рио-Санто былъ блѣденъ, молчаливъ и бросалъ вокругъ себя разсѣянные взоры. Миссъ Треворъ тихо разговаривала съ лучшей подругой своей, миссъ Діаной Стѣвартъ, кузиной Франка Персеваля, путешествовавшаго въ то время по матеріку Европы. Молодыя дѣвушки говорили объ немъ. Рио-Санто, прислонившись къ колоннѣ, могъ слышать разговоръ дѣвушекъ, но онъ не слушалъ. Мери сидѣла къ нему спиной и, слѣдовательно, не могла его видѣть. Незамѣтнымъ образомъ молодыя дѣвушки стали говорить громче и громче, не думая, что ихъ могло подслушать нескромное ухо. Голоса ихъ смутнымъ ропотомъ достигали до слуха Рио-Санто, но онъ всё не обращалъ на нихъ вниманія, бывъ погруженъ въ мечтанія.

Рио-Санто былъ настоящій мечтатель. Не довольствуясь безчисленными удовольствіями, которыя доставляла ему существенность, онъ часто вызывалъ наружу тщательно скрытыя силы своей поэтической организаціи и увлекаемый призраками, которые самъ создавалъ себѣ, вполне предавался очаровательнымъ мечтамъ. Очень понятно, что Рио-Санто забывался въ этихъ сладостныхъ мечтаніяхъ не въ шуму празднествъ и баловъ, но въ этотъ разъ гармонія концерта увлекла его въ волшебный замокъ воображенія—теперь мечты его были мечты любви.... сердцу его представлялась молодая дѣвушка, обращавшая къ нему нѣжный, робкій, довѣрчивый, ангельскій взглядъ.... оркестръ аккомпанировалъ одинъ изъ тѣхъ простыхъ и трогательныхъ мотивовъ, которые создаютъ вдохновен-

ные барды дикой Ирландіи. Лицо Рио-Санто выражало восторгъ, смѣшанный съ тихою грустью.... видно было, что онъ находился подъ вліяніемъ сладостнаго воспоминанія....

Когда раздались послѣдніе аккорды оркестра и умолкъ голосъ пѣвца, слезинка выкатилась изъ-подъ длинныхъ, черныхъ, опущенныхъ рѣсницъ его.

— Мери, произнесъ онъ со вздохомъ: милая Мери!

— Бѣдная Мери! вскричала въ то же мгновеніе миссъ Діана Стюартъ, разговаривавшая съ миссъ Треворъ. Потомъ она прибавила съ легкимъ смѣхомъ:

— Такъ ты очень любишь его?

При имени Мери, Рио-Санто вздрогнулъ и взоръ его прямо упалъ на граціозный профиль миссъ Треворъ. Рио-Санто нѣсколько разъ уже видалъ Мери, но теперь ему показалось, что онъ видитъ ее въ первый разъ. Можетъ-быть граціозная улыбка ея нашла мѣсто въ его мечтаніяхъ; можетъ-быть слабое сходство, увеличенное именемъ Мери, довершило очарованіе маркиза. По этимъ явленіямъ по другимъ причинамъ, но сердце его вздрогнуло....

— Я скучаю послѣ отъѣзда его, отвѣчала Мери на вопросъ подруги послѣ нѣкотораго молчанія: и съ нетерпѣніемъ жаду его.

Легкое движеніе маркиза заставило миссъ Треворъ оглянуться, и блѣдныя щеки ея покрылись румянцемъ.... она угадала, что Рио-Санто слышалъ отвѣтъ ея. Потомъ, поддаваясь инстинктивному страху, который поражалъ ее при видѣ маркиза, она вся затрепетала и схватила руку Діаны.

— Пойдемъ, сказала она, увлекая подругу въ концертную залу.

— Ты, точно, будто испугалась змѣи? сказала шутя миссъ Стюартъ.

— Тутъ былъ мужчина! проговорила Мери.

Діана быстро оглянулась и увидѣла огненный взглядъ маркиза, слѣдившій за ея подругой. Она перестала смѣяться.

— Какъ онъ смотритъ на тебя! произнесла она съ нав-

ной завистью. Изъ глазъ его падаетъ на тебя огненный лучъ....

Марія еще сильнѣе затрепетала.

Ріо-Санто отошелъ отъ колонны и опустился въ кресла, которыя занимала миссъ Треворъ. До самаго конца концерта онъ не сходилъ съ нихъ.

— Бѣдная Мері! сказала она вставая: давно уже я не любилъ такъ пламенно....

Нѣсколько дней спустя, Ріо-Санто былъ представленъ леди Кемпблъ и лорду Тревору. Леди Кемпблъ болѣе другой женщины могла оцѣнить блестящія качества маркиза; вниманіе его польстило ея самолюбію; она поняла, что это увеличить ея свѣтское значеніе. И точно, Треворъ-Гоузъ вошелъ въ моду. Всѣ хотѣли быть представлены хозяевамъ, и молодые люди, пріѣхавшіе въ Лондонъ въ одно время съ маркизомъ, первые добились этой чести; едва они были представлены, какъ сдѣлались постоянными поклонниками леди Кемпблъ. Четыре джентльмена, о которыхъ мы уже упомянули, не находились, по видимому, ни въ какихъ короткихъ отношеніяхъ между собою; несмотря на то, казалось, будто они сговорились дѣйствовать въ пользу Ріо-Санто. Быть можетъ, это былъ одинъ случай....

Впрочемъ, Ріо-Санто не нуждался ни въ чьей помощи; чѣмъ умнѣе была женщина, тѣмъ скорѣе поддавалась она обольщеніямъ его ума; мы уже сказали, что леди Кемпблъ обладала тонкимъ умомъ, а потому была скоро побѣждена. По прошествіи нѣсколькихъ дней, она стала смотрѣть на Ріо-Санто, какъ на давнишняго, семейнаго друга; черезъ мѣсяць она жила и дышала только имъ.

Такимъ образомъ маркизъ дѣйствовалъ на миссъ Треворъ не прямо. Леди Кемпблъ невольно и сама того не зная, сдѣлалась его орудіемъ. Она была такъ затята имъ, что только о немъ и говорила, представляла его племянникомъ своей какъ образецъ, достойный изученія и подражанія, какъ совершеннѣйшій типъ свѣтскаго человѣка.

— Онъ добръ, говорила она: а между-тѣмъ въ-сестрини дѣлать зло почти безнаказанно! Каждый мѣсяць огромныя суммы переходятъ въ руки скромнаго пастора, и сест-

ни несчастныхъ имѣютъ кусокъ хлѣба... Онъ вѣтренъ, нестойчателенъ въ любви; кто это говорить? Соперники? — Изъ зависти! Женщины! — Съ досады!

Подобныя вещи тетушка безпрестанно твердила племянницѣ, такъ что послѣдняя стала стыдиться и раскаиваться въ антипатіи, которую съ перваго разу почувствовала къ маркизу. Вскорѣ она угадала, что онъ любилъ ее. Женщины отъ любви могутъ перейти къ равнодушію, — отъ антипатіи — никогда; странное чувство, въ которомъ Мери сама еще не могла дать себѣ отчету, стало пробуждаться въ душѣ ея....

Въ то самое время, когда въ Лондонѣ разнесся слухъ, что Рио-Санто женится на леди Офелии, онъ просилъ руки икъ Мери Треворъ и, противъ ожиданій своихъ, получилъ отказъ. Во-первыхъ, леди Кемпблъ объявила ему, что рука племянницы ея была обѣщана, что она сама устроила все, чтобы соединить ее съ Франкомъ Персевалемъ; отказать ему теперь, было бы неблагоугодно. Во-вторыхъ, лордъ Джемсъ Треворъ, старшій джентльменъ, ни за что не согласился бы измѣнить слову, которое далъ Франку. Въ-третьихъ, наконецъ, Мери любила его.

Отказъ этотъ не произвелъ, внутренно, большаго впечатлѣнія на маркиза; но онъ далъ лицу своему выраженіе глубокой горести, печально поцѣловалъ руку леди Кемпблъ и поспѣшно удался какъ человѣкъ, не желающій выказать своего отчаянія.

Возвращаясь домой, онъ думалъ о томъ, какъ бы прилать будущему браку своему все возможное великолѣвіе.

Леди Кемпблъ горько раскаялась въ словѣ, данномъ Персевалу, который былъ, безспорно, прекрасный молодой человѣкъ, но во всѣхъ отношеніяхъ ниже Рио-Санто. По счастью, женщины ума тонкаго имѣютъ рѣдкую способность обманывать самихъ себя. Леди Кемпблъ была въ отчаяніи, а потому ей показалось, что и Мери груститъ. Допустивъ горестъ молодой дѣвушки, можно было объяснить ее разнымъ образомъ; леди Кемпблъ объяснила ее по-своему: Мери груститъ о томъ, что маркизу отказали, слѣдовательно, она любитъ его.

Тётушка сначала сама не вѣрила этому, но мало-по-мало, усвоивъ себѣ эту идею, стала считать се не только возможно, но и вѣрною. Она рѣшилась поговорить съ Мери. Первые слова ея поразили молодую дѣвушку.... Миссъ Треворъ, слабая характеромъ, не привыкшая справляться съ сердцемъ безпрекословно повиновавшаяся всѣмъ рѣшеніямъ своей тётушки, была вскорѣ убѣждена..... Леди Кемпблъ восторжествовала, не имѣя причинъ обвинять себя въ измѣнѣ Персевалю. Главнымъ долгомъ ея было пещись о счастіи племянницы.... а все счастье Мери, по мнѣнію ея, заключалось въ любви маркиза! Самое лучшее при этомъ еще то, что леди Кемпблъ сочла долгомъ сдѣлать племянницѣ выговоръ за ея непостоянство....

Бѣдная Мери находилась въ то время въ утомительномъ и скучномъ забытіи. Рио-Санто произвелъ на нея впечатлѣніе, которое она не могла объяснить. Леди Кемпблъ называла это любовью—вѣроятно, то была любовь!

Между-тѣмъ образъ Франка Персевала оставался въ глубинѣ ея сердца. Бѣдная Мери колебалась, не зная почти не хотѣла знать, что происходило съ нею. Она тайно страдала, и по временамъ старалась не пробуждаться изъ томительнаго забытія, но заглушать ропотъ сердца и замѣнять потерянное спокойствіе, апатіей....

Оставалось убѣдить лорда Тревора, твердаго какъ сталь; дѣйствовать прямо не было никакой возможности, но если уже леди Кемпблъ удалось обмануть собственную совесть свою, убѣдить молодую дѣвушку въ небываломъ, не обвиняя себя ни въ чемъ, то ей не трудно было сладить съ старымъ джентльменомъ, чаще дѣйствовавшимъ на полѣ битвы, нежели въ дипломатическихъ кабинетахъ и—Рио-Санто получилъ позволеніе изъяснить чувства свои миссъ Мери Треворъ.

Около того же времени Франкъ Персеваль возвращался въ Англію съ самыми сладостными надеждами....

Въ Треворъ-Гоузѣ былъ балъ.

Великолѣпныя залы мало-по-мало наполнялись гостями, и оркестръ приглашалъ къ танцамъ; ряды креселъ, уставленныхъ около стѣнъ, были уже, болѣею частію, заня-

ты; главная комната гдѣ сидѣла леди Кемпбл, представляла прелестное зрѣлище и походила на корзину уже полную, но въ которой недостаетъ еще нѣсколькихъ цвѣт-ковъ.

Говоръ магически сообщался отъ одного къ другому. Леди Кемпбл и миссъ Треворъ, окруженные многочисленной группой, безпрестанно измѣнявшейся, кланялись, выслушивали комплименты, отвѣчали тѣмъ же, кланялись опять и повторяли то же и вѣчно то же съ другими лицами. Таково незавидное препровожденіе времени хозяйки дома, во время бала, отъ десяти часовъ вечера до полуночи.

— Позвольте, миледи.... говорилъ молодой виконтъ де-Лантюрь-Люсь, поднося руку леди Кемпбл къ губамъ своимъ; и потомъ, поцѣловавъ руку миссъ Мери, повторилъ:—Позвольте.... какое у васъ очаровательное опахало! Прелестное.... Кромѣ шутокъ!

— Виконтъ, отвѣчала леди Кемпбл улыбаясь: вы уже седьмой разъ восхищаетесь опахаломъ моей племянницы.

Окружавшіе тѣтушку и племянницу, сочли долгомъ засмѣяться. Виконтъ смѣялся громче и долѣе другихъ.

— Очаровательно! прокартавилъ онъ: семь разъ.... очаровательно!....

Никто не засмѣялся, что очень удивило виконта, который, сконфузившись, поправилъ жабо и проговорилъ:

— Кромѣ шутокъ.

Леди Кемпбл поклонилась еще нѣсколько разъ въ разныя стороны и подала руку подошедшей леди Офелин, между-тѣмъ какъ Мери поцѣловала подругу свою, Діану Стівартъ, прибывшую съ матерью.

— Сэръ Джонъ, Ватерфильдъ, сказала леди Кемпбл обращаясь къ одному изъ гостей: что новаго?

— Говорятъ, отвѣчала сэръ Джонъ Ватерфильдъ, что маркизъ Рио-Санто покупаетъ новые экипажи и за-ново меблируетъ весь домъ свой.

— Неужели? спросилъ виконтъ: но вѣдь онъ обзавелся только три мѣсяца тому назадъ.

— У маркиза свои причины...

— Что жъ онъ, снѣгі, не сказалъ мнѣ ни слова! вскри-

чалъ Лантюръ-Люсь, который вслѣдствіи старался выдавать себя за Пилада маркиза....

— По какому же это случаю? спросила леди Кемпбл.

— Онъ хочетъ жениться, отвѣчалъ майоръ Борумъ.

Улыбка исчезла съ лица Мери. Ей стало и жарко и холодно. Леди Кемпбл посмотрѣла на нея сбоку и подумала:

— Какъ она его любитъ!

Миссъ Треворъ думала о Персевалѣ, котораго она уже не любила—это было дѣло рѣшенное, но который съ утра до вечера владелъ умомъ и всѣми ея мыслями, вмѣстѣ съ маркизомъ: стараніями тѣтушки, Мери удѣлила и ему ужь часть мыслей, но не сердца. Слова тѣтушки стали высшей преградой между умомъ и сердцемъ молодой дѣвушки и, такъ сказать, разлучили ихъ. Мери жила только умомъ и въ этомъ отношеніи вся принадлежала леди Кемпбл, то есть, маркизу.

Тѣтушка приняла смущеніе племянницы за любовь къ Рио-Санто. Она ошиблась. Мери испугалась, узнавъ, что тайна союза ея съ маркизомъ сдѣлалась гласною; она испугалась, понявъ, что минута, въ которую надо было рѣшиться и дѣйствовать, приближалась и ударъ этотъ сильно поодѣйствовалъ на слабую ея натуру....

— Какъ маркизъ измѣнился, сказалъ кавалеръ Анджело Бембе.

— Узнать нельзя, прибавилъ майоръ Борумъ.

Сэръ Джонъ Ватерфильдъ сказалъ что-то въ этомъ же родѣ, а докторъ Мюллеръ проворчалъ что-то невнятное.

— Что жъ сдѣлалось съ нашимъ милымъ маркизомъ? спросилъ виконтъ де-Лантюръ-Люсь.

— Онъ влюбленъ, хоромъ отвѣчали четыре джентльмена.

— На три дня, сказалъ виконтъ, граціозно бросивъ шляпу подъ-мышку.

— На всю жизнь! сказалъ протязно майоръ.

Минутное чувство гордости пробудилось въ сердцѣ Мери; но вслѣдъ за тѣмъ ею овладѣла покаяная, неопредѣленная болѣзнь....

Начался балъ. Анджело Бембе подалъ руку миссъ Треворъ и повелъ ее въ танцевальную залу. Все оживилось,

звонилось.... раздалась громкая музыка, нары диншу-
лись.

Между-тѣмъ леди Кемблль осталась въ кругу нѣкото-
рыхъ дамъ и мужчинъ. Разговоръ шелъ о маркизѣ Рио-
Санто.

По окончаніи кадрили, миссъ Треворъ едва успѣла воро-
титься на мѣсто, какъ громкій, звонкій голосъ слуги, по-
крывъ весь гулъ разговоровъ, произнесъ:

— Сэръ Франкъ Персеваль!

Настало минутное молчаніе.

Щеки миссъ Треворъ, разгорѣвшіяся отъ танцевъ,
покрылись смертною блѣдностью.... она прижала руку къ
сердцу, которое сильно забилось въ груди ея.

Леди Кемблль наклонилась къ ней и шепнула ей на-
ухо:

— Успокойся, дитя мое! Бѣдный Франкъ думаетъ, что
никто еще права на тебя; первое свиданіе будетъ тягост-
но.... но ты была еще такъ молода!... Кто знаетъ, не измѣ-
нился ли и Франкъ?

Эти послѣднія слова, которыя тѣтушка произнесла въ
дѣлѣ утѣшенія, вызвали слезу на глаза Мери.

— Безъ слабости! продолжала леди Кемблль: когда
нужно видѣть слезы на глазахъ женщины, онъ думаетъ,
что она его еще любить.... а вѣдь ты не любишь его?
представила она съ искреннею заботливостію.

Мери не отвѣчала.

— Да и какъ любить его послѣ маркиза! Бѣдный
Франкъ! произнесла со вздохомъ тѣтушка, и мысль ея съ
мгнотомъ молніи представила ей, что безъ нея Мери за-
была бы въ душѣ своей любовь къ маркизу, по ложно-
му чувству долга вышла бы за Франка и была бы несчаст-
на....

Чужое дѣло — воображеніе!

Леди Кемблль была, какъ-нельзя болѣе довольна со-
бою. Миссъ Мери Треворъ страдала невыразимо.

Сэръ лордъ принялъ Франка Персеваля съ радост-
нымъ, искреннимъ радушіемъ. Онъ самъ повелъ его къ
себѣ въ домъ, но тутъ сцена измѣнилась. Миссъ Мери при-
няла бывшего жениха своего тѣмъ съ большою холодно-

стию, что внезапно пробужденное сердце ея сильно стремилось къ нему. Одно имя Франка вывело ее изъ убійственной апатіи—видъ его совершенно пробудилъ ее.... но Мери была слаба—возлѣ нея сидѣла леди Кемпбль.... и она опять подчинилась власти тѣткѣ; голосъ ея сердца умолкъ.

Мери не вынесла взгляда Франка, опустила глаза и на привѣтствіе его отвѣчала несвязными словами. Невыразимая боязнь стѣснила сердце Франка. Онъ хотѣлъ еще что-то сказать, но леди Кемпбль слегка коснулась опахаломъ руки его.

— Каково путешествовали? спросила она, и не дожидаясь отвѣта, прибавила шопотомъ: — Ради Бога, завтра! Всѣ взоры обращены на нея, на насъ!

Франкъ не понималъ.

— Завтра, продолжала леди Кемпбль съ состраданіемъ, болѣзненно поразившимъ Франка: завтра я вамъ все объясню.... Я по-прежнему искренно люблю васъ, добрый Франкъ.... она, бѣдняжка, долго боролась.... страдала....

— Что это значитъ, миледи! вскричалъ Франкъ.

— Прошу васъ, сэръ, завтра... завтра.... и леди Кемпбль съ непритворнымъ чувствомъ пожала руку Франка. Онъ поклонился и отошелъ съ невыразимымъ страданіемъ.

— Дитя мое, говорила тѣтушка племянницѣ: главное сдѣлано.... остальное я беру на себя.... только изъ любви къ тебѣ, я рѣшаюсь говорить съ бѣднымъ Франкомъ.... но когда дѣло идетъ о твоемъ счастьи, я готова жертвовать собою.... И она поцѣловала холодный лобъ молодой дѣвушки... Ты нездорова, мой ангелъ? прибавила она съ нѣжною заботливостью.

— Не знаю, отвѣчала Мери, я страдаю.... мнѣ кажется....

— Что, другъ мой?

— Мнѣ кажется.... что мы обѣ ошибаемся.... Видѣ Франка....

— Только-то? прервала ее леди Кемпбль: положишься на меня.... Ахъ! какъ ты счастлива, Мери, что я такъ хорошо умѣю читать въ твоемъ сердцѣ!...

Франкъ прохаживался по заламъ, стараясь разогнать горестныя предчувствія—онъ хотѣлъ еще надѣяться. Приемъ, сдѣланный ему лордомъ Треворомъ, былъ такъ же искренно радушенъ, какъ и прежде, а слова деди Кемблѣ могли имѣть различное значеніе. Но Мери!... возможно ли сомнѣваться послѣ ея ледянаго равнодушія?

На каждомъ шагу останавливали его прежніе пріатели и дружески пожимали ему руку.

— Что новаго на Симплонѣ? спрашивалъ одинъ.

— Вы должны показать намъ альбомъ вашъ, Франкъ, говорилъ другой.

— Какъ вы печальны! восклицалъ третій. Развѣ вы ужъ знаете?...

Франкъ съ живостью прервалъ послѣдняго.

— Что такое? спросилъ онъ съ стѣсненнымъ сердцемъ.

— Бѣдный! отвѣчалъ пріатель: впрочемъ еще ничего не рѣшено.... это одни слухи....

— Какіе слухи?

— Это, можетъ-быть, неправда.... говорятъ, будто бы Ріо-Санто женится на миссъ Треворъ.

Франкъ провелъ рукою по лбу, на которомъ выступилъ холодный потъ.

— Кто этотъ Ріо-Санто?

Пріатель съ изумленіемъ посмотрѣлъ на него.

— Вы не знаете Ріо-Санто, Франкъ?... Да объ комъ же говорятъ въ Швейцаріи, за границей?... Ріо-Санто, маркизъ какихъ не много.... это маркизъ.... но, впрочемъ, тамъ недостаетъ четвертаго въ вистъ, сэръ Джонъ Ватерфильдъ зоветъ меня.

Новый ударъ поразилъ Франка въ сердце....

— Э! bonjour, très-cher! вскричалъ тоненькій голосокъ вѣдь самымъ ухомъ его: сто лѣтъ васъ не видно! Я еще вчера говорилъ.... Кому это я говорилъ? Ахъ, да! нашему шлому маркизу.... Я говорилъ: давно не видать нашего джордана Персеваля; онъ, видно, веселится за границей.... Кромѣ шутокъ, я это говорилъ.... Но, вы не-веселы, très-cher.... а! понимаю; я сейчасъ узналъ, что Ріо-Санто....

— И такъ это правда! проговорилъ Франкъ.

— Не знаю, *très-cher*; но этотъ Рио-Санто настоящій чортъ, кромѣ шутокъ! Притомъ же у него милліоны, а у васъ сто фунтовъ стерлинговъ доходу.... Да! онъ опасный соперникъ!

Съ послѣдними словами, виконтъ де-Лантюрь-Люсь повернулся и пошелъ болтать далѣе.

Франкъ ничего не видѣлъ и не слышалъ.... Кто-то взялъ его подъ-руку.

— Сэръ Франкъ, сказала ему графиня Дѣрби, вы несчастны, очень несчастны! сожалью объ васъ.... вы, вѣроятно, уже знаете....

— Все, миледи!

— Все?... нѣтъ, сэръ, не все.... послушайте, я тоже страдаю; мнѣ бы хотѣлось облегчить горестъ вашу и, можетъ-быть.... я дамъ вамъ средство бороться съ Рио-Санто....

— Вѣчно, этотъ Рио-Санто! воскликнулъ Франкъ, съ чувствомъ яростной ненависти.

— Пріѣзжайте ко мнѣ завтра, продолжала графиня: мнѣ надо сообщить вамъ тайну.... но, тсъ! до завтра... И она отошла отъ него съ граціознымъ, улыбающимся лицомъ, какъ-будто послѣ пріятнаго разговору.... а на лицѣ Франка ясно выражались горестъ и мученія. Кузина его, миссъ Діана, подозвала его къ себѣ.

— Садитесь возлѣ меня, Франкъ, сказала она: мнѣ надо поговорить съ вами.... о! я знала, что этотъ ударъ жестоко поразитъ васъ.

— Вы подруга ея, съ усліемъ произнесъ Франкъ: вамъ извѣстны всѣ мысли Мери.... скажите....

— Я скажу вамъ все, что знаю, бѣдный кузень мой; но вооружитесь мужествомъ и твердостью....

— Діана, говорите мнѣ объ ней! Я жду.

— Она страдаетъ не менѣе васъ, Франкъ: повѣрьте мнѣ. Съ нею произошло что-то непонятное для меня, но сердце ея не измѣнилось. Миссъ Треворъ по-прежнему любить васъ.

Ощущеніе невыразимаго блаженства проникло въ душу Франка.

— Но этотъ бракъ!.... сказалъ онъ.

— О немъ говорятъ, что леди Кемпблъ желаетъ его....
Мери не противится.

— Не противится! повторилъ Франкъ.

— Рио-Санто очаровалъ ихъ!...

— Опять Рио-Санто!... Діана, знаете ли вы его?

— Знаю, отвѣчала миссъ Стевартъ, опутивъ глаза и покраснѣвъ.

— Покажите мнѣ его.... скажите мнѣ, что это за человекъ....

— Это человекъ, которому ни что не можетъ противиться, отвѣчала тихимъ голосомъ молодая дѣвушка: благородный и могущественный красотой, родомъ и богатствомъ.... горе соперникамъ его, Франкъ....

— Горе ему! вскричалъ Персеваль, вставъ.— Видъ его былъ грозенъ.— Покажите мнѣ его! Я долженъ встрѣтиться лицомъ къ лицу съ этимъ человекомъ; я долженъ.....

Монотонный и звонкій голосъ слуги произнесъ:

— Донъ Хосе-Марія-Теллесъ де-Аларконъ, маркизъ де-Рио-Санто....

Этотъ титулъ, торжественно произнесенный, болѣзненно поразилъ слухъ Франка и отозвался въ душѣ его.... въ то самое время, когда онъ вызывалъ незнакомаго, но ненавистнаго врага, тотъ, какъ злой духъ, являлся на вызовъ его. Дрожа отъ гнѣву, Франкъ бросился къ двери и остановился на самой серединѣ дороги, по которой, какъ онъ инстинктивно угадывалъ, соперникъ его долженъ былъ пройти къ тому мѣсту, гдѣ сидѣли леди Кемпблъ и миссъ Треворъ.

Въ то же мгновеніе явился Рио-Санто.

Онъ былъ высокъ ростомъ, прекрасно сложенъ. Тонкія и прекрасныя черты лица его имѣли выраженіе того вѣчеловѣческаго спокойствія, которое италянскіе живописцы умѣли представлять на своихъ картинахъ. Онъ былъ хорошъ, какъ идеалъ мнѣологическаго божества. Концы тоненькихъ усовъ его, черныхъ какъ смоль, были нѣсколько загнуты въ верху, по обыкновенію Испанцевъ. Волосы его красиво волновались надъ высокимъ лбомъ, изволненнымъ прамодушія и гордости; черныя брови образовывали тонкую, рѣзкую черту; взоръ его плавнѣлъ

и очаровывала всякаго. Одно только въ прекрасномъ лицѣ маркиза могло заслужить упрекъ со стороны строгаго наблюдателя: о взглядѣ Рио-Санто, на нѣсколько толстыхъ губахъ его, лежала печать чувственности, которая, встрѣтивъ сопротивленіе, могла дойти у этого сильнаго и страстнаго человѣка до преступленія. Походка его была величественна и вмѣстѣ граціозна. На немъ былъ костюмъ, который могъ служить образцомъ изящества, соединеннаго съ строгайшею простотою. Грудь его была украшена тремя орденами.

Франкъ не могъ сравниться съ блестящимъ маркизомъ въ отношеніи наружныхъ качествъ. И онъ былъ хорошъ собою, но красота его не столько заключалась въ правильности лица, какъ въ благородной физіономіи, въ выраженіи ума и великодушія.... онъ, безспорно, между всѣми присутствовавшими молодыми людьми, былъ первый—послѣ Рио-Санто. Франкъ былъ моложе его; хотя маркизъ былъ изъ тѣхъ людей, на которыхъ лѣта какъ бы не имѣютъ вліянія, но ему недоставало той свѣжести молодости, которую сохранили черты Франка.

Долго и пристально смотрѣлъ послѣдній на своего соперника; съ перваго взгляду ему показалось, что лицо маркиза было ему знакомо, но это впечатлѣніе было мимолетно; Персеваль замѣтилъ только одно—одно только усилило ненависть и мученія его.... То была красота маркиза!.... Онъ всё-еще смотрѣлъ на него, не трогаясь съ мѣста. Рио-Санто шелъ всё медленнѣе и, наконецъ, остановился, глазами отыскивая леди Кемпблъ и ея племянницу. Онъ даже не замѣтилъ Франка.

— Вотъ тамъ, маркизъ, тамъ! говорилъ услужливый ин-контъ, указывая въ ту сторону, гдѣ находилась леди Кемпблъ; *ses dames* жалуются на вашу медленность.... Пропустите же насъ, *très-cher* Персеваль: развѣ вы не видите, что я иду съ маркизомъ?

Франкъ не трогался и во взорѣ его, не сходявшемъ съ маркиза, выразилось самое оскорбительное презрѣніе.

Рио-Санто спокойно посмотрѣлъ на молодого человѣка, и вѣжливо поклонившись, отвѣчалъ съ милымъ добродушіемъ на вѣмой вызовъ Франка:

— Надѣюсь, что я буду имѣть удовольствіе познакомиться съ сэромъ Франкомъ Персевалемъ, — и сдѣлалъ едва замѣтный знакъ головою человѣку, стоявшему у дверей. Въ то же мгновеніе этотъ человѣкъ, котораго мы знаемъ, поднявъ голову и устремивъ впередъ неподвижные глаза свои, пошелъ въ ту сторону, гдѣ стояли лицомъ къ лицу соперники.

Это былъ слѣпецъ Тиррель.

Онъ пошелъ прямо на Франка и, какъ-бы нечаянно, оттолкнулъ его всторону. Маркизь прошелъ.

— Будьте осторожныѣ, вскричалъ Франкъ съ гнѣвомъ.

Слѣпой обратилъ къ нему безжизненные, тусклые глаза свои.

— Это вы мнѣ говорите? спросилъ онъ кротко.

— Вамъ, сэръ, и я нахожу страннымъ....

— Ха, ха! громко засмѣялся виконтъ; что это сдѣлалось съ вами, мосьё Персеваль!... Неужели вы хотите ссориться съ слѣпымъ сэромъ Эдмондомъ Мекензи?

— Извините, проговорилъ Франкъ, взоромъ отыскивая маркиза.

— Напротивъ, я виноватъ передъ вами, добродушно отвѣчалъ слѣпой.

Рю-Санто исчезъ въ толпѣ.

— Неужели онъ трусъ? подумалъ Франкъ. Ему казалось страннымъ, что маркизь такъ поспѣшно воспользовался случаемъ, чтобы удалиться. — Неужели онъ трусъ? повторилъ онъ вполголоса: о нѣтъ! я желаю, чтобы онъ былъ мужественъ!

— Желаніе ваше исполнится, молодой джентльменъ, произнесъ насмѣшливый голосъ надъ его ухомъ.

Франкъ оглянулся. Никого не было. Въ двухъ шагахъ отъ него стояла какая-то высокая фигура, съ неловкостью вытравшая стекло лорнета.

— Что вы сказали? гордо спросилъ молодой человѣкъ.

— Нишево не казалъ, отвѣчала флегматическая фигура доктора Мюллера.

— Но вы сейчасъ сказали....

— Нишево не казалъ, zum teufel! возразилъ Нѣмецъ отъвернувшись.

Франкъ сталъ думать, что онъ ошибся; впрочемъ, ему было теперь не дотого.

Леди Кембль приняла Рио-Санто, какъ мать принимаетъ нѣжно любимаго сына.

— Мери соскучилась безъ васъ, сказала она, когда маркизъ цѣловалъ руку молодой дѣвушки.

— Не было ли другой причины скуки миссъ Треворъ? спросилъ Рио-Санто, улыбаясь и какъ-бы безъ намѣренія.

Мери тоже хотѣла улыбнуться, но не могла. Въ присутствіи маркиза, она совершенно теряла сознаніе того, что происходило въ ней. Онъ былъ въ этотъ вечеръ нѣжнѣе, краснорѣчивѣе обыкновеннаго. Не внимая тайному голосу, который предостерегалъ ее, миссъ Треворъ невольно поддавалась очарованію; между-тѣмъ она не любила маркиза, и забывала Франка, котораго любила.

Персеваль стоялъ въ амбразурѣ окна. Вся душа его обратилась въ зрѣніе, онъ слѣдилъ за малѣйшими движеніями соперника. Когда Рио-Санто наклонился къ Мери, сердце Франка вздрагивало, пальцы его судорожно сжимались; когда Мери подымала глаза къ Рио-Санто, Франку казалось, что въ нихъ выражалась любовь робкая, но краснорѣчивая въ своемъ молчаніи—и тогда имъ овладѣвала ярость, раздиравшая его сердце!... а между-тѣмъ онъ не трогался съ мѣста, съ какимъ-то дикимъ наслажденіемъ предаваясь добровольной пыткѣ.

Время проходило. Рио-Санто, вѣроятно въ жару разговора, насупилъ на мгновеніе брови. Свѣтъ отъ канделябра падалъ прямо на лицо его. Франкъ, не спускавшій глазъ съ маркиза, вздрогнулъ и вторично старался припомнить, гдѣ онъ видѣлъ этого человѣка. Но черты лица Рио-Санто приняли опять обыкновенное свое выраженіе и Франкъ снова сталъ сомнѣваться. Ужасное несчастіе поразило нѣкогда Персеваля; человѣкъ, игравшій главную роль въ этомъ обстоятельстве, былъ похожъ на Рио-Санто, только въ такой степени, въ какой нищій можетъ походить на князя. Франкъ отвергнулъ всѣ подозрѣнія..... притомъ же ему и безъ того было уже довольно причинъ ненавидѣть маркиза.....

Рио-Санто всталъ, чтобы пройтись по заламъ. Франкъ,

ожидавшій этой минуты съ нетерпѣніемъ, пошелъ прямо къ маркизу.

— Маркизь, сказалъ онъ ему съ тѣмъ притворнымъ спокойствіемъ, которымъ свѣтскій человѣкъ умѣетъ прикрыть свальнѣйшія ощущенія души: маркизь, вы сейчасъ говорили, что желали бы познакомиться со мною.

Ріо-Санто не узналъ его съ перваго взгляду. Узнавъ, онъ протянулъ къ нему руку и сказалъ съ ласковой улыбкой:

— Сэръ Франкъ Персеваль, я нетерпѣливо желалъ познакомиться съ человѣкомъ, о которомъ леди Кемпбль говорятъ всегда съ материнскою нѣжностью, и котораго миссъ Треворъ любитъ какъ брата.....

Франкъ схватилъ руку маркиза и судорожно сжалъ ее.

— А вы считаете себя обязаннымъ любить все то, что она любитъ? спросилъ онъ съ горькой усмѣшкой. Вы, маркизь, теперь въ чести, а я, по-неволѣ, дѣлаюсь смѣшнымъ лицомъ, забытымъ женихомъ, который всѣмъ мѣшается, котораго всѣ презираютъ, или о которомъ сожалеютъ..... Я люблю миссъ Мери Треворъ!

Ріо-Санто не отнималъ руки своей.

— Я это зналъ, отвѣчалъ онъ болѣе холоднымъ голосомъ, но съ утонченною вѣжливостью: леди Кемпбль говорила мнѣ..... Но я надѣялся..... мы надѣялись.....

— О комъ говорите вы? прервалъ его Франкъ.

— О себѣ, о леди Кемпбль.....

— И больше ни о комъ! прервалъ его повелительнымъ голосомъ Франкъ: вы будете лжецомъ, если приѣдите еще одно имя!

— И о миссъ Мери Треворъ, продолжалъ протяжно Ріо-Санто, и въ то же время отнялъ руку свою и приложилъ одинъ палецъ къ губамъ.

Взоръ его былъ спокоенъ; ни одна морщина не измѣнила выраженія лица его.

— Сэръ Франкъ, продолжалъ маркизь съ кротостью, я, кажется, ничѣмъ не заслужилъ вашего вызова. Я хотѣлъ быть вашимъ другомъ; вы рѣшили иначе — какъ вамъ угодно.

Франкъ покраснѣлъ отъ внутренняго удовольствія.

— И такъ до завтра, сэръ, сказалъ онъ; одного изъ насъ не должно быть на свѣтѣ, и я благодарю Бога, что вы не трусь. До завтра!

Ріо-Санто прошелся по залѣ, шутилъ, смѣялся съ дамами и воротился къ Мери.

— Вы разговаривали съ Франкомъ Персевалемъ? сказала ему шопотомъ и съ безпокойствомъ леди Кемпблъ.

— Онъ премилый молодой человекъ, отвѣчалъ Ріо-Санто.

На адресѣ, данномъ слѣпцомъ Тиррелемъ Сузаннѣ, было написано: Wimpole-Street, 9.

Въ полдень, на слѣдующій день, Сузанна была въ Вимпольской Улицѣ и стучалась въ двери красиваго дома, на которомъ былъ выставленъ № 9. Едва ударила она мѣднымъ молоткомъ, какъ дверь отворилась. Лакей, въ богатой ливреѣ, принялъ ее, и не говоря ни слова, провелъ въ залу, гдѣ сидѣла служанка, которую можно было почестъ барынею, и, по-видимому, ждала.

При входѣ Сузанны, служанка поспѣшно встала и почтительно поклонившись, сказала по-французски:

— Я доложу сейчалъ герцогинѣ о прибытіи вашего сіятельства. Не угодно ли вамъ будетъ, княгиня, обождать въ гостинной?

Сузанна вошла за горничной въ богато меблированную комнату и опустилась въ мягкія кресла. Еще разъ поклонившись, горничная удалилась. Сузанна не изъявила ни малѣйшаго изумленія, когда служанка назвала ее сіятельствомъ и потомъ княгиней. Она машинально опустилась въ кресла, не обращая вниманія на богатое убранство комнаты. На дѣвущкѣ былъ красивый, но странный, почти театральный костюмъ, купленный на деньги, которыя далъ ей слѣпецъ. Черное бархатное платье обрисовывало роскошныя ея формы; вмѣсто шляпы, на головѣ ея былъ большой кружевный воаль, небрежно наброшенный на густыя кудри. Этотъ костюмъ и дневной свѣтъ еще болѣе увеличивали красоту, которая говорила не однимъ чувствомъ; при внимательномъ наблюденіи можно было замѣтить, что подъ холодной наружностью ея скрывалась ду-

та сильная пламенная, ожидавшая только случая, чтобы пробудиться.

Дверь въ гостинную медленно отворилась и на порогѣ показалась фигура старухи, почти исчезавшей подъ несбѣтнымъ множествомъ лентъ и кружевъ. Во всей наружности маленькой и худощавой старухи поражали только глаза, исполненные хитрости и пронизательности. Она остановилась на порогѣ и долго, съ видомъ знатока, смотрѣла на Сузанну.

— Прекрасно! произнесла она съ видомъ удовольствія: прекрасно! Только слѣпымъ и находить красавицъ!....

Она кашлянула и отошла отъ дверей. Сузанна медленно обратилась къ ней.

— Милое дитя мое, сказала старуха: я герцогиня де-Жевръ; а вы, вдова несчастнаго племянника моего, умершаго въ цвѣтѣ лѣтъ, князя Филиппа де-Лонгвиля....

— Какъ вамъ угодно.

— Поцѣлуйте жъ меня; неправда ли, вы не забудете имени вашего мужа, котораго лишились сполгода назадъ? Помните, красавица моя, Филиппъ.... де.... Лонгвиль..... Слышите?

Сузанна обратила равнодушный взоръ на новую тѣтку свою.

— Филиппъ де-Лонгвиль! повторила она.

— Прекрасно! И такъ слушайте же, княгиня, сказала старая Француженка: вы племянница моя, а я—тѣтка ваша; мы должны полюбить другъ друга... такъ ли? Божусь, вотъ уже шестьдесятъ лѣтъ какъ я живу на свѣту, а такой красавицы не встрѣчала! Я думаю, я не первая восхищаюсь красотой вашей..... а пророс, вотъ гербъ вашъ, милая Сузаннъ—слышите, я буду звать васъ Сузаннъ, а не Сузанной!.... И герцогиня надѣла на палець молодой дѣвушки большой перстень, украшенный брилліантами и съ гравированнымъ гербомъ.— Вотъ такъ, продолжала она; теперь поговоримте о дѣлѣ. Прочтите сперва это письмо, адресованное на ваше имя.

Сузанна распечатала письмо и прочла слѣдующее:

«Разставшись съ человѣкомъ, который спасъ вамъ вче-

«ра жизнь, вы дошли до жидовскаго квартала. Тамъ вы долго простояли у развалинъ одного дому....»

— Дому отца моего! произнесла со вздохомъ Сузанна.

«Оттуда вы наняли фіакръ до первой гостиницы, въ началѣ Регентской Улицы, и провели тамъ ночь. Утромъ, «вы вышли чуть свѣтъ и купили платье, которое вамъ надо будетъ переменить на болѣе благопристойное; потомъ на углу Клифордской Улицы вы два часа прождали «человѣка, который не пришелъ»....»

— Который не пришелъ! печально повторила Сузанна.

«Наконецъ вы пошли въ Вимпольскую Улицу и вошли въ домъ, гдѣ теперь находитесь. Ни что не скроется отъ «взору, наблюдающаго теперь за вами.

Ждите!

«Когда получите приказаніе — повинуйтесь; исполнивъ «приказаніе — молчите!»

Подписи не было.

Сузанна бросила письмо и пристально посмотрѣла на старуху.

— За мной присматриваютъ, сказала она: к чему?... Они грозятъ мнѣ: можно ли угрожать женщинѣ, которая сама шла на встрѣчу смерти?

Проницательные глаза герцогини де-Жевръ невольно опустились при взглядѣ Сузанны. Она невольно подчинилась спокойной твердости молодой дѣвушки.

— Милая моя, сказала она съ какой-то покорностью: вы ошибаетесь, вамъ никто не угрожалъ.... Вы послужите орудіемъ къ исполненію гигантскихъ предпріятій... но зато вы будете окружены роскошью, удовольствіями, счастіемъ....

— Счастіемъ! сказала красавица со вздохомъ: когда она меня не любить!

— Кто можетъ не любить васъ, дитя мое?

— Онъ меня не знаетъ!

— Тѣмъ лучше!... Знаете ли какъ вы сдѣлались могущественны со вчерашняго дня? Вы вступили въ число тысячи членовъ, составляющихъ одно цѣлое, громадное, могущественное!... Вы будете служить этой таинственной власти, а она будетъ служить вамъ.... то, что вы желаете, испол-

вится; то, что вамъ казалось несбыточной мечтой, сдѣлается дѣйствительностью....

При послѣднихъ словахъ Сузанна встала. Прекрасное лицо ея постепенно теряло мрачную безчувственность. Глаза горѣли, грудь высоко подымалась; магнетическимъ токомъ разливалась жизнь по всѣмъ жиламъ ея.... она была прекрасна!

Француженка смотрѣла на нея съ нѣмымъ восторгомъ.

— Что я пожелаю—исполнится? сказала съ усиленіемъ Сузанна: что мнѣ казалось мечтой, сдѣлается дѣйствительностью?...— Она подняла глаза къ небу, и двѣ слезинки покатались по щекамъ ея....—О! что я желаю, продолжала она, сложивъ руки съ невыразимымъ жаромъ: мечта моя—его любовь!... Могутъ ли они дать мнѣ любовь его?

Француженка улыбнулась и взявъ Сузанну за руку, усадила ее.

— Для нихъ нѣтъ ничего невозможнаго! сказала она съ напыщенною таинственностью: успокойтесь.... вы много плакали?

— О, много!

— Теперь вы забудете, что такое слезы.... скажите мнѣ... человѣкъ, котораго вы любите, богатъ и знатенъ?

— Я думаю, что онъ бѣденъ. Онъ часто занималъ деньги у отца моего....

— Какъ его зовутъ?

— Бріанъ Ленчестеръ, отвѣчала красавица съ гордостью.

— Бріанъ Ленчестеръ! повторила Француженка съ легкимъ выраженіемъ презрѣнія: бѣдный братъ богатаго графа Вейтъ-Манорскаго!... Боже мой! и изъ-за него-то вы столько плакали?

— Я люблю его, отвѣчала Сузанна съ величественнымъ выраженіемъ гордости: и горжусь моею любовью!

— Прекрасно, отвѣчала старуха съ нѣкоторою робостью: я Француженка, слѣдовательно, люблю пошутить и посябываться.... не сердитесь на меня.... Впрочемъ, Бріанъ Ленчестеръ, можетъ сдѣлаться наслѣдникомъ имуществъ и титуловъ старшаго брата.... но теперь главное въ томъ, чтобы вы могли видѣться съ нимъ....

— Когда? когда? произнесла молодая дѣвушка съ живостью.

Старуха сложила руки на колѣняхъ, прищурила глаза и подумавъ съ-минуту, отвѣчала:

— Нынче вечеромъ.

— Нынче вечеромъ! вскричала Сузанна, какъ-бы не дѣляя своему слуху; потомъ, протянувъ руку къ старухѣ, она произнесла съ выраженіемъ искренней признательности:—Благодарю; я буду любить васъ.

— Бѣдное дитя мое, сказала старуха, покачавъ головою: вы его горячо любите—вы любите его слишкомъ горячо. Подобная любовь опасна.... можете ли вы скрыть отъ него какую-нибудь тайну?

— Нѣтъ, я все буду говорить ему.

— Вы погубите себя!

— Что мнѣ въ жизни?

— Вы убьете его!

Сузанна нахмурила брови.

— Я не угрожаю вамъ, моя милая, продолжала герцогиня; я говорю правду; мнѣ, какъ и всему городу, известна экцентрическая и смѣлая до безразсудства, характеръ Бриана Ленчестера. Если вы скажете ему одно слово, онъ пойметъ все остальное и захочетъ бороться съ таинственною властью, но при первомъ столкновеніи онъ будетъ разбитъ какъ стекло!

— Я буду молчать, сказала Сузанна.

— Такъ и должно: наслаждайтесь настоящимъ счастьемъ и не вступайте въ безразсудную борьбу.... зачемъ ему знать тайны ваши? Бѣдный дворянинъ долженъ быть счастливъ любовью вдовы князя де-Лонгвилъ, которая двадцать лѣтъ, которая хороша какъ ангелъ и богата какъ королева!...

— Я буду молчать, повторила Сузанна; но вы скажите, что я увижусь съ нимъ нынче вечеромъ?

— Я сдержу свое обѣщаніе, сказала герцогиня. Она взяла, и позвонила. По приказанію ея горничная принесла письменный приборъ.

— Теперь три часа, сказала герцогиня, написавъ двѣ писочки: намъ осталось довольно времени. Меріеттъ, от-

дай эту записку Джону, чтобы онъ тотчасъ отнесъ ее къ доктору; другую записку отдашь Дику, чтобы черезъ полчаса она была у маіора; прикажи Неду, чтобы въ половинѣ седьмого была готова карета княгини.... Ступай!

— Милая племянница, продолжала герцогиня, когда горничная удалилась: сегодня даютъ на Ковентъ-Гарденскомъ театрѣ нѣмецкую оперу.... вся аристократія будетъ тамъ. Одѣньтесь, мы поѣдемъ въ театръ.

— А Бріанъ?

— Сэръ Бріанъ Ленчестеръ будетъ тамъ.

— Но почему вы знаете?...

— Онъ будетъ тамъ.

Въ то время, къ которому относится разсказъ нашъ, на углу Финчъ-Ленской Улицы и Корнгильской Площади былъ узенькій, грязный, немощеный переулочекъ. На переулочекъ, улицу и площадь, выходили три фасада огромнаго дому, мрачнаго въ переулкѣ, промышленнаго въ улицѣ и великолѣпнаго на площади, гдѣ въ нижнемъ этажѣ были два роскошные магазина. Одинъ принадлежалъ золотыхъ дѣлъ мастеру, въ другомъ заключались всевозможныя туалетныя вещи, начиная отъ лакированныхъ ботинокъ, шелковыхъ чулковъ, манжетокъ, до готовыхъ фраковъ и шапелъ. Эти два магазина были въ большой модѣ; на магазинѣ бриллианщика было выставлено имя Фалькстона, на модномъ магазинѣ — мистриссъ Бертрамъ.

На Финчъ-Ленской Улицѣ, узкой и грязной, служившей какъ-бы переходомъ отъ широкой, свѣтлой площади, къ мрачному переулку, была, въ томъ же домѣ, мѣняльная лавка, съ внутренними рѣшетками и сторами, придававшими ей почти таинственный видъ. Возлѣ мѣнялы былъ пролавецъ старыхъ вещей и рѣдкостей. Перваго звали Вальтеромъ, втораго Проктейсомъ.

Наконецъ, въ темный переулочекъ выходили девять или десять оконъ съ рѣшетками; стекла были забѣлены мѣломъ, такъ что нескромный взглядъ не могъ проникнуть во внутренность дому. Тутъ была контора торговаго дому Эварда и К^о.

Какую торговлю велъ этотъ домъ? Этотъ вопросъ чрез-

вычайно занималъ всѣхъ сосѣднихъ кумушекъ, но ни одна не могла рѣшить его. Часто приносили тюки, часто даже повозки останавливались у дверей; тюки и пакеты вносили въ домъ, но никогда и ничего изъ него не выносили; никто не видалъ ни хозяина торговаго дому, ни компаньоновъ его. Каждый мѣсяцъ входили въ контору человекъ тридцать, иногда и болѣе, матросовъ. Единственное живое существо, появлявшееся на порогѣ, былъ лакей въ ливрѣ огненнаго цвѣту.

На другой день послѣ бала въ Треворъ-Гоузѣ матросы отдѣльными парами входили въ домъ. Когда лакей въ ливрѣ огненнаго цвѣту, насчиталъ ихъ тридцать шесть человекъ, онъ заперъ дверь на замокъ и удалился.

Эти матросы были почти всѣ дюжие парни, съ отчаянными, рѣшительными физиономіями; на лицахъ большей части изъ нихъ былъ написанъ рѣзкими чертами развратъ. Между ними было двое молодыхъ людей, едва вышедшихъ изъ дѣтства. Читатели уже знакомы съ нѣкоторыми изъ этихъ молодцовъ. Тутъ былъ дюжій Томмъ Тергбуллъ, толстый Чёрли, Патрвкъ, лаяльщикъ Сонн, мяукальщикъ Снэлъ и другіе товарищи капитана Педди, которыхъ мы не назвали. Но самого добраго капитана, въ синемъ застегнутомъ фракѣ и лосинныхъ штанахъ, не было.

Контора находилась въ большой комнатѣ, раздѣленной на-двое рѣшеткой, плотно закрытой изнутри толстою зеленою занавѣскою. Въ рѣшеткѣ были вѣланы маленькія окошечки; надъ одной изъ нихъ была надпись: «Касса.»

Матросы въ молчаніи усѣлись на скамьяхъ, расположенныхъ около стѣнъ. Послѣдній, не находя мѣста, сталъ въ амбразуру окна, приложивъ лицо къ стеклу, густо забѣленному мѣломъ. Съ перваго взгляду можно было подумать, что онъ хотѣлъ соскоблить мѣлъ, но онъ былъ занятъ менѣе матеріальной работой. Указательный палецъ правой руки его быстро пробѣгалъ по пальцамъ лѣвой: онъ считалъ. Это, по-видимому, былъ человекъ разсчетливый, если не скупой. На немъ былъ пальто изъ грубаго сукна, надѣтый сверхъ синей рубашки; короткіе штаны изъ полосатой шерстяной матеріи и съ разрѣзами вни-

зу, по сторонамъ, оставляли незакрытыми грязные сапоги съ заплатками, и толстыми подошвами. На головѣ у него была старая шляпа съ микроскопическими полями.

Онъ былъ весьма низенькаго росту и члены его, взятые вмѣстѣ, были лишены всякой симметріи; но зато взятые отдѣльно, они имѣли характеръ чрезвычайной силы. Голова, плотно посаженная на широкихъ плечахъ, имѣла свой особенный типъ. За низенькимъ, едва замѣтнымъ лбомъ слѣдовалъ прямо, безъ всякаго углубленія, длинный, узенькій, орлиный, или лучше сказать, свиный носъ; бороды у него не было, только мѣстами, длинные рыжеватые пучки волосъ виднѣлись на подбородкѣ и щекахъ. Узенькій ротъ, съ незамѣтными губами, имѣлъ по сторонамъ двѣ морщинки, придававшія ему безпрестанно улыбающійся видъ. Взглядъ его былъ то проникателенъ, то крадчивъ, то дерзокъ.

Прежде нежели назовемъ этого человѣка, замѣтимъ еще оригинальную черту его костюма: вездѣ, въ пальто, въ штанахъ, въ жилетѣ и даже въ рубахѣ, были у него карманы. На одномъ пальто было ихъ шесть.

Этотъ человѣкъ былъ Бобъ-Лантернъ.

Матросы прождали нѣсколько минутъ, когда наконецъ за зеленой занавѣской послышался голосъ:

— Всѣ ли на лицо?

— Всѣ, мистеръ Смитъ, отвѣчалъ Томъ Тёрнбуллъ, имѣвшій, по видимому, нѣкоторую власть надъ своими товарищами.

— Всѣ-я-у! промяучилъ съ гримасой маленькій Снэль.

За рѣшеткой послышался рѣзкій и сухой звукъ отпирающаго тяжелаго замка.

— Какой я разсѣянный! произнесъ въ то же время невидимый мистеръ Смитъ. Я забылъ размѣнить ассигнацію.... Ничоласъ!.... И онъ позвонилъ.

Ничоласъ, лакей въ ливреѣ огненнаго цвѣту, явился на зовъ мистеръ Смита, за рѣшеткой. Конторщикъ вручилъ ему пукъ ассигнацій.

— Размѣняй! сказалъ онъ: сейчасъ же!

Ничоласъ ушелъ.

— Слышали? вы? сказалъ Томмъ тихимъ голосомъ: раз-мѣнай, говорить.

— Слышали, Томмъ, отвѣчалъ толстый Чёрли; намъ при-несутъ деньги.

— Чёрли правъ, сказалъ Снэль, оборванный мальчишка, на лицѣ котораго выражались уже всё дурныя страсти.

— Молчи, ты, крыса проклятая! грубо сказалъ Чёрли: не надо мнѣ твоего подтвержденія.

Томмъ Тёрнбуллъ всталъ. Потомъ, не говоря ни слова, сталъ на скамью и заглянулъ за рѣшетку.

— Чтò ты тамъ дѣлаешь? спросили его товарищи.

Томмъ соскочилъ со скамьи и приложивъ палецъ къ губамъ, прошипѣлъ: — Стъ!.... Потомъ, собравъ около себя товарищей, онъ сказалъ имъ шопотомъ:

— Тамъ, сзади, въ двухъ шагахъ отъ насъ, желѣзный, открытый сундукъ.

— Ну, такъ чтò жъ?

— Въ этомъ сундукѣ нѣтъ ни серебра.....

— Тѣмъ хуже!

— Ни золота....

— Это еще хуже!

— Молчите! Убью перваго, кто заговоритъ! грозно про-изнесъ Томмъ. Снэль осторожно всталъ сзади. — Ни золо-та! повторилъ Тёрнбуллъ; но знаете ли отчего?

— Отчего?

— Оттого, что мѣста нѣтъ! Оттого, что онъ набитъ ас-сигнаціями до-верху....

У всѣхъ глаза засверкали; послышался глухой ропотъ.

— Тамъ на cadaго изъ насъ, продолжалъ Тёрнбуллъ, будетъ по миллиону!

Глухой ропотъ усилился. Жадность выразилась во всѣхъ взорахъ, устремленныхъ на рѣшетку.

— Потерпите, друзья, потерпите! сказалъ мистеръ Смитъ, принимавшій ропотъ за выраженіе нетерпѣнія. Контор-щикъ сидѣлъ за своимъ бюро и спокойно читалъ журналъ Times. Невозможно описать лица его, которое было закры-то синими очками и зеленымъ зонтикомъ.

— По миллиону! повторило нѣсколько голосовъ.

— Друзья! сказалъ голосъ Бобъ-Лантернъ: надо дѣйство-

вать осторожно. Не надо дурачиться.... могут быть дурныя послѣдствія....

— Полно лицемѣрны! сказалъ Томмъ; говорятъ тебѣ, что тамъ горы ассигнацій!.. ♣

— Это чертовски соблазнительно! возразилъ Лантернъ облизываясь: кабы можно было дѣйствовать по-тихонько, а то.... Капитанъ не придетъ?

— Нѣтъ, отвѣчалъ Чёрли.

— Чертовски соблазнительно! повторилъ Бобъ, и подкравшись къ рѣшеткѣ, слегка потрясъ ее.

— Потерпите, друзья, потерпите! сказалъ конторщикъ, продолжая читать газету.

— Крѣпко, проворчалъ Бобъ поморщась, чертовски крѣпко!

— Крѣпко? повторилъ Томмъ, пожавъ плечами; нешто мы дѣти?

— Какіе дѣти! смѣло воскликнулъ Снэль.

— Чтò же намъ дѣлать? спросили другіе.

Томмъ не отвѣчалъ, но бросился къ рѣшеткѣ и съ-размаху ударилъ въ нее каблукомъ.... рѣшетка пошатнулась, но не упала.

— Это чтò значитъ? сердито вскричалъ Смитъ.

Томмъ хотѣлъ повторить ударъ, Бобъ-Лантернъ остановилъ его.

— Ты слишкомъ шумишь, любезный, сказалъ онъ: над-все дѣлать съ-разу. И, по-видимому, безъ усилій, онъ съ такою силой ударилъ каблукомъ по замку, что замокъ разлетѣлся въ куски; потомъ Бобъ отскочилъ, пустивъ другихъ впередъ.

Когда осаждавшіе кассу ворвались за рѣшетку, мистеръ Смитъ успѣлъ уже стать въ оборонительное положеніе. Воротъ его было на колесахъ; онъ проворно придвинулъ его къ двери, стараясь припереть ее, но уже было поздно.

— Не трудитесь, мистеръ Смитъ, вскричалъ Тербуллъ: дѣло сдѣлано, и если вы не будете шумѣть, такъ мы по-дѣлимся съ вами.

— Дерзкіе! вскричалъ конторщикъ дрожащимъ голосомъ. Вы должны убить меня, чтобы добраться до кассы!

— За этими дѣло не станетъ! равнодушно отвѣчалъ Томмъ.

Т. LXVII. — Отд. II.

Громкій смѣхъ одобрилъ его шутку.

За рѣшеткой была дверь въ обширныя кладовыя торговаго дому; круглая, дубовая лѣстница вела во второй этажъ.

Пока Томмъ, Чёрли и другіе отталкивали бюро, одинъ изъ толпы, болѣе смѣлый или ловкій, вскочилъ на бюро, закричавъ:

— Мнѣ первая доля!

— Bravo, Сони! закричала толпа.

— Тебѣ первая доля! повторилъ мистеръ Смитъ, поспѣшно выхвативъ изъ бокового кармана пару маленькихъ пистолетовъ. Не слышно было ни шуму, ни выстрѣла, только что-то свиснуло въ воздухъ, и Сони, съ раздробленною головою, упалъ мертвый съ бюро....

— О-го! плохо! проворчалъ Бобъ, пятясь къ выходу.

Но другіе не послѣдовали его примѣру. Они бросились на конторщика и опрокинули его. Томмъ Тёрнбуллъ вынималъ уже изъ-за пазухи длинный ножъ....

Но вдругъ произошло что-то чудное, необыкновенное... Матросы вздрогнули, отскочили за рѣшетку и остановились ламъ, нѣмы, неподвижны.... По круглой лѣстницѣ медленно спускался человекъ въ черной маскѣ.... Остановившись на послѣдней ступени, онъ произнесъ спокойнымъ голосомъ:

— Что здѣсь за шумъ, мистеръ Смитъ? Мнѣ нуженъ покой.... прикажите имъ не шумѣть.

— Его честь! произнесъ Томмъ со страхомъ.

— Попались! проворчалъ Бобъ-Лантернъ, спрятавшись въ углубленіе окна.

Его честь медленно ушелъ.

Мистеръ Смитъ всталъ и поставилъ бюро на мѣсто.

— Уберите это, сказалъ онъ холодно, указывая на обезображенный трупъ Сони.

— Слушаю, мистеръ Смитъ, почтительно отвѣчалъ Тёрнбуллъ.

И какъ-будто бы ничего не произошло, мистеръ Смитъ принялся опять за газету, во ожиданіи Nicholasa.

— Бѣдный Сони! произнесъ кто-то въ толпѣ.

— Онъ такъ славно лаялъ! жалобно пропѣвалъ Сизъль.

Въ комнатѣ, убранной съ восточною роскошью и выходившей окнами на Корнвальскую Площадь, находился у окна, съ закрытыми занавѣсами, знакомый намъ мечтатель, къ которому ревновалъ бѣдный Макъ-Набъ. Онъ лежалъ на бархатной кушеткѣ и курилъ изъ длинной трубки съ янтаремъ; лицо его было блѣдно и выражало усталость послѣ ночи, проведенной безъ сна. Передъ нимъ маленькій Негръ, живой шопитръ, держалъ открытую книгу, на страницы которой по временамъ былъ обращенъ разсѣянный взоръ сэръ Эдуарда. Возлѣ него, на креслахъ, лежала черная маска и короткій четырехствольный пистолетъ.

Лакей, въ ливреѣ огненнаго цвѣту, пришелъ доложить, что какой-то Бобъ-Лантернъ имѣетъ сказать нѣчто важное его чести. Эдуардъ приказалъ ввести его, и сдѣлалъ знакъ Негру, чтобъ тотъ удался.

Бобъ-Лантернъ, согнувшись въ дугу и осторожно ступая по ковру, вошелъ, и остановился въ нѣсколькихъ шагахъ отъ Эдуарда.

— Чтѣ тебѣ надо? спросилъ послѣдній.

— Я пришелъ поклониться вашей чести, униженно прозвесь Бобъ: и доложить объ извѣстномъ вамъ дѣлѣ.

— О какомъ дѣлѣ? Говори коротко и ясно.

— Постараюсь, ваша честь.... Неужели вы изволили забыть Темплъ и хорошенькую миссъ? Славная штука!

Ощущенія Эдуарда въ церкви были такъ сладостны, что онъ послѣ первыхъ словъ Боба припомнилъ все. Онъ провѣлъ рукою по глазамъ и промолчавъ нѣсколько мннутъ, отвѣчалъ:

— Да.... да! она очаровательна! сколько благочестія во взглядѣ! сколько невинности во взорѣ! сколько скромности въ голосѣ! и сколько любви во всемъ этомъ!..

— Да, славная штука!

Эдуардъ опустилъ руку и посмотрѣлъ на Лантерна.

— Я тебѣ далъ порученіе.....

— Точно такъ; потому-то я и пошелъ за барышнями.... ихъ двѣ сестры....

— Гдѣ же она живетъ?

— Какъ нарочно, ваша честь, близёхонько!... Не надо вамъ будетъ нанимать извозчика....

— Не гдѣ же? прервалъ съ нетерпѣніемъ Эдуардъ.

— Напротивъ васъ, по другой сторонѣ площади, весѣливо отвѣчалъ Бобъ.

Эдуардъ невольно послѣдовалъ взоромъ за направлениемъ пальца Бобъ-Лантерна, который указывалъ на второй этажъ противоположнаго дому. Онъ такъ весѣливо подошелъ ко второму, незавѣшенному окну, что молодая дѣвушка, стоявшая у окна противоположнаго дому, не успѣла отойти.

— Это она, сказалъ Эдуардъ, когда очаровательное видѣніе исчезло: я увѣренъ, что это она!... Хорошо, сказалъ онъ, обратившись къ Лантерну; скажи мистеръ Смитъ, чтобы онъ заплатилъ тебѣ.

— Миѣ бы гораздо было пріятнѣе и почетнѣе, отвѣчалъ съ смущеніемъ Бобъ: получить награду изъ рукъ вашей чести....

Эдуардъ бросилъ ему два соверена и сдѣлалъ знакъ, чтобы онъ удалился.

— Да благословить васъ Господь, сказалъ Бобъ, низко поклонившись. Удаляясь, онъ ворчалъ:—Сорокъ жалкихъ шеллинговъ за то, что я открылъ ему кладъ.... это несправедливо.... я жъ оплачу ему!...

Эдуардъ опять опустился на кушетку, слегка отдернувъ часть занавѣса и обративъ глаза на окна противоположнаго дому.... Онъ ошибался: дѣвушка, которую онъ видѣлъ у окна, была не Анна, а сестра ея. Клара, по невольному, необъяснимому влеченію сердца, полюбила Эдуарда тою глубокою, восторженною любовью, какую развиваютъ уединеніе и тихая, мирная жизнь. Вдали отъ свѣта, она не имѣла случая тратить на мелочныя, пустыя прихоти душевной и тѣлесной полноты.

Клара и младшая сестра ея, Анна, провели дѣтство въ Локмевенѣ, гдѣ отецъ ихъ былъ главнымъ судьей. Въ тѣ лѣта, когда материнскія ласки и наставленія становятся необходимыми молодымъ дѣвушкамъ, сестры лишились матери. Онѣ остались еще два или три года у отца. Вдругъ поведеніе судьи, Макъ-Ферлена, измѣнилось; всѣ поступ-

ки его окружились какою-то таинственностью. Незнакомые люди стали появляться въ его домѣ; вели съ нимъ частыя, продолжительныя бесѣды; онъ предпринималъ секретныя поѣздки, цѣль и причины которыхъ не были никому извѣстны. Около того времени онъ попросилъ сестру свою, вистриссъ Макъ-Набъ, которая проживала въ Лондонѣ, взять къ себѣ дочерей его. Мать Стѣфена находилась тогда въ большой гѣрести; мужъ ея былъ убитъ неизвѣстно кѣмъ. Она съ удовольствіемъ приняла племянницъ, полюбила ихъ материнскою любовью и каждый разъ, когда Макъ-Ферлэнъ пріѣзжалъ въ Лондонъ, она страшилась, чтобы онъ не разлучалъ ее съ милыми дѣвушками; но Макъ-Ферлэну это и въ голову не приходило. Бывая въ Лондонѣ, онъ совершенно предавался дѣламъ, по которымъ пріѣзжалъ.

Стѣфенъ также привязался искреннею братскою любовью къ своимъ кузинамъ. Онъ былъ еще ребенкомъ, когда отецъ его палъ подъ ударами убійцы; онъ присутствовалъ при этой ужасной катастрофѣ, и воспоминаніе о страшной смерти отца и черты убійцы глубоко врѣзались въ его памяти, хотя послѣдняго онъ видѣлъ только одну минуту, когда съ лица его спустилась маска; убійца представлялся воспоминаніямъ его, какъ человѣкъ высокій, сильный, здоровый.... въ то самое время, когда съ лица его спала маска, онъ наносилъ смертельный ударъ; черныя брови его были нахмурены и надъ ними проходила бѣлая полоса отъ зажившей раны....

Стѣфенъ поступилъ въ оксфордскій университетъ, въ медицинскій факультетъ. Въ первые годы студенческой жизни своей онъ вступилъ въ тѣсную дружбу съ однимъ изъ товарищей своихъ. Молодые люди тѣмъ сильнѣе полюбили другъ друга, что все въ нихъ было различно, почти противоположно: одинъ былъ сынъ простаго гражданина, другой принадлежалъ къ высшей англійской аристократіи. Дворянинъ былъ пылокъ, страстенъ, смѣлъ и храбръ; медикъ былъ положительнѣе, спокойнѣе и не доводилъ ни страстей, ни храбрости своей до крайности.

Другъ Стѣфена Макъ-Наба былъ Франкъ Персеваль.

Въ воскресенье вечеромъ, въ церкви, въ сердцѣ Стѣфена

произошелъ переворотъ. Онъ понялъ, что любилъ одну изъ кузинъ своихъ, Клару, любовью не братскою; онъ узналъ, что такое ревность—и воротился домой грустный, печальный. Онъ былъ приглашенъ въ этотъ вечеръ на большой балъ, къ лорду Джемсу Тревору, и крайне радовался этому случаю войти въ свѣтъ новый, знакомый ему. Онъ родился на границахъ Шотландіи, гдѣ лордъ Треворъ имѣлъ значительныя помѣстья. Знатный лордъ зналъ и уважалъ покойнаго Макъ-Наба и когда Стѣпень былъ представленъ ему, то принялъ его радушно, обѣщалъ покровительствовать ему и самъ первый вступилъ въ число пациентовъ молодого медика. Какъ домашній докторъ, Стѣпень часто бывалъ въ домѣ лорда, и его пригласили на балъ. Цѣлую недѣлю занимался онъ приготовлениями, а теперь, когда настала часть бала, онъ не одѣвался и сидѣлъ задумчивъ и печаленъ въ комнаткѣ своей передъ каминомъ....

Въ девять часовъ, мать его вошла къ нему.

— Что же ты не одѣваешься, Стѣпень? сказала она.

— Зачѣмъ! отвѣчалъ онъ: что я буду дѣлать между гордыми аристократами, которые станутъ смѣяться надъ мной, либо не обратятъ на меня никакого вниманія!... Терпѣть не могу знатныхъ!... И онъ подумалъ:—Вѣроятно, и тотъ тщеславный мечтатель какой-нибудь графъ!

— Ахъ, Стѣпень, сказала мистриссъ Макъ-Набъ съ упрекомъ: ты забываешь, что бѣдный отецъ твой былъ любимъ и уважаемъ всѣми дворянами нашего графства. Это правда, мы не дворяне, но выше лондонскихъ гражданъ, потому что макъ-набскіи князь....

— Э! что до этого! прервалъ ее Стѣпень нетерпѣливо.

— Что съ тобой сегодня, сынъ мой? Впрочемъ, дѣлай что хочешь. Я пришла сюда не для того чтобы говорить о балѣ, но вотъ письмо.... ты не станешь читать его, потому что оно отъ дворянина....

— Отъ Франка! вскричалъ Стѣпень радостно.

— Я знаю его руку, мой милый, по тому только что письма его радуютъ тебя.

Стѣпень поцѣловалъ мать свою.

— Онъ здѣсь! Онъ въ Лондонѣ! вскричалъ молодой человекъ, прочитавъ первыя строки письма: бѣдный Франкъ! И онъ несчастливъ!...

— И онъ? повторила мистриссъ Макъ-Набъ. Но развѣ ты, Стѣфенъ, несчастливъ?

Онъ принудилъ себя улыбнуться и добрая мать, успокоившись, оставила сына одного. Едва она вышла, какъ послышался легкій стукъ въ дверь и нѣжный голосъ произнесъ.

— Благодарю васъ, кузень.

Надобно замѣтить, что хорошенькая Анна всю педѣлю употребляла все краснорѣчіе свое, чтобы уговорить Стѣфена, не ходить на балъ. У нея была своя, наивная ревность. Она неопредѣленно понимала, сколько обольщивій окружають свѣтскую женщину; женскій инстинктъ ея угадывалъ упоеніе, овладѣвающее молодымъ человекомъ при входѣ въ великолѣпную залу, наполненную благоуханіями, гдѣ улыбки и взоры скользятъ по сердцу, и боязнь проникла въ душу молодой дѣвушки, потому что она любила Стѣфена столько, сколько могла....

Стѣфенъ Макъ-Набъ не пошелъ на балъ къ лорду Джемсу Тревору.

Пролежавъ еще нѣсколько минутъ на кушеткѣ, Эдуардъ позвонилъ.

— Ударъ въ гонгъ средней залы, сказалъ онъ вошедшему Негру.

— Сколько ударовъ?

— Пять.

Нѣсколько секундъ спустя послышались пять глухихъ и протяжныхъ ударовъ въ мѣдный тазъ. Эдуардъ вышелъ изъ кабинета и прошелъ въ круглую залу, находившуюся въ центрѣ дома. Въ залѣ не было ни одного окна; она освѣщалась люстрой; но зато въ разныхъ разстояніяхъ было шесть дверей; въ одну изъ нихъ вошелъ Эдуардъ. Вокругъ красиваго камна стояли пять стульевъ и одно кресло, на которое сѣлъ Эдуардъ.

Почти въ то же мгновеніе отворились всѣ двери. Въ первую вошла нарядная дама, хозяйка моднаго магазина,

выходившаго на Корнгильскую Площадь—мистриссъ Бертрамъ; она была еще хороша собою, хотя давно уже переступила за границы первой молодости.

Во вторую дверь вошелъ бриллианщикъ, мистеръ Фалькстонъ; онъ былъ щегольски одѣтъ; синеватый отливъ подбородка и половины щекъ заставлялъ думать, что свѣтлорусые усы его и прекрасно завитые русые волосы были не натуральные.

Третью дверь отворилъ мужчина, порядочной, скромной наружности. Это былъ мѣняла, мистеръ Вальтеръ. Черный парикъ его не согласовался ни съ голубыми глазами, ни съ матовой бѣлизной лица; впрочемъ, глаза его были закрыты зелеными очками.

Въ четвертую дверь вошелъ маленькій, желтый, худощавый старичокъ, въ изношенномъ сюртукѣ; по выраженію лица его и угловатымъ ужимкамъ не трудно было узнать въ немъ ростовщика. Это былъ Практиейсъ, прокуроръ, лишенный этого званія за плутни; теперь онъ былъ ростовщикомъ, и прикрывалъ продѣлки свои будто бы покупкой и продажей старыхъ и рѣдкихъ вещей.

Наконецъ изъ пятой двери показался мистеръ Смитъ въ синихъ очкахъ и съ зонтикомъ, почти совершенно закрывавшимъ лицо его.

Они вошли, почтительно поклонились и сѣли, но не прежде какъ Эдуардъ сдѣлалъ имъ знакъ величественнымъ движеніемъ руки. Нѣсколько минутъ длилось молчаніе.... Эдуардъ посмотрѣлъ на золотые, украшенные бриллиантами часы свои.

— Половина перваго! произнесъ онъ. Такъ ли, Фалькстонъ?

— Точно такъ.

Практиейсъ вытащилъ изъ кармана толстые серебряные часы и поставилъ ихъ по часамъ Эдуарда.

— Въ такомъ случаѣ, продолжалъ послѣдній, нечего терять времени; вотъ въ чемъ дѣло: мнѣ нужно десять тысячъ фунтовъ стерлинговъ.

— Десять тысячъ! воскликнулъ Практиейсъ, судорожно сжавъ часы свои.

— Десять тысячъ! повторили всѣ.

— Нынче вечеромъ, не позже, прибавилъ холодно Эдуардъ.

Всѣ головы опустились.

— Сэръ Вальтеръ, спросилъ Эдуардъ: можете ли вы мнѣ отсчитать ихъ сейчасъ же?

— Могу, но....

— Что, но?

— Захотите ли вы принять эту монету....

— Не хочу.... а вы, Фалькстонъ?

— Дѣла идутъ очень плохо....

— А вы, Фанни? нетерпѣливо перервалъ Эдуардъ, обратившись къ мистриссъ Бертрамъ.

— Вся касса моя къ услугамъ вашимъ, отвѣчала она: но у меня не будетъ и четверти этой суммы....

— Я возьму, что есть.... вы, Фанни, милы и добры по-прежнему. А вы, Практейсъ?

— Я скажу вашей чести на-прямки, отвѣчалъ бывшій прокуроръ: я скажу безъ отговорокъ, коротко и ясно; я скажу то же, что сказалъ сосѣдъ нашъ, мистеръ Фалькстонъ: дѣла идутъ очень плохо, то есть, ужасно плохо! Я даже осмѣлюсь прибавить свое замѣчаніе; то есть, что дѣла вовсе нейдутъ!

— Что жъ изъ этого слѣдуетъ?

Прокуроръ трижды открывалъ ротъ прежде нежели рѣшился дать слѣдующій отвѣтъ жалобнымъ голосомъ:

— Бѣдная касса моя и все мое имущество къ услугамъ вашей чести.

— Васъ, Смитъ, я и не спрашиваю, сказалъ Эдуардъ послѣ краткаго молчанія: я знаю, что у васъ есть.... Какъ вамъ не стыдно, господа! Я прошу у васъ бездѣлицы....

— Десять тысячъ фунтовъ стерлинговъ! произнесъ со вздохомъ Практейсъ.

— А вы отказываете мнѣ. Развѣ я мало для васъ дѣлаю? Развѣ полиція беспокоитъ васъ? Развѣ вся аристократія Лондона не закупаетъ въ вашихъ магазинахъ? А вы не хотите услужить мнѣ бездѣлицой!

— Вы знаете, что все мое имущество принадлежитъ вамъ, прошептала мистриссъ Бертрамъ.

— Знаю и благодарю васъ, Фанни.... но эти господа....

— Мы готовы, прервалъ его Фалькстонъ.

— Мы готовы, повторили другіе, исключая Смита.

— Давно бы такъ! сказалъ Эдуардъ вставая: я надѣюсь на васъ. Надѣйтесь и вы на меня. Въ нуждѣ и бѣдѣ, я всегда готовъ служить вамъ. Прощайте, Фанни.

Мистриссъ Бертрамъ поклонилась и ушла.

— Нѣтъ ли чего новаго, Фалькстонъ? спросилъ Эдуардъ.

— Чѣмъ кончилась ваша исторія въ прошедшую ночь?

— Вздоромъ.... мы скоро избавимся отъ него.

— Тѣмъ лучше. Кому отдать деньги?

— Фанни, какъ и всегда.

Фалькстонъ поклонился и вышелъ; за нимъ ушелъ и Практиейсъ.

— Дурныя вѣсти, сказалъ Вальтеръ: вчера у меня по приплати трехъ ассигнацій и нехорошіе слухи начинаютъ распространяться по сосѣдству.

— Что жъ такое говорить?

— Ничего опредѣленнаго; но всѣ дѣлаются мнительными, всякую ассигнацію разсматриваютъ и оборачиваютъ разъ десять.

— Не бойся, Вальтеръ, другъ мой, сказалъ Эдуардъ улыбаясь: скоро дѣла наши поправятся.

Мѣняя пожалъ плечами и мѣрными шагами пошелъ къ своей двери.

— Смитъ, сказалъ Эдуардъ конторщику, когда остался съ нимъ насдинѣ: каково идетъ работа наша въ Банковской улицѣ?

— Я былъ тамъ нынче утромъ, отвѣчалъ Смитъ шопотомъ. Педди кормитъ и поитъ своего великана на убой и тотъ работаетъ за четверыхъ, но онъ ослабѣваетъ.....

— Какъ это идетъ медленно! произнесъ Эдуардъ съ досадою.

— Но вѣдь въ Банковской улицѣ до сорока футовъ ширины! возразилъ Смитъ—и громадный кротъ нашъ роется въ двадцати футахъ глубины..... Еще недѣльку и великанъ умретъ, но проходъ будетъ готовъ.

— Дай-то Богъ, добрый Смитъ..... Эдуардъ оттолкнулъ кресла къ стѣнѣ и сталъ надѣвать надушенные перчатки.

Прощай, Смитъ, прибавилъ онъ: похлопочи, чтобы старый скряга Практейсъ отсчиталъ къ-вечеру деньги.

Эдуардъ ушелъ въ дверь, которая вела къ магазину Фалькстона; остался тамъ нѣсколько минутъ, какъ-бы выбирая драгоцѣнныя украшенія, и вышелъ изъ магазина какъ покупатель, онъ сѣлъ въ красивую коляску, запряженную парой прекрасныхъ лошадей, которымъ подобныхъ можно было найти развѣ только въ княжескихъ ковшняхъ маркиза Рио-Санто.

Въ мрачномъ, сыромъ и душномъ подвалѣ, слабо освѣщенномъ маленькимъ фонаремъ, человѣкъ не высокаго роста, но плотный, выпиналъ осторожно камень изъ стѣны.... Камень уступилъ легкому и привычному натиску этого человѣка и упалъ на землю, оставивъ въ стѣнѣ по большое, но глубокое отверстие.... вспыхнувшій въ фонарѣ огонь освѣтилъ лицо Бобъ-Лантерна, выражавшее дикую и вмѣстѣ жадную радость.

Онъ подбѣжалъ къ двери, посмотрѣлъ, крѣпко ли она была заперта, потомъ двумя скачками воротился къ отверстию и опустилъ туда судорожно сжатые руки свои.... Все тѣло его задрожало отъ удовольствія и въ то же время послышался звукъ пересыпавшагося золота. Лицо Лантерна, освѣщенное снизу фонаремъ, стоявшимъ на землѣ, отражало энергическое выраженіе наслажденія, доведеннаго до своего пароксизма.... Онъ сначала медленно, съ наслаженіемъ перебиралъ золото, потомъ судороги стянули его пальцы, глаза вполонину закрылись, онъ съ какою-то яростію сталъ рыться въ золотѣ, проносясь невнятные звуки.... руки его по локоть исчезали въ золотѣ.

Насладившись видомъ и прикосновеніемъ своего сокровища, онъ вынулъ изъ кармана деньги, *заработанныя* въ тотъ день и бросилъ ихъ въ отверстие. Видно было, что Лантерну стоило большихъ усилій, чтобы разстаться съ казною своею, но надо было рѣшиться. Онъ поставилъ камень на мѣсто, и такъ ловко, что его рѣшительно нельзя было отличить отъ другихъ.

— Темперенсъ хитра, когда не пьяна, сказалъ онъ: но она вѣчно пьяна, и я хитрѣе ея!...

Нѣсколько минутъ спустя Бобъ-Лантернъ, тщательно замкнувъ толстую дверь подвала, былъ опять на улицѣ. По другую сторону ея, въ грязной тавернѣ, онъ увидѣлъ Темперенсу, которая спала, опустивъ голову на столъ.

— Какъ жаль! произнесъ онъ съ сожалѣніемъ: какъ жаль, что она такъ неумѣренна! А скоро ли найдешь женщину, ростомъ въ пять футовъ и шесть дюймовъ!

Было около двухъ часовъ по полудни.

Толкая дѣтей и женщинъ и почтительно уступая дорогу джентльменамъ, Лантернъ дошелъ до высокаго, великолѣпнаго дому, передъ фасадомъ котораго проходила желѣзная рѣшетка. За рѣшеткой, по обѣимъ сторонамъ крыльца, сидѣла праздная толпа грумовъ и лакеевъ, которые разговаривали между собою и смѣялись.

Бобъ-Лантернъ вступилъ на первую ступеньку крыльца.

— Чтò надобно этому неучу? вскричалъ маленькій, худенькій жокей.

— Добрый мистеръ Тюлипъ, отвѣчалъ Бобъ: неужели вы меня не узнаете? Я Бобъ-Лантернъ, вашъ покорный слуга.

— Да, да! вскричали лакеи, это Бобъ-Лантернъ, мужъ мистриссъ Темперенсы..... А чтò тебѣ надо?

— Хочу засвидѣтельствовать вамъ мое почтеніе и узнать, могу ли я видѣться съ управителемъ.

— Онъ очень занятъ.

— Это не бѣда! Мы съ мистеръ Патерсономъ старые знакомые; я увѣренъ, что онъ охотно приметъ меня.

— Проводи его, Тюлипъ, сказалъ одинъ изъ лакеевъ-великановъ маленькому жокею.

Бобъ-Лантернъ, какъ человѣкъ осторожный, поклонился лакеямъ, которые громко насмѣхались надъ нимъ и пошелъ за жокеемъ въ переднюю. Она была полна народомъ, ожидавшимъ очереди предстать передъ лицомъ управителя Патерсона, которыя и, будучи занятъ важными дѣлами, заставлялъ ихъ ждать. Тюлипъ доложилъ управителю объ Лантернѣ.

— Лантернъ..... Лантернъ..... говорилъ Патерсонъ, какъ бы припоминая: а, знаю! впусти его.

Ропотъ поднялся между бѣдняками, которые нѣсколько

дней уже тщетно выжидали случая поговорить съ управителемъ. Они не хотѣли пропустить Лантерна, но Тюлигъ схватилъ мокрую щетку и брызнулъ на нихъ грязною водою; всѣ отступили. Бобъ воспользовался этимъ случаемъ и проскользнулъ въ кабинетъ.

— Запри дверь, сказалъ управитель не оглядываясь: и ступай сюда.

Бобъ исполнилъ его приказаніе.

Мистеръ Патерсонъ, человекъ самой обыкновенной, даже площадной наружности, былъ очень занятъ — онъ грѣлъ ноги у камина. Помолчавъ съ-минуту и зѣвнувъ, онъ посмотрѣлъ на Боба.

— Ты продаешь..... сказалъ онъ, желая сказать острое слово, но не находя его: ты продаешь..... Ну! какъ бы это сказать?.... понимаешь, плутъ?

Лантернъ добродушно засмѣялся.

— Вы все изволите шутить; точно, я продаю..... вы сами изволите знать что.

— Ты, любезный, пришелъ не во-время; товаръ твой намъ теперь не нуженъ.....

— Жаль, возразилъ Бобъ холодно: жаль для васъ, потому что такой отличный товаръ, какъ вы изволите говорить, у меня дома на рукахъ не останется! Я его какъ-разъ сбуду.

— Развѣ она очень хороша? спросилъ управитель.

— Прелесты!... То есть, просто.... прелесты!

Мистеръ Патерсонъ пожалъ плечами, и сказалъ:

— Всякой купецъ свой товаръ хвалить.

— Можете посмотрѣть, мистеръ.....

— Кчему?.... Женщины надоѣли милорду.

— Извините, что я напрасно побеспокоилъ васъ, мистеръ.

Лантернъ униженно поклонился и пошелъ къ двери. Мистеръ Патерсонъ остановилъ его, спросивъ, съ притворнымъ равнодушіемъ:

— А который ей годъ?

— Лѣтъ семнадцать..... много осьмнадцать..... Ахъ, мистеръ! она свѣжа какъ спѣлая вишня, стройна какъ ввовая вѣтка, граціозна, мила, скромна, невинна.....

— Та, та, та! прервалъ его управитель: а гдѣ она живетъ?

— Вотъ это ужъ денежекъ стѣнть, отвѣчалъ Лантернъ съ отвратительной улыбкой. Это ужъ половина всего дѣла.... Впрочемъ, если милорду надоѣли женщины, такъ нечего и говорить.

— Послушай, честный Бобъ....

— Слушаю, мистеръ.

— Не прерывай меня. Если она въ самомъ дѣлѣ такъ хороша, какъ ты говоришь, такъ мы можемъ испытать; можетъ-быть, милордъ и полюбитъ ее.

— Полюбитъ, мистеръ, непременно полюбитъ!

— Надо испытать.

— Непременно надо.

— Тѣмъ болѣе, что съ-тѣхъ-поръ какъ милордъ перемѣнилъ образъ жизни, я теряю кредитъ свой. Повѣришь ли ты, честный Бобъ, что его сіятельство потребовалъ у меня на прошлой недѣлѣ въ-которыхъ объясненій въ своимъ дѣламъ!

— Возможно ли! вскричалъ съ крайнимъ изумленіемъ Бобъ.

— Да. Пора пустить его въ прежнія продѣлки. Я увижу эту молодую дѣвушку.

— Давно бы такъ!

— Завтра же.

— Когда вамъ угодно.

— Сколько жъ тебѣ за это?

Бобъ подошелъ къ камину и отвѣчалъ:

— Я вамъ скажу имя и адресъ ея, если вы мнѣ отсчитаете сейчасъ тридцать золотыхъ совереновъ.

— Ты съ ума сошелъ, почтенный Бобъ! вскричалъ управитель. Тридцать совереновъ за адресъ!

— И имя.... адресъ и имя самой хорошенькой миссъ во всемъ Лондонѣ. Чего жъ вамъ больше?

— Но подумай самъ.... тридцать совереновъ!

— Это даромъ.... Когда увидите ее, вы сами скажете. Бобъ-Лантернъ глупъ: это стѣнть ста гиней.

— Но въ-дѣдъ всякій другой могъ бы встрѣтить эту миссъ....

— Лондонъ великъ. Ищите, я вамъ мѣшать не буду.

Мистеръ Патерсонъ подумалъ съ-минуту, потомъ всталъ, не говоря ни слова, и пошелъ къ бюро. Бобъ жаднымъ взоромъ слѣдилъ за всѣми его движеніями. Управитель выдвинулъ ящикъ и медленно отсчиталъ тридцать золотыхъ монетъ.

— Дорогонько, ворчалъ онъ про себя: но Бобъ никогда не обманывалъ меня. У него удивительный вкусъ. Притомъ же, деньги милорда. .. Ступай сюда, продолжалъ онъ вслухъ: смотри, если ты меня обманешь!..

— Неужели вы, мистеръ, думаете, что у меня нѣтъ чести и благородства! напыщенно спросилъ Лантернъ.

— Бери!

Не дожидаясь повторенія, Бобъ схватилъ деньги, которыя въ то же мгновеніе исчезли въ одномъ изъ его безчисленныхъ кармановъ.

— Анна Макъ-Ферлэнъ, говорилъ онъ тихимъ голосомъ, между-тѣмъ какъ Патерсонъ записывалъ: номеръ 32, на Корнгильской Площади, противъ Финчъ-Лэнской улицы; двѣ сестры, старая тетка или мать... и молокосось, родной или двоюродный братъ.

— Гмъ! проворчалъ управитель: молокосось-то тутъ не кстати.

— Мѣшаетъ маленько.... ну, да въ случаѣ налобности.... я беру на себя и подобныя дѣла.... Лантернъ сдѣлалъ ужасное движеніе, въ значеніи котораго нельзя было сомнѣваться. Управитель пристально посмотрѣлъ на него и замѣявшись сказалъ:

— Да у тебя, почтенный Бобъ, должны быть милліоны!

— Гдѣ намъ! отвѣчалъ униженно Бобъ: въ Лондонѣ жить дорого; если бъ ваша милость не дала мнѣ тридцати совереновъ, такъ нѣначто было бы купить хлѣба!... Сущяя бѣда! Когда жъ прикажете мнѣ зайти?

— Завтра.

Бобъ поклонился и вышелъ. Патерсонъ позвонилъ и приказалъ слугѣ сказать ожидавшимъ его бѣднякамъ, что сегодня онъ чрезвычайно занятъ, а потому не можетъ принять ихъ.

—

Франкъ Персеваль не прибавлялъ къ имени своему никакихъ титуловъ. Это было не изъ презрѣнія къ нимъ, но изъ гордаго и благороднаго уваженія къ древнему историческому имени своихъ предковъ. Старшій братъ его, графъ Фейфскій, получилъ въ наслѣдство почти все отцовское имѣнiе, согласно съ англійскими законами. Имѣнiе было, однако жъ, не довольно велико, чтобы графъ могъ назначить пенсiю брату, потому что онъ самъ жилъ при дворѣ и, слѣдовательно, долженъ былъ вести жизнь вѣдможн.

Франкъ принужденъ былъ довольствоваться маловажною суммою, доставшеюся ему въ удѣлъ; она была бы даже недостаточна, если бъ мать не удѣлила ему часть собственнаго своего состоянiя. Вдовствующая графиня Фейфская жила въ то время въ Шотландiи, съ послѣднею изъ дочерей своихъ, двѣнадцатилѣтнею дѣвочкою. Франкъ жилъ въ Лондонѣ, въ Долей-гоузѣ, собственности матери его. У него была домоправительница и старшій слуга — не было ни экипажей, ни лошадей.

На другой день послѣ бала въ Треворъ-гоузѣ, Стѣфенъ Макъ-Набъ около полудня входилъ въ квартиру Персевала. Его принялъ старшій слуга.

Джекъ былъ честный, вѣрный и преданный слуга. Онъ всею душою любилъ своего господина и былъ недоволенъ только однимъ: равнодушиемъ Франка къ титуламъ. Онъ зналъ Стѣфена съ малолѣтства; ему извѣстна была дружба, которую питалъ къ нему господинъ его и только по этой причинѣ онъ уважалъ молодого доктора — не дворянина. Старшій слуга принялъ Стѣфена съ почтительнымъ радушиемъ и объявивъ, что господинъ его вышелъ съ утра и, вѣроятно, скоро воротится, попросилъ доктора обещать въ кабинетѣ.

Стѣфенъ сѣлъ у каминна.

— Здѣсь ничто не измѣнилось, сказалъ онъ; вотъ тѣ книги любимыхъ авторовъ нашихъ, которыя мы такъ часто вмѣстѣ читали; вотъ статуйка герцогини Бергской; вотъ и большой гербъ дому Персевалей....

— Не прикажете ли объяснить вамъ въ подробности всѣ части этого герба? съ живостью спросилъ слуга.

— Въ другой разъ, добрый Джекъ.

— Какъ вамъ угодно, отвѣчалъ старикъ, но въ то же время подумалъ:—Сейчасъ видно, что не дворянинъ!... Однако, что это значитъ? прибавилъ онъ вслухъ и съ безвокойствомъ осматриваясь: здѣсь стоялъ пистолетный ящикъ сэра Франка; куда онъ дѣвался?

Что-то необыкновенное, какъ тяжкое предчувствіе, поразило сердце Стѣфена.

— Ахъ, Боже мой! продолжалъ старикъ, всплеснувъ руками: и шпаги нѣтъ!...—Джекъ поблѣднѣлъ.

— Что это значитъ? вскричалъ Стѣфенъ вставая.

— Сэръ Франкъ вышелъ рано утромъ, отвѣчалъ Джекъ задыхающимся голосомъ: я былъ еще въ постели.... Я не видалъ его... онъ унесъ съ собою пистолеты.... и шпагу!..

— Дуэль! прервалъ его Стѣфенъ.

— И до-сихъ-поръ его милости нѣтъ еще! воскликнулъ старикъ, опустившись въ кресла.

— Дуэль! повторилъ Стѣфенъ, прохаживаясь большими шагами по комнатѣ: онъ прибылъ вчера.... а нынче утромъ дуэль.... Это странно! непостижимо!... Но, можетъ-быть, это маловажная ссора, которая не будетъ имѣть никакихъ послѣдствій ...

Джекъ медленно покачалъ сѣдой головой.

— Что касается до чести Персевалей, не можетъ быть маловажнымъ; господинъ мой не изъ тѣхъ, которые считаютъ поединокъ игрушкой.... Боже мой! скоро двѣнадцать часовъ.... а онъ ушелъ въ семь!...—Старикъ закрылъ лицо руками.

— Добрый Джекъ, сказалъ Стѣфенъ, старавшійся обмануть самого себя: мы безпокоимся напрасно. Франкъ не имѣтъ послѣ пріѣзда своего серьезной ссоры.

— И точно, его милость ни съ кѣмъ не видался и былъ только на балу у лорда Тревора....

— У лорда Тревора! вскричалъ Стѣфенъ, пораженный внезапною мыслию, и всплеснувъ руками, прибавилъ съ отчаяніемъ: маркизь Рио-Санто!

— Кто это? вы знаете его? спросилъ Джекъ.

— Рио-Санто! повторилъ Стѣфенъ: они встрѣтились.... тогда узнать, Боже мой!... У кого спросить?...

— Куда бѣжать! прибавилъ Джекъ; о, сжадитесь надъ бѣднымъ старикомъ! Я не понялъ смыслу вашихъ словъ, но я угадываю.... О, если вы знаете, гдѣ господинъ мой, скажите мнѣ.... Я побѣгу туда и, быть-можетъ, подоспѣю къ нему на помощь.... Господинъ мой! продолжалъ онъ, сложивъ руки и со слезами на глазахъ: вѣдь я носилъ его на рукахъ, укачивалъ, я люблю его!

Стѣфенъ машинально подошелъ къ окну и отдернулъ занавѣсъ. Улица была пуста.... только съ одного конца ея приближалась карета....

— Увы! продолжалъ съ отчаяніемъ Джекъ: фатализмъ преслѣдуетъ благородный родъ.... почти всѣ Персевали погибли на поединкахъ.... и девизъ, окружающій гербъ ихъ, кажется вѣчной, кровавой угрозой....

Стѣфенъ невольно обратилъ глаза къ гербу и прочелъ девизъ:

— *Mors ferro, nostra mors!* (Смерть отъ желѣза, наша смерть!)

Бываютъ минуты, когда душа, безъ малѣйшаго сопротивленія, предается самымъ сусекърнымъ предчувствіямъ. Стѣфенъ съ ужасомъ отвернулся отъ герба. Блестящія драски его казались ему облитыми кровью.... ему казалось, что на глазахъ благородныхъ лордовъ, портреты которыхъ украшали стѣны кабинета, были слезы....

— *Mors ferro, nostra mors!* медленно повторилъ старый Джекъ. Въ послѣдній разъ я слышалъ, какъ произносилъ эти слова покойный графъ Фейфскій, сопровождая гробъ старшаго изъ сыновей своихъ, павшаго на поединкѣ!...

Карета остановилась у Додлей-гоуза. Два незнакомца вышли изъ нея и съ помощью кучера вывели изъ кареты безчувственное, безжизненное тѣло....

— Франкъ! бѣдный Франкъ мой! вскричалъ Стѣфенъ раздирающимъ голосомъ и бросился вонъ изъ комнаты.

Старый Джекъ подбѣжалъ къ окну, посмотрѣлъ внизъ, задрожалъ и упалъ безъ чувствъ на полъ, проговоривъ задыхающимся голосомъ:

— *Mors ferro, nostra mors!*

.....
Когда Джекъ пришелъ въ себя, онъ лежалъ на томъ же

мѣстѣ. Никто не обратилъ на него вниманія. Онъ осматрѣлся безсмысленнымъ взглядомъ.... Комната была пуста. Воспоминаніе о прошедшемъ неясно представлялось его памяти. Онъ имѣлъ неопредѣленное помятіе о недавнемъ и ужасномъ несчастіи, но не могъ или не хотѣлъ вѣрить въ него.... взоръ его невольно остановился на дѣвизѣ.... горестивый ударъ поразилъ его прямо въ сердце....

— Господинъ мой! вскрикнулъ онъ дрожащимъ голосомъ: дуэль.... кровь!.... Я видѣлъ трупъ Франка Персеваля!...

— Стъ! произнесъ незнакомецъ, полу-растворивъ дверь: не шуми!

Дверь затворилась. Джекъ на колѣняхъ подползъ къ порогу и приложилъ ухо къ щели: — Ничего не слышій! произнесъ онъ шопотомъ: Боже мой! Чтò тамъ дѣлается?... Живъ онъ?... или....

Старикъ не успѣлъ договорить: въ сосѣдней комнатѣ послышался легкій шумъ.... какъ-будто отъ тренія двухъ кусковъ стали.... Джекъ приподнялся и приложилъ глазъ къ замочной скважинѣ.... Онъ увидѣлъ посреди комнаты кровать своего господина, которую выдвинули, для большаго удобства, изъ алькова. На постели лежалъ Франкъ Персеваль, безъ движенія, безъ жизни, съ закрытыми глазами, съ лицомъ покрытымъ смертною блѣдностью.... Тамъ и сямъ, на полу, были разбросаны бинты и полотенца упитанные кровью. Возлѣ окна сидѣлъ Стѣфенъ-Макъ-Набъ, блѣдный, съ опущенной головою и закрывъ лицо обѣими руками.

По сторонамъ кровати стояли два незнакомца: одинъ, въ черномъ, съ холоднымъ и мрачнымъ выраженіемъ лица, держалъ руку Франка. У другаго были засучены рукава; въ окровавленныхъ рукахъ его былъ длинный стальной инструментъ, который, по временамъ, исчезалъ подъ рубашкой бѣднаго Франка. Лицо втораго было такъ же холодно, какъ и перваго.

Джекъ притаилъ дыханіе. Вся жизнь его сосредоточилась въ чувствѣ зрѣнія.

Человѣкъ въ черномъ платьѣ, который безъ-сомнѣнія, былъ докторъ, продолжалъ шучать пульсъ Франка. Дру-

гой, по-видимому помощникъ перваго, продолжалъ опускать сондъ въ рану, ощупывалъ, прислушивался и сомнительно покачивалъ головой. Наконецъ онъ произнесъ нѣсколько словъ, которыхъ Джекъ не могъ слышать. Человѣкъ въ черномъ отвѣчалъ пожатіемъ плечъ и странной улыбкой.

— Что онъ сказалъ?.... думалъ старый слуга: и что значить улыбка?.... Не предвѣстіе ли спасенія?....

Помощникъ вытащилъ наконецъ сондъ и хладнокровно смѣрилъ глубину раны. Джекъ задрожалъ.... Тихенько пожалъ ручку двери.... она полу-растворилась.... никто не замѣтилъ этого.... Старый слуга могъ слышать разговоръ незнакомецъ.

— Еще бы на поллинн и артерія была бы пересѣчена, сказалъ тихимъ голосомъ помощникъ.

— Пол-линн! повторилъ человѣкъ въ черномъ фракѣ увѣрены ли вы, Рѹлей, что артерія цѣла?

— Совершенно!

Помощникъ передалъ доктору окровавленный сондъ и вынулъ изъ бокового кармана пучокъ корпін. Грудь бѣлаго Джека облегчилась.... была надежда спасти его господина!... Вынувъ корпю, хирургъ бросилъ изъ-подлобья взглядъ на Макъ-Наба, остававшагося въ прежнемъ безчувственномъ состояніи и сдѣлалъ головою знакъ доктору; тотъ тоже посмотрѣлъ на молодого человѣка и сказалъ шопотомъ:—Онъ ничего не слышитъ и не видитъ; дѣлайте, что я вамъ приказалъ.

Опять молчаніе.

Джекъ удвоилъ вниманіе и увидѣлъ, что помощникъ опустилъ руку въ боковой карманъ и вынулъ оттуда маленькую хрустальную стеклянку, поднесъ ее къ корпю, бросивъ на Стѣфена еще взглядъ.... отъ котораго сильно забилось сердце въ груди стараго слуги.

Стѣфенъ не трогался. Докторъ сдѣлалъ движеніе нетерпѣнія. Рѹлей вылилъ каплю жидкости на корпю.... въ это самое мгновеніе Стѣфенъ поднялъ голову, Рѹлей задрожалъ и поблѣднѣлъ. Корпія выпала изъ рукъ его... онъ поспѣшно прикрылъ ее ногой....

Подозрѣнія, возраставшія каждую минуту въ умѣ Дже-

ка, внезапно превратились въ увѣренность. Онъ вско-
чялъ, схватилъ со стѣны шотландскій кивчалъ и въб-
жавъ въ комнату, вскричалъ:

— Мистеръ Стѣфенъ! вы не видите, что здѣсь дѣлает-
ся!

— Молчи! сказалъ Рѹлей, махая одной рукой, а другою
указывая на больного.

— Молчи ты самъ, съ бѣшенствомъ отвѣчалъ Джекъ:
злѣй! Я стоялъ тамъ. Я все видѣлъ.

Рѹлей машинально сдѣлалъ шагъ къ дверямъ.

— Что онъ, сумасшедшій? спросилъ докторъ, обратив-
шись къ Стѣфену: прикажите ему удалиться, или я не отвѣ-
чаю за жизнь сэръ Франка Персевала.

Стѣфенъ всталъ. Онъ смотрѣлъ то на Джека, то на
Рѹлея, который успѣлъ прійти въ себя.

— Молчи, Джекъ! сказалъ онъ; а вы, докторъ, ради
Бога, сдѣлайте по-скорѣе перевязку.

Джекъ сталъ между господиномъ своимъ и докторомъ.

— Мистеръ Макъ-Набъ, сказалъ онъ почтительнымъ,
во твердымъ голосомъ, обратившись къ Стѣфену: я го-
товъ повиноваться вамъ во всемъ, потому что вы другъ
сэра Франка, но клянусь всѣмъ святымъ, что не позволю
этому челѣвѣку прикоснуться къ моему господну!

— Этотъ лакей сумасшедшій, сказалъ холодно докторъ.
Препятствуя намъ произвестъ перевязку, онъ убиваетъ
своего господина.

Джекъ задрожалъ всѣмъ тѣломъ. Холодный потъ вы-
ступилъ на лбу его, но онъ не тронулся.

— Я видѣлъ.... сказалъ онъ тихимъ, но явственнымъ,
проницательнымъ голосомъ:—не сомнѣвайтесь въ сло-
вахъ моихъ, мистеръ Макъ-Набъ; клянусь пменемъ по-
койнаго отца моего, что я никогда не лгалъ.... они замыш-
ляли убійство.... здѣсь.... сейчасъ.... въ вашемъ присут-
ствіи.... убійство надъ безчувственнымъ, умирающимъ....
О! я видѣлъ, клянусь вамъ! Эти люди хотѣли убить Пер-
севала!

Стѣфенъ обратилъ на доктора глубокой, проницатель-
ной взглядъ.

— Этотъ слуга честнѣйшій челѣвѣкъ, сказалъ онъ: я

знаю, что докторъ Муре, одинъ изъ извѣстнѣйшихъ членовъ медицинскаго факультета и уважаю глубокія познанія его.... но этотъ джентльменъ лучшій другъ мой.... простите жъ мнѣ сомнѣнїя мои и позвольте мнѣ быть помощникомъ, вашимъ въ перевязкѣ; я недавно кончилъ курсъ медицины въ оксфордскомъ университетѣ....—Съ послѣдними словами Стѣфенъ живо засучилъ рукава свои.

— Берегитесь, мистеръ Стѣфенъ! сказалъ Джекъ и поспѣшно приблизившись къ молодому человѣку, шепнулъ му что-то на-ухо.

Роулей воспользовался этой минутой и под вилъ корпикъ, бывшую у него подъ ногой; потомъ посмотрѣлъ на доктора, понялъ легкое движеніе зрачковъ его, и исчезъ.

— Не можетъ быть! вскричалъ Стѣфенъ, отвѣчая на слова стараго слуги.

— Не можетъ быть?... Хотите ли, я обѣщу его и выведу стклянку....—Онъ оглянулся и только тогда замѣтилъ тѣбѣство Роулея.

— Что вы теперь скажете? спросилъ Джекъ: подтвердите ли вы теперь?

Стѣфенъ опять обратилъ на человѣка въ черномъ вѣстѣ проникательный и строгій взоръ.

Докторъ Муре скрестилъ руки на груди и съ непоколебимымъ спокойствіемъ и презрительной улыбкой следовалъ за происходившимъ. Ему было лѣтъ сорокъ. Онъ былъ высокъ ростомъ и нѣсколько худощавъ. Передняя часть головы его была лишена волосъ и придавала и безъ того уже высокому лбу величественное и умное выраженіе; во взглядѣ его было что-то злобное; овалъ лица его, узкій у висковъ, широкій подъ ушами, имѣлъ ту форму, которая по мнѣнію Лафатера и Галля, означаетъ коварство и хитрость; вообще лицо его было не изъ тѣхъ, которыми внушаютъ довѣріе.

Докторъ Муре былъ одинъ изъ знаменатѣйшихъ и искуснѣйшихъ врачей въ Лондонѣ. Самая извѣстность его должна была удалить всякое подозрѣніе....

— Докторъ, сказалъ Стѣфенъ, природное спокойствіе духа котораго побѣдило негодование: этотъ честный слуга

не сумасшедшій.... впрочемъ справедливость словъ его доказывается бѣгствомъ этого злодѣя....

— Не намѣрены ли вы обвинить меня передъ судомъ?

— Не будемъ напрасно терять времени.... Я требую, чтобы вы сейчасъ же произвели перевязку.... слышите ли?

— Сейчасъ же! повторилъ Муре. Это похоже на приказаніе.

— Это и есть приказаніе, съ твердостью отвѣчалъ Стѣфенъ.

Брови доктора грозно сошлись. Онъ отступилъ на одинъ шагъ. Руки его какъ-бы машинально опустились въ карманы чернаго фрака.... Но это продолжалось секунду, не болѣе; лицо его прояснилось и грозный видъ замѣнился горькой усмѣшкой.

— Ну, такъ готовьте бинты и корнью, молодой товарищъ мой, сказалъ онъ съ принужденною веселостью.... Я готовъ перевязать этого джентльмена.

Началась перевязка. Муре, подъ надзоромъ опытнаго взгляда своего товарища, употребилъ всю ловкость хирургической практики, которая столько прославила его. Онъ дѣйствовалъ скоро, вѣрно и, какъ-бы съ намѣреніемъ не пропускалъ ни малѣйшей подробности, предписываемой въ подобныхъ случаяхъ хирургіею. Стѣфенъ, исполняя приказанія его со всевозможною поспѣшностью, слѣдилъ за всѣми движеніями доктора, который, какъ-бы въ отищеніе, сохранялъ на лицѣ своемъ насмѣшливую и вмѣстѣ горькую усмѣшку.

За нимъ стоялъ Джекъ. Онъ еще не успокоился и держалъ въ рукахъ кинжалъ, не спускалъ глазъ съ лица Стѣфена. При малѣйшемъ знакѣ его, онъ готовъ былъ разить безъ милосердія. Добродушное, спокойное лицо его приняло грозное выраженіе; въ голубыхъ, кроткихъ глазахъ видна была твердая рѣшимость; спина его, согбенная гѣтами, выпрямилась.... Онъ былъ молодъ, твердъ и силенъ!

Докторъ стоялъ къ нему спиной, но могъ видѣть лицо его, отражавшееся въ противоположномъ зеркалѣ. Эта двойственная угроза придавала, можетъ-быть, всѣмъ движеніямъ его ту математическую точность, о которой

мы говорили. Однако жъ, помѣръ-того, какъ перевязка приходила къ концу, сердце стараго слуги смягчалось.... угроза была еще написана на лицѣ его, но въ душѣ ея уже не было....

По окончаніи перевязки губы равнаго покрылись легкой краской.... вѣки его задрожали.... глаза открылись....

Кинжалъ выпалъ изъ рукъ Джека; онъ смотрѣлъ теперь на доктора не какъ на убійцу, но какъ на спасителя; слезы выступили на глазахъ его.

— Да благословитъ васъ Господь! произнесъ онъ: и да проститъ мнѣ Всевышній, если я напрасно обвинялъ васъ! Докторъ не удостоилъ его ни взгляда, ни отвѣта.

— Сэръ Фрэнкъ Персеваль спасенъ, сказалъ онъ Стѣфену: въ неопытныхъ рукахъ рана его была бы смертельна; я ручаюсь за его выздоровленіе.

Стѣфенъ поклонился и вынулъ изъ бумажника ассигнацію въ пять фунтовъ стерлинговъ, подалъ се доктору, который отказался безъ гордости.

— Мнѣ теперь здѣсь нечего дѣлать, сказалъ онъ, взявъ шляпу и трость: я надѣюсь, что вы не станете долѣе удерживать меня?

— Вы свободны, отвѣчалъ Стѣфенъ.

Докторъ слегка поклонился и пошелъ къ двери, но на порогѣ остановился, опустилъ обѣ руки въ карманы фрака и обратившись къ Стѣфену сказалъ:

— Вы говорите, что я свободенъ; позвольте жъ мнѣ замѣтить вамъ, молодой товарищъ мой, что я во все время былъ свободенъ.... Впоследствии вы узнаете, что наше званіе чрезвычайно опасно и что надо всегда принимать мѣры осторожности.... — Онъ вынулъ руки изъ кармановъ: въ каждой было по двустольному пистолету. — Это такія правила, которыхъ въ Оксфордѣ не преподають, но которымъ вы научитесь въ Лондонѣ, молодой товарищъ мой. Вы видите, что я могъ заставить васъ выпустить меня отсюда и что мнѣ нечего было бояться заржавленнаго ножа этого дряхлаго слуги; но я самъ не хотѣлъ удалиться, не противопоставивъ безумному подозрѣнію матеріальнаго доказательства моего благородства..... Я спасъ этого джентльмена, потому что на то была моя доб-

рая воля.... (онъ спряталъ пистолеты въ карманъ).
— Прощайте, молодой товарищъ мой. Съ этой минуты я вашъ смертельный врагъ.... Я въ жизнь свою не забуду и не прощаль обиды!

Дверь захлопнулась и докторъ Муре исчезъ.

Стефенъ хладнокровно выслушалъ слова доктора и на угрозу его отвѣчалъ легкимъ наклоненіемъ головы. Джекъ ничего не слышалъ. Онъ преклонилъ колѣни у постели своего господина и, тихо рыдая, цѣловалъ холодныя руки его. Стефенъ подошелъ къ Джеку и слегка дотронувшись до плеча его, спросилъ:

— Еще разъ спрашиваю тебя, Джекъ: точно ли ты видишь?...

— Какъ васъ теперь вижу! отвѣчалъ Джекъ вставая: въ одной рукѣ злодѣй держалъ стеклянку, въ другой корпю... вы пошевелились.... разбойникъ спряталъ стеклянку и уронивъ корпю, наступилъ на нее ногой.... постойте, она должна быть еще здѣсь....

Джекъ перешелъ на другую сторону кровати. Стефенъ вслѣдовалъ за нимъ.

— Нѣтъ, продолжалъ старый слуга: корпю исчезла, но знакъ остался....

— Знакъ?... прервалъ его Стефенъ: гдѣ?

Джекъ показалъ ему сырой еще кружокъ на полу.... Стефенъ сталъ на колѣни, чтобы разсмотрѣть этотъ знакъ; наклонившись, онъ замѣтилъ подъ кроватью что-то блестящее. Это была хрустальная стеклянка.

— Вотъ она! вскричалъ старый слуга: это та самая стеклянка!

Стефенъ открылъ ее и понюхалъ. Въ ней былъ сильный адъ.

—
Леди Офелія, Бернвудъ, графиня Дѣрби, поздно проснулась на другой день послѣ бала въ Треворъ-гоузѣ. На лицѣ ея выражалась еще усталость, глаза ея смыкались, но тысячи смѣшанныхъ, разнообразныхъ мыслей, овладѣвшихъ пробудившимся умомъ ея, совершенно прогнали сонъ. Въ спальнѣ было холодно, несмотря на огонь, раз-

веденный въ каминъ и освѣщавшій красноватымъ свѣтомъ всѣ предметы; но Офелія предпочла холодъ тому нестерпимому огню, который пожиралъ ея внутренность, отъ котораго шелковое одѣяло тяготѣло надъ нею свицовой тяжестью.

Она вскочила, одѣлась безъ помощи служанки и опустилась въ мягкую бержерку противъ камина. Въ то же самое время послышался ударъ молоткомъ въ парадную дверь. Офелія вздрогнула; лучъ надежды блеснулъ въ глазахъ ея.

— Можетъ-быть это онъ! подумала она.

Давно ли, около этого самаго времени, раздавался подобный ударъ и служанка приходила докладывать ей, что «милордъ ждетъ въ гостиной». Милордъ—это былъ тотъ, кого она любила, кто измѣнилъ ей — маркизь Рио-Санто. Надежда ея была непродолжительна.

— Это, вѣрно, Франкъ Персеваль, подумала она: онъ пришелъ на свиданіе, которое я ему назначила.... о, нѣтъ! Я не могу открыть этой ужасной тайны!... не хочу!

— Какой-то джентльменъ просить позволенія повѣдаться съ вами, миледи, сказала вошедшая служанка: вотъ его карточка.

— Это не Персеваль, проговорила Офелія, бросивъ бѣглый взглядъ на карточку, на которой было награвировано имя Стѣфена Макъ-Наба: я не принимаю, Женни!... но постой.... открой занавѣсъ; тутъ написано что-то карандашомъ.

Женни отдернула занавѣсъ и графиня прочла:

— По порученію сэра Франка Персевала.... Что это значить? Женни, проси этого джентльмена въ залу и дай мнѣ одѣваться.... скорѣй!... Что это значить? повторила леди Офелія, когда горничная ушла: ужъ не случилось ли съ бѣднымъ Франкомъ какое-нибудь несчастіе?...

Графиня на-скоро одѣлась и вышла изъ спальни.

Стѣфенъ ждалъ въ залѣ. Хотя онъ обыкновенно былъ не слишкомъ ловокъ съ дамами, особенно знатными, но въ этотъ разъ несчастное положеніе друга и важность порученія придали ему смѣлости.

— Миледи, сказалъ онъ: извините, что я осмѣлился

обезпокоить васъ. Я пришелъ сюда по порученію Франка Персевала.

— Но отчего же онъ самъ не пришелъ? спросила графиня, садясь и указавъ Стѣфену стулъ.

— Онъ не могъ, отвѣчалъ печально Стѣфень.

— Что съ нимъ сдѣлалось?

— Франкъ раненъ на дуэли, миледи.

— На дуэли! повторила графиня.

— И раненъ опасно.

— Но кѣмъ?... кѣмъ?

— Онъ не сказалъ мнѣ имени своего противника.

— И вы не имѣете никакого подозрѣнія?...

— Имѣю, миледи; я даже увѣренъ.... но я пришелъ сюда по порученію Франка, а потому, подобно ему, долженъ забыть о дуэли, чтобы заняться болѣе важнымъ дѣломъ...

— Болѣе важнымъ? спросила Офелія съ безпокойствомъ.

— Часа два назадъ, продолжалъ Стѣфень, привесли Франка, раненнаго, умирающаго, въ Додлей-гоузъ.... ужасное происшествіе, подробностей котораго я не могу перелать вамъ, замедлило первыя пособія и несчастный другъ мой чуть не умеръ, въ присутствіи моемъ.... жертвой убійства....

— Вы ужасаете меня, сэръ! сказала графиня: раненнаго.... хотѣли убить?

— Отравить, миледи.

— О!... но, неужели вы думаете.... что.... противникъ сэра Франка.... Это было бы ужасно!

Стѣфень пожалъ плечами и послѣ короткаго молчанія отвѣчалъ:

— Вы правы, миледи; это было бы ужасно!.... Когда Франкъ совершенно пришелъ въ себя, то первое слово, произнесенное имъ, было имя драгоцѣнной для него особы.... потомъ ваше, миледи...

— Мое?... Да, я знаю.... вчера, на балу, я просила сэра Франка прійти ко мнѣ....

— Онъ прислалъ меня за себя, миледи.

— Васъ!... но я хотѣла сообщить ему обстоятельства, которыхъ никому, кромѣ его, вѣрить не могу....

— Я лучший другъ его.

— Я не сомнѣваюсь въ томъ, сэръ, но не могу....

— Франкъ сильно страдаетъ, миледи; онъ съ нетерпѣніемъ ждетъ вашего отвѣта.

— О, Боже мой!... Я не знаю.... слушайте....

Графиня внезапно замолчала и стала прислушиваться; у входу послышался легкій ударъ молоткомъ.

— Это онъ! это онъ! проговорила она въ лихорадочномъ волненіи: послушайте, сэръ, не обижайтесь словами мои; но я не хочу, не могу никому ввѣрить, что хотѣла сказать Персвалю!

Стѣфенъ всталъ.

— Я надѣялся воротиться къ бѣдному Франку съ утѣшительною вѣстью, сказалъ онъ печально.

— Скажите ему, вскричала графиня: скажите ему, что онъ узнаетъ все, скажите ему....

— Милордъ! произнесла горничная, отворивъ дверь.

— Или нѣтъ, не говорите ничего, продолжала графиня дрожащимъ голосомъ: я подумаю.... Женни, проси милорда въ будоаръ.... Скажите сэру Франку, что я принимаю живѣйшее участіе въ его несчастіи.... простите мнѣ, сэръ, но мнѣ теперь некогда.... меня ждутъ....

Стѣфенъ холодно поклонился и вышелъ. На лѣстницѣ онъ встрѣтился съ человѣкомъ, который увидѣвъ молодого доктора слегка вздрогнулъ, надвинулъ на глаза шляпу и скоро прошелъ. Минуту спустя Рио-Санто вошелъ въ будоаръ леди Офеліи. Онъ поцѣловалъ руку графини, посмотрѣлъ на нея съ нѣжностью и облокотившись на спинку кресла, прѣизнесъ надъ самымъ ухомъ ея, съ любовью:

— Вы были вчера очаровательны, Офелія.

Графиня оглянулась, съ изумленіемъ посмотрѣла на маркиза и прелестные глаза ея наполнились слезами.

— Вотъ уже двѣ недѣли, какъ вы не были у меня, сказала она тихимъ голосомъ.

— Странія этой невольной разлуки и заставили меня сегодня прійти къ вамъ.... Повѣрьте мнѣ, Офелія, я болѣе васъ сожалѣю о тѣхъ дняхъ, когда мы были такъ счастливы.... но, миледи, никто не можетъ избѣгнуть судьбы своей. Я долженъ достигнуть цѣли или погиб-

нуты!... — При послѣднихъ словахъ онъ выпрямился; на лицѣ его выразилась непобѣдимая, неограниченная гордость.

Леди Офелія посмотрѣла на него нѣсколько минутъ молча, потомъ сложивъ руки на груди, произнесла со страстью: — О! какъ я васъ люблю!... Болѣе, чѣмъ когда-либо!... Я вѣчно буду любить васъ!

— Благодарю, Офелія, благодарю! возразилъ нѣжно маркизъ, преклонивъ колѣно: вы мой добрый геній, моя надежда.... и я люблю и вѣчно буду любить васъ!....

Онъ сѣлъ на подушку, у ногъ Офеліи, которая провела рукою по блестящимъ, чернымъ кудрямъ его.

— Вы меня не обманываете? сказала она: потому что любовь ваша, уголокъ вашего сердца, который я похищаю у соперницы, дороже мнѣ жизни.... дороже чести!

— Милая Офелія! отвѣчалъ маркизъ, покрывая поцѣлуйми бѣлую и нѣжную ручку графини.

Она перестала говорить; слезы высохли на глазахъ ея; щеки горѣли; роскошная грудь высоко подымалась.... И въ пламенномъ взорѣ маркиза была теперь истинная любовь; онъ всегда находился подъ вліяніемъ впечатлѣнія настоящей минуты. Онъ пришелъ, чтобы сыграть заранѣе приготовленную роль и—любилъ!...

— О, нѣтъ... нѣтъ! безсознательно говорила прерывающимся голосомъ леди Офелія: я не измѣню ему. Какая мнѣ нужда до страданій этихъ людей?... Онъ любитъ меня.... я не открою его тайны.... не скажу.... ничего!....

Полу-закрытые глаза ся ничего не видѣли; она находилась какъ-бы въ сладостномъ снѣ; но ни одно слово ея не ускользнуло отъ Рио-Санто. Брови его насупились, губы задрожали, злобная дрожь пробѣжала по всѣмъ членамъ и на лбу обозначился бѣлый шрамъ давно зажившей раны... Онъ схватилъ руку графини и, вѣроятно, крѣпко сжалъ ее, потому что та вскрикнула, открыла глаза и замѣтивъ грозный видъ маркиза, спросила:

— Что съ вами, Хосе Марія?

— Миледи, сказалъ онъ строгимъ голосомъ: я требую у васъ отчета въ послѣднихъ словахъ вашихъ; я хочу

знать кто былъ этотъ человекъ, котораго я сейчасъ встрѣтилъ на лѣстницѣ?

Леди Офелія, внезапно пробужденная изъ сладостныхъ мечтаній, смотрѣла на маркиза со страхомъ.

— Я жду отвѣта, сказалъ онъ холодно.

— Что вамъ надо отъ меня, донъ Хосе?

— Вы сейчасъ говорили объ измѣнѣ, тайнѣ; я угадываю ваши намѣренія. Человекъ, котораго я встрѣтилъ на лѣстницѣ, другъ Франка Персеваля?

— Это правда.... онъ приходилъ отъ него.

— Отъ него! повторилъ Рио-Санто съ горькой усмѣшкой. Вы вчера, миледи, разговаривали съ Персевалемъ; развѣ вы не знаете, что отъ меня ничто не ускользнетъ! Хотите ли я передамъ вамъ каждое слово разговора вашего съ Франкомъ?

— Вы могущественны, милордъ, я это знаю, отвѣтила Офелія, поднимъ голову съ гордымъ спокойствіемъ: но могущество ваше подобно могуществу падшаго ангела.... я не боюсь васъ, милордъ.

— Вы не боитесь меня! повторилъ Рио-Санто глухимъ голосомъ.

— Я люблю васъ.... Увы! я люблю васъ! сказала графиня послѣ краткаго молчанія и съ отчаяніемъ.

Гордая, самодовольная улыбка на секунду появилась на лицѣ маркиза, и онъ продолжалъ голосомъ, въ звукѣ котораго не было уже гнѣву:

— Офелія, простите мнѣ эти минуты всегнѣшнихъ, вѣчно преследующихъ отъ тайныхъ страданій.... я несчастливъ.... двѣ страсти борются въ груди моей и убиваютъ меня: во-первыхъ, любовь моя къ вамъ....

Графиня съ печальной улыбкой подняла глаза къ нему.

— Любовь моя къ вамъ, смѣло повторилъ Рио-Санто и мое безпредѣльное честолюбіе.... Я встрѣтилъ на лѣстницѣ Персеваля и посторохился. Клянусь честью, миледи, мнѣ жаль было этого молодого человека.... но онъ оскорбилъ меня и я долженъ былъ наказать его... Я могъ убить его безъ состраданія; я имѣлъ на то полное право; потому что онъ не пощадилъ бы меня; между-тѣмъ я только ранилъ его.

— Это благородно, милордъ, это великодушно! О, сколько возвышенныхъ чувствъ таится еще въ душѣ вашей! вскричала съ жаромъ графиня.

— Но къ чему послужило мнѣ мое великодушіе? возразилъ Рю-Санто. Вы назначили ему свиданіе.... онъ надѣялся, что вы дадите ему средство вредить мнѣ и едва онъ пришелъ въ себя, какъ первою мыслью его было послать къ вамъ своего друга. За что же вы хотите погубить меня, Офелія?... Вы хотите мстить и забываете.... что я несчастливѣе васъ!

— Нѣтъ, милордъ, нѣтъ, отвѣчала графиня: я не хочу мстить.... я не хочу вредить вамъ.... случай сдѣлалъ меня повѣренною ужасной, кровавой тайны, которая тяжко лежитъ на моей совѣсти.... Я не могу безъ ужаса venomить объ этомъ происшествіи....

— Вы никогда не ревновали, миледи? спросилъ Рю-Санто раздраженнымъ и вѣдшимъ голосомъ.

— И вы еще можете меня спрашивать!

— Отчего жъ вы не хотите понять, что порывъ ревности.....

— Ни слова болѣе! прервала его графиня. Фи, милордъ!

Рю-Санто хотѣлъ употребить ложь и самъ устыдился ея; человекъ, смѣло шедшій на преступленіе, убійство, устыдился лжи! Сколько странностей въ природѣ человѣческой!

Кромѣ тайнъ любви, между маркизомъ и графиней была еще другая тайна, которая будучи открыта, могла остановить Рю-Санто во всѣхъ его предпріятіяхъ и намѣреніяхъ. Изъ ревности леди Офелія хотѣла открыть эту тайну; маркизъ узналъ о томъ и пришелъ къ ней, чтобы отклонить бѣду. Краснорѣчіе его подѣйствовало, потому что Офелія пламенно любила его, но онъ забылся и ступилъ далѣе, нежели того требовала осторожность. Чтобы поправиться, онъ послѣ краткаго молчанія, продолжалъ съ большимъ жаромъ:

— Графиня, вся жизнь моя не что иное, какъ мучительная борьба любви съ честолюбіемъ..... отказаться отъ пе-

слѣднѣяго, значить умереть.... но, съ другой стороны, я лучше согласенъ умереть, нежели жить безъ васъ.

— Но развѣ вы не любите ее?

— Мери?... Бѣдное дитя!.... Какъ не любить ее? сказалъ Рио-Санто съ притворнымъ состраданіемъ: я бы желалъ любить ее такъ, какъ она этого достойна, миледи, но между ею и мною вашъ образъ.....

— О, если бѣ я была увѣрена, что вы меня любите, донъ Хосе!.... проговорила графиня съ страстнымъ выраженіемъ.

— Вѣрьте, вѣрьте, Офелія! вскричалъ маркизъ, увлеченный внезапною и почти искреннею страстью. Если бѣ я не достигъ цѣли своей, то.....

— Вы сдѣлались бы для меня тѣмъ же, чѣмъ былъ донъ Хосе?

— Но развѣ я измѣнился, миледи?... Чѣмъ могу я васъ убѣдить?... Кто знаетъ? Излеченный отъ честолюбія, сѣдающаго меня, я, можетъ-быть, возвращусь къ ногамъ вашимъ.

— Можетъ-быть, повторила графиня задумчиво: и вы принадлежали бы мнѣ одной?

— Вамъ одной.....

Съ этой минуты графиня сдѣлалась разсѣянною; тайная мысль, надежды или боязни, поглотила все ея вниманіе.

— Я ѣду вечеромъ въ Ковентъ-Гарденъ, сказала наконецъ Офелія. Вы поѣдете со мною, милордъ?

— Я провожу васъ, Офелія; но я приглашенъ въ дому леди Кемпблѣ.

— Предложеніе ваше очень ограничено, милордъ: однако жъ я принимаю его..... Потрудитесь подождать меня. Графиня позвонила и приказала Женни приготовить вечерній туалетъ ея.

Рио-Санто остался одинъ въ будоарѣ, и погрузился въ мечтанія.

Леди Офелія торопила горничную, которая крайне изумлялась невниманію госпожи къ столь важному дѣлу, какъ вечерній дамскій туалетъ.

— Хорошо, Женни, сказала наконецъ графиня: вольно!

— Не прикажете ли убрать волосы ваши, миледи?

— Нѣтъ, Женни.

— Не прикажете ли приколоть хоть нѣсколько цвѣт-
ковъ?

— Нѣтъ, нѣтъ!.... Постои, Женни, дай мнѣ письмен-
ный приборъ....

— Миледи, вы забываете, что милордъ....

Офелія прервала ее нетерпѣливымъ движеніемъ; Женни исполнила ея приказаніе.

— Теперь ты можешь идти! сказала графиня.

Женни вышла, изъ-подлобья и съ изумленіемъ посмот-
рѣвъ на гѣспожу свою.

— Это необходимо..... говорила едва внятнымъ голо-
сомъ графиня, дрожащею рукою опуская перо въ черни-
лицу: онъ самъ сказалъ, что если бъ ему не удалось.....
Она остановилась и положила перо. — Боже мой! продол-
жала Офелія, послѣ краткаго молчанія: я не знаю..... Она
закрыла лицо руками, подумала съ минуту; потомъ съ
живостью схвативъ перо стала писать..... Франкъ дастъ
мнѣ честное слово—честное слово дворянина! продолжала
она: я не могу болѣе оставаться въ этомъ положеніи; на-
дежда, которую онъ подалъ мнѣ, сводитъ меня съ ума.....
Она сложила письмо, подписала: «Сэру Франку Персева-
лю», оставила его на туалетѣ и воротилась въ будоарь.

— Я оставила на столѣ письмо: отдай его тотчасъ на
почту, сказала она, встрѣтивъ горничную.

Нѣсколько часовъ спустя, когда Рио-Санто выходилъ
изъ коляски у театральнаго подъѣзда и подавалъ руку гра-
финѣ, къ нему подошелъ какой-то человекъ, всунулъ
въ руку бумажку и исчезъ въ толпѣ. Рио-Санто, всходя
по лѣстницѣ, вслѣдъ за графиней, изкоса взглянулъ на
бумажку и прочелъ слѣдующее: «№ 3, съ лѣвой стороны.
Княгиня де-Лонгвиль.»

— Какой счастливыи случай! проговорилъ Рио-Санто.

Нѣсколько всторонѣ отъ королевскаго Ковенъ-Гардск-
скаго театра, есть узенькій переулокъ, называемый бе-
форъ-лэнскимъ. Группы оборванныхъ, грязныхъ нищихъ
прохаживались по этому мрачному переулку, пѣрешепты-

вались и исчезали въ тавернѣ, самой жалкой наружности. У двери висѣлъ еще, на заржавленномъ желѣзномъ шестѣ, обломокъ выѣски. Въ первой комнатѣ, стѣны которой были покрыты паутинами и пылью, на буфетѣ стоило около дюжины стакановъ, изъ которыхъ самыя лучшіе были только надломаны. Общая комната была засыпана обломками штукатурки, обвалившейся съ потолка — никто туда не входилъ. Чистая комната была уставлена грязными столами и скамьями. Таверна эта была извѣстна подъ именемъ «Трубки и Кружки — The Pipe and Pot.»

За полчаса до открытія театра, въ чистую комнату вошли двѣ, весьма замѣчательныя пары. Въ первой шла дѣвушка лѣтъ тринадцати, подъ-руку съ дюжимъ мужчиной лѣтъ серока. Молодая дѣвушка была типомъ тѣхъ развратныхъ несовершеннолѣтнихъ существъ, составляющихъ отвратительнѣйшую язву Лондона. Она была худощава до-крайности и блѣдность лица худо скрывалась подъ грубыми румянами. Глаза ея, глубоко впалые, были окружены синегато-бурой полосой и бросали взгляды, невнятные со стыдливостью; когда она говорила, ротъ ея кривился и въ груди слышалось глухое хрипѣніе; — ее звали Чохоточной Лу.

Въ наружности ея кавалера, котораго звали Мичемъ, не было ничего особенно замѣчательнаго: — то былъ, просто, лондонскій бродяга, съ лицомъ, раскрасѣвшимся отъ неумѣреннаго употребленія элю, и рыжими волосами.

Вторая пара была рѣзкой противоположностью первой: ее составляли высокая женщина съ грубымъ, нахальнымъ выраженіемъ лица и — мальчишка. Женщина, лѣтъ серока, была одѣта въ широкій мужской сюртюкъ и, женскую шляпу; на ногахъ у нея были сапоги. Ее звали Меджъ; во рту у нея была коротенькая трубка. Кавалеръ ея былъ маленькій Снэлъ, братъ Чохоточной Лу.

— Здравствуй, старая вѣдьма, Пегъ, сказалъ Снэлъ, съ важностью джентльмана обратившись къ хозяйкѣ таверны: джину! элю! и всего, что есть лучшаго въ вашей грязной труппѣ..... Я угощаю!

— Сейчасъ, Снѣлюшка, отвѣчала, раскрасившаяся женщина.

— Я же Снѣлюшка! сердито закричалъ Снѣль, ударивъ кудакомъ по трехногому столу; — не разсуждай, а подавай джину, невѣста палача!

Пегъ улыбнулась, еще разъ поклонилась и ушла.

— Хочешь пить, Лу? спросилъ Снѣль.

— Всегда, отвѣчала Лу; дай мнѣ табаку, Мичъ.

— Мичъ, такъ какъ ты женихъ сестры моей, продолжалъ Снѣль, садясь: то я хочу позаботиться о тебѣ; кому жъ и заботиться о сестрѣ, какъ не мнѣ, коли отецъ нашъ почти нищій?....

— Не говори объ отцѣ, Снѣль! сказала Лу нахмурившись: онъ честный человекъ..... дай мнѣ табаку, Мичъ.

— Ну, ладно, ладно!.... Зато онъ и сидитъ безъ хлѣба; да не въ томъ дѣло, у меня есть хорошее мѣстечко для Мича..... А! вотъ и джинъ..... прелестная Меджъ, не угодно ли выпить за здоровье твоего мужа?

— Моего мужа?.... повторила Меджъ съ изумленіемъ и вытуть трубку изъ рта.

— Экой у нея голосъ! вскричалъ Снѣль, взявъ сосѣдку свою за подбородокъ: словно въ рупоръ кричить.... развѣ я не мужъ твой, красавица моя?

— А! произнесла небрежно Меджъ, принявшись опять за трубку.

— Какое же мѣсто хочешь ты мнѣ доставить, Снѣлюшка? спросилъ Мичъ.

— Слышишь, зять, я перелюмаю тебѣ ребра, если ты еще разъ назовешь меня Снѣлюшкой. Я хочу доставить тебѣ мѣсто..... умѣешь ли ты лаять, Мичъ?

— Лаять?

— Да..... Я умѣю мяукать.... Слушай.

Снѣль спряталъ голову подъ столъ и послышалось прорывистое, рѣзкое мяуканье.

Позыбка таверны и служанка ея вѣбжали въ чистую комнату съ метлами, чтобы прогнать незваного гостя, нарушавшаго спокойствіе почтенныхъ посѣтителей. Торжество Снѣла было совершенно.

— Джину, вѣдьма Пегъ! закричалъ онъ засмѣявшись: пусть же лучше на метлу свою, да подавай намъ джину!...

— Дай мнѣ табаку, Мичъ! сказала Лу, у которой подо-

ва покачнулася уже на бокъ и языкъ едва ворочался.

— Видишь ли, зять, какъ я славно умѣю мяукать! вскричала Снѣль. А ты умѣешь лаять?

— Это не доставить же мнѣ мѣста, отвѣчалъ Мичъ, пожавъ плечами.

— Не доставить?... а сколько ты зарабатываешь въ день?

— Два шеллинга, извѣстное дѣло.

— Ладно!.... а такъ, стороной, сколько приобрѣтаешь?....

— Говори тише, мальчишка!

— Я не мальчишка, говорятъ тебѣ, волъ!.... Сколько жъ ты приобрѣтаешь?

— Какъ случится..... живу по-маленько.....

— По-маленько? возразилъ Снѣль, вытащивъ изъ кармана гиней, полученные въ конторѣ Эдуарда и К^о: а я вотъ что зарабатываю, не считая постороннихъ доходовъ.

— За мяуканье? спросилъ Мичъ, съ изумленіемъ вытаращивъ глаза.

— За мяуканье, любезный зять... Очаровательная Меджъ, я жертвую тебѣ одну гинейю.

Меджъ взяла двѣ и не поблагодарила.

— А мнѣ? спросила Лу.

— Тебя я угощаю.... ну, что, Мичъ?

— Я не умѣю лаять, Снѣль.

— Надо выучиться.... и ты можешь быть увѣренъ, что по протекціи моей тебѣ дадутъ мѣсто Сони.... Онъ сегодня умеръ.

— Умеръ? спросила Лу хриплымъ голосомъ: джинну!

— Джину, вѣдьма Пегъ! Сестру мучитъ жажда; надо промочить бѣдную грудь ея. Подумай, Мичъ, о моемъ предложеніи.

— Рѣшено. Я-выучусь лаять.

На улицѣ послышался въ нѣкоторомъ отдаленіи глухой шумъ.

— А-га! театръ открыли! сказалъ Снѣль вскочивъ: пойдёмъ, Мичъ.

— Эй, Лу! вскричалъ Мичъ: вставай, лѣнивица, пойдемъ работаты! вставай.

Чохоточная открыла мутные глаза, опять закрыла ихъ и опустила голову на столъ.

— Горить.... здѣсь!... жжетъ! проговорила она, указавъ костлявыми пальцами на плоскую грудь.

— Бѣдная Лу! сказалъ Снэль съ состраданіемъ. Я тебѣ заплачу за нея два шеллинга, Мичъ..... оставь ее здѣсь..... Вѣдьма Пегъ, давай прелестной Меджи и сестрѣ моей джину... и чортъ тебя побери!

Снэль и Мичъ поспѣшно вышли изъ таверны и вскорѣ подошли къ Ковентъ-Гарденскому театру, двери котораго только-что отворились. Народъ толпился съ шумомъ, но едва половина этого народа шла въ театръ. Другая половина состояла изъ воровъ и полицейскихъ чиновниковъ. Суматоха была такая, какой нельзя вообразить себѣ въ образованномъ городѣ. Воры «работали» съ изумительно ловкостью и смѣлостью. Платки улетали изъ кармановъ; кошельки выпадали изъ прорѣзанныхъ кармановъ; часы исчезали съ неимоверною быстротою.

Въ толпѣ было нѣсколько знакомыхъ намъ лицъ.

Смотрите! вотъ въ тѣснотѣ пробирается человѣкъ точно змѣя. Руки его дѣйствуютъ съ невообразимымъ проворствомъ. Куда же пропадаютъ вещи, которыя онъ присвоиваетъ себѣ? Ему все годится: шелковые или полотняные платки, часы, кошельки, даже полы фраковъ и сюртуковъ.... и все это умѣщается на немъ: руки его безпрестанно наполняются и опоражниваются. Но вотъ «полиси́менъ», вѣроятно дурно пообѣдавшій, ловить его въ-расплохъ. Воръ оборачивается къ нему съ пріятной улыбкой.

— А, мистеръ Хендуфсъ, очень радъ, что вижу васъ! говорить онъ съ вѣжливостью: здорова ли супруга ваша и дѣточки?... Давно собираюсь къ вамъ съ гостинцомъ.

Полицейскій чиновникъ также улыбнулся, почувствовавъ въ рукѣ своей соверень, и поспѣшно спряталъ его въ карманъ.

— Добрый вечеръ! продолжаетъ бродяга. Кланяйтесь мистриссъ Хендуфсъ и дѣточкамъ.... Прощайте!

И онъ спокойно продолжалъ на минуту прерванное за-

пятіе свое.... Впрочемъ, въ Лондонѣ жить дорого и не даромъ же Бобъ-Лантернъ нашлъ себѣ столько кармановъ.

Но чья эта голова, худошавая и продолговатая, возвышается надъ толпой? Она принадлежитъ почтенному капитану Педди О'Крену. Капитанъ сегодня «гуляетъ»; онъ идетъ въ театръ съ какой-то дамой, которая исчезаетъ въ толгѣ, и потому мы не можемъ еще сказать читателямъ кто она.

Публика мало-по-мало продиралась въ театръ, а вѣры торопились зарабатывать насущный хлѣбъ свой.

— О, Педди! о, мистеръ О'Кренъ! заговорила дама капитана: меня давятъ.... я задыхаюсь.... душно....

— Душно? спросилъ капитанъ, съ наслажденіемъ вдохнувъ свѣжій вечерній воздухъ: мнѣ, напротивъ, кажется, что свѣженько... Ахъ, ты, негодяй! попался... Послѣдніе слова обращались къ человѣку, руку котораго Педди поймалъ въ своемъ карманѣ. Онъ держалъ ее крѣпко, но въ тѣснотѣ не могъ обернуться. — Господа! продолжалъ онъ, обращаясь къ сосѣдямъ: схватите это мошенника; онъ не знаетъ своего дѣла!

Сосѣди схватились за собственные карманы, но никто не исполнилъ просьбы капитана. Нигдѣ болѣе Лондонѣ не придерживаются правила, что всякой долженъ заботиться прежде всего о самомъ себѣ.

— Мистриссъ Бѳрнетъ! вскричалъ капитанъ дамѣ своей: помогите мнѣ задержать этого мошенника!

Мистриссъ Бѳрнетъ это была она—хотѣла обернуться, но не могла.... между-тѣмъ вору удалось высвободить руку и онъ ускользнулъ.

— Такъ и есть, украли платокъ! проворчалъ капитанъ; я увѣренъ, что это никто иной, какъ разбойникъ Бобъ...

— Мистеръ О'Кренъ, сказала хозяйка таверны: я задыхаюсь....

— Чортъ васъ... то есть, нѣтъ! Сердце мое, я заплачу за этотъ платокъ пол-кроны....

— Задыхаюсь! закричала мистриссъ Бѳрнетъ.

Въ это время они добрались до крыльца.

— Уфъ! вздохнула хозяйка таверны: теперь легче.

— Тѣмъ лучше, Дороти, тѣмъ лучше.... сказала капитанъ; но у меня въ карманѣ опять чья-то рука! Этотъ не уйдетъ!

Капитанъ опять схватилъ чью-то руку и сжалъ ее какъ въ желѣзныхъ тискахъ. Послышалось жалобное и тихое мюканье и въ то же время острые зубы вонзились въ пальцы капитана.

— Снэль! проклятый котенокъ! проворчалъ Педди, дѣлая всевозможныя усилія, чтобы обернуться: я тебѣ сверну шею, если не перестанешь кусаться!

— Какъ вамъ не стыдно, капитанъ, прошепталъ ему Снэль: итти въ театръ безъ носоваго платка.... Миѣ надо вамъ кое-что сказать.

— Экой змѣенышъ, до-крови укусилъ! проворчалъ Педди: что ты хочешь миѣ сказать, милый Снэль?

— Извольте видѣть, капитанъ.... а! мистриссъ Бѳрнетъ.... ай-да капитанъ!... Что это она такъ раскраснѣлась?

— Душно! сказала толстая хозяйка таверны, попавшись опять въ толпу: задыхаюсь....

— Она задыхается, капитанъ....

— Не твое дѣло, котенокъ!

— Капитанъ! нынче вечеромъ будетъ кутѣжъ; если я вамъ понадобится, приходите въ таверну «Трубки и Кружки»; мы всѣ будемъ тамъ.

— Ладно, дьяволенокъ, ладно, маленькая кучка грязи! я приду!

— А вамъ всё-таки стыдно ходить въ театръ безъ носоваго платка.

Педди не успѣлъ отвѣчать, потому что въ это самое время онъ вступилъ съ мистриссъ Бѳрнетъ въ театръ. Последняя вздохнула свободнѣе и опустила руку капитана, чтобы поправиться. Педди хотѣлъ уже войти въ залу, какъ-вдругъ двѣ руки тяжело опустились на плечи его и незнакомый голосъ произнесъ:

— Запрещаю тебѣ оглядываться, «ночной джентльменъ»!

Педди остановился и не шевельнулся. Толпа отдѣлила его отъ мистриссъ Бѳрнетъ, которую онъ потерялъ изъ виду.

— Знаешь ли ты леди Б***, возлюбленную герцога I***? спросилъ голосъ.

— Знаю, милордъ.

— Если она прійдетъ въ ложу герцога, то ты сойдешь въ фойе, тотчасъ же послѣ перваго дѣйствія. Тамъ тебѣ скажутъ, что надо дѣлать.

— Слушаю, милордъ.

— Если жъ она прійдетъ послѣ перваго дѣйствія, то ты выйдешь во второй антрактъ.... понимаешь?

— Понимаю, милордъ ... Что жъ мнѣ надо будетъ дѣлать?

Незнакомецъ снялъ руки съ высокихъ плечъ Педди.

— Нѣтъ отвѣта! проворчалъ онъ; вѣчно тайны... чортъ бы ихъ побралъ!

— Педди! мистеръ О'Кренъ! кричалъ жалобный голосъ въ толпѣ.

— Сейчасъ, сейчасъ, Дороти, мой милый боченокъ! сейчасъ!... И Педди вошелъ въ залу, не смѣя оглянуться.

Толпа вошла въ театръ. Мелкій и холодный дождь разогналъ зѣвакъ. Воры и бродяги разбрелись по тавернамъ, гдѣ они продавали украденныя вещи торгашамъ, которые всегда въ подобныхъ случаяхъ появлялись неизвѣстно откуда.

Во всѣхъ почти англійскихъ театрахъ есть три отдѣльные входа. Первый, для «публики» (средняго класса), открывается въ одно время съ кассой; второй, для *gentle-people* (высшаго класса), открывается полчаса спустя; тутъ ворами пожива плохая, потому что грумы вооружены длинными и гибкими хлыстами, и полицмены, столь беззаботные когда дѣло идетъ о публикѣ, пробуждаются нѣсколько на защиту милордовъ и миледи. Несмотря на то, нѣкоторые мошенники, болѣею частию люди молодые, смѣлые, предприимчивые и искусные въ высшей степени, пробираются къ экипажамъ, подходятъ подъ какимъ-нибудь предлогомъ къ джентльменамъ, и успѣваютъ иногда утащить батистовый платокъ, часы, флакончикъ, табакерку или другую какую-либо вещь.

Наконецъ третій входъ—«полуцѣнный»—предоставленъ низкимъ классамъ народа. Онъ открывается около десятого часу.

Однѣ изъ первыхъ экипажей, останавливавшихся у

второго входу Ковентъ-Гарденскаго театра, была карета леди Кемпбл. Миссъ Мери Треворъ и тѣтушка ея безъ всякихъ приключеній дошли до своей ложи; онѣ вошли туда около половины перваго акта, когда театръ былъ уже полонъ и представлялъ великолѣпное, блистательное зрѣлище. Для бѣльшей ясности разсказа, мы должны объяснить читателямъ положеніе дѣйствующихъ лицъ нашихъ.

Въ первой ложѣ, выходившей на сцену и принадлежавшей герцогу I^м, никого еще не было. Сосѣдную ложу занимала леди Кемпбл и ея племянница; нѣсколько далѣе была ложа княгини де-Лонгвиль и тѣтки ея; вонъ ихъ ложа, закрытая опущенной сторой. Съ другой стороны театра, противъ ложи княгини де-Лонгвиль, сидѣли леди Офелія и Рио-Санто. Въ нѣкоторомъ разстояніи отъ послѣдней ложи сидѣлъ блѣдный, скучавшій, утомленный мужчина, смотрѣвшій на плафонъ и не обращавшій вниманія на то, что происходило на сценѣ; это былъ милордъ графъ Вейтъ-Манорскій, старшій братъ Бриана Ленчестера и господинъ честнаго мистера Патерсона, имѣвшаго дѣла съ Бобъ-Лантерномъ. Внизу, подъ ложей герцога I^м былъ обширный бенъоаръ, составленный изъ двухъ ложъ, въ которыхъ перегородка была снята, и называвшійся у лондонскихъ денди «адской ложей». Въ ней были Лантюръ-Люсъ и нѣсколько другихъ молодыхъ людей, между которыми особенно отличался одинъ. Это былъ мужчина лѣтъ тридцати, высокаго росту, прекрасно сложенный, широкоплечій. Правильныя черты его имѣли ледянистое выраженіе, свойственное кровнымъ Англичанамъ; но въ серіозномъ взорѣ его было написано неограниченное мужество, доходившее иногда до дерзости и холодно васмѣшливое выраженіе. Высокій, круглый лобъ его увеличивалъ еще силу выраженія этого лица, смягченнаго вѣжными, мягкими, бѣлокурыми кудрями, до которыхъ, по-видимому, никогда не касались щипцы парикмахера. По всему видно было, что это былъ человѣкъ энергичскій, смѣлый, скрывавшій подъ холодной наружностью пламенное, страстное и иногда до безразсудства пылкое сердце. Сверхъ-того это былъ человѣкъ оригинальный,

эксцентрической — eccentric man. Таковъ былъ Брианъ Личестеръ.

Наконецъ въ верхней галереѣ сидѣли почтенный капитанъ Педди О'Кренъ и красная, толстая мистриссъ Борнетъ; она была въ большомъ смущеніи, потому что принуждена придерживать одной рукой косынку, изъ-подъ которой рвались наружу массивныя округлости ея. Снэль, разговаривая съ капитаномъ, похитилъ у мистриссъ Борнетъ брошку, которою застегнута была косынка. Педди не спускалъ глазъ съ пустой ложи герцога I^{***}, и начиналъ уже надѣяться, что проведетъ аттрактъ въ пріятныхъ разговорахъ съ обожаемою хозяйкой таверны.

Но въ то самое время, когда занавѣсъ опускался, дверь въ ложу отворилась съ шумомъ и вошла леди Б^{***}, усыпанная брилліантами.

— Прелестная мистриссъ, сказалъ Педди съ глубокимъ вздохомъ: не прикажете ли апельсинчика?

— А развѣ у васъ есть?

— Я сейчасъ принесу, мистриссъ, чортъ меня побери!

И капитанъ поспѣшно перешагнулъ черезъ скамью, вышелъ въ корридоръ, но вмѣсто-того, чтобы идти къ буфету за апельсиномъ, отправился прямо въ фойе. Какъ-скоро онъ вступилъ туда, незнакомый человѣкъ заступилъ ему дорогу и осматривалъ его съ ногъ до головы.

— Капитанъ Педди? отрывисто спросилъ незнакомецъ, и получивъ утвердительный отвѣтъ, слегка прикоснулся указательнымъ пальцемъ до груди О'Крена и произнесъ: — «Ночной джентельменъ».

Педди почтительно поклонился. Незнакомецъ отвергъ его сторону и сталъ разговаривать съ нимъ шопотомъ.

— Во всѣхъ сосѣднихъ тавернахъ есть теперь наши, сказалъ капитанъ, выслушавъ приказаніе незнакомца.

— Надо человѣка ловкаго!...

— Я достану вамъ настоящаго угря, милордъ.

Незнакомецъ приложилъ палецъ ко рту и удалился.

— Навязалъ я себѣ на шею эту бочку, мистриссъ Борнетъ! проворчалъ капитанъ со вздохомъ: по кого выбрать? добраго пріятеля моего, окаяннаго Бѣба, или милаго дьяволенка-Снэля?... Кого изъ нихъ?...

И потесывался за ухомъ какъ человекъ, нахвостящійся въ нерѣшимости, Педали вышелъ изъ театра.

Какъ-скоро занавѣсъ опустился, въ залѣ раздался общій говоръ.

Ріо-Санто, обойдя нѣсколько ложъ, воротился къ леди Оселии, облокотился на спинку ея кресла и равнодушно навелъ зорнетъ на противоположную ложу.

— Я не ошибаюсь! вскричалъ онъ вдругъ съ радостнымъ изумленіемъ: Это княгиня де-Лонгвиль!

— Гдѣ? спросила графиня.

— Напротивъ насъ, миледи.... вы позволите мнѣ представиться ей? я ее очень хорошо зналъ въ Парижѣ.

— Какъ она хороша! невольно воскликнула Оселия.

— Она славилась своей красотой въ Парижѣ, въ Сенъ-Жерменскомъ предмѣстіи, сказалъ Ріо-Санто, выходя изъ ложи.

Сузанна была, въ самомъ дѣлѣ, очаровательна. Она ждала—она надѣялась. И какъ вся эта роскошь, все это великолѣпіе плѣняли ее! Какъ сладостно-упоительною казалась ей германская музыка!... Она не видала еще Бріана, но она надѣялась, она была твердо убѣждена, что увидитъ его, будетъ съ нимъ говорить....

Графиня не могла отвести отъ Сузанны глазъ. Каждая женщина казалась ей соперницей, и она еще разъ произнесла съ глубокимъ вздохомъ:

— Какъ она хороша, Боже мой!...

Дверь ложи княгини де-Лонгвиль отворилась и Ріо-Санто вошелъ. Сузанна бросила на него равнодушный взглядъ. Она не его ждала; но встрѣтившись съ пронизательнымъ, холоднымъ взглядомъ маркиза, она почувствовала невольный страхъ и уваженіе къ этому человеку, котораго однако жъ никогда не видала. Ріо-Санто не спускалъ взору съ мнимой княгини; лицо ея напоминало ему что-то давно минувшее.... Поклонившись небрежно герцогинѣ, Ріо-Санто приблизился къ Сузаннѣ.

— Маркизь де-Ріо-Санто, сказала герцогиня молодой дѣвушкѣ.

Сузанна поклонилась и сказала тихимъ голосомъ:

— Я приняла всё предложенія, милордъ, и надѣюсь, что не обману вашихъ надеждъ....

— Я не понимаю, что вы хотите сказать, княгиня, отвѣчалъ маркизъ улыбаясь. Я пришелъ поговорить съ вами о Парижѣ, о Франціи....

— Какъ вы неосторожны! шепнула старая Француженка Сузаннѣ.

— Я думала, что это тотъ, которому я должна повиноваться, отвѣчала вполголоса Сузанна.

Герцогиня сдѣлала отрицательный знакъ; въ глазахъ молодой дѣвушки выразилось сомнѣніе; маркизъ молча смотрѣлъ на нея.

— Удалитесь, сказалъ онъ послѣ нѣкотораго молчанія Француженкѣ шопотомъ: она должна быть одна въ ложѣ, когда я ворочусь.—Сказавъ эти слова, онъ поклонился Сузаннѣ и вышелъ.

— Ma chère, сказала герцогиня Сузаннѣ: я бы охотно осталась съ вами, но мнѣ не здоровится, а въ мои лѣта надо беречься.... Я оставляю васъ однихъ, Сузаннѣ; не забывайте моихъ наставленій; повинуйтесь всякому, будь онъ нищій, кто произнесетъ извѣстныя вамъ два слова; не забывайте, что вы недавно изъ Франціи.... и особенно будьте осторожны съ маркизомъ: онъ не изъ нашихъ....

— Увижу ли я Бріана Ленчестера? спросила Сузанна.

Старая Француженка улыбнулась.

— Потерпите, красавица моя, потерпите! Вы увидите его скоро.... прощайте!

Сузанна осталась одна.

Ріо-Санто воротился къ леди Офелии. Онъ сѣлъ возлѣ нея и хотѣлъ что-то сказать, но не могъ рѣшиться. Молчаніе продолжалось нѣсколько минутъ. Графиня замѣтила смущеніе его и, улыбувшись, спросила:

— Что съ вами, донъ Хосе?

— Миледи, отвѣчалъ Ріо-Санто замкаясь: у меня есть до васъ просьба... вещь самая пустая, ничтожная, но.... нѣкоторымъ образомъ несогласная съ вашими англійскими обычаями....

— Развѣ вы забыли, что я ни въ чемъ не могу отказать вамъ?

— О, миледи! отвѣчалъ маркизъ, слегка пожавъ руку ея. Я знаю, какъ вы добры. Я смѣло попросилъ бы отъ васъ важной услуги, но есть бездѣлицы.... выслушайте меня, графиня!... Княгиня де-Лонгвиль одна въ Лондонѣ, съ тѣтушкой своей, герцогиней де-Жевръ, которой слабое здорье не позволяетъ почти выѣзжать; вотъ и теперь.... смотрите... княгиня и теперь осталась одна.... Миледи, вы очень обязали бы меня, если бъ помогли заплатить княгинѣ долгъ вѣжливости.... я бы желалъ представить вамъ ее....

— Здѣсь, милордъ? прервала его Офелія.

— Если вы позволите, миледи.

— Нѣтъ, милордъ.... Это не возможно.... приличіе....

— Вы отказываете мнѣ! сказалъ Ріо-Санто съ нѣжнымъ упрекомъ.

Графиня встала.

— Милордъ, сказала она, потрудитесь проводить меня: вы представите меня княгинѣ де-Лонгвиль.

Ріо-Санто поблагодарилъ Офелію взоромъ, исполненнымъ любви.

Нѣсколько минутъ спустя, графиня и Ріо-Санто вошли въ ложу Сузанны, которая встала и къ величайшему изумленію маркиза, приняла графиню съ простою, благородною граціей. Ріо-Санто, по-видимому, очень заботился о томъ, чтобы открыть передъ Сузанной дверь англійскаго большаго свѣта и вполнѣ достигъ своей цѣли. Результаты превзошли даже всѣ ожиданія его.... Двѣ дамы, княгиня и графиня, представленныя одна другой мужчиной, въ театрѣ, въ Лондонѣ! Это былъ геркулесовскій подвигъ! Первый шагъ былъ сдѣланъ. Вслѣдъ за графиней Дѣрби, Сузанна могла вступить во всѣ аристократическіе дома; въ противномъ случаѣ ей никакъ не послужило бы княжеское званіе; оно было бы подобно золотому ключу, который не приходится ни къ какому замку. Въ Лондонѣ надо быть представленнымъ. Это правило, аксіома, вѣчная, тяжелая ось, около которой вертится все зданіе англійскаго этикета.

Графиня почувствовала невольное влеченіе къ Сузаннѣ, которая, въ свою очередь, готова была полюбить Офелію всю душою.

Онъ говорилъ мало, но каждое слово было много значительно. Время летѣло. Вдругъ Сузанна вспомнила о Бриантѣ.... онъ не приходилъ! Она вздохнула и печально опустила голову.

— Онъ придетъ, шепнулъ ей кто-то на-ухо, скоро!

Сузанна оглянулась. За нею никого не было, но стора, закрывавшая сосѣднюю лаву, слегка кольхалась.....

Между-тѣмъ, почтенный капитанъ Педро О'Кренъ сидѣлъ въ таверну «Трубки и Кружки».

Меджъ сидѣла на прежнемъ мѣстѣ, не снимая шляпы, курила, пила и молчала. Мичъ, облокотившись на столъ, утиралъ по временамъ рукою маку крови, которая медленно текла со лба его. Снэалъ пилъ, мяукалъ, вѣлъ, бранилъ хозяйку, цѣловалъ иногда жесткую щеку Меджи и брызгалъ джиномъ въ лицо служанки. Въ одномъ углу плясала Чахоточная, пѣвшая монотонную, грустную мелодію. Никто не обращалъ на нея вниманіе. На лбу бѣдной дѣвушки выступалъ потъ, плоская грудь ея подымалась, издавая какой-то хриплый свистъ. Два красныя пятна рѣзко обрисовывались на блѣдыхъ щекахъ. По временамъ она подходила къ столу, требуя джину. Въ другомъ углу, за кускомъ заплѣсневѣлаго сыру и кружкой шава сидѣлъ Бобъ-Лантернъ.

Полезеніе такой важной особы, какъ капитанъ Педро О'Кренъ, промѣзело на всѣхъ присутствовавшихъ сильное впечатлѣніе. Пегъ встала и пошла къ нему на встрѣчу, а Бобъ-Лантернъ проворно спряталъ носовой платокъ, въ который онъ только-что хотѣлъ высморкаться.

— Здравствуй, Пегъ, отвратительная Мегера, милая козюшка, сказалъ капитанъ: подай-ка мнѣ стаканъ рому!....

Онъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ и опять остановился въ шеръшинности, не смотря то на Снэала, то на Боба.

— Добрый вечеръ, чортъ меня побери, капитанъ! закричалъ Снэалъ.

— Почтеннѣйшій мистеръ О'Кренъ, сказалъ Бобъ, честью кланяться.

— Нѣтъ! просоворилъ Меджи: ужъ лучше этого заше-выша, голубчика-Снэала! Этотъ разбойникъ Бобъ слышалъ

малый, чертъ его побори, но мнѣ самому становится страшно, какъ посмотрю на него!... Эй, Снэль, кучка грязи, мнѣ надо поговорить съ тобой о дѣлѣ.

Снэль громко захохоталъ.

— О дѣлѣ? вскричалъ онъ: слышишь ли, хорошенькая Медж? Слышите ли вы, Лу и Мичъ?... онъ хочетъ говорить со мной о дѣлѣ, когда я угощаю! Какъ бы не такъ!

— Ты будешь раскаиваться, дружокъ.

— Говорятъ вамъ, капитанъ, что я хочу кутить.

— Э! неотьемлемое достоинствѣ висѣльщицы, милый сынъ мой, ты будешь кутить..... только послѣ!

— Развѣ вы не знаете, что здѣсь сегодня будетъ побоище?

— А мнѣ что за дѣло, младшій сынъ сатаны?

— Что вамъ за дѣло?... Посмотрите-ка на лобъ Мича, моего зятя.... Жаль, что Лу пьяна, а нето она бы славно поговорила.... Мичъ и Тернбуль поссорились и подрались; полисмены розняли ихъ, но они отложили побоище до полуночи..... Какъ же вы хотите, чтобы я ушелъ отсюда?

— Но, гадкій выкидышъ, милый сынъ мой.....

— Послушайте! прервалъ его Снэль, какъ-бы пораженный внезапной идеей: Мичъ добрый малый, хоть онъ слишкомъ часто бьетъ бѣдную Лу..... если я пойду съ вами, дадите ли вы мѣсто Соню, Мичу?

— Дамъ, проклятый щенокъ!

— Честное слово?

— Честное слово!

— Слышишь, Мичъ? Не дай убить себя, и ты будешь жить въ хорошемъ мѣсто.... Пойдемте, капитанъ!

Падли вынулъ стаканъ рому, взялъ Снэля за руку и вышелъ съ нимъ въ переулокъ.

Бобъ тихонько всталъ и пошелъ за ними.

Капитанъ отвелъ Снэля въ самый темный закоулокъ мрачнаго переулка, и, внимательно осмотрѣвшись, началъ говорить важнымъ голосомъ:

— Сынъ мой, несмотря на то, что ты развращенъ не только дѣломъ и что у тебя душа грязнѣе самаго грязнаго угла этого грязнаго переулка, тебѣ не препоручали еще

никогда важнаго дѣла.... тебѣ, наконецъ, надо составить себѣ каррьеру, имя, состояніе, чортъ тебя возьми! Не вѣкъ же мяукать! И такъ, я говорилъ..... гмъ! гмъ!.... ты меня совсѣмъ сбилъ съ толку, разбойничье отродье!... Я говорилъ.... что бишь я говорилъ, Снэль?

— Не знаю.

— Не знаешь.... и я не знаю.... отложимъ рѣчь мою до другаго разу..... хочешь ли заработать десять гиней?

— Пожалуй.

— Какъ! презрѣнный червь, возлюбленный сынъ мой! Я тебѣ говорю о десяти гинеяхъ, а ты отвѣчаешь: пожалуй!.... да знаешь ли ты, подлая тварь, голубчикъ мой, что на эти деньги ты можешь напоить даже свою хорошенькую Меджъ, которая, мимоходомъ сказать, самое отвратительное созданіе!.... Но не въ томъ дѣло.....

Снэль не слушалъ капитана; наклонивъ голову въ одну сторону, онъ прислушивался къ чему-то другому. Онъ наблюдалъ за черной массой, которая медленно двигалась около деревяннаго забора.

— Что жъ ты молчишь, адская улитка? спросилъ капитанъ.

— Это Бобъ, шеннулъ Снэль; экой любопытный!

— Ты или пьянъ, или съ ума сошелъ, сказалъ Педа: какой тутъ Бобъ?

— Вотъ онъ! отвѣчалъ Снэль.

— Гдѣ? спросилъ капитанъ, невольно вздрогнувъ.

Снэль указалъ на приближавшуюся черную массу.

— Это Бобъ? спросилъ капитанъ тихимъ голосомъ. Ну, надо признаться, что онъ ночью, точно такъ же какъ и днемъ, похожъ на кучу грязи!.... Что жъ касается до тебя, Снэль, то ты суцая кошка! Гдѣ бы мнѣ догадаться, что эта змѣя, Бобъ, добрый товарищъ нашъ, ползетъ сюда. Говори тише..... пусть себѣ идетъ.... я ему отплачу.... И такъ ты говоришь, что охотно заработалъ бы десять гиней?

— Еще охотнѣе пятнадцать гиней, капитанъ.

— Ну, ладно, пятнадцать, пиввица! Я торговаться не охотникъ..... Дѣло очень простое. Ступай и купи себѣ сейчасъ же полный джентльменскій костюмъ. Упрячь въ

него когти свои, ступай въ театръ, въ фойе.... Понимаешь?

— Понимаю..... Бобъ шагахъ въ тридцати отъ насъ.

— Ладно, ладно.... Въ фойе къ тебѣ подойдетъ джентльменъ и дотронется до руки твоей такимъ образомъ....

— А какъ узнаеть меня этотъ джентльменъ?

— Экой я разсѣянный! чортъ меня побери! Я и забылъ сказать, чтобы ты прицѣпилъ себѣ желтую ленточку.....

— Хорошо..... Бобъ въ двадцати шагахъ.

— Пусть идетъ.... джентльменъ скажетъ тебѣ, что надо дѣлать и ты исполнишь его приказаніе..... Вотъ тебѣ пять гиней на платье, и еще пять гиней; чтобы придать себѣ смѣлости, чортовъ внукъ! Остальные пять послѣ получишь....

— Ладно.... Бобъ въ десяти шагахъ.

— А, онъ въ десяти шагахъ, проворчалъ Педди; тѣмъ лучше! и возвысивъ голосъ, онъ продолжалъ:— Да, Снэль, умныхъ людей обманываютъ чаще, нежели дураковъ.... вотъ хоть бы гадкій Бобъ, котораго мы всѣ уважаемъ и любимъ: Темпераенса его обманываетъ, а онъ влюбленъ въ нее какъ дуракъ!

Бобъ вдругъ остановился. Снэль смѣялся изподтишка. Капитанъ продолжалъ:

— А вѣдь жаль, право жаль! Бобъ злодѣй, олицетворенная помойная яма, но добрый мальшій..... а между-тѣмъ жена его связалась съ Тёрбуллемъ.....

— Тёрбуллъ! прохрипѣлъ Бобъ съ яростью.

— Что это? вскричалъ капитанъ: здѣсь кто-то есть! кто-то подслушивалъ насъ!.... И схвативъ трость обѣими руками, Педди принялся во всю мочь колотить Боба. Снэль захохоталъ отъ души. Бобъ пустился бѣжать.

— Впередъ не будетъ красть у меня носовыхъ платковъ! сказалъ Педди, торжествуя.

Но мщеніе его зашло дальше, нежели онъ думалъ. Бобъ не чувствовалъ ударовъ тростью; онъ былъ пораженъ въ самое сердце.

— Темпераенсъ! произнесъ онъ, удалившись отъ того мѣста, гдѣ находился капитанъ: Темпераенсъ! Тёрбуллъ! Стойшу вамъ!.....

Второе дѣйствіе «Волшебнаго Стрѣлка» подходило къ концу.

Ріо-Санто, желая тотчасъ же ввести Сузанну въ аристократическій кругъ ввелъ въ ложу ея, одного за другимъ, кавалера Анджело Бѣмбо, сэра Джона Ватерфильда, доктора Мюллера, маіора Боруэма, Лантюрь-Дюса и другихъ. Сузанна принимала ихъ такъ, какъ-будто бы провела все дѣтство въ одномъ изъ фешенебельныхъ пансіоновъ, въ которыхъ учатъ молодыхъ дѣвушекъ «держаться прямо и вести себя прилично!» Она говорила мало, потому что была печальна, но говорила хорошо и леди Оселія во всѣхъ словахъ ея замѣтила что-то поэтическое, странное, но вмѣстѣ съ тѣмъ плѣнительное. Можетъ-быть, это происходило и отъ прелести французскаго языка, который Сузанна знала въ совершенствѣ.

Посреди разговора съ графиней что-то съ силой ударило въ сердце Сузанны, и въ то же время въ корридорѣ послышались чьи-то шаги. Дѣвушка замолчала; шаги эти были ей знакомы. Ожиданіе ея продолжалось не болѣе минуты..... у двери послышался легкій шорохъ.....

— Это онъ! произнесъ таинственный голосъ надъ ухомъ Сузанны: будьте счастливы и—осторожны!

Дверь отворилась. Вошелъ Бріанъ Ленчестеръ. Онъ вѣжливо поклонился, былъ представленъ княгинѣ, сказалъ ей два, три слова и вступилъ въ разговоръ съ графиней. Сузанна жаднымъ взоромъ смотрѣла на него, не искоса, какъ молодыя пансіонерки, но прямо, не скрывая непреодолимаго влеченія къ нему.

— Вы не были вчера на балу въ Треворъ-гоузъ? спросила графиня Бріана.

— Нѣтъ, миледи, отвѣчалъ онъ: несмотря на прелесть подобнаго бала, я не могъ оставить своего дѣла..... Я продавалъ фосфорныя спички у дому милорда, моего брата.

— Бѣдный графъ! сказала графиня, невольно улыбувшись при словахъ Бріана, произнесенныхъ серьезно: вы жестоки къ нему!.... Но вѣдь вы не всю же ночь продавали спички?

— Нѣтъ, миледи, только до одиннадцати часовъ; при томъ же я подвергнулся маленькой неприятности... Управ-

люшій брата моего, Патерсонъ, приказалъ прибить меня, за то, что я не хотѣлъ сойти съ крыльца.... Одинъ изъ изъ грумовъ милорда, графа Вейтъ-Манора, старшаго моего брата, отсчиталъ мнѣ дюжину порядочныхъ ударовъ...

— Возможно ли! вскричала графиня.

Невольная краска разлилась по щекамъ Сузанны.

— Это истинная правда, миледи, отвѣчалъ Бріанъ.

— Чтò же вы сдѣлали?

— По несчастію я не богатъ, миледи, а потому не могъ дать этому груму болѣе пяти фунтовъ стерлинговъ.

— За побой, сэръ!

— Я бы охотно заплатилъ за нихъ сто гиней, миледи.. О! вы можете быть увѣрены, что милорду, моему брату, въ прошлую ночь не спалось! Нѣсколько прохожихъ были свидѣтелями ударовъ, которые я получилъ и сегодня утромъ я подаю жалобу... дѣло будетъ весьма занимательное! Братъ, прибитый слугой брата....

Бріанъ Ленчестеръ всталъ, произнося послѣднія слова; глаза его сверкали; во всей наружности его выражалась энергія, мало согласовавшаяся съ его, по-видимому, шуточными словами. Сузанна поняла изъ всего разговора только одно: Бріанъ былъ несчастливъ. Сердце ея кипѣло негодованіемъ при мысли объ оскорбленіи, нанесенномъ человѣку, который, въ ея мнѣніи, стоялъ выше всѣхъ другихъ людей. Она хотѣла бы утѣшить его, любовью своею залечить рану, заставлявшую Ленчестера страдать. Онъ готовился уже удалиться; сердце молодой дѣвушки сжалось: когда она опять увидитъ его?

Дверь въ ложу отворилась. Вошелъ кто-то изъ молодыхъ людей. Бріанъ, подошедшій уже къ двери, воротился и сѣлъ за Сузанной.

Между-тѣмъ какъ графиня разговаривала съ вошедшимъ, Бріанъ устремилъ на Сузанну неподвижный взоръ, который имѣлъ на нея странное, могущественное вліяніе.... Она сознавалась рабой этого человѣка, тысячи мыслей толпились въ головѣ ея, сердце глухо билось въ груди....

Молодой человѣкъ, разговаривавшій съ графиней, какъ-бы печально обратился къ Сузаннѣ спиной и такимъ образомъ

совершенно отдѣлялъ ее отъ леди Офелии, съ которою разговаривалъ о чемъ-то съ живостью.

— Какъ вы прекрасны, княгиня! сказалъ наконецъ Бріанъ тихимъ и печальнымъ голосомъ. Зачѣмъ я увидалъ васъ?... Онъ замолчалъ и взялъ руку Сузанны, которая не отняла ея. Меня, можетъ-быть, обманули, продолжалъ онъ, въ такомъ случаѣ я заранѣе прошу у васъ извиненія въ своей дерзости.... мнѣ сказали, что вы любите меня, княгиня?

— Васъ не обманули, отвѣчала Сузанна.

Этотъ неожиданный отвѣтъ поразилъ Бріана. Онъ невольно опустилъ глаза. Когда онъ опять поднялъ ихъ, двѣ слезинки катились по щекамъ красавицы.

— Вы любите меня! повторилъ Бріанъ прерывающимся голосомъ: но знаете ли вы меня?... знаете ли вы странную жизнь мою?... Нѣтъ, княгиня, я не люблю васъ, я не хочу васъ любить.... Это было бы жестоко, коварно!

Сузанна посмотрѣла на него, и улыбка появилась на лицѣ, изъ котораго едва высохли слезы.

— Вы полюбите меня, сказала она; о! вы полюбите меня!... Я это чувствую; я это знаю.... выраженіе голоса вашего искреннѣе вашихъ словъ.

Бріанъ нѣсколько времени молчалъ, съ восторгомъ смотря на очаровательное созданіе, принадлежавшее ему, и съ наслажденіемъ упиваясь страстію, горѣвшею въ полузакрытыхъ глазахъ Сузанны; онъ былъ побѣжденъ.

— Да, я буду любить васъ, сказалъ онъ наконецъ тихимъ, но полнымъ чувства голосомъ: я буду весь принадлежать вамъ!... Нѣкоторые считаютъ меня полоумнымъ и я самъ, по временамъ, думаю.... Пойдите!

Бріанъ произнесъ послѣднее слово рѣзко, сухо. Взоръ его, за нѣсколько минутъ, устремленный на прекрасное лицо Сузанны, обратился на противоположную сторону залы съ выраженіемъ горечи и гнѣву. Онъ увидѣлъ скучающее и безжизненное лицо своего брата, графа Вейтъ-Манора.

— Княгиня, сказалъ онъ холодно: если черезъ десять минутъ вы не перестанете любить меня, то я буду любить васъ вѣчно!

Онъ всталъ, поклонился и поспѣшно ушелъ. Вслѣдъ за нимъ ушелъ и молодой человѣкъ, разговаривавшій съ Офеліей.

Ленчестеръ скоро сошелъ съ лѣстницы и вышелъ на улицу.

— Джонни! закричалъ онъ.

Къ нему въ то же мгновеніе подбѣжалъ жокей.

— Ящикъ и куртку! сказалъ Бріанъ, поспѣшно снимая щегольской фракъ; потомъ онъ надѣлъ бѣлую куртку, передникъ, перекинулъ черезъ голову ремень отъ ящика, который подалъ ему Джонни и поспѣшно воротился въ театръ.

Бріанъ Ленчестеръ былъ младшій сынъ Юза Ленчестера, графа Вейтъ-Манорскаго. — Будучи еще очень молодъ, онъ вступилъ въ то ложное, непріятное положеніе, которое часто бываетъ въ Англіи удѣломъ младшихъ сыновей знатныхъ фамилій. Воспитанный въ роскоши, почти царственной, онъ, послѣ смерти отца, получилъ свою, весьма умѣренную, долю изъ наслѣдства. Братъ его, благодаря неизмѣннымъ правиламъ закона, наслѣдовалъ вмѣстѣ и титулы и девять десятыхъ отцовскаго имѣнія; старшій дѣлался знатнымъ и богатымъ вельможей; младшій впалъ въ состояніе, близкое къ бѣдности.

Графу Вейтъ-Манору и не пришло на мысль улучшить состояніе младшаго своего брата, съ молодю привыкшаго къ роскошной и празднои жизни, а Бріанъ, не думая о будущемъ, беззаботно моталъ. Одно обстоятельство вскорѣ почти совершенно разорило его: братъ или, лучше сказать, управитель послѣдняго, затѣялъ съ Бріаномъ процессъ, который онъ, за неимѣніемъ средствъ поддерживать его, проигралъ. Братья никогда не питали другъ къ другу особой нѣжности, а послѣднее обстоятельство совершенно ожесточило Бріана; онъ поклялся, что будетъ бороться съ братомъ своимъ на-смерть.

Ленчестеръ сдержалъ слово. Оружіе, избранное имъ, было странно, необыкновенно, но онъ умѣлъ такъ хорошо владѣть имъ, что графъ горько раскаялся въ томъ, что озлобилъ противъ себя человѣка, могущественнаго по покровительству, которое оказывала ему аристократія, и

какъ-бы шутя наполнявшаго жизнь его невыносимою горечью—но уже было поздно.

Чтобы избавиться преслѣдованій брата, графъ предложилъ ему сумму, сначала умѣренную, потомъ значительнѣйшую. Бріанъ требовалъ половины всего имущества. Графъ отказалъ.

И борьба продолжалась. Чудная борьба слабого съ сильнымъ и гдѣ всѣ преимущества находились на сторонѣ слабого. Графъ впалъ въ сплинъ и сдѣлался несчастнѣйшимъ человѣкомъ трехъ соединенныхъ королевствъ. И странная вещь! въ этой борьбѣ помощниками и союзниками Бріана были именно тѣ, которые по природѣ и законамъ, должны были вступить въ число злѣйшихъ враговъ его. То были молодые лорды, которые черезъ нѣсколько времени должны были стать съ младшими братьями своими въ тѣ же отношенія, въ какихъ находился графъ Вейт-Маноръ съ Ленчестеромъ. Но они видѣли только забавную сторону поведенія послѣдняго; они не понимали, что каждая изъ шутокъ его была ударомъ, нанесеннымъ праву старшинства; ударомъ, потрясавшимъ вѣковую опору закона.

Чѣмъ страннѣе были нападки Бріана, тѣмъ болѣе восхищался большой свѣтъ. Весь *gentle-folk* приходилъ въ восторгъ, читая въ *Times* слѣдующее объявленіе:

«Вчера, благородный графъ В.... М....., прогуливаясь въ лодкѣ, по Темзѣ, узналъ въ одномъ изъ гребцовъ брата своего сэра Б.... Л.....

«Говорятъ, что графъ отвернулся, чтобы не видѣть роднаго брата и приказалъ немедленно причалить къ берегу.

«Мы живемъ въ чудномъ вѣкѣ!...» и такъ далѣе. Или:

«Въ сырой и холодный вечеръ прошлаго воскресенья, нѣсколько прохожихъ видѣли сэра Б... Л..., лежавшаго на холодныхъ плитахъ крыльца графа В... М..., своего брата. Люди, заслуживающіе полной довѣренности, говорятъ, что графъ приказалъ лакеямъ прогнать несчастнаго своего брата» и такъ далѣе.

Могущественный лордъ не смѣлъ куда показываться. Онъ прогуливался только по уединеннымъ мѣстамъ, гдѣ надѣялся не встрѣтить своего палача; но Бріанъ, казалось,

нигль вездѣ сообщниковъ. Графъ вездѣ встрѣчалъ холодное, насмѣшливое лицо его. Бріанъ, напротивъ, былъ даже въ модѣ. Его вездѣ принимали, всюду приглашали.

Занавѣсъ опустился во второй разъ, когда Бріанъ Ленчестеръ вошелъ въ залу, въ костюмѣ пирожника. По всему театру разнесся глухой гулъ разговоровъ и подавленного смѣху.

— Купите, господа, говорилъ Бріанъ, обходя партеръ; купите пирожки и конфеты и подуйте дамъ вашихъ; такъ водится въ Парижѣ!

Покупали только люди, не знавшіе Бріана и не понимавшіе мистификаціи. Когда онъ подошелъ къ «адской ложѣ», оттуда раздались громкіе bravo и шумныя рукоплесканія. Бріанъ повторилъ предложеніе свое монотоннымъ голосомъ и не улыбувшись. Молодые люди бросились покупать и ящикъ оригинала опорочился бѣ въ ту же минуту, если бѣ онъ не захлопнулъ его, сказавъ:

— Довольно, господа, довольно: надо оставить для тѣхъ... И съ послѣдними словами онъ обратилъ взоръ къ ложѣ, въ которой сидѣлъ графъ Вейтъ-Маноръ, не подозрѣвавшій грозы, собиравшейся надъ его головою.

— Очаровательно! неподражаемо! картавилъ Лантюръ-Люсь; точно, въ Парижѣ продаютъ лакомства, но только гризеткамъ!... Очаровательно, неподражаемо! Жаль только, что я не буду видѣть, какъ вы пойдете къ ломамъ, у меня кто-то отрѣзалъ лорнетъ!...

Молодой Французъ болталъ еще, когда Бріанъ былъ уже у ложъ. Вездѣ его принимали съ громкимъ смѣхомъ. Помѣрѣ-того, какъ онъ проходилъ, всѣ слѣдили за нимъ любопытнымъ и поощрительнымъ взоромъ, такимъ образомъ, что когда онъ подошелъ къ ложѣ графа Вейтъ-Манора, до тысячи глазъ были обращены на братьевъ.

— Чего они, чортъ ихъ побери, смотрятъ на этого бродягу въ бѣломъ передникѣ? говорилъ капитанъ мистрисъ Борнетъ.

— Не хотите ли вы имъ запретить смотрѣть? отвѣчала съ сердцемъ хозяйка таверны: вы видите, что всѣ лорды покупаютъ дамамъ конфеты, а вы и обѣщали, да не купили апельсина.

— Ну, ладно, ладно, очаровательная Дороти, клянусь чортомъ, вы....

— Что я?

Капитанъ проглотилъ дюжину проклятій и не отвѣчалъ.

Бріанъ Ленчестеръ остановился передъ ложей графа Вейтъ-Манора. Онъ простоялъ нѣсколько минутъ въ молчаніи, надѣясь, что одно присутствіе его обратитъ на себя вниманіе графа. Но онъ ошибся. Скучившій, полу-сонный графъ сидѣлъ съ закрытыми глазами, и дремалъ. Бріанъ поднялъ ящикъ и постучалъ. Графъ съ нетерпѣніемъ посмотрѣлъ внизъ; взглядъ его упалъ на Бріана... онъ задрожалъ всѣмъ тѣломъ; лицо его позеленѣло, мертвые глаза оживились и губы затряслись.

Наступила глубокая тишина.

— Милордъ, братъ мой, произнесъ Бріанъ чистымъ и звучнымъ голосомъ: купите нѣсколько конфетъ у сына отца вашего, чтобы ему было на что купить хлѣба!

Адская ложа стала апплодировать. Весь партеръ послѣдовалъ ея примѣру, а въ галереяхъ зрители, сами не зная зачѣмъ, стали кричать: браво! Педди въ невинности души своей, даже заревѣлъ грубымъ голосомъ своимъ:

— Ай-да чортъ его собери!

Между-тѣмъ лордъ Вейтъ-Маноръ, причина этого шума, и цѣль всѣхъ насмѣшекъ, былъ неподвиженъ, какъ пораженный громомъ.

— Что же, милордъ, братецъ мой? продолжалъ безжалостный Ленчестеръ.

Графъ хотѣлъ что-то сказать — наступила тишина, но послышался только пискливый голосъ Лантюрь-Люса, который говорилъ:

— Клянусь вамъ, *très chers*, что я дорого бы далъ за лорнетъ—кромѣ шутокъ!... Я ничего не вижу!

Графъ, не будучи въ состояніи произнести ни слова, бросилъ на брата взглядъ кровавой ненависти и опустилъ стору своей ложи.

Въ это же самое время въ галереяхъ и партерѣ поднялась суматоха. Былъ десятый часъ—время открытія третьяго, «полу-цѣннаго» входа. Тамъ и сямъ дрались, бранились, шумѣли. Бріанъ воспользовался суматохой, удалился,

и тотчасъ же возвратился въ своемъ фешенебельномъ костюмѣ. Шумъ нѣсколько утихалъ, когда въ одной изъ ложъ перваго яруса раздался женскій крикъ, исполненный страху и ужасу....

Все взоры, съ любопытствомъ смотрѣвшіе на ложу графа, вдругъ обратились въ другую сторону.

Въ ложѣ герцога Г*** леди Б***, блѣдная, съ выраженіемъ ужасу на лицѣ, бросилась къ двери ложи, на порогѣ которой въ то же мгновеніе показалось блѣдное, кроткое лицо Тирреля, извѣстнаго въ свѣтѣ подъ именемъ Эдмонда Менкензи....

Около половины втораго дѣйствія въ фойе прогуливался молодой человѣкъ, щегольски одѣтый, всячески старавшійся подражать манерамъ джентльменовъ. Онъ не выпускалъ зубочистки изо-рту, смѣло глядѣлъ въ глаза всѣмъ проходившимъ, кашлялъ, сморкался, но все тѣтено. Никто не обращалъ на него вниманія, несмотря на то, что въ петличкѣ у него была желтая ленточка.....

Снѣлю надоѣло ждать.... ему очень хотѣлось воротиться въ таверну, гдѣ безъ него веселилась очаровательная Меджъ. Ктому же ему нельзя даже было маукнуть, чтобы нѣсколько разсвѣяться! Съ-горя онъ подошелъ къ буфету и велѣлъ подать себѣ джину. Джину нѣтъ. Элю? Тоже нѣтъ. Ему подали мороженого. Пока Снѣль разсматривалъ мороженое, не зная какъ приняться за него, къ нему подошелъ какой-то мужчина и пожавъ ему руку особеннымъ образомъ, сказалъ:

— Ступай за мной!

— Что-о-о? протяжно спросилъ Снѣль, гордо поднявъ голову: ступай за мной? Знаете ли вы, съ кѣмъ имѣете честь говорить?

Незнакомецъ нахмурилъ брови, но это нисколько не испугало Снѣля.

— Что вы пристали ко мнѣ? продолжалъ онъ: я васъ и знать не знаю, чортъ меня побери!—какъ говорить почтенный другъ мой, капитанъ О'Кренъ.

— Отчаянный малый! проговорилъ незнакомецъ, при-

стально и съ улыбкой посмотрѣвъ на Снэля; потомъ приблизившись къ нему, онъ сказалъ ему на-ухо: — Ночной джентльменъ.

— Давно бы такъ! съ важностью отвѣчалъ Снэль: а то, милордъ, вы понимаете, что я не могу же слѣдовать за первымъ встрѣчнымъ, который скажетъ мнѣ—ступай за мной!

— Конечно.... какъ тебя зовутъ?

— Снэлемъ, милордъ.... а васъ?

— Меня?... и незнакомецъ невольно улыбнулся: это не твое дѣло; ступай за мной.

Оба вышли изъ фойе въ то самое время, когда зрители, пользуясь антрактомъ, выходили изъ залы. Они насилу пробились сквозь толпу и остановились возлѣ той ложи, въ которой находились леди Офелія и княгиня Лонгвиль. Незнакомецъ постучался особеннымъ образомъ; дверь открылась и онъ втокнулъ Снэля въ ложу. Дверь тотчасъ же была заперта. Ни одинъ лучъ изъ ярко освѣщенной залы не проникалъ въ эту ложу.

Нѣсколько секундъ царствовало глубокое молчаніе. Снэль струсилъ..

— Ты дрожишь, «дитя семьи», произнесъ кто-то глухимъ голосомъ. Если ты трусь, такъ уйди!

— Нѣтъ, милордъ.... чортъ возьми! Я не трусь, отвѣчалъ Снэль, — только въ потьмахъ какъ-то скверно на сердцѣ. Чтò жъ мнѣ дѣлать?

— Молчать.

Кто-то взялъ Снэля за руку и подвелъ къ самой сторѣ, въ которой въ то же мгновеніе открылось едва замѣтное отверстіе.

— Приложи глазъ къ этому отверстию, сказалъ тотъ же голосъ.

Снэль повиновался. Глазъ его, начинавшій уже привыкать къ мраку, въ которомъ онъ находился, былъ сначала ослѣпленъ яркимъ свѣтомъ люстръ и лампъ.

— Смотри на противоположную сторону, на первую ложу, произнесъ невидимый, послѣ минутнаго молчанія, какъ-бы обождавъ, чтобы глазъ Снэля присмотрѣлся къ свѣту. Чтò ты видишь?

— Вижу разряженную леди, въ атласномъ платьѣ, усыпанную брилліантами.

— Видишь ли ты руку этой леди?

— Вижу, одну.

— Которую?

— Постойте, милордъ, дайте подумать..... Правую..... нѣтъ! лѣвую; эта рука лежитъ на бархатномъ передкѣ ложи.... ухъ! Какіе перстни! вотъ бы Меджи моей хотъ одинъ подарить!....

— Молчи!.... Между перстнями замѣтъ одинъ, который блестяще другихъ....

— Какъ же, милордъ, какъ же!.... вижу: какъ осколокъ солнца горитъ!

— Отойди!

Отверзтіе закрылось. Снѣль опять очутился во мракѣ. Невидимый крѣпко сжалъ руку его и сказалъ:

— На лѣвой рукѣ, на второмъ пальцѣ отъ мизинца. Помнишь?

— Помню, милордъ.

— Теперь ступай сюда.

Его толкнули къ правой сторонѣ ложи. Стора приподнялась, образовавъ внизу едва замѣтную щель и яркій лучъ свѣту прорѣзалъ мракъ; но въ то же мгновеніе двѣ руки схватили голову Снѣля, чтобы онъ не могъ оглянуться.

— Смотри вправо. Что ты видишь?

— Женскія плечи, милордъ; удивительныя плечи, милордъ!

— Молчи.... лица не видишь?

— Не вижу.

— Постой.

Руки повертели нѣсколько голову Снѣля, который провзнесъ шопотомъ:

— Вижу, милордъ! Теперь вижу!.... Что это значитъ? Лицо знакомое....

— Ни слова!

Стора опустила. Руки опустили голову Снѣля, который отряхнулся, какъ мокрый пудель.

— Гдѣ это я видѣлъ эту леди? думалъ Снѣль; экой я

дуракъ! Она похожа на Сузанну, служанку въ тавернѣ «Герба»; надо показать ее капитану—это разсмѣшитъ его!

— Теперъ ты можешь идти, сказалъ невидимый. Обернись къ дверямъ и не оглядывайся.

Дверь отворилась. Снэля вытолкнули. Въ корридорѣ ждалъ его тотъ же незнакомецъ, который подвелъ его къ ложѣ.

— Вотъ и я! сказалъ Снэль, которому свѣтъ возвратилъ всю смѣлость: вотъ и я! Эти лорды проводятъ время самымъ страннымъ образомъ! Зачѣмъ они приходятъ въ театръ! Имъ стоить только спуститься въ какой-нибудь подвалъ, тамъ они столько же увидятъ!

— Не теряй по пустому словъ, мальчишка!

— О-го! мальчишка.... я теперъ джентльменъ.... впрочемъ, не въ томъ дѣло; скажите мнѣ одно слово: не «его ли честь» въ этой ложѣ?

— Кто это «его честь»?

— Тотъ.... хозяинъ.... знаете? который платитъ.

— Его тамъ нѣтъ.

— Ну, такъ мнѣ не жаль, что я пробылъ въ потьмахъ. Только на «его честь» и хотѣлось бы посмотреть.

— Его уже нѣкоторые видѣли, противъ воли его, сказалъ незнакомецъ мрачно; но эти не проболтаются....

— Имъ зажали ротъ?

Незнакомецъ сдѣлалъ утвердительный знакъ.

— Гинеями? спросилъ Снэль.

— Нѣтъ.... не гинеями, отвѣчалъ незнакомецъ, вынувъ изъ-подъ жилета маленькій, прекрасно отдѣланный кинжалъ.

Снэль замолчалъ и боязливо смотрѣлъ на руку незнакомца, обратно опускавшую кинжалъ.

— Помнишь ли ты, что видѣлъ?

— Помню, милордъ.

— Слушай же!

Незнакомецъ отвелъ Снэля всторону и сказалъ ему нѣсколько словъ на-ухо.

— Понимаю, милордъ! отвѣчалъ Снэль; какъ не понять!

— Берегись! замѣтилъ ему незнакомецъ, — это дѣло важное!

— Не сбивайте меня, пожалуйста — я знаю, что мнѣ дѣлать.

— Не забудь же — когда кончишь, ступай въ эту дверь; отсюда ты пройдеши за кулисы; я буду тамъ.

Снэль и незнакомецъ пошли по корридолу къ ложѣ, въ которой была леди Б^{***}. Въ то же мгновеніе кто-то безъ шуму вышелъ изъ таинственной ложи и послѣдовалъ за ними. Въ ложѣ остались еще четыре человѣка, которые, приложивъ глаза къ отверстіямъ, вдѣланнымъ въ сторѣ, смотрѣли на ложу герцога Г^{***}. Изъ залы незамѣтно было этихъ отверстій, несмотря на то закрытая ложа возбудила уже подозрѣніе полицейскаго комиссара; онъ отправилъ одного изъ помощниковъ своихъ наблюдать за нею.

Въ то самое время, когда простой народъ съ шумомъ и крикомъ врывается въ залу, Снэль и незнакомецъ стояли у двери ложи герцога Г^{***}.

— За дѣло! сказалъ незнакомецъ въ время суматохи, толкнулъ Снэля, и исчезъ.

Снэль вошелъ въ ложу, въ которой находилась леди Б^{***}.

— Миледи, сказалъ онъ почтительно поклонившись: герцогъ поручилъ мнѣ вручить вамъ это письмо.

Онъ подалъ письмо. Леди Б^{***} протянула руку, но въ то самое мгновеніе, когда пальцы ея касались бумаги, Снэль съ невыразимою смѣлостью схватилъ руку и съ неподражаемымъ проворствомъ сорвалъ съ пальца брилліантовый перстень.....

Леди Б^{***}, пораженная этимъ дерзкимъ поступкомъ, сначала не могла произнести ни одного слова.... между тѣмъ Снэль переступалъ уже черезъ порогъ ложи..... Видя себя, съ ужасомъ и отчаяніемъ, она бросилась вслѣдъ за дерзкимъ похитителемъ, но на самомъ порогѣ встрѣтилась имъ, лучше сказать, наткнулась на бѣднаго слѣпца, Эдмонда Мекензи.....

— Пропустите меня, сэръ, пропустите меня!.... кричала она: остановите вора!

Бѣдный слѣпецъ охотно бы пропустилъ несчастную ле-

ди, но какъ-бы нарочно, когда она бросилась въ правую сторону, и онъ туда же; она въ лѣвую, и онъ туда же; словомъ, этотъ достойный сожалѣнія человекъ невольно заграждалъ дорогу знатной дамѣ.

— Это не мой перстень!.... кричала она: герцогъ дажь его мнѣ на сохраненіе, онъ стѣитъ двадцать тысячъ фунтовъ стерлинговъ!.... остановите вора!.... Помогите!.... Она съ усиліемъ схватила слѣпца, втокнула его въ ложу, а сама выбѣжала въ корридоръ.

Сэръ Эдмондъ, бѣдный слѣпецъ, не понимая причины этого шума, направилъ мутный взглядъ въ залу зрителей. Глаза его случайно обратились къ закрытой ложѣ и онъ слегка кивнулъ головою. Стора заколыхалась.....

Между-тѣмъ Снэль преспокойно перешелъ на другую сторону театра и вошелъ въ ложу княгини Лонгвилъ. Графиня, наклонившись впередъ, внимательно смотрѣла на ложу, откуда послышался крикъ, и не замѣтила вошедшаго, который слегка прикоснувшись къ плечу Сузанны шепнулъ ей:

— Ночной джентльменъ!

Сузанна вздрогнула и оглянулась.

— «Его честь» приказалъ отдать вамъ на сохраненіе эту вещь, сказалъ Снэль улыбаясь и подавая ей что-то завернутое въ бумагу. Сузанна взяла эту вещь и спрятала ее за корсетъ. Снэль исчезъ.

Слухъ о дерзкомъ похищеніи быстро распространился по театру.

— Знаю! вскричалъ полицейскій комиссаръ, приложивъ палецъ ко лбу.

Бѣдная леди Б*** ожила..... она стала надѣяться.

Комиссаръ, съ толпою полисменовъ, пошелъ къ таинственной ложѣ и разставилъ своихъ агентовъ.

— Смотрите! сказалъ онъ; это должно быть отчаянный народъ!.... Готовы ли?

— Готовы! отвѣчали агенты, сомкнувъ ряды, такъ что не оставалось проходу даже для мыши.

Коммиссаръ отворилъ ложу и смѣло войдя въ нее, поднялъ стору..... Ярко разлился свѣтъ въ ложѣ.....

Она была пуста.

Воротившись домой, графъ Вейтъ-Маноръ заперся въ своей библіотекѣ.

Лицо его было покрыто смертною блѣдностью; взоръ былъ неясенъ, блуждающъ, какъ взоръ человѣка, которому угрожаетъ безуміе. Онъ съ отчаяніемъ опустился въ кресло, бросилъ шляпу на полъ и закрылъ лицо руками. Онъ ужасно страдалъ. Въ ухахъ его раздавался еще смѣхъ толпы; онъ видѣлъ еще оскорбительныя улыбки женщинъ..... и не было средствъ отплатить ударомъ за ударъ, раной за рану! Оскорбленія, наносимыя ему, не навлекали на себя ни наказанія законовъ, ни презрѣнія стѣта!... Напротивъ, при каждомъ ударѣ люди улыбались и поощряли обидчика!....

Графу Вейтъ-Манору было около пятидесяти лѣтъ. Онъ имѣлъ нѣкоторое, слабое сходство съ братомъ, но выраженіе лица его было совсѣмъ другое. Грубыя, чувственныя страсти отражались въ угасшихъ глазахъ его — и точно, онъ долгое время велъ жизнь распутную. Въ 1825, какой-то народный ораторъ въ одной изъ рѣчей своихъ назвалъ его поросенкомъ и какъ-нельзя вѣрнѣе опредѣлилъ этого человѣка, котораго всѣ пороки были матеріальны, тяжелы, отвратительны. Онъ обольщалъ женщинъ съ помощью золота и сообщниками его были люди, подобные Патерсону и Бобъ-Лантерну. Понятно, что такой человѣкъ не былъ знакомъ съ раскаленіемъ, угрызениями совѣсти. Господь наказалъ его сплнномъ, тягостнымъ, неизлечимымъ... Всѣ способности графа притупились, имъ овладѣла нравственная дремота и только нападки брата выводили его по временамъ изъ обычной апатіи!....

Просидѣвъ около десяти минутъ въ одномъ положеніи, лордъ Вейтъ-Маноръ вскочилъ. Лицо его, прежде блѣднѣющее, было теперь покрыто апоплексической краской. Онъ позвонилъ съ такою яростью, что оборванная тесьма осталась въ рукахъ его.

— Патерсона!.... мешенника Патерсона!.... Негодяя Па-

терсона! закричалъ графъ вошедшему слугѣ: чтобы онъ пришелъ сейчасъ же..... сію минуту!

— Бріанъ напраказилъ! проворчалъ грумъ, бросившись бѣгомъ къ квартирѣ управителя.

Патерсонъ былъ въ самомъ пріятномъ расположеніи духа. Онъ употребилъ все послѣ-обѣденное время въ пользу господина своего, былъ у мистриссъ Макъ-Набъ, подъ какимъ-то пустымъ предлогомъ и видѣлъ Анну Макъ-Ферланъ. Красота ея ослѣпила его. Бобъ не солгалъ. Управитель побѣжалъ къ своему господину и вошелъ въ кабинетъ милорда съ пріятной улыбкой на устахъ.

Графъ стоялъ на прежнемъ мѣстѣ. Ротъ его былъ полуоткрытъ, губы дрожали, глаза неподвижны.....

Патерсонъ почтительно поклонился и къ-несчастью своему, не взглянулъ на гнѣвное лицо своего повелителя.

— Милордъ, сказалъ онъ, я въ восторгѣ.....

Несчастнѣйшій не могъ кончить. Ударъ кулакомъ, кулакомъ англійскаго лорда, поразилъ его въ животъ и отбросилъ на другой конецъ комнаты..... Патерсонъ заохалъ и обѣими руками ухватился за животъ.

— Вонъ отсюда! закричалъ задыхающимся голосомъ графъ: ты, мерзавецъ, всему причиной!.... Кто позволилъ тебѣ затѣвать процессъ? Кто позволилъ тебѣ бить брата графа?.... Теперь онъ мститъ!.... и мститъ мнѣ!.... — Лордъ опять опустился въ кресло.

— Но, милордъ..... началъ униженно управитель.

— Молчать! разбойникъ, негодяй, предатель! кричалъ графъ: вонъ! сейчасъ же вонъ!.... Я не хочу, чтобы ты долѣе оставался въ моемъ домѣ..... Завтра, ты пришлешь или самъ придешь за тѣмъ, что у меня накрамъ..... но теперь вонъ!.... Я не хочу, чтобы ты провелъ еще ночь въ моемъ домѣ!... — Лордъ опустилъ отяжелѣвшую голову на руку. — Ты причиной тому, что онъ убьетъ меня! продолжалъ онъ глухимъ голосомъ: а онъ убьетъ меня непременно!.... Вонъ!

Патерсонъ долженъ былъ повиноваться. Онъ воротился въ свою квартиру, накиннулъ плащъ и поспѣшно вышелъ изъ дому.

Была холодная, туманная и сырая ночь.

— Онъ прогналъ меня!.... говорилъ Патерсонъ, бродя по улицамъ; прогналъ въ то самое время, какъ я заботился объ его удовольствіяхъ..... А, милордъ, милордъ! вы дорого заплатите за это! Прогналъ!.... Когда мнѣ оставалось еще пять лѣтъ, чтобы обезпечить себя на всю жизнь..... пять лѣтъ! Я разсчелъ.... о, я отомщу!.... Нѣтъ, Патерсонъ, упокойся и приищи лучше средство воротить свое мѣсто..... Я часто выходилъ сухъ изъ воды..... посмотримъ, какъ-то теперъ будетъ!

Незамѣтнымъ образомъ дошелъ онъ до Корнгильской Площади и чувствуя усталость, присѣлъ на столбикъ, возлѣ закрытаго магазина брилліанщика Фалькстона, и погрузился въ размышленія.

Противъ магазина, по другую сторону неширокой площади, во второмъ этажѣ чистенькаго бѣлаго домика, свѣтился огонекъ, сквозь кисейныя занавѣски лиловаго цвѣту. Это былъ домъ мистриссъ Макъ-Набъ, а огонекъ свѣтился въ спальнѣ дочерей Энджуса Макъ-Ферлэна.

Было около полуночи.

Клара спала. Прелестная головка ея покоилась на бѣлой, круглой ручкѣ, выбившейся въ безпокойномъ волненіи тяжкаго сна изъ-подъ одѣяла. Дыханіе ея было неровно и, по временамъ, тихая жалоба вырывалась изъ стѣсненной груди ея....

Анна сидѣла на постели. Она не гасила свѣчи, не зажигала ночной лампы, хотя, обыкновенно, въ это время покоилась уже крѣпкимъ сномъ. Она, казалось, съ безпокойствомъ кого-то ждала. При малѣйшемъ шумѣ она напрыгала слухъ и, по временамъ, складывала маленькія ручки свои какъ-бы молясь....

Стефенъ Макъ-Набъ ушелъ съ утра и по-сю-пору не возвращался домой. Никто не зналъ, куда онъ пошелъ, и невыразимая боязнь поселилась въ сердцѣ молодой дѣвушки.... она поглядывала на сестру, завидуя сну ея или желая ее разбудить, чтобы поговорить и раздѣлать тоску, овладѣвшую ея сердцемъ. Но Клара спала, произнося во свѣ невнятныхъ слова и когда въ безпокойномъ волненіи обрѣщала къ свѣту лицо свое, то можно было замѣтить

капли поту, выступавшаго и засыхавшаго на горящемъ лицѣ ея....

— Бѣдная сестра! думала она: вотъ уже нѣсколько ночей, какъ она страдаетъ.... но гдѣ оцъ? Дай Богъ, чтобы онъ скорѣе вернулся домой!

Два сильные удара раздалось у входа.

Анна соскочила съ постели, побѣжала къ двери, открыла и не чувствуя холоду, стала смотрѣть на лѣстницу, куда тотчасъ вышла мистриссъ Макъ-Набъ. Она тоже не спала и встрѣтила Стѣфена въ то самое время, когда служанка, отворившая дверь, привѣтствовала его радостнымъ восклицаніемъ.

Стѣфенъ былъ печаленъ. Анна дрожала въ легкомъ ночномъ платьѣ, сквозь которое пропикалъ изъ отворенной на улицу двери ночной холодъ, но не отходила. Она прислушивалась со вниманіемъ, но сердце ея такъ сильно билось, волновавшаяся кровь такъ громко шумѣла въ ушахъ, что она могла слышать только имя Персеваля и восклицаніе матери Стѣфена. Анна не отходила отъ двери, потому что Стѣфенъ долженъ былъ пройти мимо ея комнаты и она хотѣла еще пожелать ему доброй ночи. Но эта надежда не сбылась. Стѣфенъ поцѣловалъ мать свою и пошелъ опять къ выходу.... она только услышала, что онъ произнесъ одно имя.... имя Клары!

Слезинка навернулась на глазахъ Анны.

— Клара! повторила она съ грустію: обо мнѣ оцъ и не вспомнилъ!

Дверь на улицу затворилась. Мистриссъ Макъ-Набъ воротилась въ свою комнату, говоря про себя:

— Бѣдный джентльменъ!... Стѣфенъ добрый, вежливый, душной молодой человекъ.... Бѣдный сэръ Франкъ!

Анна затворила дверь. Новая тяжесть легла на сердце ея.... подойдя къ постели, молодая дѣвушка замѣтила, что сестру ея мучилъ тяжкій сонъ.

— Клара, Клара! сказала Анна.

— Стѣфенъ!... о, Стѣфенъ! проговорила Клара; вспомни меня!

Анна закрыла лицо руками, слезы ручьями потекли изъ глазъ ея.

— И она любить его! проговорила она.... и разбудила сестру поцѣлуемъ.

Клара вскочила, осмотрѣлась со страхомъ и обвила руки около шеи Анны, насильно улыбавшейся.

— Это ты.... о, благодарю!... Миѣ снилось что-то ужасное.... Какъ я люблю тебя, Анна, и какъ видѣ твой утѣшительнъ послѣ тяжкаго сна. — Она замолчала, потомъ прибавила вздохнувъ:—Тяжкаго и пріятнаго.... онъ былъ тутъ.... обнималъ меня.... Я не могла сопротивляться.... онъ увлекалъ меня....

— Кто? спросила Анна, удерживая слезы: Стѣфенъ?

Клара отрицательно покачала головой.

— Нѣтъ, отвѣчала она: Стѣфенъ хотѣлъ защитить меня.

— Противъ кого?

Клара пристально посмотрѣла на сестру и выраженіе прелестнаго лица ея внезапно измѣнилось.

— Не знаю, проговорила она, что я сказала?... я говорила во снѣ....

— Ты говорила о Стѣфенѣ, сестрица.

— Да.... правда.... слушай, Анна.

Она прилегла къ себѣ сестру и начала цѣловать ее.

— Я угадала тайну твою, сказала она: ты любишь его.... тѣмъ лучше! въ послѣднемъ письмѣ своемъ папенька пишетъ, что онъ скоро будетъ сюда.... мы увидимъ его.... я поговорю съ нимъ, Анна; ты будешь счастлива.

— Такъ ты его не любишь! сказала Анна, радостно улыбаясь сквозь слезы.

— Я?... я никого не люблю, Анна, съ живостью возразила Клара: никого, слышишь.... и кого жъ мнѣ любить!...

— Я думала....

— Какъ ты дрожишь, сестрица!... Ложись.... ложись скорѣ.... бѣдная Анна!... Какъ я буду счастлива, когда ты будешь женой добраго и благороднаго Стефена!...

Патерсонъ всё-еще сидѣлъ на столбикѣ, съ окоченѣвшими отъ холоду членами, въ самомъ дурномъ расположеніи духа и не зная, на что рѣшиться. Стукъ двери, захлопнутой Стѣфеномъ, вывелъ его изъ несприятныхъ размышленій.

ній. Онъ всталъ, вытянулъ окоченѣлые члены и зѣвнулъ.

— Куда жъ я зашелъ? сказалъ онъ осматриваясь. Онъ узналъ Корнгильскую Площадь и въ то же время взоръ его попалъ на свѣтъ во второмъ этажѣ дома мистриссъ Макъ-Набъ. Этотъ видъ, по-видимому, разогналъ горестъ его. Онъ ударилъ себя въ лобъ и весело улыбнувшись, проворчалъ:

— Чтò за вздоръ! О чемъ беспокоиться!... Завтра же я поправлю все дѣло... но какъ бы это сдѣлать? Э, не бѣда! Стоить только трахнуть кошелькомъ и охотники найдутся!

Патерсонъ позвалъ извозчика и подумавъ съ минуту, приказалъ ему ѣхать въ Бекфордъ-Лэнскій Переулокъ.

Глубокая тишина царствовала въ тавернѣ «Трубки и Кружки»; только слабый свѣтъ пробивался сквозь щели неплотно закрывавшихся ставней.

Но внутри все было въ ужасномъ безпорядкѣ. На полу лежали осколки разбитыхъ кружекъ и изломанная скамья. Черныя, грязныя доски пола были облиты кровью... въ сторонѣ лежали два страшно обезображенные трупа... по всему видно было, что за нѣсколько минутъ происходило здѣсь побоище на-смерть, а теперь тишина прерывалась только шопотомъ двухъ человѣкъ, изъ которыхъ одинъ сидѣлъ на столѣ, а другой на скамьѣ, возлѣ него. Первый изъ разговаривавшихъ былъ человѣкъ еще молодой, съ геркулесовскими формами. Круглое и выпуклое лицо его походило на морду бульдога. Это былъ буркеръ * Томасъ Бишопъ. Другой былъ Бобъ-Лантернъ.

* Въ 1829 году, въ Эдинбургѣ, нѣкто Бурке, выкапывавшій трупы и продававшій ихъ докторамъ, находя, что это ремесло было не довольно выгодно, придумалъ другое средство добывать себѣ трупы. Онъ сталъ убивать по ночамъ запоздалыхъ прохожихъ и долгое время укрывался отъ преслѣдованій полиціи. Но наконецъ онъ былъ пойманъ и казненъ. Однако жъ ужасное ремесло его нашло себѣ полагателей въ Лондонѣ. Такъ какъ преступленія Бурке надѣляли много шума, то изъ имени этого злодѣя составилъ глаголъ to burke и существительное the burker, означающее человѣка убивающаго людей и продающаго трупы ихъ хирургамъ.

— Живутъ еще! сказалъ послѣдній, прислушиваясь къ страшному хрипѣнію несчастныхъ.

— Не долго прожить! проворчалъ буркеръ; не оба, такъ одинъ ужъ непременно достанется мнѣ завтра.

— Но вы хотѣли мнѣ что-то сказать, мистеръ Бишопъ? Поторопитесь, потому что въ сосѣдней комнатѣ меня ждетъ какой-то джентльменъ.

— Хорошъ долженъ быть джентльменъ, который ходитъ въ подобныя таверны и имѣетъ съ тобою дѣла! Запри хорошенько дверь, чтобы онъ не могъ подслушать насъ.

Бобъ повиновался.

— Не знаю, рѣшился ли бы я предложить другому то, что хочу теперь предложить тебѣ.... Я никогда такими дѣлами не занимался.... ну, да у тебя, Бобъ, нѣтъ ни души, ни сердца, лишь бы хорошо заплатили....

— А хорошо заплатятъ, мистеръ Бишопъ? прервалъ Бобъ съ сверкающими глазами.

— Надо похитить молодую дѣвушку.... Это гадко, чортъ возьми!... похитить молодую дѣвушку и представить ее живую для изслѣдованій доктора.... тебѣ незачѣмъ знать имени его!

— А сколько заплатятъ? спросилъ Бобъ.

— Дѣвушку не моложе семнадцати и не старѣе двадцати лѣтъ.... хорошо сложенную, безъ недостатковъ, какъ говоритъ докторъ, дьяволъ его побери!

— Найду, найду, сказалъ Бобъ; а сколько заплатятъ?

— Знаю, что найдешь, адское отродье.... нѣтъ, я бы не могъ.... мертвую, такъ и быть, но привести бѣдную живую дѣвушку, къ этому вампиру, доктору Муре... не могу!

— А-га! такъ это докторъ Муръ! сказалъ Бобъ; а сколько онъ заплатитъ?

— Сто фунтовъ стерлинговъ.... тысячу давай, такъ не возьму.... гадко!

— Конечно! сказалъ Бобъ: по рукамъ!

Буркеръ отступилъ съ отвращеніемъ.

— Не хотите? спросилъ Бобъ улыбаясь: воля милости вашей!... ахъ! вы знаете какъ въ Лондонѣ жить дорого.... а съ собой ли у васъ водича?

Бишопъ подалъ Бобу стѣлянку, которую тотъ спряталъ въ карманъ.

— Конечно! не пропну у васъ задатку, мистеръ Бишопъ. Завтра дѣвушка будетъ у васъ.

— Чтобъ тебѣ провалиться сквозь землю! сказалъ бургеръ уходя.

— Сто фунтовъ!... проворчалъ Бобъ оставшись одинъ. Это не скоро заработаешь. Я доставлю ему молодую дѣвушку изъ дому на Корнхильской Площади. Экая для меня благодать эта дѣвушка!... Впрочемъ, что жъ? Докторъ побережетъ ее и убьетъ не съ-разу, а по-тихонько... безъ боли; но какъ выманить ее? Ба! я знаю, что она дочь Энджуса Макъ-Ферлена и этого для меня довольно!... Ахъ, да... я и забылъ, что меня ждетъ какой-то джентльменъ.

Бобъ вошелъ въ комнату, гдѣ былъ буфетъ. Тамъ сидѣлъ какой-то мужчина, закутанный въ широкій плащъ.

— Что вамъ угодно, я къ вашимъ услугамъ, мистеръ! спросилъ Бобъ униженно кланяясь.

— Одни ли мы?

— Совершенно одни; джентльменъ, съ которымъ я сейчасъ разговаривалъ, ушелъ.

Мужчина сбросилъ плащъ.

— Мистеръ Патерсонъ! вскричалъ Бобъ. Видно что-нибудь случилось?

— Случились очень неприятныя для меня вещи, отвѣчалъ управляющій вздыхая: надо будетъ наконецъ, честный Бобъ, чтобы ты избавилъ насъ отъ безпокойнаго Бриана!...

— Когда вамъ угодно будетъ, мистеръ: только надо вамъ сказать, что я дешево не возьму.... съ Ленчестеромъ шутки плохи; ахъ, какъ жаль, что джентльменъ, съ которымъ я разговаривалъ, ушелъ; это по его части....

— А?... произнесъ Патерсонъ съ чувствомъ боязни.

— Да.... небрежно отвѣчалъ Бобъ, это мистеръ Бишопъ.... бургеръ.... вы, можетъ-быть, слыхали?

Управитель невольно задрожалъ при мысли, что онъ за нѣсколько минутъ находился по сосѣдству съ человѣкомъ, при одномъ имени котораго трепеталъ весь Лондонъ.

— Не бойтесь, продолжалъ Бобъ улыбаясь: онъ ушелъ...

впрочемъ надо вамъ сказать, что у Бисшопа предобрая душа: я сейчасъ видѣлъ прихѣръ... Нѣ зѣчто, ни прѣчто уступилъ мнѣ сто фунтовъ... право, такъ!.. А это для меня большое счастье, потому что въ Лондонѣ жить чертовски дорого!...

— Слушай, честный Бобъ, прервалъ его нетерпѣливо управитель: не знаю, что проклятый Брианъ сдѣлалъ опять милорду, только онъ воротился изъ театра въ невыразимомъ бѣшенствѣ!... Я было-хотѣлъ заговорить съ нимъ о нашемъ дѣльцѣ... знаешь, о корнгильской красавицѣ....

— Аннѣ Макъ-Ферлэнъ?... знаю; я только-что думалъ объ ней.

— Она, просто, красавица! вскричалъ управитель... я видѣлъ ее... что за глаза, мистеръ Бобъ! что за ротикъ! что за цвѣтъ лица!

— Да; надо сказать правду, такихъ красотокъ не много; ну, что же? милордъ обрадовался?

— Милордъ?... Не тутъ-то было! Онъ даже не выслушалъ меня. Милордъ обругалъ меня....

— Возможно ли! вскричалъ Бобъ съ изумленіемъ.

— Милордъ прибилъ меня!

— Прибилъ! Не можетъ быть!

— Милордъ прогналъ меня!

— Прогналъ, васъ, мистеръ!

— То есть, просто, прогналъ!

— А-а! прогналъ?... сказалъ Бобъ, холодно и дерзко посмотрѣвъ на Патерсона: слѣдовательно вы уже не управляющій милорда?

— Не бойся, возразилъ Патерсонъ, у меня есть деньги... не даромъ же я управляю пятнадцать лѣтъ дѣлами графа Вейгъ-Манора.

— Правда, сказалъ Бобъ низко поклонившись. Что же вашей милости угодно?

— Мнѣ нужна твоя помощь, честный Бобъ. Я увѣренъ, что маленькая миссъ понравится милорду... достань мнѣ ее.

— Трудненько, ваша милость, отвѣчалъ Бобъ, почесывая за ухомъ: трудненько... не знаю....

— Достань мнѣ ее непременно!... Завтра къ вечеру, не позже!...

— Но подумайте, мистеръ...

— Ни слова... я торговаться не стану... если ты приведешь мнѣ ее завтра вечеромъ, такъ получишь двѣсти фунтовъ.

— Двѣ...сти... фун...товъ! повторилъ Бобъ съ жадностью.

— Двѣсти фунтовъ стерлинговъ. Если ты не согласишься, такъ я найду кого-нибудь другаго.

— Чертовски соблазнительно!

— Что же?

— Пятьдесятъ фунтовъ задатку, ваша милость, и даю вамъ честнѣйшее слово благороднаго человѣка, что завтра молоденькая миссъ будетъ у васъ не позже, какъ въ десять часовъ вечера.

Патерсонъ вынулъ изъ бумажника пять ассигнацій въ десять фунтовъ стерлинговъ и отдалъ ихъ Бобу.

— Слуга мой будетъ ждать на улицѣ, у крыльца, до десяти часовъ... смотриже, не обмани!

— Приготовьте только остальные сто пятьдесятъ фунтовъ!

Патерсонъ удалился.

— Какое! ворчалъ Бобъ, оставшись одинъ: важничать, словно лордъ какой! Ну, да ладно, когда я буду джентльменомъ и когда Темперенсу будутъ звать мшледи.... Онъ вдругъ замолчалъ и ударивъ себя кулакомъ въ лобъ, провнесь глухимъ голосомъ:—Темперенса!... ты обманываешь меня!... Разбойникъ Тёрнбуль получилъ уже должное возмездіе.... Я поджигалъ Мича, я истратилъ нѣсколько кронъ, чтобы напоить его... и онъ дрался какъ лютый звѣрь... досталось Томму!.. Вотъ они лежатъ оба... Мичъ еще храпитъ... Тёрнбуль молчитъ... ужъ не умеръ ли онъ? Туда я дорога.... Тёрнбуль! Томмъ Тёрнбуль!... Молчать. Постой же я заставляю тебя заговорить... и приблизившись къ трупамъ, лежавшимъ въ углу, Бобъ ударилъ каблукомъ въ голову бѣдняка.... Тёрнбуль испустилъ едва слышныи стонъ.

— Чего добраго! продолжалъ Бобъ, вытаскивая изъ-за пазухи ножъ: онъ, пожалуй, еще опомнится!.. Нѣтъ... я не трону его... здѣсь страшно... темно....

Нѣсколько минутъ спустя Бобъ проходилъ по грязному переулку и изрѣдка произносилъ отрывистыя слова:

— Ихъ двѣ!... Одну доктору, другую милорду!.. Эка богатая семья!...

—

Леди Б*** не могла уснуть во всю ночь.

Рано утромъ она получила два письма; вотъ содержаніе перваго:

«Миледи,

«Посылаю вамъ двадцать тысячъ фунтовъ стерлинговъ. Я знаю, что сегодня же утромъ вы, за эту сумму, можете получить обратво перстень; я лучше согласенъ лишиться денегъ, нежели такой драгоценной вещи.

Вы, миледи, ни въ чемъ не виноваты—это одно несчастіе. Прошу васъ считать меня по-прежнему искреннимъ и преданнымъ другомъ вашимъ.

Письмо было безъ подписи; но леди Б*** знала отъ кого оно. Глубоко вздохнувъ она, распечатала другое письмо и прочла слѣдующее:

«Миледи,

«Основываясь на всѣмъ извѣстномъ благородствѣ герцога I***, мы вправѣ думать, что онъ исполнитъ обѣщаніе свое и доставитъ вамъ сегодня же утромъ двадцать тысячъ фунтовъ стерлинговъ.

«Соблаговолите, миледи, сѣсть съ этой суммой въ наемную карету, которая теперь уже ждетъ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ дому вашего, и поѣжайте одинъ къ собору святаго Павла.

«Если вы опоздаете хоть часомъ, то перстень будетъ уже на дорогѣ въ Брейтонъ и намъ, миледи, невозможно будетъ воротить его изъ Франціи, куда мы его отсылаемъ».

Подписи того же не было.

Леди Б*** позвонила, на-скоро одѣлась и взявъ съ собою шкатулку, въ которой герцогъ прислалъ деньги, вышла на улицу. Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ дому стояла наемная карета. Извозчикъ, не говоря ни слова, отворилъ дверцы.... Леди Б*** на минуту съ ужасомъ остановилась, но вспомнивъ письмо герцога, поспѣшн вошла

въ карету. Извозчикъ взобрался на козлы и не спрашивая куда ѣхать, ударилъ по лошадамъ.

Оставшись одна въ каретѣ, леди Б*** почувствовала необъяснимое стѣсненіе сердца. Она ѣхала на встрѣчу къ людямъ, составившимъ себѣ ремесло изъ воровства. Кто знаетъ, не отнимутъ ли у нея и огромной суммы, которую она везла съ собою?

Пока леди предавалась этимъ тягостнымъ мыслямъ, карета ѣхала скоро и вдругъ остановилась.

Леди Б*** не успѣла опомниться, какъ двери отворились и передъ нею явилась низенькая, худощавая старушка, въ атласномъ платьѣ на ватѣ; съ живостью кошки вскочила она въ карету, которая въ то же мгновеніе поѣхала далѣе.

— Извините, *rispettabile signora*, я вдова графа К***, вы, *eccellenza*, можете вполне положиться на меня... я съ перваго взгляду полюбила васъ.

— Куда вы везете меня? спросила леди Б***, едва приходя въ себя.

— Богъ свидѣтель, *signora illustrissime*, что я готова броситься въ огонь, чтобы только услужить вамъ....

— Но я васъ спрашиваю, куда вы меня везете? повторила леди Б***.

— Клянусь именемъ покойнаго мужа моего, что я всей душой вамъ предана! И съ этими словами старушка съ живостью схватила руку леди Б*** и поднесла ее къ губамъ своимъ.

Леди Б*** подумала, что эта женщина, или жестоко смѣется надъ нею, или сумасшедшая. Она со страхомъ хотѣла выглянуть въ окно, чтобы посмотрѣть по-крайней-мѣрѣ, гдѣ находилась, но старушка съ живостью дернула шнурокъ и красныя, непроницаемыя сторы закрыли оба окна.

Молодая женщина съ ужасомъ опустилась на подушки кареты.... Посреди свѣтлаго дня, въ многолюдномъ городѣ, она находилась во власти того тайнаго общества, рассказы о которомъ уже столько разъ наполняли ей сердце ужасомъ.... она вскочила съ отчаяніемъ и ухватилась за

спурокъ, чтобъ поднять стору. Холодные и костлявые пальцы старухи схватили мягкую ея ручку.

— Синьора, сказала она: я нарочно опустила стору, чтобы никто не могъ видѣть васъ въ этомъ странномъ экипажѣ. Еще Богъ знаетъ что подумаютъ!

— Пустите меня, вскричала леди, стараясь высвободить руку свою изъ костлявыхъ пальцевъ старухи.

— Вы хотите выйти, сказала старуха холодно: извольте, я не удерживаю васъ.... прощайте, *eccellenza!*

Леди Б***, пораженная холоднымъ тономъ старухи, опустилась опять на подушки. Сердце ея сильно билось.... она отгнулась.... шкатулки съ деньгами не было....

— Боже мой! Боже мой! проговорила она, закрывъ лицо руками.

Объ молчали. Карета ѣхала скоро и вокругъ нея слышались шумъ и гулъ, наполняющій Лондонъ съ утра до вечера. Это продолжалось довольно долго. Мало-по-мало шумъ начиналъ утихать и, наконецъ, совершенно замолкъ. Колеса не ударили болѣе о каменную мостовую, они вязли въ глубокой, глинистой грязи.

Карета остановилась. Леди Б*** слышала только шумъ вѣтру, какъ-бы разгуливавшаго по широкой полянѣ.

— Кто тамъ? послышался чей-то голосъ.

— Ночной джентльменъ, отвѣчалъ кучеръ.

Послышался какой-то стукъ и вслѣдъ затѣмъ, карета прошла еще нѣсколько по деревянной мостовой. По глухому стuku колесъ, можно было догадаться, что карета подѣхала подъ каменный сводъ.

— Потрудитесь пожаловать мнѣ ручку, синьора, сказала старуха, отворивъ дверцы.

Карета стояла подъ сводомъ мрачнымъ и сырымъ. Не видно было ни малѣйшаго свѣту. Леди Б*** почти безознательно подала руку старухѣ, которая помогла ей выйти изъ кареты.

— А вотъ и шкатулочка ваша, *serenissime eccellenza*, сказала она: я припрятала ее на всякій случай.... сходите осторожно, синьора, здѣсь темненько.... Сюда, сюда.

Исбѣдивъ страхъ свой, леди Б*** послѣдовала за старухой и нѣсколько минутъ спустя вошла въ свѣтлую ком-

ватку; за ней послышался сильный шумъ; она оглянулась.... на мѣстѣ двери, въ которую она вошла, была гладкая стѣна.... Леди Б^{***} пошла за старухой въ узенькой корридоръ, въ концѣ котораго слышался неясный шумъ; въ то же время переѣнилась и температура воздуха; вмѣсто холодной сырости, царствовавшей въ первой комнаткѣ, леди Б^{***} была охвачена теплымъ воздухомъ, наполненнымъ мизмами.... Эти зловонныя испаренія сильно подѣйствовали на нѣжную, свѣтскую даму.... она остановилась, не будучи въ состояніи сдѣлать шагу.

— Что съ вами, *eccellenza*, вскричала старуха; *un ris-colo disgusto!*... Ничего! Конечно, я согласна съ вами, что этотъ запахъ тяжеленекъ.... что дѣлать, *сивьора!*... Говоря эти слова она поднесла къ носу леди Б^{***} стекляночку со спиртомъ.

Леди Б^{***}, не отвѣчая ни слова, рѣшилась послѣдовать за страннымъ существомъ, которое ее провожало. Она была страшно блѣдна; шумъ увеличивался.... На концѣ корридора графиня К^{***} отворила дверь....

Леди Б^{***} чуть не упала въ обморокъ. Того, что она увиѣла, что услышала, нельзя ни рассказать, ни описать. Читатель отбросилъ бы книгу съ отвращеніемъ, если бы мы вздумали передать нѣкоторыя подробности ужаснаго зрѣлища!... Леди Б^{***} вошла въ большую, квадратную залу, безъ всякой мебели. Около стѣнъ, на запачканной соломѣ, избитой отъ долгаго употребленія, лежали въ беспорядкѣ мужчины, женщины, старики и дѣти, оборванные и самой отвратительной наружности. Мужчины были въ меньшемъ числѣ и менѣ отвратительны, можетъ-быть и оттого, что униженіе мужчины болѣе ограничено, нежели паденіе женщины, которое кажется намъ ужаснѣе, въ сравненіи съ тѣмъ невыразимымъ уваженіемъ, которое мы питаемъ къ матери нашей, или съ тою чистою, священною любовью, которую внушаетъ намъ первая любимая дѣвушка!... И вся эта толпа шумѣла, кричала, бранилась, проклинала.... Въ одномъ углу залы топились полдюжины желѣзныхъ печей, распространявшихъ въ воздухъ пары каменнаго угля, къ которому вримѣшивался приторный запахъ говядины, жарившейся на угольяхъ, тяжелыя испаренія пива,

портеру, рому, Джину, табаку.... И не было ни одного окна, для облегченія этого воздуха, еще болѣе зараженнаго нечистымъ дыханіемъ болѣе сотни гадкихъ существъ!... Только отверзтіе въ потолокъ освѣщало эту ужасную картину.

При входѣ леди Б^{***} и старухи, въ залѣ поднялся страшный крикъ и гамъ. Дюжина полу-одѣтыхъ женщинъ окружили ее съ визгомъ, и грязными руками прикасались къ блестящему шелковому платью ея; дѣти дергали за драгоценную шаль.

— Смирно! сказала проводница: смирно! или я прочу васъ.

Толпа грубыми насмѣшками отвѣчала на угрозы старухи. Леди Б^{***} готова была лишиться чувствъ; она ничего не видѣла и не слышала.... необузданная толпа ринулась на нее, но въ то же время страшный ревъ, выходявшій изъ угла залы, произвелъ на нихъ волшебное впечатлѣніе.

— Смирно, помойныя ямы! смирно, милые друзья мои! кричалъ громовый голосъ, звуки котораго, подобно звукамъ огромнаго органа наполняли всю залу: чортъ васъ побери! Если вы не утихнете, такъ сегодня не будетъ джину!...

Какъ испуганныя собаки, мужчины и женщины вѣртели на мѣста свои. Несмотря на безчувственность, въ которой находилась леди Б^{***} была невольна поражена этимъ ужаснымъ ревомъ, въ которомъ не было ничего человѣческаго. Она невольна обратила глаза къ той сторонѣ, откуда слышался голосъ, и увидѣла отверзтіе акустической трубы.

— А-га! закричала худощавая старушка: что я вамъ говорила? Не бойсь замолчали, figliuoli del diavolo!... Потомъ она подбѣжала къ отверзтію трубы и поднявшись на цыпочки, закричала въ нее:

— Слушай!

— Слушаемъ! отвѣчалъ прежній голосъ.

— Графиня К^{***} проситъ позволенія поговорить съ кѣмъ-нибудь изъ джентльменовъ.... только съ однимъ; я при-

ваза съ собою знатную леди и милордамъ показываться не вачѣтъ!

— Хорошо! отвѣчалъ голосъ.

Нѣсколько минутъ спустя отворилась маленькая дверь, возлѣ самой трубы. Леди Б*** послѣдовала за старухой въ темный корридоръ и пройдя въ три дубовыя двери, окованныя желѣзомъ и находившіяся въ нѣсколькихъ шагахъ одна отъ другой, очутилась наконецъ въ свѣтлой комнатѣ.

— Я думала, что умру тамъ! сказала леди Б*** вздохнувъ свободнѣе и сложивъ руки. О! ужасно.... ужасно!

— Да, точно, сказала старушка: мѣсто это не совсѣмъ пріятно.... это наше чистилище *; впрочемъ успокойтесь, миледи, мы назадъ поидемъ другой дорожкой. Теперь потрудитесь итти за мной.

Пройдя красивую, свѣтлую галерею, леди Б*** вошла въ довольно большую залу, меблированную съ нѣкоторою роскошью. Посреди комнаты, на кругломъ столѣ, покрытомъ шалью вмѣсто сукна, лежали книги и бумаги. Вокругъ стола стояли въ порядкѣ красивыя и покойныя кресла.

За столомъ сидѣлъ мужчина въ синемъ фракѣ и лосиныхъ панталонахъ—добрый и почтенный капитанъ Педд О'Кренъ.

— Здравствуй, Маудленъ, сказалъ онъ, обращаясь къ старушкѣ: здравствуй, самка паяца, милая пріятельница моя....

— Фи! вскричала старушка, обиженная безцеремоннымъ обхожденіемъ капитана: вы, почтеннѣйшій, совсѣмъ не умѣете обращаться съ дамами!

* Чистилище, а purgatory. — Лондонскіе воры составляютъ огромное общество, которое они сами называютъ «большой семьей». Замѣчательнѣйшіе, важнѣйшіе члены этого общества, будучи приуждены скрываться послѣ какой-нибудь слишкомъ гласной продажи, отомлаются на счетъ общества за границу, гдѣ получаютъ прекрасное содержаніе; мелкіе ворышки находятъ убѣжище въ ужасныхъ мѣстахъ, подобныхъ тому, которое мы описали и гдѣ они проживаютъ вмѣстѣ съ болыными ворами и семьями сосланными, заключенныхъ или казненныхъ негодяевъ, содержимыхъ на счетъ общества. Эти убѣжища называются у нихъ чистилищами.

— Врёшь, лукавая кошка, голубушка, перервалъ ее капитанъ, и обращаясь къ леди Б*** продолжалъ:—Петру-литесь присѣсть, миледи.... будь я проклятъ, если не питаю къ вамъ должнаго уваженія... не слушайте этой вѣдьмы, доброй пріятельницы моей... садитесь, миледи!... Садись и ты, коварная канатная пласунья, и поговоримъ о дѣлѣ. Чтò вамъ надо?

— Мистеръ О'Кренъ, презрительно отвѣчала старуха, какъ-бы желая отомстить ему за грубое обращеніе: вамъ спрашивать нечего; дѣлайте свое дѣло и не забывайте, когда говорите съ нѣкоторыми особами....

— Ужъ не про себя ли ты говоришь, Маудленъ! вскричалъ капитанъ съ изумленіемъ: чортъ тебя побери!...

— Объяснитесь сами, сибьора, сказала старушка съ досадою: я не хочу говорить съ этимъ грубіяномъ!

— Грубіяномъ! Маудленъ, милая пріятельница моя, сущая бродяга, ты можешь называть меня грубіяномъ; но я тебѣ сейчасъ докажу, что умѣю обходиться съ дамами.... миледи, поговоримте по-пріятельски.... вы пришли за бездѣлушкой, перстнемъ....

— Бездѣлушкой въ полмилліона! проворчала старуха.

— Съ тобой не говорить, нахальная болтунья....И такъ, чортъ меня возьми! вы пришли, миледи, за перстнемъ, который у васъ взяли на поддержаніе въ Ковентъ-Гарденскомъ театрѣ. Перстень этотъ у меня въ карманѣ....если я лгу, то пусть чортъ будетъ на томъ свѣтѣ вертѣть душу мою какъ волчокъ!

— Вотъ выкупъ за перстень, сказала леди Б***, подавая шкатулку: тутъ двадцать тысячъ фунтовъ стерлинговъ, сэръ.

— Слышишь, Маудленъ, миледи называетъ меня сэромъ. Вотъ чтò значитъ умѣть обходиться съ дамами, чортъ возьми!... Такъ вы, миледи, изволили сказать, что въ этой шкатулкѣ двадцать тысячъ фунтовъ. Это дьявольски соблазнительно!... и надѣвъ на длинный, узкій носъ свои очки, капитанъ принялся считать.

— Двадцать тысячъ! проворчалъ онъ наконецъ; всѣ сполна!... Миледи, вотъ вашъ перстень....

— Пойдите! вскричала старушка, вырвавъ перстень изъ рукъ Педа; я сама вручу его сибьорѣ!

— Что вы хотите дѣлать? съ безпокойствомъ спросила леди Б***.

— Не безпокойтесь, signora rispettabile, не безпокойтесь.... я вамъ вручу перстень когда буду имѣть честь раскланяться съ вами.

— Это ужъ не мое дѣло, равнодушно замѣтилъ калитанъ: дѣлайтесь между собой какъ знаете.... честь имѣю кланяться, миледи.... Прощай, любезная Маудленъ, лупавая кошка!...

Не отвѣчая ни слова, старушка взяла леди Б*** за руку, вышла съ нею въ переднюю и тамъ остановилась.

— Позвольте мнѣ, eccellenza, привязать къ шляпкѣ вашей этотъ воаль; это маленькая, необходимая предосторожность....

— Дѣлайте что хотите, только выведите меня по-скорѣе отсюда.

Старушка развернула кружевной воаль, подбитый шелковой матеріей и привязала его къ шляпкѣ леди Б***. Онъ сошли съ лѣстницы и нѣсколько минутъ спустя леди Б***, слѣдуя за старушкой, которая вела ее за руку, очутилась въ той же самой каретѣ, которая привезла ее сюда. Старушка отвязала воаль, но сторы у оконъ были по-прежнему опущены.

Послѣ часу ѣзды, во время котораго графиня безпрестанно болтала, а леди Б*** не слушала, будучи погружена въ какое-то странное состояніе, карета остановилась. Старушка подняла сторы и сказала почтительно:

— Миледи, вы у вашего дому.... а вотъ и перстень.

Леди Б*** внезапно опомнившись, съ живостію схватила перстень, выскочила изъ кареты, безъ помощи кучера, подававшего ей руку, и взбѣжала на лѣстницу.

— Addio, eccellenza, addio! кричала ей вслѣдъ графиня*.

Карета скоро уѣхала и нѣсколько минутъ спустя остановилась въ Вимпольской улицѣ, передъ домомъ подъ номеромъ девятымъ.

— Сейчасъ заложить мою карету, сказала старушка.

* Это происшествіе — фактъ историческій.

груму, который вышелъ изъ дому, чтобы высадить ее: гдѣ племянница?

— Княгиня въ своемъ будоарѣ съ однимъ джентльменомъ.

— А!...

Старушка или графиня К***, или герцогиня де-Жевръ, или Маудленъ, какъ называлъ ее Педди, быстро взбѣжала по лѣстницѣ, къ покоямъ княгини де-Лонгвиль, но вмѣсто того, чтобы дойти до верху, она исчезла въ потаенную дверь, находившуюся на поворотѣ лѣстницы, въ самомъ темномъ углу ея и вступила въ узенькій корридоръ, на концѣ котораго была темная комнатка, съ окномъ, замаскированнымъ чернымъ лакомъ и выходящимъ въ будоаръ княгини де-Лонгвиль. Въ лакѣ было процарапано нѣсколько дырочекъ. Старушка приложила глазъ къ одной изъ нихъ и увидѣла на нѣсколько футовъ подъ собою Бріана Менчестера и Сузанну, сидѣвшихъ на софѣ.

— Чудесно! проговорила она, потирая руки.

— Тсъ! произнесъ чей-то голосъ во мракѣ.

— А! вы здѣсь, милордъ?... Что говорятъ наши голу-бчики?

— Молчать, вздыхаютъ и смотрятъ другъ на друга.

— Это очень остроумно, возразила старушка смѣясь.

И точно, Сузанна и Бріанъ давно уже сидѣли вмѣстѣ, но едва помѣнялись нѣсколькими словами, Бріанъ сидѣлъ задумчивъ, какъ-бы уstraшенный властью, которую брала надъ нимъ любовь, только съ вечера поселившаяся въ его сердца; Сузанна была счастлива, довѣрчива; она забывала всѣ страданія свои и вполне предавалась блаженству настоящей минуты.

— Вы видѣли вчерашній поступокъ мой, сказалъ наконецъ Бріанъ: вы поняли меня и всё-еще меня любите!

— Хоть бы вы были король или нищій, добродѣтельный или преступникъ, я бы равно любила васъ, отвѣчала Сузанна: а безъ вашей любви я бы умерла!

— Я люблю васъ.... о! я пламенно люблю васъ! вскричалъ Бріанъ съ жаромъ, который рѣзко противорѣчилъ обыкновенному его холодному виду: я не хотѣлъ любить васъ.... я бѣдѣнъ.... я вступилъ въ безумную борьбу,

окончаніе которой ни въ какомъ случаѣ не будетъ радостно для меня.... Я несчастливъ....

— Бріанъ! вы благородны, вы великодушны!

Ленчестеръ печально улыбнулся.

— Мы будемъ несчастливы, Сузанна, сказалъ онъ: и я буду причиной вашего несчастія.... Эта мысль меня убиваетъ!... Слушайте, княгиня, вамъ извѣстна жизнь моя, вы знаете съ какимъ оружіемъ я нападаю на злѣйшаго врага, роднаго брата своего.... Теперь мнѣ остается открыть вамъ тайну.... единственную тайну мою....

Старая Француженка и тотъ, котораго она называла милордомъ, внимательно слушали.

— Я разорился, продолжалъ Бріанъ: до такой степени, что средства мои равняются съ средствами нищаго.

— Но вѣдь я богата, робко перервала Сузанна.

Ленчестеръ пожалъ руку Сузаннѣ и продолжалъ:

— Я бѣдствую, но живу наемъ прилично жить джентельмену, хотя мнѣ давно уже перестали вѣрить въ долгъ.... Вы одѣ узнаете.... вамъ одѣмъ открою я тайну моего существованія.... Каждый мѣсяць, какой-то таинственный покровитель присылаетъ мнѣ сто фунтовъ стерлинговъ, какъ милостиво.... и, странная вещь!.... Я получилъ въ первый разъ деньги въ тотъ самый день, когда, совершенно разорившись, не зная, что мнѣ оставалось дѣлать на этомъ свѣтѣ!...

Бріанъ произнесъ послѣднія слова тихимъ голосомъ и съ грустью.

— Бріанъ, сказала Сузанна умоляющимъ голосомъ: не печальтесь!.... Боже мой! если бъ пожертвованіемъ жизни своей я могла возвратить вамъ счастье.... мы бы не знали болѣе страданій!.... Она схватила руки Ленчестера и судорожно прижала ихъ къ груди своей. Увы! продолжала она: чѣмъ могу я угнать васъ?.... Я могу дать вамъ любовь свою, Бріанъ, и она вся принадлежитъ вамъ!.... Одну частичку сердца своего отдаю я той великодушной рукѣ, которая.....

— О, ради Бога, помолчите! прервала ее Ленчестеръ, намуривъ брови: Я открылъ вамъ тайну свою.... не

говорите объ ней даже мнѣ!.... Развѣ вы не знаете какъ ужасно дворянину принимать милостыню?

— Простите, робко произнесла Сузанна, опустивъ глаза: я обидѣла васъ.... но вы улыбаетесь..... благодарю! о, благодарю!....

— Вы видите, сказалъ Бріанъ послѣ нѣкотораго молчанія: мы не будемъ счастливы!

— Нѣтъ!.... Слушайте! вскричала вдругъ Сузанна съ выраженіемъ радости: вы не будете болѣе ни въ чемъ нуждаться..... Я могущественна!.... О, Бріанъ, въ первый разъ я счастлива богатствомъ своимъ!.... Вы открывайте мнѣ вашу тайну..... выслушайте жь мою!....

— Тиррель..... надо помѣшать ей! сказала Француженка своему товарищу.

— Бѣгите, Маудленъ, бѣгите! шепотомъ произнесъ Тиррель: она не должна говорить!.... И въ то же время онъ схватилъ обѣими руками стулъ и ударилъ имъ объ полъ.

Сузанна, испуганная этимъ шумомъ, поспѣшно встала въ одно время съ Бріаномъ. Разговоръ былъ прерванъ.

— Что это значитъ? спросилъ Ленчестеръ съ подозрѣніемъ.

Сузанна не успѣла еще отвѣчать, какъ герцогиня де-Жезръ вошла въ комнату.

— Милая племянница, сказала она, вѣжливо поклонившись Бріану: карета подана; я жду васъ.

Сузанна печально взглянула на Ленчестера, который раскланялся и удалился.

— Вы знаете, *ma chère belle*, сказала старуха, когда Бріанъ ушелъ: чего отъ васъ требуютъ?... Надо молчать... непремѣнно молчать.... иначе вы лишитесь могущественныхъ покровителей и самъ сэръ Бріанъ Ленчестеръ....

— Зачѣмъ упоминаете вы объ немъ? гордо прервала ее Сузанна.

— Не сердитесь, душа моя..... Я говорю, что самъ сэръ Бріанъ лишится ста фунтовъ стерлинговъ въ мѣсяцъ.

— Какъ! вскричала Сузанна поблѣднѣвъ: вы знаете!...

— О! я все знаю! отвѣчала старуха полу-шутливымъ, полу-серьезнымъ тономъ, и набросивъ шаль на плеча Су-

занны сошла съ нею съ гѣстницы. У крыльца ихъ ждала великолѣпная карета.

— Въ Кэстль-Стритъ, сказала герцогиня лакею, садясь въ карету.

Въ Кэстль-Стритъ жилъ Франкъ Персеваль.

— Лордъ Джемсъ Треворъ получилъ письмо безъ подписи, содержаніе котораго сильно разстроило его.

— Бѣдная Мери! говорилъ онъ про-себя, прохаживаясь по аллеямъ своего маленькаго парка: я этого не ожидаю отъ Франка!.... Впрочемъ, можно ли вѣрить письму безъ подписи?... Нельзя, рѣшительно нельзя!...—Однако жъ не смотря на то, онъ безпрестанно перечитывалъ письмо. — Я замѣтилъ, продолжалъ онъ: что Франкъ былъ третьяго дня озабоченъ, разсѣянъ..... бѣдная Мери!.... Э, вздоръ, кто говоритъ правду, тотъ не скрывается; а кто не подписываетъ письма, тотъ клеветникъ!

Леди Кемпблъ подошла къ брату.

— Джемсъ, я хочу съ вами поговорить..... начала она.

— Что вамъ угодно? нетерпѣливо спросилъ лордъ Треворъ.

— Свадьба Мери.....

— Оставьте меня въ покоѣ! вскричалъ лордъ. И не говорите мнѣ о негодномъ Франкѣ: поведеніе его неприлично, непростительно!.... Неприлично до крайности, миледи!

— Отчего, братецъ?

— Отчего?.... Пожалуйста не заступайтесь за него!.... Я ничего слышать не хочу..... Я внѣ себя, я оскорбленъ!

— Но, милордъ.....

— Ничего слышать не хочу!

— Но наконецъ, братецъ.....

— Я не понимаю, какъ вы еще можете заступаться за Франка Персеваля.....

— Но я не заступаюсь за него, милордъ.

— А!.... Это другое дѣло!.... Что жъ вы мнѣ толкуете о свадьбѣ?

Леди Кемпблъ промолчала нѣсколько секундъ. Она ни-

какъ не ожидала, что дѣла примутъ такой счастливый, по ея мнѣнію, оборотъ.

— Милордъ, отвѣчала она таинственно, это секретъ.

— Не люблю секретовъ, миледи.

— Дурной поступокъ Франка, о которомъ вы говорите, заслуживаетъ наказаніе.....

— Наказаніе?... Э, полноте! Если разсудить хорошенько, такъ бѣдный Франкъ.....

— Фи, милордъ!.... вы въ одно и то же время обвиняете и защищаете Франка Персеваля..... Я сама люблю и уважаю его....

— Вадоръ! Онъ не достоинъ ни любви, ни уваженія!

— Можетъ-быть, улыбаясь отвѣчала леди Кемпблъ: но чтобы не терять по-напрасно времени, я объясню вамъ дѣло въ двухъ словахъ: маркизъ Рио-Санто проситъ руки вашей дочери, милордъ.

— Много чести! Я отказываю маркизу Рио-Санто въ рукѣ моей дочери.

— Но вы не подумали, братецъ.....

— Нечего думать!

— Но, по-крайней-мѣрѣ.....

— Вадоръ!

— Посоветуйтесь съ вашей дочерью.

— Зачѣмъ? спросилъ старикъ, нахмуривъ сѣдыя брови.

— Этого требуетъ приличіе, отвѣчала леди Кемпблъ; притомъ же, кто знаетъ.....

— Я не понимаю васъ, миледи.

— Чтò бы вы сказали, если бъ дочь ваша любила маркиза?

Лордъ Треворъ отступилъ на шагъ. Жилы на лбу его налились кровью; кулаки судорожно сжались.....

— Дочь моя, миледи..... повторилъ онъ заппаясь: миссъ Мери Треворъ..... Этого не можетъ быть!

— А между-тѣмъ оно такъ, милордъ.

— Такъ!.... Да знаете ли.... я вызову этого Рио-Санто на дуэль!.... Знаете ли вы это!

Лордъ Треворъ былъ одинъ изъ тѣхъ честныхъ, благородныхъ людей, для которыхъ отступить отъ даннаго слова казалось невозможностью. Одно только въ глазахъ

его могло оправдать извиняя Мери — вѣдь самъ Франкъ. Но онъ уже не обвинялъ Франка, онъ сдѣлалъ респектибильнѣе защитникомъ его. Не продолжая разговора, онъ назвалъ сестру сумасшедшею и ушелъ отъ нея.

Ріо-Санто между тѣмъ ждалъ въ будuarѣ леди Непиль. Она рассказала ему о своей неудачной попыткѣ.

— И такъ мнѣ остается только навсегда удалиться отсюда! произнесъ съ грустью маркизъ.

— Не теряйте надежды..... подождите еще....

— Ждать! сказалъ маркизъ съ горькой усмѣшкой: не могу, миледи..... Я предложилъ миссъ Треворъ, чистую, искреннюю любовь свою..... она отвергла ее.....

— Не она, а отецъ ея! Онъ сознается въ своемъ заблужденіи. Подождите, милордъ! Именемъ Мери, которая любитъ васъ, умоляю.....

— О! если бѣ я былъ увѣренъ въ любви ея! произнесъ со вздохомъ Ріо-Санто.

— Чтѣ бы вы сдѣлали?

— Чтѣ бы я сдѣлалъ, миледи! съ живостью вскричалъ маркизъ. Я забылъ бы ложный стыдъ.... Богъ мнѣ свидѣтель, что я заговорилъ бы только ради счастья миссъ Мери! Скажите, миледи, можетъ ли миссъ Треворъ дѣлать сердце супруга съ соперницей!

— Чтѣ вы говорите, милордъ!

— Франкъ Персеваль обманываетъ вашу племянницу; онъ влюбленъ въ женщину необыкновенной красоты....

— Правда, маркизъ, говорила леди Кемблъ съ заботливостью: это обстоятельство очень важно, но....

— Я понимаю васъ, миледи: вы хотите сказать, какъ мужчина не бывалъ влюбленъ въ жизнь свою? Я! самъ.... Ріо-Санто замолчалъ и вперивъ въ леди Кемблъ взоръ, исполненный грусти, продолжалъ тихимъ голосомъ: я самъ былъ влюбленъ, но съ-тѣхъ-поръ, какъ узналъ миссъ Треворъ, сердце мое принадлежитъ ей одной!.... Персеваль привезъ эту женщину съ собою изъ Франціи въ то самое время, когда онъ воротился въ Лондонъ, чтобы жениться на миссъ Мери!

— Онъ привезъ ее изъ Франціи!

— Вы видѣли ее, миледи. Сэръ Франкъ возвращается

трое суток для. Впервые въ первый разъ явилась въ Лондонѣ женщина де-Лонгвилль.

— Правда! сказала леди Кемпбл; это не та ли чудная красавица, которую вы намъ вчера показали?

— Она.

— О, Франкъ, Франкъ!... Я этого отъ него никакъ не ожидала.... но теперь надо не жаловаться, а дѣйствовать.... Благодарю васъ, милордъ, отъ имени племянницы.... Я пойду къ брату и все расскажу ему.... Подождите здѣсь, милордъ, я увѣрена, что вторая попытка моя будетъ успѣшнѣе.

Лордъ Джемсъ всё-еще прогуливался по аллеямъ парка; когда грумъ принесть доложить ему, что миссъ Мери желаетъ поговорить съ нимъ. Лордъ Треворъ засталъ дочь свою блѣдную, разстроенную; она громко рыдала, закрывъ лицо руками. Леди Кемпбл съ безпокойствомъ, можетъ быть съ раскаяніемъ, старалась утѣшить ее.

— Смотрите, милордъ, вскричала она: вотъ что надѣлаеъ вашъ Франкъ.... онъ недостойнымъ образомъ обманываетъ Мери, онъ влюбленъ въ другую женщину....

— Знаю, холодно отвѣчалъ лордъ Джемсъ, смявъ письмо, которое всё-еще было у него въ рукахъ.

— Племянница моя не любитъ его.... продолжала леди Кемпбл.

— Кто это вамъ оказалъ? спросила Мери, поднявъ голову.— Она перестала плакать. Глаза ея, раскрасѣвшіеся отъ слезъ, блеснули лихорадочнымъ огнемъ. — Я люблю его, продолжала она: я долго находилась въ заблужденіи.... я была несчастна.... но теперь....

— Видное дѣла! преговорила леди Кемпбл съ состраданіемъ: это бредъ горячки.

Лордъ Треворъ движеніемъ руки заставилъ ее замолчать.

— Теперь его хотятъ оклеветать! продолжала Мери: говорить, что онъ любитъ другую.... о! это ужасно.... клеветать на раненнаго, на умирающаго!

— Умирающаго! повторилъ лордъ Треворъ: это что значитъ?

— Франкъ Персоваль драмса на дуэли, отвѣчала леди Кемпбл съ замѣшательствомъ.

— Я хочу его видѣть, батюшка! продолжала Мери: свезите меня къ нему.... мы обвинимъ клеветничество.... Франкъ! мой добрый, благородный Франкъ!... ахъ! какъ я страдала!...

Лордъ Треворъ позвонилъ.

— Карету, сказалъ онъ: скорѣй!... Успокойся, Мери, я поѣду къ Персевалу....

— И я съ вами!

— Ты?...—Лордъ Треворъ посмотрѣлъ на сестру.—Все это чрезвычайно подозрительно.... проворчалъ онъ сквозь зубы.—Одѣвайся, Мери, я возьму тебя съ собою.

Мери съ чувствомъ поцѣловала руку отца.

Леди Кемпблъ пожала плечами, проворчала что-то о приличіяхъ, воротилась къ Рио-Санто и рассказала ему о вторичной неудачѣ. Но маркизъ былъ спокоенъ.

— Я подожду здѣсь возвращенія лорда Тревора, сказалъ онъ съ коварной улыбкой: и мы увидимъ, на чьей сторонѣ останется побѣда.

Карета лорда Тревора подѣвжалась къ Додлей-гоузу, возлѣ котораго недавно остановилась карета княгини де-Лонгвиль.

— Выходите, выходите! говорила герцогиня де-Жевръ своей племянницѣ, увидавъ экипажъ лорда Тревора.—Ступайте по этой лѣстницѣ вверхъ, постучитесь и вы встрѣтите человѣка, который скажетъ вамъ что дѣлать.

Сузанна повиновалась. Герцогиня де-Жевръ уѣхала. Въ то же время экипажъ лорда Тревора остановился у Додлей-гоуза. Мери видѣла Сузанну; она крѣпко сжала руку отца.

— Батюшка! сказала она задыхающимъ голосомъ: эта женщина....

— Какая женщина?

Мери указала на Сузанну, которая всходила по крыльцу.

— Ахъ, чортъ возьми!... проворчалъ лордъ Джемсъ: ты спрашиваешь, кто эта женщина? Не знаю.

— А я знаю ея! глухо произнесла миссъ Мери, между тѣмъ какъ щеки ея покрылись опять смертною блѣдностью. Она дрожала. Отецъ раскаялся, что взялъ ее съ собою.

— Ногио беспокоиться! сказалъ онъ, стараясь скрыть волненіе свое подъ безпечнымъ видомъ; потомъ прибавилъ: О, Франкъ, злодѣй, варваръ!

— Я не беспокоюсь, милордъ, отвѣчалъ Мери съ усміемъ: — нисколько.... но карета остановилась.... сойдемте....

— Дочь моя, возразилъ отецъ ласково, но съ твердостью: я поступилъ безразсудно.... я не долженъ былъ брать тебя съ собою; останься здѣсь, Мери.... я одинъ повѣдаюсь съ Франкомъ.

— Я привыкла повиноваться вамъ, батюшка, отвѣчала Мери: но, ради Бога! исполните просьбу мою; общайтесь сказать мнѣ...—Она замолчала на минуту и крѣпко прижала руку къ сердцу. — Общайтесь сказать мнѣ откровенно, имѣетъ ли эта женщина право стать между мною и Персевалемъ.

— Общайю, отвѣчалъ лордъ Джемсъ.

— Честное слово?

— Честное слово.

У изголовья Франка Персеваля сидѣлъ несчастный слѣпецъ, сэръ Эдмондъ Мекенэй. Стѣфенъ, не отходившій отъ постели больного, воспользовался присутствіемъ добраго и услужливаго сэръ Эдмонда, чтобы сходить повидаться съ матерью.

Франкъ спалъ. Старый Джекъ занимался чѣмъ-то въ передней, и услышавъ, что кто-то стучался, отворилъ дверь.

— Сэръ Франкъ Персеваль? спросила войдя Сузанна.

— Его нельзя видѣть, миледи, отвѣчалъ Джекъ.

— Онъ боленъ, возразила Сузанна, съ отвращеніемъ повторяя заученный урокъ: я это знаю, и пришла по порученію мистера Макъ-Наба. Онъ разсудилъ, что поступилъ неосторожно, оставивъ больного съ человѣкомъ, лишеннымъ зрѣнія.

— Добрый мистеръ Стѣфенъ! произнесъ старый Джекъ съ чувствомъ: извините, миссъ, но вы, вѣроятно, одна изъ кузинъ мистера Макъ-Наба, дочь сэра Эндруса Макъ-Ферзна... Потрудитесь войти сюда, миледи, и да хранитъ васъ Господь за участіе, которое вы принимаете въ моемъ господствѣ!

Сузанна постыжась, вошла въ комнату, и встрѣтилась съ слѣпцомъ Тиррелемъ. Несмотря на то, что она въ первый разъ видѣла его при дневномъ свѣтѣ, Сузанна тотчасъ узнала его.

— Слѣпецъ вооруженъ въ все необходимое и мутные глаза свои.

— Кто тамъ? спросилъ онъ тихимъ голосомъ.

— Та, которую вы ожидаете, отвѣтила Сузанна.

— Дочь моя, сказала слѣпецъ, взявъ руку молодой девушки и еще болѣе понизивъ голосъ: исполняю, что я тебѣ прикажу или ты погибнешь!

— Вѣчно угрозы! прервала его Сузанна.

— Теперь угрожать можно, потому что ты счастлива! возразилъ слѣпецъ, добродушно улыбаясь: теперь ты не бросишься въ Темзу... а, кстати, ты была сегодня осторожна, ты чуть не погубила себя и Ленчестера.

— Какъ!... произошла Сузанна отъ улыбки: вы знаете?...

— Я все знаю!... берегись и будь осторожнѣе!... слы!

Нослышався стукъ у входа: Тиррель подвинулъ Сузанну къ постели больного.

— Сюда сейчасъ войдетъ мужчина, скажи ему тихо: въ то самое время, какъ онъ отвергнетъ двери, ты исполнишь, что тебѣ приказано....

Лордъ Треворъ появился на порогѣ и увидѣвъ Сузанну, остановился.

— Исполни! шепнулъ Тиррель.

Сузанна поблѣднѣла и не трогалась.

— Исполни!... или Ленчестеръ будетъ потерянъ для тебя!

Слезы брызнули изъ глазъ Сузанны.... она наклонилась и поцѣловала Персевала въ лобъ.

Жалобный стонъ вырвался изъ груди лорда Джемса.

— Кто тамъ? спросилъ слѣпецъ.

Вѣсто отвѣту лордъ Треворъ поспѣшно сбѣжалъ съ лѣстницы.

— Ты можешь идти, шепнулъ Тиррель на-ухо Сузаннѣ. Благодарю.

Сузанна удалилась; поцѣлуй ея разбудилъ Франка.... Вы,

какъ бы въ снѣ, представилась строгая физиономія лорда Треворъ и откровенное лицо дѣвушки.... но когда онъ совершенно пришелъ въ себя, то увидѣлъ у изголовья своего, одного добраго оэра Эдмонда Мензенъ.

— Что это значитъ? произнесъ онъ слабымъ голосомъ... нѣкъ показалося, что здѣсь былъ лордъ Треворъ.... и молодая женщина.... только не Мері!

— Любовный Франкъ, отвѣчалъ бѣдный Эдмондъ со вздохомъ: я слышалъ чьи-то шаги въ комнатѣ, но вѣдь вы знаете, я спѣю....

— Позовите Джена, сэръ! прервалъ его Франкъ.

Старый слуга вошелъ.

— Кто здѣсь былъ? спросилъ Франкъ съ безпокойствомъ.

— А вы не узнали его? Тѣ-то я думалъ, что сдѣлалось съ лордомъ Треворомъ, что онъ ушелъ такой сердитый....

— Лордъ Треворъ! повторилъ Франкъ.

— Точно такъ, сэръ; онъ сей часъ ушелъ, сказавъ, что негдѣ его здѣсь больше не будетъ.

— А! произнесъ Франкъ приподнявшись.

— И молоденькая миссъ тоже ушла не совсѣмъ довольная....

— Какая миссъ?... о комъ говоришь ты?...

— О кузинѣ мистера Стѣфена.

— А!... произнесъ Франкъ успокоившись.

— Да вотъ и самъ мистеръ Макъ-Набъ....

Стѣфенъ вошелъ. Онъ видѣлъ своихъ кузинъ дома. Онѣ не выходили.

— Боже мой! Боже мой! произнесъ Франкъ. Что же это значитъ? Тутъ была женщина.... лордъ Треворъ видѣлъ ее.... и сказалъ.... Онъ не договорилъ и безъ чувствъ отсутствовалъ на подушки.

— Что жъ это за женщина? ворчалъ старый Джекъ:— сэръ Эдмондъ.... ахъ, вѣдь онъ спѣю! Онъ ничего не видѣлъ!

Стѣфенъ совершенно терялся въ догадкахъ. Кто была эта женщина? Кѣмъ прислана?... Не было ли это второе дѣйствіе трагедіи, въ которой докторъ Муръ и помощникъ его Рдулей, сыиграли первыя сцены?

— Сэръ Эдмондъ, сказалъ онъ наконецъ: Франкъ приходитъ въ себя.... извините.... мнѣ надо переговорить съ нимъ наединѣ....

— Я уйду, мистеръ Макъ-Набъ, отвѣчалъ слѣпой. Я хотѣлъ оказать услугу, сказалъ онъ съ такою искреннею грустью, что Стѣфенъ былъ тронутъ: по сегодня, какъ и почти всегда, присутствіе мое было болѣе вредно, нежели полезно.... Да сохранить васъ Господь отъ подобной бѣдственной судьбы, мистеръ Макъ-Набъ!

Стѣфенъ молча пожалъ ему руку. Сэръ Эдмондъ вышелъ въ сопровожденіи стараго Джэка, который довезъ его до улицы и нанялъ извозчика.

Когда Франкъ пришелъ въ себя, по сторонамъ постели его стояли Стѣфенъ и леди Офелія, которую молодой докторъ удерживалъ.

— Другъ мой, сказалъ Стѣфенъ, пощупавъ пульсъ его: вы еще очень, очень слабы, и я, какъ докторъ, не могъ бы позволить вамъ вступить въ разговоръ, которой произведетъ на васъ слишкомъ сильное впечатлѣніе. Но тутъ дѣло идетъ о счастіи жизни вашей; докторъ долженъ уступить мѣсто другу.... Слушайте. Вы сдѣлались жертвой ужаснаго заговора.

— Да, помню, сказалъ Франкъ жалобнымъ голосомъ: слѣдовательно; это былъ не сонъ?...

— Нѣтъ, возразилъ Стѣфенъ съ твердостью. Чтò вы видѣли, происходило на-яву. Между вами и миссъ Мери Треворъ теперь преграда....

— Отецъ ея... единственная надежда моя! проговорилъ Персеваль.

— Мужайтесь, другъ!... Развѣ изъ самыхъ словъ моихъ вы не понимаете, что у меня есть средство помочь вамъ!.. Надѣйтесь.... графиня Дѣрби здѣсь, она вамъ все расскажетъ....

— Нѣтъ, сэръ, нѣтъ, вскричала леди Офелія; нѣтъ.... Эта тайна не моя... умоляю васъ... позвольте мнѣ удалиться....

Стѣфенъ посмотрѣлъ на нее съ упрекомъ.

— Неужели вы пришли сюда, миледи, сказалъ онъ съ горькой усмѣшкой: чтобы любоваться страданіями Франка?

Упрекъ Стѣфена подѣйствовалъ на графиню. Она съѣла къ постели больного и гордо посмотрѣвъ на доктора, сказала послѣ минутнаго молчанія:

— Сэръ, я хочу говорить съ Франкомъ Персевалемъ, а не съ вами; прошу васъ оставить насъ однихъ....

Стѣфенъ далъ больному выпить ложку лекарства, и съ признательностью поклонившись графинѣ, вышелъ. Леди Оселія долго колебалась, но наконецъ прерывающимся и едва слышнымъ голосомъ стала рассказывать исторію, въ которой часто произносила имя маркиза де-Рю-Санто.

Франкъ слушалъ.... казалось, удвоенное вниманіе возвратило ему силы....

— И этотъ человѣкъ хочетъ жениться на Мери! вскричалъ онъ, когда графиня кончила.

Оселія взяла руку его. Глаза ея были полны слезъ.

— Франкъ, сказала она тихимъ голосомъ: вы теперь имѣете власть надъ маркизомъ... не употребите ее во зло... не забывайте, что вы обѣщали мнѣ и... что я люблю его... Графиня произнесла послѣднія слова съ усиленіемъ; краска выступила на щекахъ ея... и не дожидаясь отвѣту, она встала и поспѣшно удалилась.

— Стѣфенъ! вскричалъ Франкъ; чернила, бумаги!... Позовите Джека... о, не всё-еще потеряно!.. Испытаю послѣднее средство!...

Джекъ скорѣй принесъ чернила, перья и бумагу.

— Вы будете диктовать мнѣ, Франкъ? спросилъ Стѣфенъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, другъ мой! отвѣчалъ онъ съ живостью: я уже сказалъ вамъ, что это послѣднее средство... послѣдняя надежда моя....

— Послѣдняя надежда! съ горестію повторилъ старый слуга.

— Я хочу испытать судьбу! вскричалъ Франкъ, болѣе и болѣе разгорячаясь: если мнѣ и теперь не удастся.... тогда я погибъ!

Стѣфенъ молчалъ. Старый Джекъ покачалъ головой и поднялъ къ небу глаза, омоченныя слезами. Между-тѣмъ Франкъ писалъ съ лихорадочною живостью. Кончивъ, онъ отдалъ письмо Джеку и сказалъ:

— Лорду Тревору, въ собственныя руки; слышишь?

— Слышу, сэръ.

— Хотя бы ты насколько долженъ былъ обратиться въ кабинетъ его!...

— Я не возвращусь прежде, пока лично не вручу письмо лорду Тревору. Вы приказали — я исполню, отвѣтилъ Джекъ.

Лордъ Джемсъ Треворъ въ обществѣ воротился къ своему экипажу. Онъ сначала ничего не хотѣлъ отвѣчать на вопросы дочери; но Мери напомнила ему, что онъ далъ честное слово.

— Видѣлъ! вскричалъ старый лордъ съ негодованіемъ: видѣлъ собственными глазами!... Франкъ измѣнилъ тебѣ, дочь моя!

Мери приготовилась уже къ своему несчастію — несмотря на то, слова отца поразили ее въ самое сердце. Она опустилась на подушки кареты и не произнесла болѣе ни слова.... только изрѣдка грудь ея облегчалась глубокимъ вздохомъ.

Леди Кемблъ и маркизъ Рио-Санто ждали въ гостиной.

— Милордъ, сказалъ лордъ Джемсъ, обратившись къ маркизу: я отказалъ вамъ сегодня утромъ въ рукѣ дочери, потому что она была обѣщана другому. Но этотъ человекъ, котораго я, откровенно сказать, предпочитаю вамъ, маркизъ, измѣнилъ слову своему, слѣдовательно.... Лордъ Джемсъ замолчалъ....

— Что я вамъ говорила, маркизъ? вскричала леди Кемблъ: братъ мой старый солдатъ, complimentы котораго иногда очень странны, но вы видите, что онъ наконецъ соглашается....

— Нѣтъ еще!... дочь моя свободна... пусть она сама выбираетъ себѣ мужа и да благословитъ ее Господь!

Мери, не говоря ни слова, сидѣла воелъ тѣтушки.

— Что же, моя милая?... спросила послѣдняя.

Мери посмотрѣла на нее.... невольный трепетъ пробежалъ по всему тѣлу молодой дѣвушки и она залилась слезами.

— О! произнесла она, какъ я любила! Тѣтушка, прибавила она, опустивъ голову на руки леди Кемблъ: скажите мнѣ, убѣдите меня, что я его больше не люблю!

Леди Кемпбл была смываго смущена. Леди Рио-Санто было внятно.

— Мери, сказала онъ тихимъ голосомъ, наклонившись къ молодой дѣвушкѣ: — неужели я ошибался!... вы меня не любите!

Миссъ Треворъ подняла глаза и протянула руку. Рио-Санто схватилъ ее и страстно прижалъ къ губамъ своимъ.

— Для меня прошедшее уже не существуетъ, сказала она съ усиленіемъ: я хочу любить васъ, милордъ.... любить васъ однимъ.... Я хочу!

— Наконецъ! произнесла леди Кемпбл, съ радостью поцѣловавъ племянницу.

Лордъ Треворъ подавъ руку маркизу и сказалъ:

— Мери рѣшила, милордъ: рука ея принадлежитъ вамъ.

Въ сосѣдней комнатѣ послышался шумъ. Лакеи лорда Джемса не хотѣли впустить человѣка, который насильно рвался въ залу.

— Давай сюда письмо, говорилъ громъ; я отдамъ его милорду.

— Я самъ отдамъ! отвѣчалъ кто-то рѣшительно.

Дверь отворилась и старый Джекъ, запыхавшись и оттакаявая двухъ громовъ, удерживавшихъ его, ворвался въ комнату.

Лордъ Треворъ узналъ его и отвернулся.

— Письмо къ вамъ, милордъ, отъ господина моего, сказалъ старый слуга; но вида, что милордъ не хотѣлъ и смотрѣть на него, онъ продолжалъ: — Возьмите, милордъ, именемъ Бога умоляю васъ!... господинъ мой умпраеть!...

— Я не знаю и знать не хочу твоего господина, строго отвѣчалъ лордъ.

Рио-Санто слегка поблѣдѣлъ при видѣ стараго слуги, но послѣднія слова Тревора возвратили ему все спокойствіе духа.

— Скажитесь, милордъ!... промолвесь умоляющимъ голосомъ слуга.

Лордъ Треворъ взялъ письмо и разорвалъ его, не посмотрѣвъ даже на адресъ.

Джекъ стоялъ какъ-бы громомъ пораженный. Глаза его сверкали.... спина его выпрямилась.... но это продолжа-

лось только минуту; голова его печально опустилась, и, бросивъ на лорда взоръ, исполненный грустнаго упреку, онъ произнесъ медленно и съ невыразимомъ горестью:

— Это была послѣдняя надежда его!.. Теперь ему остается только умереть.

Цѣлое утро по тротоарамъ Корнгильской Площади прохаживался человекъ въ костюмѣ шотландскихъ горцевъ. Это былъ, вѣроятно, бѣднякъ, недавно прибывшій въ Лондонъ и заблудившійся въ лабиринтѣ огромной столицы. Онъ былъ озабоченъ и, по временамъ, нетерпѣливо топалъ ногою, не спуская глазъ съ дому мистриссъ Макъ-Набъ.

Около трехъ часовъ по полудни, Стѣфенъ, оставивъ при больномъ неотвязнаго сэра Эдмонда Мекензи, пришелъ повидаться съ матерью. Завидѣвъ его, Шотландецъ быстро поворотилъ въ Финчъ-Лэнскую улицу.

— Вотъ тебѣ на! проворчалъ онъ сердито: теперь еще этотъ молокососъ воротился!... Этого только недоставало!... Ужъ наступаетъ вечеръ, а я всё-еще ни до чего не добился....

Прошло около часу. Дверь чистенькаго, бѣлаго домика опять отворилась и Стѣфенъ вышелъ вмѣстѣ съ матерью.

Глаза Шотландца засверкали радостью.... онъ потрясъ бѣлокурой гривой и сталъ потирать руки. Когда Стѣфенъ исчезъ съ матерью въ толпѣ, Шотландецъ пошелъ къ дому и постучался.

— Что тебѣ надо? спросила служанка, отворивъ дверь.

— Меня прислалъ господинъ мой съ поклономъ къ барышнямъ, отвѣчалъ Шотландецъ громкимъ голосомъ.

— Какой господинъ?

— Какой господинъ! повторилъ онъ еще громче: вѣстимо какой! нашъ лордъ Энджусъ Макъ-Ферленъ, владѣлецъ Кръювскаго замка!

Дѣвушки услышали послѣднія слова Шотландца и выбѣжали на лѣстницу. Этого только ему и хотѣлось. Лицо его на минуту освѣтилось звѣрскою радостью.... несмотря на бѣлокурый, длинноволосый парикъ и шотландскій ко-

спомъ, читатели, вѣрно, узнали бы въ этомъ человѣкѣ— Бобъ-Лантерна.

— Папенька! вскричала Клара: посланный отъ папеньки!... Бѣтсы, введи его къ намъ!

— Ахъ, Господи, Боже мой! произнесъ Бобъ радостно, оставшись наединѣ съ молодыми дѣвушками: да какъ вы, барышни, выросли, похорошѣли!... Добрая жена моя, Эффи, не узнала бы васъ, хотъ и вскормила обѣихъ!

— Эффи! отвѣчала Анна, добрая кормилица наша!... Неужели ты мужъ ея, фермеръ Дунканъ Лидъ?

— Мужъ доброй нашей Эффи! прибавила Клара.

— Конечно, барышни, возразилъ Бобъ простодушно: вы помните еще мою толстую Эффи, которая убаюкивала васъ пѣсней рыбаковъ? Помните пѣсню рыбаковъ?

— Какъ не помнить! сказала Анна со слезами на глазахъ: о! мы хорошо помнимъ милую нашу Шотландію!

— Но какъ ты перемѣнился, Дунканъ! сказала Клара съ изумленіемъ.

Бобъ утеръ глаза.

— Какъ я радъ, что вижу васъ! сказалъ онъ вмѣсто отвѣту и съ глубокимъ вздохомъ: какъ обрадуется моя старуха!

— А чтѣ дѣлаетъ дочь твоя, Эльпетъ?

— Эльпетъ! повторилъ Бобъ съ выраженіемъ глубокой горести: бѣдняжка!... вотъ уже шесть мѣсяцевъ какъ мы ее похоронили.... Онъ опять утеръ глаза и продолжалъ: но я пришелъ сюда не съ тѣмъ, чтобы по-пустому терять время.... васъ ждетъ отецъ вашъ....

— Батюшка! прервала его Клара: развѣ онъ въ Лондонѣ? Мы увидимъ его?

— Когда вамъ угодно будетъ; только.... и Бобъ осторожно осмотрѣлся: не подслушиваетъ ли кто?

— Кчему эта предосторожность? спросила Клара.

— Извольте видѣть, барышни.... батюшка вашъ не любить, чтобы его много спрашивали; онъ сказалъ мнѣ: берегись!... Я и берегусь. Вотъ и все.— Лицо Боба было кавказно простодушно.

— Но гдѣ же батюшка? спросили вмѣстѣ молодыя дѣвушки.

Бобъ еще разъ осторожно осмотрѣлся и приблизившись къ молодымъ дѣвушкамъ, шепнулъ имъ:

— Онъ здѣсь!... по дѣламъ.... сирывастая.... ждетъ васъ. Но тсъ! ни слова! Дѣло идетъ о свободѣ, можетъ-быть, о его жизни!

Сестры невольно вскрикнули.

— Бога ради, тише: черезъ четверть часа я пришлою за вами коляску.... будьте готовы.

— О жизни его! произнесла Клара.

— Я, быть-можетъ, и ошибаюсь, но дѣла нашего герда чрезвычайно запутаны!... Во всякомъ случаѣ, вы сами увидите его, и онъ, вѣроятно, расскажетъ вамъ все дѣло.... Прощайте, миссъ Клара; прощайте, миссъ Анна!... Черезъ десять минутъ я пришлою коляску, только не говорите ни слова.... никому.... никому!....

Бобъ приложилъ палецъ ко рту съ таинственнымъ видомъ; потомъ внезапно лицо его приняло прежнее наивно-простодушное выраженіе и кивнувъ головою молодымъ дѣвушкамъ, онъ ушелъ.

Анна и Клара въ молчаніи смотрѣли одна на другую.

— Какъ онъ перемѣнился! сказала Клара послѣ нѣкотораго молчанія.

— Но мы такъ давно не видали его! возразила Анна.

— Онъ прежде былъ выше и не такъ толстъ....

— Дунканъ, кажется, ниже, потому что потолстѣлъ, до вѣрчиво отвѣчала Анна: какое счастье, Клара, мы увидимъ папеньку!....

— Да.... да.... Прежде у него не было этого страннаго взгляду....

— Бѣдная Эльспетъ! проговорила Анна со вздохомъ: грустно умереть въ эти лѣта!

— Да.... бѣдная Эльспетъ! машинально повторила Клара.... Но точно ли этотъ человѣкъ Дунканъ Лидъ?

Анна засмѣялась.

— Поспѣшимъ, сестрица, сказала она: сейчасъ придетъ коляска....

Клара не трогалась. Анна подошла къ ней и опустила прелестную головку свою на плеча ея.

— Клара, сказала она съ нѣжностью: насъ ждетъ па-

несла... а помнишь ли, ты вчера обещала мнѣ погово- рить съ нимъ?

— Я вѣчно шутлива.... сказала Клара, поцѣловавъ сестру: но теперь я благоразумнѣе.... добрый Дункашъ очень бы удивился, если бь могъ узнать, что я принимала его за....

— За кого, сестрица?

— Глупость! весело отвѣчала Клара. Одѣвайся, Анна, мы поговоримъ съ пипенькой о Стѣпенѣ, неправда ли?... Ты будешь счастлива, очень счастлива!... Стѣпенъ полю- бить тебя.... Да и можно ли не любить тебя? прибавила она, прижавъ голову сестры къ груди своей: ты такъ добра, такъ мила, сестрица!... Съ-тѣхъ-поръ, какъ надеж- да оставила меня, я молюсь только за тебя....

Клара замолчала. Улыбка исчезла съ лица Анны... она съ грустью смотрѣла на сестру....

— Надежда оставила тебя! повторила она: ты не от- кровенна со мною....

— Не откровенна? возразила Клара, насильно улыбаясь: мнѣ нечего скрывать отъ тебя.... Только та, которая лю- бить, знаетъ тайны, а я не люблю.... никого....

Тоалетъ молодыхъ дѣвушекъ былъ конченъ. Клара взя- ла съ собою охотничьи перчатки, которыя она сама свя- зала для отца, а Анна кисеть, вышитый для него же.... потому, никѣмъ не замѣченныя, онѣ вышли изъ дому.

Полчаса спустя, коляска, въ которую сѣли молодые дѣ- вушки, подвезла ихъ къ гостинницѣ мистера Груффа, съ которымъ читатели познакомились въ самомъ началѣ на- шего разсказа.

Мистеръ и мистриссъ Груффъ были, безспорно, созданы другъ для друга, если предположить, что теорія контра- товъ есть именно тотъ законъ, которымъ все въ мирѣ управляется.

Мистеръ Груффъ былъ маленькій, краснолицый тол- стякъ, съ рыжими бакенбардами; вѣчно сердитый и гру- бый. Мистриссъ Груффъ была высокая, худощавая, желто- лицая женщина, которая всегда улыбалась.... она бра- нилась только съ мужемъ, у котораго лицо прояснялось только для жены.

Почтенные супруги вышли на встречу къ молодымъ дѣвушкамъ.

— Вы, вѣроятно, дочери почтеннаго лорда? спросилъ хозяинъ: потрудитесь взойти, барышни; мы сейчасъ проводимъ васъ въ его комнату.

— Счастливъ долженъ быть отецъ, у котораго такія прелестныя дочери, прибавила хозяйка улыбаясь: потрудитесь войти, миссъ; я сама провожу васъ.

Сестры послѣдовали за хозяйкой въ обширную комнату, въ первомъ этажѣ, запыленные окна которой выходили на Темзу. Посреди этой комнаты стоялъ столъ, накрытый на три прибора.

— Батюшка вашъ вышелъ, сказала мистриссъ Груффъ съ любезностью: у него столько дѣлъ!.... Но мануть черезъ десять онъ будетъ здѣсь.

— Мы подождемъ, сказала Клара.

Анна смотрѣла съ дѣтскою боязнью на высокія, сырыя стѣны и на запыленные окна.

Мистриссъ Груффъ ушла, почтительно раскланявшись. Сойдя въ нижнюю комнату, она нашла тамъ мужа, который разговаривалъ съ Бобъ-Лантерномъ. Послѣдній уже переѣхнулъ костюмъ свой.

— Мистриссъ, сказалъ онъ хозяйкѣ: вѣрю вамъ этихъ двухъ пташекъ... позаботьтесь объ нихъ....

— Здѣсь обо всѣхъ равно заботятся, грубо отвѣчалъ хозяинъ.

— Другъ мой, ласково сказала ему жена: замолчи!... Что же касается до вашихъ пташекъ, мистеръ Бобъ, то будьте покойны.... Съ собой ли у васъ водица?

Бобъ вынулъ изъ кармана стеклянку, которую далъ ему буркеръ Бишопъ и отдалъ ее хозяйкѣ, сказавъ съ улыбкой:

— Три капельки, мистриссъ, не болѣе и не менѣе!

— Знаю, мистеръ Бобъ.

— Я подѣду на лодкѣ къ локу, продолжалъ Лантернъ: смотрите, мистеръ Груффъ, спускайте осторожнѣе; я долженъ представить товаръ свой въ цѣлости и исправности, какъ говоритъ мошенникъ Патерсонъ.

Анна и Клара разговаривали сначала объ отцѣ, потомъ

о Стѣвенѣ.... но время проходило. Вечерній вѣтеръ шумѣлъ въ трубѣ. По временамъ сквозь окна видѣлись черныя полосы дыму пароходовъ. Слышался однообразный крикъ лодочниковъ и матросовъ, поднимающихъ или опускающихъ паруса. Все это смѣшивалось съ глухимъ гуломъ тысячи экипажей, разѣзжавшихъ по всѣмъ направленіямъ Лондона. Молодымъ дѣвушкамъ стало грустно.

Комната, въ которой онѣ находились, была обширна. Большая кровать съ задернутыми занавѣсками, нѣсколько стульевъ, накрытый столъ и старинное бюро составляли всю ея меблировку. Темнѣло.

— Клара! сказала тихимъ голосомъ Анна. Странно, какъ эта комната мрачна и сыра!.... Должно быть уже поздно.... Ты правду говорила, Клара, что человекъ, разговаривавшій съ нами, не похожъ на добраго Дункана!

— Но ты прежде смѣялась надъ моими опасеніями! сказала Клара улыбаясь.

— Я не знаю... но Дунканъ не смотрѣлъ изъ-подлѣбья... Уйдемъ отсюда, Клара!

— Но папенька скоро придетъ!... Успокойся, Анна...

— Мнѣ страшно, Клара; мнѣ никогда не было такъ страшно!

Дверь отворилась. Мистриссъ Груффъ вошла съ большой миской супу; за нею слѣдовалъ почтенный мужъ ея со свѣчою въ одной, и кружкой шотландскаго элю въ другой рукѣ.

— Вы, вѣроятно, соскучились, барышни, сказала съ пріятной улыбкой хозяйка. И въ самомъ дѣлѣ, почтенный жордъ что-то замѣшкался. Это удивительно.

— Удивительно! проворчалъ хозяинъ.

— Другъ мой, съ нѣжностью сказала мистриссъ Груффъ: молчи, поставь кружку и свѣчку на столъ, и убирайся вонъ!

Мужъ въ три приема исполнилъ приказаніе жены.

— Развеселитесь, барышни, сказала весело хозяйка: батюшка вашъ вѣрно сейчасъ придетъ... а вы между-тѣмъ покушайте....

Клара слѣлала головою отрицательный знакъ.

— Такъ отвѣдайте шотландскаго элю, миссъ! продол-

жала хозяйка, наполняя стаканы: батюшка вашъ очень избитъ его.... попробуйте, миссъ!

— Мы подождемъ папеньки, рѣшительно отвѣчала Клара.

— Какъ вамъ угодно, отвѣчала хозяйка и улыбающейся ротъ ея открылъ рядъ зубовъ, отвратительной желтизны: но увѣрю васъ, эль отличный!—Мистриссъ Груссъ поклонилась и вышла, но за дверьми остановилась и приложила глазъ къ замочной скважинѣ.

Ласковая улыбка и любезность хозяйки нѣсколько рѣсѣли страхъ Анны. Видъ комнаты уже не устрашалъ ее: наружный шумъ не пугалъ болѣе ея воображенія. Но затѣмъ на лицѣ Клары выразилось безпокойство. Она не доверяла лицемернымъ ласкамъ хозяйки.

— Зачѣмъ ты обошлась такъ холодно съ этой доброй женщиной? сказала Анна: она такъ любезна и такъ вѣжлива!... Я уже не боюсь.... Теперь я могу спокойно ожидать до полуночи.

— До полуночи! повторила Клара, нахмуривъ нѣсколько брови: Боже сохрани!... Развѣ ты не замѣтила странныхъ взглядовъ этой женщины?

— Странныхъ?... Нѣтъ, напротивъ.... она очень любезна....

— Улыбка ея произвела на меня непріятное впечатлѣніе, сказала Клара тихимъ голосомъ.

— Меня эта улыбка успокоила.... но какъ ты будешь печальна?... Ты не спокойна, что съ тобой?... Бѣдная Анна со страхомъ прижалась къ сестрѣ: я было-успокоилась, а ты опять напугала меня.

Клара посмотрѣла на сестру и принужденно улыбнулась, сказала:

— Папенька скоро прійдетъ.

— О, да! папенька, добрый нашъ папенька! Мы увидимъ его, будемъ говорить съ нимъ....

— О Стѣffenъ?

Анна покраснѣла.

— О, ты будешь счастлива, Анна! произнесла Клара вздохомъ: но какъ долго папенька нейдетъ!

Послѣднія слова были произнесены съ такимъ благо-

кайствомъ, что Анна невольно прижалась къ сестрѣ, и положила голову на плечо ея. Забѣтивъ болѣзнь Анны, Клара взяла ея руки и стараясь ободриться, сказала:

— Какая ты трусиха! Я только хотѣла испытать тебя, десѣяться надъ тобою.... Чего намъ бояться? Мы здѣсь въ безопасности.... Какъ руки твои горятъ....

— Мнѣ бы хотѣлось выпить стаканъ воды, отвѣчала Анна, и вдругъ, взглянувъ на кружку элю, пѣна котораго мало-по-мало садилась, она вскричала: Клара! выпьемъ стаканъ элю за здоровье папеньки!.... и разомъ выпила под-стакана.

За дверью послышался легкій шорохъ.

— Прекрасный эль! продолжала Анна: что же ты не пьешь, Клара! Вѣдь это за здоровье папеньки!.... Клара поднесла стаканъ къ губамъ своимъ.

Въ корридорѣ явственно раздался шумъ удалявшихся шаговъ. Мистриссъ Груффъ поспѣшно сбѣжала внизъ.

— Вышли! обѣ выпили! вскричала она, схвативъ за руку мужа, храпѣвшаго передъ каминомъ: обѣ пили!

— Что такое? что случилось? спросилъ мистеръ Груффъ, протирая глаза.

— Что случилось, бесполезный и глупый мѣшокъ, лѣнтай, что случилось? Дочери лерда напились водицы мистера Бѣба.

— Напились, дружочекъ?

— Напились, и спокойно будутъ ожидать лерда, который охотится теперь гдѣ-нибудь въ шотландскихъ горахъ!

— Теперь охотиться поздно, проворчалъ мужъ.

— Поздно или рано, но дѣло въ томъ, что жена дочки идетъ, отецъ въ двухъ стахъ миляхъ отъ....

Въ это самое время дверь съ шумомъ расворилась и мушкетеръ, вооруженный въ шотландскій плащъ, вошелъ въ комнату.

Мистриссъ Груффъ не договорила фразы своей и какъ громомъ пораженная упала на скамью.

— Лордъ! прошептала она съ ужасомъ: самъ чортъ пришелъ его сюда!...

Человѣку, вошедшему въ гостинницу, было лѣтъ за пятьдесятъ.

На блѣдномъ лицѣ его была ясно написана цѣлая повесть неизлечимыхъ страданій, жестокихъ мученій и страшной борьбы дикихъ, необузданныхъ страстей.

Онъ былъ озабоченъ и печаленъ, но печаль его была не изъ тѣхъ, которыя поражаетъ случайная непріятность и которыя исчезаютъ при первомъ лучѣ радости; то была печаль постоянная, слѣдствіе долгихъ и безпрерывныхъ горестей. Большіе, прекрасные глаза его были впалы; на морщинистый лобъ падали рѣдкіе, серебристые волосы; ротъ его, прекрасно очерченный, оканчивался по обѣимъ сторонамъ глубокими морщинами—иероглифами страданій, горестей и глубокаго уныніа.

Искусные лгуны стараются какъ-можно ближе подходить къ истинѣ, а потому Бобъ-Лантернъ завлекъ молодыхъ сестеръ именно въ ту гостиницу, гдѣ обыкновенно оставался Энджусъ Макъ-Ферлэнъ.

Неожиданное появленіе его поразило хозяйку невыразимымъ страхомъ; а мужъ ея безсмысленными глазами смотрѣлъ на лерда и щипалъ свои рыжіе бакенбарды.

Энджусъ не замѣтилъ смущенія ихъ, онъ сбросилъ плащъ и подошелъ къ камину.

— Я усталъ, сказалъ онъ: приготовьте мою комнату.

— Вашу комнату! повторилъ Груффъ: признаться сказать, лердъ Макъ-Ферлэнъ, я васъ сегодня не ожидалъ.... право, не ожидалъ!

— Что жъ? развѣ комната моя занята?

— Занята?... слава Богу, у насъ не одна комната.... Ваша комната....

— Другъ мой, молчи! прервала его хозяйка, которая между-тѣмъ успѣла прійти въ себя и уже улыбалась: ахъ, какой сюрпризъ вы намъ сдѣлали..... здоровы ли вы?... Что новаго?

— Я не здоровъ, отвѣчалъ холодно лердъ: и не знаю никакихъ новостей.... приготовьте жъ мнѣ мою комнату!

— Извольте видѣть, продолжала хозяйка: у насъ есть маленькій промыселъ, и ваша комната завалена теперь тюками....

— Уберите ихъ! сказалъ нетерпѣливо Макъ-Ферлэнъ.

— У насъ есть другія комнаты, проворчалъ сердито хозяинъ.

— Другъ мой, сказала жена, я уже просила тебя, чтобъ ты молчалъ... Кажется, его милость имѣетъ полное право выбирать ту комнату, которая ему нравится.... Потерпите, лордъ Макъ-Ферленъ... черезъ полчаса все будетъ готово... не прикажете ли подать вамъ пока покушать?

— Я буду ужинать въ своей комнатѣ, отвѣчалъ лордъ: поторопитесь!

— Весь домъ нашъ къ вашимъ услугамъ, сэръ, возразила съ непоколебимою любезностью хозяйка: сейчасъ все будетъ готово... Потомъ, проходя мимо мужа, она шепнула ему: займи его здѣсь, а когда я кашляну, приходи наверхъ.

Хозяйка ушла, а Макъ-Ферленъ сѣлъ на табуретъ противъ каминна.

— Гмъ! гмъ! чертовски холодно сегодня, заговорилъ мистеръ Груффъ, которому жена приказала занять постельца: чертовски холодно!... Гмъ!... Вы, можетъ-быть скажете на это, что ужъ теперь такое время.... Конечно, но вѣдь и холодъ бываетъ разные.... Гмъ! гмъ!... иногда зимой бываетъ тепло.... даже очень тепло.... Не прикажете ли табачку, мистеръ Макъ-Ферленъ?

Онъ подалъ лорду табакерку и только тогда замѣтилъ, что тотъ давно уже не слушалъ его. Макъ-Ферленъ сложилъ руки на колѣняхъ. Голова его опустилась на грудь; глаза были неподвижно устремлены на густой дымъ, подымавшійся надъ каменнымъ углемъ и улетавшій въ трубу. Лицо его приняло еще болѣе мрачное выраженіе; брови его нахмурились; грудь тяжело подымалась.

— Макъ-Набъ! Макъ-Набъ! проговорилъ онъ наконецъ задыхающимся голосомъ: бѣдный братъ!... Судьба рѣшила: кровью своею я долженъ отомстить за тебя!... Но мнѣ нужна твердость, чтобы разить.... О, зачѣмъ я такъ люблю его?...

Между-тѣмъ хозяйка опять смотрѣла въ замочную скважину той комнаты, въ которой находились молодые дѣвушки.

Когда онъ успѣлъ вышить элю, какъ на нихъ начала дѣй-

ствовать водичка Бѣба, подлитая въ эль. Эта водичка, была сильныя сонныя капли. Какое-то неизъяснимо пріятное ощущение проникло въ сердца сестеръ. Анна стала напѣвать тихимъ голосомъ шотландскую вѣсню; Клара предалась обычнымъ мечтаніямъ своимъ и въ первый разъ лучъ надежды оскѣтилъ ея душу. Потомъ обѣимъ показалось, что полъ закачался подъ ногами ихъ, подобно кораблю, проходящему по легкимъ волнамъ моря.... Анна улыбаясь закрыла глаза.... Клара внезапно поблѣднѣла и старалась преодолѣть овладѣвавшій ею сонъ.... ужасное подозрѣніе поселилось въ умъ ея. Съ необыкновеннымъ усиленіемъ она встала.... грудь ея высоко подымалась, глаза горѣли.... она была подобна воинственной амазонкѣ, готовой сразиться съ невидимымъ, неизвѣстнымъ неприятелемъ. Но удвоенное усиленіе еще болѣе ослабило ея. Случайно взоръ Клары упалъ на Анну, которая, не переставая улыбаться, уже опустила прелестную головку на спинку кресла. Какъ-бы пораженная электрическимъ ударомъ, Клара, обезсиленная, опустилась на кресло и двѣ слезинки медленно потекли по щекамъ ея....

— Сестрица! бѣдная Анна! провинила она слабымъ голосомъ.

— Я давно.... давно уже люблю его.... сказала Анна, не отрывая глазъ и не переставая улыбаться: давно уже, Клара!....

— Батюшка! Батюшка! вскричала Клара, борясь съ тяжелымъ сномъ, постепенно овладѣвавшимъ ею: защитите дочь вашу!... Пусть я погібну, но спасите Анну!...

— Благодарю, благодарю, паненька, говорила Анна, протягивая впередъ руку: счастье мое будетъ вашей наградой.... Стефанъ любитъ меня.... а я!... я.... завтра свадьба моя.... онъ узнаетъ, какъ я люблю его!...

Клара не могла больше плакать. Каждое слово сестры раздирало ей сердце. Она хотѣла еще надѣяться, называя боязнь свою неосновательною; но дѣйствіе опіума было такъ очевидно на Аннѣ, что не дозволяло даже сомнѣваться. Она сама еще сопротивлялась, но была уже поблѣднѣе; сильнѣйшій врагъ подавлялъ ее свинцовою тяжестью. Анна сдѣлала легкое движеніе и дремнула, слезинки, волоски

нѣсколько стиховъ шотландской пѣсни; это придаде новымъ силы Кларѣ, она встала и пошла къ двери, но въ то же самое мгновеніе ключъ, находившійся снаружи, повернулся и замокъ шелкнулъ.

— Заперто! произнесла она холодно, какъ-будто бы это обстоятельство не удивило ее.... Колѣни ея сгибались; и едва передвигая ноги, она пошла къ окну и хотѣла отарать его, но послѣ нѣсколькихъ тщетныхъ усилій, съ отчаяніемъ опустила руки.

— Какъ Клара радуется моему счастью, шептала Анна. Добрая Клара! я бы желала, чтобы и она полюбила кого-нибудь.... она такъ прелестна!...

При этихъ словахъ кровь застыла въ жилахъ старшей сестры. Новая мысль мелькнула въ головѣ ея; и эта мысль была убійственна!

— Боже мой! Боже мой! вскричала она, упавъ на колѣни: я его больше не увижу.... а онъ любилъ меня!

Мысль о смерти устрашала Клару до-сихъ-поръ только за Анну; она забывала себя, но теперь собственное отчаяніе увеличило ея страданія. Любовь ея, молодая и пылкая, внезапная, неограниченная страсть къ незнакомцу заступила мѣсто любви къ сестрѣ. Къ нему обратились теперь всѣ мысли ея.... она рыдала, пронзительный воякъ вырвался изъ глубины души молодой дѣвушки.

Между-тѣмъ Анна продолжала улыбаться и произносила слова любви и счастья....

Мистриссъ Груффъ, не отходявшая во все время отъ двери, страшась, чтобы жалобы Клары не достигли до ушей лерда, поспѣшно сбѣжала внизъ и остановившись на порогѣ сдѣлала знакъ мужу, который немедленно подошелъ къ ней.

— Возьми скрипку, шепнула она ему.

— Скрипку, дружечскъ? спросилъ съ изумленіемъ хозяинъ.

— Молчи!... Возьми скрипку, говорятъ тебѣ.

Во второмъ этажѣ послышался жалобный крикъ. Мистриссъ Груффъ поняла, схватила забытую скрипку, вѣсившую у стѣны и провезъ по струнамъ смычкомъ.

— Никъ послышался крикъ, сказалъ Эдмундъ Мэйнъ-

Ферлантъ, выведенный изъ своихъ размышленій внезапнымъ шумомъ.

— Потерпите еще минуточку, отвѣчала хозяйка: черезъ пять минутъ комната ваша будетъ готова.

И рѣзкіе, непріятные звуки скрипки смѣшались съ послѣднимъ стономъ несчастной Клары. Непобѣдимый сонъ оковывалъ уже ея члены.

— Эдуардъ! шептала она: Эдуардъ!... Я любила.... я люблю тебя!... О! ты даже не узнаешь, что я умираю, любя тебя!... И на колѣняхъ доползла она до кресла, на которомъ спала Анна, съ ангельской улыбкой на устахъ....

— Боже! за что ты наказываешь насъ!... произнесла Клара, еще разъ вздохнувъ и опустивъ голову на колѣни Анны....

— Стѣфенъ! мой Стѣфенъ! сказала Анна, обвинивъ прелестными руками шею сестры: какъ Господь милостивъ и какъ мы счастливы!...

Молодые дѣвушки были неподвижны.

Дверь отворилась и мистриссъ Груффъ осторожно вошла въ комнату. Увѣрившись, что молодые дѣвушки спали, она опять воротилась на лѣстницу и кашлянула. Утихъ нестерпимый пискъ скрипки и хозяинъ появился на лѣстницѣ.

— Кончено? спросилъ онъ тихимъ голосомъ.

— Молчи! возразила жена по привычкѣ: что лердъ?

— Бредитъ на-яву! онъ намъ не помѣшаетъ.... О, воскликнулъ онъ съ искреннимъ состраданіемъ, войдя въ комнату и остановившись передъ сестрами: о! бѣдные ангелочки.... мнѣ жалъ ихъ, жена.

— Молчи! сердито отвѣчала хозяйка: засвѣти фонарь!... Наградила же меня судьба мужемъ, продолжала она, пожавъ плечами: вздумалъ разжалобиться!... Двадцать фунтовъ стерлинговъ не щепки, понимаешь ли ты это, безмозглая башка?... Не разсуждай, олухъ!... Я грѣшница и Господь послалъ мнѣ тебя въ наказаніе!

Мужъ между-тѣмъ открылъ окно; снаружи висѣлъ фонарь; Груффъ поставилъ въ него зажженный огарокъ, который освѣтилъ стѣну яркимъ, желтымъ свѣтомъ. Это былъ тотъ желтый фонарь, о которомъ капитанъ Педди и

товарища его упоминали въ самомъ началѣ нашего разсказа.

— Я замѣтилъ лодку Боба, сказалъ мистеръ Груффъ, затворяя окно: онъ чуть добычу и минутъ черезъ пять будетъ здѣсь.

— Вотъ сейчасъ видно человѣка дѣльнаго! возразила хозяйка, бросивъ презрительный взглядъ на своего супруга: поучиться бы тебѣ у него..... ужъ прямое ты мнѣ наказанье!

Мистеръ Груффъ не слышалъ послѣднихъ словъ жены. Онъ невольно приблизился къ молодымъ дѣвушкамъ и съ состраданіемъ смотрѣлъ на нихъ.

— Я сдѣлалъ много зла въ жизнь свою, ворчалъ онъ: но, чортъ меня побери, грустно передать такихъ хорошенькихъ дѣтей въ руки этого мясника Боба.....

— Молчи! закричала хозяйка съ лицомъ, разгорѣвшимся отъ злости: кто тебѣ позволилъ разсуждать?.... Пошелъ внизъ, посмотри, что дѣлаетъ лердъ и принеси мнѣ рюмку водки.... Пошелъ, живѣ!

Мистеръ Груффъ повиновался, но сходя съ лѣстницы разсуждалъ, не поподчивать ли когда-нибудь жену водицей Боба, только въ двойномъ приѣмѣ, чтобы милая супруга его не просыпалась. Онъ рѣшился подумать объ этомъ.

Когда онъ воротился съ водкой, надъ самой головой его зазвенѣлъ колокольчикъ.

— Вотъ и Бобъ, сказала хозяйка; живѣ, принимайся за дѣло.

Они вдвоемъ отнесли столъ къ стѣнѣ. Груффъ, подцѣпивъ крючкомъ веревку съ петлей, пропущенную черезъ блокъ вдоль одной изъ балокъ, поддерживавшихъ потолокъ, притянулъ ее къ полу. Жена его между-тѣмъ разложила на полу двѣ простыни, снятыя съ постели; потомъ мѣстѣ съ мужемъ завернула Клару въ одну изъ нихъ и опустивъ ее въ родъ мѣшка, прицѣпила къ веревкѣ. На томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ стоялъ столъ, было желѣзное кольцо, вдѣланное въ полъ; Груффъ ухватился за это кольцо и подвигъ тяжелый люкъ, заржавленныя петли котораго заскрипѣли..... внизу было черно, только слышался плескъ воды о сван.....

— Кто тамъ? спросилъ хозяинъ тихимъ голосомъ.

— Товарищъ! отвѣчалъ снизу голосъ Бобъ-Лантерна.

Блекъ сталъ вертѣться и мѣшокъ съ бѣдой Кларей опустился въ черное отверстіе.

— Тише! тише! сказала Бобъ съ безпокойствомъ. Вы мнѣ, пожалуйста, повредите ее! Которая это?

— А я почему знаю! сердито заворчалъ Груффъ: все равно! Которая бы ни была!....

— Тише же, чортъ тебя побори!.... довольно, довольно!.... Ладно! Теперь другому!....

Веревка поднялась; мистриссъ Груффъ успѣла между тѣмъ завернуть Анну, но въ то самое время, когда она стала, вмѣстѣ съ мужемъ, опускать ее въ мѣшокъ, послышались чьи-то шаги и на порогѣ явился мрачный лордъ Энджусъ Макъ-Ферлэнъ.....

Мистриссъ Груффъ, пораженная ужасомъ, опустила добычу свою и головка Анны вывѣсилась изъ мѣшка..... Длинные, распущенные волосы ея опустились до полу.

Макъ-Ферлэнъ пришелъ не по какому-либо подозрѣнію или по любопытству, но по привычкѣ, потому что онъ всегда занималъ эту комнату.

— Оставьте меня одного! сказалъ онъ входя.

Несмотря на страхъ свой, хозяйка догадалась еще стать между лордомъ и Анной.

— Мы спустимъ еще одинъ тюкъ, ваша милость, отвѣчала она съ улыбкой: и тотчасъ же удалился. Опускай веревку, опускай! сказала она обратившись къ мужу, на котораго нашель столбнякъ.

— Велите нанять мнѣ коляску, продолжалъ лордъ, ничего не замѣчая и медленно приближаясь къ хозяйкѣ: я хочу ѣхать повидаться съ дочерью.

— Какъ онъ обрадуются вамъ! осмѣлилась сказать хозяйка: опускай же веревку, олухъ проклятый! прибавила она тихимъ голосомъ, обратившись къ мужу.

Но послѣдній не трогался. Онъ былъ отчаянный злодѣй, но далеко не могъ сравниться съ своей женой; присутствіе отца, дочерей котораго приносили въ жертву злодѣю, поражало его ужасомъ и страхомъ.

Между-тѣмъ лордъ все приближался къ хозяйкѣ....

свѣдѣнія возила всю опасность своего положенія. Комната была освѣщена одной свѣчкой, которая осталась на столѣ; свѣтъ отъ нея прямо падалъ на лицо Анны..... Еще шагъ, и Энджусъ увидѣтъ дочь свою..... Мистеръ Груффъ былъ блѣденъ какъ мертвецъ....

Въ эту рѣшительную минуту хозяйка съ живостью схватила веревку и дернула за колокольчикъ. Лердъ невольно подмалъ голову. Мистриссъ Груффъ воспользовалась этой минутой, бросилась къ свѣчкѣ и погасила ее..... но страшный крикъ лерда служилъ доказательствомъ, что дѣйствіе хозяйки было не довольно быстро. Въ то самое время, когда она бросилась къ свѣчкѣ, Энджусъ увидѣлъ лицо дочери..... Хотя это не продолжалось и секунды, но онъ увидѣлъ ее, блѣдную и висѣвшую надъ чернымъ отверстіемъ. Онъ ощутилъ въ сердцѣ рѣзкую, нестерпимую боль, ноги его подкосились и онъ готовъ былъ упасть.

— Не видѣніе ли это? произнесъ онъ, сдѣлавъ шагъ не къ Аннѣ, но къ дверямъ, чтобы бѣжать въ Корнгиль и защитить дочерей отъ опасности, которой это видѣніе могло быть предвѣстникомъ.

Мистриссъ Груффъ между-тѣмъ, какъ женщина опытная, вырвала веревку изъ рукъ мужа.... Минуту спустя Анна съ шумомъ упала на дно лодки.

— Чортъ васъ поберитъ! заворчалъ Бобъ, понимавшій, что сверху происходило что-то необыкновенное: бросаютъ словно тую тряпокъ!

— Гребни! съ живостью закричала ему хозяйка. И тяжелый люкъ съ шумомъ захлопнулся.

Этотъ шумъ заставилъ Макъ-Ферлена взрогнуть.

— Дочь моя! вскричалъ онъ бросившись къ люку: я видѣлъ дочь мою.

— Вашу дочь! повторила хозяйка, принужденно смѣясь: слышишь ли, Груффъ: лердъ видѣлъ дочь свою.

— Лердъ видѣлъ дочь свою, машинально повторилъ Груффъ.

— Огню, закричалъ повелительнымъ голосомъ Макъ-Ферленъ, оцупывая полъ; огню, сейчасъ!

— Съ удовольствіемъ. Незачто сердиться.

Мистриссъ Груффъ зажгла свѣчу у фонаря, горѣвшаго

въ корридорѣ. Лердъ осмотрѣлся и крѣпко прижалъ руки ко лбу своему. Хозяйка улыбнулась и сказала глѣхимъ голосомъ:

— Вы уснули внизу; видно, вамъ приснилось что-нибудь не хорошее?

— Я видѣлъ! вскричалъ Энджусъ съ отчаяніемъ: да, да.... я видѣлъ..... она была тутъ..... блѣдная..... мертвая, быть-можетъ!.... Онъ указалъ рукой на то мѣсто, гдѣ видѣлъ Анну и замѣтилъ на полу что-то бѣлое. Это былъ батистовый платокъ, на одномъ углу котораго были вышиты буквы К. М. Ф.

Лердъ выпрямился; глаза его горѣли; изъ груди вырвался грозный крикъ.

— И Клара! вскричалъ онъ глухимъ голосомъ: обѣ!... обѣ!... Во взорѣ лерда была такая угроза, что хозяйка пустилась бѣжать, захлопнувъ за собою дверь и оставивъ мужа одного съ Макъ-Ферленомъ, который бросился на него какъ тигръ, схватилъ за грудь и одною рукою бросилъ на полъ.

— Пощадите! захрипѣлъ хозяинъ.

— Живы ли..... онѣ? съ усиленіемъ произнесъ Энджусъ.

— Живы, ваша милость, клянусь! Онѣ выпили только нѣсколько капель опиума.

Грудь лерда облегчилась глубокимъ вздохомъ.

— Слушай, сказалъ онъ: если ты будешь лгать, я убью тебя.... Куда ихъ везутъ?

— Не знаю, клянусь, не знаю! отвѣчалъ Груффъ.

Энджусъ притащилъ его къ окну, отворилъ и посмотрѣлъ на Темзу.

— Эта лодка? спросилъ онъ, указавъ на лодку, пыльную не въ дальнемъ разстояніи.

Мистеръ Груффъ утвердительно кивнулъ головою.

Лердъ вскочилъ на окно и бросился въ Темзу.

Мистеръ Груффъ медленно всталъ, отряхнулъ пыль покрывшую платье его и потянулся.

— Ну, слава Богу! проворчалъ онъ: я думалъ что ужъ мнѣ конецъ пришелъ!—Облокотившись на окно, онъ продолжалъ:—Бобъ дорого бы далъ, чтобы я предостерегъ его лаемъ .... да что я, собака что ли? Я даже, признаюсь

ся сказать, очень радъ, что дѣвушкамъ представляется спасеніе:.... Bravo! облака разступились..... луна свѣтитъ ....

Лодка Бѡба была уже на серединѣ рѣки. Лердъ плылъ еще между судами, стоявшими около берегу.

— Вѣдь догонитъ! ворчалъ Груффъ; экой мастеръ плавать..... ну! плохо придется Бѡбу..... и по-дѣломъ!

— Чтѡ по-дѣломъ, дуралей? вскричалъ за нимъ рѣзкій голосъ жены.

— Ахъ.... ты здѣсь?

— Да, я здѣсь, гадкій трусишка!.... Хорошъ мужъ.... лердъ изрубилъ бы меня въ куски, а ты бы и не пошевелинулся!

— Какъ ты это можешь говорить!

— Молчи!.... или вѣтъ, отвѣчай! Куда дѣвался старый дуракъ?

— Бросился въ воду.

— Топиться?

— Можетъ-быть, отвѣчалъ Груффъ нерѣшительно.

— Слава Богу! продолжала хозяйка, подойдя къ окну: Темза въ этомъ мѣстѣ глубока..... мистеръ Груффъ, ты обманулъ меня..... смотри, кто это тамъ плыветъ? Отвѣчай, или горе тебѣ!

— Кажется..... Я не знаю.... можетъ-быть, это и лердъ! неохотно отвѣчалъ хозяинъ.

— Лердъ! повторила хозяйка, поблѣднѣвъ отъ бѣшенства и страху: а тамъ чья лодка? Бѡба?

— Да.

— И ты не предостерегъ его, несчастный! вскричала мистриссъ Груффъ, вцѣпившись ногтями въ лицо мужа: сейчасъ дай ему знать, что есть опасность! сейчасъ же!

Груффъ въ первый разъ хотѣлъ воспротивиться приказанію жены; онъ пристально посмотрѣлъ на нее, нахмурилъ брови, но тотчасъ же опустилъ глаза. Свѣтъ отъ желтаго фонаря падалъ на лицо хозяйки, которое выражало такую злобу, что дрожь пробѣжала по всему тѣлу Груффа.

— Завтра, проворчалъ онъ, она отравитъ меня. Лучше послушаться, — и высунувшись изъ окна, онъ погасилъ

фонарь и приложилъ руки ко рту. Послышался грубый лай.

— Давно бы такъ! вскричала хозяйка съ отвратительнымъ смѣхомъ: поцѣлуй меня, толстякъ..... врядъ-ли найдутся въ цѣломъ Лондонѣ два бульдога, которые умѣли бы такъ хорошо лаять..... Теперь Бобъ предостережетъ и старому лерду прійдется плохо.

Луна освѣщала Темзу. Изъ окна гостиницы очень ясно были видны лодка Боба и плившій Макъ-Ферлакъ, который не обратилъ ни малѣйшаго вниманія на лай..... но Бобъ, при первыхъ звукахъ знакомаго сигнала, улегся на дно лодки.

— Чтò бы это значило? ворчалъ онъ про-себя: кажется, вокругъ все спокойно, все тихо..... и не видно ни одной полицейской лодки..... это вѣрно лаялъ какой-нибудь бульдогъ..... Въ это самое время онъ обратилъ взоръ къ гостиницѣ..... не видно было желтаго фонаря, слѣдовательно, была опасность. Бобъ приподнялся и со вниманіемъ осмотрѣлся.

— Ничего, чортъ возьми, ничего! проворчалъ онъ, облѣднѣвъ. Чтò же это значитъ? — Бобъ замолчалъ и вверилъ змѣившій взглядъ свой въ чтò-то черное, медленно приближавшееся къ его лодкѣ.—О-го! продолжалъ онъ успокоившись; это человѣкъ.... не бѣда! съ нимъ справлюсь.... Экъ плыветъ! экъ плыветъ....

Бобъ поползъ по дну лодки къ тому концу, съ котораго приближался плившій, и нечаянно задѣлъ локтемъ за Клару, которая слегка застонала.

— Тысяча чертей! промышчалъ Лантернъ, еще новая бѣда! ихъ дурно усыпили.... чего добраго, проснутся еще, да визгъ подымутъ....

На Клару, выпившую весьма немного вѣю, сталъ уже дѣйствовать свѣжій вечерній воздухъ; она приходила мало-по-мало въ себя. Бобъ лежалъ смиренно и не спускалъ глазъ съ незнакомаго врага, который былъ не болѣе какъ въ десяти шагахъ. Луна освѣтила лицо лерда.... Бобъ узналъ его.

— Та, та, та! проворчалъ онъ довольно равнодушно: вотъ неожиданный и незванный гость!... О-го, съ нимъ надо

поступать осторожнѣй.... Если я съ перваго разу дамъ маху, такъ мнѣ плохо прійдется.—Бобъ пощупалъ, за пазухой ли ножъ его, и увѣрившись въ томъ, схватился за весло.

— Батюшка!... произнесла слабымъ голосомъ Клара.

— Сейчасъ, сейчасъ, голубушка, отвѣчалъ шопотомъ Бобъ: мы сейчасъ примемъ твоего батюшку.

Лердъ былъ въ трехъ шагахъ отъ лодки. Вдругъ Лантернъ вскочилъ, взмахнулъ весломъ и.... Энджусъ исчезъ подъ водой.

— Конечно! проворчалъ Бобъ, положивъ весло на мѣсто и потирая радостно руки: я очень доволенъ, что дѣло не дошло до ножа.... вѣдь я нѣкогда ѣлъ хлѣбъ его... Какъ-то неловко поднять на него ножъ....

Бобъ не успѣлъ договорить этихъ словъ, какъ лодка его пошатнулась; онъ оглянулся и увидѣлъ человѣка, который взбирался въ нее. Глухой крикъ вырвался изъ груди его, онъ ухватился за ножъ и.... черезъ секунду, отецъ и похититель стояли другъ передъ другомъ.

Несмотря на быстроту движенія Боба, Макъ-Ферланъ успѣлъ уклониться отъ удара весломъ и нырнулъ.

У Лантерна былъ въ рукахъ ножъ, у лерда шотландскій кинжалъ. Оба были сильны; Энджусъ былъ отецъ, Бобу ладность къ деньгамъ придавала мужество.

— Убирайся, сказалъ лердъ тихимъ голосомъ: кинжалъ мой длиннѣе твоего ножа; но дочери мои живы.... я слышалъ голосъ Клары.... Убирайся.... я не хочу твоей смерти.

Бобъ по первому движенію характера своего, готовъ былъ воспользоваться позволеніемъ лерда. Но скупость превозмогла трусость.... скупость подавляла всѣ прочія страсти въ этой грязной душѣ.

— Я не умѣю плавать, отвѣчалъ онъ иронически.

— Убирайся! повторилъ Макъ-Ферланъ грозно; голосъ его дрожалъ.

— Слушайте! сказалъ Бобъ, все дѣло можетъ уладиться.... и съ быстротою тигра бросился на Энджуса, направивъ ножъ къ его сердцу; но лердъ отразилъ ударъ. Началась страшная, безмолвная борьба. Минуту спустя Бобъ покач-

нулся, получивъ въ горло ударъ кинжаломъ. Макъ-Ферленъ уперъ колѣно въ грудь его, и поднялъ уже руку, чтобы нанести послѣдній ударъ.... въ это самое время Клара проснулась....

— Батюшка! вскричала она.

Лердъ невольно оглянулся. Бобъ-Лантернъ воспользовался этимъ движеніемъ, однимъ поворотомъ высвободился изъ-подъ колѣна Энджуса и не отъискивая ножа, двинувшаго у него изъ рукъ во время борьбы, схватилъ лерда за горло, и сжалъ какъ въ желѣзныхъ тискахъ.

Клара закрыла лицо руками и громко вскрикнула.

Макъ-Ферленъ глухо хрипѣлъ. Бобъ раза три ударилъ его головой о борть лодки и сдѣлавъ послѣднее усиліе, выбросилъ безчувственное тѣло въ Темзу.

— Теперь не опомнится! проворчалъ Бобъ задыхаясь отъ напряженія, и хватаясь за весла: посмотримъ, что дѣлаютъ мои красотики.

Анна не просыпалась. Клара лежала безъ чувствъ на днѣ лодки.

За обширными и великолѣпными садами Букингемскаго дворца находится красивый, правильно расположенный скверъ, окруженный великолѣпными зданіями, гдѣ живутъ англійскіе вельможи. Мѣсто это называется Белгравъ-Скверъ.

Донъ Хосе-Марія-Теллесъ де-Аларконъ, маркизъ де-Рио-Санто занималъ самое огромное, самое великолѣпное изъ этихъ зданій. Внутренность не только соответствовала наружности, но даже превосходила все, что самое причудливое воображеніе можетъ придумать. Тамъ Рио-Санто принималъ высшую аристократію Лондона.

Было около осьми часовъ вечера. Въ одной изъ заднихъ комнатокъ роскошнаго зданія, освѣщенной лампой, стоявшимъ стекляннымъ колпакомъ, лежалъ на голубомъ бархатномъ диванѣ молодой человѣкъ, небрежно переброшенный шелковыя кудри прекрасной собаки испанской породы. Взадъ и впередъ по комнатѣ прохаживался слѣпецъ въ черномъ пальто. Оба молчали, погруженные въ задумчивость.

Вдругъ собака поднялась, радостно завизжала и бѣжала

лась къ двери, въ которую въ ту же минуту вошелъ Рио-Санто съ докторомъ Муре. Маркизь былъ блѣденъ, утомленъ.

— Смирно, Ловели, смирно! сказалъ онъ, слегка оттолкнувъ собаку, которая, не привыкнувъ къ подобному приему, поджала хвостъ и печально улеглась на коврѣ.

— Здравствуй, Анджело! продолжалъ маркизь, дружески пожавъ обѣ руки молодому челоуѣку: сходи внизъ, прибавилъ онъ тихимъ голосомъ, и вынь изъ потаеннаго ящика кареты десять тысячъ фунтовъ стерлинговъ.

Анджело поклонился и вышелъ.

— Чтò новаго, Эдмондъ? спросилъ маркизь слѣпаго: извините, докторъ; потрудитесь присѣсть; я сейчасъ буду къ услугамъ вашимъ.

— Я пришелъ узнать, отвѣчалъ слѣпой: удалась ли моя выдумка.

— Вы челоуѣкъ драгоцѣнный, сэръ Эдмондъ, холодно возразилъ маркизь. Все удалось и вы можете получить сто гвиней у моего казначея. Все ли?

— Не всё-еще, милордъ. Миѣ надо поговорить съ вами о молодой жидовкѣ, Сузаниѣ.

— О Сузаниѣ! прервалъ его маркизь, болѣе нѣжнымъ голосомъ, и какъ-бы это имя коснулось его сердца.

Слѣпой не могъ скрыть улыбки и какъ-бы угадавъ гордый и строгій взглядъ, который бросилъ на него Рио-Санто, онъ продолжалъ почтительно:

— Эта молодая дѣвушка прелестна, умна и прекрасно можетъ выполнить роль, которую ей поручили. Но она любитъ и я страшусь....

— Кого она любитъ? съ живостью прервалъ маркизь.

— Бриана Ленчестера.

— Счастливецъ! произнесъ Рио-Санто, между-тѣмъ какъ Тиррель провелъ рукою по рту, чтобы скрыть улыбку: — Не разлучайте ихъ, продолжалъ маркизь, но строго наблюдайте за ними.

Слѣпой низко поклонился и вышелъ.

Рио-Санто легъ на кушетку и сдѣлалъ знакъ доктору, который почтительно приблизился.

— Какъ вы ее нашли? спросилъ маркизь.

— Плохо, милордъ, плохо, отвѣчалъ докторъ, значительно покачавъ головою: я знаю только одно лекарство.

— Какое?

— Счастіе.

— Но развѣ вы думаете, сказалъ маркизъ нахмуривъ брови: что со мною она не будетъ счастлива?

— Прикажете говорить откровенно, милордъ?

— Говорите откровенно.

— Миссъ Мери Треворъ любитъ мелодраго Франка Персеваля; она любитъ его страстно, пламенно.... и теперь умирая....

— Умирая! вскричалъ Рио-Санто, поблѣднѣвъ.

— Умирая, милордъ.... впрочемъ она можетъ еще прожить два или три мѣсяца.

— Ужасно! проговорилъ Рио-Санто съ досадою и горестью: зачѣмъ я узналъ ее!

— Миссъ Мери, продолжалъ докторъ спокойнымъ голосомъ: живетъ только Персевалемъ.... Эта любовь вмѣстѣ и поддерживасть и убиваетъ ее.... отмѣните свадьбу вашу.... откажитесь отъ руки ея....

— О, нѣтъ! Это невозможно! Бракъ этотъ необходимъ для исполненія моихъ намѣреній.

— Я это очень хорошо знаю, и потому....

— Неужели нѣтъ никакой надежды?

— Дайте жъ мнѣ договорить, милордъ: я третьяго дня хотѣлъ употребить средство....

— Какое?

— Я хотѣлъ отравить Франка Персеваля, отвѣчалъ докторъ съ непоколебимымъ хладнокровіемъ.

— Вы хотѣли.... съ негодованіемъ воскликнулъ маркизъ, вскочивъ съ кушетки.

— Отравить Франка Персеваля, хладнокровно повторилъ Муре.

— Я поручилъ вамъ, докторъ, началъ послѣ краткаго молчанія Рио-Санто строгимъ голосомъ: спасти Персеваля; а вы вмѣсто-того хотѣли отравить его, забывъ, что подобный поступокъ, навлекъ бы на меня ужасныя подозрѣнія.... берегитесь, сэръ, чтобы я не заставилъ васъ раскаяться въ этой дерзости.

— Э, милордъ! отвѣчалъ докторъ съ нетерпѣливымъ движеніемъ: я знаю, вы могущественны; но самыя выгоды общества нашего требуютъ, чтобы бракъ вашъ съ дочерью лорда Тревора не совершился; притомъ же, милордъ, я такой же ночной джентльменъ какъ и вы!

— Какъ я? повторилъ маркизь презрительно.

— Какъ вы, милордъ.

Ріо-Санто нахмурилъ брови, пристально посмотрѣлъ на доктора и сказалъ твердымъ голосомъ:

— Клянусь, докторъ, что если бъ вамъ удалось отравить Персеваля, я велѣлъ бы васъ повѣсить.

Докторъ задрожалъ и опустилъ голову.

— Но вамъ не удалось, продолжалъ маркизь, опускаясь на кушетку: и я прощаю вамъ. Отвѣчайте жъ на вопросъ мой: есть ли надежда спасти Мери?

— Есть, милордъ, почтительно отвѣчалъ докторъ: надо прежде всего узнать мѣсто зла, а потомъ дѣйствовать; для этого я искусственнымъ образомъ произведу на молодой дѣвушкѣ, однихъ лѣтъ съ миссъ Треворъ, тѣ же признаки, которыми отличается болѣзнь ея....

— Но это ужасно! сказалъ маркизь съ отвращеніемъ.

— Потому я на-удачу буду дѣлать опыты....

— Но это можетъ убить ее!

— Я самъ полагаю, что она не вынесетъ опытовъ и умретъ.

— Послѣ страшной пытки! въ ужасныхъ страданіяхъ!

— Да, милордъ.

— Ищите другаго средства, докторъ.

— Поищу; но между-тѣмъ болѣзнь миссъ Треворъ усилится.

Ріо-Санто закрылъ лицо руками.

— Прикажете мнѣ удалиться? холодно спросилъ докторъ.

— Спасите Мери! произнесъ Ріо-Санто, едва слышнымъ голосомъ.

Докторъ пошелъ къ двери.

— Докторъ! вскричалъ ему вслѣдъ маркизь: я обогащу васъ.... спасите Мери.... не убивая невинной молодой дѣвушки.

— Постараюсь, милордъ, отвѣчать докторъ и ушелъ.

Оставшись одинъ, Рио-Санто, утомленный, опустил голову на подушку кушетки. Тысячи мыслей толпились въ умъ его, онъ хотѣлъ думать, но сонъ овладѣлъ имъ....

Сонъ маркиза былъ тяжелъ и тревоженъ; онъ произносилъ отрывистыя слова; какая-то тяжесть давила грудь его. Стѣнные часы, пробивъ протяжно полночь, разбудили его. Онъ быстро вскочилъ, хотѣлъ ступить, но наткнулся на тѣло челоуѣка, безъ чувствъ лежавшаго на коврѣ. Это не былъ злоумышленникъ, потому что красивый Ловели не лаялъ, но съ жалобнымъ визгомъ лизалъ лицо его. Рио-Санто наклонился. Лицо незнакомца было окровавлено....

Рио-Санто громко вскрикнулъ, узнавъ черты незнакомца.

— Энджусъ, Энджусъ! братъ мой!

Дордъ лежалъ неподвижно. Маркизь поднялъ его и положилъ на кушеткѣ; на глазахъ гордаго маркиза были слезы.

— Энджусъ, Энджусъ! повторялъ онъ.

Макъ-Ферлинь открылъ глаза, осмотрѣлся и произнесъ слабымъ голосомъ:

— Обѣ! обѣ, Боже мой! Обѣ погибни!

Потомъ глаза его закрылись и голова опустилась назадъ.

ЛОНДОНСКІЯ ТАЙНЫ.

=

РОМАНЪ СЪРА ФРЕНСИСА ГРОЛЛОПА.

=

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

=

Недѣлю спустя послѣ происшествій, описанныхъ нами въ концѣ первой части, Сузанна сидѣла въ своей гостиной съ Бріаномъ Ленчестеромъ. Сузанна была счастлива, потому что тотъ, кого она любила всей душою, былъ съ нею. Бріанъ сидѣлъ задумчиво; въ рукахъ у него была роскошная камелія. У любовниковъ была маленькая размолвка по поводу камеліи, которую Бріанъ, накануне взялъ у Сузанны.

— Миледи, говорилъ Бріанъ, я вчера лишилъ васъ цвѣтка, который былъ вамъ дорогъ..... всѣ отгѣнки его запечатлѣлись въ сердцѣ моемъ; сегодня я прорыскалъ цѣлый день, чтобы найти подобный и..... мнѣ удалось. Съ послѣдними словами Ленчестеръ подалъ ей камелію.

— Я никогда не разстанусь съ нимъ, отвѣчала Сузанна, и цвѣтъ цвѣтокъ и открывъ маленькій медальонъ, висѣвшій у нея на шеѣ.

— Какъ! вскричалъ Бріанъ, съ грустью и остановивъ

руку молодой дѣвушки: вы хотите положить его на мѣсто прежняго?

— Я его буду столько же любить, милордъ.

— Столько же, медленно повторилъ Бріанъ: и когда-нибудь, миледи.... вы покажете его кому-нибудь.... и тотъ уничтожитъ его, какъ я вчера уничтожилъ засохшій цвѣтокъ..... который вы берегли въ воспоминаніе..... не такъ ли, миледи?

Сузанна потупила глаза и покрасѣла.

— Въ воспоминаніе мужчины! прибавилъ Ленчестеръ вполголоса.

— Да, милордъ, мужчины, спокойно отвѣчала Сузанна.

Бріанъ опустилъ ея руку. Сузанна спрятала цвѣтокъ въ медальонъ и закрыла его.

— Благороднаго, прекраснаго мужчины! прибавила княгиня съ очаровательной улыбкой: мужчины, котораго я любила пламенно и всею душою.....

— Но кто же этотъ счастливецъ? спросилъ Бріанъ нахмурившись.

— Вы, милордъ.

За чернымъ стекломъ, въ теменькой каморкѣ, сидѣла герцогиня де-Жевръ и подслушивала. Это занятіе крайне надоѣло ей, потому что нечего было подслушивать. Она сидѣла на мягкой бержеркѣ; ноги ея покоились на скамѣйкѣ; вракъ неприятнымъ образомъ дѣйствовалъ наглаза ея, такъ, что она принуждена была закрыть ихъ; вскорѣ слова молодыхъ людей стали немно доходить до ея слуху и, наконецъ.... герцогиня заснула въ то самое время, когда Сузанна произнесла:

— Вы, милордъ.

— Возможно ли! вскричалъ Бріанъ съ восторгомъ; но въ то же время онъ съ изумленіемъ посмотрѣлъ на молодую дѣвушку и продолжалъ: но, миледи, я никогда не бывалъ во Франціи.....

Сузанна поблѣднѣла, она хотѣла что-то сказать, но голосъ не повиновался ей.

— Вы не могли знать меня, прибавилъ Бріанъ.

— Я знала васъ..... произнесла едва слышнымъ голосомъ княгиня де-Донгвилль.

— Но когда? какъ? гдѣ? съ живостью спросилъ Ленчестеръ.

Сузанна, блѣдная, молчала, устремивъ взоръ на медальонъ.

— Книгиня, сказалъ Брианъ послѣ короткаго молчанія: у всякаго есть свои тайны, и я не имѣю никакого права требовать отъ васъ откровенности..... Вы говорите, что любите меня; это много..... Это даже болѣе, нежели я заслуживаю, слѣдовательно, прошу васъ извинить нескромные вопросы.....

— Брианъ!.... вы жестоки! сказала Сузанна, съ горестью прерывая его.

— Нескромные вопросы, холодно продолжалъ Ленчестеръ: на которые я не имѣю никакого права.

— Милордъ, сказала Сузанна вставъ: перестаньте. Я не заслуживаю вашихъ насмѣшекъ..... намъ угрожаетъ большая опасность.....

— Я не понимаю васъ, княгиня.....

— Я не княгиня, милордъ! Выслушайте меня: если бы я была княгиней, я была бы ужъ вашей женой; если бы я была знатна и богата, то давно принадлежала бы вамъ!

Брианъ невольно всталъ и съ величайшимъ изумленіемъ смотрѣлъ на Сузанну.

— Слушайте! слушайте! продолжала она съ силой: слушайте и послѣ не обвиняйте меня за несчастія, которыя постигнутъ насъ!... Я не княгиня. Я слѣпое орудіе въ магическвенныхъ рукахъ..... Я Сузанна, милордъ! дочь Измаила Спенсера, дочь Жида, повѣшеннаго прошлою осенью!....

Брианъ съ ужасомъ отступилъ.

— Измаила Спенсера! проговорилъ онъ: ростовщика Измаила Спенсера!

— Ростовщика, дѣлателя фальшивыхъ векселей и вора Измаила Спенсера!....

Сузанна произнесла послѣднія слова громко и съ усиленіемъ, послѣ котораго почти безъ чувствъ упала на диванъ. Брианъ, съ ужасомъ и смертельною блѣдностью на лицѣ, смотрѣлъ на нея.....

Наступило глубокое молчаніе.

— Ничего! произнесла наконецъ Сузанна, осматриваясь съ боязнью: ничего!.... Они не запрещають мнѣ говорить.... они не слышали словъ моихъ!... О, милордъ! прибавила она, бросившись къ Бріану: я открою передъ вами всю душу свою..... вы не знаете, они сказали мнѣ: «Каж-дое нескромное слово твое падеть на Бріана Ленчестера!».... и я молчала, милордъ....

— Сузанна, спросилъ Ленчестеръ, проникательно взглянувъ на молодую дѣвушку: могу ли я еще любить васъ? отвѣчайте скорѣе. Я долженъ сію же минуту на колѣняхъ испросить у васъ прощеніе, или навѣки проститься съ вами.

Сузанна промолчала нѣсколько минутъ. Она понимала, что будущность, любовь и всѣ надежды ея находились въ опасности и зависѣли отъ одного слова....

— Отвѣчайте: сказалъ еще разъ Бріанъ съ строгостью.

— Милордъ, отвѣчала тихимъ голосомъ молодая дѣвушка: я бѣдна и отецъ мой былъ повѣшенъ.

Потомъ она подняла голову и посмотрѣла на судью своего, который оперся одною рукою о спинку кресла, а другою сжалъ голову.

— Сузанна! вскричалъ онъ съ отчаяніемъ: я люблю васъ.... люблю васъ болѣе, нежели когда-либо.... О, говорите мнѣ о себѣ.... что мнѣ до вашей бѣдности! Я самъ бѣденъ.... что мнѣ до отца вашего!... Я хочу знать васъ, васъ однѣхъ!... Что вы? Зачѣмъ называете вы себя книжницей? Откуда достаете вы эти наряды, въ которыхъ вы такъ прелестны? По какому праву живете вы въ этихъ великолѣнныхъ покояхъ?...

— Бріанъ! вскричала Сузанна: я не смѣю, не могу говорить.... Вопросы ваши пугаютъ меня.... Бріанъ! Я люблю васъ и никого кромѣ васъ не любила!....

— Миледи, возразилъ Ленчестеръ тихимъ голосомъ: я сомнѣвался.... я не хотѣлъ вѣрить.... я надѣялся.... но теперь все кончено! Однимъ словомъ вы могли разрушить всѣ мои сомнѣнія....

— Боже мой! вскричала Сузанна съ отчаяніемъ: не осуждайте меня; именемъ вашей матери умоляю васъ!... Я рѣшилась принять непринадлежащее мнѣ имя и всю рос-

кошь, окружающую меня только для того, чтобы жить.... искуситель остановилъ меня на краю могилы.... и я согласилась на все, потому что хотѣла жить, чтобы любить васъ!

Бріанъ не понималъ, но-голосъ Сузанны и слезы ея доходили до сердца его и онъ былъ почти убѣжденъ.

— Бріанъ! вскричала вдругъ Сузанна: я достойна васъ!

— Правду ли вы говорите? спросилъ Бріанъ, бросившись къ ней.

— Только казнь моего отца и разстояніе, существующее между дочерью Жида и дворяниномъ, раздѣляютъ насъ, произнесла Сузанна, опустивъ голову.... Но Бріанъ сидѣлъ уже возлѣ нея; надежда опять проникла въ сердце молодой дѣвушки и она продолжала: Я не понимаю ни вопросовъ, ни сомнѣній вашихъ.....

— Довольно, Сузанна! вскричалъ Ленчестеръ; забудьте, что я могъ подозрѣвать васъ!.... Люди слабы и злы. Тѣ, которые думаютъ, что стоятъ выше предразсудковъ, не что иное, какъ малодушные гордецы..... Я бы долженъ былъ упасть къ ногамъ вашимъ, когда вы мнѣ сказали: «Я не княгиня»..... я долженъ бы благодарить васъ за то, что изъ любви ко мнѣ вы рѣшились подвергнуться опасности, которую называете ужасною..... О, Сузанна! вы не сердитесь на меня?

Сузанна отвѣчала взглядомъ, исполненнымъ неограниченной любви.

— Какъ мнѣ сердиться на васъ, сказала она: когда вы говорите, что любите меня..... Бріанъ хотѣлъ что-то отвѣчать, но она остановила его и продолжала тихимъ голосомъ: — Намъ надо поторопиться..... Я хочу вамъ рассказать всю жизнь свою, и вы увидите достойна ли я васъ!....

Въ теменькой каморкѣ старая Француженка спала сладкимъ сномъ. Ей снилось, что она подслушиваетъ и что Бріанъ рассказываетъ Сузаннѣ весьма занимательную исторію Робинзона Крузо, выброшеннаго бурей на необитаемый островъ.

Сузанна прижала руку Бріана къ сердцу и начала рассказывать:

«За домомъ отца моего былъ маленькій садикъ съ двѣнадцатью прекрасными дубами. Больше въ немъ ничего не было.

«Я была еще очень мала и часто играла въ этомъ саду, но одна, всегда одна. Иногда, со слезами на глазахъ, я изъ окна смотрѣла на дѣтей, рѣзвившихся на улицѣ. Я часто плакала, потому что никогда не выходила изъ великолѣпнаго дому отца моего, гдѣ вся прислуга состояла изъ служанки, Темперенсъ, которая была пьяна съ утра до вечера и стараго слуги, Ровоама. Послѣдній былъ невѣжливъ. Темперенсъ было запрещено разговаривать со мною и, я помню, однажды отецъ мой хотѣлъ убить ее за то, что она, въ обыкновенномъ, отвратительномъ состояніи своемъ, стала рассказывать мнѣ о какомъ-то жестокомъ и сердитомъ лордѣ, который покинулъ дочь свою и о бѣдной женщинѣ, которая плакала о потерѣ дочери. Слова эти запечатлѣлись въ моей памяти.

«Ровоамъ прислуживалъ за столомъ. Онъ былъ настоящею рабъ моего отца, который часто вымещалъ на немъ гнѣвъ свой.

«Вы, милордъ, знаете моего отца. Я часто видала васъ въ нашемъ домѣ. Но въ то время, когда я была еще ребенкомъ, Измаиль Спенсеръ былъ молодой человекъ. Я не могу безъ ужаса вспомнить объ немъ. Мнѣ всё кажется, что я еще вижу пронзительные глаза его, устремленные на меня съ выраженіемъ необъяснимой провѣи. Онъ не любилъ меня, но я была привязана къ нему. Я любила Темперенсу и крайне сожалѣла о бѣдномъ Ровоамѣ.

«Я часто не видалась съ отцомъ продолженія нѣсколькихъ дней; во все это время онъ не выходилъ изъ другой части дому, куда мнѣ запрещено было ходить. Темперенса между-тѣмъ, по обыкновенію, пьянствовала; Ровоамъ всё что-то вырѣзывалъ на маленькихъ кускахъ дерева; а я бѣгала по саду съ своей ланью, моей маленькой Корой, которую подарилъ мнѣ отецъ.

«— Вотъ тебѣ подруга, Сюзи, сказалъ онъ мнѣ: она останется въ этомъ саду.

«Мнѣ стало грустно. Можетъ-быть вчера еще бѣдная

ланы рѣшилась на свободу, а теперь она осуждена на заключение!... Когда отецъ мой вышелъ изъ сада, Кора подошла ко мнѣ и легла у ногъ моихъ. Я долго просидѣла съ нею и во всю слѣдующую ночь мнѣ снилось, что я играю въ прелестномъ саду съ молодыми дѣвушками однихъ со мною лѣтъ!....

Сузанна на минуту умолкла, Брианъ, слушавшій ее съ кѣсьимъ изумленіемъ, воспользовался этой минутой.

— Неужели вы не знали вашей матери, Сузанна? спросилъ онъ.

— Нѣтъ, отвѣчала дѣвушка; отецъ иногда говорилъ мнѣ объ ней.... училъ ненавидѣть ее!....

— Ненавидѣть мать! повторилъ Брианъ. Это ужасно!

Сузанна продолжала:—«Мнѣ надо рассказать вамъ, Брианъ, одно таинственное обстоятельство..... отецъ и Темперенса говорили мнѣ, что я видѣла это во снѣ, но я не вѣрила словамъ ихъ, потому что видѣла слишкомъ явственно..... Это было вечеромъ. Два дня уже я не видала отца. Я уснула въ своей комнаткѣ, но не крѣпко, потому что легкій шумъ разбудилъ меня. Открывъ глаза я увидѣла женщину, за которою стояла Темперенса. О, милордъ, какъ эта женщина была прелестна и какая доброта выражалась на прекрасномъ лицѣ ея!....»

Между-тѣмъ почтенная герцогиня де-Жевръ еще спала; ей всё снились достопамятныя приключенія Робинзона; она дошла до того мѣста, когда Робинзонъ сдѣлалъ себѣ шляпу и зонтикъ изъ козливой шкуры. Старая герцогиня находила, что онъ весьма забавенъ въ этомъ костюмѣ.

«Незнакомка, продолжала Сузанна: смотрѣла на меня глазами полными слезъ.—Какъ она мила! произнесла она, дѣлѣтъ радостнымъ и грустнымъ голосомъ.— Она вся въ васъ, миледи! отвѣчала Темперенса.

«Вдругъ послышался шумъ шаговъ въ корридоръ, который велъ къ моей комнаткѣ.— Уйдите, миледи, ради Бога, уйдите! вскричала Темперенса, поблѣднѣвъ.

«Незнакомка хотѣла удалиться, но вдругъ остановилась, бросилась ко мнѣ и судорожно прижала меня къ сердцу. Я не могу описать вамъ, милордъ, того, что я ощущала въ

это время. Душа моя стремилась къ незнакомкѣ, глаза наполнились слезами....»

— Но это была ваша мать! вскричалъ Ленчестеръ; ваша мать, миледи! которую насильно разлучили съ вами. До сихъ-поръ я посвящалъ жизнь свою мщению, но теперь она принадлежитъ вамъ, и если только есть возможность найти вашу мать, Сузанна, я найду ее!....

— Да услышитъ васъ Господь, Брианъ, отвѣчала Сузанна съ благодарностью: но увь!.... Я давно уже перестала надѣяться.... Слушайте далѣе.

«Я вскрикнула и простерла ручонки свои къ прелестному видѣнью, но тщетно; когда я открыла глаза, то находилась въ темнотѣ..... только по корридору слышались поспѣшно удалявшіеся шаги.... вдругъ раздался гнѣвный голосъ моего отца. Я не понимала словъ его, потому что, какъ я впоследствии узнала, онъ говорилъ съ Темперенсой по-ирландски. Темперенса отвѣчала дрожащимъ голосомъ; отецъ мой съ яростью бросился на нее и жалобный крикъ бѣдной женщины огласилъ комнату. Когда Ровоамъ принесъ свѣчи, я увидѣла Темперенсу, лежавшую на полу, съ окровавленнымъ лицомъ. Я хотѣла подойти къ ней, но Измаилъ грубо оттолкнулъ меня.

« — Хорошо ли ты спала, Сюззи? спросилъ онъ.

« — Я не спала, отвѣчала я, и видѣла.....

« — Успѣешь еще рассказать мнѣ, что ты видѣла во снѣ, сказалъ Измаилъ съ особеннымъ удареніемъ на послѣднемъ словѣ; впрочемъ, ты очень хорошо дѣлаешь что хочешь рассказать мнѣ, что видѣла во снѣ; совѣтую тебѣ всегда такъ поступать, а нето я убью твою лань.

«Угроза эта наполнила сердце мое негодованіемъ. Я всей душой любила Кору и она одна на свѣтѣ меня любила. Въ первый разъ я осмѣлилась пристально посмотрѣть на отца, и нахмуренныя брови его не испугали меня.

« — Если вы вздумаете убить Кору, я съумѣю защитить ее, отвѣчала я.

« — Хорошо, хорошо, возразилъ онъ съ улыбкой и поглядивъ меня по щекѣ: если ты вздумаетъ защищать твою лань, такъ я убью тебя!»

— Извергъ! нсвольно вскричалъ Брианъ.

«Онъ умеръ, сказала тихимъ голосомъ Сузанна: и онъ былъ мой отецъ.... Когда онъ ушелъ, я подошла къ Темперенсъ.

«Джинну! закричала она хриплымъ голосомъ, и вынулъ изъ кармана склянку, принялась пить съ жадностью, а потомъ запѣла какую-то пѣсню. На всѣ мои вопросы о прелестной леди, которая прижимала меня къ сердцу, она отвѣчала смѣхомъ, и валяясь по полу, отрывисто отвѣчала:—Жидъ бьетъ меня.... пускай бьетъ.... лишь бы не запрещалъ пить.... что мнѣ въ побояхъ, когда есть у меня джиннъ!

«Я ничего не узнала. Проходили дни, мѣсяцы, годы. Я росла и, по словамъ Измаила, хорошѣла. Въ жизни моей не было никакой переменны. Отецъ мой отлучался все чаще и чаще. Единственною радостью моею была Кора.... о, милордъ, если бъ вы знали, какъ она меня любила!... Когда я была весела, она прыгала и рѣзвилась около меня. Когда я была печальна, она ложилась у моихъ ногъ, устремляла на меня глаза и, по временамъ, жалобно стонала.... Бѣдная Кора!... Она не перенесла неволи; она чахла, потому что высокая стѣна отдѣляла ее отъ горизонта, отъ обширныхъ лѣсовъ, въ которыхъ она родилась.

«Однажды утромъ, когда я сошла въ садъ, бѣдная лань лежала на травѣ; она едва дышала.... о! я поняла ея страданія, стала возлѣ нея на колѣни и горько заплакала.... Кора приподняла голову, еще разъ взглянула на меня.... голова ея опять опустилась на траву и уже не подымалась.... меня насилу разлучили съ единственною подругой моею; мнѣ хотѣлось умереть возлѣ нея! Вечеромъ какой-то человекъ, котораго Темперенса называла Бобомъ, унесъ трупъ моей бѣдной Кобы. Увидѣвъ, какъ онъ, взваливъ лань на плеча, удалился, я невольно вскрикнула и лишилась чувствъ. Когда я пришла въ себя, у моей кровати стоялъ Измаилъ съ докторомъ. — Надо беречь ее, говорилъ послѣдній: она очень нездорова; ей нужны воздухъ, свобода, удовольствія, или.... — Не ошибаетесь ли вы, докторъ? спросилъ моей отецъ; это, по моему мнѣнью, маленькая горестъ, которая пройдетъ, когда я ей подарю другую лань.

«Докторъ покачалъ головой и взявъ изъ хрустальнаго стакана полу-завядшую ерань, сказалъ: — Цвѣтамъ и дѣтямъ необходимо солнце; вотъ растеніе, которое завтра совсѣмъ завянетъ.... повѣрьте мнѣ, мистеръ, что если вы не доставите легкимъ вашей дочери свѣжаго воздуху, то она завянетъ какъ этотъ цвѣтокъ....»

«Докторъ поклонился и вышелъ. Я притворилась спящею. Посидѣвъ еще нѣсколько минутъ у моей кровати, Измаиль удалился. На другой день рано утромъ меня посадили въ карету, въ которой я ѣхала цѣлый день. Въ вечеру, когда уже стемнѣло, мы подѣхали къ какому-то большому дому, и остановились. Меня уложили спать. Свѣтлые, блестящіе лучи восходящаго солнца разбудили меня. Я проворно выскочила изъ постели и подѣхала къ окну. Слезы выступили на глазахъ моихъ, милордъ, когда я увидѣла передъ собою обширный горизонтъ, лѣса, озеро, горы! По всему этому скользили солнечные лучи, осыпая всѣ предметы золотистой пылью. О, какъ это было прелестно!... я даже забыла Кору и плакала.... отъ радости! Мѣсто, гдѣ я находилась, было далеко отъ Лондона, но ни положенія, ни названія его я не знаю. Мнѣ позволяли выходить, но я не смѣла говорить ни съ кѣмъ, кромѣ Темперенсы. Она и Ровоамъ никогда не оставляли меня одну и составляли непреодолимую преграду между мною и добрыми крестьянами, которые, встрѣчаясь со мною, ласково кланялись. Отецъ мой остался въ Лондонѣ. На свободѣ, на чистомъ воздухѣ, физическія силы мои быстро развились. Я научилась ѣздить верхомъ, плавать, и Ровоамъ нѣрѣдко изумлялся смѣлости и ловкости, съ которыми я владѣла ружьемъ. Я недавно узнала, милордъ, что подобныя вещи не совсѣмъ приличны молодой дѣвушкѣ.... я забуду ихъ, Бріанъ.

— Не забывайте ничего, Сузанна, вскричалъ Ленчестеръ; все въ васъ очаровываетъ меня и мы будемъ счастливы, если вы любите меня!

— Люблю ли я васъ!... произнесла Сузанна, съ жаромъ сжавъ руку Бріана: о, милордъ! Богу извѣстно, какъ я вамъ предана.... но вы убѣдитесь въ томъ, когда узнаете, какое вліяніе вы имѣли на судьбу мою.

«Около осени, Измаилъ призвалъ меня обратно въ Лондонъ. Увидѣвъ меня, онъ отступилъ съ изумленіемъ. — Какъ ты выросла и похорошѣла! вскричалъ онъ невольно: докторъ говорилъ правду.... Гмъ! Сузанна, ты теперь ужъ не ребенокъ.... любишь ли ты наряды?... Ну, я по глазамъ твоимъ вижу, что ты ихъ любишь! Я тебѣ ни въ чемъ не откажу, ты будешь счастлива!...»

«Слова Измаила заставили меня задуматься, но не на долго. Въ тотъ же вечеръ Темперенса, убирая волосы мои, была какъ-то особенно весела. — Миссъ Сузанна, сказала она смѣясь, мнѣ поручили поцѣловать васъ.... ха, ха! въ обѣ щеки.... вотъ такъ!... и повѣсить вамъ на шею эту бздѣлушку....»

«Я не успѣла отвѣчать, какъ она поцѣловала меня въ обѣ щеки и повѣсила мнѣ на шею этотъ медальонъ на шелковомъ шнуркѣ. — Что это? спросила я; кто тебѣ поручилъ.... — Тсъ!... прервала Темперенса, это секретъ.... — Ради Бога, Темперенса, скажи мнѣ, отъ кого эта хорошенькая игрушка? — Отъ феи, отвѣчала она, громко зашвырнувшись: отъ феи, которой очень хотѣлось бы повидаться съ вами....»

«Я больше ничего не могла узнать отъ Темперенсы. Не спуская глазъ съ медальона, я задумалась надъ нимъ и не замѣтила какъ ко мнѣ подошелъ Измаилъ. Онъ слегка ударилъ меня по плечу, я вздрогнула и съ живостью спрятала медальонъ на груди.

«О-го! вскричалъ онъ насмѣшливо; у васъ, миссъ Сюзан, по-видимому, есть уже тайны.... покажи мнѣ сейчасъ, что ты спрятала!»

«О, милордъ! вы хотя и имѣли сношенія съ отцомъ моимъ, но не знаете его повелительнаго голоса!... Одно воспоминаніе объ этомъ голосѣ наводитъ на меня ужасъ!... Врѣмя, прибавила Сузанна тихимъ голосомъ и приближившись къ Ленчестеру: я недавно опять слышала этотъ голосъ.... тотъ, которому я продала существованіе свое, говорилъ со мною на прошлой недѣлѣ голосомъ Измаила.... этотъ человѣкъ извѣстенъ мнѣ подъ именемъ Тиррела, а леди Обелія называетъ его сэромъ Эдмондомъ Менсеномъ....»

— Сэръ Эдмондъ Мекензи! вскричалъ Бріанъ съ изумленіемъ.

— Не думайте, что я ошиблась, продолжала Сузанна, о нѣтъ! нѣтъ! это было его голосъ....

— Но, Сузанна, вы забываете, что Изманлъ умеръ....

— Вы думаете, что я ошиблась? Можетъ-быть.

Сузанна закрыла лицо руками и на минуту задумалась.

А герцогиня де-Жевръ всё снислихъ интересныя приключенія Робинзона. Она виѣстъ съ нимъ разводила мансъ, дѣлала ножи изъ старыхъ гвоздей, выдалбливала челноки, учила разнымъ языкамъ попугавъ, словомъ—она была такъ занята, что ей было не до рассказовъ Сузанны.

«Я должна была исполнить приказаніе отца, продолжала молодая дѣвушка. Какъ-скоро онъ взглянулъ на гербъ и имя, выгравированные на медальонѣ, на лицѣ его выразился гнѣвъ. — Негодная Темперенса! проворчалъ онъ: я не могу болѣе полагаться на нея.... я проучу ее!... Изманлъ со вниманіемъ разсматривалъ медальонъ и подавилъ пружину, которой я сама прежде не замѣтила.... медальонъ открылся. Изманлъ вынулъ изъ него маленькій локонъ волосъ и бумажку; волосы полетѣли въ каминъ и въ то же мгновеніе вспыхнули.... потомъ посмотрѣвъ на бумажку, отецъ мой прочелъ вслухъ: Сузаннѣ, когда она научится читать. — Ха, ха, ха! это чрезвычайно наивно! вскричалъ Изманлъ, засмѣявшись: какъ жаль, что ты не знаешь азбуки.—Я выучусь читать, сказала я: отдай мнѣ эту записку; она принадлежитъ мнѣ.

«Изманлъ грозно взглянулъ на меня и не отвѣчая ни слова, сталъ читать записку.... она была невелика, но, вѣроятно, богата содержаніемъ, потому что отецъ мой долго читалъ, и иногда презрительно пожималъ плечами. Наконецъ онъ кончилъ и бумажка полетѣла въ каминъ; я бросилась, чтобы вырвать ее изъ пламени, но Изманлъ схватилъ меня за руку и злобно смѣясь, не отпуская до тѣхъ-поръ, пока пепелъ не улетѣлъ въ трубу.... Я заплакала, милордъ. Отецъ мой, не обращая вниманія на мои слезы, вынулъ изъ кармана ножичекъ и принялся скоблить гербъ и имя, выгравированные на медальонѣ.—Что вы дѣлаете? вскричала я.— Счищаю имя, которое тутъ на-

царапано.... это вздоръ, на который не стоить обращать вниманія....—О, Боже мой! вскричала я, рыдая, вы счищаете имя женщины, которая принимаетъ во мнѣ участіе, любить меня.... — Зачѣмъ тебѣ такъ хочется знать это имя?... Если ты будешь умница, такъ я тебѣ скажу его послѣ, когда-нибудь.... впрочемъ, черезъ три, четыре года ты, дочь моя, будешь десятками считать людей, которые будутъ любить тебя.... о, ты будешь очень счастлива, Сюзанна! всѣ будутъ добиваться одного взгляду твоего, одной улыбки.... но, дочь моя, берегись двухъ золъ: гордости и легкомыслія. Гордость, которую глупцы называютъ добродѣтелью, будетъ совѣтовать тебѣ презирать лестью; легкомысліе, которое въ свѣтѣ называютъ голосомъ сердца, научитъ тебя полюбить какого-нибудь молоденькаго джентльмена, съ сладкимъ голосомъ, вѣжной улыбкой.... Берегись, Сузанна!... о, берегись, дочь моя!... Долгъ женщины есть, безспорно, любить и принадлежать мужчинѣ, но обязанность ея выбирать.... не изъ сотни одного, но изъ тысячи сотню самыхъ богатыхъ и щедрыхъ.... впрочемъ, современемъ ты это лучше поймешь!... теперь до свиданья; вотъ тебѣ игрушка твоя!...»

— Ужась! ужась! провзнесъ Бріанъ съ величайшимъ негодованіемъ.—Сузанна, прибавилъ онъ послѣ минутнаго молчанія: этотъ человекъ, это чудовище, не могъ быть вашимъ отцомъ!... Есть вещи, которыя можно чувствовать, но не объяснять. Я увѣренъ, что медальонъ этотъ присланъ вамъ матерью; что Измаилъ не могъ быть отцомъ вашимъ.... я въ томъ увѣренъ....

— Нѣтъ, Бріанъ, отвѣчала Сузанна съ грустью: вы ошибаетесь. Измаилъ былъ отецъ мой.... но не будеме останавливаться на этомъ слишкомъ грустномъ предметѣ.... слушайте далѣе. «Какъ-скоро Измаилъ ушелъ, въ сосѣдней комнатѣ раздался вопль Темперенсы; отецъ мой наказывалъ ее за то, что она передала мнѣ медальонъ. Съ этого времени я ее не видала болѣе и на другой день, когда я проснулась, у кровати моей стояла незнакомая мнѣ женщина, которая поступила на мѣсто Темперенсы.

«Съ того дня жизнь моя совершенно измѣнилась. Незнакомка убрала мнѣ волосы, нарядила меня въ дорогое

платье. Я было-хотѣла спросить, что это значитъ, но она ни слова не говорила по-англійски и отвѣчала на неизвѣстномъ мнѣ языкѣ. «Окончивъ туалетъ мой, она подвела меня къ зеркалу. Я не узнавала себя и впервые почувствовала, двойное противорѣчащее ощущеніе женщины: желаніе блеснуть и желаніе поставить между собою и нескромными взглядами толпы, непреодолимую преграду.

«Вскорѣ пришелъ за мною отецъ и повелъ меня въ великолѣпные покои бель-этажа, въ которыхъ я еще ни разу не бывала. Тамъ было множество картинъ, фортепіано, арфа, нѣсколько книгъ и красивыхъ альбомовъ. Картины представляли мнѣологическіе сюжеты; въ альбомахъ... о, милордъ! одно воспоминаніе объ этихъ рисункахъ заставляетъ меня негодовать, хотя въ это время я рѣшительно ничего не поняла и болѣе любовалась прекрасными рамами картинъ и великолѣпными переплетами альбомовъ, нежели самими картинами и рисунками. Милордъ, несмотря на всѣ эти старанія развратить мой умъ и мое сердце, Господь защитишь меня!... Сначала спасла меня молодость, а потомъ.... потомъ я увидѣла васъ, и вы были моимъ ангеломъ-хранителемъ, моимъ защитникомъ отъ зла!

«Отецъ оставилъ меня на нѣсколько минутъ одну, а потомъ воротился съ человѣкомъ, который долженъ былъ учить меня танцовать. За танцованіемъ слѣдовали уроки дѣнія и музыки, чтенія, письма, италіянскаго, французскаго и нѣмецкаго языковъ. Учители мои были всѣ едино-вѣрцы отца моего, только изъ разныхъ странъ.—Я дѣлала быстрые успѣхи, радовавшіе моего отца, который въ то время продолжалъ внушать мнѣ свои гнусныя правила, не производившія, однако жъ, во мнѣ дѣйствія, котораго онъ желалъ. Между-тѣмъ я не презирала порока, потому что не знала добродѣтели, и равнодушно слушала наставленія Изманла.—Черезъ годъ я хорошо знала явыки, которые мѣня учили; пѣла, играла на фортепіано, на арфѣ и танцевала. Однажды вечеромъ, послѣ уроковъ, отецъ пришелъ ко мнѣ.—Сузанна, сказалъ онъ: ты давно не видала Ровоама.... онъ желаетъ повидаться съ тобою....

«Я цѣлый годъ уже не видала бѣднаго нѣмага.... Я вспомнила о прежней привязанности его ко мнѣ и съ ра-

достью приняла предложеніе отца. Онъ повелъ меня черезъ всѣ покои бельэтажа и въ темномъ проходѣ открылъ маленькую, потаенную дверь. Мы вошли въ узкій корридоръ и пройдя шаговъ десять въ совершенной темнотѣ, поднялись по крутой лѣстницѣ; наверху Измаилъ отворилъ дверь и мы вступили въ обширную комнату, походившую на мастерскую, наполненную самыми странными и разнообразными вещами. Налѣво, на большомъ столѣ, лежали въ порядкѣ разные костюмы; тутъ были мундиры военные и полицейскіе, придворныя платья, куртки и блузы простаго народа. Возлѣ стола, на туалетѣ, стояли помадныя банки, склянки, парики, накладные усы и бороды, сдѣланные съ удивительнымъ искусствомъ. Далѣе, въ ящикѣ лежало множество разныхъ слесарныхъ инструментовъ. За ящикомъ слѣдовали кинжалы разныхъ формъ и величинъ, пистолеты и кистени. Я проходила между этими вещами, не ощущая ничего, кромѣ любопытства.... о! теперь я знаю, к чему онѣ служили.... Когда судили отца моего, употребленіе каждой вещи было объяснено!...

«На противоположномъ концѣ этой комнаты, была маленькая, деревянная перегородка. За нею сидѣлъ Ровоамъ. О, какъ онъ измѣнился съ-тѣхъ-поръ, какъ я его не видала! Блѣдныя, впалыя щеки его и подбородокъ давно не были бриты; волосы въ безпорядкѣ падали на плеча. Онъ былъ похожъ на больнаго, дряхлаго, истомленнаго, полоумнаго старика. Онъ поднялъ мутные глаза и не узналъ меня.—Что же, Ровоамъ, сказалъ ему отецъ мой: ты не узнаешь Сюзи?

«Нѣмой опять поднялъ глаза, и улыбка радости появилась на лицѣ его. Ровоамъ ласково кивнулъ мнѣ головою.—Отчего тебя не видно, добрый Ровоамъ? спросила я.

«Онъ бросилъ на отца моего взглядъ, въ которомъ я прочла боязнь, вынужденную покорность и—ненависть.

«На столѣ, у котораго сидѣлъ нѣмой, лежали продолговатыя исписанныя бумажки, гравёрные инструменты, печати, чернила разныхъ оттѣнковъ и деревяшки, о которыхъ я уже говорила. Ровоамъ поддѣлывалъ для отца моего векселя главнѣйшихъ лондонскихъ торговыхъ домовъ, и, лучше сказать, онъ старался поддѣлать ихъ. Съ утра

до вечера онъ трудился, поправлялъ гравюры, передѣлывалъ печати и старался поддѣлаться подъ почерки и подписи важнѣйшихъ банкировъ, а между-тѣмъ онъ самъ не умѣлъ даже подписать своего имени!... Завсякую ошибку, за всякую неудавшуюся поддѣлку, Измаилъ билъ несчастнаго.... вотъ отчего Ровоамъ былъ такъ худъ, блѣдень и походилъ на старика. Я подала ему руку; онъ поднесъ ее къ губамъ своимъ и глубоко вздохнувъ показалъ мнѣ на окно, за которымъ видѣлось голубое небо.... Бѣдный Ровоамъ! Замѣтивъ движеніе нѣмага, Измаилъ презрительно пожалъ плечами и сказалъ:—Полно дурачиться, Ровоамъ: покажи-ка мнѣ лучше, что ты сдѣлалъ?

« Ровоамъ опустилъ руку въ ящикъ, спрятанный за столомъ и вынулъ цѣлый пакетъ векселей. Отецъ мой сталъ внимательно разсматривать ихъ, между-тѣмъ какъ несчастный нѣмой съ невыразимою боязнью слѣдилъ за каждымъ движеніемъ его физиономіи. Измаилъ вдругъ остановился на одномъ векселѣ; долго и съ особеннымъ вниманіемъ разсматривалъ его.—Прекрасно, Ровоамъ!... сказалъ онъ наконецъ: подпись Пибльса и сыновей—совершенно!... За это ты получишь сегодня вечеромъ рюмку водки, Ровоамъ!... Ты скоро усовершенствуешься, продолжалъ отецъ мой, отложивъ всторону около полу-дюжины векселей и возвративъ остальные нѣмому: еще нѣсколько мѣсяцевъ ревностнаго, неусыпнаго труда и ты достигнешь совершенства. Ну, прощай! Пойдемъ, Сюзина.... Прощай, Ровоамъ, сказала я нѣмому: я буду навѣщать тебя.

« Ровоамъ опустилъ голову и прижалъ руку къ сердцу.

«— Я вижу, Сюзина, говорилъ мнѣ отецъ, когда мы вступили въ бель-этажъ: что ты сожалѣешь о нѣмомъ; напрасно! Знай, что свѣтъ такъ устроенъ: сильный управляетъ слабымъ и извлекаетъ изъ него всевозможную пользу.... состраданіе не хорошій, бесполезный недостатокъ.... притомъ же Ровоамъ мой рабъ. Впрочемъ, поговоримъ лучше о другомъ: смотри, Сузанна, не сказывай никому о томъ, что ты сегодня видѣла, иначе я погибну!....

« Я до-сихъ-поръ не могу понять причины преданности нѣмага къ отцу моему. У него были подъ руками ору-

жя, которыми онъ могъ защищаться противъ Изманла, но ему никогда и въ голову не приходило употребить ихъ. Въ путешествіяхъ нашихъ по Франціи, въ Италиі, на Востокъ, Ровоамъ имѣлъ тысячу средствъ бѣжать — но онъ не бѣжалъ. Рабство его было нѣкоторымъ образомъ добровольное. Отецъ мой имѣлъ надъ нимъ неограниченную власть.

« Мы пробыли еще съ полгода въ Лондонѣ. Я часто навѣщала бѣднаго нѣмаго. Однажды онъ былъ нѣсколько веселѣе обыкновеннаго — вѣроятно, отецъ мой былъ доволенъ его работой. Когда я вошла, онъ взялъ меня за руку, подвелъ къ тоалету и взявъ одну изъ банокъ, находившихся на немъ, показалъ мнѣ знаками, чтобы я закрыла глаза. Надобно сказать вамъ, милордъ, что смуглое лицо Ровоама было чрезвычайно выразительно; волосы и борода его были черны, какъ смоль.

« Минуты двѣ спустя, Ровоамъ коснулся руки моей. Я открыла глаза и со страхомъ отступила отъ него. Повѣрите ли, милордъ, что я не узнала бѣднаго нѣмаго?... Съ нимъ произошла волшебная перемѣна. Смуглое лицо его приняло блѣдный цвѣтъ.... подобный цвѣту лица сэра Эдмонда Мекензи.... Я не могу найти лучшаго сравненія.

— Опять Эдмонда Мекензи! произнесъ съ изумленіемъ Бріанъ.

« Глаза нѣмаго, продолжала Сузанна, потеряли блескъ свой, черные волосы разсыпались блѣдными, льняными кудрями по плечамъ.... эта перемѣна смягчила дикое выраженіе лица его, сдѣлавъ его незначительнымъ....

— Это удивительно! вскричалъ Бріанъ, которымъ овладѣла странная идея; но продолжайте, Сузанна.... я надѣюсь, что сегодня будетъ послѣдняя глава фантастическаго романа вашей жизни.... вы займете въ свѣтѣ то мѣсто, котораго достойны, и, если это только можетъ зависѣть отъ званія, то вы будете счастливы....

Взвормъ, исполненнымъ, нѣжнѣйшей любви, Сузанна поблагодарила Бріана за эти слова, и, промолчавъ нѣсколько секундъ, продолжала:

« Ровоамъ тайно радовался моему изумленію и старался объяснить знаками, что въ банкѣ заключалась вся тай-

на его преобразованіи.... вдругъ онъ вздрогнулъ и глаза его со страхомъ обратились къ двери. Измаилъ стоялъ на порогахъ.

«— Что это значитъ? спросилъ онъ, нахмуривъ брови.— Это я просила Ровоама... начала я.— Аги, Сюзан, аги, ласково сказала Измаилъ: это очень хорошо; что жъ ты краснѣешь?... А ты, нѣмой чортъ, продолжалъ онъ, дернувъ нѣмага за волосы: ты въ этомъ видѣ еще безобразнѣе.... не бойся, животное! Я самъ хотѣлъ когда-нибудь показать Сузанинѣ свой секретъ.... за который многіе дорого бы заплатили.... да не въ томъ дѣло теперь: покажи мнѣ, что ты сдѣлалъ; мы приближаемся къ цѣли и скоро должны будемъ ѣхать. Хочешь ли быть пажомъ Сузанны?»

« Ровоамъ улыбнулся, оскаливъ зубы.... ко мнѣ одной онъ питалъ искреннюю привязанность.

« Черезъ нѣсколько дней мы отпавились во Францію. Въ первый разъ я увидала безграничное море и поняла величіе Господа!... Измаилъ замѣтилъ это и сталъ болѣе прежняго богохульствовать; но всѣ старанія его развратить мою душу, были тщетны.... я была создана, чтобы любить Творца Вселенной!...

« Я не стану распространяться насчетъ нашего путешествія по Франціи, по Италіи и на Востокѣ. Мы пробыли четырегода за границей. Главною цѣлью этого путешествія было для отца моего, обращеніе фальшивыхъ векселей въ наличныя деньги; ему удалось, и вы, вѣроятно, слышали о суматохѣ, происшедшей на лондонской биржѣ, когда туда дошли извѣстія объ этой преступной продѣлкѣ. Ни малѣйшее подозрѣніе не пало на моего отца, а онъ пустился въ ходъ фальшивыхъ векселей болѣе, чѣмъ на пятьдесятъ тысячъ фунтовъ стерлинговъ.

« Наконецъ мы воротились въ Лондонъ. Я была уже взрослой дѣвушкой и Измаилъ считалъ меня зрѣлою для гнусныхъ замысловъ своихъ: онъ хотѣлъ продать меня...

При послѣднихъ словахъ грудь Сузанны высоко поднялась, щеки ея поблѣднѣли и изъ черныхъ глазъ сверкнула молнія.

« Не знаю, продолжала она, на что бы я рѣшилась, если бы тотчасъ поняла намѣренія Измаила. Но я была

слишкомъ неопытна.... Когда же онъ объяснилъ, чего требовалъ отъ меня, то я была уже сильна, непобѣдима: я любила васъ!....

«Первой заботой моего отца, по возвращеніи въ Лондонъ, было возобновленіе роскошнаго игорнаго дому въ Лейчестеръ-Скверъ. Я по-прежнему оставалась одна дома.

«Я помню, это было весной. Деревья начинали уже зеленѣть. Погрузившись въ неясныя мечты, наполняющія умъ молодыхъ дѣвушекъ, я прогуливалась по саду. Вдругъ послышался шумъ въ передней. Странный случай... быть-можетъ, судьба заставила меня посмотрѣть откуда происходилъ этотъ шумъ. Вы, милордъ, вошли въ переднюю. Лакеи отца моего преградили вамъ дорогу.... вы не сердились, черты ваши сохранили спокойную гордость, несмотря на то, послѣ нѣкоторыхъ повелительныхъ словъ, которыя вы произнесли, лакеи почтительно отступили. Это удивило меня, потому что я не-разъ была свидѣтельницей дерзости этихъ лакеевъ... Когда вы вошли въ контору Измаила, я стала къ окну, чтобы видѣть васъ, не бывъ замѣченною... Когда вы удалились, мнѣ стало грустно.... я заплакала.... съ этого дня судьба моего сердца рѣшилась—я любила васъ вѣчною любовью!

«Съ-тѣхъ-поръ, Бріанъ, я не знала покою ни днемъ, ни ночью. Вашъ образъ носился передо мною и на яву, и во снѣ'.... Я потомъ долго не видала васъ—однако жъ всё ждала. Во второй разъ я встрѣтила васъ въ паркѣ. Я издали узнала васъ въ толпѣ джентльменовъ, наполнявшихъ аллею и сердце мое стремилось къ вамъ. Вы ѣхали на красивой, арабской лошади; на груди у васъ была камелия, та самая, милордъ, которую я хранила въ медальонѣ. При неожиданномъ движеніи лошади, цвѣтокъ этотъ упалъ; вы не обратили на то вниманія.... Я подняла его.

«Между-тѣмъ устройство игорнаго дому было кончено. Часть главной залы была отдѣлена широкимъ занавѣсомъ, и высокимъ и плотнымъ балюстрадомъ. Измаилъ придумалъ театральнѣйшій эффектъ, чтобы больше заманить къ себѣ знатнѣйшую и богатѣйшую публику Лондона. Однажды вечеромъ отецъ взялъ меня съ собою. Когда я вступила въ залу, то теплый воздухъ и шумъ разговоровъ

такъ сильно подѣйствовали на мои нервы, что я невольно и со страхомъ прижалась къ отцу.— Не бойся, сказалъ онъ мнѣ: тебя никто не видитъ; вѣдь мы за занавѣсомъ. Сядись, Сюзи, за Фортепиано и пой....

«Я повиновалась и послѣ минутнаго отдыха коснулась пальцами до клавишей. За драпировкой послышался ропотъ неудовольствія.— Эй, Спенсеръ, закричалъ одинъ изъ игроковъ: уволь насъ отъ концерта.— Это довольно глупая выдумка.— Играй и пой, Сюзи, сказалъ мнѣ потомъ отецъ.

«Я запѣла сначала холодно и методически, какъ-бы передъ учителемъ пѣнія; но вскорѣ увлеклась и излила въ страстныхъ звукахъ всю свою душу. Я забыла гдѣ находилась, забыла окружавшіе меня предметы и пѣла для себя....— Хорошо, чудесно, мило, Сюзи! сказалъ тихимъ голосомъ Изманлъ, когда я кончила, и въ то же мгновеніе громкія рукоплесканія раздались въ залѣ.

« Браво, браво! кричали игроки. Это Малибранъ! — Это помолодѣвшая Каталани! — Это Паста!—Я вамъ скажу, *très chers*, произнесъ тоненькій голосокъ, что это Гризи.... о! Вы не знаете Гризи, кромѣ шутокъ....

«Отецъ мой смѣялся и потиралъ руки. — Милорды, сказалъ онъ громкимъ голосомъ, это не Малибранъ, не Каталани, не Паста и не Гризи!—Кто же это, мистеръ Спенсеръ? Это *Сирена*, милорды!

«По залѣ разнесся глухой, общій говоръ, превратившійся вскорѣ въ громкія восклицанія. Игроки хотѣли видѣть меня и требовали, чтобы Изманлъ открылъ занавѣсъ:— Милорды, отвѣчалъ мой отецъ, мнѣ жаль, что я долженъ отказать вамъ, но Сирены вы не увидите.— Я заплачу сто фунтовъ стерлинговъ, чтобъ видѣть ее! вскричалъ кто-то за занавѣсомъ.— Пять сотъ! сказалъ другой голосъ.— Славно! говорилъ отецъ мой, съ радостью потирая руки: выдумка моя чудесна!—Тысячу фунтовъ! закричалъ еще кто-то.— Невозможно, милорды, отвѣчалъ Изманлъ; тѣмъ болѣе, что Сирена уже удалась.— Когда же мы ее опять услышимъ? — Завтра, милорды. Съ этими словами отецъ взялъ меня за руку и увелъ съ собою домой.

« На слѣдующій вечеръ, въ залѣ игорнаго дому не было довольно мѣста для помѣщенія толпы, привлеченной любопытствомъ. Я опять стала пѣть. Слушатели опрокинули балюстрады, отдернули занавѣсъ, но Измаиль успѣлъ уже увлечь меня. Эта таинственность сильно возбуждала любопытство лордовъ. Весь Лондонъ заговорилъ обо мнѣ....

« Сузанна, сказалъ мнѣ однажды отецъ, ты будешь счастлива. Я хочу, чтобы между лордами, апплодирующими тебѣ каждый вечеръ, ты выбрала одного....

« Я не поняла словъ его, однако жъ они произвели на меня непріятное, тягостное впечатлѣніе. По требованію отца, я должна была нарядиться съ особенною роскошью. Мы вошли въ игорный домъ. По шуму за занавѣсомъ, можно было судить о множествѣ собравшагося парода.— Ступай сюда, Сюзи, сказалъ Измаиль, подводя меня къ маленькому, едва замѣтному отверзтію въ складкѣ драпировки: приложи глазъ къ этому отверзтію..... вотъ такъ.... не бойся же; тебя никто не видитъ.... смотри и выбирай!—Выбирать? Я васъ не понимаю.... сказала я.— Довольно! отвѣчалъ онъ, нахмуривъ брови и топнувъ ногою: ты должна меня понять, или горе тебѣ!.... Смотри и слушай!.... И приложивъ глазъ къ другому отверзтію, Измаиль сталъ вычислять мнѣ богатства и титулы знатнѣйшихъ изъ собравшихся гостей.... Послѣ cadaго объясненія онъ спрашивалъ, нравится ли мнѣ тотъ, о которомъ онъ говорилъ и не получая отвѣта, переходилъ къ другому.... Я молчала, милордъ, и не отводила взору отъ отверзтія, потому что въ этой раззолоченной толпѣ надѣялась увидѣть васъ.— Вотъ онъ! вотъ онъ! внезапно вскричалъ Измаиль, коснувшись руки моей: смотри Сюзи, направо....

« Я посмотрѣла.... вы, милордъ, вошли въ залу....

— Я! вскричалъ Брианъ съ изумленіемъ.

«— Вы, милордъ.... но увы! Измаиль показывалъ мнѣ не васъ.... О! вскричала я, обратившись къ нему: не обманываете ли вы меня?.....

«— Нѣтъ.... отвѣчалъ Измаиль, пристально посмотрѣвъ на меня: но развѣ ты его знаешь?—Знаю ли я его! вскри-

чала я со слезами радости на глазахъ.—Э! да это чудесно! проворчалъ отецъ; однако надо признаться, что у молодыхъ дѣвушекъ иногда престранный вкусъ!... кто бы подумалъ?... Пойду, приведу сюда его сіятельство....

«Онъ пошелъ къ двери, но на порогѣ остановился какъ-бы въ нерѣшимости и, воротившись ко мнѣ, спросилъ:—Однако, миссъ Сюзи, нѣтъ ли тутъ недоразумѣнія? Я тебѣ говорю о высокомъ князѣ, увѣщенномъ орденами, который сейчасъ вошелъ въ залу....

«Я съ ужасомъ посмотрѣла на отца и не будучи въ состояніи произнести ни одного слова, обратилась къ нему съ умоляющимъ взоромъ.—А-га, сказалъ онъ, нахмуривъ брови: понимаю, мы играемъ въ загадки.... а о комъ ты говорила, Сюзи?—Я говорила о Бріанѣ Личестерѣ.—О... Бріанѣ! вскричалъ отецъ съ рѣзкимъ смѣхомъ: ха, ха, ха! Это чрезвычайно забавно!.... Но развѣ ты не знаешь, что у него нѣтъ ни одного пени?... Полно дурачиться и приготовься-ка лучше принять князя...—Какое дѣло до меня этому князю? спросила я съ негодованіемъ.—Это онъ тебѣ самъ объяснить, отвѣчалъ съ пріятной улыбкой Изманлъ.—Я не хочу видѣть его, не хочу говорить съ нимъ!—Ты должна! произнесъ онъ грознымъ, повелительнымъ голосомъ: я его сейчасъ приведу....—Я не хочу видѣть его! повторила я, собравъ послѣднія силы, которые придавало мнѣ ваше присутствіе, Бріанъ.

«Пальцы Изманла какъ-бы вонзились въ мою руку; глаза его сверкали адскимъ огнемъ; онъ приблизилъ лицо свое къ моему.—Знаешь ли ты, проговорилъ онъ задыхающимся отъ бѣшенства голосомъ: знаешь ли, что ты принадлежишь мнѣ.... мнѣ одному.... знаешь ли ты.... что я могу убить тебя? Но я не убью тебя, а продамъ!.... Слышишь? продамъ!.... не сопротивляйся, или я поступлю съ тобою, какъ я поступалъ съ Темперенсой, какъ поступалъ съ Ровоамомъ!...

«Бріанъ, присутствіе ваше придадо мнѣ неизмѣримую твердость и силу. Я тогда уже принадлежала вамъ всею душою и потому даже послѣднія угрозы Изманла не устранили меня.—Вы можете убить меня, отвѣчала я: но не заставите согласиться на ваши требованія.—Такъ я жѣ:

убью тебя! вскричалъ онъ въ пароксизмѣ страшной, звѣрской ярости: я убью тебя... не съ-разу... но по-мадевно.... ты умрешь въ невыразимыхъ страданіяхъ... Какой демонъ внушилъ тебѣ сопротивленіе, несчастная!.... Онъ стеръ платкомъ пѣну, выступившую на губахъ его, прошелся по комнатѣ и, насильно улыбаясь, подошелъ ко мнѣ: — Я самъ такъ же неблагоразуменъ какъ и вы, миссъ Сюзи, продолжалъ онъ, стараясь казаться спокойнымъ: это смѣшно!... Слушай, мы оба неправы; поговоримъ разсудительно: я прощу тебя о бездѣлицѣ — зачѣмъ ты не соглашаешься?

« — Вы хотите отдать меня одному человѣку, между тѣмъ какъ я хочу принадлежать другому. — Ты хочешь! повторилъ онъ, сдѣла удерживая свое бѣшенство: но ты забываешь, что я отецъ твой? — Не забываю. — Слѣдовательно ты должна повиноваться! — Не хочу.

«Измаилъ судорожно сжалъ кулаки и впрелся по комнатѣ. — Миссъ Сузанна, сказалъ онъ холодно и проницательно: ты очень добродѣтельная дѣвушка; тѣмъ лучше.... для князя, который черезъ десять минутъ будетъ здѣсь.... до свиданія, миссъ Сузанна! Сказавъ послѣднія слова, онъ поспѣшно удалился.

«Я хотѣла кричать, но не могла; хотѣла бѣжать — ноги не повиновались мнѣ.... свинцовая тяжесть лежала на груди моей.... Я еще разъ посмотрѣла въ отверстіе. Измаилъ подошелъ къ князю и сказалъ ему нѣсколько словъ на-ухо. Князь улыбнулся и глаза его обратились къ драпировкѣ.... Это спасло меня, милордъ!... Я вскочила, выбѣжала изъ комнаты, двери были не заперты и минутой спустя, я очутилась на улицѣ.... Я бѣжала до-тѣхъ-поръ, пока не упала безъ чувствъ на холодную мостовую....

«Я не знала куда идти. Легкое бальное платье не защищало меня отъ пронзительнаго холоду; я была одна, ночью, въ незнакомой мнѣ улицѣ.... Несмотря на все это, я была счастлива что спаслась отъ угрожавшей мнѣ опасности.... я была счастлива, потому что думала о васъ; я была такъ счастлива, что даже забыла что у меня не было никакого убѣжища въ Лондонѣ и что завтра же на мнѣ разразится страшный гнѣвъ Измаила! Я забыла о бу-

дущемъ и позвавъ извощика, велѣла отвезти себя въ Гудменсъ-Фильдсъ, гдѣ, какъ вы знаете, былъ домъ моего отца.

— Какъ! вскричалъ Бріанъ: вы воротились въ домъ этого изверга?

« — Я уже сказала вамъ, продолжала Сузанна, что не думала о будущемъ. Изманлъ не возвращался еще, когда я пріѣхала домой. Въ-мѣсто-того, чтобы идти въ свою комнату, я прямо отправилась къ Ровоаму. Онъ спалъ на полу. Когда я разбудила его, онъ быстро вскочилъ и знаками выражалъ изумленіе, что я пришла такъ поздно. Я рассказывала ему все. Брови нѣмаго нахмурились, кулаки его судорожно сжались..... онъ подумалъ съ минуту, потомъ взявъ меня за руку, указалъ мнѣ углубленіе въ стѣнѣ, за перегородкой. Я поняла его и спряталась въ это углубленіе. Ровоамъ сѣлъ на полъ и погрузился въ глубокую задумчивость.....

«Около одиннадцати часовъ утра, мы услышали шагъ Изманла; я притаилась въ уголку, а нѣмой сѣлъ къ столу и принялся за работу. Изманлъ вошелъ.

« — Досадно! ворчалъ онъ, запирая за собою дверь: досадно!.... Князь хочетъ, чтобы я ему возвратилъ задатокъ..... какъ бы не такъ! Я не привыкъ отдавать!.... Ты, нѣмой чортъ! продолжалъ онъ, обратившись къ Ровоаму: прорисуй мнѣ этотъ вексель..... смотри, не испорти оригинала или я разможу тебѣ голову!

«Ровоамъ дрожалъ всѣмъ тѣломъ. Онъ искалъ ножки и не находилъ; ему не удавалось очинить пера. Изманлъ между-тѣмъ прохаживался взадъ и впередъ по комнатѣ. Молчаніе продолжалось около четверти часа.

« — Скоро ли ты кончишь? спросилъ отецъ мой, оставившись у стола..... Я слышала, какъ стулъ, на которомъ сидѣлъ нѣмой, задрожалъ и поняла, что Ровоамъ сдѣлалъ ошибку. — Злодѣй! вскричалъ съ бѣшенствомъ Изманлъ: я говорю, чтобъ ты берегъ вексель!.... О, ты дорого заплатишь мнѣ за это!....

«Вотъ что случилось. Отецъ мой далъ Ровоаму списать подпись князя, чтобы, вѣроятно, при случаѣ воспользоваться ею. Но бѣдный нѣмой совершенно растерялся и,

прорисовывая подпись, проводилъ по ней не обыкновенно назначеннымъ на то инструментомъ, но острой гравёрной иглой, которая прорѣзала бумагу.

«Измаилъ былъ ужасенъ. Глаза его налились кровью; мускулы лица судорожно двигались, губы его раскрылись, выставивъ на-показъ рядъ сжатыхъ, скрежетавшихъ зубовъ. Я думала, что насталъ послѣдній часъ нѣмаго, который стоялъ неподвижно, какъ статуя..... только капли холоднаго поту, катившіяся по лбу его, свидѣтельствовали о томъ, что въ немъ сохранилась еще жизнь.

«Простоявъ съ минуту передъ своей жертвой, какъ-бы готовясь растерзать ее собственными руками, отецъ мой бросился къ стѣнѣ, сорвалъ съ нее плеть со свинцомъ и въ ту же минуту стулъ Ровоама задрожалъ..... Я закрыла глаза..... я слышала, какъ удары сыпались на спину несчастнаго..... о, какъ я страдала, милордъ!

«Вдругъ дикій вопль вырвался изъ груди несчастнаго. Я невольно открыла глаза. Однимъ скачкомъ Ровоамъ очутился передъ своимъ учителемъ, завязалась страшная борьба.... только слышалось глухое хрипѣніе нѣмаго и удары плети.... Минуты двѣ спустя Измаилъ лежалъ на полу; Ровоамъ сдвинулъ ему горло, уперъ одно колѣно въ грудь и оскаливъ длинные, бѣлые зубы, дико смѣялся.... Рукою, которая была у него свободна, нѣмой сорвалъ со стѣны длинную веревку и связалъ моему отцу руки и ноги.

«Я все видѣла, милордъ, и не могла пошевелинуться.... ужасъ оковалъ члены мои.... мнѣ казалось что я нахожусь подъ вліяніемъ страшнаго сна....

«Связавъ Измаила, Ровоамъ дико вскрикнулъ, бросился къ двери и исчезъ. Нѣсколько минутъ спустя онъ воротился. За нимъ слѣдовали полицейскій чиновникъ и два констебля....

«Вбѣжавъ въ комнату, нѣмой съ судорожною живостью сталъ указывать на всѣ подозрительныя вещи, находившіяся въ мастерской моего отца. Чиновникъ, слѣдовавшій за нимъ, былъ не высокъ ростомъ и худощавъ. На носу его были тяжелые серебряныя очки; онъ окинулъ быстрымъ взглядомъ всю комнату и взявъ стулъ,

сѣгъ возлѣ связаннаго Изманла, котораго Ровоамъ вытащилъ на середину комнаты.

«А-га!... здоровы ли вы, мистеръ Спенсеръ, сказалъ комиссаръ: мы съ вами старые знакомые!... Нечего сказать, вы затѣяли плохую шутку.... плохую, нечего сказать! Улика на лицо.... мнѣ остается только запечатать эту комнату.... въ которой вы собрали коллекцію самыхъ любопытныхъ вещей, нечего сказать!... А потомъ вы пожалуете за мною въ тюрьму, мистеръ Спенсеръ. Развяжите ему ноги, продолжалъ онъ, обратившись къ констеблямъ: только рукъ не развязывайте!...

Между-тѣмъ нѣмой вывелъ меня изъ-за перегородки. Увидѣвъ меня, Изманлъ нахмурилъ брови и бросилъ на Ровоама страшный взглядъ, но не произнесъ ни слова.

«Это что за дѣвица? спросилъ комиссаръ: отвѣчай, нѣмой, что это за дѣвица? Ты молчишь.... въ тюрьму ее!

«Констебли подошли-было ко мнѣ, но Ровоамъ преградилъ имъ дорогу, и показывалъ имъ что-то знаками.

«Что онъ размахиваетъ какъ телеграфъ, сказалъ комиссаръ; я готовъ биться объ закладъ, что всѣ знаки его что-нибудь да значать.... Говори, другъ мой, ясиѣ.

Ровоамъ приложилъ мою руку къ своему сердцу.

«— А-га! вотъ что.... сказалъ чиповникъ; это дѣло другое, только.... я всё-еще не понимаю.

«— Развѣ вы не понимаете, что онъ хочетъ объяснить вамъ, что эта дѣвушка его дочь? сказалъ Изманлъ, небрежно пожавъ плечами.

«— Покорно васъ благодарю, мистеръ Спенсеръ, теперь я понимаю; теперь я совершенно понимаю, что эта дѣвица дочь нѣмага—такъ, что ли? Следовательно, мы не имѣемъ права арестовать ее.

«Мы вышли изъ мастерской. Констебли повели моего отца. Комиссаръ заперъ дверь и приложилъ къ ней печать. Я не знала еще, что ожидало Изманла. Холодное спокойствіе его и въ-особенности шутки человека, который арестовалъ его, не позволяли мнѣ думать, что дѣло шло о жизни моего отца. Его увели. Я осталась въ домѣ съ нѣмымъ и побѣжденная усталостью опустилась на диванъ, гдѣ пролежала нѣсколько минутъ въ забытіи. Когда

я опять открыла глаза, Ровоамъ въ невыразимомъ волненіи прохаживался по комнатѣ. Мѣсто дикой радости на лицѣ его заступило выраженіе глубокаго раскаянія. Онъ ударялъ себя кулакомъ въ грудь и плакалъ какъ ребенокъ. Я уже говорила вамъ, что онъ связанъ былъ съ новымъ отцомъ какими-то таинственными узами, которыя одно крайнее бѣшенство могло разорвать. Опомившись, онъ раскаивался въ проступкѣ своемъ и плакалъ. Увидѣвъ, что я пришла въ себя, онъ бросился ко мнѣ и ударилъ по карманамъ, наполненнымъ золотомъ, повлекъ меня къ двери. Я не сопротивлялась.... ничтѣ не удерживало меня болѣе въ этомъ домѣ....»

Герцогиня де-Жевръ всё спала. Ничтѣ не могло разбудить ее, ни то, что лодка Робинзона сгорѣла, ни то, что онъ не могъ сдѣлать себѣ порядочной трубки, ни дожди, продолжающіеся три мѣсяца сряду, ни даже.... Несмотря на то, она проснулась!... Она проснулась, потому что увидѣла на пескѣ слѣды человѣческихъ ногъ.... дрожь пробѣжала по всему тѣлу ея.... тщетно закрывалась она зонтикомъ изъ кожи кенгуру.... слѣды человѣческихъ ногъ были передъ нею, явственны, страшны, грозны.... И такъ герцогиня де-Жевръ проснулась. Она съ ужасомъ посмотрѣла вокругъ себя, и не увидѣла ни пальмовыхъ, ни кокосовыхъ деревьевъ. Было темно. Она протерла глаза и опомнилась.

— Ну! проворчала она съ досадой: хороша же я! проспала все это время; я думаю, часа два будетъ. Племянница моя Богъ вѣсть чтѣ нагородила взбалмошному Ленчестеру. Хорошо еще, что здѣсь нѣтъ мошенника Тирреля!...

Кто-то съ силой сжалъ ея руку.

— Мошенникъ Тиррель здѣсь! произнесъ шопотомъ слѣпой.

Герцогиня вздрогнула и чуть не закричала. Тиррель зажалъ ей ротъ.

— Вы здѣсь, милордъ! Клянусь вамъ....

— Молчать! Ты хорошо сдѣлала, Маудленъ, что заснула.... потому что здѣсь дѣло шло о такихъ вещахъ, о которыхъ тебѣ не зачѣмъ и знать....

— Милордъ, простите....

— Молчи, глупая! Неужели ты думаешь, что я сержусь на тебя? мнѣ не до тебя!... Не мѣшай мнѣ слушать и спать, пожалуй, сколько хочешь....

Слуга принесъ свѣчи въ гостинную, гдѣ сидѣли Брианъ и Сузанна.

«Исторія моя приближается къ концу, продолжала послѣдняя. Ровоамъ нанялъ небольшую квартиру, близъ ньюгетской тюрьмы, гдѣ сидѣлъ отецъ мой. Ровоамъ унесъ весьма значительную сумму, большую часть которой употреблялъ на то, чтобы облегчить участь Измаила. Бѣдный нѣмой горько раскаявался; онъ, казалось, сожалѣлъ о времени своего рабства, и готовъ былъ отдать жизнь, чтобы спасти мучителя, который терзалъ его вирожденіи столькихъ лѣтъ.

«Я не могу опредѣлить, сколько дней провели мы въ нашей маленькой квартиркѣ. Однажды утромъ за нами пришли полисмены и повели насъ въ Ольдъ-Бейлей. Въ залѣ судилища насъ заставили поцѣловать книгу, которой я ни разу не видала въ домѣ моего отца — библию, милордъ....

«Насъ стали допрашивать. Ровоамъ на всѣ вопросы дѣлалъ отрицательные знаки; я же подтверждала всѣ обвиненія, не понимая знаковъ, которые дѣлалъ мнѣ бѣдный нѣмой.

«По окончаніи допроса, я инстинктивно обратила взоръ къ скамьѣ осужденныхъ, на которой сидѣлъ отецъ мой. Онъ ласково и съ улыбкой кивнулъ мнѣ головою. На лицѣ его выражалось совершенное спокойствіе.

«Приступили къ обвинительному акту; изъ него я узнала, что кромѣ подѣлки векселей, отецъ мой занимался грабежомъ и разбоемъ.... Неправда ли, милордъ, это ужасно!... Обвинитель кончилъ рѣчь своею воззваніемъ къ судьямъ, энергически требуя, чтобы смертный приговоръ былъ произнесенъ.

«Защитникъ Измаила всталъ. То былъ молодой человекъ, свѣженкій, краснощекій.

— Молодой человекъ, сказалъ ему Измаилъ съ вѣскою дерзостью: я вполне увѣренъ, что рѣчь ваша прекрасна; но, право, не нуждаюсь въ вашей защитѣ и не вижу

зачѣмъ мы будемъ по пустому терять драгоценное время.

«— Смирно! вскричалъ альдерманъ, ударивъ молоткомъ по столу.

«Адвокатъ не отвѣчалъ ни слова, но обратившись къ судьямъ, началъ рѣчь свою съ полною увѣренностью что онъ фактически докажетъ невинность обвиненнаго. Слова эти обрадовали меня, я стала надѣяться....

«Надежда моя была не продолжительна. Молодой человѣкъ говорилъ почти два часа сряду, но совсѣмъ не о процессѣ моего отца. Онъ разсказалъ про несчастія народа израильскаго въ Египтѣ, про Фараоновъ, и перешелъ чрезъ Черное Море. Потомъ, говоря о поддѣлкахъ, онъ сталъ доказывать, что гравюра на деревѣ изобрѣтена въ XV столѣтіи и что каллиграфія нѣкогда замѣняла книгопечатаніе....

«Когда онъ кончилъ, между слушателями пронесся одобрительный ропотъ. Всѣ находили, что рѣчь молодаго адвоката была прекрасна; родные его проливали радостныя слезы....

«Наступило молчаніе. Судьи перешептывались между собою и, наконецъ, одинъ изъ нихъ всталъ и произнесъ смертный приговоръ.... въ то же самое время родные и знакомые молодаго адвоката обнимали и цѣловали его, поздравляя съ блистательнымъ изначаломъ.... Неправда ли, милордъ, это смѣшно и жалко?...

«Отецъ мой спокойно выслушалъ приговоръ. Глухой вопль вырвался изъ груди Ровоама....

«Два дня спустя неизвѣстный человѣкъ принесъ мнѣ записку слѣдующаго содержанія:

«Я хотѣлъ осчастливить тебя, Сузанна; если бѣ неглупецъ Ровоамъ, лондонская аристократія воздвигла бы Сирень тронъ, ступени къ которому были бы изъ чистаго золота.

«Теперь все кончено. Впрочемъ, кто знаетъ, что ожидаетъ насъ въ будущемъ?...

«Скажи Ровоаму, чтобы онъ прислалъ ко мнѣ сегодня же доктора Мура, и чтобы послѣдній принесъ съ собою кинжалъ.

«Вриходи, Сузанна, въ четвергъ рано утромъ въ Ольдъ-Бейлей.... приходи непременно! Это моя воля, послѣдняя моя воля! Ты увидишь чудное зрѣлище; чтобъ и Ровоамъ пришелъ съ тобою; скажи ему, чтобы

онъ наблюдалъ за малѣйшими мими движениями. Онъ будетъ жить душою.

« До свиданія, Сюзан; ты хороша собою, слѣдовательно, будешь богата, когда захочешь; постарайся захотѣть по-скорѣе ».

« Когда я прочла письмо Ровоаму, на лицѣ его выразилась радость — онъ надѣялся спасти Измаила. »

« На канунѣ дня, назначеннаго отцомъ моимъ, Ровоамъ разбудилъ меня въ полночь. Я поспѣшно одѣлась. Мы вышли изъ дому. На широкой, мрачной Ольдь-Бейлейской улицѣ не было ни души. Только сверху слышался тихій говоръ. Я посмотрѣла и сначала не могла ничего различить, но когда глаза мои привыкли къ темнотѣ, я замѣтила у оконъ множество дамъ и мужчинъ; на крышахъ сидѣли слуги и служанки, изъ слуховыхъ оконъ торчали головы дѣтей. »

« Всѣ эти люди чего-то ждали. Они откупили мѣста за дорогую цѣну. Всѣ были веселы. Простой народъ насвистывалъ народныя пѣсни; леди и джентльмены разговаривали и шутили. »

« Около часу толпа работниковъ собралась на площадкѣ, близъ которой я остановилась съ Ровоамомъ. Началась суматоха; бросали доски, вколачивали гвозди.... При каждомъ ударѣ молотка бѣдный нѣмой вздрагивалъ. Я всё-еще не понимала, хотя свинцовая тяжесть легла на грудь мою. Я не могла отдать себѣ отчета въ томъ, что происходило вокругъ меня.... между-тѣмъ площадка болѣе и болѣе покрывалась народомъ.... я слышала, какъ окружавшіе завидовали нашему мѣсту! »

« Стало свѣтать и вскорѣ я замѣтила передъ собою черную массу эшафота, на которомъ была устроена висѣлица; плотники исчезли. Направо и налево колеблалась толпа, нетерпѣливо жаловавшаяся на холодъ и медленность съ которою проходило время. »

« Утро было сѣрое, туманное. Пробило половина седьмого. Настала мертвая тишина, прерываемая только погребальнымъ колокольнымъ звономъ. Въ то же время два челоуѣка въ черномъ платьѣ поднялись на эшафотъ и поставили на эстраду какой-то длинный ящикъ.... Нѣсколь-

но минутъ спустя отворились ворота тюрьмы. Вниманіе толпы удвоилось....

« Изъ воротъ вышелъ священникъ съ библіей въ рукахъ. За нимъ шелъ Изманлъ. Онъ былъ блѣденъ, но на лицѣ его не замѣтно было ни безпокойста, ни страху. Твердымъ шагомъ поднялся онъ на лѣстницу и остановился на эстрадѣ.

« Руки его были связаны на спинѣ крѣпкой веревкой, вонецъ которой было обвить около голой шеи его.

«— Вотъ онъ, вотъ онъ!.... Экой разбойникъ!... говорить, онъ ѣлъ живыхъ людей!... раздались голоса въ толпѣ.

«— Въ то же самое время надо мною, у окна бель-этажа, какая-то дама, закутанная въ красивую шубу, навела на Изманла лорнетъ и произнесла довольно явственно:

«— Какія славныя плечи у этого человѣка.

« Увидѣвъ длинный ящикъ, гробъ свой, отецъ мой презрительно оттолкнулъ его ногою и гордымъ взглядомъ окинулъ толпу.

«— Это закоренѣлый злодѣй! послышалось въ толпѣ.

«— Какія у него чудесныя формы! произнесла дама.

« Священникъ сталъ разсѣянно читать что-то изъ Библіи. Изманлъ не слушалъ его. Вдругъ—я не замѣтила откуда—явился за осужденнымъ палачи.... На сосѣдней колокольнѣ всё-еще раздавался погребальный звонъ. Тогда съ жаднымъ любопытствомъ не спускала взора съ эшафота. Я замѣтила, что глаза отца моего обратились къ окну одного дома и онъ сдѣлалъ едва замѣтное движеніе головою. Потомъ онъ сталъ искать кого-то въ толпѣ; взоръ его остановился на насъ и на лицѣ его выразилась дикая радость при видѣ Ровоама, который, рыдая, простиралъ къ нему руки. Увидѣвъ меня, отецъ ласково кивнулъ головою.

« Палачъ принесъ лѣстницу и приставилъ ее къ висѣлицѣ; поднявшись по ней, онъ прикрѣпилъ конецъ веревки, обвитой около шеи Изманла.... оставалось только выдернуть гвоздь, удерживавшій люкъ, на которомъ стоялъ осужденный....

« Всѣ разговоры прекратились.... настала мертвая ти-

шина.... слышалось только тяжелое дыханіе нѣсколькихъ тысячъ любопытныхъ зрителей.... въ это самое время солнце, прорѣзавъ туманъ, бросило красноватый свѣтъ на верхушки домовъ, къ которымъ было обращено лицо моего отца.... онъ вздрогнулъ.... минутная грусть выразилась на лицѣ его, онъ оглянулся, чтобы взглянуть въ послѣдній разъ на солнце, но оно скрывалось еще за высокими стѣнами ньюгетской тюрьмы.... Измаилъ опустилъ голову...

«— Не унывай! произнесъ кто-то громкимъ, протяжнымъ голосомъ.

« Всѣ взоры обратились въ ту сторону, откуда послышался голосъ; отецъ мой гордо поднялъ голову и сдѣлалъ знакъ Ровоаму. Не медля ни минуты нѣмой бросился къ эшафоту, опрокинулъ полицменовъ и очутился возлѣ моего отца. Веревки, вѣроятно, уже прежде подрѣзанныя, упали съ рукъ его... Толпа, пораженная изумленіемъ и забывъ всю ненависть свою къ тому, котораго она за нѣсколько минутъ называла закоренѣлымъ злодѣемъ, рукоплескала и прежній голосъ повторилъ:— Не унывай!

« Движеніе Ровоама было столь быстро, что никто не успѣлъ остановить его. Палачъ, пораженный ужасомъ, не могъ тронуться съ мѣста, и потомъ со страхомъ сбѣжалъ съ эшафета. Я думаю, милордъ, что отецъ мой могъ бы спастись, потому что безсмысленная толпа, за нѣсколько минутъ проклинавшая его, обратила теперь всю ненависть свою на полицію.

« Но онъ не думалъ о бѣгствѣ. Онъ не даято призывалъ Ровоама. Въ ту самую минуту, когда веревки спали съ рукъ, Измаилъ выхватилъ изъ-за пазухи коротенькій кинжалъ, вѣроятно, принесенный ему докторомъ Мурѣ и вонзилъ его въ грудь нѣмаго.... Ровоамъ палъ мертвый между отцомъ и палачомъ *!

« Измаилъ обратился въ ту сторону, откуда дважды слышался голосъ и поднявъ надъ головою кинжалъ, воскликнулъ съ торжествующимъ видомъ:

— Благодарю, милордъ!

« По толпѣ пронесся продолжительный крикъ ужаса.

« На церковной башнѣ пробило осемь часовъ. Палачъ,

* Это фактъ — не вымыселъ.

богѣ по привычкѣ, нежели по размышленію, придавить дружину; люкъ опустился, веревка натянулась и Измаиль по поясъ исчезъ въ отверстіи, открывшемся подъ его ногами.... лицо его искривилось, но вскорѣ всѣ мускулы пришли въ прежнее положеніе.... натянутая веревка покачивалась.... и на концѣ ея вертѣлся безжизненный трупъ... Это было ужасно, милордъ! Ноги мои подкосились.... Я закрыла глаза.... ледянистая рука сжала мое сердце... Я ничего не видѣла и не слышала....»

Въ темной каморкѣ старая Француженка дрожала отъ ужасу. Тиррель произносилъ невнятные слова и какъ-бы невольно поднесъ руку къ шеѣ....

— Да, я повѣрю, что это было ужасное зрѣлище! проворчалъ онъ: веревка на шеѣ.... Маудленъ, можешь ли ты себѣ представить какъ это больно?....

Маудленъ посмотрѣла на него съ изумленіемъ.

— Нѣтъ, отвѣчала она невольно усмѣхнувшись: не могу! А вы, милордъ?

— Я? произнесъ Тиррель задыхающимся голосомъ.... Я?... О, Маудленъ, я повѣрю, что ужасно было смотрѣть на трупъ, который виситъ на веревкѣ!....

«Когда я пришла въ себя, Бріанъ, продолжала Сузана: солнце стояло уже высоко на небѣ. Мрачный эшафотъ исчезъ, толпа разсѣялась.... мнѣ сначала казалось, что все это было одинъ сонъ, ужасный сонъ, но вскорѣ я пришла въ себя и припомнила малѣйшія обстоятельства кровавой сцены! Я была одна на свѣтѣ, съ которымъ не была знакома... Я воротилась домой и нѣсколько дней не выходила изъ своей комнатки.

«Однажды, хозяйка квартиры пришла ко мнѣ за деньгами. У меня ничего не было. Меня выгнали изъ дому.

«Не имѣя ни знакомыхъ, ни пристанища, я бродила целый день по огромному городу. Къ вечеру голодъ сталъ мучить меня.... голова моя отяжелѣла, отуманенные глаза невольно закрывались.... ноги отказывались служить мнѣ, и я готова была упасть, какъ кто-то схватилъ меня за руку и поддержалъ.... Изумленіе возвратило зрѣніе глазъ моихъ. Я увидѣла возлѣ себя двухъ молодыхъ дѣвицъ, которыхъ велъ подъ руки джентельменъ, не мно-

гнать старѣе ихъ. Я никогда не забуду прелестныхъ лицъ этихъ молодыхъ дѣвушекъ, милордъ. Сколько доброты было у нихъ во взглядѣ! сколько сострадательности и очаровательныхъ личикахъ!

«— Что съ этой дѣвушкой? спросила одна изъ нихъ кивнымъ голосомъ.

«— Она умираетъ съ-голоду! сказалъ молодой джентльменъ, внимательно посмотрѣвъ на меня.

«— Съ-голоду! повторили съ ужасомъ молодыя дѣвушки.

« Старшая обняла меня одною рукою; у младшей были слезы на глазахъ.

«— О, возьмите ее съ собою, къ намъ! провознесла онѣ вѣсть.

« Молодой человекъ продолжалъ смотрѣть на меня. На лицѣ его была написана доброта; но доброта осторожная, обдуманная, не согласовывалась съ его дѣтями.

«— Нельзя, Анна, возразилъ онъ, нельзя, Клара!... Мы можемъ взять этой дѣвушки съ собою!... но мы можемъ и должны помочь ей. Съ послѣдними словами онъ вынулъ изъ кармана двѣ золотыя монеты и положилъ мнѣ ихъ въ руку.

«— Этого мало! вскричали молодыя дѣвушки, и въ то же мгновеніе опустили два кошелька въ карманъ моего передника.

« Я послѣ того не встрѣчала болѣе этихъ двухъ словъ; но прелестныя лица и имена ихъ запечатлѣлись въ моемъ сердцѣ и я молю Бога, чтобы онъ доставилъ мнѣ когда-нибудь случай отплатить имъ за все добро, которое онѣ мнѣ сдѣлали!... Я купила себѣ хлѣба и нашла пристанище. Когда деньги мои вышли, я стала пѣть у дверей таверны—прохожіе бросали мнѣ монеты, на которыя я покупала себѣ хлѣба; но такъ какъ около меня собралась толпа, то полиція запретила мнѣ пѣть.

« Тогда впервые, Брианъ, овладѣла живою мыслью о самоубійствѣ. Не имѣя никакой надежды въ будущемъ, я рѣшилась умереть и пошла къ Темзѣ.... По дорогѣ, уставшая, изнеможенная, я опустилась на крылечко таверны. Хозяйка хотѣла сначала прогнать меня, но замѣтивъ, что я умираю,

роша собою и нуждаясь въ служанкѣ, она приняла меня къ себѣ въ услуженіе....»

Сузанна рассказала объ ужасной жизни, которую она вела въ тавернѣ, исправляла самыя грубыя работы и терпѣла ежеминутно отъ злобы бранчивой хозяйки. Она дошла до того воскресенья, когда мистриссъ Бёрнетъ ударила ее въ лицо.

«— Я опять направила шаги къ Темзѣ, продолжала она, и въ то самое время, когда готовилась исполнить преступленіе, я встрѣтила слѣнца Тирреля.

— О-го! проворчала Француженка, удвоивъ вниманіе.

Тиррель молчалъ.

«Я уже прежде замѣтила, что глаза слѣнца, съ особеннымъ вниманіемъ обращались на меня.... лицо его поразило меня.... но въ то время, когда онъ остановилъ меня, свѣтъ изъ сосѣднаго дому палъ на его лицо и мнѣ показалось....»

Маленькая Француженка наклонила голову впередъ, чтобы лучше разслышать слова Сузанны, но въ то же мгновеніе руки слѣнца закрыли ея уши....

«Мнѣ показалось, что я вижу тѣнь моего отца! произнесла. Сузанна съ невольнымъ трепетомъ.

— Странно! сказалъ Бріанъ задумчиво: о! тутъ есть какая-то мрачная тайна, которую я провищу!

Тиррель презрительно пожалъ плечами и освободилъ уши герцогини де-Жевръ.

Сузанна рассказала о прибытіи своемъ въ Винмоль-Стритъ, о роскоши, которою ее окружали и объ угрозахъ, которыя ей дѣлали. Она рассказала о сценѣ, сыгранной у лестоли Персеваля и произнесла даже таинственный пароль «ночной джентльменъ».

Кончивъ, Сузанна обратилась къ Ленчестеру, устремивъ на него черные глаза свои и сказала тихимъ голосомъ:

— Теперь вы знаете всю жизнь мою, милордъ: я ничего не скрыла отъ васъ; я открыла вамъ душу свою.... скажите, смѣю ли я еще любить васъ?....

Бріанъ не отвѣчалъ. Слезинки выкатились изъ-подъ шелковыхъ рѣсницъ красавицы.

— Милордъ, произнесла она, я жду....

Бріанъ вздрогнулъ и страстно прижалъ руку Сузанны къ своимъ губамъ.

— Сузанна, сказалъ онъ съ нѣжною почтительностью: человекъ, которому вы дарите любовь вашу, долженъ гордиться ею передъ цѣлымъ свѣтомъ.... Вы страдали.... но чистота сердца вашего не была запятнана грязнымъ прикосновеніемъ порока, которымъ вы были окружены.... О! Господь даровалъ вамъ столь же прекрасную душу, какъ и лицо!... Бріанъ преклонилъ одно колѣно и продолжалъ: — Хотите ли вы быть женою Ленчестера?

— Хочу ли, милордъ! произнесла Сузанна, не находя словъ, чтобы выразить свою радость.

— Пойдемте, вскричалъ Бріанъ: вы ни минуты болѣе не должны оставаться въ этомъ домѣ.... Вы познакомились съ графиней Дѣрби; она дастъ вамъ убѣжище до-тѣхъ-поръ, пока я не получу права быть единственнымъ вашимъ покровителемъ и защитникомъ. Пойдемте!....

— Я готова, отвѣчала Сузанна съ невыразимою радостью.

Въ это самое мгновеніе дверь растворилась и на порогѣ явился слѣпецъ Тиррель. За нимъ были четыре человека, съ рѣшительными и отчаянными фізіономіями.

— Милордъ, сказалъ слѣпецъ: вы одни вошли въ этотъ домъ и выйдете изъ него одни.

Испуганная Сузанна схватила руку Бріана: онъ тихо отклонилъ ее. Глаза его сверкали, лицо было грозно и онъ какъ-бы вызывалъ на бой противниковъ. Однако, побѣдивъ негодованіе, онъ сказалъ довольно спокойнымъ голосомъ:

— Хорошо, сэръ Эдмондъ, я выйду одинъ.... до свиданія, миледи....

Онъ скоро вышелъ изъ дому и направилъ шаги къ полицейской конторѣ. Переговоривъ нѣсколько минутъ съ Бріаномъ, комиссаръ далъ ему констебля и нѣсколько человекъ полисменовъ.

Полчаса спустя констебль стучался у дому подъ номеромъ девятымъ, въ Вимполь-Стритъ, и именемъ короля требовалъ, чтобы ему отворили.

— Да хранить Господь его высочество, отвѣчалъ кто-

то насмѣшливымъ тономъ изъ окна перваго этажа. Окно закрылось. Минуто спустя открылась дверь.

Полицейскіе вошли въ домъ съ необходимою осторожностью. Никто не вышелъ къ нимъ на встрѣчу. Шкафы были открыты, мебель въ безпорядкѣ, какъ-бы послѣ скорого, внезапнаго отъѣзду. Полисмены обыскали весь домъ отъ кровли до погребовъ. Нигдѣ не нашли ни хозяйна, ни слугъ. Домъ былъ пустъ.

За кабинетомъ маркиза Рио-Санто, находилась небольшая комнатка, меблированная не съ тою роскошью, какою отличались прочіе покои великолѣпнаго дому, но съ большимъ комфортомъ. Между двумя окнами, густые занавѣсы которыхъ доходили до полу, висѣлъ женскій портретъ. Противъ портрета стояла кровать; за занавѣсками ея слышалось тяжелое, лихорадочное дыханіе больного. Лампа, покрытая серебрянымъ колпакомъ, горѣла на столѣ, и свѣтъ ея тускнѣлъ при первыхъ лучахъ восходящаго солнца, пробивавшихся сквозь занавѣсы. Рио-Санто сидѣлъ возлѣ постели на креслѣ. Когда пламя лампы вспыхивало, то можно было замѣтить въ глубинѣ алькова, блѣдное и худощавое лицо больного, лежавшаго на постели. Онъ не спалъ. Глаза его, то красные и блестящіе, то тусклые и безжизненные, были страшны въ глубокихъ впадинахъ своихъ. Маркизь съ безпокойствомъ посматривалъ на больного. Онъ былъ блѣденъ и всеобщее утомленіе, вмѣстѣ съ горькою печалью, рисовалось на лицѣ его.

Въ сосѣдней комнатѣ пробило семь часовъ. Рио-Санто обратился къ окну.

— Еще бессонная ночь послѣ дня, проведеннаго въ праздности, проговорилъ онъ: этотъ человекъ говорить правду.... Онъ убьетъ меня!

Больной сдѣлалъ судорожное движеніе. Маркизь поспѣшно всталъ и провелъ по лицу его платкомъ, смоченнымъ въ свѣжую воду и уксусъ.

— Обѣ!... обѣ!... простоналъ больной.

— Обѣ!.. повторилъ Рио-Санто, какъ-бы стараясь про-

честь на лицѣ больного объясненіе этого слова: вотъ уже шесть дней, какъ онъ безпрестанно твердить эти слова.... я не могу понять его мысли.... Рио-Санто закрылъ лицо руками и продолжалъ съ уныніемъ:—а моя мысль!.... моя мысль!.... продолженіи пятнадцати лѣтъ я не потерялъ ни одного часу, а теперь цѣлые шесть дней сижу въ бездѣйствіи.... теперь, когда каждый день жизни моей стоитъ году!.... Бѣдный Энджусъ!... онъ страдаетъ и я самъ долженъ пещись о немъ.... вѣдь онъ братъ той, которую годы не могли меня заставить забыть!.... между-тѣмъ я отдалъ бы годъ жизни своей за двадцать четыре часа свободы!... О, какъ счастливы тѣ люди, которые могутъ идти къ цѣли своей прямо, съ поднятою головою и не скрываясь.... сколько препятствій надо было мнѣ преодолѣть и сколько жизни своей изтратилъ я на удовлетвореніе низкихъ страстей.... Чтобы воротить потерянное время, я долженъ идти впередъ.... но вотъ явился человѣкъ, останавливающій меня близъ самой цѣли.... человѣкъ, который мнѣ почти братъ, видъ котораго раждаетъ во мнѣ угрызения совѣсти.... человѣкъ, которому извѣстны тайны мои!...

— Видѣлъ, видѣлъ! сказалъ глухимъ голосомъ Макъ-Ферлэнъ: видѣлъ кровавую рану.... и таинственный голосъ шепнулъ мнѣ: «Онъ долженъ умереть отъ твоей руки!»

— Умереть отъ твоей руки.... повторилъ тихимъ голосомъ Рио-Санто: о! это была бы ужасная казнь.... но я не смѣлъ бы жаловаться....

Наступило продолжительное молчаніе. Дневной свѣтъ все болѣе и болѣе боролся со свѣтомъ лампы....

— Дунканъ! вскричалъ вдругъ ледянымъ голосомъ: Дунканъ! сѣдай моего добраго вороного коня; я долженъ ѣхать за-рѣку, въ Лондонъ, чтобы убить Ферджуса О'Брина, убійцу брата моего Макъ-Наба!

— Я осѣдаю вороного коня твоего, Макъ-Ферлэнъ, отвѣчалъ маркизъ съ кротостью: но вѣдь и Ферджусъ О'Бринъ тебѣ братъ....

— Правда, промолвись съ болѣзненнымъ трепетомъ большимъ: правда! тогда у меня не будетъ ни брата, ни ... Боже

май! обѣ, обѣ!... Голова его тяжело опустилась на подушки; нѣсколько минут спустя онъ продолжалъ насмѣшливо:—Ріо-Санто!... я знаю его.... вздоръ! Это не Ріо-Санто, а Ферджусъ, тевиотъ-дельскій разбойникъ, убійца.... котораго я щажу, потому что нѣкогда любилъ.... но я предпочту малодушіе свое.... я исполню приказаніе таинственнаго голоса.... сѣдай моего коня, Дунканъ!...

Ріо-Санто слушалъ его съ грустью. По причинѣ нескромнаго бреда Макъ-Ферлэна, онъ не рѣшался отойти отъ его постели.... никто не долженъ былъ узнать тайнъ, которыя открывалъ лихорадочный бредъ....

Лердъ приподнялся на постели—выраженіе блѣднаго лица и блуждающихъ глазъ его было ужасно. Ріо-Санто вздохнулъ, засучилъ рукава и затянулъ крѣпче поясъ своего бархатнаго халата, какъ бы готовясь къ отчаянной борьбѣ.

Лердъ запѣлъ тихимъ голосомъ шотландскую балладу... мало-по-мало выпученные глаза его наливались кровью, судорожно согнутые пальцы, какъ когти, раздирали одѣяло; пѣна покрывала губы и все тѣло Энджуса дрожало....

Ріо-Санто уже зналъ эти признаки. Впродолженіи шести дней онъ каждый день, по нѣскольку разъ, долженъ былъ бороться съ лердомъ, который хотѣлъ выскочить изъ окна вслѣдъ за похитителемъ. Ріо-Санто, утомленный безсонными ночами столько же, какъ и страшной борьбой съ человѣкомъ, подкрѣпляемымъ неестественной силой горячки, чувствовалъ, что скоро силы измѣнятся ему.

Вдругъ въ груди лерда послышалось хрипѣніе; онъ отбросилъ одѣяло, обнаживъ страшно исхудавшія ноги, покрытыя волосами....

— Вотъ онъ! вотъ онъ! закричалъ онъ: обѣ!... въ лодкѣ.... я догоню ихъ! Онъ хотѣлъ броситься къ окну, но маркизъ остановилъ его. Тогда Макъ-Ферлэнъ испустилъ страшный вопль, глаза его наполнились кровью и ногти видѣлись въ шлестъ маркиза. Началась отчаянная борьба, во время которой слышалось только яростное хрипѣніе большого и тяжелое дыханіе маркиза.... послѣднему удалось наконецъ повалить Энджуса на постель, но въ то самое время, когда Ріо-Санто, воображая что борьба кончилась,

хотѣлъ перевести дыханіе, лердъ вскочилъ, и ухватилъ обѣими руками за горло маркиза, дико вскрикнувъ.

Ріо-Санто былъ побѣжденъ.... онъ не могъ ни защищаться, ни позвать на помощь. Онъ не лишился чувствъ, но звѣрское давленіе рукъ, обвитыхъ около шеи его, уничтожило въ немъ инстинктъ самосохраненія. Съ быстротою молніи вся прошедшая жизнь, всѣ мечты, всѣ привязанности промелькнули въ головѣ его.... онъ понималъ, что послѣдній часъ его наступилъ и, желая усладить его, припоминалъ счастливѣйшія минуты своей жизни....

Энджусъ, думая, что держитъ въ рукахъ похитителя дочерей свскихъ, дико смѣялся и давилъ всё крѣпче и крѣпче....

Какъ-бы прощаясь съ жизнью, маркизъ произнесъ шопотомъ:

— Марія!

Энджусъ вздрогнулъ и освободилъ шею Ріо-Санто.

— Марія! повторилъ онъ: кто говоритъ объ Маріи?

Ріо-Санто не отвѣчалъ.... онъ уже не дышалъ....

Макъ-Ферлонъ взглянулъ на него, отскочилъ и вскричалъ съ гнѣвомъ:

— Ферджусъ О'Бринъ!... котораго я убилъ.... Вѣчно это ужасное видѣніе.... Онъ отворотилъ голову съ ужасомъ и взоръ его упалъ на портретъ, висѣвшій между окнами:—Марія! продолжалъ онъ тихимъ голосомъ: вотъ она!... добрая сестра моя Марія.... она не видитъ меня, а нето обняла бы уже стараго своего брата.... да, я старъ.... а какъ она еще хороша и молода, не смотря на всѣ страданія....

Холодъ охватилъ обнаженные ноги больного и съ видомъ ребенка, пойманнаго въ шалости, онъ сталъ отступать къ постели, произнося умоляющимъ голосомъ:

— Прости, Марія, милая сестра.... не сердись.... я сейчасъ лягу.... я искалъ воды.... меня мучитъ жажда.... Зачѣмъ не осѣдали воронаго коня? Я хотѣлъ ѣхать въ Лондонъ, повидаться съ дѣтьми и.... убить Ферджуса о'Брина, убійцу моего брата, Макъ-Наба, прибавилъ онъ шопотомъ. Подойдя къ постели, онъ наступилъ на плечо маркиза. Энджусъ съ ужасомъ вскочилъ на постель, за-

крылъ лицо руками, вскричалъ глухимъ голосомъ: Боже! вѣчно это страшное видѣніе!... и безъ чувствъ упалъ на подушки.

Настала глубокая, страшная тишина.

Минуту спустя послышался легкій шумъ въ глубинѣ алькова.... медленно раздвинулась маленькая, незамѣтная потаенная дверь и въ отверстіи показалось блѣдное лицо доктора Муре.

Въ то самое время, когда онъ хотѣлъ переступить за порогъ, въ противоположной сторонѣ, у двери, щелкнулъ замокъ. Едва Муре успѣлъ задвинуть потаенную дверь, какъ въ комнату вбѣжалъ Анджело Бѣмбо. Слѣдовавшій за нимъ Ловели, стрѣлой бросился къ потаенной двери и громко залагалъ, потомъ воротившись къ трупѣ маркиза, сталъ кружиться около него съ жалобнымъ визгомъ.

Анджело сидѣлъ на коврѣ и поддерживалъ голову Ріо-Санто, сердце котораго не билось.

— Синьоры! говорилъ Бѣмбо съ боязнью: ради Бога, отвѣчайте! Что съ вами?... Вы запретили мнѣ приближаться къ этой комнатѣ, однако жъ я проводилъ дни и ночи за дверью.... о! зачѣмъ я удаллся на минуту!...

Бѣмбо былъ въ отчаяніи; онъ былъ еще молодъ и чувствовалъ сильно, горячо; онъ любилъ маркиза всею душою, потому что угадалъ нѣкоторые изъ тайныхъ и смѣлыхъ его замысловъ. Для него Ріо-Санто былъ идеаломъ прекраснаго, благороднаго, великаго. Несмотря на сношенія маркиза съ грязной, отвратительной толпой, составлявшей «большую лондонскую семью», которую Анджело презиралъ, онъ питалъ къ нему глубокое, ничѣмъ непоколебимое уваженіе. Толпа въ глазахъ Бѣмбо была орудіемъ, непріятнымъ, но необходимымъ для приведенія въ исполненіе замысловъ маркиза.

Появленіе Энджуса Макъ-Ферлена въ домѣ Ріо-Санто требуетъ краткаго объясненія.

Когда Бобъ-Лантернъ бросилъ зерда въ воду, въ немъ внезапно пробудился инстинкъ самосохраненія и не приходя еще совершенно въ себя, онъ какъ-бы машинально сдѣлалъ нѣсколько движеній и всплылъ на поверхность

воды. Минуту спустя, продолжая плыть, онъ открылъ глаза и посмотрѣлъ вокругъ себя....

Между-тѣмъ лодка Боба пристала къ берегу. На пристани дожидалась его карета, запряженная парой здоровыхъ лошадей. Лантернь подозвалъ кучера и вибствъ съ нимъ перенесъ молодыхъ дѣвушекъ въ карету, самъ усѣлся туда же и сказалъ кучеру куда ѣхать.

Сердце мало-по-мало приходило въ себя и плылъ къ берегу; только тамъ онъ припомнилъ все происшествіе, но уже было поздно!... по всей Теизѣ не видно было ни одной лодки. Ферджусъ находился въ близкихъ сношеніяхъ съ маркизомъ, а потому первую мыслью его было идти къ нему. Зная всѣ тайные проходы и закоулки дома Рио-Санто, онъ пробрался до самаго кабинета и тамъ, изнеможенный, упалъ безъ чувствъ на коверъ, у ногъ маркиза, проговоривъ еще разъ имена своихъ дочерей.

Съ того вечера Рио-Санто заперся въ комнатѣ, находившейся за кабинетомъ, ни куда не выходя и никого не принимая.

Съ того же вечера кавалеръ Анджело Бѣмбо не отходилъ отъ комнаты, гдѣ лежалъ больной. Онъ часто слышалъ глухіе, дикіе крики, которые однажды сдѣлались такъ сильны и были сопровождаемы такимъ страшнымъ шумомъ, что Анджело не вытерпѣлъ и вошелъ въ комнату.

Онъ увидѣлъ, что маркизь борется съ какимъ-то страшнымъ существомъ, живымъ трупомъ, котораго костлявыя, исхудавшія руки съ бѣшенствомъ обхватили противника. Первымъ движеніемъ молодаго Италіянца было броситься на помощь къ маркизу, но тотъ съ такимъ присутствіемъ духа и съ такою силой отражалъ нападенія фантастическаго существа, что Бѣмбо успокоился на его счетъ и не желая насильственнымъ образомъ сдѣлаться повѣреннымъ странной тайны маркиза, удалился такъ, что тотъ и не замѣтилъ его.

Впослѣдствіи Анджело былъ свидѣтелемъ каждой борьбы. Умъ его терялся въ догадкахъ. Кто былъ этотъ члвкъ? Вопросъ этотъ трудно было рѣшить.

Въ концѣ корридора, изъ котораго Бѣмбо не выхо-

диль, было окно на маленькій дворъ, окруженный выскою стѣной. За стѣной, противъ корридора, возвышался небѣленный каменный домъ, о которомъ во всемъ кварталѣ шла дурная молва. Говорили, что въ немъ нередко слышался шумъ ночныхъ оргій и запоздалый прехожій бывалъ пораженъ жалобнымъ крикомъ женщинъ.

Впродолженіи нѣсколькихъ уже лѣтъ домъ былъ необитаемъ; хозяинъ его, вѣроятно, состарѣлся и не имѣлъ ни прежней силы, ни прежней охоты къ развратной жизни, для которой домъ былъ какъ-нельзя удобнѣе расположенъ. Только изъ оконъ заднихъ покоевъ дому маркиза нескромный взглядъ могъ прорыгнуть во внутренность небѣленнаго дому.

Въ одно утро, солнце встало яснѣе обыкновеннаго и разогнало тяжелый туманъ, безпрестанно лежащій надъ Лондономъ. Бѣмбо сидѣлъ у окна корридора и печальный взоръ его былъ разсѣянно устремленъ на темно-красную массу, скрывавшую отъ него горизонтъ. Вдругъ на лицѣ его выразилось изумленіе.

Лучъ солнца, проникнувъ во внутренность противоположнаго дому, освѣтилъ молодую дѣвушку, спавшую въ бержеркѣ.

Она была очаровательна.... Бѣмбо былъ молодъ. Онъ глубоко вздохнулъ и старался отклонить взоръ отъ прелестнаго видѣнія.... Сонъ молодой дѣвушки былъ безпокоенъ. На блѣдномъ личикѣ ея выражалась усталость и грусть....

Это была Анна. Небѣленный домъ принадлежалъ графу Вейтъ-Манору.

Два дня прошло съ-тѣхъ-поръ какъ бѣдная дѣвушка вроснулася въ этой комнатѣ, изъ оконъ которой видна была только часть задняго фасаду дому маркиза и нѣсколько черныхъ вѣтвей полу-засохшихъ деревъ; два дня уже она не видала Клары, доброй своей тѣтки и Стѣфена!...

Комната, въ которой она находилась, была великолѣпна, убрана большими зеркалами и богатой мебелью. Кровать ея была украшена шелковыми занавѣсами съ блестящими отливками. На софѣ лежали богатые ткани, на туалетѣ драгоценныя бездѣлушки. Но бѣдная Анна равнодушно гля-

дѣла на окружавшую ее роскошь. Ей было страшно. Пращивавшія ей женщины, наводили на нее страхъ, а когда онѣ удалялись, уединеніе устрашало ее. Она много и долго плакала, вспоминая о Кларѣ и Стѣфенѣ. Она молилась Богу, провознося безпрестанно драгоценныя имена сестры и Стѣфена. Молитва утѣшала и укрѣпляла ее: безъ молитвы она бы умерла....

Съ того утра, кавалеръ Анджело Бѣмбо часто подходилъ къ маленькому окну. Онъ не умѣлъ еще защищаться отъ внезапныхъ впечатлѣній, печально овладѣвающихъ сердцемъ. Бѣмбо еще ни разу не любилъ такъ, какъ того желалъ и всѣ богатства души его обратились въ привязанность къ маркизу. Но теперь, чтѣ-то неясное, новое проникло въ сердце его..... онъ начиналъ любить.

Однажды утромъ, въ сумерки, Бѣмбо, сядя у окна и смотря въ окно противоположнаго дому, увидѣлъ нѣчто странное.

Анна спала въ бержеркѣ. Дверь отворилась и въ комнату вошли два человѣка. Одинъ несъ свѣчу, другой, закутанный въ теплый каррикъ на мѣху, слѣдовалъ за нимъ. Увидѣвъ Анну въ бержеркѣ, первый изъ вошедшихъ сдѣлалъ знакъ изумленія; однако жъ замѣтивъ, что она спала, онъ поднесъ свѣчу къ лицу молодой дѣвушки....

Анджело не спускалъ глазъ съ небѣснаго дому; онъ не могъ слышать разговора двухъ людей, но слѣдилъ за всѣми движеніями ихъ. Вотъ что между-тѣмъ происходило въ комнатѣ Анны, куда вошли Патерсонъ и графъ Вейтъ-Маноръ.

— Посмотрите, милордъ, вѣдь это сокровище! говорилъ управляющій: вы здѣсь въ безопасности.....

Графъ грустно покачалъ головой, глубоко вздохнулъ и сказалъ указавъ на окно:

— Я бы желалъ, чтобы окна были закрыты не прочной сѣткой, но крѣпкими желѣзными рѣшетками.....

— Зачѣмъ, ваше сіятельство? съ изумленіемъ прервалъ Патерсонъ.

— Чтобы вмѣсто этой глупой дѣвочки запереть сына отца моего! О, клянусь, онъ живой не выйдетъ бы отсюда!

Графъ произнесъ послѣднія слова съ страшной энергіей. Голосъ его дрожалъ.

— Опять этотъ проклятый Брианъ! подумалъ управляющій.

— Свѣтаетъ..... произнесъ графъ, вставъ въ прежнюю атакію; пойдѣмъ! пойдѣмъ, Патерсонъ..... на крыльцѣ, быть-можетъ, уже поджидаетъ меня смертельный врагъ мой..... пойдѣмъ!

Графъ былъ блѣденъ и скорыми, нетвердыми шагами пошелъ къ двери.

— Но, ради Бога, хотъ взгляните на неѣ, милордъ! сказалъ управитель съ отчаяніемъ: посмотрите какія ручки, какіе волосы!.... Гдѣ вы найдете талію, красивѣе этой? Взгляните, какою прелестною дугою очерчена бровь! А цвѣтъ лица? Цвѣтокъ, сущій розанъ!....

Люди, поставляющіе невольницъ въ гаремъ, должны быть великіе поэты. Графъ машинально воротился къ Аннѣ, приставилъ лорнетъ къ глазу и съ бессмысленнымъ равнодушіемъ евнуха сталъ смотрѣть на очаровательную дѣвушку.

— Не дурна, проворчалъ онъ, лѣниво опустивъ лорнетъ: въ другой разъ, Патерсонъ..... въ другой разъ.

Лордъ и управитель его удалились.

Анджело во все это время съ трудомъ переводилъ дыханіе. Онъ понималъ. Удаленіе этихъ людей сняло съ груди его свинцовую тяжесть. Ничто не казалось ему ужаснѣе, ненавистнѣе, отвратительнѣе лорнета челоѣка въ тепломъ каррикѣ. Воображеніе его стало придумывать средства для освобожденія молодой дѣвушки, которая казалась ему жертвой гнусныхъ замысловъ.

Прошло еще два дня. Бѣмбо, по обыкновенію своему, сидѣлъ у маленькаго окна. Анна спала въ бержеркѣ. Опять отворилась дверь и тѣ же люди вошли въ комнату.

Патерсонъ, не говоря ни слова, отдернулъ занавѣсы постели и открылъ одѣяло; потомъ подошелъ къ спавшей Аннѣ, какъ-бы готовясь взять ее на руки. На лбу Бѣмбо выступили крупныя капли холоднаго поту. Но графъ знающъ остановилъ Патерсона, который, почтительно поклонившись, вышелъ. Вейтъ-Маноръ наклонился и поднялъ

сложенную бумажку, упавшую съ постели, когда управитель открывалъ одѣяло.

Это обстоятельство не усвоило Бѣмбо; онъ судорожно сжалъ лобъ; что-то непреодолимое влекло его къ дому, въ которомъ готовилось преступленіе, но мысль покинуть маркиза, останавливала его. Онъ подошелъ къ двери и приложилъ глазъ къ замочной скважинѣ. Маркизъ сидѣлъ въ креслѣ, больной былъ спокоенъ.

Вотъ что между-тѣмъ происходило въ комнаткѣ Анны.

Разсѣянно бросивъ бумажку на столъ, графъ смотрѣлъ на молодую дѣвушку.

— О, если бѣ она могла полюбить меня! произнесъ онъ тихимъ голосомъ. Промолчавъ нѣсколько секундъ, онъ продолжалъ съ горечью: — Полюбить..... меня!.... Я богатъ и знатенъ..... Я былъ молодъ..... Говорили, что я хорошъ собою..... а кто любилъ меня? Единственная женщина, которую я любилъ, обожалъ..... которой я далъ свое имя, свое сердце, все!.... та женщина не любила меня..... она обманывала меня!.... Я не смѣлъ назвать дочь своею..... о! я прогналъ мать, я прогналъ ребенка!.... Я былъ правъ!.... Жестокая улыбка исказила блѣдное, худощавое лицо его. Послѣ минутнаго молчанія онъ продолжалъ: — Шестнадцать лѣтъ прошло съ-тѣхъ-поръ; я отдалъ ребенка человѣку безжалостному..... онъ каменной стѣной сталъ между матерью и дочерью..... Тѣмъ лучше!.... Она умерла, быть-можетъ, въ слезахъ..... тѣмъ лучше!.... Она, быть-можетъ, жива еще..... она страдаетъ, горюетъ..... тѣмъ лучше!... Взоръ его упалъ на Анну. — И она была молода и счастлива, когда я въ первый разъ увидалъ ее.... Я похитилъ ее. Я, лордъ Вейтъ-Маноръ, предложилъ руку свою дочери незначительнаго шотландскаго герца!.... Однако жъ она не любила меня..... она предпочла какого-то нищаго, презрѣннаго Ирландца..... о! зачѣмъ я не могъ встрѣтиться съ этимъ человѣкомъ и раздавить его какъ червя!....

Руки графа судорожно сжались. Лицо налилось кровью. Онъ прошелся нѣсколько разъ по комнатѣ въ сильномъ волненіи, остановился у стола и налилъ себѣ стаканъ вина, приготовленнаго управителемъ.

— Зачѣмъ вспоминать о прошедшемъ!.... Эта дѣвушка хороша и, по-крайней-мѣрѣ, почтенный братецъ не лишитъ меня предстоящаго мнѣ удовольствія..... Онъ съ шумомъ поставилъ стаканъ на столъ.

Анна проснулась, вскочила и съ ужасомъ вскрикнула.....

Но графъ уже не былъ опасенъ. Взоръ его опять упалъ на поднятую имъ бумажку; онъ машинально развернулъ ее и поблѣднѣлъ..... лицо его судорожно искривилось, онъ заскрежеталъ зубами и поднялъ сжатые кулаки.

— Опять! прохрипѣлъ онъ съ усиліемъ: опять онъ!

На бумажкѣ были написаны слѣдующія слова:

«Прекрасно, милордъ; я наблюдаю за вашими любовными похождениями.»

«Бріанъ Ленчестеръ.»

Мы знаемъ, что теперь Бріану было не до любовныхъ походовъ брата своего, слѣдовательно, записка эта давно уже была подкинута въ комнату, посвященную, какъ извѣстно было, любовнымъ интригамъ графа.

Но Вейтъ-Маноръ этого не зналъ. Онъ думалъ, что Бріанъ поджидалъ его, что слуги и Патерсонъ измѣняли ему, что онъ былъ окруженъ опасностями и врагами. Графъ въ изнеможеніи опустился на стулъ.

Анна, пораженная ужасомъ, не смѣла пошевеливаться, и не спускала глазъ съ лорда, который, смявъ бумажку, промолвилъ неясныя слова, проклятая преслѣдователя. Вдругъ онъ громовымъ голосомъ кликнулъ Патерсона.

Управитель явился.

— Ступай сюда! вскричалъ графъ, схвативъ за горлышко хрустальный графинъ съ виномъ.

Патерсонъ угадалъ намѣреніе господина своего и поспѣшно отступилъ къ двери. Въ эту самую минуту, какъ онъ перешелъ за порогъ, графинъ свиснулъ возлѣ самаго его уха и ударившись объ открытую половинку двери, разбился въдребезги.

Анна закрыла глаза.

— Ступай сюда! повторилъ графъ.

— Какъ бы не такъ! подумалъ Патерсонъ; у тебя еще стаканъ въ рукахъ; погоди маленько, сейчасъ свалишься!

какъ быкъ, котораго стукнуть по головѣ; тогда я войду!

Патерсонъ не ошибался. Когда Анна открыла глаза, Вейтъ-Маноръ лежалъ на полу въ конвульсіяхъ.....

Анджело Бѣмбо не видѣлъ этой сцены. Увѣрившись, что больной былъ спокоенъ, онъ взбѣжалъ наверхъ, гдѣ была комнатка его и поспѣшно зарядилъ пистолеты. Это заняло его на нѣсколько минутъ. Сойдя внизъ онъ опять посмотрѣлъ въ замочную скважину. Маркизь стоялъ передъ постелью и, казалось, съ безпокойствомъ смотрѣлъ на больного. Бѣмбо понялъ, что приближался кризисъ — онъ сталъ колебаться, но образъ бѣдной Анны представился ему.....

— Успѣю воротиться! сказалъ онъ, и быстро сбѣжалъ съ лѣстницы. Въ то самое время, когда онъ выходилъ на улицу, Энджусъ Макъ-Ферлэнъ хриплымъ, глухимъ голосомъ запѣлъ шотландскую балладу. Анджело перебѣжалъ черезъ улицу и увидѣлъ, что помощь его на этотъ разъ была не нужна. У крыльца небѣднаго дому стояла карета безъ герба. Двое слугъ укладывали въ нее человѣка въ тепломъ каррикѣ. Онъ, по видимому, былъ безъ чувствъ. Карета скоро уѣхала. Бѣмбо воротился домой; отсутствіе его продолжалось нѣсколько минутъ. Входя въ корридоръ, онъ увидѣлъ, что собака съ жалобнымъ визгомъ царапается въ дверь кабинета. Не размышляя, Бѣмбо отворилъ дверь и поспѣшно вбѣжалъ въ комнату больного....

Горестъ молодаго человѣка была неописанна. Собравъ всѣ силы, онъ поднялъ маркиза, перенесъ его въ кабинетъ и позвалъ слугъ.

— За докторомъ! скорѣе! закричалъ имъ Бѣмбо.

— Докторъ Муре здѣсь, отвѣчалъ одинъ изъ слугъ.

Бѣмбо нахмурилъ брови. Только теперь онъ замѣтилъ, что бумаги на письменномъ столѣ маркиза были въ безпорядкѣ; нѣкоторые ящики отворены и перерыты. Однако опасность была велика, время дорого и Анджело велѣлъ позвать доктора.

Муре спокойно посмотрѣлъ на безчувственнаго, не изъявивъ ни сожалѣнія, ни изумленія. Онъ пощупалъ сначала пульсъ его, потомъ шею и животъ.

— Ступайте вонъ! сказалъ онъ слугамъ, съ жаднымъ любопытствомъ слѣдившимъ за его движеніями.

Слуги повиновались.

— Сньюоръ, продолжалъ докторъ, обратившись къ Бѣмбо: я люблю оставаться наединѣ съ моими больными.

— Но, докторъ....

— Время дорого, сньюоръ....

— Скажите, по-крайней-мѣрѣ, есть ли надежда?

— Не скажу, сньюоръ.

Бѣмбо вспыхнулъ, но удержался и пошелъ къ двери.

— Сньюоръ, сказалъ ему вслѣдъ докторъ: уведите, пожалуйста, съ собою эту собаку; она мнѣ мѣшаетъ.

Довели не спускала глазъ съ доктора; замѣтивъ намѣреніе Анджело, собака хотѣла спрятаться подъ столъ, но молодой человѣкъ успѣлъ схватить ее за ошейникъ и утащилъ съ собою.

Докторъ заперъ за нимъ дверь на ключъ.

Странная улыбка, исполненная торжествующей гордости, выступила на лицѣ Муре, когда онъ воротился къ маркису.

— Потухъ гордый, могущественный взглядъ, сказалъ онъ, передъ которымъ я самъ столько разъ невольно трепеталъ!... Безъ тебя, Рио-Санто, я былъ бы первымъ въ нашемъ обществѣ, безъ тебя я бы управлялъ этой громадной и могущественной машиной, составляющей «большую семью»!... Рио-Санто! жизнь твоя въ моихъ рукахъ!... слышишь ли, я отказываюсь помогать тебѣ!... я произношу смертный приговоръ твой... Черезъ четверть часа Эдуардъ, отецъ «большой семьи», будетъ безжизненный трупъ.... тяжело будетъ лежать надъ «вашей честью» земля.... Но тайна его?... Если онъ умретъ, кто откроетъ мнѣ его тайну?... У этого человѣка есть какая-то обширная цѣль.... я долженъ узнать ее!...

Кто-то постучался въ дверь.

— Ради Бога, докторъ, сжальтесь надъ моимъ безпокойствомъ, произнесъ за дверью умоляющимъ голосомъ Бѣмбо: я жду!

— Ждите! холодно отвѣчалъ докторъ и тихими шагами

степень къ дери, прогнаною лондонской той, за которой нахо-
дился Анджело.

Мы считаемъ необходимымъ сказать здѣсь нѣсколько
словъ объ огромномъ обществѣ, известномъ въ Лондо-
нѣ подъ именемъ «семьи».

Общество это, существованіе котораго очень хорошо
известно полиціи, имѣетъ свою аристократію, свой средній
и низшій классъ. Члены первой называются «лордами», вто-
раго «джентльменами» и, наконецъ, послѣдніе просто «люд-
ми». Ими управляетъ «отецъ», котораго люди называютъ
«его честию» или собственнымъ именемъ, извѣливающимся
не со смертью начальника, но по какому-либо другимъ об-
стоятельствамъ. Около 1811 года «его честь» называли «Дже-
комъ» и впоследствии открылось, что это былъ лондон-
скій палачъ Джекъ-Кетч; нѣсколько лѣтъ спустя зачалъ
рядъ Эдуардовъ. Въ настоящемъ, 1844 году, «отецъ семьи»
известенъ подъ именемъ мандарина.

Въ 183.... году, во время управленія одного изъ «Эду-
ардовъ», семья неизвѣрно увеличилась и усилась. Зна-
чительныя покражи, между прочимъ вохищеніе коро-
нныя брилліантовъ, были приведены въ исполненіе на-
вели ужасъ на весь Лондонъ.

«Лорды» открыли случайно въ то время, что начальникъ
ихъ былъ не воръ. Если бы это извѣстіе дошло до «джентль-
меновъ» и «людей», то нѣтъ никакого сомнѣнія, что
они потребовали бы чтобы начальника ихъ смѣнили. Но
«лорды» молчали, тѣмъ болѣе, что они сами не постигли
замысловъ «отца».

Ріо-Санто былъ для нихъ загадкой. Куда онъ стремился?
Чего домогался? Эти вопросы особенно занимали гентль-
мановъ «лордовъ» и въ особенности, Тирреля и доктора Му-
ре. Первый получалъ отъ маркиза нѣкоторыя порученія,
причина и цѣль которыхъ были, рѣшительно, неизвестны.
Такъ напримѣръ Ріо-Санто поручилъ ему вышлани-
вать ежемѣсячно сто фунтовъ стерлинговъ Бріану Девин-
стеру, который не принадлежалъ къ обществу и не нахо-
дился ни въ какихъ особыхъ сношеніяхъ съ маркизомъ.

Муре, какъ докторъ начальника семьи, имѣлъ болѣе спе-
ціальную задачу узнать тайныя его замыслы; несмотря на то и на

дѣ старавія его мога пребываются жь истинахъ, маркизъ оставался для него загадкой. Впродолженіи шести дней, въ которые Рио-Санто ни гдѣ не показывался, любознательство доктора чрезвычайно возрасло. Узнавъ отъ слугъ, что маркизъ не входилъ даже въ кабинетъ, онъ тайкомъ пробрался туда; перерылъ нѣкоторые ящики, пересмотрѣлъ бумаги, но увы! послѣднія были или незначительны или написаны знаками, непонятными для него; нѣкоторыя изъ нихъ были даже исписаны китайскими и турецкими буквами. Докторъ не приходилъ въ себя отъ изумленія. Не шлѣ ли маркизъ въ Китаѣ и Турціи агентовъ, дѣйствовавшихъ въ пользу общества? Это мнѣніе показалось доктору довольно правдоподобнымъ и увеличило уваженіе его къ Рио-Санто. Однако жь онъ всё-таки не открылъ тайной мысли «отца».

Мы знаемъ уже, какое обстоятельство прервало поиски доктора. Желая продолжать ихъ и пользуясь состояніемъ, въ которомъ находился маркизъ, Муръ вошелъ въ комнату, къ больному лерду. Первый предметъ, поразившій взоръ его, былъ женскій портретъ. Крайнее изумленіе выразилось на лицѣ доктора.

— Чтѣ это значить? произнесъ онъ тихимъ голосомъ: — да, точно, это она!... Но зачѣмъ здѣсь портретъ графини Вейтъ-Маноръ?... Не понимаю!... Неужели Рио-Санто?... О нѣтъ, вѣдь онъ здѣсь не болѣе году.... это еще загадочнѣе.... но чтѣ это? человѣкъ!... Доктора увидѣтъ некудавшую ногу Энджуса, вышедшую изъ-подъ одеяла. Онъ подошелъ къ постели и приподнял занавѣсъ.

Энджусъ лежалъ спиной къ нему, и лицо его почти касалось стѣны. Инстинктъ врача преодолѣвалъ любопытство. Муръ пощупалъ пульсъ больного.

— Горячка, проговорилъ онъ невольно, по силѣ привычки: зачѣмъ меня не позвали раньше?... Но вѣдь меня никто не звалъ! продолжалъ онъ послѣ короткаго молчанія, и-наклонившись къ больному: лицо это мнѣ знакомо.... не помню гдѣ я видалъ этого человѣка.... Онъ умретъ, если ему не будетъ подана помощь!... Впрочемъ, это не мое дѣло.

Макъ-Фарландъ медленно повернулся.

— Жарко, сказалъ онъ едва слышнымъ голосомъ: отчего вода такъ горяча?... Отчего луна такая красная?... Все горитъ, горитъ!

Докторъ опять невольно пощупалъ пульсъ больного.

— Вотъ натура! проворчалъ онъ: этому человѣку и не нужна помощь!... Онъ самъ выздоровѣетъ.

— Ахъ! закричалъ больной, онъ исчезли.... объ! объ!

— Еще два или три кризиса, продолжалъ докторъ, не отпуская руки Энджуса: и онъ выздоровѣетъ.... удивительно!

— Сѣдай воронаго коня моего, Дунканъ! вскричалъ лордъ звучнымъ голосомъ: я поѣду въ Лондонъ, чтобы убить его!...

— Кого? невольно спросилъ Муре.

— Коня! коня! кричалъ повелительно лордъ, выскочивъ изъ постели.

Муре не испугался ни движенія, ни дикаго взгляда его. Онъ былъ докторъ.

— Тайный голосъ велитъ мнѣ убить Ферджуса О'Брина.... но мнѣ трудно это исполнить, потому что сестра моя, бѣдная Марія.... Всё-равно! Я убью его. Онъ убилъ брата моего, Макъ-Наба!

— Макъ-Наба! повторилъ докторъ съ изумленіемъ: это имя мнѣ знакомо....

— Кто мнѣ сказалъ, что его теперь зовутъ маркизомъ Рио-Санто?... Кто сказалъ? Ты, Дунканъ?

Докторъ вздрогнулъ при имени маркиза и удвоилъ вниманіе.

— Рио-Санто! повторилъ Энджусъ.... Сѣдай коня, Дунканъ! сѣдай моего добраго воронаго коня!... Я хочу ѣхать въ Лондонъ, исполнить приказаніе тайнаго голоса.

— Слѣдовательно, спросилъ докторъ, стараясь воротить больного къ прежнимъ идеямъ: слѣдовательно, Рио-Санто убійца?

Больной вздрогнулъ, подозрительно посмотрѣлъ на доктора и сказалъ:

— Это ложь!... Что вамъ надо?

Замѣтно было, что онъ на минуту пришелъ въ себя; но это было не продолжительно. Онъ показалъ доктору

кудакъ, поворчалъ что-то съ сердцемъ, вскочилъ въ постель и закутался въ одеяло.

— Уфъ! проворчалъ онъ, стуча зубами: какъ вода холодна!... Отчего луна такая зеленая?... О, холодно, холодно!... Потомъ онъ заплелъ тихимъ голосомъ шотландскую балладу.... Мало-по-мало голосъ его утихалъ и превратился въ неясный ропотъ....

Муре подождалъ еще нѣсколько минутъ, потомъ ударивъ себя рукою въ лобъ, сказалъ:

— А маркизъ!... Я его совсѣмъ забылъ!... живъ ли онъ?...

Докторъ быстро обернулся, но въ то же мгновеніе кто-то съ силой схватилъ его за руку.... Невыразимый ужасъ, обьялъ доктора..., колѣни его подогнулись и онъ упалъ на коверъ....

Передъ нимъ стоялъ Рио-Санто.

Поднявъ глаза, докторъ увидѣлъ на лицѣ маркиза несомнительные признаки частнаго расстройства мозга, дѣйствія котораго бываютъ различны. Рио-Санто совершенно пришелъ въ себя; рассудокъ его получилъ совершенную ясность, но мускулы языка были поражены временнымъ онѣмѣніемъ. Муре понялъ все это, понялъ опасность положенія своего и рѣшился убить врага, который всё-еще находился въ его власти.

Но Рио-Санто обладалъ сокровищами мужества и присутствія духа, которыхъ сильнѣйшія физическія страданія не могли истощить. Онъ засучилъ рукавъ бархатнаго своего халата и выразительнымъ знакомъ, показалъ доктору жилу, налившуюся кровью.

Твердый, спокойный взглядъ дотога подѣйствовалъ на доктора, что онъ невольно всталъ и вынулъ изъ кармана ланцетъ; но въ то самое время, когда онъ поднесъ его къ жилѣ маркиза, тотъ остановилъ руку доктора и пристально посмотрѣлъ на него.

Муре понялъ этотъ взглядъ и не говоря ни слова, засучилъ рукавъ свой и слегка кольнулъ себя въ руку.

Рио-Санто одобрительно кивнулъ головою. Минуту спустя изъ открытой жилы его брызнула кровь.

— Довольно! произнесъ онъ слабымъ голосомъ, по простествіи нѣсколькихъ секундъ.

Докторъ вадрогнувъ при звукѣхъ этого голоса: Рио-Санто былъ живъ и говорилъ—онъ опять опять тотъ поручиственный человѣкъ, вѣдь котораго все повиновалось. Муре самъ возвратилъ ему способность повѣлывать и наказывать. Однако жъ онъ умѣлъ скрыть страхъ свой и только невольно опустилъ глаза передъ Рио-Санто, важностивный взглядъ котораго оживлялся, между-тѣмъ какъ блѣдное лицо мало-по-мало принимало обыкновенное свое выраженіе.

Изъ жилы маркиза всё-еще текла кровь. Докторъ, предаваясь боязненнымъ размышленіямъ, забывалъ остановитъ ее.

— Довольно! повторилъ Рио-Санто, нахмуривъ брови и приложивъ руку къ сердцу: вы опять хотите меня убить!

Муре остановилъ кровь и сложилъ руки на груди. Онъ ждалъ приговора.

— Подайте мнѣ кресло, сказалъ Рио-Санто.

Докторъ поспѣшно повиновался. Маркизь тяжело опустился на подушку, закрылъ рукой глаза и оставался въ этомъ положеніи три или четыре минуты. По простествіи этого времени онъ поднялъ голову.

— Докторъ, сказалъ онъ спокойно, благодарю васъ, что вы нарушили тайну этого убѣжища.... теперь я знаю, что бѣдный больной находится въ опасности..... вѣдь вы сами сказали, что онъ выздоровѣетъ?

— Сказалъ, милордъ.

— Докторъ, продолжалъ маркизь: благодарю васъ еще за то, что вы открыли мнѣ всю вашу душу....

— Вы слышали?....

— Все, докторъ.... Вы завидуете мнѣ?... вы бы желли знать мою тайну....

— О, милордъ! произнесъ Муре умоляющимъ голосомъ:

— Не просите, прервалъ его Рио-Санто слабымъ голосомъ: не просите; я нисколько не сержусь на васъ.... только зависть ваша безразсудна... а тайна моя изъ тѣхъ, которыя не угадываются.... она подобна этимъ страницамъ, исписаннымъ неведомыми для васъ знаками; бумага эта

были въ рукахъ заперты, и докторъ, но вы не начинайте, потому что это ваше величайшее позоріе!

Въ послѣднихъ словахъ было такое холодное, неограниченное презрѣніе, что невинность еще сильнее зашилась въ груди доктора.

— Докторъ, продолжая Рио-Санто тѣмъ же тихимъ и слабымъ голосомъ, придавленнымъ еще болѣе своимъ выраженію презрѣнія: благодарю васъ также за то, что вы не убилъ меня:

Мире отступилъ на два шага. Послѣдніе слова какъ ударъ кнута обхватили его сердце. Онъ видѣлъ необычную поглѣбь.

— Смерть была бы для меня ужасна, сказалъ Рио-Санто, особенно теперь!... Повторяю, что я не сержусь на васъ... подожгите мнѣ подушку подъ ноги.... Простите, докторъ, продолжалъ маркизь, когда докторъ исполнилъ его приказаніе: простите, что я употребляю волю услужливости вашей... пройдите черезъ кабинетъ, и скажите Анджело... вы близки жестокости съ нимъ... скажите жъ ему, что вы спасли мнѣ жизнь.... онъ проститъ вамъ вашу грубость. Скажите еще моимъ людямъ.... Который теперь часъ, докторъ?

— Десять часовъ, мнордъ.

— Время дорого, но я еще слишкомъ слабъ, произнесъ маркизь про-себя: мнѣ надобно отдохнуть, по-крайней-мѣрѣ, полдня.... Скажите моимъ людямъ, чтобы къ четыремъ часамъ была готова карета.... Кавалеръ Анджело Бѣмбо поѣдетъ со мною. Потомъ воротитесь опять сюда.... мнѣ надо поговорить съ вами.

Идва докторъ переступилъ за порогъ, какъ съ гнѣвомъ пожавъ плечами, онъ произнесъ голосомъ, въ которомъ выражалась сильнѣйшая ненависть:

— Сосчитаемся еще, маркизь!....

— Ради Бога, докторъ, что новаго? вскричалъ Бѣмбо, бросившись къ нему на встрѣчу.

— Маркизь въ опасности, синьоръ.

— Въ опасности! повторялъ Бѣмбо съ радостью: Я дурно судилъ о васъ, докторъ: вы человекъ некорыстный и благородный!... извините меня и будьте увѣрены, что съ этой минуты я всей душой вамъ преданъ.

Докторъ холодно поклонился и пожалъ руку Бѣмбо.

— Я могъ сдѣлать больше, сказалъ онъ двусмысленно: но обстоятельства были таковы....

— Могу ли я видѣть маркиза? прервалъ его молодой человекъ.

— Нѣтъ еще..... милордъ поручилъ мнѣ сказать вамъ, чтобы къ четыремъ часамъ карета его была готова и что онъ намѣревается выѣхать съ вами.

— Выѣхать! вскричалъ съ радостью Анджело: но вѣдь это чудо! О, докторъ! Я удивляюсь вашему искусству!

— Напрасно, отвѣчалъ Муре, покачавъ головой: поверьте, сньюоръ, всѣмъ въ мнрѣ управляетъ случай.... глупецъ тотъ, кто не умѣетъ имъ пользоваться!

Докторъ воротился въ комнату лерда. Шумъ шаговъ его разбудилъ Рио-Санто, который начиналъ-было засыпать.

— Вотъ уже шесть дней, какъ я ничего не дѣлаю, ничего не знаю, сказалъ онъ: нѣтъ ли чего новаго, докторъ?

— Ваше продолжительное затворничество изумило всѣхъ; нѣкоторые изъ семьи нашей стали роптать.... Милордъ, думайте что хотите обо мнѣ, но я скажу вамъ съ глубокимъ убѣжденіемъ: безразсудны тѣ, которые хотятъ бороться съ вами!....

— Однако вы, докторъ, человекъ разсудительный, сказалъ спокойно Рио-Санто.

— Кто не ошибался въ жизнь свою, милордъ. Что же касается до меня, то я былъ вдвое безразсуденъ; во-первыхъ потому, что хотѣлъ убить васъ....

— А во-вторыхъ потому, что не убили, прервалъ его маркизъ.

— Во-вторыхъ потому, что не убилъ, смѣло повторилъ докторъ.

— Ну, что жъ, докторъ, небрежно замѣтилъ Рио-Санто: можетъ представиться другой случай. Я знаю, что вы не простите мнѣ. Мнѣ же некогда заниматься вами.... я по-прежнему буду полагаться на васъ....

— Эта довѣренность, милордъ.... началъ-было Муре, которому пришла охота притвориться раскаявающимся.

— Это не довѣренность, прервалъ его донъ Хосе. А

если шредь во мнѣ родится малѣйшее подозрѣніе, то я раздаю васъ, какъ червя.... Берегитесь!

— Милордъ! вскричалъ Муре съ лицемѣрнымъ чувствомъ: въ эту минуту одно доброе слово могло сдѣлать меня на-вѣки вашимъ рабомъ!

Ріо-Санто презрительно улыбнулся. Увидѣвъ, что маркизъ читалъ въ душѣ его, докторъ сбросилъ маску. Онъ выпрямился, холодная улыбка опять явилась на лицѣ его, и, откинувъ всякое притворство, онъ сказалъ:

— Хорошо, милордъ, я буду беречься.... я буду вашимъ орудіемъ и врагомъ.... я....

— Молчите! произнесъ повелительно Ріо-Санто. Я знаю все, что вы хотите сказать, такъ не будемъ терять времени; поговоримте о дѣлѣ.... Впрочемъ, еще одно слово, прибавилъ онъ небрежно: такъ какъ случай опять можетъ предать меня, беззащитнаго, въ ваши руки, то позвольте мнѣ открыть вамъ секретъ.... Если бъ вы меня убили, то нынче же вечеромъ вы бы лежали на соломѣ въ Ньюгетской тюрьмѣ... Не прерывайте меня. Вы очень хорошо знаете, что я не лгу.... я васъ давно знаю, докторъ.... и между вами и эшафотомъ одна моя воля!

— Милордъ, отвѣчалъ докторъ, стараясь казаться спокойнымъ: между мною и эшафотомъ пропасть, черезъ которую все могущество ваше не заставитъ васъ перешагнуть.

— У лорда шерифа, продолжалъ маркизъ: есть запечатанный пакетъ, въ которомъ заключается приговоръ вашъ. Не изумляйтесь: всѣ «ночные лорды» находятся такимъ образомъ въ моей власти.

— Но что заключается въ этомъ пакетѣ?

— Ясная, неопровержимыя доказательства важнѣйшаго изъ вашихъ преступленій.

— Но почему шерифъ до-сихъ-поръ не распечаталъ его?

— На это я не хочу отвѣчать. Впрочемъ, я только хотѣлъ предостеречь васъ.

— Но....

— Довольно. Поговоримте о дѣлѣ. Что миссъ Треворъ? Докторъ Муре долго не могъ отвѣчать на послѣдній

вопросъ. Слова маркиза казались невѣроятными; невозможными, несмотря на то онъ невольно вѣрилъ имъ. Съ этой минуты докторъ сдѣлался обезоруженнымъ убійцей, эмвей безъ жала.

— Я васъ спрашиваю, сказалъ маркизъ послѣ минутнаго молчанія: что дѣлаетъ миссъ Треворъ?

— Милордъ, я не могу вамъ сказать ничего утѣшительнаго. Вчера я началъ леченіе, которое, по всѣмъ вѣроятностямъ, должно было спасти миссъ Треворъ; но вчера жось нею сдѣлался ужасный переворотъ.... прежде чѣмъ я переимѣню способъ леченія, надо произвести опыты надъ другою; положеніе миссъ Мери какъ-нельзя болѣе опасно...

— Бѣдная Мери! проговорилъ Рио-Санто: я долженъ видѣть ее.

— Нѣтъ, милордъ.... ей необходимъ покой.... вчерашній день былъ пагубенъ для ея слабой организаціи....

— Что же такое случилось?

— Многое, милордъ!.... И, право, жаль, что мнѣ не удалось приложить корпю къ ранѣ Персевала.

— А!.... Такъ слѣдовательно Персеваль....

— Здоровѣхонекъ, милордъ, а безъ вашего великодушія онъ теперь бы лежалъ возлѣ предковъ своихъ; великодушіе прекрасная вещь, милордъ, но....

— Къ дѣлу! нетерпѣливо сказалъ Рио-Санто.

— Извините, милордъ, я забылъ, что вамъ надо отдохнуть.... вотъ въ чемъ дѣло: болѣзнь миссъ Треворъ приняла другое направленіе.... первые опыты мои надъ другою теперь напрасны....

— Надъ другою? повторилъ Рио-Санто. О комъ говорите вы?

— О прелестной дѣвушкѣ, милордъ! сказалъ Туре съ дикимъ энтузіазмомъ: сколько силы! какая граціозная и виѣстѣ нѣжная красота формъ, соединяющая въ себѣ всѣ анатомическія прелести женщины!.... Клянусь, милордъ, ничто не можетъ быть выше удовольствія вознѣтъ скальнелъ въ твердое, эластическое тѣло, разобрать всѣ составы, изучить всѣ нити, связывающія это существо.... Извините, милордъ, я забываю, что вы не докторъ. Я говорю о молодой дѣвушкѣ, надъ которой я произвожу опыты, кото-

рую мы хотимъ убить, чтобы спасти миссъ Мери. — Муре насмѣшливо произнесъ слово «мы», радуясь случаю сдѣлать маркиза участникомъ своей жестокости.

— Она хороша и молода? спросилъ Рио-Санто съ грустными выраженіемъ.

— Молода и хороша.

— Вы общали мнѣ щадить ее, докторъ.

— Общала, милордъ; но я не зналъ, что болѣзнь миссъ Треворъ приметъ такой дурной оборотъ.... Я заплатилъ за поводую дѣвушку сто фунтовъ стерлинговъ; надо же, чтобы она послужила намъ на что-нибудь. Притомъ же, я уже порядочно испортилъ ее.

Рио-Санто съ отвращеніемъ отвернулъ голову.

— Я долженъ былъ морить ее голодомъ и содержать въ темнотѣ, продолжалъ докторъ.

— Довольно, довольно! проговорилъ маркизъ, на вискахъ котораго выступилъ холодный потъ: довольно! о, вы безчеловѣчны!... Ради Бога, сжальтесь, сжальтесь надъ бѣдной жертвой!

— Милордъ, отвѣчалъ Муръ холодно и пощупавъ пульсъ маркиза: вы сильно взволнованы... поберегите себя, прошу васъ.... вамъ необходимъ покой.... завтра, или нынче вечеромъ, я расскажу вамъ все.... теперь я долженъ оставить васъ однихъ.

Поклонившись, докторъ поспѣшно удалился. Едва за нимъ затворилась дверь, какъ маркизъ, не считая болѣе нужнымъ преодолѣвать себя, въ совершенномъ изнеможеніи опустилъ голову на подушку....

Франкъ Персеваль и Стѣфенъ Макъ-Набъ съ нетерпѣніемъ ожидали возвращенія стараго Джека, посланнаго съ письмомъ къ лорду Тревору. Онъ воротился и не смѣя подойти къ господину, печально остановился у двери.

— Отвѣтъ? вскричалъ Франкъ нетерпѣливо.

Джекъ прислонился къ стѣнѣ и прижалъ руку къ сердцу. Онъ былъ блѣденъ и на добромъ лицѣ его выражалось глубокое отчаяніе.

— Ты не отдалъ письма? спросилъ Стѣфенъ сердито.

— Отдалъ, отвѣчалъ тихимъ голосомъ слуга.

— Что же!

Джекъ покачалъ съдой головой.

— Гдѣ жъ отвѣтъ?

— Персевали благороднѣ Треворовъ! произнесъ старикъ, гордо поднявъ голову: что такое Треворы? сѣверныя, ничтожныя бароны....

Персеваль упалъ на подушки.

— Отвѣчай же, вскричалъ Стѣфенъ. Какой отвѣтъ?

— Отвѣтъ! вскричалъ Джекъ, съ возрастающимъ негодованіемъ: Треворъ осмѣлился разорвать письмо Персевала, не прочитавъ его!

Слабый стонъ вырвался изъ груди Франка.

Стѣфенъ не отходилъ отъ постели больного друга. Онъ даже не имѣлъ времени сходить повидаться съ матерью. Горсть, которую причиняла ему болѣзнь друга, увеличивалась еще собственными страданіями. Мѣсто прежней счастливой апатіи его заступило волненіе страстей. Стѣфенъ любилъ, ревновалъ, страдалъ.

Было около полуночи. Сонъ Франка былъ тревоженъ, по временамъ онъ жалобно стоналъ. Въ одномъ углу спалъ въ бержеркѣ старый Джекъ. За постелью стояла ночная лампа, которая, вспыхивая, освѣщала благородныя украшенія герба Персевалей и золотую раму портрета миссъ Генриеты, сестры Франка, умершей въ цвѣтъ лѣтъ.

Стѣфенъ сначала посвящалъ всѣ мысли свои больному другу, но мало-по-мало онѣ приняли другое направленіе. Воспоминаніе о Кларѣ наполнило сердце его. По странному обстоятельству, слѣдствію ревности, Макъ-Набъ не могъ иначе представлять себѣ Клару, какъ въ темпльской церкви; съ пламеннымъ, страстнымъ взоромъ, обращеннымъ на незнакомца-мечтателя. И вся сцена, происходившая въ церкви, живо представилась памяти его и опять Стѣфенъ невольно подумалъ:

— Я гдѣ-то видѣлъ этого человѣка!

Между-тѣмъ Франкъ съ безпокойствомъ поворачивался на постели. Казалось, тяжкій сонъ давилъ грудь его.

Стѣфенъ ничего не примѣчалъ. Онъ старался припомнить, гдѣ видѣлъ незнакомца. Внезапная мысль поразила его.... но обстоятельство, о которомъ онъ вспоминалъ,

было такъ ужасно.... притомъ же съ-гѣхъ-поръ прошло пятнадцать лѣтъ, а незнакомецъ молодъ....

— Не можетъ быть! произнесъ онъ вполголоса: не можетъ быть!... Сходство изумительное, но между-гѣмъ недостаетъ....

— Шрамъ! вскричалъ Персеваль, вскочивъ: я замѣтилъ шрамъ на лбу его!...

— Шрамъ! повторилъ Стѣфенъ; о, да, я помню....

— На раскрасившемся лбу его проходила бѣлая полоса....

— Отъ лѣвой брови вверхъ?... невольно спросилъ Стѣфенъ.

— Отъ лѣвой брови вверхъ, повторилъ Франкъ.

— Франкъ! вскричалъ Стѣфенъ, слѣдовательно вы его знаете?... Ради Бога, о комъ вы говорите?

Франкъ не отвѣчалъ. Онъ опять въ изнеможеніи опустился на подушки.

— Странно! проговорилъ Макъ-Набъ, сжавъ лобъ руками.

Онъ былъ въ лихорадочномъ состояніи. Слова Франка совершенно сбили съ толку положительный и разсудительный умъ молодого доктора. Слова эти могли быть произнесены случайно, въ бреду горячки, но вѣтъ! Франкъ слишкомъ вѣрно и подробно описалъ шрамъ. Слѣдовательно, Франкъ видѣлъ его. Но гдѣ? какъ? Стѣфенъ терялся въ догадкахъ. Онъ хотѣлъ бы разспросить друга, но тотъ спалъ и ему жаль было лишить больного минуты покоя.... Между-гѣмъ онъ всё болѣе и болѣе убѣждался въ мысли своей, тайный голосъ безпрестанно повторялъ ему:

— Это онъ! Это онъ!

Макъ-Набъ не могъ сомкнуть глазъ во всю ночь.

Разсвѣло. Около семи часовъ кто-то сильно постучался у крыльца. Старый Джекъ побѣжалъ внизъ и воротясь, сказалъ Стѣфену, что его спрашивала какая-то женщина, привезанная отъ его матери.

Стѣфенъ далъ нѣкоторыя наставленія старому Джеку, тотомъ сошелъ внизъ, гдѣ ожидала его служанка мис-трисъ Макъ-Набъ.

— Что случилось, Бессъ? спросилъ онъ.

— Что случилось! мистеръ Макъ-Набъ, отвѣчала бѣдная служанка съ горестью:— Ахъ! Господи, Боже мой!... ужъ не говорите .... бѣда!... Стунайте скорѣе домой! Матушка ваша такъ горюетъ, что, просто, жалость беретъ!

— Да что случилось? Ради Бога, что случилось? Отвѣчай, Бессъ!

— Охъ! ужъ не говорите, мистеръ!... Бѣдныя барани!... вѣдь во всей Сити не было такихъ хорошихъ!... Ахъ, ты, Боже мой!

Видя, что напрасно терялъ время, Стѣфенъ выбѣжалъ на улицу, нанялъ извозчика и поѣхалъ на Корнѣгильскую Площадь.

Бѣдная мистриссъ Макъ-Набъ почти съ ума сходила. Во всю ночь она не смыкала глазъ, дожидаясь племянницъ. Громко рыдая, она все рассказала Стѣфену. Молодой человѣкъ простоялъ нѣсколько минутъ въ молчаніи, пораженный ужасомъ. Онъ закрылъ лицо руками и громко зарыдалъ. Мать обняла его и прерывающимся отъ слезъ голосомъ, сказала:

— Послѣ Бога, сынъ мой, одна надежда моя на тебя!

Эти слова возвратили Стѣфену холодную энергію, составлявшую главную черту его характера. Онъ воротился къ настоящей, положительной жизни, въ которой разсудокъ его имѣлъ сильную волю. Предстоявшая ему забота была трудна, но онъ чувствовалъ въ себѣ довольно силы, чтобы приняться за нее.

— Положитесь на Бога, матушка, отвѣчалъ онъ: и вѣрьте на меня!

Бетси, боясь выговоровъ, скрыла отъ хозяйки, что она впустила незнакомаго человѣка и только объявила, что барышни ушли, не сказавъ ей ни слова.

Стѣфенъ немедленно отправился къ полицейскому комиссару. Дорогой онъ всячески старался обьяснить себѣ, куда могли дѣваться молодья дѣвушки. Первою мыслью его было, что ихъ похитилъ незнакомецъ-мечтатель. Но зачѣмъ ему было похищать обѣихъ сестеръ? Принять же не онъ любилъ Клару, а она его. Оставивъ эту мысль, онъ предался другой, болѣе ужасной..... молодья дѣвушки могли попасть въ руки буркеровъ..... Эта мысль, са-

...ужасная, но вмѣстѣ съ тѣмъ, самая вѣроятная, поразила бѣднаго Стефена въ самое сердце.

Коммиссаръ, заставивъ прождать молодого доктора болѣе часу въ передней, принялъ его съ высоты своего величія. Стефенъ объявилъ свое дѣло и просилъ немедленно приступить къ поискамъ.

— Конечно, конечно, отвѣчалъ коммиссаръ, дѣло важное.... очень важное..... Мистеръ Кроссъ, запишите требованіе мистера Макъ-Наба..... очень важное дѣло... только у насъ ихъ теперь пропасть..... потрудитесь зайти черезъ двѣ недѣли.

— Черезъ двѣ недѣли! вскричалъ изумленный Стефенъ: но, посудите.....

— Извините, мнѣ некогда!.... Я сказалъ вамъ, чтобы вы потрудились зайти черезъ двѣ недѣли. Вашъ слуга.

— Нельзя ли?....

— Ничего нельзя, мистеръ.

— Я готовъ вознаграждать.....

— А!.... поговорите съ мистеромъ Кроссомъ..... Я ужасно занятъ. Голова идетъ кругомъ. Вашъ слуга.

Мистеръ Кроссъ былъ длинный, худощавый писарь, угловатое лицо котораго торчало между густыми, встречающимися бакенбардами, какъ стекло электрической машины между двумя подушками. Онъ очень вѣжливо поклонился Стефену и просилъ его войти въ сосѣднюю комнату.

— Извольте видѣть, сказалъ онъ, всѣ эти поиски стоятъ намъ чрезвычайно дорого.... Потрудитесь присѣсть.... мы позволимъ говорить о похищеніи двухъ дѣвушекъ. А дозволейте спросить, хороши ли онѣ?

— Зачѣмъ вамъ это знать?

— Позвольте, позвольте..... не сердитесь..... Вы, конечно, очень подробно описали намъ молодыхъ дѣвицъ, но этого мало. Я самъ, напримеръ, могу вамъ описать наружность Краснаго Ферджуса, знаете, тевиотъ-дельскаго разбойника, и что выходитъ? Что онъ похожъ, какъ двѣ капли воды, на....

— Ради Бога! не будемъ терять напрасно времени. Обѣ дѣвушки очень хороши собою.

— Гмъ! гмъ! сказалъ Кроссъ, покачивая головою. Это будетъ вамъ стоить дорогонько.....

— Я не стану торговаться, мистеръ.

— Это очень благородно. Если бъ онѣ были дурны собою, такъ похитители сами не стали бы ихъ долго держать, и дня черезъ четыре мы бы нашли ихъ гдѣ-нибудь на улицѣ..... но онѣ хороши.... хе, хе! Это другое дѣло!... Вы даже, если я не ошибаюсь, изволили сказать, что онѣ очень хороши.... хо, хо!

Стѣеиъ вздохнулъ съ досадою и отвращеніемъ.

— Ахъ, мистеръ Макъ-Набъ, вамъ дорого обойдется....

— По-крайней-мѣрѣ, могу ли я быть увѣренъ?....

— Въ готовности нашей служить вамъ?.... Положитесь на насъ, мистеръ Макъ-Набъ!.

— Вы будете искать во всемъ Лондонѣ, не правда ли?

— Лондонъ великъ! отвѣчалъ со вздохомъ Кроссъ.

— О! вы найдете ихъ!.... Я заплачу вамъ пятьдесятъ, сто фунтовъ стерлинговъ, даже болѣе!....

— Я вижу, что вы поняли всѣ предстоящія намъ трудности, сказалъ съ пріятной улыбкой писарь; и можете быть увѣрены, что мы употребимъ всѣ усилія..... Не пожалуйте ли что-нибудь.... сколько вамъ угодно..... на первую издержку?

Стѣеиъ положилъ на столъ нѣсколько ассигнацій въ пять фунтовъ стерлинговъ.

— Вы будете довольны нами, увѣрю васъ! говорилъ Кроссъ, провожая молодого доктора.

Макъ-Набъ вышелъ изъ полицейской конторы, исполненный надежды. Но свѣжій воздухъ заставилъ его прийти въ себя; онъ хладнокровно взвѣсилъ обѣщанія жадныхъ людей и увидѣлъ, что на нихъ полагаться нельзя. А между-гѣмъ надо было дѣйствовать. Бѣдныя молодые дѣвушки, безъ-сомнѣнія, ожидали защитника и спасителя. Но что дѣлать? Куда обратиться?

Пройдя нѣсколько шаговъ, Стѣеиъ поднялъ глаза и прочелъ на мѣдной досчечкѣ, прибитой на дверяхъ большаго дому, слѣдующую надпись: «Контора мистера Вешопа».

Отъ поблѣднѣлъ. Имя это опять пробудило въ умѣ его страшную мысль.....

Какъ докторъ, Стѣфенъ, по разсказамъ товарищей, звалъ имя этого торговца «человѣческимъ мясомъ», на ужасный торгъ котораго подкупленная лондонская полиція смотрѣла сквозь пальцы называя его «необходимымъ зломъ». Первымъ движеніемъ молодого человѣка было бѣжать. Потомъ непреодолима и таинственная сила повлекла его къ большому дому.... долго нерѣшался онъ позвонить.....

Между-тѣмъ съ другой стороны улицы за всѣми движеніями его слѣдилъ съ жадностью какой-то нищій. Ему было не болѣе сорока лѣтъ, но онъ казался гораздо старѣе. Костлявые члены его были покрыты лохмотьями чернаго фрака. По какой-то необъяснимой странности, лондонскіе нище одѣваются точно такъ, какъ и джентльмены — одна разница въ ветхости костюма.

Черты несчастнаго не выражали ничего, кромѣ бѣдности, доведенной до крайнихъ предѣловъ; впрочемъ, ни злобы, ни подлости. Въ Лондонѣ, гдѣ каждый порокъ можетъ обратиться въ выгодное ремесло, надобно быть честнымъ человѣкомъ, чтобы находиться въ крайности умереть съ-голоду. Таково было положеніе бѣдняка.

Какъ-бы преодолѣвъ робость свою, онъ наконецъ рѣшился подойти къ Стѣфену и произнесъ тихимъ, дрожащимъ голосомъ:

— Милордъ.... одно слово!

— Что тебѣ надо? спросилъ Макъ-Набъ, быстро обернувшись.

— О, милордъ! продолжалъ несчастный, съ ирландскимъ прощаніемъ: не гнѣвайтесь..... Я только хотѣлъ сказать вамъ, что мистеръ Бишопъ беретъ слишкомъ дорого, и что я бы взялъ съ васъ вполвину дешевле.

Стѣфенъ невольно отступилъ.

— Развѣ ты продаешь кадавры? спросилъ онъ.

— Продаю, печально отвѣчалъ Ирландецъ.

— Нѣтъ ли у тебя молодой дѣвушки? съ невыразимою юзашью спросилъ Стѣфенъ.

Т. LXVII. — Отд. II.

16

Нищій съ грустью посмотрѣлъ на молодого человека и отвѣчалъ:

— Понимаю.... нѣтъ, милордъ, я не убійца.... вы ошибаетесь.... у меня не достанетъ духу сдѣлать зло животному, не только человѣку.....

— Такъ ты выкапываешь трупы? съ невольнымъ сожалѣніемъ спросилъ Макъ-Набъ.

— О, нѣтъ! съ ужасомъ произнесъ нищій: я католикъ!....

— Чтò же ты предлагаешь мнѣ?....

— Трупъ, который черезъ часъ можетъ принадлежать вамъ.

— Гдѣ же ты возьмешь его?

— О, не заботьтесь объ этомъ; у меня есть человекъ на примѣтъ.

— Живой человекъ?

— Полу-жертвый, отвѣчалъ Ирландецъ печально улыбувшись.

— Ты хочешь убить его?...

— Чтò дѣлать....

— Но, несчастный, по какому праву?

— По праву собственности. Я хочу продать вамъ самого себя.

Стефенъ съ состраданіемъ взглянулъ на бѣдняка. Несчастіе нищаго заставило Макъ-Наба забыть на минуту собственные страданія.

— Какъ тебя зовутъ? спросилъ онъ, вынувъ кошелекъ.

— О, милордъ, вскричалъ съ радостью Ирландецъ: я вижу, что вы соглашаетесь купить меня.... О! какъ вы добры! Меня зовутъ Донноромъ Ардегомъ.... насъ, Ирландцевъ, чтò-то неопредолемое влечетъ въ Лондонъ, какъ-тѣмъ какъ этотъ городъ убійственъ для насъ.... У меня была жена.... были дѣти. Старшаго взяли въ матросы, второй укралъ въ аптекѣ лекарство для больной матери и былъ сосланъ въ Ботани-Бей.... жена умерла.... младшихъ дѣтей я отдалъ на фабрику.... они убѣжали оттуда и заразились убійственнымъ лондонскимъ воздухомъ.... они позорятъ мое имя!... Бѣднякъ загнувши глаза, отеръ слезу и продолжалъ: теперь у меня осталась одна

маленькая дѣвочка.... Она умираетъ съ-голоду.... я хочу продать себя, потому что послѣ моей смерти, добрые люди сжалятся надъ нею.... О, милордъ! я давно хочу продать себя, но Бишопъ не покупаетъ; онъ говоритъ, что я слишкомъ худъ.... онъ лжетъ!... за два фунта стерлинговъ мелочной торговецъ, сосѣдъ мой, соглашается взять маленькую дочь мою къ себѣ.... прибавьте еще десять шеллинговъ къ этой суммѣ, милордъ.... За пять шеллинговъ я хочу поставить крестъ на могилѣ доброй жены моей, а на остальные.... о! милордъ, если вамъ угодно, то я готовъ отказаться отъ этихъ пяти шеллинговъ, но я такъ давно голодаю, что передъ смертью охотно поѣлъ бы и попилъ до-сыта....

Стѣфенъ молча слушалъ выраженіе этой страшной нищеты.... Донноръ подумалъ, что требованія его казались слишкомъ великими молодому доктору и сказалъ съ глубокимъ вздохомъ:

— Извольте, милордъ, я готовъ отказаться отъ пяти шеллинговъ. Я могу умереть голодный.... но, ради Бога, не торгуйтесь болѣе!... если вы отнимете у меня и послѣдніе пять шеллинговъ, то дочь моя не будетъ знать, гдѣ преклонить колѣна, чтобы поплакать о матери!...

Слезы навернулись на глазахъ Стѣфена.

— Ступай, купи себѣ хлѣба, сказалъ онъ, вложивъ ему въ руку золотой sovereignъ.... Купи платье для твоей маленькой дочки и потомъ приходи ко мнѣ.

— Милордъ, сказалъ Донноръ, этого мало. Еще одинъ фунтъ стерлинговъ и пять шеллинговъ.

— Если ты можешь быть мнѣ полезенъ, то я дамъ тебѣ болѣе, отвѣчалъ отрывисто Стѣфенъ. Приходи сегодня же на Корнгильскую Площадь, въ домъ Макъ-Наба.

Донноръ удалился, не поблагодаривъ Стефена. Онъ ни-какъ не могъ представить себѣ, чтобы кто-нибудь рѣшился дать ему денегъ—даромъ.

Между-тѣмъ Макъ-Набъ позвонилъ. Дверь отворилась. Даже въ красной ливреѣ ввелъ молодого доктора въ богато, но безъ вкуса убранную гостиную, стѣны которой были увѣшаны дурными гравюрами, изображавшими скачки и кулачные бои. На столахъ и на стульяхъ валялись

фехтовальныя перчатки, рапиры, хлысты, трубки и нѣсколько номеровъ журнала The Grog; ежедневнаго листка, содержащаго въ себѣ описанія охотъ, скачекъ, кулачныхъ босовъ, и разныхъ eccentricity.

— Хозяинъ у себя въ кабинетѣ, сказалъ грумъ. Какъ прикажете доложить объ васъ?

Стѣфенъ сказалъ свое имя. Минуту спустя грумъ воротился и попросилъ его идти за нимъ.

Бишопъ, буркеръ, былъ въ атласномъ халатѣ съ блестящими, ярко-красными отливками; на головѣ у него была малиновая шотландская шапочка. Онъ лежалъ на бархатномъ диванѣ. Бархатныя обои, подушки креселъ и диваны, даже полу-закрытыя занавѣсы оконъ были краснаго цвѣту, придававшего лицу буркера апоплексическій цвѣтъ. Возлѣ хозяина лежала на коврѣ большая рыжеватая собака шотландской породы. Бишопъ курилъ изъ длинной турецкой трубки, пуская къ потолку кружки дыму, который принималъ отъ окружающихъ предметовъ красноватый отливъ.

— О-го! сказалъ при входѣ Стѣфена хозяинъ, не вставая. Вы Макъ-Набъ?... Я васъ не знаю.... А что вамъ надо?

— Я васъ знаю, отвѣчалъ Стѣфенъ, и пришелъ посмотреть на трупы....

— На трупы! вскричалъ Бишопъ, громко захохотавъ: коли хотите посмотреть на трупъ, такъ посмотрите на себя.... Вы такъ блѣдны, что даже красный бархатъ моихъ стѣнъ не можетъ нарумянить васъ. Еще разъ спрашиваю: что вамъ надо?

— А я еще разъ повторяю, что пришелъ смотреть трупы.

— Чортъ возьми! закричалъ Бишопъ вскочивъ и схвативъ молодого доктора за грудь: вы, пріятель, ужъ не полицейской ли крючокъ!

Собака оскалила зубы, заворчала и приподнялась, какъ бы готовясь напасть на Стѣфена, который, по счастью, не скоро терялъ присутствіе духа.

— Я не полицейскій, отвѣчалъ онъ спокойно: а вы такъ невѣжливо обращаетесь съ покупателями, что отобьете у

нихъ охоту приходить къ вамъ. Впрочемъ, въ Лондонѣ и кромѣ васъ есть гдѣ купить трупъ.

— Полицейскій бы струсилъ, проворчалъ буркеръ, отнявъ руки отъ груди Макъ-Наба и продолжалъ вслухъ: вы не трусливы, мистеръ; это мнѣ нравится.... но чортъ же велитъ вамъ толковать о трупахъ мнѣ, честному продавцу элю, портеру, джину и другихъ напитковъ. Еще разъ: что вамъ надо?

Стѣфенъ вручилъ ему карточку. Бишопъ взглянулъ на нее и сказалъ:

— А-га! вотъ это другое дѣло!... Ну, конечно, коли вы докторъ, такъ мы можемъ поговорить серьезно.... не прикажете ли стаканъ элю, портвейну или грогу?

— Благодарю.

— Не хотите? возразилъ Бишопъ нахмуривъ брови и съ недовольнымъ видомъ ложась на диванъ: а рюмку джину? Тоже не хотите. Ну, какъ вамъ угодно.... а я такъ, съ вашего позволенія, выпью рюмочку.... Онъ налилъ себѣ въ большую хрустальную рюмку джину. Красный цвѣтъ комнаты и занавѣсъ окрасилъ жидкость.... Казалось, что буркеръ пьетъ кровь....—Что же вамъ угодно?

— Я уже сказалъ вамъ, что хочу купить.... съ усиленіемъ произнесъ Стѣфенъ, чувствуя, что рѣшительная минута приближалась и что между товаромъ Бишопъ, онъ увидитъ, можетъ-быть, трупы несчастныхъ молодыхъ дѣвушекъ.

— Понимаю, понимаю, возразилъ буркеръ: только я хотѣлъ спросить, въ какомъ родѣ вамъ угодно?

— Объяснять долго. Я выберу.

— Вотъ это дѣло. Однако вы, какъ-будто, не въ своей тарелкѣ?... Страхъ беретъ? Ха, ха, ха! Это напоминаетъ мнѣ то время, когда, въ темныя осеннія ночи, я со страхомъ и трепетомъ, принимался за лопату.... на кладбищѣ... бррръ! страшное было времечко! Ну, да теперь, слава Богу, я самъ хозяинъ и знаю, что ночи созданы для того, чтобы спать или пить.—Говоря эти слова, Бишопъ привалъ собаку къ бронзовому кольцу, вѣланному въ стѣну.—Это необходимая предосторожность, мистеръ Макъ-Набъ продолжалъ онъ: потому что этотъ песъ настоящій

людоѣдъ!... Проглотить руку или ногу не долго, а трупу послѣ ни къ чорту не годится....

— Поторопитесь, сказалъ Стѣфенъ съ отвращеніемъ.

— Сейчасъ, сейчасъ; вотъ я и готовъ, отвѣчалъ Бишопъ и прижалъ хрустальную ручку, вдѣланную въ стѣну, возлѣ дивана; небольшая часть стѣны безъ шума раздвинулась и образовала черное, мрачное отверстіе, отъ куда пахнулъ сырой воздухъ. Придерживаясь за деревянныя жерила, буркеръ сталъ свускаться по узенькой, крутой лѣстницѣ. Стѣфенъ послѣдовалъ за нимъ.

— Не бойтесь, говорилъ Бишопъ, опасности нѣтъ.... лѣстница крѣпкая.... вы выбрали славный день. Только въ прошедшую ночь я получилъ изъ суварскаго кладбища самый свѣженькій товаръ....

— Развѣ у васъ только одни выкопанные кадавры? спросилъ молодой докторъ остановившись.

— Хе, хе! возразилъ Бишопъ съ отвратительной улыбкой: можетъ-быть, есть и другіе!... Увидите сами.... впрочемъ, мистеръ Макъ-Набъ, надо вамъ сказать, что на меня много клеветуютъ.... Ни одна кошка не околѣетъ во всемъ околоткѣ безъ того, чтобы не сказали: это Бишопъ ее убилъ!... Пустяки, вздоръ! Нѣтъ, мистеръ, такъ вѣдь и полиція откроетъ глаза, хоть она и говоритъ, что смотритъ на торгъ нашъ сквозь пальцы какъ на вещь соединяющую въ себѣ «пользу науки и всего человѣчества! И это вздоръ! Польза карманамъ констеблей.... и всё тутъ!... Пожалуйте за мною. Вотъ мы и пришли.

Бишопъ отворилъ небольшую дверь. Стѣфенъ вошелъ въ большую залу со сводами, освѣщенную лампами; вокругъ, у самыхъ стѣнъ этого подвала были ряды мраморныхъ, нѣсколько наклонныхъ, столовъ. Бѣлый цвѣтъ стѣнъ, освѣщенныхъ лампами, отражался на неподвижныхъ трупахъ, отдѣлявшихся отъ чернаго мрамору. Посреди подвала стояла курильница, изъ которой длинными струями подымался дымъ.

Кадавры были вымыты, члены были выпрямлены, волосы причесаны.... Молодая дѣвушка, похищенная съ кладбища, гдѣ она, по мнѣнію матери и родныхъ, помышляла о сномъ невинности, лежала на мраморной доскѣ въ соблаз-

нительномъ положеніи.... Дѣвственное покрывало было сорвано святотатственной рукою.... Далѣе, старикъ лежалъ во всей наготѣ, выставила на показъ ужасающее дѣйствіе времени на тѣло человѣка....

Было десять столовъ. Всѣ были заняты.

Едва Бишопъ затворилъ за собою дверь, какъ слова замерли на языкѣ его, и лицо покрывлось смертною блѣдностью. Холодною, какъ ледъ рукою коснулся онъ руки Стѣфена.

— Здѣсь все было, сказалъ онъ, тамъ все красно.... я нарочно окружаю себя краснымъ: при другомъ свѣтѣ всѣ люди кажутся мнѣ мертвецами.... Пойдемте скорѣе и выбирайте.... Дьявольское ремесло!

Молодой докторъ обошелъ уже всѣ столы; лицо его сіяло радостью, онъ сложилъ руки и воскликнулъ изъ глубины души:

— Благодарю, о Боже! Благодарю!

— Мнѣ кажется, что всѣ эти негодяи шевелятся, продолжалъ буркеръ сквозь зубы: досадно, что я забылъ взять съ собою джинну.... Смѣйтесь, блѣдные глупцы, скальте зубы!... Я не боюсь васъ.... вы принадлежите мнѣ и я продамъ васъ.... на зло полиціи и всѣмъ шпіонамъ.... Мистеръ Макъ-Набъ, видите ли вы эту пружину? Мнѣ стоитъ только нажать ее и всѣ столы исчезнутъ, а на мѣстѣ ихъ появятся.... какъ-бы вы думали, что?... Невинныя бочки элю и портеру!... Куда же вы, мистеръ?

— Я кончилъ, отвѣчалъ Стѣфенъ, торопясь оставить это ужасное мѣсто.

— Кончили? Такъ пойдемте, пойдемте скорѣе!... Вы можетъ-быть думаете, говорилъ Бишопъ, входя по лѣстницѣ: что я боюсь?.... Нисколько!... Мнѣ было только жаль, что я не взялъ джинну съ собою.... а то что?... мертвецы!... Есть чего бояться!... Ну что, выбрали ли вы?... спросилъ онъ, войдя въ кабинетъ и задвигая стѣну.

Стѣфенъ отвѣчалъ, что ни одинъ изъ труповъ не годился для опытовъ, которые онъ хотѣлъ произвести.

— Жаль, продолжалъ Бишопъ, жаль! Впрочемъ, прошу не забывать меня. Нужно будетъ, такъ заходите; мы принимаемъ и заказы....

Стѣфенъ поклонился и ушелъ. Буркеръ проводилъ его до передней. Вышедъ на улицу, Макъ-Набъ съ наслажденіемъ вдохнулъ въ себя чистый воздухъ. Когда онъ воротился домой, Бессъ доложила, что какой-то незнакомецъ, говорившій о барышняхъ, ждалъ его въ залѣ. Такъ какъ малѣйшее обстоятельство могло навѣсть Стѣфена на слѣдъ молодыхъ дѣвушекъ, не выходявшихъ у него изъ ума, то онъ поспѣшно вошелъ въ залу. Тамъ былъ одинъ Донноръ. Макъ-Набъ не-тогдашъ узналъ нишаго, но припомнить черты его спросилъ съ неудовольствіемъ обманутой надежды:

— Что тебѣ надо?

— Я купилъ дочкѣ платья... мелочной торговецъ, которому я, надѣясь на милость вашу, обѣщалъ прислать сегодня же остальные деньги, взялъ ее къ себѣ.... я пообѣдалъ.... извольте располагать мною, мистеръ, сказалъ несчастный грустно.

— Хорошо, хорошо, отвѣчалъ Стѣфенъ разсѣянно: я увижу.... ты мнѣ, можетъ-быть, пригодиться....

— Послушайте, ваша милость, рѣшительно возразилъ Донноръ: не мѣшкайте!... Теперь, когда дочь моя обезпечена, когда голодъ не мучитъ меня, мнѣ хочется еще пожить.... вѣдь не забудьте, мнѣ только сорокъ лѣтъ..... Кончимте же скорѣе. Назначьте же мнѣ родъ смерти.

Стѣфенъ посмотрѣлъ на него съ изумленіемъ.

— Дайте мнѣ остальные двадцать пять шеллинговъ и покажите дорогу въ вашу лабораторію.... къ вечеру все будетъ кончено.

— Напрасно, сказалъ съ невольной улыбкой Стѣфенъ: мнѣ не нужна твоя смерть.... Но ты, кажется, говорилъ о барышняхъ?

— Вамъ не нужно моей смерти! вскричалъ съ крайнимъ изумленіемъ Донноръ: о! слѣдовательно надежды не обманули меня; когда я увидѣлъ, что вы живете въ одномъ домѣ съ благодѣтельными барышнями, которыя такъ часто подавали мнѣ милостыню....

— Такъ ты ихъ знаешь? прервалъ его съ живостью Стѣфенъ.

— Знаю ли я ихъ!... Я слышалъ, что ихъ похитили... Боже мой!... Узнали ли вы что-нибудь?

Стефенъ печально покачалъ головой.

— Такъ я же найду ихъ! вскричалъ съ жаромъ Донпоръ: хотя бы онѣ были въ когтяхъ этого тысячаголоваго демона, называемаго «семьей», я вырву ихъ у него!... О, ваша милость, за насъ, за этихъ двухъ ангеловъ, я готовъ на все рѣшиться, всѣмъ пожертвовать!....

— Благодарю, Донпоръ, благодарю; но что ты будешь дѣлать?

— Что? я самъ еще не знаю, мистеръ Макъ-Набъ; но еще разъ повторяю, я употреблю всѣ усилія!... Мистеръ, продолжалъ бѣднякъ съ выраженіемъ искренней привязанности: вы покрыли наготу маленькой, невинной дочери моей; вы обѣщали поставить крестъ на могилѣ жены моей.... вы доставили мнѣ самому наслажденіе, котораго я давно, давно не зналъ.... за все это я предлагалъ вамъ свое тѣло. Вы отказались отъ него. Всѣ-равно, мистеръ! Жизнь моя принадлежитъ вамъ, потому что въ цѣломъ Лондонѣ только вы да барышни ваши, сжалились надъ бѣднымъ Ирландцомъ!

Стефенъ пожалъ руку бѣдняка, на лицѣ котораго выразилась неограниченная преданность и признательность.

Нагѣво отъ церкви святаго Клемена, въ Вичъ-Стригъ, есть трактиръ, который называется «Шекспировскимъ». Несмотря на довольно опрятную и красивую наружность, трактиръ этотъ извѣстенъ какъ сходбище воровъ и мошенниковъ.

Лондонская полиція была бы крайне огорчена, если бъ, во непредвидимому несчастію, трактиръ этотъ былъ закрытъ. Онъ служитъ ей резервоаромъ, изъ котораго она, во временахъ, вытаскиваетъ пищу судьямъ и съ помощью котораго слыветъ бдительною, не утруждая себя.

Въ лондонскихъ трактирахъ залы раздѣлены перегородками; въ родѣ стойлъ, гдѣ посѣтители помѣщаются, какъ въ особой комнаткѣ. Въ одномъ стойлѣ трактира, мадьякскій Снэлъ, въ костюмѣ джентльмена, купленномъ на деньги добраго капитана Педди О'Крена, игралъ въ вистъ съ Томмомъ Тёрнбулемъ и двумя другими дѣтьми «семьи».

У Тёрнбуля лобъ былъ перевязанъ; другихъ слѣдовъ

кроваваго побойща въ тавернѣ «Трубки и Кружки», не было. Толстый Мичъ былъ еще въ рукахъ хирурга.

Въ другомъ отдѣленіи стояла передъ зеркаломъ Лу, убирала волосы и румянилась. При дневномъ свѣтѣ блѣдность и истощеніе, написанныя на лицѣ несчастной дѣвушки, были еще ужаснѣе. Каждый разъ, когда убирала волосы она съ усиліемъ подымала руки, въ груди ея слышалось жалобное хрипѣніе, оканчивавшееся глухимъ кашлемъ. Она пила джинъ и напѣвала какую-то пѣсню. Несчастливая могла служить ужаснымъ типомъ постыднаго разврата, отъ котораго умираетъ часть бѣдной лондонской молодёжи.

Снэль, важничавшій въ джентльменскомъ костюмѣ, продолжалъ играть въ вистъ. Товарищи его плутовали, несмотря на то онъ безпрестанно выигрывалъ.

— Три и овёры! сказалъ онъ, тасуя карты: запишите семь, Томмъ.... Экъ, подумаешь! Вы, Тёрнбуллъ, почти убили моего зятя, а мы съ вами всё-таки пріятели! Впрочемъ, что мнѣ за дѣло до Мича? чортъ его поберит!

— Бѣдный Мичъ! сказала Лу; вотъ уже три дня, какъ онъ не билъ меня.

— Пей, Лу; пей, пей, и не мѣшай намъ, мужчинамъ, играть. Запиши еще два, Томмъ.... знаете ли, что рассказала мнѣ Меджъ? Престранную исторію.... она говоритъ будто бы «ночные лорды» купили Саундерса... Знаете, того, что прозвали Слономъ.... для того, чтобы онъ прорылъ проходъ подъ алмазный кабинетъ:—Славно!... только работы много! вскричалъ Снэль.

— Полно вздоръ молоты!... Глядите лучше въ карты! сказалъ Тёрнбуллъ.

— Кажется, можно играть и разговаривать, возразилъ съ важностью Снэль: посмотрите-ка, съиграютъ ли джентльмены въ клубахъ одинъ робберъ безъ разговоровъ?... Говорятъ, что Саундерсъ работаетъ за десятерыхъ?

— Такихъ какъ ты, улитка! проворчалъ Томмъ.

— Какъ я или какъ вы... Кажись разница небольшая!... Только....

— Гляди въ карты, бѣснокъ!... пикъ требуютъ....

— Бью, Томмъ.... и хожу въ трефы... Капитанъ Педди присматриваетъ за Слономъ....

— А что толку во всемъ этомъ?... Ну, унесутъ алмазы, а нашъ какая будетъ отъ того польза?... сказалъ толстый Чёрли.

— Джину! проговорила Лу, кашляя и отирая кровь съ губъ.... джину!... Жжетъ.... вотъ тутъ.... въ груди.... жжетъ!

Въ это время средняя дверь отворилась и въ комнату вошелъ Ирландецъ Донноръ Ардегъ.

— Ба, ба, ба! вскричалъ Снэль очень спокойно: отецъ пришелъ!... Лу, кланяйся: вышь отецъ идетъ.... Тернбуль, сними шляпу....

Игравшіе подняли головы и съ изумленіемъ посмотрѣли на оборваннаго бѣдняка.

— А! это твой отецъ, Снэль? спросилъ Томмъ, приподнявъ шляпу: мое почтеніе, чортъ возьми.

Чёрли кивнулъ головой.

— Да, это отецъ мой, вскричалъ Снэль, честный отецъ мой, который не откажется выпить съ нами стаканчикъ джину.

Между-тѣмъ Донноръ подошелъ къ игравшимъ, и въ изнеможеніи опустился на стулъ. Онъ съ нѣмымъ изумленіемъ смотрѣлъ на Снэля, который довольно почтительно, но нисколько не смѣшавшись, говорилъ съ отцомъ и подавалъ ему стаканъ джину.

— Не хочу, отвѣчалъ съ грустью Ирландецъ: какое на тебѣ чудесное платье, Снэль!

— Да, дедди (тятя), я очень доволенъ своимъ портывишъ..... онъ шьетъ хорошо, отвѣчалъ съ изумительнымъ хладнокровіемъ Снэль, и принявъ видъ фамильярнаго покровительства, продолжалъ: однако, дедди, вы не бережете себя, это не хорошо!

— Оставимъ это, сказалъ Донноръ печально: я пришелъ къ тебѣ за дѣломъ..... но гдѣ Лу?

— Лу?.... она здѣсь.... куда это она дѣвалась?.... Я сказалъ ей, что вы идете..... а, понижаю! Оставьте ее, дедди, она видно пьяна..... Это ей здорово... знаете, для боль-

ной груди, это, говорятъ, очень хорошо..... Впрочемъ, куда жъ это она запропастилась?

Лу исчезла.

— А, это не хорошо! продолжалъ Снэль съ упрекомъ: я не ожидалъ этого отъ сестры..... надо быть почтительнымъ къ родителямъ.....

— Довольно, Снэль, мнѣ надобно поговорить съ тобой, прервалъ его отецъ.

— Нѣтъ, я хочу непременно сдѣлать выговоръ сестрѣ.... Такъ поступать не годится.....

Послышался глухой, съ трудомъ удерживаемый кашель.

— Ну, такъ и есть! вскричалъ Снэль; она повалилась въ какой-нибудь уголъ..... Она, вѣрно, пьяна..... въ такомъ случаѣ вы понимаете, дедди, и сердиться нельзя.....

— Какой ужасный кашель, проговорилъ Донноръ, невольно вставъ.

— Да, не хорошій кашель..... только джигъ и помогаетъ ей.... Съ этими словами Снэль вытащилъ изъ-за перегородки Чахоточную, которая сопротивлялась, упираясь ногами и руками въ перегородку.... Она могла еще стыдиться передъ отцомъ, котораго любила. -

— Не дурачься же, Лу..... Кланяйся отцу!

Молодая дѣвушка закрыла руками лицо. По щекамъ ее текли слезы.

— Батюшка!.... батюшка! произнесла она рыдая.

Сердце Доннора разрывалось на части.

— Она была похожа на бѣдную жену мою, подумалъ Донноръ, привсталъ, поцѣловалъ несчастную дѣвушку въ лобъ и поднявъ глаза къ небу, произнесъ тихимъ голосомъ: Да помилуетъ тебя Господь, дочь моя!

— О! проговорила Лу, я люблю васъ, дедди.... Я всегда плачу, вспоминая объ васъ, но мнѣ необходимъ джигъ..... чтобъ потушить огонь въ груди..... Она сдвинула руками грудь и произнесла съ отчаяніемъ: О дедди! если бъ вы знали, какъ мнѣ хочется умереть!

— Чортъ ихъ побери! проворчалъ Чёрли, эта плачевная сцена начинается мнѣ надоѣдать.

— Молчи, Чёрли, сказалъ Тёрнбуллъ, отецъ-то похожъ на добраго человѣка. Не надо обижать его.

— Полно, дедди, вы заставили меня расплакаться..... кричалъ между-тѣмъ Снэль, который въ самомъ дѣлѣ плакалъ, самъ не зная отчего. Джентльмену стыдно плакать..... полно вздоръ болтать..... будемъ веселиться!....

Послѣ этихъ словъ Снэль мяукнулъ такъ естественно, что всѣ обратили на него глаза. Но глаза молодого негодяя встрѣтились со взоромъ отца и онъ невольно опустилъ ихъ, проворчавъ:

— Э, дедди, съ вами и пошутить нельзя!

— Мнѣ надо поговорить съ тобою, кротко сказалъ Донноръ.

— Поговорить?.... Наединѣ?.... Ладно! Слышите ли вы, сказалъ Снэль, оборотившись къ товарищамъ: отецъ хочетъ поговорить со мною о семейныхъ дѣлахъ.... Вѣдь вы знаете, что я старшій сынъ, слѣдовательно, наслѣдникъ его.

— Не беспокойтесь, мы подождемъ васъ, мистеръ Снэль, съ важностью произнесъ Томми.

— Впрочемъ, я сейчасъ ворочусь, сказалъ Снэль, идя за отцомъ въ отдаленнѣйшую отгородку.

Тёрнбуллъ сталъ тасовать карты.

— Если бъ я былъ отецъ этихъ двухъ гадинъ, сказалъ онъ серьезно: да въ добавокъ честный человѣкъ.... Клянусь, я бы задушилъ ихъ!

— Э! проворчалъ Чёрли, Лу не проживетъ мѣсяца, а Снэлю недалеко до висѣлицы.....

Прошло три дня. Стѣфенъ всё-еще не имѣлъ никакого вѣстія о молодыхъ дѣвушкахъ. Донноръ бродилъ цѣлый день по Лондону, разузнавалъ, спрашивалъ, но все было тщетно. Снэль не могъ помочь ему, потому что въ «семьѣ» никто ничего не зналъ о дѣвушкахъ. Каждый вечеръ Донноръ являлся къ Стѣфену и съ горестью рассказывалъ ему о неудачныхъ своихъ поискахъ.

Вечеромъ третьяго дня Стѣфенъ пошелъ въ Додлей-Гоузъ.

— Что новаго, другъ? спросилъ Франкъ Макъ-Наба: что новаго?

— Ничего, печально отвѣчалъ Стѣфенъ.

— Бѣдный Стѣфенъ! Какъ бы я желалъ помочь тебѣ въ твоихъ поискахъ!.... Какъ ты думаешь, могу ли я встать завтра?

— Можетъ-быть, отвѣчалъ молодой докторъ, пощупавъ пульсъ Франка: ты теперь почти совсѣмъ здоровъ и я смѣло могу обратиться къ тебѣ съ нѣкоторыми весьма важными вопросами.

— Вопросы? повторилъ Франкъ съ изумленіемъ: я готовъ отвѣчать тебѣ.....

Стѣфенъ въ нѣсколькихъ словахъ разсказалъ мрачныя мысли, которыя овладѣли имъ въ бессонную ночь, проведенную у постели больного друга, разсказалъ о любви своей къ Кларѣ, о ревности къ незнакомцу-мечтателю и о сходствѣ послѣдняго съ убійцей отца его.

— Одного не доставало для пополненія сходства, прибавилъ онъ. И ты, Франкъ, въ бреду, рѣшилъ всѣ мои сомнѣнія.

— Я? спросилъ Франкъ; но какимъ образомъ?

— Я припоминалъ особенную черту, отличавшую убійцу.... и ты напомнилъ мнѣ о ней.....

— А!... произнесъ Франкъ равнодушно.

— Ты сказалъ: шрамъ.....

— Шрамъ! повторилъ Персеваль, поблѣднѣвъ и приставъ.

— Потомъ ты описалъ этотъ шрамъ....

— Но.... скажи, Стѣфенъ, произнесъ ли я имя.... маркиза Рио-Санто?.....

— Нѣтъ, отвѣчалъ Макъ-Набъ, изумившись въ свою очередь. Слѣдовательно, ты знаешь, о чемъ я говорю?

— Да, Стѣфенъ, знаю! проговорилъ Франкъ съ горестью: знаю..... бѣдная сестра!....

Взглядъ, который Персеваль бросилъ на портретъ сестры, и слова его были исполнены такой глубокой грусти; что Стѣфенъ замолчалъ, сожалея, что пробудилъ въ другѣ такія горестныя воспоминанія. Онъ не ошибался. Сло-

за его открыли рану глубже и мучительнѣе той, которую нанесла Франку шпага маркиза.

— Ты единственный другъ мой, Стѣпень, сказалъ Персеваль послѣ нѣкотораго молчанія, и протянувъ руку къ молодому доктору: Я хочу вѣрится тебѣ..... хочу открыть тебѣ тайну.... Садись ближе, Стѣпень.... Знаешь ли отчего умерла сестра моя Герриетъ?... Тебѣ одному, Макъ-Набъ, открою я эту тайну.... Слушай.

Франкъ промолчалъ нѣсколько секундъ. Потомъ, взявъ руку друга, сталъ рассказывать:

«Это было два года тому назадъ. Герриетъ, была невѣстой Генриха Доттона, лорда Шерборна, и нѣжно любила его; она хотѣла провести нѣсколько мѣсяцовъ у матушки и въ началѣ іюля мы уѣхали въ Шотландію. Мы переѣхали границу. Я помню, вечеръ былъ прелестный и когда мы вѣхали въ Аннанъ, десять часовъ пробило на башнѣ старой церкви. Герриетъ пожелала ѣхать далѣе. Я охотно согласился, потому что надѣялся переночевать въ Локлебенъ, у твоего дяди, Макъ-Ферлена. Перемѣнили лошадей. Ты знаешь, Стѣпень, какое прелестное мѣстоположеніе между Аннаномъ и Локлебеномъ. Мы любовались видами, которымъ лунное освѣщеніе придавало еще болѣе прелести. Вдругъ коляска съ силой ударилась о дерево, брошенное поперекъ дороги, и упала на бокъ. По счастью, мы не ушиблись. Однако жъ дерево, переброшенное черезъ дорогу, казалось мнѣ подозрительнымъ и я хотѣлъ по-скорѣе удалиться отъ этого мѣста, но ямщикъ объявилъ рѣшительно, что коляска сломана и ѣхать далѣе невозможно. Была полночь и Герриетъ начинала дрожать отъ холоду. На вопросъ мой, гдѣ бы намъ можно было переночевать, ямщикъ отвѣчалъ, что кромѣ дому Ренделя Грэма въ окрестности не было никакого жилища....

— Домъ Ренделя Грэма!... вскричалъ Стѣпень.

— Ты знаешь этотъ домъ, Макъ-Набъ? спросилъ Франкъ.

— Знаю ли я его!.... о, да! знаю, знаю..... тамъ убить отца мой!....

Молодые люди промолчали нѣсколько минутъ, потомъ Франкъ продолжалъ:

« — Домъ Грама, какъ ты знаешь, отдѣляется отъ дороги густой дубовой рощей и находится между двумя пригорками, которые покрыты кустарниками; за однимъ изъ пригорковъ лежатъ развалины древняго аббатства Крюскаго. Было за-полночь, когда мы подошли къ дому Ренделя. Сестра моя со страхомъ прижималась ко мнѣ; меня самого мучило какое-то неопредѣленное безпокойство. Ямщикъ постучался.

« — Кто тамъ? спросилъ за дверью чей-то голосъ.

« — Это я, мистеръ Смитъ, отвѣчалъ ямщикъ; съ лордомъ и молодою леди; у нихъ на дорогѣ сломалась коляска.

« — А ты кто? спросилъ тотъ же голосъ.

« — Ямщикъ Сони, мистеръ Смитъ, Сони, по прозванію Лаальщикъ.

« Дверь отворилась. Мистеръ Смитъ, лицо котораго было закрыто зеленымъ зонтикомъ, принялъ насъ очень холодно.

« — Вы не католики? спросилъ онъ, не впуская насъ въ домъ.

« — Нѣтъ, сэръ.

« — Слава Богу! Извольте войти. А эта молодая дама, вѣроятно, законная супруга ваша?

« — Сестра моя.

« — А-га! произнесъ мистеръ Смитъ, и призвавъ служанку, сказалъ ей: Маудленъ, приготовь двѣ особыя комнаты.

« — Сестра моя слаба и не такъ здорова, замѣтилъ я; позвольте мнѣ не разставаться съ нею.

« — Фи! молодой человѣкъ, произнесъ со строгостью мистеръ Смитъ: фи!.... если вы не хотите согласиться съ правилами моего дому, такъ можете переночевать на чистомъ воздухѣ.

«Послѣ легкаго ужину насъ помѣстили въ двухъ комнатахъ, раздѣленныхъ тонкою стѣною, съ заколоченною дверью. Я слышалъ, какъ Герриетъ легла въ постель, и пожелала мнѣ доброй ночи. Я чувствовалъ усталость, не раздвываясь легъ на постель и тотчасъ же заснулъ тѣмъ безпокойнымъ, легкимъ сномъ, который не отнимаетъ у

органовъ способности чувствовать. Я забылъ затворить окно. Едва я закрылъ глаза, какъ голоса, тихо разговаривавшіе подъ окномъ, поразили слухъ мой.

« — Она хороша, говорилъ голосъ Смита.

« — Правда, отвѣчалъ другой голосъ, но всё-таки это не молодая герцогиня***, а вѣдь дерево-то было срублено для нея!... Вмѣсто волка, мы поймали кролика!

« — Она хороша, повторилъ Смитъ, а «его честь» въ замкѣ.

« — Знаю..... «его честь» не откажется отъ нея; но вѣдь въ коляскѣ герцогини мы должны были найти пять тысячъ фунтовъ стерлинговъ и драгоценныя вещи, а у этихъ ничего не нашли.....

« — Что жъ дѣлать? Впрочемъ все къ лучшему; вы видите, что одного дерева было недовольно, потому что даже дрянная коллеченка уцѣлѣла. А герцогиня не ушла еще отъ насъ!

«Я все это слышалъ. Но мнѣ казалось, что это сонъ... однако жъ странное впечатлѣніе, произведенное на меня этими словами, пробудило меня. Я всталъ, подошелъ къ окну; въ саду никого не было. Увѣрившись, что все это я слышалъ во снѣ и чувствуя непреодолимую усталость, я опять легъ на постель.... Нѣсколько времени я спалъ спокойно. Вдругъ шумъ, послышавшійся въ комнатѣ Герриеты, разбудилъ меня. Когда я пришелъ въ себя, не было ни малѣйшаго шума. Однако жъ неопредѣленная близость стѣсняла мое сердце; чтобы успокоиться я подошелъ къ заколоченной двери и сталъ прислушиваться... Все было тихо. — Герриетъ! сказалъ я тихимъ голосомъ. Та же тишина. — Герриетъ!.... Герриетъ! вскричалъ я нѣсколько разъ сряду.

« Не было отвѣту.

« Тогда мной овладѣлъ невыразимый ужасъ. Я кричалъ и стучалъ кулаками въ заколоченную дверь. Никто не отвѣчалъ на шумъ.....

« — Они убили ее! подумалъ я съ отчаяніемъ. Я бросился къ желѣзной перекладной ставни и разбилъ ею замѣкъ. Я вбѣжалъ въ комнату сестры.....

« Луна освѣщала постель: тамъ никого не было. Гер-

риетъ была похищена. Я простоялъ нѣсколько секундъ, какъ громомъ пораженный. Вдругъ мнѣ попала въ глаза небольшая дверь, за кроватью.....»

Стѣфенъ схватилъ руку Персеваля.

— Я знаю эту дверь! вскричалъ онъ; о, Франкъ, я знаю ея!... Но продолжай..... послѣ ты узнаешь и мою тайну.

« — Я бросился къ этой двери, продолжалъ Франкъ: за нею была узкая, крутая гранитная лѣстница, съ высокими ступенями.....»

— А! вскричалъ Стѣфенъ съ изумленіемъ: Это странно!.... Я встрѣтилъ за дверью высокую каменную стѣну...

« — Тамъ была лѣстница, возразилъ Персеваль; впрочемъ не ты первый говоришь мнѣ объ этой стѣнѣ..... во слушай далѣе. Лѣстница начиналась тотчасъ же за порогомъ. Я долго спускался по ней. Наконецъ ноги мои коснулись полу сыраго подземелья. Меня окружалъ непроницаемый мракъ..... только въ огромномъ разстояніи я увидѣлъ огонекъ, освѣщавшій нѣсколькихъ человекъ, испившихъ что-то бѣлое..... Я не сомнѣвался, что эти люди были похитители сестры моей и не разсуждая пустился бѣжать по направленію огонька. Я бѣжалъ скоро, закрывъ руки впередъ, чтобы не разбить голову объ стѣну. Вскорѣ я на столько приблизился къ похитителямъ, что могъ сосчитать ихъ и увѣриться въ томъ, что они были женщиною..... Я всё бѣжалъ.... люди, освѣщенные факелами, дѣлались явственнѣе..... вдругъ они остановились..... Я былъ уже довольно близко, чтобы разсмотрѣть, что одинъ человекъ отдѣлился отъ группы и сталъ стучать въ дверь.... минуту спустя она отворилась..... вслѣдствіи исчезли.....»

«О, Стѣфенъ, я не въ состояніи описать ужаснаго отчаянія, которое тогда овладѣло мною.... Куда идти! Несмотря на то, что я бѣжалъ такъ скоро, замѣтилъ, что по сторонамъ прохода, по которому я слѣдовалъ къ похитителямъ, было множество другихъ проходовъ.... Это былъ настоящий лабиринтъ!.... Я понялъ, что гибель и съ отчаяніемъ упалъ на колѣни..... Я плакалъ какъ ребенокъ, жаловался какъ женщина!.... Но стран-

ня мой сиде не кончилися. Въ то самое время, когда не могла даже силы молиться, я готовился къ ужасной смерти, слышался тяжелые шаги и тихое пѣніе. Я вскочилъ и прижался къ стѣнѣ. Мимо меня прошелъ человекъ, въ которомъ я по голосу узналъ ямщика Сони. Я послѣдовалъ за нимъ. Голосъ его служилъ мнѣ руководителемъ. Мы шли нѣсколько времени. Вдругъ заскрылась дверь и не стало болѣе слышно пѣнія ямщика.... Я опять остался одинъ, но былъ близокъ къ цѣли и осторожно подвинулся впередъ. Вдругъ руки мои уперлись въ дверь.... Я толкнулъ ее, она отворилась.... Громкій смѣхъ и веселыя пѣсни поразили слухъ мой.

«Подвигаясь впередъ всё ошупью, я нашелъ другую дверь, которая также уступила натиску моеи руки.... Я громко вскрикнулъ и закрылъ глаза, ослѣпленные блескомъ тысячи свѣчъ. Я очутился въ обширной залѣ, оканчивавшейся полукружіемъ, въ которомъ на возвышеніи находился цѣлый оркестръ музыкантовъ. Посреди залы былъ длинный столъ, покрытый бутылками и кушаньями; вокругъ стола сидѣли отъ сорока до пятидесяти человекъ въ капуцихахъ и съ длинными бородами, закрывавшими ихъ лица. Возлѣ каждого изъ этихъ жезмоуновъ сидѣла женщина въ соблазнительной одеждѣ, съ открытой грудью и распущенными волосами, украшенными бриллиантами или цвѣтами. Это оскверненіе священнаго одѣнія было ужасно, отвратительно. Веселость этихъ людей была не человѣческая. Мужчины пѣли или смѣялись, женщины улыбались, опустивъ головы на плечи или на колѣни кавалеровъ, оркестръ гремѣлъ, полныя чаши и бокалы съ шумомъ ударялись.... Все это дотога поразило меня, что я не замѣтилъ, какъ нѣсколько человекъ встали на меня, въ минуту связали мнѣ руки и бросили на вучу подушекъ, валившихся въ углу, гдѣ я остался невольнымъ свидѣтелемъ ужасной оргіи.... Взоръ мой остановился на человекѣ, который казался начальникомъ буйной толпы. Кресла его были шире и возвышеннѣе другихъ. Онъ сидѣлъ на самомъ краю стола, на почетномъ мѣстѣ. Я въ жизнь свою не видалъ прекраснѣйшаго лица. Глаза, попеременно, то кроткіе, то повелительные, то за-

думчивые, то грозные, обладали нечеловѣческимъ могуществомъ. Улыбка его производила на товарищей магическое дѣйствіе: всѣ становились веселѣе, радостнѣе. Этого человѣка называли «его честью», и всѣ поступали съ нимъ съ особеннымъ уваженіемъ.

Возлѣ него, въ его объятіяхъ, была женщина, то-летъ которой находился въ странной противоположности съ туалетами прочихъ женщинъ. Въ длинныхъ, распущенныхъ русыхъ волосахъ ея не было ни брилліантовъ, ни цвѣтовъ. Бѣлый пеньюаръ плѣнительными складками обвивалъ станъ ея. Она пила изъ одного стакана съ «его честью»....

«При видѣ этой молодой дѣвушки кровь застыла въ моихъ жилахъ. Въ этой полу-нагой вакханкѣ, отвѣчавшей на ласки бандита, я узнавалъ.....»

— О, Франкъ! прервалъ его Стѣфенъ, какъ-бы угадавъ мысль его: я зналъ сестру твою..... Кто осмѣлится обвинить ее?

— Никто!.... возразилъ Персеваль тихимъ голосомъ и съ страшнымъ спокойствіемъ: никто, кромѣ меня!....

Стѣфенъ съ ужасомъ посмотрѣлъ на него. Франкъ продолжалъ:

« — Никто не обращалъ на меня вниманія. Оргія становилась шумнѣе, буйнѣе. «Его честь» болѣе и болѣе воспламенялся. Онъ безпрестанно подносилъ хрустальный бокалъ къ губамъ молодой дѣвушки, лица которой я еще не могъ разсмотрѣть. Онъ смотрѣлъ на нея глазами, въ которыхъ горѣло пламенное, страстное желаніе.....

«Вдругъ молодая дѣвушка встала, подняла бокалъ и произнесла вѣжливимъ голосомъ:

« — Генрихъ, возлюбленный мой, за твое здоровье!

«О, Стѣфенъ, минута эта была ужасна!.... Я узналъ сестру! Слова ея объяснили мнѣ все..... я понялъ безуміе, въ которомъ она находилась, принимая бандита за своего жениха, добраго и благороднаго Генриха!.... Я громко вскричалъ, но голосъ мой былъ заглушенъ чоканьемъ бокаловъ..... только одинъ изъ злодѣевъ услышалъ крикъ мой и, вставъ, ударилъ меня салфеткой по лицу..... Ярость овладѣла мной..... съ нечеловѣческимъ усиліемъ я поре-

рвалъ одну изъ веревокъ и скатился съ подушекъ. — Я думаю, сказалъ одинъ изъ собесѣдниковъ, что ему надо будетъ зажать ротъ.—Нѣтъ, о нѣтъ! вскричалъ я умоляющимъ голосомъ: оставьте меня, ради Бога!.... Если сестра услышитъ мой голосъ, она, можетъ-быть, придетъ въ себя.....

« — Этого-то намъ и не нужно!....

«Съ этими словами двое изъ жез-монаховъ стянули крѣпче веревки и завязали мнѣ ротъ салфеткой. Я не могъ ни кричать, ни пошевелиться.

«Изъ разговоровъ этихъ людей я понялъ, что всѣ они принадлежали къ большому обществу, соединившемуся для кражи, грабежа и убійства. Постоянное мѣстопробываніе этого общества было въ Лондонѣ, но оно распространилось и за границу. Развалины Крюскаго аббатства служили мѣстомъ оргій и убѣжищемъ, въ случаѣ опасности. «Его честь» проживалъ долгое время за границей, но теперь воротился, чтобы поселиться въ Лондонѣ и приступить въ исполненіе давно задуманный планъ. Оргія, которой я былъ свидѣтелемъ, была послѣдняя въ Шотландіи. Сообщники, получивъ инструкціи, должны были на другой же день разсѣяться.

«Всѣ эти обстоятельства могутъ показаться тебѣ, Стефенъ, невѣроятными, невозможными. Увы!.... по несчастію, все истина, убійственная истина, доказательствомъ которой служить могила!....

«Послѣ нѣкоторыхъ рѣчей, небрежно выслушанныхъ «его честию», онъ всталъ и величественно поклонился обществу.

« — Милорды и джентльмены, сказалъ онъ улыбаясь: на все есть свое время. Мы разсуждали, спорили и рѣшали цѣлую недѣлю.... будемте жъ теперь веселиться!

« — Вивать, Ферджусъ! вивать! закричали присутствовавшіе съ такой силой, что, казалось, вѣковыя стѣны стараго монастыря задрожали.

«Въ то же мгновеніе, по знаку «его чести», загремѣлъ оркестръ. За увертюрой музыканты стали играть вальсъ. Нѣсколько паръ встали. Десять минутъ спустя, всѣ, исключая начальника и сестры моей, кружились съ неимовѣр-

ного быстротою вокругъ стола. Глаза мои уставали слѣдовать за вальсировавшими.... женщины блѣднѣли.... взоры мужчинъ воспламенялись....

«Его честь» обнялъ одною рукою молодую дѣвушку въ бѣломъ пенюарѣ.... уста ихъ силились поцѣлуемъ.... начальникъ, приподнявъ дѣвушку, сошелъ съ возвышенія, на которомъ находилось его кресло. Бѣдная, безумная сестра моя улыбалась и улыбка ея раздирала мнѣ сердце. «Его честь» вмѣшался съ нею въ кругъ вальсировавшихъ. Мало-по-мало ряды стали рѣдѣть. Вскорѣ Герриетъ осталась одна съ этимъ человѣкомъ.... о! Стѣфенъ, какъ я его ненавижу!

«Одобрительный ронотъ сопровождалъ эту пару, которая, въ самомъ дѣлѣ, была очаровательна. Но Герриетъ ослабѣвала; она опустила голову на плечо кавалера, который тотчасъ же остановился и опустился на диванъ. Подъ сводомъ послышался рѣзкій скрипъ и въ одно мгновеніе всѣ свѣчи угасли....

«Все погрузилось въ глубокой мракъ. Оркестръ умолкъ. Я сдѣлалъ такое отчаянное усиліе, что веревки вѣзались въ мое гѣло. Господь сжаился надо мною. Я лишился чувствъ....»

— Бѣдный другъ! произнесъ Стѣфенъ съ горестью.

Франкъ молчалъ нѣсколько минутъ въ глубокомъ уныніи; потомъ поднялъ голову, дико осмотрѣлся и произнесъ глухимъ голосомъ:

— Макъ-Набъ, не забывай, что эта молодая дѣвушка была дочь Персеваля.... Поклянись, что сохранишь тайну мою!

— О, Франкъ! отвѣчалъ Стѣфенъ, неужели ты сомнѣваешься во мнѣ?

— Нѣтъ, нѣтъ! возразилъ Персеваль; сжаился надо мною.... я самъ не знаю, что говорю.... слушай дажь....

«Не знаю, долго ли я пролежалъ безъ памяти. Когда я пришелъ въ себя, нѣсколько человѣкъ, вошедшихъ въ залу съ факелами, освѣтили отвратительную картину разврата... На диванѣ, на подушкахъ, лежала бѣдная сестра моя; «его честь» стоялъ передъ нею въ глубокой задумчивости, изъ которой его вывелъ шумъ вошедшихъ людей. Онъ

наклонился къ молодой дѣвушкѣ, пацѣловалъ ее въ лобъ и набросилъ на нее шелковое покрывало, потомъ громовымъ голосомъ вскрикнулъ:

«— Вставайте, джентльмены, вставайте!»

«Мужчины встали; женщины исчезли какъ по волшебству. Музыкантовъ уже не было.

«— Милорды и джентльмены, заговорилъ «его честь», минута разлуки настала; я доволенъ вашими дѣйствіями; мнѣ надо пробыть еще около году на материкѣ Европы. Черезъ годъ я возвращусь къ вамъ, добрые и вѣрные друзья мои. До тѣхъ-поръ, дѣйствуйте по даннымъ вамъ инструкціямъ.

«Всѣ молча поклонились.

«— Готово ли? спросилъ «его честь» у одного изъ слугъ.

«— Кареты ждутъ за развалинами, отвѣчалъ слуга.

«— И такъ до счастливаго свиданія, милорды!

«Всѣ двинулись къ дверямъ, но въ то же мгновеніе одинъ изъ толпы остановилъ начальника и указавъ на него, спросилъ:

«— Что съ нимъ дѣлать?»

«— Это братъ бѣдной дѣвушки!... проговорилъ съ нѣкоторою грустью «его честь».

«— Прикажете?... продолжалъ прежній человѣкъ, сдѣлавъ выразительный жестъ.

«— Фи, докторъ! К чему это бесполезное убійство?

«— Не бесполезное, милордъ, отвѣчалъ докторъ. Всѣ согласятся со мною....

«— Я не требую ни чьего согласія! отвѣчалъ начальникъ, окинувъ всѣхъ гордымъ взглядомъ.

«— Но этотъ человѣкъ можетъ погубить насъ! продолжалъ докторъ.

«— Правда! правда! раздавались голоса въ толпѣ.

«— Милорды и джентльмены, произнесъ «его честь», стараясь преодолѣть гнѣвъ свой: вы очень хорошо знаете что убійнице наше слишкомъ хорошо скрыто.... притомъ же я люблю эту дѣвушку, а онъ ей братъ....

«— Чортъ возьми, милорды! закричалъ грубый голосъ: вы жертвуете нашей безопасностью любовнымъ глупостямъ....

«О, Стёесть, если бы ты видѣлъ внезапный и ужасный переворотъ, происшедшій на спокойномъ и гордомъ лицѣ «его чести»! Губы его задрожали, изъ глазъ сверкнула молнія, лобъ раскраснѣлся и на немъ явственно и рѣзко означился бѣлый шрамъ....»

— Отъ лѣвой брови вверхъ?... прервалъ его Стёесть.

— Точно! сказалъ Франкъ; ты помнишь слова, которыя я произнесъ во снѣ?...

— Я помню что видѣлъ, Персеваль! медленно отвѣчалъ Макъ-Набъ: я помню убійцу моего отца.... О, это онъ! Выслушай же теперь ты меня, Франкъ!... Послѣ доскажешь.... О! повѣрь, одинъ и тотъ же человекъ свергнулъ насъ въ горестъ и отчаяніе; черта, которую самъ Господь провелъ на лбу его, направить наше мщеніе!... Слушай, Франкъ:

«Я былъ еще ребенкомъ. Отецъ мой спалъ въ извѣстной тебѣ комнатѣ. Моя кровать стояла въ другомъ углу. Дверь, черезъ которую ты спустился въ подземелье, открылась. Два замаскированныхъ человека вошли. Одинъ изъ нихъ осторожно поставилъ свѣчу на столъ и сталъ завязывать мнѣ ротъ.... я проснулся. У другаго человека было два кинжала; онъ пошелъ прямо къ постели отца моего и громкимъ голосомъ произнесъ его имя. Отецъ мой проснулся. При видѣ человека, стоявшаго у изголовья, онъ вскрикнулъ.

«— Не кричи, Макъ-Набъ! сказалъ замаскированный; это я!

«— О'Бринъ! проговорилъ мой отецъ, опустивъ голову: о! я зналъ, что рисковалъ жизнью!....

«— Вставай, Макъ-Набъ!.... ты знаешь, что я не убійца.... Вставай! Я принесъ два кинжала.

«Отецъ мой медленно всталъ. Невыразимый ужасъ овладѣлъ мною. Тотъ, котораго звали О'Бринномъ, подаль отцу моему кинжалъ. Началась борьба безмолвная, непродолжительная.... отецъ мой упалъ. О'Бринъ наклонился, чтобы нанести ему послѣдній ударъ. Маска упала и я увидѣлъ лицо его, Франкъ.... не болѣе минуты.... но оно глубоко врѣзалось въ моей памяти. На лбу О'Брина, рас-

присѣвшемся отъ напряженія мускуловъ, я увидѣлъ бѣлый шрамъ....

«— Ребенокъ видѣлъ васъ, милорды! вскричалъ товарищъ убійцы, замахнувшись на меня ножомъ; но О'Бринъ остановилъ руку его и наклонившись надо мной, произнесъ голосомъ, исполненнымъ жалости:

«— Бѣдное дитя! Богъ мнѣ свидѣтель, что я бы хотѣлъ пощадить отца твоего.... но онъ преграждалъ мнѣ дорогу....

«Оба выскочили въ окно. На крикъ мой сбѣжался весь домъ. Я указывалъ на маленькую дверь. Ее отворили. За нею возвышалась твердая вѣковая стѣна, покрытая мхомъ и сыростью....»

— Стѣфенъ! вскричалъ Франкъ, нѣтъ сомнѣнiя! это одинъ и тотъ же человекъ, и я знаю его вма!...

— Говори! съ живостью воскликнулъ Стѣфенъ.

— Постой! отвѣчалъ Персеваль; позволь кончить разсказъ мой....

«Глѣвъ начальникъ произвелъ на подчиненныхъ магическое дѣйствiе. Они отступили со страхомъ и почтенiемъ. Глубокая тишина царствовала въ залѣ.

«— Я хочу, произнесъ твердымъ голосомъ «его честь»: чтобы этотъ молодой человекъ остался въ-живыхъ.

«Никто не возражалъ.

«— Милорды и джентльмены, продолжалъ «его честь», между-тѣмъ какъ лицо его приняло прежнее спокойное выраженiе и бѣлая черта исчезла со лба:—вы можете удалиться.

«Все собранiе поклонилось и молча стало расходиться.

«— Докторъ, сказалъ начальникъ, остановивъ человека, который требовалъ моей смерти: налейте на уста этой молодой дѣвушки нѣсколько капель опиуму.... она мила и достойна любви.... мнѣ жаль.... Онъ провелъ рукою по лбу и когда докторъ исполнилъ приказанiе его, продолжалъ: дайте также нѣсколько капель брату ея....

«— Согласитесь ли вы выпить опиуму? спросилъ докторъ, подойдя ко мнѣ.

«Я схватилъ стаканъ и выпилъ, потомъ вскричалъ, обратившись къ начальнику:

«— Клянусь, что мнѣ дороже жизнь, которую вы мнѣ спасли, только потому, что я надѣюсь отомстить вамъ... О! гдѣ бы вы ни встрѣтились, я узнаю васъ...»

«— Слышите ли, милордъ? сказалъ докторъ.

«— Слышу... Начальникъ приблизился, посмотрѣлъ на меня и сказалъ: и я узнаю, и, если возможно будетъ, пощажу васъ.»

— Стѣфенъ! этотъ человѣкъ пощадилъ обидчике свое. Въ прошедшій понедѣльникъ жизнь моя была въ рукахъ его и... онъ пощадилъ меня!»

— Въ понедѣльникъ!... повторилъ Стѣфенъ.

— Вотъ рана, которую онъ мнѣ нанесъ, отвѣчалъ Франкъ, открывъ грудь.

— Рио-Санто! вскричалъ Макъ-Набъ... И такъ я не ошибался!... Я не знаю этого человѣка, никогда не видалъ его, но нѣтъ сомнѣнiя, что это онъ!... Персеваль, ты не знаешь всего сходства судебъ нашихъ!... Человѣкъ, ставшій между тобою и миссъ Треворъ—тотъ самый, который похищаетъ и у меня сердце Клары!...

— Возможно ли!... прервалъ его Франкъ.

Стѣфенъ скорыми шагами пошелъ къ двери.

— Куда ты идешь? спросилъ его Персеваль.

— Иду вызвать на смертельный поединокъ маркиза Рио-Санто! Прощай!

— Останься! вскричалъ Франкъ съ упрекомъ.

— Но до-сихъ-поръ я не имѣю никакихъ вѣстей о Klarѣ...

— Смотри, Стѣфенъ! вскричалъ Персеваль, отбросивъ одеяло и вскочить на коверъ, прежде нежели молодой докторъ успѣлъ остановить его. Смотри! Я здоровъ и силенъ... О, Герриетъ! продолжалъ онъ, обратившись къ портрету сестры: ты на небѣ... тамъ прощаются... но на землѣ мстятъ!... О, Стѣфенъ, ты помнишь, какъ она была прелестна... и сколько я плакалъ объ ней!...

«Докторъ развязалъ веревки и удался съ «его честию». Я на колѣняхъ допоздъ до сестры и приподнял шелковое покрывало... она нѣжно улыбалась и востро произносила имя Генриха Доттона... Бѣдная сестра!... Опіумъ сталъ дѣйствовать на меня... Мы подъѣзжали въ нашей коляскѣ

къ замку матушки, когда я проснулся. Герриетъ всё спала. Ее перенесли въ замокъ. Я сказалъ матушкѣ, что она здорова.

«— Франкъ, сказала Герриетъ, какъ-скоро очнулась: я все помню.... я должна умереть!

«Она сдержала слово, Стѣфенъ! Наступила осень и въ одинъ вечеръ я съ матушкой преклонилъ колѣни передъ трупомъ Герриеты!...»

«Немедленно по прибытіи въ замокъ матушки, я послалъ къ главному судѣ, твоему дядѣ, письмо въ которомъ описалъ подробно всё обстоятельство, скрывъ однако жъ позоръ сестры. Дядюшка твой отвѣчалъ мнѣ уклончивымъ образомъ, называя рассказъ мой страннымъ, фантастическимъ, невозможнымъ.... Я настаивалъ. Приступили къ объяску, который кончился однако жъ въ самомъ началѣ по той причинѣ, что первое объясненіе мое, будто бы я спустился по лѣстницѣ въ подземелье, оказалось ложнымъ. И точно, лѣстницы не было. Тотчасъ за дверью возвышалась стѣна, неоспоримой древности. Всѣ окрестные жители подъ клятвой объявили, что никогда ничего не слышали о подземельи....»

— Франкъ! вскричалъ Макъ-Набъ; намъ надо дѣйствовать.... покажи мнѣ твой пульсъ.... Онъ хорошъ....

Стѣфенъ позвонилъ. Джекъ явился на порогѣ.

— Давай барину одѣваться....

— Что ты хочешь дѣлать? спросилъ Персеваль съ изумленіемъ.

— Не знаю, но прежде всего мы должны ѣхать къ леди Оселин, отвѣчалъ Стѣфенъ.

Въ Треворъ-Гоузѣ собралось нѣсколько гостей.

Лордъ Джемсъ игралъ въ вистъ. Леди Кемпблъ была окружена молодыми людьми, между которыми недоставало только маркиза Рио-Санто и кавалера Анджело Бембо. Миссъ Мери разговаривала въ нѣкоторомъ отдаленіи съ своей подругой, Діаной Стевартъ.

Между молодыми дѣвушками былъ поразительный контрастъ. Благородная аристократическая красота Мери исчезала передъ ослѣпительною свѣжестью Діаны. Въ блѣд-

ныхъ чертахъ первой было столько страданія, сколько отчаянія въ угасшемъ взорѣ!... Діана же дышала здоровьей, жизнью; казалось лицо ея было создано для веселой улыбки.

— Мери, говорила Діана съ участіемъ: зачѣмъ ты не откроешь мнѣ своего сердца?... Развѣ ты забыла, что мы обѣщались не скрывать другъ отъ друга своихъ секретовъ?... Развѣ ты меня не любишь?

— Люблю, Діана.... болѣе нежели прежде; но...., у меня нѣтъ секретовъ.

— Отчего же ты такъ блѣдна?... Зачѣмъ ты не улыбаешься?

— Развѣ я прежде улыбалась?

— Ты улыбалась.... ты была счастлива!

— Счастлива!... повторила Мери, опустивъ голову. Не помню.

Послѣднія слова она произнесла съ такимъ тягостнымъ уныніемъ, что слезы навернулись на глазахъ Діаны.

— Мери, не будь такъ печальна. Помнишь ли, какъ мы нѣкогда бывали счастливы, мечтая о будущемъ?

— Да, да, это были однѣ мечты.

— Однако жъ онѣ могутъ обратиться въ дѣйствительность.... Франкъ возвратился....

— Не говори о Франкѣ, сказала миссъ Треворъ, слегка насунивъ брови.

— Отчего, Мери? Развѣ ты его больше не любишь?

— Нѣтъ.—Мери отвернулась и принужденно улыбаясь, продолжала: Развѣ ты не знаешь?... Вѣдь я люблю маркиза Рио-Санто!

— И ты тоже! вскричала миссъ Стюартъ. О, берегись, блѣдная Мери!... Я сама чуть не полюбила его.... Діана замолчала и покраснѣла.—Но я, продолжала она, весело улыбаясь: люблю по-свѣдому.... А! ты любишь его, Мери!... Какъ я счастлива, что ты можешь шутить....

— Я не шучу, Діана, возразила съ горечью Мери:—ягу.

— Ты лжешь?... повторила съ изумленіемъ Діана.

— Я страдаю!... произнесла жалобнымъ голосомъ миссъ Треворъ.

— Я это вижу, Мери.... сказала миссъ Стюартъ, обнявъ

одной рукой талью подруги: ради Бога, будь со мною откровенна... любишь ли ты еще Франка?

— Я выхожу замужъ за маркиза Рио-Санто.

— Такъ это правда?... Бѣдный Франкъ!

— Слышишь? вскричала Мери съ невыразимымъ ужасомъ схвативъ руку подруги и прислушиваясь къ стуку проѣзжавшей кареты: это, быть-можетъ, онъ!

— Но кто?

— Онъ!... о, какъ я боюсьего!... Тѣтушка говоритъ, что я люблю его.... можетъ-быть. Діана, не люби никогда, никогда! слышишь ли?... любовь научить тебя плакать, Діана; она сотретъ съ твоего лица бѣлизну и румянецъ.... танцы будутъ утомлять тебя, пѣніе надоѣстъ тебѣ.... а ночью.... о! Діана, не люби, никогда!... Она помолчала съ минуту. Миссъ Стевартъ смотрѣла на нее съ грустью.

— Но прежде, заговорила она, когда ты любила Франка, ты не страдала такъ?

Лучъ счастья озарилъ лицо невѣсты Рио-Санто.

— Прежде! проговорила она.... я съ нетерпѣніемъ ждала прихода его! Какъ медленно проходило время безъ него и какъ быстро при немъ!... Я была счастлива присутствіемъ его, прислушивалась къ каждому слову, всматривалась въ глаза его!... Но это не любовь, Діана.... тѣтушка объяснила мнѣ все это.... я ощущала къ Франку чувство, исполненное надежды и блаженства.... а любовь — страданіе, пытка!... ты сама видишь, Діана, что я люблю маркиза!....

Послѣднія слова, которыя могли казаться горькой насмѣшкой, были произнесены съ видомъ мрачнаго убѣжденія.

— Но ты не поняла тѣтушку, милая Мери! вскричала Діана: я вижу, что ты любишь Франка болѣе, нежели когда-либо!

— Діана, печально сказала Мери: мы слишкомъ молоды.... мы не понимаемъ этого.... тѣтушка лучше насъ знаетъ.... Діана! вскричала она вдругъ: ты не знаешь какъ хороша женщина, похитившая у меня сердце Франка Персевала!

— Чтѣ ты говоришь, Мери? спросила миссъ Стевартъ,

коранешная внезапно выскочил: о! теперь я понимаю... Франка оклеветали!

— Я сама видѣла.

— Ты видѣла?... Ошибаешься, Мерси! я кузина Франка и должна заступаться за него!... О, теперь я все понимаю; я открою всю истину и ты убѣдишься наконецъ...

— К чему? произнесла съ тихою грустью миссъ Треворъ: вѣдь я скоро умру!...

Въ это самое время дверь съ шумомъ растворилась и слуга доложилъ:

— Графиня Дѣрби!

Леди Офелія вошла въ залу.

До приѣзда Рио-Санто въ Лондонъ, леди Офелія находилась въ самыхъ дружескихъ сношеніяхъ съ леди Кемблѣ. Но сношенія первой съ маркизомъ охолоднѣли къ ней тѣтку Мери. Офелія перестала любить леди Кемблѣ, понимая, что она, а не Мери, была настоящей соперницей ея. Онѣ стали видѣться рѣже и то тогда только, когда того требовалъ этикетъ.

Неудивительно, что появленіе графини произвело нѣкоторое впечатлѣніе на гостей лорда Джемса. Всѣ мужчины невольно встали, между тѣмъ какъ сестра хозяйна, съ улыбающимся и ласковымъ видомъ, поспѣшила на встрѣчу неожиданной гостьѣ.

Леди Офелія была блѣдна, разсѣянна; на глазахъ ея видны были слѣды слезъ.

— Гдѣ же миссъ Треворъ? сказала она послѣ первыхъ привѣтствій, безпокойнымъ взоромъ окинувъ залу: не больна ли она?

Мери стояла передъ нею.

— Ахъ, Боже мой! Какъ я разсѣянна, продолжала леди Офелія: какъ вы перемѣнились, милая Мери!

Она поцѣловала ее въ лобъ и какъ-бы невольно подняла лѣвую руку до алмазной брошки своей; но быстро опустила ее и покраснѣла, какъ-бы устыдившись дурнаго извѣщенія.

Леди Офелія оставалась недолго. Она видѣла, что безность леди Кемблѣ была неискренна и сама не была расположена казаться веселой. Простившись съ хозяй-

еще съ остротой его, графиня быстро подошла къ Мери, поцѣловала ее и послѣшшо удалилась.

Мери слегка вскрикнула и въ то же мгновеніе миссъ Діана схватила записку, которую леди Офелія положила на столѣви Мери.

Тетушка подозрительно посмотрѣла на племянницу, но движеніе Діаны было такъ быстро, что она не могла ничего замѣтить.

Записка была отъ Франка.

Нѣсколько минутъ спустя молодья дѣвушки ушли въ другую комнату. Мери прочитала записку, заключавшую въ себѣ только нѣсколько словъ, въ которыхъ Франкъ убѣдительно просилъ миссъ Треворъ прійти на другой день къ кузинѣ его, миссъ Діанѣ Стевартъ.

Слезинки выкатились изъ глазъ молодой дѣвушки; она возвратила записку подругѣ и сказала:

— Послушай, Діана; завтра ты увидишь Персеваля.... скажи ему, что я счастлива....

— Какъ, Мери, ты хочешь отказать бѣдному Франку въ его просьбѣ? Но ты забываешь, какъ онъ страдаетъ?...

— А развѣ я меньше страдаю? возразила миссъ Треворъ, ослабѣвавшимъ голосомъ: не забудь же, Діана: скажи ему, что я счастлива, весела.... Когда я умру, пусть онъ тогда узнаетъ, сколько я страдала!...

— Мери, бѣдная моя Мери!... сжался надъ собственнымъ своимъ сердцемъ и приходи завтра ко мнѣ.... хоть только для того, чтобы въ послѣдній разъ проститься съ Франкомъ!

— О! ты не видала се.... возразила Мери съ выраженіемъ ревности: ты не знаешь, какъ она хороша!... Нѣтъ! я не пойду!

На другой день, въ назначенный часъ, Франкъ явился къ своей кузинѣ. Діана одна ожидала его въ гостиной и обильно ему печальную вѣсть; но едва она договорила, какъ дверь отворилась и миссъ Треворъ вошла въ гостиную.

— Здравствуй, милая Діана, сказала она твердымъ спо-

койшимъ голосомъ и подавая одну руку Діанѣ, а другую Франку, продолжала:—Здравствуйте, любезный Франкъ... Я не хотѣла, чтобы вы подумали, будто у меня дурное сердце.

Мери была въ бѣломъ платьѣ; русые локоны ея вились по плечамъ и золотистыми отливами обрамляли блѣдное, худощавое лицо. Она была еще хороша, но красота ея, казалось, не принадлежала уже землѣ. Она взглянула улыбаясь на Діану и Франка, которые смотрѣли на нее съ невыразимою грустью.

— Діана, продолжала она, ты печальна!... Вы молчите, Франкъ? Зачѣмъ вы не говорите, что любите меня?

Діана встала и чтобы скрыть слезы, подошла къ фортепіано и пробѣжала пальцами по клавишамъ. Неожиданные звуки произвели на Мери дѣйствіе электрическаго удара. Она вздрогнула, подняла голову и глубоко вздохнула. Потомъ взглянувъ на Франка, и, какъ-бы только теперь замѣтивъ его, спросила:

— Чтò вамъ угодно, милордъ!

— Мери, милая Мери! сказалъ Франкъ тихимъ, уводящимъ голосомъ: выслушайте меня... Я люблю васъ и никого кромѣ васъ не любилъ!... Выслушайте мое оправданіе....

— Милордъ, возразила миссъ Треворъ, стараясь казаться холодной: ваши слова удивляютъ меня. Вы хотите оправдываться? Но развѣ я обвиняю васъ?.. Зачѣмъ вспоминать о прошедшемъ, которое мы забыли....

— Нѣтъ, Мери!... я его не забылъ! Это прошедшее будетъ всегда драгоцѣннѣйшимъ моимъ воспоминаніемъ.... Боже мой! Такъ вы, въ самомъ дѣлѣ, разлюбили меня!... Неужели это правда?

— Правда, милордъ.

— И вы можете говорить это спокойно, безъ раскаянія?

— Могу и должна, милордъ, потому что я невеста маркиза Рио-Санто.

— Миссъ Мери, отвѣчалъ Франкъ послѣ короткаго молчанія, твердымъ и важнымъ голосомъ: я забылъ о себѣ... не буду ни просить, ни жаловаться... Я тоже не стараюсь забыть прошедшее... но нѣчто не отнимается у

меня права любить васъ... заботиться о вашемъ счастиі и стараться отклонить угрожающее вамъ несчастье....

— Я васъ не понимаю, милордъ, проговорила Мери.

— Я сейчасъ объяснюсь... не думайте услышать отъ меня жалобъ или упрековъ... вы страдаете, бѣдная Мери!... я понимаю страданія ваши и прощаю вамъ....

— О, Франкъ! ослѣпленная на-время, я готова была воротиться къ вамъ... но между нами стала женщина... о! какъ она хороша!.. я сдѣлалась невѣстой маркиза Рио-Санто.....

— Мери, вы находитесь въ ужасномъ заблужденіи... никогда сердце мое не принадлежало другой женщинѣ и я могу оправдаться....

— Оправдайтесь, произнесла едва слышнымъ голосомъ Мери.

— Мери, сказалъ Франкъ съ искреннимъ чувствомъ: я любилъ, люблю и вѣчно буду любить васъ!

— Но эта женщина?..

— Я не знаю ее, Мери... я сдѣлался жертвой коварнаго заговора... женщина эта была приставлена къ моему изголовью.

— Но кѣмъ, Боже мой?.. О, ради Бога, убѣдите-меня....

— Тѣмъ же, вѣроятно, кто хотѣлъ отравить меня, раненаго, умирающаго... Тѣмъ, кому моя смерть или несчастье мое могло быть полезнымъ.

— О, Боже мой! произнесла съ отчаяніемъ Мери: они хотѣли убить васъ, мой благородный Франкъ!.. А я еще подозрѣвала васъ... И она внезапно замолчала; взоръ ея сдѣлался мрачнымъ и неподвижнымъ...—Я теперь невѣста маркиза. Довольно, милордъ; я не могу и не должна вѣрять вамъ.

— Мери, выслушайте меня. Поклянитесь, что не откроете никому тайны, которую ввѣрила мнѣ леди Офелія, чтобы спасти васъ.

— Клянусь.

— Мери, продолжалъ Франкъ, обнявъ одной рукой талию молодой дѣвушки: вы знаете, что графиня должна была выйти за Рио-Санто?

— Я знаю, что она любитъ его.

— Помните ли вы иностранца, который прѣхалъ въ Лондонъ въ одно время съ маркизомъ? Его звали Веберомъ.

— Помяну. Онъ уѣхалъ въ Индію.

— Нѣтъ, Мери... Веберъ отправился туда, откуда не возвращаются. Онъ былъ убитъ.

— Убитъ! произнесла съ невольнымъ ужасомъ миссъ Треворъ.

— Онъ былъ молодъ, богатъ и знатенъ. Встрѣтившись съ графиней Дерби, онъ страстно полюбилъ ее. Узнавъ о бракѣ ея съ маркизомъ, онъ написалъ ей письмо, въ которомъ умолялъ ее, не выходить за него замужъ; онъ говорилъ о какихъ-то опасностяхъ, тайнахъ, которыя хотѣлъ словесно открыть леди Офеліи. «Если я не получу отвѣту, миледи», писалъ онъ, «то завтра, въ одиннадцать часовъ утра, лично явлюсь къ вамъ». Графиня сначала не обратила вниманія на это письмо, но вечеромъ вспомнила о немъ и желая избавиться отъ посѣщенія поклонника, докучавшаго ей, хотѣла написать ему отвѣтъ. Чтобы отослать его ей нуженъ былъ адресъ Вебера, но она не находила его письма, въ которомъ адресъ былъ означенъ. Графиня провела безпокойную ночь.

Мери была блѣднѣе обыкновеннаго; сердце ея сильно билось; она слушала съ особеннымъ вниманіемъ. Діана играла какую-то тихую мелодію.

— На другой день, продолжалъ Франкъ: въ десять часовъ утра маркизъ Рио-Санто былъ у леди Офеліи. Онъ принесъ съ собою двѣ шпаги, и упросилъ графиню позволить ему принять молодого иностранца. Она должна была уступить убѣдительнымъ просьбамъ его. Никто не знаетъ, о чемъ говорили соперники, но послѣ нѣсколькихъ словъ послышался звукъ шпагъ.... минуту спустя кто-то гласно упалъ на паркетъ. Графиня вбѣжала въ залу. Рио-Санто, скрестивъ руки на груди, стоялъ неподвижно передъ трупомъ Вебера. — Вы убили его! вскричала графиня. — Миледи, отвѣчалъ маркизъ, онъ хотѣлъ стать между нами!

— Слышите ли вы, Мери?... вскричалъ Франкъ съ безпокойствомъ, замѣтивъ, что сердце молодой дѣвушки по-

остало биться... Открытые глаза ея были неподвижны.... она походила на мраморную статую. Персевадь взялъ руку ея; она была холодна какъ ледъ.

— Мери! что съ вами?

Отвѣту не было.

— Діана! вскричалъ Персевадь, посмотрите!... Мери умерла!...

— Умерла! вскричала миссъ Стewardъ, поспѣшавъ на помощь подругѣ: Мери!... Мери!... Боже мой! что съ нею сдѣлалось?

За дверью послышался шумъ. Діана бросилась туда, чтобы не велѣть никого принимать, но уже было поздно.... она встрѣтилась лицомъ къ лицу съ леди Кемблъ.

— Мери и Франкъ! вскричала послѣдняя, поблѣднѣвъ отъ негодованія: какъ, миссъ Стewardъ, прибавила она съ горькимъ презрѣніемъ: давно ли домъ матушки вашей сдѣлался мѣстомъ подобныхъ свиданій?...

— Миледи, теперь не время.... отвѣчала Діана покраснѣвъ.

— Миссъ Діана, сухо прервала ея тѣтушка: поведеніе ваше неврстойно и низко!

— Миледи! вскричала миссъ Стewardъ, не будучи болѣе въ состояніи преодолѣвать своего негодованія: недавно еще Франкъ спрашивалъ меня кто тотъ безчеловѣчный палачъ, который довелъ несчастную Мери до подобнаго состоянія. Теперь я могу отвѣчать ему!

— А! такъ она! проговорилъ съ ненавистью Франкъ.

Леди Кемблъ гордо взглянула на него и обратившись къ племянницѣ, сказала:

— Поидемъ, Мери, дитя мое; тебѣ не прилично быть въ этомъ домѣ.... Она взяла молодую дѣвушку за руку и только тогда замѣтила состояніе ея, громко вскрикнула и опустилась въ кресло. Франкъ медленно подошелъ къ ней.

— Миледи, сказалъ онъ съ грустью и упрекомъ: когда я оставилъ ее, она дышала здоровьемъ, жизнью.... была счастлива!... Слышите ли вы? Она была счастлива!... А теперь она умираетъ!... Да проститъ вамъ Господь!... И

молодой человекъ, удерживая слезы, послѣшню удалился.

Миссъ Стевартъ хотѣла послать за своимъ домашнимъ врачомъ, но леди Кембль упростила ее послать за докторомъ Муре.

Онъ явился и съ перваго взгляду понялъ состояніе миссъ Треворъ. На неподвижномъ лицѣ его не выразилось ни изумленіе, ни безпокойство. Онъ придвинулъ кресло, сѣлъ противъ молодой дѣвушки и около минуты пристально смотрѣлъ на нее. Потомъ онъ привсталъ и приблизилъ свои щеки къ губамъ Мери. Легкое, холодное дыханіе коснулось его лица....

— Такъ! Такъ и есть! проговорилъ онъ почти съ удовольствіемъ и потирая руки. Миледи, прикажите приготовить горчицы и принести тазъ и воды.

Приказаніе его было исполнено. Докторъ выткнулъ руку больной и кольнулъ жилу ланцетомъ. Нѣсколько капель крови упали въ тазъ.

— Такъ и есть! повторилъ Муре и продолжалъ съ жаромъ: странное, рѣдкое, таинственное состояніе, имѣющее всѣ признаки смерти.... Спирту, миледи, опиуму!... Онъ влилъ больной въ ротъ нѣсколько капель опиума, приложилъ горячую горчицу къ ногамъ ея — ничто не помогало. Мери оставалась въ прежней неподвижности. Докторъ приставилъ лорнетъ къ глазу и съ любопытствомъ смотрѣлъ на нее.

— Докторъ, спросила умоляющимъ голосомъ леди Кембль: есть ли надежда?

— Велите приготовить постель, отвѣчалъ онъ, не оглядываясь: жесткую, наклонную.... Миледи! я сначала думалъ, что это просто, истерика — но нѣтъ! Это катаlepsis! Катаlepsis, продолжалъ онъ восторженно: странное, рѣдкое, таинственное состояніе, имѣющее всѣ признаки смерти.... А! это первый случай въ двадцать пять лѣтъ моей практики!... Какое счастье!...

— Этотъ человекъ сумасшедшій! вскричала съ ужасомъ миссъ Стевартъ.

Муре вздрогнулъ и опустил глаза.

— Миледи, сказалъ онъ съ выраженіемъ упреку: люди,

посвящающіе себя наукѣ, не всегда знакомы съ свѣтскими приличіями. Это имъ простительно. Неудивительно, если они иногда невольно выскажутъ мысль свою, которая заставляетъ невѣждъ называть ихъ сумасшедшими; но это ихъ мало трогаетъ, потому что они умѣютъ презирать обиды и прощать невѣжеству.

Діана, краснѣя, извинялась, а леди Кемпблъ вскричала:

— Ахъ, миссъ Діана! Какъ вы могли обидѣть почтеннаго доктора!

Двѣ служанки перенесли неподвижную, безчувственную Мери на постель, приготовленную согласно приказаніямъ доктора. Муре осторожно закрылъ ей глаза, но едва онъ отнялъ руку, какъ вѣки медленно и сами собой открылись.

— Миледи, спросилъ онъ: позвольте узнать, какое обстоятельство предшествовало обмороку миссъ Треворъ и, вѣроятно, произвело его.

— Слѣдовательно, это не болѣе какъ обморокъ?

— Смерть есть до безконечности продолженный обморокъ, миледи.... позвольте повторить вамъ, что мнѣ необходимо знать....

— Я не знаю, докторъ, не знаю! Надо спросить миссъ Стевартъ.

— Она долго разговаривала съ сэромъ Франкомъ Персевалемъ, отвѣчала Діана....

— А!... протяжно произнесъ докторъ.

— Съ самаго утра, то есть, съ самаго прихода ея сюда, она была въ какомъ-то странномъ состояніи....

— А не было ли особой причины приходу ея сюда?

Діана покраснѣла и молчала.

— Миледи, продолжалъ Муре строго: миссъ Треворъ опасно больна.... я, какъ докторъ, долженъ все знать.

— Она получала письмо отъ Франка, произнесла едва слышнымъ голосомъ Діана.

— Какой срамъ! вскричала леди Кемпблъ.

— А-га!... иронически сказалъ докторъ: сэръ Франкъ скоро выздоровѣлъ....

Пробывъ еще нѣсколько минутъ, докторъ молча поклонился дамамъ.

— О, ради Бога, не уходите, не обнадеживъ насъ! вскричала леди Кембль.

— Миссъ Треворъ еще жива, холодно отвѣчалъ Муръ, тщательно надѣвая перчатки: я сейчасъ пришлю сюда моего помощника, а вечеромъ самъ зайду.... до свиданія! Муръ удалился.

Пріѣхавъ домой, онъ велѣлъ позвать къ себѣ Роулей, который тотчасъ же явился.

— Ну, что? спросилъ докторъ, какова наша птичка?

— Сидитъ въ клеткѣ, отвѣчалъ помощникъ; оскаливъ зубы.

— На діэтѣ?

— Пол-унціи хлѣба черезъ день.

— Въ комнаткѣ ея темно?

— Какъ въ трубѣ.... а крѣпкѣ! нечего сказать.... я бы, кажется, давно уже ноги протанулъ, а она нѣтъ, живетъ. Впрочемъ она ужъ порядочно перемѣнилась. Кожа, да кости!... Зато она у меня больше десяти минутъ проспать не смѣетъ.... Онъ посмотрѣлъ на часы:—Ахъ, чортъ возьми! я заговорился съ вами, докторъ, а она спитъ себѣ тринадцатую минуту.... я жъ разбужу ее!...

Помощникъ-отравитель, проговоря это, убѣжалъ.

Секунду спустя, послышался въ верхнемъ этажѣ страшный ревъ... Легкій крикъ испугу послѣдовалъ за ревомъ....

Пять дней прошло съ-тѣхъ-поръ, какъ Клара Мать-Ферленъ находилась во власти доктора Муръ. Она привалитъ себя въ комнаткѣ, куда, по приказанію доктора, заперъ ее Роулей. Глубокій, непроницаемый мракъ окружалъ ее. Всѣ происшествія того дня мало-по-мало представлялись ему молодой дѣвушки.

— Батюшка! проговорила она: я видѣла батюшку.... Анна! гдѣ ты?....

Она протянула впередъ руки. Никто не отвѣчалъ.

— Боже мой! они убили ее.... а я гдѣ?... мракъ, тишина!

на... неужели они и меня убили?... Неужели и я жертва?.. Странная мысль овладѣла умомъ ея, и она продолжала: Такъ это смерть!... вѣчная, глубокая ночь.... мертвое молчаніе.... я въ могилѣ!... Боже мой! долго ли я буду страдать?...

Смертнѣйшій холодъ пробѣжалъ по жиламъ Клары, голова ея опустилась на грудь.... сердце замерло.... но, преодолевъ ужасъ, она скоро встала, сдѣлала два шага, выставивъ впередъ руки..... и встрѣтила какую-то странную преграду, уступавшую давленію руки ея, подобно мягкой подушкѣ. Она поворотила въ другую сторону—то же, вездѣ то же!... Стѣны круглой комнаты были покрыты клеёнкой, съ войлокомъ; благодаря этой ужасной предосторожности, ни малѣйшій наружный шумъ не могъ достигнуть до слуху несчастной жертвы и крики ея были заглушены.

Отчаяніе овладѣло Klarой и славилло ей грудь; голова была въ огнѣ... желаніе свободы, воздуха, свѣту, простору пробудилось съ энергіей; она вскрикнула.... ни малѣйшее это не вторило крику ея!... Видѣ себя, съ какою-то бѣшеною яростію, она ударила головой объ стѣну.... подушка смягчила ударъ.... Рыдая упала она на полъ, закрыла лицо руками и впервые мысль о молитвѣ пришла ей на умъ.... Она стала молиться.... Но бѣдная дѣвушка была слишкомъ слаба. Свокоійствіе, возвращенное ей молитвой, было не продолжительно.... она опять стала плакать, отчаяваться, и опять молилась, опять надѣялась!

Время проходило. То же мертвое молчаніе, тотъ же мракъ, тяжелѣйшій, непроницаемый, окружали ее!... Вскорѣ къ страданіямъ ея присоединился еще голодъ.... Ничто не можетъ сравниться съ медленною, мучительною пыткой, которой подвержена была молодая дѣвушка «ради науки и для общей пользы человѣчества»!...

На третій день съ Klarой стали уже дѣлаться нервическіе припадки. Она забывалась.... находилась въ сильномъ бреду.... странныя видѣнія мелькали передъ ея глазами.... Ей представлялись то тихо засыпающая Анна, то блѣдное лицо отца, освѣщенное луной.... но чаще всего

передъ нею носился прелестный образъ мечтателя—Эдуарда!... Бѣдняжка любила его всею силою юной, дѣвственной души....

Наконецъ, изнеможенная душевной борьбой, Клара лишилась чувствъ, не внезапно, но мало-по-мало; она чувствовала какъ неизъяснимая слабость распространялась по членамъ ея.... она постепенно слабѣла и, наконецъ, совершенно забылась.... Дверь отворилась тихо, тихо.... лучъ свѣту отразился въ черной, блестящей клеенкѣ и худощавая, желтая, звѣрская фигура Рѹлей появилась на порогѣ узенькой двери. Въ рукѣ у него была свѣча, подъмышкой небольшой ящикъ со склянками. Поставивъ свѣчу на полъ, онъ подошелъ къ Кларѣ.

— Эка невидаль! сказалъ онъ, осмотрѣвъ молодую дѣвушку съ ногъ до головы: было за что платить сто гиней!... Конечно, дѣвчонка хоть куда.... да всё-таки дорого.... Впрочемъ это не мое дѣло!... Поправивъ очки, онъ осмотрѣлся:—Хе! хе! хе! однако жъ надо признаться, что здѣсь развлеченіи мало!... маловато!... даже, если прямо сказать, такъ совсѣмъ нѣтъ развлеченія!... А вотъ поди же! Каковы женщины? И нѣтъ развлеченія, такъ найдутъ!... Обмороки не даромъ придуманы!... Рѹлей вынулъ изъ ящика склянку, сперва самъ съ наслажденіемъ понюхалъ изъ нея, а потомъ поднесъ къ носу Клары.

Молодая дѣвушка слегка застонала, сдѣлавъ судорожное движеніе. Помощникъ доктора проворно закрылъ ей глаза.

— Вотъ такъ! Не хотите ли покушать, дитя мое?

Клара была неподвижна и не отвѣчала.

— Молчаніе есть знакъ согласія.... притомъ же, я думаю, она проголодалась, — онъ вынулъ изъ кармана кусокъ хлѣба и продолжалъ: не угодно ли хлѣбца, дитя мое?

Рѹлей снялъ платокъ съ глазъ Клары и опять далъ ей понюхать спирту. Она пошевелилась и открыла глаза. Рѹлей погасилъ свѣчу.

— Свѣтъ! вскричала затворница; мнѣ показалось, что я видѣла свѣтъ!

Она услышала шумъ запершейся двери, и опять наступила прежняя тишина.

Рѳулей возвращался въ свою квартиру, находившуюся надъ самой комнаткой Клары.

— Я увѣренъ, думалъ онъ всходя по лѣстницѣ: что она не найдетъ хлѣба. Досадно! Докторъ велѣлъ мнѣ беречь ее.... вѣдь сто гиней не шутка!

Воротившись къ себѣ, онъ приподнялъ въ одномъ углу коверъ, открылъ маленькій люкъ и произнесъ съ величайшею кротостью, къ какой только былъ способенъ голосъ его:

— Дочь моя! Господь сжалился надъ тобою.... у ногъ твоихъ лежитъ кусокъ хлѣба.... Поищи и найдешь.

Клара съ живостью приподняла голову, но отверстіе было уже закрыто. Рѳулей не предугадывалъ дѣйствія своей выдумки.

Набожная до фанатизма, воспитанная въ мистическихъ вѣрованіяхъ шотландскаго благочестія, Клара приняла слова эти за голосъ свыше. Она горько раскаялась въ отчаяніи своемъ; преклонила колѣна и изъ глубины души возсылала къ Всевышнему молитву горячую, усердную!... Потомъ она стала ощупью искать хлѣбъ и нашла.

Молитва и хлѣбъ подкрѣпили Клару. Мысли ея сдѣлались спокойнѣе и вскорѣ благодѣтельный сонъ сомкнулъ глаза ея....

Она проснулась на постели, съ плотно задернутыми занавѣсами, сквозь которые свѣтился огонекъ отъ лампы, находившейся въ отдаленіи отъ кровати на маленькомъ столикѣ, возлѣ котораго сидѣлъ спиной къ Кларѣ мужчина, перевертывавшій листы большой книги. Свѣтъ отъ лампы скользилъ по лысой головѣ этого человѣка и на стѣнѣ рисовался профиль его, отличавшійся длиннымъ, свинымъ носомъ.

— Боже мой! какъ я страдаю! произнесла Клара шопотомъ, прижавъ руку къ груди.

— А-га!... сказалъ Рѳулей, загибая уголокъ страницы, на которой онъ остановился и закрывая книгу.... Страдать изволите! ну что жъ, голубушка, у насъ свой докторъ.... да еще какой докторъ!

— Хлѣба! проговорила Клара; ради Бога, хлѣба!

— Та, та, та! Хлѣбца просимъ!... Нельзя, хлѣбъ выше дорогъ!... И Рѹлей, взявъ лампу, подошелъ къ постели. Клара закрыла глаза, привыкшіе къ мраку. — Крѣпка, продолжалъ помощникъ доктора, смотря на бѣдную жертву: крѣпка!

Губы молодой дѣвушки поблѣднѣли; вѣки дрожали.

— О-го! вскричалъ Рѹлей, будетъ кризисъ.... надо позвать доктора.

Докторъ Муре провелъ цѣлую ночь у изголовья Клары. Онъ слѣдилъ за всѣми измѣненіями нервного припадка ся—лекарство было у него подъ рукой.... но онъ не употребилъ его. Къ-утру онъ воротился къ себѣ въ кабинетъ и записалъ свои замѣчанія.

— Что теперь дѣлать съ молодою дѣвушкой? спросилъ Рѹлей.

Надо произвести новыя, другіе припадки, сказалъ докторъ подумавъ. Ночь эта была драгоцѣнна.... я очень доволенъ.... но узналъ болѣзнь миссъ Треворъ только съ одной стороны. Подумавъ еще съ-минуту, онъ продолжалъ:— Перенеси ее съ кровати въ темную комнатку, Рѹлей.... Теперь ее безпреставно будетъ клонить сонъ.... пусть она спитъ, но по временамъ открывай люкъ въ твоей комнатѣ и буди ее.

Съ этой минуты для бѣдной Клары началась новая пытка. Естественнымъ слѣдствіемъ нервическихъ припадковъ былъ тяжелый, непреодолимый сонъ.... она засыпала.... но черезъ каждыя десять минутъ Рѹлей, который запасался руноромъ, будилъ ее.

Прошло еще три дня и Клара впала въ то состояніе, какое доктору нужно было для новыхъ опытовъ. Слабая натура молодой дѣвушки совершенно разстроилась и ослабла; между-тѣмъ нервическая чувствительность ея, достигнувъ почти эпилепсін, все болѣе и болѣе раздвигалась дѣйствіемъ періодическаго пробужденія.

Но болѣзнь миссъ Треворъ, какъ мы уже знаемъ, давно измѣнилась и озадачила доктора. Онъ былъ бы счастливъ, если бъ могъ ввергнуть Клару въ катализъ,

но не зная къ тому средствъ, оставилъ ее на-время въ полномъ распоряженіи своего помощника, которому она служила игрушкой, пріятнымъ развлеченіемъ.

Состояніе Меря противилось всѣмъ средствамъ доктора. Діана и леди Кемпбл, не отходившія отъ нея, были въ отчаяніи. Прошли сутки. Муре воротился домой въ самомъ непріятномъ расположеніи духа, опять велѣлъ позвать Рюлея и опять спросилъ его о состояніи Клары.

— Надо ковать желѣзо пока горячо, отвѣчалъ помощникъ; поторопитесь, оно начинаетъ холодѣть....

— Есть ли какіе-нибудь признаки?

— Какъ же, есть!... Завтра то же будетъ новый признакъ.... она умретъ!

— Но она еще жива?

— Маленько.... ни то, ни сѣ.... она въ обморокъ и я старался привести ее въ чувство, когда вы меня позвали.

Докторъ схватилъ его за руку и произнесъ тихимъ голосомъ:

— Оставь ее въ обморокъ и приготовь большой вольтаическій столбъ.

Рюлей посмотрѣлъ на него съ изумленіемъ.

Въ четыре часа Анджело Бѣмбо вошелъ въ комнату зеркала, гдѣ спалъ Ріо-Санто, и разбудилъ его.

— Это, ты, Анджело? проговорилъ маркизъ слабымъ голосомъ: какъ я усталъ!...

— Отдохните еще, милордъ, сказалъ съ искреннимъ участіемъ Бѣмбо: завтра вы еще успѣете приступить къ великому дѣлу....

— Къ великому дѣлу? повторилъ Ріо-Санто, ласково посмотрѣвъ на юношу: у тебя взоръ пронизателенъ, какъ у ревнивой жепщины, Анджело.... ты все угадываешь, хотя никогда и ни о чемъ не спрашиваешь.... тебя не видно, когда присутствіе твое не нужно, но ты являешься въ минуту опасности....

— Клянусь честью, донъ Хосе, прервалъ его Бѣмбо, что въ чувствѣ, заставлявшемъ меня наблюдать за вами, не было ни искры любопытства.

— Развѣ я сомнѣваюсь въ томъ? возразилъ Рио-Санто, пожавъ руку молодому человѣку. Я все слышалъ.... все знаю! О, у тебя благородное сердце, Анджело!... Господь любить тебя, Бѣмбо, продолжалъ Рио-Санто съ грустью: у тебя нѣтъ кровавыхъ воспоминаній, скрывающихъ отъ насъ небо....

Анджело почтительно молчалъ; похвалы маркиза открыли щеки его румянцемъ благородной гордости.

— О! продолжалъ Рио-Санто съ жаромъ, какъ-бы отвѣчая на мысль свою: я не боюсь смерти.... но не хочу умереть, не достигнувъ цѣли, не побѣдивъ!...

Рио-Санто сплѣлъ нѣсколько минутъ молча, погруженный въ размышленія.

— Анджело, сказалъ онъ тихимъ, но твердымъ голосомъ: если бы другой зналъ половицу того, что ты знаешь, я убилъ бы его..... потому что тайны мои изъ тѣхъ, которыя должны быть скрыты какъ подъ могильнымъ камнемъ, до-тѣхъ-поръ пока успѣхъ не откроетъ ихъ!... Но тебѣ, Анджело, я могу вѣрится, потому что ты единственный другъ мой!

— Благодарю, милордъ! благодарю, вскричалъ юноша съ признательностью: о! не откажите мнѣ въ одной просьбѣ.... назначьте и мнѣ долю опасностей, чтобы и я могъ побѣдить или умереть за васъ!

— Синьоръ Анджело Бѣмбо, отвѣчалъ маркизъ медленно: я не даромъ называлъ васъ своимъ другомъ. Вы будете идти со мною рядомъ!

Молодой человѣкъ съ жаромъ поцѣловалъ руку маркиза.

— Анджело, продолжалъ Рио-Санто послѣ короткаго молчанія: ты побѣдишь сегодня со мною..... ты мнѣ нуженъ. Позови сюда Эреба.

Послѣ ухода Бѣмбо, маркизъ съ усиленіемъ поднялся съ кресла и нетвердыми шагами пошелъ къ постелѣ маркиза Макъ-Ферланъ крѣпко спалъ. Рио-Санто нѣсколько секундъ смотрѣлъ на него; шумъ, послышавшійся въ сосѣдней комнатѣ, заставилъ его закрыть занавѣсы и перейти въ кабинетъ. Тамъ ждалъ его Эребъ, маленькій испанецъ,

котораго мы уже видѣли въ домѣ Эдуарда, на Корнгильской Площади.

— Пить! сказалъ Рио-Санто тихимъ голосомъ и опираясь на спинку кресель.

Эребъ снялъ съ шеп маленькій ключикъ, вистѣвшій на шелковой тесѣмкѣ и отперъ ящикъ, прекрасной, рѣзной работы, стоявшій на этажеркѣ. Изъ ящичка онъ вынулъ хрустальную рюмку и до половины опорожненный графинчикъ. Наполнивъ рюмку водою, онъ налилъ въ нее двѣ капли жидкости, находившейся въ графинчикѣ. Вода зашипѣла и приняла золотистый цвѣтъ.

— Хорошо, сказалъ Рио-Санто, взявъ рюмку: одѣваться!

Рио-Санто выпилъ всю рюмку, удалился въ сосѣдную комнату и черезъ четверть часа вышелъ оттуда одѣтый. Нельзя было узнать его. Потухшій взоръ его горѣлъ огнемъ, румянецъ покрывалъ блѣдныя щеки; станъ его выпрямился; онъ шелъ твердымъ шагомъ.

Анджело, съ боязливимъ, суевѣрнымъ изумленіемъ смотрѣлъ на него.

Они сѣли въ карету, которая черезъ четверть часа остановилась въ улицѣ, гдѣ находился домъ графини Дербн.

— Анджело, сказалъ маркизъ, выходя изъ кареты: я скоро ворочусь; пусть карета останется здѣсь; я не хочу чтобы ее видѣли у дому леди Офеліи и дойду туда пѣшкомъ.

Графиня сидѣла одна въ будоарѣ свосмъ, передъ каминномъ. Она была печальна. Когда Женни доложила ей о маркизѣ, мрачныя мысли ея разсѣялись. Она поспѣшно встала и съ невыразимою радостью бросилась къ двери, но вдругъ остановилась.... она вспомнила, что открытіемъ, сдѣланнымъ Персевалю, навлекла позоръ, который былъ погубелью на человѣка, котораго такъ пламенно любила!.... Съ отчаяніемъ опустилась она въ кресла.

Рио-Санто вошелъ и почувствовалъ, что рука, которую онъ подносилъ къ губамъ своимъ, дрожала. Смущеніе графини перешло и на маркиза..... Съ крайнимъ безпокой-

ством опустил онъ руку, не поцѣловавъ ее и впервъ въ Офелію строгій, пронизательный взглядъ.

Графиня опустила глаза, не будучи въ-состояніи перенести этого взгляду. Брови Ріо-Санто слегка нахмурились. Замѣтивъ слезы, катившіяся по щекамъ леди Офеліи, онъ опять взялъ ее руку, холодно поцѣловалъ и пошелъ къ двери.

— О, милордъ! вскричала Офелія рыдая: не уходите еще!

Ріо-Санто остановился. Взглядъ его былъ исполненъ нѣжности и состраданія.

— Вы раскаиваетесь, неправда ли? сказалъ онъ. Я вѣрю, миледи; дорогою цѣною хотѣли бы вы искупить вашу нескромность.....

— Цѣною крови моей, милордъ! прервала его Офелія умоляющимъ голосомъ.

— Вѣрю, бѣдная Офелія, вѣрю. Вы добры и любите меня..... раскаяніе ваше искренно..... но сдѣланнаго воротить нельзя.....

— Слѣдовательно, вы все знаете?

— Я ничего не зналъ миледи, ничего. Вы сами измѣнили себя. Прежде, когда я приходилъ, вы были такъ веселы, такъ счастливы..... улыбка ваша была искренна..... сегодня вы встрѣтили меня слезами.....

Онъ промолчалъ съ минуту, потомъ прибавилъ со вздохомъ:— Это большое несчастіе, миледи!....

— Какъ! вскричала съ боязнью графиня: развѣ жизнь ваша въ опасности?....

— Моя жизнь! повторилъ Ріо-Санто съ грустной улыбкой: не о моей жизни идетъ дѣло, миледи..... Развѣ не довольно было одного Вебера?

Слезы засохли на горѣвшихъ щекахъ графини.

— О, милордъ! проговорила она съ ужасомъ: я не хочу понимать вашихъ словъ!

— Вы понимаете ихъ, миледи..... ваша нескромность погубила не меня, но другаго!

— Сжальтесь, донъ Хосе! умоляю васъ, сжальтесь самыми! вскричала леди Офелія, упавъ на колѣни.

— Бѣдная Офелія, сказалъ онъ, садясь возлѣ нея: Ріо-Санто

поднялъ ее: сколько горя причинила вамъ моя любовь!.... но я люблю васъ не столько же какъ прежде, а болѣе..... Я готовъ исполнить вашу просьбу.... Садитесь къ письменному столу и напишите письмо сѣру Франку Персевалу.

Офелія съ живостью отерла слезы и повинувалась. Рио-Санто оперся на спинку ея креселъ.

— Напишите ему, продолжалъ онъ, что завтра вечеромъ вы будете его ждать въ вашей каретѣ, передъ Сентъ-Джемскимъ театромъ, на углу Дѣкской улицы..... Завтра вечеромъ въ девять часовъ.... Вы отправите туда вашъ экипажъ, миледи, а сами останетесь дома; я буду ожидать Франка Персевала.

Офелія обернулась и устремила на Рио-Санто безпокойный взглядъ.

— Клянусь, сказалъ маркизъ, какъ-бы отвѣчая на этотъ взглядъ: клянусь пощадить жизнь Персевала. Запечатйте письмо..... Съ послѣдними словами онъ взялъ со стола шляпу и посмотрѣвъ на часы, прибавилъ: Миледи, весьма важное дѣло заставляетъ меня удалиться отсюда..... вы колеблетесь.... Между-тѣмъ это одно средство спасти жизнь Персевала.

Простившись съ графиней, Рио-Санто воротился къ экипажу.

— На Корнгильскую Площадъ, къ магазину Фалькстона! сказалъ онъ кучеру, садясь въ карету. Анджело, продолжалъ Рио-Санто съ внутреннимъ волненіемъ: ты говорилъ объ опасностяхъ.... онѣ наступили.

— Тѣмъ лучше! вскричалъ Бембо съ сверкающими глазами.

— Бѣмбо, сказалъ маркизъ печально покачавъ головой: не вѣрай никогда тайнъ своихъ женщинѣ..... планъ мой еще не совсѣмъ созрѣлъ, несмотря на то, нескромность женщины заставляетъ меня дѣйствовать....

— Я не разстанусь съ вами, милордъ!

— Знаю, Анджело, и благодарю.

Маркизъ опустилъ голову и молчалъ.

Карета остановилась на углу Корнгильской Площади и Финчъ-Лэнской улицы.

— И такъ, Анджело, сказалъ маркизь съ грустной улыбкой: ты сдѣлался моимъ адъютантомъ....

— Располагайте мною. Я жду вашихъ приказаній.

— Слушай, Бѣмбо; распорядись, чтобы нынче вечеромъ всѣ «ночные лорды» собрался въ Вейтъ-Чепльскомъ домѣ.... черезъ два часа я самъ буду туда. Потомъ доставь мнѣ нынче же вечеромъ свѣдѣнія о банковскомъ проходѣ.

— Все будетъ исполнено, милордъ.

— До свиданія! сказалъ Рио-Санто и завернулъ за уголъ, ко входу въ контору Эдуарда и К°. Карета осталась у магазина Фалькстона, а Анджело нанялъ извозчика.

Со стороны переулка въ домѣ Эдуарда и К° нигдѣ не видно было огня. Маленькій негръ, Эребъ, соскочившій съ запятокъ въ то самое мгновеніе, когда карета остановилась, отворилъ уже дверь въ контору, куда за нимъ послѣдовалъ маркизь.

— Ударъ въ гонгъ средней залы, сказалъ Рио-Санто негру.

— Сколько ударовъ?

— Одинъ.

Маркизь вошелъ въ круглую залу безъ оконъ и съ шестью дверями, о которой мы говорили въ началѣ нашего разказа и едва раздался звукъ удара въ мѣдный тазъ, какъ туда же вошла Фанни.

Видно было, что мистриссъ Бертрамъ была нѣкогда красавицей. И теперь еще черты ея, истомленные злоупотребленіемъ жизненныхъ силъ, были выразительны. Во всѣхъ движеніяхъ Фанни была упительная нѣга.... но вся красота и граціозность ея была подавлена холодной апатіей. Фанни нѣкогда любила и была любима маркизомъ. Она нисколько не удивилась и не огорчилась, замѣтивъ, что Рио-Санто болѣе не любилъ ее.... но съ-тѣхъ-поръ она заглушила голосъ пламенныхъ еще страстей, разнакомилась съ любовью и жила, и дышала только одною безпредѣльною преданностью къ маркизу.

Она вошла съ краснымъ ящпкомъ въ рукахъ.

— Есть ли письма? нетерпѣливо спросилъ Рио-Санто.

— Много, отвѣчала Фанни, садясь возлѣ него.

Фанни открыла ящикъ и маркизъ съ жадностью устремилъ туда свой взоръ. Было около двадцати писемъ. Съ перваго взгляду Рио-Санто открылъ между ними одно, въ грубомъ конвертѣ, съ печатью ирландской почты. Онъ радостно вскрикнулъ и сорвалъ печать.

По-мѣрѣ-того, какъ Рио-Санто читалъ, взоръ его оживился, лицо сіяло радостью.

— Десять тысячъ! вскричалъ онъ наконецъ съ энтузіазмомъ: десять тысячъ храбрыхъ!...

Прочитавъ еще разъ это письмо, онъ взялъ другое.

— Боже мой! вскричалъ онъ, пробѣжавъ первыя строки: они здѣсь.... въ Лондонѣ.... а я еще не готовъ! Я потерялъ шесть дней.... шесть дней!

Рио-Санто пробѣжалъ всѣ письма и хотѣлъ уже встать, когда Фанни остановила его, поднявъ еще одно письмо съ полу.

— Милордъ, сказала она, вы забыли это письмо.

— Правда, сказалъ маркизъ, поцѣловавъ руку Фанни: вы мой добрый гений, мистриссъ.... вы бережете тайны мои, не стараясь проникнуть ихъ.... я вамъ благодаренъ.

Фанни хотѣла улыбнуться, но на глазахъ ея навернулись слезы. Сердце невольно воспоминаетъ иногда о быломъ, а Фанни всё-еще любила маркиза.

Распечатывъ и читая письмо, Рио-Санто съ гордостью выпрямился: на лицѣ его выразилось глубокое уваженіе; потомъ онъ нетерпѣливо смялъ бумагу.

— Это одни пустыя слова!... сказалъ онъ съ досадою: онъ человекъ умный, но... адвокатъ! Пускай онъ ждетъ... я буду дѣйствовать!

Въ Банковской улицѣ, противъ самаго Банка, былъ маленькій, чистенькій, бѣлый домикъ, и въ нижнемъ этажѣ его красивая, опрятненькая лавочка, принадлежавшая, по-видимому, члену общества «умѣренности», потому что въ ней продавалась шипучая содовая вода.

Покупателей было мало. Важный, холодный видъ хозяина или, лучше сказать, хозяевъ магазина, потому что два

человѣка попеременно смѣнялись у конторки—отталкивая покупателей. Только въ отсутствіи хозяевъ, покупатели осмѣливались иногда пошутить съ домовязымъ и худощавымъ приказчикомъ, Ирландцомъ.

Въ лавкѣ былъ одинъ изъ хозяевъ, мужчина средняго росту, почтенной наружности и, вѣроятно, съ слабыми глазами, потому что они были закрыты зеленымъ зонтикомъ. Передъ купцомъ лежала открытая Библия, которую онъ читалъ со вниманіемъ.

Колокольчикъ зазвенѣлъ и въ лавку вошелъ кавалеръ Анджело Бѣмбо.

— Что вамъ угодно? спросилъ хозяинъ протяжно и гонимъ въ носъ.

— Меня прислалъ къ вамъ, маіоръ, мистеръ Эдуардъ, отвѣчалъ Бѣмбо.

— Стъ! синьоръ, стъ! отвѣчалъ купецъ, поспѣшно закрывъ книгу и измѣнивъ голосъ. Что вы кричите!... Я здѣсь не маіоръ, а Эдедія Смитъ....

— Я пришелъ узнать, мистеръ Эдедія Смитъ, продолжалъ Бѣмбо, какъ идетъ работа....

— Да не кричите же, синьоръ!... Работа? Господь благословилъ труды наши и мы приближаемся къ цѣли.

— Милордъ желаетъ знать о вредѣлительнѣе....

— Воля милорда будетъ исполнена, синьоръ.... потрудитесь присѣсть. Мистеръ Эдедія Смитъ позвонилъ. Минуту спустя послышались тяжелые шаги.—Скорѣй, приказчикъ, скорѣй!

— Тысяча чертей и дьяволенковъ! Иду, иду! У кого это такъ горло просохло, что захотѣлось содовой воды, чортъ поberi! раздался грубый голосъ.

— Не ругайся! проговорилъ въ носъ мистеръ Смитъ.

— Правда, правда, или пусть чортъ сдѣлаетъ изъ меня ростбифъ, отвѣчалъ добрый и почтенный капитанъ Педдъ О'Кренъ, длинная и худощавая фигура котораго, закрытая отъ подбородка до колѣнъ передникомъ, явилась на порогъ. Что вамъ угодно, хозяинъ?

— Этому джентльмену надо съ тобою поговорить, отвѣчалъ Смитъ.

— Очень радъ, чортъ меня побери! А что угодно этому джентльмену?

Бѣмбо повторилъ вопросъ свой. Педди выпрямился и принялъ важную осанку, приличную почтенному капитану.

— Слѣдовательно, именовъ сатаны, я могу объявить этому джентльмену, чортъ меня побери, сказалъ онъ, презрительно сбросивъ съ себя передникъ: что я не приказчикъ глупой лавчонки, чтобъ ей провалиться, а капитанъ Педди О'Кренъ, чтобы мнѣ на томъ свѣтѣ ни дна ни покрышки!

— Отвѣчайте, капитанъ, коротко и ясно, сказалъ Смитъ.

— Коротко и ясно, чортъ возьми!... Хорошо, буду отвѣчать, тысяча чертей!

Бѣмбо нетерпѣливо топнулъ ногой.

— Мнѣ некогда! сказалъ онъ.

— Давно бы сказали, сэръ!... Извольте видѣть, дѣло идетъ по-маленьку, чортъ его возьми!... Вѣдь Дублинъ не въ одинъ день выстроены; а до Баука чертовски далеко!... Саундерсъ пошлый дуракъ, но онъ добрый мальчикъ.... онъ работаетъ и напивается добросовѣстно, проклятый скотъ!

— Но проходъ?...

— Проходъ.... то есть, жолобъ или труба подземная, чтобъ ее черти побрали!... Она у насъ подъ ногами!

— Могу ли я видѣть проходъ? спросилъ Бѣмбо.

— Можете ли?... Я думаю. Отчего жъ нѣтъ?.... Какъ вы думаете, мистеръ Смитъ?

— Этотъ джентльменъ пришелъ по порученію «его чести», отвѣчалъ Смитъ.

— Ахъ, дьявольщина! вскричалъ Педди, почтительно приподнявъ шапочку: въ такомъ случаѣ я покорный слуга вашъ и присланнаго васъ.... Извольте видѣть, дыра почти просверлена и если компасъ, чортова выдумка, не вретъ, такъ намъ до проклятыхъ баковскихъ сундучковъ не далеко..... Пора, пора! а то глупая скотина, добрый пріятель мой, Саундерсъ, околѣваетъ.... ужъ отъ него несетъ мертвечиной.... Впрочемъ, надо признаться, что вотъ уже девятый мѣсяцъ какъ онъ роется въ землѣ

какъ крокъ и проглотилъ немаловажное количество зеленаго вина.... Чортъ бы насъ побралъ! то есть не васъ, джентльменъ, и не мистера Смита, да, впрочемъ и не меня!... И такъ если вамъ угодно опуститься въ дыру?...

— Я буду въ-состояніи дать вѣрнѣйшій отчетъ милорду, отвѣчалъ Бѣмбо и послѣдовалъ за капитаномъ въ подвалъ, заставленный боченками. Педди отодвинулъ одну изъ нихъ, въ самомъ темномъ углу подвала; тамъ начался проходъ, вырытый Саундерсомъ.

Въ 183... году, въ эстлейскомъ циркѣ былъ Кадунъ, по имени Саундерсъ-Масъ, прозванный «Слономъ» и отличавшійся своею необыкновенною силой. Онъ былъ тяжелый, безтолковый великанъ; физическая сила подавила въ немъ всѣ нравственныя способности. Вдругъ Саундерсъ исчезъ—никто не зналъ куда онъ дѣвался. Любители «геркулесовскихъ штукъ» и вообще всѣ посѣтители эстлейскаго цирка были сильно огорчены.

Между-тѣмъ Саундерсъ проводилъ время съ почтеннымъ капитаномъ Педди О'Креномъ за огромными стаканами чистѣйшаго джину, который съ удивительною поспѣшностью исчезалъ въ колоссальномъ желудкѣ великана. Три дня кутилъ Саундерсъ. На четвертый день капитанъ вручилъ ему ломъ, нѣсколько другихъ стальныхъ инструментовъ, и работа началась. Сначала она шла очень медленно, потому что великану запрещено было стучать или потрясать землю слишкомъ сильными ударами. Чтобы громадная трудность этого предпріятія была понятнѣе, надо объяснить, что требовалось прорыть не только трубу или жолобъ, но цѣлый корридоръ, по которому можно бы было идти, даже бѣжать. Для означенія вышины служилъ ростъ капитана, ширина же была, естественнымъ образомъ, опредѣлена массивностью самаго Саундерса. Вездѣ гдѣ онъ проходилъ, могли бы пройти рядомъ два человѣка.

Когда фундаментъ дому былъ пробитъ, работа пошла живѣе. Великанъ начиналъ привыкать къ ней. Каждую ночь повозки подѣзжали къ лавкѣ и увозили маленькіе боченки, наполненные землей.

Саундерсъ велъ подъ землей весьма регулярную жизнь; онъ никогда не выходилъ оттуда и не жаловался на судъ-

бу свою; потому что кубашниъ его былъ всегда наполненъ джиномъ. Сверхъ-того капитанъ умѣлъ до такой степени овладѣть умомъ его, что великанъ слѣпо вѣрилъ и повиновался ему во всемъ. И Саундерсъ былъ очень доволенъ—у него была славная, мягкая постель; его кормили вкуснымъ мясомъ, поили портеромъ и джиномъ, табаку давали въ-волю—чего жъ ему больше? Тѣмъ болѣе, что его не торопили. У Саундерса были часы работы и часы отдыха.

Онъ работалъ восемь часовъ; въ остальные шестнадцать ѣлъ, пилъ, курилъ и спалъ.

Этотъ продолжительный покой, прерываемый тяжелой работой, утомлявшей только мускулы рукъ и груди, вместе съ сырымъ, нездоровымъ воздухомъ имѣли пагубное дѣйствіе на здоровье великана.

Онъ трудился ревностно, потому что ему обѣщана была награда, которая обезпечитъ его на всю жизнь. Длинный корридоръ, на сорокъ футовъ разстоянія отъ поверхности улицы, и мѣстами поддерживаемый желѣзными, широкими обручами, былъ освѣщенъ лампами.

Бѣмба не могъ повѣрить, что это была работа одного человѣка.

— Ничего не слышно, сказалъ кавалеръ; видно, работникъ спитъ или отдыхаетъ?

— Спать! повторилъ Педди: какъ бы не такъ!... Если бѣ онъ спалъ, такъ храпѣлъ бы на весь корридоръ; онъ болѣе шумитъ когда спитъ, нежели когда работаетъ!.. Прислушайтесь, милордъ: вотъ онъ, собачій сынъ, добрый пріятель мой, кряхтитъ, чортъ его побори!... Ну, что ему, проклятому, за охота кряхтѣть!... А вотъ постель и бутылка его.

Педди указалъ на углубленіе въ стѣнѣ, гдѣ находилась высокая, мягкая постель. Что же касается до бутылки, то это была огромная кружка, въ которую могло войти бутылокъ до десяти.

— Посмотрите, сэръ, продолжалъ капитанъ, прижавшись къ стѣнѣ и пропуская Анджело: вотъ онъ, Саундерсъ-Слонъ, величайшій и толстѣйшій негодяй Трехъ Соединенныхъ Королевствъ!

Бэмбо увидѣлъ передъ собою массивный колоссъ, который кряхтя подымалъ и опускалъ руки. Не оглядываясь, онъ спокойно продолжалъ работу. Земля, отрываемаая имъ, упала въ большой ящикъ, изъ котораго онъ пересыпалъ ее въ боченки, разставленные по сторонамъ прохода. За нимъ стоялъ столъ съ картой, компасомъ и матерьясомъ.

Бэмбо въ нѣмомъ изумленіи смотрѣлъ на человѣческую массу, находившуюся передъ нимъ. Великанъ былъ голъ, свѣтъ отъ лампы падалъ на красныя, могучія плечи; мускулы его то выступали, то сглаживались. Анджело съ боязливымъ любопытствомъ ожидалъ, чтобы великанъ оглянулся, надѣясь увидѣть на лицѣ его грозную, могущественную энергію.

Педди былъ очень доволенъ изумленіемъ кавалера.

— Ну, что, милордъ?... спросилъ онъ съ видомъ барышника, показывающаго рѣдкую лошадь: какъ вамъ нравится мой маленькій Саундерсъ?

— Удивительно! произнесъ Бэмбо; онъ роетъ землю безъ всякаго шума....

— Точно будто въ пуддингѣ копается, чортъ его побери! не правда ли? прервалъ его капитанъ. Пусть со мной въ тихую погоду, на Темзѣ, приключится морская болѣзнь, если вы найдете другаго такого молодца....

— Онъ, кажется, очень усталъ.

— Онъ сейчасъ кончитъ работу....

Едва Педди договорилъ эти слова, какъ на маленькія часы, висѣвшіе близъ постели великана, пробило одиннадцать. Слономъ тотчасъ же опустилъ ломъ и вздохнулъ съ удовольствіемъ. Онъ оглянулся, и Бэмбо чуть не вскрикнулъ отъ изумленія при видѣ вялой, страдающей, безстрастной физиономіи великана, который, увидѣвъ его, поднесъ руку къ шапкѣ. Въ то же время добродушная улыбка появилась на лицѣ его и онъ стыдливо опустилъ глаза. Педди подалъ ему большой стаканъ джину; Саундерсъ разомъ проглотилъ его и проговорилъ облизываясь:

— Славно!... мистеръ Педди, славно!

— Еще бы не славно, дружокъ ты мой, дужій пьян-

ца, возразилъ ласково капитанъ: еще бы не славно!...
Насмотрѣлись ли вы на него, милордъ?

Бѣмбо сострадательно пожалъ плечами; Педди принялъ это движеніе за утвердительный отвѣтъ и сказалъ Слоу:

— Ступай спать, скверная губка, голубчикъ мой... Спи хорошо и чтобы черти тебя побрали! Спокойной ночи.

Саундерсъ поклонился и исчезъ. Минуту спустя онъ какъ циклопъ храпѣлъ на своей постели.

— Скажите жъ мнѣ наконецъ, много ли сдѣлано? спросилъ Бѣмбо.

— Много ли?... чортъ возьми! много.... отвѣчалъ Педди, ударивъ по грязной бумажкѣ, исписанной цифрами; мы, моряки, мастера считать..... Извольте видѣть, намъ осталось футовъ двѣнадцать до кавны.....

Получивъ еще нѣкоторыя свѣдѣнія, Бѣмбо распростился съ капитаномъ. Черезъ полчаса входилъ онъ въ ту самую залу, гдѣ деви Б... вручила капитану Педди О'Крецу шапку съ досыгами.

Вокругъ стола, находившагося посреди комнаты и открытаго шашью, сидѣло человекъ двадцать, занимавшихъ, болѣею частию, почетныя мѣста въ свѣтѣ. Правда, нѣкоторые изъ нихъ проникли въ свѣтъ подъ ложными именами и титулами, но болѣшая часть принадлежала свѣту по праву рожденія. Эти люди постепенно спустились по лѣстницѣ порока до точки преступленія.

Главное мѣсто между ними занималъ Ріо-Санто: по правую его сторону сидѣлъ Муре. Впрочемъ читатели встрѣтили бы тутъ многія знакомыя лица, какъ напримѣръ бѣднаго слѣпца сэра Эдмонда Мекензи, мистера Смита; послѣдній былъ безъ очковъ и зоптика, которые не пристали бы воинственному лицу майора Боруэма; сэра Ватерфильда и доктора Мюллера, онъ же бриллианщикъ Фалькстонъ.

Когда Бѣмбо вошелъ въ залу, Вильямъ Мерлью говорилъ что-то съ жаромъ. Мерлью былъ молодой человекъ, свѣженькій и розовый. Онъ былъ помощникомъ главнаго казначея Банка.

— Да, господа! восклицалъ онъ пискливымъ голоскомъ: кому это знать лучше меня?... Въ сундукахъ Банка хра-

вится болѣе двадцати-пяти милліоновъ фунтовъ-стерлинговъ!

Послышался радостный ропотъ.

— Двадцать пять милліоновъ! повторилъ слѣпецъ Тиррель, глаза котораго оживились страннымъ блескомъ.

— А сколько достанется на каждого изъ насъ? спросилъ кто-то изъ лордовъ.

— Дѣло очень просто, все зависитъ отъ вѣрнаго дѣнія, отвѣчалъ улыбаясь кассиръ.

— Сэръ Вильямъ, прервалъ его Ріо-Санто, потрудитесь намъ сказать, сколько тамъ банковыхъ билетовъ?

— Мнѣ кажется, что этого знать незачѣмъ, милорды, потому что съ той минуты какъ суммы, обезпечивающей банковые билеты не будетъ, они сдѣлаются пустыми лоскутками.....

— Я спрашиваю васъ, сэръ, на какую сумму тамъ банковыхъ билетовъ? холодно повторилъ маркизь.

— Вдвое болѣе наличной суммы, отвѣчалъ кассиръ.

— Прекрасно.

Въ это время Анджело подошелъ къ Ріо-Санто и сообщилъ ему свѣдѣнія, полученныя отъ капитана Целла О'Крена.

— Милорды, вскричалъ маркизь вставая: мы подошли къ цѣли.... послѣ завтра ночью мы проникнемъ въ Банк!

Громкое ура потрясло стѣны зала.

— Но намъ надо принять нѣкоторыя мѣры, продолжалъ Ріо-Санто, и, надѣюсь, милорды, что вы позволите мнѣ распорядиться.....

— Конечно! конечно! отвѣчали всѣ присутствовавшіе.

— Сэръ Вильямъ не откажется дать намъ подробнѣшія свѣдѣнія, продолжалъ Ріо-Санто, и въ-особенности указать мѣсто и точную сумму банковыхъ билетовъ, которыми онъ столько пренебрегаетъ.....

— Но если банкъ будетъ разоренъ, то..... началъ кассиръ....

— Очень хорошо, сэръ, исполняйте, что вамъ приказываютъ. Что же касается до полиціи, милорды, то люди наши загѣять шумъ въ разныхъ, отдаленнѣйшихъ отъ Банка, частяхъ города и обратятъ все вниманіе вооружен-

ной силы Лондона, туда. Не удивляйтесь же тому, что я приказалъ собрать всю «семью».....

Докторъ Муре, не произнесшій дотогѣ ни одного слова, бросилъ на маркиза быстрый, пронизательный взглядъ; ему казалось, что въ послѣднихъ словахъ Рио-Санто, скрывалась тайная мысль. Тиррель пристально взглянулъ на доктора и едва замѣтнымъ образомъ мигнулъ мутными глазами.....

«Ночные лорды» разошлись.

— Анджело, сказалъ Рио-Санто, прощаясь съ молодымъ чмоукомъ: эту ночь и завтра, ты еще свободенъ; но потомъ долженъ принадлежать мнѣ.

— Я весь ваптъ, отвѣчалъ Бѣмбо, поклонившись.

Разставшись съ маркизомъ, Анджело вошелъ въ корридоръ, на концѣ котораго было окошечко, и откуда видна была комнатка миссъ Макъ-Ферлэнъ.

Анна всё-еще была тамъ. Она была блѣдна и печальна. Глаза ея раскраснѣлись отъ слезъ.

— Эту ночь и завтра!... произнесъ шопотомъ Анджело; послѣ завтра я долженъ забыть ее..... Но можетъ-быть въ это время..... о нѣтъ! я долженъ спасти ее..... Это первая и послѣдняя моя любовь!

Ночь была свѣтлая, ясная. Иней искрился на сухихъ деревьяхъ, стоявшихъ на дворѣ передъ самымъ окномъ, у котораго находился Бѣмбо. Улица была пуста. Только вдали слышался глухой стукъ запоздавшей кареты, катившейся по мерзлой мостовой.

Маленькая дверь дома маркиза отворилась. Оттуда вышелъ Бѣмбо. Въ рукахъ онъ несъ свертокъ, который съ большой ловкостью бросилъ на балконъ небѣленаго дома. Остановившись на минуту и прислушиваясь не разбудилъ ли кого въ домѣ шумъ свертка, упавшаго на балконъ, Бѣмбо ухватился обѣими руками за водосточную трубу и упираясь ногами о выступы, взлѣзъ на балконъ. Тамъ онъ на минуту отдохнулъ и развернувъ свертокъ, спустилъ его въ улицу, плотно прикрѣпивъ концы къ рѣшеткѣ балкона—то была веревочная лѣстница.

Анна проснулась въ испугъ. Обвернувъ кулакъ носовымъ платкомъ, Бѣмбо продавилъ одно изъ стеколъ окна.

Минуту спустя окно отворилось; Бэмбо выскочилъ наружу, залъ проволочную рѣшетку и вскочилъ въ комнату.

Молодой ночью ивзверъ ворвался въ комнату и дунулъ на свѣчу, пламя которой заколыхалось. Анна испуганно вскрикнула и хотѣла бѣжать; но вдругъ остановилась и потомъ бросилась въ объятія Бэмбо, радостно проговорила:

— Стѣфенъ! о, мой Стѣфенъ! Господь прислалъ васъ ко мнѣ на помощь!

Волгзненная дрожь пробѣжала по всѣмъ членамъ Бэмбо. Одно слово, одно имя разрушило сладостнѣйшія надежды его.

— Я столько молилась! продолжала Анна толкомъ, проникавшимъ въ глубину души молодого человѣка: Господь услышалъ мои молитвы!... О, я знала, что вы спасете меня!

Свѣтъ упалъ на лицо Анджею. Анна увидѣла свое заблужденіе, вырвалась изъ объятій незнакомца, бросилась въ противоположный уголь и съ ужасомъ прижалась къ стѣнѣ. Бэмбо не послѣдовалъ за нею. Сердце его сжалось.

— Стѣфенъ! проговорилъ онъ съ грустью: по гдѣ же этотъ Стѣфенъ, котораго она любитъ? зачѣмъ онъ оставляетъ ее въ рукахъ похитителей?... О, я ненавижу этого человѣка!... Онъ на минуту остановился, потомъ съ глубокимъ вздохомъ произнесъ: О, Боже мой! какъ бы я ее любилъ!

Анна между-тѣмъ всё болѣе и болѣе трепетала передъ неподвижнымъ незнакомцемъ: въ пристальномъ взглядѣ его было выраженіе, котораго она не могла объяснить себѣ. Крупныя слезы навернулись на глазахъ ея; она зарыдала и упавъ на колѣни, произнесла съ отчаяніемъ:

— Сжальтесь!... умоляю васъ, сжальтесь надо мной! Бэмбо вздрогнулъ при этомъ восклицаніи. Онъ сжался, забывъ собственную горестъ.

— Я возвращу ее Стѣфену, подумалъ онъ; я буду умолять его, чтобы онъ ее осчастливилъ..... Можетъ ли любовь его сравниться съ моею?

Анна ждала отвѣта и протягивала къ незнакомцу маленькія ручки свои.

— Не бойтесь, произнесъ онъ нѣжнымъ голосомъ: не бойтесь..... я пришелъ не съ злымъ намѣреніемъ..... я пришелъ спасти васъ..... И, вставивъ умоляющую гласность сердца, онъ прибавилъ съ принужденной улыбкой:— я пришелъ по его порученію.

— Отъ Стѣфена! вскричала миссъ Макъ-Ферлянь съ неограниченною довѣренностью.

— Отъ Стѣфена, отвѣчалъ едва слышнымъ голосомъ Бѣмбо.

Молодая дѣвушка съ радостью приблизилась къ незнакомцу. Она улыбнулась сквозь слезы..... Анджело отворотилъ голову.

— Вы пришли за мною, говорила она: я увижу его..... увижу Клару..... всѣхъ, милыхъ сердцу..... благодарю! О, я буду вамъ благодарна, я буду любить и васъ!

Бѣмбо жестоко страдалъ. Но онъ имѣлъ довольно силы, чтобы продолжать великодушную хитрость.

— Пойдемте! проговорилъ онъ: Стѣфенъ ждетъ васъ.

Онъ взялъ дѣвучку на руки, и осторожно спустился съ нею по веревочной лѣстницѣ. Бѣмбо былъ обращенъ лицомъ къ небѣленому дому, между-тѣмъ какъ глаза Анны были устремлены на домъ маркиза.

Они спускались медленно..... веревка качалась..... вдругъ кавалеру послышалось, что въ домъ маркиза открылось окно..... онъ продолжалъ спускаться. Оставалось еще нѣсколько ступеней, когда Анна задрожала.....

— Посмотрите.... смотрите! произнесла она съ ужасомъ: между деревьями..... привидѣніе.....

Бѣмбо не могъ оглянуться. Анна не могла отвести глазъ отъ привидѣнія, которое спускалось по дереву и уцѣпилось за каменную стѣну, отдѣлявшую дворикъ отъ череулка. Луна освѣтила нагія, исхудавшія ноги и высокую грудь, покрытую волосами, страшнаго полу-нагаго привидѣнія.....

Анна закрыла глаза..... Наконецъ Бѣмбо ступилъ на местовую. Въ то же мгновеніе привидѣніе соскочило со стѣны на улицу.

Бѣмбо оглинулся и остановился въ первѣнности. Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него, по другую сторону улицы стояло, прислонившись къ стѣнѣ, привидѣніе и дрожащимъ голосомъ заѣло шотландскую балладу....

Минута была ужасная, но дѣйствіе ея на Анну было совершенно противоположно.

— Батюшка! вскричала она, стараясь высвободиться изъ рукъ Бѣмбо..... Отвѣтецъ мой!

Энджусъ также бросился къ дочери, узнавъ ея голосъ, но въ то же мгновеніе, объятый тайнымъ ужасомъ, онъ отскочилъ.

— Тѣни умершихъ преслѣдуютъ меня! закричалъ онъ дикимъ голосомъ.

— Батюшка! батюшка! кричала Анна.

— Прочь, прочь! закричалъ Энджусъ, оттолкнувъ дочь, которая упала на мостовую:... а видѣлъ.... обѣ погубил! обѣ!... Съ этими словами онъ пустился бѣжать и исчезъ за угломъ....

Докторъ Муре и слѣпецъ Тиррель были связаны тѣсными, таинственными узами. Оба жили въ Винпольской улицѣ; дома ихъ были смежны. Тиррель жилъ въ номерѣ девятомъ; Муре, въ номерѣ десятомъ. Сверхъ-того дома ихъ имѣли сообщеніе посредствомъ потайнаго корридора, входъ къ которому былъ скрытъ самымъ искуснымъ образомъ. Этимъ-то корридоромъ и ушли всѣ обитатели дома Тирреля, когда туда явилась полиція, приведенная Брианомъ Ленчестеромъ.

Муре цѣлый день не возвращался домой. Роулей вѣхаетъ Клару изъ темницы ея и не мѣшалъ ей спать, потому что для послѣдняго опыту доктора нужно было, чтобы она собралась нѣсколько съ силами.

Корридоръ, соединявшій оба дома, сообщался непосредственно съ кабинетомъ Мурс. Сузанна, не подозревая, что ее перевели въ другой домъ, не сопротивлялась.

Въ кабинетѣ доктора, Тиррель отвелъ герцогиню, встопорону и сказалъ ей:

— Ступай въ Вейтъ-Чепльскій домъ, Маудленъ, и объяви тамъ, что домъ мой въ рукахъ полиціи.... мнѣ само-

му некогда; надо замкнуть сумасшедшимъ Бріаномъ и за-
крыть ему ротъ....

— Неприятная исторія, печально сказала старая Фран-
цуженка: у насъ былъ красивый, уютный домикъ....

— Завтра, можетъ-быть, у насъ будетъ дворецъ! отвѣ-
чалъ пожавъ плечами Тиррель. Впрочемъ не разсуждай!
Стувай скорѣе!

Герцогиня изкоса посмотрѣла на Сузанну.

— А ее куда? спросила она.

— Подъ замокъ, Маудленъ, подъ замокъ.... Проворнѣй-
ше! Я пойду раздѣливаться съ Бріаномъ.

Когда Тиррель ушелъ, старушка подошла къ Сузаннѣ.

— Ахъ, душа моя! сказала она, вы были очень не-
осторожны... но я постараюсь поправить все дѣло. До сви-
данія. Она пошла къ двери, но вдругъ остановилась. Ахъ,
Боже мой! вѣдь я ворочусь не скоро, надо позаботиться
о томъ, чтобы вамъ дали поужинать.

— Я не хочу ѣсть, отвѣчала Сузанна.

— Знаю, знаю, душа моя!... Горесть и отчаяніе убива-
ютъ голодъ, но всё-таки можно покушать щипочка и
выпить рюмочку вина. Съ этими словами герцогиня де-
Жеръ удалилась и вскорѣ воротилась съ грумомъ, кото-
рый несъ на подносѣ цѣлый ужинъ.

— Желаю вамъ хорошаго аппетита! сказала старуха,
удалилась. Дверь заперлась и замокъ щелкнулъ два раза.

Сузанна осталась одна.

Она закрыла лицо руками и старалась привести въ по-
рядокъ хаосъ мыслей, толпившихся въ умѣ ея. Невы-
разимый страхъ славилъ ей сердце. Она вспомнила угрозы
Тирреля; угрозы, касавшіяся не ея, а Бріана. Она обвиня-
ла себя въ преступной нескромности.... вся сила души по-
кидала ее, когда дѣло шло о Бріанѣ.... она становилась
женщиной, слабой женщиной!... Крупныя слезы высту-
пали на глазахъ ея....

— О, Боже мой! проговорила она съ отчаяніемъ: я по-
губила его!

Слабый стонъ, какъ-бы въ отвѣтъ на горестную жало-
бу Сузанны, послышался за нею. Она встала и начала
прислушиваться. Стонъ усиливался. Тогда только Сузан-

на зашѣтила маленькую, полурастворенную дверь. Она взяла свѣчу и вошла въ сосѣднюю комнатку. Въ углу стояла кровать; Сузанна подошла къ ней.... Вдвѣ отдернула она занавѣсъ, какъ вѣтеръ ея упалъ на Клару и изумленіе, вмѣстѣ радостное и печальное, выразилось на лицѣ Сузанны.... Она упала на колѣни, сложила руки и съ благодарностью обратила взоръ къ небу....

Клара открыла на мгновеніе глаза и прелестное видѣніе, стоявшее возлѣ постели, наполнило сердце ея надеждой и счастіемъ.... она болѣе не стонала....

— Я не ошибаюсь, преговорила Сузанна тихимъ голосомъ, который перазилъ слухъ Клары какъ звуки отдаленной гармоніи:—это вы! вы, которой не забыло мое сердце!

Нѣмое изумленіе выразилось на лицѣ миссъ Макъ-Ферландъ.

— Вы не помните, продолжала Сузанна: это очень естественно!... но я помню, помню!... Я давно молюсь за васъ и за другаго ангела, сестру вашу.... за благородную Клару и за кроткую Анну!

— Но кто же вы? спросила Клара слабымъ голосомъ.

— Вы не знаете моего имени, вы не спрашивали кто я, когда встрѣтили меня, умирающую съ-голоду....

— Съ-голоду! повторила Клара, болѣзненно сжавъ грудь. О! теперь я... я умираю съ голоду!

— Возможно ли? Сузанна бросилась въ кабинетъ и тотчасъ же возвратилась съ ужиномъ, приготовленнымъ для нея.

— Я прощаю этой женщинѣ все, сказала Сузанна съ восторгомъ: за то, что она доставила мнѣ средство помочь вамъ!

Сузанна помогла больной приводиться и между-тѣмъ какъ Клара съ жадностью ѣла, Сузанна поддерживала ее, утѣшала и улыбаясь цѣловала блѣдныя, исхудавшія руки несчастной затворницы.

Клара оживала..... Она была такъ счастлива и признательна своей благодѣтельницѣ!

— О, какъ она была голодна! говорила Сузанна.... Если бы вы могли видѣть, Клара, какъ румянецъ возвращается на ваши щени!... о, какъ я счастлива!... да, Клара, я счаст-

знаю, потому что мнѣ представился случай хоть нѣсколько отплатить вамъ за благодѣланіе.... О, какъ я васъ люблю!

— Благодарю!.... благодарю! отвѣчала Клара съ полными слезъ глазами; но вдругъ, пораженная невольнымъ и внезапнымъ ужасомъ, она продолжала: но вы не можете навсегда остаться со мною.... а потомъ они опять умерятъ меня съ-голоду.

Сузанна инстинктивно приподнялась, какъ-бы желая стать между Кларой и угрожавшею ей опасностью. Только теперь она получила неясную идею о положеніи миссъ Мэри-Ферлэнгъ и спросила себя, отчего несчастная дѣвушка умирала съ-голоду въ роскошномъ домѣ.

На всѣ вопросы ея Клара не могла дать яснаго отвѣту; ни та, ни другая не понимала причины страшной тайны. Но Клара страдала.... Это было главное.

— Изверги! говорила Сузанна: они осмѣлились мучить васъ, Клара!.... васъ, ангела доброты и кротости!.... Не бойтесь, я защищу васъ... я сильна... пусть они придутъ!...

Она умолкла, замѣтивъ, что Клара внезапно поблѣднѣла и съ ужасомъ закрыла глаза. Прежде чѣмъ она успѣла оглянуться, чтобы узнать причину этого внезапнаго страха, рѣзкій и недовольный голосъ проговорилъ за нею:

— Та, та, та, та!

Сузанна быстро оглянулась и увидѣла человѣка, который съ невыразимымъ изумленіемъ смотрѣлъ на остатки сытнаго ужина.

— Та, та, та, та! повторилъ Роулей съ возрастающей досадой: она набѣлась до-сыта!.... Вотъ тебѣ на! Чтѣ вы, миледи, мѣшастесь не въ свои дѣла?... Чтѣ скажетъ докторъ?... Ну, подумайте сами, чтѣ скажетъ докторъ?....

Сузанна стала передъ постелью, скрестивъ руки на груди и устремивъ грозный, величественный взглядъ на помощника-отравителя.

— Пожалуйста не жмурьтесь! ворчалъ онъ отступая..... Не думаетъ ли она, что я боюсь ея? Какъ бы не такъ! У меня есть отличныя капли.... минуты черезъ три—мое почтеніе!.... Ахъ, чортъ возьми, какъ бы спроводить ее отсюда до возвращенія доктора....

Это желаніе почтеннаго Рёулея не должно было исполниться, потому что въ ту же минуту дверь отворилась и въ комнату вошелъ съ мрачнымъ видомъ, съ нахмуренными бровями, докторъ Муре.

— Чтò это значить, мистеръ? сказалъ онъ грозно, обратившись къ Рёулею.

— Сэръ Эдмондъ привелъ черезъ потайной корридоръ эту леди....

— Ея мѣсто не здѣсь!... Удалитесь, мистеръ, и уведите ее съ собою, сказалъ Муре небрежно.

— Я не выйду отсюда, отвѣчала Сузанна тихимъ, но твердымъ голосомъ.

— Та, та, та! проворчалъ Рёулей.

Докторъ подошелъ къ постели.

— Миледи, сказалъ онъ, стараясь преодолѣть гнѣвъ свой: мнѣ незнакомы ничтожные и пошлые законы того, чтò вы называете свѣтскимъ обращеніемъ.... несмотря на то, я съ любезностью паркетнаго рыцаря—онъ звѣрски улыбулся—попрошу васъ всепокорнѣйше выйти вонъ!

Чтобы объяснить положеніе и настойчивость доктора, мы должны сказать, что онъ пришелъ прямо отъ миссъ Треворъ и намѣревался произвестъ страшный опытъ.

— О! не покидайте меня! сказала бѣдная жертва, принявъ это движеніе защитницы своей за слабость и готовность уступить требованію доктора.

— Покинуть васъ! вскричала Сузанна, обнявъ ее одной рукой. О, нѣтъ, Клара, нѣтъ! Никакое могущество не разлучитъ меня съ вами!

— Бойкая баба! проворчалъ Рёулей.

— Миледи!... закричалъ Муре дрожащимъ отъ бѣшенства голосомъ: вы не знаете меня! Вы не знаете....

— Я знаю, смѣло отвѣчала Сузанна, что вы хотѣли убить этого ангела и рѣшилась защищать его.

Дверь опять отворилась. На порогъ появился слѣпецъ Эдмондъ Мекензи. Никто не замѣтилъ его. Холодный и неподвижный, онъ остановился у порога, устремивъ мутный, безжизненный взоръ на происходившее.

Отвѣтъ Сузанны заставилъ доктора задрожать.

— А!... вы это знаете, миледи? проговорилъ онъ съ страшной угрозой.... Всё-равно! я могу забыть, что вы все знаете, я даже могу простить васъ.... но, удалитесь! удалитесь, если вамъ дорога жизнь!

— Я останусь, отвѣчала красавица, съ дивною смѣлостью смотря въ глаза угрожавшему.

Докторъ оуветнѣвъ руки въ глубокіе карманы своего фрака; лицо его, обыкновенно блѣдное, покрылось кровавымъ цвѣтомъ и было ужасно.

— Вонъ! закричалъ онъ Роулею съ бѣшенствомъ: — Я довольно предостерегалъ ее!...

Роулей поспѣшно выскочилъ, и, увидѣвъ Тирреля, проговорилъ только за дверью свое обычное:—Та, та, та!

Сузанна подняла глазу къ небу....

Но въ то самое мгновеніе, когда Муре съ звѣрскимъ бѣшенствомъ бросился къ Сузаннѣ, мощная рука слѣнца остановила его. Докторъ тщетно старался высвободиться.

— Какъ! вскричалъ онъ наконецъ, обратившись къ слѣпцу: ты смѣешь останавливать меня, ты!

— Не убивай этой женщины, холодно возразилъ Тиррель.

— Кто запретитъ мнѣ?....

— Я.

— Ты, несчастный! но по какой причинѣ? кричалъ докторъ хриплымъ отъ ярости голосомъ.

Клара была безъ чувствъ. Сузанна, безъ страху смотрявшая въ глаза доктору, обратила безпокойный и боязливый взглядъ на Тирреля.

— По двумъ, докторъ. Во-первыхъ, главная причина та, что маркизъ Рио-Санто велѣлъ мнѣ беречь ее.

— А!... произнесъ докторъ, опустивъ голову.

— А мы должны исполнять его волю! прибавилъ слѣпецъ.

— Но она знаетъ мою тайну.... одно слово ея можетъ погубить меня! сказалъ докторъ.

— Она будетъ молчать, холодно отвѣчалъ Тиррель.

— Но кто можетъ въ томъ поручиться?

— Я.

— По какому праву?

— По праву отца ея! Она дочь моя, дочь Измаила Спенсера!...

Сузанна громко вскрикнула и безъ чувствъ опустилась на постель....

П. ФУРМАННЪ.

=

III.

НАУКИ И ХУДОЖЕСТВА.

=

ПОХОДЪ НАПОЛЕОНА

ВЪ ЕГИПЕТЪ.

=

Наполеонъ, любя бесѣдовать о своемъ египетскомъ походе, всегда мало говорилъ о причинахъ и побужденіяхъ къ походу его въ Египеть; рассказы современниковъ не согласны между собою; извѣстные донинѣ акты немногое поясняютъ намъ, и мы невольно должны ограничиться во многомъ догадками.

Неужели безусловно согласимся съ мнѣніемъ, что поэзія подвига увлекла Наполеона? Онъ могъ увлечься ею, когда мечты юности кипѣли еще въ его головѣ, и онъ рѣшался даже искать приключеній на Востокъ, вступая въ службу Султана. Два года, протекшіе послѣ того, измѣнили всѣ его отношенія, возвели обширный умъ его на высокую степень положительности. Согласимся ли, что стараніе директоріи удалить Наполеона было невольною причиною его рѣшенія? Извѣстія противорѣчатъ, и достовѣрнѣе всѣхъ рассказъ, что самъ Наполеонъ, первый предложилъ мысль похода. Постараемся согласить разнорѣчія, и догадку превратить въ достовѣрность.

Безспорно, что Наполеонъ казался директорѣмъ самымъ опаснымъ человѣкомъ изъ всѣхъ окружающихъ ее. Правители Франціи хорошо понимали, что онъ, и только оди́нъ онъ, могъ вырвать изъ рукъ ихъ власть, которую такъ дорожили они. Конечно, они не могли рѣшить чѣмъ будетъ онъ, новымъ Цезаремъ, или Брутомъ противъ нетерпимыхъ всѣми диктаторовъ, но въ томъ и другомъ случаѣ они теряли власть, и могли дорого расплатиться за временное владычество. Надобно было обезопасить себя, но что могли они предпринять противъ честолюбиваго покорителя Италіи и побѣдителя императора? Въ чемъ могли обвинить героя, при его чистой, безукоризненной славі? Удаленіемъ отъ дѣлъ могли сдѣлать его еще болѣе опаснымъ. Но допуская къ дѣламъ, всѣ должны были уничтожаться передъ его превозмогающимъ умомъ, передъ величіемъ его славы. Онъ казался скромнымъ, ничего не требовалъ, но директора хорошо проникали его хитрый умъ, рѣшительный характеръ, непобѣдимую волю, и не вѣрили, что Наполеонъ можетъ унизиться и быть орудіемъ воли другихъ, онъ, разрушавшій всѣ предположенія директоріи въ Италіи, не хотѣвшій тамъ ни съ кѣмъ дѣлиться властью, и своевольно рѣшавшій жребіи Франціи и судьбу другихъ государствъ. Невозможно удалить его изъ арміи и изъ Парижа, занять ничтожными дѣлами, приучить другихъ видѣть его въ бездѣйствіи. Расположивъ этотъ планъ, директора, еще при объявленіи Кампо-Формійскаго мира назначали Наполеона главнокомандующимъ арміею, собранною для высадки въ Англію. Дѣломъ не торопились, а между-тѣмъ продолжали изъясненія почтенія, даже дружбы, безпрестанно призывали въ совѣтъ директоріи Наполеона, требовали мнѣній его, не исполняли ихъ, и послѣ вочестей, возданныхъ ему, украсили всѣ другія награды, не обезпечивая даже его состоянія. Наполеонъ не имѣлъ стѣснительной нужды, не былъ весьма небогатъ. Кромѣ небольшого дома въ Парижѣ, онъ имѣлъ не болѣе трехъ сотъ тысячъ франковъ капитала. О названіи: *Империалъ*, которое хотѣли было дать ему, болѣе не упоминали. Въ совѣтахъ была рѣчь о подаркѣ ему замка Шамборскаго, и великолѣпнаго дому въ Парижѣ,

но предложеніе отклонилъ. Мажорантъ представилъ Совету Пяти Союзъ назначить Наполеону пятьдесятъ тысячъ франковъ пенсін, но предложеніе оставилъ, подѣ предлогахъ довольно забавнымъ, что «дѣла столь великія не награждаются золотомъ».

Чего хотѣлъ тогда Наполеонъ? Власти, и—славы, можетъ-быть, не менѣе, какъ власти высшей и безусловной. Вѣрнѣе, что въ душѣ его не было еще тогда мысли самовластія, что онъ хотѣлъ первенства, желая блага Франціи, видя ничтожность тогдашнихъ правителей, уничтожавшихъ всѣ побѣды его своею безразсудною политикою, заслужившихъ общую ненависть, общее презрѣніе. Но законно онъ не могъ приобрѣсть власти, потому что не имѣлъ права получить мѣсто въ директоріи: надлежало быть сорока лѣтъ, а ему не было и тридцати. И къ чему послужила бы ему жалкая роль товарища Барраса и Ларевеліера? Призываемый въ совѣщанія, Наполеонъ видѣлъ, что совѣтовъ его не думали слушать. Напрасно спорилъ онъ противъ распоряженій директоровъ въ Италіи и въ Нидерландахъ. Надлежало рѣшиться низвергнуть директорію. Но не потеряетъ ли онъ тогда своей славы, народнаго уваженія, любви къ себѣ, не явится ли ненавистнымъ Кромвеллемъ? И гдѣ были средства? Наполеонъ видѣлъ товарищей своихъ италіянскихъ походовъ готовыми на все по слову его, но онъ не могъ быть увѣренъ въ согласіи войска, и тѣмъ болѣе арміи рейнской и голландской, мало знакомыхъ ему, предводимыхъ генералами, завовавшими ему. И самые товарищи его, не увлекались ли многіе изъ нихъ страстями? Не думалъ ли еще такъ недавно Ожеро повелѣвать въ свою очередь, Ожеро, храбрый солдатъ, но лишенный дарованій даже хорошаго генерала? Оставалось прибѣгнуть къ интригѣ, составить заговоръ, принять участіе въ расчетахъ партій, сдѣлаться оружіемъ ихъ, и купить себѣ сомнительную власть возмущеніемъ, подобно Пинегрѣ. Тайные агенты всѣхъ партій окружали Наполеона. Онъ отвергъ предложенія ихъ, говорилъ о ненадобности и невозможности переворота. Народъ еще недовольно несчастливъ—онъ только недоволенъ, и на его помощь нельзя надѣяться. Вы увѣряете, что

мнѣ стѣтъ сѣсть на лошадь, и всѣ пойдутъ за мною: ошибаетесь — никто не пойдетъ, и спокойно пожелають мнѣ счастливаго пути». — «Груша еще не созрѣла» (la poine n'est pas mûre), сказалъ онъ однажды съ досадою, когда его принуждали сказать свое мнѣніе, и прекратить разговоръ.

Удаленный отъ своего воинскаго поприща, не жадая тратить бесполезно времени въ Раштадтѣ, онъ принялъ начальство надъ арміею, назначенною для высадки въ Англію, объѣхалъ сѣверные порты отъ Голландіи до Нормандіи, осматривалъ войска и суда, но личнымъ обзоромъ еще болѣе убѣдился въ трудности предпріятія и невозможности исполнить его. Предполагали оставить въ Италіи 25,000, ограничить Самбро-Мааскую и Рейнскую арміи самымъ необходимымъ числомъ солдатъ, и всѣ остальные войска двинуть на сѣверъ Франціи. При первомъ туманѣ высадка должна была отправиться, при первомъ благопріятномъ вѣтрѣ флотъ испанскій долженъ былъ выйти изъ Кадикса, флотъ голландскій изъ нидерландскихъ пристаней, соединиться въ Ламаншскомъ Проливѣ, и защищать высадку войскъ на непріятельскій берегъ. Наполеонъ не сомнѣвался въ побѣдѣ, но отъ сколь многихъ сложныхъ обстоятельствъ, при недостаткѣ финансовъ, при разномысліи и слабости правителей Франціи, зависѣло предпріятіе! Недостатку денегъ хотѣли пособить займомъ, сдвигали войско, а между-тѣмъ дѣйствовали въ Италіи и Швейцаріи такъ, что вызывали Европу на новую всеобщую войну, которую могло остановить только отвлеченное вниманіе Англіи, угрожаемой высадкою, несогласіе Пруссій и нерѣшительность Россіи.

Послѣ отбытія Наполеона изъ Италіи, тамъ рѣшительно измѣнили всю политику его, и равно раздражали всѣ партіи. Приверженцы прежнихъ мнѣній, духовенство, и тайные агенты Австріи и Неаполя возмущали народъ противъ приверженцевъ новыхъ мнѣній. Несогласіе умножало противорѣчія мѣстныхъ расчетовъ, и споры о преимуществахъ между разнородными частями, составлявшими италіанское общество. Республиканцы оскорблялись глупостнымъ игромъ, какой налагала на нихъ власть Францу-

зовъ. Народъ оскорбляли хищенія французскихъ чиновниковъ; грабившихъ безнаказанно, неуваженіе Французовъ въ религіи и духовенству, и гордость и своеволие надмѣнныхъ властителей. Тягостный трактатъ Франціи съ Цизальпинцами доканчивалъ всеобщее негодованіе. Между тѣмъ духъ реформы непрерывно усиливался: демагоги овладѣвали властью; папа, сардинскій и неаполитанскій короли, и тосканскій герцогъ едва могли удерживать волненія, втайнѣ поощряемыя Французами. Опасеніе вскорѣ оправдалось на дѣлѣ въ Римѣ: декабря двадцать-осьмаго 1796 года, толпа демагоговъ взволновала Римъ. Папскіе солдаты хотѣли разогнать бунтовщиковъ. Юсифъ Бонапартъ, бывшій тогда посломъ въ Римѣ, и генералъ Дюфод, находившійся при немъ, вздумали уговаривать обѣ стороны; ихъ не слушали, началась драка, Дюфодъ былъ убитъ. Юсифъ протестовалъ и уѣхалъ изъ Рима. Не разбирая дѣла, директорія велѣла Бертиѣ двинуть войска къ Риму. Въ февралѣ Бертиѣ приступилъ къ папской столицѣ, и по договору съ папою занялъ крѣпость святаго Ангела, подъ предлогомъ возстановленія тишины. Неистовою радостью встрѣтила его чернь, собралась на Коровьемъ Поля (Campo Vaccino, древнемъ Форумѣ), провозгласила *Римскую Республику*, и послала въ Ватиканъ требовать отреченія папы отъ власти. Въ величій горделиваго смиренія, перво-святитель отвѣчалъ, что не можетъ сложить власти, данной ему отъ Бога, какъ преемнику святаго апостола Петра. Отвѣтъ раздражилъ безумныхъ возмутителей. Бертиѣ едва могъ спасти папу, ночью отправя его въ Тоскану, гдѣ онъ укрывался въ монастырѣ.

Нельзя было скрыть участія директоріи въ мятежѣ, но еще позорнѣе былъ грабежъ французскихъ чиновниковъ въ папской столицѣ. Герой Риволи, Массѣна, смѣившій Бертиѣ, явился первымъ хищникомъ. Обобрали церкви, ограбили монастыри, даже продали на выжигу ватиканскіе ковры Рафаэля. Дѣло было столь возмутительное, что солдаты и офицеры возстали противъ Массѣны. Директорія прислала въ Римъ Дону, Монжа, Флорана и Файпу управлять республикою, и отозвала Массѣну.

Ужасъ распространился въ Туринѣ и Неаполѣ послѣ со-

был въ Римѣ. Последи Гара уговаривать неаполитанскаго короля, и мириться, уступая ему области Беневенто и Понте-Корво. Но вскорѣ новыя событія возбудили еще большія опасенія.

Однимъ изъ нихъ былъ переворотъ въ Нидерландахъ, гдѣ подъ вліяніемъ генерала Жубера и французскаго посланника де-Кроа, демагоги самовольно провозгласили вечную и нераздѣлимую (une et indivisible) республику, уничтожили мѣстные права областей, и изгнали многихъ членовъ народнаго собранія (двадцать-второго января, 1798). Еще обширнѣе былъ переворотъ въ Швейцаріи. Слѣдующею властью и привилегіями большихъ кантоновъ, поощряемые примѣромъ Вальтелинской Области, жители Ваадтской Области подали первый примѣръ бунта. Они просили покровительства Франціи. Войско французское вступило въ Швейцарію, и въ началѣ 1798 Ваадтская Область объявила себя республикою, подъ именемъ *Леманской*. Затѣмъ слѣдовало возстаніе въ Базель, и быстро распространилось вездѣ. Бернскія власти хотѣли уротить волненіе, и въ мартѣ Бернъ былъ занятъ отрядомъ Французовъ, подъ начальствомъ Брюна. Кровавыя междоусобія, грабежъ Французами казначейства бернскаго, тяжелые налоги, были слѣдствіемъ переворота, когда демагоги торжественно возвѣщали новую *Гельветическую Республику*.

Такое распространеніе вліянія французскаго и революціонныхъ идей не могло не возбуждать опасеній Германіи и императора. Дѣла въ Рапштадтѣ, и безъ того затрудняемыя спорами имперскихъ чиновъ, вели не къ миру, но къ разрыву. Рѣшились отправить посломъ въ Вѣну Барнадотта, препоручивъ ему убѣждать императора, и объявить, что Франція не могла отказать въ покровительствѣ народамъ, требовавшимъ ея пособія, но что возмущенія въ Римѣ, Голландіи и Швейцаріи не были слѣдствіемъ тайныхъ интригъ директоріи.

Наполеонъ рѣшительно не одобрялъ поступковъ съ самою и переворотовъ въ Нидерландахъ и Швейцаріи. Грѣхъ вопіялъ онъ противъ хищничества французскихъ генераловъ и чиновниковъ, и доказывалъ неблагоразуміе

дальней, которая, собирая силы противъ Англіи, разрушала между-тѣмъ основанія мира въ Европѣ, и какъ-будто кроточно развлекая свои силы и средства готовила въ то же время особенную армію въ Нервиньянѣ, угрожая вторженіемъ въ Португалію. Ожеро былъ назначенъ тамъ начальникомъ. Можно ли было послѣ-того помышлять объ удачной высадкѣ въ Англію? Правители Франціи ни чему не внимали. Возвратясь однажды изъ совѣта директоровъ, съ досадою говорилъ Наполеонъ другу и совоспитаннику своему Буріену: «Я не хочу болѣе оставаться здѣсь, Буріенъ: здѣсь мнѣ нечего дѣлать. Они ничего не хотятъ слушать. Если я еще останусь здѣсь, они уничтожатъ меня. Здѣсь все изнашивается — у меня уже нѣтъ моей славы! Мнѣ тѣсно въ этой маленькой Европѣ (*cette petite Europe*) — это кротовая нора!... Только на Востокѣ могутъ быть великія царства, совершаться великіе перевороты», прибавилъ онъ. Взоры его засверкали. «Пойдемъ на Востокъ» — воскликнулъ онъ: «всѣ великія славы начинались тамъ!»

Тогда развилась въ душѣ Наполеона мысль, которая была громадна, удовлетворяла его, превосходила обширностью и смѣлостью даже мысль его о походѣ въ Италію въ 1796 году, удаляла его изъ Франціи, дѣлала опять независимымъ въ дѣйствіяхъ, окружая имя его новою, баснословною славою Александра и Юлія-Цезаря, и все обѣщало ему въ будущемъ: это была мысль о походѣ въ Египетъ.

Наполеонъ не отвергалъ войны съ Англіею, единственнымъ и самымъ опаснымъ, самымъ непримиримымъ врагомъ Франціи. Онъ былъ увѣренъ, что пока не унижать Англіи, не лишать ея средствъ вмѣшиваться въ европейскую политику, прочнаго мира Франціи ожидать невозможно. Миръ надлежало купить побѣдою надъ Англичанами. Гдѣ была у Британцовъ пята Ахиллеса, куда ударъ былъ пмъ смертеленъ? Высадка не могла быть такимъ ударомъ, при тогдашнемъ положеніи Франціи и Англіи.

Шестилѣтняя война и усилила Англіи не только не ослабили ея, но вполне оправдали вѣрную политику Питта, умножила могущество Англіи, дали ей возможность рас-

крыть силы, какія доставляли ей неистощимый кредитъ всемирная торговля и безспорное владычество на моряхъ. Только споры оппозиціи заставляли Питта, по-видимому, искать мира. Если Англія потеряла нѣсколько милліоновъ въ субсидіяхъ и другихъ пособіяхъ, утратила нѣсколько тысячъ солдатъ въ Корсикѣ и Нидерландахъ, всё далеко вознаграждалось ей другими выгодами и приобретеніемъ. Англичане торжествовали всюду на моряхъ. Гоу, Готамъ, Бридпортъ, Эльфингстонъ, Дунканъ, Джервисъ уничтожили флоты Франціи, и послѣ союза съ Франціею, Испаніи и Голландіи, флоты испанскій и нидерландскій, въ битвахъ уэссанской, савонской, лоріанской, эрской, саданьской, кампердоунской, сенъ-винцентской. Несмотря на частныя успѣхи, корабли французскіе, испанскіе и голландскіе не смѣли выйти изъ гаваней; флоты Англичанъ блокировали берега Франціи, Испаніи и Нидерландовъ, владѣли Океаномъ и Средиземнымъ Моремъ. Владѣніе Французовъ и ихъ союзниковъ въ Индіи и Америкѣ были всѣ заняты Англичанами.

Противопоставить морскую силу Англичанамъ было невозможно. Флотъ не создается мгновенно, подобно сухопутной арміи. Геній Наполеона постигъ новую, великую мысль: напасть на Англичанъ въ Индіи, поддержать тамошнихъ туземцовъ, еще боровшихся съ превосмогающею силою Британніи, и тамъ побѣдить Англію, по-крайней-мѣрѣ туда отвлечь силы ея, и уже пользуясь отвлеченіемъ, предпринять высадку въ Англію. Таково было основаніе мысли Наполеона. Мѣстомъ, откуда хотѣлъ онъ нанести вѣрный ударъ врагу—былъ Египеть.

Берега Нила, гдѣ нѣкогда сосредоточивалась торговля съ Азією, пока не былъ открытъ путь около Африки, издавна обращали на себя вниманіе многихъ Европейцевъ, полагавшихъ, что заведеніе европейскихъ колоній въ Египтъ снова можетъ обратить туда азіятскую торговлю, и содѣлать Средиземное Море путемъ въ Индію. Албукеркъ, португальскій завоеватель Индіи, такъ страшился, чтобы эта мысль не пришла кому-либо, что хотѣлъ занять Египеть, прокопать каналъ, отвести Нилъ въ Черное Море, превращая въ пустыню сѣверные берега Египта, и уничтожая

возможность Европейцамъ колонизировать ихъ, Лейбницъ предлагалъ Людовику Четырнадцатому занять Египетъ тогда Франція воевала Нидерланды. «Не въ Голландіи, гдѣ закупаютъ ихъ плотины, и гдѣ заступятся за нихъ вся Европа, но на берегахъ Нила побѣдите вы Голландцевъ», говорилъ Лейбницъ. «Тамъ найдете вы настоящій путь въ Индію, отнимете индійскую торговлю Голландцевъ, упрочите могущество Франціи въ Левантѣ, обрадуете христіанство, наполните міръ удивленіемъ, и Европа превознесетъ васъ хвалами, не думая вооружаться противъ васъ».

Что предлагалъ Лейбницъ противъ Голландцевъ, то замыслилъ исполнить Шоазель противъ Англіи, и Магальянь, консулъ французскій въ Египтѣ, предлагалъ Людовику Четырнадцатому, когда Россія и Австрія вели войну противъ Турціи, и казалось, хотѣли раздѣлить турецкую имперію: участкомъ Франціи долженствовалъ быть Египетъ. Мы ждали, что мысль объ Египтѣ уже занимала Наполеона, когда онъ заботился о взятіи Мальты, занятіи Ионическихъ Острововъ, и заведеніи флота въ Средиземномъ Морѣ. Талеранъ, отъ имени директоріи, одобрялъ его планы. Теперь не только мысль объ Египтѣ совершенно овладѣла имъ, но онъ рѣшился принять на себя самое исполненіе ея. Обѣзжая сѣверные берега Франціи, онъ забралъ въ свою карету путешествія на Востокъ, описанія Египта, вытребовалъ бумаги изъ архивовъ, читалъ, перечитывалъ ихъ, слѣдилъ по картамъ пути въ Индію, и когда онъ возвратился въ Парижъ, проектъ его былъ готовъ.

Онъ полагалъ, что 35,000 войска достаточно будетъ завоевать Египетъ и утвердиться въ немъ. Всѣ приготовленія можно было кончить зимою, и въ началѣ слѣдующаго лѣта, скрывая тайну, и отвлекая вниманіе Англичанъ высадкою, переправиться въ Египетъ изъ южныхъ портовъ Франціи. Если бы и не произошло никакихъ другихъ слѣдствій, важно было самое развлеченіе силъ Англіи, и тогда онъ готовъ былъ немедленно возвратиться во Францію, принять начальство надъ высадкою. Обладаніе Египтомъ доставляло уже важныя выгоды: утверждалась власть Франціи надъ Средиземнымъ Моремъ, которое послѣ того можно было назвать «Французскимъ озеромъ» (lac Français).

Франція приобрѣтала мѣсто для богатой колоніи, куда можно было переселить излишекъ народа, даже сослать всѣхъ, кто былъ опасенъ правительству. Всѣ произведенія Америки могли обрабатываться въ Египтѣ, и тамъ могла утвердиться богатая торговля, когда земледѣліе Египта доставляло нестоимыя запасы хлѣба. Но главное — отсюда можно было идти въ Индію, устроивъ флоты на Черномъ Морѣ, и проложивъ сухопутныя сообщенія черезъ Аравію и Персію. Типпо-Саибъ, преемникъ Гайдера-Али, властитель мизорскій, давно умолялъ Францію о пособіи ему, требуя только 1,500 солдатъ и нѣсколькихъ кораблей. Онъ далъ убѣжище всѣмъ Французамъ оставшимся въ Индіи послѣ завоеванія Англичанами тамошнихъ французскихъ колоній, и даже записался въ республиканскій клубъ, учрежденный ими въ Серингатнамѣ. Не было сомнѣнія, что Маратты, Сейки, и другіе индійскіе народы, пристанутъ къ Французамъ, и Франція нанесетъ смертельный ударъ владычеству Англичанъ въ Индіи, угрожая кромѣ-того черезъ Персію Россіи, черезъ Турцію императору. Наполеонъ предполагалъ, что съ Турціею должно стараться сохранить миръ, даже укрѣпить союзъ. Походъ въ Египетъ надлежало представить дружескимъ пособіемъ Султану, потому что, какъ извѣстно, особенно со временемъ Али-бея, Мамлюки, владѣвшіе Египтомъ, были самовластными повелителями его, хотя и признавали власть Султана. Начальникъ французской экспедиціи долженъ былъ объявлять, что Французы друзья Султана, и покоряютъ Египетъ для передачи ему. Такое направленіе дѣла казалось Наполеону столь важнымъ, что, по его мнѣнію, Талеранъ, какъ опытный дипломатъ, долженъ былъ отправиться съ этой цѣлью въ Константинополь посломъ.

Такъ представлялъ себѣ походъ въ Египетъ Наполеонъ, такъ на островѣ святой Елены говорилъ онъ: «главная цѣль экспедиціи Французовъ на Востокъ было униженіе могущества Англіи. Съ береговъ Нила должна была идти армія, которой предлежало измѣнить жребій Индіи-Египетъ долженъ былъ замѣнить Франціи Сенъ-Доминго и Антильскіе Острова, и согласить свободу негровъ съ

выгодами промышленности. Завоеваніе Египта влекло за собою потерю всѣхъ англійскихъ владѣній въ Америкѣ и на Гангескомъ Полуостровѣ. Когда Французы обладали портами Италія, Корфу, Мальтою, Александрією, Средиземное Море превращалось въ французское озеро. Переворотъ въ Индіи долженствовалъ быть болѣе или менѣе близокъ, смотря по слѣдствіямъ войны, расположенію жителей Аравіи и Египта, неприязненному или благопріятному, и сообразно политикѣ, какую приметъ Порты въ столь неожиданныхъ обстоятельствахъ. Единственное дѣло, которымъ надлежало заняться прямо и непосредственно; было *завоеваніе Египта*, и прочное тамъ утвержденіе. Потому при экспедиціи въ Египетъ старались только о средствахъ успѣть въ томъ и другомъ. На все остальное смотрѣли, какъ на необходимое слѣдствіе, о чемъ можно было только догадываться.»

Неужели Наполеонъ не соображалъ однако жъ трудности препятствія? Если переѣздъ черезъ Ламанскій Каналъ былъ такъ затруднителенъ и опасенъ, гораздо тяжелѣе были перевозъ войска въ Египетъ, и сообщеніе отсюда съ Францією. Если бы, при отвлеченіи англійскихъ флотовъ, экспедиція могла пробраться до Египта счастливо, не должны ли были Англичане устремить потомъ всѣ свои силы, чтобы прервать сношенія Египта съ Европою, возстановить Султана, возмутить народы Египта и Аравіи, и защищать Индію усиленными войсками и флотами, въ то же время возобновляя союзы европейскихъ державъ, опасные при безпутномъ правленіи директоріи и отсутствіи Наполеона? Они могли даже увлечь въ союзъ Россію, представляя вредное приближеніе идей переворота на Востокъ, и опасность, грозящую Россіи въ будущемъ, также при паденіи Порты отъ французскаго оружія и при союзѣ Султана съ Францією. Завоеваніе Индіи, конечно, было не трудно, но какія трудности подлежало преодолѣть въ походѣ, достигая туда! Здѣсь Наполеонъ надѣялся на успіе дѣйствій высадки въ Англію, что не дало бы возможности Англичанамъ думать о Востокѣ, на дипломатику Талерана, на всегдашнюю дружбу Турціи съ Францією, невозможность союза Оттомановъ съ Россією,

вѣковымъ врагомъ ихъ, когда Французы могли ослѣпить Султану обратнымъ завоеваніемъ Крима и сѣверныхъ черноморскихъ береговъ. Но онъ предполагалъ даже необычнымъ предпріятіе въ Индію и войну съ Турціею. Тогда Египетъ дѣлался точкою опоры для другихъ дѣйствій. Наполеонъ называлъ ихъ «необходимыми слѣдствіями, исполненіе которыхъ можно было только предчувствовать (*tout le reste était considéré comme une conséquence nécessaire, on n'en avait que pressenti l'exécution*). Тогда обращался онъ въ Сирію, шелъ къ Дарданелламъ; флотъ изъ Египта нападалъ на Константинополь съ моря; Франція уничтожала Турцію, или дѣлала ее своею рабою. Здѣсь открывалось новое средство угрожать Европѣ, даже идти черезъ Балканы на Вѣну, если бы началась европейская война. Медленность союзовъ европейскихъ государствъ и храбрость французскихъ войскъ укрѣпляли надежды, что Франція, по-крайней-мѣрѣ, устоитъ, пока Наполеонъ устремится на столицу Турціи и оттуда поведетъ полки на Вѣну.

Согласимся, что много мечтательнаго было въ замыслахъ Наполеона, многое предавалъ онъ на игру случая, на прихоть счастья, потворствовавшего ему дотолѣ. Но не скрывалась ли за всѣми изчисленными здѣсь замыслами послѣдняя, тайная мысль, которой ни кому не открывалъ Наполеонъ? Если бы все разрушилось—Англичане уничтожили средства въ Египтѣ, война съ Турціею явилась невозможною, директорія вооружила на Францію всю Европу, и побѣда оставила знамена Французовъ—онъ явился тогда избавителемъ отечества, гениемъ побѣды, схватывалъ власть, спасалъ Францію, и какая будущность раскрывалась тогда передъ нимъ! Достигая ее, онъ могъ погибнуть въ волнахъ моря и въ пескахъ Аравіи, пасть отъ пули Мамлюка и сабли Оттомана, но его гробница становилась подлѣ гробницы Александра.... Голова Наполеона кружилась мечтами славы, повторяемъ, можетъ-быть, столько же, сколько жаждой власти. Какъ Александръ восклицалъ въ битвахъ: «Афиняне! чего не дѣлаю я, и только одного хочу: говорите обо мнѣ», такъ Наполеонъ, страшая забвенія, восклицалъ: «Въ Парижѣ ничего не помнятъ—если

я. еще останусь здѣсь нѣсколько времени бѣзъ дѣла—я прашаю! Одна слава быстро смѣняетъ другую въ этомъ обширномъ Вавилонѣ, и если они хорошо разглядятъ мою раба три въ театрѣ, они перестанутъ на меня смотрѣть!».

Утвердившись въ своей мысли, Наполеонъ не медлитъ исполненіемъ. Директоры изумились, и долго не понимали вѣровъ его. Баррасъ первый согласился, но всѣ причины согласія его состояли въ томъ, что походомъ въ Египеть они избавятся отъ Наполеона. «Развѣ вы хотите дожидаться, когда Бонапарте схватитъ васъ за горло?» говорилъ онъ товарищамъ.—«Пусть его убирается, хоть къ чорту, не только въ Египеть!» Талеранъ также не заспорилъ съ Наполеономъ, раздѣляя его убѣжденіе, или зная, что противорѣчить было бесполезно. Болѣе всѣхъ шумѣлъ Ла-Ревеліеръ. Онъ утверждалъ, что для отдаленной и неопытной дѣли безразсудно предавать тридцать, или сорокъ тысячъ лучшихъ солдатъ гибельному походу, лишать Францію перваго изъ ея генераловъ, и начинать войну съ Турціею. Наполеонъ возражалъ, что тайна скроетъ походъ, побѣда несомнѣнна, Турція будетъ довольна, союзники замедлятъ, а онъ готовъ возвратится по первому призыву. «Вы будете готовы, но допустятъ ли васъ?» говорилъ Ла-Ревеліеръ. Споръ дошелъ до того, что Наполеонъ схватилъ перо, и вскричалъ, что если съ нимъ не соглашаются, онъ сейчасъ напишетъ просьбу объ отставкѣ. «Не желаю, чтобы вы ее подали, но если подадите, я первый готовъ принять ее—пишите просьбу, гражданинъ-генералъ!» спокойно сказалъ Ла-Ревеліеръ. Наполеонъ бросилъ перо и съ досадою удавился.

Согласіе всѣхъ другихъ директоровъ рѣшило дѣло. Походъ въ Египеть былъ утвержденъ. Войско должно было собраться въ Италіи, Корсикѣ и Тулонѣ. Наполеонъ принялъ начальство, избирая по произволу помощниковъ; велѣно выдавать ему по полутора милліона каждую декаду на издержки. Вездѣ кипѣла необыкновенная дѣятельность. Въ февралѣ утвердили экспедицію, въ маѣ уже все было для нея готово. Наполеонъ изумлялъ неутомимостью. День въ ночь былъ онъ занятъ, ѣздилъ къ министрамъ, къ дѣ-

ректорамъ, въ виставу, принималъ у себя иностранцевъ, сидѣлъ по ночамъ за бумагами, мандатными ящиками. Курьеры скакали по всей Франціи. Учреждена была коммиссія для вооруженія береговъ Средиземнаго Моря. Войска двигались къ Тулону, Чивита-Веккіа, Генуѣ, и были перевозимы въ Аяччіо. Во всѣхъ этихъ портахъ готовились корабли, транспорты, артиллерія. Войскъ собиралось до 36,000, въ томъ числѣ 2,500 конницы, но лошадей брали не болѣе трехъ сотъ; 2,300 кавалеристовъ получили только сѣдла и сбрую лошадиную. Къ изумленію всѣхъ, кромѣ военныхъ, въ экспедицію назначались ученые — математики, оріенталисты, художники, географы, археологи — Монкь, Бертолле, Фуриѣ, Доломиѣ, Денонъ, Деженеттъ, Ларрѣ, Дюбоа; забирались машины, земледѣльческія орудія; изъ Рима взяты были греческія и арабскія буквы для типографіи.

И никто не зналъ цѣли экспедиціи — такъ строго сохранялась тайна. Военные люди, товарищи Наполеона, не спрашивали куда онъ идетъ, и умоляли только его взять ихъ съ собою. Дезѣ былъ въ числѣ просителей, хотя лично узналъ Наполеона только въ Парижѣ. Клеберъ также прибѣжалъ просить его о томъ. «Если наши подъячіе (такъ называлъ онъ директоровъ) не позволяютъ, я уѣду съ вами тайкомъ, и чортъ возьми, если на первомъ брандерѣ, который поплыветъ по Темзѣ, не будетъ меня, и посмотрите, что я сдѣлаю!» Клеберъ думалъ, что экспедиція готовится въ Англію, Наполеонъ не разувѣрялъ его. Къ этимъ двумъ отличнѣйшимъ генераламъ рейнской арміи, присовокупились Рениѣ, Дуга, Вобоа, Боннъ, Мену, Барагэ-д'Иллеръ, Ланнъ, Мюръ, Беліаръ, Даммартенъ, Жюно, Ланюссъ. Искусному инженеру Каффарелли-Дюфалга поручили инженерное начальство. Бертиѣ былъ тогда страстно влюбленъ, но бросилъ свою невѣсту и явился къ Наполеону. Въ числѣ адъютантовъ его находились Людовикъ Бонапарте, Дюромъ, Евгенийъ Богарнѣ, сынъ директора Мерлена, Полькъ Сулковскій.

Наполеонъ былъ уже готовъ выѣхать изъ Парижа, когда событіе въ Вѣнѣ остановило отъѣздъ его. Бернадотъ доставилъ на вѣнскомъ домѣ французскаго посланства

тратъ цѣлѣнное республиканское знамя, съ девизомъ республиканскимъ: *égalité, liberté*. Жители Вѣны оскорбились дерзостью республиканца, не облеченнаго формальнымъ званіемъ посла, собрались толпою, бросали камнями, стрѣлами въ знамя. Отрядъ австрійскихъ войскъ охранять Бернадотта, но онъ протестовалъ объ оскорбленіи и оставилъ Вѣну, несмотря на убѣжденія императорскихъ министровъ презрѣть ничтожную дерзость черни. Дѣло казалось столь важнымъ, что соображая медленность раппадскихъ переговоровъ, и жалобы европейскихъ государей на поступки въ Италиі и Швейцаріи, директорія почла оное объявленіемъ войны, остановила отъѣздъ Наполеона, и требовала объясненій. Наполеонъ спорилъ, говорилъ, что тутъ вышло вздорное недоразумѣніе. «Хорошо, я не вѣду,» сказалъ онъ наконецъ, и рѣшился поступить по сѣдому, не спрашивая директоровъ. Онъ отправилъ письмо къ Кобенцелю, и тотъ спѣшилъ пояснить все дѣло, обѣдая прислать особеннаго чиновника для подробнѣйшихъ объясненій. Директоры испугались смѣлаго самовластія Наполеона, безъ ихъ согласія говорившаго съ чужеземною державою, какъ-будто онъ былъ верховный представитель Франціи. Они спѣшили его отправкою, и въ началѣ мая Наполеонъ оставилъ столицу Франціи, куда долженъ былъ возвратиться уже повелителемъ республики. Самовластно распоряжался онъ всѣми подробностями экспедиціи. Въ Тулонѣ онъ своевластно спасъ жизнь старому эмигранту, приговоренному къ смерти военнымъ судомъ, и отмѣнилъ кровавый законъ осужденія эмигрантовъ, не спрашивался директоріи. Довольно было слѣдующаго письма его въ военную комиссію девятой дивизіи:

«Бонапарте, членъ Національнаго Института.»

«Съ прискорбіемъ узналъ я, что семидесяти и осьмидесятилѣтніе старики, беременныя женщины и матери малолѣтнихъ дѣтей разстрѣливаются по обвиненію въ эмигранствѣ. Неужели солдаты свободы палачи, или жалость, какую хранили они даже въ битвахъ, умерла въ нихъ сердцемъ? Законъ девятнадцатаго Фруктидора былъ охранительною мѣрою для общественной безопасности, и преслѣдовалъ заговорщиковъ, но не жакетъ женщинъ, не драж-

лькѣ стариковъ. Убѣждаю васъ, граждане, каждый разъ, когда втотъ законъ представить суду вашему старика за шестьдесятъ лѣтъ, или беззащитную женщину, объявлять, что среди битвъ чтли вы старцовъ и женъ непріятельскихъ. Военный, подписывающій приговоръ чловѣку, не могущему носить оружія—трусъ.

Бонапарте.»

Всюду встрѣчали Наполеона, какъ-будто повелителемъ Франціи. Тулонъ, гдѣ за пять лѣтъ являлся Бонапарте поручикомъ артиллерійскимъ, глядѣлъ теперь на него, какъ на рѣшителя судебъ и героя своего вѣка.

Мая девятаго 1798 (двадцатаго флореала, шестаго года), Наполеонъ пріѣхалъ въ Тулонъ, а девятнадцатаго утромъ, когда солнце юга сіяло во всемъ блескѣ, при безчисленномъ множествѣ зрителей, съ громомъ пушекъ, изъ тулонской гавани вышелъ флотъ, соединился близъ Генуи съ отрядомъ Барагэ-д'Иллера, близъ Аяччіо съ корсиканскимъ отрядомъ Вобоа, и близъ Сициліи съ отрядомъ Дездъ, вышедшимъ изъ Чивита-Веккіи. Всего было тринадцать линейныхъ кораблей. Наполеонъ находился на адмиральскомъ, 120-ти пушечномъ кораблѣ, «Востокъ»; два корабля было 80-ти, десять 74-хъ пушечныхъ, кромѣ-того два венеціанскіе корабля о 64-хъ пушкахъ, шесть фрегатовъ венеціанскихъ, осемь французскихъ, семьдесятъ два корветтовъ, куттеровъ, авизо, канонерскихъ шлюповъ и лодокъ. Транспортовъ считалось до четырехъ сотъ. Число войска и пассажировъ простиралось до 40,000, кромѣ 10,000 матросовъ. Членовъ ученой экспедиціи было до ста. Адмиралъ Брюэ начальствовалъ всемъ флотомъ; при немъ были контръ-адмиралы Вилльнёвъ, Бланке Дюшайла, Декрѣ. Гантэмъ былъ начальникомъ морскаго штаба.

Не только Парижъ и Франція, вся Европа въ изумленіи спрашивала: куда устремится по волнамъ моря сынъ побѣды? Видя сильныя приготовленія на югѣ Франціи, одни полагали, что экспедиція идетъ отнять Крымъ у Россіи; другіе, что она назначена въ Индію, на помощь Типпуба; третьи, что Французы хотятъ покорить Бразилію. Говорили и объ Египтѣ, даже о намѣреніи Бонапарте прорыть Суэзскій Перешеекъ, но болѣе всѣхъ другихъ вѣри-

да спуху, что Наполеонъ пройдетъ Гибралтарскимъ Проливомъ, освободить отъ блокады Англичанъ Кадиксъ, соединится съ испанскимъ флотомъ, и устремится въ Англію, когда съ сѣверныхъ береговъ Франціи выступитъ въ море другіе отряды. Солдаты съ восторгомъ встрѣтили Наполеона, и не видавши его съ отъѣзда изъ Италіи, готовы были идти съ нимъ куда угодно; вѣрили, что побѣда вездѣ встрѣтитъ его, какъ ни было бы предпріятіе его велико. Но и они узнали не болѣе изъ слѣдующаго приказа, объявленнаго передъ отплытіемъ флота:

«Солдаты!

«Вы составляете одно изъ крылъ арміи, назначенной противъ Англичанъ. Вы испытали войну въ горахъ, долинахъ, при осадахъ: остается вамъ узнать войну морскую.

«Легіоны римскіе, которымъ вы подражали, по еще не сравнились съ ними, сражались, то на Средиземномъ Морѣ, то на долинахъ Замы. Никогда не оставляла ихъ побѣда, потому что они постоянно были храбры, терпѣливы при перенесеніи трудовъ, стройны, дружны между собою.

«Солдаты! На васъ обращено вниманіе Европы! Вамъ предстоитъ великій жребій—давать битвы, побуждать опасности и труды. Вы слѣдуете больше того, что вы уже слѣдали для благоденствія отечества, счастья людей и вашей собственной славы!

«Солдаты, матросы, пѣхота, артиллеристы, конница! будьте дружны. Помните, что въ день битвы вы надобны другъ другу!

«Солдаты, матросы! до-сихъ-поръ васъ забывали — отнынь объ васъ будетъ главная забота республики. Вы будете достойны арміи, часть которой вы составляете.

«Геній свободы, съ самаго рожденія ея содѣлавшій нашу республику рѣшителемъ судебъ Европы, хочетъ, чтобы она была рѣшителемъ судьбы морей и самыхъ отдаленныхъ народовъ.»

Предпріятіе Наполеона возбуждало большія опасенія въ Англіи. Оппозиція соединилась съ министерствомъ. Не думали объ издержкахъ: говорили только о спасеніи отечества, и вѣря всѣмъ слухамъ, повсюду принимали пред-

осторожности. Кромѣ усиленія флотовъ въ Ламаншскомъ Проливѣ, эскадру адмирала Сентъ-Винсента передъ Кадиксомъ увеличили еще десятью кораблями, и послали значительное войско въ Индію. Наблюденіе въ Средиземномъ Морѣ передали Нельсону, храбрѣйшему изъ английскихъ моряковъ. Съ двѣнадцати лѣтъ волонтеръ на кораблѣ, уже двадцать осемь лѣтъ провелъ онъ на морѣ, потерялъ глазъ въ битвѣ близъ Корсики, руку въ битвѣ на Тенерифѣ, и съ семью судами сталъ передъ Тулономъ. Буря отвлекла его, повредила корабли, и принудила идти въ Сардинію, для починки. Наполеонъ вышелъ во время отсутствія Нельсона, и — слѣдъ его пропалъ на волнахъ моря.

Зная, что Нельсонъ будетъ преслѣдовать, искать его, Наполеонъ ожидалъ встрѣчи съ нимъ, старался самъ изучить морскую тактику, и распоряжался битвою. Видя Наполеона спокойнымъ и веселымъ, войско радо было встрѣчѣ съ Англичанами. Множество легкихъ судовъ давало средства предварительно опознать непріятеля. Приказано было немедленно всѣмъ соединиться, нападать дружно, и стараться сдѣлаться на abordажъ, потому что Наполеонъ надѣялся на солдатъ своихъ, которыхъ учили безпрестанно новому роду битвы. Веселья пѣсни раздавались на корабляхъ. По вечерамъ члены ученой экспедиціи собирались къ Наполеону, и открывали совѣтъ для составленія проекта трудовъ своихъ въ Египтѣ: тайну вхожденія не для чего было уже скрывать, когда море отдѣлило корабли французскіе отъ земли. Солдатамъ толковали объ египетской землѣ, Фараонахъ, Римлянахъ, чудесахъ, какія они увидятъ, сокровищахъ, какими обогатятся.

Прежде покоренія Египта надлежало совершить еще завоеваніе, если такъ можно было назвать занятіе острова Мальты, гдѣ все давно было куплено и приготовлено къ измѣнѣ, безъ чего Мальта, громада каменныхъ утесовъ, устѣянная пушками, была недоступна. Преемники родосскихъ героевъ, мальтійскіе рыцари, давно забыли о цѣли своего назначенія, и являлись анахронизмомъ въ лѣтописяхъ современной Европы. Дѣти знатныхъ людей владѣли богатыми помѣстьями ордена въ разныхъ странахъ Европы, и проматывали доходы съ нихъ; ар-

гіе щеголяли мальтійскимъ крестикомъ, какъ-будто галантерейною игрушкою моднаго кафтава. Во время революцій были конфискованы всѣ орденскія имѣнія во Франціи. Наполеонъ конфисковалъ всѣ италіянскія имѣнія мальтійскихъ рыцарей. Когда пятьсотъ большихъ и малыхъ судовъ окружили Мальту, старшій гросмейстеръ ордена, Фердинандъ Гомпешъ, едва могъ собрать на защиту острова нѣсколько сотъ рыцарей, никогда не видавшихъ битвы; линейный корабль, два фрегата, гнившіе въ гавани, и съ полдюжины галеръ, составляли весь орденскій флотъ. На требованіе сдачи острова отвѣчали однако жъ отказомъ и пальбою. Надобно было, хотя для виду, дѣйствовать. Юня десятаго Французы вышли на островъ и свезли пушки. Послѣ нѣсколькихъ выстрѣловъ начались переговоры, и гросмейстеръ заключилъ договоръ. Орденъ уступалъ Франціи острова Мальту, Гозо и Каніусъ. Франція обязывалась исходатайствовать гросмейстеру вознагражденіе въ Германіи, или взаменъ его, заплатить 600,000 франковъ единовременно, кромѣ 300,000 ежегодной пенсіи Рыцарямъ также назначались пенсіи. Вобою, съ тремя тысячами войска, остался въ Мальтѣ, и въ нѣсколько часовъ покорена была, послѣ двухъ-сотъ шестидесяти-осьми-лѣтняго владѣнія рыцарями, грозная защита христіанъ, нѣкогда выдержавшая двухъ-лѣтнюю осаду противъ безчисленныхъ силъ оттоманскихъ. Франція приобрѣтала во владѣніе сильную крѣпость Средиземнаго Моря. «Хорошо, генераль,» шутя говорилъ Каффарелли Наполеону, «что хоть кто-нибудь нашелся тутъ отворить намъ ворота крѣпости». Странное было начало войны съ мусульманами, отнятіемъ убѣжища непримиримыхъ враговъ Магомета!

Юня девятнадцатаго спѣшили отплытіемъ изъ Мальты. Находясь на высотахъ мыса Бонара, узнали о преслѣдованіи французскаго флота Нельсономъ. Юня двадцать-пятого, близъ Кандіи, извѣстилось, что Нельсонъ находится у береговъ Египта. Наполеонъ велѣлъ приготовиться къ бою, направляясь не прямо на Египеть, но къ Африканскому мысу Азе, въ двадцати-пяти льѣ отъ Александріи. Здѣсь свѣдали, что Нельсонъ былъ наканунѣ у Алексан-

дрин, и не найдя тамъ Французовъ, поплылъ къ Родосу. Юля перваго, вечеромъ, на горизонтѣ завидѣли желтые берега Египта, и вдали появились изъ волнъ шпицы мечетей города Птолемея и Клеопатры. Море сильно волновалось. Наполеонъ хотѣлъ немедленно переѣхать на берегъ, несмотря на опасность. Когда уже готовы были шлюпки, вдругъ показались паруса корабля, и всѣ думали, что приближается англійскій флотъ. «Счастіе! ужели ты оставишь меня? вскричалъ Наполеонъ. «Только пять дней сроку! Пять дней!» Но приближавшееся судно былъ французскій фрегатъ. Началась переправа. Первый сошелъ въ шлюпку Наполеонъ, и близъ селенія Марабу, въ полуторѣ льѣ отъ Александріи, съ трудомъ достигъ онъ берега. За нимъ нетерпѣливо спѣшили другіе; къ ночи переправили до 5,000 человекъ и свезли нѣсколько орудій. Жребій былъ брошенъ. Счастье услышало голосъ своего любимаго.

Съ полей Италиі, отъ воротъ Вѣны и отъ береговъ Англии, онъ прошелъ по волнамъ моря среди непріятельскихъ флотовъ; съ нимъ были его вѣрные товарищи битвы при Риволі и Тарвисѣ, Лоди и Арколѣ; онъ ступилъ на землю, гдѣ, подобно загадочному сфинксу, почіетъ древность въ развалинахъ Оивъ и Мемфиса, въ пирамидахъ Хеопса, къ катакомбахъ и храмахъ Фараоновъ, гдѣ некогда ходили Александръ и Цезарь, Омаръ и святой Людовикъ—на Востокъ былъ онъ, гдѣ «созидаются огромныя славы». Что сулила ему здѣсь будущность?

Глубоко изучивши положеніе и нравы земли, куда шелъ, и образъ войны съ восточными народами, Наполеонъ предварительно расположилъ порядокъ военныхъ дѣйствій, и отношенія свои къ правительству и жителямъ Египта.

Египеть—произведеніе Нила. Составляя сѣверо-восточный уголъ африканскихъ степей, онъ примыкаетъ къ Азійскому Суэзскимъ Перешейкомъ, омываемый съ востока заливомъ Индійскаго Океана (Чернымъ Моремъ), отдѣляющимъ его отъ Аравіи; сѣверные берега его ограничены Средиземнымъ Моремъ; на западъ границы его составляетъ Синая Ливійская, на югъ горы и степи Нубіи и Абиссиніи. Нипогда не падаетъ дождь на египетскую землю, но онъ

обильно льется, въ известное время года, въ юго-восточныхъ горахъ Африки, и образуетъ Нилъ, послѣ шести сотъ лѣтъ лѣ теченія за предѣлами Египта, льющійся съ сіенскихъ утесовъ водопадами. Отсюда Нилъ течетъ лѣсти лѣ по пескамъ египетскимъ, выступаетъ изъ береговъ, сбываетъ въ сентябрѣ, оставляетъ на пескахъ гучный илъ, и на немъ растетъ обильное прозябеніе до марта. Тогда жители спѣшатъ собирать жатву. Едва она оканчивается, наступаютъ жары и безплодіе, продолжающіеся до новаго наводненія Ниломъ. Пустыня и Нилъ, какъ-будто спорятъ здѣсь за землю. Нилъ вливался прежде въ Средиземное Море семью протоками; изъ нихъ уцѣлѣли только два, одинъ на западъ, близъ Розетты, другой на востокъ, близъ Даміетты; образуя обширный треугольникъ, или дельту, въ пятьдесятъ лѣ длины, отъ моря до Каира, и въ шестьдесятъ лѣ ширины по приморью. Древле, когда человекъ поддерживалъ благодѣянія Нила, и проводилъ воды его по пескамъ, они всюду зеленѣли прозябеніемъ. Но вѣка варварства истребили въ Египтѣ человека. Пески засыпали его жилища. Только въ нильской долинѣ тѣснится остатокъ народонаселенія, среди древнихъ гробницъ, опустѣлыхъ храмовъ и развалинъ городовъ, въ двухъ оазисахъ влѣво отъ Нила, и на дельтѣ Средиземнаго Моря, гдѣ мѣста заглохшихъ устьевъ Нила означаются обширными озерами, отдѣляемыми отъ моря полосами песковъ. На одной изъ такихъ полосъ, окружающей длинный полуостровъ, отдѣленный отъ материка египетскаго озерами Маркотискимъ и Абукирскимъ, западнѣ розеттскаго протока, въ нѣсколькихъ лѣ отъ Абукирскаго Залива, въ приморской сторонѣ полуострова находится Александрія—обломокъ древняго города Александрова.

Кромѣ небольшихъ приморскихъ городовъ и бѣдныхъ селеній по Нилу, единственный большой городъ египетскій составляетъ Каиръ, у внутренняго угла дельты, на берегу Нила, воздвигнутый халифами. Считаютъ до трехъ сотъ тысячъ жителей въ этой столицѣ Египта, изумляющей Европейца своимъ восточнымъ величіемъ, мечетями и базарами, куда караваны свозятъ товары Азіи и Африки.

Когда Наполеонъ явился въ Египтъ, народонаселеніе его, кромѣ небольшого числа Жидовъ, христіанъ, Нубійцевъ и Европейцевъ, составляли четыре главныя племена. Потомки древнихъ Египтянъ, Копты, и Феллаги, арабійское племя, были невольниками и работниками другихъ Арабовъ, помѣщиковъ, и Турковъ, властителей Египта, вмѣстѣ съ избранными Арабами составлявшихъ гражданское правительство и духовную власть надъ Египтомъ. Правителемъ его считался паша, присылаемый отъ Султана, и жившій въ Каирѣ. Но военная власть и дѣйствительное владычество находились въ рукахъ Мамлюковъ. Такъ назывались воинскія дружины, учрежденныя въ четырнадцатомъ вѣкѣ изъ черкесскихъ плѣнниковъ, овладѣвшія Египтомъ, и сохраненныя при покореніи Египта турецкому Султану (въ 1517 году). Власть раздѣлена была между султанскимъ правителемъ, пашею, и двадцатью-четырьмя беями мамлюкскими. Каждый бей владѣлъ своимъ округомъ, содержалъ свою стражу и свое войско, набирая его изъ невольниковъ, и имѣя право назначать себѣ преемника. Подкрѣпляемые ордами Бедуиновъ, кочевыхъ Арабовъ Египта, обитавшихъ въ черноморскихъ степяхъ и оазисахъ, беи мамлюкскіе являлись владыками египетскими, наружно сохраняя подданство Султану, платя ему небольшую подать, и самовластвуя надъ жителями. Въ половинѣ осьмнадцатаго вѣка, Али, одинъ изъ мамлюкскихъ беевъ, былъ почти независимымъ государемъ Египта. Послѣ гибели его измѣною, беи не позволяли другъ другу особенныхъ преимуществъ, и раздѣлили власть. Войска беевъ состояли изъ отважныхъ, богатыхъ всадниковъ; каждый бей имѣлъ ихъ отъ пяти до шести сотъ, кромѣ двухъ Феллаговъ при каждомъ всадникѣ и Бедуиновъ, которыхъ нанимали Мамлюки при своихъ безпрерывныхъ междоусобіяхъ.

Наполеонъ являлся союзникомъ Султана, приходившій освободить Египетъ отъ бунтовщиковъ, какъ называлъ онъ Мамлюковъ. Вслѣдствіе этого объявилъ онъ войну и гоненіе Мамлюкамъ, обѣщая полное покровительство власти Турковъ, если только правители султанскіе не соединятся съ притѣснителями Египта. Строжайшее уваженіе къ религіи, правамъ и обычаямъ мусульмановъ, и за-

дита законовъ всѣмъ остальнымъ жителямъ, постановляе-
 ны были основнымъ правиломъ.

Наполеонъ звалъ, что Турки могутъ защищаться упорно
 только въ крѣпостяхъ, и что Мамлюки соберутся тол-
 лою, надѣясь уничтожить непріятеля своею непобѣдимой
 конницею. Надлежало только выдержать первый ударъ,
 устрашить пораженіемъ, не давать собираться потомъ,
 успѣвши занять Каиръ, и весь Египетъ покорится, по-
 тому что крѣпости его были неважны. Всего труднѣе
 былъ походъ по безплоднымъ степямъ египетскимъ.
 Дѣйствовать въ битвахъ хотѣлъ онъ карреями и артилле-
 ріею. Условіемъ побѣды была быстрота. Разсматривая дѣй-
 ствія Наполеона, можно подумать, что онъ учился такти-
 кѣ сраженій противъ восточныхъ народовъ у Суворова.

Въ походной типографіи на корабляхъ, во время плава-
 нія, набраны и отпечатаны были прокламаціи народу,
 указы войскамъ, и приготовлено письмо къ турецкому
 пашѣ, жившему въ Каирѣ.

«Французская республика, писалъ Наполеонъ пашѣ,
 рѣшилась послать могущественную армію, чтобы поло-
 жить конецъ разбоямъ египетскихъ беевъ, такъ, какъ
 нѣсколько разъ принуждена была она втеченіи этого вѣка
 дѣйствовать противъ Алжира и Туниса. Ты, долженству-
 ющій быть начальникомъ беевъ, и задержанный ими въ
 Каирѣ безъ власти и начальства, ты съ удовольствіемъ
 долженъ смотрѣть на мой приходъ. Безъ-сомнѣнія, ты уже
 знаешь, что я ничего не стану дѣлать противъ корана и
 Султана. Ты знаешь, что французскій народъ есть един-
 ственный союзникъ, какого Султанъ имѣетъ въ Европѣ.
 Иди на встрѣчу мнѣ, и проклинай, виѣсть со мною, нече-
 стное племя беевъ!»

Въ пространной прокламаціи жителямъ Египта, Наполе-
 онъ говорилъ: «Вамъ скажутъ, обитатели Египта, что я
 пришелъ разрушить вашу вѣру. Не вѣрьте клеветѣ, и от-
 вѣчайте, что я пришелъ возстановить ваши права, наказать
 хищниковъ, и что я, болѣе нежели Мамлюки, почитаю
 Бога, пророка его в коранѣ.» Говоря о тиранствѣ Мам-
 люковъ, Наполеонъ продолжалъ: «Они у васъ все отняли.
 Если есть у кого изъ васъ красивая невольница, добрая

лошадь, порядочный домъ — все принадлежить Мамлюкамъ. Египетъ какъ-будто оброчный хуторъ ихъ. Пусть же они покажутъ договоръ, который они заключили на обладаніе Египта съ Богомъ. Правосуденъ и милосердъ Господь къ народамъ, и Онъ повелѣлъ, да перейдетъ царство Мамлюковъ!» Объясняя чувства Французовъ, «мы такъ же, какъ вы, истинные мусульманы,» говорилъ Наполеонъ. «Не мы ли уничтожили папу, возбуждавшаго христіанъ воевать съ мусульманами? Не мы ли уничтожили мальтійскихъ рыцарей, потому что эти безсмысленные вѣрили, будто Богу угодно, чтобы они воевали съ мусульманами? Трикраты блаженъ, кто будетъ съ нами! Счастливъ, кто останется не приставаая ни къ кому: ему будетъ время узнать насъ, и онъ будетъ нашъ. Но, горе, трикраты горе тому, кто вооружится за Мамлюковъ, и будетъ сражаться съ нами! Нѣтъ ему спасенія — онъ погибнетъ!»

«Вы предпринимаете такое завоеваніе, говорилъ Наполеонъ своимъ солдатамъ: слѣдствія котораго на образованность и торговлю всего свѣта будутъ неизчислимы. Вы нанесете здѣсь Англій самый вѣрный и самый чувствительный ударъ, въ ожиданіи того времени, когда вы можете нанести ей ударъ смертельный. Народы, съ которыми будемъ мы жить, магометане. Первое правило вѣры ихъ: «Нѣтъ Бога, кромѣ Бога, а Магометъ пророкъ его!» Не спорьте съ ними, и поступайте съ ними, какъ поступали вы съ Жидами и Италианцами. Уважайте ихъ муфтіевъ и имановъ, какъ уважали вы раввиновъ и епископовъ. Оказывайте мечетямъ и обрядамъ, какіе предписываетъ Коранъ, такую же терпимость, какую оказывали въ монастыряхъ и синагогахъ, религіи Моисея и религіи христіанской. Легіоны римскіе покровительствовали всѣмъ религіямъ въ мірѣ. Вы найдете здѣсь обычаи, отличные отъ европейскихъ, и къ нимъ надобно вамъ приучиться. Народы, въ землю которыхъ идемъ мы, поступаютъ съ женщинами иначе, нежели мы. Помните, что во всѣхъ странахъ, кто оказываетъ насиліе, тотъ грѣшъ. Первый городъ, какой встрѣтитъ намъ, построенъ Александромъ. На всякомъ шагу найдемъ мы

здѣсь великія воспоминанія, достойныя возбуждать соревнованіе Французовъ.»

Не дожидаясь высадки остальныхъ, Наполеонъ ночью повелъ четыре тысячи войска въ Александрію. Онъ, генералы его, даже Каффарелли, потерявшій ногу въ битвахъ на Рейнѣ, и ходившій на деревянкѣ, шли пѣшкомъ, по сыпучему песку. Они шли всю ночь. Утромъ приблизились къ Александріи.

Основанная Александромъ, нѣкогда вмѣщавшая въ себѣ 600,000 жителей, 4,000 дворцовъ, 4,000 бань, 400 цирковъ и театровъ, и 12,000 лавокъ, Александрія представляла безконечную груду развалинъ, засыпанныхъ пескомъ и затопленныхъ Маркотискимъ Озеромъ. Между ними разбросаны были хижины Арабовъ. Новый городъ, груда бѣдныхъ зданій и домовъ, стѣснялся на небольшомъ полуостровѣ, раздѣлявшемъ старую и новую гавани, и обнесенъ былъ ветхою каменною стѣною.

Нѣсколько арабскихъ всадниковъ выскакали на встрѣчу Французамъ, обмѣнялись выстрѣлами, и умчались въ степь. Наполеонъ послалъ въ Александрію прокламаціи, и потребовалъ сдачи города. Гарнизонъ хотѣлъ защищаться. Изъ-за стѣны началась стрѣльба. Клеберъ, Бонпъ и Мену повели колонны на приступъ, и Клеберъ былъ одинъ изъ первыхъ раненъ пулею. Быстро завладѣли Французы стѣною. Битва началась въ улицахъ, но Наполеонъ успѣлъ уговорить защитниковъ крѣпости и прекратить кровопролитіе. Гарнизонъ отпустили, съ письмомъ къ пашѣ и прокламаціями, которыя читали на площадяхъ жителямъ Александріи. Всѣ власти городскія были оставлены на ихъ мѣстахъ, и къ вечеру все было тихо и спокойно. Наполеонъ пробылъ въ Александріи до шестаго іюля, распорядясь высадкою артиллеріи, снарядовъ, запасовъ, высадкою войскъ, безопасностью флота и устройствомъ защиты Александріи. Клеберъ оставленъ былъ здѣсь до излеченія раны, съ 3,000 гарнизона. Около 30,000 двинулись въ походъ. Надлежало спѣшить, потому что приближалось время наводненія нильскаго, и должно было предупредить Мамлюковъ, уже собиравшихъ отсюда свои войска. Нежданное появленіе западныхъ пришлецовъ на берегахъ Египта воз-

будило всеобщее изумленіе, но не чувство страха. Гордость Турковъ, отвага Мамлюковъ, изувѣрство мусульманское соединили тысячи всадниковъ на защиту. Муллы проповѣдывали походъ, и предвѣщали гибель нечестивыхъ. Несмотря на общее равенство беевъ, два изъ нихъ имѣли преимущество надъ всѣми другими: Ибрагимъ, богатѣйшій изъ всѣхъ, хитрый, славившійся умомъ, и Мурадъ, отважнѣйшій изъ наѣздивковъ мамлюкскихъ. Пока всадники стекались около Каира, и сотни лодокъ съ войсками плыли туда по Нилу, Мурадъ помчался навстрѣчу опасностей. Онъ хотѣлъ узнать силы враговъ, дотолѣ неслыханныхъ.

Наполеонъ отправилъ артиллерію и часть войскъ въ мелкихъ судахъ отъ Абукира по розеттскому протоку Нила въ Романіе. Главный корпусъ пошелъ къ Романіе отъ Александріи степями, ближайшимъ путемъ, черезъ Дамангуръ. Новое зрѣлище явилось людямъ, столь недавно переходившимъ черезъ снѣга Тирольскихъ Альповъ: безконечное протяженіе песковъ, волнуемыхъ пустынными вѣтрами, палящее солнце надъ головою, изрѣдка куны пальмъ у фонтановъ, или колодцевъ, и легкіе арабскіе всадники, мелькавшіе вихремъ на летучихъ коняхъ. Походъ продолжался четыре дня, и былъ труденъ. Самые удалые изъ солдатъ роптали, изнуряеміе переходами по пескамъ, не находя даже воды утолить жажду, потому что всѣ колодцы въ степи были испорчены непріателемъ. Итти надлежало съ величайшею осторожностью, въ карреяхъ, безирестанно ожидая налета непріятельскаго. Высто золотыхъ дворцовъ и роскошныхъ садовъ, въ Дамангуръ нашли нѣсколько опустѣлыхъ, бѣдныхъ хижинъ, среди развалинъ древяго Саиса. Ропотъ сдѣлался всеобщимъ. Даже Мисратъ и Ланнъ съ досадою бросили на землю свои шляпы, восклицая: «Куда завелъ онъ насъ!» Нѣкоторые изъ солдатъ, видя ласковость Наполеона къ Каффарелли, кричали, что «этотъ безногій дурачить его и насъ!» — «Хорошо ему, говорили, смѣясь, другіе — вѣдь у него всё-таки одна нога во Франціи!» Негодовали и на ученыхъ, видя, что они останавливались у каждаго обломка, производили наблюденія, составляли замѣтки обо всемъ, что

встрѣчалось новаго и любопытнаго. Но появленіе Наполеона, одно слово, одинъ взоръ его укрощали волненіе. Онъ былъ каждому примѣромъ неутомности, переносилъ зной, голодъ, жажду, всегда впереди всѣхъ, наблюдая за движеніемъ въ малѣйшихъ подробностяхъ. Громкіе клики радости огласили войско, когда оно завидѣло Нилъ. Солдаты бросились къ рѣкѣ, жадно пили воду, купались—все ожило надеждами.

Послѣ трехъ-дневнаго отдыха, іюля тринадцатаго войско снова двинулись. Переходъ этотъ былъ гораздо легче, потому что войско шло по берегу Нила, и припасы обильно доставлялись ему съ флотиліи, плывшей по Нилу, но явилось новое затрудненіе: непріятель началъ отсюду показываться, усиливался съ каждымъ шагомъ, и, наконецъ, тысячи всадниковъ окружали армію со всѣхъ сторонъ. Быстрота коней ихъ, блескъ и роскошь оружія и одежды, гарцованье и дикіе клики изумляли солдатъ. Надлежало безпрерывно держаться въ карреяхъ, быть на-готовѣ, отстрѣливаться. Каждый отставшій дѣлялся неминуемою жертвою враговъ, и малѣйшая неосторожность была гибельна. Съ гикомъ налетали всадники, умерщвляли, рѣзали головы. Джермы, или лодки египетскія, напали на французскую флотилію, но были отбиты. Близъ Шебрейсса увидѣли наконецъ толпы Мамлюковъ и Арабовъ, готовыхъ на открытую битву. Наполеонъ мгновенно построилъ все свое войско въ пять большихъ карреевъ; обозы, штабъ, всѣ невоенные люди находились въ серединѣ карреевъ; артиллерія была по угламъ. Безмолвно двинулись впередъ эти подвижныя крѣпости. Отважно рванулись на нихъ толпы непріятелей. Картечные выстрѣлы смѣшались всадниковъ, но не утрашили—они промчались до самыхъ карреевъ, но здѣсь бѣглый ружейный огонь и ряды штыковъ утушили бѣшеную ярость непріятелей. Послѣ двухъ, или трехъ нападений, потерявъ до трехъ сотъ человѣкъ убитыми и ранеными, всадники мгновенно разсыпались и исчезли въ дали пустыни. Шумный кликъ огласилъ карреи, когда солдаты увидѣли, что отчаянныя нападенія полу-дикихъ наѣздниковъ арабскихъ совсѣмъ не такъ опасны, какъ казалось по величавой паружности всадниковъ.

Веселость еще болѣе умножилась, когда разбирая убитыхъ и раненыхъ, находили у нихъ дорогое оружіе, драгоценныя шали, и пояса, наполненные золотомъ, потому что каждый Мамлюкъ, идя въ битву, одѣвался въ лучшее платье, щеголяя конемъ и оружіемъ, и имѣя при себѣ всѣ свои наличныя деньги. Солдаты рады были новой встрѣчѣ. «Они отвыкли уже тогда отъ трудовъ, говоритъ Наполеонъ, какъ всѣ, кто пресыщенъ богатствомъ и славою, но въ огнѣ они являлись прежними». Надежда оживила походъ; начали вѣрить рассказамъ о богатствахъ Египта. Хлѣба было мало; его замѣнили чечевичною похлѣбкою и вкусными арбузами, или пастеками, которые солдаты называли святыми (*sainte pastèque*). Начали мириться и съ учеными; шутили и хохотали, когда при появленіи непріятеля, карре начинало строиться, и ученые, вѣхавшіе съ своими инструментами на ослахъ, спѣшили укрываться въ середину карре при кликѣ: «Ословъ и ученыхъ въ середину» (*Placez les ânes et les savans au milieu du carré*)!

Юля двадцать-перваго, рано утромъ, всѣ съ какимъ-то нетерпѣніемъ поднялись въ походъ. Сказано было, что въ тотъ день увидать Каиръ и пирамиды египетскія, и что вся армія мамлюкская ждетъ Французовъ у пирамидъ. Вскорѣ, вдали за рѣкою, открылось безконечное протяженіе стѣнъ, домовъ и мечетей *города побѣды* (эль-Каэра), а направо, среди пустынныхъ песковъ, видны были исполнскія пирамиды Гизегскія. Безмолвіе при видѣ этихъ памятниковъ смѣнилось шумнымъ кликомъ, когда Наполеонъ, галопировавшій впереди карре, снялъ шляпу, въ восторгѣ указалъ на пирамиды, и воскликнулъ: «Солдаты! смотрите и помните, что сорокъ вѣковъ глядятъ на васъ съ высоты этихъ пирамидъ!» Тутъ ждалъ Наполеона Мурадъ-бей, растянувъ лагерь и войско отъ пирамидъ до берега Нила. Правое крыло его составляли 24,000 феллаговъ и янычаровъ, засѣвшихъ въ мѣстечкѣ Эмбобегъ, на берегу Нила; на-скоро обнесли мѣстечко землянымъ валомъ, и оставили пушки, безъ лафетовъ, на столбахъ. Десять тысячъ Мамлюковъ вытянулись по пескамъ отъ Эмбобега до пирамидъ, а далѣе за пирамидами стояло нѣ-

сколько тысячъ конныхъ Арабовъ. Измаиль бси находился на другомъ берегу Нила, охраняя женъ, дѣтей, и имѣніе, нагруженное въ джермы.

Наполеонъ быстро устроилъ войско свое въ боевой порядокъ. Вся армія образовала пять карреевъ, по числу дивизій: вправо были дивизіи Дезе и Рение; влѣво къ берегу Нила, Мену и Бонна; въ серединѣ была дивизія Дюга, и при ней Наполеонъ. Каждое карре строилось въ шесть рядовъ. Сзади были гренадеры плутонгами (en pelotons), наготовѣ подкрѣпить атаку; артиллерія была разставлена по угламъ; багажъ и генералы находились въ серединѣ. На маршѣ солдаты шли въ-пол-оборота, но едва карре останавливалось, они обращали фронтъ направо и налѣво. При атакѣ первые ряды отдѣлялись, и образовывали колонны, другіе оставались въ карре, но только въ три ряда, готовые принять колонны. Всего труднѣе было удерживать хладнокровіе солдатъ: при атакѣ непріятельской строжайше запрещено было стрѣлять до команды.

Разсмотрѣвъ положеніе непріятеля, и видя, что въ эмбобегскомъ укрѣпленіи находится пѣхота, и пушки были безъ лафетовъ, Наполеонъ угадалъ, что непріятель ждетъ тамъ атаки, но не будетъ нападать самъ, предоставляя атаку конницѣ. Онъ рѣшился отрѣзать Мамлюковъ, смять ихъ, сбросить въ Нилъ, и потомъ ударить на Эмбобегъ, гдѣ безпорядочная толпа пѣхотинцовъ не могла хорошо защищаться.

По данному знаку, карреи Дезе, Рение и Дюга попли въ перерѣзъ мимо пирамидъ, а Мену и Бонна, мимо Эмбобега, откуда началась громкая, но безтолковая пальба, потому что ядра не долетали до Французовъ. Но едва двинулись карреи, какъ Мурадъ, оставя 2,000 своихъ всадниковъ на мѣстѣ, съ 8,000 остальныхъ ударилъ на карреи Дезе и Рение. Ударъ былъ ужасенъ, но Дезе свернулся, допустилъ къ себѣ непріятеля на близкую дистанцію, и картечные выстрѣлы и ружейный залпъ охолодили его. Какъ рѣка полились всадники Мурада мимо, обернулись мгновенно, снова напали, снова были приняты дружнымъ огнемъ и картечами, и кинулись всторону, гдѣ перехватили ихъ карре Дюга. Приведенные въ отчаяніе, еще

разъ свирѣпо бросились воины Мурада на оба каррей. Нѣкоторые лѣзли прямо на штыки, врѣзывались въ каррей, и были убиваемы среди нихъ; двое, или трое пробившись до Дезѣ. Зато пораженіе Мамлюковъ было столь велико, что Мурадъ не выдержалъ, и помчался съ остаткомъ войска обратно къ пирамидамъ; другая часть кинулась къ Эмбобегу. Тогда карреямъ Мену и Бонна велѣно идти въ атаку на Эмбобегъ. Едва только пошли они, 2,000 всадниковъ, оставленныхъ Мурадомъ у пирамидъ, и всѣ скрывшіеся въ укрѣпленіе Мамлюки толпами понеслись впередъ, при неистовыхъ вопляхъ. Колонны мгновенно свернулись опять въ каррей, встрѣтили всадниковъ картечнымъ огнемъ, поколебали ихъ, заставили бѣжать, и когда Дезѣ, Реніе и Дюга загремѣли въ тылъ бѣгущихъ, и принудили ихъ мчаться обратно къ пирамидамъ и къ Нилу, другіе отряды ударили въ эмбобегское укрѣпленіе, и ворвались туда штыками. Тогда все, что могло бѣжать — бѣжало. Мурадъ первый помчался по берегу Нила; за нимъ бросились всѣ Арабы, находившіеся у пирамидъ. Янычары и Феллаги кидались въ Нилъ, тонули, и поле битвы представило только кровавое побойще. Ибрагимъ спѣшилъ уйти безъ битвы. Джермы на Нилѣ зажгли. Французы заняли Эмбобегъ и мѣстечко Гизегъ, гдѣ были дворецъ и сады Мурада. Артиллерія, обозъ, богатая добыча, объявленные запасы, виноградные сады гизегскіе — все досталось побѣдителямъ. Солдаты всю ночь веселились, и дѣлились, золото, оружіе, коней. Французы не потеряли и ста человекъ. Непрiятелей убито болѣе 600, и утонуло болѣе 1,000. Всѣ остальные разсѣялись. Только замедленіе флотилии не дало возможности идти немедленно на Каиръ, гдѣ ужасъ объялъ жителей при столь ужасномъ пораженіи арміи, считавшейся непобѣдимою. На другой день явились изъ Каира депутаты съ покорностью. Паша скрылся. Ибрагимъ ушелъ къ границамъ Сиріи, Мурадъ въ Верхній Египетъ. Торжественно въѣхалъ Наполеонъ въ Каиръ, откуда удалились всѣ Мамлюки. Вѣра въ предопредѣленіе заставила Турковъ, и всѣхъ остальныхъ жителей Каира, смиренно покориться побѣдителю. Дезѣ отпразднелся преслѣдовать Мурада. Легкіе отряды заняли

безъ сопротивленія всѣ египетскіе города, и одна битва у пирамидъ передала Наполеону весь Египетъ. Ибрагима-бей живо преслѣдовали до Саленгіе, гдѣ начинается сирійская степь, отняли у него двѣ остальные пушки, схватили его обозы, и заставили укрыться въ Сирію, рваннаго, съ немногими всадниками. Мурадъ-бей, съ 4,000 Мамлюковъ и 8,000 Феллаговъ, далъ отчаянную битву Дезе у Седимана, въ октябрѣ. Съ двумя тысячами, Дезе выдержалъ его нападеніе, разбилъ его наголову, преслѣдовалъ неутомимо, означая свой походъ непрерывными спибками, истребляя противниковъ, щадя покорявшихся.

Терпимостью вѣры, уваженіемъ всѣхъ законовъ, обрядовъ и обычаевъ, объявленіемъ дружбы султану, почтеніемъ шейхамъ арабскимъ, чиновникамъ турецкимъ, и особенно духовенству, Наполеонъ старался приобрѣсть любовь и укрѣпить власть свою. Для управленія Каиромъ составили диванъ; областные диваны учредили въ городахъ и селеніяхъ. Сохраняя дома и имѣнія всѣхъ жителей, забирала только повсюду имѣнія Мамлюковъ, и только ихъ дома были отведены подъ постой солдатъ. Восхищенные легкими побѣдами и богатою добычею, солдаты увѣрились, что золотые спы ихъ сбудутся. Обширный Каиръ, съ его безконечными улицами, съ его безчисленнымъ народонаселеніемъ, казался имъ волшебнымъ городомъ.

И когда Наполеонъ уже мечталъ о слѣдствіяхъ своего завоеванія, судьба, черезъ десять дней послѣ взятія Каира, приготовила ему бѣдствіе неожиданное: онъ услышалъ о битвѣ абукирской и гибели французскаго флота.

Мы говорили о флотѣ Нельсона. Принужденный итти въ Сардинію для починки судовъ, онъ далъ возможность французской экспедиціи уйти изъ Тулона. Когда возвратился онъ къ Тулону, Наполеонъ былъ далеко отъ береговъ Франціи. Соединясь съ кораблями, присланными отъ адмирала Сентъ-Винченца, іюня пятнадцатаго, Нельсонъ пошелъ къ тосканскому берегу и двадцатаго былъ у Неаполя. Здѣсь узналъ онъ о взятіи Мальты и назначеніи экспедиціи въ Египетъ, поплылъ къ Александріи, былъ тамъ, когда Наполеонъ обратился къ мысу Азе, не вида

Французовъ, бросясь поспѣть имъ на Армадору, тогда находившагося вѣдѣть въ Сидонію; оставшись тамъ, онъ обратился къ Архипелагу, и двадцатью днями потомъ мыса Коронского свидѣлъ, что Французы уже къ тому времени прибыли въ Египетъ. Нельсонъ не медля ни минуты, и вечеромъ, августа перваго, увидѣлъ французскій флотъ у береговъ Египта; онъ стоялъ въ Абукирскомъ Заливѣ.

Выступивъ въ походъ къ Каиру, Наполеонъ велѣлъ своему флоту въ александрійскую гавань, единственную въ Египтѣ, и совершенно безопасный, обширный портъ. Там бы оказалось затруднительнымъ вводить въ портъ большіе корабли, но причинѣ мелей при входѣ, Наполеонъ приказывалъ имъ влечь въ Корфу, гдѣ были большіе камни и находился гарнизонъ. Брюэ не исполнилъ ничего: храбрый, но не опытный, нерешительный; въ науку артиллеріи онъ былъ лейтенантомъ, и возведенъ былъ къ чину за особенную преданность къ перевороту, хотя происходилъ отъ стариннаго роду графовъ д'Энлиэръ. Онъ считалъ, вопреки предписанію, думалъ даже, что присутствие его въ Египтѣ необходимо, особливо когда Арабы открыли всѣ сообщенія съ главною арміею, и болѣе не было объ ней вовсе никакихъ извѣстій. Оказались затрудненія ввести большія суда въ александрійскую гавань, куда укрылись всѣ транспортныя и мелкія суда. Брюэ решился дожидаться извѣстій изъ арміи и новыхъ приказаній Наполеона. Онъ выбралъ мѣсто для стоянки въ Маломъ Заливѣ, открытомъ, и ничѣмъ не защищенномъ между Александріею и Розеттою. Здѣсь поставилъ своимъ домъ всѣ свои тринадцать большихъ кораблей, прикрывъ лѣвымъ крыломъ къ островку Абуиру. Съ нимъ были Шайла и Вильнѣвъ. Напрасно спорили съ нимъ назначенные, и доказывали опасность положенія. Батарея Брюэ простиралась до того, что онъ не имѣлъ даже въ себѣ легкыхъ судовъ, которыя уведомили бы его о приближеніи непріятеля, не укрѣпилъ батарею островами, не измѣрилъ потомъ пролива между ними, прикрывъ ми мелами и линіею флота, и считалъ проходъ для французскихъ рабей невозможнымъ. Часть матросовъ была на берегу.

и даже доробавлять приточивалось къ бору, когда владѣ имъ была. Адмиралъ спокойно сѣлъ обѣдать, и началъ распоряжаться съ берега на суда матросовъ, и думать, что Нельсонъ не рѣшится нападать при наступленіи ночи.

На такъ думалъ Нельсонъ. Взоромъ хищнаго коршуна глядя на французскій флотъ, увидѣлъ невыгоды мѣста стоянки его, мгновенно сообразилъ планъ битвы, и немедленно началъ ее. Силы были равныя: на тринадцать французскихъ кораблей у Нельсона было четырнадцать, но всѣ шестидесяти-четыре пушечные, когда у Французовъ было три осьмидесяти-четыре и одинъ сто-мидцати пушечный. Къ изумленію Брюэ, часть кораблей Нельсона смѣло пошла между Абукиромъ и мелами при-брежными, поставя осемь кораблей его между двумя огнями. Брюэ увидѣлъ всѣ свои ошибки, и рѣшился искупить ихъ храбростью. Битва началась жестокая, и еще далеко не была рѣшена, когда Брюэ ранили. Онъ не сошелъ съ палубы. «Адмиралъ долженъ умереть на сво-емъ посту», говорилъ онъ. Черезъ нѣсколько минутъ его разорвало ядромъ. Замѣшательство умножилось. Вилльнёвъ, стоявшій нѣсколько отдѣльно съ пятью кораблями, не вступалъ еще въ битву, когда адмиральскій корабль заго-рѣлся и влетѣлъ на воздухъ. Взрывъ былъ такъ ужасенъ, что остановилъ на нѣсколько времени битву, но она во-зобновилась съ новою свирѣпостью, продолжалась всю ночь, и кончилась около девяти часовъ утра на другой день. Кромѣ Вилльнёва, Французы искупили ошибки непобѣди-мымъ мужествомъ. Капитанъ Дюпети-Тоаръ, славный морякъ, лишился ноги, велѣлъ подать себѣ трубку и умеръ на палубѣ. Каза-Біанка, капитанъ «Востока», имѣлъ подлѣ себя десятилѣтняго сына во все время битвы, и держалъ съ нимъ вмѣстѣ. Съ обѣихъ сторонъ потеря была ужасная, но Англичанамъ окупилась она совершенною побѣдою и рѣшительнымъ истребленіемъ французскаго флота. Вилльнёвъ, не сдѣлавъ ни одного выстрѣла, спѣшилъ уйти, въ-торонахъ посадилъ на мель три корабля, и бѣжалъ съ двумя другими и двумя фрегатами. Онъ у-крылся въ Мальтѣ. Флотъ Нельсона дотога пострадалъ въ

битвѣ, что не могъ преслѣдовать бѣглецовъ, и въ двадцать дней оставался близъ Абукира. Замѣчательно, что въ числѣ наиболѣе пострадавшихъ англійскихъ кораблей былъ «Беллерофонъ»: всѣ три мачты его были сбиты, и двѣ трети людей убито и ранено, но онъ уцѣлѣлъ, былъ начиненъ, и чрезъ пятнадцать лѣтъ сдѣлался торговою Наполеона. Нельсонъ ничего не могъ предпринять противъ Александри, гдѣ стояли два линейные корабли, семь фрегатовъ и всѣ транспорты. Кромѣ-того спаслись люди съ трехъ кораблей Вилльнёва, сбѣвшихъ на мель; многіе сбѣжали на берегъ съ другихъ кораблей, и даже сто человекъ уцѣлѣло съ «Востока». Изъ нихъ составилъ Наполеонъ впоследствии морской легионъ. Оставя два корабля блокировать Александрию, Нельсонъ отправился для почины и отдыха въ Неаполь.

Извѣстіе объ абукирской битвѣ поразило Наполеона, какъ громовый ударъ. Онъ предчувствовалъ опасность, разсердился, когда услышалъ о томъ, что французскій флотъ остался при Абукирѣ, и послалъ къ Брюэ строгое подтвержденіе изъ Каира, юля двадцать-седьмого, съ адъютантомъ своимъ Жюльеномъ, строго приказывая идти въ Корфу. Посланный былъ убитъ Арабами на дорогѣ, но онъ пріѣхалъ бы слишкомъ поздно, потому что абукирская битва уже доказала, какъ справедливо опасался Наполеонъ. Слыша рассказы о битвѣ, онъ простилъ Брюэ, заплатившему за безразсудство славною смертію, почтилъ скорбью память столь многихъ храбрыхъ, погибшихъ въ битвѣ, и изъяснилъ гнѣвъ противъ Шайля, смущившаго флагъ. «Какъ могъ онъ не умереть на кораблѣ!» говорилъ Наполеонъ. «И онъ можетъ перекосить позоръ плѣна, быть посидѣльцемъ лазароновъ неаполитанскихъ! Видно бывають люди, у которыхъ нѣтъ крови въ жилахъ.» Вилльнёва осуждалъ онъ менѣе, но не почиталъ его страннаго поступка. Согласно думали всѣ, что даже послѣ взрыва «Востока» Вилльнёвъ могъ еще рѣшить судьбу. «Онъ былъ храбръ, и хорошій морякъ, но чѣмъ объяснить его дѣйствія? (слова Наполеона). Онъ ~~могъ бы~~ говорилъ онъ въ оправданіе. Утверждаютъ, что ~~принимать~~ начать битву былъ ему данъ, но въ дѣлу не ~~заканчивался~~

сигнала. Пусть такъ, но что приказъ, если надобно участвовать въ битвѣ и помогать товарищамъ? «Востокъ» взорвало въ одиннадцать часовъ ночи. Послѣ того Вильнёвъ остался уже главнокомандующимъ, и другіе дрались, а онъ бездѣйствовалъ! Вильнёвъ былъ человѣкъ нерѣшительнаго, безсильнаго характера.»

Глубокая грусть овладѣла Наполеономъ: то было первое бѣдствіе, съ-тѣхъ-поръ какъ судьба такъ быстро повела его къ величію, и бѣдствіе это поразило его: онъ понималъ огромность послѣдствій, не только разрушившихъ всѣ его планы, но даже расторгавшихъ всякое сообщеніе Египта съ Европою. Къ чему теперь были побѣды, труды, пожертвованія! Скорбь видна въ письмахъ, какія писалъ Наполеонъ къ женѣ Брюэ, и къ отцу моряка Тевенара, погибшаго при Абукирѣ. «Вашъ супругъ умеръ безъ страданій, самую сладостною, самую завидною для солдата смертью», говорилъ Наполеонъ. «Живо сочувствую вашей скорби. Мисношеніе, разлучающее насъ отъ милыхъ вамъ, ужасно. Оно объединяетъ насъ на землѣ, заставляетъ терзаться судорогами смерти. Способности души уничтожаются, и связь ея съ міромъ является сѣвостью мракъ, все затмѣивающей. Люди кажутся болѣе безчувственными, болѣе эгоисты, нежели каковы они дѣйствительно. Въ такомъ положеніи чувствуешь, что если бы ни что насъ не обязывало жить, то умереть гораздо лучше. Но когда послѣ этой первой мысли прижмете къ сердцу дѣтей, слезы и нѣжныя чувства оживляютъ насъ, и мы живемъ для дѣтей. Да, посмотрите, какъ съ этой первой минуты сердце ваше откроется ушамъ: вы будете плакать съ ними, восхваляете дѣтство ихъ, наблюдаете юность ихъ, будете говорить имъ объ ихъ отцѣ, о потерѣ, которую сдѣлали въ немъ они и отечество. Привязавъ душу вашу къ міру любовью дѣтскою и любовью материнскою, оцѣните во что-нибудь дружбу и живое участіе, которыя всегда сохранию я къ женѣ моего друга. Увѣрьтесь, что есть, хоть не многіе, заслуживающіе быть надеждою скорби, потому что они горячо оцѣниваютъ ваши душевные страданія.» — «Вашъ сынъ, писалъ Наполеонъ Тевенару, убитъ безъ страданій и умеръ съ честью: единственное утѣшеніе при скорби

наго отца. Мы всё обречены смерти, и въ бою каждаго изъ насъ стоятъ ли счастья умереть въ огнестрѣе? Возвращать ли они смерть, видѣть себя на одрѣ болѣзни, окруженнаго агонизмомъ, пощадою доколотыи? Стоять ли они диву и нѣмъ и страданій долговременной болѣзни? Счастливы, ищущіе на полѣ битвы: вѣчно движутъ они въ воспоминаніяхъ потомства. Никогда не внушаютъ они жалости и восторженія, опускаемыхъ при видѣ драхлой старости или старости болѣзною. Вы послѣдніе на неприцѣл брани, и вы будете горевать о сынѣ, достойномъ ваять и отечество, но вы не станете нами удѣляя нѣсколько слезъ его памяти, вы скажете, что смерть его была слава—достойна записки...» 11

Печаль Наполеона была непродолжительна. Жалелъ себя оставленнымъ самому себѣ, гений его опередилъ волю побѣдимую волю. Еще другіе горевали и сомнѣвались, но онъ ужъ былъ выше горести и сомнѣній. «Что за бѣда?» говорилъ онъ — «мы умремъ вѣкъ, или выйдёмъ побѣди, какъ герои древности». — «Это заставитъ насъ надѣлать великаго гораздо болѣе, нежели мы хотѣли сдѣлать прежде», писалъ онъ Клеберу — «готовьтесь!» — «Да, отвѣтилъ ему Клеберъ — теперь надобно великовѣрять и прилагать къ нему мои способности.» Первое вниманіе Наполеона было обращено на то, чтобы поддержать духъ солдатъ. Увидя его, какъ прежде, спокойнымъ и веселымъ, они обаялись, и въ годовщину основанія республики радостно слушали приказъ его:

«Солдаты!»

«Мы празднуемъ первый день седьмого года республики. За пять лѣтъ независимость французскаго народа была угрожаема—вы взяли Тулонъ, и онъ былъ предвѣстникомъ гибели непріятелей. Черезъ годъ вы разбили Австрійцевъ у Дего. На слѣдующій годъ вы были на вершинѣ Альповъ. Вы боролись съ Мантуею, и одержали слабую до сихъ бѣду санъ-жоржскую. Въ прошломъ году вы находились на истокахъ Дравы и Изонцо, возвращаясь въ Герцінію. Кто сказалъ бы тогда, что сегодня вы будете на берегахъ Нила, въ центрѣ древняго материка? Отъ Англичанъ, славы ныхъ искусствами и торговлею, до безобразнаго и свирѣпаго Бедуина, вы обратили на себя взоры вѣкъ.» Солдаты

ты и шербий ваши прекрасны; потому что вы достойны славиться вами; и мнѣнія другихъ объ васъ. Вы умрете съ честью, какъ ты храбро; ты имена написаны на пирамидахъ; или возвратитесь въ отечество съ лаврами и удавленіемъ свѣта! Удаленные отъ Европы, мы не перестаемъ быть непрерывнымъ предметомъ заботливости соотечественниковъ. Сегодня сорокъ милліоновъ славятъ день праздника; думаютъ объ насъ, и говорятъ: ихъ трудятъ; ихъ ярови обязаны всеобщимъ миромъ и спокойствіемъ, благоденствіемъ торговли, благодѣяніями общественной свободой!»

И какъ-будто силы и надежды его были прежнія; онъ началъ сношенія съ Джеззаромъ, пашею сирійскимъ; писалъ къ Визирю, отправилъ письмо къ Типпо-Самбу. Вотъ эти письма:

ДЖЕЗЗАРУ.

«Пришедши въ Египетъ воевать съ беями, я поступилъ справедливо и сообразно съ твоими пользами. Я не пришелъ воевать съ мусульманами. Ты долженъ знать, что первою заботою моею по занятіи Мальты было освобожденіе 2,000 Турковъ; много лѣтъ страдавшихъ въ неволѣ. Прибывши въ Египетъ, я увѣрилъ народъ въ безопасности, прекратилъ мученія, инанамъ и мечетямъ. Никогда прежде паломники меккскіе не видали столько ласки и дружбы, а праздникъ пророка никогда не былъ празднованъ великолѣпнѣе нынѣшняго. Посылаю тебѣ письмо съ моимъ офицеромъ, и онъ лично увѣритъ тебя въ намѣреній моихъ жить дружно, и взаимно заботиться о торговлѣ и благоденствіи жителей, потому что у мусульманъ нѣтъ друзей лучше Французовъ.»

ВЛИКОМУ ВИЗИРЮ.

«Французская армія, которою имѣю я честь начальствовать, пришла въ Египетъ наказатъ мамлюкскихъ беевъ за оскорбленія, какія терпѣла отъ нихъ французская торговля. Гражданинъ Талеракъ-Перигоръ, министръ иностранныхъ дѣлъ, наименованъ французскимъ посломъ въ Константинополь, и снабженъ отъ исполнительной директоріи войсками, полномочіями и наставленіями заключать и утверждать все, что необходимо для прокращенія подданныхъ,

происходящихъ отъ занятія Египта французскою арміею, и упроченія старинной и необходимой дружбы, должествующей существовать между нашими двумя державами. Но, можетъ-быть, что онъ еще не пріѣхалъ въ Константинополь, и я спѣшу передать вашему превосходительству желаніе Французской Республики, не только продолжать прежнее наше доброе согласіе, но и оказать Портѣ всякую помощь, въ которой можетъ она имѣть надобность противъ естественныхъ, соединяющихся противъ нея враговъ. Поселъ Талеравъ-Перигоръ теперь долженъ уже пріѣхать въ Константинополь. Но если, по какому-либо случаю, его еще нѣтъ у васъ, прошу ваше превосходительство послать ко мнѣ довѣренную особу, снабженную вашими наставленіями и полномочіями, или прислать мнѣ фирманъ, послѣ чего я могъ бы отправить къ вамъ повѣреннаго, чтобы неизмѣнно утвердить жребій здѣшной страны, и устроить все для славы Султана и Французской Республики, его вѣрной союзницы, и для вѣчнаго смиренія беевъ и Мамлюковъ, нашихъ общихъ враговъ.»

ТИПО-САИБУ.

«Ты уже знаешь о прибытіи моемъ на берега Чермнаго Моря, съ безчисленною и непобѣдимою арміею, исполненною желанія, избавать тебя отъ желѣзнаго ига Англіи.

«Спѣшу передать тебѣ желаніе, чтобы черезъ Маскаты и Мокку прислалъ ты извѣстіе о положеніи, въ какомъ ты находишься; желалъ бы я также, чтобы въ Суэзъ, или Канръ, прислалъ ты какого-нибудь умнаго и довѣрннаго человѣка, съ которымъ могъ бы я переговаривать.»

И когда такимъ образомъ Наполеонъ старался дѣйствовать, какъ умный политикъ, неуслышное вниманіе его было обращено на воинскую предосторожность. Кроткія, но сильныя мѣры поддержать подчиненность и порядокъ, были необходимы для удержанія завоеванной земли: Горда и селенія укрѣпляли, дороги безопасили, учреждали сообщенія. Безпрерывно происходили военскія ученья; конница снабжена была превосходными арабскими лошадьми; заботились о здоровьи людей, пріученіи ихъ къ зимнѣ и трудностямъ походовъ въ степакъ. Составились

ратъ войскъ на верблюдахъ; учреждалъ милицію изъ жителей для городской стражи. Наполеонъ обращалъ особенную заботливость на занятія ученой экспедиціи. Въ самыя отдаленныя оазисы и недоступныя дотолъ развалины проникали подъ прикрытіемъ войска художники, археографы, естественныя испытатели, описывали, срисовывали, собирали памятники и произведенія Египта. Въ Каирѣ издавался журналъ, подъ названіемъ *Египетскаго Монитера*. Учреждено было отдѣленіе института, гдѣ Монжъ объявляемъ президентомъ, а Наполеонъ вице-президентомъ. По цѣлымъ часамъ присутствовалъ онъ въ засѣданіяхъ, и вотъ предложенія его, объявленныя отдѣленію, по которымъ можно судить о разнообразіи его взглядовъ: изобрѣсть простой механизмъ водяныхъ и вѣтряныхъ мельницъ; найти замѣну хмѣля для пива; опредѣлить способы разсадки винограда; провѣсть воду въ каирскую крѣпость; испытать рытье колодезей въ степяхъ и средства очищать нильскую воду; приискать способы употреблять съ пользою развалины, которыми завалены всѣ города и селенія; усилить мѣру выдѣлки пороху; издать буквари арабскіе и коптскіе, календарь сравнительный, сравненіе мѣръ и вѣсовъ, и прочее. Наполеонъ осмотрѣлъ Суэзскій Перешеекъ, предполагая начать работы соединенія Чермнаго и Средиземнаго Морей. Ученые сопровождали караванъ его, подъ защитою Бертіе и Даммартена. Наполеонъ подробно осмотрѣлъ слѣды прежнихъ каналовъ, велѣлъ снимать планы, переѣхалъ на аравійскій берегъ, и едва не утонулъ на Черномъ Морѣ, заведенный въ него по ошибкѣ проводника, во время прилива. «Вотъ была бы радость царѣ, говорилъ смѣясь Наполеонъ: увѣряли бы, что я утонулъ въ Черномъ Морѣ за нечестіе, какъ вторымъ Фараономъ!» На аравійскомъ берегу осмотрѣлъ онъ Моиссеевы колодецы, и заключилъ союзъ съ Синайскими Маронитами.

Обращеніе съ жителями Египта было непрерывною заботою Наполеона. Поощряя торговлю, онъ обезопасилъ караваны, сносився съ Меккою, куда отправлялись мольщики, и учредилъ почетный чинъ эмиръ-галжи, уничтоженный при сматеріалѣ въ Египтѣ. Учредилъ

судебныя дѣла, онъ старался и правосудіемъ добивался мѣстныхъ законовъ, перелазилъ по горамъ и вѣшался на скалы Французъ, и Арабы, значилъ и бѣжалъ, и то ласкова и вѣжливо мудрыхъ шейховъ и дивана. Застулавъ за смерть, и за лага, убитаго Арабами, и дѣла, и казни, и убійства, Наполеонъ заставлялъ одного дѣла судей, и спрашивалъ изумленіемъ: «Да что за важность, любь, смерть, бѣга? Вѣдь онъ не родня твой?» — «Большое, вскричалъ Наполеонъ: онъ принадлежалъ къ тѣмъ, кому Богъ возложилъ мою власть, и за кого потребуетъ у меня: отплати каждому!» Безмолвіе, послѣдовавшее за его речью, было прервано общимъ кликомъ: и Хвала Аллаху! Онъ и ворилъ премудро, какъ пророкъ!»

Уваженіе къ религіи мусульманской, и извѣстное по полному, изумляло не менѣе. Всѣ праздники мусульманскіе отпраздновались Французами торжественно, и особенно великолюбно былъ учрежденъ праздникъ открытія источниковъ водъ въ Каирѣ, августа осьмнадцатаго. Праздникъ былъ въ тотъ годъ обильное. Наполеонъ участвовалъ въ бѣгѣ лодокъ по Нилу, и раздавалъ подарки побѣдителямъ. Благоговѣнно присутствовалъ онъ при моленіи въ мечети, въ день праздника Магомета, сяди на подушкахъ, поклаши ноги по восточному обычаю, велѣлъ палить изъ пушекъ и иллюминировать городъ.

Дѣла Наполеона приобрѣли наконецъ ему любовь и уваженіе жителей, шейховъ и мусульманскаго духовенства. Положено было читать при молятвахъ въ мечетяхъ: «Да ва Султану, и слава союзникамъ его, французскимъ скамъ, проклятіе Мамлюкамъ и благословеніе Египту». Имя *Кебиръ Султана* (великаго султана) дано было Наполеону. Поэты арабскіе славили его въ пѣсняхъ, и въ стихахъ слѣдующей:

«Великій Аллахъ не разгнѣвался на насъ. Онъ простилъ грѣхи наши, достаточно заслуженные, до современнаго игомъ Мамлюковъ. Воспоишь, и похвалишь великаго Аллаха!»

«Кто Онъ, забывавшій, отъ личности меря: во вѣдѣхъ воли любимца побѣды? Кто Онъ, праведный, и справедливый, и невредимый на берега Нила арабскихъ Вахидовъ?»

«Великій Аллахъ! Великій Аллахъ! Онъ не рабъ, въявь онъ
нашея! Воспомяи милосердіе великаго Аллага!»

«Вън мамлюкокіе, шафались на крѣпость, тристаговы
своихъ, и поставили на бѣтву своихъ воиновъ»

«Поисловица побѣдъ, но гнавъ храбрыхъ Запада, уми
чтожи въ туркостатеру воиновъ мамлюкокихъ.»

«Внѣ утренніе туманы; поднималсь съ Нила, разсѣ
валось лучами солнца; такъ дружины Мамлюковъ разсѣ
лись бѣжи храбрыми Запада, потому что великій Аллахъ
разсѣвалъ на Мамлюковъ, и храбрые Запада составляютъ
зрачье праваго ока великаго Аллага.»

Наполеонъ хотѣлъ дѣйствовать на воображеніе жи
тей даже таинственнымъ величіемъ, представляя изъ се
бя дохновеннаго посланника небесъ. Великолѣбіе всегда
окутало его; рѣчь его всегда была важна, исполнена
испробовъ и сентенцій на манеръ восточный. Разговаривая
однажды съ муфтіемъ, онъ замолчалъ, и потомъ загово
рилъ торжественно: «Слава Аллаху! Единый Богъ есть
Богъ, а Магометъ пророкъ его!»—Ты нарекъ великую
истину, отвѣчалъ муфтіи. — «Вѣрши ли, что избранныки
могутъ обратитъ громы небесныя съ неба на землю?» —
Ты великій вождь, которому Магометъ вручилъ громы не
бесныя съ могуществомъ и побѣдою. — «Да, но хлѣбъ,
похищенный злымъ, превратится въ прахъ въ устахъ
его!» возразилъ Наполеонъ. Можетъ-быть, оба собесѣдни
ки сами плохо понимали что такое говорятъ, но тѣмъ бы
ло лучше, и нѣкоторые изъ шейховъ рѣшились даже пред
ложить Наполеону принять вѣру магометанскую. Послѣ
отъѣзда его, что онъ не согласенъ отказаться отъ вина, и
не терять многоженства и обрѣзанія, былъ созванъ со
ветъ о томъ, не должно ли для Наполеона измѣнить нѣ
которыя догматы вѣры мусульманской? Многіе изъ Фран
дузовъ женились въ Египтѣ; въ числѣ ихъ былъ гене
ралъ Мену. Жители перенимали нравы, обычаи, экипажи
примѣщенья, даже пили съ ними вино. «Что перенили вы
у насъ лучшаго?» спросилъ Наполеонъ, за весельемъ объ
дошъ, оза одного изъ шейховъ. — Намется, съовъ лучшаго;
что у насъ перенять можно? Отвѣчалъ шейхъ, смѣясь, что
прихлебывалъ изъ своей чашки

Но векоръ должно было оставить Наполеону всѣ предположенія ссаваться въ Египтъ, и особливо заботиться объ его образованіи. Надлежало помышлять только о собственномъ своемъ спасеніи, потому что грозныя тучи, небеса смонялись надъ храбрымъ войскомъ, забытымъ Франціею въ пустыняхъ и развалинахъ царства Фаравновъ.

Наполеонъ могъ надѣяться, что являясь врагомъ Мамлюковъ и поддерживая дружбу съ Султаномъ, при посредствѣ дипломатики Талерана, при пособіи египта, угрожающаго Константинополю, и арміи въ Египтъ, онъ согласитъ на союзъ Порту. Съ самаго начала революціи Турція оказывала прежнюю дружбу къ Франціи, укрѣпленную столь долговременными союзами. Вопреки внушеніямъ европейскихъ дипломатовъ, султанаъ ласково встрѣтилъ посла французскаго, и отпранилъ въ Парижъ сараго посла (Семль-Али-Эфенди). Тщетно австрійскій посолъ, баронъ Герцбергъ, представлялъ султану, въ жару дипломатической ревности, Французовъ «иввергами, всюду расшвающими духъ безначалія», и посла ихъ «чудовищно отправленнымъ ордою злодѣевъ», столь превратно, что его не принимаетъ ни одинъ изъ государей. Такъ продолжалось до египетскаго похода. Явленіе Французовъ въ Египтъ изумило Турцію. Талеранъ не ѣхалъ. Дѣятелія европейскихъ дипломатовъ противъ Франціи усмились, но Султанъ всё-еще колебался, потому что страшился оружія Французовъ. Битва абукирская рѣшила его сомнѣнія. Обѣщанія и угрозы Англичанъ, предлагающихъ войну, или союзъ и отнітіе Египта общими силами, склонили Султана къ войнѣ. Еще усерднѣе Англія старалась о томъ Императоръ Россійскій. Поступая, какъ рыцарь, оказавши покровительство мальтійскому ордену, принявши въ Россію Бурбонавъ, гонимыхъ отсюду, и одиновываясь безпорочнымъ мечомъ счастья Европы, отълученій революціи, онъ призывалъ на союзъ европейскихъ государей, и предлагалъ свою помощь и дружбу Турціи, наравле на непримиримому врагу Россіи. Соперничая дѣло послышавшее: декабря двадцати третьяго, 1798, въ Константинополѣ, русскимъ посломъ Томаровъ, дано имъ

Сидерфотъ Сидомъ, подписанъ былъ трактатъ, въ силу котораго Султанъ посылалъ войско въ Египетъ и Сирію, соединялъ флотъ съ русскимъ и англійскимъ, и объявлялъ войну Голландіи и Испаніи, союзницамъ Франціи. Неславною французскій былъ заключенъ въ Сембашенный замокъ. Въ гатти-шарифъ своемъ Султанъ укоряетъ Францію вѣроломствомъ. «Безстыдныя и произвольныя дѣла, говорилъ онъ, показываютъ, что Франція хочетъ разрушить миръ и союзъ всего свѣта, употребляя тайныя козни, мечъ и огонь, и всюду предписывая гибельныя законы». Въ сентябрѣ явился въ Константинополь черноморскій русскій флотъ, предводимый адмираломъ Ушаковымъ.

Наполеонъ видѣлъ непріязнь Турковъ, но лишенный свѣдѣній изъ Константинополя и изъ Европы, не зналъ подробностей дѣла. Первымъ слѣдствіемъ рѣшенія Султана было волненіе, замѣченное въ Египтѣ. Тысячи эземплировъ воззваній султанскихъ было разсѣяно въ Египтѣ. Султанъ, какъ наслѣдникъ халифовъ, призывалъ воиновъ мусульманъ къ оружію. «Народъ французскій (да сокрушитъ его Богъ отъ начала до конца, и да покроетъ позоромъ знамена его!) есть народъ упрямый въ невѣріи и злодѣйствѣ необузданномъ», говорилъ Султанъ. «Коранъ и заветы Божескіе почитаетъ онъ баснями. О, вы! защитники исламизма, герои, хранители вѣры, обожатели единого Бога, вѣрующіе посланію Магомета, сына Абдера-Аллакова, соединитесь, и идите въ битвы подъ покровомъ Всевышняго! Хвала небу! Сабли ваши изощрены, стрѣлы мѣткі, копья пронзительны, пушки уподобляются грому. Векорѣ войска, сколь многочисленныя, столь и страшныя, придутъ къ вамъ землею, когда въ то же время корабли, какъ горы великія, покроютъ лицо морей. Вамъ, такъ угодно Богу, предоставлено истребленію невѣрныхъ. Подобно праху, вѣтрами возмываемому, не останется слѣда невѣрныхъ, потому что такова воля Бога. Суетна надежда земная, и погибнуть азіе. Слава міровъ Создателю!»

Призывомъ Султана уничтожено было все, чѣмъ Наполеонъ увлекалъ до-тѣхъ-поръ Египетъ. Тысячи Арабовъ и мусульманъ изъ своихъ вѣстны; страшный заговоръ былъ

срешившись въ Каирѣ, и октября двадцати втораго возмѣнилось побѣдѣмъ Французовъ. Въ минаретѣхъ призвали мусульманъ пародъ къ оружію и истребленію протѣтыхъ Францовъ. Генералъ Дюлонъ, и адъютантъ Наполеона, Польскъ Сулковскій, погибли подъ кинжалами убитыхъ. Наполеонъ находился въ отсутствіи. Огнь прискакавъ въ Каиръ, двинулъ войско; пока Муратъ гналъ въ степи чыща Бодуиновъ, нѣсколько картечныхъ выстрѣловъ и зовами толпы кайрскихъ бунтовщиковъ. Они заверши въ мечетяхъ, и прислали просить пощады. Наполеонъ былъ неумолимъ. Рѣдкое въ Египтѣ явленіе устранило тѣмъ народъ: на небѣ собралась туча, загремѣвъ громъ. «Сынъ Бога изъъявляетъ гнѣвъ свой измѣнникамъ!» воскликнулъ Наполеонъ. «Время милости прошло — наступилъ часъ гнѣва! Вы начали — я кончу!» Пушками разбились главы мечетей, и послѣ отчаянной битвы, всѣ бышіи египетскіе бунтовщики пали подъ штыками; другихъ судили и казнили. Около пяти тысячъ мусульманъ погибли въ ружья и было казнено; въ возмездіе за погибель трети сотъ Французовъ. Наполеонъ уничтожилъ диваны, упразднилъ военное управленіе, не внималъ просьбамъ, и всегда наконецъ согласился на помилованіе, постарался придать торжественность своему малосердію, возстановилъ диваны. Въ мечетяхъ читанъ былъ приказъ Наполеона:

«Шейхи и улумы, глашатаи мечетей, возвѣстите народу, что враги мои погибнуть въ этомъ вѣкѣ и въ будущемъ. Неужели есть еще слѣпцы, не видящіе, что я посланъ Провидѣніемъ, или не вѣдающіе, что оно дало мнѣ власть? Вразумите народъ, что отъ начала вѣковъ предопределено было Богомъ истребить враговъ ислама, и изъгнать изъ этихъ странъ Запада пришелья и исполнить долгъ Богомъ на меня наложенный. Изъясните народу, что въ пятнадцати мѣстахъ корана возвѣщено было мое повеленіе. Не требовать отъ каждаго изъ васъ отчета въ самыхъ важныхъ мысляхъ его, потому что всѣ мысли ваши принадлежатъ мнѣ, и уже грядетъ часъ, когда узнаютъ, что я посланъ Провидѣніемъ, и всѣ усилія человѣческія ничтожны предо мною!»

Угрожая Египетъ оружіемъ, строгостью и протѣ...

Наполеонъ недоумѣвалъ, что ему надлежало дѣлать. Онъ не сомнѣвался, что директорія увлечена въ новыя вѣтви шахагетва въ Европѣ, и убѣждался, что нельзя надѣяться помощи; онъ убѣдился и въ опасности, угрожающей ему. Въ Сириѣ собирались войска: Сирийскій Ахметъ-паша, кровожадное чудовище, славившійся названіемъ *джеззаръ* (маловѣкъ), даннымъ ему за его свирѣпство, придвинулъ отряды къ предѣламъ Египта. Паша дамаस्कскій, Абдалла, занялъ даже Эль-Аришъ на землѣ египетской. Уже двадцать мѣтъ грабилъ Джеззаръ Сирию. Именемъ Султана обещалъ ему прощенье, даже титулъ пашы египетскаго, если онъ уничтожитъ Французовъ. Наполеонъ, не получая отъ него отвѣта на письмо, послалъ къ нему еще разъ. Джеззаръ изорвалъ письмо, и отрубилъ голову посланному. Слышно было, что Турки, Англичане, Русскіе идутъ въ Египетъ. Видя со всехъ сторонъ гибель неизбежную, Наполеонъ рѣшился смѣло довѣриться своей судьбѣ, и отвагою предупредить гибель.

Онъ рассчитывалъ, что высадка въ Египетъ можетъ быть произведена только весною на слѣдующій годъ. Пользуясь зимнимъ временемъ, онъ могъ совершить походъ въ Сирию. Ливанскіе горцы, съ которыми имѣлъ онъ сношенія, обещали соединиться съ нимъ. Уничтожить Джеззара, и съ грозною арміею стать у Дарданеллъ — такою была мысль Наполеона. Онъ могъ отдѣлить до 20,000 солдатъ, закаленныхъ во льдахъ Тироля и пескахъ Египта. Мысль приведена была имъ въ исполненіе немедленно. Египетъ былъ сложенъ: Дезе охранялъ его отъ Мурадъ-бея; Бонапъ, Кассаръ, Маннъ и Реніе назначены начальниками пѣхоты въ сирийскую армію; Моръ конницы, Дамартенъ артиллерій; Кассарелли инженеровъ, Доръ опредѣляетъ начальникомъ штаба; Велло было моремъ перевезть въ Сирию тяжѣлую артиллерию.

Еще-еще опасаясь высадки, Наполеонъ не рѣшился начать похода своего прежде февраля 1799 года. Къ счастью его, медленно собирались въ Родосъ Турки. Русская эскадра обратилась къ берегамъ Италіи, и начала завоеваніе Ионическихъ Острововъ. Англичанъ отвлекала высадка въ Ирландію. Нельсонъ былъ занятъ событіями въ Испаніи,

увлеченный любовью к новой Армии, угнетенный страхом божественнаго моряка. Съ другой стороны усюда Англичанъ обратились на Индію. Типпо-Сакъ не могъ прислать отвѣта къ Наполеону, но переговоры его съ Французами были предложеномъ войны съ нимъ Англичанъ: Велеслей, губернаторъ Индіи, двинулъ войска на Мизоръ, въ началѣ 1799 года. Преданный върозломными союзниками. Типпо-Сакъ погибъ въ битвѣ, и съ нимъ разрушило Мизорское царство. Замѣтимъ, что въ то время когда Наполеонъ воевалъ въ пескахъ Сиріи, при взятіи Серинпатнама находился братъ египтскаго губернатора, вѣковникъ Артуръ Велеслей, которому черезъ десять лѣтъ надлежало явиться соперникомъ Наполеона въ Португаліи и чрезъ шестнадцать лѣтъ дать ему послѣднюю битву при Ватерлоо. Думали, что достаточно было турецкихъ силъ уничтожить бѣдныя остатки войскъ французскихъ въ Египтѣ, потому что и во Франціи даже считали ихъ невозвратно погибшими послѣ абукирской битвы, непріятель Турціи, и союза съ нею Россіи и Англіи.

Не имѣя никакихъ извѣстій изъ Франціи, севрантскаго, Наполеонъ писалъ директоріи, просилъ увѣдомленія, извѣщалъ объ успѣхахъ, о важныхъ открытіяхъ рудниковъ и натроновыхъ копей въ Египтѣ. «Необходимо, говорилъ онъ, прислать намъ оружія и войска, и военныя и дипломатическія дѣйствія ваши согласовать съ адмиралами. У меня умираютъ люди отъ битвъ и отъ естественныхъ причинъ. Много враговъ надлежитъ намъ побѣждать здѣсь—пустыни, жителей, Арабовъ, Мамлюковъ, Русскихъ, Турковъ, Англичанъ. Не позволяю себѣ имѣть замѣчаній о дѣлахъ республики въ Европѣ, потому что уже десять мѣсяцовъ не имѣю никакихъ извѣстій: Истинную полную надежду на мудрость и твердость вашихъ распоряженій, но если отеченіи марта подтвердился извѣстїи, что Франція въ войнѣ съ королями, я отправлюсь во Францію (que la France fût en guerre contre les rois, je partirais en France).

Въ тотъ же день 12,000 войска выступили въ походъ изъ Каира. Быстро пройдены были пески, раздѣляющіе Египетъ отъ Сиріи и Палестины. Французы уже

иногда съ Египетомъ и его пустынями. Зѣль Аринтъ; древняя Рачнодура, увидѣлъ Наполеона; семнадцатаго февраля. Здѣсь находился гарнизонъ турецкій, предводимый пашею Абдалюю. Ибрагимъ-бей стоялъ вблизи лагерей. Слѣдующаго Маврата съ Арабами, и нѣсколько выстрѣловъ по городу, рѣшили дѣло; 1,300 пѣшихъ, и богатый лагерь Ибрагима, были наградою побѣдителей. Пѣшихъ отпустили съ условіемъ не служить противъ Французовъ. Наполеонъ вступилъ въ предѣлы Палестины, мѣста, гдѣ совершались подвиги крестоносцевъ.

Сирія и Палестина составляютъ приморье, въ шестьдесятъ лѣ ширины, между Малою Азією, Египетомъ и Аравією, отдѣляясь отъ Еврата и Аравіи песками и горами Ливанскими, отчасти безплодными, отчасти покрытыми сосновымъ лѣсомъ. Отдѣловія горы Ливана, прорѣзанныя долинами, идутъ къ мору, образуя на морскомъ берегу цѣкля, песчанья прибрежья, лѣ на десять въ ширину; здѣсь расположены приморскіе города, Газа, Яффа, Акра и другія заселенія, менѣе значительныя. Дамаскъ и Алеппъ, два обширныя города (200,000 и 150,000 жителей), находятся за Ливаномъ, въ сѣверной Сиріи. Ключъ къ обладанію всей Сиріи заключается въ приморскихъ укрѣпленныхъ городахъ, и особенно Акрѣ, гдѣ было тогда учреждено мѣстопробываніе паша сирійскаго. Владѣя Акрою, Наполеонъ обладалъ всею Сирією, какъ владѣя Канромъ, онъ былъ властителемъ Египта. Побѣда казалась ему здѣсь не труднѣе побѣды въ Египтѣ.

Почти безъ сопротивленія сдалась Газа, древняя столица Фидистимлянъ, въ виду войскъ Деззара, отступившихъ безъ боя. Богатая добыча досталась Французамъ. Марта третьяго приблизились къ Яффѣ, древней Юппии. Защищенная высокою каменною стѣною съ башнями, и сильнымъ гарнизонемъ, Яффа отказала въ сдачѣ. Турки отрубилъ даже голову посланному къ нимъ съ предложеніемъ. Наполеонъ велѣлъ начать пальбу. Вскорѣ пробита была брешь. Французы ворвались въ городъ. Послѣ отчаянной битвы въ улицахъ, паша заперся въ главной мечети; ее взяли штыками; городъ отданъ на грабежъ, но Наполеонъ тѣмъ не удовольствовался: надлежало показать

примѣръ «сумасшедшей строгости. Смерть послѣдоваго въ горахъ для переговоровъ, и открытіе, что газскіе мѣшани находились въ Яффѣ и дрались съ Французами, требовали возмездія. Наполеонъ велѣлъ разстрѣлять всѣхъ вошедшихъ въ плѣнь мусульмановъ. Множество тяжкихъ обвиненій пало послѣ того на Наполеона—кричали объ его свирѣпствѣ, безчеловѣчїи, кровожадности. Крикнули не знали Востока и его обычаевъ. Только страхомъ могъ удержаться Наполеонъ среди враговъ, которые не поддались бы его въ подобномъ случаѣ, и вели съ нимъ безпрерывную войну, возбуждаемые фетвами Султана и имамовъ Джеззара. Il étaient des diables trop dangereux pour les lâcher une seconde fois, говорилъ Наполеонъ объ египетскихъ плѣнныяхъ. Турки шли на смерть хладнокровно, и обреченіе на казнь не произвело въ нихъ ни отчаянїя, ни страху.

Изъ Яффы отправилъ Наполеонъ еще разъ письмо къ Джеззару. «Со времени прибытія моего въ Египетъ, писалъ онъ, много разъ извѣщалъ я тебя, что не хочу воевать съ тобою, и единственная цѣль моя изгнать Мамлюковъ. Ты не отвѣчалъ мнѣ.

«Я говорилъ тебѣ, что хочу удаленія Ибрагима-бея отъ предѣловъ Египта, но ты послалъ войска въ Газу, собралъ запасы, объявлялъ повсюду, что идешь въ Египетъ, и дѣйствительно, ты вторгся въ него, пославши двѣ тысячи твоего войска въ крѣпость Эль-Аришъ, находящуюся на землѣ египетской. Мнѣ должно было перенести къ тебѣ войну, на которую ты вызывалъ меня».

«Области Газы, Рамлы и Яффы въ моей власти. Великодушно поступалъ я съ тѣми изъ твоихъ войскъ, которые предались волѣ моей, и строгъ былъ съ нарушившими права войны. Черезъ немного дней иду къ Акрѣ. Но для чего мнѣ отнимать нѣсколько изъ немногихъ дней жизни у тебя, старика, мнѣ незнакомаго? Что мнѣ принесутъ еще нѣсколько миль земли къ той, которую я завоевалъ? Если Богъ дастъ мнѣ побѣду, по примѣру его хочу быть благъ и милосердъ, не только къ народу, но и властителямъ его».

«У тебя нѣтъ причины быть врагомъ моимъ, потому

1812-1813

это къ врагъ Мамлюкамъ. Твоя область отдѣлена областями Газы, Рамлы и безконечными песками Египта. Будь другомъ мнѣ, врагомъ Мамлюковъ и Англичанъ, и я сдѣлаю тебѣ столько добра, сколько сдѣлалъ и еще могу сдѣлать тебѣ зла. Пришли мнѣ отвѣтъ съ человѣкомъ уполномоченнымъ и знающимъ твои намѣренія. Онъ долженъ явиться передъ моимъ авангардомъ съ бѣлымъ знаменемъ, и при этомъ прилагаю я паспортъ ему. Черезъ недѣлю иду на Акру. Отвѣчай безъ замедленія!»

Джеззаръ не отвѣчалъ, и казнилъ присланнаго съ письмомъ Наполеона. Оставалось одно—битва.

Въ половинѣ марта войско французское пошло къ Акрѣ (Saint-Jean d'Acre), древней Птолемаидѣ, послѣднемъ городѣ восточноевропейцевъ. Вся Палестина занята была отрядами Французовъ. Нѣкоторые изъ бывшихъ съ Наполеономъ спрашивали у него: посѣтитъ ли онъ Ерусалимъ? «Нѣтъ, отвѣчалъ онъ — Ерусалимъ не входитъ въ планъ моихъ дѣйствій».

Акра находится при обширномъ заливѣ, единственномъ удобномъ портѣ сирійскомъ, одну оконечность котораго составляетъ гора Кармель; на другой находится Акра, важная дѣльная гавань. Она защищена двойнымъ рядомъ стѣнъ; за первымъ былъ еще ровъ. Многочисленный гарнизонъ, и самъ Джеззаръ, затворились въ крѣпости. Наполеонъ твердо надѣялся на успѣхъ, но испыталъ горестную судьбу, и всего болѣе вслѣдствіе несчастной абу-кисровой битвы.

Оставляя Египетъ, Нельсонъ поручилъ сэру Сиднею Смиту блокаду египетскихъ береговъ. Сидней Смитъ былъ молодой морякъ, отважный искатель приключеній, заклятый, личный врагъ Французовъ. Съ тринадцати лѣтъ возрастѣ всегда былъ онъ на морѣ; двадцати лѣтъ командовалъ фрегатомъ, дрался съ Русскими въ Балтійскомъ Морѣ, находился волонтеромъ въ шведскомъ флотѣ, перешелъ въ турецкій флотъ, и при началѣ революціи посѣщивъ въ отечество. При отнятій Тулона онъ жегъ тамъ французскіе корабли, крейсировалъ потомъ около береговъ французскихъ, отважно нападалъ на берега, переодѣтый осматривалъ гавани и крѣпости, и осмѣлился сдѣлать на-

паденіе на французскій корабль въ гаврскомъ портѣ. Здѣсь былъ онъ захваченъ и увезенъ въ Парижъ, гдѣ хотѣли разстрѣлять его, какъ зажигателя и шпіона. Двое ролястовъ, Фелиппо и Тромленъ (по странному стеченію случайностей, Фелиппо былъ соученикъ Наполеона въ Бриенскомъ Училищѣ), оба искусные инженеры и враги революціи, успѣли спасти Смита изъ тампльской тюрьмы, и бѣжали съ нимъ въ Англію. Смитъ поклялся вѣчною ненавистью Французамъ. Народъ встрѣтилъ его въ Англіи торжественно, а правительство, съ чиномъ коммодора, назначило его начальникомъ блокадной экспедиціи въ Египетъ. Фелиппо и Тромленъ слѣдовали за нимъ. Свѣлость и неустрашимость Смита много способствовали пресѣченію всѣхъ средствъ сообщенія Европы съ Египтомъ. Онъ неоднократно подходилъ къ Александріи и бомбардировалъ ее. Узнавши о походѣ въ Сирію, Смитъ явился у Акры, ободрилъ Джеззара, отдалъ ему Фелиппо, Тромлена, нѣсколько англійскихъ офицеровъ и отрядъ солдатъ, учредилъ подвозы къ крѣпости запасовъ моремъ, послѣдовалъ перевозомъ войскъ въ Акру изъ Родоса, и неусыпно наблюдалъ за перевозомъ французской артиллеріи изъ Египта въ Сирію. Онъ успѣлъ захватить главную часть ея близъ сирійскихъ береговъ, перевезъ въ Акру, и противопоставилъ Наполеону французскія пушки, направляемыя руками искусныхъ французскихъ офицеровъ и англійскихъ артиллеристовъ. Ободренный Сиднеемъ Смитомъ, Джеззаръ рѣшился защищаться на-смерть. И безъ того страшныя при оборонѣ крѣпостей, Турки были непобѣдимы.

Съ изнуреннымъ войскомъ, безъ осадной артиллеріи, безъ средствъ отрѣзать сообщенія крѣпости съ моря, безъ возможности прогнать Англичанъ, не смѣя обойти Акру, и оставивъ за собою главное мѣсто соединенія силъ непріятельскихъ, Наполеонъ рѣшился довѣриться храбрости солдатъ, какъ довѣрялся ей столько разъ прежде. Смитъ должна была рѣшить, потому что искусство не могло здѣсь ничѣмъ пособить Наполеону. Вся артиллерія французская состояла изъ огромной каронады, взятой въ Капсѣ, семи мортиръ, четырехъ пушекъ двѣнадцати фунтовыхъ, и тридцати пушекъ четырехъ фунтовыхъ, и притомъ водо-

ставало: не вероуху, ни ядѣрь. Въ ожиданіи сомнительнаго успѣху было обнаружено по Сиріи воззваніе Наполеона:

«Богъ благъ въ шлюсердѣ!»

«Извѣщаю васъ, что я пришелъ въ Палестину изгнать Мамлюковъ и войско Джебзара-паши. И по какому праву, дѣйствительно, распространилъ Джебзаръ свои угнетенія на области Яффы, Рашлы и Газы, не принадлежація къ его кашалжу? По какому также праву послалъ онъ войска въ Эль-Аршъ? Онъ вызвалъ меня на войну, но не вамъ, мирные жители, готовлю я ужасы ся. Оставайтесь спокойны въ своихъ жилищахъ, и если кто отъ страха оставилъ ихъ, да возвратится въ домъ свой. Каждый да владѣетъ тѣмъ, чѣмъ онъ владѣлъ. Желаю, да продолжать суда, по обыкновенію, обязанность свою отправлять правосудіе, и особенно, да будетъ покровительствуема и почтена вѣра наша, и мечети по-прежнему посѣщаемы всѣми добрыми мусульманами. Богъ, источникъ всѣхъ благъ, дастъ побѣду. Благо вамъ узнать, что всѣ уемлія человѣческія тщетны передо мною, потому что все, что я предприемлю, должно увѣчатся успѣхомъ. Процвѣтутъ тѣ, кто объявитъ себя другомъ моимъ, и погибнутъ тѣ, кто объявитъ себя врагомъ моимъ! Событія въ Яффѣ и Газѣ должны научить васъ, что если я страшенъ врагамъ моимъ, я благъ къ моимъ друзьямъ, и особенно добръ и снисходителенъ къ бѣдному народу.»

Вѣсто покорности, толпы Мамлюковъ, Турковъ, Арабовъ, и даже Друзевъ, собрались отвсюду. Наполеонъ обезопасилъ себя отъ ихъ нападенія, отрядивъ Клебера, съ трехъ-тысячнымъ корпусомъ, къ сторонѣ Ерусалима, и апрѣля двадцатаго началъ пальбу по Акрѣ; двадцать-пятаго сдѣлана была брешь, пошли на приступъ, и увидѣли второй валъ и ровъ. Приступъ былъ невозможенъ. Началась осада. «Жребій Востока заключенъ въ этомъ городишкѣ (bicoque), говорилъ Наполеонъ, стоя на холмѣ, до-сихъ-поръ называемомъ холмомъ Ричарда Львиного Сердца. Мы возьмемъ его, и Дамаскъ нашъ, и Везъ нашъ!»

До половины апрѣля продолжалась осада. Французы ходили на приступы, и—безуспѣшно. Между-тѣмъ пятнад-

дать тысячь пѣхоты и двѣнадцать тысячь конницы, отборныхъ войскъ непріятельскихъ, готовы были ударить на Наполеона, укрѣпясь въ лагерѣ близъ горы Фаворской, предводимые Абдаллою, пашею дамасскимъ. Жюнд бился съ ними близъ Назарета, и отступилъ. Клеберъ думалъ застать ихъ въ-расплохъ въ еаворскомъ лагерѣ, но былъ встрѣченъ и окруженъ ими. Груды тѣлъ обложили его карре, но бой долженъ былъ кончиться гибелью слабаго отряда Клебера и потому Наполеонъ не дремалъ. Онъ слышалъ объ опасности, и уже поспѣшно велъ солдатъ въ двухъ карреяхъ. Неожиданный ударъ его ужаснулъ и разсѣялъ непріятеля. Турецкій лагерь, три бунчука, обозъ и четыре ста верблюдовъ достались побѣдителямъ. Толпы непріятелей разбѣжались безъ битвы, и вся сборная армія, которую Турки называли «безчисленною, какъ звѣзды небесныя и песокъ морской», была уничтожена. Устрашая бунтовщиковъ сирійскихъ, Наполеонъ велѣлъ выжечь и истребить всѣ возмущившіяся селенія.

Но побѣда не повела ни къ чему, и тщетно ожидали успѣха подъ Акрою, напрасно истощая всевозможныя усилія искусства и храбрости. Нѣсколько пушекъ и мортиръ получено было изъ Египта. Недостатокъ ядеръ замѣняли собираемыми на берегу англійскими, потому что Сидней Смитъ безпрестанно обстрѣливалъ берегъ, хотя и причинялъ тѣмъ мало вреда. Солдатамъ платили за каждое ядро по пяти су, и они забавлялись подбораніемъ англійскихъ ядеръ. Порохъ найденъ въ изобиліи послѣ еаворской битвы въ турецкомъ лагерѣ. Но Акра была неприступна. Гарнизонъ ея, непрерывно возобновляемый, усилился до 20,000 прибытіемъ новыхъ войскъ; въ числѣ ихъ были регулярные полки турецкіе, когда потеря каждаго чловѣка была невознаграждима осаждавшимъ. Храбрый Каффарелли умеръ отъ жестокой раны; Лансъ, Дюрокъ, Мюратъ были ранены; Маліе, Ложіе убиты. Бомбу разорвало подлѣ Наполеона. Онъ не двинулся съ мѣста. Гренадеръ Дюмениль бросился къ нему, заслонилъ его собою, и оба уцѣляли при разрывѣ бомбы (въ 1809 Дюмениль былъ уже генераломъ, и лишился ноги подъ Бородиннымъ). Битвы съ обѣихъ сторонъ доходили до неистоваго ожо-

сточенія. Въ крѣпости свирѣпствовала язва. Она была занесена въ лагерь осаждающихъ, и губила храбрыхъ. Желая увѣрить, что эта страшная болѣзнь была не язва, Наполеонъ посѣщалъ госпитали, и прикасался къ больнымъ, утѣшая и ободряя ихъ. На прокламацію Наполеона, призывавшую къ союзу Друзовъ, Сидней Смитъ отвѣчалъ также призваніемъ ихъ, называлъ Наполеона «безсовѣстнымъ ренегатомъ». Наполеонъ отвѣчалъ ему извѣщеніемъ, что англійскій коммодоръ сумасшедшій. Возбѣщенный Сидней Смитъ послалъ Наполеону вызовъ на дуэль, и получилъ въ отвѣтъ, что французскій полководецъ принялъ бы вызовъ отъ Марлбурга, но драться съ бѣглецомъ изъ Тампла пошлетъ какого-нибудь своего гренадера.

До десятаго мая уже семь разъ ходили на приступъ, и семь разъ отбивали непріятельскія вылазки. Мая десятаго утромъ былъ сдѣланъ еще приступъ. Французы ворвались въ городъ. Деззаръ и Смитъ бросились въ битву на ряду съ другими. Удачнымъ отступленіемъ увлекли Французовъ, и отрѣзали ихъ отъ стѣны и помощи, когда вылазка заняла осаждавшихъ. Наполеонъ кинулся въ ряды сражавшихся. Турковъ прогнали, ворвались снова въ городъ, и освободили храбрыхъ, которые отчаянно защищались, затворившись въ мечети. Кровавопролитная битва долго кипѣла въ полу-разрушенной старинной башнѣ. Пушки, кинжалы и многолюдство Турковъ заставили отступить. Задумчиво возвратился въ ставку свою Наполеонъ, гдѣ окружили его Клеберъ и другіе генералы. Клеберъ смѣялся и говорилъ, что «они дерутся теперь, какъ Турки, а Турки, какъ христіане». — «Да, вскричалъ Наполеонъ, чувствую сколько людей и времени отнял у меня этотъ дрянной городишка, но мы должны сдѣлать еще разъ усиліе! Если успѣю, продолжалъ онъ съ жаромъ: я найду въ Акрѣ на 300,000 человѣкъ запасовъ, подниму всю Сирію, возьму Дамаскъ и Алепъ, стану у Константинополя со ста тысячами, и черезъ Адрианополь и Вѣну возвращусь въ Парижъ! Если опять неудача—тотчасъ назадъ. Время не терпитъ—въ половинѣ іюня Турки явятся въ Египетъ. Отсюда они не прійдутъ: все въ развалины за нами—не оставляютъ слѣда жилищъ!»

Приступъ былъ ночью — ужасный, но безуспѣшный. Мая двадцатаго началось отступленіе, послѣ отраженія двухъ вылазокъ. Непріятель долго не кѣрнулъ неожиданному событію, и не смѣлъ преслѣдовать Французовъ, гнѣвъ болѣе, что старался истребить всю къ тому возможность, Наполеонъ выжегъ селенія и разрушилъ всѣ средства сообщеній. Осадную артиллерію бросили въ море. При отступленіи изъ Яффы, кромѣ тысячи трехъ сотъ раненыхъ, оставалось до пятидесяти зараженныхъ язвою, безъ всякой надежды на исцѣленіе. Везти ихъ съ собою, вначало было опасно губить армию. Положено было оставить ихъ. Посоветовавшись съ врачами, Наполеонъ велѣлъ безнадежнымъ раненымъ и зараженнымъ дать большіе порціи опиума, которые въ бездѣятствѣ свели бы ихъ въ могилу. «Мое ремесло лечить, а не убивать!» отвѣчалъ ему докторъ Деженеттъ. «Я самъ принялъ бы опиуму, если бы заразился, отвѣчалъ Наполеонъ. Если смерть неизбежна, для чего не усладить ея страданія забвеніемъ въ послѣднюю минуту?» Приказъ его былъ исполненъ. Клевета провозгласила впоследствии, что Наполеонъ оставилъ въ Яфѣ до 1,500 больныхъ и раненыхъ, не имѣя средствъ везти ихъ, и спасая отъ гибели и мученій подъ кинжалами раздраженныхъ мусульманъ, велѣлъ ихъ *отравить*... Всѣ больные были увезены въ Египетъ, кромѣ умершихъ отъ язвы и ранъ, и совершенно безнадежныхъ; живыхъ оставлено было въ Яфѣ не болѣе тридцати, и имъ дали, не яду, но опиуму.

Въ половинѣ іюня возвратилось французское войско въ Каиръ. Походъ сирійскій стоилъ до четырехъ тысячъ убитыми, умершими отъ ранъ, и потыбшими отъ болѣзней и язвы. Скрывая неудачи, Наполеонъ говорилъ величественными прокламаціями о взятыхъ городахъ, о великой битвѣ саворской. Все повиновалось ему въ Египтѣ. Всѣ безмолвствовали передъ нимъ. Дезэ прогналъ Мурадъ-Бея за нильскіе водопады, разбивая его безпрестанно, и взявъ города и селенія. Въ одномъ изъ древнихъ египетскихъ храмовъ, на островѣ Филэ, горделиво начертаны Дезэ имена, свое и своихъ спутниковъ, Даву, Фриана, Бельяра, Данзоло и Латурнѣра. Одинъ изъ отрядовъ его за-

нялъ коссеврскій портъ на Черномъ Морѣ. Лаюссъ уничтожилъ возмущеніе эмира-гаджи въ Шаркіестъ. Также легко усмирено возстаніе въ Дамангурѣ, гдѣ явился изурь, называвшій себя ангеломъ Эльмоди, посланнымъ уничтожить невѣрныхъ. Пощады мятежникамъ не было. Только милость и правосудіе съ одной стороны, и съ другой строгость неумолимая, могли удержать въ повиновеніи.

Но грустно спрашивалъ самого себя Наполеонъ: к чему поведетъ дальнѣйшее пребываніе въ Египтѣ, и не должно ли оно кончиться гибелью? Такова была общая мысль. Еще любовь къ нему, примѣръ его и строгость, удерживали привязанность и повиновеніе войска, но уже онъ замѣчалъ уныніе солдатъ и нетерпѣніе офицеровъ. Самые вѣрные сподвижники осмѣливались тайно роптать, просили отпуска, спорили. Только волшебный взоръ Наполеона останавливалъ, увлекалъ, заставлялъ раскаиваться. Всего чаще спорился съ нимъ Клеберъ, и каждый разъ со слезами просилъ у него прощенія. Бертіе явился къ Наполеону требовать отпуска. «Бертіе! ты хочешь просить отпуска?» легко спросилъ его Наполеонъ. «Нѣтъ!» отвѣчалъ въ замѣшательствѣ Бертіе, и удалился, не имѣя силъ сказать ни слова.

Новая опасность заставила всѣхъ забыть неудовольствія и новыи подвигъ Наполеона возбудилъ общее удивленіе къ его генію.

Отступленіе отъ Акры приписывали уму и храбрости Сиднея. Султанъ прислалъ ему богатые подарки. Король англійскій позволилъ ему принять въ гербъ надпись: *Великое Сердце*. Деззаръ оскорбился, что объ немъ не думали, и отказался отъ сбора войскъ для завоеванія Египта. Великій визирь прибылъ въ Акру, думалъ принудить

Сиднея умереть отъ чумы въ Акрѣ. Тромленъ возвратился въ Францію. Наполеонъ принялъ его въ службу полковникомъ, и смѣясь просилъ «стараться сдѣлать врагамъ его столько же зла, [сколько сдѣлалъ онъ ему въ Акрѣ]. Воспоминаніе объ Акрѣ было всегда неприятно Наполеону. Онъ говорилъ о Сидней Смитѣ, съ досадою: *Cet homme m'a fait manquer ma fortune, quand* онъ былъ императоромъ.

его, и едва спасся посредствомъ Сиднея Смита. Деззаръ страшно мстилъ племенамъ Друзовъ, и болѣе прежняго утвердилъ свою независимость въ Сиріи, презирая титулъ египетскаго паши. Оставалось дѣйствовать турецкими силами, собранными въ Родосъ и Сиріи. Сидней Смитъ заботился о перевозѣ ихъ въ Египетъ. Мѣстомъ высадки назначили Абукиръ. Извѣстіе о высадкѣ подтвердилось всеобщимъ движеніемъ Арабовъ и Мамлюковъ. Ибрагимъ-бей явился у Эль-Ариша, Эльфи-бей и Османъ-бей между Ниломъ и Чернымъ Моремъ, Мурадъ-Бей влѣво отъ Каира.

Немедленно велѣно было генералу Лагранжу идти на Османъ-бей, Мюрату на Мурадъ-бей, а Клеберу и Реніе снѣшить къ Александріи, и туда же послѣдно двинуть отряды Дезе изъ Верхняго Египта. По городамъ оставлены слабыя гарнизоны. Наполеонъ всего болѣе опасался, что въ высадкѣ будутъ участвовать англійскія войска. Лагранжъ удачно напалъ на лагерь Османа и Эльфи-бея, десятаго іюля. Османъ былъ убитъ. Эльфи-бей бѣжалъ въ Нубію. Лагерь и обозъ достались Французамъ. Не менѣе успѣшна была схватка Мюрата съ Мурадъ-беємъ, бѣжавшимъ послѣ разбитія въ степи. Въ Романиѣсѣ, девятнадцатаго іюля, перейдя съ Ланномъ, Бонномъ и Мюратомъ сорокъ льѣ въ четыре дня, Наполеонъ узналъ о дѣйствіяхъ высадки. Турки, сопровождаемые Сиднеемъ Смитомъ, на сто пядитесяти транспортахъ, пристали къ полуострову, простирающемуся отъ Абукира до Александріи, овладѣли редутомъ и селеніемъ абукирскимъ, и окопались рвами и валами. Ихъ было до 18,000, при сильной артиллеріи, подъ начальствомъ Мустафы-паши. Англійскіе артиллеристы находились при войскѣ. Мармонъ, коммендантъ Александріи, допустившій оплошностью своею высадку и потерю редута, ободрилъ еще болѣе Турковъ тѣмъ, что двинулся противъ нихъ, но не смѣлъ сразиться и отступилъ. Наполеонъ успѣлъ извлечь выгоду изъ самыхъ ошибокъ. Не дожидаясь прихода другихъ своихъ войскъ, и имѣя до шести тысячъ, съ Мюратомъ, Ланномъ и Бономъ, онъ рѣшился смѣло атаковать Турковъ, обезпеченныхъ новыми укрѣпленіями, построенными впереди редута и се-

юна Абу-Ира. Атака Мюрата и ударъ пѣхоты заставили Турковъ бѣжать. Тѣмъ увернѣе завязалась битва въ реду-тѣ Янычары дрались кинжалами и отбили нападавшихъ. Французы отступили. Турки бросились на поле сраженія, рѣзать уши и головы неприятелей. Тогда усиленный ударъ смялъ толпы ихъ, и битва смѣнилась побѣдцемъ. Болѣе 12,000 Турковъ погубило въ морѣ, куда обросли ихъ Французы; болѣе 3,000 пало въ битвѣ; остальные сдались. Мюратъ самъ сражался съ Мустафою-пашею, и своими руками захватилъ его въ плѣнъ. Представленный Наполеону, Мустафа былъ гордъ и угрюмъ. «Я засвидѣтельствую царю Султаномъ о твоей храбрости,» сказалъ ему Наполеонъ. «Султанъ знаетъ безъ тебя, что я не трусъ,» отвѣчалъ Мустафа. Сидней-Смитъ велѣлъ поздравить Наполеона съ побѣдою, когда предложено ему было размѣнять плѣнныхъ. «Général! воскликнулъ Клеберъ, обнимая Наполеона: vous êtes grand comme le monde» (генераль, ты великъ, какъ міръ)!

Сидней-Смитъ, ненавидя Наполеона, восхищался умомъ и дѣлами его, и въ знакъ уваженія, послалъ къ нему вина и фруктовъ. Посланный на англійской флотъ для переговоровъ о плѣнникахъ, спрашивалъ у Сидней-Смита о дѣлахъ въ Европѣ, говоря, что уже около года они не видѣютъ никакихъ извѣстій. Въмѣсто отвѣта, Смитъ вручилъ ему кипу италіянскихъ газетъ. Жадно схватилъ ее Наполеонъ, не спалъ всю ночь послѣ битвы, и къ утру рѣшеніе его было опредѣлено: онъ оставилъ Египетъ. Огромныя событія, вовсе ему неизвѣстныя, узналъ Наполеонъ. Безразсудство правителей Франціи, умъ Питта, отсутствіе Наполеона и измѣненія европейской политики довели къ такимъ дѣламъ, какихъ прежде невозможно было предвидѣть. Война страшно кипѣла въ Европѣ. Франція была на краю гибели, и—Наполеонъ ничего не зналъ!

Мы говорили, что въ то время, когда дипломатика путала узлы свои на раштадтскомъ конгрессѣ, дерзость Франціи снова возстановляла противъ нея союзъ государей Европы, не видѣвшихъ предѣла разрушительному надюженію силъ республики и мнѣній революціонныхъ. Директорія не хотѣла остановиться въ своихъ безразсуд-

ныхъ распоряженіяхъ, и ознаменовывала притомъ всѣ дѣла свои, не только смѣлою политикою, которую можно еще было простить — постыдное своекорыстіе умелыхъ правителей Франціи въ нелѣпныя противорѣчія дѣлъ и словъ. Такъ, продолжая революцію въ Нидерландахъ, послѣ переворота января двадцать-второго, директорія неожиданно отмѣнила свое рѣшеніе, когда генералъ Дендельсъ пріѣхалъ въ Парижъ, и деньгами купилъ ей согласіе возстановить прежнюю, областную нидерландскую конституцію. Какъ прежде демагогамъ, такъ теперь Дендельсу помогли штыками разогнать народныя собранія, подтверждая общее мнѣніе о непрочности всѣхъ революціонныхъ постановленій, и о томъ, что насиліе было единственнымъ средствомъ всѣхъ дѣлъ, и своекорыстіе правителей Франціи, а не благо народовъ, ихъ цѣлю. Несчастная мысль составить изъ Швейцаріи единую и нераздѣльную республику, вопреки желаніямъ жителей, была источникомъ неистощимыхъ бѣдствій. Горы и долины швейцарскія являли позорища битвъ и междоусобій, и за каждымъ слѣдовало кровавое возмездіе Французовъ, той партіи, которая не покупала золотомъ дружбы директоріи. Договоромъ съ Франціею Гельветическая Республика уступила наконецъ ей всѣ заграбленные деньги и артиллерію, обязываясь выставлять участокъ вспомогательныхъ войскъ. Но и послѣ того французскія войска остались въ Швейцаріи, а Леманская Республика, Женевъ и Мюльгаузенъ были присоединены къ Франціи. Затѣмъ слѣдовали грабежи и хищенія въ Италіи. И въ то же время совершилось нападеніе Наполеона на Египетъ и занятіе имъ Мальты.

Какъ-будто нарочно допуская Францію дать наиболѣе поводовъ къ разрыву мира, Австрія уклонялась отъ окончанія переговоровъ, но не изъявляла открытой неприязни, хотя приготовленіе войскъ и новые союзы императора показывали близость войны. Мы говорили о новомъ дѣятельномъ противникѣ Франціи, Императорѣ Павлѣ. Совершенно измѣнивши прежнюю политику Екатерины, ограниченную только дипломатическими протестами и угрозами, Императоръ Павелъ, принявъ за-

негросмейстера мальтійскихъ рыцарей, поднесенное ему
посухатами ордена, послѣ завосванія Мальты Французами,
и отреченія Гомпеша, заключая союзъ съ Турціею, отпра-
вила свой флотъ въ Архипелагъ, предложилъ Австріи,
Пруссіи и Неаполю, угрожаемому нападеніемъ Французовъ,
союзъ и помощь, съ тѣмъ, что война должна продолжиться
доколѣ Бурбонамъ не возвратятъ трона, не введутъ Фран-
цію въ прежніе предѣлы ея, и не возстановятъ порядку
дѣлъ въ Европѣ. Англія дѣлалась послѣ этого естествен-
нымъ союзникомъ Россіи. Слѣдствіемъ, кромѣ трактата
Россіи съ Турціею, были трактаты Россіи и Англіи съ
неаполитанскимъ королемъ, Россіи съ Португаліею и Ав-
гліею, договоръ Россіи о пособіи войсками Неаполю и Ав-
стріи, другой объ освобожденіи Италіи, Швейцаріи, Гол-
ландіи, и объявленіе непріязни Данин и Испаніи, какъ со-
юзникамъ Французской Республики. Людовику Осьмнадца-
тому, жившему въ Митавѣ, повелѣно отдавать всѣ надле-
жащіи королю почести. Съ соизволенія Императора Павла,
въ іюнѣ 1799, совершено было въ Митавѣ бракосочетаніе
дочери Людовика Шестнадцатаго съ сыномъ графа д'Ар-
тоа, герцогомъ Ангулемскимъ. Множество Французовъ
поступило въ русскую службу. Корпусъ эмигрантовъ, подъ
начальствомъ принца Кондэ, былъ призванъ изъ Германіи
въ Россію, преобразованъ на счетъ русскаго правитель-
ства, и присоединился къ русскому корпусу, вступившему
въ Австрію, когда Ушаковъ началъ завосванія въ Адриа-
тическомъ Морѣ. Русскія войска, соединенно съ неаполи-
танскими, должны были итти на Римъ, а другой корпусъ
русскій, съ Англичанами, сдѣлать высадку въ Голландію.

Что жъ дѣлали правители Франціи, видя столь страшное
оближеніе грозы? Какъ въ 1793 году, они сами горделиво
вызывали на бой Европу, требовали отчета въ поступкахъ
императора австрійскаго, объявляли, что вступленіе Рус-
скихъ въ Германію примутъ за объявленіе войны, мечтали
о высадкѣ въ Ирландію, и забывая объ участи египетской
экспедиціи, сдвигали войска на Рейнъ. Вся, столь грозно
возвѣщаемая высадка въ Англію оградилась посылкою
тысяча пяти сотъ человекъ войска въ Ирландію, гдѣ, отда-
нные на жертву непріятелю, они сдались Англичанамъ послѣ

храброй защиты, а Ирландія предана была мщенію Англичанъ, и проклинала вѣроломную свою союзницу. Только одно совершенно было успѣшно—удержаніе нейтралитета Пруссіи, и здѣсь честь принадлежала Сійесу, посланному въ Берлинъ. Въ тайныхъ переговорахъ онъ обѣщаль немедленный переворотъ во Франціи, и предлагаль французскій престолъ прусскому принцу. Посылать Талерава въ Константинополь даже и не подумали.

Новая война уже начиналась на материкѣ Европы. Надѣясь на подкрѣпленіе Австріи, ободренный присутствіемъ Нельсона и присылкою изъ Вѣны генерала Макка, считавшагося великимъ стратегикомъ, Неаполь первый двинуль войска, заняль Римъ и объявилъ Римскую Республику уничтоженною. Директорія велѣла генералу Шампionѣ немедленно итти въ Неаполь. Отвага Шампionѣ и неспособность Макка скоро рѣшили дѣло. Торжественно вступивъ въ Римъ въ ноябрѣ 1798, въ декабрѣ король неаполитанскій бѣжалъ въ Сицилію, а въ январѣ 1799 Шампionѣ заняль Неаполь, объявилъ званіе короля уничтоженнымъ, и Неаполь образоваль новую, союзную съ Франціею, Партенопейскую Республику.

Здѣсь, по-крайней-мѣрѣ, былъ предлогъ, потому что Неаполь самъ началъ войну, но гораздо безразсуднѣе и наглѣе поступила Франція съ Пиемонтомъ. Подъ предлогомъ несогласій съ Генуею, Французы заняли Туринъ, и въ декабрѣ принудили сардинскаго короля подписать уступку Франціи всѣхъ земель на италіянскомъ материкѣ, оставляя себѣ во владѣніе только островъ Сардинію. Пиемонтъ объявленъ французскою областью. Французы заняли Тоскану, и увлекли дряхлаго папу во Францію.

И между-тѣмъ правительство, поступавшее столь смѣло, было терзаемо внутренними смятеніями, удаляло отъ себя приверженцовъ, усиливало ненависть противниковъ, не только позволяло, даже поощряло грабежи и притѣсненія повсюду, гдѣ провозглашало республику, свободу и равенство, дѣлилось добычею съ хищниками, видѣло явное неповиновеніе своихъ генераловъ, не смѣло наказывать ихъ, навлекло на себя общее презрѣніе, и дѣлалось предметомъ насмѣшки. Шампionѣ прогналь изъ Неаполя комисс-

арогъ республики. Брюнъ выгналъ чиновниковъ, при-
данныхъ къ нему изъ Милана. Оба генерала были за то
жѣвены, но, оскорбляясь своевольною смѣною товарищей,
Куберъ и Бернадоттъ отказались отъ службы. Часть рас-
сматы за всё безразсудства, за весь позоръ Франціи, наста-
валъ. Европа бралась за оружіе. Пока Турція устремляла
силія противъ Египта, Англичане и Русскіе готовились на
высадку въ Неаполь и Голландію, а два корпуса русскіе
пѣшли въ Италію и Швейцарію, когда на Рейнѣ сдвига-
лись двѣ арміи Австрійцевъ, кромѣ третьей, которой на-
значали соединиться съ Русскими на Адигѣ. На Рейнѣ
принималъ начальство эрцъ-герцогъ Карлъ. Въ Италію
призванъ былъ волею двухъ императоровъ престарѣлый
фельдмаршалъ русскій Суворовъ. Франція должна была
охранять берега свои, содержать армию въ Неаполѣ и Ри-
мѣ, защищать Нидерланды, Рейнъ, Швейцарію, Италію.
Ни денегъ, ни войска не доставало. Не знали кому пору-
чить начальство, и принуждены были мириться съ оскор-
бленными генералами, поручая Брюну защиту Голландіи,
Бернадотту армию нижне-рейнскую, Журдану верхне-
рейнскую, Массенѣ гельветическую, Шереру и Морѣ
италіянскую, Макдональду неаполитанскую, и Шампюне
резервную на югѣ Франціи. При начавшихся громахъ
оружія разрушился рапштадтскій конгрессъ, окровавленный
вѣроломнымъ убійствомъ французскихъ пословъ, и въ
одно время услышали въ Парижѣ о пораженіи француз-
скихъ войскъ на Рейнѣ и на Адигѣ.

Но битвы при Веронѣ и Маньяно, гдѣ Край разбилъ
Шерера, и при Штоккахѣ, гдѣ эрцъ-герцогъ Карлъ пора-
зилъ Журдана, были только началомъ бѣдствій. Несмот-
ря на частныя успѣхи Массены въ Швейцаріи, Суворовъ
пошелъ громоноснымъ побѣдителемъ по тѣмъ полямъ, гдѣ
за три года прежде побѣда вѣнчала труды и подвиги Напо-
леона. Въ безпорядкѣ отступилъ за Адду Морѣ, принявшій
начальство вмѣсто Шерера, отдалъ побѣдителю Миланъ и
Гуринъ, и былъ стѣсненъ въ Апеннинскихъ Горахъ. Та-
кихъ бѣдствій не могли вознаградить слабыя успѣхи Мас-
сены въ Швейцаріи. Велѣно спѣшить изъ Неаполя Макдо-
нальду. Ожидали побѣдъ, обрадовались, когда Макдональдъ,

почти безъ бою, занялъ Тоскану, но Суворовъ встрѣтилъ его на берегахъ Трестин, и пока Морò старался соединиться съ Макдональдомъ, въ трехъ-дневномъ бою былъ разбито французское войско. Бѣдныя остатки его укрѣнились въ Апенниннахъ, гдѣ молодой Жубертъ сшибилъ Мора. Осмѣлившись выступить противъ русскаго вождя, новый главнокомандующій палъ въ кровопролитной битвѣ близъ Нови. Онъ убитъ въ передовой цѣпи застрѣльщикомъ, доказывая своєю гибелью, что храбрые товарищи Наполеона не могли замѣнить его.

Слѣдствія побѣдъ Суворова были безмѣрны. Ими были уничтожены всѣ созданныя Францією италіянскія республики. Герцогъ тосканскій и король неаполитанскій возвратились въ свои столицы. Въ Римѣ возстановлено павшее правленіе. Суворовъ звалъ сардинскаго короля въ Туринъ. Всюду возставалъ народъ, уничтожая знаки французскаго владычества. Мантуя и Анкона были покорены. Шампюне, замѣнившій Жуберта, съ остатками войскъ сѣва держался у Генуи и на Ривьерѣ-ди-Поненте. Суворовъ готовился вступить во Францію и идти прямо къ Парижу. Ушаковъ отнялъ Ионическіе Острова; Нельсонъ осадилъ Мальту, занялъ Минорку; Корсаковъ вступилъ въ Цюрихъ, и половина Швейцаріи находилась во власти союзниковъ. Граница рейнская была открыта. Въ Голландіи ждали Англичанъ и Русскихъ, и новыя силы кромѣ-того готовились въ Россіи и Австріи. Неутралитетъ Пруссіи начиналъ колебаться. Германскіе властители приступали къ союзу.

Франція видѣла вновь наступленіе тяжкихъ вѣстей 1793 года. Уже оживали возмутители Вандеи, и возмущались южныя области. Противники правительства открыли народныя клубы, и ропотъ народа соединялся съ укоряющимъ голосомъ. Обвиненія падали на правительство и уничтожали его. Тщетно думали дополнить войску новымъ закономъ конскрипціи, по которому каждый двенадцати-лѣтній поступалъ въ военную службу—не было денегъ, не было оружія. Директорія хотѣла защитить себя итеррогомъ Сифеса, на мѣсто Реубела, закрыла клубы, издала законъ о заложникахъ, но она забьма, что наступило ужасу прошло безвозвратно. Мѣры ея назвали тираническими.

ствоиъ. Сійесъ, Талеранъ (смѣненный съ его министерства), Бернадоттъ (возведенный въ званіе военнаго министра, и вскорѣ смѣненный), Журданъ, лишенный начальства и поступившій въ Пята-сотный Совѣтъ, гдѣ членомъ былъ Юсифъ Бонапарте, и председателемъ Луціанъ Бонапарте, составили сильную оппозицію, и принудили просить объ увольненіи директоровъ Ларсвейліера и Мерлена. На мѣста ихъ избрали Рожера Дюкд, стараго жирондиста, Мулена, плохаго генерала, и Гоёе, бездарнаго адвоката. Они сдѣлались безсильнымъ орудіемъ интригъ Сійеса. Политическій мечтатель, давно готовившій новую конституцію, Сійесъ не скрывалъ необходимости полнаго переворота въ правленіи Франціи; сообщники его соглашались съ нимъ.. Но кто могъ совершить этотъ переворотъ, при упадкѣ Франціи, волненіи народа, раздорѣ партій, когда враги со всѣхъ сторонъ угрожали республикѣ, и всѣ прежнія побѣды были погублены? «Господа! говориль Сійесъ: намъ надобны не слова — надобны голова и мечь!» Понимали, что «голову» находилъ онъ на своихъ плечахъ, увѣренный въ своей государственной мудрости, но чей «мечъ» долженъ былъ охранить его премудрую голову?

И взоры всѣхъ обращались къ отдаленнымъ берегамъ Нила, гдѣ баснословными подвигами прославилъ себя бывшій покоритель Италіи. Голоса всѣхъ произносили имя одного — имя Бонапарте. «Гдѣ Бонапарте?» говорили люди всѣхъ партій. Одни пересказывали преувеличенныя извѣстія объ его побѣдахъ, объ его походахъ въ Индію, Эіопію, Константинополь. Другіе представляли его жертвою лязкой интриги, корыстной зависти правительства и товарищей, кричали о тридцати пяти тысячахъ отборнаго войска, съ лучшими генералами, заброшеннаго въ пески Египта, когда Франціи грозила гибель....

Таковы были событія, которыя узналъ, и такова была сущность, которую проникъ въ нихъ орлиный взоръ Наполеона, въ рѣшительную ночь послѣ абукирской битвы, гдѣ отищенъ былъ непріятелю позоръ французскаго оружия.

«Я предчувствовалъ, что они погубятъ Францію!» восклицалъ Наполеонъ, прерывая чтеніе, и врачю ходя въ

своей палаткѣ. Уже не одно желаніе славы и почести, но сознаніе, что его вызываетъ судьба на великое дѣло спасенія Франціи, влекло его въ Европу. Безразличная будущность разстилалась передъ нимъ, какъ то море на берегу котораго стоялъ онъ, простирая жадные взоры на Европу. Рѣшено: онъ поспѣшитъ туда, въ Европу, въ Парижъ, въ битвы. Онъ не имѣлъ позволенія профессора возвратиться, но кто осмѣлится потребовать у него отъсидѣть, если онъ тамъ явится? Если онъ погибнетъ — для чего ждать? Чего еще онъ могъ ожидать въ Египтѣ? Никакихъ побѣдъ и вѣрной гибели, смерти въ безконечныхъ битвѣхъ, или приказа воротиться во Францію, подписаннаго тѣмъ властителемъ, котораго возведетъ на французскій престолъ мечъ непріятеля? Горестное чувство стеснило душу Наполеона при мысли, что онъ предастъ безчисленному жребію нѣсколько тысячъ ратныхъ товарищей своихъ, увлеченныхъ его именемъ изъ отчизны, съ такою безотчетною довѣренностью, что они даже не спрашивали, куда вель онъ ихъ. Но самое спасеніе ихъ не зависѣло ли отъ возвращенія Наполеона въ Европу? Они — и Франція, Египетъ — и Европа: оставалось ли сомнѣніе?

Скрывая тайну свою, Наполеонъ ничего не сказавъ, извѣстіяхъ изъ Европы, спокойно возвратился въ Парижъ, провелъ нѣсколько дней въ распоряженіяхъ, и затѣмъ отправился въ Александрію, когда узналъ, что Смитъ, съ остатками турецкаго войска и флотомъ, оставался. Ланнъ, Мюратъ, Андресси, Бертіе сопровождали его, и при немъ были Монжъ, Бертолле и Денонъ. Клеберу также вѣлно слѣдовать въ Александрію. На пятый день по прибытіи, не дожидаясь Клебера, Наполеонъ выѣхалъ изъ Александріи, и остановился на берегу большой бухты, гдѣ уже были готовы двѣ шлюпки. Виднѣлись на рейдѣ два фрегата и два небольшихъ корабля. Наполеонъ обратился къ своимъ товарищамъ, и какъ первый мѣнь былъ Мену приказомъ Наполеона, по случаю отъѣзда главнокомандующаго, принять, вмѣстѣ съ Клеберомъ, начальство надъ египетскою арміею! Ланнъ, Мюратъ, Андресси, Бертіе, Мармонъ и Бессіеръ получили приказъ слѣдовать за Наполеономъ во Францію. Такое же

уже объявлено Мюнжу, Бертолле и Денону. «Генералъ! вы идете во Францію?» воскликнулъ Мену. «Да, я ѣду во Францію», отвѣчалъ Наполеонъ, и никто не смѣлъ возражать, даже сказать одно слово. Шлюпки поплыли къ кораблямъ, ожидавшимъ ихъ: то были фрегаты «Мюпровъ» и «Карреръ», и двѣ шебеки, «Возмездіе» и «Счастіе», за нѣсколько дней тайно приготовленные къ отплытію контръ-адмираломъ Гантмономъ. Вскорѣ удалились суда отъ береговъ, сопровождаемые печальными взорами тѣхъ, кто оставался на враждебныхъ берегахъ Египта. Утлой ладью являлъ свою участь новый Цезарь, готовый воскликнуть въ общему кормицку: «Чего страшиться? Ты везешь Цезаря!»—«Это было одно изъ тѣхъ безразсудствъ, какими судьба искушаетъ судьбу, и послѣ которыхъ приобретаетъ тутъ безграничную къ самому себѣ довѣренность, которая ведетъ къ величію и паденію.»

Здѣсь кончился египетскій походъ Наполеона, начатый съ такими обширными надеждами, и разрушенный безразсудствомъ правителей Франціи, новымъ союзомъ европейскихъ государей, гибелью французскаго флота при Абуларъ, неудачею Наполеона подъ Акрою, подвигами Суворова, Нельсона и Сиднея-Смита. Означенный блестящими событіями, онъ былъ увѣковѣченъ учеными трудами французской экспедиціи, и прибавилъ новую легенду къ разсказамъ восточныхъ жителей. Какъ о подвигахъ великаго Искендера, они говорятъ о дѣлахъ Абунапарте, о томъ, какъ любилъ онъ мусульманъ и громилъ Мамлюковъ, какъ уплылъ въ Европу, гдѣ двѣнадцать царей отняли его зельемъ, сковали, и отвезли на дикій островъ, гдѣ онъ умеръ. Духъ его, говорятъ арабскій разсказчикъ, въ полночь является на вершинѣ пирамидъ, призывая воиновъ своихъ товарищей, и вѣетъ вихремъ съшучіе песка, и бѣжитъ по степнымъ пустынямъ.

Два потеряли изъ виду египетскіе берега, вдаль показались два корабля. «Не бойтесь! Мы доплывемъ благополучно. Счастіе не оставитъ насъ!» спокойно говорилъ Наполеонъ своимъ встревоженнымъ товарищамъ. Двадцать дней эскадра встрѣчала противные вѣтры, и держалась близъ африканскаго берега. Наполеонъ во все время

былъ веселъ, спокойно читалъ Библию и коранъ, прохаживался по палубѣ, говорилъ съ военными о своихъ египетскихъ битвахъ, съ учеными объ открытіяхъ въ Египтѣ. Въ концѣ сентября эскадра направилась на сѣверъ, и тридцатаго сентября остановилась близъ Аячціо, какъ будто снова изъ мѣста родины надлежало явиться во Франціи Наполеону. Онъ не сходилъ съ корабля. Здѣсь обмѣняли 17,000 цехиновъ—единственное богатство изъ всѣхъ добычь, взятое Наполеономъ. Слухъ объ англійской эскадрѣ, крейсирующей передъ Тулономъ, заставилъ Наполеона направлять плаваніе отъ Корсики правѣе, и уже вдали видны были берега Франціи, когда въ морѣ заблѣглись паруса англійскихъ кораблей. Гантомъ хотѣлъ воротиться въ Корсику. Наполеонъ велѣлъ править прямо къ берегу, и октября девятаго, 1799 года, утромъ, близъ небольшого залива Сенъ-Рифо, подлѣ Фрежюса, послѣ сорока-дневнаго плаванія, бросилъ якорь корабль, на которомъ былъ *человѣкъ судьбы*. Путешествіе его между англійскими флотами на Средиземномъ Морѣ казалось столь чудеснымъ, что многіе думали, будто Англичане тайно согласились пропустить Наполеона во Францію.

Здѣсь, даже и непріязненный историкъ Наполеона, восклицаетъ въ удивленіи: «Онъ отправился съ сильнымъ флотомъ и побѣдоносною арміею, думая предписать законы древнему міру. Слѣдствія далеко не оправдали его надеженій: армія осталась въ чужой землѣ, когда столь потребна была помощь ея отечеству; флотъ былъ уничтоженъ; главнокомандующій возвращался украдкою — почти одинъ. И между-тѣмъ онъ былъ *человѣкъ*, избранный Провидѣніемъ произвести перевороты и измѣненія, *изумительныя болѣе всѣхъ тѣхъ*, которыя когда либо усиліями великихъ завоевателей были производимы на лицѣ земли.»

Н. ПОЛЕВОЙ.

==

КАРТЕЗИАНИЗМЪ.

=

Нельзя сказать, что вѣкъ нашъ скуденъ философическими теоріями и системами: многія ученія родились и умерли при нашихъ глазахъ; другія, послѣ столь недавней громкой славы, быстро клонятся къ паденію, и на мѣстѣ ихъ уже возникаютъ новыя. Сколько было великолѣпныхъ обѣщаній! Сколько теперь — разбитыхъ мечтъ! Не мудрено, что среди этихъ преждевременныхъ развалинъ самыхъ знаменитыхъ зданій философствующей мысли, умъ часто не вѣритъ собственному могуществу и, невольно увлекаясь къ прошедшему, съ грустнымъ любопытствомъ разсматриваетъ источники всѣхъ нашихъ умозрительныхъ сновидѣній. Этому-то естественному чувству, возбужденному зрѣлищемъ безпрерывныхъ неудачъ гордой новѣйшей мудрости, должно приписать неожиданный возвратъ современной учености къ Платону, Аристотелю, Декарту, Бекону, о которыхъ въ послѣднее время такъ много писали, и теперь еще пишутъ, въ Германіи, Франціи и Англии. Когда новое явно ни куда не годится, надо по-неволѣ приниматься за старое и въ немъ искать философическаго утѣшенія.

Мы воспользуемся задачею, предложенною Французскимъ Институтомъ, о сущности ученія Декарта, и сочинениемъ, которое это ученое общество увѣнчало своей преміей*, чтобы бросить взглядъ на систему, имѣвшую

* *Le Cartésianisme, ou La véritable rénovation des sciences, ouvrage couronné par l'Institut de France, par Bordes-Demoulin. Paris, 1843. 2 vol.*

неоспоримое вліяніе на всѣ усилія мыслителей послѣ нихъ двухъ сотъ лѣтъ. Предметъ, самъ по себѣ, очень занимателенъ. Кромѣ-того, картезианизмъ — вопросъ, в нашей отечественной литературѣ, почти вовсе не тронутый. Мы знаемъ объ ученіи Картезія, или Декарта, только по слухамъ, по мимолетнымъ намѣткамъ, такъ сказать, по преданіямъ нашихъ новѣйшихъ учителей. Когда мы вступили на поприще образованности, система Декарта уже лежала въ прахѣ. Петръ Великій и Ньютонъ явились въ одно время.

Но прежде всего съ горестью должно замѣтить, что академіи, иногда, раздають вѣнцы престраннымъ сочиненіямъ! Что это за чепуха, которую «Французскій Институтъ» удостоилъ своего торжественнаго одобренія? Трудно представить себѣ философическую книгу, написанную хуже, относительно къ слогу и логикѣ, хвастливѣе, одностороннѣе, съ болѣе ограниченными понятіями и въ болѣе завистливомъ духѣ. Ничтожная посредственность силится уничтожить удивленіе, должное величайшему генію новѣйшихъ временъ! Мосье Борда-Демулень, подъ предлогомъ разсужденія о картезианизмѣ, сплошь хлопочетъ объ одномъ только, а именно, чтобъ доказать, что Ньютонъ былъ человекъ съ самымъ обыкновеннымъ умомъ: что всякой, знающій немножко математики, могъ бы сдѣлать то же самое, что сдѣлалъ онъ, и еще лучше; что одни лишь Французы и, отчасти еще, Нѣмцы — люди геніальные, а Англичане просто — народъ безмозглый, который только шатается взадъ и впередъ и всего не имеетъ оцѣнку. Если это — философія, такъ она достойна совершенно исключительнаго названія «французской философіи» и нигдѣ, за предѣлами тѣсныхъ понятій слѣпаго мѣстаго патриотизма, не покажется ни глубокою ни убѣдительною. Прискорбно видѣть такое просвѣщенное сословіе какъ Французскій Институтъ, участвующимъ своими одобреніями въ подобныхъ низостяхъ завистливаго и безразсуднаго національнаго тщеславія. Разумѣется, что по системѣ, въ награжденной полною преміей въ Парижѣ, Беконъ долженъ быть такой же осель какъ Ньютонъ: Европа — въ странѣ

номъ заблужденіи, считая этихъ двухъ коварныхъ Англичанъ виновниками обновленія всего духа, всего направленія наукъ: *настоящее обновленіе, la vraie rénovation des sciences, принадлежитъ Франціи и Декарту*, который, не забудьте, бѣгалъ Франціи и всю жизнь свою провелъ въ Голландіи и Швеціи. Мосьё Борда-Демуленъ въ цѣломъ мірѣ видитъ однихъ только учениковъ и послѣдователей Француза Декарта. Ньютонъ, который цѣлую вторую книгу своихъ «Principia» написалъ противъ Декарта, этотъ безталанный Ньютонъ, этотъ пустой *счетчикъ* — первый *картезианецъ* изъ всѣхъ! Локкъ, Спиноза, Гоббсъ, Лейбницъ, всѣ, кто только опровергалъ Декарта или кто училъ совершенно противоположному, все это — чистые *картезианцы*. Причина?—Да, причина—та, что безъ Декарта ихъ бы и не существовало. Зачѣмъ же такъ? Да такъ! не явился прежде тотъ, кто бы сказалъ *да*, никто не станетъ отвѣчать ему *клянъ*. Резонъ! Вотъ, что называется, разсуждать философически! Покойникъ Деламбръ доказывалъ, что *картезианизмъ*, не только не принесъ пользы новѣйшей наукѣ, но еще былъ долгое время вреденъ ея успѣхамъ: Деламбръ, по увѣренію мосьё Борда-Демулена, былъ дуракъ, даромъ-что членъ Французскаго Института, который присуждаетъ преміи книгамъ. Мосьё Біо, членъ того же Института, вовсе не покойникъ, согласенъ съ Деламбромъ, и безпредѣльно удивляется генію Ньютона: мосьё Біо ничего не смыслить! Графъ де-Понтекуланъ, который въ Ньютонѣ видитъ только простаго, бездарнаго (какъ самъ онъ) *счетчика, кое-какъ примѣнившаго вычисленіе къ чужимъ идеямъ*, вотъ—умный человекъ!... «*Поди, Ньютонъ!* (слогъ французскаго увѣнчаннаго философа)... погоди! конецъ твоей славы! уже *начинается для тебя страшный судъ строгаго и безпристрастнаго потомства!* Мосьё Біо и всякой кто тебя возводитъ въ *геніи*, *достоины лишь сожалѣнія....*» И почтенный Біо, надѣвъ вышитый шелкомъ мундиръ, долженъ по волѣ мудраго большинства голосовъ смиренно засѣдать въ торжественномъ собраніи Института и слушать официальную похвалу книгѣ, написанной такимъ шутовскимъ слогомъ, утверждать пе-

редъ публикою личнымъ присутствіемъ своимъ награ сочиненію, выходящему изъ всѣхъ предѣловъ здрава смыслу и ученыхъ приличій. О! quam paucis sapient regitur mundus! «О! какъ мало нужно мудрости книгъ чтобы получить премію!» Воскличаніе Цицерона. Но- полно о твореніи, congruè par l'Institut. Займется пре- метомъ.

Послѣ того какъ Западъ, покоренный варварствомъ пол- дикихъ народовъ, которые вмѣстѣ съ Римскою Им- періей уничтожили всю образованность, снова началъ учиться грамотѣ и заводитъ училища, семь вѣковъ былъ занятъ одною схоластикой. Аристотель правилъ самъ властно разумомъ и понятіями человѣка, который и смѣлъ даже подумать о возможности творить мысли что-нибудь новое и самостоятельное. Уже на осьмое сто- лѣтіе, явились Телезій, Бруно и Кампанелла: они, пер- вые, обнаружили дерзкое для тѣхъ временъ намѣреніе — создать нѣчто свое, новѣйшее, въ философіи. Первая настоящая этого роду попытка принадлежитъ, конеч- но, Телезію, потому что кабалистическія разысканія Кузы, Рейхлина и другихъ, почти не заслуживаютъ внима- нія. Телезій училъ о Богѣ, о душѣ, о созданіи міра, под- крѣпляя аксіомы свои новыми взглядами и оригинальны- ми разсужденіями. Онъ, вообще, больше обращался къ при- родѣ физической и объяснялъ все теплотою и холодомъ какъ Парменидъ. Теплота у него—начало движенія, дробно- сти и легкости; холодъ—начало неподвижности, плотности и тяжести. Эти двѣ силы признавалъ онъ безтѣлесными incorporea. Но для существованія своего онѣ требуютъ тѣлеснаго вещества, или матеріи, которая бездѣйственна безвидна, темна. Матерія, по количеству, не умножается и не уменьшается въ мірозданіи: она только разлагается отъ теплоты и сжимается отъ холоду. Расплавленная она образуетъ солнце, звѣзды и всѣ небесныя сѣ- тила; обнятая холодомъ, становится землею. Вотъ отъ- го земля находится въ покоѣ, а звѣзды движутся. Отъ теплоты, скопившейся въ небѣ, отъ холоду, сосредо- тчившагося въ землѣ, и отъ непрерывной ихъ борь-

происходятъ всѣ явленія. Въ первыхъ четырехъ книгахъ своего сочиненія, Телезій старается объяснить явленія мертваго вещества; въ пяти послѣднихъ феномены жизни растений и животныхъ. Онъ разсматриваетъ только составъ существъ физическихъ, а не происхождение ихъ: говорить, что Богъ создалъ ихъ такими, какъ мы ихъ видимъ, и потому не возможно понять законовъ, по которымъ они возникли. Часто онъ нападаетъ на Аристотеля, изъ котораго приводитъ довольно длинныя выписки.

Бруно, соединивъ идеалъ всеобщей и всевѣчной силы, безусловную единицу Парменидову и другихъ элейскихъ метафизиковъ съ безконечнымъ пространствомъ и атомии элейскихъ физиковъ, составилъ двуличный пантеизмъ, въ которомъ страннымъ образомъ смѣшиваются самыя противоположныя начала. Вотъ главные начала, на которыхъ онъ основывается:

«Сущность Божеская безконечна.

«Изъ образа бытія проистекаетъ образъ могущества.

«Изъ образа могущества проистекаетъ образъ дѣйствія.

«Богъ есть сущность весьма простая, въ которой не можетъ быть ни какой сложности, ничего различнаго (единица).

«Слѣдовательно, въ немъ бытіе есть то же что сущность; могущество то же что сила, дѣйствование то же что дѣйствіе, желаніе то же что воля, и такъ далѣе. Онъ-го нѣсть истина.

«Слѣдовательно, воля Божія выше всего и не можетъ быть уничтожена ничѣмъ, ни даже самою собою.

«Слѣдовательно, воля Божія не только необходима: она сама—необходимость; противоположное не только невозможно: оно само — невозможность.

«Необходимость и свобода воли—одно и то же. Не должно думать, что Богъ, дѣйствуя по-необходимости, въ силѣ своей сущности, дѣйствуетъ не свободно: онъ тогда дѣйствовалъ бы несвободно, когда бы дѣйствовалъ иначе нежели какъ того требуютъ Его сущность и необходимость или, лучше сказать, необходимость Его сущности.

«Безконечное могущество не существуетъ безъ беско-

вечной возможности, то есть, если бы не было безконечной способности производиться, не было бы и безконечного могущества, способного производить. И въ самомъ дѣлѣ, есть ли такая сила, которая бы сдѣлала или попыталась сдѣлать невозможное?

«Міръ занимаетъ все пространство. Онъ могъ бы занимать другое такое же пространство, равное первому, если бы не находился тамъ гдѣ находится.

«Въ предположеніи, будто другаго такого же пространства внѣ міра не существуетъ и будто два равныя пространства должны быть конечны, нѣтъ ни какого основанія. Міръ, который бы существовалъ въ томъ другомъ пространствѣ, и нашъ міръ, не мѣшали бы другъ другу, не имѣли бы нужды опасаться одинъ разрушенія отъ другаго, потому что, въ безконечномъ, средоточіе находится вездѣ: верхъ и низъ происходятъ только отъ извѣстнаго расположенія вещей въ системѣ cadaго міра.»

Въ книгѣ «О Бытіи въ самоналѣйшихъ размѣрахъ», *De minima existentia*, Бруно толкуетъ объ атомахъ. Чистая пустота не удовлетворяетъ его: онъ превращаетъ ее въ матеріальное протяженіе. Тутъ онъ разбираетъ вопросы, на рѣшеніе которыхъ требовалось бы совершенное знаніе безконечнаго. Бруно болѣе поэтъ чѣмъ изслѣдователь въ нынѣшнемъ значеніи этого слова. Онъ не опирается ни на какія опытные наблюденія или доказанные законы природы. Единственная дѣльная вещь у него—защита системы Коперника. Она занимаетъ большую часть его сочиненія «О неизмѣримомъ и неизсчислимомъ, или о всемірномъ и о мірахъ», гдѣ Бруно излагаетъ свое ученіе о множествѣ міровъ, заимствованное у пифагорейцевъ. Здѣсь замѣчательна одна идея: если звѣзды кажутся одні больше, другія меньше, разница тутъ зависитъ просто отъ большаго или меньшаго разстоянія ихъ отъ нашего глаза. Извѣстно, что нынѣшняя астрономія принимаетъ это почти за фактъ.

Компанелла допускаетъ тѣ же начала вещей что и Телезій, и въ сочиненіи «О смыслѣ вещей и магии», *De sensu rerum et magia*, развиваетъ свой взглядъ на природу есте-

ственную и сверхъестественную. Въ двадцать-второй главѣ второй книги, онъ выводитъ всѣ понятія изъ впечатлѣній чувствъ.

Объ этихъ трехъ умозрителяхъ иногда говорятъ, что они были основателями новѣйшей философіи. Таково, конечно, было ихъ намѣреніе. Они отыскиваютъ причины вещей посредствомъ силъ физической природы, стараются мыслить сами, особенно Телезій и Кампанелла; но отсюда до основанія новой философіи, до переворота въ образѣ изслѣдованія, еще далеко. Если бы они своимъ краснорѣчіемъ ниспровергли схоластическій синтезъ и, на мѣстѣ его водворили въ наукахъ анализъ, наблюденіе и опытный способъ изысканій, Бекону не осталось бы ничего дѣлать. Между-тѣмъ матеріалы къ такому перевороту были у нихъ готовы, подъ рукою. Стоило только примѣняться мыслью къ тому, что дѣлалъ вѣкъ, самъ собою, безъ руководства философовъ. Книгопечатаніе уже изобрѣтено. Колумбъ, проникнутый мыслью Фалеса и Пифагора о шарообразности Земли, убѣждается въ существованіи материка, противоположнаго нашему, открываетъ Новый Свѣтъ и опытомъ разрушаетъ одни, подтверждаетъ другія предположенія о фигурѣ нашей родины. Коперникъ заставляетъ механическими доводами принять обращеніе планеты и Земли около Солнца, предугаданное Пифагоромъ и вѣроятно еще учителями его, Египтянами, и осмѣянное древними философами. Галилей открываетъ законъ паденія тѣлъ или законъ ускорительнаго движенія. Онъ и Кеплеръ улучшаютъ телескопъ, о которомъ первая мысль представилась человѣку случайно. Съ этимъ орудіемъ, посредствомъ наблюденія, или вычисленій, Галилей открываетъ спутниковъ Юпитера, Фабриціусъ пятна и вращеніе Солнца, Кеплеръ форму орбитъ небесныхъ тѣлъ и законы ихъ распредѣленія въ солнечной системѣ. Онъ же почти создаетъ оптику; Віето даетъ первый очеркъ общей теоріи уравненій. Сервѣ открываетъ движеніе крови въ легкихъ; Гарви—общее кровообращеніе. Примѣтили ль все это Телезій, Бруно, Кампанелла, Рамусъ? А если примѣтили, какъ же они не воспользовались духомъ анализа, который

уже производилъ эти чудесныя открытія, который объявлялъ свѣту эти великолѣпныя истины, неприступныя втеченіи цѣлыхъ тысячелѣтій умозрѣніямъ à priori и явственно разрушавшія всю надежду на пользу для науки отъ этого образа изысканія истины? Вслѣдъ за ними является Декартъ. Онъ не только философъ, но вмѣстѣ математикъ и опытный физикъ. Былъ ли онъ счастливѣе своихъ предшественниковъ? Сочиненіе, увѣчанное Французскимъ Институтомъ, безъ дальнихъ околичностей, объявляетъ его *настоящимъ обновителемъ наукъ*: по фразеологій книги, это значить, что Декартъ былъ *настоящимъ* основателемъ нынѣшней методы дѣйствования въ наукахъ, истиннымъ творцомъ главнаго ихъ закона въ наше время—доискиваться всего въ природѣ строгимъ опытомъ, точнымъ наблюдениемъ, сравненіемъ фактовъ, всѣмъ и мѣрою, не спѣшить общими и окончательными выводами, не предполагать ничего, остерегаться умозрѣній и ничего не рѣшать à priori. Таковъ нынче всеобщій уставъ наукъ, со времени Бекона. Въ какой степени это законоположеніе умственного совершенствованія человѣка противно духу и понятіямъ Декарта, можно видѣть изъ писемъ его, гдѣ онъ объявляетъ рѣшительное презрѣніе къ опытнымъ открытіямъ въ физикѣ и математикѣ, даже къ своимъ собственнымъ, говоритъ, что они ему надобѣли, что онъ любитъ и высоко цѣнитъ одно только умозрѣніе, философствованіе à priori. Могъ ли, спрашивается, учитель, великій въ свое время, учитель, которому всѣ удивлялись и который говоритъ это, быть признанъ *настоящимъ обновителемъ наукъ*, то есть, основателемъ школы враждебной всякому умозрѣнію и вѣрующей въ одинъ только опытный анализъ фактовъ? Могъ ли такой человѣкъ, своимъ авторитетомъ, увлечь весь ученый свѣтъ въ сторону, противоположную господствовавшему тогда направленію и быть творцомъ главнаго законоположенія новѣйшей науки? Несообразность такого предположенія слишкомъ явна. Истину здѣсь возстановить не трудно. Будучи самъ математикомъ и физикомъ, Декартъ гораздо болѣе всѣхъ своихъ предшественниковъ сблизилъ умозрительную философію съ физичес-

кими и математическими истинами, известными современному ученому свѣту, и, можно сказать, создалъ первую новѣйшую школу отвлеченной философіи, гдѣ умозрѣніе старается итти объ руку съ опытомъ и наблюдениемъ вѣка, съ фактами, уже доказанными анализомъ и известными положительной наукѣ. Таковую же школу основалъ-было въ началѣ нынѣшняго столѣтія Окенъ. Собралъ всѣ известныя тогда открытія и, такъ - называемыя, истины опытныхъ наукъ и, въ противность ихъ уставу, поспѣшивъ примѣнять къ этимъ неполнымъ, недостаточнымъ даннымъ, умозрѣніе, и общій выводъ, Окенъ и его послѣдователи нѣмецкіе *натурфилософы* хотѣли уже рѣшить окончательно сущность и происхожденіе вещей. *Натурфилософія* была чистое повтореніе попытки Декарта. *Обновила* ли она науки? Произвела ли въ нихъ какой-нибудь переворотъ? Ни малѣйшаго! Это - фактъ, въ которомъ теперь никто уже не сомнѣвается и въ самой Германіи, что знаменитая *натурфилософія*, не только не принесла ни какой пользы общей наукѣ, но даже была чрезвычайно вредна ей тѣмъ, что увлекла многія нетерпѣливыя головы къ страннымъ мечтаніямъ и долгое время остандаивала и развращала опытное изслѣдованіе, и какъ между Декартомъ и Океномъ, тоже весьма хорошимъ опытнымъ ученымъ, много точекъ сходства въ способѣ отыскивать абсолютную физическую истину, то мнѣніе Деламбра о философѣ семнадцатаго столѣтія какъ-нельзя болѣе справедливо. Нужны ли положительныя доказательства вреда картезианизма успѣхамъ опытнаго знанія? Вотъ вамъ Хейгенсъ и Лейбницъ! Не смуги ихъ понятій вѣкоторыя идеи Декарта, они угадали бы то же самое что угадалъ Ньютонъ, потому что всѣ матеріалы для этого были уже готовы въ ихъ время. Хейгенсъ признается самъ, что теоріи Декарта помѣшали ему сначала оцѣнить всю силу доказательствъ Ньютона, а Лейбницъ долго притворялся будто ихъ и не знаетъ. Что жъ сказать объ умахъ менѣе свѣтлыхъ, менѣе могущественныхъ того времени! Еще лучше можно уподобить Декарта двумъ главнымъ умозрителямъ нашего вѣка, Шеллингу и Гегелю: они также ста-

рались сообразовать свои отвлеченныя мечтанія съ положительными познаніями современности, съ фактами, принятыми въ опытной наукѣ, и хотѣли, не противорѣча имъ, даже пользуясь ими, рѣшить à priori, умозрѣніемъ, не только абсолютную физическую, но и абсолютную духовную истину, подобно Декарту, а между-тѣмъ, по его примѣру, оказывали презрѣніе къ опытному знанію и оракуломъ всего провозглашали наведеніе созерцающаго ума, *входящаго* въ самого себя, углубившагося въ свою сущность и изъ нея *выходящаго* потомъ для сужденія о внутреннемъ и о внѣшнемъ мірѣ. Какъ полезны были шеллингизмъ и гегелизмъ успѣхамъ наукъ, всякому извѣстно. Съ трудомъ спаслись науки отъ мракотворнаго вліянія этихъ двухъ мнимыхъ просвѣтителей и руководителей опыта.

Разница между Декартомъ, Шеллингомъ и Гегелемъ, которые во многихъ отношеніяхъ могутъ даже быть названы картезианцами, состоитъ болѣе въ различіи духа времени и терминологіи чѣмъ въ сущности дѣла. Декартъ рассуждалъ о Богѣ, о духѣ, о бытіи, объ истинѣ, о матеріи, о пустотѣ, о связи тѣла съ душою, о первобытномъ грѣхѣ, о благодати, о любви къ Божеству, объ Откровеніи, о свободѣ воли, о существѣ, о безконечномъ и конечномъ, о мірозданіи, о началѣ и устройствѣ вещественнаго міра, о малѣйшихъ частяхъ вещества, о движеніи, силѣ, жизни, свѣтѣ, теплотѣ, о методѣ изслѣдованія истины, и прочая. Какъ всѣ основатели умозрительныхъ школъ, онъ преимущественно старался возбудить сомнѣніе относительно къ прежнимъ философскимъ ученіямъ и къ тому, что до него почиталось за истины, предлагалъ войти въ себя, углубиться въ свою сущность, и изъ нея уже выйти и рассуждать. Такимъ образомъ, въ самомъ себѣ, онъ прежде всего открывалъ съ большимъ искусствомъ и краснорѣчіемъ, во-первыхъ, идею объ условномъ совершенствѣ, о себѣ, во-вторыхъ, о совершенствѣ безусловномъ, о Богѣ. Послѣ-того, имѣя уже эти двѣ данныя точки, Декартъ старается разсматривать съ нихъ все существующее, глядѣть на вещи съ точки человѣческой и съ точки Божіей. Это называетъ онъ—*выходить изъ себя и выхо-*

даль изъ Бога, и тутъ, равумѣется, запутывается въ страшныя противорѣчія, какъ это случается со всѣми умозрительными, до того что попеременно является, то оптимистомъ, то фаталистомъ, то материалистомъ, то спиритуалистомъ и пантеистомъ. Изъ старанія опровергнуть разныя эти опосебы воззрѣнія на духовное и вещественное бытіе родилась впоследствии разныя извѣстныя философскія ученія семнадцатаго и осемнадцатаго вѣка, какъ въ наше время изъ противорѣчій ученіямъ Канта и Фихте возникли системы Шеллинга, Гегеля и другихъ.

Самую полезную частью философіи Декарта, въ то время когда еще свирѣпетовала схоластика, или аристотелевская метода философствованія, была, безспорно, важность, приписываемая Декартомъ *сомнѣнію*. Воцареніе этого начала потрясло однимъ ударомъ все принятое и, естественно, вело къ чему-то новому, хоть и не къ обновленію наукъ, потому что мало того было — уничтожить славу Аристотеля какъ авторитета; надлежало еще водворить исключительно опытъ на мѣстѣ умозрѣнія, чтобы имѣть право на званіе настоящаго законодателя новѣйшей науки. Но и сомнѣваться умно и краснорѣчиво въ то время, когда никто не сомнѣвался, по-крайней-мѣрѣ явно и съ истиннымъ талантомъ, *сойти съ себя* для повѣрки того, чему учили послѣдователи шдола съ полною увѣренностью въ непогрѣшимости его и своей собственной, было уже большою заслугою. «Кончивъ полный курсъ мудрости въ училищѣ», говоритъ Декартъ, я съ уныніемъ замѣтилъ, что не приобрѣлъ ни какого яснаго и твердаго знанія, полезнаго въ жизни. Я утомленъ вздоромъ; меня тревожитъ неизвѣстность. Я рѣшился искать науки въ самомъ себѣ или, лучше, въ великой книгѣ міра, и пустился странствовать къ разнымъ народамъ. Находя въ ихъ нравахъ то же различіе какъ и въ мнѣніяхъ авторовъ, и въ тѣхъ и другихъ вещи такія же полезныя и такія же смѣшныя, я не извлекъ изъ своихъ путешествій, такъ же какъ изъ ученія и изъ чтенія, ничего кромѣ болѣе яснаго убѣжденія въ своемъ невѣжествѣ. Я обратился къ самому себѣ. Какъ часто, чувства обманываютъ насъ! Чтобы не поддаваться

этимъ обманамъ, я предполагаю, что нѣтъ ни одной вещи, которая бы была такова, какою представляется нашимъ чувствамъ. Кто не ошибался, рассуждая даже о самыхъ простыхъ предметахъ геометріи? Я отвергаю, какъ ложныя всѣ основанія, которыя прежде принималъ за доказательныя. Мысли, которыя мы имѣемъ на-яву, могутъ прійти также и во-снѣ; я предполагаю, что всѣ мысли когдалибо приходившія мнѣ въ голову, столько же истинны какъ и самыя мои мечты. Я всюду убѣгаю отъ самого себя. Поэтому, и самъ-то я не мечта ли? Но если я хочу думать такимъ образомъ, что все — ложно, мнимо, то надобно, чтобы я, думающій, былъ нѣчто. Я сомнѣваюсь, я думаю, мыслю, слѣдовательно, я существую. Вотъ истина, непоколебимая сомнѣніемъ, потому что безъ нея и сомнѣніе не можетъ существовать: чтобы мыслить, нужно быть. Сомнѣніе есть несовершенство; положительное знаніе совершеннѣе сомнѣнія. Совершеннѣе! Отчего я думаю о вещи болѣе совершенной нежели я самъ и о самой совершенной, какая возможна? Этой мысли о болѣе совершенномъ не могъ я получить изъ ничтожества, не могъ получить также и изъ себя, потому что происхожденіе болѣе совершеннаго отъ менѣе совершеннаго такъ же невозможно какъ и происхожденіе чего-нибудь изъ ничего. Поэтому выходитъ, что я получилъ ее отъ причины, которая выше меня и заключаетъ въ себѣ всѣ совершенства, о какихъ я могу составить въ своемъ умѣ только ограниченное понятіе, судя по самому себѣ. Эту причину, верховно-совершенную, я называю Богомъ. И такъ, отъ меня, то есть, отъ наблюденія надъ собою, надъ мыслию моею, я восхожу къ Небу. Понятіе о Богѣ неразлучно съ понятіемъ о своемъ я. Не могу же я имѣть понятія о себѣ какъ о существѣ мыслящемъ, у котораго болѣе или менѣе недостатковъ, не имѣя понятія о такомъ мыслящемъ существѣ, которое бы владѣло тѣмъ, чего у меня нѣтъ, или у котораго бы не было недостатковъ! Какъ эта причина не можетъ не быть тѣмъ, что она есть, и не можетъ не дѣлать того, что дѣлаетъ, потому что она — существенно, истинна, такъ и я, которому нельзя не

быть ея произведеніемъ, не могу не быть тѣмъ, что я есть. Я вижу себя такъ же ясно и очевидно какъ вижу, что Она есть. Поэтому, достовѣрность существованія Бога необходимо связывается съ достовѣрностью собственнаго моего существованія. Что убѣждаетъ меня въ истинности этихъ двухъ имѣній—я мыслю, слѣдовательно существую; Богъ совершененъ, слѣдовательно онъ существуетъ? Ничто, кромѣ-того, что я ясно и опредѣлительно вижу въ основаніи моей мысли: чтобы мыслить, нужно существовать. И такъ, понятіе о верховномъ совершенствѣ возможно потому только, что совершенное существо, единственное основаніе этого понятія, въ самомъ дѣлѣ существуетъ. Такимъ образомъ средство отличить истину отъ заблужденія заключается въ ясномъ и опредѣлительномъ разумѣніи, то есть, въ очевидности дѣла для самого меня, для моего разума.

«Существованіе тѣлъ не столько вѣрно, не столько очевидно, сколько вѣрно и очевидно существованіе моей души, потому что существованіе мысли предполагаетъ существованіе моей души, которая мыслить, но не предполагаетъ еще существованія тѣлъ. Оно опять и не такъ же вѣрно и очевидно какъ существованіе Бога, потому что понятіе о безконечномъ, верховномъ, безусловномъ совершенствѣ, позволяющее намъ восходить къ Богу, заключено въ сущности нашей мысли и можетъ проникать только изъ сущности верховно и безусловно совершеннаго, тогда какъ чувства не составляютъ сущности нашей мысли и не ругаются въ дѣйствительности тѣлъ. Между-тѣмъ, какъ трудно убѣдиться, что ощущенія наши — просто заблужденія, то позволительно полагать, что тѣла существуютъ, хотя это и менѣе неоспоримо нежели существованіе Бога в души.»

До Декарта, Платонъ и его древніе послѣдователи такъ же образомъ отдѣляли чистый умъ отъ понятій, которыя онъ составляетъ себѣ о вещахъ и отъ всякаго пріобрѣтеннаго знанія. Отъ понятія о безусловномъ благѣ, которое находятъ въ разумѣніи себя, они восходятъ къ самому безусловному благу, Богу; дѣйствительность бытія

божественнаго, которое они созерцаютъ, даетъ имъ возможность лучше видѣть дѣйствительность собственнаго своего бытія, и вѣрность этихъ двухъ дѣйствительностей для нихъ гораздо важнѣе убѣжденія въ дѣйствительности существованія тѣлъ. Но они не бьются съ сомнѣніемъ до крайности, какъ Декартъ; не возбуждаютъ недовѣрчивости дотогу, чтобы отторгнуться отъ самихъ себя и потомъ взяться съ большою силою за то, что намъ — самое близкое и важное, не устраняютъ съ такимъ жаромъ всего что можетъ заставить поколебаться и отступиться. Если они рассматриваютъ себя отдѣльно отъ тѣлъ и отъ Бога, затѣмъ, чтобы отличить дѣйствительность отъ недѣйствительности и истинныя отношенія наши къ Богу и къ тѣламъ, это дѣлаютъ только случайно, а не систематически.

Декартъ никому не вѣритъ на-слово, требуетъ, чтобы истина и убѣжденіе были слѣдствіемъ личнаго разбору и умственной очевидности. «Авторитеты! восклицаетъ онъ: можетъ ли убѣдить меня какой-либо человѣческій авторитетъ, когда я не знаю, существуютъ ли люди?» Это возраженіе — полный разрывъ со схоластикой. «Я вижу себя, продолжаетъ онъ: я чувствую что существую. Но что же я такое? Сказать ли, что я разумное животное? Нѣтъ; потому что прежде нужно было бы рассмотретьъ, что такое *животное* и что такое *разумное*. Изъ одного вопросу и нечувствительно перешелъ бы въ безчисленное множество другихъ, еще болѣе трудныхъ и запутанныхъ, которые опять ввергли бы меня въ догматическія положенія прежней науки, отъ которыхъ я стараюсь освободиться, которыя хочу разыскать и повѣрить. Эти положенія — произведенія мысли, а Декартъ ищетъ постигнуть самую мысль, самого производителя. Онъ начинаетъ разбирать себя словно какъ алгебраическое уравненіе, и находитъ, что онъ не больше какъ мыслящій субъектъ, то есть, такой, который сомнѣвается, понимаетъ, утверждаетъ, отрицаетъ, хочетъ и не хочетъ. Въ то же время онъ находитъ, что всѣ эти дѣйствія мысли въ немъ не полны, не *совершенны*: этого чувства опять не могъ бы онъ имѣть безъ присутствія въ мирѣ существа *вполнѣ совершеннаго*. Повѣривъ

строго еще разъ въ себѣ самомъ это невольное чувство, это врожденное понятіе, онъ отсюда восходитъ прямо къ созерцанію сущности Бога. Надобно видѣть въ его «Meditationes» эту сильную борьбу мысли съ самою собою. Она чрезвычайно увлекательна: новѣйшія философическія системы, при всей тонкости своихъ хитросплетеній, не представляютъ ничего подобнаго.

Декарта иногда называли новѣйшимъ Сократомъ. Онъ гораздо болѣе заслуживаетъ этого названія, чѣмъ того, которое Французы придаютъ ему теперь, величая *настолицемъ обновителемъ науки*, единственно изъ зависти къ Бекону и Ньютону. Можно даже прибавить, что съ Сократомъ-философомъ соединяется въ Декартѣ Платонъ-математикъ и Аристотель-естествоиспытатель. Это сходство философій поразительно не только въ блестящихъ чертахъ, но даже и въ болѣе или менѣе невыгодныхъ подробностяхъ. Платоновъ Сократъ, или самъ Платонъ, и Декартъ, оба удивительно хорошо начинаютъ, но не оканчиваютъ. У того и у другаго невидно полной, опредѣленной философической системы, и оттого-то, давъ умозрѣніямъ сильный толчокъ, тотъ и другой подали поводъ въ послѣдующемъ времени къ противоположнымъ ученіямъ. Въ основныхъ началахъ метафизики у Декарта много обширныхъ видовъ, много лучей свѣту, но тутъ же встрѣчаются и поверхностныя разсужденія, и пропуски, и явныя ошибки, и непостижимыя противорѣчія. Ни въ теоріи идей, ни въ многочисленныхъ отсюда пристекающихъ вопросахъ у него нѣтъ ничего постояннаго. Когда Декартъ, открывъ въ душѣ понятіе о верховномъ совершенствѣ, видитъ въ человѣкѣ отпечатокъ Бога, неистребимый слѣдъ дѣлателя на самомъ произведеніи; когда отъ основныхъ понятій о своемъ духѣ возвышается къ созерцанію духа божественнаго и поклоняется несравненной красотѣ этого необъятнаго свѣту; когда онъ мыслить и говорить какъ Платонъ, можно подуматъ, что онъ твердо и вполне убѣжденъ въ истинѣ своей теоріи. Но онъ вовсе не убѣжденъ или по-крайней-мѣрѣ вскорѣ такъ запутывается въ ея слѣдствія, что принужденъ утверждать противное, чтобы найти выходъ. Напримѣръ, совершенство

Божества дѣлаеть его сперва оптимистомъ; безусловно совершенное существо не можетъ ничего дѣлать иначе какъ только все къ-лучшему. Но потомъ онъ спохватывается: если безусловно совершенное существо должно дѣлать все въ свѣтъ къ-лучшему, то у него нѣтъ свободной воли. Нѣтъ, безусловно совершенство безъ полной свободы воли не возможно. И вотъ Декартъ, этими смѣшными тонкостями умозрѣній, принужденъ признать въ безусловно совершенномъ существѣ такъ же и способность дѣлать зло. И вотъ онъ фаталистъ. Лейбницъ въ-особенности устремилъ свою діалектику къ опроверженію этого заблужденія и явился главнымъ проповѣдникомъ теоріи конечныхъ причинъ. Такимъ же образомъ, у Декарта, одинъ разъ идеи являются самостоятельными и служатъ доказательствомъ бытію, душѣ, существованію верховнаго совершенства, въ другой разъ познавательная способность кажется ему недѣлательною, а воля только слабо дѣлательною; онъ видитъ въ природѣ всё существа и предметы-страдательные, которые, не дѣйствуя сами собою, не вмѣютъ въ себѣ ничего существеннаго: дѣйствуетъ только одна дѣлательность Божества: вотъ уже чистый пантеизмъ! То вещественная природа у него—предметъ геометріи и вся состоитъ изъ чиселъ и мѣры, то число, мѣра и другія видимыя свойства тѣлъ не существуютъ внѣ нашего духа; то человекъ мыслить не иначе какъ черезъ Бога и достовѣрность нашихъ понятій зависитъ вся отъ воли разума Божіяго, то понятія наши суть слѣдствія однихъ только внѣшнихъ впечатлѣній и приходятъ къ намъ черезъ чувства, по ученію сенсуалистовъ. Ни по одному изъ этихъ умозрѣній Декартъ не доходитъ до конца, бросаетъ повсюду полу-идеи, полу-предположенія, и все оставляетъ въ темнотѣ. Не мудрено, что такую философію и католики и протестанты подвергли въ одно время анаемѣ и въ Италіи и въ Голландіи. Не мудрено также, что никто изъ послѣдующихъ умозрителей не былъ удовлетворенъ ею и что каждый старался замѣнить ее своей собственною системою. Боссюэ, Мальбраншъ, Арно и Режисъ, были, можно сказать, единственными продол-

жателями философіи Декарта, въ главныхъ чертахъ ея, съ разными измѣненіями и эти-то четыре невинные мыслителя составляютъ неблестящую школу французскаго картезианизма и почитаются во Франціи философами. Въ другихъ странахъ Лейбницъ, Спиноза, Гоббсъ и Локкъ, старались противопоставить картезианизму свои собственныя системы. Мосё Бордэ-Демулёнъ однако жъ видитъ въ нихъ простыхъ картезианцевъ, и усердіе свое къ національной школѣ простираетъ дотого, что Канта, Фихте, Шеллинга, Гегеля и весь умозрительный германскій приходъ готовъ тащить въ уголовный судъ и править съ нихъ пеню за то, что, нахватавшись мудрости у Декарта, обокравъ его, ограбивъ, очистивъ его до костей, скопировавъ съ его сочиненій все, чему только въ нихъ свѣтъ удивлялся, не хотятъ признаться, что они — картезианцы и всѣмъ обязаны Франціи, хоть Декартъ въ ней и не жилъ. Едва-ли бредъ національной хвастливости доходилъ когда-либо до этой баснословной степени въ какой-нибудь книгѣ, даже во французской. Мы уже слышали, въ послѣднее время, что пароходы и желѣзныя дороги изобрѣтены Французами, но что новѣйшая нѣмецкая философія вымышлена ими, этого, безъ премій Французскаго Института, никогда бы мы не знали. Какъ-будто для славы Декарта, если только его философію можно назвать французскимъ произведеніемъ, не достаточно тѣхъ заслугъ, которыя онъ дѣйствительно оказалъ наукамъ и просвѣщенію! Въ семнадцатомъ вѣкѣ, конечно, не впервые предстоило человѣку познавать себя и Бога: Отцы Церкви и древніе христіанскіе философы утвердили это изученіе на вѣрномъ и положительномъ основаніи, но впоследствии времени оно было развращено, запутано и искажено схоластикою. Надлежало создать новый способъ умозрительнаго разсужденія и изслѣдованія. Вотъ предметъ Декартова «Разсужденій о методѣ», «Размышлений», его «Начала философіи». Схоластика пробавлялась отвлеченностями, почерпнутыми изъ идеализма и изъ сенсуализма. Она разсматривала бытіе независимо отъ всего сущаго, истину и благо независимо отъ всякаго существа мысля-

щаго и хитраго, даже отъ Бога, и таковыя образы разбирала, умножала, слепила и разлагала до бесконечности одни и тѣ же понятия, одни и тѣ же слова. Изъ этого-то она и успала утонченностей втораго мысля Декарта, и она свободно обратилась къ дѣлу логическаго ученаго. Она исполнила это съ безпримѣрными дѣтскими поръ краснорѣчіемъ и съ незадачными уснѣхомъ. Мерквая уже болѣе тысячи лѣтъ, философія, вдругъ воскресла. Несмотря на свои недостатки, красотою и глубиною мысли своихъ выводовъ она возбуждала къ себѣ свѣтлая живѣйшій энтузіазмъ, одушевила умозрительныхъ наследователей новою жизнію, развила страсть къ учению и сдѣлалась любимою наукою величайшихъ гениевъ и предводилъ уваженія для невѣждъ, тогда какъ до того времени, составляла только занятіе педагоговъ и предметъ насмѣшекъ для публики. Вотъ гдѣ настоящая слава Декарта, который, притомъ сдѣлалъ важныя приношенія математикѣ и другимъ онытнымъ наукамъ и за нихъ сохранилъ навсегда почетное мѣсто въ исторіи положительнаго знанія. Нельзя не сказать, что даже и его *актуръ*, знаменитое умозрѣніе о началѣ и устройствѣ вселенной, было весьма блистательною идеей для того вѣка, хотя, собственно, эта гипотеза, сохраняющая донныи забытое повѣду намъ картезіанизма, принесла много личныхъ препятствій на путь открытій Коперника, Галилея и Кеплера, и наиврѣе замедлила тридцатью или сорока годами развитіе истинной теоріи солнечной системы. О Декартовыхъ выркахъ мы должны поговорить нѣсколько подробнѣе.

Вотъ каковыи образомъ Декартъ объяснялъ, умозрительно, міротвореніе, начало различныхъ небесныхъ тѣлъ, ихъ шарообразность, сжатіе у полюсовъ, вращеніе шара, теченіе меньшихъ шаровъ около большаго во одному шару и прочія явленія планетныхъ системъ.

Безконечное пространство наполнено *молочайными сферическими*, *matéria subtilis*, состоящими изъ круглыхъ атомовъ, болѣе или менѣе плотно сближенныхъ другъ къ другу, такъ что между ними во всякомъ случаѣ существуютъ промежутки, позволяющіе имъ свободно двигаться

нѣсть. Это мы и теперь предполагаемъ, называя тончайшую матерію Декарта *эфиромъ*, какъ называли ее и древніе, у которыхъ *эфиръ* и *Юпитеръ* значилъ одно и то же, составлялъ физическую «душу міра», и почитался началомъ всего, разлитымъ повсюду, вездѣ присутствующимъ, отчего «отецъ боговъ и людей», въ религіозныхъ призваніяхъ язычниковъ, часто именовался *вездѣсущимъ эфиромъ*. Подобно Декарту, мы еще допускаемъ, что промежутки между атомами этой тончайшей матеріи, по тысячѣ различныхъ причинъ, могутъ быть не вездѣ одинаковы; другими словами, что густота этого основнаго вещества не вездѣ равна: въ нѣкоторыхъ частяхъ безконечнаго пространства оно плотнѣе и представляетъ болѣе сопротивленія, въ другихъ атомы его рѣже, дальше другъ отъ друга, какъ это случается съ атомами во всѣхъ простыхъ тѣлахъ. Когда Богъ, въ премудрости своей рѣшилъ, чтобъ заключенная въ сущности Его идея міра осуществилась, Ему довольно было только захотѣть, чтобы одинъ изъ атомовъ тончайшей матеріи, образующей безконечное пространство, *двинулся впередъ пр.м.о.л.и.н.е.й.н.о.*, и солнце, планеты, ихъ спутники, кометы, звѣзды, все создано мгновенно по мановенію Его всемогущей воли. Двигаясь впередъ, этотъ атомъ встрѣтилъ сопротивленіе всей массы лежащихъ впереди атомовъ, которые должны были сбить его тотчасъ съ прямой линіи и принудить идти дугой. Какъ въ то же время онъ увлекалъ за собою атомы, лежавшіе позади его, и при уклоненіи отъ прямой линіи былъ косвенно, такъ сказать тангентно, давимъ атомами, то онъ естественно тутъ же и началъ вертѣться на своей оси, а продолжая идти впередъ дугою, наконецъ, отъ повсемѣстнаго сопротивленія массы передовыхъ атомовъ, пошелъ наконецъ кругообразно. Кругъ этого движенія былъ, разумѣется, чрезвычайно малъ, потому что передовое сопротивленіе со всѣхъ сторонъ велико и сжимало движеніе атома въ весьма тѣсныя предѣлы. Вотъ первое начало вращенія на оси и кругообразнаго хода: эти два движенія—механическое и неизбѣжное свойство матеріи, состоящей изъ атомовъ. Первый двинувшійся впередъ

атомъ, естественно, напираетъ на прочіе, сжимаетъ ихъ, и они, падая на него, такъ сказать, прильнули къ нему. Онъ увлекъ ихъ съ собою въ круговое движеніе, увеличился ими, и продолжалъ увеличиваться такимъ же образомъ, пока изъ большаго количества атомовъ не составилась большая шарообразная масса, которой плотность должна по-необходимости уменьшаться отъ центра къ поверхности. На поверхности она будетъ уже представлять видъ жидкости, а далѣе имѣть только воздухообразную плотность. Это—солнце, *первая стихія* Декартова. Вращеніе этой массы на ось и круговой ходъ ея въ очень маломъ діаметрѣ пространства, почти на-мѣстѣ, дѣйствуютъ такимъ же образомъ на атомы тончайшей матеріи, лежащія по-дальше, увлекаютъ ихъ въ круговое движеніе, и изъ этого возникаетъ наконецъ огромный водоворотъ или *вихрь* міровой матеріи, котораго сила уменьшается по мѣрѣ удаленія отъ центра вращенія, пока совершенно не истощится, такъ что уже не въ-состояніи сдвинуть съ мѣста атомы, лежащихъ слишкомъ далеко. Предѣлъ этой силы, этого вихря—предѣлъ солнечной системы. Вихрь Декартовъ можно произвести нагляднымъ образомъ, быстро поворачивая въ тазѣ, паподненномъ водою, деревянный или металлическій шарикъ, погруженный въ ней до половины, такъ, чтобы ось вертающагося шарика стояла перпендикулярно къ водѣ, а экваторъ находился вровень съ ея поверхностью: треніе атомовъ поверхности шарика о ближайшіе атомы воды, и треніе этихъ ближайшихъ атомовъ о дальнѣйшіе, постепенно приведетъ всю воду въ сосудѣ въ круговое движеніе. Наводѣ, текущей прямолинейно, въ воздухѣ, движимомъ прямолинейно легкимъ вѣтеркомъ, мы часто примѣчаемъ подобныя круговыя движенія вещества, образующіяся добровольно и извѣстныя подъ названіями водоворотовъ и вихрей: они также должны возникать первоначально изъ вращенія одного или нѣсколькихъ атомовъ воды или воздуха на-мѣстѣ. Понятно, что сила вселенскаго вихря, предполагаемаго Декартомъ, будетъ самая могущественная насупротивъ экватора центральнаго вертающагося шара: отсюда слѣдуетъ, во-первыхъ, что при первоначальномъ

вращеніи этого шара между ближайшими атомами міровой матеріи, похищаемыми имъ изъ пространства, гораздо большая масса упадетъ на шаръ и нальнетъ скорѣе на него у экватора чѣмъ у полюсовъ, такъ, что шаръ наконецъ будетъ толще въ этомъ мѣстѣ и явится какъ-бы сплюснутымъ у полюсовъ; во-вторыхъ, что всѣ прочія тѣла, шары или шарики, находящіеся въ вихрѣ, будутъ ходить, около центрального шара, болѣе или менѣе тоже на-супротивъ его экватора, именно въ слоѣ или планѣ, самой бѣльшей силы вихря. Это можно также объяснить примѣромъ шарика, вертящагося въ тазу съ водою такъ, чтобы экваторъ шарика находился вровень съ ея поверхностью: расположивъ на водѣ нѣсколько легкихъ шариковъ изъ пробки въ разныхъ разстояніяхъ отъ центрального вертящагося шарика, когда вся жидкость придетъ въ круговое движеніе, пробки будутъ носиться около него, по поверхности воды, то есть, по плану его экватора, какъ планеты около Солнца. Онѣ даже сохраняютъ свои разстоянія, потому что стѣнки таза, составляя твердый предѣлъ водоворота, или вихря, будутъ своимъ давленіемъ на вертящуюся воду противодѣйствовать центробѣжной силѣ вращенія. Противодѣйствіе заставитъ еще пробки иногда и повертываться на своихъ осяхъ, разумѣется, медленно, неровно, сколько сопротивление воды позволить это такимъ мелкимъ тѣламъ. Можно возразить, что солнечная система не плаваетъ въ тазу, не имѣетъ твердой стѣны вокругъ своего вихря. Но Декартъ отвѣчалъ бы на это, что вокругъ нашей солнечной системы, есть другія солнечныя системы, другія солнца и другіе вихри, которыхъ центробѣжная сила давленіемъ своимъ на центробѣжную силу нашего солнечнаго вихря замѣняетъ для него дѣйствіе твердой обводной стѣны.

Такова основная идея Декарта, которую мы старались изложить какъ-можно яснѣе въ его же смыслѣ: у него она довольно запутана, для нынѣшняго читателя, по невѣрности тогдашнихъ понятій о законахъ движенія и о дѣйствіи различныхъ силъ, даже по самой неопредѣленности еще не установленной механической терминологіи. Нѣтъ

сомнѣнія, что, въ наше время, Декартъ съвѣтилъ бы намъ налагать бы свою теорію, если бы не захотѣлъ быть последователемъ Ньютона, и тогда, она, при болѣе точности выраженій, при лучшемъ развитіи подробностей главной мысли, избѣгнула бы по-крайней-мѣрѣ половины важнѣйшихъ возраженій, которыя рѣшила ея упадокъ.

Послѣдствія этой остроумной мысли очевидны. Какъ тончайшая матерія, обхватенная солнечнымъ вихремъ, не вездѣ одинаковой плотности, то довольно, чтобы вихрь столкнулъ другъ съ другомъ два небольшія плотнѣйшія мѣста: они тотчасъ закружатся, сольются, образуютъ зародышъ поваго, болѣе или менѣе значительнаго шара, который, достаточно увеличившись, составляетъ около себя свой собственный вихрь,—маленькій вихрь въ большомъ вихрѣ. Это—планета, *вторая стихія* Декартова. Такихъ маленькихъ шаровъ и маленькихъ вихрей, можетъ образоваться множество въ большомъ вихрѣ. Вихри и шары по-больше, по-сильнѣе, увлекутъ въ свое круженіе тѣ, которые, при своей незначительности, будутъ къ нимъ по-ближе, и обратятъ ихъ въ своихъ спутниковъ. Такимъ образомъ, въ вихряхъ втораго разряда, или планетныхъ, могутъ еще быть вихри третьей степени,—спутничья, — *третья стихія*. Каждый шаръ будетъ, такъ сказать, вращать въ своемъ вихрѣ, то есть, въ томъ количествѣ тончайшей матеріи, какое онъ въ-состояніи увлечь своимъ вращеніемъ. Всякая планета, одинокая, съ однимъ спутникомъ или со многими спутниками, обхватываетъ, поэтому, извѣстную массу міровой матеріи, составляющей пространство, съ нею образуетъ родъ отдѣльной системы, и за-одно съ нею дѣйствуетъ на другія подобныя. Предѣлъ массы планеты, собственно—предѣлъ ея вихря. Все, теперь, зависить отъ равновѣсія этихъ кружащихся массъ пространственнаго вещества, въ центрѣ которыхъ помещаются планеты со своими спутниками. Чѣмъ больше захватываетъ планета съ своими спутниками, тончайшей матеріи, или пространства, въ сферу своего дѣйствія, тѣмъ она легче и тѣмъ далѣе будетъ находиться отъ Солнца: она, если можно такъ выразиться, *всплыветъ болѣе или*

падают на поверхность солнечной системы, тогда какъ планеты съ малымъ количествомъ пространственнаго вещества, будутъ тяжелѣе и приблизятся къ Солнцу, какъ-бы свалившись въ солнечную систему: онѣ, въ паденіи своемъ на Солнце, остановятся именно тамъ, гдѣ количество тончайшей матеріи, окружающей центральнй шаръ, будетъ равно суммѣ тяжести планеты и обнятаго ея вихремъ пространства. Такъ большой стеклянный шаръ наполненный воздухомъ, и небольшой шарикъ, налитый спиртомъ, погруженный на дно сосуда съ водою, всплывають, одинъ на поверхность ея, а другой только на нѣкоторое разстояніе отъ дна. Съ этою планетною теоріей связано одно занимательное изобрѣтеніе Декарта, извѣстное еще и теперь подъ названіемъ *картезіанскихъ чертенковъ*, *diaboli cartesiani*: всѣ читатели, безъ-сомнѣнія, знаютъ эти черныя и пестрыя стеклянныя фигурки, пустыя внутри, который плаваютъ въ водѣ, поднимаются наверхъ и опускаются на дно, по-мѣрѣ-того какъ въ нихъ входитъ сквозь дырочку въ головкѣ болѣе или менѣе воды отъ давленія на ея поверхность, то есть, по мѣрѣ увеличенія или уменьшенія принадлежащей имъ матеріи и, слѣдственно, ихъ общей тяжести.

Вихрь планеты будетъ тѣмъ обширнѣе и вся сфера ея тѣмъ легче, и тѣмъ дальше отъ Солнца, чѣмъ сильнѣе сама планета, одна, или взятая вмѣстѣ со своими спутниками, то есть, чѣмъ быстрѣе вертится она на оси и быстрѣе вращается вокругъ центральнаго шара: впрочемъ, быстрота теченія будетъ здѣсь даже слѣдствіемъ самой легкости ея сферы и большаго удаленія отъ Солнца. Этимъ объяснялъ Декартъ ношденіе самыхъ огромныхъ планетъ на краю солнечной системы, и толкованіе его хорошо согласовалось даже съ закономъ Кеплера о соразмѣрности между скоростью теченія планетъ и величиною ихъ орбитъ.

Кометы почиталъ онъ за планеты, большею частью столь огромныя и захватывающія такъ много пространственнаго вещества въ свои сферы, что онѣ не могутъ остановиться въ нашей солнечной системѣ, не находя въ ея вихрѣ достаточно тончайшей матеріи для равновѣсія съ собою, и

должны по-необходимости перелетать изъ одной, солнечной системы въ другую, пока не попадутъ въ такую желоссальную, гдѣ бы масса кружащагося въ ней вещества позволила имъ войти въ общій порядокъ движенія и слѣдаться планетами хоть гдѣ-нибудь на краю вихря. Юпитеръ, Сатурнъ и Уранъ были бы, по этой теоріи, уроженцами другихъ системъ, послѣ долгаго шатанія по разнымъ мірамъ, наконецъ нашли себѣ приютъ у Солнца, на границѣ владѣній его пространства, и съ тѣхъ поръ начали вести жизнь добropорядочную, ходитъ почти правильнымъ кругомъ, какъ подобаесть хорошей планетѣ. Для того вѣка, подобное объясненіе было чрезвычайно счастливое, но, при нынѣшнихъ понятіяхъ о свойствахъ кометъ, оно совсѣмъ не понятно. Впрочемъ, еще и въ наше время нерѣдко являюся въ свѣтъ о кометахъ такія теоріи, отъ которыхъ рѣшительно умъ за разумъ заходитъ.

Солнце Декартъ полагалъ состоящимъ изъ какой-то жидкости, и свѣтъ выводилъ отъ движенія, броженія или клокотанія этой жидкости: атомы ея, шевелясь безпрестанно, ударяють въ ближайшіе атомы матеріи, наполняющей пространство, тѣ опять ударяють въ слѣдующіе, и такимъ образомъ удары атомовъ, быстро передаваясь по прямой линіи отъ одного къ другому, достигаютъ наконецъ послѣднихъ, приземныхъ атомовъ тончайшей матеріи, которые, давя на нашъ глазъ, производятъ въ немъ чувство свѣту. Свѣтъ, поэтому, не движеніе, говоритъ Декартъ, а только *стремленіе къ движенію*. Хѳгенсъ, изъ этой мысли, создалъ теорію волнообразнаго распространенія свѣту посредствомъ вибрацій атомовъ воздуха. Въ наше время воскресилъ ее Томасъ Юнгъ, и она теперь въ большой славѣ между оптиками и математиками. Затруднительный вопросъ, отчего планеты тверды когда Солнце такъ жидко, разрѣшается у Декарта очень мудрыми и довольно темными выводами изъ свойствъ вихреобразнаго движенія пространственной матеріи. Мы охотно пропускаемъ ихъ.

Тяжесть тѣлъ на землѣ была у него также слѣдствіемъ вихревого движенія матеріи, наполняющей пространство:

она; давленіемъ своимъ, на сферу земнаго вихря, гонитъ ихъ къ планетѣ и прижимаетъ къ ея поверхности.

Декартова теорія мірозданія, основанная на вихряхъ, вообще, совершенно удовлетворяла физическія и астрономическія познанія первой половины семнадцатаго столѣтія, и была принята учеными съ энтузіазмомъ. Мы не считаемъ нужнымъ излагать возраженія, которыя были противъ нея сдѣланы и повергли ее въ забвеніе, какъ-скоро Ньютонъ гениально примѣнилъ къ движеніямъ небесныхъ шаровъ математически вычисленные имъ законы тяготѣнія однихъ на другія во время движенія, или, всё-равно, законы двухъ центральныхъ силъ, центробѣжной и центростремительной. Возраженія эти нынче, когда разнаго роду открытія расширили кругъ нашихъ понятій, могли бы быть устранены, съ небольшимъ успіемъ, при другомъ взглядѣ на предметъ. Главный, коренной недостатокъ теоріи Декарта состоитъ, не въ ея доказанной ложности, потому что абсолютной ложности подобныхъ дѣлъ доказать нельзя, но собственно въ томъ, что къ вихрямъ не возможно приложить формулъ математическаго вычисленія: мы не знаемъ нагляднымъ образомъ настоящихъ свойствъ такихъ вихрей, какіе предполагалъ Декартъ, и не можемъ, ни вполнѣ опредѣлить умомъ, ни вычислить ихъ законы. Борелли, Лейбницъ и Бернулли, какъ ни ворочали, ни измѣняли и ни совершенствовали идею вихрей, не успѣли подчинить ея условіямъ математической очевидности. Наоборотъ, главное преимущество побѣдительной теоріи Ньютона—отнюдь не ея несомнѣнная достовѣрность, которой также никто не въ-состояніи человѣческими средствами возвестъ на степень осязательнаго факта: оно заключается только въ томъ, что законы движущейся тяжести, свойства двухъ центральныхъ силъ, мы знаемъ по ежедневному опыту, потому что они служатъ основаніемъ всей нашей механикѣ; и можемъ съ точностью, и напередъ рассчитывать всё ихъ дѣйствія во всѣхъ возможныхъ случаяхъ; а какъ къ движеніямъ небесныхъ тѣлъ вполнѣ прилагаются законы тяжелыхъ тѣлъ, приводимыхъ въ движеніе на землѣ, или, коротко сказать, законы тяготѣнія,

то умъ нашъ находить икъ совершенно достаточнымъ для составленія себѣ яснаго и вѣрнаго понятія объ устройствѣ солнечной системы. Мы дозволяемъ, и не видякъ фактъ глубокой истины въ дѣлѣ, закрытою всею таинственностью странныхъ разстояній природы. Умноженіемъ вѣроятной причинѣ движенія небесныхъ тѣлъ, объ ея началѣ и сущности, становится безцѣльнымъ. Какая намъ нужда знать, въ практикѣ, тяжестью ли своей движется Солнце, планеты, спутники, кометы, звѣзды, или другою какой-нибудь силою, простирается ли дѣйствіе тяжести на разстоянія, отдѣляющія планеты отъ Солнца и спутниковъ отъ планетъ, или это только—призрачное явленіе: довольно того, что законы извѣстной намъ силы, которую мы называемъ тяжестью, волюиѣ сходны съ законами той силы, которою движутся небесные шары, и мы на икъ смѣло опираемся. Тѣло, поднятое надъ поверхностью Земли и свободно пущенное, падаетъ на нее: *тяжесть* ли, то есть, особенная сила, заключенная въ недрахъ этого тѣла, заставляетъ его стремиться къ Землѣ, или, наоборотъ, Земля своею силою *притягиваетъ* его къ себѣ? Этого мы не знаемъ и знать не можемъ. Но, въ результатѣ, оно все-равно. Назовите эту силу *тяготѣніемъ* или *притяженіемъ*: тѣло во всякомъ случаѣ упадетъ по однимъ и тѣмъ же законамъ. Законы силы тяготящей и законы силы притягательной будутъ одни и тѣ же, и, следовательно, силу, управляющую движеніемъ небесныхъ шаровъ, можно, произвольно, назвать *всеобщимъ тяготѣніемъ* или *всеобщимъ притяженіемъ*, не измѣняя ничуть мало сущности дѣла. Но во всякомъ случаѣ, какъ «всеобщее тяготѣніе» такъ и «всеобщее притяженіе» будутъ только подставныя идеи, метафоры, чисто условныя названія той таинственной силы, которою движутся свѣтила вселенной, и которой настоящее названіе намъ еще неизвѣстно. Такъ понималъ дѣло гениальный Ньютонъ, и онъ умоляетъ своихъ послѣдователей не принимать, относительно къ солнечной системѣ, словъ *тяготѣніе* и *притяженіе* въ ихъ буквальномъ значеніи. Послѣдователи, которымъ Богъ не далъ тонкости и ясности

уна великаго учителя, овсѣмъ забыли его просьбу: они по-прежнему говорятъ—Ньютона открылъ всеобщее тяготѣніе!—и говорятъ отъясную нелѣзность. Ньютона открылъ только то, что законы всеобщей двигательной силы небось въ точности сходны съ простыми, всѣмъ извѣстными законами тяготѣнія, и въ томъ-то состоитъ его необыкновенной гений. Онъ всю жизнь только это и доказывалъ, для этого только подвергалъ и тѣ и другіе законы строгому математическому вычисленію. Мосьё Борда-Демуленъ, чтобы унижить Ньютона, силится всѣхъ увѣрить, что всеобщее тяготѣніе открыто другимъ, а не этимъ пустымъ «счетомъ». Да кто же на свѣтѣ могъ открыть такую глупость! О великій философъ, который слова принимаетъ за вещи!...

Говорить утвердительно, что движенія небесныхъ тѣлъ суть слѣдствія именно тяготѣнія или притяженія, что эти шары вѣчно текутъ въ своихъ орбитахъ именно потому только, что одна сила, центростремительная, тащитъ ихъ къ Солнцу, а другая, центробѣжная, отталкиваетъ назадъ, все это было бы нынче такъ же смѣшно, какъ утверждать сходствѣ съ древними астрономами и философами, будто планеты повѣшены какъ лампы подъ нѣсколькими хрустальными, совершенно прозрачными сводами, каждая подъ своимъ, и что движеніе ихъ зависитъ отъ вращенія этихъ сферъ. Уже и теперь мы знаемъ нѣсколько физическихъ случаевъ, въ которыхъ не видно ни малѣйшаго слѣда ни тяготѣнія, ни притяженія, ни центробѣжности, ни центростремительности, и гдѣ однако жъ тѣла, пущенныя свободно, ходятъ правильно около даннаго центра и въ то же время вертятся на своихъ осяхъ, представляя совершенное подобіе планетныхъ системъ. Электрическая струя, пропускаемая по проволоцѣ сквозь цилиндръ, наполненный водою, въ которой плаваютъ деревянныя опилки, заставляетъ ихъ описывать круги около проволоки и тутъ же еще вертѣтся. Всякому извѣстенъ незатѣливый музыкальный инструментъ, который у простаго народа называется «ворганчикомъ», у органныхъ мастеровъ «язычкомъ», а въ акустикѣ «вибрирующею пластинкою»: погруживъ такую пластинку до-половины въ водѣ съ опилками,

и приведа его въ вибрацію посредствомъ духовой трубки, эти частички тотчасъ начинаютъ вращаться и течь вокругъ центра вибраціи. Положите легкій шарикъ изъ пробки на стеклянный кружокъ и по краю его проведите смычкомъ такъ, чтобы стекло издало музыкальный звукъ: шарикъ пойдетъ кругомъ и будетъ вращаться на оси; если кружокъ имѣетъ форму эллипса, то и движеніе шарика будетъ эллиптическое. Наполните флейту, чеканъ или органную трубу дымомъ и подуйте въ нее: вмѣстѣ со звукомъ, дымъ станетъ выходить изъ трубки спиралью, которая не что иное какъ кругъ растянутый перпендикулярно къ его плоскости: весьма вѣроятно, что частички дыму, въ этомъ круговомъ движеніи, принимаютъ тоже и вращательное. Время откроетъ еще болѣе явленій, гдѣ точное подобіе планетнаго движенія окажется слѣдствіемъ разныхъ другихъ силъ, кромѣ тяготѣнія или притяженія. Умъ человѣческій, надо отдать ему справедливость, при всемъ своемъ безпокойствѣ, первый лѣнивѣцъ подъ солнцемъ: законы тяготѣнія позволяютъ ему представить себѣ удовлетворительный отчетъ въ движеніяхъ небесныхъ свѣтилъ, и онъ не спѣшитъ проникнуть тайны этихъ новыхъ силъ, находитъ изслѣдованіе ихъ слишкомъ труднымъ, оставляетъ ихъ въ пренебреженіи, будетъ даже имъ противиться изо всѣхъ силъ, если онѣ когда-нибудь начнутъ оспаривать моду у любимой его куклы, тяготѣнія, къ которой онъ привыкъ и которою совершенно доволенъ. Но если со-временемъ будетъ доказано, что и тутъ господствуютъ тѣ же самые законы какъ въ движеніяхъ планетныхъ массъ: тогда, какое названіе дадимъ мы силѣ, движущей солнечною системою? Силѣ съ одинаковымъ дѣйствіемъ, съ тождественными законами, предстанетъ передъ насъ, можетъ-быть, бездна. Выборъ будетъ затруднителенъ. Между-тѣмъ ясно уже и теперь, что мірозданіемъ управляеть, не тяготѣніе, и не притяженіе, но что во всей природѣ, въ каждомъ атомѣ вещества, есть, присутствуетъ, разлита какая-то общая сила, очень простая, которой законы неизмѣнны, постоянны, повсюду одни и тѣ же, и которая, настоящій хамелеонъ, принимаетъ

тысячу различныхъ формъ, попеременно являясь, то въ видѣ тяжести, то электричества, магнитности, свѣту, теплоты, звуку, химическаго сдѣвленія, кристаллизаціи, движенія, органической жизни, и прочая, и прочая; всегда различная по-наружности, всегда одинаковая и вѣрная своихъ кореннымъ законамъ въ сущности, безспорно возможная къ открытію человѣкомъ, но донынѣ ускользающая отъ его ограниченныхъ средствъ изслѣдованія.

Надлежало бы забыть вдругъ всю исторію ходу человѣческаго ума, чтобы повѣрить, будто мы навсегда останемся при всеобщемъ тяготѣніи, или притяженіи, для истолкованія устройства вселенной; будто это наше окончательное *открытіе*, за которымъ не скрывается уже ни какой тайны. Не пройдетъ, вѣроятно, много времени, какъ мы принуждены еще будемъ воротиться къ идеѣ Декарта и допустить въ планетномъ мірѣ, кромѣ тяготѣнія, еще родъ вихрей. Тончайшая матерія этого философа возродилась уже подъ моднымъ нынче именемъ «ээиръ»: и, логически, отдѣлаться отъ нея никакъ нельзя. Пространство должно же быть чѣмъ-нибудь наполнено. Движущая сила, будь она притягательная или тяготительная, должна связываться чѣмъ-нибудь матеріальнымъ съ тѣлами, которыми она движетъ. Отвлеченной механической силы умъ нашъ не постигаетъ. Метафорой не приведешь колеса въ движеніе. Небесные шары въ чемъ-то плаваютъ. Положимъ, что это — *ээиръ*, жидкость очень легкая, газообразная, болѣе или менѣе похожая на водородъ, быть-можетъ и самый водородъ лично. Объ *ээирѣ* всегда рѣчь велась между людьми учеными. Но когда увидѣли, что всѣ движенія планетнаго міра съ удивительною легкостью объясняются законами, открытыми въ одномъ частномъ явленіи природы, именно, въ тяжести, *ээиръ* былъ оставленъ въ сторонѣ, какъ бесполезный въ дѣлѣ. Ньютонъ старался самъ, по-возможности, устранить рѣчь объ немъ: какимъ путемъ дѣйствуетъ притягательная или тяготительная сила, сколько къ этому дѣйствию способствуетъ *ээиръ*, какую роль здѣсь онъ играетъ, на первый случай въ это не предстояло надобности входить. Достаточно было знать результаты,

дѣствія, законы силы. На эту силу стали смѣрять иль на нѣчто отвлеченное, самостоятельное, независящее отъ никакого посредства. Вѣроятно даже, что свою теорію свѣту, теорію истеченія свѣтовыхъ частичекъ изъ Солнца, Ньютонъ придумалъ для того, чтобы обойтись безъ Декартовыхъ толкающихся атомовъ тончайшей матеріи: и вмѣстѣ съ ними дать окончательную отставку идеямъ Декарта. Но вотъ, вынче, Ньютонова теорія истеченія падаетъ, можно сказать—упала. Атомы свѣту толкаются на голову, Декартово вибраціонное распространіе свѣту съ волнами Хейгенса, въ полной силѣ у оптиковъ. Астрономія, пока, не обращаетъ на это вниманія, потому что зѳирь, приведенный въ спокойствіе теоріей истеченія, не мѣшалъ донинѣ всеобщему тяготѣнію. Астрономія сама даже помогла оптикамъ торжественно водворить зѳирь въ области наукъ, прибѣгая къ его сопротивленію въ случаяхъ замедленія ходу кометъ. Между-тѣмъ зѳирь, такой, каковъ нуженъ оптикамъ, сдѣлаетъ страшный подрывъ принятымъ идеямъ тяготѣнія: когда, безпристрастно и по чистой совѣсти, будетъ вычислена страшная сумма живой силы всѣхъ толчковъ, получаемыхъ поверхностями планетъ отъ вибрирующихъ атомовъ зѳиру, то на-вѣрное прійдется признать Солнцу, вмѣсто притягательной, силу *отталкивательную*. Ктому жъ, какъ бы тонка ни была жидкость, наполняющая пространство, какъ-скоро атомы ея толкаются, то быстрое обращеніе Солнца и планетъ на осяхъ и еще быстрѣйшіи круговой леть планетъ около Солнца не могутъ не производить въ ней круженія, водоворотовъ, вихрей, теченій. Пространство, такимъ образомъ, должно быть въ страшномъ замѣшательствѣ: не перечтешь всѣхъ силъ, которыя рождаются изъ этого хаоса разнородныхъ движеній зѳиру. То, что было давно ясно, начинаетъ запутываться отъ одного возобновленія теоріи Декарта и Хейгенса о свѣтѣ, которой, съ другой стороны, и нельзя не принять. Конечно все можно уладить съ помощью ипотезъ; но уже самая необходимость въ нихъ ясно показываетъ, что, несмотря на геній Ньютона, мы еще очень далеки отъ познанія истины въ дѣлѣ устройства солнечной системы.

Имъ Лапласу, пространство первоначально наполнено туманами, облачною матеріей, въ родѣ тѣхъ мгlistыхъ или пыльных мѣстъ, которыя, въ звѣздномъ мірѣ, называются «облачностями», *nebuleuses*, и которыя Лапласъ почитаетъ за міры въ зародышѣ, міры возникающіе и еще не устроившіеся совершенно. Эта догадка о звѣздныхъ облачностяхъ очень нравилась философамъ прошлаго столѣтія; иначе она не нуждается уже и въ опроверженіи. Мы знаемъ теперь, что облачности — такія же благоустроенныя системы какъ и наша солнечная, и кажутся туманными только потому, что телескопы наши слишкомъ слабы, чтобы разрѣшить ихъ, показавъ всѣ подробности: тѣмъ сильнѣе и совершеннѣе становятся наши инструменты, тѣмъ болѣе небесныя облачности разоблачаются, тѣмъ примѣтнѣе исчезаютъ изъ нихъ и свѣтлыя мѣста и туманныя пятна: свѣтлыя мѣста оказываются скопленіемъ безчисленнаго множества небольшихъ свѣтлыхъ шаровъ, звѣздочекъ; туманныя, по этому, должны непременно быть скопленіями такихъ же шаровъ, только менше свѣтлыхъ, или почти темныхъ. Можетъ-быть, совершенство телескоповъ еще дойдетъ со-временемъ до того, что мы увидимъ темныя мѣста небесныхъ облачностей также наполненныя шарами: между-тѣмъ уже ясный смыслъ показываетъ самъ собою, что, если бы частицы этой мнимой туманной матеріи не были шарами весьма значительной величины, мы на такомъ страшномъ разстояніи не могли бы примѣчать ихъ въ видѣ туману. Послѣ этого все умозрѣніе Лапласа ни куда не годится. Обыкновенная первоначальная туманная матерія, по его мечтаніямъ, есть матерія расширенная страшнымъ жаромъ, которая, потомъ, охладжаясь, сгущается и образуетъ зародки шаровъ, тѣ постепенно увеличиваются, притягивая къ себѣ болѣе и болѣе туманной матеріи; наконецъ самыя большіе становятся главными звѣздами облачности, а шары по-меньше, начинаютъ ходить вокругъ нихъ вѣдлемъ своей собственной тяжести и центробѣжной силы; остатокъ же туманной матеріи, не вошедшій въ шары, сплывается полосами и вертится колесомъ около шаровъ

въ видѣ кольца или колецъ Сатурна. Все это такъ смѣшно, что трудно сообразить, какъ подобная идея пришла въ голову умному человѣку: чтобы матерія могла *расширяться* отъ страшнаго жару, надо допустить, что прежде была она сгущена и сжата: такимъ образомъ, сперва была сжатая матерія, шары; потомъ, ни-вѣсть откуда, явился въ шарахъ страшный жаръ, теплота, сила, видно, самостоятельная, отдѣльная отъ матеріи, и *расширила* эту матерію; потомъ, опять по неизвѣстной причинѣ, жаръ сталъ пропадать, наступилъ холодъ, и *расширенная* матерія снова начала сгущаться въ шары! Плохая фабрика! Но, допустивъ даже и этотъ убыточный способъ производства шаровъ изъ шаровъ, можно еще спросить: откуда же въ меньшихъ шарахъ родилась вдругъ страсть двигаться по прямой линіи, безъ чего нѣтъ центробѣжной силы? Повинуясь своей тяжести, они должны были опрокинуться прямо на большіе шары, на свои центральныя звѣзды. Поставьте сколько угодно малыхъ недвижныхъ шаровъ около одного большаго, одареннаго притягательною силою, которая дѣйствуетъ по направленію радіусовъ этого шара, прикажите даже малымъ шарамъ притягивать другъ друга по мѣрѣ силъ и возможности, они все-таки не пойдутъ центробѣжно, перпендикулярно къ радіусу главнаго притяженія, безъ особеннаго толчка, который превозмогъ бы эту силу. И какова должна быть сила этого толчка! Чтобы сообщить напримѣръ нашей Землѣ первое центробѣжное движеніе, нужно предположить въ солнечной системѣ, кромѣ *притягательной* силы Солнца, еще другую силу, во сто разъ могущественнѣе той, силу такъ сказать *толкательную*. Мы возвращаемся къ великому камню преткновенія всеобщихъ тяготѣній, котораго опасность чувствовалъ самъ Ньютонъ, къ необходимости посторонняго толчка. Этой необходимости не устранила вся тонкость ума Лапласа, не говоря уже о томъ, что вращательнаго движенія на оси никакъ нельзя вывести изъ его гипотезы. «Случай, говоритъ онъ, въ которомъ бы собраніе какихъ-нибудь матеріальныхъ частицъ, *первобытно неподвижныхъ* и предоставленныхъ собственной своей тяжести, прои-

вель *недвижную* массу, *чрезвычайно мало въроятнъ.*» А между-тѣмъ это иначе и быть не можетъ: что *недвижно первобытно*, то будетъ навсегда *недвижно*, безъ появленія посторонней силы. Если тяжесть добровольно существуетъ въ частицахъ, то онѣ никогда не могли быть *недвижными*. Если она появилась послѣ, такъ это — сила посторонняя, независимая отъ матеріи или по-крайней-мѣрѣ отъ той матеріи, которая *первобытно* была *недвижная*. И замѣтите, какая игра словъ! Что такое — тяжесть? Просто, движеніе. Тѣло, которое мы держимъ въ рукѣ, тяжело, потому что оно движется къ землѣ. Это — свѣше всякихъ умозрѣній: отнимите руку, оно падаетъ, — движется, — и, слѣдовательно, не что иное какъ давленіе на руку быстроты движенія его производить въ насъ чувство тяжести. Переведите теперь Лапласову ученую фразу на языкъ здраваго смыслу: выйдетъ, что — «случай, въ которомъ бы собраніе какихъ-нибудь тѣлъ, *первобытно недвижныхъ и предоставленныхъ собственному своему движению* (тяжести) осталось навсегда *недвижнымъ, чрезвычайно мало въроятнъ!*» Замѣните, если угодно, слово *тяжесть*, словомъ *притяженіе*, какъ это дѣлаетъ Лапласъ, сущность дѣла останется та же. Притяженіе опять — только движеніе, — движеніе изъ другаго центра. И подвигаетесь теперь мудрости общепринятой, освященной наукою и вѣчно вездѣ повторяемой фразы — *планетная система движется по законамъ тяготѣнія, или притяженія*: движется, значить, по законамъ движенія! Хорошо объясненіе! И вотъ гдѣ вполнѣ является величіе генія Ньютона: онъ заранѣе чувствовалъ, что ученый народъ не пойметъ его, исказить основную идею своими преувеличеніями, и предостерегалъ неоднократно, не принимать словъ «тяготѣніе», «притягательная», «центростремительная», «центробѣжная» сила, иначе какъ иносказательно, довольствуясь только той истиною, что законы одинакаго и взаимнаго тяготѣнія тѣлъ на землѣ и законы движенія небесныхъ шаровъ — тождественны. Да и какъ имъ не быть тождественными, когда тяготѣніе не что иное какъ движеніе!

Нельзя не сказать по совѣсти, что покойная Декартова теорія вихрей, при всѣхъ своихъ коренныхъ недостаткахъ и случайныхъ несовершенствахъ, гораздо удовлетворительнѣе объясняла дѣло міростроенія чѣмъ наши нынѣшнія гипотезы. Вибраціонное расиространеніе свѣту было естественнымъ слѣдствіемъ той же теоріи и она хорошо соображалась съ устройствомъ пространственной матеріи, нужнымъ для вихрей. Мы уже видѣли, что возобновленіе идеи Декарта о свѣтѣ, влечетъ за собою неизбежно допущеніе и нѣкотораго рода вихрей, теченій, въ вибрирующемъ вещественномъ пространствѣ. Въ пользу большаго, общаго вихря всей солнечной системы, производимаго обращеніемъ Солнца на оси, всегда служилъ сильнымъ аргументомъ одинъ изъ законовъ Кеплера, необъяснимый тяготѣніемъ или притяженіемъ, а именно, тотъ, который показываетъ правильную соразмѣрность скорости теченія планетъ съ величиною ихъ орбитъ: планеты, въ самомъ дѣлѣ, текутъ около Солнца словно какъ шарикъ, расположенные на поверхности вертающагося колеса, или какъ тѣла, увлекаемые слоемъ экваторнаго вихря центральнаго шара: чѣмъ дальше отъ центра, тѣмъ скорѣе. Различное наклоненіе плоскостей планетныхъ орбитъ къ солнечному экватору, конечно, не можетъ быть истолковано вихремъ: но развѣ тяготѣніе въ-состоящіи объяснить это различное наклоненіе безъ помощи прибавочныхъ гипотезъ?

Космогоническія умозрѣнія Декарта, право, стоятъ нашихъ этого рода умозрѣній. Они еще отличаются большою логическою послѣдовательностію. Несомнѣнное практическое достоинство Ньютоновой теоріи движенія небесныхъ тѣлъ, которой успѣхамъ эти умозрѣнія долго поставили сильную преграду, особенно во Франціи, наконецъ уронило ихъ. Но какъ всегда случается, люди поступили неосторожно, оставляя старое, чтобы слѣдовать за новымъ: въ старомъ было много хорошаго, много весьма счастливо обдуманнаго, и они бросили все это вмѣстѣ съ негоднымъ и ложнымъ, не спасли ничего, по обыкновенію пустялись строить новыя умозрѣнія на вновь узнанныхъ фактахъ,

и какъ имъ не дался гений Декартовъ, то и не построили ничего путнаго. Результатомъ всѣхъ этихъ успѣй было только искаженіе свѣтлой мысли Ньютона, доходящее до смѣшнаго, между-тѣмъ какъ обращали въ смѣхъ Декартовы гипотезы. Со стороны новѣйшихъ умозрителей творецъ вихрей заслуживалъ болѣе уваженія. Древность, какъ мы видѣли, приписывала міру душу, подобную человеческой и которая сообщаетъ ему движеніе. Иногда древніе предполагали отдѣльную душу въ каждой планетѣ, въ каждой стихіи, въ каждомъ минералѣ. Это было только приложеніе къ физикѣ основнаго догмата языческой религіи, которая возникла сама изъ чисто физической теоріи, состоявшей въ томъ, что въ каждомъ разрядѣ тѣлъ, отличающихся самостоятельными свойствами, разлита особенная сила, особенный духъ, или, какъ говорили жрецы, особенный богъ. Извѣстно изрѣченіе Фалеса, который, удивляясь явленіямъ янтаря и магнита, воскликнулъ: «Почтивъ, всѣ тѣла природы наполнены богами!» Теорія эта, существенно языческая, очень долго сохранялась еще въ мусульманствѣ, и даже у христіанъ, между алхимиками, которыхъ наука происходила изъ Египта, вѣроятно отъ послѣднихъ языческихъ членовъ Александрійской Школы, и между профессорами магіи: они также въ каждомъ предметѣ признавали присутствіе особеннаго духа и искусство состояло въ томъ, какъ его вызвать и подчинить своей власти. Въ золотѣ сидѣлъ зѣвръ, самъ Юпитеръ: благороднѣйшій изъ металловъ почитался осуществленіемъ души міра, и растворенное золото, зѣвръ въ жидкомъ видѣ, составляло на Олимпѣ аморосію, напитокъ безсмертія. Во времена возрожденія наукъ, душа міра еще существовала въ наукахъ, и многіе ставили ее выше души человеческой. Коперникъ низвелъ первый эту душу на степень физической силы, которую называлъ онъ *привлекательною*, — какъ-бы нѣкотораго рода *природнымъ возделніемъ* каждой частицы небесныхъ тѣлъ, *quandam appetentiam naturalem*. Изъ этой «привлекательности» частицъ выводилъ онъ шарообразную форму Солнца и планетъ. Кеплеръ думалъ еще, что привлекательная сила есть родъ органической силы,

и солнечная система казалась ему огромнымъ животнымъ. Декарту принадлежитъ честь введенія въ науку богатой мысли, что міръ, волею всемогущаго Творца, могъ построиться, держится и движется по кореннымъ законамъ матеріи. Эти-то законы старался онъ истолковать своей теоріей вихрей.

Здѣсь оканчивается настоящій *картезианизмъ*, потому что здѣсь оканчиваются умозрѣнія Декарта. Этотъ гениальный человѣкъ, какъ математикъ, вмѣстѣ съ Виеттомъ былъ основателемъ аналитической геометріи и, какъ физикъ, съ успѣхомъ занимался изслѣдованіемъ законовъ паденія тяжелыхъ тѣлъ, прямого и дугообразнаго; сообщеннаго движенія; переломленія свѣту; свойствъ радуги, и прочая. Но эти труды Декарта, слишкомъ извѣстные всякому, не принадлежатъ къ нашему предмету.

=

IV.
ПРОМЫШЛЕННОСТЬ
■
СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО.

=
ОПЫТНЫЙ ВЗГЛЯД
НА СЕЛЬСКОЕ ДОМОВОДСТВО РОССИИ.

=
ИЗЪ ЭКОНОМИЧЕСКИХЪ ЗАПИСОКЪ БАРОНА АЛЕКСАНДРА ВОДЕ.

=
СТАТЬЯ ШЕСТАЯ.

=
Примерный расчетъ дохода отъ десятины земли, засеянной кукурузою съ подсемянникомъ и тьковою. — Дико-растущія растенія. — Рѣдкіе посѣвы. — Ложное мнѣніе о необходимости переѣхать семена льна и конопля.

=
Для образчика, какія выгоды могутъ доставить расчетливому хозяину предметы, которые съ перваго взгляду ка-
Т. LXVII. — Отд. IV. 1/1

жуются маловажными, а помѣщу здѣсь примѣрный расчетъ дохода какой можетъ дать въ южныхъ губерніяхъ круглая десятина земли, въ пятьдесятъ квадратныхъ сажень, засаженная кукурузою съ подсолнечникомъ и тыквою.

Я полагаю раздѣлить всю десятину на квадраты, которые имѣли бы въ длину и въ ширину по двѣ сажени, то есть, четыре квадратныя сажени, какихъ всего выйдетъ шесть сотъ двадцать пять. Сперва надобно вспахать и бороновать всю десятину, и потомъ сохою провести борозды для обозначенія кварталовъ; въ эти борозды должно сажать отборныя семена кукурузы (предварительно смоченныя) въ разстояніи одно отъ другаго на пол-аршина; послѣ-того обведя всю десятину такою же бороздою, засѣять ее также кукурузою; при этомъ слѣдуетъ наблюдать, чтобы посадку семянъ начинать въ четверти аршина отъ угла квадрата, для того чтобы перекрестныя линии не мѣшали одна другой. Такимъ образомъ будетъ на десятину 15,600 кустовъ кукурузы, изъ которыхъ для круглаго счету можно исключить шестьсотъ, на случай промахи.

Въ серединѣ каждаго изъ шести сотъ двадцати пяти квадратовъ дѣлаютъ ямку, имѣющую въ поперечникѣ пол-аршина, и полъ-аршина же въ глубину; потомъ хорошенько перебиваютъ въ ней землю, сажаютъ туда три или четыре семечка исполинской тыквы, и закрываютъ ихъ на вершокъ землю, а сверху насыпаютъ немного стараго навозу, приравливаясь такъ, чтобы всё еще оставалось довольно углубленія для удержанія дождевой воды.

Посерединѣ каждой квадратной сажени кладутъ по одному отборному семечку самаго крупнаго роду подсолнечника, что ни мало не мѣшаетъ тыквеннымъ плетямъ раскинуться во всѣ стороны; это составитъ шестьсотъ двадцать пять кустовъ тыквенныхъ и двѣ тысячи пятьсотъ кустовъ подсолнечника.

Когда кукуруза отцвѣтетъ, и изъ концовъ шишекъ

уже покажутся волоски, тогда срѣзываютъ стволы съ мужскимъ цвѣтомъ, однимъ колѣнцомъ выше верхней шишки. Эти обрѣзки служатъ хорошимъ кормомъ для коровъ, овецъ и козъ.

Тыквенныя плети срѣзываютъ колѣнца два по-ниже последней тыквенной звязи, не оставляя болѣе двухъ тыквъ на каждой плети, и не болѣе одной, ежели плеть безъ того коротка, или слаба.

На подсолнечниковомъ стеблѣ оставляютъ только двѣ, а много три головы, прочія же всѣ срѣзываются еще до разцвѣтанія: всѣ эти обрѣзки доставляютъ весьма хороший кормъ для скота.

Можно полагать по двѣ шишки на каждомъ кустѣ кукурузы, на многихъ и болѣе; (мнѣ случилось видѣть на американской кукурузѣ даже до пяти шишекъ), что составитъ съ пятнадцати тысячъ кустовъ тридцать тысячъ шишекъ; въ каждой изъ нихъ можно считать кругомъ около трехъ сотъ хорошихъ зеренъ, или въ шесть сотъ разъ противъ посѣва, вриѣрно около двадцати четвертей.

Въ каждомъ квадратѣ можно считать по малой мѣрѣ четыре огромныхъ тыквы; полагая въ нихъ круглымъ счетомъ до десяти пудовъ, что составитъ съ шести сотъ двадцати-пяти квадратовъ около шести тысячъ двухъ сотъ пятидесяти пудовъ тыквы; полагая въ томъ числѣ двѣ тысячи пудовъ корки, сто двадцать пять пудовъ семян, и сто двадцать пять пудовъ семянныхъ сѣтокъ, останется чистаго тыквеннаго мяса около четырехъ тысячъ пудовъ.

Корки, срѣзываемыя плети и прочіе обрѣзки даютъ хороший сырой кормъ для коровъ, овецъ, козъ и свиней; его набирается всего около трехъ тысячъ пудовъ.

Полагая съ двухъ тысячъ пяти сотъ подсолнечниковыхъ кустовъ, не болѣе двухъ головъ на каждомъ, всего

пять тысячъ головъ, а въ головѣ по одному фунту сена, выйдетъ около ста двадцати пяти пудовъ.

Листья подсолнечника дадутъ хорошій кормъ для овецъ и козъ; да сверхъ-того двадцать тысячъ стеблей подсолнечниковыхъ и кукурузныхъ составятъ около пяти кубическихкихъ саженъ топлива, весьма удобнаго для обжигу кирпичей и черепицъ; изъ золы же отъ того получасной, дѣлаютъ превосходный поташъ.

Для просушиванія кукурузныхъ шишекъ и подсолнечныхъ головъ должно имѣть навѣсъ, гдѣ бы воздухъ шилъ свободное теченіе; надобно привѣять мѣры для устраненія птицъ, равно какъ претивъ крысъ и мышей; всего лучше такой навѣсъ сдѣлать на возвышенномъ мѣстѣ на столбахъ, и вмѣсто стѣны обтянуть кругомъ сѣтью.

Изъ тыквенныхъ и подсолнечниковыхъ семянъ дѣлается, какъ мы уже говорили въ одной изъ предыдущихъ нашихъ статей, превосходное масло, лучше прованскаго для постныхъ столовъ; съ одной десятины можно полагать около тридцати пудовъ того и другого масла; ежели считать фунтъ не дороже одного рубля, то одинъ этотъ предметъ составитъ уже двѣ тысячи четыреста рублей ассигнаціями.

Избойны обѣихъ сортовъ будутъ охотно покупать, какъ для дѣланія изъ нихъ постнаго молока, такъ и для простаго лакомства, особливо ежели дѣлать изъ нихъ лепешки съ примѣсью меду, подобно маковымъ. Откидывая десять пудовъ на шелуху, останется еще сто осемьдесятъ пудовъ избыины; полагая пудъ не дороже четырехъ рублей, это составитъ еще семьсотъ двадцать рублей. Высушенную избыину можно обратить въ муку для употребленія въ пирожное.

Изъ тыквеннаго мяса можно гнать водку, также дѣлать сахаръ, а изъ остатковъ водку; барда же пойдетъ въ кормъ скоту. Можно также, изрѣзвъ его въ репейки,

высушить, и потомъ по превращеніи въ муку, употребить въ кушавье. Вообще по этому предмету можно дѣлать еще любопытные опыты, которые поведутъ къ прибавленію результатовъ.

Изъ кукурузы дѣлаютъ отличную муку для пирожныхъ, а обдирки употребляются на откармливаніе свиней. Даже стержни кукурузныхъ шишекъ не пропадутъ безъ пользы; они годятся въ топливо, и зола ихъ даетъ превосходный поташъ; изъ тридцати тысячъ стержней выйдетъ по-крайней-мѣрѣ одна кубическая сажень топлива.

Солома, обвивающая кукурузныя шишки, употребляется на пахитосы; слѣдовательно, и самая солома, которую до-сихъ-поръ бросали безъ пользы, можетъ доставить нѣкоторую выгоду.

Теперь сведемъ итогъ всѣмъ означеннымъ здѣсь предметамъ.

20 четвертей кукурузы, по 10 рублей . . .	200	руб.
4,000 пудовъ-тышневнаго мяса по 10 копѣекъ	400	—
тышневныхъ корокъ, и всякихъ обрѣзковъ въ кормъ скоту, три тысячи пудовъ по 5 копѣекъ	150	—
6 сажень топлива, съ поташемъ, по 10 р.	60	—
60 пудовъ масла, по 40 руб.	2400	—
180 пудовъ изюбны, по 4 руб.	720	—
	<hr/>	
	3,930	—

Какая десятина можетъ дать подобный доходъ по обыкновенному порядку сельскаго нашего домоводства? Между-тѣмъ предметы эти самыя простыя, всѣмъ извѣстныя; стоитъ только умѣть извлечь изъ каждой вещи всю возможную выгоду съ надлежащею хозяйственною распорядительностью, и стараться о томъ, чтобы ничего не пропало даромъ.

Полезнымъ, въ угодность сомнѣвающимся въ вѣрности этого расчета, или въ предположеніи не всегда удачнаго

урожая, что я ошибся на половину, то всё-еще останется доходу съ одной десятины до двухъ тысячъ рублей. Много ли потребуется работниковъ на эту десятину? — одного тягольнаго достаточно, чтобъ ее вспахать, заборонить, и управлять прочими работами; а осталная работа вса, тако-го роду, что легко можетъ быть исправлена женщинами и полу-тягольными; развѣ только при уборкѣ тыквы, по причинѣ ихъ тяжести, надобно будетъ прибавлять на нѣсколько дней по три, или по четыре работника изъ тягловыхъ.

Этотъ расчетъ сдѣланъ для южныхъ губершій, но я думаю, что близъ Петербурга онъ окажется еще значительнѣе: я видѣлъ здѣсь вырощенныя тыквы въ два пуда съ половиною и болѣе; находилъ также кукурузу въ огородахъ. Положимъ, что тыквенныя семена надобно будетъ сперва выростить въ парникахъ, и послѣ пересадить на непремѣнныя мѣста; но великъ ли надобенъ парникъ для выращиванія въ немъ двухъ тысячъ пяти сотъ тыквенныхъ семянъ, которыя можно нанередъ продержать нѣсколько дней въ теплой комнатѣ въ мокромъ мохѣ, и посадить въ парникъ только тѣ, которыя выпустятъ ростки. Во всякомъ случаѣ это, конечно, лишній расходъ; но зато тыквенное мясо продается въ Петербургѣ не по десяти копѣекъ пудъ, а развѣ по рублю; въ столицѣ также хорошо продавались бы тыквы съ посоленными въ нихъ огурцами, и медовыя лепѣшки изъ выжимокъ.

Положимъ, что кукуруза не дойдетъ здѣсь до такой степени зрѣлости, какъ въ Малороссіи; но въ незрѣломъ видѣ кукурузныя шишки очень вкусны, если сварить ихъ въ соленой водѣ, и кушать съ свѣжимъ чухонскимъ масломъ; слѣдовательно, можно надѣяться, что въ такомъ видѣ кукуруза дастъ здѣсь гораздо болѣе доходу, нежели въ Малороссіи въ созрѣломъ видѣ.

Подсолнечникъ созрѣваетъ здѣсь хорошо, и мы счастливо имѣтъ здѣсь головки подсолнечника отъ десяти до двѣнадцати вершковъ въ поперечникѣ. Для лучшаго успѣ-

ху надобно было бы только каждый годъ выписывать изъ Малороссіи свѣжія семена всѣхъ этихъ растений, что не многого будетъ стоить. Вообще сельское домоводство есть такое дѣло, по которому смысленный хозяинъ можетъ получить несравненно болѣе выгодъ, нежели несмысленный, или упрямый, слѣпо привязанный къ старинѣ.

Увѣренность въ томъ, что Богъ ни чего не создалъ безъ пользы, должна бы побудить каждого благоразумнаго хозяина, обращать тщательное вниманіе на всѣ растенія, которыя дико растутъ въ его имѣніи; потому что они должны быть преимущественно полезны тамъ, гдѣ природа ихъ производитъ сама собою.

Недовольно того, чтобы просто разглядѣть такое растеніе; вѣтъ, надобно его разложить химически, чтобы узнать его составныя части, и по этому сдѣлать заключеніе, какую оно можетъ доставить пользу; потомъ дѣлать надлежащія опыты въ маломъ видѣ, и наконецъ распространить такія разведенія въ бѣльшемъ объемѣ, ежели открытая полезность растенія того заслуживаетъ. Такія изслѣдованія доставляютъ пріятное препровожденіе времени, требуютъ весьма мало расходовъ, а часто могутъ открыть богатый источникъ новыхъ доходовъ, и пользы по медицинской части.

Между прочимъ я твердо увѣренъ въ томъ, что дико-растущія кормовыя травы гораздо полезнѣе, нежели выпи-санныя изъ другихъ мѣстъ, гдѣ климатъ и другія условія мѣстности неодинаковы съ мѣстностью того имѣнія, гдѣ находятся эти дико-растущія травы; а чтобы онѣ росли роскошнѣе, нежели въ дикомъ состояніи, то на это требуется только такое же тщательное приготовленіе земли, какое дѣлаютъ для выписныхъ; при чемъ собираніе своихъ семянъ навѣрное обойдется дешевле, нежели покупка выписныхъ.

Кстати скажу здѣсь: проѣзжая нынѣшнимъ лѣтомъ по варшавскому шоссе, недалеко отъ Гатчины, я замѣ-

твъ роскошно растущій кустъ сурѣвницы за камнемъ, въ запущенномъ пастбищѣ; это слышитъ лучший доказательствомъ, что сурѣвница навѣрное удастся, ежели ее посѣять. Кряжь земля, на которой я видѣлъ этотъ кустъ, довольно тощей съ сѣпсью; слѣдовательно, можно ее посеять и на неудобренной землѣ, не опасаясь неудачи; ежели есть удобренная, то тѣмъ лучше. Между тѣмъ мнѣ не случилось еще видѣть, чтобы въ окрестностяхъ здѣшней столицы засѣвали поля сурѣвницею, которая доставляла бы здѣсь значительный доходъ.

Выписать семена сурѣвницы изъ внутреннихъ губерній, гдѣ ее разводятъ, конечно, не многого будетъ стоить; но ежели предполагать, что дико-растущая надежнѣе, то и это очень легкое дѣло; только оно потребуетъ болѣе времени, чтобы получить достаточное количество семянъ для значительнаго посѣва; однакоже и тутъ не нужно слишкомъ много терпѣнія. Положимъ, что вы съ дикаго, роскошно растущаго куста сурѣвницы не соберете болѣе пяти сотъ всхожихъ зеренъ, и что вы не нашли на своей землѣ болѣе десяти такихъ кустовъ,— это составитъ пять тысячъ; посадите, или посѣйте ихъ на семнадцатой долѣ указной десятины, что составитъ участокъ въ четырнадцать сажень длиною и десять сажень шириною; такъ чтобы каждый кустъ занималъ около квадратнаго полу-аршина пространства, и могъ бы, слѣдовательно, расти роскошно. Положимъ, что вы и отъ этихъ пяти тысячъ кустовъ получите не болѣе, какъ по пяти сотъ всхожихъ зеренъ: это составитъ уже два съ половиною милліона зеренъ: и будетъ достаточно на засѣвъ двадцати пяти десятинъ, полагая по сто тысячъ зеренъ на каждую десятину.

Указная десятина содержитъ въ себѣ восемьдесятъ шесть тысячъ четыре ста полуаршинныхъ квадратовъ, которые я считаю необходимыми для каждого куста сурѣвницы, чтобы она расла роскошно, и давала богатый урожай; такъ какъ иное зерно не всхожее, или отъ непредвидимыхъ поврежденій кое-гдѣ погибаетъ молодое растеніе, то прибавлю къ показанному числу еще тринадцать тысячъ зеренъ.

сотъ зеренъ, что вмѣстѣ составитъ сто тысячъ зеренъ на каждую десятину; слѣдовательно, ежели бы вамъ удалось найти и сохранить въ первый годъ только одинъ хорошій кустъ дико-растущей сурѣпицы на вашей землѣ, то на слѣдующій годъ вы, по вышесказанной весьма умѣренной прогрессии, получите уже двѣсти пятьдесятъ тысячъ зеренъ, или сколько нужно на посѣвъ двухъ съ половиною десятинъ. Въ одномъ фунтѣ сурѣпицы считается около шестидесяти тысячъ хорошихъ зеренъ; прибавляя къ нимъ еще двѣ трети фунта, это составитъ сто тысячъ зеренъ, которыхъ, я полагаю, необходимо на посѣвъ одной десятины; посѣвая ихъ на тщательно воздѣланной землѣ можно со всею вѣроятностью надѣяться, что такой кустъ дастъ по малой мѣрѣ вчетверо болѣе полновѣсныхъ зеренъ, нежели дико-растущій на вовсе невоздѣланной землѣ; поэтому съ осмидесяти шести тысячъ четырехъ сотъ кустовъ, выросшихъ на одной десятинѣ, можно надѣяться получить семьдесятъ два пуда сурѣпныхъ зеренъ.

Вѣроятно—многіе старинные хозяева будутъ забавляться надъ моею методою рѣдкаго посѣву; потому что они обыкновенно радуются густымъ всходамъ всякаго хлѣба, и полагають въ этомъ надежду на хорошій урожай; но при ближайшемъ разсмотрѣніи дѣла, они, вѣроятно, удостоятся въ справедливости моихъ доводовъ.

Чѣмъ гуще сдѣланъ посѣвъ, тѣмъ менѣе корнямъ достается мѣста распространяться въ землѣ, слѣдовательно тѣмъ менѣе корни получаютъ пищи, и переплетаясь между собою, отнимають одинъ у другаго растительную силу. Слабость растенія есть естественное слѣдствіе слабости корня; а слабое растеніе даетъ мало плода, да и этотъ плодъ тощій, такъ что въ такомъ хлѣбѣ окажется болѣе отрубей и гораздо менѣе питательныхъ частей, а въ масляныхъ зернахъ болѣе шелухи и менѣе масла, нежели при рѣдкомъ посѣвѣ. Кромѣ-того растеніе, по слабости своей, болѣе подвержено поврежденію отъ непогоды, нежели растеніе сильное; и при неурожаѣ хозяинъ лишается гораздо болѣе въ посѣвѣ, нежели тотъ, который сѣялъ рѣдко. При

этомъ открывається еще важное неудобство; ежели ива зарастетъ сорными травами, что сплошь встрѣчается, то или нельзя ее прополоть, и тогда сорныя травы совершенно заглушаютъ хлѣбъ, такъ что онъ не дастъ и третьей доли ожидаемаго урожая; или должно затоптать значительную часть всходовъ, чтобы добраться до сорныхъ травъ, съ которыми непременно вырываютъ и часть всходовъ. Притомъ густой посѣвъ чрезвычайно изнуряетъ землю, такъ какъ наполняющіе ее корни съ жадностью поглощаютъ всѣ питательные соки почвы.

Напротивъ-того при рѣдкомъ посѣвѣ корни распространяются свободно въ землѣ во всѣ стороны, и будучи сильнѣе, далѣе въ нее углубляются, и получаютъ отъ того болѣе средствъ питанія, безъ изнуренія почвы.

Сильный корень даетъ сильное растеніе, которое гораздо легче и надежнѣе слабаго противится вредному вліянію непогоды: такое растеніе даетъ гораздо болѣе и повновѣснѣйшаго плода нежели отъ тощаго корня. При общемъ неурожаѣ хозяинъ рѣдко посѣянаго поля выручаетъ столько болѣе нежели тотъ, который посѣялъ густо, и во всякомъ случаѣ теряетъ менѣе въ посѣвѣ. Зарастаетъ ли ива сорными травами, до нихъ легко добраться, чтобы ихъ вырвать и вынести изъ поля вонъ, не опасаясь затоптать всходы.

При рѣдкихъ посѣвахъ кустоватость растенія доставляетъ корню нужную тѣнь, сохраняющую около него необходимую влажностъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ не препятствуетъ нужному для укрѣпленія растенія протеченію воздуха; да притомъ и солома бываетъ всегда длиннѣе и крупнѣе, отъ чего она имѣетъ болѣе питательности, ежели ее кормить скотъ, и даетъ болѣе подстилки.

Для желающаго понимать кажется и этого довольно, чтобы доказать преимущество рѣдкаго посѣва передъ густымъ; а кто лучше знаетъ, тому и книги въ руки. Иные люди, которыхъ ни чѣмъ не увѣришь, даже собственноручно

въ опытахъ. Примѣровъ искать недалеко: въ послѣдней трети Трудовъ Императорскаго Вольнаго Экономическаго Общества за 1843 годъ, на страницѣ 285, сказано, что два члена общества дѣлали опыты надъ моченіемъ зеренъ передъ посѣвомъ по моей методѣ, и что эти опыты оказались неудовлетворительными: одинъ членъ умолчалъ о подробностяхъ сдѣланнаго имъ опыта, а другой объяснилъ, что онъ на одной десятинѣ посѣялъ одну четверть ржи по этой методѣ, а на другую десятину посѣялъ три четверти не моченой ржи, и что обѣ десятины дали одинаковый результатъ, по девяти четвертей каждая.

Числа 9 и 9, конечно между собою равны, но не равны числа 1 и 3. На одной десятинѣ моченая рожь родилась самъ-девятъ, а на другой не моченая рожь родилась самъ-третей; кажется, что тутъ есть значительная разница, которую нельзя назвать одинаковымъ результатомъ; и я совершенно увѣренъ, что если бы господинъ испытатель посѣялъ только полчетверти моченой ржи, то получилъ бы тѣ же девять четвертей урожаю.

Поэтому опыту, названному неудовлетворительнымъ, остались однако жъ двѣ четверти ржи, которыя не были посѣяны на первой десятинѣ; а какъ тотъ же опытъ доказалъ, что по обыкновенной методѣ посѣва нельзя надеяться на урожай свыше самъ-третей, пропорціонально противъ урожая отъ моченыхъ по моей методѣ семянъ, то эти оставшіяся отъ посѣва двѣ четверти составляютъ чистый барышъ. Положимъ, по обыкновенной сложности здѣшнихъ цѣнъ, по пяти рублей серебромъ четверть, это составитъ десять рублей серебромъ; положимъ самую необъятную цѣну за припасы для моченія семянъ на одну десятину, и за лишнюю работу—одинъ рубль серебромъ, то останется экономія отъ такого посѣва девять рублей серебромъ отъ одной десятины.

Обыкновенно считаютъ, что двѣ крестьянскія души, или одно тягло, обрабатываютъ на помѣщика одну десятину земли въ каждомъ полѣ; слѣдовательно, сто душъ крестьянъ

явнъ засѣять для своего господина пятьдесятъ десятинъ озимаго хлѣба, и пятьдесятъ десятинъ яроваго, да столько же для себя; поэтому при такомъ рѣдкомъ посѣвѣ останется экономіи отъ деревни во сто душъ крестьянъ, отъ одного хлѣбопашества, помѣщику 900 рублей серебромъ, или 3,150 рублей ассигнаціями и столько же крестьянамъ; слѣдовательно, гораздо болѣе, нежели послѣднимъ нужно для покрытія всѣхъ казенныхъ и общественныхъ повинностей. А часто ли помѣщикъ получаетъ нынче столько дохода при старинной методѣ посѣва, сколько тутъ осталось экономіи по моему методу?

Этотъ опытъ скорѣе бы я имѣлъ право назвать неудовлетворительнымъ, по сравненію съ опытами, которые я самъ производилъ. Мнѣ случалось получить отъ посѣва трехъ съ половиною пудовъ пшеницы, такимъ образомъ замоченной, на одной десятинѣ тощей, неудобренной земли, двѣсти шестьдесятъ пудовъ полнозѣсныхъ семянъ, не считая того, что и соломы получили по малой мѣрѣ вдвое болѣе противъ сосѣдей, которые сѣяли свою пшеницу по старинному обычаю; что составляетъ урожаи самъ семьдесятъ—четверть, а много ли помѣщиковъ могутъ похвѣлиться, чтобы они получали двѣсти шестьдесятъ пудовъ пшеницы съ одной указной десятины?

На поляхъ, обыкновеннымъ образомъ засѣянныхъ, болѣею частью видно отъ каждаго корня по одному, и рѣдко болѣе четырехъ колосевъ; а у меня ихъ было отъ десяти до сорока. Между прочимъ я дѣлалъ опытъ сажать семена пшеницы, ржи, овса и ячменя по грядкамъ, разстояніемъ одно отъ другаго на четверть аршина, и получилъ отъ того сплошь отъ тридцати до пятидесяти полныхъ колосевъ отъ каждаго куста: это составило бы на указной десятинѣ 145,600 кустовъ, или около шестнадцати фунтовъ зеренъ въ посѣвѣ, и около пяти сотъ десяти пудовъ урожая.

Конечно, такого роду посѣвъ весьма затруднителенъ; но съ помощью усовершенствованныхъ сѣяльныхъ машинъ,

и при замоченіи семянъ предъ посѣвомъ по описываемой мною методѣ, можно бы достигнуть чего-нибудь приближительнаго къ этому расчету. Для этого и земля должна быть обработана тщательнѣе обыкновеннаго; но и это не такъ трудно, какъ многіе воображаютъ; надобно только завести у себя усовершенствованныя земледѣльческія орудія, и умѣть ими дѣйствовать.

Я укажу еще здѣсь кстати на жалобу, которую я часто слышалъ отъ многихъ хозяевъ, — что льняныя семена перераждаются на одномъ мѣстѣ, и что непремѣнно должно ихъ выписывать изъ другихъ отдаленныхъ мѣстъ, чтобы получить хорошій ленъ. Въ этомъ болѣею частію такъ увѣрены, что это мнѣніе обратилось въ правило; но отъ чего оно произошло?

Чтобы имѣть хорошій ленъ для пряжи, надобно его сѣять густо; отъ этого онъ получаетъ длинныя, тощія стебли, и тонкое волокно; въ-добавокъ дергаютъ его, не давая семяннымъ головкамъ дозрѣть на корнѣ, отъ чего онѣ должны кос какъ доходить въ снопахъ. Такъ-какъ растеніе слабо, то оно даетъ только по одной, по двѣ, много по три семянныхъ головокъ; могутъ ли сѣмяна получить при такихъ обстоятельствахъ потребную силу, чтобы сдѣлаться годными для новыхъ посѣвовъ? да и много ли выйдетъ изъ нихъ масла?

Поэтому должно производить два посѣва, одинъ для пряжи, а другой чтобы получить хорошія семена; первый сѣвать густымъ, а послѣдній очень рѣдкимъ, такъ чтобы растеніе могло порядочно куститься. Тогда оно дастъ отъ пятидесяти до осмидесяти головокъ; и не дергать этотъ ленъ, пока семена не достигнутъ совершенной зрѣлости: тогда, я ручаюсь, они не только не уступятъ въ добротѣ выписываемымъ, но будутъ еще лучше. Конечно, волокны на стебляхъ будутъ грубыя, и негодныя на тонкую и крѣпкую пряжу, но на канаты и веревки они будутъ годны.

То же самое надобно соблюдать и въ-отношеніи къ коноплямъ; если разводить для пряжи, то сѣять должно по-

гуще, а если для масла, то рѣже; въ послѣднемъ случаѣ онѣ дадутъ несравненно болѣе и крупнѣйшихъ семянъ, и хозяинъ получитъ оттого по-крайней-мѣрѣ втрое болѣе масла и избойны. И такъ по всякому предмету въ хозяйствѣ должно сообразоваться съ цѣлью, для которой что предпринимается, чтобы извлечь изъ того всѣ выгоды, которыя мѣстность имѣнія допускаетъ; и для этого надобно непремѣнно замѣчать, разсуждать, и взвѣшивать всѣ обстоятельства, pour et contre. Отъ самаго этого правила, принятаго въ большей части европейскихъ государствъ и основаніе усовершенствованнаго сельскаго домоводства, послѣднее получило названіе рациональнаго, или съ здравымъ сужденіемъ сообразнаго.

Продавцы льнянаго семени для посѣва навѣрное слѣдуютъ этому правилу при своихъ посѣвахъ, чтобы этигъ сохранить для себя такой выгодный промыселъ, потому что такое сѣмя продается обыкновенно дороже, нежели обреченное на маслобитіе.

=

ОПЫТНЫЙ ВЗГЛЯДЪ

НА СЕЛЬСКОЕ ДОМОВОДСТВО РОССИИ.

ИЗЪ ЭКОНОМИЧЕСКИХЪ ЗАПИСОКЪ БАРОНА АЛЕКСАНДРА БОДЕ.

СТАТЬЯ СЕДЬМАЯ.

Строенія. — Фабрика.

Строенія изъ жженого кирпичу по извести, на каменномъ фундаментѣ, конечно, прочнѣе всѣхъ другихъ; но не вездѣ легко достать нужные на то матеріалы, и притомъ эти строенія обходятся дороже всѣхъ прочихъ: жженный кирпичъ, или тесаный камень, необходимы собственно только на одни своды. Я укажу здѣсь на два рода строеній, весьма удобныхъ, прочныхъ, и дешевыхъ, въ достоинствѣ которыхъ я убѣдился долготѣннымъ опытомъ.

Первыя изъ этихъ строеній суть соломенные. Они дѣлаются слѣдующимъ образомъ.—Сперва выкладываютъ каменный по извести фундаментъ, выводя цоколь по-крайней-мѣрѣ на пол-аршина выше уровня земли; потому что чѣмъ выше полы будутъ отъ земли, тѣмъ менѣе они подвержены сырости, и, слѣдовательно, гніенію. Потомъ кладутъ связь брусевъ, или лежни, хорошо между собою скрѣпленные; по угламъ комнатъ ставятъ стойки; также, гдѣ

Т. LXVII. — Отд. IV.

У, 4

по плану придется, коробки для дверей и окошекъ; между всѣми этими стойками ставятъ колья, для чего въ верхнихъ и нижнихъ брусьяхъ выдалбливаютъ гнѣзды, до трехъ четвертей вершка глубины; съ верху накладываютъ другую связь брусевъ, а на нихъ уже потолочныя бревна и стропила.

Колья, приходящіеся къ стойкамъ, ставятъ отъ нихъ въ разстояніи, равномъ толщинѣ соломенныхъ веревокъ; за тѣмъ разводятъ глину съ водою довольно жидко, чтобы удобно было обмакивать солому, но довольно густо, чтобы при крученіи этихъ веревокъ приставало въ нихъ нѣсколько глины; солому употребляютъ на то мятую. Вынувъ солому изъ глины выютъ изъ нея веревки въ кулакъ толщины, и заплетаютъ ее вокругъ колець, прививая всегда вновь солому, когда веревка приходитъ къ концу; доходя до стоекъ, поворачиваютъ назадъ вокругъ крайняго кола, и продолжаютъ такимъ образомъ, пока между двумя стойками, не будетъ заплетена стѣна. Каждый рядъ прибавляютъ деревянною колотушкою. Такимъ же образомъ заплетаются всѣ стѣны. Потомъ даютъ имъ хорошенько высохнуть.

Потолки плетутъ такимъ же образомъ; а чтобы они были прочнѣе, то потолочныя бревна кладутъ не дагѣ одного аршина одно отъ другаго; а лучше въ трехъ четвертяхъ аршина. Когда все хорошо высохло, плетень штукатурятъ съ обѣихъ сторонъ глиною съ известью, полагая двѣ части глины на одну часть извести, и четвертую часть песку. Туда же примѣшиваютъ мятую солому, изрубленную на куски около четверти въ длину. Этотъ слой кладутъ довольно толсто, чтобы стѣны хорошенько выровнялись. Когда первый слой совсѣмъ высохъ, тогда кладутъ второй, тонкій слой извести съ пескомъ, какъ обыкновенную известковую штукатурку. Такая штукатурка очень прочна, потому что глина пристаеетъ къ глинѣ, а второй известковый слой хорошо пристаеетъ къ той части извести, которая содержится въ первомъ слое. Наконецъ забѣливаютъ, или красятъ стѣны.

Соломенные крыши очень прочны, когда солому напередъ обмакиваютъ въ распущенную глину. Когда въ ра-

створѣ, въ которомъ обмакивается солома, распускають нѣсколько поваренной соли, а еще лучше того, квасцовъ, то это предохраняетъ отъ огня. Въмѣсто клею разводятъ въ той же водѣ свѣжій коровій пометъ, около четвертой части противъ глины.

Для дѣланія кровли, солому вяжутъ въ тоненькіе снопики, обрубають колосья, обмачивають снопы въ растворенной, какъ сказано, глинѣ, и привязываютъ ихъ плотно одинъ подлѣ другаго къ латвинамъ, прибитымъ къ стропиламъ въ надлежащемъ между собою разстояніи, смотря по длинѣ соломы. Первый рядъ кладется комлями внизъ, упирая ихъ въ планку, прибитую къ концамъ выпущенныхъ ниже стропилъ брусковъ, имѣющихъ отъ трехъ четвертей до одного аршина въ длину. Прочіе ряды кладутся комлями вверхъ, въ такомъ разстояніи рядъ отъ ряду, чтобы половина верхнихъ рядовъ покрывала половину нижнихъ. Самый верхній рядъ привязывается къ коньку, и раздваивается такъ, чтобы одна половина покрывала комль послѣдняго ряду одной стороны крыши, а другая половина послѣдній рядъ другой стороны.

Такая крыша, конечно, тяжела, но взаменъ того она не гнѣтъ, и не боится огня: для лучшаго же вида и большей прочности приглаживаютъ ее деревяннымъ правиломъ съ ручкою посерединѣ. Кто пожелаетъ, можетъ выкрасить ее чѣмъ угодно.

Чтобы не повреждать потолокъ, когда ходятъ по чердаку, къ верхней сторонѣ потолочныхъ брусьевъ прибиваютъ шелевки; а для лучшаго вида внизу стѣнъ закладываютъ нижнюю связь брусьевъ въ цоколь. Не излишне будетъ скрѣпить нижнія и верхнія связи по всѣмъ угламъ комнатъ, отступая на пол-аршина отъ стоекъ, тонкими брусочками, зарубая ихъ концами въ брусья съ заплечиками. Это дастъ болѣе крѣпости строенію.

Первый домъ, который я такимъ образомъ выстроилъ, въ нижегородской губерніи, поспѣлъ только въ концѣ сентября; въ осьми комнатахъ было три печи. Сосѣди полагаали, что мы непременно въ немъ замерзнемъ; а зима какъ нарочно была на этотъ разъ жестокая: морозы доходили до 30 градусовъ; бывали и сильныя выюги. Но мы

провели зиму въ этомъ домѣ въ теплѣ; а у сосѣдей нашихъ, растенія замерзли на окнахъ, хотя у этихъ господъ были дома, выстроенные уже около десяти лѣтъ изъ толстыхъ бревенъ, хорошо снаружи обшитые шелевками, оштукатуренные внутри, и хотя у нихъ было въ каждой комнатѣ по огромной печи, а въ залахъ и по двѣ. Къ переднему фасаду своего соломеннаго дома, лицомъ въ садъ, и на полдень, я придѣлалъ стеклянную галерею въ видѣ оранжереи, въ четыре аршина въ ширину. Въ ней была печь съ длиннымъ боровомъ, что избавило меня отъ необходимости ставить въ переднемъ фасадѣ двойныя рамы въ окнахъ. Въ этой галереѣ у меня былъ зимній садъ, въ который одинъ ходъ для хозяевъ былъ изъ гостиной, а другой для садовника снаружи.

Года черезъ два, на одномъ концѣ дома, въ капитальной стѣнѣ, пришлось вырубить мѣсто для двери, чтобы соединить домъ съ новою пристройкою: эта стѣна была такъ крѣпка, что работники съ трудомъ ее прорубили.

Матеріалъ для такого дома почти весь домашній, особливо если у хозяина есть уголокъ своего лѣсу; а работа такого рода, что свои крестьяне съ бабами и полу-тягольными ребятами могутъ его легко выстроить при надлежащемъ руководствѣ хозяина. Слѣдовательно, этотъ родъ строенія соединяетъ въ себѣ три важныя удобства: дешевизну, прочность и безопасность отъ огня.

Другой родъ строенія—изъ нежженныхъ земляныхъ кирпичей. Такія строенія для большей прочности также дѣлаются на каменномъ фундаментѣ по извести.

Кирпичи дѣлаются изъ земли, въ которой для большей связи содержится нѣкоторая часть глины; не худо примѣшать въ растворъ немного рубленой соломы въ четверть аршина длины, или изщипанной палки. Кирпичи дѣлаются обыкновенно въ девять вершковъ въ длину, четыре съ половиною вершка въ ширину, и два съ четвертью вершка въ толщину. По надлежащей просушкѣ кладутъ изъ нихъ стѣны, какъ изъ обыкновенныхъ кирпичей, съ тою лишь разницею, что вмѣсто извести употребляется тотъ же самый, немного разжиженный растворъ, изъ котораго сдѣланы кирпичи.

Чтобы штукатурка лучше приставала, наружные швы между кирпичами не замазываютъ плотно. Штукатурка дѣлается точно такимъ же образомъ, какъ у соломенныхъ стѣнъ, съ тою лишь разницею, что и первый слой кладется тонкій.

Чтобы придать этому строенію болѣе прочности, въ стѣнахъ дѣлаютъ латвенныя связи чрезъ каждые три или четыре ряда кирпичей; въ тѣхъ рядахъ, на которыхъ ставятся коробки, надъ коробками, и на томъ ряду, на который кладутся концы потолочныхъ брусевъ. Эти связи дѣлаются слѣдующимъ образомъ.

Отступя около трехъ вершковъ отъ обоехъ продольныхъ краевъ стѣнъ, кладутъ по одной латвинѣ, которыя и связываются гвоздями съ латвинами поперечныхъ стѣнъ; ложбинка, остающаяся между латвинами, наполняется глинянымъ растворомъ, въ который вдавливаютъ кусочки изломанныхъ кирпичей, или инаго щебня. Потолки можно сдѣлать соломенные, какъ выше описано.

Этотъ родъ строеній такъ же, какъ и предъидущій, очень простъ, дешевъ, проченъ, тепелъ, безопасенъ отъ огня, слѣдовательно самый удобный и приличный для деревенскаго быта.

Не думаю однако жъ, чтобы прочность была одинаковая, если строить такіе дома выше двухъ этажей; да въ деревнѣ, гдѣ не дорожатъ мѣстомъ, какъ въ городахъ, оно и не нужно. Нижний этажъ домовъ изъ сырцоваго кирпичу дѣлается обыкновенно въ два кирпича, а второй, или верхній, въ полтора: если же домъ только въ одинъ этажъ, и не большаго размѣру, то можно его строить весь въ полтора кирпича.

Чтобы лучше сберечь наружныя стѣны отъ дѣйствія косыхъ дождей, то вокругъ всего дома можно сдѣлать крытую галерею, дѣлая полъ ея съ небольшимъ скатомъ для стоку воды.

Есть еще третій родъ деревенскихъ строеній: ставятъ кѣтку цѣлаго дома, сдѣланную изъ брусевъ, на каменный по извести фундаментъ, и промежутки между деревомъ закладываютъ сырцовымъ кирпичомъ, соразмѣрнымъ толщинѣ брусевъ, или ставятъ въ эти промежутки

кольшки, и заплетаютъ ихъ соломенными веревками, какъ выше было объяснено.

Самыя легкія, прочныя и безопасныя крыши дѣлаются изъ каменной шведской бумаги, гдѣ ее достать можно, и желательно, чтобы въ каждой губерніи кто-нибудь завелъ фабрику такой бумаги, чтобы сдѣлать ее сподручною для всѣхъ: на заведеніе такой фабрики не требуется большаго первоначальнаго капитала; а глина, способная на это производство, найдется, вѣроятно, въ каждой губерніи.

Я упомяну еще здѣсь о кирпичачъ, которые я на своемъ заводѣ дѣлалъ для сводовъ: взявъ дугу свода я сдѣлалъ размѣръ, во сколько нижнее ребро кирпичу должно быть уже верхняго, по тому же правилу, какъ обтесываютъ камни для сводовъ; по этому размѣру я велѣлъ сдѣлать формы, въ которыя глину набивали со стороны верхняго ребра. По надлежащей просушкѣ, этотъ кирпичъ обжигаютъ какъ обыкновенно водится.

Своды изъ такого кирпичу сдѣланные, имѣютъ совершенно такую же прочность какъ изъ правильно тесанаго камня, потому что каждый кирпичъ приходится въ замѣкъ; а сводъ изъ такихъ кирпичей обходится несравненно дешевле каменнаго.

Если мѣстные обстоятельства дозволяютъ оснать какое-нибудь фабричное заведеніе съ дѣйствительною выгодою, то никакъ не должно этого выпускать изъ виду, потому что это доставитъ полезное занятіе для тѣхъ дворовыхъ, которые не нужны для личной прислуги господа, и даже для зимняго занятія крестьянъ.

При заведеніи фабрикъ должно стараться избѣгнуть, сколько возможно, общей погрѣшности — многостоящихъ строеній, требующихъ огромныхъ капиталовъ, и не приносящихъ дѣйствительной пользы. Весь капиталъ, излишне употребленный на постройки, необходимо долженъ возвысить цѣнность произведеній фабрики; потому что проценты на этотъ капиталъ и ежегодный необходимый ремонтъ построекъ, должны быть отнесены на счетъ текущихъ по фабрикѣ расходовъ, и, слѣдовательно, уменьшаютъ доходъ; а ежели другой фабрикантъ, устроившій свою фаб-

рику съ большимъ благоразуміемъ, вздумаетъ довольствоваться тѣми же процентами, какъ тотъ, который безъ надобности истратился на постройки, слѣдовательно, пустить свое издѣліе въ продажу дешевѣйшею цѣною противъ другаго, то послѣдній долженъ разориться, и тогда огромныя, красивыя палаты обратятся мало-по-мало въ развалины, по невозможности ихъ поддержать за уничтоженіемъ фабрики.

Въ фабричныхъ постройкахъ должно наблюдать прочность и удобство, чтобы все было подъ руками, не жалѣть денегъ на машины и инструменты, отъ лучшаго устройства которыхъ можетъ зависѣть совершенство издѣлія. Также должно всегда стараться добывать матеріалъ лучшаго качества; потому что хотя онъ въ покупкѣ обходится дороже чѣмъ посредственный и худой, но превосходство издѣлія, и слѣдовательно хорошая слава, съ избыткомъ вознаграждать первоначальный излишній расходъ на покупку матеріала.

Если фабричное производство такого рода, что можно его производить въ крестьянскихъ избахъ, какъ напримѣръ, тканье суконъ, полотенъ, и тому подобное, то я полагаю выгоднѣе, устроить ткацкіе станы и прядильныя машины въ самыхъ этихъ избахъ, въ особыхъ каморкахъ. Если помѣщикъ-фабрикантъ дастъ мужику въ пособіе при постройкѣ избы сто, или много полтора ста рублей ассигнаціями, то мужикъ можетъ пристроить къ избѣ двѣ каморки, одну для установленія ткацкаго стана, другую для прядильной машины: это обойдется помѣщику гораздо дешевле нежели выстроить огромное строеніе для совокупнаго помѣщенія становъ и прядильнъ, и избавить его впредь отъ ежегоднаго ремонта. Положимъ, примѣрно, на сто избъ по полтора ста рублей, вспомошествованія хозяевамъ; это составитъ пятнадцать тысячъ рублей, и тогда будетъ при нихъ устроено двѣсти каморокъ, для ста ткацкихъ становъ, и для ста прядильныхъ машинъ, съ принадлежащими къ нимъ мотальницами и шпульницами. Постройка особаго корпуса для такого же числа становъ и прядильныхъ машинъ обойдется по-крайней-мѣрѣ втрое или вчетверо дороже, и потребуетъ впоследствии значительныхъ издер-

жекъ для ремонта, между-тѣмъ какъ крестьяне должны сами поддерживать свои избы. Сверхъ-того помѣщикъ избавляется этимъ распоряженіемъ отъ хлопотъ и расходовъ на отопленіе, освѣщеніе и прислугу: всѣ эти расходы будутъ нести крестьяне, и, слѣдовательно, выгода помѣщика двояка.

Нравственная польза такого распоряженія заключается въ уменьшеніи распутства, неизбѣжнаго и губительнаго тамъ, гдѣ множество молодежи обоюго пола собирается ежедневно, чтобы съ утра до ночи работать подъ одной крышей, далеко отъ родительскаго надзора.

Трудясь дома, работникъ можетъ воспользоваться каждою свободною минутою, чтобы выработать лишнюю копѣйку; онъ не тратитъ даромъ времени на ходьбу изъ дома на фабрику, и опять домой, обыкновенно два раза въ день взадъ и впередъ, и притомъ во всякую непогоду. Оставаясь же дома онъ сберегаетъ много времени, одежды и обуви; имѣетъ возможность пособлять иногда другимъ въ домашнихъ работахъ, и слѣдовательно не отстаетъ отъ хозяйства. Такъ какъ дома у него гораздо менѣе развлеченія чѣмъ на фабрикѣ, то и работа идетъ лучше и усидчивѣе. Кромѣ-того у работниковъ, которые трудятся дома, не можетъ родиться мысль, красть другъ у друга ручной матеріалъ, какъ это нерѣдко водится на фабрикахъ: случится ли, что кто изъ нихъ не совсѣмъ здоровъ, нельзя уже ходить на фабрику, а дома и не совсѣмъ здоровый можетъ на свободѣ поработать нѣсколько часовъ въ день.

Иной возразитъ, что такое распоряженіе затруднитъ присмотръ за работами; но я не раздѣляю этого мнѣнія по слѣдующимъ причинамъ. Во-первыхъ, я не считаю важнымъ безпрестанный бдительный надзоръ за обученными ткачами и пряхами; это можно сдѣлать гораздо лучше: назначить различную плату за издѣліе, по добротѣ его. Возьмемъ въ примѣръ сукна, поставляемыя въ казену: если сукно будетъ принято казною, что послужитъ доказательствомъ того, что оно хорошо отдѣлано, тогда за плату ткачу пятнадцать копѣекъ съ аршина за работу; ежели сукно будетъ забраковано, то онъ получитъ только пять копѣекъ съ аршина. Ткачъ долженъ принять на себѣ

отвѣтственность пріемку отпускаемой ему пряжи. Пряхамъ платится съ вѣсу; ежели ткачъ принялъ отъ нея пряжу, то ей выдается полная плата; въ противномъ же случаѣ, ежели окажется, что представленная ею пряжа не хороша, то возвращается ей, со взысканіемъ по установленной таксѣ платы, которая должна быть нѣсколько выше дѣйствительной цѣнности пряжи, чтобы удержать пряхъ отъ небреженія къ работѣ; и это совершенно согласно со справедливостью, потому что онѣ худою пряжею причиняютъ остановку ткачамъ въ ихъ работѣ, чрезъ что могутъ-быть пропущены срокъ поставки, а за это взыскивается съ фабриканта по контракту штрафъ.

Тѣмъ и другимъ назначается количество издѣлія, какое они обязаны представлять въ опредѣленный срокъ въ фабричную контору; и по этому назначается также различная плата. Напримѣръ, опытомъ дознано, что ткачъ можетъ свободно выткать въ мѣсяцъ три половинки солдатскаго сукна, считая половинку кругомъ около тридцати аршинъ; ретивый изготовить и до пяти половинокъ. По этому можно распредѣлить и плату: ежели онъ выткалъ три половинки, то дать ему по пятнадцати копѣекъ съ аршина; ежели четыре, то сверхъ задѣльной платы рубль серебромъ въ награду; ежели же пять, то сверхъ задѣльной платы полтора рубля серебромъ въ награду; ежели онъ не выставилъ урокъ безъ уважительныхъ причинъ, то дать ему только половину задѣльныхъ денегъ.

Этотъ расчетъ основанъ на строгой справедливости. Полагая, что хозяинъ получаетъ двадцать пять процентовъ выгоды отъ своей поставки, ткачъ, не представляющій урочнаго числа аршинъ, лишаетъ его двадцати пяти процентовъ барыша на невыставленномъ въ срокъ издѣліи, и слѣдовательно долженъ быть наказанъ за то, что не сработалъ сколько могъ сработать безъ напряженія. Тотъ же напротивъ, который сработалъ болѣе нежели сколько хозяинъ былъ въ правѣ отъ него требовать, доставляетъ ему этимъ болѣе барыша, нежели онъ предполагалъ; слѣдовательно заслуживаетъ, чтобы ему дать въ награду часть этого барыша, доставленнаго его усердіемъ; а эта награда послужитъ поощреніемъ для прочихъ.

Ежели хозяинъ можетъ такимъ образомъ получить тысячу рублей болѣе барыша нежели онъ предполагалъ по вѣроятной смѣтѣ, то теряетъ ли онъ что-нибудь, отдавая изъ нихъ отъ пятой до шестой доли тѣмъ, безъ усердія, которыхъ къ работѣ онъ бы не могъ получить этого барыша?—Конечно нѣтъ; потому что у него все останется отъ $\frac{1}{5}$ до $\frac{1}{6}$ барыша, котораго бы онъ не получилъ при другомъ распоряженіи. Для болѣе ясной дѣла я приведу здѣсь примѣрные расчеты: положимъ, что одинъ ткачъ выставляетъ каждый мѣсяць только опредѣленный урокъ 90 аршинъ, или 1,080 аршинъ, въ годъ, за которые хозяинъ получить по 2 рубля 40 копѣекъ за аршинъ, итого 2,592 рубля. Полагая изъ этой суммы 25 процентовъ барыша, хозяинъ получить прибыли 648 рублей, считая остальные 1944 рубля, за матеріалъ, задѣльные деньги и прочіе расходы.

Другой ткачъ выставляетъ каждый мѣсяць по четыре половинки, 120 аршинъ, или въ годъ 1440 аршинъ: 360 аршинами болѣе нежели первый, за которые хозяинъ получить 864 рубля, слѣдовательно 216 рублей барыша болѣе нежели отъ работы перваго. Отдавая ему изъ нихъ въ награду по рублю серебромъ въ мѣсяць, или 42 рубля ассигнаціями въ годъ, у хозяина остается еще изъ того барыша 174 рубля. Третій ткачъ выставляетъ каждый мѣсяць по пяти половинокъ, то есть 150 аршинъ, или въ годъ 1,800 аршинъ: 720 аршинами болѣе нежели первый, за которыхъ хозяинъ получить 1728 рублей, слѣдовательно 432 рублей болѣе барыша, нежели отъ работы перваго; отдавая ему изъ нихъ въ награду по полтора рубля серебромъ въ мѣсяць, или 63 рубля въ годъ, у хозяина останется изъ того барыша еще 369 рублей.

Теперь рассмотримъ расчетъ четвертаго ткача, который вмѣсто трехъ половинокъ выставляетъ ихъ въ мѣсяць колько двѣ, или 60 аршинъ; хозяинъ лишается отъ того барыша съ недотканыхъ въ годъ 360 аршинъ по 60 копѣекъ съ аршина, 216 рублей; зато ткачъ лишается задѣльныхъ денегъ за тканье 720 аршинъ по $7\frac{1}{2}$ копѣекъ—54 рубля, слѣдовательно хозяинъ всё-еще остается въ убыткѣ на 162 рубля, а ежели у него много та-

кихъ неисправныхъ ткачей на фабрикѣ, то онъ можетъ сдѣлаться неисправнымъ въ поставкѣ подряженного въ казну количества аршинъ сукна, и слѣдовательно подвергается еще условленному денежному штрафу.

Послѣ этого пусть всякій разсудитъ, выгодно, или не выгодно для хозяина, поощрять своихъ работниковъ денежными наградами къ усерднѣйшей работѣ.

Съ пряхами и всякими другими работниками, которымъ можно задавать урочныя работы, надобно установить подобный же расчетъ, и, конечно, хозяинъ не будетъ имѣть причинъ о томъ жалѣть; потому что надежнѣйшій двигатель къ усердной работѣ есть личная выгода въ томъ работника; это вѣрнѣе повужденія посредствомъ бесполезныхъ тѣлесныхъ наказаній. Я весьма хорошо знаю духъ рабочаго класса русскаго народа, и совершенно увѣренъ, что легко можно имъ управлять и безъ наказанія, лишь бы умѣли кстати подстрекать его самолюбіе, и соблюдать всегда строгую справедливость. Не спорю, что въ семьѣ не безъ уroda, въ Россіи, какъ и вездѣ, и что инаго безъ доказательствъ на дѣлѣ ни какъ не урезонишь; но это исключеніе изъ общаго правила.

Во-вторыхъ, этотъ надзоръ не нуженъ потому, что издѣліе, каждымъ работникомъ сдѣланное, принимается отъ него въ конторѣ мастеромъ, который отвѣчаетъ за доброту издѣлія имъ принятаго; и получая вмѣсто жалованья опредѣленную плату съ количества поступающаго въ продажу издѣлія, на примѣръ по пяти копѣекъ съ аршина въ казну сукна, онъ будетъ строгъ при приемѣ издѣлій отъ ткачей; а для избѣжанія всякаго подлога, или запутанности, на каждой принятой отъ ткача половинкѣ нашивается нумеръ, и ткачу выдается въ приемѣ ея ярлыкъ, съ которымъ онъ послѣ является къ расчету, когда сукно будетъ сдано.

Бдительный надзоръ нуженъ только надъ учащимися. Для этого надобно имѣть особое строеніе, гдѣ начинающіе трудятся, подъ постояннымъ надзоромъ и руководствомъ мастеровъ и мастерицъ, до-тѣхъ-поръ, пока можно будетъ имъ ввѣрить работу надомъ; а какъ работу, естественно, пріятнѣе производить дома нежели на фабрикѣ подъ непрестаннымъ строгимъ надзоромъ, то они и будутъ стараться по-скорѣе поступить въ разрядъ выученныхъ масте-

ровъ. Я полагаю пропорцію одного учащагося противъ десяти выученныхъ достаточною; то есть, ежели девяносто человекъ работаютъ дома, то достаточно имѣть при самой фабрикѣ десять становъ для учащихся.

Тѣ части издѣлія, которыя производятся посредствомъ машинъ, приводящихся въ дѣйствіе силою паровъ, лошадей, воды, и тому подобнаго, должны быть изготовлены при самой фабрикѣ, какъ на примѣръ: чесаніе ваты, кардъ, стрижка и прессовка суконъ, и прочее; такъ какъ устройство такихъ машинъ непременно требуетъ особаго помѣщенія, то лучше, чтобы онѣ находились при фабрикѣ, гдѣ можно имѣть за ними постоянный, бдительный надзоръ.

Одно неизмѣнное правило для деревенскихъ фабричныхъ заведеній состоитъ въ томъ, что при каждомъ подобномъ заведеніи должны находиться всякіе мастеровые люди, какіе только нужны, чтобы сдѣлать и устанавливать необходимыя инструменты, какъ на примѣръ, при суконной фабрикѣ, прядильныя машины, ткацкіе станы, желѣзныя веретена, чесальныя и кардовыя машины, сукновальню, сукнопромывальню, и прочее, для чего нужны плотники, столяры, кузнецы, слесаря, токари, и другія, разумѣется полагая имъ умѣренную плату за издѣлія и зачитая заработанныя ими деньги въ оброкъ. Когда у кого нѣтъ своихъ мастеровъ тогда произойти можетъ чувствительная остановка въ производствѣ дѣла, если для всякой починки дожидаться сторонняго ремесленника, или покупать на сторонѣ станы, прядильныя машины и прочее. — Это обыкновенно обходится дороже домашняго, и дѣлается хуже. Когда своимъ ремесленникамъ чинить на фабрикѣ нечего, то они изподоволь сдѣлаютъ новыя машины для замѣна приходящихъ въ ветхость, или для продажи.

Для учета фабричныхъ работниковъ въ отпускаемомъ имъ матеріалѣ, дѣлается на фабрикѣ при главномъ мастерѣ, и при самихъ работникахъ проба, противъ которой принимается впередъ отъ нихъ издѣліе на вѣсъ, съ утвержденіемъ установленной утраты. Подобныя распоряженія должны быть соблюдены при всякомъ фабричномъ заведеніи, и сколько можно, на коммерческой ногѣ; въ чемъ заключается обоюдная польза: помѣщикъ, производи-

все на деньги, лучше увидеть, действительно, и достаточно ли это заведение доставляет ему барыша? Если нѣтъ, то чѣмъ ранѣе, тѣмъ лучше уничтожить заведение, которое не приноситъ пользы, и вмѣсто того завести другое, выгоднѣйшее. Если же, какъ многіе неблагоуразумно дѣлаютъ, не ставить въ счетъ работу своихъ крѣпостныхъ, то можно сильно ошибиться въ своемъ расчетѣ, и получить вмѣсто барышей убытки. Работники имѣютъ ту пользу, что получая опредѣленную за свои труды плату, обезпечиваются на счетъ уплаты подушныхъ, и прочихъ общественныхъ повинностей, не имѣя надобности продавать за безцѣнокъ свои полевые произведенія, а излишекъ могутъ употреблять на разныя по хозяйству надобности. Да притомъ, имѣя всегда дома выгодное, деньги приносящее занятіе, они избѣгаютъ многихъ случаевъ соблазняться, и разстривать свое состояніе и здоровье въ кабакахъ или дурныхъ обществахъ.

При всякой фабричной промышленности должно непременно имѣть достаточный запасный капиталъ на свое временную покупку матеріала, и на выдачу задѣльной платы, или жалованья трудящимся; это нрѣдко предохраняетъ отъ значительныхъ убытковъ. Между прочимъ я видѣлъ подобный разительный примѣръ въ симбирской губерніи, на довольно значительной суконной фабрикѣ, обязавшейся ставить въ казну по тридцати тысячъ аршинъ сукна въ годъ. На этой фабрикѣ никогда не водилось запаснаго капитала; не на что было покупать въ свое время шерсть: поэтому вотчинное начальство должно было брать шерсть въ долгъ у Татаръ по 23 рубля 50 копѣекъ за пудъ, и принимать самый плохой матеріалъ, отъ котораго выходило вдвое болѣе утраты противъ хорошаго; покупая же шерсть своевременно на наличныя деньги, она бы не обошлась болѣе двѣнадцати рублей пудъ; слѣдовательно на одной шерсти, которой требовалось двѣ тысячи пудовъ въ годъ, оказывалось уже двадцать три тысячи рублей убытку, или почти семьдесятъ семь копѣекъ на каждый аршинъ сукна; за прочій матеріалъ, покупаемый въ долгъ, продавцы брали также лишки, отпуская товаръ не лучшей доброты.

Работникамъ назначено было жалованье самое малое, и

то не выплачивалось лѣтъ по шести; отъ этого они работали не охотно. Ткачи изготовляли по одной половинкѣ сукна, и менѣе, въ мѣсяцъ, тогда какъ при лучшемъ распоряженіи они изготовили бы отъ трехъ до пяти половинокъ въ мѣсяцъ. Работники и работницы, не получая слѣдующаго имъ жалованья, принялись красть матеріалы; родственники, зная ихъ положеніе, укрывали украденное, и помогали имъ сбывать его съ рукъ; да отъ необходимаго послабленія по управленію завелось между фабричными обою пола такое распутство, что многіе изъ нихъ совершенно лишились своего здоровья.

Отъ неисправности работниковъ и дурнаго качества ихъ издѣлій фабрика никогда не выполняла подряженной поставки въ сроки, и подвергалась за то условленному денежному взысканію, такъ что вмѣсто-того, чтобы при благоразумнѣйшихъ распоряженіяхъ дать отъ тридцати до сорока тысячъ рублей вѣрнаго дохода, эта фабрика причинила помѣщику лишь убытка; кончилось тѣмъ, что фабрика сгорѣла.

Фабричная контора никогда не должна быть въ долгу у своихъ работниковъ; иначе она терять право настаивать на исправной работѣ; выдача жалованья и задѣльныхъ денегъ должна производиться непремѣнно по окончаніи каждаго мѣсяца. Тогда фабричное начальство можетъ быть взыскательнымъ за исправность въ работѣ и доброту издѣлій, не опасаясь ропота, потому что взысканіе падетъ на однихъ неисправныхъ и ихъ окажется не много; неисправнымъ достанется даже въ своей семьѣ.

Ежели мужики производятъ собственную фабричную промышленность, то вотчинная польза требуетъ, чтобы при конторѣ находился запасный капиталъ, чтобы своевременно купить необходимый матеріалъ въ ссуду производителямъ, и чтобы имъ помогать въ случаѣ нужды при вышискѣ усовершенствованныхъ машины, и тому подобнаго, до фабричнаго ихъ производства касающагося. Мужики охотно, и съ благодарностью заплатятъ за это узаконенный процентъ, потому что сами получаютъ отъ того значительную выгоду.

==

V.

КРИТИКА.

БРАТКАЯ ОБЩАЯ АНАТОМІЯ ТѢЛА ЧЕЛОВѢЧСКАГО. Издавъ заслуженный профессор анатоміи и академикъ, докторъ медицины и хирургіи, Филадельфскаго Философическаго и разныхъ друиствъ ученыхъ обществъ членъ; дѣйствительный статскій советникъ и кавалеръ, Илья Буяльскій. Санктпетербургъ, 1844.

Почтеннѣйшая ученость наша вообще не издастъ другихъ книгъ, по наукамъ, кромѣ учебныхъ «руководствъ», и притомъ еще краткихъ. Это—самый вѣрный способъ отдѣлываться чѣмъ-нибудь и какъ-нибудь отъ науки, не подвергая познаній своихъ опасностямъ строгой со стороны читателя оцѣнки подробностей, для надлежащаго изложенія которыхъ автору необходимо было бы короткое знакомство съ современнымъ движеніемъ ученыхъ трудовъ, наблюденій и открытій въ Европѣ. Увы! несмотря на необыкновенную ловкость, съ какою наша ученость умѣетъ укрываться отъ всякихъ неприятныхъ изслѣдованій за неприступною стѣною краткости, съ ней и тутъ еще случаются нерѣдко жестокія неудачи. Въ области этого роду нашихъ отечественныхъ трудовъ, мы привыкли встрѣчаться ежедневно съ самыми вѣроятными книгами, гдѣ ученые вопросы или остаются полу-столѣтиемъ отъ настоящаго положенія дѣ-

ла, или становятся жертвою высокопарностей и мечтаний, выдаваемых за глубокомыслие. Но, безспорно, втеченіи послѣднихъ двадцати пяти лѣтъ, въ ученой литературѣ нашей не являлось книги невѣроятнѣе этой «Краткой общей анатоміи тѣла человѣческаго». Она, рѣшительно, привела въ остолбененіе всѣхъ, кто только у насъ занимается естественными науками. Во всякой другой литературѣ, такая книга не удостоилась бы даже упоминанія со стороны серіозной критики: мимолетная усмѣшка, и потомъ вѣчное забвеніе, были бы вполне заслуженнымъ ея удѣломъ, изъ уваженія къ достоинству самой литературы.

Неужели науки на Руси еще въ такомъ жалкомъ состояніи въ половинѣ девятнадцатаго вѣка, что критика должна предпринимать обстоятельный разборъ тверденія, подобнаго «Краткой общей анатоміи тѣла человѣческаго»?

Нѣтъ, русскія науки торжественно протестуютъ противъ столь обиднаго предположенія. Но, къ сожалѣнію, постороннее, пріятельское усердіе, не согласно удовлетворяться, не только усмѣшкою скромнаго лѣтописца, но даже и остолбененіемъ ученыхъ, обнаруженнымъ при появленіи книги. Оно не принимаетъ въ соображеніе, что для такихъ книгъ, особенно когда дѣло идетъ объ *общей анатоміи*, основаніи всей новѣйшей медицины, если оцѣнкою ихъ не будетъ смѣхъ, то долженъ быть.... плачь! Какъ? неужто общая анатомія, важнѣйшая изъ всѣхъ опытныхъ наукъ, у насъ еще въ томъ баснословномъ состояніи, въ какомъ является она въ этой книжкѣ? Неужто русская медицина лечитъ насъ, грѣшныхъ, по понятіямъ, свѣдѣніямъ и теоріямъ, которыя здѣсь изложены о человѣческомъ тѣлѣ? Неужто мы нагружены еще въ такой тѣмѣ, что намъ можно выдать за *общую анатомію*, какъ бы она *кратка* ни была, сочиненіе, въ которомъ и слѣда нѣтъ общей анатоміи, особенно, въ ея настоящимъ видѣ? Неужто ученая Европа должна судить о нашихъ уснѣхахъ въ наукахъ по

этому соинновию? А вѣдь постороннее усердіе говорить, по случаю предлежащей книжки, не болѣе и не менѣе какъ о судѣ и приговорѣ всей ученой Европы. Да это ужасъ! Если бы такія вещи можно было допустить на одну минуту, такъ намъ не оставалось бы ничего болѣе какъ съѣсть и плакать цѣлое столѣтіе. Это значило бы, что намъ ужъ, видно, суждено ничего не знать, какъ бы мы прилежно ни учились, какъ бы ревностно ни слѣдовали за движеніемъ наукъ въ другихъ странахъ.

Късчастію, тысячи изъ насъ, которые имѣютъ какое-нибудь прикосновеніе къ наукамъ, въ-состояніи доказать Европѣ, безъ большихъ усилій, что мы отнюдь не такіе темные и бездарные люди; что, слава Богу и русскимъ Царямъ, науки на Руси не отстаютъ отъ своихъ западныхъ сестеръ, и что, въ-особенности, вопросы, открытія и труды общей анатоміи человѣческаго тѣла нѣсколько лучше извѣстны нашему ученому свѣту чѣмъ послѣдней нашей книгѣ, называющей себя ея именемъ. Намъ прискорбно только то, что постороннее усердіе, къ разсужденію о «Краткой общей анатоміи», бесполезно примѣшало имя такого почтеннаго практическаго врача какъ И. В. Буяльскій, желая бѣдственность книги прикрыть заслугами «автора», по тому же правилу какъ, въ пустыняхъ открытаго моря, флагъ прикрываетъ товаръ, хотъ бы это была даже и контрабанда. Исчисленіемъ этихъ заслугъ, и даже личныхъ добродѣтелей «автора», оно старается возбудить въ читателяхъ состраданіе къ нему и ропотъ на мнимую нашу несправедливость. Между-тѣмъ оно не примѣтило, что, ни это имя, ни даже слово «авторъ», не упомянуты ни разу въ бѣгломъ взглядѣ, который мы въ прошломъ мѣсяцѣ бросили на достоинства этого труда и который исключительно имѣлъ въ виду одну только книгу и говорилъ, прямо, о «Краткой общей анатоміи». Зачѣмъ, сравнивается, смѣшивать книгу съ авторомъ? Авторъ самъ по себѣ, а книга сама по себѣ. Авторъ мо-

жесть быть ученѣйшій, почтеннѣйшій, добрѣйшій человекъ въ мирѣ, а книга его — совершенно смѣшна и обидна для отечественной литературы. Это случается ежедневно. Мы никогда не сомнѣвались, что такому известному ученому какъ И. В. Буяльскій, совершенно известны труды всѣхъ древнихъ и новѣйшихъ изслѣдователей человѣческаго тѣла; но что они не известны «Краткой общей анатоміи», вышедшей подъ его именемъ, это—фактъ, въ очевидности котораго скорѣе убѣдятся всѣ читатели этой статьи.

Намъ, очень учтиво и снисходительно, напоминаютъ, что *иногда и Гомеръ засыпаетъ*. Это мы очень хорошо помнимъ, и именно поэтому, изъ разсужденій о книгахъ, стараемся устранять имена ихъ авторовъ. Совершенно согласны мы въ томъ, что Гомеры общихъ анатомій *иногда засыпаютъ*, рассматривая человѣческое тѣло. Но какъ сонъ не грѣхъ, то авторы ни сколько и не виноваты, и ихъ незачѣмъ выводить на сцену. Книги сами за себя отвѣчаютъ.

Намъ говорятъ, разумеется—чтобы устрашить насъ будто анатомическія таблицы того же «автора» приняты въ *руководство во всѣхъ университетахъ Европы*. Если бы это благополучное извѣстіе было даже въ такой же степени справедливо, въ какой оно изумительно и неслыхано, такъ и тутъ ещенѣтъ причины запрещать кому-нибудь смѣяться въ веселую минуту надъ тѣмъ, что, при самыхъ выгодныхъ обстоятельствахъ, заслуживаетъ только смѣху: анатомическія таблицы, несмотря на свои анахронизмы, могли столько же быть прекрасны въ свое время, и для своей цѣли, сколько «Краткая общая анатомія» не простительна въ наше и для насъ.

Постороннее усердіе хотѣло наконецъ насъ уничтожить. Оно поставляетъ на видъ нашу несказанную смѣлость: представьте себѣ только, мы, будто-бы, отважились поднять дерзновенную руку на твореніе, принятое въ *руководство Санктпетербургскою Медико-хирургическою*

кадемія! Къ несчастію посторонняго усердія, ни какая академія, ни какой университетъ, не можетъ принять, на свою ученую отвѣтственность, руководство, употребляемыхъ преподавателями этихъ заведеній. Каждый ординарный профессоръ въ правѣ избрать для своихъ чтеній свое руководство, какое ему угодно, чужое или свое собственное. Но даже и эта, самая благовидная, укоризна должна быть причислена къ разряду благонамѣренныхъ увеличеній посторонняго усердія: въ ту минуту какъ я провозглашало «Краткую общую анатомію» твоимъ, состоящимъ подъ высокимъ ученымъ покровительствомъ Санктпетербургской Медико-хирургической Академіи, и книга, и ея авторъ, уже вовсе не принадлежали къ этому заведенію. Академія тутъ совершенно въ сторонѣ. Дѣло идетъ, просто, о личныхъ достоинствахъ книги, — къ вычисленію которыхъ, по мѣрѣ силъ и возможности, здѣсь и приступается.

Не забудьте—по мѣрѣ силъ и возможности. Это важно. Если бы пришлось показывать всѣ несообразности лежащей «Краткой общей анатоміи», нужно бы было написать книгу втрое толще самой ея, потому что тутъ почти нѣтъ строчки, въ которой бы не заключалось какой-нибудь жестокой обиды здравому смыслу или настоящему положенію науки. Следовательно, мы должны ограничиться только главнѣйшими ранами творенія.

Читатель, естественно, прежде всего спроситъ опредѣленія общей анатоміи. Такого неумѣстнаго вопросу мы советуемъ ему дѣлать книгѣ, именующей себя «Общая анатоміей». Это — не ея дѣло, или, правильнѣе, — ея тайна. У нея есть «Введеніе въ анатомію и раздѣленіе оной на разныя отрасли»: въ этомъ «Введеніи» и раздѣленіи» (стр. 1—7), насчитано семь главныхъ сортовъ анатоміи, — сортъ четвертый, анатомія *судебная*, — сортъ шестой, анатомія *юридическая*, — *судебная* сама по себѣ, а *юридическая* сама по

себя;—но *общей анатоміи* какъ-будто не бывало. Что такое *общая анатомія*, которой фамилія красуется въ заглавіи книги, рѣшительно не извѣстно. Читателю предоставляется узнавать это, гдѣ ему угодно. Мѣсто этой таинственной науки «Введеніе въ анатомію и раздѣленіе оной» отдало вновь изобретенной нѣк и донынѣ въ нашихъ климатахъ неизвѣстной *юридической анатоміи*. Любознательный читатель, который проникнетъ въ глубь книги, встрѣтитъ однако жъ на страницѣ 280 огромную статью—Анатомированіе тѣлъ—состоящую изъ слѣдующихъ четырнадцати словъ: «Вскрытіе мертвыхъ тѣлъ, для какой бы цѣли ни было предпринимаемо, относится къ познанію *общей анатоміи*». Удивляться образцовой краткости этой статьи онъ можетъ, но вѣрить ей мы опять не советуемъ. Повѣривъ ея показанію, и зная откуда бы то ни было, что *общая анатомія* есть наука объ органическихъ тканяхъ, читатель какъ-разъ будетъ принужденъ, и мы съ нимъ вмѣстѣ, признать «Краткую *общую анатомію*» изобрѣтательницею цѣлыхъ двухъ новыхъ наукъ, во-первыхъ, *юридической*(!) *анатоміи*, во-вторыхъ, такой *общей анатоміи*, которая толкуетъ о *вскрытіи мертвыхъ тѣлъ*(!!), и притомъ еще о *вскрытіи мертвыхъ тѣлъ для какой бы то цѣли ни было*(!!!).

Какъ изъ всего донинѣ сказаннаго неоспорно яствуетъ, что «Краткая *общая анатомія*», по извѣстнымъ себѣ причинамъ, никакъ не хочетъ обнаруживать тайны своего опредѣленія, разумѣя по-видимому подъ своимъ названіемъ не совсѣмъ то, что разумѣютъ другіе, болѣе или менѣе посвященные въ науку, то мы долгомъ считаемъ извѣстить ее и всѣхъ, въ изобѣжаніе всякихъ недоразумѣній, что почти съ 1798 года, то есть, съ того времени какъ въ первый разъ появилась въ свѣтъ философическая нозографія неаполитанскаго Пинеля и съ того самаго времени какъ гениальный ученикъ его издалъ свой «Трактатъ объ оболочкахъ»,

еще никто не осмѣливался употребить названіе *общей анатоміи* въ другомъ смыслѣ кромѣ въ смыслѣ науки, занимающейся изысканіемъ, въ различныхъ органахъ, однородныхъ, ихъ составляющихъ, тканей, и опредѣленіемъ *общихъ*, принадлежащихъ этимъ тканямъ, свойствъ, отъ чего и происходитъ названіе *общая анатомія*, замѣняемое теперь почти повсемѣстно другимъ, болѣе яснымъ и точнымъ, названіемъ, *истологія*, или, съ позволенія сказать, *тканесловіе*. Послѣ этого, ненаше дѣло разсуждать о томъ, для чего сказанная «Краткая общія анатомія» толкуетъ о вскрытіи мертвыхъ тѣлъ, наружномъ ихъ осмотрѣ, вычисляетъ число и названія всѣхъ костей человѣческаго скелета, говоритъ о раздѣленіи тѣла на разныя области: это опять ея секретъ; мы, по нашему крайнему разумѣнію, думаемъ, что все это столько же принадлежитъ къ наукѣ о тканяхъ, какъ искусство дѣлать порошки и пилюли, или вычисленіе различныхъ солей, къ наукѣ о простыхъ химическихъ тѣлахъ.

Наука о тканяхъ, родившись изъ геніальной мысли великаго Пинеля, осуществленной не менѣе геніальными изслѣдованіями Биша, прошла уже нѣсколько періодовъ. Въ самомъ началѣ, истологическія изысканія анатомовъ ограничивались только простымъ разложеніемъ органовъ на ихъ составныя начала посредствомъ ножа и химическихъ реакцій и наблюденіемъ жизненныхъ свойствъ различныхъ тканей на живыхъ животныхъ. Потомъ истологія, перенесенная на германскую почву, сблизившись съ господствовавшими тамъ въ началѣ этого столѣтія философическими ученіями, приняла образъ болѣе отвлеченный. Наконецъ въ наше время она сдѣлалась анатоміею чисто микроскопическою: правда, что уже давно Лёвенгукъ и другіе занимались микроскопическими наблюденіями, но имъ никогда не приходила мысль сравнить между собою элементарныя части различныхъ органовъ, а это-то тщательное срав-

неніе основныхъ органическихъ тканей, изысканіе ихъ образа развитія, ихъ постепенныхъ переходовъ, посредствомъ микроскопіи, и составляютъ теперь самую существенную часть истологіи. Если мы присоединимъ къ этому еще тщательныя изысканія органической химіи, сдѣланныя въ последнее время, и которыми истологія уже вполне успѣла воспользоваться, то никому не трудно будетъ рѣшить, чего должно искать, принявъ нынѣшнемъ состояніи науки, въ новыхъ истологическихъ сочиненіяхъ и чего нельзя найти въ «Краткой общей анатоміи». Мы уже сказали, что можемъ быть принуждены принять *оное* твореніе творцомъ, не только одной, но даже двухъ новыхъ наукъ; но все имѣетъ свои границы: невозможное, по весьма очевиднымъ причинамъ, невозможно: мы готовы считать «Краткую общую анатомію» за все, что ей самой угодно, даже за поѣму, но только не за общую анатомію девятнадцатаго вѣка, не за тканесловіе временъ Мюллера, Пуркиньи, Арнольда, Хенле, и даже не за общую анатомію временъ Биша.

Надобно однако жъ быть справедливымъ: нельзя утверждать, чтобъ микроскопъ и реторта не были извѣстны «Краткой общей анатоміи». Она, на стр. 7-й, утверждаетъ насъ, будто *волокны и блѣшки, изъ которыхъ, по ея мнѣнію, составлены всѣ плотныя части нашего тѣла, представляются въ микроскопѣ въ видѣ кашицы*. На стр. 8-й, мы узнаемъ, что и несовершенно образовавшіяся части зародыша, разсматриваемыя въ микроскопѣ, представляютъ мѣстами также *видѣ кашицы*. И на этой же страницѣ еще убѣждаютъ, будто *и волокнистая часть выпущенной изъ животнаго крови, разсматриваемая при охлажденіи въ микроскопѣ, также сѣдается въ видѣ кашицы*. Извѣстно, что человѣческій умъ съ незапамятныхъ временъ старался открыть первоначальныя, простыя, или элементарныя, формы матеріи; извѣстно также, что истологи-микрографы принимали четыре различные вида атомовъ, составляющихъ

въ животныя ткани и жидкости, и что, со времени Малпиги и Лёвенгука четыре различныя теоріи господствовали въ медицинскихъ школахъ: теорія волоконъ, (Бургава, Гаубіусъ, Галлеръ, Биша),—трубочекъ (Фонтана, Тревиранусъ, Масканьи),—ячеекъ (Галлини, Аккерманъ, Распальи, Шлейденъ, Шванъ), и шариковъ (Шваммердамъ, Меккель, Эдуардъ, Арнольдъ). Приведенныя (стр. 7 и 8) любопытныя микроскопическія наблюденія «Краткой общей анатоміи» надъ плотными частями нашего тѣла дѣлаютъ эпоху въ исторіи истологіи: они заставляютъ насъ принять еще новый, пятый, видъ элементарныхъ атомовъ органической матеріи, а именно, *кашицу*. Следовательно, въ истологію должна быть введена новая теорія, *теорія кашицы!* Но къ чести онаго творенія нужно сказать, что оное, любя истину, не хотѣло слишкомъ подвергаться *оптимическимъ обманамъ*, такъ часто вводившимъ другихъ, менѣе осторожныхъ, анатомовъ, въ заблужденія: поэтому вся микрографія «Краткой общей анатоміи» заключается въ слѣдующихъ, не многихъ, вельми лаконическихъ, но вельми ясно описанныхъ наблюденіяхъ:

Первое наблюденіе. Весь зародышъ сначала представляетъ слизистую массу (ее приличнѣе было бы назвать, сообразно съ духомъ принимаемой оною книжкою теоріи, кашицею); эта масса кристаллизуется въ клѣтчатую плеву; а изъ клѣтчатой плеввы начинаютъ образовываться и другія системы (стр. 30).

Хотя оное твореніе и ничего не упоминаетъ о томъ, какъ оно наблюдало эти превращенія, однакожь, если они только не Овидіевы, такъ должны быть непременно микроскопическія. Извѣстно, что господствующая теперь теорія развитія тканей въ Германіи есть *теорія ячеекъ*, или *клеточекъ*: кромѣ Арнольда, и другихъ немногихъ, почти всѣ новые германскіе истологи привѣщались къ этому ученію. Оное твореніе, несмотря на предложенный имъ новый истологическій взглядъ, который повсюду въ

человеку видеть одну только каминца, вероятно след-
 ствует и теория ячеек, но, не желая вводить без-
 нужды новые термины въ науку, назвало *цитобла-*
стель Швана и *Шлейдена* (болѣе или менѣе жидкое
 вещество, въ которомъ сидятъ или плаваютъ элемен-
 тарныя ячейки)—клетчатого плесюю. Впрочемъ, все
 это только одна догадка. Къ сожалѣнью, мы должны
 упрекнуть свое твореніе, что оно хотя и имѣетъ, но едетъ
 нѣмъ наблюдѣнннхъ, которыхъ важность въ науку, изъ-
 сказаннаго, очевидна, полное право на оригиналь-
 ность, напрасно однако жъ показываетъ такое дѣло,
 пренебреженіе въ изслѣдованіи не менѣе любопыт-
 нымъ Шлейдена, Швана, Аперсона и другихъ, развитіи
 элементарныхъ ячеекъ, тѣмъ болѣе, что само же оно
 принимаетъ клетчатую плесю за основное начало всѣхъ
 органическихъ тканей. Въ книгѣ, назначенной, какъ это
 видно изъ примѣчаній на страницахъ 26, 50, 52 и дру-
 гихъ, преимущественно для учащихся, казалась бы, неху-
 до было сказать, хоть что-нибудь, о существованіи этихъ
Нашцевъ. Но, впрочемъ, мы забываемъ, что она слѣдуетъ
 въ ученіи о развитіи плотныхъ частей тѣла исключительно
 по собственной своей теоріи, *теоріи каминца*. Чтобы не
 подѣть поводъ къ злословію, должно замѣтить, что назва-
 ніе «*каминца*», данное книжкой элементарнымъ частямъ
 тканей, которыя она разсматривала въ микроскопѣ,
 нѣмъ не такъ странно, какъ можетъ быть некото-
 рымъ казаться. Подумайте: что такое—каминца? Сфера
 множества зернышекъ, или шариковъ! И такъ, дру-
 гими словами, микроскопическіе, элементарные шарики
 составляютъ, по наблюдѣннмъ оной книжки, главную
 основу всѣхъ органическихъ тканей. И такъ, теорія ка-
 минца сегоднѣ не нова, а та же самая, которую при-
 нимали Шванмердамъ, Гевсонъ, а теперь принимаютъ Ар-
 нольдъ и другіе. Но такое заключеніе, отнимающее честь
 изобретенія новой теоріи у оной книжки, было бы чрез-
 вычайно несправедливо: слѣдующее опредѣленіе органиче-

свихъ тѣлъ, на самой первой страницѣ, показываетъ на-
противъ, что она совсѣмъ не слѣдуетъ арнольдской
теоріи шариковъ. Органическими тѣлами, по мнѣнію
«Краткой общей анатоміи», называются существа, у-
строенныя изъ каналовъ, или органовъ (каналовъ, или
органовъ!!.....), въ которыхъ протекаютъ какія либо
жидкости, необходимыя для ихъ существованія.
Опредѣленіе — безподобное: слово органъ оная «Крат-
кая общая анатомія» принимаетъ, кажется, въ самомъ
новшнемъ значеніи, каналъ, трубочка, и, такимъ об-
разомъ, выходимъ, что шариканка органическое тѣло:
гдѣ она тоже состоитъ изъ каналовъ, или трубочекъ,
въ которыхъ протекаетъ жидкость (воздухъ), необхо-
димая для ея существованія! Но на такія бездѣлицы,
въ ономъ твореніи, вниманія обращать не должно.
Изъ этого видно только, что оно слѣдуетъ болѣе теоріи
трубочекъ Фонтаны, Трезвирануса и Маскани. Но
какъ же теперь согласить кашницу съ трубочками? Ясно
и очевидно, что «Краткая общая анатомія» пережила
цѣлыя столѣтія, потому что, подобно афоризмамъ бес-
смертнаго отца врачебной науки, требуетъ уже коммента-
таріевъ. Принявъ на себя достохвальную и многотруд-
ную обязанность комментатора «Краткой общей ана-
томіи», мы будемъ пояснять такимъ образомъ ея опре-
дѣленіе органическихъ тѣлъ: на стр. 1-й, она, или подъ
именемъ *трубочекъ* разуметь каналы, какъ заднепро-
ходная кишка, мочевой пузырь, и подобныя, то есть,
большіе каналы, не требующіе пособія микроскопа
для опредѣленія ихъ виду, или же называетъ трубоч-
ками элементарныя каналы, въ которыхъ обраща-
ются влаги, то есть, каналы такой величины, что
ихъ едва только съ микроскопомъ можно замѣтить. Но,
принявъ первое, должно бы было отвергнуть органи-
ческое свойство листка, стебелька и множества малы-
чешуекъ животныхъ, а принявъ второе, раскрывается во-
просъ: что же значать наблюденія оной кишечки, которая

показываютъ, будто всѣ волокны и бляшки органическихъ плотныхъ частей представляютъ въ микроскопѣ не трубочки, а кашичу? (стр. 7).... то есть, сколько можно понять лаконическую аллегорію, собраніе шариковъ? Ахъ! быть комментаторомъ чужихъ твореній — чрезвычайно трудное дѣло! Поищемъ объясненія въ описаніяхъ тканей: вотъ, на страницахъ 36, 40 и другихъ, опять находимъ, что кожа, ногти и другія органическія тѣла состоятъ, не изъ трубочекъ, а изъ пластинокъ, бляшекъ.... и, слѣдовательно, подъ микроскопомъ, какъ и всѣ плотныя органическія тѣла представляютъ, по наблюденіямъ книжки, видъ кашичу! Просто-бѣда! Надо ужъ заключить, что оное твореніе, слѣдуя примѣру многихъ ученыхъ мужей древности, вѣроятно даю нѣкоторымъ словамъ (трубочкамъ и кашичу) особенное значеніе и употребляетъ ихъ въ непонятномъ для насъ, аллегорическомъ, смыслѣ. Поэтому, никакъ нельзя причислить онаго творенія къ послѣдователямъ одной изъ четырехъ истологическихъ теорій, а должно непременно приписать ему честь изобрѣтенія совсѣмъ новой теоріи.

Постараемся теперь, сколько мы въ-состояніи понять «Краткую общую анатомію», провести параллель вышшаго взгляду ея на элементарныя составныя части тканей и ихъ начало съ господствующими теперь взглядами въ европейской медицинѣ. Изъ четырехъ, упомянутыхъ нами теорій, только двѣ теперь находятся еще въ боевомъ порядкѣ: это—теорія ячеекъ и теорія шариковъ; другія двѣ уже совсѣмъ упали и, вѣроятно, болѣе не встанутъ. Элементарныя ячейки органическихъ тѣлъ (*cellulae nucleatae*) суть пузырьки, состоящіе изъ самой тонкой, прозрачной, кожицы и изъ жидкости, нѣрѣдко зернистаго свойства. Въ стѣнкахъ элементарныхъ ячеекъ растений находится небольшое, темное, непрозрачное тѣло, *цитобластъ* (*nucleus, Zellenkern*), который обыкновенно бываетъ снабженъ еще однимъ, и даже двумя, темными *пятнышками* (*nucleoli, Kernkög-*

perchen). Шванъ принимаетъ, что животныя ткани развиваются, подобно растительнымъ, изъ такихъ же точно элементарныхъ ячеекъ, содержащихъ въ ствѣнкѣ своей цитобласть; въ растеніяхъ, по наблюденіямъ Шлейдена, около мельчайшихъ зернышекъ (nucleoli, Kernkögerechen) образуются маленькія зернистыя ступки, составляющіе послѣ цитобласть (nucleus); потомъ на цитобласть показывается прозрачный пузырькъ, который постепенно увеличивается до того, что цитобласть остается въ его стѣнкѣ въ видѣ небольшого пятнышка. Шванъ подобнымъ образомъ объясняетъ и развитіе ячеекъ въ животныхъ тканяхъ, основываясь особенно на наблюденіяхъ, сдѣланныхъ имъ надъ ячейками хрящевой ткани. Не во всѣхъ, однако жъ, растительныхъ и животныхъ тканяхъ, ячейка имѣетъ цитобласть и изъ него развивается. Въ тайнобрачныхъ, въ chondadorsalis рыбъ, однѣ ячейки заключены въ другія: такъ сказать, новое поколѣніе ячеекъ развивается изъ стараго. Вотъ, въ немногихъ словахъ, знаменитая теорія ячеекъ, надѣлавшая столько шуму въ Германіи. Самые жаркіе приверженцы этой теоріи не хотѣли знать ни о какой другой элементарной формѣ: они вездѣ видѣли только одну ячейку; кровяной шарикъ, гнойный шарикъ, яйцо, всё, всё — ячейка. Первый энтузіазмъ однако жъ прошелъ. Разсудивъ хладнокровнѣе, многіе уже увидѣли, что вся эта теорія основана на наблюденіяхъ, конечно, гениальнаго, но молодого, изслѣдователя, Швана, который слишкомъ увлекся аналогіею. Другіе наблюдатели, постарше и поопытнѣе, уже съ перваго начала, не слишкомъ ласково посматривали на эфирныя ячейки: имъ хотѣлось чего-нибудь посолиднѣе. И вотъ, мы видимъ теперъ, что почти равное число самыхъ отличныхъ и искусныхъ естествоиспытателей находится какъ на сторонѣ ячеекъ такъ и шариковъ.

Послѣдователи второй теоріи принимаютъ, что всѣ животныя части возникаютъ изъ солидныхъ шариковъ.

ковъ, которые, сами, составляютъ изъ зернышковъ, разсыянныхъ въ различныхъ тканяхъ и жидкостяхъ (особливо въ лимфѣ) животнаго тѣла, и изъ бластемъ, вещества болѣе и менѣе жидкаго, не имѣющаго никакой определенной формы. Въ тканяхъ исключительно животныхъ (клетчаткѣ, мышцахъ, нервахъ, и тому подобно), эти шарики сплюсциваются съ обѣихъ концовъ и образуютъ сферонды; въ другихъ же тканяхъ, болѣе растительнаго свойства (кожицѣ, волосахъ, ногтяхъ), принимаютъ весьма различный, но не сферическій, видъ (polyomgrhe Körrer). И такъ, по этой теоріи, элементарные атомы животныхъ тканей отличаются тѣмъ отъ растительныхъ, что не образуютъ полыхъ пространствъ, или клеточекъ. Между-тѣмъ, любопытныя открытія Ашерсона подають поводъ думать, что первое образованіе этихъ элементарныхъ атомовъ есть чисто химическое: его наблюденія показываютъ, что какъ-скоро жиръ въ жидкомъ видѣ приходитъ въ прикосновеніе съ бѣлкомъ или другимъ произведеніемъ протенина, тотчасъ бѣлокъ сгущается на немъ въ видѣ тонкой оболочки, или кожицы. Поэтому образованіе элементарной ячейки или шарика можно объяснять сгущеніемъ бѣловины или другихъ протенинныхъ соединеній около малѣйшихъ частичекъ жиру. Если вспомнимъ, какую важную роль въ процессъ питанія животнаго тѣла играютъ жиръ и протенина, если вспомнимъ, что молоковидный сокъ (chylus) есть родъ эмульсии, содержащей въ себѣ множество жирныхъ частичекъ, то наблюденія Ашерсона найдутъ весьма важное приложеніе къ механизму образованія элементарныхъ атомовъ животнаго тѣла.

Теперь обратимся опять къ «Краткой общей анатоміи». Она такъ пристрастилась къ своей кашницѣ, что ячейки и шарикъ другихъ, на нее не сдѣлали ни малѣйшаго впечатлѣнія. Самолюбіе изобрѣтательницы простительно; но не простительна безпечность въ печатной книжкѣ. Частъ же мы-то, читатели, виноваты, что она видѣтъ

въ микроскопъ только одну кашлицу и равнѣ, поэтому, мы должны быть осуждены за все смотрѣть глазами нашей руководительницы и не знать о томъ, что видѣли и видать другіе? Микрографія съдѣлала въ послѣднее десятилѣтіе немалозначимые успѣхи. Сотни наблюдателей посвятили себя исключительно этому предмету. «Краткая общая анатомія», будучи анатоміей стариннаго корня, могла отстать; конечно, отъ нея нельзя требовать, чтобы она была такимъ же микрографическимъ героемъ, какъ Пуркинь, Хенле, Валентинъ, Груби и Шванъ: но чѣмъ же виноваты читатели, желающіе учиться? Кто же просилъ книжку, которая могла бы быть порядочною повтора по-просту тѣ, что открыли другіе, писать въ 1844 году истологию, основанную преимущественно на *своихъ* собственныхъ микроскопическихъ наблюденіяхъ, когда она не привыкла къ обращенію съ микроскопомъ и этотъ чудный инструментъ не показываетъ ей ничего болѣе какъ одну кашлицу?

Второе микрографическое наблюденіе. «На поверхности кожи находится безчисленное множество отверстій, называемыхъ порами кожи, служащихъ для раз-ной цѣли. Одни составляютъ отверстія испаряющихъ сосудовъ. Другія поры составляютъ начало всасывающихъ сосудовъ», и такъ далѣе (стр. 44.)

Вотъ германскіе микрографы толкуютъ, что, будто, покойный Рудольфъ оказалъ важную услугу наукъ, неоспоримо убѣдивъ своими тщательными наблюденіями, надъ ворсоватостями слизистой оболочки кшпокъ, что отверстія лимфатическихъ сосудовъ не существуютъ! А мы съ гордостью теперь можемъ сказать, что нашей русской «Краткой общей анатоміи» принадлежитъ слава открытія отверстій лимфатическихъ сосудовъ на поверхности кожи! Вы, можетъ-быть, потребуете доказательствъ. Для чего это? Это — аксіома. Впрочемъ, на страницѣ 140, вы найдете и *quasi* доказательство. Вотъ

оно; «Начала сосисвающихся сосудовъ, какъ тонки, что, не только простой, но искусственный глазъ, не можетъ, выключая (какъ пишетъ Либеркинъ) видеть можно на ворсоватой оболочкѣ, желудка и тонкихъ кишокъ. А потому, некоторые анатомы ихъ вовсе не принимаютъ, объясняя, что всасываніе совершается чрезъ стѣнку клетчатой племни; но если оныя находятся на ворсоватой оболочкѣ, то клудка и кишокъ, то и вездѣ допустить должно». Вотъ видите, что «Краткая общая анатомія» даже и въ исторіи анатоміи новыя открытія! Она увѣряетъ насъ, будто Либеркинъ былъ крѣпкъ, послалъ «искусственный глазъ» и видѣлъ имъ больше нежели мы простымъ, и, главное, будто оный Либеркинъ видѣлъ отверстія лимфатическихъ сосудовъ на ворсоватой оболочкѣ кишокъ! Но знаменитая «*Dissertatio anatomico-physiologica de fabrica et actione villorum intestinalium hominis, Amsterdami, 1760.*» была являема не однимъ, а нѣсколькими авторами; однако жъ, начиная отъ Гедвига (*Disquis. ampullul. Liberkühni, Lipsiae, 1797*) и до Рудольфи, всѣ авторы, до изданія въ свѣтъ «Краткой общей анатоміи», были согласны, что Либеркинъ принималъ въ ворсоватостяхъ слизистой оболочки кишокъ небольшія полости (*ampullulae*), снабженныя однимъ или двумя отверстіями и наполненныя губчатою тканью, и что къ каждой полости продолжается вѣточка млечнаго сосуда. Вотъ и слова самаго Либеркина: «*Ramusculus vasis lactei extenditur in ampullulam vel vesiculam, ovulo haud absimilem, in cuius apice foraminulum quoddam exiguum microscopio detegitur... Ampullula vasis lactei intus repleta est substantia spongiosa*». И такъ, изъ описанія Либеркина нельзя вовсе заключить, будто млечный сосудецъ открывается прямо въ слизистую оболочку тонкой кишки, и, по Либеркинымъ наблюденіямъ, еще между корешкомъ млечнаго сосуда и отверстіемъ въ ворсоватости находится не-

большая полость, наполненная губчатымъ веществомъ. Следовательно, и въ 1766 году микрографы не принимали простыхъ дыръ въ окончаніяхъ млечныхъ сосудовъ. А съ тѣхъ-поръ Рудольфи, Мюллеръ, Краузе, Бешъ, Гербстъ, цѣлые годы провели надъ микроскопическимъ изслѣдованіемъ ворсоватостей (villositates) тонкихъ кишокъ и всѣ согласны теперь, что отверстій у лимфатическихъ сосудовъ нѣтъ, и что въ каждой ворсоватости есть центральный каналъ, не имѣющій открытаго отверстия, но устланный снаружи сосудистою сѣткою и кожей (epithelium), которая образуетъ иногда на концѣ ворсоватости углубленіе, принимающее только видъ отверстия. Но въ какомъ отношеніи этотъ каналъ находится къ началу млечныхъ сосудовъ, это не рѣшено. Краузе видѣлъ, что млечный стволнкъ начинался въ серединѣ ворсоватости изъ нѣсколькихъ вѣточекъ, соединяющихся между собою въ видъ сѣточки. Наконецъ, недавнія наблюденія о млечныхъ сосудахъ Гербста (Das Lymphgefäßsystem und seine Verrichtung, Göttingen, 1844) подтверждаютъ то, что наблюдали и другіе о началѣ этихъ сосудовъ, а именно, что они, подобно волосковатымъ кровеноснымъ сосудамъ составляютъ въ ворсоватостяхъ кишокъ тончайшую сѣточку. Какъ о началѣ млечныхъ сосудовъ «Краткою общей анатоміей» на-угадъ приняты въ основаніе опровергнутыя наблюденія Либеркина, 1760 года, точно такъ же принимаетъ она совершенно неосновательныя наблюденія Монро того же 1760 года (Opuscula anatomica de vasis lymphaticis) объ открытыхъ имъ отверстияхъ лимфатическихъ сосудовъ на кожѣ. Правда, и послѣ него, въ прошедшемъ столѣтіи, Маскани и Круйшенкъ (1787) принимали также самыя тонкія отверстія въ начальныхъ развѣтвленіяхъ лимфатическихъ сосудовъ; но намъ известно, что кто хочетъ хоть сколько-нибудь остаться въ дружескихъ связяхъ съ девятнадцатымъ столѣтіемъ, тотъ долженъ не много надѣяться на эти слова на-

блудателей — думаю — полагаю — принимаю, и тому подобное. Ни Монро, ни Маскани, ни Круйшенкь, и никто на свѣтъ, исключая можетъ-быть оной «Краткой общей анатоміи», не видалъ ни своимъ, простымъ, ни *искусственнымъ* глазомъ, этихъ знаменитыхъ дыръ въ лимфатическихъ сосудахъ; если же и въ нынѣшнихъ *вѣкъ* книжкамъ позволено занимать своихъ читателей сказками, то оныя книжки всё-таки, какъ добросовѣтныя книжки, должны по-крайней-мѣрѣ сказать, что это — было, а это — сказка. Пусть «Краткая общая анатомія» попадетъ въ руки новичку, незнакомому съ анатомическими шапками и продѣлками, онъ, прочитавъ страницу 44, пожалуй вообразить еще, будто вся кожа въ дырахъ и изъ-подъ ней цѣлые миллионы зіяющихъ трубочекъ какъ голодныя нявки высунули свои разинутые рты въ эти дыры!

Что же касается до отверстій испаряющихъ сосудовъ, то, какъ бы вы думали, что такое—эти испаряющіе сосуды? Прочитавъ приведенныя уже слова (стр. 44) — «Отверстія сіи (черезъ которыя просачивается испарина) круглы и видны на возвышеніяхъ между бороздками кожи» — радостно воскликнешь: вотъ, наконецъ, «Краткая общая анатомія» сказала надъ бѣдными собратами девятнадцатаго столѣтія! вотъ, наконецъ, хоть одно порядочное открытіе нашего вѣка нашло мѣсто въ ономъ твореніи! вотъ *потовые сосуды* Пуркини принимаются и нашею «Краткою общей анатоміей»! Но, увы! читаешь далѣе, и находишь (стр. 120): «Артеріи истончаются до самыхъ тончайшихъ окончаній *in vasa capillaria*, одне вѣточки переходятъ въ вены, другія же дѣлаются еще тонѣе до того, что шарики крови въ нихъ проходить не могутъ, а просачивается одна водянистая влага; сіи-то «жилочки и называются въ сывороточныхъ оболочкахъ «*vasa serosa*, а въ кожѣ *vasa exhalantia*, испаряющіе сосуды. Нѣкоторые существованіе сихъ сосудовъ неври-

принимать, ибо одно ни на какомъ опытомъ не доказано.» Раскрываешь классическую анатомію Хенле (*Allgemeine Anatomie*, vom Henle, 1841) и, къ своей глубокой горести, находишь на страницѣ 535 слѣдующее: «*Старинные физиологи принимали, будто все отдѣленія происходятъ черезъ открытыя, испаряющія отверстія сосудовъ; и трудно доказать, что ихъ не существуетъ въ серозныхъ оболочкахъ.*» И такъ, то была только одна обманчивая мечта! подъ именемъ «испаряющихъ сосудовъ» почти разумеетъ почтенная «Краткая общая анатомія», неспиральные потовыя трубочки Пуркиньи (*Schweiss-schälchen*, *canales sudoriferi*), открытыя имъ въ 1833 году, не окончанія *потовыхъ железокъ* (*glandulae sudoriferae*), открытыхъ Брешѣ и Гурльтомъ въ 1835, не каналы которые можно видѣть при слабомъ увеличеніи въ микроскопъ: стоить только рассмотреть разрезъ тонкой пластинки, вырезанной изъ кожи подошвы, или ладони и вымоченной въ щолокъ; нѣтъ! испаряющіе сосуды нашего онаго творенія — опять только предполагавшіяся старинными анатомами *vasa zergosa!* Но, кто знаетъ, въ дѣ книжки, такъ же какъ и дамы, капризны: захотятъ — и отвергаютъ одно, — принимаютъ другое; такъ можетъ-быть и оная книжка, не желая, чтобы ея читатели и ученики что-нибудь знали о потовыхъ каналцахъ Пуркиньи, принимаетъ, во всѣхъ частяхъ нашего тѣла, найденные Хенле только въ вещество мозга тончайшіе трубчатые цилиндрики съ шаровидными зернышками (*nucleus*), которыхъ въ точки при увеличеніи въ триста разъ въ микроскопъ едва могутъ быть замѣрены въ поперечникъ. Только, соединеніе ихъ съ кровеносными сосудцами подаютъ поводъ къ заключенію, что въ нихъ протекаетъ жидкость; а судя по ихъ величинѣ, они ни въ какомъ случаѣ не могутъ, въ себя вмещать кровяныхъ шариковъ (Henle, *Allg. Anat.*, 477). Но, если «Краткой общей анатоміей» не было принято эти хенлевскіе мозговые сосудцы и

въ кожѣ, то нужно было, кажется, сказать, что она именно ихъ разубѣетъ подѣ именемъ серьезныхъ, блѣднѣе пальцевъ, а не старинные рейшевскіе и галлеровскіе часа zegosa, забытые и оставленные теперь всеми, кто въ анатоміи, смотритъ и наблюдаетъ, а не слышитъ и воображаетъ.

Третье микрографическое наблюденіе «Краткой общей анатоміи». Оно помѣщено на стр. 92. «Если мышечныя волокна разсматривать чрезъ микроскопъ, то они кажутся плоскими, или по большей части двѣдическими; меньшія волоконца еще дѣлятся, и состоятъ изъ самыхъ тончайшихъ волоконцевъ, называемыхъ простѣйшими или недѣлимыми». Если оный микроскопъ показываетъ только это въ мышечныхъ волокнахъ, то кажется, его благоприличіе бы было назвать очками. Вы скажете: простѣйшихъ волоконъ нельзя видѣть въ очки; но позвольте прежде узнать, что такое — простѣйшія волокна? — Оное твореніе, разумѣется, отвѣчаетъ, тѣ, «которыя не дѣлятся», и тотчасъ же прибавляетъ: «они вѣроятно могли бы еще болѣе дѣлиться, если бы наши чувства и наши средства раздѣленія были болѣе совершенны». Да! Но мы не знаемъ совершенства чувствъ онаго творенія, а какъ оно намъ не описало свойствъ простыхъ или недѣлимыхъ волоконцевъ, то можно еще сказать и то, что одному покажется недѣлимымъ такое волокно, изъ котораго другой сработаетъ цѣлый пучокъ мышечныхъ волоконъ. Но самое вѣрное доказательство, что оное твореніе смотрѣло на мышечныя волокна, не въ микроскопъ, а въ слуховую трубу, есть то, что оно и не замѣтило различія въ устройствѣ волоконъ произвольныхъ и непроизвольныхъ мышцъ, и не видѣло, что мышечныя волокна могутъ представляться то плоскими, безполосными, снабженными зерномъ или зернистымъ пятномъ или цѣлымъ рядомъ малыхъ точекъ всерединѣ (волокна мышцъ непроизвольныхъ), то

цилиндрическими, морщинистыми и съ полосками, въ поперечномъ или въ продольномъ направленіи, встрѣчающіяся въ мышцахъ произвольныхъ и, изъ непроизвольныхъ, только въ одномъ сердцѣ. Все эти микроскопическіе признаки мышечныхъ волоконъ, признаки, которые всякой можетъ повѣрить на кусочкѣ мяса, оставшагося послѣ обѣда въ зубахъ и размоченнаго слюною; относятся, даже не до коренныхъ волоконъ, а только до пучковъ, составленныхъ изъ этихъ волоконъ; и эти-то полоски, именно, особливо если онѣ имѣютъ поперечное направленіе, отличаютъ волокна произвольныхъ мышцъ отъ волоконъ соединительной ткани. Все это для «Краткой общей анатоміи» тринадцатая; она не хочетъ знать и того, что теперь всякой новичокъ въ истологіи, сравнивъ прекрасныя микроскопическія изображенія Вагнера, Хенле и другихъ, можетъ безъ всякаго напряженія своихъ чувствъ видѣть въ микроскопѣ, увеличивающемъ до трехъ сотъ и даже до двухъ сотъ разъ. Наконецъ, въ примѣчаніи на стр. 93, мы читаемъ и исторію истологіи мышечнаго волокна. Какъ вы думаете? Оно начинается Прохаскою и оканчивается Фонтаню! Это значитъ, она продолжается отъ 1776 (Prochaska, De carne muscul.) до 1787 года. Но даже и съ этою ограниченою библіографіею, оное твореніе должно бы было знать о существованіи морщинъ и полосокъ въ мышечныхъ волокнахъ, которыя были уже известны и Фонтаню въ 1787 году!

О механизмѣ развитія мышечной ткани, такъ хорошо описанномъ Шваномъ, и говорить нечего. Оное твореніе, съ своимъ обычнымъ лаконизмомъ, заключаетъ просто: (стр. 98): «Внутреннее устройство мышечныхъ нитей не исследовано.» Но, о чудо!... на страницѣ 94 мы встречаемъ двухъ неожиданныхъ гостей, Превѣ и Дюваль. Люди нашего уже столѣтія вдругъ явятся на сцену! Что это такое!... Какъ это оное твореніе пустило современниковъ въ свою ограду? Ужъ не ошиб-

кади это?... Нѣтъ! вотъ описаны ихъ наблюденія опеклеобразномъ окончаніи нервныхъ нитей, входящихъ въ мышечные пучки. Хотя и тутъ оное твореніе остается насъ въ сомнѣніи, принимаетъ ли оно это открытіе Креаб и Дюма, подтвержденное и Эммертомъ и Шваномъ и Бурдахомъ, и теперь принятое почти всеми истологами-микрографами. Но будемъ умеренны въ нашихъ требованіяхъ и пойдемъ далѣе.

Четвертое микрографическое наблюденіе онаго творенія: «Разсматривая въ микроскопъ налитые тончайшіе сосуды, мы видимъ, что оныя же въ разныхъ частяхъ «тъла имѣютъ различное переплетеніе» (стр. 121).... «Самыя тончайшія окончанія артерій и начала венъ, въ которыхъ протекаетъ кровь (какъ микроскопъ показываеъ), по одному только шарикъ, имѣющему въ диаметръ $\frac{1}{150}$ часть миллиметра, называются волосообразною системою. Онѣ столь малы и тонки, что ихъ можно видѣть только помощію хорошихъ увеличительныхъ стеколъ, и то когда жилы будутъ налиты»... «Тѣ сосудцы, въ которыхъ протекаетъ одна водянистая часть крови, называются во многихъ анатоміяхъ тоже волосными сосудцами; но по моему мнѣнію, для отличія отъ первыхъ, ихъ лучше называть сосудцами сывороточными. При наливаіи артерій, сіи послѣднія жилочки никогда не цаливаются и подъ микроскопомъ не видны, но въ живомъ тѣлѣ кровь при воспаленіи частей «сильнымъ напоромъ ихъ растягиваетъ и въ оныя проходитъ» (стр. 130—131). Вотъ что оному творенію показалъ его чудесный микроскопъ о строеніи и распределеніи волосныхъ сосудцевъ! Но, воля ваша, опредѣлить его понятіе объ этихъ сосудцахъ мы не беремъся. Различное переплетеніе и раздѣленіе волосковатыхъ сосудцевъ въ различныхъ тканяхъ, и ихъ относительная величина, были предметомъ тщательныхъ изслѣдованій Берреса, Вебера, Гушке, Мюллера, Краузе, и, если не во всѣхъ тканяхъ, по крайней-мѣрѣ во многихъ уже, можно опредѣлить

съ математическою точностью, и наружный видъ сѣтки колоскватыхъ сосудовъ, и образъ раздѣленія, вѣдущую, простирающуюся въ некоторыхъ не болѣе 0,0020 мм., какъ напримѣръ въ мозгу и сѣтчатой оболочкѣ. Но, прочитавъ замѣчаніе на страницѣ 131, мы опять удостоверились, что руководителии онаго творенія были еще Бургаве, Галлеръ, Земмерингъ, Биша и Шоссей; про двухъ послѣднихъ извѣстно, что они микрографіею со-всѣмъ не занимались и Биша даже отвергалъ пользу микроскопа въ изученіи тканей; отъ Бургаве и Галлера нельзя, по весьма естественной причинѣ, и требовать, чтобы они знакомы были съ изслѣдованіями и открытіями нашего столѣтія; что же касается до Земмеринга, то, если бы оное твореніе имѣло хоть сколько-нибудь уваженія къ ученой публикѣ девятнадцатаго вѣка, оно постаралось заглянуть въ послѣднее изданіе Земмеринговой анатоміи, пересмотрѣнное, исправленное и напечатанное Бишофомъ, Хенле и другими (1841): тамъ въ первомъ томѣ, могло бы, оно уже ясно увидѣть, что сдѣлалось съ истологіею послѣ первыхъ изданій анатоміи Земмеринга, служившей руководствомъ анатоміи Загорскаго. Можно ли теперь позволить себѣ увѣрять читателей, будто «vasa serosa» непременно существуютъ, будто они отдѣляютъ въ серозныхъ тканяхъ serum, въ кожѣ испарину, въ желѣзѣ мочу, слину!... и тому подобное (стр. 131). Это значитъ, не хотѣть ни видѣть, ни слышать, что дѣлается вокругъ насъ. Еще, въ практической медицинѣ, можно оставаться при запоздалыхъ взглядахъ: тамъ можно еще и въ наше время слѣдовать и гуморальной и Броуновой патологіи, и всё-таки быть счастливымъ врачомъ. Еще въ простей, описательной, анатоміи, можно учить съ грѣхомъ по-поламъ по руководствамъ, изданнымъ за двадцать лѣтъ, и всё-таки быть довольно порядочнымъ анатомомъ. Но въ истологіи, въ органической химіи, пропустить, не то двадцатилѣтіе, а даже од-

но и тщательнѣе, значить уже жестоко рассориться съ наукою. Если бы Краткая общая анатомія ничего не упоминала о микроскопѣ и объ органической химіи, мы бы тогда были еще дѣшево снисходительны; мы бы, можетъ быть, подумали, что она остановилась въ истологій на той точкѣ, на которой эта наука стояла во времена Биша, и оставили бы свое суживеніе въ покое; но, встрѣчая въ книгѣ какія-то сказанія о микроскопѣ и о химіи, встрѣчая иногда имена Превѣ и Дюма и неясные слухи о *нѣкоторыхъ и многихъ, принимающихъ, думающихъ и полагающихъ* физиологахъ и анатомахъ, мы, конечно, имѣемъ полное право требовать отъ нея, о существованіи серозныхъ и отдѣляющихъ жиръ, слюну, мочу и прочая, сосудахъ, не такихъ истертыхъ доказательствъ, какія она приводитъ на страницѣ 131. Доказательство ли это, что, при воспаленіи роговой оболочки глаза, сосудцы, которые въ здоровомъ состояніи не были видны, дѣлаются замѣтными? Да развѣ простымъ глазомъ можно видѣть малѣйшія трубочки, въ діаметрѣ 0,0037^{!!!}, если бы въ нихъ и проходили кровяные шарики? Можно ли о самомъ трудномъ и, такъ сказать, самомъ нѣжномъ предметѣ истологій говорить по преданіямъ, не основываясь ни сколько на своихъ личныхъ наблюденіяхъ и не подвергнувъ самой строгой критикѣ наблюдений чужихъ? Исключая нѣкоторыхъ наблюденій, сдѣланныхъ въ новѣйшее время надъ кровообращеніемъ въ волоскватыхъ сосудахъ у живыхъ животныхъ, извѣстны только два факта, которые говорятъ, нѣсколько, въ пользу существованія серозныхъ сосудовъ. Это—наблюденіе Краузе, который видѣлъ сосудцы въ попереки гораздо мѣньшей величины (0,0008^{!!!}) безъ кровяныхъ шариковъ, а именно въ мышцахъ, голени, и вотъ наблюденіе Хепленадъ сосудами мозга, о чемъ мы уже упомянули прежде. Но если трудно привести фактическія доказательства въ пользу существованія серозныхъ

сосудовъ, то какіе еще факты можно представить въ пользу того, будто эти же самые серозные сосуды отдѣляютъ мочу въ почкахъ, слезы и слину въ железахъ? Какое же должно быть взгляду подобной книжки на самыя важныя отравленія животнаго организма, когда она еще представляетъ себѣ всѣ органы и всю поверхность тѣла истыканными какъ рѣшето, пробуравленными какъ барочныя доски! Едва въришь своимъ глазамъ, когда читаешь, на страницѣ 131, внизу, замѣчаніе, мелкимъ шрифтомъ, что «нѣкоторые физиологи, не видя *vasa serosa* и *vasa exhalantia*, полагаютъ, что всѣ сывороточныя влаги и потъ отдѣляются чрезъ стѣнки сосудовъ, а не чрезъ органическія поры или скважины». Какъ, видите, теперь обще принятый взглядъ, основанный на физическихъ законахъ, на микрографическихъ наблюденіяхъ и открытіяхъ, которыми долженъ гордиться нашъ языкъ, не удостоенъ «Краткою общей анатоміей» даже небольшою честью быть помѣщеннымъ въ текстъ онаго творенія!

Пятое микрографическое наблюденіе. «Микроскопическія наблюденія доказываютъ, что кровь состоитъ изъ сывороточной жидкости, въ которой плаваютъ шарики, имѣющіе овальный видъ. Каждый шарикъ представляется бѣлымъ и прозрачнымъ и будто одѣтъ красноватою, не менѣе прозрачною оболочкою. Шарикъ, особенно кровяные (???) (это что?) не имѣютъ одинаковаго діаметра во всѣхъ направленіяхъ. Въ микроскопъ они представляются чечевицеобразными» (стр. 137). Вотъ все, что замѣтила «Краткая общая анатомія» при своихъ микроскопическихъ наблюденіяхъ надъ знаменитыми кровяными шариками, о которыхъ написаны цѣлые томы. Изъ короткой статьи, помѣщенной въ послѣдней книжкѣ этого журнала, читатели могли видѣть, сколько любопытнаго и существеннаго, при самомъ бѣгомъ обзорѣ, можно было сказать объ этомъ предметѣ, ес-

ли бы оное твореніе было знакомо съ повѣдѣніемъ анатомическою литературой. Его микроскопъ не назвалъ ему даже двухъ различныхъ родовъ шариковъ, *цвѣтныхъ* и *бѣлыхъ*; не показавъ даже темнаго центрального пятна во многихъ шарикахъ; оно не сочло за нужное сказать хоть нѣсколькихъ словъ о тѣхъ важныхъ въ физиологическомъ и химическомъ отношеніи измѣненіяхъ, которыя производятъ въ шарикахъ дѣйствіе щелочей, кислотъ и даже простой воды; ихъ величина, ихъ химическія составныя начала, ихъ отличія отъ шариковъ молока, гноя, гною, все это оно считаетъ излишнею роскошью. Какая же польза въ томъ для читателя «руководства», если онъ узналъ только, что на свѣтъ существуютъ «четырнадцатьобразныя» или сплюснутыя кровяныя шарики, и навѣь ни одного изъ самыхъ важныхъ физическихъ и химическихъ свойствъ этихъ замѣчательныхъ атомовъ? Не только врачамъ, но даже каждому образованному человѣку изъ энциклопедій и популярныхъ физиологій уже хорошо извѣстно, что *цвѣтной* шарикъ состоитъ изъ оболочки, содержащей въ себѣ ядрышко, неравнаго, зернистаго виду, и растворъ гематины, и что поэтому каждый шарикъ можно считать за пузырь или клетку, наполненную красящимъ веществомъ, растворяющимся въ водѣ. Приведенныя въ прикосновеніе съ этою жидкостью, кровяныя шарики разбухаютъ, дѣлаются неровными, перемѣняютъ свой шарообразный и лопаются. Вода и другія жидкости дѣйствуютъ, слѣдовательно, на содержаніе шариковъ по законамъ эндосмоса; одни изъ химическихъ веществъ производятъ сгущеніе заключенной въ ядрышкѣ гематины (хлоръ, винный спиртъ, сѣрная и азотная кислота), другія, какъ ѣдкія щелочи, желчь, растваряютъ и оболочку и зернышко и гематину шарика; яблочная кислота растворяетъ оболочку, но оставляетъ зернышко; угольная кислота дѣлаетъ ихъ темнѣе.

большее, а кислородъ свѣтлѣе и прозрачнѣе. Къ отличительнымъ физическимъ свойствамъ шариковъ принадлежитъ упругость: они могутъ удлиниться, дѣлаться плоскими отъ давленія, принимать опять прежній свой видъ; они тяжеле кровяной сыворотки, имѣютъ большую склонность къ взаимному сѣвленію, и величина ихъ, различная въ различныхъ классахъ животныхъ, у человека доходитъ до 0,0025 и до 0,0032''' въ поперечникѣ. Что касается до *бесцвѣтныхъ* шариковъ, то они весьма сходны съ шариками лимфы: въ человѣческой крови ихъ немного; они образуютъ весьма круглыя, зернистые атомы, въ объемъ болѣе цвѣтныхъ шариковъ (0,005'''), имѣютъ весьма явственное зерно, состоящее еще изъ двухъ до трехъ зернышекъ. Это все такія вещи, которыя, при теперешнемъ состояніи истологіи, и авторы общихъ анатомій и читатели, и паставники, и учителя должны знать по-крайней-мѣрѣ такъ же твердо какъ латинскую азбуку. На это нельзя возражать, что «краткая» общая анатомія не можетъ быть обширною; въ книгѣ такого же точно объема какъ «Краткая общая анатомія» умѣстилось бы все это и еще многое другое о кровяныхъ шарикахъ, если бы она благоразсудила выбросить длинныя тирады о вскрытіи мертвыхъ тѣлъ, все общія мѣста изъ описательной анатоміи, бесполезное исчисленіе, на пяти страницахъ, костей скелета, и все, что ни сколько не принадлежитъ къ наукѣ о тканяхъ.

Изъ предъидущаго можно легко судить и о *шестомъ микроскопическомъ наблюдении*, касающемся шариковъ лимфы (стр. 147.) Объ нихъ упоминается только, что они схожи съ шариками крови, между-тѣмъ какъ, теперь, уже лѣтъ десять извѣстно, что шарики лимфы гораздо крупнѣе кровяныхъ (0,002), имѣютъ по большей части зернистую наружную поверхность и весьма явственное зерно.

Наконецъ, финаль микроскопическихъ наблюдений «Краткой общей анатоміи» —

Седьмое наблюдение — надъ мозгомъ и нервами. — Говоря о томъ, чего нѣтъ въ «Краткой общей анатоміи» и что должно бы въ ней быть, если бы она заслуживала своего ученаго названія, мы и такъ уже вошли слишкомъ далеко. Боясь утомить вниманіе читателя, скажемъ, относительно къ нервной системѣ, только то, что: 1) «Краткая общая анатомія» не знаетъ элементарныхъ трубочекъ въ центральныхъ органахъ нервной системѣ; по ея мнѣнію мозговое вещество состоитъ изъ однихъ только шариковъ, между-тѣмъ какъ, въ нервахъ, она *намѣкаетъ* о тончайшихъ трубочкѣхъ (стр. 155 и 162). Но кому же не извѣстно, что въ волокнахъ бѣлаго вещества мозгу, если они значительнаго объема, такъ же легко, а въ малыхъ и тонкихъ волокнахъ, такъ же трудно какъ и въ элементарныхъ «вибрахъ» нервовъ, открыть подъ микроскопомъ очерки (контуры) влагалища, образующаго трубочку? Впрочемъ, на страницѣ 155, въ одномъ мѣстѣ говорится: «Другіе полагаютъ, что бѣлое существо мозга состоитъ изъ колѣчатыхъ трубочекъ». Вѣроятно, здѣсь разумѣются *мнѣнія* открытія Эренберга. Но нѣсколько страницъ ниже, увѣряютъ насъ, что «если черезъ микроскопъ разсматривать бѣлое вещество, то оно представляется образованнымъ изъ множества полупрозрачныхъ шариковъ:» такъ вотъ опять — каша! 2) Она же книжка также не хочетъ ничего знать о микрографическихкихъ и химическихъ свойствахъ этихъ трубочекъ или волоконъ и содержимой въ нихъ сердцевинѣ. 3) Она же не принимаетъ ни какихъ особенныхъ шариковъ въ узлахъ нервовъ и въ пепельномъ веществѣ мозга. 4) Оной же остались неизвѣстными даже и тѣ наблюденія, которыя сдѣланы у насъ въ Россіи, въ дерптскомъ университетѣ, профессорами Биддеромъ и Фолькманомъ, а въ Германіи Ремакомъ, о различіи органическихъ нервныхъ волоконъ, принадлежащихъ къ системѣ большаго сочувственнаго нерва, отъ центральныхъ. 5) Она же не хочетъ позна-

комить читателей съ цилиндрикомъ оси нервныхъ волоконъ (Шуркинъ) и съ изслѣдованіями объ образъ окончатія периферическихъ концовъ нервныхъ питей въ кожѣ и другихъ органахъ, объ ихъ ходѣ и направленіи въ корняхъ или центральныхъ концахъ. Все это она считаетъ за лишнюю тягость, обременительную для учащихся, а можетъ-быть и просто за бесполезный бредъ. Весьма этимъ глубокимъ изысканіямъ микрографовъ она предпочитаетъ свое собственное, поэтическое, сравненіе этихъ шариковъ съ кружечками гальваническаго столба (стр. 156). Она спѣшитъ окончить свои сказанія о тканяхъ, чтобы по скорѣе приступить къ описанію органовъ животнаго тѣла, которое занимаетъ въ «Краткой общей анатоміи», безъ всякой нужды, пространство отъ 193 до 280 страницъ. Не знаемъ, нужно ли послѣ такихъ плачевныхъ промаховъ въ микрографіи, говорить еще объ одномъ микроскопическомъ наблюденіи, сдѣланномъ онымъ твореніемъ надъ церкаріями. Оно говоритъ (стр. 262): «если чрезъ микроскопъ разсматривать свѣжее сѣмя, разведенное въ водѣ, то въ ономъ видно безчисленное множество шариковъ, похожихъ на кровяные, только немножко длиннѣе. Величина сихъ тѣлъ бываетъ въ $\frac{1}{1000}$ дюйма и совершенно сходствуютъ съ наливочными животными (segsagia). Они оказываютъ движеніе гораздо живѣе наливочныхъ животныхъ». О горе! горе! за кого же считаетъ насъ, своихъ читателей, «Краткая общая анатомія»? Такъ едва-ли рассказывали первые путешественники о чудесахъ Новаго Свѣта, какъ повѣствуетъ оно твореніе о наружномъ видѣ церкарій. Разсматривая эти чудесные движущіеся атомы въ микроскопъ, оно не замѣтило бездѣлны—хвоста. Уже Левенгуку, Гартскеру и другимъ въ 1670-хъ годахъ было известно, что церкаріи состоятъ изъ головки или тѣла, 0,0010 длиною, круглообразнаго виду и обращеннаго тонкимъ концомъ кпереди, и большаго, почти цилиндрическаго, хвоста, который гораздо длинѣе (1,0010''') го-

ловки: эту-то головку, содержащую въ себя, по-видимому, темноватое зернышко, только и замѣтила «Краткая общая анатомія»! О жизненности этихъ животныхъ атомовъ, о необычайной скорости ихъ движеній, объ ихъ измѣненіяхъ отъ вліянія различныхъ химическихъ телъ, обо всемъ этомъ, разумѣется, вы не должны и спрашивать «Краткую общую анатомію».

Вотъ вся микрографія оной книжки. Кто знаетъ съ истологіею нашего времени, тотъ, конечно, долженъ быть весьма остороженъ въ обсужденіи микроскопическихъ наблюденій, а кто знаетъ всю трудность этихъ наблюденій, тотъ пойметъ, что заблужденія и противорѣчія въ результатахъ неизбежны. Правда, даже о главныхъ формахъ первоначальныхъ атомовъ, о существованіи зернышекъ въ шарикахъ крови, и о многомъ другомъ, еще результаты микрографическихъ наблюденій различны: но слѣдуетъ ли изъ этого, что всѣ похвальные усилія человеческого ума открыть истину должно считать за бесполезный бредъ, не стоящій ни какого обсужденія, и ограничиваться въ изложеніи столь важной науки какъ общая анатомія только собственными попытками, результатовъ которыхъ была — одна кашлица! Все сказанное досихъ-поръ касается впрочемъ только этихъ бесцѣльныхъ попытокъ «Краткой общей анатоміи» принять видъ науки; если же бы намъ вздумалось говорить о томъ, чего совсѣмъ нѣтъ въ этой мнимой общей анатоміи и что теперь сдѣлалось сущностью истологіи; если бы мы вычислили хоть половину того, что «Краткой общей анатоміи» нужно бы было сказать о такихъ тканяхъ какъ кожицы чешуйчатая, цилиндрическая и мерцающая, такъ превосходно описанныхъ Хенле, о мерцательныхъ движеніяхъ тканей о шарикахъ молока, изслѣдованныхъ такъ тщательно Донне, о микроскопическомъ устройствѣ железъ, и прочая, и прочая, такъ это составило бы цѣлый томъ объ

однакъ: пропускахъ, темъ не тонѣ «Краткой общей анатоміи». Но на нѣтъ и суда нѣтъ.

Познакомивъ читателя съ микроскопомъ «Краткой общей анатоміи», посмотримъ теперь, что сдѣлала ея реторта.

Послѣ того, что мы узнали о микрографіи «Краткой общей анатоміи», мы бы показали большую легковѣрность, если бы вздумали искать въ описаніи составныхъ частей тѣла (стр. 9—16), хоть самага поверхностнаго знакомства съ ея стороны съ органическою химіею 1844 года. О главныхъ, отличительныхъ химическихъ свойствахъ органическихъ тѣлъ, о *метамерныхъ* и *полимерныхъ* соединеніяхъ, о *катализѣ* Берзеліуса, и о другихъ явленіяхъ, отличающихъ эти тѣла такъ рѣзко отъ неорганическихъ, разумѣется, въ «Краткой общей анатоміи» не сказано ни одного слова. На это нечего жаловаться. Мы бы даже и тогда не были на нее въ претензіи, если бы она совсѣмъ выпустила выставку своихъ химическихъ знаній: въ одно время палая же дѣлать и микроскопическія открытія кашицы и веревья химическія разложенія! Но какъ «Краткая общая анатомія» сама рѣшилась выставить свои химическія произведенія, то мы, къ нашему сожалѣнію, должны замѣтить, что заводъ ея находится въ плохомъ состояніи. Во-первыхъ, на немъ не изготовляется даже *протейна*, одно изъ самыхъ важныхъ органическихъ веществъ, открытое Мольдеромъ, известное уже всѣмъ съ 1838 года, состоящее изъ углероду, водороду, кислороду и азоту (C^{40} , H^{60} , N^{10} , O^{12}) и составляющее основаніе и растительной и животной бѣлковины, волоконныя, творожины. Приготовление протейны такъ просто, что ее можно бы было легко сдѣлать и съ химической эрудиціей «Краткой общей анатоміи»: стоило бы только у бѣлина или волоконныя отнять водою, алко-големъ и эфиромъ, растворимыя въ этихъ жидкостяхъ жиры, экстрактивные начала и нѣкоторыя соли, а раз-

веденною водородисто-хлорною кислотою освободить нерастворимыя въ водѣ соли, потомъ отдѣлить горячимъ ѣдкимъ щелокомъ соединенныя съ бѣлкомъ или волокниною фосфоръ и сѣру, наконецъ, осадить уксусною кислотою осадокъ, — и была бы протейна, вещество студенистое, безъ вкусу и запаху, нерастворимое ни въ водѣ, ни въ алкоголь, ни въ эфиръ. *Во-вторыхъ*, волокнина (Фибрина) на заводѣ «Краткой общей анатоміи» готовится еще патриархально, *березовою метелкою* (стр. 11). Взбивая свѣжую и жидкую кровь «березовою метелкою» можно получить волокнину, но смѣшанную съ жиромъ, отъ котораго ее нужно еще очистить кипячимъ алкогольемъ. На заводѣ «Краткой общей анатоміи» не извѣстно и знаменитое открытіе Мюллера, сдѣлавшее эпоху въ физиологій, а именно, что волокнина находится растворенною и въ сывороткѣ крови, составная часть которой, по мнѣнію онаго творенія, только вода, бѣлковина, сода и соли (стр. 137.). *Въ-третьихъ*, на заводѣ «Краткой общей анатоміи» творожина или, если угодно, *сырина* (caseine), готовится только изъ молока, и ей не извѣстно, что казеинъ находится и въ крови и въ сливѣ и въ желчи, и въ сокѣ поджелудочной железы, и въ хрусталикѣ глаза (по опытамъ Саймона), и въ гноѣ, и въ туберкулахъ. «Краткая общая анатомія» говоритъ о казеинѣ коротко и ясно: «оная составляетъ основаніе *сыровъ* (!) и до-сихъ-поръ находили оную только въ молокѣ» (стр. 11). На заводѣ «Краткой общей анатоміи», «простокваша, отдѣленная отъ сметаны, будучи вынута и высушена, *почитается* чистою сыриною», а во всѣхъ лабораторіяхъ въ Европѣ сырина, то есть, творожина, готовится изъ снятаго молока, смѣшивая его съ разведенною сѣрною кислотою и потомъ отдѣляя эту кислоту кипяченіемъ съ растворомъ углекислаго бариту или извести.

Бѣлковина, самое важное составное начало почти всѣхъ тканей животнаго тѣла, находящаяся

также въ крови, лимфѣ, гноѣ, по наблюденіямъ «Краткой общей анатоміи», «есть составная часть (хлѣбко) нѣкоторыхъ плевъ» (стр. 11.) Пепсина, известная съ 1836 года всей Европѣ, еще не заслужила особеннаго вниманія на химическомъ заводѣ «Краткой общей анатоміи». И если ужъ и это вещество, открытое Мюллеромъ въ слизистой оболочкѣ желудка, и этотъ главный *agens* пищеваренія, имѣющій замѣчательное свойство растворять, въ соединеніи съ разжиженною кислотою и при извѣстной теплотѣ, бѣлковину и волокнину, не удостоился вниманія «Краткой общей анатоміи», то что говорить о другихъ, менѣе замѣчательныхъ, какъ глютенъ, добываемый изъ костей и содержащихъ клей веществъ; глобулина, нерастворимая въ алкогольъ часть кровяныхъ шариковъ; сперматина, часть спермы, растворимая въ водѣ и не сгущающаяся отъ вскипяченія; птіалина (въ слинѣ), хондрина, открытая Мюллеромъ въ хрящахъ и роговой оболочкѣ; билина Берзеліуса; глицерина, церана и цетильная окись, (три окиси различныхъ радикаловъ, которыя служатъ основаніемъ различнымъ родамъ жиру; маргарина и маргаринная кислота, конномочевинная кислота; алоксанъ, и прочая, и прочая, и прочая.

Но простое вычисленіе и еще какихъ-нибудь двадцати или тридцати животныхъ веществъ ни къ чему не поведетъ, если при этомъ не будетъ объясненъ способъ приготовленія, не будутъ означены составныя начала. Все это «Краткая общая анатомія», могла найти въ органическихъ химіяхъ, у Либиха, Саймона, Левига, Грема и сотни другихъ. Органическая химія, точно такъ же какъ и микрографія, безпрестанно идетъ впередъ или, лучше сказать, летитъ. Что взгляды химиковъ на составныя начала одного и того же вещества различны, этого и быть не можетъ иначе. Извѣстно, что большая часть химиковъ приняла, о составленіи органическихъ веществъ, теорію Берзеліуса и разсматриваетъ всѣ органи-

ческія тѣла, содержація въ себѣ кислородъ, какъ окиси сложныхъ радикаловъ. Одинъ напряжьръ нѣтъ такихъ сложныхъ радикаловъ, составляющихъ съ кислородомъ или водородомъ кислоты, извѣстенъ намъ уже давно: это — синеродъ, цианъ. Слѣдуя этой теоріи, нужно найти средства къ отдѣленію кислороду, при разложеніи органическихъ тѣлъ, чтобы представить ихъ радикалы въ совершенно чистомъ видѣ; но различные химическія вещества, дѣйствіе теплоты и прочія вліянія, употребляемыя для этой цѣли, отдѣляя кислородъ, разлагаютъ обыкновенно и самые радикалы. Вотъ причина, почему соединеніе составныхъ началъ въ сложныхъ органическихъ составахъ можетъ быть разсматриваемо и объясняемо весьма различно, смотря по различному распредѣленію атомовъ. Напримѣръ, спрашивается: должно ли всегда принимать кислородъ, въ органическихъ составахъ за такое составное начало, которое служитъ только къ образованію окисей? не имѣетъ ли онъ иногда участія и въ образованіи самаго радикала? должно ли водородъ считать за составную часть радикала или за составную часть воды, содержащейся во всякомъ органическомъ тѣлѣ? Можетъ также быть, что нѣкоторые органическіе составы, почитаемые обыкновенно за окиси сложныхъ радикаловъ, суть соли такихъ окисей съ угольною или съ какою-либо органическою кислотою. Еще труднѣе бываетъ рѣшить вопросъ: въ какомъ состояніи содержатся металлы и металлоиды въ органическихъ составахъ, въ чистомъ ли видѣ или въ видѣ солей? должно ли отнести сѣру и фосфоръ, находямые въ нѣкоторыхъ составахъ, въ бѣлковинѣ, волокнинѣ, и прочая, къ чрезвычайно маломъ количествѣ, къ составнымъ частямъ радикала? И тому подобное. Если и въ неорганической химіи еще взгляды на многія соединенія, напримѣръ, на водородистыя кислоты, различны, то

понятно, что въ органической химіи это различіе должно быть еще разительнѣе.

Это маленькое отступленіе мы сдѣлали для того чтобы показать, какъ необдуманно поступила «Краткая общая анатомія», выставивъ на показъ свои химическія свѣдѣнія въ видѣ общаго итога, и не означивъ, чьи изслѣдованія служили ей руководствомъ. Положимъ, это только одна необдуманность. Но какъ же должно назвать слѣдующую аксіому, выставленную на стр. 11, гдѣ она, послѣ раздѣленія всѣхъ ближайшихъ составныхъ частей *царства растительнаго и животнаго* на четыре класса, на среднія, красильныя, водородистыя и кислотныя начала, говоритъ: «Всѣ сін классы веществъ отличаются отъ подобныхъ имъ *растительныхъ* содержаніемъ въ составѣ своемъ азота»? Неужели же «Краткой общей анатоміи» и того не извѣстно, что растительный напримѣръ бѣлокъ ничѣмъ не отличается отъ животнаго, относится также къ соединеніямъ протеины и, слѣдовательно, содержитъ въ себѣ азотъ? Неужели же «Краткая общая анатомія» никогда не слышала, что есть и животныя химическія начала, въ которыхъ нѣтъ азоту? Въ какой химіи она нашла, что молочный сахаръ содержитъ въ себѣ азотъ? У Берзеліуса молочный сахаръ = $C_5 H_{10} O_5$, у Либиха = $C_{12} H_{24} O_{12}$. А холестерина, а стеарина, а олеина: это все глубокомыслиемъ «Краткой общей анатоміи» отнесено также къ азотистымъ веществамъ?

Если бы «Краткая общая анатомія» поступила съ нами откровенно и сказала по-просту: «Я не истологія, не общая анатомія 1844 года, а сборникъ остатковъ Загорскаго «Анатомія», съ нѣкоторыми прибавленіями изъ *оглавленій и реестровъ* большихъ сочиненій Бишпа, Беклара и Вебера», мы бы оставили ее въ покое; но, къ нашему непритворному сожалѣнію, она разложила на первыхъ страницахъ свои химическія и микрографическія свѣдѣнія, и прямо мѣтитъ въ уче-

ныя общія анатоміи. Что же вышло на доверхку? Микрографія и органическая химія «Краткой общей анатоміи» оказались доморощенными недорослями; остальное, имѣющее видъ рѣчи о тканяхъ, относится ко временамъ, когда анатомическія творенія Мекеля и Беклара считались еще образцовыми. Тутъ мы имѣли бы полное право потребовать, чтобы она показала намъ, по-крайней-мѣрѣ, науку въ томъ видѣ, который ей данъ былъ этими анатомами; но, увы! «Краткая общая анатомія» заблагоразсудила оставить и эти умеренныя наши желанія неудовлетворенными. Все, чѣмъ она умѣла воспользоваться отъ этихъ устарѣлыхъ писателей, состоитъ только въ одномъ исчисленіи тканей, заимствованномъ, не съ большимъ искусствомъ, просто изъ оглавленій (стр. 18—22). И такъ, очевидно, что «Краткая общая анатомія» хотѣла, во что бы то ни стало, быть оригинальною; какъ достигла она этой цѣли, это мы видѣли на кашицѣ.

Нужно ли математическое доказательство, что далье оглавленіи она не хотѣла заглянуть въ сочиненія Бишпъ, Мекеля и Беклара? Кто хоть однажды со вниманіемъ прочелъ общую анатомію Бишпъ или даже его трактатъ объ оболочкахъ, тотъ, уже изъ уваженія къ одной логикѣ этого великаго человѣка, не осмѣлится смѣшивать всѣ оболочки въ одну систему, какъ это сдѣлала «Краткая общая анатомія» (стр. 46), вѣроятно *прим-держиваясь*, въ этомъ случаѣ, безталаннаго Ленгоссока и не понимая, что тогда ужъ нужно бы было, для послѣдовательности, и кожу разсматривать въ системѣ оболочекъ. Правда, въ последнее время, и Хенле, основываясь на микроскопическихъ изслѣдованіяхъ, описываетъ и серозную и волокнистую ткань *иногда* подъ именемъ *соединительной ткани* (Bindegewebe); но это нейдетъ къ «Краткой общей анатоміи». Пусть бы ужъ она для раздѣленія тканей *применяла* въ основаніе хоть свои микроскопическія изслѣдованія,

и, соединивъ все въ систему кашицы, описывать все подъ именемъ кашицы. Нѣтъ! «Краткая общая анатомія» говоритъ, «что находятся двѣ разности въ анатомическомъ строеніи оболочекъ: однѣ оболочки *тонны* и кровеносныхъ сосудовъ имѣютъ менѣе, а потому строеніе ихъ простое, а другія оболочки (опять) *тонны* и кровяныхъ сосудовъ имѣютъ болѣе, а потому строеніе ихъ сложное; первыя будутъ серозныя, а вторыя слизистыя оболочки» (стр. 46). Коротко, ясно и основательно! И однѣ тонны и другія тонны! Вотъ, какъ, изъ самой свѣтлой мысли великаго Бишэ, соединившей въ одно такое разбросанныя, но сродныя по строенію и отъправленію, ткани, Ленгоссекъ и «Краткая общая анатомія» умѣли образовать настоящій хаосъ. И эта гениальная мысль, которая была обильнымъ источникомъ столькожъ открытій, взглядовъ и приложеній въ медицинѣ; о которой каждый учащійся долженъ размышлять не иначе какъ съ благоговѣніемъ; эта мысль доставившая Бишэ безсмертіе, явственно поправана въ «Краткой общей анатоміи». Одна ткань (серозная), представляющая по большей части оболочки въ видѣ мышковъ безъ отвертзія, всегда скрытыхъ отъ прикосновенія съ вѣншимъ міромъ, почти нечувствительныхъ, образуетъ покровъ важнѣйшихъ для жизни органовъ, и состоитъ изъ эпителиальнаго (внутренняго) и клетчато-сосудистаго (наружнаго) слоевъ, изъ которыхъ черезъ первый безпрестанно просачивается серозная влага. Другая (слизистая), образующая всегда покровъ съ отвертзіемъ, находящаяся въ непрерывной связи съ наружнымъ міромъ, устилающая всѣ испражнительныя и отдѣлительныя каналы животнаго тѣла, сопрягаетъ ихъ до самыхъ послѣднихъ развѣтвленій, состоитъ изъ нѣсколькихъ слоевъ, одарена значительно чувствительностью, имѣетъ особенный родъ эпителиальнаго покрова и содержитъ въ существѣ своемъ множество железокъ, посредствомъ которыхъ непре-

станно отдѣляетъ слизистую влагу. Эти двѣ ткани описывать вмѣстѣ, незначить ли добровольно затѣмбвать тѣ, что уже съ перваго взгляду должно для учащагося анатоміи сдѣлаться яснымъ? Хенле можно сдѣлать упрекъ, что онъ, слишкомъ увлекаясь тождественностью нѣкоторыхъ микроскопическихъ элементовъ, соединялъ иногда въ одно различныя по отпращиванію ткани. Но что же сказать о «Краткой общей анатоміи», которая говоря, что одніе оболочки тонѣе и другія тонѣе, но одніе простѣе, другія сложнѣе (стр. 46), все ихъ складываетъ въ одну безладную кучу? Даже и принявъ, безъ всякой логики, одну систему оболочекъ, потому только, что «оболочками называются перепонки, покрывающія внутреннюю поверхность разныхъ «полостей, промежутковъ и поверхности органовъ» (стр. 46), куда же «Краткая общая анатомія» относить волокнистыя оболочки? Это развѣ не перепонки, одѣвающие поверхность органовъ? К чему же она разбросала эти оболочки по разнымъ своимъ системамъ?

Обратимся теперь къ описанію сывороточныхъ оболочекъ. На страницѣ 47, мы встрѣчаемъ такіе три факта, которые, что называется, разбиваютъ васъ въ пухъ: а именно: 1) «Серозныя оболочки одѣваютъ все органы жизни животной и растительной.» Какъ! поэтому, глазъ, то есть, глазное яблоко, языкъ, кости, все эти органы жизни животной одѣты серозною оболочкою! 2) «Все три оболочки общаго чувствилища—серознаго свойства: твердая, паутиная и сосудистая». Если «Краткая общая анатомія» не принимаетъ съ Бишомъ и другими, что твердая оболочка мозга, сердечная сумка, влагаллищная оболочка яичка, суть ткани, составленныя изъ двухъ слоевъ, одного наружнаго, волокнистаго, а другаго внутренняго, серознаго, что и дѣйствительно ни простымъ разсѣченіемъ ни вымачиваніемъ не можетъ быть доказано, то все-таки какъ же можно считать за серозную ткань оболочку, состоящую изъ плотныхъ, блестя-

шить, псевдоборастяжннхъ волоконъ, плотно сросшихся посредствомъ сосудцевъ съ внутренною поверхностью черепа? Не думайте, чтобы этого не знала «Краткая общая анатомія». Она сама говоритъ (стр. 87): «Къ системѣ сухожильннхъ волоконъ (!?) относятся нѣкоторыя твердую мозговую оболочку, плеву и надкостную; но онѣ по отпращивленію своему должны быть причислены къ разряду другихъ оболочекъ». Это почему же? Не думаетъ ли создательница системы сухожильннхъ волоконъ, что твердые, серебрястыя волокна твердой оболочки мозга струять серозную влагу? Да такъ и есть! Вотъ въ примѣчаніи (стр. 47) сказано бо есть: «Твердая оболочка мозга и околосердце имѣютъ свои сосуды большіе и притомъ устроены изъ волоконъ сухожильннхъ, но отдѣляютъ серуи». . . . «Краткая общая анатомія» знать не хочетъ, что отдѣленіе серозной влаги значить выпотѣніе жидкой части крови черезъ стѣнки сосудистой сѣтки и эпителиально-серознаго слоя. «Краткая общая анатомія» видитъ вездѣ одні дыры!» 3) Третій фактъ не менѣе замѣчательнъ двухъ первыхъ. По мнѣнію «Краткой общей анатоміи» еще есть синовиальныя железы, о которыхъ такъ много толковалъ покойникъ Герверсъ, не тѣмъ будь помянуть, разумѣя подъ этимъ жирно-клетчатую, рыхлую ткань, собранную въ комки, изобилующую множествомъ кровеносныхъ сосудцевъ, заключенную въ складкахъ членосуставныхъ оболочекъ. А впрочемъ, кто знаетъ, можетъ-быть «Краткая общая анатомія» разумѣетъ и другое. Она, просто, увѣряетъ насъ, съ обыкновенной своей последовательностью: «Влага отдѣляемая внутри суставовъ *guise* сывороточной, а потому (прекрасное, чудесное *потому!*) въ самыхъ суставахъ надобно принять еще настоящія *glandulas synoviales!*» Чтѣ, послѣ этого прикажете дѣлать?

Лучше пойдѣмъ считать кости.

Вотъ страница 58: тамъ мы также узнаемъ чудную новость, что у человѣка — только одна хвостцовая

кость (os соссугіс) и цѣлыхъ пять сесамовидныхъ костей на рукъ. Вамъ, можетъ-быть, захочется узнать строеніе костей? Подождите! «Краткая общія анатомія» считаетъ непремѣнною своею обязанностью рассказать сперва, сколько у насъ костей широкихъ, сколько длинныхъ, сколько кругловатыхъ, смѣшанныхъ: поэтому она на цѣлыхъ пяти страницахъ и кладетъ на счеты всѣ наши косточки, но о строеніи костяной ткани говоритъ себѣ (стр. 67) чисто по-своему, то есть, кратко, ясно и основательно, что вещество костей бываетъ двойное: вѣтвное и ноздреватое. И только?—Только.— Да это очень просто!—Тѣмъ лучше для насъ.—А гдѣ же Knochenkörperchen, Knochenkanälchen, Markkanälchen германскихъ истологовъ?—Это все пустяки! Гораздо полезнѣе знать учащимся тканесловію, что «шейка кости есть узкая и сжатая часть ниже головки», а трещина есть «продолговатая скважина или щель». (стр. 79). Не правда ли, что это чрезвычайно любопытно?

Обратимся теперь къ зубамъ «Краткой общей анатоміи». Ея мнѣніе касательно зубовъ вотъ какое: (стр. 81) «Зубы отличаются отъ всѣхъ костей нашего тѣла: 1. Зарожденіемъ. 2. Питаніемъ. 3. Перемѣненіемъ. 4. Существомъ. 5. Соединеніемъ. 6. Отрѣзаніемъ. 7. Употребленіемъ. А потому»... Нѣтъ! отгадайте, что—потому? Вотъ ужъ, вѣрно, не отгадаете! Такъ я вамъ скажу: «А потому надобно оныя рассмотреть по слѣдъ другихъ костей, отдѣльно, не составляя новой системы» А! Каково потому? Потому что зубы отличаются всѣмъ возможнымъ отъ костей, то изъ зубовъ и не нужно составлять новой системы. Логика — такъ ужъ настоящая логика! Ну, можетъ-быть послѣ этого захотите кое-что узнать и о строеніи зубовъ, начнете спрашивать объ известковыхъ канальцахъ Рециуса, о волокнахъ зубной эмали? Да ужъ разъ сказано: «ставьте микрографію въ покровъ: довольно съ васъ и того, если о чемъ услышите, то вѣрно уже слышали, и»

гда у васъ еще не было зубовъ премудрости, наприкладъ, что существо зубовъ бываетъ двойное, одно *стекловидное*, молочно-бѣлаго цвѣту, блестящее, полу-прозрачное, твердое; другое, похोजее на *слоновую кость*.

Но, узнавъ такія рѣдкости, если взглянете на страницу 106, такъ ужъ узнаете то, о чемъ вы прежде, право, не слыхивали: о назначеніи сердца. Какъ вы думаете, для чего мы имѣемъ сердце? «Краткая общая анатомія» насъ научаетъ, что «сердце есть главнѣйшій органъ движенія крови и *кровотворенія*». Эта гениальная мысль, вѣрно, не приходила прежде никому въ голову, ни Гарви, ни Галлеру, ни Сенаку; а о нынѣшнихъ физиологахъ и говорить нечего. Объясненіями и доказательствами, вамъ не безъизвѣстно, «Краткая общая анатомія» незанимается: такъ начнемъ же догадываться, почему она баесть, что сердце есть органъ *крово-в-о-р-е-н-ія*. Ужъ не потому ли что въ правомъ сердцѣ весьма хорошо взбалтываются и смѣшиваются кровяные шарики съ лимфатическими? Нѣтъ? Такъ не потому ли что черная, венозная кровь прогоняется правымъ сердцемъ въ легкое, а алая, артеріальная, воспринимается лѣвымъ сердцемъ по возвращеніи изъ легкаго? Вѣдь если бы не было сердца, черная кровь не смѣшалась бы хорошо съ лимфою и не могла бы проникнуть въ легкое, гдѣ она алвѣетъ? Да и вообще, куда бы было дѣваться крови приходящей и отъ легкаго и отъ всѣхъ частей тѣла, если бы не было сердца? Легкое ничего бы не значило безъ сердца: *ergo* «сердце есть органъ *кровотворенія*»? Помилуйте! да по этой теоріи всякая аптекарская бабка и ступка будутъ органы сродства и сдѣпленія: вѣдь если бы не было ступокъ и стклянокъ, всѣ наши химическіе процессы пришли бы въ чрезвычайно плохое состояніе, во-первыхъ, потому что намъ негдѣ было бы смѣшивать различныя вещества, а, во-вторыхъ, потому что смѣшанныхъ и разложенныхъ некуда было бы положить! Но кто знаетъ, что «Краткая общая анатомія» разумѣетъ подъ име-

нужь, кровотовереніе» Могутъ-быть и не образованіе кровяныхъ шариковъ изъ лимфатическаго, и не лимфатическій эндосмозъ содержимаго въ оболочкахъ этихъ шариковъ вещества, и не образованіе волокнисты изъ серозной жидкости крови! Объясняйте, какъ вамъ угодно, а не такія.... сердце есть органъ кровото-с-о-р-енія.

Теперь послушаемъ, и теперь-то мы услышимъ, что «Краткая общая анатомія» наша говоритъ (стр. 114) объ оболочкахъ артерій. Известно, что взглядъ на строеніе и отправленіе артерій были, отъ самаго ихъ открытія, различны; когда узнали, что артерія, не пустая, наполненная воздухомъ, трубка, а органъ, служащій вмѣстѣ съ сердцемъ къ кровообращенію, много спорили — какою силою движется кровь въ этихъ трубкахъ? достаточно ли одного дѣйствія сердца, чтобы прогнать кровь черезъ эти трубки по всему частямъ тѣла? представляютъ ли артерія при кровообращеніи только одни упругіе каналы, или не содѣйствуютъ ли особенно, дѣятельною, силою (сократительности) подобно мышцамъ, къ поддержанію кровообращенія? Эти различныя мнѣнія измѣнили и взглядъ на строеніе артерій: одни принимали въ нихъ мышечный, одаренный особенно сократительностью, волокна; другіе — особенно волокнистую, весьма упругую, ткань. Бишопъ въ своей «Общей анатоміи» такъ резко показалъ физическія отличія средней или почти собственной оболочки артерій отъ мышечной ткани, что съ-гдѣ-поръ и изъ анатомовъ, принимавшихъ и непринимавшихъ сократительность въ артеріяхъ, не осмѣливали считать этой оболочки за мышечную, тѣмъ болѣе, что и сравнительное разложеніе мышечнаго волокна и средней оболочки, произведенное Берзеліусомъ, дало различные результаты: поэтому, до-сихъ-поръ отъ физіологовъ и истологовъ средняя оболочка артерій падалась упругою артеріальною тканью. Хелле, въ своей истологіи, не совсемъ раздвѣляя это общее мнѣніе,

принимаетъ на основаніи своихъ микроскопическихъ наблюдений, шесть различныхъ слоевъ въ стѣнкахъ артерій: слой эпителиальный, слой полосатый или двурастый, отличающійся въ-особенности своею ломкостью, слой продольныхъ волоконъ, слой кольчатый (кольцевидныхъ волоконъ), слой упругой ткани, и, наконецъ, слой соединительной ткани. Хенле, опираясь на эти микроскопическія наблюденія и на опыты Перри, Гастингса, Гонтера и другихъ, говоритъ, что нынѣшніе физиологи зашли слишкомъ далеко, ставъ отвергать почти все жизненные свойства въ артеріальныхъ стѣнкахъ; но положительныхъ доказательствъ о сократительности этой ткани и онъ не приводитъ. Результатъ всѣхъ этихъ опытовъ Перри, Гастингса и другихъ, состоитъ въ томъ, что перерѣзанныя артеріи у живаго животнаго сжимаются по мѣрѣ истеченія крови и, по смерти животнаго опять расширяются.

Извѣстны ли были хотя стороною эти раздѣленія Хенле «Краткой общей анатоміи», или пѣтъ, вопрошать не будемъ; она, не запинаясь и, какъ всегда, безъ доказательствъ, съ обычнымъ своимъ стоицизмомъ утверждаетъ, что «артеріи суть каналы копическіе и бѣлые; «упругостью и раздражительностью одаренные, а вторая «собственная оболочка есть мышечная, цвѣту желтоватаго и изжелта-красноватаго», и прочая (стр. 113, 114). Изъ этого описанія, кажется, можно сдѣлать только одно важное заключеніе, а именно, что «Краткая общія анатомія» отдастъ совершенно на произволъ читателя выборъ цвѣтовъ артеріальной ткани: можете выбирать между бѣлымъ, желтоватымъ, и изжелто-красноватымъ.... который лучше понравится!

Наконецъ, самая остроумная статья въ «Краткой общей анатоміи», доказывающая глубокомысленныя, огромныя свѣдѣнія ея въ физикѣ, психологій и физиологій, судъ прямой и рѣшительный, взглядъ вѣрный и оригинальный, есть безъ-сомнѣнія глава о нервной системѣ.

Всѣ психологическія, философическія, геологическія пренія о свойствѣ нашей души разрѣшены теперь совершенно «Краткою общею анатоміею» съ математическою вѣрностью. Она утверждаетъ, будто всѣ наши душевныя способности суть дѣйствія животной магнитной силы. Не вѣрите? Прочтите страницу 148! «Система-де нервная, или органы животной магнитной силы! А нервную-де системою называются части вашего тѣла, посредствомъ которыхъ совершаются всѣ душевныя способности, чувства и движенія». Теперь все ясно! Теперь-то объясняется и другое темное мѣсто, въ таблицѣ «Краткой общей анатоміи», представляющей общее обозрѣніе тѣла человѣческаго, въ которой сказано, что «человѣкъ-де состоитъ изъ тѣла и изъ внутренней силы «организма, или души». Эта внутренняя сила организма что можетъ быть другое какъ не животный магнетизмъ?... Доказательствъ искать не нужно: это такъ просто и ясно какъ дважды два четыре. А начало оной нервной системы, гдѣ совершаются душевныя способности, чувства и движенія, «проявляется уже и въ растеніяхъ! Нервовъ-то въ нихъ мы не находимъ, но видимъ, что «листья и цвѣты, хотя медленно влекутся, но обращаются къ солнечному свѣту» (стр. 149). Какая восхитительная поэзія! Какъ сладко! какъ интересно! Еще органовъ чувства и движенія нѣтъ, а уже движеніе и чувства есть! Да кто знаетъ: можетъ-быть, и нервы, и душевныя способности, также есть и въ растеніяхъ! Эти смѣлыя умозрѣнія и выводы «Краткой общей анатоміи» вѣроятно такъ увлекаютъ васъ, что вы спѣшите узнать, на чемъ основала она сей великолѣпный храмъ животнаго магнетизма. Вотъ, для удовлетворенія вашего любопытства, и капитальныя доказательства: «Разсвѣтливая многія (о точность!) явленія мозга и нервовъ въ животныхъ тѣлахъ, мы по нынѣшнему состоянію науки (о! современность!) находимъ довольно удовлетворительное объясненіе (о! ясность!) въ законахъ магнит-

«но электро-гальванической силы (о! ученость!); почему, «части составляющія первную систему можно назвать ор-
«ганами магнитно-электро-гальванической силы....» (о
последовательность!).... (стр. 149). И такъ, «Краткая об-
щая анатомія» переноситъ насъ опять во времена Гиртан-
нера, Прохаски и другихъ любителей гальванизма и
магнетизма въ животномъ тѣлѣ! Конечно, сравненіе дѣй-
ствія первной силы, жидкости, или.... назовите какъ вамъ
угодно, съ дѣйствіемъ электричества, такъ заманчиво, что
книжки и менѣе поэтическія «Краткой общей анатоміи»
уже неразъ соблазнились имъ, представляя въ своемъ
воображеніи спинной мозгъ въ видѣ гальваническаго
столбца, нервы въ видѣ проволокъ, шарики нервной
массы въ видѣ кружковъ гальванической батареи,
и такъ далѣе. Еще и теперь, въ наше время, фи-
зіологи принимаютъ различные токи въ нервныхъ во-
локнахъ и пучкахъ спиннаго мозга, предполагаютъ два
по различнымъ направленіямъ дѣйствующія теченія въ
движительныхъ и чувство передающихъ нервныхъ во-
локнахъ, одинъ центробѣжный, другой центростреми-
тельный. Иные еще и теперь считаютъ, одно нервное ве-
щество (бѣлое), хорошимъ, другое (шарики узловъ) ху-
дымъ проводникомъ нервной силы. Но кто не знаетъ,
что все это только одни символическія выраженія, взя-
тыя изъ сравненія? Какія же это *многія* явленія нерв-
ной системы, которыя, по увѣренію «Краткой общей
анатоміи», мы можемъ при *нынѣшнемъ* состояніи нау-
ки *удовлетворительно* объяснить законами магнито-
электро-гальванической силы? Какъ «Краткая общая ана-
томія» изъ этихъ *многихъ* явленій не упоминаетъ ни объ
одномъ въ частности, то мы въ правѣ думать, что
это—тѣ же, о которыхъ говорено было уже столько
разъ въ физиологіяхъ, а именно, гальваническіе опы-
ты Вильсона надъ пищевареніемъ послѣ перерѣзанія
желудочно-легочнаго нерва, нервная атмосфера Гум-
больдта, посредствомъ которой гальваническій токъ

дѣйствуетъ и на периферичный конецъ перерезаннаго нерва, наблюденія Вавассѣра о магнитизированіи иглъ вколотыхъ въ нервы, опыты Давида, гдѣ проволоки гальваническаго столба, проколотыя черезъ нервы дѣйствовали на гальванометръ, нѣкоторые опыты надъ движеніемъ мышечныхъ волоконъ Прево, Дюма и Дюардса, и наконецъ опыты съ электрическими рыбами. Но есть ли хоть одинъ изъ нынѣшнихъ первостепенныхъ электристовъ, который бы не ссылялся надъ этими опытами и наблюденіями? который бы допускалъ возможность *животнаго* электричества, гальванизма, или гальвано-магнитности? который бы впрямь не сказалъ физиологамъ, что они не умѣютъ дѣлать опытовъ съ этими силами и видятъ то, чего тутъ нѣтъ? Самъ Матеуччи, въ послѣднее время, отказался отъ этой мечты. И онъ уже убѣдился, что, въ электрическихъ рыбахъ, электрическій приборъ ихъ не имѣетъ связи съ общимъ дѣйствіемъ ихъ нервной системы, что это—вещь совсѣмъ отдѣльная, и самой отдѣльностью своей доказывающая, что въ нервахъ дѣйствуетъ что-то другое. Кто нынче сомнѣвается, что всѣ замѣнитыя гальваническія явленія, добываемыя изъ живаго тѣла, не суть явленія теплоты или сотрясательнаго возбужденія? Говорить въ 1844 году объ иннервациахъ какъ объ электрическомъ или магнитномъ феноменѣ, значитъ отставать цѣлою четвертью столѣтія отъ физики. Кто хочетъ услышать строгій и разсудительный разборъ всѣхъ этихъ мечтаній, пусть прочтетъ весьма научительную статью въ известной физиологической лекціи Мюллера о дѣйствующей силѣ нервовъ. Коротко сказать, нѣкоторые изъ этихъ опытовъ оказались несправедливыми, когда ихъ повторяли болѣе беспристрастные физиологи (какъ то, магнитизированіе иглъ, вколотыхъ въ нервы); другіе же опыты также показываютъ, что нервъ, какъ и всякая другая животная ткань, есть проводникъ электричества, а животное

ческий токъ дѣйствуетъ тутъ точно такъ же какъ и мно-
 гія другія механическія или химическія раздраженія
 первыкъ волоконъ. Пока нервъ не потерялъ своего
 свойства быть орудіемъ чувства и движенія, тогда дѣй-
 ствуетъ на него все, и гальваническій токъ, и острья
 химическія вещества, и механическое раздраженіе. Пере-
 разните или перерѣжьте этотъ нервъ: гальваническій токъ
 и прочія раздраженія продолжаютъ еще дѣйствовать
 нѣсколько времени на периферическій конецъ нерва, по-
 ка тотъ не теряетъ своей двигательной и чувство пере-
 дающей силы. Но черезъ нѣсколько времени этотъ ко-
 нецъ, отдѣленный отъ центральныхъ органовъ нерв-
 ной системы, теряетъ свою способность возбуждать
 чувство и движеніе: тогда и гальваническій токъ пере-
 стаетъ дѣйствовать черезъ этотъ нервъ на мышцы и ко-
 жу; однако жъ, несмотря на состояніе онъменія въ пере-
 рзаниомъ нервъ, несмотря что онъ уже потерялъ
 способность производить сокращенія въ мышцѣ, онъ всё-
 еще, какъ и другія, влажныя животныя ткани, про-
 должаетъ быть проводникомъ гальванизма. Какое же
 «удовлетворительное объясненіе» нашла «Краткая об-
 щая анатомія» въ законахъ электричества свойству нер-
 вовъ быть проводниками чувства и движенія? Книжка,
 писанной для руководства, право, неподобаешь раскре-
 странять—такія смѣлыя умозрѣнія, будто электричество,
 магнетизмъ, чувство, движенія и даже душевныя спо-
 собности одно и то же. Если бы еще «Краткая общая
 анатомія» выставила себя просто послѣдовательницею
 учрнія Прехаоки, Гиртаннера, и ихъ учениковъ, намъ бы
 ничего не оставалось сказать болѣе какъ *de mortuis nil
 nisi bene!* Но «Краткая общая анатомія» прикидывается
 современною и утверждаетъ, что будто, *по нынѣшнему (!)*
состоянію наукъ, магнито-электро-гальванизмъ можетъ
 объяснить, если не все, то «многія» явленія нервной си-
 стемы. Вотъ гораздо бы полезнѣе было, и для «Краткой общей
 анатоміи», и для руководимыхъ ею, если бы она, следуя

настоящему состоянію наукъ, на-чисто отделила систему сочувственнаго нерва отъ центральной голово-спинной системы. Если бы «Краткая общая анатомія», оставивъ давнопрошедшее, послѣдовала хоть только прошедшему состоянію наукъ, да прочла бы хоть Биша, Мекеля, Земмеринга, Гильдебрандта, такъ и тутъ бы она убѣдилась, что невсесодержащееся въ «Анатоміи» Загорскаго должно выдавать за неоспоримую истину. Но, правда, мы требуемъ ужъ слишкомъ многого: не довольно ли ужъ и того, что она, наконецъ, оставила девять паръ нервовъ и согласилась, что ихъ дѣйствительно двѣнадцать? Только, зачѣмъ же старается она убѣдить публику черезъ извѣстныхъ ревнителей пользы общей, будто слѣдовала въ раздѣленіи нервовъ Арнольду и его *Icones nervorum carpitis*, если ея девяти-парное раздѣленіе, изображенное въ одной изъ четырехъ ея знаменитыхъ «Анатомическихъ, таблицъ», принято съ такимъ рукоплесканіемъ во всѣхъ европейскихъ факультетахъ и переведено въ Берлинъ на нѣмецкій языкъ?...

Не станемъ разрушать, безъ нужды, всѣ заблужденія, пріятныя сердцу «Краткой общей анатоміи». Одного только маленькаго заблужденія о большомъ сочувственномъ нервѣ, какъ бы оно ей пріятно ни было, никакъ нельзя оставить безъ вниманія; потому что это заблужденіе можетъ быть вреднымъ для читателя. Оставивъ всѣ авторитеты въ мірѣ, если безпристрастный и здравомыслящій наблюдатель взглянетъ на собраніе узловъ сѣроватаго цвѣту, соединенныхъ между собою множествомъ нитей того же цвѣту въ одну цѣпь, лежащую по обоимъ бокамъ позвоночнаго столба, сообщающуюся нитями съ нервами спиннаго мозга, дающую корни къ нервамъ мозга головного и, наконецъ, снабжающую вѣтвями и сплетеніями всѣ органы жизни растительной, скажите, останется ли этотъ наблюдатель хоть одну минуту въ сомнѣніи, что всѣ эти узлы и ихъ вѣтви должны составлять

особенную нервную систему, назначенную преимущественно для тѣхъ органовъ, которыхъ дѣйствія не подлежатъ нашей воли, а ощущенія едва бываютъ замѣтны въ здоровомъ состояннн тѣла? Видя множество нитей, связывающихъ эту цѣпь узловъ съ головными и спинными нервами, можно ли сказать, что сочувственный нервъ «начинается отъ глубокой вѣтви нерва Видіева и отъ вѣтвей пары нервовъ мозговыхъ»? (стр. 170). Не значить ли этимъ словомъ «начинается» — вводитъ въ заблужденіе учащихся, которые на той же страницѣ, нѣсколько строкъ ниже, читаютъ, что сочувственный нервъ «въ продолженіи своемъ составляетъ рядъ узловъ, соединяясь почти со всеми хребетными и нѣкоторыми мозговыми нервами»? Почему же, спросить всякой, кто размышляетъ, этотъ сочувственный нервъ «начинается» отъ Видіева, а съ нервами хребетными и нѣкоторыми мозговыми только *соединяется*? Почему «Краткая анатомія» не сказала, что сочувственный нервъ начинается отъ всѣхъ этихъ нервовъ, или, что онъ соединяется со всеми этими нервами, а именно, начинается отъ одного, а соединяется со всеми? Какимъ тайнымъ средствомъ узнала «Краткая общая анатомія» отъ природы, что она велѣла сочувственному нерву «начаться» отъ нерва Видіева, а со всеми другими только «соединяться»? Отчего природа была такъ пристрастна къ Видіеву нерву, что отдала ему преимущество *передъ всеми хребетными и нѣкоторыми мозговыми нервами*, этой тайны «Краткая общая анатомія» намъ не объявляетъ. Находясь въ секретной корреспонденціи съ природою, «Краткая общая анатомія», разумѣется, не обратила ни малѣйшаго вниманія на наблюденія Ремана, Биддера и Фолькманна, показывающія, что волокна этого нерва у лягушекъ, рассматриваемыя въ микроскопъ, отличаются во многихъ отношеніяхъ отъ нервовъ системы головного мозга. Кто бы, однако жъ, вообразилъ послѣ этого, что «Краткая общая анатомія» совсѣмъ

не такая раскольниковка какъ вы думаете. Она говоритъ на стр. 173, что есть действительно особенная *узловая система*, (слава Богу!)... и что, дискать, «въ сей системѣ нѣтъ *надлежащаго центра* (то есть, нѣтъ *надлежащаго начала*), каждый узелъ есть центръ своихъ ближайшихъ частей,... а посредствомъ общительныхъ нервовъ система сія соединяется съ нервами мозговыми и спинными». А знаете ли, какіе нервы относить «Краткая общая анатомія» къ системѣ нервовъ узловыхъ? Между прочими, и нервъ дыхательно-желудочный (*pervus vagus*), тотъ самый, который она же анатомія (стр. 166) причислила къ нервамъ мозговымъ! И такъ, на стр. 173 нервъ дыхательно-желудочный *не имѣетъ надлежащаго центра* (или начала), а на стр. 166 онъ же *начинается* отъ продолговатаго мозга подъ девятою парю и составляетъ десятую пару нервовъ мозговыхъ! На стр. 170 нервъ сочувственный причисленъ къ «смѣшаннымъ нервамъ», то есть, такимъ, которые, по мнѣнію «Краткой общей анатоміи, происходятъ отъ другихъ нервовъ и, именно, отъ нерва Видіева, а на стр. 173 онъ же, какъ мы уже видѣли, не имѣетъ «надлежащаго центра», сирѣчь начала! Изъ этого видно, что «Краткая общая анатомія» находится въ великой враждѣ, не только съ микрографіею, органическою химіею, истологіею, современною анатоміею, но и со старою какъ свѣтъ логикою.

А вотъ еще нѣсколько доказательствъ, изобличающихъ въ «Краткой общей анатоміи» явственную несправедливость къ оной логикѣ.

Начнемъ съ системъ. Что такое система? Система, по мнѣнію «Краткой общей анатоміи», всё-равно что ткань, «плотная часть тѣла, *болѣе единообразная, хотя также сложная*» (стр. 24)). А что такое органъ? Это есть «*та же часть тѣла, болѣе или менѣе сложная изъ системъ*». Какъ же бы вы теперь думали: какія части относятся къ системамъ? Есть система кровообращенія, есть система нервная, есть система мо-

лезь; но каждую изъ этихъ системъ составляютъ цѣ-
скольکو органовъ: систему нервную, напримеръ, мозгъ;
спинной мозгъ, нервы; систему кровообращенія—серд-
це, артеріи, вены. Следовательно, система состоитъ изъ
органовъ, а не органы изъ системъ!... Теперь знаете ли
какъ раздѣляются органы? А вотъ какъ: на пять органовъ
вышнихъ чувствъ и четыре органа жизненныхъ от-
правленій. Хорошо. Но знаете ли какіе эти четыре ор-
гана жизненныхъ отправленій? Вы подумаете, мо-
жетъ-быть, что органы кровообращенія должны зани-
мать первое мѣсто? Ничего не бывало. Они совсѣмъ не
органы жизненныхъ отправленій, а просто—система!
А что вы думаете объ органахъ половъ? Они, по мнѣ-
нію «Краткой общей анатоміи» принадлежать къ орга-
намъ жизненныхъ отправленій. Следовательно, «Краткая
общая анатомія» почитаетъ половые органы, для жиз-
ни, гораздо нужнѣе чѣмъ кровообращеніе! Если не вѣ-
рите этой разладицѣ съ логикой, прочтите сами стра-
ницы 26, 27 и 28.

Но можно побиться объ закладъ, что никто изъ
насъ до-сихъ-поръ не зналъ, что у него есть въ тѣлѣ
остеологія, или ученіе о костяхъ. А «Краткая общая
анатомія» это знаетъ, и увѣряетъ, что система всѣхъ на-
шихъ костей и остеологія, это—одно и то же (стр. 54).

Есть между прочимъ еще одинъ куріозный образ-
чикъ послѣдовательности, на страницѣ 244. А именно:
во мнѣнію «Краткой общей анатоміи», въ желчномъ пу-
зырькѣ, наиболѣе у *вельможъ*, находятся желчные
камешки, и въ доказательство того она приводитъ сдѣ-
ланныя ею вскрытія труповъ дюшессы Тарантъ и гра-
фини Безбородко. У дюшессы Тарантъ, извольте при-
слушать, найдено 507 камешковъ, а у графини Безбо-
родко... сколько, какъ вы думаете?... «у графини Без-
бородко желчный пузырь найденъ весь сросшимся».
Каковы доказательства, что желчные камешки нахо-
дятся наиболѣе у *вельможъ*?

Для назиданія читателя теперь не бесполезно будетъ привести въ одно цѣлое всѣ взгляды «Краткой общей анатоміи» на наше грѣшное тѣло.

Все наше тѣло состоитъ изъ трубочекъ (стр. 1), открывающихся всасывающими и испаряющими дырами на всей поверхности кожи (стр. 44) и на всей внутренней поверхности слизистой оболочки (52 и 140). Всѣ наши органы и ткани лѣпятся изъ кашицы (стр. 8), строеніе волоконъ нашихъ тканей (стр. 8), да и нашъ мозгъ, имѣютъ также видъ кашицы: человекъ, просто сказать, горшокъ каши! Сердце не принадлежитъ къ органамъ жизненныхъ отправленій (стр. 28), и оно же—главнѣйшій органъ кровотоенія (стр. 106): зато половые органы пренеобходимы для жизненныхъ отправленій! (стр. 28). Тѣло наше, кромѣ этихъ органовъ и системъ, состоитъ еще изъ остеологій, котора всѣ-равно что система костей (стр. 54). Наши душевныя способности, чувства и движенія совершаются посредствомъ простой магнито-электро-гальванической силы (стр. 148). Мы состоимъ, наконецъ, изъ тѣла, и изъ души, или внутренней «силы организма», и находится отъ рожденія до смерти: а) въ здоровомъ, и б) въ болѣзненномъ состояніи; судебная медицина и медицинская полиція сохраняютъ насъ въ здоровомъ состояніи, а анатомія и физиологія врачуютъ наши болѣзни (см. Таблицу); общая же анатомія занимается, между прочимъ, *открытіемъ мертвыхъ тѣлъ* (стр. 280)... и притомъ еще для какой бы то цѣли ни было.

=

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНІЙ ФОНЪ-ВИЗНА. *Изданіе второе.*
Москва, въ тип. А. Семена, 1838, въ 4, стр. 229.—БРИГАДИРЪ И
НЕДОРОСЛЪ, нѣсколько разъ отдѣльно изданные въ Москвѣ, въ по-
слѣдніе годы.

Осьмнадцатый вѣкъ былъ въ полномъ разгарѣ. Франція продолжала играть первую роль въ Европѣ, если не могуществомъ, то умственнымъ вліяніемъ своимъ. Блестящій и во многихъ отношеніяхъ великій Людовикъ Четырнадцатый далъ ей такое направленіе, котораго не могли вовсе уничтожить ни пагубное регентство, со своимъ мерзавцемъ Любоа, ни слабый Людовикъ Пятнадцатый съ госпожами Шатору, Помпадуръ и Дюбаррѣ. Тронъ Франціи блисталъ еще славою Людовика Четырнадцатаго, и если уже не было ума, одушевлявшаго глубокою его политику, то сохранялись блескъ и идея славы, которые представляли еще ослѣпительный призракъ, такъ-называемаго «великаго вѣка». Вліяніе Франціи со временъ Людовика Четырнадцатаго отражалось и въ томъ, что почти вся Европа почитала Францію, Дворъ ея и общество, образцами, отъ которыхъ никто не смѣлъ отступить, подъ опасеніемъ показаться непросвѣщеннымъ, оставшимъ отъ вѣка, и, что всего страшнѣе — смѣшнымъ. Къ этому присоединилось новое могущество, которое Людовикъ Четырнадцатый умѣлъ держать въ уады, умѣлъ одобрять и наказывать какъ шаловливаго мальчишку, умѣлъ употребить даже въ пользу своей политики, или лучше сказать, потому только и оставилъ на быломъ свѣтъ, что оно было полезно ему. Вы уже сказали, что это могущество было — литература французская. Она точно такъ же блестяла и тираниствовала надъ всеми литературами, какъ блестяли

и тиранствовали въ европейскихъ обществахъ красныя каблуки, фижмы, парики, прически. Все склонялось передъ оракулами и говорунами французскими, у которыхъ мы едва признаемъ теперь здравый смыслъ, уже вовсе не находя его ни въ модахъ, ни въ обычаяхъ, ни въ нравахъ французскихъ первой половины осьмнадцатаго вѣка. Но каково было современникамъ жить съ этимъ разрушеннымъ вѣкомъ! Тиранство его простиралось дотого, что какую пельпость ни вздумали бы во Франціи, всѣ слабыя души, какъ-будто по командѣ, принимали ее. Французы довели развращеніе нравовъ до крайней степени; знатные ихъ женились только ддя того, чтобы имѣть любовницъ, соблазнять чужихъ женъ и купаться въ развратѣ самомъ отвратительномъ и низкомъ; это дѣлалось модою и въ остальной Европѣ. Они вздумали смѣяться надъ всѣмъ, что есть святаго для челоуька, и въ безуміи своемъ стали отрицать даже существованіе Бога... Нашлись подражатели и безумію ихъ!.... Довольно этихъ двухъ примѣровъ, чтобы судить, до какой степени простиралось рабское подражаніе Французамъ въ предметахъ не столь важныхъ. Литературныя ихъ понятія и произведенія уменьшились и стали пошлы, глупы до невѣроятности; но во всей Европѣ повторяли дурачества Флоріановъ, Бернардовъ, Воазеноновъ, и подобныхъ комаровъ и мошекъ литературныхъ! Все французское казалося образцовымъ и достойнымъ подражанія. Отъ мушекъ на лицѣ до стриженныхъ аллей въ садахъ, отъ покрова платья до наружности и расположенія домовъ, отъ мадригала до понятій о самыхъ высокихъ предметахъ, все принималось и дѣлалось à la Pompadour, à la d'Aumont, à la Voltaire.

Нечего краснѣть намъ за стариковъ нашихъ, если скажемъ откровенно, что и они влачили по тому пути, какой указывали имъ Французы. У насъ было это тѣмъ непростительнѣе, что обстоятельства и положеніе

были советны не таковы, какъ во Франціи. Русскіе генералы побѣждали Фридриха Великаго, тогда какъ маршалы господжи Помпадуръ бѣжали отъ него опрѣметью; у насъ царствовала Екатерина Великая, образецъ Монарховъ, а во Франціи, какъ говорилъ шутя тотъ же Фридрихъ, господствовали Cotillon 1, Cotillon 2, Cotillon 3. У насъ развивалось богатство и довольство, а во Франціи, отъ нищеты и голоду готовилась революція; у насъ утверждались и распространялись религія, просвѣщеніе, а во Франціи уже не было первой, и послѣднее гасло въ испареніяхъ безбожія и разврата. Мы были народъ бодрый, свѣжій, неспорченный, а Французы утратили уже все государственныя силы, и въ предсмертной горячкѣ плясали, дурачились, неистовствовали. Можноли было подражать имъ? А подражали, отъ того что самая видная часть народа, высшее сословіе наше, дворянство, воспитывалось или во Франціи, или у Французовъ, которые передавали ему свои недостатки, не имѣя возможности передать ничего добраго, затѣмъ что его не оказывалось въ наличности. Больному не изъ чего дѣлится здоровьемъ: оно скрыто у него въ возможности будущаго; а покуда онъ боленъ, оставьте его выздоравливать. Мы не такъ думали: мы перенимали у нихъ дурное, увлекавшее насъ своею обольстительною наружностью и медою. Французское военитаніе распространялось у насъ отъ знатныхъ и къ среднимъ сословіямъ: и у небогатыхъ помѣщиковъ, и у жителей столицъ были Французы и Француженки, воспитывавшія изъ дѣтей. Но какіе Французы, какія Француженки, Господи, Твоя воля! Бродяги, невѣжды, развратники!... Сердце русское содрогалось; но зло, по-видимому, было неслѣзимо, и увеличивалось—до времени. Погледите: въ 1812 году мы расплатимся съ вами за все зло, за все зло, какое долго наносили вы намъ, господа Французы! Но въ половинѣ семнадцатаго вѣка еще ра-

но было думать о расплатѣ; еще мы сами не знали великости зла, навѣвшаго на насъ изъ Франціи, и только немногія, богобоязливья души и строгіе умы роптали по-тихонько противъ чуждаго и вреднаго навітія.

Таково было состояніе нашего общества, когда явился одинъ изъ тѣхъ необыкновенныхъ людей, которые смѣло вырываются изъ толпы на защиту праваго дѣла, рубятъ и колютъ врага первымъ оружіемъ, какое попадется, и выходятъ изъ борьбы если не побѣдителями, то по-крайней-мѣрѣ зачинщиками будущей побѣды. Фонъ-Визинъ первый изъ русскихъ литераторовъ смѣло возсталъ противъ злоупотребленій воспитанія нашего въ осмнадцатомъ вѣкѣ. Но главною мыслью всей его жизни была непримиримая война съ Французами, образцами современниковъ его, и, прибавимъ, образцами самого его, потому что уклониться отъ своего вѣка невозможно. Какъ человекъ съ сильною душою, онъ чувствовалъ негодованіе противъ умственнаго ига, которое налагали на насъ чужеземцы, и чувствовалъ можетъ-быть тѣмъ глубже, что самъ онъ не могъ освободиться отъ него. Всѣ сочиненія его, вся жизнь подтверждаютъ это, и мы для того начали сужденія наши о немъ очеркомъ его времени, что иначе нельзя было объяснить себѣ, что такое былъ фонъ-Визинъ.

До-сихъ-поръ этотъ необыкновенный человекъ пользуется у насъ какою-то особенною, отдѣльною славою. Всѣ другіе писатели русскіе имѣютъ определенную извѣстность, и, такъ сказать, свое мѣсто въ «храмѣ русской славы» (говоря языкомъ старинныхъ риториковъ). Тотъ—лирикъ; другой—баснописецъ; третій — трагикъ; четвертый — историкъ, и такъ далѣе. Разнообразіе въ этихъ дѣленіяхъ бесконечно, но ужъ у всякаго, на-вѣрное, есть свой уголокъ. Иной отмѣшивавъ себя Русскую Исторію—знать не хочетъ ничего больше, и хотъ никто не вѣдаетъ великихъ его услугъ и

произведений по Русской Исторіи, но повторяютъ другъ за другомъ: «знатокъ, знатокъ Русской Исторіи!» Были даже примѣры, что люди жили со славою знатока, положимъ, татарскаго періода нашей исторіи, и во всю жизнь ничего не сдѣлавши—умерли удержавши за собою свою славу!.... У стихотворцевъ нашихъ было свое дѣленіе; но какъ теперь они, къ счастью, приумолкли, или по-крайней-мѣрѣ уже нѣтъ ни Горацийевъ, ни Шольё, ни Делилей, то и межевать нечего. А вспомните недавнее прежнее: у всякаго былъ свой рангъ и свое мѣстечко.

Отчего же писатель необыкновенный, пережившій сотни своихъ собратьевъ, до-сихъ-поръ остается безъ мѣста со своимъ громкимъ дарованіемъ? Всѣ говорятъ о фонъ-Визинѣ съ уваженіемъ, а никто не сказалъ намъ, что такое былъ онъ? Комикомъ его не признаютъ — написалъ мало! Да и правду сказать, одинъ Недоросль его проникнуть истиннымъ комизмомъ, другіе же всѣ комедіи его давно не имѣютъ никакого значенія для насъ. Стихотворцемъ онъ не былъ, написавши нѣсколько случайныхъ стихотвореній. Въ прозѣ не оставилъ онъ ничего цѣлаго, полнаго—все отрывки, и тоже случайныя піесы. Разсуждая такъ, выходитъ, что фонъ-Визинъ останется покуда, со своимъ умомъ и со своими дарованіями, почти не въ числѣ русскихъ писателей. Не знаютъ куда дѣваться съ нимъ, хотъ никто не можетъ сказать, что онъ не былъ истиннымъ писателемъ; доказательство — его неувыдающая слава, и всего лучше то, что когда ни возьмется за его сочиненія, они всегда увлекательны. Наши дѣды, отцы и мы сами не можемъ начитаться фонъ-Визина, а между-тѣмъ еще никто не смѣетъ назвать его ни комикомъ, ни критикомъ, ни стихотворцемъ — три главные разряда, къ которымъ можно причислить его сочиненія. Отъ чего же, повторяемъ, такой писатель остается у насъ съ неизредѣленною славою, когда, съ позволенія сказать, вся-

кая соринка развѣшена по мѣстамъ? На этотъ вопросъ будетъ служить отвѣтомъ все наше изслѣдованіе, гдѣ постарася мы показать фонъ-Визина какъ человека, какъ дѣйствителя въ свое время, и какъ писателя.

Денисъ Ивановичъ фонъ-Визинъ родился въ 1745 году, въ Москвѣ. Первоначальное его воспитаніе было чисто русское. Онъ самъ описалъ это время жизни своей, и мы видимъ, что отецъ его, достаточный помещикъ (владѣлецъ пяти-сотъ душъ), былъ человекъ благоразумный, честный, не зналъ никакихъ иностранныхъ затѣй, и заботился только о чести своего имени и своего семейства. Воспитывая осмерыхъ дѣтей, онъ умѣлъ жить и умереть безъ долгу. Вотъ любопытная черта въ воспитаніи дѣтей его, рассказываемая Денисомъ Ивановичемъ: «Родители мои были люди побожные; но какъ въ младенствѣ нашемъ не будили насъ къ заутрени, то въ каждый церковный праздникъ отправляемо было въ домъ всенощное служеніе. Какъ-скоро я выучился читать, то отецъ мой у крестовъ заставлялъ меня читать. Сему обязанъ я, если имѣю въ руссійскомъ языкѣ нѣкоторое знаніе, ибо читая церковныя книги ознакомился я съ славянскимъ языкомъ, безъ чего руссійскаго языка и знать невозможно. Я долженъ благодарить родителя моего за то, что онъ весьма примѣчалъ мое чтеніе, и, бывало, когда я стащу читать бѣгло: перестань молотъ! кричалъ онъ мнѣ, или ты думаешь, что Богу пріятно твое бормотанье. Сего не довольно: отецъ мой, примѣчая изъ читаннаго мною тѣ мѣста, конихъ, казалось ему, читая я не разумѣлъ, принималъ на себя трудъ изъяснить мнѣ смыслъ; словомъ, пошеченія его о моемъ наученіи были безмѣрны. Онъ, не въ состояніи будучи нанимать для моихъ учителей иностранныхъ языковъ, не мѣшкалъ, можно сказать, ни сутокъ отдачею меня и брата моего въ университетъ, какъ-скоро онъ учрежденъ сталъ.»

И такъ фонъ-Визинъ поступилъ однимъ изъ первыхъ

въ московскій университетъ. Изъ описанія его трудно понять, чему и какъ учили тогда въ этомъ столь знаменитомъ въ послѣдствіи заведеніи. Онъ признается однако жъ, что вообще ученье было плохое. «Я скажу въ примѣръ, говорить онъ, бывшій нашъ экзамень въ нижнемъ латинскомъ классѣ. Наканунъ экзамена дѣлалось приготовленіе; вотъ въ чемъ оно состояло: учитель нашъ пришелъ въ кафтанъ, на коемъ было пять пуговиць, а на камзолъ четыре; удивленный сею странностью, спросилъ я учителя о причинѣ. «Пуговиць мон вамъ кажутся смѣшными», говорилъ онъ, «но онъ суть стражи вашей и моей чести, ибо на кафтанѣ значить пять склоненій, а на камзолѣ четыре спряженія. И такъ», продолжалъ онъ удара по столу рукою, «извольте слушать всѣ, что говорить стану. Когда стануть спрашивать о какомъ-нибудь имени, какого склоненія, тогда примѣчайте, за которую пуговицу я возьмусь; если за вторую, то смѣло отвѣчайте: втораго склоненія. Съ спряженіями поступайте, смотря на мои камзолыныя пуговицы, и никогда ошибки не сдѣлаете». Вотъ каковъ былъ экзамень нашъ! О вы, родители, восхищающіеся чтеніемъ газетъ, видя въ нихъ имена дѣтей вашихъ, получившихъ за прилежность свои призы, послушайте за что я медаль получилъ! Тогдашній нашъ инспекторъ покровительствовалъ одного Нѣмца, который принятъ былъ учителемъ географіи. Учениковъ у него было только трое. Но какъ учитель нашъ былъ тупѣе прежняго латинскаго, то пришелъ на экзамень съ полнымъ портисемъ пуговиць, и мы, слѣдственно, экзаменованы были безъ приготовленія. Товарищъ мой спрошенъ былъ: куда течетъ Волга? «Въ Черное Море», отвѣчалъ онъ; спросили о томъ же другаго моего товарища: «Въ Бѣлое», отвѣчалъ тотъ; сей-же самый вопросъ былъ сдѣланъ мнѣ: «Не знаю», сказалъ я съ такимъ видомъ простодушія, что экзаменаторы единогласно мнѣ медаль присудили. Я, конечно, ска-

зять правду, заслужилъ бы ее изъ класса практическаго нравоученія, но отнюдь не изъ географическаго. Какъ бы то ни было, я долженъ съ благодарностью вспоминать объ университетѣ, ибо въ немъ, обучаясь по-латыни, положилъ основаніе нѣкоторымъ моимъ знаніямъ. Въ немъ научился я довольно нѣмецкому языку, а паче всего въ немъ получилъ я вкусъ къ словеснымъ наукамъ». Въ другомъ мѣстѣ онъ прибавляетъ: «Въ университетѣ учились мы весьма безпорядочно, ибо съ одной стороны причиною тому была ребяческая лѣнь, а съ другой нерадѣніе и пьянство учителей. Ариѳметическій нашъ учитель пилъ смертную чашу; латинскаго языка учитель былъ примѣръ злонравія, пьянства и всѣхъ подлыхъ пороковъ; но голову имѣлъ преострую, и какъ латинскій, такъ и русскій языкъ зналъ очень хорошо».

Время ученія молодаго человѣка прерывалось малолѣтствами, повздкою въ Петербургъ, и вообще можно замѣтить, что фонъ-Визинъ обязанъ своею образованностью не столько учителямъ, сколько самому себѣ: онъ имѣлъ необыкновенную понятливость и хваталъ все на лету. Въ Петербургъ его осмѣяли, что онъ не знаетъ французскаго языка; онъ принялся за него такъ усердно, что черезъ два года уже читалъ Вольтера и переводилъ его «Альзиру». Вообще, онъ имѣлъ такую голову, что принявшись за что-нибудь дѣлалъ это хорошо. Здѣсь видна и сильная воля его, и необыкновенное самолюбіе, выразившееся во всѣхъ его поступкахъ. Прибавьте къ тому врожденную склонность къ сатирѣ, которою съ малолѣтства владѣлъ онъ такъ, что всегда слылъ человѣкомъ злымъ, и надѣлалъ себѣ множество горя своими острыми словами. Онъ не умѣлъ, да и не хотѣлъ удерживать насмѣшекъ, которыя сыпались у него па словахъ и на бумагѣ.

Но вотъ фонъ-Визинъ уже сержантъ гвардіи. Семнадцати лѣтъ получилъ онъ этотъ военный чинъ, кото-

рымъ начинали тогда службу всѣ порядочные дворяне, но онъ не имѣлъ ни малѣйшей склонности къ военнымъ занятіямъ и продолжалъ учиться. Вскорѣ перевели его въ иностранную коллегію переводчикомъ капитанъ-поручичьяго чина, и онъ обратилъ на себя вниманіе вице-канцлера хорошими переводами. Въ томъ же году ѣздилъ онъ за границу, съ екатерининскою деятою къ герцогинѣ Мекленбургъ-Шверинской. Между тѣмъ онъ уже имѣлъ литературную извѣстность своими переводами, и былъ опредѣленъ къ кабинетъ-министру Елагину. Вспоминаете ли вы, что Елагинъ самъ былъ литераторъ, переводчикъ знаменитаго «Маркиза Глаголя», и разныхъ драмъ, имѣвшій въ свое время славу перваго прозаика? Онъ былъ оберъ-гофмейстеромъ и главнымъ директоромъ театровъ, и, кажется, фонтъ-Визину всего лучше было бы оставаться при немъ, потому что онъ съ малолѣтства былъ страстнымъ любителемъ театра, но его несчастная склонность къ насмѣшкамъ скоро поссорила его почти со всеми сослуживцами, и онъ, бросивъ все, ускакалъ въ Москву. Тамъ написалъ онъ комедію «Бригадиръ», перевелъ «Иосифа», Битобѣ, острилъ, волочился за московскими дамами, которыя исконно славилась своею прелестью, и воротился въ Петербургъ опять «добрымъ мальчикомъ». Онъ читалъ свою комедію въ разныхъ знакомыхъ обществахъ, и, какъ говоритъ самъ, «читалъ мастерски». — «Я имѣлъ даръ принимать на себя лицо и говорить голосомъ весьма многихъ людей. Тогда передразнивалъ я покойнаго Сумарокова, могу сказать, мастерски, и говорилъ не только его голосомъ, но и умомъ, такъ что онъ бы самъ не могъ сказать другаго какъ то, что я говорилъ его голосомъ.» Наконецъ случилось ему прочесть «Бригадира» при А. Н. Бибиловѣ и графѣ Гр. Гр. Орловѣ, который разсказалъ о томъ Государынѣ, и фонтъ-Визинъ удостоился читать свою комедію Екатеринѣ Великой, которая наградила его Всемилоствившимъ

привѣтствіемъ. Это было въ Петергофѣ, гдѣ жилъ тогда Дворъ, и слава фонъ-Визина быстро распространилась. Знатные наперерывъ звали его къ себѣ на обѣды и вечера, и онъ всякой день читалъ свою комедію, которую превозносили до небесъ. Это, кажется, поддерживало его въ мнѣніи многихъ, и многіе, боясь его насмѣшекъ, угождали ему, вредя изподтишка. При Елагинѣ оставался онъ нѣсколько лѣтъ, и, подъ-конецъ, скучалъ смертельно. Вотъ отрывокъ изъ письма его къ родителямъ, писаннаго въ 1768 году, гдѣ видно и состояніе души его и неизмѣнный даже въ грусти сатирической духъ: «Я каждый день у Ивана Перфильевича (Елагина) бываю, а сколь это безпокойно, то самъ Богъ видитъ. Въ производствѣ же моемъ, надежды никакой нѣтъ. По-крайней-мѣрѣ Иванъ Перфильевичъ о томъ, кажется, уже забылъ; напоминаніе же мое было бы излишне. Онъ меня любитъ; да вся его любовь состоитъ только въ томъ, чтобъ со мною отобѣдать и проводить время. О счастьи же моемъ не рачить онъ ни мало, да и о своемъ не много помышляетъ, а держится одною удачею. Словомъ сказать, жизнь свою ведетъ точно какъ въ Москвѣ, чему вы сами свидѣтелемъ были. По должности своей главное прилежаніе и тщаніе устремляетъ онъ къ заведенію благонравія при придворныхъ Ея Императорскаго Величества театрахъ. Къ пользѣ человѣческаго роду, каждую неделю даютъ здѣсь по трагической или комической штукѣ. Лютятъ слезы о несчастіи театральнаго героя, а бѣдный Чур., который несчастливъ не на-шутку, забыть, да и помнить о немъ не велятъ. Вотъ какъ въ свѣтъ дѣла идутъ! Я истинно получилъ ужасное омерзѣніе ко всемъ вздорамъ, въ которыхъ нынѣшняго свѣта люди главное свое удовольствіе полагаютъ.»

Съ такимъ характеромъ и взглядомъ, фонъ-Визинъ, разумѣется, не могъ долго ужиться въ свѣтъ. Онъ, кажется, не очень усердно занимался и своею службою,

—можетъ-быть потому, что «служить бы радъ, прислуживаться тошно». Неизмѣннымъ благодѣтелемъ и покровителемъ его былъ графъ Никита Ивановичъ Панинъ, при которомъ онъ состоялъ нѣсколько лѣтъ, числясь въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ. Потрафъ имѣлъ сильную противоположную партію при дворѣ, и фонтъ-Визинъ, душою привязанный къ своему начальнику, не имѣлъ общихъ противниковъ, кромѣ ихъ своихъ эниграммами, острыми словами, и чрезъ то имѣлъ множество неудовольствій. Наконецъ здоровье его и любовью имъ жены заставило его отправиться въ южную Францію, гдѣ прожилъ онъ нѣсколько мѣсяцевъ, и побывавши въ Парижѣ получилъ рѣшительное отъращеніе къ Французамъ. Мы увидимъ далѣе съ какою проникательностью глядѣлъ онъ на тогдашнее состояніе французскаго общества, и съ какими негодованіемъ пылкой души изображалъ его въ письмахъ своихъ. Возвратившись изъ путешествія, онъ глубже взглянулъ и на положеніе нашего дворянскаго общества, увидѣлъ борьбу невѣжества съ просвѣщеніемъ, борьбу яглую и безумную, но причинявшую много зла и затруднявшую виды благодѣтельнаго правительства. Слѣдствіемъ негодованія взволнованной души его былъ «Исторосль», комедія, исполненная силы, изображившая много первообразы русскаго общества. Она заслужила успѣхъ, неслыханный дотошъ на Руси. Она утвердила за фонтъ-Визинымъ литературную славу, и имѣлъ Потемкинъ справедливо сказалъ ему, увидѣвши ее на театрѣ: «Ну, братъ, Денисъ! умри: лучше ты ничто не напишешь!» Это случайное предсказаніе сбылось съ-сожалѣнію, слишкомъ вѣрно, потому что вскорѣ постигла фонтъ-Визина тяжкая болѣзнь: параличъ лишилъ его употребленія руки, ноги и отчасти языка. Оправившись отъ первыхъ припадковъ тяжелой болѣзни, онъ въ 1785 опять ѣздилъ со своею женою за границу лечиться, но уже не во Францію, а въ Италію, и осме-

трылъ ее почти всю. Италия и Германия нравились ему не больше Франціи, но въ письмахъ его не видно такой ненависти и презрѣнія къ Италианцамъ и Нѣмцамъ, какія высказывалъ онъ противъ Французовъ. Болѣзнь не оставляла его, и на другой годъ онъ, уже въ самомъ плачевномъ состояніи здоровья, ѣздилъ лечиться въ Вѣну и другіе города. Все было тщетно, и послѣдніе годы своей жизни фонъ-Визинъ провелъ въ безпрестанныхъ страданіяхъ. Но умъ его оставался бодрымъ и свѣжимъ по-прежнему, чему доказательствомъ служатъ все, что еще писалъ онъ въ болѣзни своей; онъ даже готовился издавать періодическое сочиненіе, подъ заглавіемъ: «Другъ честныхъ людей, или Стародумъ», и написалъ для него нѣсколько статей, даже объявленіе о выходѣ его, и все это осталось безъ исполненія. Болѣзнь совершенно приковала его къ постели, и онъ скончался перваго октября 1792 года.

Послѣ смерти фонъ-Визина, долго оставались разсыянными его сочиненія. Только «Бригадиръ и Недоросль» были перепечатаны нѣсколько разъ, да два вздорныя стихотворенія: «Посланіе къ слугамъ моимъ», и «Лисица и Кознодѣй» повторялись въ устахъ его современниковъ. Лѣтъ черезъ тридцать пять послѣ его смерти напечатано довольно полное собраніе его сочиненій, къ которому готовилъ біографію князь П. А. Вяземскій. Къ-сожалѣнію, это сочиненіе одного изъ остроумнѣйшихъ нашихъ писателей остается известнымъ публикѣ только по отрывкамъ изъ него, напечатаннымъ въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ. Нѣтъ сомнѣнія, что князь Вяземскій, нѣсколько лѣтъ собиравшій матеріалы для біографіи фонъ-Визина, представилъ бы въ оживленномъ разсказѣ жизнь его и много чертъ современнаго ему общества, которое всегда составляло предметъ изученій остроумнаго біографа Державина, Озерова и Дмитріева. Судя по отрывкамъ, тутъ было бы много парадоксовъ; но умные парадок-

сы, право, лучше тѣхъ холодныхъ возгласовъ, какими до-сихъ-поръ ограничиваются у насъ сужденія о Фонъ-Визинѣ.

Мы не пишемъ полнаго комментарія на сочиненія Фонъ-Визина, но хотимъ дать себѣ отчетъ въ томъ, какое значеніе имѣетъ онъ въ исторіи русской литературы. Даже и этого не сдѣлано у насъ до-сихъ-поръ. Сдѣлаемъ и скажемъ, что можемъ. Мы упомянули, что онъ пользуется особою, отдѣльною славой, и прибавимъ, очень справедливо, потому что онъ не похожъ ни на кого изъ русскихъ писателей прошедшаго столѣтія. Почти всѣ они глядѣли на словесность какъ на науку—чтобы не сказать какъ на ремесло — и потому учились ей, и, слѣдовательно, подражали кому-нибудь и чему-нибудь. Даже самъ безсмертный Державинъ стѣснялъ оковами свои орлиныя силы. Неужели вы не увѣрены, что Державинъ *больно работала* надъ каждою своею одою, чистилъ и маслилъ ее, совѣтовался съ друзьями, и съ робостью выпускалъ ее изъ рукъ? Можно ручаться, что не такъ поступалъ Фонъ-Визинъ. Онъ одушевлялся обыкновенно негодованіемъ, страстью поэтовъ истинныхъ, и бросалъ на бумагу свое одушевленіе въ тѣхъ образахъ, какіе поражали его. Добрый, страстный къ добру, врагъ и злодѣй глупостей и пороковъ, особливо когда они выходили изъ своего ничтожества, онъ разсуждалъ только объ одномъ, какъ бы лучше, сильнѣе выразить свою мысль. Оттого форма его сочиненій не походила на обыкновенную, понятную всѣмъ, и оттого всѣ, сознаваясь, что сочиненія Фонъ-Визина хороши, не знали какъ судить о нихъ. Вспомните, напримѣръ, что комедіи, не уставу пѣнттики, надобно было писать въ стихахъ, а онъ писалъ ихъ прозою. Комедія въ прозѣ уже не могла быть признана образцовою. А Фонъ-Визину что за дѣло? Довольно, что онъ чувствовалъ то, что писалъ, и что публика понимала его! Не славы, а выра-

женія своего чувства желалъ онъ. Такой человекъ дѣйствуетъ съ одинаковою прямою и неподдѣльною во всѣхъ случаяхъ жизни. Фонъ-Визинъ и въ службѣ, и въ сношеніяхъ съ людьми дѣйствовалъ прямо, не церемонился говорить что думалъ, и какъ умъ его былъ остръ и даже язвительнъ, то все превращалось у него въ эпиграмму и сатиру. Такого человека не стану любить, но никогда не откажу ему въ невольномъ уваженіи, и Фонъ-Визинъ остался именно въ такомъ отношеніи къ современникамъ и ближайшему своему потомству.

Мы сказали, что у него все превращалось въ сатиру. Вотъ примѣръ тому. Фонъ-Визинъ задумалъ сочинить проповѣдь, въ образецъ, какъ желалъ бы онъ говорить въ сельскомъ приходѣ, съ вѣстными мужичками. Проповѣдь его была напечатана въ первый разъ въ 1783 году, въ «Собесѣдникѣ любителей русскаго слова», подъ заглавіемъ: «Поученіе, говоренное въ Духовъ день іереемъ Васильемъ въ селѣ Цв. Фонъ-Визинъ очень хорошо понималъ о чемъ и какъ должно говорить съ крестьянами, но умъ его былъ таковъ, что онъ невольно сбивался съ тону, и вмѣсто благоговѣйнаго изложенія добрыхъ мыслей, могъ только снѣшить своимъ остроуміемъ. Вотъ нѣкоторыя обращенія его къ мужикамъ: «Отъ чего ты, крестьянинъ Сидоръ Прокофьевъ, пришелъ къ обѣднѣ, можетъ-быть и съ умиленнымъ сердцемъ, но съ разбитымъ рыломъ? Отъ чего и ты, выборный Козма Терентьевъ, стоишь, выпуча на святые иконы такіе красные и мутные глаза? Да посмотримъ и на жену твою, Евдокію. Отъ чего она теперь всю обѣдню предрамаля? О, духовные мои дѣти, начиная отъ старѣты Егора Фомина до послѣдняго бобыля Карача, какъ вчерашній праздникъ проводилъ? Изъ твоей души по послѣдней ревизіи, едва трета не выходя на скотовъ безчувственныхъ!...» И далѣе: «Ты зна-

нуть головою, думая: не ужь-то и въ праздниѣ чарка вина выпить нельзя? Ахъ, окаянный ты, Михайла Фоминъ! да чарку ли ты вчера проглотилъ? Если въ наши грѣшныя времена еще бывають чудеса, то было вчера, конечно, надъ тобою, окаяннымъ, весьма знаменитое. Какъ ты не лопнулъ, распуча грѣшную утробу свою по-крайней-мѣрѣ полуведремъ такого нива, какого всякій рабъ Божій, въ трезвости живущій, не могъ бы не свалась съ ногъ, и пяти стакановъ выпить?...» Согласитесь, что эти остроумныя шутки мужицкимъ языкомъ вовсе не поученіе христіанское, гдѣ должны дышать любовь, снисхожденіе, кротость, утвержденныя на преданности къ заповѣдямъ Божиимъ. Но могъ ли смирить себя неукротимый, неумолимый ко злу Фомъ-Визинъ? Онъ вездѣ и во всемъ былъ одинаковъ, и литература служила для него такимъ же выраженіемъ внутреннихъ чувствованій, какъ и жизнь вообще. Во всемъ, что писалъ онъ, невольно вырвались у него самыя язвительныя, часто жесткія сарказмы. По одному случаю написалъ онъ басню: «Лисица и Кознодѣй», и кажется всего только одну басню и написалъ онъ въ жизнь свою. Что жъ это за басня? Лисица говоритъ льстивое надгробное слово умершему лву, и крокъ удивляется низкой лести; собака замѣчаетъ ему:

Чему дивишься ты,

Что знатному скоту льстятъ подлые скоты?

Когда же то тебя такъ сильно изумляетъ,

Что низка тварь всему корысть предпочитаетъ,

И къ счастью бредетъ презрѣнными путями,

То, видно, никогда ты не жилъ межъ людьми.

Басня плоха, но и въ ней видно неутомимое презрѣніе автора ко всему, гдѣ видѣлъ онъ низость и подлость. Вотъ чего не могла никогда переносить душа его, и что обиженошнно выражалъ онъ безъ обиняковъ.

Къ этому, какъ мы замѣтили, присоединялось у него чувство ненависти къ иностранцамъ, и особливо къ Французамъ, чуть не покорившимъ себя всего ума русскаго. Фонъ-Визинъ постигалъ все зло, наносимое соотечественникамъ его безпутнымъ подражаніемъ такому народу, который при многихъ блестящихъ и даже обольстительныхъ качествахъ, утратилъ все добродѣтели своихъ предковъ и былъ погруженъ въ бездну разврата и безначалія. Для насъ, въ наше время, это вопросъ давно рѣшенный; но въ его время, не многіе имѣли столько проникательности, что видѣли зло, и столько душевной силы, что рѣшались, наперекоръ общему мнѣнію, идти противъ этого бурнаго и грязнаго потока. Особенно волновало фонъ-Визина то, что онъ видѣлъ, какъ язва чужеземныхъ идей вѣдрялась и въ средніе классы нашего общества, гдѣ еще не были сброшены свои, родные пороки, бывшіе остатками невѣжества, а къ нимъ уже прививались новые, которые могли совершенно испортить народъ. Это чувство заставило его написать, въ первой молодости своей, комедію «Бригадиръ», гдѣ, правду сказать, нѣтъ ни складу, ни ладу, но гдѣ глупость подражанія Французамъ выставлена такъ, какъ Страшный Судъ изображался у насъ для простаго народа въ суздальскихъ картинкахъ. Мы не будемъ разбирать этой комедіи: она вся основана на несообразностяхъ и, ни мало не соответствуетъ своему заглавію, потому что вмѣсто бригадира (какое могло бѣ быть это лицо для комедіи!) поставьте капрала, и дѣйствіе не переменится; въ ней всѣ лица неестественны и не существуютъ въ природѣ, все ложно и не ознаменовано даже вкусомъ, не только вдохновеніемъ; но, и въ этой нелѣпой комедіи, ненависть фонъ-Визина къ Французамъ и глупымъ ихъ подражателямъ, приводятъ иногда автора къ комическимъ сценамъ. По-крайней-мѣрѣ онъ показалъ въ ней свое направленіе, и какъ тогда не поражаемся про-

увеличеніями, то и лицо бригадирши казалось самому автору списаннымъ съ природы, и одинъ изъ просвѣщеннѣйшихъ цѣнителей его сказалъ ему: «Я вижу, что вы очень хорошо знаете нравы наши, потому что бригадирша ваша всѣмъ родня; никто сказать не можетъ, что такую же Акулину Тимоѣевну не имѣеть или бабушку или тѣтушку, или какую-нибудь свойственницу». Но успѣхъ «Бригадира» зависѣлъ не отъ того, а отъ направленія, которое раздѣляли съ фонъ-Визинимъ всѣ образованные люди. Ктому же это былъ неизмѣримый шагъ отъ глупыхъ комедій Сумарокова съ братіей.

Негодование фонъ-Визина къ Французамъ особенно увеличилось съ того времени, когда онъ самъ побывалъ во Франціи, и увидѣлъ вблизи и тамошнихъ оракуловъ и состояніе общества. Письма его изъ Франціи драгоцѣнны не только для біографа его, потому что вполне изображаютъ его характеръ и душу, но и вообще какъ историческія свидѣтельства. Немногіе изъ современныхъ политиковъ такъ вѣрно и глубоко понимали французское общество какъ фонъ-Визинъ, простой путешественникъ и литераторъ. Нашъ почтенный Карамзинъ, бывшій во Франціи лѣтъ черезъ десять послѣ него, когда все еще больше пришло тамъ въ растленіе, и не подозрѣвалъ того, что такъ сильно поражало фонъ-Визина. Карамзину все казалось подъ розовымъ покрываломъ, а глухой грохотъ революціи не читалъ онъ временною бурей, которая какъ-нибудь успокоится и пройдетъ. Но фонъ-Визинъ, какъ настоящая Кассандра, прорицалъ гибель новой Трои. Выписка изъ одного письма его къ графу Н. Н. Панину объяснить намъ довольно и проницательный умъ фонъ-Визина и взглядъ его на тогдашнюю Францію.

«Я оставилъ Францію. Пребываніе мое въ семъ государствѣ убавило сильно цѣну его въ моемъ мнѣніи. Я на-
Т. LXVII. — Отд. V. 6

нелъ доброе гораздо въ ибавшей мѣрѣ, нежели восбражалъ, а худое въ такой большой степени, которой и вообразить не могъ. Я разсматривалъ со всевозможными вниманіемъ все то, что могло способствовать мнѣ къ приобритенію точнѣйшаго понятія о характерѣ Французскъ и о настоящемъ ихъ положеніи, относительно разныхъ частей правительства.....

«Достойные люди, какой бы націи ни были, составляютъ между собою одну націю. Выключа ихъ изъ французской, примѣчалъ я вообще ея свойство. Надлежитъ отдать справедливость, что при незъясниномъ развращеніи нравовъ, есть въ Французахъ доброта сердечная. Весьма рѣдкій изъ нихъ злопамятенъ—добродѣтель, конечно, непрочная, и полагаться на нее нельзя; но-крайней-мѣрѣ и пороки въ нихъ не глубоко вкоренены. Непостоянство и вѣтренность не допускаютъ ни пороку, ни добродѣтели въ сердца ихъ поселиться. Къ нимъ совершенно приличенъ стихъ Кребийльоновъ:

Criminel sans penchant, vertueux sans dessein.

«Разсудка Французъ не имѣетъ, и имѣть его почелъ бы несчастьемъ своей жизни, ибо онъ заставилъ бы его размышлять, когда онъ можетъ веселиться. Забава есть одинъ предметъ его желаній. А какъ на забавы потребны деньги, то для приобритенія ихъ употребляетъ всю острогу, которою его природа одарила. Острота, неуправляемая разсудкомъ, не можетъ быть способна ни на что кромѣ мелочей, въ которыхъ и дѣйствительно Французы берутъ верхъ передъ цѣлымъ свѣтомъ. Обманъ почитается у нихъ правомъ разума. По всеобщему ихъ образу мыслей; обмануть не стыдно; но не обмануть глупо. Смѣло скажу, что Французъ никогда самъ себѣ не проститъ, если пропустить случай обмануть хотя въ самой бездѣлицѣ. Божество его—деньги. Изъ денегъ нѣтъ труда, котораго бы не поднялъ, и нѣтъ подлости, которой бы не сдѣлалъ. Къ большимъ злодѣяніямъ неспособенъ. Самые убійцы становятся таковыми тогда только, когда умираютъ съ голоду; какъ же скоро Французъ имѣетъ пропитаніе, то людей не рѣжетъ, а довольствуется обманывать. Корыстолюбіе неслыханно заразило всѣ состоянія, не исключая ни

никъ философовъ нынѣшняго вѣку. Въ разсужденіи деного не гнушаются и они человѣческою слабостю. Д'Аламбертъ, Дидротъ, въ своемъ родѣ, такіе же шарлатаны, нѣмкихъ видаго я всякій день на бульварѣ; всѣ они обманываютъ народъ за деньги, и разница между шарлатаномъ и философомъ только та, что послѣдній къ сребролюбію присовокупляетъ безпримѣрное тщеславіе. Я докажу опытною справедливостю моего примѣчанія. Пріѣхалъ въ Парижъ братъ господина З—а, полковникъ Н—ъ, человѣкъ впрочемъ честный, но совсѣмъ незнакомый съ науками. Служилъ онъ весь вѣкъ въ гусарскихъ полкахъ, никогда не бралъ книгъ въ руки, и никогда картъ изъ рукъ не выпускалъ. Лишь-только провѣдали Д'Аламбертъ, Мармонтель и прочіе, что онъ братъ господина З—а, то не почли уже за нужное освѣдомляться о прочихъ его достоинствахъ, а явились у него въ передней засвидѣтельствовать свое низжайшее почтеніе. Мое къ нимъ душевное почтеніе совсѣмъ истребилось послѣ такого подлаго поступка. Разсчетъ ихъ ясно видѣнь: они этою низостю ласкались чрезъ Н—а достать подарки отъ нашего Двора. Рука, отъ которой бы они ихъ получили, удовольствована бы ихъ тщеславіе, а подарки—корыстолюбіе.

«Сколько я понимаю, вся система нынѣшнихъ философовъ состоитъ въ томъ, чтобъ люди были добродѣтельны независимо отъ религіи: но они, которые ничему не вѣрятъ, доказываютъ ли собою возможность своей системы? Кто изъ мудрыхъ вѣка сего, побѣдивъ всѣ предрассудки, остался честнымъ человѣкомъ? Кто изъ нихъ, отрицая бытіе Божіе, не сдѣлалъ интереса единымъ божествомъ своимъ и не готовъ жертвовать ему всю свою моралью? Одно тщеславіе ихъ простирается дотого, что сами науки сдѣлались источникомъ непримиримой вражды между семьями. Братъ гонитъ брата за то, что одинъ любитъ Расина, а другой Корнеля; ибо острота французскаго разума велитъ одному брату, любя Расина, ругать язвительно Корнеля, и клаться передъ свѣтомъ, что Расинъ перады Корнелемъ, а братъ его передъ нимъ, гроша не стоитъ. Вообще ни одинъ писатель терпѣть не можетъ другаго, и нечитаетъ враждникомъ всякій случай узвѣтъ

своего совѣстника. При всей ихъ премудрости нѣтъ въ нихъ и столько разсудка, чтобъ осмотрѣться какъ безцѣлѣе себя сами, ругая другъ друга, и въ какое послѣдствіе приводятъ себя у тѣхъ, въ конхъ хотѣтъ вселить въ себя почтеніе.

«Вотъ каковы тѣ люди, изъ которыхъ Европа почитаетъ многихъ великими, и которые, можно сказать, всей Европѣ повернули голову. Правда и то, что въ самой Франціи число ихъ обожателей несравненно меньше нежели въ другихъ государствахъ, потому что Французы сами очевидные свидѣтели ихъ поведенія, а чужестранцы смотрятъ на нихъ изъ-дали.... Обращаюсь теперь къ начатому описанію характера національнаго. Госнода Фелсефы отвели меня нѣсколько отъ моей главной матеріи, но я, основавшись на нихъ, хотѣлъ показать, что со стороны практическаго правоченія перенимать у Французовъ, кажется, нечего.—Примѣтилъ я вообще, что Французъ всегда молодъ, а пѣзъ молодости переваливается вдругъ въ дряхлую старость: слѣдственно, въ совершенномъ возрастѣ никогда не бываетъ. Пока можетъ, утопаетъ онъ въ презрительныхъ забавахъ, и сей родъ жизни дѣлаетъ всѣ состоянія такъ равными, что послѣдній повѣса живетъ въ пріятельской связи съ знатнѣйшею особою..... Нѣтъ сомнѣнія, что всѣ сн злоупотребленія имѣютъ свой источникъ въ воспитаніи, которое у Французовъ пренебрежено до невѣроятности. Первые особы въ государствѣ не могутъ никогда много разниться отъ безсловесныхъ, ибо воспитываютъ ихъ такъ, чтобъ они на людей не походили..... Воспитаніе во Франціи ограничивается однимъ ученіемъ. Нѣтъ генеральнаго плана воспитанія, и все юношество учится, а не воспитывается. Главное стараніе прилагаютъ, чтобъ одинъ сталъ богословомъ, другой живописцемъ, третій столяромъ; но чтобъ каждый изъ нихъ сталъ человѣкомъ, того и на мысль не приходитъ. И такъ, относительно воспитанія, Франція ни въ чемъ не имѣетъ преимуществъ предъ прочими государствами. Въ сей части столько же и у нихъ недостатковъ, сколько и вездѣ; но въ тысячу разъ больше шарлатанства. Рѣдкій отецъ не изобрѣтаетъ новаго плана для воспитанія дѣтей сво-

ихъ. Часто новѣй его плачь хуже стараго; но сіе доказы-
ваетъ по-крайней-мѣрѣ, что, сами они чувствуютъ недо-
статки общаго у себя воспитанія, не смысла разобратъ,
въ чемъ состоятъ они дѣйствительно.

«Дворянство Французское по большей части въ крайней
бѣдности, и невѣжество его ни съ чѣмъ несравненно. Ни
званіе дворянина, ни орденъ святаго Лудовика не мѣшаетъ
во Франціи ходить по-міру. Исключая знатныхъ и бога-
тыхъ, каждый Французскій дворянинъ, при всей своей
глупой гордости, почтеть за великое себѣ счастье быть
принятымъ гувернёромъ къ сыну нашего знатнаго госпо-
дина. Множество изъ нихъ мучили меня неотступными
просьбами достать имъ такіа мѣста въ Россіи; но какъ ис-
полненіе ихъ просьбъ было бы убійство для невинныхъ,
доставшихся въ ихъ руки, то уклонился я отъ сего зло-
дѣянія, и почитаю долгомъ совѣсти не способствовать то-
му злу, которое въ нашемъ отечествѣ уже довольно вко-
рениется.....

«Французы, имѣя право вольности, живутъ въ сущемъ
рабствѣ. Король, будучи ограниченъ законами, имѣетъ въ
рукахъ всю силу попираетъ законы. *Les lettres de cachet*
суть именныя указы, которыми король посылаетъ въ ссыл-
ки и сажаетъ въ тюрьму, которымъ никто не смѣетъ
спросить причины, и которыя весьма легко достаются у
государя обманомъ, что доказываютъ тысячи примѣровъ.
Каждый министръ есть деспотъ въ своемъ департаментѣ.
Фавориты его дѣлятъ съ нимъ самовластіе, и своимъ фа-
воритамъ удѣляютъ. Что видѣлъ я въ другихъ мѣстахъ,
видѣлъ и во Франціи. Кажется, будто всѣ люди на то со-
творены, чтобъ каждый былъ или тиранъ, или жертва.
Неправосудіе во Франціи тѣмъ жесточе, что происхо-
дитъ оно непосредственно отъ самого правительства и на
всѣхъ простирается. Налоги частые и тяжкіе, служатъ къ
одному обогащенію ненасытимыхъ начальниковъ; никто,
не подвергаясь бѣдѣ, не смѣетъ слова молвить противъ
сихъ угѣсненій. Надобно тотчасъ выбрать одно изъ двухъ:
или платить, или быть брошену въ тюрьму. *C'est l'affaire*
du goût. Всякій дѣлаетъ что хочетъ.

«Народъ въ провинціяхъ еще несчастнѣе нежели въ

—столицѣ. Судьба его зависитъ главнѣйше отъ интенданта; но что есть интендантъ?—Воръ, имѣющій полномочіе грабить провинцію безотчетно. Чѣмъ дороже стала ему у Двора сія привилегія, тѣмъ для народа тягостнѣе. Каждый изъ нихъ начинаетъ ремесло свое тѣмъ, что захватываетъ откупъ хлѣба, нужнѣйшаго для жизни произрастенія, и принуждаетъ черезъ то жителей покупать у него жизнь за ту цѣну, которую опредѣлитъ заблагорассудаетъ.

«Франція вся на откупѣ. Невозможно выѣхать изъ нѣсколькихъ шаговъ изъ Парижа, чтобъ воротясь не быть остановлену таможеню. Почти за все ввозимое въ городъ платится столько пошлинны, сколько сама вещь стоитъ. Изъ уваженія къ особѣ государя, узаконено не собирать пошлинны въ томъ одномъ мѣстѣ, гдѣ его присутствіе; слѣдственно, въ тотъ день, въ который король прѣѣхалъ бы въ Парижъ, пошлина не должна собираться съ народа. Сіе причиною, что король, будучи нерѣдко у рѣшетки Парижа, въ него не въѣзжаетъ; онъ уже нѣсколько лѣтъ не былъ въ Парижѣ, даятого, что по контракту отдалъ его грабить государственнымъ ворами. Можно по всей справедливости сказать, что Версаль есть мѣсто, куда французскаго короля посылають откупщики въ вѣчную ссылку.

«Другой источникъ казенныхъ доходовъ во Франціи, есть продажа чиновъ и должностей: зло безнѣрное, замышленное въ несчастныя времена, когда не было откуда взять денегъ на нужнѣйшіе государственныя расходы. Сіе изобрѣтеніе, доставивъ въ то время большую помощь, пошло въ правительству. Время протекало; чины благополучно продавались; иной не могъ, другой не хотѣлъ, третій не смѣлъ предупредить того зла, которое съ временемъ необходимо должно было родиться отъ торговли сего рода. Мало-по-мало доходы отъ продажи чиновъ стали присвоиваться не къ своимъ назначеніямъ. Надлежало вымѣнивать на продажу повые чины, новыя должности, но и того не доставало. Надлежало усугубить налоги, и нація пахлась въ положеніи бѣдственнѣйшемъ врежияго. Множество подлыхъ людей душою и происхожденіемъ, покупали себѣ права и способы быть орудіями народныхъ

уцѣсненій. Довѣренность къ начальникамъ уступила мѣсто душевному къ нимъ презрѣнію, ибо къ пріобрѣтенію начальства однѣ деньги потребны стали. Нынѣ всѣ зловредныя слѣдствія продажи чиновъ терзаютъ государство, и нѣтъ средства къ избавленію. Король не въ состояніи возвратитъ денегъ, взятыхъ за продажу, а не возврата денегъ нельзя отнять проданнаго)....

«Число мошенниковъ въ Парижѣ несчетно. Сколько казначействъ снатога Людовика, которыми, если не украсть ничего выйдешь изъ дому, кажется будто не что свое въ томъ дѣлѣ забыли! Словомъ, въ-разсужденіи всѣхъ полицейскихъ предметовъ, парижская полиція кажется отъ возможнаго совершенства весьма еще далека. Напротивъ-того вижу, что развращеніе нравовъ отнимаетъ почти всю силу у законовъ, и самую ихъ строгость дѣлаетъ недействительною.»

Перенимать доброе, и гнать все недостойное человѣка, все преступное: вотъ что сдѣлалось девизомъ всей жизни фонъ-Визина. Въ такомъ твердомъ убѣжденіи написалъ онъ *Недоросль*, единственное литературное произведеніе свое, которое остается для потомства, и при многихъ несовершенствахъ имѣетъ цѣну не просто какъ картина современныхъ нравовъ, но и какъ истинная комедія, какъ произведеніе поэтическое. Оно, какъ Эльбурсъ посреди Кавказскихъ Горъ, возвышается посреди всѣхъ остальныхъ произведеній фонъ-Визина, и потому обращаетъ на себя особенное вниманіе.

«Недоросль» былъ написанъ за шестьдесятъ слишкомъ лѣтъ назадъ, въ такую эпоху нашей литературы, когда теорія поэтическихъ произведеній безотчетно руководствовалась французскими образцами. Въ комедіи, напримеръ, никто не смѣлъ отступать отъ французскихъ комиковъ, или лучше сказать отъ правилъ, извлеченныхъ изъ нихъ французскими теориками, которые, мимоходомъ сказать, просмотрѣли, что лучший и почти единственный гениальный комикъ ихъ, Молиѣръ, часто сбрасывалъ съ себя оковы условій. Если бы только

его брали въ образецъ, то теорія вышла бы совсѣмъ иная. Но у нихъ была своя теорія, и ей-то слѣдовали во всей Европѣ. Не даромъ нашъ фонъ-Визингъ ненавидѣлъ Французовъ: они, своими правилами, связали и его необыкновенное дарованіе; они господствовали такъ сильно надъ всѣми понятіями, что онъ, самъ не подозрѣвая того, былъ истиннымъ рабомъ ихъ въ словесности. Плащъ «Недоросля» скроенъ совершенно по французской мѣркѣ, и оттого происходятъ все его недостатки. Семейство Простаковыхъ непременно должно было (говоримъ въ смыслѣ пресловутой теоріи) получить наказаніе за свои злыя намѣренія, невѣжество и дурачества; въ комедіи непременно должна была изображаться любовь, увѣнчанная законнымъ бракомъ, и оттого явилось не нужное ни для чего больше лицо Милона; въ комедіи необходимъ былъ добродѣтельный человѣкъ, поучающій другихъ, или, употребляя техническое слово—*резонёръ*, и онъ, передъ нами въ лицѣ Стародума, который, правда, говоритъ много умнаго и поучительнаго, но вовсе не кстати охлаждаетъ и задерживаетъ ходъ комедіи. Связанный этики условными лицами, фонъ-Визингъ необходимо растянулъ плащъ «Недоросля» и отнялъ у него единство, которое увлекло бы зрителя и читателя. Завязка въ комедіи, конечно, последнее дѣло; но всё же надобно какую-нибудь, потому что въ жизни безпрестанно видимъ завязку и развязку. Спрашиваемъ: завязка ли, что Милонъ какъ-то забрелъ въ деревню Простаковыхъ и кстати нашелъ тутъ и возлюбленную, и друга своего, и благодѣтеля своей возлюбленной, такъ что ужъ безъ женитьбы обойтись было нельзя. Все это, отвлекая отъ главной силы дѣйствія, сосредоточенной на Простаковыхъ, заставляло автора ввести много лишнихъ явленій, и комедія тянется безъ всякаго интереса, такъ что когда появляется кто-нибудь изъ Простаковскаго круга, тогда только и оживаетъ

снова. Уходятъ Простаковы — скука смертная! Слабость интереса завязки явна и въ томъ, что комедія раздѣлена на дѣйствія совершенно произвольно: дѣйствіе должно заключать въ себѣ часть изображаемаго событія; а тутъ можете просто не дѣлить на акты, и только считать явленія.

Вотъ вредъ, который нанесла «Недорослю» французская теорія. Впрочемъ, авторъ не могъ избѣгнуть его, какъ человѣкъ своего времени. Отдѣлимъ же то, въ чемъ виноватъ вѣкъ его, а не онъ, и посмотримъ на самородныя достоинства его комедіи.

Безъ характеровъ нѣтъ комедіи, и, напротивъ, можно сказать, глубоко схваченные первообразы характеровъ составляютъ жизнь ея. Гарпагонъ, Тартюфъ останутся вѣчными первообразами, и увѣковѣчиваютъ славу Молиѐра, несмотря на слабость комедій, въ которыхъ они выставлены. Таковы и главные характеры или лица въ комедіи фонъ-Визина. Простаковъ, Митрофанъ, Скотининъ, Еремеевна, Тришка, и въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ Кутейкинъ, Цыфиркинъ — истинные первообразы, схваченные вѣрно, смѣло, изображенные превосходно. Многіе говорятъ у насъ, что эти характеры не существуютъ болѣе, и что комедія фонъ-Визина способствовала искорененію ихъ. Мнѣніе несправедливое, потому что такіе характеры существовали всегда, и будутъ существовать вмѣстѣ съ человѣческимъ обществомъ. Они могутъ быть въ разныхъ отношеніяхъ, въ различныхъ обществахъ, но будутъ вѣчно. Переменится вѣкъ, переменится декорация, обстановка, но никогда не истребятся глупые мужья, блаженствующіе подъ каблукомъ злыхъ женъ; не истребятся недоросли-сынки, неучи, нахалы, балованные увальни глуныхъ матерей, и мы безпрестанно видимъ ихъ, въ наше время съ дѣтскимъ воротничкомъ въ шестнадцать лѣтъ; не истребятся и глупыя рабыни Еремеевны, которыя были у республиканцевъ Грековъ и есть у Фран-

цузовъ и Англичанъ: такъ неизвѣстно этотъ характеръ. А Тришка, неподобный Тришка, котораго характеръ такъ превосходно очерченъ несколькими словами въ одной явленіи!... Да развѣ слуга Чичикова, которымъ восхищаются въ наше время, не тотъ же Тришка? Это онъ, только ему дано больше дѣйствія въ слугахъ у Чичикова, и оттого онъ сталъ ужъ слишкомъ гладокъ. Но такіе слуги вскрываются безпрестанно въ нашемъ общественномъ быту. Если много истребится, то одинъ Кутейкинъ и Цыкопринъ, которые были временными лицами, и могли существовать только при окружающихъ ихъ обстоятельствахъ. У насъ нѣтъ болѣе такихъ семинаристовъ какъ Кутейкинъ, и такихъ отставныхъ солдатъ какъ Цыкопринъ, потому что самое состояніе ихъ званій измѣнилось, хотя есть подленькіе люди и добрые старшии во всѣхъ званіяхъ. Оригинальность этихъ лицъ выражалась фонъ-Визинъ языкомъ ихъ, или образомъ разговора, что было очень верно и остро; но когда перемѣнился ихъ языкъ, то исчезла и вся оригинальность.

Не таковъ характеръ Скотинина. И въ наше время есть свинолюбіе, какъ есть безумные охотники до лошадей, до собакъ, до голубей; но не въ томъ главная его оригинальность. Скотининъ не такъ глупъ какъ Простаковъ; у него даже мелькаетъ иногда здравый смыслъ. Онъ, напримеръ, тотчасъ повялъ, что Софьяны деревни разорены, но прибавляетъ: «да я не челобитчикъ; влюботать не люблю и боюсь, а всякой убытокъ съру съ своихъ же крестьянъ». Когда Простакова начинала отклонять сговоръ его съ Софьею, онъ, даже съ какимъ-то лукавствомъ, спрашиваетъ, неговоря слова Простаковой: «Неужто ты ей докладываешься старшей?» Такихъ чертъ довольно въ характеръ его; но при всемъ этомъ онъ первообразъ тѣхъ оскотинившихся людей, которые въ жизнь свою не знали ни Бога, ни грѣха, потому что провели вѣкъ свой на скотномъ дворѣ, на персяхъ, на

знать ни о чемъ понятія кромѣ своего хлѣва, и уже потеряли нравственный образъ человѣка. Истребятся ли когда-нибудь такія лица? Не прежде развѣ, какъ потребится невѣжество; а этого не видно, хотя родъ человѣческій пережилъ не одну тысячу лѣтъ.

Но главное достоинство комедіи Фонъ-Визина не только въ превосходствѣ, съ какимъ задуманы эти характеры, а еще болѣе въ томъ, какъ изображены они во всѣхъ, самыхъ мелкихъ подробностяхъ. Простаки говорить не много, но во всѣхъ словахъ своихъ выражаетъ себя какъ-нельзя лучше. При самомъ появленіи его, вы уже видите, что это за птица.—Онъ говоритъ женѣ: «Да я думалъ, матушка, что тебя такъ кажется.—При твоихъ глазахъ мнѣ ничего не видать».... Представляясь Простодуму, онъ говоритъ: «Я женивъ мужъ!» Следовательно Простаковъ за пятьдесятъ лѣтъ предупредилъ того знаменитаго мужа, который сказалъ о себѣ: «Я мужъ Каталани!»—Госпожа Простакова соединеніе всѣхъ низостей, чванства, глузости; но авторъ умѣлъ заставить ее такъ выражаться, что вы готовы повторить съ Стародумомъ: «Я боялся разсердиться, но мнѣ только смѣшно». И какъ хорошо все явленіе, гдѣ сказаны эти слова! Простакова, услышавши, что братецъ ея, дядюшка Митрофана, чуть не прибѣгъ милаго сынка ея, рѣшилась отомстить братцу такъ же; Милонъ старается разнять ихъ, но госпожа Простакова кричитъ: «Пусти, пусти, батюшка! дай мнѣ до рожн-то, до рожн!...»—И вы забыли, что онъ вашъ братъ?—говоритъ Милонъ. «Ахъ батюшка! сердце взяло: дай додраться»... Въ этихъ словахъ видны злость, невѣжество, и тутъ же стараніе выразиться какъ прилично барынь: тутъ вся госпожа Простакова. Митрофанъ болѣе выражаетъ свой характеръ положеніемъ своимъ; окружающія его лица говорятъ за него, и въ этомъ видно особенное мастерство Фонъ-Визина. Митрофанъ, просто, глупый мальиш, съ дурными склонно-

стями; но онъ поставленъ такъ, что дѣлается лицомъ истинно комическимъ. Представьте себѣ его въ другомъ положеніи, хоть бы съ солдатскою португезою, подъ строгостью военной дисциплины; онъ будетъ глупъ и жалокъ, но вовсе не смѣшонъ. Какъ балованный сынъ у госпожи Простаковой, онъ смѣшитъ, даже поражаетъ своимъ характеромъ, и потому—то вся комедія держится на немъ, хотя онъ мало говоритъ и дѣйствуетъ. Не Митрофана, а недоросля хотѣлъ изобразить фонъ-Визинъ, и достигъ своей цѣли превосходно, изобразивъ истинный первообразъ этого характера. Напрасно станутъ говорить, что недоросли вывелись у насъ; они были, есть и будутъ всегда и вездѣ; но въ Россіи положено на нихъ клеймо, какое можетъ налагать на пороки и глупости только истинное дарованіе въ народныхъ комедіяхъ.

Мы почитаемъ «Недоросля» народною комедіею, потому что она извѣстна всякому грамотному Русскому; она въ устахъ всѣхъ Русскихъ, и до такой степени сроднилась съ публикою, что главные дѣйствующія лица ея сдѣлались народными на языкъ нашемъ. Фонъ-Визинъ обладалъ неистощимымъ остроуміемъ, и писавши «Недоросля» съ особенною любовью, разсыпалъ въ ней множество истинно комическихъ сценъ, сближеній, острыхъ словъ, въ тѣхъ явленіяхъ, гдѣ дѣйствуютъ Простаковы со своею челядью. Невозможно привести всѣхъ примѣровъ его остроумія изъ этой комедіи, да и не нужно, потому что они извѣстны и памятны всѣмъ.

Можно было бы упрекнуть фонъ-Визина за то, что и въ «Недорослѣ», и въ другихъ своихъ сочиненіяхъ, особенно гдѣ онъ расшучивался безъ принужденія, встрѣчаются у него мысли и слова, осуждаемыя здравымъ вкусомъ и даже приличіями. Намъ помнится, что ~~и~~ Вяземскій нашелъ только одно такое мѣсто, въ третемъ явленіи перваго дѣйствія «Недоросля»; но можно ука-

затяжки подобныхъ. Въ «Бригадирь» этотъ недостатокъ еще замѣтнѣе. Впрочемъ, онъ происходилъ въ Фонъ-Визинѣ отъ его характера; некогда было ему взвѣшивать и выбирать слова: которое казалось ему ближе для выраженія его мысли, то и употреблялъ онъ, и оттого-то, говоря о людяхъ, онъ безпрестанно повторяетъ: «скоты, каналы, подлые, мерзавцы, бестія,» что, можетъ-быть, очень вѣрно выражаетъ мысль, но неприятно звучитъ въ обществѣ и въ театрѣ.

Зато, сочиненія Фонъ-Визина представляютъ достоинство, которое находимъ въ немногихъ изъ нашихъ писателей: это *слозь*, то есть, языкъ, запечатлѣнный его характеромъ. Часто грѣша противъ правилъ, употребляя слова несообразныя съ временемъ, онъ всегда ясенъ, выразителенъ, всегда проникнутъ ироніею, и прочитавши пол-страницы его, вы тотчасъ узнаете автора «Недоросля». Слогъ можетъ быть только у тѣхъ писателей, которые не нуждаются въ мысляхъ, не подбираютъ слово къ слову, и давая свободное теченіе языку своему, запечатлѣваютъ его своею оригинальностью. У нихъ могутъ быть неправильности, особливо при первоначальномъ неустройствѣ и необразованности языка вообще, но выраженіе ихъ всегда бываетъ одушевлено и оригинально.

Кромѣ исчисленныхъ нами сочиненій, Фонъ-Визинъ написалъ еще не многое. Назовемъ здѣсь все, что собрано въ изданныхъ донинѣ его сочиненіяхъ: 1, «Бригадирь», комедія.—2, «Недоросль», комедія.—3, «Выборъ гувёрнёра», комедія.—4, «Письма къ Графу Н. И. Панину.—Письма изъ путешествія къ сестрѣ Ф. И. А.—Письма къ Я. И. Булгакову.—Письма къ родителямъ.—Письма къ И. П. Елагину.—Письма къ О. П. Козадавлеву, о планѣ Россійскаго словаря».—5, «Чистосердечное признаніе въ дѣлахъ моихъ и помышленіяхъ» (оно не кончено, и въ немъ авторъ описалъ только первыя лѣта своей молодости).—6, «Поученія Іерея Ва-

силія». — 7, «Отрывокъ изъ журнала путешествія въ Вѣну». — 8, «Другъ честныхъ людей или Стародумъ», периодическое изданіе (нѣсколько статей, сатирическихъ и правоучительныхъ, которыя были приготовлены для этого изданія). — 9, «Жизнь графа Н. И. Панина» (безъ начала, утрачена). — 10, «Опытъ Россійскаго сословника». — 11, «Вопросы фонъ-Визина и отвѣты императрицы Екатерины Великой». — 12, «Челобитная Россійской Минервы отъ Россійскихъ писателей». — 13, «Каллисоевъ», греческая повѣсть. — 14, «Размышленіе о суетной жизни человѣческой». — Три стихотворенія.

Въ «Библіотекѣ для Чтенія» была напечатана еще одна комедія фонъ-Визина, отысканная не въ полномъ спискѣ. Извѣстно, что есть и еще нѣсколько ненапечатанныхъ его сочиненій, которыя, безъ сомнѣнія, появятся когда-нибудь въ печати: любопытно видѣть все, что написано такимъ необыкновеннымъ человѣкомъ. Но все это любопытно для изученія его, а не можетъ увеличить его славы. По-крайней-мѣрѣ мы не слыхивали ни о чемъ подобномъ.

Фонъ-Визинъ много переводилъ въ ранней молодости своей, и изъ переводовъ его напечатаны: «Басни Гольберговы», съ нѣмецкаго, М. 1763, три изданія. — «Жизнь Сива», 4 части, съ французскаго, 1764. — «Альзира», трагедія Вольтера, напечатана въ 1786 г. — «Иосифъ», поэма Битобѣ, напечатана въ 1769 г. — «Торгующее дворянство, противоположное дворянству военному», съ французскаго, Спб. — «Сидней и Силли», повѣсть, напечатана два раза. — «Слово похвальное Марку Аврелію», Томаса. Спб. 1777 г. — «Любовь Хариты и Поллidora повѣсть, Бартелеми, Спб. 1763. — «Сидней», стихи.

Изчисливъ всѣ произведенія литературной дѣятельности фонъ-Визина, мы видимъ, что въ молодости своей онъ только упражнялся въ словесности, больше переводилъ чѣмъ писалъ и во все время, докуда былъ занятъ службою, написалъ только «Бригадира». Почти

всѣ другія сочиненія его относятся къ тому времени, когда онъ возвратился изъ Франціи, и одержимый болѣзью, удаленъ отъ службы. Онъ обратилъ свою дѣятельность къ литературѣ, когда не могъ употребить ее на другомъ поприщѣ. Какъ человекъ съ необыкновенными дарованиями, онъ былъ хорошъ и полезенъ вездѣ, но та же причина, которая способствовала его успѣхамъ, была причиной и его неудачъ; это неустойчивость, пылкость его характера, раздражительность, выразившаяся у него сатирою. Чтò ни начиналъ онъ писать, вездѣ и во всемъ обличалъ онъ только слабости людей, и сердце его не было создано для той тихой, вѣрной любви къ человечеству, которая заставляетъ любить и писателя и человека. Никогда не чувствовалъ онъ гармоніи душевной, придающей спокойствіе и красоту всемъ нашимъ дѣйствіямъ. Оттого всѣ сочиненія фонъ-Визина больше очерки чѣмъ законченныя картины. Въ самомъ «Недоросль», лучшемъ изъ его произведеній, главное достоинство составляютъ яркія блестящія остроумія, а не полнота картины; превосходно схваченные характеры, а не созданіе.... Но все, все вознаграждаетъ въ немъ его глубокая, душевная, поэтическая ненависть къ пороку, къ глупостямъ, подлостямъ человеческимъ; онъ дѣлался поэтомъ, когда только начиналъ говорить о нихъ! А въ людяхъ такъ много тайной склоности къ добру и презрѣнію къ порокамъ, что даже Тимошъ и Діогенъ, которые остроумно ругались надъ бѣднымъ человечествомъ, и эти ругатели, циники, привлекали къ себѣ умы и сердца. Унижайте, ругайте людей: они будутъ только смѣяться, если вы будете унижать и бранить ихъ умно. Нельзя лучше оправдать этого замѣчанія, какъ представить въ примѣръ сочиненія фонъ-Визина.

Удивимся ли, что поставивъ себя въ такія отношенія съ обществомъ, фонъ-Визинъ не былъ оцѣненъ по достоинству, когда въ то же время самыя мелкіе сти-

хотворцы и прозаики назывались великолѣпными именами историковъ, комиковъ, поэтовъ? Человѣкъ, сматерившій нѣсколько сочиненій въ одномъ родѣ, скорѣе попадетъ въ тотъ или другой разрядъ литературы, чѣмъ оригинальный, сильный писатель, когда онъ не заботится о своей славѣ. Особенно вопросъ о Фонѣ-Визинѣ былъ вопросомъ затруднительнымъ, потому что публикѣ долго былъ онъ извѣстенъ только по двумъ своимъ комедіямъ и нѣсколькимъ отрывкамъ, и она видѣла въ немъ не болѣе какъ остроумнаго писателя, который шелъ наперекоръ многимъ ея убѣжденіямъ. Она смотрѣла на него, какъ на литературнаго Діогена, и оттого не находила ему мѣста въ ряду съ другими писателями. Ближайшее потомство болѣе обращало вниманія на шероховатый, не гладкій языкъ его, на цинизмъ его выраженій, и причисляло его къ писателямъ устарѣвшимъ. При взглядѣ болѣе безпристрастномъ, надобно видѣть недостатки вѣка и времени, и отдать справедливость высокимъ достоинствамъ писателя, который написалъ «Недоросля», умѣлъ быть умнымъ и независимымъ въ вѣкъ приличій, условій, предубѣжденій, былъ выше своего времени по своимъ понятіямъ и взгляду; осмѣливался говорить истину не страшась гоненій, и былъ понять только однимъ гениемъ своего времени—Екатериною Великою: она прежде всѣхъ оцѣнила его дарованіе, и послѣ удостоивала входить съ нимъ даже въ литературные споры. Какъ человѣкъ, какъ дѣйствитель, и какъ писатель, Фонѣ-Визинъ, точно, исключительное и блестящее явленіе екатерининскаго вѣка.

=

VI.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ЛЕТОПИСЬ.

ОКТАВРЬ, 1844.

НОВЫЯ КНИГИ.

СТЕХОТВОРЕНІЯ ЛЕРМОНТОВА. *Часть четвертая...*

О, трижды, четырежды счастливая провинція! ты еще читаешь стихи! ты будешь читать эти стихи!... Петербургъ.... тра—ля ля ля—ля ля—ля!...

Ахъ, ты сола то вѣдо, то съито!...

Гарсія! Віарді! Віарді!...о!... бриккона!... бриккончелла!.. что ты сдѣлала изъ этого степеннаго, гордаго, молчаливаго Петербурга? Его узнать нельзя! У него голова идетъ кругомъ. Ноги его весь день въ невольномъ безпокойствѣ: на гуляньѣ, въ совѣтѣ, за картами, они вдругъ начинаютъ бить тактъ. Его руки—не свои: поутру онъ садится составлять выписку изъ дѣла или сочинять докладъ,—вдругъ перо, беременное чернилами, упадаетъ на бумагу, руки взлетаютъ на воздухъ и принимаются хватать: *бравва! брава! биссима!... бисс! бисс!.. Оhi! brissona!* Прочь бумага! Прочь книги! Читать «книжку»?... Какъ это старо! Петербургъ уже ничего не читаетъ: онъ только поетъ.... поетъ за обѣдомъ, за чаемъ, во снѣ и падъ канцелярскими бумага-

ив.... О! какъ Петербургъ наслаждается! Какъ мы счастливы! какъ намъ весело!... *ке пиацере!*... а какъ вамъ тоже должно быть весело, господа иногородные! Ваши надежды на насъ.... *тра—ля-ля-ля-ля—ля ля—ля!*...

Лэти, сола іо елдо іо.... елдо іо.... ел-л-л-л-л-до.... іо ел-л-до!...

Стихи?... Какіе стихи? Что вы называете стихами?... Ахъ, да!

СТИХОТВОРЕНІЯ ЛЕРМОНТОВА. Часть четв....

Покойный Лермонтовъ.... Были ли вы вчера въ оперѣ?... Ахъ! какъ она пѣла! Помните ли этотъ трель на фа? Прелестъ.... Какой-то старый Нѣмецъ, сидѣвшій во-змѣ меня — я, кажется, встрѣчалъ его въ концертахъ — поморщился.... Видно, не понимаетъ хорошаго. Впрочемъ, онъ морщился безпрерывно. Богъ съ нимъ! Дѣло въ томъ, что мы чудесно провели вечеръ. Когда у музыкантовъ подирало по кожѣ отъ фальшивыхъ нотъ, мы хлопали безъ памяти или важно восклицали — *бравва!* — *бравва!* — Когда эти господа таяли отъ восторгу при счастливо исполненныхъ пассажахъ, мы себѣ думали о послѣднемъ преферансѣ и не слушали. Ужъ можно сказать — наслаждались!... Голова немножко болитъ.... такая духота! — *Титумъ титумъ — ти ти ти — титумъ!* — *тра-ля ля ля—ля!*...

Сонъ фем-и-и-че!.... сонъ рина-а-а то!...

Къ дѣлу?... Вы позволите говорить — къ дѣлу?... Вотъ тотчасъ и видно, что вы живете въ провинціи! Кто теперь думаетъ о дѣлахъ?... Впрочемъ, если вамъ угодно, я готовъ и приступить къ дѣлу.

СТИХОТВОРЕНІЯ ЛЕРМОНТОВА. Часть четвр....

Да! точно! это — четвертая часть. Прежде, позвольте видѣть, было только три части. Последняя, кажется, была третья. Такъ вотъ, теперь вышла четвертая. Мнѣнія, въ эту минуту, надо сказать правду, очень раздѣлены. У той, конечно, много искусства. Но и эта хороша.... очень хороша! Во-первыхъ, удивительная красавица; во-вторыхъ, голосъ.... нечего сказать! Со времени Зонтага, Петербургъ не слышалъ.... О чемъ я говорю?... Какъ, о чемъ? Я гово-

рю о сеньорѣ Каstellанъ! Я говорю о дѣлѣ — о самомъ важномъ дѣлѣ въ эту минуту — о чемъ всѣ нынче говорятъ. Я говорю, что не принадлежа собственно ни къ какой партіи, я совершенно согласенъ съ мнѣніемъ музыкантовъ. Со времени Зонтагъ, Петербургъ не слышалъ голоса болѣе звонкаго, болѣе полнаго, болѣе яснаго, болѣе металлическаго и музыкальнаго. Та, съ прошлой зимы, сдѣлала большіе успѣхи, качество ея голосу значительно улучшилось: онъ сталъ тверже; но всѣ-таки это еще — голосъ неопредѣленный, не подходящій положительно, отпечаткомъ своимъ, ни подъ какую музыкальную категорию, тогда какъ у этой — чистѣйшее, великолѣпное сопрано, которое, въ самомъ дѣлѣ, нерѣдко напоминаетъ соловьиное сопрано Зонтагъ. А согласитесь, любезные нигородные, что когда дѣло идетъ о пѣніи, то прекрасный голосъ человѣческой, могущественнѣйшее изъ нравственныхъ средствъ природы, очаровательнѣйшая изъ всѣхъ красотъ ея, настоящій скипетръ человѣка какъ царя всего органическаго ушеноснаго міра—*тра—ля ля ля ля—ля ля—ля!*—*титумъ титумъ—ти ти ти—*

Кви ла во-о-че суа соа-а-ве

Ми киама-а-ва, э пои спарѣ...

Э пои спарѣ....

Э по (рулада) о, о, о, о, о, би спа-а-рѣ!

Спарѣ!

Спарѣ!

Спа-а-а-а-рѣ!

Чудо, какъ это хорошо!... Сейчасъ, сейчасъ! Не торопите меня. Я буду говорить и о стихотвореніяхъ Лермонтова. Да что жъ мнѣ вамъ объ нихъ сказать?

СТИХОТВОРЕНІЯ ЛЕРМОНТОВА. Часть четвертая, С. П.-бургъ, въ тѣхъ. Глазунова, 1844, въ-12., стр. 192.

Вотъ и все тутъ! Прежде была часть третья. А теперь вотъ—часть четвертая! Черезъ годъ, можетъ-быть, явится пятая. Старыя дѣвы—подогрѣтыя кушанья—посмертныя сочипенія—угасшія надежды—все это стоитъ басовыхъ рудалъ, которыя слышалъ я вчера. Кто-то купилъ право на изданіе сочиненій покойнаго Лермонтова: двѣ

Титумъ титумъ.... еще хуже. Но пожалуйста купите!
Издатель хочетъ..... насладиться.

Коротко сказать, томикъ составленъ изъ десятковъ двухъ стихотвореній, болъшею частью подобныхъ этимъ, и украшенъ поэмой, «Измаиль-бей», писанной вѣроятно еще въ пансіонѣ, неконченной, съ пропусками, съ пустымъ содержаниемъ, съ плохими стихами.

Ахъ! вотъ двѣ трагедіи!

Buona sera. mie signorel....

Buona sera!

Buona sera!

1. Кальдеронъ. *Трагедія въ трехъ актахъ и шести картинахъ. Сочиненіе Ильина. Москва. въ тип. Смирнова, 1844, въ-42, стр. 120.*

2. жена и дочь, или два рода любви. *Драматическая быль въ двухъ картинахъ. Сочиненіе Ильина. Москва, въ тип. Смирнова. 1844. въ-16., стр. 96.*

Имя *Ильина* (древняго) блистаетъ нетлѣнною славою на скрываляхъ россійской драматической литературы. Кто, изъ людей чувствительныхъ, лѣтъ за пятьдесятъ, не плакалъ за «Рекрутскимъ наборомъ»?.... чье тогдашнее сердце не билось участіемъ при трогательныхъ сценахъ Ильиной «Льзби»? Новѣйшій *Ильинъ*, нашъ современникъ, еще со-всѣмъ не такъ знаменитъ какъ древній. Но онъ будетъ знаменитъ. Онъ самъ это знаетъ. Вотъ почему, съ самаго начала, онъ я провозглашаетъ себя коротко и просто — *Ильинъ* — безъ всякихъ прибавленій. Знаменитыя имена не требуютъ ни какихъ оговорокъ. Не извѣстно, будутъ ли когда-нибудь играны «трагедія» и «драматическая быль» новѣйшаго *Ильина*, но то вѣрно, что если бы ихъ съиграли, успѣхъ былъ бы страшный, громадный, пирамидальный! Отъ трагедіи дыбомъ встали бы «власы», а отъ «были» рѣ-ки слезъ выступили бы изъ «береговъ».

Картина первая: *Любовь жены. Софья Ивановна Зорева* и старая пляшюшка ея, Максимовна, плачутъ въ оба о томъ, что пансенька Софьи Ивановны сердится на нее. *Пансенька, Иванъ Петровичъ Леминъ*, сказать правду, не

нигѣль ни малѣйшаго права сердиться. Софья Ивановна' всего-на-все, только влюбилась во Владимира, и какъ-то, неумышленно, бѣжала съ нимъ. Иванъ Петровичъ разсердился, и тѣмъ пуще, что у Владимира кромѣ богатства сердца ничего не было. Потомъ Владиміръ получилъ наследство, слѣдася Владиміромъ Павловичемъ Зоринымъ, но Иванъ Петровичъ, какъ столбовой тиранъ, не прощалъ ни его ни Софьи Ивановны. Максимовна совѣтуетъ пойти и попросить прощенія. Убѣжденная мудрымъ ея совѣтомъ, Софья Ивановна соглашается. Приходитъ Владиміръ Павловичъ, «ставитъ шляпу на столъ, и, *подойдя къ Софьѣ, цѣлуетъ ее*. Слѣдуютъ всякія разныя нѣжности. Софья Ивановна открываетъ свое намѣреніе. Владиміръ Павловичъ не согласенъ. Максимовна уговариваетъ его и подаетъ Софьѣ Ивановнѣ салоуъ, въ которомъ Софья Ивановна уходитъ просить прощенія, съ сыномъ Ванюшкой. Владиміръ Павловичъ беретъ шляпу и идетъ за ними. Вы не видите здѣсь картины? Какъ же! Картина предстаетъ глазамъ — когда Максимовна подаетъ Софьѣ Ивановнѣ салоуъ. Отлично живописная картина!

Картина вторая: *Любовь отца*. Иванъ Петровичъ Деминъ толкуетъ съ своей собственною Максимовною, со старикомъ Савельичемъ. Этотъ Савельичъ совѣтуетъ простить Софью Ивановну, а Иванъ Петровичъ не хочетъ. Оставшись одинъ, Савельичъ «вынимаетъ тавлинку, нюхаетъ табакъ съ разстановкой, разсуждаетъ, и садится въ кресла: *«музыка качкаетъ ададжіо и Савельичъ засыпаетъ»*. Приходитъ Софья Ивановна, молится, плачетъ. Савельичъ просыпается. «Простите, я задремалъ, и не видалъ, какъ вы пошли, и во снѣ видѣлъ я что-то неземное, а вы теперь и вѣ явѣ предо мною!» Потомъ, слово за словомъ Савельичъ приноситъ Ванючку «и отпускаетъ на полъ», а самъ идетъ сонъ. Зачѣмъ? А вамъ на что знать? Это — секретъ Савельича. Является Иванъ Петровичъ. «Хотѣлъ писать письма—но что-то нейдетъ въ голову.... Скука така! Со свѣту бѣги! Что это за ребенокъ? Ба! Софья!» Софья Ивановна на колѣни умоляетъ! Иванъ Петровичъ растрогивается. Въ добавокъ, Савельичъ, Максимовна, всѣ дворовые Ивана Петровича, кучеръ, форрейторъ, кухарка, дворникъ, вхо-

дять, кричать — «Прости! прости!» — и Иванъ Петровичъ прощаетъ. Тутъ — картина: вылъзаетъ Владимиръ Павловичъ. Онъ прятался за дверью. «Батюшка! прости! я передъ вами виноватъ такъ много..... «Полно, полно, забываю все!» Ваничка даетъ Савельичу конфетку. «Общая картинка, и занавѣсъ тихо опускается». Именно—*тихо*, потому что зрители должны же полюбоваться на картину.

Очень трогательно! Но мы совѣтовали бы автору Ильму назвать свою «быль»—*Савельичъ и Максимовна*. Они— первые герои. Главная завязка на нихъ. Не посовѣтуй Максимовна, Софья Ивановна не пошла бы просить прощенія. Не приведи Савельичъ дворовыхъ, Иванъ Петровичъ не простилъ бы Софьи Ивановны. Для умноженія интересу можно, въ концѣ «были», жепить Савельича на Максимовнѣ. Какъ бы усилило это картину!

Касательно трагедіи «Кальдеронъ», совѣтовать нечего. Шекспировское совершенство!

Сперва — предлинный разговоръ члена инквизиціи съ командантомъ Мадрита. Дѣло идетъ о Кальдеронѣ, государственномъ секретарѣ Испаніи. «Сначала онъ былъ учителемъ герцогскаго племянника, дона Мартина де-Фонсеки, потомъ кабинетнымъ секретаремъ герцога, но ходатайству *когого* былъ наконецъ надзирателемъ инфанта, а, потворствуя его шалостямъ, занялъ мѣсто государственнаго секретаря». Поговоривши о томъ, о сѣмъ, а больше ни объ чемъ, двое друзей уходятъ. Является инфантъ и прячется. Приходитъ Мануэла, такъ, старушенка, и Беатрика, дѣвушка, которая смертельно влюблена въ дона Мартина де-Фонсеку, и въ которую влюбленъ инфантъ. Оно, конечно, любить инфанта выгоднѣе: но какъ поведѣвать сердцемъ? Мануэла уходитъ, инфантъ приходитъ, Беатрика приставляетъ инфанту носъ, онъ сердится. Картина первая: *Мечтатели, или Инфантъ съ носомъ*.

Кальдеронъ мучится совѣстью. Лѣтъ пятнадцать тому, онъ изъ ревности зарѣзалъ свою жену. Приходитъ членъ инквизиціи, предлагаетъ свою дружбу, и открываетъ, что тайна убійства ему извѣстна. Кальдеронъ хочетъ и съ нимъ сдѣлать то же, что сдѣлалъ съ женою. «Остановись, безраз-

судный!» *восклицаетъ* инквизиція, и предлагаетъ дружбу, съ тѣмъ, что Кальдеронъ будетъ помогать инквизиціи. Кальдеронъ притворно обѣщаетъ, и инквизиція уходитъ также съ восомъ. Это картина вторая: *Тайна убійства, или Инквизиторъ въ дуракахъ.*

Въ третьей картинѣ, дочь Фонсека, воспитанникъ Кальдерона, приходитъ просить пособія Кальдеронова въ дѣлѣ хуже инквизиціи: Беатрика укрывалась отъ инфанта въ монастырь, *«откуда уже нѣтъ выхода».* Кальдеронъ хочетъ уговаривать. «Нѣтъ!» говоритъ Фонсека: любовь къ этой дѣвушкѣ *слишкомъ сильна чтобы* допустить какіе-нибудь расчеты!»—«Добрый юноша!» отвѣчаетъ Кальдеронъ: *я слишкомъ люблю тебя чтобы* отказать въ чемъ-нибудь!» Добрый наставникъ совѣтуетъ увезти изъ монастыря Беатрику, и предлагаетъ для того собственный экипажъ и загородный домъ къ услугамъ Фонсеки. Хорошъ наставникъ! Едва Фонсека ушелъ, приходитъ инфантъ, и требуетъ также пособія Кальдерона въ любви къ Беатрикѣ. Кажется, когда бы заниматься этимъ государственному секретарю!... но—ничего дѣлать!—Кальдеронъ соглашается помогать. Хорошъ государственный секретарь! Дѣло, видите, запутывается: Кальдеронъ взялся помогать инквизиціи, Фонсекѣ и инфанту.

Въ четвертой картинѣ, Беатрика глядитъ въ монастырское окошко, и отъ скуки говоритъ разную дичь: «Сердце, сердце! какъ ты страдаешь! А я создавала радужныя мечты! За что я такъ страдаю!»... и прочая. Является новое лицо, *воронъ*: да! *воронъ*, или *ворона*. Вѣдь бывали драмы съ собаками, съ обезьянами: почему не быть *трагедіи съ вороной*? Впрочемъ, ворона автора *Ильинни* ничего не говорить, а только каркаетъ: *«слышенъ голосъ—вороны».* Разумѣется, актеръ, представляющій ворону, прячется въ кулисахъ. Приходитъ Фонсека, и уговаривается бѣжать. Тутъ актеръ, представляющій ворону, опять каркаетъ: *«овладѣ слышенъ голосъ—вороны».* Являются альгвазилы и берутъ Фонсеку подъ стражу. За что? И какъ узнали они, что Фонсека тутъ? И почему Беатрика вздумала укрыться въ монастырь, *«откуда нѣтъ выхода»*? Ну, да стоитъ ли толковать о пустякахъ!

Фонсека въ крѣпости. Приходитъ Кальдеронъ. Фонсеку арестовали по просьбѣ дяди-герцога за то, что онъ, не спросившись его, пріѣхалъ въ Мадридъ, и завтра выпустятъ. Но кто жъ между-тѣмъ увезетъ Беатрику, съ которою, говоритъ Фонсека, «мы составили-было планъ ретирады, какъ-вдругъ меня нечаянно арестовали, и я едва успѣлъ васъ увѣдомить».... Добрый Кальдеронъ беретъ увезти Беатрику. «Позвольте мнѣ благодарить васъ, говоритъ ему Фонсека. — «Послѣ, послѣ!» Кальдеронъ уходитъ. Но ворона каркала не даромъ! Плутъ коммендантъ подслушалъ разговоръ, и увѣряетъ Фонсеку, что Кальдеронъ увезетъ Беатрику, только не для него, а для инфанта. Фонсека проситъ отпустить его. «Нельзя!»—Сдѣлайте милость!... я возвращусь! — «Что вы хотите дѣлать?» — *Предупредить ударъ!* — «А если опоздаете?» — Тогда покорюсь моему участи!—Коммендантъ отпускаетъ Фонсеку.

Картина шестая — Кальдеронъ увезъ Беатрику. Начинается.... «музыка С. И. Штуцмана». Кальдеронъ видитъ у Беатрики медальонъ. «Ба! ты, выходити, дочь моя!» — «*Батюшка!*»—Вѣдь я убилъ твою мать!—«*Она васъ простила, умирая!*» Цѣлованье, и прочая. Является *тѣнь матери*. Потомъ приходитъ инфантъ, и наконецъ послѣ снору дѣло доходитъ почти до потасовки. Соперники принимаются за виски, какъ-вдругъ—Фонсека, съ пистолетами, и—хлопъ!—въ Кальдерона. Плохой стрѣлокъ! мѣтилъ въ Кальдерона, а поцалъ въ Беатрику. Развязка. Беатрика умираетъ. Инфантъ *отскакиваетъ къ углу авансцены*. Фонсека, въ изумленіи, устремляетъ взоръ въ Кальдерона, и, неподвижный, дико смотритъ на Беатрику. Ворона каркаетъ. Кальдеронъ опускается на колѣни. Инфантъ *закрываетъ лицо мантиею*. Фонсека *неподвижный на прѣзрѣннѣ мѣстѣ*. *Занавѣсъ тихо опускается*. Цѣлая галерея картинъ!

Таковы трагедіи и драматическія были *Ильина*, съ музыкой *Штуцмана*.

Buona sera, mie signore!

Buona sera!

Buona sera!

Presto, presto, via di qua, via di qua! ..

Via di qua!

Убирайтесь! Мы займемся вашими дѣлами. Вотъ —

СЕМЕНА ПОРОШИНА ЗАПИСКИ, *служащая къ исторіи Его Императорскаго Высочества, Благовольнаго Государя Цесаревича и Великаго Князя, Павла Петровича, Наслѣдника Престола Всероссійскаго. С П.-бургъ, въ тип. Крайя, 1844, въ-8., стр. XVIII и 563. съ портретомъ и скимками.*

Если бы пришелъ теперь Омаръ, съ великою ратью бурсурманъ, жечь книги на всемъ земномъ шарѣ и, въ арабскомъ великодушіи своемъ, изъ всей этой вѣопской пучины печатнаго позвсмилъ памъ сохранить одинъ только родъ сочиненій, чтò выбрали бы вы, высокоблагосклонныи читатели? Исторію? Нѣтъ, ес — первую въ огонь! Романы? Романовъ было бы жаль, на первыя сутки: но, на вторыя уже появилась бы тма новыхъ. Пусть его жжетъ романы, поэмы, драмы, путешествія, философію, политическую экономію, и все тому подобное. Я старался бы спасти однѣ Записки, веденныя людьми безъ притязанія для самихъ себя. Здѣсь только и заключается человѣческая истина. По нимъ можно, во всякое время, возсоздать исторію. Конечно, число русскихъ книгъ, сбереженныхъ такимъ образомъ, было бы не велико. Въ сравненія съ иностранными литературами, Записокъ у насъ—мало. Однако жъ, онѣ есть, и драгоценныя. Не говоря уже объ иностранцахъ, составившихъ Записки о Россіи, каковы Гордонъ, Берхгольцъ, Гизенъ, Манштейнъ, мы имѣемъ Записки Меншикова, двухъ Миниховъ, Остермана, Матвѣева, Бибикова, Шаховскаго, Гудовича, Храповицкаго, Державина, и многихъ другихъ. Это — золотой матеріалъ. Даже и въ Запискахъ Желябужскаго и Нащокпина найдется пожива историку. А сколько составлено Записокъ въ новѣйшее время! Напечатано еще немного, правда, но «нѣсть тайны, иже не открытается», со-временемъ.

Большая благодарность господину профессору Порошину, что онъ, изъ семейнаго архива, передалъ общему любобпытству Записки одного изъ своихъ предковъ. Дознынѣ Записки эти извѣстны были только по немногимъ спискамъ, хранившимся въ разныхъ библиотекахъ. Пора было напечатать ихъ. Осемдесятъ лѣтъ прошло съ того вре-

мени, какъ онѣ писаны. Едва-ли остался въ живыхъ кто-нибудь изъ тѣхъ, о комъ въ нихъ упоминается. Сперва — нѣсколько словъ объ авторѣ «Записокъ».

Семень Андреевичъ Порошинъ, сынъ генералъ-поручика Порошина, бывшаго лѣтъ тридцать начальникомъ горныхъ заводовъ въ Сибири, родился въ Кунгурѣ, въ 1741 году, воспитывался въ кадетскомъ корпусѣ, и, при счастливыхъ способностяхъ, успѣлъ отлично образоваться. Онъ зналъ французскій и нѣмецкій языки, занимался литературою, даже печаталъ переводы свои въ *Ежемесячныхъ Сочиненіяхъ*, и опредѣленъ былъ адъютантомъ къ Императору Петру III. По восшествіи на престолъ Императрицы Екатерины, его опредѣлили въ число наставниковъ къ юному Великому Князю Павлу Петровичу. Порошинъ преподавалъ математику. Молодость, любезность и усердіе пріобрѣли ему особенную любовь и довѣренность августѣйшаго Воспитанника, а умъ, образованность и характеръ — покровительство и пріязнь графа Никиты Ивановича Панина, начальника надъ воспитаніемъ Великаго Князя. Порошинъ былъ домашній челоѣкъ при Великому Князѣ, и могъ надѣяться многого. Противъ него вооружились другіе, перетолковали его слова и поступки, и кончилось тѣмъ, что, несмотря ни на какія отношенія. Порошинъ принужденъ былъ отказаться отъ своей должности. Братъ Никиты Ивановича Панина, графъ Петръ Ивановичъ отправлялся въ армію, которая тогда всё готовилась къ войнѣ съ Турками. Порошинъ, за годъ прежде пожалованный въ командиры отлично хорошаго пѣхотнаго полка, могъ надѣяться и чести и чиновъ въ походѣ, тѣмъ болѣе, что Румянцовъ зналъ и любилъ его. Но онъ заболѣлъ дорогою, находясь близъ Елисаветграда, и умеръ, когда армія выступила въ походъ, на тридцатомъ году жизни. Прекрасный собою мужчина, какъ можно судить по приложенному при «Запискахъ» портрету, Порошинъ, при необыкновенномъ тогда образованіи, былъ уменъ, любилъ отечество, хотѣлъ добра, не терпѣлъ козней, былъ горячъ, откровененъ, не боялся говорить правду, и говорилъ ее иногда довольно рѣзко. Вотъ нѣсколько чертъ къ его характеристикѣ :

«Пришло мнѣ, не знаю, какъ-то въ голову изъ Ломоносова похвальнаго слова Петру Великому то мѣсто, гдѣ написано: *Ты одна истинная на лѣдница, ты дочь моего просвѣтителя!*» И какъ я сіе изговорилъ, то Его Высочество смѣючись позволилъ сказать: *Это, кажется, ужъ изъ сочиненіевъ дурака Ломоносова!* Хотя онъ сіе и шути изволилъ сказать, однако жъ говорилъ я ему на то: «Желательно, Государь, чтобы много такихъ дураковъ у васъ было. А Вамъ, мнѣ кажется, неурочно такимъ образомъ о такомъ Россіянинѣ отзываться, который во долюкздѣсь, но и во всей Европѣ, ученіемъ своимъ слыветъ, во многія академіи принятъ членомъ. Вы великій князь російскій. Неудобно Вамъ быть и покровителемъ музъ російскихъ. Какое для молодыхъ учащихся Россіянъ будетъ ободреніе, когда они примѣтятъ или услышатъ, что уже человекъ такихъ великихъ дарованій, какъ Ломоносовъ, пренебрегается? Чего имъ тогда ожидать останется, изъ которыхъ природа, конечно, не многихъ Ломоносовыхъ сдѣлала? Правда, что Ломоносовъ имѣетъ многихъ завистниковъ, но сіе самое доказываетъ его достоинство; великія дарованія всегда возбуждаютъ зависть. Дотога испорчено сердце человѣческое, что по большей части хулятъ такихъ, которые хвалы достойны, а хвалятъ такихъ, которые хулу заслуживаютъ. Немного такихъ людей, чтобы всѣмъ отдавали справедливость. Его Высочество, выслушавши, изволилъ говорить, что «эго, конечно, справедливо, и что онъ только пошутить!»

Порошинъ особенно уважалъ Дмитревскаго, и говоритъ, что онъ игралъ Мольерова «Цѣлюдима» очень хорошо. «Великій Князь сказалъ однажды, что Дмитревскій ѣдетъ въ чужіе края, смотрѣтъ англійскаго и французскаго театра. Какъ я спросилъ: скоро ли Дмитревской ѣдетъ, и надолго ли, Великій Князь изволилъ отвѣчать мнѣ: я, братецъ, въ подробности о комедіантахъ не вложу, а особливо объ русскихъ. Къ сему сказалъ я:—Для чего жъ бы о русскихъ комедіантахъ не входить въ подробности? Его Высочество опять отвѣчалъ: *Для того, что они дурию играютъ. На сіе говорилъ я, что надобно Его Высочеству по-крайней-мѣрѣ, желать, и доводить до того, чтобы они хорошо играли. Тутъ изволилъ сказать мнѣ: Чтбъ изъ того прибьли, что я, сидя здѣсь, жьлатъ буду, чтобъ они хороши были, и они всё-таки таковы же останутся!*» Тутъ къ спору присталъ графъ Чернышевъ, принявъ сторону Порошина. Въ другой разъ также зашла рѣчь о русскомъ театрѣ. «Было тутъ у всѣхъ разсужденіе, какъ театръ русскій

въ лучшее привести состояніе; что многіе хулятъ комедіантовъ русскихъ ддятого только чтобы хулить; что намъ надобно въ семъ случаѣ не такъ быть строгимъ и думать богѣ объ исправленіи недостатковъ, нежели пустымъ вавиѣшествомъ показывать свое легкомысліе и слабоуміе; что вѣтреная хула пролична только безмозглымъ вертопрахамъ; что надобно любить свое отечество и всѣми силами стараться прикрывать, какіе сѣтъ въ немъ недостатки, а между-тѣмъ исправлять ихъ, и что безъ того никогда выше посредственности вознестись невозможно.» Разговорившись о Монтескьѣ и Гельвеціусѣ, Великій Князь сказалъ: «Куда какъ книгъ-то мною пишутъ, ежели вѣтъ взять, сколько ни есть ихъ!... а всё-таки пишутъ да пишутъ!» «Говорилъ я Его Высочеству, что ддятого всё пишутъ да пишутъ, что много еще есть вещей и дѣлъ совсѣмъ не открытыхъ и неизвѣстныхъ, которыя мало-по-малу открываются, и что многія извѣстныя и открытыя требуютъ объясненія и дополненія; что чтеніе чловѣку, чѣмъ онъ выше падъ прочими, тѣмъ полезнѣе, но что между множествомъ книгъ весьма много есть дурныхъ и посредственныхъ, ддя чего надобенъ необходимо выборъ: первое, чтобы книги были самыя лучшія; второе, чтобы онѣ съ тѣмъ состояніемъ соответствовали, въ которомъ упражняющійся въ чтеніи изходитъ; что хотя и говорить—ремесла за плечыи не посягъ, однако одно другаго можетъ быть пужнѣе и необходимѣе; что со всѣмъ тѣмъ есть такія книги, которыя ддя всякаго состоянія къ просвѣщенію разума необходимы, и что въ числѣ такихъ книгъ почитаю я прежде помянутыя книги, сочиненія господина Монтескьѣ и Esprit Гельвеціусовъ; что такихъ книгъ не такъ много, чтобы въ нихъ обчесться можно было.» Тутъ можетъ показаться страннымъ, что сочиненіе Гельвеція считали великимъ твореніемъ, но оно тѣмъ любопытнѣе ддя насъ.

«Пострадалъ я сегодня за столомъ ужасно», пишетъ С. А. Порошинъ: «и какъ не страдать, когда вотъ что происходило: рано разговорились мы о Государѣ Петрѣ Великомъ. Нѣкто, прешедъ молчаніемъ всѣ великія качества сего монарха, и о томъ только твердымъ разсудилъ за благо, что Государь часто наивался джмьяна, и билъ министровъ сеа-

изъ палкою. Другой *никто*, изъ неосмотрительнаго подражанія тому, отнюдь непозволительному разговору въ присутствіи Е. В., прибавилъ къ тому, что какъ Государь былъ палкою въ одно время въ-когда своего генерала, Нѣнца, то сей генералъ сказалъ изъ Библіи: «*Рука Господня прикоснуса мнѣ*», и проч. Превжій *никто* продолжалъ, что только-де и на свѣтѣ *Государей-орачуновъ* по исторіи что Петръ Первый, да покойный король Пруссійскій, отецъ нынѣшняго короля (Фридриха Великаго). Потомъ какъ зачалъ онъ выхвалять Карла Двѣнадцатаго, короля шведскаго, и я сказалъ ему, что вотъ Вольтеръ пишетъ, что Карлъ Двѣнадцатый достоинъ быть въ арміи Петра Великаго первымъ солдатомъ, то спросилъ у него Е. В., неужели это такъ. И тутъ говорилъ Е. В., что, можетъ-быть, и написано, однако то крайнее ласкательство. Наконецъ, какъ я говорилъ, о письмахъ Государевыхъ, которыя онъ изъ чужихъ краевъ писалъ къ своимъ министрамъ, и упоминалъ, что для лучшаго объясненія его исторіи надобно непременно имѣть тѣ письма, что я многія у себя имѣю, и прочая, то первый *никто* ни какого болѣе на то примѣчанія не изволилъ сдѣлать, какъ только: «Какъ смѣшны эти письма тѣмъ, что Государь въ нихъ писывалъ иногда — *Минь-геръ адмиралъ*, и подписывалъ — *Питеръ!*» Признаюсь, что такія рѣчи жестоко меня тронули, и много труда мнѣ стоило скрыть свое неудовольствіе и удержать зачатливость. Я всему разумному и безпристрастному свѣту отдаю на разсужденіе: пристойно ли, что Е. И. В., престола російскаго Наслѣдникъ и Государь Петра Великаго родной правнукъ, такимъ недоброчотнымъ разговорамъ былъ свидѣтель? Ксенофонтъ представилъ намъ въ Киръ государя совершеннаго. Безтолковые историки опровергаютъ во многомъ исторію Ксенофонтową. Но люди остроумные и прозорливые, мало заботятся о томъ, былъ ли таковъ Киръ, превозносятъ историка хвалами, что представилъ въ немъ совершенный образецъ государей. Не необходимо ли нужно представлять и Е. В. хваленыя дѣла именитыхъ героевъ, дабы возжечь въ немъ охоту и благородное рвеніе къ послѣдованію имъ? Это, кажется, очевидно и безсомнительно. Но чьи дѣла болѣе въ немъ возбудятъ вниманіе, сильнѣйшее произведутъ въ немъ дѣйствіе, и для свѣдѣнія его нужнѣе быть могутъ, какъ дѣла Государя Петра Великаго? Они по всей подсолнечной громки и велики, превозносятся съ восторгомъ сыновъ російскихъ устамъ. Государь Великій Князь родной Его Величеству правнукъ, рожденъ въ томъ же народѣ, и того жъ народа, Божиими судбами, будетъ въ свое время обладателемъ. Если бы не было никогда на російскомъ престолѣ такого несравненнаго мужа, каковъ былъ Его Высочества великій прадѣдъ, то бы полезно было вымыслить такого Его Высочеству для подражанія. Мы имѣемъ столь преславнаго героя, и — что дѣлается? Я не говорю, чтобъ Государь

Петръ Великій совѣтъ не имѣлъ ни какихъ недостатковъ: но кто изъ мертвыхъ не имѣлъ ихъ? Сколько ни извѣстно великихъ мужей по исторіи, всѣ подвержены были въ некоторымъ слабостямъ. Но, представляя ихъ въ примѣръ, не о порокахъ ихъ проповѣдывать должно: надобно добродѣтели ихъ описывать. Пороки могутъ быть, или совсѣмъ умолчаны, или и открыты, но мимоходомъ, съ такимъ напонианіемъ, что представляемый въ образецъ государь всѣми силами старался отъ нихъ избавиться и побѣждалъ ихъ. А вмѣсто-того что же?

Нельзя не отдать справедливости доброму намѣренію С. А. Порошина въ этомъ случаѣ.

Приведемъ еще черту одну которая его обрисовываетъ. «Пришелъ гофмаршалъ, князь Николай Михайловичъ Голицынъ. Зашла рѣчь объ ариѳметическихъ дѣйствіяхъ, и какъ князь сказалъ, что надобно бы прежде долей учить тройныя правила, то Великой Князь изволилъ сказать ему: — Знать, что не надобно, когда мнѣ инымъ образомъ показывали, и этому челоѣку (ссылаясь на меня) больше вашего сіятельства въ этомъ случаѣ извѣстно, что прежде надобно показать, а что послѣ.—И въ самомъ дѣлѣ, послѣдуя натуральному порядку, возможно ли тройныя правила, основанныя на геометрической пропорціи, толковать прежде нежели свойства и дѣйствія чиселъ ломаныхъ? Есть русская пословица: зналъ бы сверчокъ свой шестокъ! Я никогда не вступлю въ споръ о томъ, сколько свѣтъ надобно въ которую комнату, и которое блюдо надобно поставить на краю стола, а которое на серединѣ!...»

Познакомивъ читателей съ сочинителемъ «Записокъ», скажемъ, что онъ началъ вести ихъ съ сентября 1764 года, и велъ до января 1765 года. Тогда начались педоброжелательства противъ Порошина, и «Записки», о которыхъ сдѣлалось извѣстно, принужденъ онъ былъ прекратить. Жаль и еще болѣе жаль, что въ 1765 году не достаетъ всѣхъ тетрадей съ 25 марта по 13 іюля. Остальные мѣсяцы записаны изо дня въ день. Всѣ замѣтки касаются жизни при дворѣ Великаго Князя Павла Петровича. Довольно однообразно отмѣчены часы вставанья, обѣда, отхожденія ко сну, ученья, занятій, забавъ. Показывая иногда свои замѣтки

Великому Князю. для поученія его, Порошинъ отмѣчаетъ и похвальное, и достойное осуженія съ искреннимъ желаніемъ добра. Мопотность такихъ замѣтокъ разнообразится описаніемъ частныхъ случаевъ въ отдѣленіи дворца Великаго Князя, иногда въ отдѣленіи дворца самой Императрицы, куда Порошинъ часто сопровождалъ Наслѣдника. Здѣсь множество драгоценныхъ подробностей о частной жизни Императрицы, ея обществѣ, вечерахъ, забавахъ, праздникахъ, вѣскольکو любопытныхъ анекдотовъ объ Императрицѣ и близкихъ къ ней особахъ; и о многомъ можно еще догадываться. Въ отдѣленіе Великаго Князя ежедневно являлись люди, одни и тогда уже извѣстные, Орловы, графъ А. С. Строгововъ, Минихъ, Румянцовъ, князь А. М. Голицинъ, другіе сдѣлавшіеся замѣчательными впоследствии, какъ, наиримѣръ, фельдмаршалъ Каменскій: онъ здѣсь видѣнъ еще молодымъ полковникомъ, котораго отправляютъ учиться тактикѣ у Фридриха, и Фридрихъ называетъ его «молодымъ Канадцомъ» *C'est un jeune Canadien, qui est cependant assez policé*. Порошинъ упоминаетъ о разговорахъ за столомъ, при посѣщеніяхъ, и передаетъ характеры многихъ историческихъ лицъ, или очерки тогдашнихъ и прежнихъ нравовъ.

Всего болѣе говорится о графѣ Никитѣ Ивановичѣ Панинѣ, игравшемъ такую важную роль въ началѣ царствованія Екатерины, посланникъ въ Копенгагенъ, Дрезденъ и Стокгольмъ, при Императрицѣ Елизаветѣ, оберъ-гофмейстеръ Великаго Князя Павла Петровича втеченіи тринадцати лѣтъ, съ 1763 года управлявшемъ коллегіею иностранныхъ дѣлъ, врагъ Потемкина, покровитель фонъ-Визина. Императрица Екатерина не находила средствъ наградить Папина за понеченія о Великомъ Князѣ: пожаловала его первымъ классомъ, подарила ему восемь тысячъ пять сотъ душъ крестьянъ, назначила по сорока пяти тысячъ рублей жалованья кромѣ другихъ окладовъ, отдала на выборъ любой домъ въ Петербургѣ, и на обзаведеніе посла сто тысячъ рублей, серебряный сервизъ въ пятьдесятъ тысячъ рублей, годовой запасъ винъ и провизіи, экипажи и ливрею придворные. Панинъ скончался въ 1782 году: августѣйшій Воспитанникъ оплакивалъ его неутѣшно, и рыдалъ на сѣ-

металъ. «Занески» Порошина, большой занесъ для біографіи Панина. Онъ говорилъ прямо все что думалъ, и память его была хранилищемъ множества подробностей, которыя любилъ онъ рассказывать.

Другое замѣчательное послѣ Панина лицо, которое безпрестанно является у Порошина — Платонъ, впоследствии знаменитый архипастырь, тогда еще архимандритъ, законоучитель Великаго Князя, но уже проповѣдникъ, отличаемый Императрицею, «Отецъ Платонъ», говорила она (стр. 419) «дѣлаетъ изъ насъ все, что хочетъ: хочетъ онъ, чтобы мы плакали, мы плачемъ, а хочетъ, чтобы мы смѣялись, мы смѣемся.» Платонъ является человекомъ, образованнымъ, съ умною рѣчью, и множество отвѣтовъ его въ замѣчаній показываютъ просвѣщеніе необыкновенное. Однажды его пригласили въ кукольную комедію при дворѣ: онъ задумался, посоветовался съ Порошинымъ, и пошелъ, потому что была кукольная комедія, а не театр. Вотъ еще нѣсколько подробностей: «Сказывалъ отецъ Платонъ о преосвященномъ Дмитріи Сѣченовъ, митрополитѣ новгородскомъ, какой онъ мастеръ обращать раскольниковъ. Будучи въ одно время въ энархіи своей, призвалъ нѣкоторыхъ раскольниковъ, и спрашивалъ, для чего они въ церковь не ходятъ. Раскольники говорили: какъ-де намъ ходить! у васъ обѣдню служатъ на пяти просвирахъ, а по старому обычаю служить должно на семи. Преосвященный призвалъ къ себѣ при нихъ же тутешняго священника, и приказывалъ ему:—Впредь служить обѣдню на семи просвирахъ; пять положи такъ, какъ обыкновенно, по-служебному, а къ тому прибавь потомъ одну за него, а другую за жену его (указывая на одного раскольника.) Раскольники весьма были тѣмъ довольны, пошли и обратились. Весьма бы убавилось расколовъ, если бъ такъ поступать съ раскольниками, обращая требованія ихъ болѣе въ смѣхъ, нежели уважая ими», прибавляетъ Порошинъ. Далѣе: «Говорилъ мнѣ Е. П. Никита Ивановичъ Панинъ про отца Платона, какія онъ здравыя мысли, какую ясную голову имѣетъ.—Дай Богъ только, продолжалъ онъ, чтобы этотъ человекъ духовный у насъ не испортился, обращаясь между прочимъ,

въ числѣ которыхъ всякихъ довольно.» Дмитрій Свѣ-
 новъ является рѣдко. Въ день коронаванія Императрицы,
 въ 1764, онъ служилъ обѣдню, и говорилъ поздравленіе,
 «по обыкновенію своему, въ словахъ краткихъ, но важ-
 ныхъ и выразительныхъ.» Замѣтимъ еще старика *Мин-
 ха*: онъ ужъ забавлялъ тогда дѣтствомъ преклонныхъ
 лѣтъ. Въ день Рождества, 1765 года, онъ подносилъ Им-
 ператрицѣ какія-то прописи. «Видно, что старичку за
 осеиьдесятъ лѣтъ уже», прибавляетъ Порошинъ, «и что
 возвращается къ нему вѣрой вѣкъ младенчества.» На
 домѣ Миниха, бывшемъ на Литейной, изображены были
 разныя арматуры, въ цѣнахъ Турки, знамена, и прочая.

Въ общество Великаго Князя являлись и литераторы.
 Не говоря уже объ Елагинѣ, молодой Лукинъ прино-
 силъ свои комедіи: ихъ читали и хвалили. Разговорив-
 шись о Ломоносовѣ, Порошинъ пожелалъ, чтобы и въ
 вѣкъ Его Высочества были такіе. «*Богдановичъ будетъ
 таковъ!*» отвѣчалъ Великій Князь. Богдановичъ былъ
 тогда при Панинѣ, и славился переводомъ «Поэмы на раз-
 рушеніе Лиссабона». Кстати замѣтить, что Порошинъ
 упоминаетъ о неизвѣстномъ намъ сочиненіи Ломоносова,
 проектъ, который подалъ онъ, въ 1758 году, въ Прави-
 тельствующій Сенатъ, о воздвиженіи памятника Петру
 Великому. Сумароковъ находился тогда наверху славы.
 Ему позволяли приходить, говорить что угодно и бра-
 нить кого угодно. Порошинъ смѣшилъ Панина рассказами
 о ссорѣ Сумарокова съ графиней Варварой Александровной
 Бутурлиной. Извѣстно, что когда графиня сказала, что
 отецъ ея—графъ, Сумароковъ съ досадою закричалъ: «Эка
 невидаль! графъ!... а я князь на Парнассѣ, да еще одинъ,
 а Бутурлиными отъ Петербурга до Москвы дорогу можно
 вымостить!» Описывая обѣдъ, за которымъ былъ Сума-
 роковъ, Порошинъ прибавляетъ: «Говорилъ почти одинъ
 только Александръ Петровичъ, съ обыкновенною слово-
 бѣгlostью и острою; рассуждалъ о кулачныхъ бояхъ,
 о подъячихъ, объ авторахъ, о стѣнахъ ерусалимскихъ
 о обновленіи храма, и прочая. Никита Ивановичъ раз-
 говорами его очень веселился. «Александръ Петровичъ
 смиренъ былъ», замѣчаетъ Порошинъ, при другомъ-

обѣдѣ, «поговорилъ только нѣсколько о безграмотствѣ и о плутняхъ подъячихъ». «Отъ Александра Петровича много мы слышали замысловатыхъ шутокъ (когда онъ обѣдалъ въ третій разъ). Острота его и говорливость извѣстны довольно. Особливо два его сравненія понравились Великому Князю. Е. П. Никита Ивановичъ разсуждалъ, сколь вредительно, изъ среды государства выводить жителей, селить ихъ на границѣ, и еще, что отечество наше пространно, а жителей мало. Александръ Петровичъ землю, которая по границамъ населена только, а въ срединѣ пуста, сравнивалъ съ пирогомъ неначиненнымъ, а такую землю, которая пространна и малолюдна, сравнивалъ онъ съ большою табакеркою, въ которой табаку мало. Вотъ сравненія, которыми веселился Великій Князь. Его Высочеству хотѣлось разсердить Александра Петровича, и для того изволилъ онъ упоминать о сочиненіяхъ Луккина, однако Александръ Петровичъ отъ сердца удержался. Зато въ другой разъ онъ страхъ разсердился, и пошумѣлъ довольно. Жаловался Александръ Петровичъ Е. П. Никитѣ Ивановичу на генераль-полицмейстера Чичерина, что онъ обидѣлъ въ прошлый маскарадъ жену его, и кучера у нея съ козелъ хотѣлъ взять въ полицію. Александръ Петровичъ намѣренъ подавать о томъ челобитную Ея Величеству, а между-тѣмъ во время стола досталось Николаю Ивановичу Чичерину. Между многими насмѣшками говорилъ Александръ Петровичъ: — Возможно ли, чтобы человѣкъ, который въ молодыхъ лѣтахъ своихъ читалъ только *орбисъ пиктусъ*, могъ кучера моего лучше выучить нежели я? — Какъ сія матерія кончилась, то вступилъ Александръ Петровичъ въ правоучительныя разсужденія, и разсуждалъ весьма остро и замысловато. Разговорясь съ Никитою Ивановичемъ о господинѣ Кювилѣ (который былъ директоромъ учебной школы при академіи художествъ), онъ утверждалъ, что—это такая бестія, и такая невѣжда, какого другаго въ Россіи нѣтъ. Какъ Никита Ивановичъ сказалъ, что Иванъ Ивановичъ Бецкой господиномъ Кювилѣ очень доволенъ, и увѣряетъ что онъ въ новыхъ его учрежденіяхъ весьма много ему споспѣшествуетъ,

то Александръ Петровичъ говорилъ на то: Таковы-то вѣдъ и учрежденія, ваше превосходительство! Вы объ нихъ, какъ разумный человѣкъ, по одной наружности судить не станете. Кювиль надобно метлами отсюда вонъ выгнать, а Бецкаго, воль причесмотрѣть приморазумнаго и основательнаго человѣка, опредѣлить на мѣсто Кювиль смотрѣть, чтобъ мальчики хорошо были одѣты, и комнаты у нихъ вычищены. Еще принимая Александръ Петровичъ:—Есть-де нѣкто господинъ Таубертъ, и смѣется Бецкому, что рабятъ воспитываетъ на французскомъ языкѣ, а Бецкій смѣется Тауберту, что рабятъ въ училищѣ, которое недавно заведено при академіи (наукъ), воспитываетъ на языкѣ нѣмецкомъ. А мнѣ кажется, продолжалъ Александръ Петровичъ: и Бецкій и Таубертъ оба дураки: должно дѣтей въ Россіи воспитывать на языкѣ російскомъ!»

Порошинъ передаетъ намъ множество такихъ же подробностей объ оригиналахъ своего времени. Вводя насъ такимъ же образомъ въ дворъ Императрицы Екатерины, и въ ея общество, онъ рассказываетъ разные случаи, сообщаетъ разговоры, и иногда удачно обрисовываетъ характеры. То, что мы здѣсь выписали изъ его книги, достаточно уже показываетъ откровенность автора необыкновенный интересъ сочиненія для того, кто хочетъ познакомиться съ людьми и правами эпохи. *Historiettes* Порошина во многомъ любопытны и для изслѣдователей русскаго языка: у него нерѣдко встрѣчаются слова, теперь уже вышедшія изъ употребленія: *усилокъ*, *шутствовать*, и тому подобныя. *Овратный*, въ его время значило — *ближній*, *исключительный*; вмѣсто *половина девятого*, *половина десятого*, говорили — *пол-девятого*, *пол-десятого*, и прочая.

«Записки» С. А. Порошина изданы весьма исправно и красиво. Приложенный портретъ превосходно награвированъ. На трехъ снимкахъ помѣщены — спискомъ съ рукописи Великаго Князя Павла Петровича, С. А. Порошина шуточное распределение цолковъ, и два письма Падена къ автору.

ЖИВОТНЫЙ МЕСМЕРИЗМЪ. *Сочиненіе князя Алексѣя Долгорукаго. С. П.-бургъ, 1844, въ тѣх. Крайя, въ 8., стр. XV и 124.*

Заглавіе этой книги — такого рода, что, въ избѣжаніе всякаго несправедливаго недоразумѣнія, надо тотчасъ же сказать, что такое — авторъ ея. Есть умные люди, которые смѣются надъ животнымъ магнетизмомъ, или месмеризмомъ, и, наоборотъ, есть умные люди, которые ему вѣрятъ. Авторъ принадлежитъ къ тѣмъ умнымъ людямъ, которые не смѣются и вѣрятъ, вѣрятъ отъ всей души. Онъ съ гордостью говоритъ о себѣ: «Я — магнетизёръ!... я, слѣдовательно, скорѣе — братъ госпожѣ Турчаниновой чѣмъ докторамъ!»

Эта благородная откровенность — потому что не всякой умный человекъ охотно сознается въ томъ, что онъ магнетизёръ — совершенно располагаетъ насъ въ его пользу. Отнынѣ мы — приверженцы месмеризма, ревностные послѣдователи ученія князя Алексѣя Долгорукаго, и находимъ вполнѣ справедливыми доказательства его — что о месмеризмѣ можно писать и по-русски. «Но вотъ какая у насъ бѣда! весьма основательно замѣчаетъ онъ: врать по-французски можно; что ни сказалъ, все — правда; а по-русски, хоть правда, все — ложь! У васъ-топ ввелась по-«словница: гдѣ жъ Русскому знать какъ Французу!... хоть у нихъ сплошь и рядомъ, окромѣ французскаго, ничего не знаютъ»....

Первое сочиненіе автора, написанное подъ скромнымъ именемъ «Алексѣя Москвитянина», вышло изъ печати въ отсутствіе его и не было пушено въ свѣтъ. Однако жъ, какіе-то журналы поймали книжку и — злодѣи! — разбрали ее. Авторъ посылалъ въ эти журналы свои антикритики: ни одинъ не печаталъ ихъ. Нѣтъ! справедливости рѣшительно нѣтъ на свѣтѣ! Но отнынѣ впредь сія смиренная Лѣтопись будетъ ревностною его защитницею: авторъ очень хорошо слѣдалъ, что издалъ вторично это сочиненіе, исправленное и дополненное.

Сочиненіе знаменитаго магнетизёра нашего начинается

ся общимъ взглядомъ на заслуги Месмера. Этотъ Месмеръ любилъ деньги. Велика бѣда! «Да кто же ихъ не любить! преумно спрашиваетъ авторъ. На него и на «Ганемана (доктора) устремили глаза свои со всего міра съ «критическими намѣреніями: между-тѣмъ, *многіе* изъ «*онѣхъ* глазъ позабыли, чѣмъ сами-то нажили четырехъ-«этажные дома въ столицахъ и богатѣйшія имѣнія въ «провинціи.» Что правда, то правда!

Месмеризмъ былъ извѣстенъ уже Virgilio. Апулей тоже свидѣтельствуетъ о месмеризмѣ. Месмеръ только воскресилъ его, и тѣ, которые и теперь еще не вѣрятъ месмеризму—«не человѣки, а сущія подобія человѣковъ, скоты!» Къ намъ это вовсе не примѣняется. Мы уже вѣримъ!

Теоріи месмеризма ни какой нѣтъ. Ученые напрасно ищутъ ея. Хотите ли быть магнетизѣромъ? «Не подражайте никогда никому (или, всё-равно — никому), идите «собственнымъ шагомъ, не бѣгите, не зѣвайте на звѣзды, «а ищите подъ ногами своими, покуда не попадете на «фарватеръ, по пути къ храму природы; идите отъ сего «фарватера шагомъ до самаго храма, и когда взойдете въ «храмъ, такъ и откроется вамъ небо, ибо храмъ этотъ «есть природа, а въ природѣ заключается и небо». Но что же такое — месмеризмъ? спросите вы. *Все!* Коротко сказать, все—месмеризмъ! Вы почесали у себя въ головѣ, погладили собачку, посмотрѣли на человѣка: что вы сдѣлали? — вы *месмеровали!* Любовь, на примѣръ — чистый месмеризмъ. «Любовь, по ученію нашего учителя, автора «этой книги, рождается отъ двухъ родовъ месмерованія, «устремленія мыслей, и вліянія зрѣнія одного существа на другое; а потому, оно неоспоримо есть явленіе «животнаго магнетизма. Влюбленные, дойдя совершенно «до всего ими желаемого, остываютъ, остаются холодны «другъ къ другу. Скажутъ: да потому, что имъ скоро «надоѣло это совершенно-все ими желанное.»

Кромѣ обыкновенныхъ методъ магнетизированія, сидя, стоя, лежа, ходя, по-нѣмецки, по-французски, по способамъ Клуге, Биккера, Мейндюка, Ислона, Делеза, Лх-

ническаго и самаго автора, можно еще магнитизировать отсутствующихъ въ зеркало. Авторъ самъ испыталъ это. Удаливъ отъ себя на нѣсколько дней все плотское, онъ во все это время не пилъ и не ѣлъ ничего горячительнаго; потомъ поставилъ портретъ одной дорогѣй месмеризму особы противъ зеркала; сѣлъ, «безъ всякихъ глупыхъ словъ», спиной къ портрету, а лицомъ къ зеркалу, и месмеровалъ портретъ пять часовъ и осемь минутъ. Ему хотѣлось знать что въ ту минуту дѣлаетъ эта особа. Вотъ портретъ зашевелился. Онъ съ кѣмъ-то говоритъ и, — складываетъ губки въ трубочку удивительной прелести, — возгѣ этихъ чудесныхъ розовыхъ губокъ начинаютъ шевелиться какія-то губы, страшныя, непозволительныя, съ предезкими усами.... Мы не въ силахъ рассказывать дальнѣйшихъ подробностей этого предательскаго магнитическаго видѣнія. Почтенный магнетизёръ ужасно разсердился, — и по-дѣломъ! — разбилъ портретомъ зеркало въ тысячу кусковъ, заболѣлъ съ досады, и болѣе недѣли не выходилъ изъ дому. Наконецъ однако жъ ему захотѣлось сдѣлать повѣрку негодному явленію. Онъ поѣхалъ къ этой особѣ. Спросы — разспросы — справки — выправки: ничего подобнаго и во снѣ не бывало! Слѣдственно, месмеризмъ вретъ! магнетизмъ клеветаетъ!... Быть не можетъ! Стали разбирать подробности, соображать усы съ обстоятельствами, сравнивать, слѣдить, припоминать, — и оказалось, что, дѣйствительно, точно такое происшествіе однажды случилось, и случилось именно въ такое же число мѣсяца и въ такой же часъ, только — тому уже цѣлое десятилѣтіе. Месмеризмъ не совралъ! Портретъ, извольте видѣть, былъ писанъ за десять лѣтъ назадъ, какъ замѣчаетъ авторъ въ выноскѣ. Особа была вдова.

Авторъ заключаетъ, что если бы можно было имѣть портреты паціентовъ и паціентокъ, писанныя въ то же самое мгновеніе какъ намъ хочется поставить ихъ передъ зеркаломъ, то не было бы ничего легче какъ знать все что они дѣлаютъ. Нужно бы только запастись сперва большими зеркалами.

Одинъ изъ пріятелей автора, докторъ *** , никакъ не хотѣлъ вѣрить этому, но, на опытѣ, къ которому убѣдилъ

его авторъ, явились ему еще большія чудеса: онъ «такъ испугался, что оскочилъ и бѣжалъ изъ полемки.» Онъ увидалъ въ зеркалѣ, что его племянница, дома, обращается съ бутылкою. И вышло — правда!

Есть месмеристы дѣйствующіе зрѣніемъ: напримеръ, госпожа Турчанинова. Авторъ говоритъ, что ей запретили месмеризерство, не по просьбѣ завистливыхъ докторовъ, какъ увѣряютъ многіе, но потому что госпожа Турчанинова во зло употребляла свои глаза, и «съ дѣломъ мѣшала бездѣлье, или шарлатанство».

Авторъ месмеровалъ однажды самого себя, и вылечился отъ тяжелой болѣзни. Месмеризмъ во-первыхъ, очень удобно замѣняетъ всякое рвотное. Средство очень просто. Сожмите, говоритъ авторъ, руку въ кулакъ, всуньте его себѣ въ горло и станьте месмеровать: подѣйствуетъ лучше всякаго *tartarum emeticum*! «Изобрѣтатель этого рвотнаго былъ мудрецъ Эзопъ». Есть еще очень хорошій месмерическій способъ — *clustering donage*, какъ говоритъ мосье Журданъ. «Изобрѣтательницей этого способа была египетская птица Ибисъ; Месмеръ — ея послѣдователь, а врачи — только ея подражатели». Къ-сожалѣнію, мы никакъ не можемъ объяснить этого египетскаго специфика, въ которомъ, разумѣется, дѣйствуетъ тоже кулакъ. Безъ кулаки нѣтъ месмеризма.

Извѣстно, что человѣкъ нѣкогда былъ царь надъ звѣрями, птицами и рыбами. Но сдѣлался переворотъ, появилась республика, наступило безначаліе. «Удалаясь отъ человѣка», говоритъ авторъ, подданные его одичали, возмемши дѣла его, даже стали нападать на него. Потерявъ повсюду «веніе къ царю своему, человѣку, они нарушили власть «его, и вышли изъ порядка вещей, стали возставать другъ «на друга, сильный на слабого, и лишать жизни, ибо «безъ царя всегда безпорядокъ. Всякой захотѣлъ быть царедемъ: левъ надъ звѣрями, но тигръ возсталъ, и оспоривъ «власть его; китъ надъ рыбами, но морскія собаки не хотѣли признавать этого; преслѣдуютъ его, и часто лишаютъ «языка; орелъ надъ птицами, но галки, вороны и воробьи

«за нимъ гоняются; и такимъ образомъ порядокъ въ при-родѣ нарушился, права всѣ свои потеряли, стало варварство, вмѣсто блаженства». Месмеризмъ все это возстановляетъ въ прежнемъ законномъ видѣ: львы, тигры, змѣи, бараны, кошки, собаки, голуби, куры, индѣйки — да что! — вода, воздухъ, деревья, золото, каменья, — все, все подвластно месмеризму. Есть, правда, послушники, но ихъ немного. Къ такимъ мятежнымъ республиканцамъ принадлежатъ *квасъ, уксусъ, бульонъ, водка, спиртъ, ликеръ, апельсины, лимоны и померанцы*. Всѣ они не слушаются месмеризма, особенно, квасъ.

Магнетизёромъ сдѣлаться не легко. Капитальное условіе: «надо непремѣнно быть женатымъ, — женатымъ съ действительномъ смысломъ, — и надо притомъ еще жить съ женою какъ голубь съ голубкой». Вы знаете какъ это трудно для человѣка, который магнетизируетъ встрѣчнаго и поперечнаго, месмеруетъ встрѣчную и поперечную. Надо водить руками по ближнему. Я не хочу клеветать на мой полъ, особенно когда дѣло идетъ о такомъ высокомъ предметѣ какъ животный магнетизмъ, но тутъ есть одна маленькая статья, которую авторъ объясняетъ такъ: «Привноса жертвы ближнему, легко забытья, и принести жертву самому себѣ. Когда нѣтъ яблочка, тогда дитя и не проситъ его; но когда видитъ, и подавно когда въ рукахъ держитъ, то непремѣнно хотъ закусить его захочется, если нельзя скушать. А мы всѣ — люди; а люди всѣ — дѣти; а чѣмъ мы старѣе, тѣмъ чаще и болѣе — дѣти. А мы часто не яблочко видимъ, но просто цѣлыя дыны, да еще какихъ превосходныхъ вкусовъ!» Авторъ, зная по опыту, какъ это вредно успѣхамъ месмеризма, строго запрещаетъ магнетизёрамъ лакомиться такими фруктами. Далѣе воспрещается имъ курить и нюхать табакъ, «ибо воздухъ отъ табаку портится.» Запрещается также играть въ карты, «ибо карты вовлекаютъ насъ въ неистовый развратъ: сначала играемъ въ вистъ и бостонъ, а потомъ поставишь карточку, двѣ, вотъ — поставишь и на третью, — все пропало! Водятся ненависти. Мы возвращаемся иногда домой пѣшкомъ, вмѣсто кареты.» Наконецъ рѣшительно и крѣпко-на-крѣпко запре-

щается все, что принадлежит къ пятейному откупу. «Вспомните пословицу: первая чарка коломъ, а вторая «соколомъ. Не то чтобъ грѣхъ было пить вино умѣренно: «да кто ужъ выпилъ чарку, какъ за него ручаться, что конъ не выпьетъ другой, а подчасъ и третьей? Тутъ найдутся пріатели, друзья, товарищи. — Пей, братецъ! отъ «чарки еще не умрешь! — Вотъ и попадетъ въ голову. «Человѣкъ на-видъ никому этпмъ не дѣлаетъ вреда, а «только онъ — по-веселѣе; но тутъ-то изъ слуги свѣту «сдѣлается рабомъ тьмы. А намъ, магнитизѣрамъ, рабами «тьмы нейдетъ быть: мы должны возставать на нее. *Прій- «дутъ на умъ и красавицы. Чертей вездѣ много: какъ изъ «ни выводи, не выведешь! Подзадорятъ.... а пьяному и море «по колыно!»*

Когда магнитизѣръ женатъ, — въ дѣйствительномъ смы- слѣ,—и съ женой живетъ какъ голубь съ голубкой, яблоч- ками, будь они даже величиной съ дыню, не прельщается, табаку не куритъ и не нюхаетъ, въ карты не играетъ, чар- ки не держитъ, а также опіуму, мухоморовъ и кумысу не употребляетъ, ему остается и тогда еще многое до пол- наго совершенства: надо «посвятить себя послѣдованію «безсмертнаго Месмера», приобрѣсть познанія въ «физикѣ, психологій, физиологій, анатоміи, акушерствѣ, пато- логіи, ботаникѣ, химіи, фармаціи, аллопатіи, гомеопатіи, идропатіи, пиропатіи, аэропатіи, хирургіи, десмур- гіи, металлургіи, географіи, космографіи, носографіи, мик- рографіи, этнографіи, костоправствѣ, коновальствѣ и кро- вопусканіи; надо изучить теорію Месмера, Мейнджа и Исдона; надо потомъ испытать себя въ любви къ ближ- нему, выучиться вѣровать и управлять волею и желаніями, и прочесть сочиненія Кирхера, Кизера, Гарсіи, Пассавана, Жоржѣ, врачебную магію Каспара Шотта, руковод- ства Ляхницкаго, Эшенмейера, Пюи-Сегюра, Нассе, руко- пись нордгофскаго архива и натуральную философію Вел- ланскаго. «Тогда», говоритъ авторъ, «приступай къ дѣ- лу,—будь твердъ, непоколебимъ, —и будешь.... магнати- зѣръ!» Все покорится тебѣ, звѣри, птицы, рыбы, портре- ты, болѣзни, все, кромѣ квасу, уксусу, бульону, водки и апельсиновъ!

БИБЛИОТЕКА ДЛЯ ВОСПИТАНІЯ. *Отдѣленіе первое. Часть первая. Годъ второй. Москва, въ тип. Семена, 1844, въ-12., стр. 21 и 292.*

Первая книжка *по преобразованію*. Правило извѣстно: о преобразованіяхъ никогда не должно судить по началу. Двѣ трети томика, перваго по преобразованію, заняты переложеніемъ или изложеніемъ Иліады, подъ именемъ «Троянской войны». Господинъ Хомяковъ помѣстилъ вѣсколько словъ о жизни Царя Феодора Іоанновича. Госпожа Зонтагъ рассказала одинъ изъ тѣхъ рассказовъ, которые она такъ хорошо рассказываетъ, о двухъ мальчикахъ. Блестательный московскій профессоръ Грановскій далъ изчисленіе скандинавскихъ боговъ. Господинъ Шевыревъ началъ повѣствовать высокимъ слогомъ о жизни Рафаэля. Когда преобразование получитъ полное свое развитіе, критикъ, вѣроятно, ничего не останется сказать. *Quod est in votis.*

ОЦЕРКИ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ, *для дѣтей отъ десяти до пятнадцати лѣтъ. Перевелъ съ французскаго В. Модестовъ. Сп.-бургъ, въ тип. Жернакова, 1844, въ-12.; стр. 192.*

Достоинство этой книжки, совершенно зависитъ отъ понятія, какое кто имѣетъ о количествѣ исторической мудрости, нужномъ для дѣтей отъ десяти до пятнадцати лѣтъ. Въ концѣ, прибавленъ перечень событій русской исторіи.

ИСТОРИЯ ЦАРСТВОВАНІЯ ИМПЕРАТРИЦЫ ЕКАТЕРИНЫ ВТОРОЙ, *для чтенія юношества. Сп.-бургъ, въ тип. Жернакова, 1844 въ-12. Двѣ части, стр. 237 и 180, съ картинками.*

Книга въ томъ же скромномъ родѣ.

1. ЭТИМОЛОГИЧЕСКІЙ АНГЛІЙСКІЙ БУКВАРЬ, *содержащій въ себѣ наставленіе о произношеніи англійскихъ буквъ, первообразныя односложныя слова и уроки для чтенія. Составленъ Яковомъ Гердомъ. Сп.-бургъ, въ тип. Праца, 1844, въ-16., стр. 172.*

2. *VORBEGRIFFE der deutschen Sprachlehre. Von J. U. Faulstich. St.-Petersburg, bei Wingeber, 1844, 8-vo., pp. 80.*

Лѣтопись только записываетъ существованіе подобныхъ твореній. Достоинства и недостатки ихъ—такіе микроскопическіе, что ускользають отъ всякой оцѣнки.

НОВЫЯ БРОШЮРЫ.

1. *Надмогильная пѣснь, незабвенной памяти графу Александру Христофоровичу Бенкендорфу. Спб., 1844.*—Нѣсколько добрыхъ чувствъ въ честь добраго, умнаго и благороднаго человѣка, который умѣлъ заставить всю Россію любить и уважать себя.

Слово предъ погребеніемъ тѣла протоіерея *Михаила Логановскаго, говоренная священникомъ Василиемъ Помеловскимъ. Спб., 1844.*—Скромный памятникъ скромному пастырю, честному человѣку, котораго духовный санъ лишился въ началѣ нынѣшняго года. Отецъ Михаилъ былъ девять лѣтъ священникомъ при церкви Императорской Академіи Художествъ, и двѣнадцать лѣтъ при Екатерининской церкви, за Калинкинымъ Мостомъ. При немъ она и выстроена, подаваніями благочестивыхъ прихожанъ, по плану К. А. Тона и послужила образцомъ для великолѣпнаго московскаго храма Спасителя.

Иванъ Фаддѣичъ, атаманъ разбойниковъ. Истинное происшествіе. Повѣсть XIII вѣка. Москва, 1844.—«Здѣсь разскажутъ вамъ про важнѣйшіе трипортенны, что въ тринадцатомъ было вѣкѣ, когда питомцы грабежей и разбоевъ калили невинную природу огнемъ буйства и разврата. Тогда сердца, разрозненныя на пол-жизни хищниками спокойства и чести, не узнавали другъ друга при свободномъ свиданіи. Тогда невинность увѣкъ была стыдомъ и преступленіемъ. Въ сей-то повѣсти вы увиди-

«те причину ошибки сердца. Возьмите лишь терпѣніе, чтобы выслушать оную: это будетъ лучшею наградою разсказу.»

РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

— *«Жизнь пресвятыя Богородицы»*, изъ книгъ Четиминей, составленная госпожею Глинка, напечатана въ Москвѣ третьимъ изданіемъ. Тамъ же вышло второе изданіе *«Писемъ затворника Задонскаго Богородицкаго монастыря, Георгія, умноженныхъ и дополненныхъ»*, въ трехъ частяхъ, съ портретомъ и снимкомъ почерка.

— Въ Петербургѣ получена первая часть *«Новаго карманнаго русско-французско-нѣмецко-англійскаго словаря»*, господина Рейфа издаанный въ Карльсру. Вторая часть давно вышла въ свѣтъ: въ ней содержался словарь французско-русско-нѣмецко-англійскій. Эта часть имѣла у насъ большой успѣхъ: она вошла въ весьма обширное употребленіе, и совершенно заслуживала этого отличія. Первая, изданная теперь, такъ же тщательно составлена, такъ же красиво и четко напечатана. Видя это несмѣтное число знаковъ, сокращеній, удареній, поставленныхъ съ безукоризненною акуратностью, нельзя не удивиться терпѣнію ученаго автора и не поздравить его съ блистательною побѣдою, которую одержало оно надъ ратью страшныхъ трудностей, стоявшею передъ нимъ стѣною въ типографіи, гдѣ ни наборщики, ни корректоры не понимаютъ ни одного русскаго слова. Странно, и нѣсколько досадно, сказать, что полнѣйшій и лучшій русскій словарь для общаго употребленія изданъ—Швейцарцемъ—въ Германіи! Прибавьте еще, что словарь этотъ очень дешевъ. Третья часть словаря господина Рейфа будетъ начинаться нѣмецкимъ языкомъ, съ толкованіемъ словъ на русскій, французскій и англійскій. Она уже печатается.

— Не многія книги похвалятся такимъ расходомъ, какъ *«Карманный пѣсенникъ»*, господинна А. Андреева. Вотъ, въ два года, въ Москвѣ уже вышли четыре изданія этой мелодической книги, и каждое, говорятъ, было въ два или въ три завода, а всего болѣе десяти тысячъ экземпляровъ.

Замѣтите, что въ этомъ пѣсенникѣ нѣтъ народныхъ пѣсень: одна только куплеты изъ новѣйшихъ оперъ и водевилей. Кто эти куплеты читаетъ или, правильнѣе, кто ихъ поетъ, потому что читать ихъ не возможно—въ нихъ нѣтъ смысла!—это такая задача, которой разрѣшеніе заслуживало бы академической преміи. Замѣтите, что тутъ нѣтъ музыки, и читатель долженъ самъ изобрѣтать напѣвъ для каждой аріи. Въ два года — десять тысячъ экземпляровъ собранія безтолковыхъ куплетцевъ! Говорите, послѣ этого, что Италіяны — самый музыкальный народъ въ мірѣ!

— Извѣстный своими полезными трудами, докторъ Груммъ, издатель врачебной газеты «Другъ здравія» издалъ здѣсь, въ Петербургѣ, въ двухъ томахъ, сочиненіе, которое должно сдѣлаться ручною книгою всѣхъ семействъ: «Руководство къ воспитанію, образованію и сохраненію здоровья дѣтей.» Книга эта вполне заслуживаетъ вниманія благоразумныхъ и заботливыхъ родителей.

— Въ Москвѣ вышелъ новый романъ господина Воскресенскаго, «Самопожертвованіе».

— Книжные магазины М. Д. Ольхина оказываютъ весьма пріятную услугу публикѣ, стремленіемъ своимъ къ пониженію цѣнъ на русскія книги. Въ послѣднее время, эти магазины приобрѣли новѣйшія изданія сочиненій Пушкина и назначили за всѣ четырнадцать томовъ, вмѣсто нынѣшней цѣны семидесяти пяти рублей асс., только сорокъ два рубля асс., а именно за одиннадцать томовъ «Полнаго собранія» сочиненій Пушкина, вмѣсто прежнихъ пятидесяти и шестидесяти пяти рублей асс., на простой бумагѣ *осемь рублей серебромъ*, на веленовой *десять*; за три тома, прибавленные къ «Полному собранію», вмѣсто прежнихъ двадцати пяти и тридцати пяти рублей асс., на простой бумагѣ *четыре рубля серебромъ*, на веленовой *пять*. Вышедшій въ Парижѣ удивительно красивый, *выпукло-тисненый*, раскрашенный планъ Петербурга, можно достать въ тѣхъ же магазинахъ за 2 рубля 50 копейкъ серебромъ. Это — первый изъ всѣхъ доннынѣ изданныхъ плановъ столицы Россіи, на которомъ можно мгновенно отыскать все.

НОВЕБРЬ, 1844.

НОВЫЯ КНИГИ.

ТѢТУШКИНЫ МЕМУАРЫ. Москва, въ тип. Степанова, 1844, въ 8., стр. 79.

Я всегда удивлялся, — да и вы всё удивлялись, — и весь свѣтъ удивляется, какъ это у насъ, въ литературѣ, такая бездна ума! откуда мы его беремъ! какъ мы его дѣлаемъ?... по какому рецепту? А теперь я вижу, что это происходитъ очень просто. Когда кто-нибудь изъ насъ выдумаетъ что-нибудь умное, всё тотчасъ подражаютъ его выдумкѣ. А ужъ извѣстно, какъ наши подражаютъ! Русской всегда славилась своей удивительной ловкостью по этой части. Дай намъ голландское ружье, лонскую ленту, англійскую бритву, мадеру, поэзію, ананасъ, мысль; дайте только для образчика: поддѣлаемъ такъ, что узнать нельзя! Завистники, — они всегда есть у людей съ талантомъ, — завистники, пожалуй, скажутъ: «Какая же это мысль!... просто, поддѣлка!... подражаніе!... не настоящія!...» Ну, вотъ новость! Такъ что жъ, что поддѣльныя мысли, когда узнать нельзя! когда ихъ неразличишь отъ подлинныхъ! когда можно спустить за настоящія!... Покупайте!... съ возвратомъ, если кто скажетъ, что это — наши мысли!... съ тѣмъ продаемъ!

Вотъ, напримѣръ, покойный Мятлевъ написалъ очень умную шутку, которая цѣлую недѣлю была въ большой модѣ. Кто не читалъ этихъ безцѣнныхъ «Сенсацій мадамъ Курдюковой, въ Россіи, э данъ л'этранжэ»? Кто не повторялъ ихъ? кто не забылъ?... Многіе въ Петербургѣ тотчасъ же принялись за фабрикацію этого неподражаемаго своей великосвѣтскою наивною остроуміемъ. Но Петербургъ — не фабричный городъ. Работа не удалась. Въ

Москвѣ, дѣло другое! Тамъ, въ «Тѣтушкиныхъ мемуарахъ» такъ чудесно поддѣляли мадамъ Курдюкову, всю, съ ногъ до головы, что.... мало того сказать — узнать нельзя!... просто, изъ ^нрукъ вонъ!... такое сходство! У Тѣтушки — всѣ манеры мадамъ Курдюковой; у нея есть карета; есть даже Анета; она тоже путешествуетъ, скрываетъ рюкзакъ какъ чухонская телѣга, наблюдаетъ, умничаешь, дѣло мѣшаетъ съ бездѣльемъ, описываетъ Кремль, пресерансь, похороны, Сокольники, и все прочее, что нужно, какъ въ образчикѣ, полученномъ изъ Петербурга.

«Аккуратно, каждый разъ,
Нынче въ пятницу всѣхъ насъ
Дождь съ гулянья разгоняетъ;
Иногда онъ пострашаетъ,
И тотчасъ перестаетъ;
Нынче не-долго пойдетъ,
Пузыри по лужамъ скачутъ!
Вы зайдете къ намъ на дачу?
— Цѣтъ, ма шеръ, никакъ нельзя!»

Но.... монъ шеръ!... это скучно!... даромъ-что отъ ума отличить нельзя.

СОРОКЪ СЕМЬ СТИХОТВОРЕНІЙ *Н. М. Языкова*. Москва; въ тип. Авг. Семена, 1844, въ-12; стр. 94 и II.

Нѣкогда, во времена давно-минувшія, въ глубокой дремотѣ, въ лѣто отъ Рождества Христова 1833, когда въ Руси были еще стихи, и даже нѣсколько капель поэзіи, авторъ подлежащей книжечки тиснулъ — не то что теперь! — не «Сорокъ семь.» а «Сто тридцать» стихотвореній. То-то было время! Сто тридцать стихотвореній!.. А теперь... о боги милосердые!... что случилось съ поэтомъ! въ книжки 1833 года онъ безжалостно выдралъ и выбросилъ двѣ трети, — оставилъ въ ней... увы!... прибавилъ въ нее... о горе!... то есть, оставилъ все, увы!... гдѣ *озывалъ къ мужъ, бряцалъ на лирѣ, возлашалъ гимны*, — прибавилъ двадцать пять сѣтованій на жизнь, на людей, на здоровье, на то что онъ уже не въ-состояніи пить рейнвейну и не въ силахъ грѣшить, — и является смиреннымъ, кающимся

грѣшникомъ. Оно и не худо, для примѣру другимъ, ради благоправія поэтическаго приходе, да не соблазнятся о пѣнн въ честь виноу, фіаламъ, бокаламъ, дѣвамъ. Но вѣдь это очень грустно! Сердце раздирается, когда видишь, какъ эта нѣкогда разгульная, краснощекая, буйная Муза, словно старая грѣшница, рядить себя въ чепецъ, охаеть, крихтитъ и поетъ цѣломудренно, и приглашаетъ пріятеля жить мирно и скромно въ матушкѣ-Москвѣ, или благодарить Балтійское Море за то, что оно изволило принести на пароходѣ другаго пріятеля изъ Любека въ столичный городъ Санктпетербургъ.

Вамъ, безъ-сомнѣнія, желательно послушать что-нибудь изъ новыхъ смиренномудрыхъ пѣсенъ Музы исправленнаго поэтическаго поведенія. Пѣнцой влаги, у. нед цѣтъ; ова теперь воспѣваетъ прелести воды, ищетъ вдохновенія въ морской тонѣ.

Рыбаки проворно гнаутъ
Неводъ на берегъ изъ водъ,
Грузно! Что ты, сине море,
Дало имъ за тяжкій трудъ?
Много ты въ своемъ просторѣ
Водишь рыбъ и всякихъ чудъ,
Много камней самоцвѣтныхъ,
Жемчуговъ и нитарей,
Драгоценностей несмѣтныхъ,
Соблазняющихъ людей,
Въ раковой твоей пучинѣ
Бережетъ скуное дно.
Что жъ ты, дало ль, сине море,
Рыбакамъ хоть на вино?
Неводъ вытапентъ, не много
Обитателей морскихъ,
Отъ сокровищъ бездны строгой
Нѣтъ подарковъ дорогихъ.
Вотъ лежитъ, блестя глазами,
Злой, прожорливый мокой,
Съ костоломными зубами.
Вотъ огромный близъ морской,
Красноносый, краснозубый,
Съ отвратительнымъ хвостомъ
Да скатываюся отъ клубы

На раздолье солновомъ,
 Воза съ два морскаго сору,
 И одинъ морской наукъ....
 А тащили, словно зору,
 А тудилась сотня рукъ!
 Видомъ моря любоваться;
 Собралась толпа гостей:
 Ей мѣшаютъ наслаждаться
 Рыбаки,—бѣгутъ за ней,
 И камочкамъ, денегъ просятъ:
 Бѣднякамъ изъ бездны водъ
 Сѣти длинныя выносить,
 Не питательный дождодъ!....

Правоучительно, слова нѣтъ: но занимательно ли!...
 Чтò тутъ веселаго, какъ рыбаки, изъ бездны строной та-
 щать воза два морскаго сору, скатавшася въ клубы на раз-
 долье солновомъ, въ томъ числѣ огромный блинъ и одного
 паука? Я не говорю, чтобы это не было нѣчто въ высо-
 кой степени поэтическое. Но эта поэзія блиновъ, красно-
 носыхъ, красноубыхъ, не совсѣмъ нова: это, собственно,
 гусиная поэзія; тверскіе крестьяне, пригоняющіе гусей въ
 городъ, всегда на улицѣ, въ честь имъ и въ наслаждение
 кухаркамъ, возлашаютъ ими слѣдующаго содержанія:
 «Гуси! гуси!.... чернобровы, черноусы!.... краснососы,
 красноубы!.... Правда, они, кажется не прибавляютъ—
 скатавшиеся въ клубы, и гусиная поэзія, за недостаткомъ
 дополнительной рѣимы, не производитъ того эффекта, какъ
 здѣсь поэзія блиновъ. Но всё же то ли дѣло та поэзія, ко-
 торую читатели привыкли слышать на шумныхъ пирахъ
 буйной Музы? Они, бѣдняки, бѣгутъ за Музою, канючатъ у
 нея хоть на вино, хоть пару прежнихъ стишковъ о томъ,
 «какъ чудно пьянствовала она!» И чтò же она? она посто-
 но отвѣчаетъ имъ:

•Остепеняютъ насъ, и учатъ насъ замѣтно
 Дѣта и бремя бытія,
 И нишъ буйный змль струн золотоцвѣтной
 Не веселитъ меня, друзья,
 Ни кимтокъ ея, ни блескъ ея мгновенной;
 И нишъ мнѣ уже милѣй.
 Напитокъ смиренный и безпльной,
 Вино густое, какъ елей,

Милѣй мнѣ тихій пиръ, и разговоръ неспорной,
 Рѣчей и мыслей ялавый ходъ,
 Милѣй почтительно-ласкаемая чаша
 Чѣмъ пѣсни, крикъ, и звонъ, и шумъ....
 Друзья! странна мнѣ юность наша:
 У ней все было на-обумъ!

На-обумъ, да весело, и Музѣ, и читателямъ! Развѣ те-
 перь лучше, особенно читателямъ, когда имъ —

• Бѣднякамъ, изъ бездны воль,
 Стыи длинныя выносятъ
 Не питательный доходъ!

ФАУСТЪ. ТРАГЕДІЯ. СОЧИНЕНІЕ ГѢТЕ. *Переводъ первой
 и изложеніе второй части.* М. Вронченко. *СН.-буря, въ
 тип. Фишера, 1844, въ-8., стр. IV и 432.*

Трудъ, передъ которымъ сниметь колпакъ всякій нѣмец-
 кій филологъ: перевести «Фауста» такъ вѣрно, — чуть не
 изъ строки въ строку, — отдавая отчетъ въ каждомъ от-
 ступленіи, и при этомъ въ плавномъ и звучномъ стихѣ
 сохранить всѣ красоты изящнаго, прихотливаго подлин-
 ника, и, въ заключеніе, присовокупить еще коммента-
 рій на знаменитѣйшее твореніе нѣмецкой словесности,
 съ полнымъ и обстоятельнымъ разборомъ, гдѣ «Фаустъ»
 оцѣненъ истинно мастерски, — все это такой подвигъ, ко-
 торый заслуживаетъ и удивленія и благодарности читателя.
 Даровитый переводчикъ явилъ себя не только хорошимъ
 знатокомъ языка переводимой книги и отличнымъ эстети-
 ческимъ критикомъ, но и весьма примѣчательнымъ поэтомъ.
 «Фаустъ», вызнаете, это — смѣшеніе красокъ самыхъ разно-
 образныхъ, противоположностей самыхъ рѣзкихъ, фанта-
 зій, самыхъ несовмѣстныхъ, звуковъ неба и воплей ор-
 гій, глубокой философіи и шутокъ буйнаго безсмыслия, и
 все это одѣто въ форму самую изящную, обрисовано во
 многихъ частяхъ художественною линіей, истинно антич-
 ной красоты. Можно вообразить трудности, представляемыя
 подобнымъ твореніемъ въ переводѣ. Онѣ побѣждены съ
 полнымъ, можно сказать, безпримѣрнымъ успѣхомъ. По-
 мните посвященіе «Фауста», переведенное нѣкогда и пре-
 лестнымъ перомъ Жуковского?

Вы носитесь передо мною снова,
 Невеселя видѣнья раннихъ дней!
 Рѣшусь ли васъ облечь въ одежду слова?
 Найду ли прежній пылъ въ душѣ моей?
 Вы неотступны! Что жъ? Душа готова
 Пожить и нынѣ средь былыхъ гостей.

Волшебная причаившая васъ сила
 Въ нее зиятъ жаръ юности вселила.

Вы время мнѣ напомнили златое,
 И много милыхъ призраковъ встаетъ!
 Вотъ, какъ преданье старины бывшее,
 Любовь и дружба первыя, но вотъ
 И грусть о всемъ, чѣмъ бытiе земное
 Звукрашало прежде своей челою,
 О тѣхъ друзьяхъ, что ужъ къ послѣдней цѣли,
 Обмануты надеждой, улетѣли!

Да, тѣ мои не слышать новыхъ пѣній,
 Чей слухъ начальнымъ пѣніемъ внималъ,
 Расцѣливъ кругъ ихъ отъ мірскихъ волненьй,
 Ихъ отголосокъ дружныи замалчалъ!
 Песю для чуждыхъ сердцу неколѣній,
 Борюсь, имъ чуждый, самыхъ ихъ похваля;
 Другамъ же, какъ почтить меня хвалою?
 Кто живъ, тотъ брошенъ далеко судьбою.

И въ міръ безплотныхъ, въ свѣтлый край свой отчій,
 Летитъ душа, давшишихъ думъ полна,
 Какъ ары стонъ Золовой, въ часъ ночи,
 Струится съ ямы пѣснь, сама слышна!
 Трепещетъ грудь! Отъ слезъ чуть видятъ очи;
 Суровость сердца грустью смягчена:
 Все сущее мнѣ зрится отдаленнымъ,
 И все бывшее вновь осуществленнымъ!

Нѣсколько мѣстъ изъ перваго пролога покажутъ лучше
 всего достоинства перевода. Не нужно и припоминать, что
 Грибоѣдовъ перевелъ этотъ прологъ, и что разговоръ книго-
 продавца съ поэтомъ, у Пушкина, подражаніе ему.

П О Э Т Ъ .

« Не говори мнѣ о толпѣ мірской,
 Которой видъ ничтожитъ вдохновенье —
 О давкѣ свѣта, каждый мигъ съ собой
 Грозящей насъ увлечь въ свое волненье;

Веди меня въ пріютъ тотъ неземной,
 Гдѣ для поэта зрѣеть наслажденіе,
 Гдѣ намъ сулятъ изъ Божеской руды
 Любовь и дружба счастья вѣчки!

Что создано душой тамъ не для свѣта,
 Что — слабо ли, удачно ль, всё-равно —
 Пролетѣть возмогъ языкъ поэта,
 Тѣ суетой здѣсь внигъ поглощено,
 И многія проходятъ часто лѣта,
 Пока вполнѣ оцѣнится оно!
 Блестящее — блеснувши, исчезаетъ;
 Наявное — въ потомствѣ позсіетъ!

п у т ь.

Ужъ эта, мнѣ потомственная слава!
 Что, если бѣ, вдругъ я ею бредить стану?
 Кто современниковъ тогда бы забавлялъ?
 А вѣдь нужна же имъ забава,
 И тотъ, кто ловко веселитъ свой вѣкъ,
 Есть, право, дѣльный человекъ.
 Угодный каждому, онъ смотритъ безъ испуга
 На множество своихъ причудливыхъ судей —
 Напротивъ, большаго себѣ желаетъ круга,
 Чтобъ потрясать его вѣршѣй.
 И такъ будь смѣль, яви свое искусство,
 Фантазію заставь заговорить,
 И весь ея причетъ, разсудокъ, страсти, чувство,
 Но не безъ глупости — прошу не позабыть!...

п о э т ь.

Отдай же мнѣ сперва тѣ времена златыя
 Когда я самъ былъ новичокъ,
 Когда изъ сердца глубины я
 Лилъ пѣснопѣнія несякнущій потокъ;
 Когда я видѣлъ міръ туманно
 Чудесъ отъ будущаго ждалъ,
 На всѣхъ поляхъ цвѣты встрѣчалъ,
 И рвалъ, встрѣчая безпрестанно!
 Бѣднякъ, тогда я былъ вполнѣ богатъ —
 Все къ истинѣ влекомъ, и все обману радъ!
 Отдай же все, что духъ мой такъ живило,
 Восторговъ, мукъ кипучую струю,
 Огонь любви и ненависти силу —
 Отдай мнѣ молодость мою!

Ш У Т Ь.

Другъ! молодость нужна, конечно,
Когда тебя враги зовутъ на бой;

Когда съ горячностью сердечной
Гоняются красотки за тобой;

Когда къ концу условленнаго бѣга

Награда лестная влечетъ,

Или гостей по пляска ждетъ

Разгульная ночной попойки пѣга;

Но бодро, опытнымъ перстомъ

Играть на лирѣ, или свирѣли,

Къ самимъ себѣ созданной цѣли

Пробраться вѣдомымъ путемъ,

Не вамъ ли, старцы, лучше подобаетъ?

За то и чтимъ мы васъ вельми!

Вздоръ, что насъ старость къ дѣтству возвращаетъ —

Она насъ застаётъ дѣтми!

Второй прологъ—горнее пространство, чистые духи и Ме-
фистофель.

П Е Р В Ы Й Д У Х ъ.

Съ несмѣтнымъ хоромъ съеръ слишию,

Звуча Всевышнему хвалою,

Въ пространствѣ солнце безпреставно

Течетъ заветною стезей,

И ходъ свѣтила громогласный

Непостижимъ ни для кого!

Великъ Создатель, и прекрасный

Созданья дивныя его!

В Т О Р О Й Д У Х ъ.

И съ непостижной быстротою

Земной кружится пышный шаръ;

На немъ смѣняется со тьмою

Небесный свѣтъ и съ хладомъ жаръ;

Моря колеблются; на брегѣ

Недвижны горы и поля —

Недвижны тамъ, но въ общемъ бѣгѣ

Съ собой ихъ двигаетъ земля.

Т Р Е Т Ъ Й Д У Х ъ.

И съ моря къ сушѣ, съ суши въ море

Преходитъ буря, и она,

Стихий въ безперерывномъ спорѣ,

Питаетъ жизни сѣмяна;

Съ перуномъ огнь опустошенья
Летитъ губительнымъ путемъ,
Но въ цѣломъ нѣтъ уничтоженья
И стройность неизмѣнна въ немъ!

всѣ трон.

Творецъ вселенныя всевластный
Непостижимъ ни для кого!
Всегда, какъ въ первый день, прекрасны
Творенья дивныя его!

МЕФИСТОФЕЛЬ.

Передъ Творцомъ и я уничтоженъ,
Но чуждый васъ объемлющей любви,
Я не способенъ къ пѣнью славословій —
Восторгъ мой былъ бы страшенъ и смѣшонъ.
Полету сферъ мнѣ недосугъ дивиться:
Я всё гляжу, какъ человекъ томится.
Отъ первыхъ дней не измѣнясь никакъ,
Божокъ земли и былъ и есть чудакъ;
Кчему же въ немъ, одномъ изъ земнородныхъ
Та искорка, что въ гордости своей
Зоветь онъ разумомъ, хотъ пребываетъ съ ней
Животиѣ всѣхъ остальныхъ животныхъ?

Бѣднякъ на стрекозу похожъ,
Которая въ травѣ всё не летаетъ,
А прыгаетъ, да всё одно и то жъ,
Какъ пѣла, такъ и расцвѣтаетъ....
Добро бъ въ травѣ! разгорячась,
Онъ суетъ носъ свой прямо въ грязь!

ДУХЪ.

Хулитель вѣчный! На землѣ, какъ видно,
Въ глазахъ твоихъ, и вообще и врозь,
Всегда и :се неблаговидно?

МЕФИСТОФЕЛЬ.

Да, нечего сказать, такъ дурно, что хотъ брось —
Такъ жалки люди, такъ имъ горя много,
Что даже я ихъ тормошу не строго.

Но, послушаемъ знаменитый монологъ Фауста въ пеще-
рѣ: переводчикъ имѣлъ здѣсь двухъ важныхъ соперни-
ковъ, Губера и Бенедиктова, которые блистательно пере-
ложили это мѣсто. Но трудъ его не боится ни какихъ
сравненій.

• Могуцій Духъ! ты даждь мнѣ, даждь мнѣ все,
 О чемъ просилъ я — ты: какъ мнѣ все возможно
 Склонилъ свой ликъ возмашени: даждь въ царство
 Весь этотъ міръ прекрасный, даждь свободу
 Природу чувствовать, природой наслаждаться.
 Не равнодушно только ей дивиться
 Ты позволяешь, но глубоко въ грудь ей
 Проникнуть взоромъ, какъ-бы въ сердце друга.
 Ты предо мной ведешь ряды живущихъ,
 И научаешь въ воздухѣ, въ водахъ,
 И въ тихихъ рощахъ находить собратьевъ.
 Когда въ лѣсу реветъ и свиститъ-бура,
 И дубъ могучій, нагая стремглавъ,
 Дробить стволы и вѣтви дроздъ сосѣднѣтъ,
 И звучно игоритъ ихъ надежю холмы,
 Ты плещь меня въ уютную щелочу,
 Мнѣ указуешь самого себя самъ,
 Моей души мнѣ открываешь тайны.
 Когда жъ потомъ прищѣтливо на небѣ
 Возидеть мнѣ, до мнѣ съ лѣсомъ, съ увесомъ
 Слетаютъ тѣни населяющихъ міръ
 Въ провѣтливѣ вѣна, въ развѣтлѣннѣ
 Отъ совершавій дѣла рождевый умъ.

Но, ахъ! теперь я клянусаю, что мнѣ
 Для челоука совершенства.. Съ лѣгой
 Возносящей меня къ богамъ, ты даждь мнѣ
 И спутника, и онъ ужъ мнѣ необходимъ,
 Хотя, холодно-дерзкій, удержитъ
 Меня въ мнѣ же онъ въ глазахъ, дичитъ
 Однимъ дуповеньемъ всё твои дары....
 Дѣятельно онъ къ мнѣ — къ той дроздѣ —
 Мнѣ въ сердце дикій разжигаетъ пламеди
 Такъ отъ желанья мчусь я къ наслажденю,
 А въ наслажденіи тоскую по желаню.

Вышисокъ этихъ было бы уже достаточно, но мы и
 должны забыть страницы, на которой болѣе всего удивля
 лись искусству переводчика. Ея и называть не нужно
 каждый догадывается, что мы говоримъ о чудномъ хорѣ
 ангеловъ, гдѣ Гёте, разнѣромъ стиха и звонкостью съст
 ливо жодобраанныхъ словъ подражаетъ колокольному звуку.
 Передать эти подражательные звуки на другомъ языкѣ
 съ сохраненіемъ смыслу и красоты подлинника, болѣе

но—верхъ переводнаго художества. Самые удачныя мѣста у господина Вронченко—тѣ же-намъ и у Гёте; мы означимъ курсивнымъ шрифтомъ тѣ стихи, которые должны подражать маленькимъ колоколамъ и читаются presto, а чужесловами тѣ, въ которыхъ, медленно, гудятъ большой колоколъ.

ХОРЪ УЧЕНИКОВЪ.

Смертью поправимъ

Смерть, намъ въ спасенье,
 Прощель оны со славою
 Изъ области глупья
 Въ свѣтъ нескончаемый,
 Въ свѣтъ безначальный.
 Почто жъ обитаемъ мы
 Миръ сей печальный?
 Почто жъ днесь и мы
 Не властны изъ тьмы
 Летѣть съ тую обитель
 Гдѣ, мамъ: Искупитель?

ХОРЪ АНГЕЛОВЪ.

• Христосъ воскресъ!
 • Мужайтесь, идите,
 • И міру гласите
 • О царствѣ небесъ!
 При насъ оны, учителя,
 Бога хвалите славу,
 Души исцѣлите славу,
 Вѣры крѣпите славу,
 Вѣрте, всякъ часъ,
 Вездѣ, безотходно,
 Звѣздой путеводной
 Оны будутъ при васъ».

Послѣдніе четыре стиха, у Гёте, болѣе звонки, и особенно счастливо у него паденіе четвертаго стиха. Но мы уже требуемъ невозможнаго!

Перейдемъ еще къ сценамъ другаго роду, наприимѣръ къ шабашу вѣдьмъ. Вы знаете, что въ «Фаустѣ» не все годится на-выдержку, однако жъ чтобы ознакомить читателей съ разнообразіемъ и гибкостью таланта переводника, мы приведемъ хоть пѣсню гулякъ въ вичномъ погребѣ Аурбаха:

«Въ подвале разъ крыса жить пошла,
Какъ на снокойный хуторъ.

Всѣ зла жиръ тамъ, и была
Телста, какъ докторъ Лютеръ.
Ей поваръ ялу далъ, и вотъ
У крысы заболѣлъ животъ,
Какъ отъ любовной страсти!

ГОРЬ.

Какъ отъ любовной страсти!

Бѣдняжка бѣгаетъ и пьетъ
Водичку въ каждой лужѣ,
И всё скребетъ, и всё грызетъ,
И всё бѣдняжкѣ хуже!
Вотъ стала прыгать, и не въ мочь
Пришлось ей наконецъ, точь-въ-точь,
Какъ отъ любовной страсти!

ГОРЬ.

Какъ отъ любовной страсти!

Тоска среди бѣла-дня вдругъ
Ее на кухню гонить,
Тамъ крыса пала, и отъ мухъ
Дрожить, пыхтить, да стонеть,

ГОРЬ.

Какъ отъ любовной страсти!

Сужденія господина Вронченко о «Фаустѣ» составляютъ чрезвычайно любопытныя страницы этой книги. Мы еще возвратимся къ нимъ. На первый случай довольно этого извѣстія о выхождѣ переводу, давно съ нетерпѣніемъ ожидаемаго и во всѣхъ отношеніяхъ какъ-нельзя болѣе замѣчательнаго.

САМОПОЖЕРТВОВАНІЕ. Романъ М. Воскресенскаго. Москва, въ тип. Селмаановскаго, 1844, въ 12. Четыре части, стр. 196 — 230 — 195 — 192.

Нынче, одинъ только господинъ Воскресенскій занимается у насъ романы. Куда дѣвалась эта тѣма романистовъ, которая, лѣтъ десять тому, высыпала на русскую классику

ность? Всё исчезло! На поле сраженія остался одинъ господинъ Воскресенскій, стоятъ на костяхъ своихъ побитыхъ собратьевъ, и — пишеть! — пишеть! — потому, я думаю, пишеть, что его читають. Онъ правъ. Впрочемъ, правы и тѣ, которые, за печальною погибелью рати русскихъ романистовъ, читають его, потому что въ романахъ господина Воскресенскаго, для людей благоразумныхъ, неизбалованныхъ, съ умѣренными желаніями, иногда бывало совершенно достаточное количество интересу; именно столько, сколько нужно, чтобы заснуть въ половинѣ книги. Я не смѣю ручаться заранѣе, отличаетъ ли подлежащій романъ его тѣмъ же драгоценнымъ достоинствомъ. Надѣюсь, и желаю отъ всего сердца. Но станемъ читать: такъ увидимъ на опытѣ.

Въ русскомъ царствѣ есть какой-то городъ Далекой, а въ городѣ есть слобода Суконка, а въ слободѣ есть суконая фабрика, а на той фабрикѣ хозяйнъ ея, Густавъ Ивановичъ Фальцъ, страшный богачъ, миллионщикъ, холостякъ и старикъ. У него есть конторщикъ Александръ Ивановичъ Нольской, прекрасный молодой человекъ, но только блѣдный и печальный. Вы угадываете, что Александръ Ивановичъ долженъ быть героемъ романа, потому что онъ молодъ. потому что онъ блѣденъ, потому что... такъ хочется автору: и вы еще не знаете Александра Ивановича! Онъ не просто конторщикъ на суконой фабрикѣ: онъ поетъ превосходно, танцуетъ еще лучше, любитъ.... о! увидите, какъ любить Александръ Ивановичъ!

Картина: русская изба, старуха, молодая женщина, молодой парень, и проѣзжій, мужчина лѣтъ тридцати, въ черномъ сюртукѣ, дорожной запыленной фуражкѣ, съ широкимъ зеленымъ козырькомъ, и съ толстою въ рукахъ палкою.... Проѣзжій мужчина второй герой романа, Василій Владиміровичъ Ольской, Сарпедонъ подлѣ Гектора, Александра Ивановича Нольскаго. Проѣзжій герой пишеть что-то углемъ на стѣнкѣ, и уѣзжаетъ. Прѣзжаетъ героиня, Софья Петровна Влонская — вдовушка, лѣтъ тридцати, но всё-еще прелестна какъ Вальшмовы вдовушки. Влонская читаетъ что написалъ

Ольскаго, в — убиваетъ. Написано было: «Гдѣ въ, тутъ ж. л!» Надобно вамъ сказать, что Влонская: племянница. Густава Ивановича; женщина-страдалица, поэтъ, в бѣдѣ, и прѣбываетъ жить у дяди. Она думала отдохнуть, у богатого дядюшки, да какой тутъ отдыхъ! Ольской на ней сватается, Нольской: влюбляется въ нее, она влюбляется къ Нольскаго, страдаетъ — буря, громъ, ночь! А Нольской: тутъ, в бѣдная поэтическая: вдовушка понадеется въ сѣти Нольскаго!... «Чего ты хочешь отъ меня?» — *Темнота* *ночной бури стирится навз отъ нескрежденности: поспердикишь глаза; а: услоуоленные громы залучиваютъ мототъ отрасти: и лепотъ поцѣлуевъ! отбѣчалъ счастливецъ: утроба: съ голубою небѣ своей подружъ — «Люблю — мед! — мой!» и прочая, и прочая.*

«Послѣ пермилхъ минутъ взаимнаго блаженства, когда *огненная лава: страсти высклинула: изъ обонхъ, и вастыла камнѣтъ, такъ, что хотъ печатки: свръзисвай,* Влонская пришла съ собою, и заговорила обыкновеннымъ: *человѣчскимъ: голосамъ:*» Но чуть только заговорила Софья Петровна *«собщановеннымъ: челоѣчскимъ: языкомъ»*, начинаютъ ужасы: и страсти, въ родѣ мистерій: Евгонія Ивановича Съ: Первая мистерія: Нольскій: разказываетъ: своемъ походеиія, какъ онъ шалелъ, танцовщицу увелъ, мотель; промотался, а Влонская повѣствуетъ, какъ она утимила: *перое самопожертвованіе, приняла на себя грѣхъ: матери, и выпла за Влонскаго.* Видите, маленька Софья Петровна: была поведенія не слишкомъ благопристойнаго, и полюбила Влонскаго, хотъ у нея была дочь двѣнадцати лѣтъ. Но это бы ничего: плохо то, что маленька Софья Петровна почувствовалъ однажды: *опаиный: зудъ на лбу и отпривался въ спальню: супруги.* Тамъ... былъ Влонской. Онъ бѣжать: но куда? И овъ: *приветоя у Софьи Петровны.* Папешка гонится, стучитъ, бьетъ въ: *дверя ногами — двери разлетаются! «Вы здѣсь?» — Зидсь! — «У кого?» — У Софьи Петровны! — «Какъ?» — Софья Петровна поняла въ ченъ дѣло (маленькій онъ:тъ: *бывае: уме: у насъ съ Олъскимъ, который гонится за: мажди:!* приняла грѣхъ на себя. Мечого дѣлаид: Софья Петровна: *обѣщала: съ: Влонскимъ; нострѣій: колдунъ: скоро: умретъ!**

Умерла и востроумная маменька. Умеръ и рогаый папенька. Софья Петровна начала жить и писать стихи; критики разобрали ихъ, и Софья Петровна, разсерженная, разочарованная, удалилась къ дядь. Густаву Ивановичу. Но тутъ-то попался ей Нольской, и быть бы бѣдѣ, да, къ счастью, Густавъ Ивановичъ придумалъ средство: все поправить: женить Александра Ивановича на Софьѣ Петровнѣ. Онъ хотѣ и бѣденъ, и молудъ, хотѣ Софья Петровна писать стихи и уже не въ первой молодости, однако жъ — жениться, пережениться! — та откажется отъ стиховъ и отъ «огненной лавы страстей»; тотъ еще будетъ красивый и раздобрѣетъ, — свадьба готовится! Ольгой съ горы съжить; но Густавъ Ивановичъ забылъ, что романа только двѣ части написано, а надобно четыре, и Софья Петровна обязана сдѣлать еще два самопожертвованія. Вотъ начинается третья часть, и.... (звонки)..... я.... спасите!... поддержите!... я валюсь.... засыпаю.... (сквозь сонъ) при себе.... утѣренности.... монахъ.... желаній.

ОПИСАНІЕ ПЕРВОЙ ВОЙНЫ ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА СЪ НАПОЛЕОНОМЪ, въ 1805 году, по Высочайшему повелѣнію сочиненное генералъ-лейтенантомъ и членомъ Военнаго Совѣта Михайловскимъ-Данилевскимъ. Сп.-бургъ, съ табл. III. О. К. Внутренней Стрѣлки, 1844, въ-8, стр. VII и 290, съ картами и планами.

Новое твореніе знаменитаго русскаго военнаго писателя, приобрѣтшаго европейскую извѣстность прекрасными «Описаніями» войны турецкой, войны шведской, и войнъ 1812, 1813 и 1814 годовъ. Но здѣсь дарованію его предстало новое употребленіе: тамъ торжествовали мы, а здѣсь торжествуетъ непріятель.

Сочиненія, подобныя книгѣ А. И. Данилевскаго — такое рѣдкое явленіе во всякой литературѣ, что невозможно не заняться ею съ полнымъ вниманіемъ отдѣльно и подробно. Здѣсь довольно сказать, что она издана очень красиво, и снабжена, для поясненія текста, пятью картами театральными дѣйствій и четырьмя планами битвы пресмыской и аутеррицкаго сраженія.

ИСТОРИЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ РОССИЙСКОЙ ГВАРДИИ. Составленная Пушкаревымъ. СПб.—бургъ тип. Д. Вилькиелъ Торшова, 1844, въ-8. Часть первая, стр. XIV, 379, 44 и XI, съ картинками, портретами и снимками.

Новое доказательство трудолюбія господина Пушкарева, плодъ обширныхъ изслѣдованій въ области военной литературы и въ архивахъ, которые были ему открыты правительствомъ.

«Исторія гвардіи» содержитъ въ себѣ описаніе начала каждаго гвардейскаго полка, перемѣнъ въ его одеждѣ, его службъ и наградъ, дѣлъ, въ которыхъ онъ участвовалъ, правилъ ученія, и всего, что до него касается, съ побѣдъ и начальниковъ до перестановки каждой солдатской пуговицы на мундирѣ. Все это сопровождается изображеніями мундировъ, хорошо гравированными и раскрашенными. Такихъ изображеній при первой части находится шестдесятъ девять. Кромѣ-того приложены портреты Петра Великаго, верхомъ, и Екатерины Второй съ эрмитажнаго Лампіева подлинника, рисунки осмнадцати гвардейскихъ знаменъ, снимки почерковъ Петра Великаго, Петра Втораго, Петра Третьяго и императрицъ Анны, Елисаветы и Екатерины Второй.

Порядокъ описанія принятъ авторомъ по царствованіямъ. Въ первомъ томѣ излагаетъ онъ исторію гвардіи до царствованія Императора Павла. Много находится тутъ совсѣмъ новаго, на примѣръ, составъ лейбъ-компаніи и щедроты, разсыпанныя гвардіи при началѣ царствованія Императрицы Елисаветы: главному дѣйствователю, Грошштейну, пожаловано было около тысячи душъ, прапорщицику Зотову до семи сотъ, сержантамъ Сурику, Журавлеву, Улучкину, Ахлестышеву, Игнатьеву, Осипову, Савину по пятисотъ, вице-сержантамъ по пятидесяти, капрамамъ по сорока, вице-капрамамъ по тридцати пяти, рядовымъ по двадцати. Въ особенныхъ приложеніяхъ, которыхъ число простирается до пятидесяти, помѣщены любопытные акты. Замѣтимъ подробную роспись бомбардирской роты Преображенскаго Полка, 1698 года, и балтировочный списокъ, съ отиѣтками Петра Великаго,

1723. Вотъ также любопытная бумага: въ Преображенскомъ Подку не было указа о томъ, съ котораго времени считать въ службѣ великаго князя Петра Алексѣевича. Императрица Екатерина Первая рѣшила сомнѣніе, и Бутурдинъ, начальникъ гвардіи, написалъ о томъ къ майору подка Корчмину, что «онъ, Великій Князь, какъ родился, въ ту пору, пожалованъ былъ въ бомбардирскую роту въ солдаты, а въ 1719 году, какъ пошелъ Его Императорское Высочество изъ Петербурга въ московскій походъ, тогда пожаловали его, Великаго Князя, въ сержанты, и потому изволь, ваше благородіе, приказать написать его въ полковой списокъ солдатомъ 715 года, октября въ 12 день, а сержантомъ числить съ 719 года съ мая мѣсяца». Въ 1757 году состоялся замѣчательный приказъ, которымъ Императрица Елисавета «пожаловать соизволила, находящихся въ университетѣ пятерыхъ учениковъ въ капралы, и до окончанія наукъ повелѣла быть имъ при томъ университетѣ». Трое изъ этихъ учениковъ были Дмитрій Бабарыкинъ, Николай Каринъ и князь Леонъ Грузинскій, а четвертый — Григорій Потемкинъ. Вотъ, гдѣ начало карьеры Потемкина.

повѣсть о великой битвѣ бородицкой, бывшей августа 1812 года. Николая Полеваго. Сп.-бургъ, въ тип. Д. Вильшиной Торговли, 1844, въ-8, стр. 192, съ портретами и видами.

До «народныхъ чтеній» мы—очень умѣренные охотники и не считаемъ ихъ за литературу. Но это не значитъ, что мы—не умѣемъ знать имъ цѣны, когда они умны, хорошо написаны и положительно полезны. Русскій народъ грамоту знаетъ и читать хочетъ. Доказательство—безпрестанныя перепечатки книжонокъ, которыя успѣли втерѣться въ эту скромную публику. Надобно только приняться за дѣло не съ-высока, и съ настоящимъ знаніемъ народного характера и несомнѣннымъ талантомъ. Весьма ошибается, кто хочетъ вдругъ учить нашихъ простолюдиновъ исторіи и географіи или цѣликомъ передаетъ ему писанное для простолюдина французскаго и нѣмецкаго. Ошибка

также—*балагурить* съ нимъ, говоря для внятности мужицкимъ языкомъ съ прибаутками. Чтеніе для простолюдина, не предметъ роскоши, не препровожденіе времени, а работа. Господинъ Полевой въ своей «повѣсти о великой битвѣ Бородинской» нашелъ, безъ всего этого, языкъ пригодный и понятный простолюдину. Мы съ удовольствіемъ отдаемъ полную справедливость его намѣренію и его таланту. Къ книжкѣ приложены рисунокъ памятника бородинскаго, портреты Наполеона, Кутузова, Барклая де-Толли, Багратіона, вице-короля Италійскаго Евгенія, и планъ сраженія, порядочно гравированные.

ИСТОРИЯ ЦАРСТВОВАНІЯ ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА Перваго, для чтенія юношества, съ портретами и картинками. Сп.-бургъ, въ тип. Жернакова, 1844. въ-12. Двѣ части, стр. 204—271.

Вотъ удивительная исторія, о которой честь имѣемъ извѣстять всѣхъ, кому объ ней вѣдать надлежитъ. Въ оной исторіи, писанной для юношества съ портретами и картинками, какъ говоритъ заглавіе, удивительны прежде всего портреты и картины. Въ началѣ второй части помещенъ огромный блинъ, чернощеккой, черногубый, и почтенное юношество увѣряютъ, что это—Наполеонъ. Далѣе найдетъ оно пугало, которое, бабы ставятъ въ конопляхъ для назиданія воробьевъ: это—Пушкинъ. И такъ далѣе.—Потомъ удивителенъ составъ исторіи. Она нѣчто въ родѣ арлекинскаго платья, гдѣ шиты вмѣстѣ лоскутки всякаго цвѣту и всякой всячины, нахвачанные отвсюду. Но какъ нѣсть вздору, иже не содержитъ въ себѣ чего-нибудь любопытнаго, то, вотъ въ оной исторіи неожиданно нашамы, между прочимъ, цѣликомъ перепечатанныя «Мысли вслухъ на Красномъ Крыльцѣ». Онѣ были замѣчательнымъ явленіемъ своего времени. Сочинитель ихъ—графъ Ростопчинъ, чудный человекъ, Французъ какъ русскій дворянинъ и, въ то же время, коренной Русакъ какъ Скобелевъ. Онъ владѣлъ престонароднымъ нашимъ языкомъ, какъ, навѣрное, никто имъ не владѣетъ, и, что всего замѣчательнѣе, былъ такъ же уменъ и остеръ по-русски какъ и по-французски. Кто не знаетъ его

знаменитыхъ *аффишекъ*, которыми оживлялъ онъ русскій духъ въ 1812 году? «Мысли вслухъ» были, кажется, первымъ опытомъ его въ проstonародкѣ, и въ возбужденіи этимъ средствомъ патриотическаго участія въ необразованномъ классѣ. Успѣхъ «Мыслей» породилъ потомъ аффишки. Это было въ началѣ 1807 года, когда мы боролись съ Наполеономъ въ Пруссіи, и Россія волновалась надеждою, страхомъ, ожиданіями. Когда явились «Мысли вслухъ», никто не зналъ имени настоящаго сочинителя, но многіе помнятъ, какъ онѣ зашумѣли на Руси. Ихъ печатали, перепечатывали, читали, переписывали; десятки тысячъ экземпляровъ разлетѣлись повсюду. Не любопытно ли теперь прочесть ихъ, когда все давно прошло, исчезло, задвинулось столѣтіями, кажется! Умно, остро, и хорошо! Вотъ вѣскольکو отрывковъ:

«Господи помилуй! да будетъ ли этому конецъ? Долго ли намъ быть обезьянами? Не пора ли опомниться, приняться за умъ, сотворить молитву, плюнуть и сказать Французу: «Сгинь ты, дьявольское наважденіе! Ступай въ адъ, или во-свояси, всё-равно, только не будь на Руси!»

«Господи помилуй! Ужъ ли таки Богъ Русь на то сдалъ, чтобы она кормила, поила и богатила всю дрянную заморскую, а ей, кормилницѣ, и спасибо никто не скажетъ! Ее же бранять всё не на животъ; а на-смерть! Приѣдетъ Французъ съ вислицы, всё его на перехватъ, да онъ еще домается, говоритъ либо припцъ, либо бо-гачъ, за вѣрность и вѣру пострадалъ, а онъ, собака, хо-лопъ, либо купчишка, либо подъячій, либо попь-разстрига, либо отъ страху убѣжалъ изъ своей земли, поманерится педѣль двѣ, и пустится, либо въ торгъ, либо въ восмьтанье, а иной и грамотѣ плохо знаетъ!

«Господи помилуй! Да, какъ же предки-то наши жили «безъ французскаго языка? а служили вѣрой и правдой «Государю и Отечеству, не жалѣли крови своей, оставляли дѣтямъ въ наслѣдство имя честное, и помнили заповѣди Господни и присягу свою, за то имъ слава и царство небесное!

«Господи спаси! чему нынче дѣтей учать! Выговаривать чисто по-французски, вывертывать ноги, всклокачивать

«голову. Тотъ и умёнъ и хорошъ, котораго Французъ за «своего брата приметъ. Какъ же имъ любить свою землю, «когда они и русской языкъ плохо знаютъ? Какъ имъ сто- «дть за Вѣру, за Царя и за Отечество, когда они закону «Божьему не учены, и когда Русскихъ считаютъ за нед- «вѣдей? Мозгъ у нихъ въ тупеѣ, сердце въ рукахъ, а душа «въ языкъ. Понять нельзя, что врутъ и что дѣлаютъ! Все- «му свое названье: Богъ помочь—бонжуръ, отецъ—мусье, «старуха мать—маманъ, холопъ—монами, Москва—ридик- «юль, Россія—фидонкъ! Сущія дѣти и тѣломъ и духомъ «—такъ и состарѣются!

«Господи помилуй! только и видишь, что молодежь одѣ- «стую, обутую по-французски, и словомъ, и дѣломъ и по- «мышленіемъ французскую. Отечество ихъ на Кузнец- «скомъ Мосту, а царство небесное—Парижъ. Родителей не «уважаютъ, стариковъ презираютъ, и бывши ничто, хотятъ «быть все, завелись филантропы и низантропы, филантр- «опы любятъ людей, а разоряютъ мужиковъ; низантропы: «коть общества людей убѣгаютъ въ трактиры. Старухи и «молодыя сошли съ ума. Все стало каша кашей. Бѣгутъ «замужъ за Французовъ и тнушаются Русскимъ. Одѣты какъ «мать наша Евва въ раю, сущія вывѣски торговой бани, «либо мяснаго ряду! Даже и Чухонцы сказываются Дьяволи- «цами, а эти Нѣмцами. Охъ! тяжело! Дай Боже сто лѣтъ «здравствовать Государю нашему, а жаль дубины Петра «Великаго: взять бы ее хоть на недѣлку изъ кунст- «камеры, да выбить дурь изъ дураковъ и дурь! Господи по- «милуй! согрѣшилъ грѣшный!

«Прости Господи, все по-французски, все на ихъ манеръ: «пора уняться! Чего лучше быть Русскимъ? Не стыдно ли- «гдѣ показаться, ходи носъ къ верху, есть что поразска- «зать, а слушать иной не радъ, да готовъ. Вѣдь что за лю- «ди къ намъ ѣздить, и кому мы дѣтей своихъ вывѣремъ! «Того и смотримъ, чтобы хорошо выговаривалъ, а виро- «чемъ хоть иконы обдери! Ей Богу! стыдъ! во всѣхъ «земляхъ по-французски учатся, но для того, чтобы «умѣть читать, писать и говорить внятно. Ну, не смѣ- «шно ли нашему дворянину покажется, если бы рус- «скій языкъ въ такой былъ модѣ въ иныхъ земляхъ какъ

«Французскій, и царь Климка, поваръ Абрашка, холопъ Вавилка, прачка Грушка стали воспитывать благородныхъ дѣтей и учить ихъ доброму? А вотъ, съ позволенія сказать, это-то у насъ лѣтъ ужъ тридцать какъ завелось, и, по несчастію, не выводится. Дожить, ей Богу, до бѣды!

«Господи помилуй! Да что за народъ эти Французы? Кошачьи не стоятъ! Смотрѣть не на что! Говорить не о чемъ! Вреть чепуху — нѣтъ ни стыда, ни совѣсти! Языкомъ шель пускаетъ, а руками все забираетъ. За котораго ни примись, либо философъ, либо Римлянинъ, а всё паровитъ въ карманъ; трусливъ какъ заяцъ, шаловливъ какъ кошка; а хоть немного дай воли, тотчасъ и напроказить. Да, вотъ то-то и бѣда, что наша молодежь читаетъ Фо-блава, а не исторію, а то увидѣла бы, что во всякой французской головѣ вѣтряная мельница, госпиталь и домъ сумасшедшихъ. На дѣлахъ они плутишки, а на войнѣ разбойники. Два правила у нихъ есть: все хорошо, лишь бы удалось, да что можно взять, то должно прибрать. Хоть не много по шерсти поглядятъ, такъ и бунтъ! вѣдь что, проклятые, надѣлали въ эти двадцать лѣтъ! все истребили, пожгли и разорили. Сперва стали умиствовать, потомъ спорить, потомъ браниться, драться, ничего на свѣстѣ не оставили, законъ попрали, начальство уничтожили, храмы осквернили, царя казнили, головы рубили какъ капусту, и всё повелѣвали, то тотъ, то другой злодѣй. Думали, что будто это равенство и свобода, а никто не смѣлъ рта разинуть, носу показать, и судъ былъ хуже Шемакина. Только и было два опредѣленія: либо въ петлю, либо на ножъ! Мало показалось своихъ рѣзать, стрѣлять, топить, мучить, жарить и ѣсть, опрокинулись къ сосѣдямъ, и почали грабить и душить Нѣмцовъ и Венгерцовъ, Голландцовъ и Швейцарцовъ, Итальянцовъ и Испанцовъ, приговаривая: послѣ спасибо скажете! А тамъ явился Бонапартъ, ушелъ изъ Египта, шикнулъ и все замолчало. Погналъ сенатъ въ-зашей, всѣхъ забралъ въ руки, запрягъ и военныхъ и свѣтскихъ и духовныхъ, и сталъ погонять по всѣмъ по тремъ! Сперва стали роптать, потомъ шептать, тамъ головой качать, а наконецъ кричать: «Шабашъ, республика! Давай Бонапарта коро-

«новать!» а ему то и подь-стать! Вотъ онъ и сталъ глава «Французская, и опять стало свободно в равно всѣмъ; за-есть, плакать и крихтѣть, а онъ, какъ угорѣлая кошка, «и пошелъ метаться изъ угла въ уголъ, и до-сихъ-нерь «въ чаду! Чему дивиться: жарко натопили, да рано закры-«ли—Революція пожаръ; Французы головешки, а Бона-«партъ кочерга. Вотъ оттого-то и выкинуло изъ трубы, «а онъ и пошелъ драть: Италию разграбилъ, двухъ коро-«лей на острова отправилъ, Цесарцовъ облугъ, Прусса-«ковъ до-нага раздѣлъ и разулъ, а всё мало — весь «миръ покорить захотѣлъ! Чтѣ за Александръ Македон-«скій! Мужичишка, въ рекруты не годится, ни кожи ни «рожи, ни видѣнья, разъ ударить, такъ слѣдъ простыгъ «и духъ вонъ: онъ-таки лѣзетъ впередъ, да ужъ и на Рус-«скихъ! Ну, милости просимъ! Лишь перешелъ за Вислу, «и стали бубноваго короля катать, подъ Пултускомъ по «щекѣ,—сталъ покашливать; подъ Эйлау по другой, — и «свѣта Божьяго не взвидѣлъ! Думалъ, потѣшными удивить: «а наши армейскіе такъ ихъ утѣшили, что только обраб-«цовыхъ пустилъ живыхъ!»

Главное—это ко времени и кстати.

ОБЩАЯ И ЧАСТНАЯ ТЕХНОЛОГІЯ, составленная профес-соромъ Поппе. Переведено съ нѣмецкаго, по приказанію господина министра финансовъ. Часть первая. Общая техно-логія. С.П.-бургъ, въ тип. Э. Заготовленія Государствен-ныхъ Бумагъ, 1844, въ-8, стр. 592, съ рисунками.

Книга эта приобрѣла въ Германіи, по своей части, боль-шую извѣстность. Надобно надѣяться, что она принесетъ нашему фабричному и ремесленному классу всю ту пользу, которой позволительно ожидать отъ подобныхъ сочиненій.

КРАТКАЯ ФИЗИКА ТѢЛА ЧЕЛОВѢЧЕСКАГО. Сочиненіе Циммермана. Перевелъ съ нѣмецкаго В. Горуновичъ. С.П.-бургъ, въ тип. Глазунова, 1844, въ-8, стр. 120.

Вотъ любопытно! для физики человѣческаго тѣла, для органической физики вообще, предмету вовсе нетронутаго изслѣдователями, еще ничего не сдѣлано, еще не написана.

ю пространной такой физики, въ десяти строчкахъ, а тутъ ужъ и сокращаютъ ее, даютъ вамъ *краткую* физику чело-вѣка на сотнѣ страницъ, пишутъ ее популярно. Едва десять лѣтъ тому, какъ образовалась порядочная органи-ческая химія. Объ органической механикѣ, органической динамикѣ, органической гидравликѣ, никто еще и не подумалъ порядкомъ, систематически; органическая пневматика не получила прочнаго основанія; какая же тутъ можетъ быть *физика* чело-вѣческаго тѣла? Что же такое герръ Циммерманъ выдаетъ намъ за *физику* чело-вѣческаго тѣла? Просто, наборъ общихъ мѣстъ изъ физиологій. И какой еще наборъ! К чему онъ служитъ? какая отъ него польза? Разумѣется само собою, что переводчикъ ни мало не виноватъ въ этомъ; онъ не примѣтилъ, что герръ Циммерманъ надуваетъ своихъ читателей, въ томъ числѣ и его, свуская имъ пустую, крошечную физиологію за *физику*. Вотъ уже физиологія изъ плохаго романа, попала въ физику! Переводъ.... усерденъ.

ГЕОГРАФИИ МАТЕМАТИЧЕСКАЯ. *Сочиненіе Н. Е***.*
СП.-бургъ, въ тип. Глазунова, 1844, въ-12, стр. 228.

Самое невинное математическое описаніе земли, какое только существуетъ на ея лицѣ. Мы совершенно увѣрены въ томъ, что эта книжонка — *сочиненіе* господина Н. Е***: но онъ такъ точно сочиняетъ, какъ-будто плохо_переводилъ. Во многихъ мѣстахъ до смысла добиться нельзя. Всѣ собственныя имена, отъ господина капитана Коока до почтенныхъ *двухъ ученыхъ* изъ Уллоа, искажены самымъ забавнымъ образомъ. Вѣрно, во французскомъ подлинникѣ, съ котораго господинъ Н. Е*** сочинялъ, было сказано — *les deux savants de Ulloa* (то есть, Антоній де-Уллоа и Хеорхіо-Хуанъ де Уллоа). Книжка напечатана безъ вѣдома корректора. Общее заключеніе: читать невозможно!.... если бы даже и стоило.

Опытный коновалъ, или *Практическія Записки Архиллериста*, карманная книжка, собранная изъ долговременныхъ опытовъ на излеченіе конскихъ болѣзней, полемъ

ная для заводов и вселѣ сослуживъ, съ приращеніемъ о предохраненіи рогатаго скота и овецъ отъ падежей и поданію скорой помощи въ болѣзни. Составленнаго изъ опытовъ артиллеріи полковникомъ П. С. Сп.-бургъ, въ тип. Глазунова, 1844, въ-12, стр. 120.

Книгу эту должно отличить отъ другихъ «Опытныхъ коноваловъ». Ея положительное практическое достоинство можетъ доставить многія полезныя приложенія въ хозяйствѣ. Для лошадей, лучшей книжки и желать не возмож но.

=

НОВЫЯ ФРОШОРЫ.

ТРАКТАТЪ О ПРЕФЕРАНСѢ. Составилъ С^{***} К^{***}. Сп.-бургъ. 1844. — Въ высокой пользѣ и крайней потребности этого трактата не можетъ быть сомнѣнія. Господинъ С^{***}, докторъ обихихъ колодь, ординарный профессоръ преферанса, и членъ разныхъ ученыхъ клубовъ, изучилъ глубоко философію преферанса, и часто пускается даже въ его трансцендентальную метафизику. Онъ сильно порицаетъ теорію другаго почтеннаго профессора, автора книжки «Игра въ преферансъ». Напримѣръ, онъ рѣшительно возстаеъ противъ слѣдующаго: Буде кто, являеъ талонъ, увидитъ по своимъ картамъ, что онъ «никакъ не можетъ взять шести взятокъ, то бросаетъ карты и ставитъ ремизъ, какой слѣдуетъ по масти, имъ объявленной, заплатя обимъ игрокамъ каждому за одну взятку въ той масти, въ которой онъ долженъ былъ играть». Господинъ К^{***} утверждаетъ, что это правило «совершенно ошибочно. Онъ говоритъ, что «преферансъ вдвоемъ, «съ деревянными—самая скучнаяи безтолковая игра». Вотъ это ужъ неправда! Я знаю одного почтеннаго мужа, который, за недостаткомъ въ живыхъ, играетъ по десяти часовъ сразу одинъ съ тремя деревянными, и не видитъ, какъ время летитъ.

стихія человѣческой рѣчи, или *Теорія происхожденія органическихъ звуковъ. Филологическое изслѣдованіе Самуила Барана. Сп.-бургъ., 1844.* — Господинъ Баранъ разбираетъ человѣческую рѣчь *физиологически*, и находитъ, что, не приступая еще къ рѣчи, надобно хорошенько рассмотреть *четыре сферы*: сферу кислотъ, солей и щелочей; сферу мягкости и жесткости; сферу красокъ и свѣту; наконецъ, сферу воды и воздуха. Затѣмъ слѣдуетъ *звукъ въ обширномъ смыслѣ*, который подраздѣляется на шумъ и шопотъ. Виды его — *шорохъ, скрипъ, скрежетаніе, хрипъ*. Послѣ того идетъ область звука въ тѣсномъ смыслѣ: виды ея — *свистъ, вой, говоръ*. Наконецъ является *звукъ продолженный*, который составляетъ *тонъ*, и въ организмъ получаетъ названіе *голоса*. Вотъ это — новое открытіе! До-сихъ-поръ еще не было извѣстно никому изъ тѣхъ, у кого есть цымбалы или фортепіано, что, для тону, нуженъ звукъ *продолженный* и что *тонъ* и *голосъ* — одно и то же. Но все это узнается посредствомъ *четырехъ сферъ*, на которыхъ сферахъ основаны *стихи рѣчи*, изъ которыхъ стихій образуются удивительныя диковинки. Примерно сказать — буква *Л*. Что такое происходитъ въ человѣкѣ, когда онъ произноситъ букву *Л*? «Здѣсь языкъ, кончикомъ своимъ, упирается въ самую «средину зубной дуги, а по обѣимъ сторонамъ оставляетъ «отверстія, отъ чего звучащая струя претерпѣваетъ *диотомическое раздѣленіе*, какъ показываетъ и самый *ортографическій знакъ Л*, заимствованный изъ греческой азбуки. Очевидно, что зубы при этомъ должны быть *ра-«зомкнуты*, или, если и *сожмнуты*, то такъ, чтобы съ «боковъ оставались *отверстія, которыя составляютъ ха-«рактеристику этого звука*». Такихъ чудесъ господинъ Баранъ находитъ бездну в орту и въ азбукѣ. Въ натурѣ русскаго человѣка открылъ онъ также чудо. Онъ отвергаетъ общепринятую теорію, будто звукъ *съ*, прибавляемый къ словамъ купчиками, есть сокращеніе словъ *сударь* и *государь*. Нѣтъ! *Шипящій звукъ* есть *необходимая характеристика русской рѣчи*; мы говоримъ — *да-съ* — нѣтъ-*съ* — потому что, въ насъ натура такъ говоритъ, потому что она, когда хочетъ быть очень учтивою, начинается точасъ

шипеть, потому что съ въ русскомъ умѣ понятіе въжливости соединено съ шипящими окончаніями.

Теорія господина Барана о стихіяхъ человѣческой рѣчи совершенно вѣрна и упрочена на неизблемомъ основаніи; понятія о коренномъ качествѣ разныхъ звуковъ какъ нельзя болѣе опредѣлительны, ясны и неизмѣнны. Къ сожалѣнію, въ печать брошюрки вкралось—охъ! эти проклятыя типографіи!—вкралось нѣсколько неисправностей. Наборщики ровно ничего не смыслятъ въ качествѣ звуковъ! Господниъ Баранъ принужденъ былъ предостеречь читателя и говоритъ такъ: «Опечатки. Въмѣсто *тупые* «вездѣ читай — *твердые*, а вмѣсто *острые*, вездѣ читай—*мякіе*. Въмѣсто двухъ словъ *рѣзкіе*, *острые*, или вмѣсто «одного котораго-нибудь изъ нихъ, читай вездѣ — *мякіе*. «Также вмѣсто *рѣзкость*, *острота*, читай — *мякость*, *тупость*, а вмѣсто — *мякіе*, *мякость*, читай — *твердые*, «*твердость*». Да-съ! прошинить на это русская натура читателя: опечатка-съ порядочная-съ!

ГЕРОИ ПРЕФЕРАНСА или *Душа общества*. Оригинальная комедія—водевиль въ трехъ картинахъ. Сочиненіе П. И. Григорьева 1-го. СПб. 1844.—«Оригинальная»: этого мало. Преоригинальная комедія! Вотъ какъ слѣдовало назвать ее, если бѣ авторъ не увлекся по-напрасно чувствомъ ложной скромности. Комедія самаго высокагоряда зрителей. Герои преферанса значать у автора—люди, которые, женятся черезъ преферансъ, а душа общества—шулеръ, котораго въ третьей «картинѣ» бьютъ и толкають въ шею. Это третье дѣйствіе называется: *Теща въ малинь, а шулеръ въ тискаль*. Всѣ эти прелести приправлены солью новгородской, на манеръ аѳинской.

УТРО ПОСЛѢ БАЛА ФАМУСОВА, или *Все старые знакомцы*. Комедія-шутка въ одномъ дѣйствіи въ стихахъ. Москва, 1844.—Эти «старые знакомцы» очень измѣнились съ-тѣхъ-поръ какъ вы ихъ видѣли у Павла Аванасьевича Фамусова: несутъ странную околесицу и, притомъ, стихами въ родѣ слѣдующихъ:

• Въ французское повѣрье *перкрещень*....

Не *перживу*, не вытерплю!....

Водилъ, да кто еще! *Мальчишка*, *молкосось*....

Да, ужь стерплю, за тѣмъ, что я имѣю
Съ тобой кой-что, дружокъ, перлюворить...

Еще вамъ разъ скажу,
Иль вонъ его, иль я отселя ухожу...

О тѣнь Грибоѣдова! неужели ты съ негодованіемъ не выскочишь изъ могилы при этомъ поправаніи твоего ума, таланта, языка?

САМОУЧИТЕЛЬ РОССІЙСКАГО ЯЗЫКА. DER KLEINE
RUSSE, oder Sammlung der zum Sprechen nöthigsten Wörter
und Redensarten. St-Petersburg, 1844.—Учебная книжка
россійскаго языка для дѣтей нѣмецкихъ семействъ, прожи-
вающихъ въ Россіи. С П.-бургъ, въ тип. Вилгебера, 1844,
въ-8, стр. 139.

ЖИЗНЬ СВЯТАГО ПЕТРА МЫТАРЯ, и святыхъ Токсін,
бошихъ блудницы, взято изъ церковныхъ сказаній. Москва,
1844.

=

РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

— Собраніе повѣстей графа В. А. Сологуба, всѣмъ хо-
рошо извѣстное подъ заглавіемъ «*На Сонъ грядущій*»,
печатается вторымъ изданіемъ. Первая часть его уже ле-
жить передъ нами.

— Заслуженное въ отечественной педагогикѣ твореніе
Н. И. Греча, «*Учебная книга русской словесности*» явилось
недавно третьимъ изданіемъ.

— Докторъ Шюцъ предпринялъ переводъ сочиненія,
чрезвычайно нужнаго въ настоящемъ плачевномъ состоя-
ніи русской анатомической литературы, писанно, «*Руко-
водства къ анатоміи человѣческаго тѣла*», извѣстнаго
анатома Краузе. Трудъ этотъ скоро поступитъ въ печать.

— Въ Петербургѣ открылась новая типографія, которая
объясняетъ дѣятельно содѣйствовать къ изяществу рус-
скихъ книгъ. Основатель ея — извѣстный литографъ, И. И.
Селезневъ. Это заведеніе соединено съ его обширною ли-
тографіей, и, для перваго опыту, напечаталъ онъ чрезвы-
чайно красивое изданіе прелестной Местровѣй повѣсти,

«Прасковья Лупалова», въ которомъ литографское искусство этого художника спорить о преимуществѣ съ новымъ его типографскимъ гениемъ. Господинъ Селезневъ, какъ извѣстно, въ то же время—издатель «Санктпетербургской Флоры». Одиннадцатая книжка этого изданія выйдетъ около шестаго декабря, а двѣнадцатая—въ половинѣ мѣсяца. Третья часть «Санктпетербургской Флоры» также готова и будетъ выходить, по-прежнему, тетралями, въ опредѣленные сроки.

— Почтенный кригопродавецъ нашъ, М. Д. Ольхинъ, принялъ на свой счетъ и на свою отвѣтственность изданіе, въ пользу Смирдина, третьяго тома «*Ста русскихъ литераторовъ*». Русская публика, своимъ участіемъ, поддержитъ его непремѣнно въ этомъ добромъ дѣлѣ. Третій томъ «*Ста русскихъ литераторовъ*» выйдетъ пятнадцатаго будущаго апрѣля, и будетъ заключать въ себѣ слѣдующія сочиненія: 1. «Воспоминанія о графѣ Милорадовичѣ», генерала *Михайловскаго-Данилевскаго*; 2. «Письмо чешскаго инвалида на родину», генерала *Скобелева*; 3. Пять стихотвореній *Бенедиктова*; 4. «Гейдельбергъ», *Н. И. Греца*; 5. Десять стихотвореній покойнаго *Мятлева*; 6. «Мудуръ поморскій», *Н. И. Хмельницкаго*; 7. «Князь Шуйскіе», драматическая поэма. *П. Г. Ободовскаго*; 8. «Записки губернскаго чиновника», *Д. Н. Быжцева*, автора «Семейства Холмскихъ», и прочая; 9. «Шанна», повѣсть *М. А. Маркова*; 10. «Хамово отродье», покойнаго *Ушакова*; и еще «Микерія, нильская ливія, переводъ іероглифическаго папируса, найденнаго въ египетской муміи», сказаніе о временахъ царя Фараона, иллюстрированное рисунками изъ древнихъ египетскихъ гробницъ, повѣсть барона *Брамбеуса*. Десять портретовъ и десять картинокъ, принадлежащихъ къ этимъ сочиненіямъ, гравюруются на стали въ Лондонѣ, а виньетки къ повѣсти барона *Брамбеуса*—на деревѣ въ Петербургѣ. Подписку М. Д. Ольхинъ принимаетъ въ своихъ магазинахъ (на мѣстѣ 7 рублей 15 копѣекъ серебромъ, съ пересылкою 8 рублей 58 копѣекъ).

==

VI.

СМЪСЪ.

=

РЪЧЬ ПРЕЗИДЕНТА ЧЕТЫРНАДЦАТАГО СЪЪЗДУ АНГЛІЙСКИХЪ УЧЕНЫХЪ, открывшагося въ Іоркѣ, 25 сентября, 1844.—*Лордъ Россъ.—Дальтонъ.—Бели.—Купферъ*, и прочая.—Эти съѣзды, самые важныя изъ всѣхъ, которые нынче происходятъ въ Европѣ, всегда обращали на себя особенное вниманіе ученаго свѣта, и по обширности плана дѣйствій, и по важности результатовъ, и по множеству средствъ. Но въ послѣднее время, ежегодныя Съѣзды Англійскихъ Ученыхъ сдѣлались для ученыхъ всѣхъ странъ свѣта выгоднымъ и весьма блестящимъ центромъ, гдѣ предпочтительно могутъ сосредоточиваться занимательнѣйшія открытія, изслѣдованія и наблюденія. Они, непримѣтно, заняли то мѣсто, которымъ прежде пользовалась парижская академія наукъ. Съѣздъ нынѣшняго года открылся въ Іоркѣ, 25 сентября, и, по обыкновенію, продолжался недѣлю. Слѣдующая рѣчь президента Съѣзду можетъ дать понятіе о предпріятіяхъ и дѣятельности общества: впослѣдствіи, мы сообщимъ читателямъ важнѣйшіе ученые факты, изложенные его членами въ засѣданіяхъ разныхъ Отдѣленій.

«Милостивые государи! Въслѣдствіе лестнаго выбору вашего, съ гордостью занимаю я сегодня тѣ самыя кресла, съ которыхъ благородный лордъ Россъ (Rosse) такъ достойно руководствовалъ въ прошедшемъ году нашими засѣданіями въ городѣ Коркѣ. Никто лучше меня не чув-

ствуешь чести быть среди васъ преемникомъ такого чело-
вѣка. Едва-ли Европа покажетъ другаго вельможу, кото-
рый бы такъ благородно умѣлъ употреблять свое богат-
ство и свое время. Въ блестящемъ спискѣ англійскихъ
астрономовъ, онъ занимаетъ мѣсто между ученѣйшими и
самыми извѣстными. Но, чтобы исполнѣ оцѣнить все
что дѣлаетъ онъ для науки, подобно видѣть его чудесную
обсерваторію, величественные инструменты и работы, ча-
стію уже конченные, частію приближающіеся къ окончанію
въ замкѣ его Барръ-Кастлѣ. Все здѣсь представляется въ
исполнскихъ размѣрахъ: телескопы, внутри которыхъ
можетъ гулять человекъ самаго высокаго росту, телескоп-
ныя зеркала, вѣсящія, не на фунты, а на цѣлыя тонны,
полнрованные паровыми машинами, съ удивительною
ровностью, быстротою, аккуратностью, вѣжностью, и
затмѣвающія отличнѣйшія произведенія въ этомъ родѣ;
зданія, въ которыхъ помѣщены эти баснословные теле-
скопы и ихъ двигательный механизмъ; башни гораздо вы-
ше и массивнѣе нормандскихъ сторожевыхъ башенъ, но
такъ искусно устроенныя, что достаточно дотронуться паль-
цомъ, чтобы привести ихъ въ движеніе. Ходъ часоваго
механизма, удивительно ровный, безъ малѣйшаго сотрясе-
нія, даетъ возможность вѣрно слѣдить за теченіемъ звѣздъ.
Инструменты, которые были уже въ дѣйствіи во время
последняго моего посѣщенія, превосходятъ, въ силѣ, чи-
стотѣ и вѣрности, всѣ подобныя произведенія извѣстнѣй-
шихъ мастеровъ настоящаго времени. Несмотря на мно-
жество трудностей, уже побѣжденныхъ соединенными си-
лами механики, химіи и математики, многое оставалось
еще сдѣлать для совершеннаго окончанія гигантскаго теле-
скопа, съ предметнымъ стекломъ въ шесть футовъ и съ
сорока-четыре-футовою трубою. Члены Общества съ
удовольствіемъ узнаютъ, что въ настоящую минуту все
кончено и благородный лордъ исполнѣ успѣлъ въ своемъ
великомъ предпріятіи: телескопъ этотъ былъ уже испы-
танъ, и представилъ удивительные, неожиданные ре-
зультаты. Многія изъ двойныхъ звѣздъ открытыя
сильнѣйшими телескопами нашего времени, явились
вдругъ тройными и четверными; облачности, почитае-

шлася донынѣ за темныя, оказались скопленіями звѣздочекъ самыхъ странныхъ формъ; и такъ далѣе. Благородный лордъ намѣренъ сообщить обществу свои первыя открытія, свой способъ приготовить и полировать стекла, и описаніе средствъ употребляемыхъ имъ для повѣрки правильности движенія огромныхъ массъ, въ которыхъ употреблены инструменты.

Богѣ шестьдесятъ лѣтъ протекло съ-тѣхъ-поръ, какъ Гершель, отецъ, посредствомъ своего превосходнаго, сильнаго телескопа началъ блистательное поприще наблюдений въ звѣздномъ мірѣ. Удивленіе, которое возбудилъ въ ученыхъ тогдашняго времени его сорока-футовой телескопъ, безсмертный памятникъ терпѣнія, генія и востойнства, не было ни сколько меньше того участія, какое вынче возбуждаетъ предпріятіе лорда Росса. Успѣхъ вполне оправдалъ ожиданія. Несмотря что инструментъ Гершеля, котораго употребленіе требовало огромнаго расхода силъ и времени, предназначался только для самыхъ важныхъ случаевъ, онъ при первомъ разѣ открылъ седьмаго спутника Сатурна и въ немалой степени способствовалъ развитію понятія о небѣ. Открытіи этихъ современники (я повторяю собственныя слова Гершеля), не умѣли вполне оцѣнить, но въ глазахъ настоящаго и будущихъ поколѣній они будутъ составлять безсмертный памятникъ его славы. Достоинства этого великаго астронома ни сколько не уменьшаются отъ того, что наука непрерывно идетъ впередъ и что явился послѣдователь, который идетъ по стезѣ, указанной имъ, но, имѣя болѣе рвенія и болѣе средствъ, приготовляетъ новую эпоху въ исторіи астрономическихъ открытій. Я вполне убѣжденъ, что знаменитый ученый, наследникъ имени и славы Гершеля, посвятившій всю жизнь свою продолженію трудовъ, завѣщанныхъ ему родителемъ, принимаетъ самое искреннее участіе въ успѣхѣ великаго предпріятія благороднаго лорда.

«Милостивые государи! тринадцать лѣтъ прошло съ-тѣхъ-поръ какъ сословіе Англійскихъ Ученыхъ собралось въ первый разъ въ этомъ древнемъ и почтенномъ городѣ. Согласно съ духомъ нашего устава, мы всегда ста-

рался содѣйствовать, а не мѣшать другимъ ученымъ обществамъ, занимающимся одинаковыми съ нами предметами изслѣдованій. Мы не присвоиваемъ себѣ права издавать тѣ записки, которыя будутъ читаны въ нашихъ заседанияхъ, мы стараемся только сосредоточивать и направлять вниманіе людей, занимающихся науками, на ту или другую отрасль знанія, которой изученіе представляетъ самый сильный интересъ, но болѣе всего мы должны гордиться тѣмъ, что обладаемъ обширными средствами для дѣйствій и, при нашей независимости отъ частныхъ обществъ и отъ опредѣленнаго мѣстапробыванія, можемъ предначертывать и приводить въ исполненіе хорошо обдуманые планы для общихъ трудовъ.

«Цѣль нашихъ собраній — поставить въ болѣе тѣсную связь и сводить людей, предпринявшихъ однородныя изслѣдованія, занимающихся одинаковыми предметами; поощрять скромные и еще неизвѣстные таланты; обращать на труды ихъ вниманіе лицъ, способныхъ понять и оцѣнить ихъ; доставлять сочленамъ нашимъ средства видѣть замѣчательныя произведенія мануфактуръ тѣхъ городовъ, гдѣ мы собираемся; изучать начала и устройства машинъ; разсматривать коллекціи предметовъ естественной исторіи, слѣдить за совершенствованіемъ заведеній благотворительныхъ или учебныхъ, знакомиться съ нравственнымъ и физическимъ состояніемъ жителей, однимъ словомъ, знакомиться со всѣмъ, что въ этихъ городахъ и ихъ окрестностяхъ есть замѣчательнаго для физика, антикварія, геолога, даже для любителя живописныхъ мѣстоположеній. Мы можемъ прибавить, что цѣль наша также — дружное философическое отдохновеніе, вещь важная для людей, которыхъ занятія монотонны и утомительны, и которымъ, слѣдовательно, необходимо иногда искать развлеченія въ перемѣнѣ и разнообразіи.

Согласно съ этою цѣлью, мы посѣтили многія замѣчательныя мѣста въ трехъ королевствахъ, заключающія въ себѣ университеты Англіи, Шотландіи и Ирландіи, важнѣйшіе мануфактурные города, замѣчательнѣйшіе торговые. Не нужно говорить, какіе успѣхи сопровождали наше шествіе. Число членовъ нашихъ было чрезвычайно велико,

и часто до такой степени, что мы находились въ затрудненіи найти зданіе, способное вмѣстить въ себѣ всѣхъ ихъ. Интересъ и число сочиненій, доставляемыхъ въ различныя Отдѣленія нашего общества, постоянно возрастаютъ. Особенно съ-тѣхъ-поръ, великія, требующія многочисленныхъ сотрудниковъ, изслѣдованія стали приводиться въ исполненіе. Собранныя нами суммы доставили средства совершить нѣкоторыя важныя ученія предпріятія. Я не вижу причины бояться, чтобы и будущіе Свѣзды англійскихъ ученыхъ не принесли такихъ же блестящихъ результатовъ, или перестали оказывать могущественное вліяніе и поощреніе ученыхъ занятій, подвигающихъ впередъ науку.

Втеченіи тринадцати лѣтъ, нѣсколько знаменитыхъ именъ погибли для науки. Въ числѣ ихъ мы находимъ имя Вилльяма Смита, отца англійской геологіи; Ллойда, ректора Trinity-College и основателя знаменитой школы въ этомъ университетѣ, подарившемъ Гемилтона, Мекъ-Куллока, сэръ Джона Робинсона, наследовавшаго отъ своего отца, извѣстнаго профессора Робинсона, привязанность къ наукѣ и пристрастіе къ искусствамъ, доктора Генри, одного изъ нашихъ отличнѣйшихъ химиковъ, и наконецъ доктора Дальтона, котораго недавнюю потерю мы еще оплакиваемъ.

Докторъ Дальтонъ происходилъ изъ той сильной породы комберлендскихъ зажиточныхъ земледѣльцевъ, между которыми довольно часто мы встрѣчаемъ примѣры соединенія добродушія и простоты нравовъ съ литературною и ученою образованностью. Первоначальное образованіе онъ получалъ въ школѣ одной комберлендской деревни. Впослѣдствіи, мы находимъ его въ Кендалѣ товарищемъ и сотрудникомъ слѣпца-философа Гау (Gough), человека съ замѣчательными дарованіями. Въ 1793 году, двадцати-трехъ лѣтъ отъ-роду, онъ сдѣлался уже профессоромъ математики и естественной философіи въ New-College, въ Манчестерѣ. Въ этомъ званіи онъ пробылъ шесть лѣтъ. При перемѣщеніи заведенія, онъ былъ приватнымъ преподавателемъ тѣхъ же наукъ, занималъ нижнія комнаты въ зданіи Литературно-философическаго Общества, и покидая

свое скромное убъище только для ежегоднаго путешествія въ свои родныя горы, съ цѣлью поправить здоровье и продолжать метеорологическія наблюденія. Въ 1793 вышло въ свѣтъ первое его сочиненіе, «Meteorological observations and essays», содержащее въ себѣ семнадцать послѣдующихъ его разсужденій и открытій. Первая мысль объ атомической теоріи, дѣлающая безсмертнымъ его имя, какъ великаго основателя химической философіи, родилась въ немъ при изслѣдованіи угле-водороднаго газу. Эту теорію онъ излагалъ сначала на лекціяхъ, читанныхъ въ Манчестерѣ, а потомъ обширнѣе, въ 1803 и 1804 годахъ, въ Эдинбургѣ и Глазго. Впрочемъ, она сдѣлалась извѣстною въ свѣтъ, помѣщеніемъ въ химіи Томсона, изданной въ 1807 году. Краткое изложеніе ея онъ включилъ въ химію, изданную имъ самимъ въ слѣдующемъ году. Несмотря на опроверженія, теорія эта была принята вскорѣ всѣми знаменитыми химиками Европы, Дэви, Волластономъ, Берзеліусомъ, и другими. Не одну эту заслугу оказали Дальтонъ наукѣ. Въ одно время съ Ге-Люссакомъ онъ открылъ законъ расширенія газовъ, что, при одинаковой степени возвышенія температуры, объемъ всѣхъ газовъ увеличивается въ одинаковой пропорціи, которая равняется почти тремъ осьмымъ, при переходѣ изъ температуры замерзанія воды до точки кипенія ея. Услуги, оказанныя имъ метеорологіи, также чрезвычайно важны. Дальтонъ не имѣлъ, что называется, блистательныхъ дарованій, но былъ человекъ съ яснымъ умомъ и практическимъ здравымъ смысломъ. Основанія, на которыхъ воздвигаются его теоріи, излагаетъ онъ ясно; каждый шагъ его былъ плодомъ глубоко обдуманной мысли. Его убѣжденія были основаны на истинныхъ началахъ философіи природы, и, однажды созданныя, шли впередъ ровнымъ шагомъ. Опасно и даже неблагоприятно искать уронить славу такого человека, увѣряя, будто великія открытія его были дѣломъ случая, и что будто Волластонъ, Берзеліусъ и другіе были очень близки къ открытію того, что открылъ Дальтонъ: въ такомъ случаѣ, науки — лотерея, и тотъ выигрываетъ, кто играетъ лучше.

Несмотря что великое открытіе Дальтона было вско-

рѣ принято всѣми и возбудило всеобщее удивленіе, она не принесло ему ни какой существенной пользы. Онъ остался въ прежнемъ скромномъ положеніи, между тѣмъ какъ имя его прославлялось во всѣхъ лабораторіяхъ Европы. Черезъ нѣсколько лѣтъ, онъ былъ избранъ въ члены-корреспонденты французской академіи наукъ. Это—такая честь, которой удостоиваются только первоклассные европейскіе ученые. Въ 1826 году, одна изъ двухъ медалей, присланныхъ королемъ въ распоряженіе Лондонскаго Королевскаго Общества, была признана Далътону, за его атомическую теорію. Въ 1833 году, въ собраніе нашего общества въ Кембриджѣ, мы всѣ съ радостью узнали, что король пожаловалъ Далътону сто пятьдесятъ фунтовъ стерлинговъ пенсін; а при послѣднемъ собраніи общества, въ Оскфордѣ, что университетъ принялъ его докторомъ правъ: честь эта тѣмъ болѣе замѣчательна, что онъ принадлежалъ къ сектѣ квакеровъ. Далътонъ присутствовалъ на всѣхъ Сѣздахъ нашего общества, и всегда былъ окруженъ почтеніемъ и удивленіемъ людей, питающихъ сочувствіе къ успѣхамъ наукъ. Въ 1837 году паралитическій ударъ сильно потрясъ его здоровье. Въ послѣдній разъ онъ явился посреди насъ въ Менчестерѣ. Онъ скончался 27 іюля 1844 года, на семьдесятъ осьмомъ году жизни. При погребеніи его присутствовали всѣ жители Менчестера, которые справедливо гордятся званіемъ согражданъ столь знаменитаго человѣка.

Должно сказать теперъ нѣсколько словъ о правилахъ, которыхъ мы держимся при расходованіи нашихъ суммъ, и вообще о веденіи дѣлъ Общества. Подобно другимъ сословіямъ, наше общество имѣло свои періоды финансоваго благосостоянія и упадку; подобно другимъ сословіямъ, мы иногда дѣлали расходы, которыхъ не оправдывало состояніе кассы и нашихъ доходовъ. Изъ отчета нынѣшняго можно видѣть, что капиталъ нашъ значительно уменьшился. Огромное число подписчиковъ названіе члена, сначала быстро умножавшее наши доходы, естественнымъ образомъ должно было уменьшать число новыхъ ежегодныхъ подписокъ при каждомъ слѣдующемъ Сѣздѣ. Нѣкоторыя измѣненія въ уставѣ нашемъ, относительно

къ принятію въ члены жителей тѣхъ городовъ, гдѣ мы собираемся, людей которые не имѣютъ желанія слѣдовать за нами въ другія мѣста, тоже значительно уменьшили наши доходы, увеличивъ въ то же время число членовъ, и тѣмъ затрудняя наши засѣданія.

Впрочемъ, комитетъ представленій, и главный комитетъ нашъ, держатся, при расходѣ суммъ, слѣдующимъ правиламъ: никакая часть нашихъ суммъ не назначается на личные расходы, или на вознагражденіе за потерю времени или за труды, ни одного изъ нашихъ членовъ, хотя бы изслѣдованія ихъ и были предприняты по указанію и назначенію общества; суммы наши не должны служить къ тому, чтобъ подвигать впередъ ту или другую отрасль знанія, но только къ назначенной, хорошо опредѣленной частной цѣли; онѣ не могутъ также быть употребляемы на изданіе книгъ или тому подобную книготорговую спекуляцію; и результаты изысканій принадлежать обществу только въ той степени, сколько они способствуютъ къ его ученой славѣ. Конечно, были обстоятельства, заставившія насъ отступать отъ этихъ правилъ, но воспоминаніе о неудобствахъ, возникшихъ изъ этого роду требованій, которыя удовлетворить было не совсѣмъ правильно и отвергнуть—совѣстно и невыгодно, убѣждаютъ меня и въ мудрости самыхъ правилъ и въ необходимости держаться ихъ неотступно.

Во время достопамятнаго Съѣзду нашего въ Нью-кастлѣ, во время самаго блистательнаго состоянія нашихъ финансовъ, когда общество рѣшило предпринять обширную систему астрономическихъ редукцій и каталоговъ. Первымъ дѣломъ было новое изданіе, въ болѣе обширномъ размѣрѣ, и въ новой формѣ, каталога Астрономическаго Общества. Въ этомъ каталогѣ должны помѣститься послѣдніе и самые точные результаты астрономическихъ наблюденій, приведенныхъ къ общей эпохѣ, съ постоянными коэффициентами для ихъ редукціи, обстоятельство, которому не удовлетворяетъ морской календарь. Вторымъ, была редукція всѣхъ звѣздъ *Histoire Céleste*, Лапласа, числомъ около сорока семи тысячъ, гдѣ заключаются только собраніе наблюденій, существовавшихъ за шестьдесятъ

лтъ, и обилто, слѣдовательно, пространство времени довольно значительное для того чтобы астрономы могли, изъ сравненія тогдашняго положенія звѣздъ съ настоящимъ, опредѣлить ихъ собственное движеніе и другія измѣненія, почти независимо отъ ошибокъ наблюденія. Третьимъ была подобная же редуція звѣздъ Coelum Stelliferum, Лакаля, числомъ осемь тысячъ семь сотъ, которое приобрѣло высокую степень важности, со времени обозрѣнія южнаго неба сэръ Джономъ Гершелемъ и учрежденія обсерваторій на Параматтѣ и на Мысѣ Доброй Надежды.

Другое предпріятіе почти такихъ же огромныхъ размѣровъ — изданіе планетныхъ и лунныхъ наблюденій гринвичской обсерваторіи, со временъ Бредли до настоящаго времени, предпріятое правительствомъ при содѣйствіи комитета, назначеннаго для этой цѣли нашимъ обществомъ, и членомъ Королевскаго Общества. Это великое предпріятіе почти совершенно приведено къ окончанію, подъ наблюденіемъ королевскаго астронома.

Изданіе этихъ сочиненій составитъ великую эпоху въ исторіи астрономіи. Несмотря на огромныя издержки, въ которыя оно ввело общество, потому что они будутъ простираются до трехъ тысячъ фунтовъ стерлинговъ. Они будутъ прочнымъ памятникомъ благодѣтельнаго вліянія его на успѣхи наукъ. Каталоги Лаланда и Лакаля будутъ изданы на счетъ правительства. Первый изъ нихъ, составляемый подъ надзоромъ профессора Гендерсона, почти конченъ. Редакція каталоговъ Лаланда и Астрономическаго Общества была ввѣрена господину Френсису Бели, котораго невоображимую потерю чувствуетъ теперь астрономія.

Бели (Baily) былъ, безъ сомнѣнія, одинъ изъ замѣчательныхъ людей своего времени. Въ 1825 году онъ оставилъ торговлю, съ огромнымъ состояніемъ, приобрѣтя лестную извѣстность челоѣка высокой честности и щедраго. Остальная часть его жизни была посвящена астрономіи, и представляетъ необыкновенный примѣръ дѣятельности и пользы. Онъ основалъ Астрономическое Общество, и былъ однимъ изъ самыхъ дѣятельныхъ его членомъ. Каталоги этого общества составились подъ его надзоромъ. Ему также обязаны мы тѣмъ, что морской

календарь издается нынче въ новомъ, обширномъ, и болѣе противъ прежняго полезномъ, размѣрѣ. Нѣтъ ни одного опытнаго изслѣдованія въ области астрономіи или физики, котораго бы онъ не повторилъ и не обработалъ самъ. Изданіе наблюденій капитана Форстера надъ маятникомъ ему поручено было адмиралтействомъ, и оно подало Бели поводъ произвести обширный рядъ чрезвычайно точныхъ опытовъ съ маятникомъ, посредствомъ которыхъ онъ открылъ въ этихъ инструментахъ самыя важныя недостатки. Бели повторилъ знаменитый опытъ Кевендиша, и его разборъ этого вопросу, составляющій послѣдній вышедшій томъ «Записокъ Астрономическаго Общества», дѣлаетъ такую же честь его терпѣнію, постоянству и уму, какъ проникательности и точности великаго ученаго, который первый произвелъ опытъ. По порученію Комиссіи мѣръ и вѣсовъ, онъ также занимался опредѣленіемъ новаго образцоваго ярда, по платиновому ярду Астрономическаго Общества, который нѣкогда былъ подведенъ подъ образцовый государственный ярдъ, погибшій въ пожарѣ парламентскаго дворца. По желанію адмиралтейства, издалъ онъ переписку и каталогъ Флемстида, и подарилъ Астрономическое Общество книгою, содержащею въ себѣ, каталоги Птолемея, Улугъ-Бега, Тихона Браге, Гевеліуса и Голли (Halley), съ ученымъ предисловіемъ и критическими примѣчаніями, въ которыхъ показаны взаимное отношеніе звѣздъ другъ къ другу и отношеніе къ новѣйшимъ каталогамъ. Его введеніе и предисловіе къ каталогу Астрономическаго Общества, и болѣе трети самаго каталога, напечатаны по тщательному сличенію авторитетовъ, на которыхъ основаны принятыя имъ положенія звѣздъ; и, по удачному распредѣленію болѣе осьми тысячъ свѣтилъ, избранныхъ именно въ тѣхъ частяхъ небснаго свода, гдѣ онѣ могутъ быть особенно полезны наблюдателямъ какъ точки сравненія, этотъ трудъ, безспорно будетъ важнѣйшимъ приношеніемъ, какое только въкъ нашъ сдѣлалъ практической астрономіи. Всѣ звѣзды Лаландовой *Histoire Céleste* редуцированы и значительною частію (около одной-пятой) уже напечатаны. Бели—авторъ лучшаго трактата о пожизненномъ застрахованіи и мно-

жества другихъ подобныхъ сочиненій. Онъ основательно и глубоко изучилъ математиковъ англійской школы, хотя никогда не пользовался искусствомъ новѣйшаго анализа. При повтореніи опытовъ Кевендиша, и другихъ, онъ откровенно прибѣгалъ къ помощи королевскаго астронома и доктора Моргана, когда чувствовалъ, что отысканіе формулъ превышало его силы. Со всѣми тѣмъ способъ употребленія имъ этихъ формулъ показываетъ, что онъ понималъ ихъ важность и легко могъ бы усвоить ихъ себѣ, если бы захотѣлъ. Среди своихъ разнообразныхъ трудовъ, Бели никогда не казался особенно занятымъ или озабоченнымъ: онъ охотно посѣщалъ общество, дружески и ласково принималъ своихъ друзей по наукѣ и торговлѣ. Онъ рѣдко пропускалъ случаи присутствовать въ многочисленныхъ собраніяхъ, комитетахъ и совѣтахъ, которые поглощаютъ почти все свободное время ученыхъ въ Лондонѣ. Несмотря на это, всякое порученіе или работу онъ исполнялъ во столько времени, сколько едва достаточно для другаго чтобы только познакомиться съ предметомъ. Всѣмъ этимъ болѣею частію онъ обязанъ своей привычкѣ къ порядку аккуратности; правилу дѣлать одну вещь въ одно время; ясному, отчетливому понятію о собственныхъ силахъ. Хотя всегда писалъ ясно и хорошо, онъ никогда не писалъ для славы; хотя исполнялъ все за что брался, онъ никогда не принимался, и даже не показывалъ виду, будто принимается, за то что было выше его силъ. Вотъ что составляло главную тайну его успѣховъ и удивительной плодотворности. Трудно было представить себѣ человека съ болѣешимъ практическимъ здравымъ смысломъ, и болѣешимъ порядкомъ, и болѣешимъ постоянствомъ.

На томъ же Съѣздѣ общества въ Нью-кастлѣ положено первое начало огромнаго ученаго предпріятія, касательнаго изслѣдованія законовъ магнетизма и метеорологіи.

Рапортъ полковника Себайна о варіаціяхъ магнитнаго напряженія въ различныхъ точкахъ земной поверхности, и дѣрта, приложенная къ нему, издаанная въ одномъ томѣ, въ 1837, дали знаменитому Гаусу возможность опредѣлить теоретически коэффициенты для означенія магнитныхъ элементовъ; собственныя данныя его теоріи были тѣ, что сум-

мы магнитныхъ элементовъ, однообразно и систематически распределена по поверхности земли. Для пополненія признаннаго недостатку этихъ-то данныхъ, и для опредѣленія законовъ, управляющихъ движеніемъ на землѣ магнитной силы Общество наше было вынуждено назначить комиссію, которой оно поручило, вмѣстѣ съ Королевскимъ Обществомъ ходатайствовать у правительства о назначеніи магнитныхъ наблюденій на самыхъ крайнихъ высотахъ антарктическихъ морей и объ учрежденіи магнитныхъ и метеорологическихъ обсерваторій, на Островѣ святой Елены, на Мысѣ Доброй Надежды, въ Гобартонѣ, Торонто, которыя бы дѣйствовали заодно съ обсерваторією гринвичскою и другими европейскими. Цѣль и заботы создателей плана этого великолѣпнаго предпріятія, блистательныя открытія, которыя оно заранѣе обѣщало, любопытство, возбужденное имъ во всемъ ученомъ мірѣ, благородная готовность, не только со стороны частныхъ ученыхъ, но и почти всѣхъ важнѣйшихъ правительствъ, содѣйствовать общими силами къ успѣху дѣла, особенно великодушное, истинно просвѣщенное участіе Всероссийскаго Императора, извѣстны свѣту. Одновременное повсемѣстное наблюденіе движеній магнитныхъ стрѣлокъ должно было, по предположенію основателей дѣла, привести насъ къ уразумѣнію одной изъ величайшихъ тайнъ природы, — земной магнитности, — показавъ настоящіе законы этой всеобщей силы, современность ея сотрясеній по всему земному шару, частныя замѣшательства, происходящія отъ мѣстностей и случайныхъ вліяній, связь магнитности съ климатами и явленіями атмосферы, точное положеніе магнитныхъ линій, столь важное для мореплавателей, и прочая, и прочая. Много уже исполнено, дано, открыто, многое приводится въ исполненіе, и, вообще, полученные результаты далеко превосходятъ самыя пламенныя ожиданія.

Сэръ Джемсъ Россъ (Ross) возвратился, не потерявъ ни одного человѣка: онъ провелъ три лѣта въ антарктическихъ моряхъ, сдѣлалъ множество чрезвычайно важныхъ и любопытныхъ географическихъ наблюденій, и доказалъ, что ни какая опасность, ни какое затрудненіе, не могутъ оста-

новить на пути къ цѣли человѣка, соединяющаго образность испытателя природы съ неустрашимостью моряка.

Научные результаты первыхъ двухъ лѣтъ этого знаменитаго путешествія помѣщены полковникомъ Себаиномъ въ «Запискахъ Королевскаго Общества». Они доказываютъ, что наблюденія надъ уклоненіемъ, склоненіемъ и напряженіемъ, этими тремя магнитными элементами, могутъ быть произведены съ такою же точностью на морѣ, какъ и на твердой землѣ, и что многія неправильности зависятъ отъ мѣстныхъ причинъ: именно, что дѣйствіе корабельнаго желѣза на стрѣлку совершенно зависитъ отъ наитяго, или индукціоннаго, магнетизма, который бываетъ двухъ родовъ, одинъ мгновенный, совпадающій съ земною магнитностью и присовокупляющійся къ его явленіямъ, второй, поляризующійся, удерживаемый на болѣе или менѣе долгое время и переносимый движеніями корабля изъ одного мѣста въ другое; далѣе, что тотъ и другой, могутъ быть совершенно устранены, посредствомъ наблюденій и математическихъ формулъ; что напряженіе никогда не замѣчается болѣе 2, 1; и что магнитныя линіи равныхъ уклоненій, склоненій и напряженій далеко не соотвѣтствуютъ линіямъ, начертаннымъ Гауссомъ на его теоретической картѣ земной магнитности, потому что сѣверныя и южныя полушарія гораздо болѣе похожи другъ на друга нежели какъ полагали при первомъ, слѣдовательно, не совершенномъ опытѣ теоріи.

Пространство, изслѣдованное господиномъ Россомъ, составляетъ болѣе трехъ четвертей южныхъ морей. Изслѣдованіе остальной части поручено лейтенанту Муру.

Ничто такъ сильно не убѣждаетъ въ полной точности, съ какою производится система магнитныхъ наблюденій, какъ замѣченная двадцать-пятого сентября 1841 магнитная буря. Это было такое происшествіе, котораго не въ состояніи предсказать ни какая теорія. Несмотря на это, бдительность обсерваторій была такъ велика, что буря замѣчена во всемъ пространствѣ, въ Гринвичѣ, во всѣхъ обсерваторіяхъ Европы, въ Торонто, на Островѣ святой Елены, на Мысѣ, въ Гобартонѣ, въ Тревандрѣ, въ Тревискаре. Многія изъ наблюденій надъ этимъ замѣчательнымъ феноменомъ,

и до двадцати семи другихъ, разобраны и обрешены съ большою тщательностью полковникомъ Себайномъ. Буря не вездѣ была одинакова, не вездѣ явленія сопровождавшія ее слѣдовали другъ за другомъ въ одинаковомъ порядкѣ. Они зависятъ отъ времени года, вліянія заны въ одномъ полушаріи и лѣта въ другомъ. Замѣчено, что современныя колебанія въ Европѣ и Америкѣ, иногда брали одно и то же направленіе, иногда противоположное, какъ-будто причина волнений, въ одномъ случаѣ находилась между материками, а въ другомъ—нѣтъ.

На всѣхъ этихъ обсерваторіяхъ производится и метеорологическія наблюденія, но одной системою: они обнимаютъ дневныя и годичныя измѣненія температуры, давленіе атмосферы, упругость водяныхъ паровъ, направленіе и силу вѣтровъ, и каждое необыкновенное уклоненіе этихъ элементовъ отъ обыкновеннаго порядку; сверхъ-того сѣверное сіяніе, и другіе феномены. Теперь еще слишкомъ рано говорить о результатахъ, которые можно вывести изъ этихъ наблюденій, тѣмъ болѣе, что редуціи ихъ доселѣ сдѣлала небольшіе успѣхи. Со всѣмъ тѣмъ наблюденія эти позволяютъ надѣяться, что для метеорологій, какъ науки, готовы уже основанія. Лѣтоисписи метеорологій въ послѣднемъ столѣтіи загромождены метеорологическими наблюденіями, но инструменты, посредствомъ которыхъ все производилось, не были устроены по одинаковой методѣ, не были сравнены съ однимъ образцовымъ, и, слѣдовательно, не имѣли главнаго достоинства,—точности. Здѣсь слѣдуетъ упомянуть о трудѣ одного изъ нашихъ полезнѣйшихъ членовъ, господина Гаррисона. Его наблюденія, произведенныя втеченіи десяти лѣтъ, въ Плаймоутѣ, надъ термометромъ, одновременно, днемъ и ночью, надъ барометромъ и анемометромъ втеченіи пяти лѣтъ, тщательно редуцированы, приведены въ таблицы и изображены въ графическихъ, .привычныхъ линіяхъ. Дневныя измѣненія атмосферныхъ явленій представлены въ нихъ съ необыкновенною точностью. Я сомнѣваюсь даже, чтобъ при обыкновенныхъ типографическихъ средствахъ это твореніе могло быть напечатано, съ сохраненіемъ своего достоинства.

Другое важное явленіе въ этомъ родѣ составляетъ редуція и рисунокъ метеорологическихъ наблюденій, произведенныхъ въ шестидесяти-девяти мѣстахъ во время равноденствій и солнцестояній въ 1835, 1836, 1837 и 1838 годахъ, съ удивительною тщательностью и тонкостью господиномъ Бертомъ, на счетъ нашего общества. Результаты наблюденій господина Берта составляютъ предметъ записки сэръ Джона Гершеля, помѣщенной въ нашешъ отчетѣ за нынѣшній годъ. Это, въ небольшомъ видѣ, образчикъ результатовъ, которые должна дать наша великая система наблюденій.

Сначала систему магнитныхъ наблюденій положено было учредить только на три года, но впоследствии рѣшено продлить срокъ до перваго января 1846, по той причинѣ, что три года почти прошли въ однихъ приготовленіяхъ, повѣркѣ инструментовъ, переѣздѣ наблюдателей, и тому подобномъ. Размѣры, которые приняло это важное предпріятіе, превзошло всѣ ожиданія. При дѣятельномъ и ревностномъ участіи господина Купфера, устроено шесть обсерваторій въ Россіи, единственной странѣ, которая учредила постоянныя обсерваторіи. Американское правительство учредило три, въ Бостонѣ, Филадельфи и Вашингтонѣ; Остъ-Индская Компанія устроила двѣ, въ Сингапурѣ и Сумбѣ. Всѣ европейскія государства, и даже Алжиръ, предложили свое участіе. Спрашивается, можетъ ли это важное предпріятіе быть окончено втеченіи трехъ лѣтъ? Не потребуютъ ли мѣстные обстоятельства новыхъ изслѣдованій, болѣе тонкихъ методъ наблюденія? Если и будутъ открыты законы суточныхъ, мѣсячныхъ и годовыхъ движеній магнитной стрѣлки, узнаемъ ли мы законы ея въ новыхъ движеніяхъ? Другими словами, труды наши—не есть ли только начало теоріи, которой подробности подберуть лишь наши потомки? Эта-то мысль заставила господина Купфера сдѣлать предложеніе, изложенное въ письмѣ къ волковнику Себайну, о созваніи магнитнаго конгресса при слѣдующемъ Съѣздѣ Англійскихъ Ученыхъ, и пригласить на него господъ Гаусса, Гумбольдта, Плану, Ганстена, Арабъ, и другихъ особъ, принимавшихъ участіе въ устройствѣ и веденіи магнитныхъ наблюденій. Это предложеніе бы-

ло рассматриваемо въ комитетѣ, составленномъ изъ сэръ Джона Гершеля, полковника Себайна, доктора Ллойда, и меня. Обще собраніе рѣшить, какой мы дадимъ отвѣтъ русскому ученому. Я увѣренъ, что каждому изъ насъ будетъ пріятно видѣть посреди насъ столь знаменитыхъ людей, представителей ученаго свѣта нашего времени.

Правда, приготовленія къ такому собранію немало затруднятъ Магнитный Комитетъ и, въ особенности, полковника Себайна. Надобно будетъ собрать донесенія со всѣхъ магнитныхъ, станцій разобрать и сообразивъ послѣднія наблюденія, сообщить ихъ въ возможной подробности разнымъ членамъ Комитета. Несмотря на усердіе и дѣятельность полковника Себайна и сего помощника, лейтенанта Ридля, несмотря на ихъ опытность въ дѣлѣ и на обширныя познанія профессора Ллойда, я, очень боюсь, что нынѣшнія средства наши окажутся недостаточными.

Я того мнѣнія, что если конгрессъ признаетъ нужнымъ продолжать наблюденія еще на три года, то ни одно изъ европейскихъ правительствъ не откажется содѣйствовать намъ.

Послѣдніе томы трудовъ нашего общества чрезвычайно богаты статьями, относящимися къ естественнымъ наукамъ, особенно къ геологій: таковы, напримѣръ, донесеніе профессора Форбса о распредѣленіи моллюсковъ и астерій въ Эгейскомъ Морѣ, гдѣ указаны постепенныя слои морской глубины съ ихъ постепенно различными формами животной жизни и отношеніемъ между существующими и исчезнувшими породами. Вамъ, безъ-сомнѣнія, пріятно будетъ узнать, что наше правительство, не только помогло автору въ этихъ изслѣдованіяхъ, но даже взяло на себя всѣ издержки по изданію сочиненія господина Форбса. Донесеніе господина Томсона, объ ирландской Фаунѣ, въ такомъ же геологическомъ отношеніи, отличается точностью и полнотою изслѣдованій. Профессоръ Овенъ продолжаетъ присылать слѣдующія части своего донесенія объ ископаемыхъ млекопитающихъ Великобританіи, начатое имъ въ прошедшемъ году. Мнѣ весьма больно видѣть, что мы перестаемъ получать донесенія объ успѣхахъ нѣкоторыхъ отраслей знанія, занимав-

шихъ много мѣста въ первыхъ томахъ нашихъ трудовъ. Продолженіе этихъ отчетовъ въ состояніи и ходѣ разныхъ наукъ принесло бы важную услугу всѣмъ занимающимся учеными изслѣдованіями.

Опытнымъ наукамъ совершенно необходимы, отъ времени до времени, такіе пересмотры и своды открытій, наблюденій и замѣчаній, если люди желаютъ постоянно расширять предѣлы своего знанія основательнымъ и истинно полезнымъ образомъ. Кто равнодушенъ къ успѣхамъ наукъ или недалеко видитъ умомъ, тотъ можетъ быть доволенъ и нынѣшнимъ знаніемъ, потому что истинная система міра вполне извѣстна, законы всеобщаго тяготѣнія открыты, задача о трехъ вѣстѣ движущихся тѣлахъ рѣшена, Дэви разложилъ щелочи, Дальтонъ открылъ, а Берзеліусъ развилъ теорію пропорцій атомовъ, Гершели распространили законы тяготѣнія на самыя отдаленныя тѣла небесныя и подвергли математическимъ формуламъ самыя сложные и запутанные законы земной магнитности. Но опытъ вѣковъ доказалъ намъ, что предѣловъ знанія не такъ-то легко достигнуть человѣку. Открытіе одного вѣка будетъ всегда только началомъ и источникомъ для открытій другаго. Несмотря на живое участіе, которое принимаемъ мы въ успѣхахъ наукъ и образованности, несмотря что и мы сами много способствовали къ обогащенію сокровищницы человѣческихъ свѣдѣній, къ торжеству науки и образованности, науки еще очень далеки отъ того, какими онѣ должны быть для пользы и счастья нашего роду. Будемъ уповать на благословеніе Всевышняго святымъ усиліямъ постигнуть законы Его мудрости, осуществленные въ твореніи рукъ Его. Съ благоговѣніемъ должны мы приближаться къ источнику всякаго знанія, и со смиреніемъ будемъ пить живительную воду, которая изъ него истекаетъ.»

По окончаніи этой рѣчи, собраніе рѣшило: 1) пригласить знаменитѣйшихъ, иностранныхъ ученыхъ на магнитный конгрессъ при будущемъ Сѣздѣ англійскихъ ученыхъ, который назначается въ Кембриджъ перваго іюня 1845 года, по новому стилю; 2) денежные пособія, выдаваемые изъ кассы Общества разнымъ ученымъ на метео-

рологическія наблюденія, прекратить, впрямь до удобившихъ обстоятельствъ.

Изъ открытій и изобрѣтеній сообщенныхъ разнымъ отдѣленіямъ Общества, мы на первый случай приведемъ слѣдующія:

1. *Первыя наблюденія, произведенныя въ колоссальномъ телескопѣ лорда Росса.* Лордъ Россъ представилъ Отдѣленію Математиковъ и Физиковъ чрезвычайно красивыя рисунки многихъ облачностей звѣзднаго міра, въ двойномъ видѣ, — какими онѣ являлись сэръ Джону Гершелю, — и какими видны теперь въ новый телескопъ лорда Росса. Самыя примѣчательныя изъ нихъ:

Гершелева фигура 88. Эта облачность, довольно не ясная, наполнена звѣздами, которыя, въ телескопѣ лорда, принимаютъ видъ звѣздъ первой величины, наблюдаемыхъ простымъ зрѣніемъ.

Гершелева фигура 81. Свѣтлая облачность близъ звѣзды *зета* въ созвѣздіи Быка, совершенно эллиптическая, безъ звѣздъ. Телескопъ лорда показываетъ ее овальною, состоящею изъ множества большихъ звѣздъ; нѣкоторыя изъ этихъ звѣздъ снабжены довольно длинными свѣтлыми вѣточками, какъ-будто имѣютъ ноги, и похожи на скорпионовъ.

Гершелева фигура 29. Кольцеобразная облачность созвѣздія Лирь состоитъ собственно изъ семи большихъ звѣздъ, расположенныхъ кольцомъ, съ свѣтлою бахромою, которая, если бы телескопъ былъ еще сильнѣе, вѣроятно оказалась бы скопленіемъ множества звѣздочекъ. Середина этого круга туманна, съ пятнами.

Гершелева фигура 45. Планетообразная облачность. Также составлена изъ семи очень блестящихъ звѣздъ, расположенныхъ кольцомъ.

Гершелева фигура 26. Домбеллева облачность. Она не имѣетъ эллиптическаго очертанія. За чертою, видною Гершелесу, лежитъ еще много звѣздъ. Это — неправильная куча весьма разнообразныхъ свѣтилъ.

2. *Новый свѣтописный процессъ профессора Гюгана. Эриотипъ. Актино-химія.* Объ этомъ процессѣ были уморѣчь лѣтомъ въ нѣкоторыхъ ученыхъ журналахъ. Про-

растворъ Hunt представлялъ теперь, тому же отдѣленію, образчики удивительно красивыхъ картинокъ и портретовъ, снятыхъ имъ по способу, который состоитъ въ слѣдующемъ. Берется насыщенный растворъ янтарной кислоты; къ нему прибавляется четвертая часть, во вѣсу, слизи аравійской камеди, и все это разводится водою, въ которой сперва растворено немножко поваренной соли. Этимъ составомъ наводится бумага, которую, высушивъ, можно хранить въ портфолѣ. Листокъ такой бумаги, когда нужно поставить его въ камеру-обскуру, наводится вторично такимъ же составомъ или, если угодно, обыкновеннымъ растворомъ азотно-кислаго серебра. Въ послѣднемъ случаѣ, можно получить рисунокъ въ двѣ секунды. Безъ серебра, требуется двухъ минутъ и болѣе, иногда до осьми. Вынутый изъ камеры-обскуры листокъ не показываетъ ни какого слѣда рисунка: чтобы вывести его наружу, надо наводить растворомъ желѣзнаго купоросу (сѣрно-кислаго желѣза), смѣшаннаго съ слизью аравійской камеди. Какъ-скоро рисунокъ выйдетъ совершенно, листокъ обмывается водою и картинка можетъ быть укрѣплена амміакомъ или, во-старому, растворомъ сѣрноватисто-кислой соды. Если бы желѣзный купоросъ не довольно скоро дѣйствовалъ, надо нагрѣвать листокъ передъ огнемъ. Если бы, во время операций, бумага почернѣла, бросать ея не слѣдуетъ: стѣбитъ только промыть ее губкою, смоченною въ водѣ, чтобы подъ чернымъ слоемъ найти рисунокъ, совершенно чистый и рѣзкій.

Полученная такимъ образомъ картинка будетъ, разумеется, отрицательная, со свѣтами и тѣнями на-выворотъ; но съ нея можно отпечатать, на обыкновенной свѣтописной бумагѣ, по калотинному способу, неограниченное число положительныхъ оттисковъ.

Этотъ свѣтописный процессъ, сначала, профессоръ Гонтъ называлъ-было *энерготипомъ*. Господа Тальботъ и Брустеръ предложили замѣнить это названіе словомъ—*актиномитъ* «луче-печатаніе», на которое изобрѣтатель тотчасъ согласился.

Принимая въ соображеніе, что уже прежде известны были по химіи весьма примѣчательные случаи вліянія

свѣту, а теперь свѣтонисъ открыла намъ еще огромное число новыхъ примѣровъ чисто-химическаго дѣйствія солнечнаго луча почти на всѣ извѣстныя тѣла и вещества, Отдѣленіе Математиковъ и Физиковъ рѣшило — соединить всѣ эти факты въ одно цѣлое и ввести въ науку новый терминъ, *актино-химія*, или «лучевая химія», подъ которымъ разумѣть впередъ отдѣльную отрасль науки, подобіе «электро-химіи».

3. *Настоящее строеніе основнаго волокнца животной фибры.* Въ статьѣ пятаго отдѣленія этой книжки, можно видѣть, сколько теорій и сколько неизвѣстности господствовало донинѣ въ общей анатоміи и физиологіи насчетъ настоящаго строенія тончайшихъ волоконцевъ, или *фибриллъ*, изъ которыхъ состоятъ волокно, *фибра*, нитка животнаго мяса, мускула, мышцы. Кажется, что этотъ вопросъ теперь рѣшенъ совершенно удовлетворительно господиномъ Вильфордомъ. О наблюденіи своемъ онъ еще въ июнѣ мѣсяцѣ сообщалъ лондонскому Королевскому Обществу, а теперь представилъ этотъ любопытный фактъ нагляднымъ образомъ Отдѣленію Естественныхъ Испытателей и Врачей на Йоркскомъ Съѣздѣ Ученыхъ. Посредствомъ особенныхъ, весьма нѣжныхъ, способовъ разъединенія, очистки и приготовленія волоконцевъ, составляющихъ фибру, и при помощи необыкновенно сильнаго микроскопа, господинъ Wilford показываетъ, что основное волокнце фибры, извлеченной изъ руки здороваго человѣка тотчасъ послѣ отсѣченія, есть гладкій, ровный валикъ, цилиндръ, имѣющій въ діаметрѣ $\frac{1}{20,000}$ дюйма, и состоящій изъ сѣтленія мельчайшихъ пузырьковъ, или ячеекъ, сплюснутыхъ такъ плотно по долевному направленію, когда волокнце не растянута, что на поверхности цилиндра нѣтъ ни малѣйшей неровности, — ни горбовъ, ни углубленій. Обѣ нынѣшнія теоріи, поэтому, отчасти правы: волокнце, дѣйствительно, составлено изъ настоящихъ ячеекъ, но въ тоже время оно — ровная, правильная трубочка, только раздѣленная безчисленными перегородками, которыя совершенно ясно видны въ микроскопѣ господина Вильфорда. Каждая ячейка, каждое отдѣленіе цилиндра, наполнено жидкостью, которую господинъ Вильфордъ называетъ *жидкостью*.

ною, или мускульною водою. Но примѣчательно, что эта жидкость въ различныхъ ячейкахъ одарена различною густотою и различнымъ цвѣтомъ. Всегда, въ *четырёхъ* ячейкахъ сряду содержится жидкость прозрачная, легкая, и въ слѣдующихъ *четырёхъ* жидкость темная, болѣе плотная, густая; и такъ далѣе, во всю длину волоконца. Всѣ волокны въ фибрѣ сложены такъ, что *четырёхъ-ячейная* темная группа одного волоконца приходится противъ темной группы другаго, а свѣтлая противъ свѣтлой: отсюда на фибрахъ возникаютъ тѣ *полоски*, *striæ*, которыя были уже замѣчены нѣкоторыми наблюдателями. Другіе не видали ихъ, и спорили. Причина этого разногласія очень проста: темный цвѣтъ той жидкости, которая густѣе, не есть природный цвѣтъ: она, собственно, такъ же прозрачна какъ и легкая жидкость, заключающаяся въ *четырёхъ смежныхъ* ячейкахъ, и темный цвѣтъ ея зависитъ единственно отъ угла, подъ которымъ свѣтъ черезъ нее проходитъ, изъ чего уже видно, что химическій составъ ея различенъ отъ составу сосѣдней, всегда равно прозрачной жидкости. При нѣкоторыхъ наклоненіяхъ свѣту въ микроскопѣ, темныя ячейки представляются свѣтлыми и *полоски* исчезаютъ. Весьма важно было бы теперь собрать достаточное количество *обѣихъ* этихъ жидкостей, темной и свѣтлой миюлины, чтобы химически изслѣдовать ихъ составы. Безъ-сомнѣнія, эта постоянная *четырёхъ-ячейная* перемежка жидкости легкой и жидкости плотной есть главная пружина загадочнаго механизма сжимаемости фибры подъ управленіемъ воли.

ПАРИЖСКАЯ АКАДЕМІЯ НАУКЪ. *Возможность выразить числами пропорцію чувствительности въ человекѣ и различныхъ животныхъ. Вычисленіе господина Буржри.* Вычисленіе это еще не кончено, и мы скажемъ здѣсь только о главной идѣе автора. Весьма многіе анатомы, и самъ господинъ *Bougegu*, старались опредѣлить вѣсъ головного мозга и другихъ частей нервной системы въ людяхъ различнаго возраста и въ животныхъ различныхъ классовъ. Соединивъ эти данныя, господинъ Буржри замѣтилъ, что есть явная численная пропорція между вѣсомъ мозговыхъ по-

лушарій и, вообще, головного мозга, и степенно чувствительности тѣла. Чѣмъ болѣе вѣдетъ полушарія, и головной мозгъ, въ сравненіи съ вѣсомъ остальной нервной системы, тѣмъ выше чувствительность. Перевѣсъ головного мозга надъ прочими центрами нервнаго дѣйствія, огромный у челоуѣка, вдругъ понижается у животныхъ, и, между ними, пропорція этого пониженія слѣдуетъ, отъ собаки до лошади, кошки, коровы, слона и лѣвица, именно въ томъ содержаніи, въ какомъ и фзіологія показываетъ намъ постепенность упадку чувствительности въ ихъ кожѣ и быстроты въ ихъ движеніяхъ. Нѣтъ, поэтому, невозможности составить, изъ средняго вѣсу разныхъ частей нервныхъ системъ, таблицу, показывающую въ числахъ степень общей чувствительности породъ всего животнаго царства. Какъ вѣсъ головного мозга довольно хорошо соразмѣряется съ объемомъ головы, а вѣсъ прочихъ нервныхъ приборомъ съ объемомъ тѣхъ частей тѣла, гдѣ они помѣщены, то можно даже, снявъ искусно шкуру съ головы, спины, груди, желудка, и такъ далѣе, приблизительно опредѣлить степень общей чувствительности и, слѣдовательно, основаніе характера, въ каждомъ животномъ челоуѣкѣ. Вотъ, для людей съ воображеніемъ, начало новой науки! Галлово черепословіе на-выворотъ.

БЕРЛИНСКАЯ АКАДЕМІЯ НАУКЪ. *Микроскопическіе жители южнаго полюса. Изслѣдованія господина Эренберга.* Поводъ къ этимъ любопытнымъ изслѣдованіямъ знаменитаго берлинскаго микрографа подали образчики земли береговъ и дна морскаго, привезенныя изъ странъ сосѣднихъ южному полюсу извѣстнымъ капитаномъ Россомъ, и господами Шайеромъ и Дарвиномъ. Обширность труда господина Эренберга позволяетъ намъ представить здѣсь только общіе выводы, къ которымъ привели его эти занимательныя разысканія.

1. Микроскопическая жизнь чрезвычайно дѣлательна и богата еще у самыхъ полюсовъ Земнаго Шара, тамъ, гдѣ существа бѣльшаго объему жить уже не могутъ.

2. Въ снѣгахъ и даже во льдахъ полярныхъ странъ живетъ тма незримыхъ простымъ глазомъ животныхъ, не-

смотря на ужасы крайней степени стужи. Около южнаго полюса микроскопическое животное царство представляет чрезвычайное богатство и разнообразіе. Неизвѣстныхъ другимъ странамъ породъ, господинъ Эренбергъ донынѣ нашелъ только семь. Ему удалось даже расплодить въ Берлинѣ нѣкоторыхъ микроскопическихъ животныхъ южнаго полюса изъ свѣжихъ личекъ, сохранившихся въ привезенной землѣ и водѣ.

3. Не только на твердой землѣ и близъ береговъ, но и въ огромнѣйшихъ разстояніяхъ отъ всѣхъ материковъ и къ отдаленнѣйшимъ пропасти океана, нѣтъ капли воды, которая бы не была наполнена незримыми животными. Десять лѣтъ было едва нѣсколько примѣровъ микроскопической жизни на серединѣ океана. Благодаря послѣднимъ открытіямъ, теперь мы знаемъ около сотни породъ, принадлежащихъ къ подобнымъ мѣстностямъ, которыя такъ несправедливо почитались несвойственными органической жизни. Большая часть этихъ любопытныхъ крошекъ одѣта кремнистыми, а прочія известковыми скорлупками и раковинками. Откуда добываютъ онѣ столько кремнезему и извести? Неужели изъ морскаго дна? Невѣроятно! Не производятъ ли онѣ сами этихъ веществъ? Вопросъ этотъ, говоритъ господинъ Эренбергъ, по мнѣнію котораго, какъ извѣстно, желѣзо есть произведеніе незримыхъ животныхъ: вопросъ этотъ съ каждымъ днемъ пріобрѣтаетъ болѣе и болѣе существенную важность, при всемъ должномъ уваженіи къ замысловатости нынѣшнихъ геологическихъ теорій.

4. Многія изъ породъ пойманы на глубинѣ тысячи шести сотъ двадцати футовъ: слѣдовательно, эти слабыя крошки, которыхъ вы можете раздавить самымъ легкимъ прикосновеніемъ кисточки, переносятъ давленіе воды, равное давленію пятидесяти атмосферъ, сохраняя въ такой глубинѣ всю свободу движеній. Предположеніе, будто вода глубже шести сотъ футовъ неспособна для жизни, должно быть оставлено, какъ совершенно неосновательно. Донынѣ предѣловъ органической жизни еще не найдено. Отъ рѣшенія этого вопросу зависитъ судьба множества вопросовъ въ естественныхъ наукахъ. Каждая песчинка

морскаго дна, сколько изъ нее добыли изъ промѣстѣй, доступныхъ лоту мореплавателей, есть не что иное какъ комокъ тысячи остововъ существъ незримаго животнаго царства.

5. Не поросты, и не мхи, разлагаясь, образуютъ слой рыхлой почвы въ отдаленнѣйшихъ полярныхъ странахъ, а просто, однѣ скорлупки микроскопическихъ животныхъ, преимущественно изъ породъ *Pinnularia*, *Eunotia*, *Stauroneis*. Многя изъ этихъ органическихъ формъ у обоихъ полюсовъ земли—однѣ и тѣ же.

6. Паденія воздушной пыли или, такъ—называемые дожди *небесной золы*, нерѣдко случавшіеся за четыреста и болѣе верстъ отъ моря, происходятъ, безъ всякой возможности къ спору и сомнѣнію, изъ поднятія въ воздухъ морскихъ незримыхъ животныхъ въ испареніяхъ или въ водѣ, похищаемой ураганами и тромбами. Эта зола просто—высушенный въ воздухѣ скорлупки нашихъ земныхъ существъ, и, слѣдовательно, не можетъ валиться на насъ изъ-за предѣловъ атмосферы. Чтобы узнать, откуда прилетѣла небесная зола, стоитъ только разсмотрѣть ее въ микроскопъ и опредѣлить, къ какимъ морямъ или озерамъ принадлежатъ животныя породы, доставившія ей свои скорлупки.

УСПѢХИ ВОЗДУХУ, КАКЪ ДВИГАТЕЛЬНОЙ СИЛЫ, ЗАМѢНЯЮЩЕЙ ПАРЫ. О воздухо-движныхъ желѣзныхъ дорогахъ уже всѣ знаютъ. О первой фабричной машинѣ, въ которой пары удачно замѣнились въ Англіи накаленнымъ воздухомъ, было здѣсь сказано. Кажется, что эта новая сила пріобрѣтаетъ себѣ множество приверженцевъ, и что механизмъ, нужный для произведенія ея, достигъ уже большаго совершенства, потому что воздушныя машины начинаютъ быть примѣняемы и къ мореплаванію. Первый *воздухоходъ* явился въ Англіи въ началѣ года: этотъ опытъ остался почти невѣстнымъ публикѣ твердой земли, хотя судно «Сапфиръ» въ эту минуту пользуется въ англійскихъ журналахъ эпитетомъ *знаменитаго воздухо-движнаго порохода*, the well-known atmospheric fast-goer. Знатоки такъ довольны имъ, что господа Seaward и Cape

построили уже другой такой же «воздухоходъ» для Англійской Юго-западной Компаніи Пароходства, которая предназначена къ перевозкѣ пассажировъ и товаровъ между Соугемптономъ и Гавромъ. Судно названо The Wonder, «Чудо». Первый, частный опытъ съ нимъ былъ сдѣланъ 27 сентября, на рѣкѣ. «Чудо» имѣетъ 160 футовъ длины, 22 ширины и почти 13 глубины въ водѣ. Механизмъ совершенно тотъ же, какъ на «Сапфирѣ»: въ немъ—три цилиндра, открытые съ верхняго конца, по 53 дюйма въ діаметрѣ и съ 42 дюймами удару. По плану, сила этого механизма должна была равняться 130 паровымъ силамъ, но на дѣлѣ оказалось, къ великой радости изобрѣтателей, что она равна 200 силамъ. Гребныя колеса, по 20 футовъ въ діаметрѣ, принадлежатъ къ качательной системѣ, по методѣ господъ Моргана и Кавѣ, значительно усовершенствованной.

Странно, что французскіе журналы такъ мало обращаютъ вниманія на изобрѣтеніе въ томъ же родѣ одного изъ ихъ соотечественниковъ, между-тѣмъ какъ оно возбуждаетъ живѣйшее участіе и удивленіе въ англійскихъ извѣстіяхъ. Машина господина Andraud, дѣйствующая съ тѣмъ же воздухомъ, едва удостоивается простаго упоминанія въ важнѣйшихъ парижскихъ журналахъ, тогда какъ господинъ, Cotter безспорно хорошій знатокъ дѣла, писалъ, въ іюнѣ, въ Railways Chronicle: «Я не находилъ довольно «сильныхъ словъ, чтобы выразить мое удовольствіе и изумленіе, когда изобрѣтатель посадилъ меня на свой *воздухоходъ* и машина вдругъ помчалась по версальской желѣзной дорогѣ, на лѣвомъ берегу Сены. Ходъ ея усиливался постепенно, пока не достигъ быстроты тридцати миль (45 верстъ) въ часъ. Во время ѣзды, я разсматривалъ ея устройство и способъ дѣйствія съ величайшимъ вниманіемъ, и нашелъ механизмъ, почти во всѣхъ частяхъ, удивительно хорошо приспособленнымъ къ цѣли. Единственная погрѣшность, которую я примѣтилъ, относится къ работѣ насосовъ и поршней; но изобрѣтатель не виноватъ: во Франціи не умѣютъ сдѣлать лучше. Наши фабриканты мигомъ поправятъ эти второстепенные недостатки. Первый опытъ господина Андрана, дѣйствовать

«сжатый воздухомъ въѣсто паровъ, относится къ 1840 году. Съ-тѣхъ-поръ не перестаетъ онъ работать съ усор-дѣнъ, и оне увѣчалось величайшимъ успѣхомъ. Маши-на скользитъ по рельсамъ съ совершенною ловкостью, «безъ шума, огня, дыму, искоръ и опасности. Этого слав-леннѣй, сбитый воздухъ, которымъ она зарядена на «цѣлую поѣздку, проходитъ сверза трубками въ регула-торъ, отгуда въ расширительную камеру, и, наконецъ, въ «цилиндры. Повернешь корбу, и воздуховозъ выпускаетъ «въ путь. Пожмешь шарики, и дѣйствіе клапановъ вер-«мѣняется, машина идетъ назадъ.»

Этотъ опытъ происходилъ въ мартѣ. По извѣстіямъ французскихъ газетъ, другой опытъ, на той же дорогѣ, сдѣ-ланъ былъ въ сентябрѣ, въ присутствіи господъ Висаи и Ваде, комиссаровъ, назначенныхъ правительствомъ. Кажется, что мѣры для полнаго успѣху этого оффиціального испытанія были такъ искусно приняты, что, въ минуту дѣйствія, не нашлось подъ рукою довольно сильной паро-вой машины чтобы хорошо сжать воздухъ и зарядить ма-шину. Резервуаръ набилъ воздухомъ—d'après le système de la basse pression, очень извѣстной у насъ, въ Россіи, подъ именемъ—системы какъ-нибудь. Несмотря на это, воздухъ, получивъ силу расширенія, равную давленію трехъ атмосферъ, поччалъ машину, которая пробѣжала очень быстро, и ровно около четырехъ верстѣ. Въ газе-тахъ сказали пару словъ о «блестящемъ успѣхѣ» неудав-шагося испытанія. Изобрѣтатель заболѣлъ съ досады.

Опытъ хотѣли повторить въ октябрѣ.

БЫСТРОТА ѲЗДЫ ПО ЖЕЛѢЗНЫМЪ ДОРОГАМЪ ВЪ СѢ-ВЕРНОЙ АМЕРИКѢ. Необыкновенный путешественникъ. Сем-надцатаго августа, пассажиры и письма, прибывшіе изъ Ан-гліи на пароходъ «Аркадія» въ Нью-Йоркъ, доставлены въ Бостонъ, за триста шестьдесятъ верстѣ отгуда, въ шесть часовъ времени. О такой быстротѣ, на европейскихъ же-лѣзныхъ дорогахъ, и рѣчи не бывасть.

Въ одномъ англійскомъ журналѣ встрѣтили мы недавно извѣстіе о какомъ-то путешественникѣ, который оставилъ Гуль 2 мая, былъ въ Петербургѣ, объѣхалъ всю Герма-

нѣю, Вельгію, большую часть Франціи, всю Англію, отправлялся въ Ямайку, отсюда въ Соединенные Штаты, которые также извѣдаль онъ во всѣхъ направлєніяхъ, и 2 сентября воротился въ Гуалъ черезъ Барбадось и Ливерпуль. Въ эти четыре мѣсяца, онъ сдѣлалъ, *на паряхъ*, въ Европѣ по сухому пути осемь тысячъ двѣсти верстъ; въ Америкѣ по сухому же пути пять тысячъ сто; въ Европѣ, на Атлантическомъ Океанѣ и Америкѣ водою тридцать одну тысячу осемь сотъ верстъ; итого: слишкомъ 44,000 верстъ въ 173,000 минутъ времени. Среднимъ числомъ, каждыя четыре минуты онъ проѣзжалъ одну версту; но жалуется, что потерялъ много времени: прїатели! парижскіе балы! петербургскіе обѣды! американскія охоты!.... Дѣлать нечего, опоздалъ цѣлымъ мѣсяцомъ противъ предположенія.

Лѣтъ сорокъ тому, на подобное путешествіе нужно было бы употребить почти цѣлую жизнь человѣческую.

Съ перваго взгляду, эта быстрота движенія можетъ показаться невѣроятною; но сообразите только, что на царско-сельской желѣзной дорогѣ, каждый кондукторъ, ѣздитъ въ Павловскъ, туда и обратно, по-крайней-мѣрѣ два раза сутки, безъ малѣйшаго утомленія. Значитъ и теченіи года онъ дѣлаетъ тридцать шесть тысячъ пять сотъ верстъ, то есть, объѣзжаетъ весь земной шаръ по экватору, употребляя на ѣзду; собственно, не болѣе двухъ часовъ и сорока минутъ въ сутки. На московской желѣзной дорогѣ, каждый кондукторъ, находясь одинъ день въ ѣздѣ, и отдыхая весь слѣдующій день, будетъ проѣзжать въ годъ 108,000 верстъ. Это почти то же, что съѣздить на луну и назадъ воротиться.

ГАЛЬВАНОМЕТРЪ ГОСПОДИНА И. ВЕНЕДИКТОВА. При нынѣшнемъ распространеніи электро-химическихъ опытовъ и работъ, изобрѣтеніе господина И. Бенедиктова заслуживаетъ всего вниманія любителей науки, и желательно, чтобы онъ могъ придать исполненію своей идеи ту степень совершенства, которой неспремѣнно требуетъ физическій инструментъ. Донынѣ нѣтъ вѣрнаго средства пзмѣрять силу электрическаго тока. Гальванометры и мультпликаторы

торы, основанные на употребленіи магнитныхъ стрѣлокъ и такъ-называемыхъ постоянныхъ токовъ, доведены, конечно, до высокой степени чувствительности: они въ состояніи обнаружить присутствіе даже самаго слабого электрическаго дѣйствія, но не въ состояніи опредѣлить абсолютно относительной силы токовъ, потому что сравнить ихъ между собою невозможно и за единицу принять въ нихъ ровно нечего. Господинъ И. Бенедиктовъ полагаетъ, что эту единицу можно найти въ проходящихъ магнитахъ, которыми замѣнилъ онъ въ своемъ гальванометрѣ магниты постоянные. Въ основаніе принята у него подкова самаго мягкаго желѣза: длина полоски 7 дюймовъ; діаметръ 6 линій. Подкова обвита мѣдною проволокою, толщиною въ $\frac{1}{2}$ линій; число оборотовъ проволоки 66 разъ на каждомъ колѣнѣ. Къ подковѣ слегка прикасается пластинка мягкаго желѣза, уравновѣшенная съ мѣдною чашкою на рычагѣ, употребляемомъ въ обыкновенныхъ вѣскахъ. Снарядъ готовъ. Пропустите токъ по проводкѣ подковы: она становится магнитомъ, и, смотря по силѣ току, съ большею или меньшею силою сопротивляется удаленію притянутой ею пластинки. Разновѣски, полагаемые въ чашку, служатъ мѣрою этой притягательной силы. Главное условіе, для общности снаряда: нужно принять постоянные размѣры для подковы и проволоки, предполагая *à priori* одинаковость желѣза во всѣхъ подобныхъ снарядахъ. Это предположеніе, конечно, произвольно, но вѣдь и принять какую-нибудь силу постоянного магнита за единицу было бы тоже дѣйствовать на-угадъ.

Изобрѣтатель чувствуетъ самъ несовершенства своего снаряда, но онъ полагаетъ, что идея его можетъ пригодиться другимъ, которые извлекутъ изъ нея пользу для науки.

КОЛИЧЕСТВО КОФЕ СОВИРАЕМАГО ЕЖЕГОДНО НА ВСЕЙ ЗЕМЛѢ. Вотъ, по показанію одного англійскаго журнала, весь годичный сборъ кофе въ разныхъ странахъ свѣта. Въ 1843 году въ Бразиліи собрано 110,000,000 англійскихъ фунтовъ; на Явѣ 140,000,000; Санъ-Доминго 38,000,000; въ Порто-Рико и Гвадрѣ 36,000,000

въ англійской Вестъ-Индіи, 10,000,000; на Цейланѣ, 7,000,000; въ англійской Индіи и Мокъ, 6,000,000; въ голландской Индіи, 3,000,000; во французскихъ колоніяхъ 4,000,000: всего 459,000,000 англійскихъ фунтовъ, или 12,650,000 русскихъ пудовъ. Полагая народонаселеніе всего Земнаго Шара въ 1,000,000,000 душъ и исключивъ изъ этого числа возрасты, неспособные къ употребленію раздражительныхъ веществъ, дикія племена, которымъ бѣдность не позволяетъ этой роскоши, и народы, преданные исключительно чаю и составляющіе слишкомъ половину всего роду человѣческаго, найдемъ, что уже и въ настоящее время земля производитъ болѣе нежели по 4 фунта кофе на человѣка.

КОЛИЧЕСТВО И СИЛА ВОДЫ ВЪ НІАГАРСКОМЪ ВОДОПАДѢ. Въ *American journal of sciences*, господинъ Allen представляетъ снятые имъ со всею тщательностью размѣры русла Ніагары у самаго водопада, и основанные на нихъ вычеты о количествѣ воды, падающей съ утесовъ въ пропасть. По этимъ вычетамъ, Ніагара изливаетъ 22,440,000 кубическихъ футовъ, или около 40,000,000 пуд. воды въ минуту. Эта масса воды равна страшному итогу 4,533,334 паровыхъ лошадиныхъ силъ, принимая, по Ватту и Больтону, за мѣру лошадиной силы, такую силу, которая можетъ поднять 33,000 англійскихъ фунтовъ (910 пудъ) воды на одинъ футъ вышины въ одну минуту времени. Силу всѣхъ паровыхъ машинъ Великобританніи, Франціи, Германіи и Соединенныхъ Штатовъ можно опредѣлить въ 500,000 лошадиныхъ силъ: такимъ образомъ, ніагарскій водопадъ будетъ почти въ десять разъ сильнѣе всего пару, примѣняемаго человѣкомъ къ промышленности, и если разсчесть, что машины и люди могутъ дѣйствовать только десять часовъ въ сутки, а рѣка льется безостановочно, то безъ преувеличенія можно сказать, что одно это паденіе воды, одна эта игрушка могущественной природы, представляетъ силу, равную силѣ всего роду человѣческаго, считая тутъ же наши вспомогательныя средства, домашній скоть, машины и орудія.

ФРАНЦУЗСКАЯ ИНДІЯ. Пондишеръ. Вильпуръ. Тревен-

скаре. (Изъ известій французскаго посольства въ Кастю.)
 «Въ полночь стали мы на якорь въ Пондишеръ. Сообще-
 ніе рейда съ землею затруднительно. Вдоль всего берега
 тянется большая мель, гдѣ море, часто снокойное на глу-
 бинахъ, безпрерывно хлещетъ, нагоняя высокія волны,
 по три вдругъ. Обыкновенная лодка necessarily равобаетъ
 въ этомъ бурунѣ. Оттого здѣсь, какъ и во всѣхъ по-
 добныхъ мѣстахъ, для сообщенія съ землею употребляютъ
 челны, нарочно устроенные такъ, чтобы могли про-
 ходить между трехъ волнъ. Я сѣлъ въ шеллингу, какъ на-
 зываютъ челны для прохода по пондишерійскому прибою.
 На ней было восемь гребцовъ, Индѣйцевъ, которые уже
 сами по себѣ составляли предметъ, достойный любопыт-
 ства. Прежде всего пришло мнѣ на мысль, въ какомъ
 странномъ положеніи должна быть прїѣзжая въ колонію
 европейская женщина, когда впервые слѣдетъ въ такую
 шеллингу. Передъ нею лицомъ къ лицу сидятъ восемь до-
 жихъ ребятъ, голыхъ какъ черви, за исключеніемъ не-
 большаго лоскута, который поддерживается пояснымъ
 шуркомъ.

«Надобно послушать, какъ эти дикари кричатъ, какъ
 расцѣвуютъ, измѣняя напѣвы смотря по состоянію неба и
 моря, по дурной или хорошей погодѣ. Когда доплываешь
 до прибою, крикъ ихъ удваивается, пѣніе становится то-
 ропливымъ, порывистымъ. Глядя на ихъ безпокойство
 считаешь себя уже погибающимъ, и когда третій вазъ
 волннметъ ладью и выброситъ на берегъ, когда на ту же
 минуту на носу ея появится кресла, на которыхъ вѣшо-
 сятъ васъ съ сухими ногами на землю, вамъ кажется, что
 васъ вырвали изъ самой середины клокочущаго буруна;
 вы сами не знаете, какъ очутились въ толпѣ новыхъ при-
 куповъ, носильщиковъ и добашей, которые наперерывъ
 предлагаютъ вамъ паланкинъ, гостиницу, и тому подоб-
 ное.

«Странная порода эти добашаи! Прїѣхавъ въ Индію, вы
 не можете обойтись безъ нихъ. Какъ-скоро вы являетесь,
 они съ перваго взгляду угадываютъ, что вы иностранецъ
 и васъ окружаетъ два три десятка добашей, изъ которыхъ
 каждый имѣетъ множество аттестатовъ, подтверждающихъ

его неназбырную честность, неотомщенное усердіе, и прочая, и прочая, однимъ словомъ, всё болѣе или менѣе великодушныя качества, какими можетъ обладать слуга. Лучше всего, найдетъ, взять перваго, какой попадетъ, на удачу. Съ той минуты, какъ выберъ вашъ сдѣланъ, всё другіе удаляются безъ малѣйшаго ропоту, а избранный становится вашимъ крѣпостнымъ человѣкомъ, которымъ можете располагать, какъ угодно: нѣтъ труда, на который бы не хватило его усердія. Безъ него вы не можете ничего купить, ни даже одной сигары. Онъ ставляется съ продавцомъ, это вѣрно. Но попробуйте обойтись безъ добаши и исполнять свои комиссіи сами, увидите, удастся ли вамъ справиться съ разнѣномъ, съ мѣстной монетой, со способомъ счтання, съ поговорками и уловками торговца, не заплативъ по-крайней-мѣрѣ вдвое противъ обыкновеннаго. Добаши слѣдуетъ за вами какъ тѣнь ваша и никогда слово это не употреблялось точиѣ. Вы вечеромъ воротитесь домой, думаете, что вы одни, захотите подышать свѣжимъ воздухомъ, который проходитъ сквозь жалюзі, задумаете раздѣться: одинъ рукавъ уже снятъ; вы еще протягиваете руку къ другому, а одежда уже исчезла съ плечъ, какъ будто отъ волшебства. Вы оглядываетесь: позади, у ногъ вашихъ свернулось темное существо, которое располагается тащить съ васъ сапоги. Это вашъ добаши. Какъ онъ очутился въ запертой комнатѣ? изъ земли что ли вышелъ? Неизвѣстно, но онъ тутъ. Онъ тотчасъ спроситъ васъ не угодно ли вамъ будетъ *мамзель* въ постель. Вы съ изумленіемъ таращите глаза... Предложенное уже готово ... Небольшая продолговатая соломенная подушка важно кладется вдоль по серединѣ постели; она назначается для отдѣленія одной ноги отъ другой для того, чтобы такимъ образомъ, поддержать свободное теченіе воздуху. Эта *мамзель* — изобрѣтеніе очень замысловатое и необходимое въ странѣ, гдѣ ночи почти столь же знойны какъ и дни.

«Въ Нондипері пѣшкомъ не ходятъ и верхомъ не ѣздятъ: обыкновеннымъ средствомъ къ перемѣщенію служатъ паланкинъ. Это небольшой кузовъ на носилахъ, въ которомъ можетъ помѣститься одинъ человѣкъ, сидя или

лежа, какъ угодно. Несутъ его четыре Индѣйца. А когда нужно отправиться далеко, берутъ съ собой человѣкъ двѣнадцать для смѣны. Мы сначала отправились смотрѣть пагоду въ Вильпурѣ, въ двухъ миляхъ отъ Пондичерри. Это прекраснѣйшая пагода во всей Индіи. Я не въ состояніи описать вамъ всей массы скульптурной работы, колоннадъ, статуй боговъ и богинь, странныхъ животныхъ, барельефовъ, которыми украшены стѣны и въ-особенности огромныя пирамидальныя ворота. Когда мы все осматрѣли, насъ спросили, не угодно ли намъ принять прѣвѣствіа жрецовъ пагоды, — старинный обычай, который никогда не упускается при посѣщеніяхъ сколько-нибудь замѣчательныхъ иностранцевъ.

«Прѣчетъ пагоды состоитъ изъ браминновъ, пѣвцовъ, музыкантовъ и баядерокъ. Когда мы усѣлись въ креслахъ, приготовленныхъ для насъ въ преддверіи, храмъ открылся и брамины вышли, при звукахъ барабановъ и флейтъ, окруженные толпой баядерокъ. Баядерки подошли къ намъ, надавали намъ огромныхъ пучковъ цвѣтовъ и опутали насъ гирляндами, въ которыхъ мы должны были остаться въ продолженіи всей церемоніи. Потомъ онѣ начали пляску. Нѣкоторыя изъ нихъ были довольно хороши. Черныя, блестящіе волосы ихъ, заплетенные въ косы, падаютъ ниже поясу и оканчиваются пучками бахромы; на затылкѣ кокетливо помѣщается небольшой золотой колпачокъ; уши и носы вытягиваются съ грузу колецъ съ нависанными на нихъ побрякушками; на пальцахъ ногъ надѣты тоже серебряныя кольца, а на лодыжкахъ браслеты запястья. Одежду ихъ составляютъ панталоны изъ бѣлой бѣлой ткани съ широкими красными полосами; узкая кофточка обнимаетъ плеча и, застегиваясь фермуаромъ по серединѣ груди, закрываетъ ее всю. Остальныя части тела обнажены. Но баядерки драпируются широкими шарфами изъ бѣлой кисеи съ красными коймами, которыми совершенно окутываетъ ихъ граціозными складками. Танцы ихъ состоитъ въ пантомимѣ сопровождаемой страстными взглядами и довольно соблазнительными жестами. Онѣ, какъ кажется, больше декламируютъ нежели поютъ. Ноги едва двигаются; дѣйствуютъ одѣ руки, станъ и голова.

Пляска сопровождается пѣніемъ, которое обыкновенно импровизируется. Вообще у баядерокъ нѣтъ недостатку въ граціозности и выразительности.

«На небольшомъ разстояніи отъ пагоды находится широкій водоемъ, окруженный галереями и красивыми бесѣдками, для омовеній браминовъ и баядерокъ. Намъ показывали также большую колесницу бога Вишну. Она вышиною футовъ въ пятьдесятъ и вся покрыта скульптурными изображеніями самыхъ нескромныхъ предметовъ. Многіе барельефы достойны Арстина. Когда, въ большіе праздники, идола возятъ по окрестностямъ, въ колесницу эту впрягаются семь или восемь сотъ человѣкъ, такъ она тяжела. Она утверждена на осьми огромныхъ колесахъ, подъ которыя нерѣдко кидаются фанатики, желающіе удостоиться смерти праведника.

«Изъ Вильпура мы отправились въ одиннадцать часовъ вечера въ Тревискаре, въ пяти миляхъ отъ Пондичері, въ англійской Индіи. Насъ было семеро, слѣдовательно понадобилось семь паланкиновъ и, по продолжительности пути, по десяти человѣкъ носильщиковъ на каждую. Съ сумерекъ паланкины собрались на дворъ правителя и семьдесятъ Индѣйцевъ расположились спать, кому гдѣ удалось пріютиться. Въ минуту отправленія пробужденіе этой толпы нагихъ людей было очень оригинально: кто протиралъ глаза, кто зѣвалъ и потягивался, кто оправлялъ по-лесь или чайму. Мало-по-мало очнувшись, они начали кричать, толкаться, спорить и въ часть времени наконецъ раздѣлялись на семь отрядовъ; факелы засвѣтились и мы отправились въ путь. Европейецъ, встрѣтивъ нашъ караванъ на большой дорогѣ, конечно, припаялъ бы насъ за полчище демоновъ. Всячіе экипажи наши, несомые босоногими дикарями, мчатся безъ топоту, безъ стука колесъ; я по обѣимъ сторонамъ бѣгутъ цѣпи факельщиковъ съ пылающими свѣточами; носильщики ободряютъ себя пѣніемъ. Все это посреди темной ночи, на пустынной дорогѣ, конечно, можетъ произвести эффектъ шабаша вѣдьмъ и колдуновъ.

«На разсвѣтъ мы прибыли въ Тревискаре, гдѣ насъ принявъ въ обширныхъ палаткахъ, съ вечера приготовленныхъ

по приказанію губернатора. Тутъ насъ ожидали тамъ слугъ и большой запасъ провіантѣ. Въ Индіи иначе нельзя путешествовать; надобно всегда напередъ посылать и палатки и обѣдъ: нето негдѣ будетъ голову приклонить и нечего на зубъ положить. Индѣйцы пытаются однимъ рисомъ, а живутъ въ жалкихъ шалашахъ. Главною цѣлью нашего путешествія было осмотрѣть окаменѣлый лѣсъ, находящійся въ одной милѣ отъ Тревискаре. Здѣсь съ мило пространства проходишь по красноватой почвѣ, взрытой и взрѣзанной оврагами. Мѣстами лежатъ огромные стволы деревьевъ съ вывороченными корнями, съ корою, съ вѣтвями до половины засыпанными, и все это, стволы, кора сучья и корни—окаменѣло.

«Тревискарская пагода—одна изъ древнѣйшихъ въ Индіи: счету нѣтъ статуямъ, барельефамъ, колоннамъ, нишамъ, богамъ, богинямъ, слонамъ, быкамъ и разнымъ животнымъ, каменнымъ и деревяннымъ, которые населяютъ обширные дворы этой пагоды. Время построения ея теряется во мракѣ временъ. Зато нынче она представляетъ только груду развалинъ, однако жъ въ ней живутъ и баалдерки, которыхъ привѣтствіе мы также принуждены были принять. Сидя на диванахъ, въ палаткѣ, убранные цвѣтами, мы присутствовали при пляскѣ граціозныхъ жрицъ. Мы сидѣли, какъ настоящіе паши, окруженные одадыками, но намъ позволялось только смѣтрѣть: брамины—ревнивые владѣльцы и повелители баалдерокъ при своихъ храмахъ.

«Когда настала ночь, мы опять пошли посмотрѣть окаменѣлый лѣсъ при свѣтѣ факеловъ. Въ десять часовъ собрались въ обратный путь. Покуда приготовляли палаткины, я воротился къ пагодѣ. Меня привлекъ звукъ бубенъ, которымъ всегда возвѣщается религіозный обрядъ. Я прошелъ первый дворъ, не встрѣтивъ никого. На последнемъ странное зрѣлище представилось глазамъ моимъ. Храмъ былъ открытъ; между колоннъ, кое-гдѣ мерцали свѣтильники и отражаясь на истуканахъ, какъ-будто оживляли ихъ. Душетъ вѣтерокъ; пламя свѣтильника заволнуется; свѣтъ перемѣнитъ направленіе и, глядишь, гдѣ-нибудь окриленный конь какъ-будто потрясаетъ гривой,

или слонъ подымаетъ хоботъ, или каменное божество выдѣзаетъ изъ своей ниши. Въ самой мрачной части раздавалась музыка, отчаянно разноглася. На первомъ планѣ группа браминовъ, свернувшись въ клубокъ, пѣла гимны; нѣсколько баядерокъ, окутанныхъ бѣлыми шарфами, мелькали взадъ и впередъ какъ призраки надъ гробами въ «Робертѣ». Луна блѣдными лучами своими пронизывала сквозную рѣзбу большихъ воротъ, которыхъ черная пирамида таинственно рисовалась на темно-синемъ небѣ. Эти развалины, странныя статуи, жрецы, пѣніе, адская музыка, все это вмѣстѣ составляло поразительное, фантастическое цѣлое. Я вообразилъ себя путешественника, который заблудился въ вѣковыхъ лѣсахъ Америки и вдругъ очутился посреди друидовъ, исполняющихъ свои мистическіе обряды. Только, вѣроятно, бѣдный путешественникъ не ушелъ бы въ такой цѣлости, какъ я. Хотя я пробрался украдкою, однако жъ луна помѣшала мнѣ: добрые брамины только уставили на меня глаза и прекратили пѣніе, которое началось опять не прежде моего ухода, но ни одинъ изъ нихъ не тронулся съ мѣста. Индусы представляютъ, быть-можетъ, единственный примѣръ народа, у котораго самый отчаянный фанатизмъ соединяется съ самою полною вѣротерпимостью.

«Мы прибыли въ Помдишері до крайности утомленные. Въ паланкинѣ спать довольно неудобно. Впродолженіи пути случаются частыя тряскія остановки, отъ которыхъ пробуждаешься весьма неприятно. Я былъ почти истолченъ въ порошокъ».

ФРЕДЕРИКЪ ВАРРОТИ И ФЛОРЕСКО. Въ 1555 году, нѣсколько молодыхъ художниковъ копировали въ одной изъ залъ Ватикана безсмертныя фрески, украшающія дворецъ церковнаго владыки; несмотря на важность этого занятія, оно не мѣшало молодымъ людямъ весело разговаривать, и только одинъ между ними былъ задумчивъ и молчаливъ; онъ не могъ, подобно другимъ, предаваться той легкой веселости, главный источникъ которой заключается въ безвѣстности ума, потому что вся жизнь его была наполнена двумя могущественными чувствованіями, — любовью къ роднымъ своимъ и страстью къ искусству.

Товарищи не понимали его.

Фредерикъ Баррочи былъ кроткаго, робкаго нрава; онъ понималъ всѣ красоты идеальнаго, но мало разсуждалъ о нихъ. Онъ постигалъ все величіе божественныхъ идеалъ, которыхъ никакая кисть не можетъ передать и поэтому самому былъ остороженъ въ выборѣ сюжетовъ. Товарищи его называли эту осторожность посредственностью. Они принимали его за одного изъ тѣхъ безгалантныхъ художниковъ, которыхъ обстоятельства или родные направили на ложный путь и онъ, по мнѣнію ихъ, долѣе былъ пройти этотъ путь, не оставивъ по себѣ никакого слѣда.

Только двое изъ этихъ молодыхъ живописцевъ не раздѣляли общаго заблужденія; они были друзья Баррочи и умѣли цѣнить его достоинство. Но первый, Цуккери, былъ безпеченъ и мало заботился объ общемъ мнѣніи; другой, Фиореско, не оспаривалъ мнѣній товарищей насчетъ скромнаго Баррочи, потому что завидовалъ ему: Фредерикъ нашелъ въ кардиналѣ Робере ревностнаго и великодушнаго покровителя, между тѣмъ какъ ничто не удовлетворяло честолюбія Фиореско.

— Добрыя вѣсти, друзья, сказалъ Леонтіо, входя въ залу и размахивая, въ знакъ радости, шляпой.

— Что такое? спросило нѣсколько голосовъ.

— Микель-Анджело у папы и отъ него зайдетъ къ намъ.

При этомъ извѣстіи наступило почтительное молчаніе.

Четверть часа спустя вошелъ Микель-Анджело. Молодые люди встали и почтительно поклонились знаменитому художнику.

Микель-Анджело постепенно подходилъ ко всѣмъ молбертамъ и съ благосклоннымъ вниманіемъ генія осматривалъ копія молодыхъ людей. Однихъ онъ одобрялъ, другимъ давалъ драгоценныя наставленія, всѣхъ поощрялъ. Каждое слово великаго человѣка было принято съ религіознымъ вниманіемъ. Находясь въ отдаленнѣйшемъ углу залы, Фредерикъ съ болѣзною ожиданіемъ приближенія Микель-Анджело, который, будучи окруженъ молодыми ху-

художниками, замѣтилъ Баррочи только въ ту минуту, когда готовился уже удалиться изъ земли. Онъ воротился в кошелѣ къ робкому артисту, который съ стѣсненнымъ сердцемъ, не осмѣливался просить одобрительнаго взгляда великаго мастера.

Микель-Анджело смазалъ Фредерика нѣсколько ласковыхъ словъ и, наклонившись къ картинѣ его, смотрѣлъ на нее съ довольнымъ видомъ.

— Хорошо! очень хорошо! сказалъ онъ протянувъ руку къ скромному художнику.

Послѣдній поцѣловалъ руку, создавшую столько мастеровскихъ произведеній.

— Ваша будущность прекрасна, прибавилъ Микель-Анджело, полюбовавшись еще копией. Потомъ онъ освѣдомился о родицѣ Фредерика и объ учителѣ его.

— Я родился въ Урбино, и первымъ учителемъ моимъ былъ Баттиста Венеціано.

Микель-Анджело еще разъ похвалилъ рисунокъ, колоритъ молодого живописца, воздушную перспективу и гармонию картины; потомъ прибавилъ нѣсколько совѣтовъ насчетъ драпировокъ, посоветовавъ рѣшительнѣе, смѣлѣе обрисовывать контуры, и кончилъ новыми похвалами.

Товарищи Фредерика, исключая Цуккери, слушали съ изумленіемъ и досадою похвалы, которыми осыпалъ его Микель-Анджело и въ первый разъ, внимательнѣе посмотрѣвъ на работу скромнаго молодого человѣка, открыли въ ней нѣкоторыя достоинства и красоты.

Послѣ ухода Микель-Анджело, всѣ стали поздравлять Фредерика; но въ поздравленіяхъ этихъ была иронія, на которую молодой художникъ не хотѣлъ обращать вниманіе, потому во-первыхъ, что онъ былъ добръ и кротокъ, а во-вторыхъ, потому что радость, наполнявшая сердце его, удалила всякое непріятное ощущеніе. Фіореско не могъ даже притворно похвалить счастливаго товарища; съ блѣднымъ лицомъ, мрачнымъ взоромъ и съ дурными страстями въ душѣ, сѣлъ онъ за свою работу.

Три дня спустя, кардиналъ Ровере посѣтилъ мастерскую. Микель-Анджело уже сообщилъ ему свое мнѣніе насчетъ таланта Баррочи и кардиналъ, радуясь, что великій

художникъ одобрилъ покровительство, которое онъ оказывалъ Фредерику, рѣшился предложить послѣднему квартиру въ своемъ дворцѣ, болѣе близкомъ къ Ватикану, нежели домъ, гдѣ Баррочи жилъ съ Цуккери и Фиореско. Фредерикъ сначала отказывался изъ скромности, но наконецъ долженъ былъ уступить настоятельному требованію кардинала и принялъ его милостивое предложеніе.

Въ то самое время, когда молодые художники, окончивъ работу, хотѣли разойтись, Фиореско остановилъ ихъ. Лицо его было не такъ мрачно, какъ обыкновенно.

— Друзья, сказалъ онъ, прежде нежели Фредерикъ оставитъ веселое жилище артистовъ, мы должны поприздривать, чтобы пріятное воспоминаніе, которое онъ унесетъ, разставаясь съ нами, заставило его опять воротиться когда-нибудь къ намъ. Приглашаю васъ всѣхъ завтра на вечеръ.

— Будемъ! будемъ! отвѣчали всѣ живописцы.

Фредерикъ пожалъ руку Фиореско: этотъ знакъ дружбы тронулъ и обрадовалъ его.

Разныя вина наполняли кубки веселыхъ гостей Фиореско, шумный говоръ ихъ нарушалъ покой сосѣдей, которые тщетно требовали восстановленія тишины въ поздніе часы ночи. Фредерикъ изъ благодарности принуждалъ себя къ веселости; онъ употреблялъ всѣ усилія, чтобы не бѣжать отъ шумныхъ и безпорядочныхъ удовольствій, которымъ предавались его товарищи.

Фиореско былъ блѣденъ; онъ находился въ сильномъ волненіи. По временамъ, какъ-бы стараясь забытья, онъ говорилъ громкимъ голосомъ, и мрачная улыбка выступала на уста его.

Подали десертное вино. Слуга принесъ бутылку, которую показалъ ему Фиореско.

— За будущую славу Фредерика! вскричалъ Фиореско, наливая вино въ кубокъ Баррочи, который сидѣлъ подлѣ него; потомъ обратился къ другому своему сосѣду.... но бутылка выскользнула изъ руки его и упавъ на полъ, разбилась. Художники громко засмѣялись надъ его неосторожностью.

— Скорѣй! другую бутылку! вскричалъ Фиореско.

Другія бутылки были принесены и всѣ кубки наполнились....

Ночь проходила, звѣзды начинали блѣднѣть на небѣ и отдаленный полу-свѣтъ предвѣщалъ появленіе солнца.

Фредерикъ былъ задумчивъ; его тревожило какое-то страшное, болѣзненное чувство. Внутренность его горѣла, сердце сжалось, дыханіе было стѣснено и кровь, съ силою бросаясь въ голову, производила въ ухахъ нестерпимый шумъ и покрывала глаза темною пеленою.... онъ молча боролся съ страннымъ и внезапнымъ недугомъ, не желая нарушить радости товарищей.

Однако жъ страданія его ежеминутно усиливались; онъ хотѣлъ встать, чтобы подойти къ окну, освѣжиться, но не могъ подняться со стула и невольно вскрикнулъ:

— Боже мой! какъ я страдаю!

Всѣ взоры обратились на него. Холодный потъ выступилъ на лбу Фредерика, губы его поблѣднѣли, зубы стучали какъ въ лихорадкѣ.

— Что съ тобою? спросили товарищи и съ ними Фіореско.

— О! дайте мнѣ холодной воды.... Грудь моя въ огнѣ.....

И блуждающій взоръ его искалъ прохладительнаго напитка. Фіореско подаль ему кубокъ съ свѣжей водою; Барроччи отклонилъ его рукою и сказалъ Цуккери:

— Другъ, проводи меня до колодца.

Цуккери и Леонтио взяли его подъ руки и помогли ему выйти изъ комнаты; но они не успѣли дойти до колодца, какъ съ Фредерикомъ сдѣлались ужасныя конвульсія.

— Бѣги за докторомъ! сказалъ Цуккери Леонтио: расскажи ему въ какомъ состояніи Фредерикъ и приведи его сюда.

Леонтио побѣжалъ.

Прійдя въ себя, Фредерикъ увидѣлъ друга, который съ страхомъ и боязнью смотрѣлъ на него.

— Цуккери, сказалъ онъ: я отравленъ.

— Отравленъ! вскричалъ Цуккери съ ужасомъ: отравленъ! но кѣмъ?

— Говори тише.... сказалъ великодушный Фредерикъ.

Ужасная боль заставила его замолчать.
 Леонтио воротился съ докторомъ, который посовѣтовалъ перенести Баррочи въ его комнату и далъ ему успешнѣе лекарство. Комната вскорѣ наполнилась молодыми художниками, между которыми распространилась вѣсть объ отравленіи. Новая комвульсія овладѣла Фредерикомъ. Докторъ просилъ всѣхъ удалиться, исключая Леонтио и Цуккери, которые заботливо ухаживали за больнымъ. Послѣдній приказалъ пригласить еще нѣсколькихъ докторовъ и уведомить кардинала Ровере; тотъ немедленно прислалъ за больнымъ носилки.

Фредерикъ былъ перенесенъ въ палатку кардинала, куда за нимъ послѣдовалъ Цуккери, не отходявшій отъ постели больного друга.

Послѣ двадцати шести дней невыразимыхъ страданій, больной сталъ поправляться и въ двадцать-осьмой день доктора поручились въ выздоровленіи его.

Въ тотъ же самый день, когда Баррочи былъ перенесенъ къ покровителю своему, кардиналъ приказалъ подать жалобу на Фioresco. Полицейскимъ чиновникамъ было приказано арестовать его — но виновный исчезъ и всѣ поиски были тщетны.

Баррочи поправлялся медленно. Во все время болѣзни его, кардиналъ оказывалъ ему отеческія попеченія. Дружба, соединявшая Фредерика съ Цуккери, еще болѣе укрѣпилась.

Узнавъ о несчастіи, случившемся съ Фредерикомъ, отецъ и сестры его, жившіе въ Урбино, были крайне огорчены. Старикъ отецъ былъ боленъ и не могъ ѣхать въ Римъ; но старшая сестра отправилась туда; при первомъ извѣстіи о бѣдствіи, постигшемъ брата и если горестъ ея была велика при видѣ страданій брата, то съ другой стороны, она почувствовала большое утѣшеніе, видя съ какою заботливостью за нимъ ухаживали; и какое трогательное участіе оказывалъ ему кардиналъ.

Фредерикъ былъ спасенъ отъ смерти, но не могъ совершенно вылечиться. Жизненные его органы были слишкомъ сильно разстроены, такъ что онъ потерялъ всякую надежду воротить здоревье и прежнюю силу, на которой

основывать всю будущность своего дарования. Постоянная, ничуть неинтересная бытность, вялость цюкъ и періодическіе припадки, возобновлявшіе прежнія страданія, свидѣтельствовали о разстройствѣ, которое пронахала въ немъ ладъ. Всякое трудное занятіе было воспрещено Баррону; и мысль его, не будучи болѣе въ состояніи преллвиться въ искусствѣ, или распространиться въ дѣятельней жизни, ватаилась въ опечаленной душѣ его, подобно магильному свѣтучу.

Въ этомъ болѣзненномъ состояніи, которому онъ не видѣлъ конца, Фредерикъ, основываясь на религіозномъ чувствѣ, не проклиналъ того, чья ненавистная зависть лишила его сладостныхъ наслажденій искусства, невыразимаго блаженства молодости. Онъ покорился судьбѣ своей и вростилъ врагамъ, по примѣру Спасителя. Однако жъ бездѣйствіе, повергавшее его въ безпрестанное уныніе, терзало его; ему казалось, что теперь онъ не имѣетъ болѣе права пользоваться милостями кардинала, за которыя онъ уже не могъ заплатить своими трудами, слава которыхъ могла бы отразиться и на томъ, кто покровительствовалъ ему. Противъ воли кардинала, онъ рѣшился воротиться въ Урбино, къ роднымъ своимъ, надѣясь что воздухъ родимой стороны и сердечная привязанность родныхъ совершенно поправятъ его здоровье.

Онъ ошибся; ничтѣ не уничтожило слабости и страданій, въ которыхъ проходили лучшіе годы его жизни. Въ этомъ невольномъ отдохновеніи и физическомъ бездѣйствіи, онъ однако жъ жилъ мыслью, воображеніемъ и умомъ. Для него искусство не было дѣломъ сравненія и подражанія; это было изученіе истины, вдохновеніе свыше.

Въ одинъ изъ долгихъ часовъ мечтаній и размышленій, находясь подъ могущественнымъ вліяніемъ христіанскихъ чувствованій, онъ мысленно сочинилъ планъ картины, которая должна была открыть ему путь къ славѣ и поставить его на ряду съ великими мастерами. Картина эта извѣстна подъ именемъ «Прощенія».

Прошло шесть лѣтъ съ-тѣхъ-поръ, какъ преступленіе Фіореско остановило ходъ занятій, разстроило здоровье, и жизнь Фредерика. Припадки, о которыхъ мы говорили,

бывали такъ же мучительны, такъ же сильны, какъ прежде, за ними слѣдовало столь же продолжительное расслабленіе, такое же мрачное уныніе, но они возвращались гораздо рѣже. Эта причина и въ-особенности, непреодолимое желаніе привести въ исполненіе мысль, задуманную съ такою любовью, заставляла Фредерика приняться опять за кисти. Сначала онъ могъ посвящать труду только отдѣльными минутами, но мало-по-малу, эти минуты превращались въ часы. Когда сильныя страданія овладѣвали имъ и преодолювали терпѣливость его, онъ прерывалъ работу и отдыхалъ, пока новое облегченіе позволяло ему опять приняться за нее. Въ эти минуты, Фелиппа не отходила отъ брата, читая ему безсмертныя творенія Данте.

Семь лѣтъ трудился онъ надъ своей картиной. Въ это время счастье улыбнулось ему. Кардиналъ Ровере назначилъ ему пенсію, чтобы дать средство спокойно заниматься, не утруждая себя. Джованни Удинскій, ученикъ Рафаэля, находившійся въ милости у знатныхъ, навѣстилъ Фредерика, когда тотъ занимался картиной своей и такъ былъ восхищенъ; что рѣшился поговорить объ ней герцогу урбинскому, любителю и покровителю художествъ.

Герцогъ посѣтилъ Баррочи, достойно оцѣнилъ талантъ его и за весьма значительную сумму купилъ картину «Прощеніе», которую хотѣлъ пожертвовать въ церковь святаго Франциска. Сверхъ-того онъ назначилъ живописцу пенсію и пригласилъ его жить въ своемъ дворцѣ.

Фелиппа, старшая сестра Баррочи, отказалась отъ замужства, чтобы исполнѣтъ предаться попеченіямъ о страдалицѣ; Фредерикъ не захотѣлъ разстаться съ нею; герцогъ позволилъ и ей поселиться во дворцѣ. Старый отецъ вскъ скончался, а другія сестры были все замужемъ.

Заслуженныя милости, которыми пользовался Фредерикъ, сдѣлали его еще великодушнѣе и сострадательнѣе къ товарищамъ по искусству, не имѣвшимъ ни таланта его, ни счастья. Кошелекъ его былъ открытъ всѣмъ нуждающимся и ежедневно увеличивавшееся расположеніе къ нему герцога и знатныхъ особъ, было часто употребляемо Фредерикомъ въ пользу другихъ. Благородство характера его, чистота нравовъ, искренняя и просвѣщенная религіоз-

ность, увеличивали уваженіе, которое всѣ питали къ таланту Баррочи и жизнь его была бы не только слава, но и счастлива, если бы его не мучили частыя страданія.

Народъ толпился въ церкви святаго Франциска; паперть ея была покрыта путешественниками и богомольцами, которые отправлялись въ Римъ, на праздникъ святой Пасхи и остановились въ Урбино въ Вербное Воскресенье. Дѣти предлагали идущимъ въ храмъ, вербы.

Ни одно облако не омрачало ясной лазури неба и благотворные лучи весенняго солнца освѣщали и согрѣвали землю. Священные гимны раздавались подъ сводами храма, свѣчи блѣднѣли при блестящемъ свѣтѣ, пробивавшемся сквозь цвѣтныя окна и окрашивавшемъ яркими отливами алтарь и благоговѣйную толпу.

По временамъ разсѣянные взоры обращались къ хорахъ, гдѣ висѣла картина Баррочи или же къ эстрадѣ, гдѣ, возлѣ герцога, стояло изъ рѣзнаго золота, мастерское произведение, работы дѣда Фредерика. Многіе изъ предковъ живописца были извѣстны, какъ отличныя рѣзчики, скульпторы или математики; но слава ихъ затмилась передъ славой Фредерика, который умѣлъ придавать произведеніямъ своимъ величественную и поэтическую печать религиозныхъ вѣрованій.

Послѣ церковнаго служенія, герцогъ вышелъ въ сопровожденіи духовенства. Нѣсколько артистовъ, пришедшихъ полюбоваться картиной Баррочи, ожидали его у портика церкви, съ вѣнкомъ изъ зеленыхъ вѣтвей. Фредерикъ шелъ въ свитѣ герцога, по обыкновенію своему, занимая послѣднее мѣсто.

Вѣнокъ былъ брошенъ и упалъ на руки Баррочи, который осматривался съ изумленіемъ, не подозревая, что этотъ вѣнокъ былъ назначенъ ему. Громкое вивать, смѣшанное съ именемъ его, открыло ему истину.

Герцогъ оглянулся и улыбался скромному смущенію Фредерика, который, какъ бы вдохновенный, положилъ вѣнокъ къ ногамъ своего высокаго покровителя. Герцогъ поднялъ вѣнокъ, возложилъ его на голову художника и сдѣлалъ ему знакъ, чтобы онъ сѣлъ воишь него въ

носилки. Фредерикъ повиновался.... толпа громко рукоплескала.

Богомолецъ, стоявшій на колѣняхъ у церкви, былъ выведенъ изъ размышленій своихъ этой сценой. Борода и волосы его были въ беспорядкѣ; покраснѣвшіе и утомленные глаза свидѣтельствовали о множествѣ пролитыхъ слезъ. Этотъ путникъ подошелъ къ носилкамъ въ то самое время, какъ Баррочи хотѣлъ сѣсть въ нихъ.

— Signor pittore, сказалъ онъ: гдѣ я могу видѣть васъ?

Фредерикъ вздрогнулъ при этомъ голосѣ, напоминавшемъ ему Фіореско; онъ пристально посмотрѣлъ на него и отвѣчалъ:

— Въ герцогскомъ дворцѣ, спросите Баррочи....

Носилки удалились и незнакомецъ долго слѣдилъ за ними взоромъ; потомъ глаза его опустились, онъ сложилъ руки на груди и вошелъ въ церковь.

Около вечера онъ отправился во дворецъ герцога и спросилъ Баррочи. Слуги проводили его въ покои живописца, гдѣ была одна Фелиппа. Фредерикъ ужиналъ у своего повелителя.

Молодая дѣвушка приняла незнакомца съ лаской и почтительностью. Она предложила ему поужинать, но онъ отказался и просилъ только позволенія подождать Баррочи, сѣлъ въ темный уголъ комнаты и не говорилъ ни слова до возвращенія Фредерика, который пришелъ въ сопровожденіи двухъ слугъ со свѣчами.

Различныя ощущенія того дня утомили Баррочи и по уходѣ слугъ, онъ опустился въ кресло.

— Братъ, сказала ему Фелиппа: вотъ незнакомецъ, который уже болѣе часу ждетъ тебя.

— А, помню! отвѣчалъ Фредерикъ, съ успіемъ вставая: я обѣщалъ ему сегодня принять его.

Онъ сдѣлалъ шагъ къ медленно приближавшемуся богомольцу. Фелиппа поняла, что этотъ человекъ желалъ наединѣ поговорить съ ея братомъ, и удалилась.

Оставшись наединѣ съ Фредерикомъ, богомолецъ произнесъ голосомъ, который дрожалъ отъ сильнаго волненія:

— Узнаете ли вы меня?

Фредерикъ посмотрѣлъ на него пристально и отвѣчалъ:

— Вы — Фіореско.

Богомолецъ сдѣлалъ утвердительный знакъ головою и продолжалъ:

— Присутствіе мое изумляетъ васъ и, можетъ-быть, кажется вамъ дерзкимъ.

Баррочи отвѣчалъ спокойно:— Оно изумляетъ меня, но не кажется мнѣ дерзкимъ.

— Однако жъ вы должны ненавидѣть меня!

— Я молю каждый день Бога, чтобы Онъ простилъ мнѣ прегрѣшенія мои, какъ я самъ прощаю тѣмъ, которые обидѣли меня; слѣдовательно, вы видите, что я не могу питать къ вамъ ненависти.

— Да благословитъ васъ Небо, за эти утѣшительныя слова! Баррочи, тринадцать лѣтъ провелъ я въ слезахъ раскаянія, въ надеждѣ на ваше и Божіе прощенье. Въ угрызеніяхъ совѣсти проводилъ я цѣлыя ночи у гроба Спасителя, куда я ходилъ пѣшкомъ, чтобы искупить ужасный, двойной грѣхъ свой—грѣхъ зависти и убійства! Тамъ я претерпѣлъ всѣ мученія грѣшника; справедливый гнѣвъ небесъ разразился надъ головою моею и наполнилъ дни и ночи мои неописаннымъ ужасомъ и страхомъ!... Я думалъ, что умертвилъ васъ и на каждомъ шагу преслѣдовала меня грозная тѣнь...

— Слѣдовательно, вы покинули Италію еще до выздоровленія моего? спросилъ Баррочи.

— Я скрылся при первомъ подозрѣніи товарищей, страшась, чтобы они не велѣли схватить меня. Ночью я шелъ, а днемъ скрывался въ лѣсахъ. Я жилъ подаяніемъ, терпѣлъ нужду, усталость, униженія всякаго рода, но все это ничто, въ сравненіи съ страданіями, терзавшими мое сердце!

— Несчастный! сказалъ Фредерикъ съ выраженіемъ грусти и состраданія: а какъ узнали вы, что я живъ?

— Мнѣ сказалъ одинъ болонскій живописецъ, который путешествовалъ по Востоку и съ которымъ я, случайно, сошелся въ Ерусалимѣ. Это извѣстіе обрадовало меня и возвратило душѣ моею нѣкоторое спокойствіе; тогда во мнѣ родилось желаніе испросить у васъ самихъ прощенье и умереть на родинѣ.... Вчера я прибылъ въ Урбино, и нынче

утромъ пошелъ къ дому, гдѣ вы прежде жили, надѣясь найти васъ тамъ. Колокольный звонъ въ церкви святаго Франциска, призывавшій правовѣрныхъ къ молитвѣ, заставилъ меня идти въ ту сторону. Толпа наполняла церковь, я долженъ былъ остаться на площади, и отуда присутствовалъ при божественной службѣ. По окончаніи службы, толпа разсѣялась, я узналъ васъ въ свитѣ герцога. Ахъ! Баррочи, какъ велико могущество Того, который отклоняетъ удары злобныхъ!... Я хотѣлъ погубить васъ, занять ваше мѣсто; и что же? Вы славны, велики, всѣ выхваляютъ добродѣтели и дарованія ваши, а я, ничтожный, ни къмъ незамѣченный, былъ замѣщаемъ въ толпѣ, рукоплескавшей вамъ. Воля Господа могущественна и пути его неисповѣдны!

— Что же думаете теперь предпринять? спросилъ Баррочи.

— Я намѣренъ заключиться на остатокъ дней моихъ въ монастырь.

— Не дѣлайте этого, другъ мой. Тринадцать лѣтъ страданій, подобныхъ тѣмъ, которыя вы перенесли, изгладили вину, въ которой вы раскаиваетесь. И если по причинѣ этой вины вы не смѣете воротиться въ свѣтъ, то я беру на себя отклонить отъ васъ всякую опасность.

→ Нѣтъ, я уже не принадлежу свѣту! Мѣсто мое въ домѣ размышленій и уединенія, гдѣ свидѣлемъ и судьей мысли нашей—одинъ Богъ!

— Я не доущу, чтобы за меня вы пожертвовали герести остаткомъ вашей жизни, которая можетъ еще быть полезною вамъ самимъ и другимъ. У васъ былъ талантъ, Фиореско, и Господь, даровавшій вамъ его, потребуетъ у васъ отчету. Одно изъ лучшихъ служеній Всевышнему—стараніе изобразить искусствомъ творенія Его и Святыхъ, избранныхъ имъ. Если раскаяніе ваше искренно, то выостанетесь у меня и дружбой вознаградите меня за ненависть, которую нѣкогда питали ко мнѣ. Я доставлю вамъ работу. Вы можете еще приобрести славу и богатства.

Фиореско, пораженный великодушіемъ Баррочи, долженъ былъ согласиться; съ-тѣхъ-поръ онъ не разставался съ добродѣтельнымъ живописцемъ и сталъ даже преданнѣе

шимъ другомъ, искреннѣйшимъ почитателемъ и ревностнѣйшимъ слугою ему. Онъ работалъ въ его же мастерской, и написалъ нѣсколько замѣчательныхъ картинъ. Полагаютъ, что Баррочи исправлялъ рисунокъ ихъ и охотно помогалъ даже своей кистью тому, кто пѣкогда покусился на жизнь его. Многія изъ картинъ Фіореско приписываются теперь Фредерику Баррочи.

Фіореско жилъ у великодушнаго друга до самой своей смерти, и собралъ небольшое состояніе, которое завѣщалъ благотѣлю своему. Баррочи употребилъ это наслѣдство на богоугодныя дѣла, чтобы упрочить спасеніе души несчастнаго своего соперника. Годъ спустя послѣ поселенія Фіореско у Баррочи, этотъ былъ избранъ напой Пиемъ Четырнадцатымъ для расписанія картинными украшениями, Бельведерскаго дворца. Онъ отправился въ Римъ и, испросивъ у папы позволеніе раздѣлять работу съ Пуккери, вмѣстѣ съ нимъ исполнилъ ее.

Окончивъ работу, онъ поспѣшилъ воротиться въ Урбино; непрерывныя тѣлесныя страданія дѣлали ему драгоцѣнными и необходимыми попеченія Фелиппы.

Другія произведенія, замѣчательныя не менѣе «Прощенія», упрочили извѣстность искуснаго художника. Нѣсколько государей дѣлали блистательныя предложенія, чтобы привлечь къ себѣ. но Баррочи, счастливый дружбой своего повелителя, пользуясь общимъ уваженіемъ и живя между людьми, платившими ему за благодѣянія искреннею признательностью, не хотѣлъ покидать родины.

Тихій, спокойный нравъ Баррочи, непоколебимая терпѣливость и неистощимое великодушіе, не измѣнялись до послѣдней минуты его жизни. Казалось, онъ жилъ на свѣтѣ, только для того чтобы научить другихъ терпѣливо переносить страданія и помогать нуждающимся. Несмотря на болѣзнь свою, онъ работалъ до послѣдней минуты.... смерть застигла его за неоконченной картиной.

Ему было восемьдесятъ четыре года.

Великолѣпныя похороны послужили доказательствомъ уваженія къ нему герцога и любви согражданъ. На гробницѣ его, которую можно видѣть въ Урбино, въ церкви святаго Франциска, выставленъ 1612 годъ. Картины Бар-

рочи находятся въ Римѣ, Генуѣ, Перуджин, Синнигалѣ. Въ Парижѣ, въ Луврѣ, есть знаменитая картина его, «Снятие со Креста», которую онъ написалъ во время сильнѣйшихъ страданій.

=

НОВЫЯ ФРАНЦУЗСКІЯ КНИГИ.

(Цѣны на серебро.)

- FISHER'S DRAWING ROOM SCRAP-BOOK**, for 1845 by the author of «The Women of England.» Un magnifique, in-4., orné de 36 gravures sur acier elegamment relié, tranche doré, Londres (8 r.).
- THE JUVENILE SCRAP-BOOK**, for 1845 by the author of «the Women of England» in-8., orné de 16 gravures sur acier, relié, doré sur tranche Londres (3 r.).
- MOEURS ALGÉRIENNES.** Album composé de 20 caricatures, coloriés, in-4., cartonné, Paris, 1844.
- HISTOIRE DE LA BASTILLE DEPUIS SA FONDATION, 1374, jusqu'à sa destruction 1789**, par M. M. Arnould, Alboize et Maquet, magnifique édition splendidement illustrée. 8 vol., gr. 8, Paris, 1844 (13 r. 70 c.).
- FABLES MORALES ET RELIGIEUSES**, par Madame Caldelar. Un vol., gr. in-8., illustrée, par Lorsay, Paris, 1844 (2 r. 85 c.).
- ANNUAIRE HISTORIQUE UNIVERSEL**, ou histoire politique pour 1844. Un gros vol., in-8., Paris, 1844 (4 r. 25 c.).
- TRAITÉ ÉLÉMENTAIRE ET PRACTIQUE DE PATHOLOGIE INTERNE**, par Grisolle, 2 vol., in-8., Paris, 1844 (4 r. 50 c.).
- REVOLUTION D'ANGLETERRE. Charles I, sa cour, son peuple et son parlement, 1630—1660.** Histoire anecdotique et pittoresque, par Ph. Chasles. Un vol., gr. 8. orné de magnifiques gravures sur acier, et illustré de gravures sur bois, Paris, 1844. (4 r. 50 c.).
- MEMOIRES DE CHIRURGIE PRACTIQUE**, comprenant la cataracte, l'iritis et les fractures du col du fémur, par le Docteur Pomard, in-8., avec 4 plan. Paris, 1844 (1 r. 15 c.).
- MEMOIRE SUR LA SITUATION POLITIQUE ET MILITAIRE DE L'EUROPE**, par le comte Girardin. Un vol., 8, Paris, 1844 (2 r. 15 c.).
- MEMOIRE à CONSULTER SUR LES CHEMINS DE FER EN GÉNÉRAL et sur le système Jouffroy en particulier**, in-4., Paris, 1844 (72 c.).
- ECONOMIE RURALE CONSIDÉRÉE DANS LES RAPPORTS avec la chimie, la physique et la météorologie**, par Boussingault, 2 vol., 8 Paris, 1844 (4 r. 30 c.).

MANUEL DE PETITE CHIRURGIE, par Jansin. Un vol., in-12, Paris, 1844 (1 r.).

MANUEL PRATIQUE DE PERCUSSION et d'Auscultation, par le Docteur Andry. Un vol., 12 Paris, 1844 (1 r.).

BUFFON. Histoire de ses travaux et de ses idées, par Floutens. Un vol., in-12., Paris, 1844 (83 c.).

LA REFORME EN ALLEMAGNE, 1521—1525, poème dramatique, par A. Robert. Un vol., 8, Paris, 1844 (3 r. 15 c.).

TRAITÉ PRATIQUE DE PHOTOGRAPHIE. EXPOSÉ COMPLET DES PROCÉDÉS RELATIFS OU D'AGUERRÉOTYPE, par Gaudin. Un vol., 8, Paris, 1844 (1 r. 40 c.).

HISTOIRE DE L'ÉTABLISSEMENT DE LA RÉFORME à GENÈVE, par Magnin. Un vol., gr. 8, Paris, 1844 (1 r. 40 c.).

HISTOIRE DU CONCILE DE TRENTE, par le P. Sforza Pallavicini, 2 vol. in-4., à 2 colon, Paris, 1844 (4 r.).

COLLECTION ORIENTALE. Le Bhagavata purâna, ou Histoire poétique de Krischna, trad. et publié par E. Burnouf, 2 vol., in-folio, texte en regard, Paris, 1844, Imprimerie Royale (57 r.).

HISTOIRE DE JÉRUSALEM, ou Explication du plan de Jérusalem et de ses faubourgs, par l'Abbé Dupuis. Un vol., in-12, avec un atlas Bruxelles, 1844 (2 r. 50 c.).

FORTIFICATION PERMANENTE. Défauts des fronts bastionnés en usage, par J. Madelaine, in-8., Paris, 1844 (1 r. 15 c.).

DES DANGERS QUI PEUVENT RÉSULTER DE L'EMPLOI DES ARMES à PERCUSSION DANS LES RÉGIMENTS D'INFANTERIE DE LIGNE, par V. Vanden-Brocck, in-8., Paris, 1844 (83 c.).

ESSAI SUR LES CHEMINS DE FER CONSIDÉRÉS COMME LIGNES D'OPÉRATIONS MILITAIRES, suivi d'un projet de système militaire de chemins de fer pour l'Allemagne, trad. de l'Allemand, par Unger, in-8., avec une carte Paris, 1844 (2 r. 50 c.).

CONTES POPULAIRES DE ALLEMAGNE, par le comte Corberon. T. 1-r, in-8., Paris, 1844 (2 r. 15 c.).

LES JUIFS D'EUROPE ET DE PALESTINE, voyages de M. M. Keith, Black etc. trad. de l'Anglais. Un vol., 8., avec cartes, Paris, 1844 (1 r. 40 c.).

MÉMOIRES SUR LES OPÉRATIONS MILITAIRES DES GÉNÉRAUX EN CHEF CUSTINE ET HOUCARD, pendant les années 1792—1793, publié par le Baron Gay de Vernon. Un vol., 8, Paris, 1844 (1 r. 70 c.).

NÉZIB ET BEYROUT. Souvenir d'Orient, par le baron d'Armagnac. Un vol., in-8., Paris, 1844 (2 r.).

ROMANS.

LE CAPITAINE MANDRIN, par Clémence Robert, 2 vol., 18, Bruxelles, 1844 (1 r. 40 c.).

T. LXVII. — OVA. VII.

7/24

FLEUR DES BOIS, ou les Peaux Rouges, par F. Cooper, 2 vol., (1 r. 40 c.).
 LES ANNEAUX D'UNE CHAÎNE, par le Cie-te d'Arincourt, 2 vol., (1 r. 40 c.).
 GÉRALDINE, par M-me Charles Reybaud, 2 vol., (1 r. 40 c.).
 LA GUERRE DU NIZAM, par Méry, 2 vol., (1 r. 40 c.).
 ESTHER, par H. de Balzac, 2 vol. (1 r. 40 c.).
 UNE FAMILLE CORSE, suivi de Histoire d'un mort, racontée par lui-même,
 par A. Dumas (70 c.).

MON AMI RIFFARD ET CHIPOLATA, par P. de Kock, 3 vol.
 DONA MARIANA, par M-me Chales Reybaud. Un vol., (50 c.).

Поступила въ продажу и раздается подписавшимся *дешевая*
 книжка Медицинскаго Энциклопедическаго Лексикона, составляющая
 начало 3-го тома, все издание будетъ заключаться въ 24-хъ книжкахъ
 по 90 коп. сереб. за каждую.

(Всѣ эти книги можно получить въ нагавнѣ Я. А. Иванова, комиссionера Би-
 блиотекъ Гвардейскаго Корпуса, въ С.-Петербургѣ, въ Гостиный Дворѣ, № 22.)

=

НОВЫЯ МУЗЫКАЛЬНЫЯ

СОЧИНЕНІЯ.

(Цѣны на серебро.)

Піесы для скрипки, съ аккомпаниментомъ фортепiano.

BAZZINI. Scène et Romance de la Lucrezia Borgia, de Donizetti, para-
 phrasée, op. 17, № 3 (1 r. 29 c.).

LANNER. Die Rosensteiner-Walzer, op. 204 (83 c.).

— Victoria-Quadrille, op. 207 (85 c.).

LUBIN. Romance de l'opéra: Il Tornea, transcrite (83 c.).

MOLIQUE. Morceau de Salon. Air russe varié, op. 19 (1 r. 29 c.).

РАНОЖКА. Fantaisie-Caprice brillant sur l'air de Niobé, op. 47 (8 c.).

SCHUBERT. 2 Nocturnes (Amour secret et Sérénade), op. 7 (1 r. 15 c.).

SIVORI. La Génoise. 1 Caprice, op. 1 (2 r. 58 c.).

— Variations sur: Nel cor più non misento, de Paisiello, op. 2 (2 r. 29 c.).

STRAUSS. Astrea-Tänze. Walzer, op. 156 (85 c.).

— Redoute-Quadrille, op. 158 (85 c.).

— Nur Leben. Walzer, op. 159 (83 c.).

Піесы для флейты, съ аккомпаниментомъ фортепiano.

BRICCIALDI. variations sur un motif des Puritains de Bellini, op.
 (1 r. 7 c.).

- Air final de la Lucia di Lammermoor, arrangé et varié, op. 22 (1 r. 72 c.).
- FORDE.** L'anima de l'opéra, cavatines et autres pièces favorites pour piano et flûte. № 24, à 30 chaque à 63 cop. (4 r. 55 c.).
- KÜFFNER.** Scène suisse. Fantaisie pour piano et flûte, ou violon, op. 320 (1 r. 15 c.).
- TULOU.** Thème varié pour flûte av. acc. de piano, op. 89 (1 r. 29 c.).
- Для фортепиано въ четыре руки.*
- BERTINI.** 25 Etudes très faciles, op. 149 (2 r. 58 c.).
- 25 Etudes faciles, op. 150 (2 r. 58 c.).
- CZERNY.** Introduction et variations sur une cavatine de Guido e Ginevra, op. 398, cah. 19 (1 r. 43 c.).
- Impromptu en pot—pourri sur des motifs de l'opéra: Ernani, de Verdi, op. 398, cah. 20 (1 r. 43 c.).
- DÖHLER.** Nocturne sentimental sur une romance d'Adam, arr. op. 40 № 5 (1 r. 15 c.).
- DUVERNOY.** Variations sur une Pensée de Bellini, op. 129 (1 r. 15 c.).
- Fantaisie sur un motif de la Péri, de Burgmüller, op. 130 (1 r. 15 c.).
- FESCA.** Hommage aux dames. Morceau de salon, op. 35 (2 r. 29 c.).
- GADE.** Sinfonie № 2, arr. par Schubert. op. 10 (3 r. 43 c.).
- HERZ.** Air montagnard varié, op. 129 (1 r. 43 c.).
- LABITZKY.** Charloten-Walzer, op. 96 (1 r. 15 c.).
- Natalien-walzer, op. 104 (1 r. 15 c.).
- MARX.** Potpourri sur l'opéra: Maria di Rohan, de Donizetti, op. 102 (2 r. 29 c.).
- Pot-pourri sur l'opéra: le Barbier de Seville, de Rossini, op. 103 (2 r. 29 c.).
- OSBORNE.** Duo brillant sur des thèmes d'Auber, op. 41 (1 r. 72 c.).
- THALBERG.** Grande Fantaisie sur la Semiramide, de Rossini, op. 51 (2 r. 58 c.).
- WOLFF.** Duo brillant sur l'opéra: Mina, de Thomas (1 r. 43 c.).
- Fantaisie sur des motifs de Don Sebastien, op. 98 (1 r. 43 c.).
- Для одного фортепиано.*
- ALKAN.** Saltarelle, op. 23 (1 r. 15 c.).
- Gigue et Air de ballet dans le style ancien, op. 24 (1 r.).
- Alleluja, op. 25 (72 c.).
- BERNARD.** Grande valse d'après la Somnambula, avec le Portrait de Mme Viardo (1. r.).
- Souvenir de M-me Castellan. Grande valse d'après la Lucia di Lammermoor, avec le portrait de Mme Castellan (1 r.).
- BURGMÜLLER.** Valse populaire de Cagliostro, op. 87 (85 c.).
- Pas espagnol de la Péri (85 c.).

ЖИТЯКЪ. Pansée funèbre sur la mort de S. A. I. Marie la Grande-Duchesse Alexandra Nicolaiewna (60 с.).

— Chanson de Berceau (30 с.).

DUVERNOY. La Polka nationale. Bagatelle, op. 134 (85 с.).

ЖЕСКА. Le Désir. Morceau de salon, op. 36 (1 г. 15 с.).

GADE. Fleur de Printems. Impromptu (30 с.).

GUTMANN. Nocturne (43 с.).

HARTMANN. Canzone (43 с.).

HELLER. Impromptu: La Kermesse (50 с.).

KALKBRENNER. Souvenir de la Sirène, d'Auber, fantaisie (1 г. 43 с.).

КУЛЛАКЪ. La Coquette, pièce caractéristique (78 с.).

MAYER. 2 grandes études de concert, op. 73 (1 г. 73 с.).

СВИЛЛЕР. L'aurore. Rêverie № 2 (1 г. 15 с.).

— Reminiscences de la Somnambula, morceau de salon (1 г.).

VOLLWEILER. Élégie en forme de marche funèbre 75 с.).

WOLFF. La Mélancolie, Nocturne (50 с.).

(Въ музыкальномъ магазинѣ Бергара, на Невскомъ Проспектѣ, на углу Великой Морской въ домѣ Чеплиныхъ.)

Въ томъ же магазинѣ вышла, перваго ноября, одиннадцатая тетрадь музыкальнаго журнала «Музыкалистъ», которая содержитъ въ себѣ

слѣдующія піесы: Музыкально-Литературное Прибавленіе № 11.

ЖЕСКА. Le Désir, Romance sans paroles. ДОНЛЕР. Souvenir de Naples Ta-

gantele. МАУЕР. Chanson de printems. НЕРЗ. La belle Moscovite, Polka.

Дерфельдтъ. Романсъ «Сирота». ВАЗИН. Ne valse pas! Romance.

Музыкалистъ будетъ выходить и въ слѣдующемъ 1845 году на прежнихъ основаніяхъ, какъ въ нынѣшнемъ 1844.

==

МОДЫ.

=

— Шляпки, въ это время—предметъ для всѣхъ чрезвычайно интересный. Въ фасонахъ переменна — не большая; но есть переменна. Шляпки дѣлаютъ маленькія, вверху отъ тульи совсѣмъ прямыя; поля спускаются ниже щекъ, и, не много, но примѣтно, отвернуты. Атласныя видны только сборчатыя, на широкихъ издержкахъ. Бархатныя бываютъ гладкія, и вотъ описаніе нѣсколькихъ, самыхъ милыхъ.—Шляпка бархатная, зеленого изумруднаго цвѣту, украшенная зеленымъ перомъ, испещреннымъ по краямъ во всю длину маленькими мушками той же зеленой тѣни отъ самой темной до свѣтлой; небольшой бантъ изъ атласныхъ лентъ въ такомъ же родѣ, приколотый съ лѣвой стороны, придерживаетъ перо, покрывающее всю верхнюю часть полей и висящее съ правой стороны; внутри, вмѣсто цвѣтовъ, приколоты зеленыя и розовыя ленты.—Шляпка бархатная, темно-синяго цвѣту, украшенная вѣткой бархатныхъ фантастическихъ цвѣтовъ и синими тѣневыми атласными лентами; внутри, вмѣсто цвѣтовъ, приколоты темно-оранжевыя ленты.—Черная бархатная шляпка, подбитая розовымъ атласомъ и украшенная чернымъ перомъ, черными атласными лентами съ маленькими розовыми мушками; внутри полей—такія же ленты.—Шляпка бархатная гранатаго цвѣту, украшенная перомъ.

нѣжно оттѣненнымъ во всю длину сливающимися полосками, отъ темно-гранатнаго цвѣту до чистаго бѣлаго; банты, наверху и внутри полей, такой же гранатовой тѣни, впадающей въ бѣлой цвѣтъ.—Шляпка изъ неразрѣзнаго бархату, бѣлая, убранная бѣлыми лентами и нѣжно-голубаго цвѣту перомъ въ родѣ султана; внутри подколоты голубыя ленты.—Бархатная шляпка изъ розоваго неразрѣзнаго бархату, убранная такого же роду перомъ розовымъ съ бѣлыми мушками; ленты—розовой тѣни, впадающей въ бѣлую.—Шляпка изъ неразрѣзнаго бархату, палевая, убранная райской итичкой, а всерединѣ полей легкимъ кружевомъ и лентами темно-оранжеваго цвѣту, впадающаго въ палевый. — Шляпка атласная, сборчатая, бѣлая, убранная на поляхъ тремя тюлевыми біе, бѣлыми атласными лентами и маленькимъ букетомъ бѣлыхъ марабутовъ; внутри, подколоты розовыя ленты. — Тоже бѣлая сборчатая шляпка, убранная бѣлыми лентами и маленькимъ букетомъ зеленыхъ марабутовъ; внутри — зеленыя ленты. — Шляпка сѣраго серебрянаго цвѣту, сборчатая, убранная широкимъ кружевомъ и нѣсколькими бантиками изъ лентъ того же цвѣту, всерединѣ полей—розовыя ленты.—Лиловая атласная шляпка съ бѣлымъ отливомъ, убранная вѣткой темныхъ бархатныхъ листьевъ и лиловыми тѣневыми лентами; внутри — зеленыя тѣневыя ленты. — Шляпка изъ фіолетоваго атласу, сборчатая, убранная тремя біе изъ фіолетоваго неразрѣзнаго бархату и тѣневыми того же цвѣту атласными лентами; внутри тоже—зеленыя атласныя ленты.

— Платья. Платье свѣтло-сѣраго цвѣту, изъ двуличневаго пу-де-соа, убранное двумя широкими высѣченными оборками; подъ каждою оборкой нашить легкаго узору аграмантъ, шириною въ два пальца; корсажъ — совсѣмъ высокій, гладкій, съ маленькимъ тупымъ шнипомъ, убранный аграмантомъ, положеннымъ отъ плечъ къ шнипу, впереди вплоть застегнутый маленькими аграмантными пу-

говками; рукава — гладкіе, убранные въ половинѣ отъ проймы до локтя такимъ же агрантомъ; маншетки — отвернутыя, вышитыя, обшитыя узенькимъ кружевомъ; воротничокъ очень маленькій, также вышитый и обшитый узенькимъ кружевомъ. — Платье моарѣ, васильковаго цвѣту, убранный двумя широкими черными кружевными воланами; корсажъ — полу-открытый, еп сосиг, убранный гладкимъ пелериномъ, вырѣзаннымъ какъ самый корсажъ, спереди и сзади съ острыми концами, кругомъ черное кружево шириною въ полтора вершка; рукава — свободно-гладкіе, полу-короткіе, обшитыя такимъ же кружевомъ; второй, верхній, рукавчикъ оканчивается въ половинѣ отъ проймы до локтя и также обшитъ кружевомъ. — Платье изъ лиловаго-синеватаго пекину, убранный внизу широкой прямой оборкой изъ той же матеріи; немного отступа атласный буффъ шириною въ два вершка; по обѣмъ сторонамъ его біе изъ того же пекину, каждое шириною въ полтора вершка; корсажъ — высокій, гладкій, съ небольшимъ круглымъ шнипомъ, убранный отъ плечъ къ шнипу такимъ же атласнымъ буффомъ и біе по обѣмъ сторонамъ; рукава — гладкіе, убранные такимъ же образомъ въ половинѣ отъ проймы до локтя и у кисти руки, и обшитъ спущеннымъ кружевомъ. Платье изъ пуде соа орѣховаго цвѣту, съ передникомъ изъ буффовъ; по обѣмъ сторонамъ передника пришиты двойныя, косыя, узенькія сборки изъ той же матеріи; корсажъ — высокій, впереди открытый и заспурованный по манишкѣ шелковымъ шнуркомъ орѣховаго цвѣту; отъ плечъ къ кушаку четыре біе изъ неразрѣзнаго бархату того же цвѣту; рукава — гладкіе, внизу разрѣзанные, окоймленные такимъ же бархатомъ и заспурованные; вверху разрѣзовъ — жокейчики, тоже обшитыя бархатомъ и заспурованные; пажіе рукава — кисейные, вышитыя, обшитыя кружевомъ спущеннымъ па кисть руки; манишка, вверху, обшита узенькимъ кружевомъ въ два ряда.

— Шарфы носятъ легкіе, барежевые, изъ шерстяной кисеи или креповые. Они бываютъ цвѣтные гладкіе и полосатые, но болѣе всего бѣлыхъ.

Мантици, маркизы и пелерини болышею частью кружевные, черные и бѣлые, обшитые въ два и три ряда широкихъ кружевомъ.

=

ПАРИЖСКАЯ АКАДЕМІЯ НАУКЪ. *Новая теорія дыханія растеній. Опыты господъ Шульца и Буссенбо.* Мы употребили здѣсь слово «дыханіе», потому что такъ было названо, со времени Ингенгоусса и де-Соссюра, свойство растеній поглощать днемъ угольную кислоту и издавать ночью кислородъ. Нынѣшняя теорія этого явленія утверждаетъ, что растенія получаютъ всю угольную кислоту изъ атмосферы и разлагаютъ ее при свѣтѣ: углеродъ обращается въ растительную мякоть, а кислородъ изгоняется обратно отъ воздухъ листьями въ очное время. Полагаютъ, что часть этого кислорода происходитъ изъ разложенія листьями воды. Профессоръ Шульцъ пишетъ къ одному изъ непремѣнныхъ секретарей академіи, что вся эта теорія ложна, съ начала до конца: долговременные опыты надъ питаніемъ растеній убѣдили его, что ни листья ни стволы не въ-состояніи разлагать угольной кислоты, которая, какъ извѣстно изъ химіи, разлагается очень трудно; что весь углеродъ, нужный для питанія растеній, получается листьями изъ органическихъ кислотъ, солей и сахаровъ, которыя содержатся въ сокахъ почвы и легко разлагаются или сами собою или при содѣйствіи свѣту. Профессоръ Шульцъ сажалъ листья разныхъ растеній корешкомъ въ дистиллированную водѣ подъ стеклянными колпаками, недопускающими атмосферному воздуху проникать къ нимъ, такъ, что они не могли получать угольной кислоты ни откуда; въ водѣ этой распускалъ онъ кристаллы кислотъ углеродистыхъ, какъ то, яблочной, лимонной, винной, молочной, и такъ далѣе; соли, содержащія въ себѣ углеродъ; сахаръ, камедь, клей, и прочая; и листья жили превосходно, росли, толстѣли, издавали кислородъ весьма обильно: значить, углеродъ, для новаго тѣла, получали они изъ этихъ веществъ, а не изъ воздуху, и всѣ прежніе опыты, кото-

рые заставили полагать, будто для жизни и здоровья растений необходимъ такой убійственный ядъ газъ какъ угольная кислота, были дурно сдѣланы. Посаженныя въ обыкновенную сыворотку, листья тотчасъ начинаютъ издавать кислородъ, даже при пасмурномъ небѣ и безъ содѣйствія солнечныхъ лучей. Эта новая теорія питанія растений опрокидываетъ вверху-ногамъ всю земледѣльческую химию. Подробности опытовъ профессора Шульца и способъ производства ихъ еще не извѣстны. Господинъ Буссенгô доноситъ съ своей стороны академiи, что онъ пытался подражать этимъ опытамъ, и листья не издали у него ни слѣда кислорода.

2. *Опыты господъ Родіе и Бекреля надъ составомъ крови у мужчинъ и женщинъ, у здоровыхъ и у больныхъ.* По этимъ опытамъ, главное вліяніе на составъ крови у здоровыхъ людей оказываетъ полъ: дѣйствіе возрастовъ, сложенія и пищи совсѣмъ не значительно.

Кровь женская всегда рѣже и легче мужской. Среднимъ числомъ, у здоровыхъ людей содержится въ 1,000 долей крови:

	Вѣсомъ.	
	У мужчинъ.	У женщинъ.
Воды	779 долей ..	791 доля.
Шариковъ	141	127
Бѣлковины	69	70
Фибрины	2	2
Разныхъ жирныхъ, экстрактивныхъ и мыльныхъ веществъ.	9	10
	1000.	1000.

Въ шарикахъ, бѣлковинѣ, фибринѣ и этихъ веществахъ, содержится еще:

Поваренной соли.....	3 доли.....	4 доли.
Другихъ растворимыхъ солей	2 $\frac{1}{2}$	3.
Фосфоро-кислой извести.	$\frac{1}{2}$	$\frac{1}{2}$.
Желѣза.....	$\frac{1}{2}$	$\frac{1}{2}$.

У женщинъ всегда солей болѣе чѣмъ у мужчинъ, Возрастъ, сложеніе и пища оказываютъ дѣйствіе та-

по на количество кровяных шариковъ. Борьсяность въсчетъ за собою сильное уменьшеніе количества шариковъ и бѣлковины, сильное умноженіе количества воды и легкую прибавку въ жирныхъ веществахъ.

При болѣзненномъ состояніи человѣка, кровь примѣтно измѣняется въ своемъ химическомъ составѣ. Обильныя кровопусканія производятъ такое же вліяніе на химическій составъ крови какъ нѣкоторыя болѣзни. Микроскопическія наблюденія надъ формою шариковъ въ больной крови не достаточны: иногда форма шариковъ остается та же, а въ общемъ составѣ крови есть разница.

Чтобы химія могла быть полезнымъ пособіемъ медицинѣ, врачу нужно было бы сперва знать химическій составъ крови каждаго пациента въ его здоровомъ состояніи, потому что показанныя здѣсь количества выведены въ средней сложности изъ крови, взятой у множества лицъ; у различныхъ же лицъ одинаковаго пола кровь всегда болѣе или менѣе различна, не говоря о коренной разницѣ въ ея составѣ, зависящей отъ различія пола.

Ископаемые люди. Нынѣшній годъ обилень ими: геологамъ во Франціи представили цѣлыхъ два окаменѣлые человѣческіе скелета, изъ которыхъ одинъ найденъ близъ Парижа, а другой въ южной Франціи, оба въ почвахъ, почитаемыхъ за до-потопныя. Какъ подобныя открытія противорѣчатъ существующей теоріи, то геологи употребляютъ всѣ возможныя средства, чтобы доказать, что это—новѣйшіе скелеты и что они попали въ эти почвы случайно. И, разумѣется, докажутъ! У человѣка, истина никогда не выиграетъ дѣла, какъ-скоро она противна его любимому образу мыслей. Очень любопытно было бы знать правду, но, при нынѣшней геологической теоріи, мы ея не узнаемъ, потому что для этого ей нужно было бы сперва согласиться на одно изъ двухъ: или она ошибается насчетъ времени появленія человѣка на землѣ, или понятія ея объ эпохахъ различныхъ почвъ ложны. Не въ томъ ли въ другомъ она не признается. Это значило бы рѣшиться на самоубійство изъ-за какого-нибудь дряннаго скелета.

УСИЛЕНИЕ ЛЮДЕЙ И ЖИВОТНЫХЪ НА НЕОПРЕДѢЛЕННОЕ ВРЕМЯ. Многія газеты и летучіе листки повторяютъ на-подхватъ очень занимательное извѣстіе о нѣкомъ шведскомъ профессорѣ, котораго они называютъ по имени, и который открылъ средство — погружать въ безконечный сонъ людей, собакъ и кошекъ, постепенно понижая температуру до того, чтобы кровь въ нихъ замерзла, и воскрешать потомъ, по желанію, при помощи осторожнаго нагрѣванія. Эти вѣстники увѣряютъ даже, что у него есть молоденькая и прекрасная дѣвушка, приговоренная къ смерти за какія-то шалости, которая спитъ такимъ образомъ уже шестой годъ. Они забываютъ прибавить только одно маленькое, но совершенно необходимое, обстоятельство, а именно, что эта молоденькая и прекрасная дѣвушка—незамужняя лягушка. Она была приговорена въ супъ, за то что неосторожно выскочила изъ пруда подъ ноги профессору. Вся эта остроумная мистификація основана на извѣстномъ фактѣ замерзанія лягушекъ и змѣй и на возвратѣ ихъ къ жизни отъ дѣйствія теплоты.

ЛДЪ ВЪ ЗЕЛЕНОМЪ ЧАѢ. Въ одномъ изъ засѣданій Лондонскаго Химическаго Общества, господинъ Waggington представилъ отчетъ въ изслѣдованіяхъ своихъ надъ средствами, которыя Китайцы употребляютъ для сообщенія зеленымъ чаемъ прекраснаго синевато-зеленаго отливу, отличающаго лучшіе сорта. Господинъ Варрингтонъ употреблялъ микроскопъ и химическіе реактивы, и удостовѣрился положительно, что цвѣтъ этотъ происходитъ отъ искусственной окраски листьевъ берлинскою лазурью, въ которой, какъ извѣстно, заключается сильнѣйшій изъ всѣхъ ядовъ, водородисто-синеродная кислота. Китайцы получаютъ ежегодно большія количества берлинской лазури изъ Европы черезъ Англичанъ и, съ нѣкотораго времени, завели свои собственныя фабрики для выдѣлки этого вещества, съ помощію котораго поморченными чернымъ чаемъ придаютъ они видъ самыхъ высокихъ, блестящихъ зеленыхъ сортовъ. Вообще, можно сказать, что чѣмъ выше сортъ, тѣмъ болѣе въ немъ лазури и тѣмъ опаснѣе онъ для здоровья.

АФРИКАНСКИЙ КОНВУЛЬСИВНЫЙ ТАНЕЦЪ. *Общая замечанія о началѣ и физиологическомъ назначеніи этого танца.* Конвульсивный танецъ исполняемый мавританскими женщинами и негритянками въ Алжирѣ, прежде сохранялся въ тайнѣ: только женщины могли при немъ присутствовать. Но со времени французскихъ завоеваній нѣсколькимъ любопытнымъ удалось проникнуть въ таинственные гаремы и быть очными свидѣтелями корчей африканскихъ танцовщицъ. Вотъ, какъ это дѣлается. Въ глубинѣ длинной, темной комнаты старуха-учительница или распорядительница мистическаго танца, сидитъ на корточкахъ передъ курильницею, въ которую подкладываетъ ладану. Три или четыре другія женщины сидятъ, скрестивъ ноги, на коврахъ или циновкахъ и бьютъ въ тактъ по глинянымъ горшкамъ, обтянутымъ кожею, наподобіе литавръ. Женщины, которыя намѣрены плясать, стоятъ по сторонамъ комнаты. Которымъ случается въ первый разъ, тѣ въ молчаніи и съ трепетомъ удовольствія ждуть и вглядываются въ сцену: онѣ обыкновенно бываютъ уже впередъ настроены чудесными разказами о наслажденіи этимъ танцемъ. Когда все готово, женщина уже опытная выступаетъ впередъ, подходитъ къ курильницѣ, наклоняется и вдыхаетъ въ себя благовонный дымъ, выпрямляется съ раскраснѣвшимся лицомъ, съ отверзтыми ноздрями, со вздутою грудью и, послѣ нѣсколькихъ корчей, снова вдыхаетъ дымъ; потомъ, подъ мѣрные звуки барабановъ, мало-по-мало начинаетъ покачивать серединою тѣла и размахивать руками. Вскорѣ музыка усиливается, учащается; движенія танцовщицы ускоряются. Наконецъ барабанщицы начинаютъ стучать съ бѣшенствомъ, съ неистовствомъ, и сопровождаютъ эту музыку адскимъ гнѣвомъ, похожимъ на яростный ревъ и вой. Движенія танцовщицы становятся все быстрѣе и быстрѣе, черты оживляются, глаза сверкаютъ, голова опрокидывается, суставы хрустятъ, изо рта вылетаютъ отрывистые звуки, весь организмъ тремещетъ, дрожитъ. Взаключеніе танцовщица съ быстротою вихря вертится на пяткѣ и съ страшнымъ воплемъ падаетъ на помость безъ чувствъ. Не думайте, чтобы это состояніе было притворное. Мавританскія танцовщицы не похожи на

В. LXVII. — Стр. VII. 6

лишь сиротливо въ ожиданіи: всё дѣйствуетъ совершенно добросовѣстно, и, надо, горько разочаровавъ себя толпой. Одинъ французскій морякъ, прибывшій въ этотъ моментъ, поспѣвъ слѣдующіе дни: яма колодезь, пульсъ едва притѣнный, перенный и, мало-по-малу терпелся; біеніе сердца не могло быть замѣчено даже у трудолюбивой прислужки; глаза открыты, черты исподвизны; лицо блѣдно, черты покатонны, черты слаты, губы синія; омотенность тора при глбосси су-отавовъ и нечувствительности всего тѣла, представляла видъ кадавра, остывшаго нѣскольکو часовъ назадъ. Мс-динъ сильно щипалъ разныя части тѣла, кололъ булавкою: обмершая танцовщица ничего не чувствовала. Когда тан-цовщица падаетъ, старухи-барабанищицы трутъ ей грудь и возносятъ ее въ другую комнату. Тутъ выступаетъ вторая танцовщица; музыка снова начинается и все дѣйствіе повторяется. Иногда онѣ, не вытерпѣвъ, начинаютъ плясать по нѣскольку вдругъ; всё проходить тѣ же степени возбужденія и конвульсій и заключаютъ паденіемъ. Ар-жанские народы вѣрятъ, будто танцовщицы во время конвульсій сообщаются съ небомъ и видятъ рай. Дѣло въ томъ, что отъ этихъ насильственныхъ тѣлодвиженій онѣ приходятъ въ восторженное состояніе, подобное тому, какое производятъ опиумъ, такъ, что всё члены охвачены ослодоострастными трепетомъ, нервы, раздраженные трепетомъ, достигаютъ чрезвычайной чувствительности, каждый евомъ тѣла какъ-будто вертится, кружится вихремъ, и въ этомъ хлосѣ материн и смутныхъ вѣбншихъ впечатлѣній на чувства, мозгъ наполняется самыми разнообразными, самыми фантастическими, самыми восхитительными видѣніями. Турецкіе кружащіяся дравани и сибирскіе маманзы давно знаютъ этотъ способъ достигать вихреваго маллюдемія безъ помощи крѣпкихъ напитковъ и наркотическихъ слабодьевъ, повертая тѣло и умъ разными напряженными движеніями и въ-особенности быстрымъ кру-женіемъ въ восторженное состояніе. Водкій танецъ чело-вѣтскій основанъ на томъ же началѣ: вальсъ — остатокъ маманства, которое нѣкогда, въ древности, было расудо-страшно по всему обвару, какъ видно изъ Геродота и Та-

дствъ, и остало на ушныя приводитъ въ восторжен-
ность отъ конвульсивныхъ и прерывательныхъ движений.
Разница между настоящимъ шаманствомъ, между танцожъ
дружанинскихъ деревней или Маритонскъ и нашими танца-
ми та же, что между омертомъ и чаемъ. Она состоитъ
только изъ силъ и степени ослепенія, производимаго въ
словахъ извѣстными движениями тѣла. Какъ женскіе пер-
ды шибше мужскихъ, то танецъ доставляетъ женщи-
намъ гораздо болѣе этого роду наслажденія чѣмъ мужчи-
намъ, и женщина родится уже танцоркою. Поляна — та-
нецъ въ примѣчательной степени конвульсивный и слава
ея происходитъ изъ того же начала, какъ и страсть къ
судорожнымъ танцамъ въ африканскихъ гаремахъ. Успѣ-
ли ливіи въ Европѣ, можетъ-статься, убьютъ всё танцы:
газъ азотистой кислоты производитъ въ тѣлѣ совершенно
то же восторженное состояніе какъ быстрые вальсы и
другія подобныя упражненія. Придетъ время, что, вмѣ-
сто оставленія полскъ и вальсовъ, женщины будутъ вы-
скакивать на балахъ изъ красивыхъ скляночекъ газъ азотистой
кислоты, къ которому покойный Дэви такъ сильно-было
пристрастился. Заключение: всякой танецъ есть въ боль-
шей или меньшей степени шаманство, деришество, опи-
умъ, азотистая кислота, отваръ кеноняныхъ листьевъ.
Кофе, чай, музина, вино, пмѣютъ то же самое назначеніе:
дѣло въ томъ, чтобы какинъ-нибудь образомъ расшири-
ть впечатлительность нервовъ и привести ихъ болѣе
или менѣе, слабѣе или сильнѣе, въ восторженность, ко-
торая начинается всегда легкою веселостью и оканчи-
вается видѣніемъ вкруженнаго мозгу.

СМОГА ЗА НЕГРАМИ ВЪ МОРОФАНЪ. Между-тѣмъ какъ
Англія, Франція и другія европейскія державы прише-
няютъ мѣры къ истребленію торговли неграми на запад-
номъ берегу Африки, вотъ что внутри этого несчастнаго
континента дѣлаетъ знаменитый «преобразователь» Египта,
наша Магистъ-Али, любимецъ французскихъ журнали-
стовъ и политиковъ. Донгола, Сеннааръ и Кордофанъ,
три области, населенныя черными людьми, лежатъ къ югу
отъ Нубіи въ верховьяхъ Нила. Эти три области, дѣтъ

двадцать пять назадъ, были управлены туземными наследственными начальниками, «меликами», которые собирали, съ грѣхомъ по полати, подати и заботились о защитѣ государства. Цари Донголы и Кордосана завлекли нѣкоторымъ образомъ отъ сеннаарскаго престола. Если спокойствіе страны и жителей и было иногда возмущенно вторженіемъ непріятелей, то по крайней мѣрѣ, въ прешедшихъ, они наслаждались счастьемъ, основаннымъ на взаимномъ довѣрїи членовъ одной семьи, связанныхъ общимъ чувствомъ защиты.

Въ 1820 году, Мегметъ-Али вознамѣрился завоевать эти три провинціи и вскорѣ привелъ мысль свою въ исполненіе. Первой причиною этого намѣренія и настоящею цѣлью его было обращеніе въ рабство черныхъ народовъ. Паша, опасаясь непокорнаго духа арнаутовъ и почитая природныхъ Египтянъ трусами, хотѣлъ сформировать первые регулярныя полки своей арміи изъ негровъ. Мужчины предназначались къ отсылкѣ въ Египетъ, въ армію; жены и дѣти къ распродажѣ на невольничьихъ рынкахъ.

Экспедиція была поручена сыну Мегмета-Али, Измаилу-пашѣ: подъ начальствомъ его находилось многочисленное войско; цѣлью войны была «охота за неграми». Несчастные, не подчинявшіеся новому владычеству, были немилосердно убиваемы. Дурно вооруженный народъ не могъ защититься противъ возмутительныхъ жестокостей иначе, какъ хитростью.

Въ одно утро сынъ пашы и весь штабъ его сторѣли въ палаткахъ своихъ и негры съ дикою, бѣшеною радостью кружились и плясали вокругъ костра.

Мегметъ-Али послалъ новое войско, чтобы вторично покорить Донголу, Сеннааръ и Кордосанъ, и начальство надъ экспедиціей поручилъ зятю своему, Деотердаръ-пашѣ. Области были снова заняты, безъ большаго труда. Послѣ совершеннаго покоренія ихъ, Деотердаръ-паша, одинъ изъ славнѣйшихъ Турковъ, о какихъ только упоминаетъ исторія Востока, былъ назначенъ правителемъ; онъ пролилъ тамъ столько крови для своей потѣхи, и предавался такимъ безчинствамъ, что египетскій паша.

чтобы унять этого зѣвря, велѣлъ, по-турецки, отравить его. Мѣсто вѣта было отдано племяннику.

Съ той поры въ Кордофанѣ находится египетскій гарнизонъ; «охота за неграми», начатая для завербованія солдатъ въ армию, была продолжаема какъ государственной доходъ, пока пава увѣрился въ неспособности негровъ къ военной службѣ, потому, въ-особенности, что они очень скоро умирали отъ тоски по родицѣ. Ихъ стали уже прямо отравлять на рынки, во всѣ города Оттоманской Имперіи, гдѣ они продавались въ пользу египетскаго паши.

Въ Кордофанѣ «охота» начинается отъ Обейда. Войска отправляются къ югу, къ горамъ, гдѣ живутъ негры. Эти горы образуютъ посреди равнины большую группу отдѣльных холмовъ; народонаселеніе ихъ простирается отъ тысячи до трехъ тысячъ душъ. Негры Нуба живутъ семьями, въ селеніяхъ, выстроенныхъ на самой возвышенной части горъ и обведенныхъ оградой изъ тернистыхъ кустарниковъ. Довольно ограниченный промыселъ ихъ состоитъ въ разведеніи хлѣба и меду, для собственнаго пропитанія, въ собираніи страусовыхъ перьевъ, слоновокъ клыковъ; они также держатъ скотъ, получаютъ отъ него масло и сверхъ-того кожи, которыя они очень искусно выдѣлываютъ. Ишлишекъ промѣниваютъ они на холстъ, стекло, кофе, табакъ и тому подобное. Жители странствуютъ небольшими караванами и производятъ мѣновую торговлю между собою и съ египетскими купцами.

Ими управляетъ наследственный владѣтель; у нихъ есть верховный первосвященникъ и низшее, подчиненное ему духовенство; они имѣютъ нѣчто близкое къ нравственнымъ законамъ, происшедшимъ изъ заповѣдныхъ преданій.

Веселость характера ихъ поддерживается умѣренностью нуждъ, которыя легко удовлетворяются плодотворностью почвы и хорошими стадами. Сжавъ хлѣбъ, они ни о чемъ уже болѣе не заботятся и вполне предаются удовольствіямъ—пляшутъ и наряжаются. Законы внушаютъ имъ чувство порядка; религія и бракъ, не позволяющій имѣть болѣе одной жены—чувство нравственности и, наконецъ, довольство и благосостояніе дѣлаютъ ихъ счастливыми и ве-

сельми; вслѣдствіе этого, между невольниками; негръ Нуба цѣнятся выше другихъ. Хвалитъ ихъ поспѣшность, трудолюбіе, мужество, вѣрность, но порицаетъ ихъ почти одинъ «важный, неисправимый недостатокъ»: они тоскуютъ по родицѣ, не могутъ забыть ее и часто умираютъ безъ всякихъ наружныхъ признаковъ болѣзни. Это обстоятельство разстроиваетъ нѣсколько расчетовъ хозяевъ ихъ, весьма выгодно для нихъ, постольнаго оставивши невольниковъ для всей Оттоманской Имперіи и иныхъ мѣстъ.

Одинъ европейскій офицеръ, посланный египетскимъ пашею въ Кордофанъ для обученія вновь сформированныхъ полковъ, былъ свидѣтелемъ одной изъ четырехъ «газав», ежегодно происходившихъ въ то время; онъ то сообщилъ графу Леону Делаборду свидѣнія объ этой охотѣ, которымъ тотъ напечаталъ въ журналѣ *Revue de l'Orient*. Онъ принималъ участіе въ одной изъ этихъ несчастныхъ экспедицій, взявъ съ собою только ружье для собственной своей защиты.

«Понятно, что для такого благороднаго препровожденія времени, какъ «охота за неграми», и войско должно быть блестящее; оно состоитъ, во-первыхъ, изъ четырехъ сотъ Египтянъ, предводительствуемыхъ турецкими офицерами, вооруженныхъ и обмундированныхъ по-европейски, обученныхъ по правиламъ французской эскадрона и марширующихъ при барабанномъ боѣ и звукахъ марши наполеоновскихъ временъ. По флангамъ идутъ сто чалвѣкъ легкой кавалеріи, составленной изъ бедуиновъ; въ аррьергардѣ дюжина старость изъ деревень, окружающихъ столицу; съ каждымъ изъ нихъ двадцать вооруженныхъ ему крестьянъ; они охраняютъ провіантъ, навьюченный на верблюдахъ; въ центрѣ находится главнокомандующій; возлѣ него адъютанты и чиновникъ, представленный для надзора за расходованіемъ суммъ, отпущенныхъ на экспедицію; наконецъ лекаръ и два хирурга. Ясно, что въ этихъ «охотахъ» соблюдаются всѣ законы стратегіи, административной экономіи и человеколюбія, къ своимъ.

Войско идетъ въ удивительномъ порядкѣ; всѣ вмѣстѣ отправляются въ путь и вмѣстѣ же останавливаются ве-

человек на Маршанта. Прогры-туземцы считают проведение ночи обидительно и направят их пастухов и тергачий джуроме. Такъ какъ промьюсодъ ихъ возводитъ на Фредита въ оленей къ стелу и обратно, не возбуждая на малѣйшаго подозрѣнiя, то имъ очень не трудно задавать убѣжища бѣдныхъ жителей и замѣнять имъ. Они собираютъ свѣдѣнiя о населенiи каждой горы, о числѣ людей сооруживающъ и способныхъ къ оборонѣ; выходя въ нѣ близости, они являютъ съ дѣвосою въ стелу и за дѣлать умѣренное вознагражденiе, вызываясь быть проводниками.

Служба отряда, вѣдомый награда-искупительами, идетъ дѣлать. На обѣихъ сторонахъ дороги возвышаются горы, частію разоренныя, частію вновь заселяющіяся; охотники не преслѣдуютъ посѣленикъ, нола населенiя не усилятся до такой степени, что могутъ доставить имъ хорошую добычу; нѣкоторые горы остаются безъ вниманiя, потому что населенiю ихъ слишкомъ сильно и готово къ отчаянной защитѣ. Миссера на те, бѣдную жителей въ страхѣ и ужасѣ спешить на прехолонiй отрядъ, и готовятся — одни къ бѣству, другіе къ защитѣ.

На два дня расстоянiя отъ горы, на которую солдаты намѣрены напасть, они отдыхаютъ днемъ, пускаются въ путь ночью и спятъ останавливаются на бивуакахъ при появленiи первыхъ солнечныхъ лучей.

Молча и тихо производится смотръ аммуниціи и оружія; все происходитъ по правиламъ строжайшей дисциплины. Генераль отдаетъ приказанiя черезъ адъютантовъ своимъ; контролеръ исполняетъ свою обязанность; при наступленiи ночи весь отрядъ выступаетъ въ походъ въ величайшей тишинѣ; люди молчатъ, барабаны тоже, слышны только ровный шагъ марширующихъ.

Расстоянiе такъ хорошо соображено съ скоростью походу, что до восхода солнечнаго наступающіе подходятъ къ цѣли. Кавалерiя, искусно исполненнымъ движениемъ, окружаетъ часть горы; пѣхота замыкаетъ ее съ другой стороны; бѣдные негры спятъ такъ спокойно, что весьма рѣдко шумъ атаки пробуждаетъ ихъ; еще рѣже успѣваютъ они укрыться. Бывали, однако жъ, случаи, что

какой-нибудь невольник-бѣглецъ предостерегалъ братьевъ своихъ; охотники окружали гору, но дичи уже не было: негры успѣли уже укрыться въ лѣсахъ, куда регулярная войска невозможно за ними слѣдовать. Но чаще всего солдаты успѣваютъ окружить спящихъ жителей и приготовиться къ правильной атакѣ.

Генералъ находится на возвышеніи, въ раскинутой для него палаткѣ; передъ палаткой стоитъ пушка и артиллеристы съ зажженными фитилями ожидаютъ сигнала. Яркое восточное солнце золотитъ верхи горъ и начинаетъ уже освѣщать воинственную картину, когда внезапно раздавшійся пушечный выстрѣлъ возвѣщаетъ, въ одно время, и бѣлымъ, чтобы они готовились къ атакѣ, и неграмъ, что послѣдній часъ свободы ихъ пробилъ. Никогда еще выстрѣлъ не раздавался въ этихъ мирныхъ странахъ, никогда еще ядро не ударялось объ эти скалы. Нельзя выразить изумленія, испугу, ужасу бѣдныхъ жителей! Они выглядываютъ изъ-за скалъ, взлѣзаютъ на деревья, прыгаютъ съ вѣтви на другую, оскаливъ бѣлые зубы, исчезаютъ и вновь появляются. Женщины убѣгаютъ съ дѣтьми; они ведутъ за собою слѣпыхъ, драхлыхъ стариковъ; безпокойное движеніе сопровождается глухимъ ронотомъ; изъ-дали, селеніе похоже на разоренный муравейникъ.

Начиается атака: надо овладѣть всѣми жителями, мужчинами, женщинами и дѣтьми, и убивать ихъ какъ-можно менѣе; потому что въ Канрѣ паша ждетъ живыхъ людей, а не труповъ. Четыре взвода отдѣляются и атакуютъ гору, между-тѣмъ какъ весь отрядъ сопровождаетъ наступательное движеніе ихъ страшными выстрѣлами холостыми зарядами, чтобы какъ-можно болѣе наугадъ робкихъ и мирныхъ жителей и слѣлать ихъ неспособными къ сопротивленію и защитѣ. Солдаты, пригнувъ штыки, проходятъ смѣло между кустарникомъ и ущельями. Все съ ужасомъ бѣжитъ отъ нихъ—но вдругъ бѣглецы ободряются, потому что убійцы приближаются къ логовищу, въ которомъ левъ спряталъ дѣтенышей своихъ.

На вершинѣ горы негры имѣютъ хижины и лачужки; тамъ живутъ они въ мирное время; но чтобы укрыться отъ нападеній непріятелей, они выкапываютъ ямы, пещеры,

и прячутъ туда все, что имѣютъ драгоцѣннѣйшаго: женъ и дѣтей. Чтобы защитить это сокровище, они дѣлаются мужественными: одной рукой бросаютъ они длинныя отравленныя колья свои, а другою закрываются щитомъ. Но прежде нежели слабыя оружія ихъ достигаютъ солдатъ, до нихъ только долетаютъ уже на удачу пущенныя пули. Поддерживаемые удивительно сильной натурой своей, не знакомые съ способомъ, которымъ насылаютъ на нихъ смерть непріатели, негры, пораженные пулей, въ жару битвы принимаютъ смертельную рану за легкую контузію, потираютъ ее землей и продолжаютъ сражаться; пораженные уже тремя или четырьмя пулями они внезапно, безъ судорогъ, безъ страданій, падаютъ мертвые на мѣстѣ, потерѣ значительной потери крови. Пока глава семьи защищается, жена и дѣти не отходятъ отъ него, ободряютъ его криками и даже помогаютъ ему, бросая въ непріателя камнями; но лишь только онъ падаетъ, они сдаются безъ ропота, какъ-бы покоряясь волѣ судьбы.

Другіе негры, менѣе мужественные, спасаются бѣгствомъ съ семьями своими, но преслѣдователи загоняютъ ихъ, какъ звѣрей, на самую вершину горы и тамъ овладѣваютъ ими; иные прячутся въ пещеры, куда никто не осмѣливается идти за ними. Въ этомъ случаѣ охотникъ долженъ быть довольно искусенъ и хитеръ, чтобы выгнать звѣря изъ его логовища: звѣрѣйшее средство есть выкуриваніе бѣдныхъ жертвъ изъ ямъ, посредствомъ зажженнаго хворосту, точно такъ какъ въ Европѣ выкуриваютъ лисницъ и хорьковъ; но часто достаточно зарядить ружье перцомъ и выстрѣлить въ яму: дымъ отъ пороху, смѣшанный съ крѣпкимъ, ѣдкимъ запахомъ перцу, наполняетъ пещеру; ослѣпленные, задыхающіеся негры выскакиваютъ изъ своихъ убѣжищъ, солдаты бросаются на нихъ, связываютъ, а потомъ заковываютъ въ цѣпи. Если жъ дымъ никого не выгоняетъ изъ пещеры, то охотники переходятъ къ другой ямѣ, зная, что въ первой имъ уже нечего искать: мать задушила дѣтей, отецъ убилъ сперва мать, а потомъ самого себя—трупы солдатамъ не нужны: они охотятся за живыми людьми.

По окончаніи битвы солдаты уводятъ съ собою добы-

чу; тутъ въ сильной степени проявляется живая, плещущая привязанность негровъ къ роднѣмъ и родившимъ своимъ, согнувшись и уцѣпившись руками за ногу, не трогая оставшихся мѣста; другой обхватываетъ дерево, сопротивляясь упорнымъ усиліямъ солдатъ; третій обнимаетъ жену и дѣтей и составляетъ съ ними узелъ, который одна сталь можетъ развязать.

Но совѣтники паша какъ-бы предвидѣли всѣ хитрости и всю твердость, которыя можетъ внушать любовь къ отчизнѣ. Есть разные средства прекращать сопротивленіе бѣдняковъ: къ ногамъ однихъ привязываютъ лошадь, которая увлекаетъ ихъ за собою по каменьямъ и терніямъ до подножія горы; если и тамъ несчастный, окровавленный, обезображенный негръ сопротивляется, то его убиваютъ безъ милосердія; если жъ онъ покорится, то его заковываютъ въ цѣпи и надѣваютъ на него длинное, тяжелое шго, въ видѣ вилы, которую съ каждымъ шагомъ онъ долженъ приподнимать.

Солдаты возвращаются съ несчастными плѣнниками къ палаткѣ главнокомандующаго; тамъ молодой Турокъ, обучавшійся въ Парижѣ бухгалтеріи, записываетъ приходъ и имена деревенскихъ старостъ, на отвѣтственность которыхъ отдается живой товаръ. Эти старосты, съ крестьянами своими, соответствуютъ званию псарей въ нашихъ охотахъ: они знаютъ страну, обычаи и языкъ негровъ и умѣютъ укрощать ихъ бѣшенство. Имъ удается смягчать, убійственное дѣйствіе моральной борьбы, начинающейся по окончаніи физической. Когда смотрѣніе за невольниками поручалось египетскимъ солдатамъ, первые переговоры вѣдывались между собою на своемъ языкѣ, непонятномъ стражамъ, неожиданно нападали и убивали ихъ ударами цѣпей и вилъ, привязанныхъ къ шеѣ. Тогда солдаты невольничьи должны были прибѣгать къ штыкамъ и пулямъ, чтобы прекратить возмущеніе; подобныя стычки дѣлали большой убытокъ египетскому пашѣ.

Отрядъ, славшій добычу, возвращается въ ряды; за ними слѣдуетъ другой, третій и такъ далѣе; удостовѣрившись, что вся дичь переложена или перебита, охотники делятъ

двинуть в поход начальнику, который отдаст приказание об обороне.

Вотъ, въ изнеможении словъ, въ расе обильнѣе жадно пить вода; но когда порывъ жажды встрѣтится съ слишкомъ сильнымъ сопротивленіемъ и не могутъ пробиться сквозь облитую толну потравъ, после опрокинутые слѣпками, истощенными парадоксами, они видятъ, что природное ни чему не послушало бы, то главнокомандующій переживаетъ тактику: онъ рѣшается уморить осужденныхъ жаждою; это средство, требующее большаго прилежанія и терпѣнія, еще ужаснѣе и безчеловѣчнѣе.

Негры добываютъ воду изъ источниковъ, текущихъ у подножія горы. Отрядъ окружаетъ гору образуя цѣпь между осажденными и источниками; расположившись такимъ образомъ, солдаты спокойно ждутъ, чтобы бѣженцы пришли прожѣвать свободу, семейныя связи, отчужденію, на глотокъ воды, который и даютъ имъ вмѣстѣ съ цѣпями. Говорятъ, что въ этихъ случаяхъ, терпѣливость и покорность негровъ проявляется во всей энергической своей силѣ. Они грызутъ кору древесную, чтобы высосать изъ нея частичку влаги; но при палищемъ солнца и недостаткѣ пищи жажда невыносима; страданія несчастныхъ ужасны; иногда они крѣпятся цѣлую недѣлю, но не болѣе. Памя можетъ волагаться на покорность тѣхъ, которые предпочитаютъ рабство смерти. Каждый день они постепенно спускаются съ горы, какъ робкія лань, и приближаются къ источникамъ, у которыхъ привыкли утолять жажду; но при видѣ солдатъ, они отступаютъ; мало-по-мало они привыкаютъ къ этому зрѣлищу; огонь, жгущій внутренности и убивающій силы ихъ, заставляетъ ихъ наконецъ подставить голову подъ яго. Вода на минуту оживляетъ и возвращаетъ ихъ къ жизни, но увѣн не на долго..... и возвратившіяся силы не служатъ имъ ни къ чему: они скованы по рукамъ и по ногамъ!

Диванъ, подъ предсѣдательствомъ главнокомандующаго напишетъ, повѣряетъ счеты, дастъ каждому старостѣ конвой для охраненія невольниковъ и отрядъ пускается въ обратный путь. Съ этой минуты происходитъ странная перемена; за убійствомъ, жестокостями разнаго рода, слѣдуетъ

состраданіе и самая кѣливая, трогательная попечительность. Если старикъ такъ дряхлъ и слабъ, что не можетъ идти, его сажаютъ на носилки или подкармливаютъ кашей—шубу цѣлебнымъ масломъ. Женщинамъ даютъ время выкормить грудью дѣтей, своихъ или чужихъ; за беременными ухаживаютъ; раненыхъ перевязываютъ, лечатъ; вѣхъ кормятъ до-сыта. Это—предосторожности маонка, состраданіе палача: стража отвѣчаетъ за доставку жертвы въ цѣлости. Имъ даютъ недѣлю отдыха за цѣлую жизнь страданій!

Въ столицѣ собирается новый диванъ для соображенія о распродажѣ невольниковъ. Старосты приводятъ невольниковъ къ пашѣ провинціи; повѣряютъ счеты, назначаютъ цѣны, подводятъ итогъ—и торгъ опредѣленъ. Но, прежде того, паша, какъ искусный, предусмотрительный правитель, громкимъ голосомъ вызываетъ изъ толпы «меланка», то есть того, котораго горные жители признавали царемъ своимъ и верховнаго первосвященника ихъ. Если они не погибли въ битвѣ, то выходятъ изъ рядовъ и получаютъ приказаніе отобрать двадцать человекъ родныхъ своихъ, мужчинъ и женщинъ. Потомъ имъ даютъ двухъ верблюдовъ, нѣсколько провизій и товару, для начатія торгу и отсылаютъ обратно въ горы, которыя, съ помощью Божіею, они населятъ опять чрезъ нѣсколько лѣтъ и служатъ будущимъ охотникамъ новою добычей. Какая благоразумная предусмотрительность!

Что касается до прочихъ невольниковъ, то изъ нихъ выбираютъ самыхъ старыхъ, дряхлыхъ, израненныхъ и ищуродованныхъ и раздаютъ ихъ въ уплату Бедуннамъ, находившимся при «газве», то есть, въ самыя жестокия руки отдають бѣдняковъ, требующихъ наиболѣе заботъ и снисходительности. И новый хозяинъ уводитъ свою долю изъ добычи, ударами кнута заставляетъ несчастнаго дѣлать труднѣйшія работы и тѣмъ болѣе выискателемъ, что вѣроятность скорой смерти слабого невольника не подаетъ ему надежды на большія выгоды. Потомъ офицеры и солдаты имѣютъ право выбрать себѣ невольниковъ, соотвѣтственно своему жалованью: паша оцѣняетъ этихъ невольниковъ; мужчинъ—по лѣтамъ и силамъ; женщинъ

— не красота. Наконецъ остается лучшая и большая часть добычи, которая въ видѣ скованнаго каравана отсылается въ Донголу, къ Нилу, откуда водой отправляется до Каира. Тамъ наконецъ настоящая администрація условливается съ таможенными, платитъ пошлину и выставляетъ товаръ на рынокѣ, гдѣ начинается торгъ.

Тогда вся эта большая семья разсѣвается въ разныя стороны, причемъ, разумѣется, не обращаютъ ни малѣйшаго вниманія на союзы и отношенія членовъ ея. Мать разлучена съ сыномъ; жена съ мужемъ; не остается болѣе слѣдовъ семьи, взрослой передъ взорами Всевышняго!»

Вотъ что дѣлаетъ, чѣмъ пользуется человекъ, котораго Клотъ-Бей и парижскіе журналисты провозгласили преобразователемъ и просвѣтителемъ Африки; вотъ что онъ выдумалъ и исполняетъ!.... Но это ничто въ сравненіи съ тѣмъ, что онъ придумалъ еще для увеличенія доходовъ своихъ.

«Сеннааръ принадлежитъ ему, и изъ этой страны также отправляются ежегодно четыре «газве», приводящія пять тысячъ невольниковъ и даже шесть тысячъ, если экспедиція исполнена удачно. Это еще не все: и въ Абиссиніи собираетъ онъ живую дань. Каждый годъ «джеллабъ», продавцы невольниковъ, посылаютъ въ Сеннааръ, чтобы покупать женщинъ, похищаемыхъ разбойничьими племенами въ надеждѣ на выгоды, представляемыя имъ египетскимъ пашой и этихъ женщинъ — не забудьте, что онѣ христіянки, — развозятъ по всѣмъ гаремамъ Востока, гдѣ ожидаетъ ихъ безчестье, взамѣнъ родины, семьи и истинной вѣры. И это еще не все: царь Дарфура, не зависящій отъ пашы, ведетъ съ ними ужасный торгъ собственными своими подданными, отсылая ежегодно въ Египетъ отъ осьми до девяти тысячъ невольниковъ, изъ которыхъ четвертая часть, по-крайней-мѣрѣ, умираетъ въ дорогѣ, во время убійственнаго перехода черезъ степи. Этотъ огромный караванъ снабженъ провіантомъ весьма умеренно и только навѣрно разчисленное число дней, необходимыхъ для перехода; слѣдовательно, на отдыхъ надѣяться нечего; конвой, сопровождающій невольниковъ, вполне повинутся опредѣленному маршруту и останется не

прожас, какъ достигнувъ точки, назначенной для раздѣла, откуда отправляется далѣе въ назначенной часъ. Въ этомъ ужасномъ путешествіи по песнямъ, разслабленные несчастливыя часто отстаютъ и съ отчаяніемъ протягиваютъ руки къ удаляющимся товарищамъ; они умоляютъ объ одномъ днѣ отдыха и показываютъ на гискъ и мамаласъ, которыя изъ-дала скалятъ на нихъ зубы.

«Начальникъ отряда не внимаешь ихъ крикамъ, говорить европейскій офицеръ, авторъ этого описанія: и ни за что не остановится, потому что отъ одного потеряннаго часа зависить судьба цѣлаго каравана; когда, нѣсколько дней спустя послѣ прохода невольниковъ, мнѣ случилось проѣзжать черезъ пустыни на сильныхъ, быстрыхъ верблюдахъ, то человѣческіе остовы, недавно обглоданные, указывали мнѣ дорогу, по которой я долженъ былъ слѣдовать.»

Но и это еще не все: по берегамъ Нила, выше водонадоль, рабство негровъ притупляетъ въ нихъ нѣжѣйшія природныя чувствованія. Есть Турки, которые, кромѣ герма, имѣютъ на черномъ дворѣ своемъ еще сотню невольницъ, соединенныхъ съ десятью неграми. Ежегодно эти женщины рожаютъ по ребенку, который достигнувъ двѣнадцати-лѣтняго возраста продается на рынкѣ. Это жалкое стадо не имѣетъ другаго назначенія. Тѣ изъ женщинъ, которыя производятъ мало или вовсе безплодны, продаются и замѣняются другими; и мужчины продаются, когда становятся безсильными и старѣются. Этотъ промыселъ производитъ ежегодно, круглымъ счетомъ, до двухъ тысячъ невольниковъ, съ которыхъ таможенъ лавни беретъ пошлину и которые продаются на каврскомъ рынкѣ. И это еще не все. — Какъ! спросите вы: что же можетъ быть еще? — Паша не довольствуется убійственными олоатами и позволеніемъ позорнаго промысла, но налагаетъ на всю страну такую огромную подать, что жители не состоявшіи были бы уплатить ее, если бъ Мегметъ-Али не принималъ монеты новаго роду: живыхъ людей. Не считайте этого невозможнымъ: человѣкъ, въ этихъ странахъ превращается въ монету и оцѣняется чуть не по фун-

такъ; вотъ результаты столько прославляемой «циви-
лизаціи».

Въ деревняхъ, въ определенное время сборовъ, каждая
семья повѣряетъ казну свою, чтобы узнать могутъ ли они
удовлетворить требованіямъ сборщика податей; если жъ
вслѣ дождей, засухи, саранчи или нападеній бедуновъ
достояніе ихъ разорено, то отецъ семьи осматривается и
обдумываетъ къмъ бы изъ родныхъ своихъ ему пожерт-
вовать: дочерью, сыномъ или женой. Если жъ у него не-
достаетъ рѣшимости, чтобы пожертвовать близкими серд-
цу, то онъ самъ отдаетъ себя въ жертву жадности преоб-
разователя и просвѣтителя Египта.

АДЪЮТАНТЪ МЕКСИКАНСКАГО ПРЕЗИДЕНТА. Новый
Свѣтъ не можетъ похвастаться чистой нравственностью
и кротостью духа. Европейцы, переселившись въ эту зем-
лю, какъ-разъ дѣлаются дикими Черкесами. Безнаказан-
ныя убійства изъ мести такъ же обыкновенны во всей
«свободной» Америкѣ, какъ между глухими утесами Кавка-
за. Можно было бы подумать, что юстиція должна быть
беспорочно во-крайней-мѣрѣ въ Соединенныхъ Штатахъ
Сѣверной Америки, странѣ воспитанной Англією и наста-
вленной примѣромъ англійскаго судебного сословія, во
всѣхъ отношеніяхъ честнаго, строгаго и почтеннаго. Къ-
сожалѣнію, дѣйствительность далеко не соотвѣтствуетъ
этому естественному предположенію. По свидѣтельству
не только путешественниковъ, но и мѣстной литературы,
вслѣ турецкаго едва-ли на всей землѣ найдется судебное
сословіе болѣе продажное и безнравственное чѣмъ сѣверо-
американское, такъ, что судьи, адвокаты, все, что только
носитъ имя «подьячаго», возбуждаетъ въ общемъ мнѣніи
отраженіе и презрѣніе. Испанскія и португальскія респу-
блики въ Америкѣ такъ же несчастны въ этомъ отноше-
ніи. Между-тѣмъ нигдѣ доброе правосудіе не было бы
такъ полезно какъ въ этихъ странахъ, наполненныхъ
плутнями и разбойми. Мексика—классическая страна под-
ячговъ на большихъ дорогахъ. Старинные разбой ущелій
сиерра-моренскихъ и ацтецкихъ встрѣчаются уже толь-
ко въ предмѣстьяхъ Мехико и въ лѣсахъ Вера-Круса. Во-

ровство и убійство въ этихъ краяхъ сохранили дотѣ свою романтическую прелесть и поэзію. Мексиканскіе ladrones и поньинѣ носятъ свой широкій sombrero, свой развѣсившійся загаре и свой страшный machete. Тамъ еще существуютъ разбойничьи шайки, организованныя по-военному. Часто даже люди, пользовавшіеся общимъ уваженіемъ, занимавшіе общественныя должности, принимали участіе въ этихъ опасныхъ скопищахъ и призракъ правительства, управляющаго Мехикой, никогда не могъ дать сколько-нибудь дѣйствительнаго отпора ихъ набѣгамъ.

Въ первыхъ числахъ апрѣля 1838, рассказываетъ La Gazette des Tribunaux, нѣкто сеньоръ Л... , богатый негодіантъ изъ Мехико, будучи принужденъ обстоятельствами переѣхать со всѣмъ семействомъ въ Европу, до отправления въ Вера-Крусъ явился къ генералу Санта-Анья. Его тотчасъ впустили, потому что президентъ принимаетъ всякаго кто бы ни пришелъ къ нему. Это человѣкъ сухощавый, жилистый; взглядъ у него пронизательный, носъ острый, цвѣтъ лица смуглый, почти оливковый. Характеръ его въ совершенствѣ отражается во всѣхъ чертахъ. Въ нихъ можно прочесть и хитрость Индѣйца и храбрость Испанца. Санта-Анья служилъ сначала въ арміи Фердинанда Седьмого, а потомъ сдѣлался начальникомъ республики; въ желѣзномъ его гѣлѣ душа мѣдная; онъ любитъ власть больше изъ гордости чѣмъ изъ жадности; бываетъ то снисходительнымъ, то жестокимъ, — какъ выгоды. Таковъ этотъ ловкій честолюбецъ, который однимъ смѣлымъ ударомъ захватилъ власть и какъ полный хозяинъ распоряжается завоеваніями Фернанда-Кортеса и наследствомъ Филиппа Второго.

Санта-Анья былъ одинъ со своимъ адъютантомъ, полковникомъ Янесомъ, молодымъ человѣкомъ замѣчательной красоты. Янесъ съ такимъ прілежнымъ вниманіемъ разбиралъ кипу бумагъ, что, по-видимому, вовсе не замѣтилъ приходу и поклоновъ мексиканскаго негодіанта. Л... объяснилъ генералу, что будучи напуганъ разбойни и убійствами, которые ежедневно совершались въ окрестностяхъ, онъ пришелъ просить конвой для безопаснаго прѣѣзду изъ Мехико въ Вера-Крусъ.

— Говоря откровенно, отвѣчалъ Санта-Анья, подумавъ: я не совѣтовалъ бы вамъ брать конвой, если вы везете съ собою драгоценности: вы знаете, что наши драгуны очень часто сами любятъ присвоивать себѣ то, что поручается ихъ охраненію. Лучше закажите себѣ у Вермута, сѣдельника, въ улицѣ Ласъ-Саденьясъ, чемоданъ съ двойнымъ дномъ, куда бы вы могли спрятать брилліанты вашей жены и самыя дорогія ваши вещи. Если на васъ нападутъ, откройте по-скорѣе и отдайте все, что положили въ верхнюю половину, и тогда спасете остальное.

Совѣтъ былъ опасный, но другаго дѣлать нечего. Негоціантъ простился съ генераломъ и ушелъ. Въ эту минуту Янесъ, дотолѣ, по-видимому, совершенно занятый чтеніемъ, незамѣтно поднялъ голову и бросилъ быстрый взглядъ на уходящаго.

Чемоданъ съ двойнымъ дномъ въ самомъ дѣлѣ былъ заказанъ у Вермута, и Л... выѣхалъ изъ Мехико ночью. Онъ ѣхалъ верхомъ на конѣ подлѣ носилокъ, въ которыхъ находились его жена и дѣти. Нѣсколько аггіерос, погонщиковъ, вели муловъ, на которыхъ было навьючено имущество. Маленькій караванъ счастливо достигъ до Пуэбла, гдѣ отдыхалъ цѣлыхъ два дня. На третій, при закатѣ солнца, онъ отправился далѣе, видѣлъ вдали сіянію гигантскаго пика Орисавы, прошелъ долину Акахете, гдѣ Санта-Анья такъ измѣннически разстрѣлялъ своего друга Мехіа, и безъ всякихъ приключеній прибылъ въ ущелье, которымъ она оканчивается. Это узкій и мрачный оврагъ, къ которому ведутъ нѣсколько тропинокъ. Онъ съ давнихъ поръ слылъ опаснымъ и пять или шесть бѣлыхъ камней съ крестами, возвышаясь въ разныхъ мѣстахъ, доказываютъ, что худая молва ходила не даромъ. Арріеросы, по обыкновенію всѣхъ испанскихъ погонщиковъ, дремал на своихъ мулахъ, напѣвали извѣстную пѣсню del Caballo, которая начинается такъ:

*Mi muger é mi caballo
Se murieron en un tiempo*

«Моя жена и моя лошадь умирали въ одно время.....»

Каково же было ихъ удивленіе, когда многіе звучные голоса, стали продолжать пунлетъ съ слѣдующихъ двухъ стиховъ:

Que mardet y que demoniel
El caballo es lo que siesto.

«Что жена! ну, къ чорту ея! Я жалѣю только о лошади.»

Не долго имъ досталось раздумывать объ этой странности: человекъ двадцать разбойниковъ высочили изъ оврага и мигомъ окружили ихъ со всѣхъ сторонъ. Д^{нн}, несмотря на отчаянные крики жены, не терялъ присутствія духа и безъ видимой тревоги смотрѣлъ, какъ разбойники разрывали поклажу и завладѣли чемоданомъ. Онъ самъ подалъ имъ ключъ. Но одинъ изъ нихъ, указывая выразительнымъ жестомъ на длинный ножъ, съ удивительнымъ искусствомъ прорѣзалъ имъ чемоданъ, именно въ томъ мѣстѣ, гдѣ было потаенное отдѣленіе. Негоціантъ сначала остоленѣлъ отъ удивленія, потомъ пришелъ въ ярость, но разбойникъ, повертѣвъ у него передъ глазами острымъ, блестящимъ лезвеемъ ножа, сказалъ очень кротко:

— Не сопротивляйтесь, сеньоръ, если жизнь вамъ дорога.

Потомъ, обращаясь къ женѣ негоціанта, которая поблѣднѣвъ отъ ужасу, загоразивала собою двохъ дѣтей, онъ сказалъ:

— Не безпокойтесь, мы кавальеросы и всегда уважали женскій полъ.

Оставивъ безъ вниманія другія не важныя вещи, разбойники удовольствовались брилліантами сеньоры Д^{нн} и ея драгоцѣннѣйшѣ чернымъ калифорнскимъ жемчугомъ.

Возвратясь въ Мехико, Д^{нн} посетилъ подать объявленіе и разсказалъ епископу, слѣдственному судѣи, всѣ подробности этого страннаго похищенія. Очевидно было, что это нападеніе заранее приготовленное. Только два человека знали о существованіи двойнаго дѣла въ чемоданѣ, — генералъ Санта-Анья и сѣдельникъ Вермутъ. Сѣдельника, разумѣется, арестовали, но онъ представлялъ къ оправданію доказательства самыя ясныя и точныя. Кромѣ-того всѣ обсто-

судебства соединились для подтвержденія его невинности, — его испытанная честность, уединенная, скромная жизнь, свидѣтельство сосѣдей, изъ котораго было видно, что онъ не отлучался изъ Мехико ни во время совершенія кражи, ни передъ тѣмъ. Сѣдальника освободили, но и настоящаго похитителя не отыскали.

Объ этомъ происшествіи еще не перестали говорить, когда разнесся слухъ объ убійствѣ, совершенномъ среди дня въ улицѣ Санъ-Косме, въ домѣ швейцарскаго консула Мерге, неподалеко отъ дворца бывшаго вице-короля графа Гальвеса. Сначала этой новости не повѣрили, потому что улица Санъ-Косме, прорѣзанная водопроводомъ и выходящая на восхитительное гульбище, l'Alameda, одна изъ самыхъ оживленныхъ въ цѣломъ городѣ. Кромѣ-того, въ самый полдень, когда, какъ говорили, совершилось убійство, французскій и англійскій посланники и нѣсколько человекъ товарищей ихъ находились, насупротивъ швейцарскаго консульства, въ домѣ, гдѣ въ самый этотъ день было танцевальное утро.

Дѣло было однако жъ тѣмъ не менѣе достовѣрно. Убійцы проникли къ Мерге черезъ главный входъ съ улицы, схватили единственную его служанку, Индіанку, крѣпко привязали ее къ тяжелой мебели и бросились на консула, привлеченнаго шумомъ этой возни. Мерге хотя былъ захваченъ въ-расплохъ, однако жъ тѣмъ не менѣе сильно сопротивлялся. На одномъ вискѣ у него нашли большое пятно, одну глубокую рану на бедрѣ и двѣ подъ правую частью груди. Въ крѣпко сжатой рукѣ его находилась металлическая пуговица съ обрывкомъ сняго сукна.

Это для правосудія былъ слѣдъ слишкомъ не ясный и дѣло уже хотѣли оставить; но дипломатическій корпусъ настоятельно требовалъ, чтобы слѣдствіе продолжалось. Подозрѣніе пало на одного драгуна четвертаго полка, котораго изъ бѣдьяковъ, то есть, живущихъ однимъ жалованьемъ, вдругъ сталъ богачомъ, началъ мотать и не могъ удовлетворительно объяснить причины такой перемены. Тайный розыскъ превратилъ подозрѣніе въ достовѣрность: у драгуна нашли партикулярное платье сняго сукна, безъ пуговицъ, вырваннаго пуговицы, и по всѣмъ признакамъ имен-

но безъ той, которая найдена въ рукѣ убитаго. Драгуна посадили въ тюрьму.

Это и еще другія обличающія доказательства были слишкомъ очевидны; драгунъ не могъ отречься отъ участия въ преступленіи. Но, несмотря на всѣ усилія фискаля, разбойникъ ни зачѣмъ не хотѣлъ объяснить подробностей и, безъ-сомнѣнія, въ надеждѣ на тайную, носильную протекцію, рѣшительно отказался открыть своихъ сообщниковъ. Его приговорили къ смертной казни. Онъ между-тѣмъ не унывалъ и былъ совершенно увѣренъ, что тайный, могущественный покровитель не оставитъ его, однако жъ жестоко обманулся въ ожиданіи. Последняя его минута наступила. Его уже вели на эшафотъ. Тутъ онъ взглянулъ на окружающую толпу, потомъ махнулъ головою какъ человѣкъ, который съ послѣднею надеждою теряетъ послѣднюю совѣсть, и сказалъ громкимъ, явственнымъ голосомъ:

— Главный мой сообщникъ и атаманъ нашей шайки — полковникъ Янесъ, адъютантъ генераль-президента.

Это неожиданное показаніе возбудило столько же удивленія, сколько недовѣрчивости. Можноли было повѣрить, чтобы самый блестящій въ Мехико офицеръ, другъ генерала Санта-Ан्या, короткій пріятель сестры его, сеньоры Долоресъ былъ, — разбойникъ! Какъ ни невозможнымъ казалось такое дѣло, его надобно было, однако жъ, объяснить изъ угожденія европейскимъ дипломатамъ. Казнь драгуна отложили. Генераль графъ Кортина, тогдашній губернаторъ города, приказалъ военному фискалу, капитану Олосага, отправиться на квартиру Янеса. При этомъ объяснѣ открылись вещи очень важныя, таинственная переписка, бумаги писанныя цифрами и множество разныхъ, драгоценныхъ вещей, изъ которыхъ большая часть оказалась принадлежащею негодяицу Д^{...}, ограбленному въ мѣсяцъ назадъ на вера-крусской дорогѣ. Янеса арестовали.

Въ такомъ положеніи находились дѣла, когда какая-то дама, закутанная въ черную шелковую мантилью, съ лицомъ закрытомъ частою воалью, явилась къ фискалу. Всѣ средства, какія женщины могутъ найти въ своемъ умѣ, въ убѣдительныхъ словахъ, въ краснорѣчій слезѣ, все было употреблено незнакомою посетительницею, чтобы скле-

дѣла, судью принять участіе въ судьбѣ Янеса и уничтожить обвинительныя доказательства, находящіяся при дѣлѣ. Она даже предлагала ему тридцать тысячъ піастровъ; но капитанъ Олосага отвергъ это предложеніе, хотя по melodическому голосу и по чрезвычайной красотѣ ружья зналъ сестру президента, сеньору Долоресъ.

Не прошло недѣли какъ капитанъ Олосага, послѣ завтрака, почувствовалъ сильныя боли и умеръ въ ужасныхъ конвульсіяхъ, которыя не оставляли медикамъ ни какого сомнѣнія въ отравленіи.

Обольщенный предложеніемъ пяти сотъ унцій золота, писарь (el escribiente) несчастнаго фискаля согласился припрятать опасныя для Янеса улики. Но едва исполнявъ эту утайку, онъ почувствовалъ угрызенія совѣсти и все рассказалъ своему духовнику. Священникъ отказался отпустить ему грѣхъ и грозилъ вѣчнымъ проклятіемъ, если онъ не приложитъ утаенныхъ бумагъ обратно къ дѣлу. Испуганный писарь исполнилъ это приказаніе, но не могъ возвратитъ осьми тысячъ піастровъ таинственнымъ просителемъ, которыхъ не зналъ имени и не видывалъ въ лицо.

Второй фискаль, взявшійся за это дѣло, полковникъ донъ Хосе Кальво, былъ человѣкъ храбрый и честный. Онъ былъ Испанецъ, родившійся въ Гаванѣ, и съ честью служилъ въ войнахъ полуострова противъ Французовъ времянъ Наполеона. Ревностно принявшись за дѣло, онъ хотѣлъ доказать дипломатическому сословію, что умѣетъ уважать правосудіе.

Онъ не могъ не видѣть опасности своего положенія. Хотя Санта-Анья, съ обычнымъ своимъ коварствомъ, при всѣхъ этихъ обстоятельствахъ притворялся совершенно равнодушнымъ, однако жъ полковникъ Кальво не забывалъ, что Янесъ былъ адъютантомъ и другомъ президента. Онъ помнилъ и то, что генераль Валенсія, областной коммандантъ, которому черезъ нѣсколько минутъ послѣ убійства дождади, что двое изъ подозрѣваемыхъ убійцъ скрываются въ одномъ кабакѣ, въ предмѣстіи, сказалъ полицейскому офицеру:—Que los déjen, los robrecitos! «Оставьте ихъ, бѣдняковъ, въ покоѣ!» Наконецъ, участь его предше-

стопника, отравившаго въ чашкѣ напитокъ, также заставляла призадуматься.

Что жъ касается до Янеса, то удобства и роскошь свободной жизни наслаждались за нимъ и въ темницу. Онъ тайнѣ получалъ многочисленныя извѣщенія участія и на другой же день по заточеніи тюремщикъ приносилъ ему бумажку, на которой женскою рукою были написаны эти три слова: «Мужество, любовь, надежда.» Сверхъ-того, благодаря этому таинственному заступничеству, онъ узналъ, что опасныя для него бумаги были выкрадены изъ дѣла и, безъ-сомнѣнія, уничтожены. Отсутствие этихъ доказательствъ предохранило Янеса отъ всякой слабости и никогда, быть-можетъ, не владѣлъ онъ собою и не говорилъ съ такою свободою твердостью какъ въ тотъ день, когда явился передъ судьями.

На скамьѣ подсудимыхъ сидѣлъ уже осужденный однажды драгунъ, съ шестью другими сообщниками, которые также были схвачены по его показанію. По невольному или по разсчитанному движенію, Янесъ съ отвращеніемъ отступилъ, не говоря однако жъ ни слова, и остановилъ на драгунѣ взоръ, въ которомъ выражалось негодованіе и презрѣніе къ предателю. Драгунъ оторопѣлъ, пробормоталъ на вопросы фискала нѣсколько невнятныхъ словъ, то блѣднѣлъ и краснѣлъ то, съ бѣшенствомъ ударивъ по стойкѣ, вскричалъ:

— Я ничего не скажу! я ничего не знаю! Убейте меня!

Янесъ думалъ, что теперь ему бояться уже нечего. Онъ не зналъ, что найденныя у него письма были опять подшиты къ дѣлу. Когда полковникъ Кальво изложилъ преступленія, въ которыхъ обвиняли адъютанта президента, и назвалъ его атаманомъ шайки разбойниковъ, убійцею, Янесъ отвѣчалъ холодною улыбкой.

Донъ Хосè Кальво предъявлялъ письменныя доказательства. Это было громовымъ ударомъ для Янеса. Сомнѣніе уступило мѣсто убѣжденію. Уголовный судъ приговорилъ Янеса и семерыхъ сообщниковъ его къ смертной казни. За прочтеніемъ приговора послѣдовалъ вопль отчаянія, котораго не могутъ передать ни какія слова. То былъ вопль женщины. Янесъ сохранилъ всю свою твердость.

— Люди осуждаютъ, Богъ отпускаетъ, сказалъ онъ; всталъ и поклонился судьямъ.

Янесъ былъ увѣренъ, что президентъ не дастъ ему погнѣвать. Всѣ въ Мехико были того же мнѣнія. Между тѣмъ, три дня спустя, Янеса съ большою торжественностью повезли на казнь. Увидѣвъ этотъ ужасный поѣздъ, сенюра Долоресъ судорожно скривленными пальцами перебирала зерна своихъ четокъ и, когда онъ поравнялся съ балкономъ, высунула голову черезъ перила, пристально вглядѣлась въ своего любезнаго, замѣтила его неподвижные глаза, его окаменѣлое лицо и, выпрямившись, вскричала съ дикою радостью:

— Нѣтъ, Янесъ, они не возьмутъ тебя живаго!

Потомъ, вынувъ изъ-за пазухи кинжалъ, занесла руку, чтобы заколоться, но мужъ ея, важный и строгій Испанецъ, стоявшій позади и внимательно слѣдившій за всѣми ея движеніями, вырвалъ кинжалъ и холодно сказалъ:

— Вы теперь имѣете право жить, потому что онъ умеръ.

Янесъ дѣйствительно былъ уже мертвъ: онъ былъ въ то самое утро отравленъ въ рюмкѣ хересу посредствомъ одного изъ тѣхъ тонкихъ и столь извѣстныхъ Индійцамъ ядовъ, которые убиваютъ человѣка въ назначенное время, изъ минуты въ минуту. Это было послѣднее доказательство любви, которое Янесъ получилъ отъ сенюры Долоресъ.

НАСТЕРСКАЯ КИТАЙСКАГО ЖИВОПИСЦА. Извѣстнѣйшій изъ живописцевъ южнаго Китая, Рубенсъ Поднебеснаго Государства, Ланъ-гуи, живетъ въ Макао. Всѣ Европейцы, забѣгающіе въ эту гавань, стараются достать какое-нибудь произведеніе его оригинальной кисти. Домъ этого художника отличается отъ другихъ сосѣднихъ только черною досточкою, на которой бѣлыми буквами означены ремесло и имя Ланъ-гуи. Дома эти двухъ-этажныя. Въ верхнемъ обыкновенно живутъ купцы. Туда всякому *фаньки*, иностранцу, входъ запрещается. Въ нижнемъ находятся лавки, открытыя для всѣхъ. Домъ живописца отличается тою особенностью, что въ немъ и иностранцы могутъ безвоз-

бываетъ ходить по всѣмъ отдѣленіямъ. Въ каждомъ отдѣленіи исполняется какая-нибудь особая часть работы.

У Ланъ-гуа дошъ трехъ-этажный. Самъ онъ живетъ въ верхнемъ, гдѣ и работаетъ. Во второмъ находится мастерская, гдѣ дѣлаются рисунки на рисовой или другой бумагѣ, а нижній служитъ собственно лавкою.

Въ Макао есть живописцы, которые копируютъ европейскіе гравюры, рисунки кораблей, пейзажи, и прочая, и подражаютъ даже нашимъ маслянымъ картинамъ; есть другіе, которые пишутъ по чисто китайскому способу.

Вступивъ въ домъ Ланъ-гуа съ улицы, вы входите сперва въ лавку, гдѣ оконченныя произведенія выставлены на показъ. Это рисунки на рисовой бумагѣ, которые особенно уважаются. Они наложены цѣлыми стопами и накрыты стеклянными колпаками. Тутъ находятся и другія вещи, которыя хотя не касаются живописи, однако жъ составляютъ предметъ торговли всякаго такого дома, — какъ то разнаго роду камни, рѣзанные или изваянные съ особеннымъ искусствомъ. Тутъ же продаются и различныя матеріалы и приборы для живописи, краски, кисти, щеточки, и такъ далѣе. Все это покрыто шелковою матеріей, шитою золотомъ. Рисовая бумага, сложенная въ кляпы по сту листовъ, составляетъ одну изъ важнѣйшихъ статей торговли знаменитаго художника. Бумага эта привозится изъ Нанкина и продается болѣе или менѣе дорого, смотря по величинѣ листовъ.

Изъ лавки маленькая деревянная лѣстница ведетъ во второй этажъ, въ мастерскую. Тутъ вы видите осемь или десять человекъ Китайцевъ, съ засученными рукавами и обернутыми вокругъ головы хохлами, занимающихся работой. Свѣтъ проходитъ въ эту мастерскую черезъ два окна, продѣланные въ крайнихъ противоположныхъ стѣнахъ. Комната не велика и всѣ украшенія ея составляютъ только что оконченныя картины, выставленныя для приманива охотниковъ. Тутъ же находится нѣсколько европейскихъ гравюръ и масляныхъ картинъ, вымѣненныхъ у морскихъ офицеровъ на китайскія произведенія, и китайскія копии съ нихъ.

Удивительно, съ какою точностью и извѣстностью эти

живописцы копируютъ. Въ особенности же они отличаются блестящимъ колоритомъ, который заслуживаетъ быть замѣченнымъ, потому что при копированіи граціозъ эта часть работы совершенно поручается ихъ собственному вкусу. Они обладаютъ даромъ гармонически сочетать краски по произволу своей фантазіи. Случается также видѣть на стѣнахъ мастерскихъ рисунки кораблей, лодокъ и пейзажи довольно страннаго виду.

Мастерская устлана длинными столами. Китайскихъ художниковъ нисколько не беспокоитъ присутствіе и любопытство иностранцевъ: они спокойно продолжаютъ работу и даже всегда готовы объяснить, что дѣлаютъ. Поэтому не большого труда стоитъ подмѣтить у нихъ всѣ приемы при исполненіи прекрасныхъ рисунковъ на рисовой бумагѣ, которые нынче столько цѣнятся въ Европѣ.

Глядя на этихъ людей, сидящихъ за столами на маленькихъ табуретахъ и окруженныхъ матеріалами и инструментами, удивляешься чистотѣ и изящности, съ какими они отдѣлываютъ каждую бездѣлицу. Рисунки ихъ не совсѣмъ оригинальные и не совсѣмъ копированные: добрую часть цѣлага составляетъ производство механическое. Сначала художникъ выбираетъ листъ рисовой бумаги, въ которомъ было бы какъ-можно меньше дыръ и пятенъ, и по величинѣ сообразный съ цѣною, какую намѣренъ взять. Находящіеся въ бумагѣ пороки Китайцы очень искусно умѣютъ скрывать. Чтобы, наприимѣръ, выровнять прорѣху или дыру, они вкладываютъ въ то мѣсто кусочекъ вещества, совершенно похожаго на слюду и приготовленнаго изъ рису. Выравнивая такимъ образомъ край дыры, они вкладываютъ въ нее прирѣзанный кусочекъ бумаги и заглаживаютъ. Когда бумага хорошо приготовлена, ее покрываютъ растворомъ квасцовъ въ водѣ, чтобы сдѣлать способною къ прицѣпленію красокъ. Эта операція повторяется нѣсколько разъ въ продолженіи исполненія рисунка, обыкновенно разъ осемь. Отъ этого краски не только не растекаются на бумагѣ, но вообще держатся прочнѣе. Затѣмъ дѣлается очеркъ, почти совершенно механически. На это у китайскихъ живописцевъ есть книги, въ которыхъ они находятъ готовыя эскизы и даже раскрашенные рисунки человѣче-

скихъ фигуръ, животныхъ, деревьевъ, цвѣтовъ, скалъ и зданій съ различныхъ сторонъ, и эти рисунки служатъ имъ образцами для картинъ. Такимъ образомъ, чтобы составить пейзажъ, они берутъ на одной страницѣ скалу, на другой дерево, домъ, приищутъ челоуѣка, животныхъ, какіе нужны и, разнообразя сочетанія однихъ и тѣхъ же предметовъ по своему произволу, *сочиняютъ* новыя картины. Этимъ объясняется однообразіе покроя скалъ, деревьевъ и даже челоуѣческихъ фигуръ, замѣчаемое вообще въ китайскихъ рисункахъ, хотя въ цѣломъ они и не походятъ одинъ на другой. У Ланъ-гуя, такъ же какъ и у другихъ живописцевъ, есть образцы мандариновъ, знатныхъ дамъ, птицъ и деревьевъ, которыя подкладываются подъ листъ прозрачной рисовой бумаги и прорисовываются. Поэтому то во всѣхъ лавкахъ и встрѣчаются почти одни и тѣ же предметы.

Особенная заслуга китайскаго живописца состоитъ въ болшемъ или меньшемъ совершенствѣ колорита. Краски готовятся заранее. Онѣ, такъ же какъ и масляныя у Европейцовъ, накладываются. Подмалевка, всегда темная, дѣлается съ величайшимъ тщаніемъ. Когда краски всѣ наложены, рисунокъ смачивается водою и уколачивается стеклянною колотушкой на фарфоровой плитѣ, покрывается еще слоемъ квасцоваго раствора, потомъ кле-емъ, для прочности. Въ Европѣ предпочитаютъ аравійскій, но Китайцы употребляютъ обыкновенный клей, который у нихъ всегда на-готовѣ, горячій.

Драпировка и аксессуары пишутся сперва, обыкновеннымъ способомъ, на поверхности бумаги, но когда нужно изобразить лицо или вообще нагое тѣло, то краски наводятся на оборотной сторонѣ, чтобы просвѣчивали насквозь и придали рисунку ту прозрачность, какой европейскіе миниатюрные живописцы достигаютъ посредствомъ слоювой кости. Для этой части работы китайскому живописцу уже не нужны образцовыя книги: колоритъ совершенно зависитъ отъ фантазій и искусства исполнителя.

Какимъ образомъ китайскіе живописцы достигаютъ такой удивительной точности и чистоты отдѣлки подробностей? Этотъ родъ совершенства зависитъ вѣсть отъ не-

въроятной легкости работниковъ и отъ свойства рисовой бумаги. Бумага эта чрезвычайно гладка и способна принимать отъ кисти самыя тончайшія черты. Китаецъ, держа кисть перпендикулярно, въ рукѣ, поднатою на воздухъ и опирающеюся только локтемъ, можетъ придавать своимъ штрихамъ удивительную легкость. Терпѣніе этихъ людей превосходитъ всякое описаніе: они иногда копируютъ кистью, штрихами, самыя нѣжныя англійскія граверны съ такою точностью, что глазъ обманывается.

Главный недостатокъ китайской живописи, относительно къ нашимъ понятіямъ объ искусствѣ, состоитъ въ отсутствіи перспективы и свѣтотѣни. Это отсутствіе не происходитъ отъ невѣжества артистовъ: кому угодно имѣть картину съ перспективою, со свѣтами, тѣнями и полутѣнями, тому они тотчасъ напишутъ ее отлично, на манеръ картинъ европейскихъ. Дѣло заключается просто въ противоположности теорій, которыми слѣдуютъ Европа и Китай. Мы думаемъ, что предметы надо изображать въ живописи такъ, какъ они кажутся глазу, а по китайской теоріи о художествѣ предметы должны быть изображаемы такъ, какъ они есть въ натурѣ: платье изъ голубой шелковой матеріи повеюду одного, ровнаго цвѣту въ природѣ, и въ картинѣ, въ подражаніи, оно должно быть такое же; домъ, стоящій за другимъ домомъ, кажется глазу меньше того, который находится впереди, хотя оба они равны, и китайскіе теоретики утверждаютъ, что картина должна представлять ихъ совершенно равными величиною: иначе, вы изображаете не природу, а недостатки нашего глаза. Китайская живопись подражаетъ природѣ точно по тому правилу, какъ у насъ подражаетъ скульптура. Сказать по правдѣ, теорія эта такъ же основательна логически, какъ и противоположная ей, та, которой мы слѣдуемъ. И результатъ обѣихъ теорій одинаковъ: наши картины нравятся нашему глазу, а китайскія китайскому, который находитъ живопись европейцевъ равно столько же уродливою и невѣжественною, сколько мы взаимно находимъ живопись Китайцевъ; кто знаетъ, не примемъ ли и мы когда-нибудь китайской теоріи? Въ новой изящной словесности подобная теорія уже принята: новая литературная школа утверждаетъ, что долж-

не изображать все, какъ оно есть въ природѣ. Въ этомъ состоитъ романтизмъ. Шекспиръ — китайскій живописецъ нравственной стороны человека.

НЕСКОЛЬКО ПОДРОБНОСТЕЙ О СЕМЕЙСТВѢ НЫНѢШНЯГО КИТАЙСКАГО ИМПЕРАТОРА. Какъ зовутъ по имени царствующаго китайскаго императора, того никто не знаетъ и не смѣетъ знать во всемъ Китаѣ. Собственное имя царствующаго лица — государственная тайна, которая открывается только въ день его похоронъ. Пока онъ живъ, вѣрноподанный Китаецъ долженъ называть его не иначе какъ *Сынъ Неба* или *тотъ, который* — да здравствуетъ десять тысячъ лѣтъ! Но царствованіе его имѣетъ свое официальное названіе. При вступленіи своемъ на престолъ, нынѣшній Богдоханъ объявилъ манифестомъ, что во всѣхъ публичныхъ актахъ и въ надписяхъ на монументахъ царствованіе его должно называться *дао-гуанъ*, «блескомъ закона»: это значило, что при его управленіи законъ, то есть, настоящее Конфуціево ученіе, будетъ сіять полнымъ блескомъ, какъ еще никогда не сіяло. Названіе царствованія европейскіе ученые варвары принимаютъ за собственное имя лица и того, «кто — да здравствуетъ десять тысячъ лѣтъ!» — невѣжественно величаютъ Дао-гуаномъ. Неучи! Они и въ глаза не видали устава о десяти тысячахъ церемоній, а между-тѣмъ считаются на западѣ «мудрецами»!

У того, «который — да здравствуетъ десять тысячъ лѣтъ!» — четыре сына. Онъ любитъ ихъ очень нѣжно и самъ учитъ закону. Старшій, И-вэй, родившійся отъ покойной императрицы, скончавшейся въ 1831. — молодой человекъ совершенный, ученый, праву любезнаго, ума снисходительнаго; второй, И-чуиъ, родившійся отъ наложницы Китаанки, страстный охотникъ до военнаго искусства. Остальные, двое И-ту и И-дзунъ, родившіеся отъ наложницы Манчжурки, еще малолѣтвые. Одинъ родился въ шестую луну 1831, а другой на слѣдующій годъ. Эти четыре царевича чрезвычайно дружны между собою.

«Сынъ Неба» могъ быть совершеннѣйшимъ счастливецемъ, если бы старость его не была отравлена горемъ подо-

чери. Любимая его царица И-хань, его гордость, радость и утѣха дней его, уже не существуетъ. Исторія этой принцессы очень трогательна. Въ исходѣ шестой луны 1823 года, въ шесть часовъ вечера, въ Пекинѣ родилась царица. Мать произвела ее на свѣтъ въ слезахъ и страданіяхъ; впродолженіи трехъ дней она была у дверей гроба. Когда опасность миновала, «Сынъ Неба», предавшись вполне своей радости, далъ дѣвочкѣ, которой столько желалъ себѣ, имя И-хань. Утверждаютъ, будто это имя значитъ — *ночная слеза*.

«Да здравствуетъ десять тысячъ лѣтъ» оказывалъ своему дитяти самое нѣжное попеченіе; онъ стерегъ ее и днем и ночью, когда она подросла, далъ ей отличное воспитаніе. Двѣнадцати лѣтъ она уже была совершеннѣйшимъ образцомъ учености и красоты. «Сынъ Неба» только сю и жилъ. Когда ей исполнилось четырнадцать лѣтъ, онъ задумалъ выдать ее замужъ: но кому довѣрить такое сокровище? Покуда онъ занимался этою мыслью, дѣвушка открылась ему въ своей тайной и самой глубокой любви къ одному изъ двоюродныхъ братцевъ, князю Дунси-ни. При этомъ открытіи «Да здравствуетъ десять тысячъ лѣтъ» улыбнулся отъ удовольствія: онъ особенно уважалъ молодого князя Дунси-ни, согласился на бракъ, призвалъ его и благословилъ жениха и невесту. Послѣ этого молодые люди разстались на три дня, до часу назначеннаго для празднованія свадьбы.

Въ знатныхъ пекинскихъ семействахъ ведется обычай, чтобы женихъ, для доказательства своей храбрости и ловкости, наканунѣ свадьбы дарилъ невесту шкурою собственноручно убитаго звѣря. Князь Дунси-ни былъ джентльменъ совершенный, охотникъ, исполненный удалства и мужества. Онъ рѣшился сдѣлать невестѣ подарокъ достойный ея: поднести шкуру пантеры, убитой изъ своихъ рукъ. Для этого онъ отправился въ горы верстъ за сто отъ Пекина. Прошелъ день, другой и третій; князь не возвращался. Наконецъ на шестой день осьмой луны 1837 года, къ царицѣ, оплакивавшей отсутствіе жениха, явился секретарь князя въ сопровожденіи многихъ служителей. Всѣ были въ глубокомъ траурѣ. «Я принесъ вамъ плачев-

ную вѣсть, сказалъ вѣрный слуга: князь, смертельно раненный пантерой, умеръ. Последнею мыслью его были вы. Онъ приказалъ намъ убить жестокаго звѣря и принести вамъ шкуру на память о женихѣ. Онъ дожидается васъ въ обители духовъ».

Получивъ эту вѣсть, царевна пролила много слезъ. Съ этого дня изнуряемая скорбію она начала увядать; глаза ея потускли, щеки поблѣдѣли. Встревоженный и печальный «Да здравствуетъ десять тысячъ лѣтъ» напрасно старался ее утѣшить. Онъ удвоилъ попеченія и нѣжность, но болѣзнь продолжала свой грозный ходъ. Тогда онъ призвалъ къ ней своего врача, знаменитаго Дзя-люя, величайшаго изъ мудрецовъ Поднебеснаго Государства. Дзя-люй подтвердилъ, что царевна дѣйствительно больна и состряпалъ микстуру, которую предписалъ принимать ежедневно въ довольно большомъ количествѣ; но несмотря на постоянное употребленіе этого лекарства, на попеченія и нѣжности отца, черезъ три года, въ седьмой день четвертой луны, ровно въ полдень, царевна «Ночная-слеза» улетѣла въ царство духовъ.

Невыразима и неописанна была скорбь «Сына Неба». Впродолженіи трехъ мѣсяцевъ онъ оставался въ своемъ дворцѣ невидимкою; выбрилъ себѣ голову и голо, обрѣзалъ усы и не отходилъ отъ гроба возлюбленной дочери. По городу разнесся слухъ, будто царевна была отравлена. Этотъ слухъ достигъ до ушей опечаленнаго «Да здравствуетъ десять тысячъ лѣтъ» и онъ, призвавъ врача, который три года лечилъ «Ночную-слезу» своею микстурой, сказалъ:

— О ты, котораго я удостоилъ моею довѣренности! тебя обвиняютъ въ погубленіи моею возлюбленной дочери. Ты три года морилъ ее отравленнымъ питьемъ. Ты разрушилъ мои надежды, уничтожилъ мое счастіе. Чѣмъ могу я достойно наказать тебя за все это?

— Я невиненъ, возразилъ врачъ: клянусь тѣбѣ свѣтлѣйшаго твоего родителя Дзя-дяня. Питье было цѣлительное и только не вредило, но преданно существовавшимъ Ночной-слезы, которую всѣ мы облакиваемъ.

— Если такъ, сказалъ «Да здравствуетъ десять тысячъ лѣтъ», то да будетъ раскрыта истина. Ты на самомъ себѣ

испытываешь цѣлительное свойство этой микстуры и, если не отравишься ею втеченіи трехъ лѣтъ, я возвращу тебѣ мое довѣріе.

Впродолженіи трехъ лѣтъ сряду врачъ Дзя-люй оставался въ-заперти въ своей спальнѣ и каждое утро приходилъ къ нему два мандарина, подчивать его тою же самою микстурой, которою онъ лечилъ И-хань. Микстура ни сколько не повредила здоровью врача, такъ, что въ исходѣ 1842 года «Да здравствуетъ десять тысячъ лѣтъ» снова почтилъ довѣріемъ мудреца, который выдержалъ такое блистательное испытаніе, и въ то же время возвратилъ ему прежнюю должность и прежнее жалованье.

ФРАНЦУЗСКІЙ ТЕАТРЪ ВЪ ПАРИЖѢ. 1. *Héli*, библейская трагедія въ пяти актахъ, въ стихахъ, господина *Bisquier-Aldée*.

Не имѣя этой трагедіи подъ руками, мы не можемъ дать объ ней удовлетворительнаго отчета. Мнѣнія французскихъ критиковъ на этотъ разъ почти совершенно противоположны, а это всегда доказываетъ, что въ самой вещи *что-нибудь да есть*. Она не имѣла успѣху на театрѣ «Одеонъ», но этимъ вопросъ не всегда рѣшается окончательно. Авторъ, говорятъ, человекъ съ большимъ талантомъ. Піеса написана хорошими стихами, что и мы можемъ подтвердить, судя отрывкамъ. Подождемъ.

2. *Le Tisserand de Ségovie*, *Сеговійскій ткачъ*, драма въ трехъ актахъ, въ стихахъ, господина *Ипполита Луеа*.

Ночь. Голосъ за кулисами кричитъ: «Помогите! воры! бьютъ! рѣжутъ!» и это производитъ на васъ самое пріятное впечатлѣніе, потому что слышать подобные крики почти такъ же пріятно какъ самому, въ глухую ночь, попасться въ руки отчаянныхъ головорѣзовъ. Мы даже предпочитаемъ верное. Впрочемъ о вкусахъ не спорятъ.— Два человека, вооруженные съ ногъ до головы, или наоборотъ, бѣгутъ черезъ сцену; ихъ преслѣдуютъ; они исчезаютъ въ темнотѣ. Сваслись. Только одинъ изъ нихъ въ-горюхахъ теряетъ книжечку и письмо съ надписью къ маркизу Палуэсу, отцу графа Юліана. Если это письмо будетъ представлено королю кастильскому, Альфонсу - Храброму, сеньоръ Па-

лузсъ погибъ и сынъ его то же. Вотъ почему Юліанъ выпрашиваетъ у дона Бельтрама, дворцоваго комменданта, не книжалъ и не самое письмо, а только конвертъ съ отличительною надписью, и коммендантъ, простофили, отдаетъ, а Юліанъ кладетъ конвертъ въ ротъ, — и проглатываетъ не жевавши; потомъ тутъ же перемѣняетъ роль, и съ приличнымъ выраженіемъ негодованія, обвиняетъ самого дона Бельтрама въ покушеніи на жизнь короля Альфонса. Доказательство:—Извольте обыскать комменданта. — Увы! у несчастнаго дѣйствительно находятъ доказательства, книжалъ и письмо безъ имени, безъ адресу. Этого довольно, чтобы осудить и казнить смертію почтеннаго старика тутъ же, тотчасъ. Храбрый Альфонсъ по первому подозрѣнію безъ суда и слѣдствія приступаетъ къ расправѣ и казнить человѣка, который вѣрою и правдой служилъ ему цѣлую жизнь, вассала, который сейчасъ только загордился отъ книжала своєю грудью. И такъ, комменданта ведутъ на казнь. Въ эту минуту является сынъ его, Фернандо. Это Сидъ, или около того. Онъ возвращается изъ походу, украшенный славою, сіяющій торжествомъ, и рассказываетъ о своихъ блистательныхъ подвигахъ, — точь-въ-точь Сидъ: то же сраженіе, та же храбрость, тѣ же военныя хитрости. Словомъ, Кастилія еще разъ освобождена. Вдругъ рассказъ война прерывается звукомъ топора. Это голова его отца упала съ плахи. Альфонсъ-Храбрый велитъ схватить Сиду втораго и, за подвиги во славу отечества, посадить въ подземную темницу на голодную смерть подлѣ открытаго гроба. Но онъ не успѣваетъ умереть: другъ и товарищъ его по оружію, донъ Гасеранъ, проламываетъ стѣну темницы и спасаетъ его. Донъ Фернандъ скрывается въ Сеговіи подъ видомъ ткача. Онъ въ самомъ дѣлѣ выучился ткать и самый проникательный глазъ не открылъ бы побѣдителя Мавровъ подъ скромною наружностью сеговійскаго ремесленника. Однако жъ инфанта Теодора, влюбленная въ героя, проникательнѣе насъ съ вами. Она, перерядившись мѣщанкою, приходитъ навѣщать его. Сидъ второй тоже любитъ Химену-Теодору, но, несмотря на всѣ ея допросы и любопытство, сохраняетъ свою тайну:

ему нужно отомстить за два преступленія, — во-первыхъ, за погибель невиннаго отца; во-вторыхъ, за позоръ сестры, обезчещенной донъ Юліаномъ безъ предварительнаго дозволенія. Слушая подъ окномъ напѣваемыи вдали романсъ про свои подвиги, славу и несчастія, Фернадъ чуть-чуть не измѣняетъ себѣ, но, къ счастью, новая встрѣча во-время останавливаетъ опасное признаніе, готовое вырваться. Графъ Юліанъ видѣлъ, что какая-то хорошепская дѣвушка вошла въ домъ ткача, и бросается прямо въ львиную пасть. Теодора притворяется будто благосклонно слушаетъ нѣжныя изъясненія графа Юліана, въ искусной сценѣ обольщенія отбираетъ у него шпагу и предастъ безоружнаго въ руки мстителя. Прибѣгаетъ толпа ткачей съ факелами и донъ Фернандо принуждаетъ Юліана подписать свадебный контрактъ съ доньей Анной Бельтрамъ, потомъ возвращаетъ ему шпагу. Начинается дуэль при свѣтѣ факеловъ. Запавѣсь втораго акта опускается. Донъ Гасеранъ обѣщаль жениться на вдовѣ Юліана Палуэса. Съ начала третьяго акта Альфонсъ-Храбрый вознмѣлъ подозрѣнія противъ маркиза Палуэса. Маркизь въ самомъ дѣлѣ намѣренъ открыть Маврамъ ворота Сеговіи. Донъ Юліанъ, который какъ-то вырвался изъ рукъ мстителя, открыто отложился и худо было бы Альфонсу Храброму, если бъ донъ Фернадъ съ ткачами не прогналъ враговъ и не схватилъ измѣнниковъ. Маркизь и сынъ его наказываются по заслугамъ; донъ Фернандо благополучно женится, на комъ слѣдуетъ.

Драма имѣла успѣхъ, хотя содержитъ въ себѣ много вздору, какъ благосклонный читатель изволитъ усмотрѣть изъ нашего разсказа, сокращеннаго, но правдиваго.

3. *Les Orphelines d'Anvers, Антверпенскія сиротки*, мелодрама въ шести актахъ, господина Bouchardy.

Актъ первый. Шумъ, говоръ, крикъ, стукотня, пальба. — Хорошо! — На сценѣ хѣрчевня и пьяницы, за сценою война Голландцевъ съ Испанцами. — Очень хорошо! — Проходятъ двѣ трепещущія сиротки, которыхъ все имущество заключается въ пустой сумкѣ. — Чрезвычайно трогательно! — Актъ второй. Злодѣй Бертольдъ утопилъ одну сиротку, Марію, отнявъ у нея сумку. Другая сиротка,

Жанна, воротилась одна въ свою бѣдную хижину, въ Амстердамѣ, гдѣ и живетъ въ усидненіи, часто воспоминаетъ о Маріи, еще чаще думаетъ о нѣкомъ Жоржѣ, за котораго готовится выйти замужъ. Является злодѣй Бертольдъ. Недовольный тѣмъ, что утопилъ Марію, онъ хочетъ жениться на Жаннѣ, потому что герцогъ Вильгельмъ Нассаускій, освободивъ Голландію отъ ига испанскаго, объявилъ при звукѣ трубномъ: «Я потерялъ дочь мою, принцессу Нассаускую! Отыщите ее и возвратите мнѣ!» Одинъ только Бертольдъ знаетъ, гдѣ найти принцессу: это Жанна, Антверпенская Сиротка. Въ первомъ актѣ Марія послала сумку Жаннѣ; Бертольдъ убилъ Марію, чтобы овладѣть этимъ талисманомъ и теперь женится на Жаннѣ, чтобы потомъ предстать съ нею передъ герцога. Жоржа онъ увѣрилъ, будто Жанна ему сестра и тотъ самъ, боясь грѣха, торопится выдать мнимую сестру замужъ. Но только-что женившись, Бертольдъ открываетъ, что дочь герцога собственно не Жанна, а Марія! Что теперь дѣлать съ Жанною? Что съ нею сдѣлаетъ такой страшный злодѣй? Съ ужасомъ спрашиваютъ себя зрители при паденіи занавѣса.—Актъ третій. Если вы думаете, что Марія въ самомъ дѣлѣ умерла, то вы очень мало знаете мосьё Бушардъ: онъ покраснѣлъ бы отъ стыда, если бѣ вырылъ яму только для того, чтобы тотчасъ же засыпать ее. Ему нужно только, чтобы край пропасти былъ какъ-можно круче, чтобы опасность была самая страшная, самая немнучая. Упавши въ воду, Марія ослѣпла, но мало-по-мало зрѣніе ея возвращается. Тутъ Бертольдъ, въ восхищеніи, что она еще жива и въ особенности оттого, что слѣпа, увивается около слѣпой сиротки, медовыиъ голосомъ напѣваетъ ей: будь, душенька, моею женою; я человѣкъ честный; ты будешь счастлива. Марія слушаетъ добраго человѣка и изподтишка открываетъ одинъ глазокъ, чтобы посмотреть, каковъ собой молодецъ. О, удивленіе! о ужась! это—злодѣй, ея убійца! похититель сумки! Тутъ она какъ-разъ догадывается, зачѣмъ онъ хотѣлъ убить ее и зачѣмъ теперь обольщаетъ: или она или сестра ея, Жанна, должна быть дочь герцога Нассаускаго. Впрочемъ какъ и не угадать вещь такую простую! Марія идетъ тотчасъ же

отъскрываетъ Жанну. — Актъ невѣрный. Жанна кладетъ въ хижинѣ, да только безъ сердца; Бертольдъ не далъ ей сердца: онъ даже не мужъ ей, — онъ только обманываетъ. А хижина самая дрянная, какую только можно вообразить: изъ щелей дуетъ; сквозъ крышу дождь пробивается. Бѣсъ нечего; даже хлѣба нѣтъ, а станеть жаловаться, мужъ бьетъ. Все это Бертольдъ дѣлаетъ съ благимъ намѣреніемъ довести Жанну до отчаянія и самоубійства. Чтобы помочь въ случаѣ нужды и чтобы отчаянная минута не даромъ прошла, онъ какъ-будто нечаянно кладетъ на виду мышьяку въ порошокъ. Она скватитъ, съѣстъ, и бѣста..... Стукъ! стукъ!.... Что такое?... Входитъ слѣпая Марія. О, удивленіе! думаетъ про себя Бертольдъ; что это значить? ужъ не открыла ли она моихъ проѣлокъ? Въ самомъ ли дѣлѣ она слѣпая? Бертольдъ беретъ ружье, прицѣливается въ Марію. Если она дрогнетъ или моргнетъ, она погибла. Но Марія себя на умъ: не моргаетъ, — сухая слѣпая. Между-тѣмъ она услыла однако жъ примѣтить приготовленный мышьякъ и рассказываетъ Бертольду, что дочь герцога — Жанна, а не Марія, а доказательство: сумка-калсманъ принадлежитъ Жаннѣ. Бертольдъ бросаетъ мышьякъ въ чорту и уводитъ Марію. Воротившись, счастливый и веселый, оттого что всё-таки въ правду женатъ на принцессѣ, онъ находитъ на столѣ записку, въ которой съ нимъ прощается умирающая Жанна. Опять-таки онъ не попался въ ролгованники къ герцогу! Очень эффектно. — Актъ пятый. Въ одной изъ гостиницъ города Монса является новый козакъ, — существо съ ногъ до головы облеченное въ тайну. Онъ на свой собственный счетъ откупилъ всѣ гостиницы въ городѣ, чтобы пріѣзжіе, которыхъ ждеть, ни комъ образомъ не могли именоваться угоненіа. Пріѣзжаютъ герцогъ Оранскій и Марія. Герцогъ съ перваго взгляду узналъ въ Марію свою потерянную дочь. Придушивъ немножко въ отцовскихъ объятіяхъ, онъ увозитъ ее въ свой дворецъ. Только они уѣхали, пріѣзжаютъ Жоржъ и Жанна. Жанна узнаетъ, что Жоржъ вовсе не братъ ей, а Жоржъ въ свою очередь узнаетъ, что толстый господинъ, наряженный трактирщикомъ, вовсе не трактирщикъ, а отецъ его, майоръ фонъ-

Рейтеръ, безвинно осужденный какъ извѣнникъ и убійца. Они цѣлуются и обнимаются, Наконецъ является разбойникъ Бертольдъ и видитъ, въ углу, у каминна, одного изъ своихъ товарищей и соумышленниковъ, такого же злодѣя, Давиела. Они узнаютъ другъ друга, но не цѣлуются. Наконецъ Бертольдъ узнаетъ свою жену, радуется, что она не умерла и спѣшитъ отправиться съ нею ко двору принца Оранскаго. Ну, теперь берегитесь! Подкопы всѣ сдѣланы, пороху навалено пропастъ, фитили давно уже курятся. Вотъ, сейчасъ хлопнетъ..... Актъ шестой. Герцогъ Вильгельмъ уже торжественно и оффиціально призналъ Марію своею дочерью. Но вотъ приводить Жанну. — О, удивленіе! восклицаетъ герцогъ: которая же изъ двухъ моя дочь? Обѣ онѣ похожи другъ на дружку какъ двѣ капли воды. — Обѣ ваши! отвѣчаетъ толстый басъ въ камзолѣ трактирщика: я не то, что вы думаете, я — майоръ фонъ-Рейтеръ, котораго подозрѣваютъ въ убійствѣ герцогини, то есть, въ злодѣяніи, которое совершилъ Бертольдъ. А вотъ и доказательство: собственноручная записка герцогини, которую я нашелъ въ одномъ домѣ въ Монствъ. — Доказывается, что фонъ-Рейтеръ не только не отравитель, но еще избавитель. Опъ спасъ сперва одну дочку герцога, а потомъ и другую. Герцогъ Вильгельмъ въ восторгѣ, другіе тоже, кромѣ, разумѣется, Бертольда, который повѣся носъ идетъ получить заслуженную награду. Майоръ фонъ-Рейтеръ восстанавливается въ чинахъ, правахъ и владѣніяхъ; Жоржъ фонъ-Рейтеръ отправляется куда-то по-сломъ, а по возвращеніи женится на Жаннѣ, которая осталась невинною, тѣлесно и душевно, и которой бракъ не дѣйствителенъ, потому что осужденный на каторгу умеръ гражданскою смертію, а умершій гражданскою смертію, говоритъ римское право, есть живой трупъ, *cadaver vivum habetur*.

Кромѣ еще одной, менѣе длинной, но не менѣе скучной мелодрамы и нѣсколькихъ водевилей, болѣе или менѣе назидательныхъ, нѣтъ ничего примѣчательнаго.

НОВАЯ ФРАНЦУЗСКАЯ КНИЖКА.

(Книжки на сентябрь.)

ДѢТСКІЯ.

- LA MORALE MERVEILLEUSE**, contes de tous les temps et de tous les pays, par Chustian. Un beau vol., gr. in-8., illustré, Paris, 1844 (2 r. 80 c.).
- DES LASSEMENTS**, des jolis enfans, dessins par T. Johannot, etc. etc., 10 lithographies avec un texte instructif et amusant, in-4., Paris, 1844 (1 r. 15 c.).
- PROMENADE EN FRANCE**, par Dumont. Un vol., in-8., orné de fig. coloriées, Paris, 1844, cart. (2 r. 80 c.).
- LE LIVRE DES ENFANTS bien sages**. Un vol., in-12., orné de fig. Paris, 1844 (85 c.).
- HISTOIRE DE DON QUICHOTTE**, racontée à la jeunesse. Un vol., in-12., orné de fig. Paris, 1844 (85 c.).
- BON JOUR ET BON SOIR**. Contes pour les enfans, par Hostein. Un vol., in-18., orné de fig. coloriées, Paris, 1844 cart. (1 r. 70 c.).
- MA JEUNESSE**, récits d'une mère à ses enfans, par Hostein. Un vol., in-8., avec 9 figures coloriées et plusieurs noires dans le texte. Paris, 1844, cart. (2 r. 80 c.).
- LES ENFANTS CHEZ TOUS LES PEUPLES**, ou La famille de l'Armateur, par Sallet. Un beau vol., in-8., orné de 20 planches coloriées. Paris, 1844 cartonné (4 r.).
- LES QUATRES SAISONS**, ou Les fêtes des enfans, par Sallet. Un vol., in-8., orné de figures coloriées. Paris, 1844, cart. (2 r. 60 c.).
- LES DEUX MIROIRS**, contes pour tous, par Schmidt; illustrations par Gavarni, etc. Un vol. gr. in-8., Paris, 1844, cartonné, doré sur tranche (4 r. 55 c.).
- PANORAMA DES PEUPLES**, lectures illustrées, nouvelles et contes historiques. Un vol., in-8., orné de 17 lithographies. Paris, 1844, cartonné (2 r. 80 c.).
- SCÈNES DE LA VIE D'HOMMES CÉLÈBRES**, par une société de gens de lettres, sous la direction de M. Charles-Malo. Un vol., in-8., illustré de 12 vignettes. Paris, 1844, (2 r. 55 c.).
- LE GÉNIE DES ARTS**. Education morale et religieuse, nouvelles, histoires, contes, où figurent les hommes célèbres dans les arts, par A. Vanauld. Un vol., in-8., orné de 16 planches lithographiées, Paris, 1844 (3 r. 80 c.).
- L'ERMITE DE ROSE-AUX-BOIS**, récréations de l'enfance; histoires et contes recueillis, par M-me Julie des Aulnes. Un vol., in-12., orné de 16 figur. Paris, 1844, cartonné (1 r. 43 c.).
- LE MAGASIN DES ENFANTS**, par la princesse de Beaumont, revu par Ortaire Fournier. Un vol., in-12., orné de figures, Paris, 1844 cartonné (1 r. 70 c.).

L'HIVER AU COIN DU FEU, ou les soirées de la Villa, ouvrage dédié à la Jeunesse de deux sexes, par Champagnac. Un vol., gr. in-8., illustré de 30 dessins, Paris, 1844, (3 r.).

BLANCHE DE QUELEN, ou l'Héroïne Chretienne, épisode des Croisades, par l'Abbé de Montigny. Un vol., in-8., orné de figures, Paris, 1845 (1 r. 15 c.).

HISTOIRE DE LÉON X, par M. Audin, 2 vol. in-8., Paris, 1844 (4 r.).

LE SIÈCLE DE NAPOLÉON, galerie des Illustrations de l'Empire, guerriers, diplomates, écrivains etc. etc., portraits en pied, lithographiés à deux teintes et coloriés (l'ouvrage aura 100 livraisons) (28 c.).

DE LA POLITIQUE ET DU COMMERCE DES PEUPLES DE L'ANTIQUITÉ, par Heeren, trad. de l'allemand, tome 7, et dernier, in-8., Paris, 1844 (2 r.).

(Всѣ эти книги можно получить въ магазинѣ Я. А. Исакова, комиссіонера Библиотеки Гвардейскаго Корпуса, въ С.-Петербургѣ, въ Гостиномъ Дворѣ, № 22.)

Желющіе возобновить подписку на журналъ, благоволятъ дати свѣдѣ объ этомъ въ магазинѣ Я. А. Исакова заблаговременно.

=

МУЗЫКАЛЬНЫЯ ИЗВѢСТІЯ. *Важное открытіе.* Въ Петербургѣ, который такъ страстенъ къ музыкѣ, къ иѣнѣ, къ гармоническимъ наслажденіямъ, не было до-сихъ-пора музыкальнаго журнала. Не далѣе какъ съ нынѣшняго года содѣржатель извѣстнаго музыкальнаго магазина, господинъ Бернадъ, началъ прилагать къ своему «Нувеллисту», ежемѣсячному собранію новѣйшихъ музыкальныхъ пѣсь, «Литературное Прибавленіе». Мы долго не знали этого «Прибавленія», и, негодуя на нерадѣніе нашего музыкальствующаго народу, который не можетъ собраться съ силами, чтобы основать у себя мѣстный музыкальный журналъ, вещь первой необходимости для всякаго дилеттанта, были принуждены читать лейпцигскіе и варшавскіе этого роду листки, пустѣе которыхъ ничего нѣтъ на свѣтѣ, послѣ органныхъ трубъ. Наконецъ случай доставилъ намъ въ послѣднее время полное собраніе «Литературнаго Прибавленія къ Нувеллисту», отъ начала года. Вообразите не-сказанное удивленіе наше: да вѣдь это — очень хорошій, очень полный, разнообразный музыкальный журналъ! Тутъ находятся всѣ нужныя извѣстія, — о знаменитѣйшихъ артистахъ, — о томъ, что они производятъ хорошаго, — гдѣ находятся, — чѣмъ занимаются; о мѣстныхъ музыкаль-

ныхъ событіяхъ; о концертахъ; объ италіанской оперѣ; критическіе разборы новыхъ оперъ и примѣчательнѣйшихъ піесъ; біографіи музыкантовъ; анекдоты; сплетни, словомъ все нужное для истиннаго любителя музыки: даже обстоятельное указаніе на мѣста, которыя въ представляемыхъ италіанскихъ операхъ нужно слушать съ особенною важною, гдѣ надо аплодировать что есть мочи, гдѣ приходитъ въ тихій восторгъ, гдѣ многогласа, съ глубокомысліемъ, восклицать про себя—*bravo*. Да вѣдь это настоящій кладъ! Такой благодѣтельный журналъ надо всегда носить въ карманѣ. Онъ рѣшительно зашибляетъ вкусъ и уши, которые не всякому даются вѣдетъ со страстью къ вокальной и инструментальной музыкѣ. «Прибавленія» господина Бернарда печатаются очень убористо и заключаютъ въ себѣ большое содержаніе, множество предметовъ, заслуживающихъ любопытства и, вообще, хорошо излагаемыхъ. Да прибавляетъ у него подписчики за эти «Прибавленія къ Нувеллисту»!... который и самъ по себѣ—весьма полезный нотный журналъ, состоящій изъ выбору новыхъ піесъ для фортепіано, вообще ветрудныхъ. «Нувеллисту», стоящій въ годъ не болѣе десяти рублей серебромъ, представляетъ въ своихъ двѣнадцати мѣсячныхъ тетрадяхъ болѣе трехъ сотъ страницъ музыкальных сочиненій, что, по принятой въ нашихъ магазинахъ цѣнѣ, —долтвну ассигнаціями со страницы, — составило бы въ годъ полтора ста рублей, если бъ пришлось покупать каждую піесу отдѣльно. А тутъ еще и «Прибавленія»!... Жаль только, что оны не еженедѣльные. Издатель, въ программѣ своей, говоритъ, что онъ «для достоинства и изящества своего изданія не пощадитъ ни трудовъ ни издержекъ»: такъ немзя ли ужъ издавать «Прибавленія» почаще?....

НОВЫЯ МУЗЫКАЛЬНЫЯ

сочиненія.

(Цѣны на серебро.)

Италіанскія оперы для фортепіано, безъ пѣнія.

BELLINI. J. Montechi ed I Capuleti (3 r.).

— Norma (3 r.).

- Il Pirato (3 r.).
- Sonnambula (3 r.).
- Donizetti.** Anna Bolena (4 r.).
- L'Elisir d'amore (3 r.).
- Lucia di Lammermoor (3 r.).
- Mozart.** Don Giovanni (2 r. 85 r.).
- Rossini.** Il Barbiere di Seviglia (2 r.).
- Cenerentola (3 r.).
- La Gazza ladra (2 r. c.).
- Otello (2 r. 85 c.).

Оперы съ четыре руки.

- Bellini.** Norma (5 r. 15 c.).
- Sonnambula (5 r. 15 c.).
- Donizetti.** Lucia di Lammermoor (5 r. 15 c.).
- Mozart.** Don Giovanni (5 r. 72 c.).
- Rossini.** Il Barbiere di Seviglia (5 r. 15 c.).

Итальянскія оперы для амма.

- Bellini.** Norma, paroles italiennes et allemandes (4 r. 29 c.).
- La Straniera, idem (4 r. 29 c.).
- Donizetti.** L'Elisir d'amore (4 r. 29 c.).
- Lucia di Lammermoor, od. (4 r. 29 c.).
- Lucrezia Borgia, idem (4 r. 29 c.).
- Bellini.** Sonnambula, paroles italiennes (4 r. 29 c.).
- Rossini.** Il Barbiere di Seviglia, paroles italiennes et allemandes (4 r. 29 c.).
- Otello, idem (4 r. 29 c.).
- Semiramide, idem (8 r.).

(Въ музыкальномъ магазинѣ Бергера, на Невскомъ Проспектѣ, на углу Большой Морской, въ домѣ Чаплиныхъ.)

Въ томъ же магазинѣ принимается подписка на музыкальный журналъ «Музелистъ», или собраніе лучшихъ новѣйшихъ пьесъ для фортепiano съ «Литературнымъ прибавленіемъ», заключающимъ въ себѣ музыкальныя новости, извѣстія, критики, біографіи, и проч. Подписная цѣна, за двѣнадцать книжекъ въ годъ, 10 рублей серебромъ, а съ доставкою 10 рублей 50 копѣекъ.

МОДЫ.

Уборки платьевъ теперь чрезвычайно разнообразны и аграмантными украшения, самыя затѣйливыя, опять начинаютъ быть въ большомъ уваженіи. Поэтому случаю, вотъ описанія двухъ очень милыхъ, чудесно убранныхъ платьевъ:—Платье изъ пу-де-соа, двуличное, зеленое съ блѣдно-розовымъ отливомъ, убранный спереди аграмантомъ тѣхъ же цвѣтовъ, очень широкимъ внизу и уменьшающимся къ талии, гдѣ на гладкомъ закрытомъ корсажѣ онъ составляетъ отвороты, а сзади—воротничокъ. Такой аграмантъ долженъ быть сдѣланъ очень точно, по выкройкѣ платья. Рукава — гладкіе, убранные жокейчиками изъ цѣльнаго аграманту; такіе же обшлага, отвернутые сверху; отъ нихъ кружево спускается на кисть руки.—Платье хамелеоновое, оранжевое съ бѣлымъ и голубымъ отливомъ, убранный широкой почти до колѣнъ бахрамой изъ тонкаго шелку тѣхъ же цвѣтовъ; бахрама виситъ пышными кистями; толстый шелковый снурокъ, захватывая каждую изъ кистей, вьется цѣпочкой кругомъ всей юбки. Корсажъ—высокій, гладкій, убранный такой же бахрамой, узкой у шнипа и широкой на плечахъ. Эта же бахрама, спускаясь на гладкіе рукава, составляетъ ихъ украшеніе, а внизу они обшаты кружевомъ, падающимъ на кисть руки.

— Много платьевъ убираютъ чернымъ кружевомъ и бархатомъ. Въ этомъ родѣ:—Платье изъ синяго кашмиру, убранный пятью рядами узенькихъ черныхъ бархатныхъ лентъ, которыя спереди, къ кушаку, поднимаются кругло передникомъ и сходятся всѣ десять; корсажъ — высокий, гладкій, убранный отъ плечъ къ шнипу такими же ленточками, которыя сходятся съ нашитыми на юбкѣ; рукава — гладкіе, убранные жокейчиками, обшитыми въ два ряда бархатною ленточкой, а на обшлагахъ въ одинъ рядъ; кружево спускается на кисть руки. — Платье изъ пу-де-соа стального цвѣту, убрано впереди чернымъ бархатомъ, нашитымъ въ родѣ отворотовъ, каждый внизу шириною въ четверть аршина и на такомъ же одинъ отъ другаго

разстояніи; на серединѣ — бантъ, изъ чернаго бархату, подымаясь, по-немного уменьшаются; корсажъ — совсѣмъ высокій, гладкій, убранный отъ шнипа къ плечамъ бархатными отворотами, а всерединѣ отворотовъ такими же бархатными бантиками; рукава — гладкіе, убранные бархатнымъ біе, и бархатные браслеты; кружево идетъ на кисть руки. — Платье изъ пу-де-соа, зеленого моарё: корсажъ — высокій, гладкій, изъ темно-зеленаго неразрѣзнаго бархату; пелеринъ — острый сзади, впереди съ длинными и широкими концами; рукава — à la religieuse, съ бархатными отворотами; нижніе рукава — кисейные, обшитые кружевомъ. — Платье изъ синяго моарё, юбка безъ уборки; корсажъ — вырѣзной, убранный бертою, обшитою кругомъ широкимъ чернымъ кружевомъ; рукава — восточные, до локтя разрѣзанные и соснурованные, обшитые чернымъ кружевомъ, нижніе рукава и маншкка — кисейные, обшитые кружевомъ. — Платье изъ италіанской тафты, фіолетовое съ черными клѣтками: двѣ трети юбки — прямые, третья верхняя часть скроена вкось, en biais; прямыя полотнища отъ косыхъ отдѣлены нашитымъ буфомъ изъ той же матеріи, шириною въ полтора вершка; рукава гладкіе, выкроенные изъ прямаго; жокейчики — вкось и обшиты узенькимъ буфомъ; корсажъ — высокій, гладкій, со шнипомъ, выкроенъ весь изъ косыхъ кусковъ и убранъ сзади маленькимъ воротничкомъ, а впереди — отворотами, соединенными на груди: тутъ клѣтки опять идутъ прямо, и все обшито узенькимъ буфомъ. Такая уборка способна только для клѣтчатыхъ матерій, и видъ въ цѣломъ необыкновенно милъ.

— Платья, убранные двумя и тремя широкими оборками, еще до-сихъ-поръ въ большомъ уваженіи; на шелковыхъ, оборки дѣлають съ высѣчкой или просто съ кантикомъ того же цвѣту и матеріи; на легкихъ цвѣтныхъ, по краямъ обшиваютъ или маленькимъ аграмантомъ или узенькой изъ тонкаго шелку бахрамой; на бѣлыхъ кисейныхъ платьяхъ оборки обшиваютъ или узенькимъ кружевомъ или рюшемъ.

==

ОГЛАВЛЕНІЕ ШЕСТЬДЕСЯТЬ-СЕДЬМАГО ТОМА.

I.

РУССКАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

Осенніе цвѣты. <i>И. Крешевъ</i>	81.
Воспоминаніе.....	—
Обманъ сердца. (Къ А. П. Н—ой.) <i>Вл. Б—жесъ</i>	82.
Элегія. <i>И. Крешевъ</i>	84

ПРОЗА.

Импровизаторъ. <i>Н. Кукольника</i>	5.
Быль не быль и не сказка. <i>Е. Гребенку</i>	57.
Фанариотъ <i>Е. Ковалевскаго</i>	81.

II.

ИНОСТРАННАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

Лондонскія Тайны. Романъ Франсиса Троллопа.....	
Часть первая.....	1.
Часть вторая.....	169.

III.

НАУКИ И ХУДОЖЕСТВА.

Походъ Наполеона въ Египеть. <i>Н. Полевая</i>	1.
Картезіанизмъ.....	67.

IV.

ПРОМЫШЛЕННОСТЬ И СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО.

Опытный взглядъ на сельское домоводство Россіи. Изъ экономическихъ записокъ барона Алек- сандра Бодэ.....	
Статья шестая.....	1.
Статья седьмая.....	15.

V.

КРИТИКА.

Краткая общая анатомія тѣла человѣческаго. <i>И. В. Бульскаго</i>	1.
Полное собраніе сочиненій Фонъ-Визина.....	53.

VI.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ЛѢТОПИСЬ.

Октябрь, 1844. Новыя книги и брошюры.....	1.
— — Разныя извѣстія.....	29.
Ноябрь, 1844. Новыя книги и брошюры.....	31.
— — Разныя извѣстія.....	37.

VII.

СМѢСЬ.

АСТРОНОМИЯ И ФИЗИКА

ОКТАБРЬ.

Речь президента Четырнадцатаго Съезду Английскихъ Ученыхъ, открывшагося въ Иоркѣ 25 сентября, 1844.—Лордъ Россъ.—Дальтонъ.—Белл.—Купферъ.....	1.
Первыя наблюденія, произведенныя въ колоссальный телескопъ лорда Росса.....	18.
Новый свѣтописный процессъ профессора Гонта. Энергіотипъ. Активно-химія.....	—
Настоящее строеніе основнаго волокнца животной шибры.....	20.
Парижская Академія Наукъ. Возможность выразить числами пропорцію чувствительности въ человѣкѣ и разныхъ животныхъ, вычисленія господина Буржри.....	21.
Берлинская Академія Наукъ. Микроскопическіе жители южнаго полюса. Изслѣдованія господина Эренберга.....	22.
Успѣхи воздуху, какъ двигательной силы, замѣняющей пары.....	24.
Быстрота ѣзды по желѣзнымъ дорогамъ въ Сѣверной Америкѣ. Необыкновенный путешественникъ.....	26.
Гальванометръ господина И. Бенедиктова.....	27.
Количество кофе собираемаго ежегодно на всей землѣ.....	28.
Количество и сила воды въ Ниагарскомъ водопадѣ..	29.
Французская Индія. Пондишеръ. Вильпуръ. Тревискаре. (Изъ извѣстій французскаго посольства въ Китай).....	30.
Фредерикъ Бароччи и Фіореско.....	35.
Новыя французскія книги.....	48.
Новыя музыкальныя сочиненія.....	50.
Моды.....	53.

Парижская Академія Наукъ. Новая теорія дыханія растений. Опыты господъ Шульца и Буссенго	57.
Опыты господъ Родіе и Бекреля надъ составомъ крови у мужчинъ и женщинъ, у здоровыхъ и у больныхъ.....	58.
Ископаемые люди.....	59.
Усыпленіе людей и животныхъ на неопредѣленное время	60.
Ядъ въ волскомъ чаѣ.....	—
Африканскій конвульсивный танецъ. Общія замѣчанія о началѣ и физиологическомъ назначеніи всѣхъ танцевъ.....	61.
Охота за неграми въ Кордосайѣ.....	63.
Адъютантъ мексиканскаго президента.....	75.
Мастерская китайскаго живописца.....	83.
Нѣсколько подробностей о семействѣ нынѣшняго китайскаго императора.....	88.
Французскій театръ въ Парижѣ.....	91.
Новыя французскія книги.....	67.
Музыкальныя извѣстія	98.
Новыя музыкальныя сочиненія.....	99.
Моды.....	101.

